21 214/191

801-04
1329

Ч 214/191

НАРОДЫ ЗЕМЛИ

Вып. IV.

Библ. Александра Николаевича
Виногра
б. Ерофеевка Лес
И 214/191
85
910
Н-298
801-04
1329

Народы Земли

Географическіе очерки жизни человѣка на землѣ

подъ редакціей

Александра Острогорскаго

ДИРЕКТОРА ТЕНИШЕВСКАГО УЧИЛИЩА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

Томъ II и III.

ИЗДАНІЕ
Т-ва „Обществ. Польза".
В. Подъяч., 39.

Типографія т-ва
„Общественная Польза".
Спб. Б. Подъяческая, 39.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В. И. ЛЕНИНА
15440-44

2011147046

Оглавленіе II-го тома.

Африка.

(Общій очеркъ).

(Сост. Н. Могилянскій).

стр.

Изъ исторіи изслѣдованія Африки. — Границы, пространство, очертанія. — Рельефъ и строеніе суши.— Климатъ.—Растительный и животный міръ. — Населеніе.—Бытъ семейный и общественный.—Промышленность и торговля. 1

Египетъ

(сост. Л. Купріянова).

Глава I. Географическій очеркъ.—Мѣстоположеніе Египта.—Дельта.—Приморскіе города. . . . 26

„ II. Столица Египта. — Каиръ и его окрестности. — Долина Нила. — Памятники древняго Египта. — Аравійская и ливійская пустыни; оазисы. 30

„ III. Климатъ, флора и фауна Египта. — Народонаселеніе: копты, феллахи, арабы, бедуины-кочевники и европейцы. 37

„ IV. Разливы Нила и ихъ происхожденіе.—Система орошенія.—Земледѣльческая культура и земледѣльческое производство.—Промышленность и торговля. 43

„ V. Исторія Египта съ начала XIX в.—Мегметъ-Али и его реформы.—Преемники Мегмета-Али.—Постройка суэцкаго канала.—Ибрагимъ-паша и финансовыя затрудненія Египта. . 47

„ VI. Національно-либеральное движеніе въ Египтѣ.—Араби-паша.—Оккупація Египта англійскими войсками. — Государственный строй современнаго Египта. — Господство Англіи и результаты ея управленія. 51

Алжиръ, Тунисъ и Марокко

(сост. О. Волькенштейнъ).

Строеніе страны.—Климатъ.—Кабилы (Берберы).—Арабы. 54

Сахара

(сост. Н. Березинъ).

Строеніе страны.—Климатъ.—Населеніе. — Туареги и Тиббу. 64

Абессинія

(сост. Н. Ильинъ).

Природа страны.—Населеніе, его составъ, прошлое, современный бытъ, религія и политическій строй. . 81

Тропическая Африка

(сост. Н. Березинъ).

стр.

Общій взглядъ на природу страны и разселеніе племенъ. 89

Суданъ

(сост. Н. Березинъ).

Природа Судана.—Западный, центральный и восточный Суданъ.—Главныя группы населенія: кочевники, населеніе городовъ, земледѣльцы.—Городъ Кука. — Туземное правительство. 93

Восточная Африка

(сост. И. Леонтьевъ).

Пространства восточной Африки.—Природа страны.—Общія условія разселенія племенъ и распространенія культуры.—Уахума и массаи, какъ типическія пастушескія племена.—Уганда.—Смѣшанныя племена водораздѣла Конго и Нила. 109

Центральная Африка

(сост. Н. Березинъ).

Лѣса въ бассейнѣ Конго. — Карликовыя племена лѣсной области. — Негры бассейна Замбези, Конго и Гвинейскаго побережья: общія особенности, занятія, оружіе, орудія и утварь, жилища, издѣлія.—Увеселенія: музыка и пляски, національные инструменты, барабанный языкъ.—Религіозныя вѣрованія: фетиши и вѣдьмы, колдуны и жрецы, Божій судъ. — Общественный и политическій строй: царства Муато Ямбо, обычаи при дворѣ Лукенго.—Лукокеша.—Обмѣнъ крови.—Канибализмъ. . . 126

Южная Африка

(сост. Н. Березинъ).

Глава I. Природа страны. — Дикіе звѣри. — Растительное царство. — Главныя области: Капландъ, Наталь, германская Южная Африка, португальская восточная Африка, бывшія Оранжевая республика и Трансвааль, Бечуана и владѣнія южно-африканской компаніи. 162

„ II. Чернокожее населеніе: бушмены, готтентоты и кафры. 169

„ III. Бѣлое населеніе Южной Африки: исторія заселенія и распространенія; взаимныя отношенія, договоры и войны.—Буры.—Африкандеры.—Уитлендеры. — Золотыя розсыпи и алмазныя копи.—Новые города и ихъ населеніе. 184

Населеніе Африканскихъ острововъ

(составилъ Б.). 196

Америка

(сост. Н. Березинъ).

Открытіе Америки. — Размѣры, очертанія и берега. — Рельефъ и геологическое прошлое. — Климатъ.— Растительный и животный міръ. — Населеніе. 205

Южная Америка

(сост. Н. Березинъ).

Аргентина, Чили, Уругвай и Парагвай. 249

Огнеземельцы и племя Она.—Бѣлые колонисты, овцеводство и добыча золота.—Пунта Аренасъ и другія поселенія. 250

Патагонцы. Аракуанцы. Индѣйцы Гранъ-Чако. 263

Бѣлые и Метисы. 293

Тропическая область Ю. Америки

стр.

(сост. Н. Березинъ). 316

Бразилія. Туземцы: распредѣленіе племенъ; Тапуя-гезъ; Тупи или гуарани; Ну-аруакъ; Караибы и другія племена. 317

Бѣлые и черные колонисты Бразиліи: Происхожденіе и прошлое колоніи. — Свободные и рабы.—Смѣшеніе расъ.—Характеръ бразильскихъ португальцевъ.—Бразильскіе города и селенія.—Домашняя обстановка. — Нѣмцы и итальянцы-колонисты. — Хербатеро и ихъ занятія. Куачеро.—Вакейро. — Бразилія, какъ государство. 340

Перу. Государство Инковъ.—Природа.—Общественныя отношенія, общее культурное состояніе и политическій строй.—Современное состояніе республики. (Сост. Сл—кій). 351

Боливія. Эквадоръ. Колумбія. (Сост. И. Ильинъ). 363

Венецуэла и Гвіана. Колонизація страны.—Цвѣтные жители.—Марроны.—Современное хозяйство. (Сост. Сл—кій). 372

Центральная Америка

(сост. Си—ни).

Общія замѣчанія.—Природа Центрально-американскаго перешейка.—Туземные обитатели.—Характеристика культурныхъ индѣйцевъ.—Промышленность и торговля. — Панамскій каналъ. — Республики и ихъ политическое состояніе. 378

Вестъ-Индія

(сост. Си—ни).

Природа вестъ-индскаго архипелага.—Туземные обитатели и ихъ быстрое исчезновеніе.—Колонизація бѣлыми и цвѣтными.—Развитіе колоніальнаго хозяйства. — Современное положеніе его. 387

Сѣверная Америка.

Мексика.

(Сл—кій).

Природа страны.—Происхожденіе и культурное состояніе государства ацтековъ.—Завоеваніе его испанцами.—Современная Мексика. 395

Индѣйцы Сѣверной Америки

(сост. Б.).

Разселеніе племенъ.—Физическія особенности.—Война и военные обычаи.—Воспитаніе воина.—Религіозные обряды мандановъ. — Земледѣльцы — обитатели пуеблосъ. — Калифорнійскія племена. — Туземцы сѣверо-западной Америки. 406

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты

(сост. И. Леонтьевъ).

Территорія штатовъ. Область сухихъ плоскогорій и горъ.—Страна великихъ озеръ.—Аппалачскія горы. — Низменность рѣки Миссисипи. 440

Населеніе штатовъ. Заселеніе страны въ прежнія и новыя времена.—Золотая горячка въ Калифорніи и Клондайкѣ.—Національный составъ населенія.—Классы бѣлаго населенія и ихъ бытъ.—Промышленность и города.—Земледѣліе.—Цвѣтные.—Политическій строй. 446

Канада

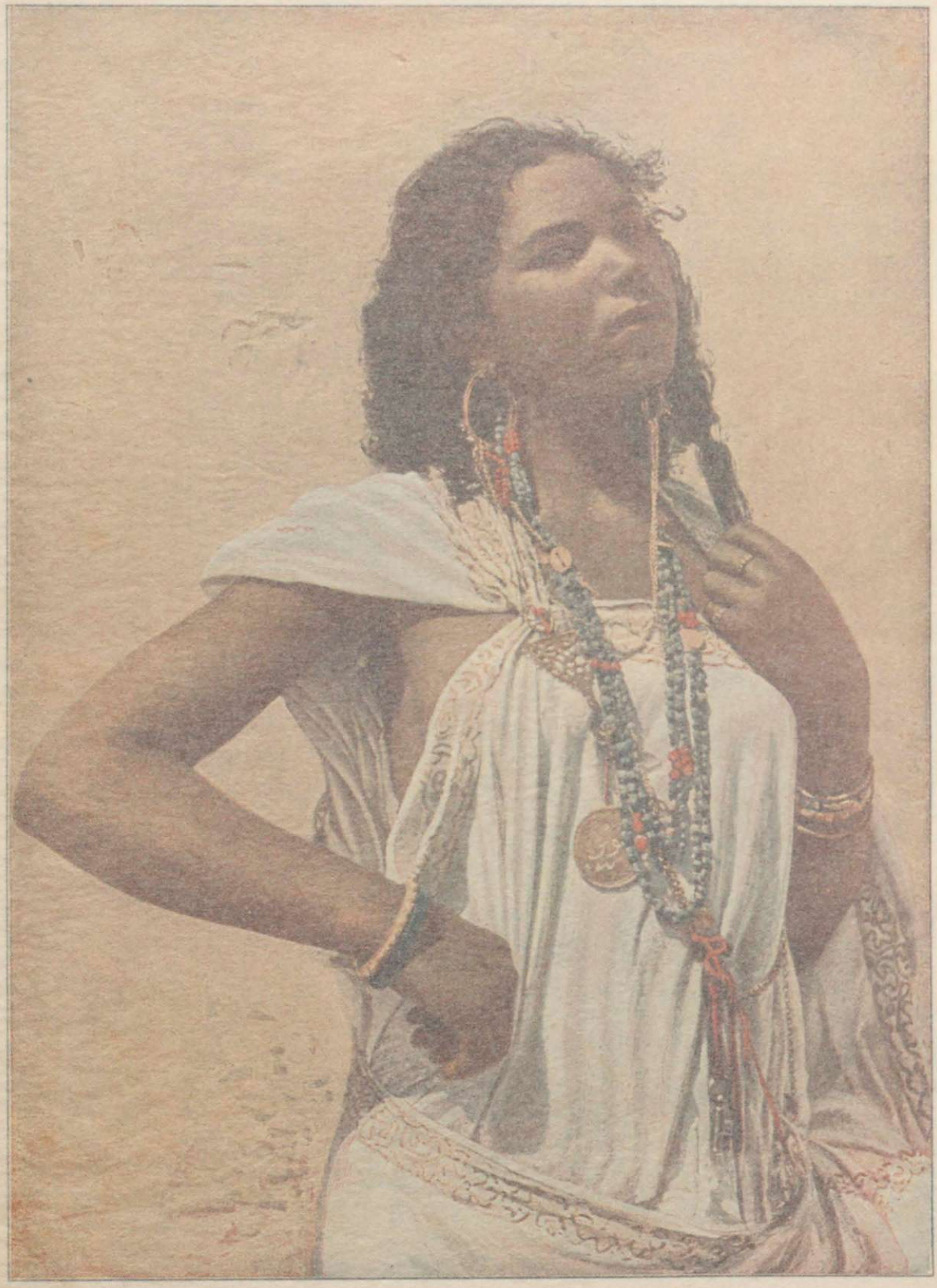
(сост. С—кій).

Бѣлое населеніе.—Экономическое состояніе страны.—Государственное устройство. 481

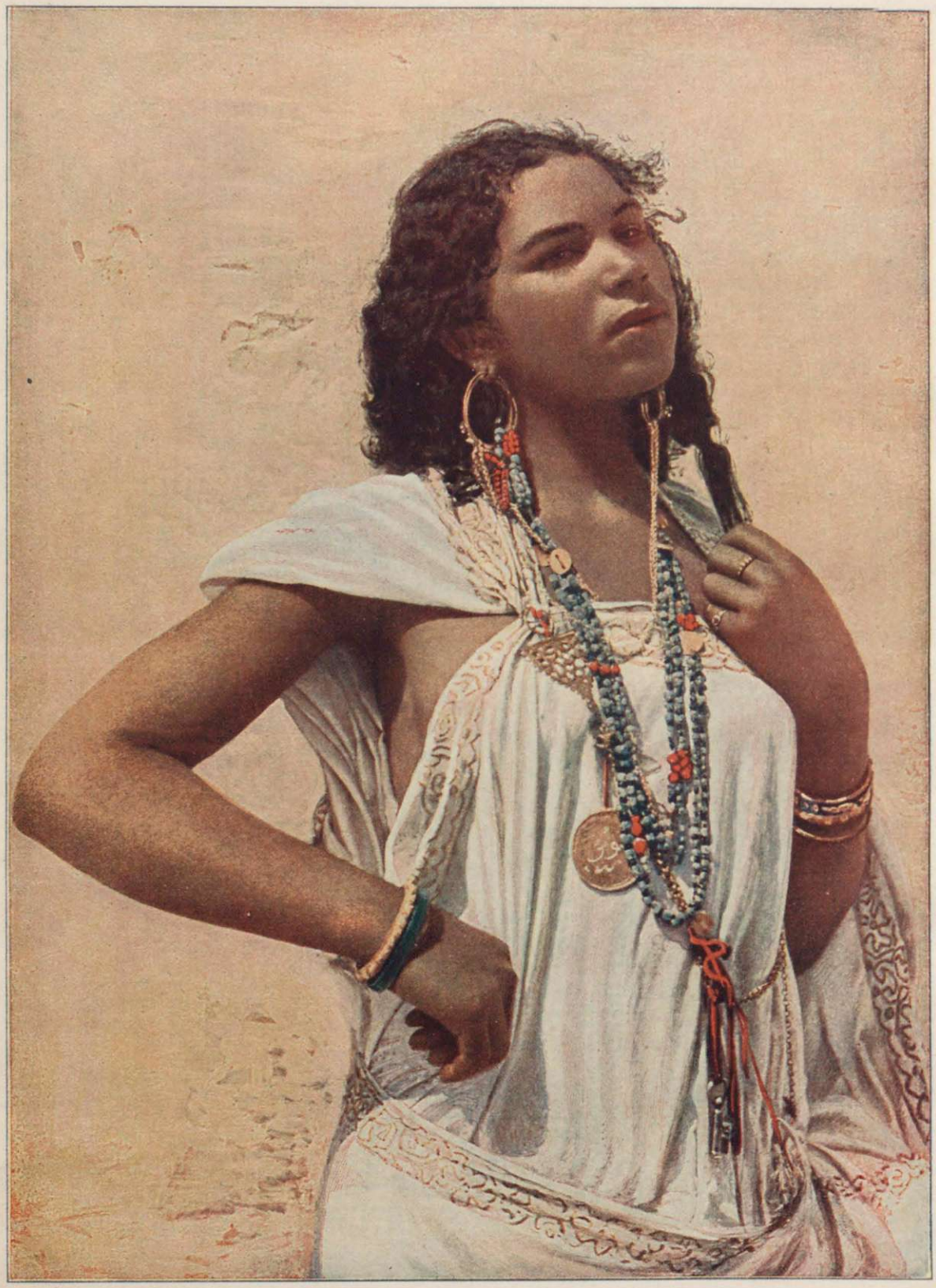
Гренландія

(сост. Н. Березинъ).

Природа полярныхъ странъ.—Внутренность Гренландіи.—Эскимосы.—Ихъ прошлое, образъ жизни, нравы и современное состояніе. 491



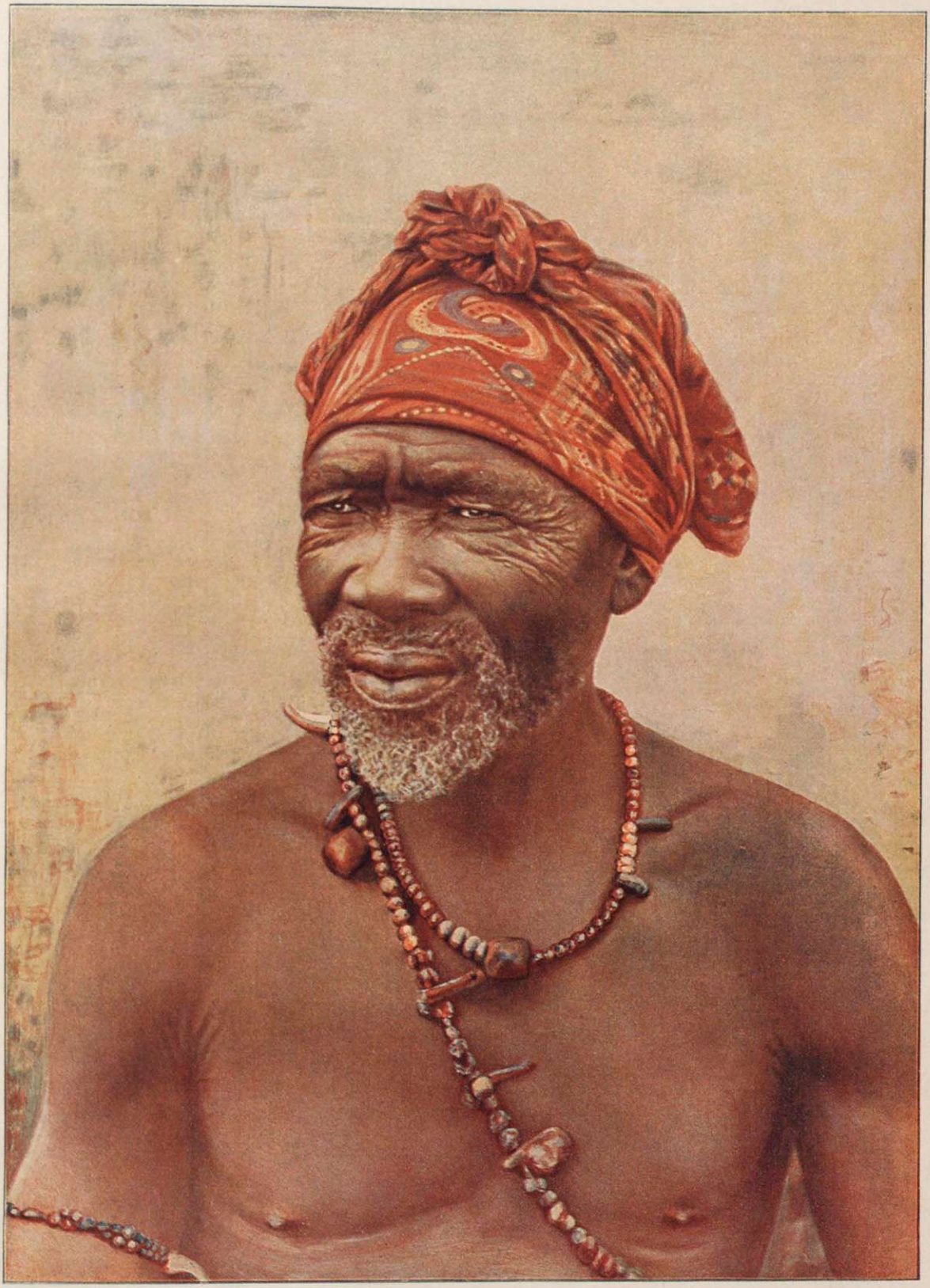
Женщина изъ Аравіи.



Женщина изъ Аравіи.

Молодая сіамка.

Молодая сіамка.



Южно-африканскій врачъ.

АФРИКА.

(Общій очеркъ) *).

Изъ исторіи изслѣдованія Африки. — Границы, пространство, очертанія. — Рельефъ и строеніе суши. — Климатъ. — Растительный и животный міръ. — Населеніе. — Бытъ семейный и общественный. — Промышленность и торговля.

На западѣ Европа отдѣлена отъ Африки узкимъ проливомъ, всего лишь въ 13 километровъ шириною. Съ острова Сициліи въ ясную погоду видны очертанія горъ Туниса. Уже для Рима усиленіе могущества Карѳагена было достаточно близкой опасностью.

На востокѣ Средиземнаго моря существовали въ глубокой древности сношенія между Египтомъ и греками. И тѣмъ не менѣе изслѣдованіе не только внутренней Африки, но даже ея береговъ шло очень медленно, и до нашихъ дней мало изслѣдованныя мѣста можно найти у береговъ Нила и Средиземнаго моря. Причина такого положенія дѣла ясна: за богатыми странами побережья изслѣдователь всюду встрѣчалъ пустыню съ ея рѣдкимъ населеніемъ и скудной природой. Къ тому же моря, омывающія берега Африки на востокѣ и на западѣ, встрѣчали европейскаго мореплавателя также недружелюбно: Красное море лежитъ въ изнурительно жаркомъ климатѣ и богато коралловыми рифами; туманы атлантическаго побережья отпугивали даже мореплавателей позднѣйшихъ временъ. Къ этимъ физическимъ препятствіямъ для обслѣдованія Африки прибавилось въ началѣ среднихъ вѣковъ еще одно препятствіе политическаго характера—это распространеніе магометанскаго владычества по всему сѣверу Африки отъ Краснаго моря до Гибралтарскаго пролива, отдѣлившее трудно преодолимою стѣною Африку отъ христіанскаго міра.

Открытіе Америки, привлеченіе вниманія на новый континентъ хотя и болѣе далекій, но сулившій больше золота, на цѣлыя столѣтія задержали дѣло изученія Африки.

Первыми по времени изслѣдователями сѣверной Африки были египтяне, преслѣдовавшіе при этомъ, конечно, лишь практическія цѣли. По сообщенію Геродота, за 600 лѣтъ до Р. Х. финикійскіе мореплаватели сдѣлали путешествіе вокругъ Африки съ востока на западъ, длившееся 3 года. Возможно, что это путешествіе дѣйствительно имѣло мѣсто, хотя и не всѣ изслѣдователи допускаютъ эту возможность. За финикіянами карѳагеняне энергично продолжали обслѣдованіе сѣверо-западныхъ побережій съ торгово-политическими цѣлями и достигли, повидимому, береговъ Сіера-Леоне до $7^1/_2{}^0$ с. ш.

Римляне много содѣйствовали изученію сѣверной Африки своими многочисленными военными походами черезъ страны, въ ней расположенныя. Среди многихъ случайныхъ

---

*) По Гану-Сиверсу и Ф. Ратцелю.

Вып. XVI

экспедицій должно отмѣтить планомѣрную Нильскую экспедицію времени Нерона, которая, безъ сомнѣнія, преодолѣла трудность перехода пояса пустынь и достигла богатыхъ зарослями болотъ Бѣлаго Нила приблизительно до 9° с. ш.

Въ средніе вѣка значительную часть Африки постепенно покорили своему вліянію арабы, достигшіе такихъ пунктовъ, какъ Мозамбикъ и Софало. Арабы знали Мадагаскаръ и группу Коморскихъ острововъ. На сѣверѣ они распространили свое вліяніе на всю большую пустыню и на бо̀льшую часть Судана.

Однако, только съ XIV в. наружныя очертанія Африки приближаются на картахъ того времени къ дѣйствительности. Внутри же континента фигурируютъ легендарныя рѣки и озера, свидѣтельствующія о низкомъ уровнѣ дѣйствительнаго знанія.

Первый толчокъ къ обслѣдованію незнакомой европейцамъ Африки дали торговые города итальянцевъ—Генуя, Венеція, но важнѣйшія открытія были начаты подъ флагомъ португальскихъ и испанскихъ моряковъ. Въ 1487 году Бартоломей Діасъ обогнулъ мысъ Бурь, переименованный королемъ въ „Мысъ Доброй Надежды“, и достигъ большой рѣки восточнаго побережья Африки—нынѣ Капской колоніи.

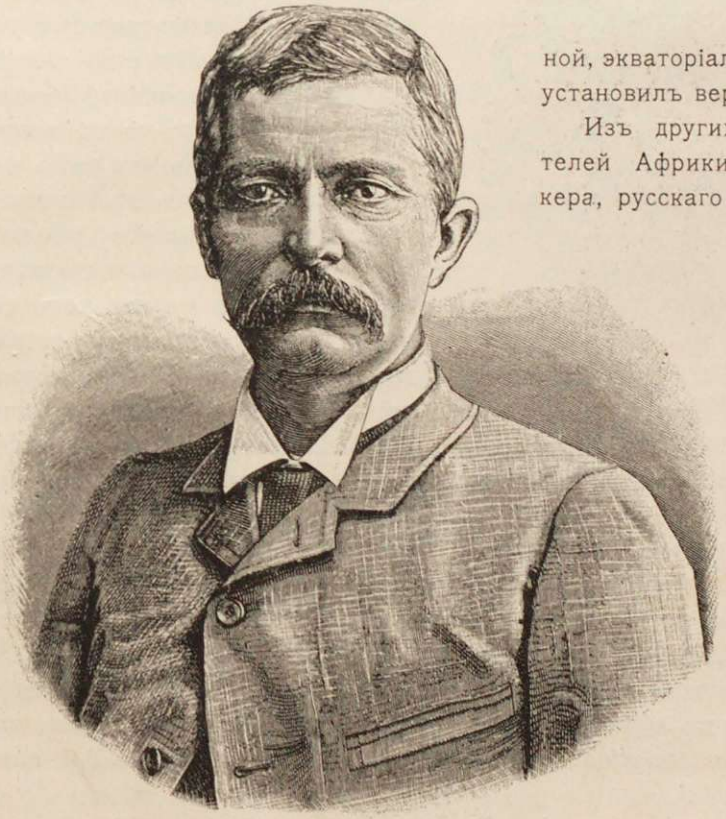
Черезъ 10 лѣтъ Васко-ди-Гама, обогнувши южную оконечность Африки, достигъ устья Замбези и вошелъ въ сношенія съ арабскими купцами Мозамбикскаго залива. Періодъ 1500—1750 г. характеризуется медленнымъ и безъ плана проникновеніемъ въ береговую зону купцовъ и миссіонеровъ, нигдѣ не уходившихъ далѣе 600 километровъ отъ берега.

О научномъ изслѣдованіи Африки можно говорить лишь съ конца XVIII вѣка. Въ 1788 г. основалась въ Лондонѣ ассоціація для содѣйствія изслѣдованію внутренней Африки имѣвшая, кромѣ научныхъ цѣлей, задачу—найти рынокъ для сбыта англійскихъ товаровъ въ виду потери Англіей американскихъ колоній; ассоціація эта въ 1830 году слилась съ знаменитымъ Королевскимъ Географическимъ Обществомъ. За 42 года ассоціація разрѣшила много важныхъ географическихъ проблемъ, такъ, напримѣръ: установила направленіе Нигера, начала изслѣдованіе Конго. Въ 1834 году основалось Капское Общество для изслѣдованія центральной Африки и это обстоятельство вмѣстѣ съ давленіемъ Англіи на голландскихъ колонистовъ—буровъ, принужденныхъ удалиться дальше вглубь страны, положило начало обслѣдованію южной Африки. Особенно быстрыми шагами двинулось трудное дѣло научнаго обслѣдованія Африки со второй половины прошлаго столѣтія. Изъ экспедицій этого новѣйшаго періода изученія Африки мы остановимся вкратцѣ только на наиболѣе важныхъ по добытымъ ими результатамъ. Прежде всего нужно упомянуть знаменитую экспедицію нѣмецкаго ученаго Генриха Барта съ 1850 по 1855 годъ; за эти пять лѣтъ Бартъ прошелъ около 20.000 километровъ, два раза пересѣкъ Сахару и далъ очень подробное описаніе западнаго Судана, по полности превосходящее описаніе многихъ другихъ частей Африки, вышедшее въ пространномъ, пяти-томномъ изданіи. Еще раньше, съ 40-ыхъ годовъ началась дѣятельность другого знаменитаго изслѣдователя Африки, ирландскаго миссіонера Давида Ливингстона, работавшаго въ тропической южной Африкѣ. Ему наука обязана прежде всего изслѣдованіемъ бассейна Замбези. Ливингстонъ былъ первымъ образованнымъ европейцемъ, совершившимъ переходъ черезъ африканскій материкъ съ запада отъ Санъ-Паоло-де-Лоанда къ устью Замбези на восточномъ побережьи (1854—1856 гг.). Не менѣе богаты результатами были позднѣйшія путешествія Ливингстона (1861, 1863, 1866 гг.) къ озеру Ньясса, а также къ озеру Танганика и въ его окрестности (1871—72 гг.), раскрывшія многіе неясные вопросы гидрографіи центральной Африки.

Здѣсь же, къ югу отъ озера Бангвеоло, нашелъ Ливингстонъ и свою преждевременную кончину въ 1873 году; умеръ онъ отъ дизентеріи въ Читамбо и его слуги съ великими затрудненіями доставили прахъ блогороднѣйшаго изслѣдователя Африки къ морю. Съ именемъ Ливингстона связано другое предпріятіе по изслѣдованію Африки. Когда Ливингстонъ въ концѣ 60-хъ годовъ углубился въ дебри центральной Африки и не могъ давать

о себѣ извѣстій, возникло безпокойство о его судьбѣ. Въ 1871 г. владѣлецъ газеты „New York Herald“ снарядилъ экспедицію для розысковъ Ливингстона съ журналистомъ Стэнли во главѣ ея, оказавшимся чрезвычайно смѣлымъ и энергичнымъ изслѣдователемъ. Найдя быстро Ливингстона, онъ совершилъ вмѣстѣ съ нимъ обходъ сѣвернаго побережья оз. Танганика. Затѣмъ, разставшись съ Ливингстономъ, Стэнли предпринялъ цѣлый рядъ путешествій, закончившихся лишь въ 1877 году въ устьѣ р. Конго. Эти экспедиціи дали весьма богатые результаты, разрѣшившіе много важныхъ географическихъ вопросовъ, связанныхъ съ р. Конго. Въ полную противоположность Ливингстону, Стэнли оставилъ по себѣ печальную память своей жестокостью по отношенію къ туземцамъ и даже къ членамъ своей экспедиціи. Дѣятельность его продолжалась затѣмъ и позже (1882 г.) въ томъ же бассейнѣ Конго и еще позже (1887—89гг.) въ центральной, экваторіальной Африкѣ. Англичанинъ Спикъ установилъ верховья Нила.

Давидъ Ливингстонъ.



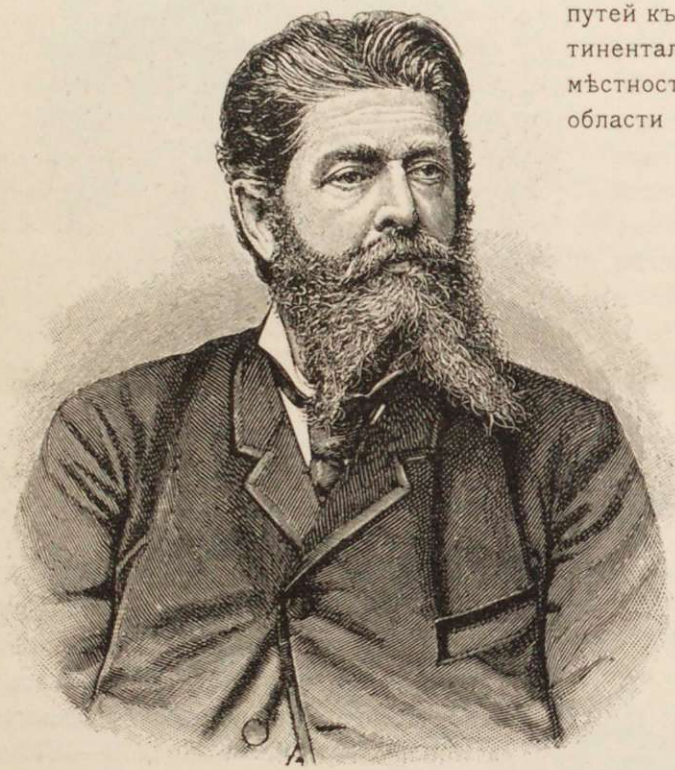
Генри Мортонъ Стэнли.

Изъ другихъ самоотверженныхъ изслѣдователей Африки назовемъ еще Вильгельма Юнкера, русскаго нѣмца, въ теченіе болѣе 10 лѣтъ занимавшагося изслѣдованіемъ Африки. Особенно трудное и продолжительное путешествіе совершено имъ (1879—1887 гг.) по центральной Африкѣ въ бассейнѣ верхняго Нила. Юнкеръ принадлежитъ къ числу лучшихъ изслѣдователей центральной Африки. Богатый этнографическій матеріалъ, привезенный изъ этой экспедиціи, хранится въ музеѣ академіи наукъ въ Петербургѣ.

Въ послѣднее 25-лѣтіе дѣло изученія Африки пошло впередъ быстрыми шагами и было бы затруднительно привести здѣсь хотя бы часть именъ путешественниковъ, число которыхъ

сильно возрасло въ этотъ періодъ. Ограничимся лишь упоминаніемъ, что главная роль въ этомъ отношеніи принадлежитъ тремъ европейскимъ націямъ: англичанамъ, нѣмцамъ и французамъ.

Границы, пространство, очертанія. Наибольшій изъ трехъ южныхъ континентовъ—Африка—расположенъ такъ, что его сѣверное и южное побережья находятся почти на одинаковомъ разстояніи отъ экватора. Разстояніе отъ сѣверной оконечности Африки (м. Бланко 37°20′ с. ш.) до южной (м. Игольный 34°51′ ю. ш.) равно приблизительно 8.000 килом. Разстояніе западной оконечности отъ восточной немногимъ меньше—около 7.500 килом. Скорый поѣздъ желѣзной дороги могъ бы пробѣжать Африку съ сѣвера на югъ въ 130 ч. и съ запада на востокъ въ 120 часовъ. Вслѣдствіе такого, приблизительно одинаковаго, простиранія во всѣ стороны, Африка пріобрѣтаетъ характеръ массивнаго, замкнутаго континента, и мѣстности, лежащія даже у водныхъ путей къ морю, носятъ отпечатокъ вполнѣ континентальнаго типа. Отдаленнѣйшія отъ моря мѣстности Африки, тамъ, гдѣ соприкасаются области Шари, Нила и Конго, удалены отъ ближайшаго морского побережья на 1500 километровъ. До 1869 года Африка имѣла непосредственную связь съ Азіей чрезъ Суэцкій перешеекъ. Прорытіе канала возстановляло опять существовавшее прежде раздѣленіе, такъ какъ перешеекъ представляетъ геологически недавнее образованіе. Теперь Суэцкій каналъ всѣми считается границей Африки съ Азіей, несмотря на тѣ возраженія, которыя противъ этого могутъ быть сдѣланы геологомъ и этнографомъ. Остальныя границы безспорны, такъ какъ континентъ всюду окруженъ моремъ. Это обстоятельство облегчаетъ задачу вычислить *величину* поверхности континента, которая равна 29.207.100 кв. километровъ,—цифра, дающая Африкѣ второе мѣсто среди континентовъ, если не считать С. и Ю. Америку за одинъ континентъ.



Вильгельмъ Юнкеръ.

Африка чрезвычайно слабо расчленена. Большіе, разнообразной формы полуострова, отличающіе Европу, Азію и С. Америку, здѣсь совершенно отсутствуютъ и большой Сомалійскій полуостровъ, „восточный рогъ Африки“, по выраженію Пешеля, едва можетъ считаться полуостровомъ. Длина Африканскаго побережья равна 30.600 километрамъ. Если длину береговой линіи Африки L сравнить съ очертаніемъ фигуры, которая при одинаковой поверхности обладаетъ наименьшимъ обхватомъ U, то развитіе береговой линіи Африки выразится $U : L = 1 : 1{,}8$, тогда какъ то же отношеніе для Европы $= 1 : 3{,}5$, для Азіи $= 3{,}2$, даже для Австраліи и Южной Америки $= 2$.

Слабое развитіе береговой линіи могло бы быть сглажено до нѣкоторой степени доступностью береговъ, богатствомъ удобными гаванями. Но берега Африки въ общемъ

весьма мало благопріятны для сношеній. Господствуютъ два типа побережья, неблагопріятные для сношеній: юго-западная Африка обладаетъ низменнымъ, песчанымъ побережьемъ, которое вслѣдствіе холоднаго теченія къ тому же еще часто скрыто туманомъ. То же самое встрѣчаемъ мы на западномъ побережьи Сахары, гдѣ къ туману примѣшивается несомый вѣтромъ песокъ. Затѣмъ, громадныя пространства тропическихъ береговъ Африки заняты болотистыми мангровыми лѣсами, гдѣ свила себѣ гнѣздо гибельная болотистая лихорадка. Многіе берега къ тому же отличаются сильнымъ прибоемъ волнъ даже въ тихую погоду. Удобныхъ гаваней, за исключеніемъ сѣвернаго и то, такъ сказать, „не-африканскаго" побережья Атласа, очень мало.

Рельефъ и строеніе суши. Отличительной чертой рельефа и внутренняго строенія суши Африки, какъ это мы видѣли уже и на примѣрѣ характера побережья, является однообразіе формъ на большихъ пространствахъ. Дни и недѣли тянется караванъ чрезъ однообразныя плоскогорья восточной Африки, не замѣчая значительнаго измѣненія уровня. Много дней подрядъ путешествующій по Нилу, Конго или Нигеру наблюдаетъ одинъ и тотъ же пейзажъ, и надъ безконечной степью или лѣсомъ не вырисовываются очертанія даже отдаленныхъ горъ. Большое однообразіе Африки дѣлаетъ недостатокъ геологическихъ изслѣдованій, которыхъ для многихъ мѣстностей не хватаетъ вовсе, менѣе ощутительнымъ. Затрудненіе для геологическихъ изслѣдованій создаетъ сильно дѣйствующее вліяніе атмосферы на верхніе слои земной коры. Продукты разрушенія и песчаныя массы покрываютъ въ пустыняхъ огромныя пространства; по Нигеру и по западному побережью путешественникъ встрѣчаетъ всюду однообразный латеритъ, или же толстые слои гумуса и растительныхъ остатковъ не даютъ возможности проникнуть до подстилающихъ каменныхъ породъ.

Африка принадлежитъ тремъ отдѣльнымъ большимъ частямъ, на которыя острый взглядъ геолога Зюсса подраздѣлилъ континенты земли. Страны Атласа принадлежатъ безспорно Евразіи, именно къ той большой системѣ складокъ, къ которой относятся Альпы, Апеннины и южныя горы Испаніи. Сѣверная Африка была соединена съ Сициліей навѣрное даже въ концѣ третичной эпохи. Гибралтарскій проливъ сравнительно молодое образованіе и соединеніе Средиземнаго моря съ Атлантическимъ океаномъ было раньше къ сѣверу отъ Андалузскихъ складчатыхъ горъ. Гораздо большій кусокъ Африки принадлежитъ „большой равнинѣ пустынь", съ которой мы не сходимъ, начиная съ западнаго побережья Сахары и до побережья Краснаго моря и отъ Мурзука до Триполи. Въ то время, какъ въ Атласѣ мы имѣли складки, здѣсь, на очень древнихъ геологически породахъ, лежатъ горизонтальные палеозойскіе слои, на которыхъ лежатъ по преимуществу отложенія мѣловой системы. Однако однородность строенія полосы пустынь, какъ показываютъ новѣйшія изслѣдованія, не такъ ужъ абсолютна: найдены линіи разломовъ и области опусканія. Вулканическая дѣятельность также не вполнѣ отсутствуетъ въ пустынѣ: горячіе ключи и области землетрясеній имѣются и въ настоящее время. Къ югу отъ большой пустыни наши свѣдѣнія о геологическомъ строеніи Африки очень неполны и ненадежны. Больше данныхъ мы имѣемъ о южной части африканскаго континента. Эта часть—одна изъ старѣйшихъ частей суши вообще и къ тому же часть, остававшаяся сушею настойчивѣе, чѣмъ другія области нашей современной суши. Вѣроятно, что съ каменноугольнаго періода южная Африка не исчезала больше подъ покровомъ моря. Интересно также отмѣтить геологическую общность между южной Африкой, Мадагаскаромъ и Индіей.

Поскольку характеръ строенія южной Африки простирается дальше на сѣверъ—вопросъ не рѣшенный. Въ общемъ и здѣсь, въ области Конго, Суданѣ и Сенегамбіи мы имѣемъ дѣло съ древними континентальными массами, надъ которыми расположены четвертичныя образованія, состоящія главнымъ образомъ изъ т. наз. латерита. Однородность и отсутствіе горъ, заслуживающихъ этого названія, является и здѣсь главнымъ характернымъ признакомъ.

Западная сторона Африки, за исключеніемъ островныхъ группъ, бѣдна вулканическими образованіями. Гораздо значительнѣе эти образованія развиты на востокѣ континента, гдѣ они связаны съ крупнѣйшими разломами земной коры. Восточная Африка отъ Замбези до Абиссиніи представляетъ неровную возвышенность, въ которой встрѣчается много большихъ или меньшихъ размѣровъ проваловъ („грабенъ" по географической терминологіи). Почти всѣ они имѣютъ меридіональное направленіе и прерываются то тамъ, то здѣсь большими равнинами плоскогорья. Многіе изъ этихъ проваловъ заняты озерами (даже озеро Викторія, наиболѣе по своему облику отступающее отъ общаго характера такихъ озеръ, какъ полагаютъ, произошло отъ соединенія нѣсколькихъ такихъ проваловъ), нѣкоторые же представляютъ сухія или болотистыя впадины съ крутыми стѣнами по бокамъ. Въ глубинѣ такихъ впадинъ или же на ихъ краяхъ поднимаются многочисленныя вулканическія горы, изъ которыхъ наибольшая—Килиманджаро (6.000 метр.). Дѣятельность

Видъ на Килиманджаро съ юго-восточной стороны.

этихъ вулкановъ теперь, повидимому, не очень интенсивна. У сѣвернаго конца области разломовъ, связанныхъ съ провалами, поднимаются Абиссинскія горы, также отчасти вулканическаго происхожденія, и къ сѣверу отъ Абиссиніи незамѣтно переходитъ въ пустыню та часть земной суши, которую можно назвать Индо-Африкой.

Средняя высота Африки равна приблизительно 650 м., т. е. если бы сравнять всѣ неровности этого континента, то получилась бы равнина въ 650 м. надъ уровнемъ моря. Южная часть континента замѣтно выше, чѣмъ сѣверная: въ цѣломъ и большемъ замѣчается постепенное пониженіе съ юга на сѣверъ. Еще большая противоположность замѣчается между высокой восточной частью континента и менѣе высокой западной. Черезъ двойное пониженіе съ юга на сѣверъ и съ востока на западъ Африка получаетъ въ среднемъ общее пониженіе съ юго-востока на сѣверо-западъ. Линія, проведенная отъ Лоанды къ Кассалѣ, отчетливо отдѣляетъ юго-восточную болѣе высокую, отъ сѣверо-западной, болѣе низкой Африки, если, конечно, оставить безъ вниманія Атласъ, который, какъ мы выше видѣли, строго говоря, не принадлежитъ Африкѣ.

Такъ какъ въ Африкѣ преобладаютъ плоскія возвышенности и низменныя пространства отступаютъ на второй планъ, такъ какъ, съ другой стороны, длинныя горныя цѣпи, на склонахъ которыхъ выпадаетъ обыкновенная дождливая влага, въ большинствѣ совершенно отсутствуютъ на континентѣ, то изъ этого вытекаетъ съ очевидностью, что рѣки Африки не представляютъ удобныхъ путей сообщенія, такъ какъ теченіе ихъ прерывается порогами и водопадами. Ни одна изъ крупныхъ африканскихъ рѣкъ не свободна отъ нихъ и это сыграло не послѣднюю роль въ исторіи обслѣдованія внутренней Африки. Наряду съ такими „нормальными“ для Африки рѣками существуетъ немало и такихъ, которыя почти безъ всякаго паденія представляютъ сплошную цѣпь болотистыхъ озеръ, наводняющихъ въ дождливое время громадныя пространства. Африка—страна могучихъ рѣчныхъ системъ: Нилъ имѣетъ 6.000 кил. и уступаетъ только Миссисипи съ Миссури. Если же

Водопадъ рѣки Замбези.

считать только главную артерію, то Нилъ становится на первое мѣсто съ 5.400 килом. длины. Конго имѣетъ въ такомъ же случаѣ 4.200 к. Въ заключеніе нужно упомянуть, что около 8.940.000 кв. килом. поверхности Африки не имѣютъ стока воды къ морю и воды ея принадлежатъ внутреннимъ бассейнамъ.

Климатъ. Африка по своему положенію принадлежитъ тремъ астрономическимъ, климатическимъ зонамъ: жаркой, умѣренной сѣверной и умѣренной южной зонѣ. Изъ нихъ жаркой зонѣ принадлежитъ большая часть Африки. Если же принять во вниманіе не астрономическія, а климатологическія зоны, причемъ жаркая зона характеризуется годовой изотермой + 20°, то еще большая часть континента отойдетъ къ жаркой зонѣ, такъ какъ изъ нея придется исключить лишь часть Атласа, Капскую землю и нѣмецкое побережье Западной Африки. Но наиболѣе жаркая область Африки, средняя годовая температура которой превосходитъ + 30°, лежитъ много сѣвернѣе астрономическаго экватора, между

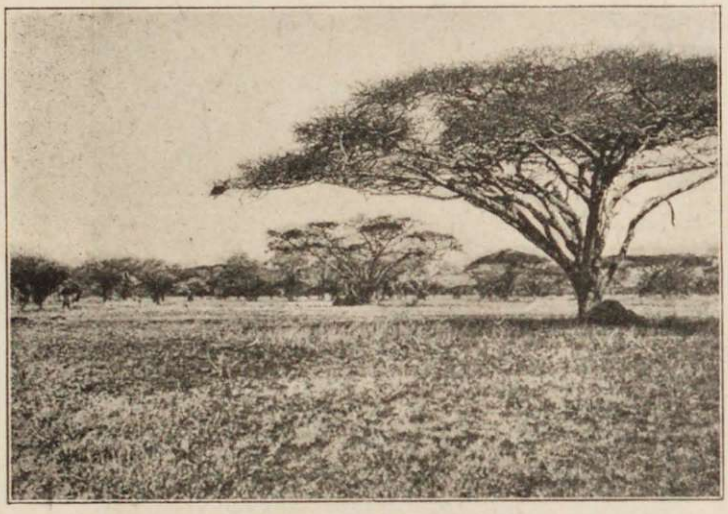
10° и 20° с. ш. Африку можно назвать поэтому типичнымъ тропическимъ континентомъ. Громадныя пространства сѣверной Африки имѣютъ въ лѣтніе мѣсяцы среднюю температуру выше 36° съ абсолютными крайними температурами, лежащими недалеко отъ 60°. Къ счастью для населенія, эти высокія дневныя температуры смѣняются очень прохладными ночами, кажущимися ледяными, хотя термометръ и не достигаетъ даже 0°. Тамъ, гдѣ этихъ ночныхъ пониженій температуры не наблюдается, климатъ оказывается вреднымъ для здоровья. Абсолютныя минимальныя температуры доходятъ въ Африкѣ до—10°,—12°. Встрѣчаются однако мѣста, гдѣ изъ года въ годъ, день и ночь господствуетъ разслабляющая, душная жара. Что касается до распредѣленія осадковъ, то, если мы будемъ считать (по Зупану) тѣ мѣстности бѣдными осадками, гдѣ ихъ выпадаетъ меньше 25 cm. въ годъ, и богатыми дождемъ—тѣ, которыя имѣютъ осадковъ больше 100 cm.—мы увидимъ, что громадная область Африки обладаетъ обильными осадками. Сѣверная граница этой области, начинаясь отъ устья Гамбіи, пересѣкаетъ Нигеръ, проходитъ южнѣе озера Чадъ, пересѣкаетъ болота Бѣлаго Нила, обнимаетъ Абиссинію, затѣмъ идетъ къ югу и охватываетъ весь бассейнъ Конго и верховья Замбези и оканчивается сѣвернѣе устья Конго на западномъ побережьѣ Африки. Внутри этой большой зоны лежитъ сравнительно небольшая зона, имѣющая болѣе 2000 mm., ограничивающаяся небольшими частями побережья западной тропической Африки. Мѣстами, въ нѣкоторыхъ частяхъ Камеруна, количество годовыхъ осадковъ превосходитъ 8000—9000 mm. Приблизительно такое же большое пространство, какъ область, имѣющая болѣе 1000 mm., занимаетъ и область, бѣдная осадками, т. е. имѣющая ихъ менѣе, чѣмъ 250 mm. въ годъ. Большая область, бѣдная осадками, охватываетъ бо́льшую часть Сахары; другая, меньшая, область, наиболѣе рѣзко выражена въ нѣмецкихъ колоніяхъ западнаго побережья южной Африки и лежитъ въ области юго-восточнаго пассата между 18° и 32° ю. ш. Остальныя пространства Африки, за немногими исключеніями, занимаютъ среднюю ступень, имѣя болѣе 250 mm. и менѣе 1000 mm. осадковъ въ годъ. Что касается годового распредѣленія осадковъ, то здѣсь мы также встрѣчаемъ большое разнообразіе: есть, области, гдѣ дождь идетъ каждый мѣсяцъ въ году, наряду съ такими, гдѣ цѣлые мѣсяцы отличаются бездождіемъ; есть области съ строгой періодичностью выпаденія осадковъ, наряду съ областями съ мало выраженной періодичностью. Первый типъ совпадаетъ съ областью, богатой осадками (болѣе 1000 mm.), послѣдній—съ областью, бѣдной осадками. Первыя—главнымъ образомъ—экваторіальныя области, послѣднія — находятся въ сѣверной пустынѣ. Въ областяхъ съ ясно выраженной періодичностью, въ которыхъ сухой періодъ смѣняется дождливымъ, сказывается отчетливо вліяніе движенія солнца. Когда въ сѣверномъ полушаріи зима (декабрь—февраль), зона зенитальнаго положенія солнца находится къ югу отъ экватора и область выпаденія дождя находится также къ югу отъ экватора и охватываетъ область Замбези и юго-восточной Африки. Съ переходомъ къ южной зимѣ (съ марта по май) дожди захватываютъ уже часть Судана. Съ дальнѣйшимъ уходомъ солнца на сѣверъ передвигается дальше на сѣверъ и область дождя. Мѣстности, гдѣ солнце два раза бываетъ въ зенитѣ съ значительнымъ промежуткомъ, имѣютъ и два дождливыхъ времени. Такова общая схема распредѣленія влаги. Конечно, есть не мало и мѣстныхъ отступленій, такъ, напримѣръ, значительныя возвышенности даютъ и въ сухой зонѣ какъ бы острова съ осадками. Дождь выпадаетъ въ Африкѣ въ видѣ сильныхъ, непродолжительныхъ ливней, смѣняющихся паузами съ чистымъ небомъ. Не всегда, но очень часто, дожди сопровождаются грозами. Есть области, какъ, напр., Абиссинія, гдѣ въ дождливое время въ опредѣленный часъ, ежедневно разражается страшная гроза съ сильными разрядами электричества. Снѣгъ выпадаетъ въ Африкѣ, и то нерегулярно, на сѣверѣ въ горахъ Атласа и на югѣ въ возвышенныхъ плато Капской колоніи. Нѣкоторыя горы, какъ, напр., Килиманджаро и Кенія, имѣютъ на своихъ вершинахъ „вѣчный“ снѣгъ. Извѣстно, что климатъ тропической Африки считается особенно нездоровымъ для европейцевъ. Очень

нездоровы влажныя, жаркія, низкія побережья, причемъ особенно опасными считаются берега Гвинеи, хотя, вообще говоря, нельзя довѣряться ни одному изъ береговъ тропической Африки. Надежды на то, что центральная Африка окажется съ болѣе здоровымъ климатомъ, оправдались мало и вездѣ здѣсь приходится принимать заботливыя мѣры противъ лихорадки. Относительно здоровымъ климатомъ обладаютъ пустыни и степи, но и то далеко не вездѣ. Европеецъ болѣе подверженъ заболѣванію лихорадкой, чѣмъ туземецъ, хотя

Видъ на Кибо (вершина Килиманджаро) съ высоты 4.400 метровъ.

мнѣніе, будто негры не страдаютъ вовсе отъ лихорадки, невѣрно: извѣстны случаи, когда лихорадкой болѣла половина туземнаго населенія; одно только можно сказать, что у туземцевъ припадки протекаютъ слабѣе, чѣмъ у европейцевъ. Другая опасная болѣзнь тропической Африки—дизентерія должна быть приписана неосторожному употребленію воды.

Растительный и животный міръ. Начиная съ южной границы Атласа, который вмѣстѣ съ сѣвернымъ побережьемъ относится еще къ средиземно-восточной флорѣ, мы переходимъ въ области Сахары и съ нею къ группѣ тропическихъ и аустральныхъ флоръ, въ сферѣ которыхъ мы находимся до самой южной оконечности Африки. Эта группа флоръ господствуетъ въ Африкѣ такъ исключительно, какъ ни на одномъ континентѣ, хотя она замѣтно бѣднѣе Индіи и ю. Америки тропическими культурными растеніями, но значительно богаче въ этомъ отношеніи, чѣмъ Австралія. Но въ этомъ большомъ цѣломъ имѣется масса разнообразныхъ областей, которыя встрѣчаются намъ на пути отъ Феццана до Капской земли. Прежде всего предъ нами большая пустыня съ ея, хотя и однообразнымъ и бѣднымъ растительнымъ покровомъ, но представляющ имъ разные типы въ зависимости отъ состава почвы и количества влаги. Далѣе идетъ Суданъ съ его рѣдкими лѣсами и саваннами. Если мы приблизимся къ берегу Слоновой Кости, или къ берегу Камеруна, или къ берегамъ верхняго Конго, — вездѣ лѣса становятся гуще и обширнѣе, не достигая, однако, пышности и великолѣпія южно-американскихъ лѣсовъ; и этотъ фактъ также краснорѣчиво говоритъ намъ о томъ, что Африка, въ общемъ, умѣренно орошаемый осадками континентъ. Съ уменьшеніемъ осадковъ наблюдается также и болѣе бѣдная растительность. Чѣмъ дальше мы будемъ передвигаться къ югу отъ р. Конго, тѣмъ больше тропическая флора смѣняется степями и полу-пустынями южной Африки. Въ юго-западной части Капской области мы встрѣчаемся съ очень своеобразной растительностью („Капская флора"), характеризующейся общимъ видомъ мѣстности съ низкой кустарниковой зарослью темной или синевато-зеленой окраски. Здѣсь мы встрѣчаемъ много растительныхъ видовъ, не встрѣчающихся въ другихъ мѣстахъ Африки.



Степь съ зонтичными акаціями.

Очень характерной чертой Африки является, такъ сказать, устарѣлость ея флоры, лучше выступающая на югѣ ея, а также на островахъ. Натуралистъ О. Гееръ, находясь на Мадейрѣ, чувствовалъ себя какъ бы перенесеннымъ въ третичную эпоху, встрѣчая тамъ древніе, давно вымершіе въ другихъ мѣстахъ, растительные типы. Конечно, подъ вліяніемъ культуры идетъ быстрое вытѣсненіе старинныхъ типовъ растительнаго царства и быстрая нивеллировка.

Какъ для Америки характернымъ является первобытный лѣсъ, такъ для Африки характерна *саванна.* Это травянистая степь, имѣющая однако мало сходства съ европейскимъ лугомъ. Высота травъ часто такъ значительна, что въ ней могутъ скрываться даже жирафы: стебли одара въ саваннахъ Сеннаара достигаютъ 4—6 метровъ высоты, дикій сахарный тростникъ обладаетъ стеблями въ 2—4 метра высоты. Для рѣчныхъ береговъ

характерны камышъ, тростникъ и папирусъ, образующіе во всѣхъ странахъ саванны густую кайму около воды.

Баобабы.

Смотря по тому, густо или рѣдко заросла саванна деревьями или кустарниками, она носитъ различныя названія—травяной степи, кустарной, древесной, лѣсной саванны и т. п. Отъ чистаго, необозримаго травяного луга до густо заросшей деревьями саванны существу-

ютъ всевозможныя переходныя формы. Чаще встрѣчается средній типъ саванны съ отдѣльными деревьями. Ландшафтъ, слѣдовательно, всегда открытый, легко охватываемый взглядомъ, но часто утомительно однообразный. Нерѣдки здѣсь громадные степные пожары, и выжженныя площади съ тонкой пылью изъ угля и пепла производятъ унылое впечатлѣніе безжизненности. Вслѣдствіе сухого климата особенно часто въ саваннахъ тропической Африки встрѣчаются мимозы и акаціи, преимущественно колючія и низкія формы. Распространены также различнаго вида смоковницы, дынное дерево или папайя. Одною изъ замѣчательнѣйшихъ древесныхъ формъ Африки является баобабъ—съ толстымъ стволомъ (иногда до 8 метровъ въ поперечникѣ) и исполинскими вѣтвями. Листья его не густы и имѣютъ форму руки. Баобабъ предпочитаетъ открытыя мѣста и никогда не встрѣчается въ чащѣ лѣсовъ. Африка не представляетъ изъ себя страны густыхъ, сплошныхъ лѣсовъ: они появляются лишь въ областяхъ сильныхъ, продолжительныхъ дождей. Самые красивые лѣса такого рода находятся въ дождливомъ углу Камеруна и на Гвинейскихъ островахъ. Глубоко, внутри области Конго тянется также большой, мрачный, пройденный Стэнли и нѣкоторыми другими путешественниками, экваторіальный лѣсъ, не могущій, однако, сравняться съ дѣвственнымъ лѣсомъ Бразиліи. Встрѣчающіяся среди саваннъ сплошныя лѣсныя области имѣютъ характерный для внутренней Африки типъ „лѣса-галлереи“: онѣ имѣютъ своеобразный видъ ходовъ, галлерей и туннелей.

Три главнѣйшихъ вида проса африканцевъ: *a)* Panicum, *b)* Sorghum и *c)* Eleusine.

Африка сравнительно бѣдна полезными растеніями, причемъ сѣверныя части ея лучше надѣлены въ этомъ отношеніи, чѣмъ южныя. Самыя важныя воздѣлываемыя зерновыя растенія Африки представляютъ виды проса, въ особенности *сорго*, называемое иногда именемъ дурро. Сорго вообще очень распространено. „Всѣ негрскіе народы, существованіе которыхъ, главнымъ образомъ, основывается на земледѣліи, считаютъ культуру сорго самой важной изъ всѣхъ“. Другіе злаки встрѣчаются въ меньшемъ распространеніи. Для большей части сѣвера Африки настоящимъ питательнымъ растеніемъ служитъ *финиковая пальма*, родиной которой считается Аравія. Вообще говоря, пальмы представлены въ Африкѣ немногочисленными, но чрезвычайно важными въ экономическомъ отношеніи видами. Кромѣ финиковой пальмы, назовемъ еще *пальму-думъ*, вѣерную пальму съ вилообразнымъ раздѣленіемъ ствола, крайне важную *масличную пальму*. Важное полезное растеніе пред-

ставляетъ *земляной орѣхъ*, который воздѣлывается отчасти ради съѣдобныхъ сѣмянъ, отчасти для добыванія масла изъ его зародышевыхъ листовъ. Въ многочисленныхъ видахъ распространены въ Африкѣ бобы, горохъ, дыни и тыквы. Маисъ и табакъ, оба американскаго происхожденія, широко распространились по всей Африкѣ. Пшеница и ячмень ввезены изъ Европы, но не получили такого широкаго распространенія. Большое значеніе получили индійскіе *бананы*, образующіе цѣлыя рощи, а также *кокосовыя пальмы*. Африка—родина кофейнаго дерева.

Фауна Африки не менѣе своеобразна, чѣмъ ея флора. Въ юго-восточной части материка можно найти нѣсколько рѣдкихъ и чуждыхъ формъ даже среди млекопитающихъ.

Древесная степь съ мертвой зеброй (по фотографіи).

Чуждымъ и устарѣлымъ является животный міръ нѣкоторыхъ острововъ, но представители его, какъ, напр., неуклюжія, исполинскія птицы, громадныя наземныя черепахи исчезаютъ еще скорѣе, чѣмъ вышеупомянутыя растенія, и на нашихъ глазахъ окончательно вымерли многіе, очень интересные виды животныхъ. Въ противоположность растительному міру, животный міръ богатъ видами и особями, въ особенности класса млекопитающихъ: Африка—часть свѣта, самая богатая млекопитающими. Однако, именно, самые выдающіеся виды животнаго міра Африки находятся въ видимомъ угасаніи: теперь приходится уже углубляться достаточно далеко внутрь материка, чтобы встрѣтить въ большомъ количествѣ слоновъ, бегемотовъ и носороговъ. Для многихъ странъ прежнее богатство животными можно считать уже несуществующимъ.

Африка, къ югу отъ Сахары, отличается девятью своеобразными семействами млекопитающихъ, которыя всѣ имѣютъ характеръ давнопрошедшаго времени; далѣе—семью особыми родами обезьянъ. Кромѣ того, для нея характерны колоссальныя толстокожія—слонъ, носорогъ и бегемотъ, а также рядъ хищныхъ—львы, гіены и др. Фауна выдѣляется еще отсутствіемъ цѣлаго ряда палеарктическихъ типовъ, которые въ другихъ мѣстахъ встрѣчаются вмѣстѣ съ вышепоименованными, какъ, напр., волки, медвѣди, куницы, кроты. Также и настоящій рогатый скотъ, верблюды, овцы, свиньи разведены тамъ лишь человѣкомъ и притомъ лишь въ позднѣйшее время. Эти животныя не принадлежали къ первичной фаунѣ Африки. Въ Африкѣ сохранились еще исчезнувшіе въ другихъ мѣстахъ жирафы. Богаты видами и даже до послѣдняго времени и особями - антилопы. Девять десятыхъ видовъ антилопъ принадлежитъ Африкѣ. Къ обширнымъ открытымъ равнинамъ прекрасно приспособилась зебра. Изъ хищниковъ распространенъ—левъ и замѣчательно отсутствіе настоящаго тигра. Фауна Африки почти не содержитъ достойныхъ упоминанія полезныхъ животныхъ. Африканскій слонъ, хотя и полезное, но не домашнее животное: до сихъ поръ опыты приспособленія его для караванной службы не удавались. Область его распространенія значительно уменьшилась въ послѣднее время вслѣдствіе губительной охоты за слоновой костью. Изъ полезныхъ животныхъ въ тѣсномъ смыслѣ нужно назвать прежде всего осла, древнѣйшаго изъ вьючныхъ животныхъ человѣка. Родина его предполагается въ восточной Африкѣ. Кошка считается также домашнимъ животнымъ африканскаго происхожденія. Всѣ другія домашнія животныя, какъ, напр., столь важный для сѣверной Африки—верблюдъ, попали въ Африку довольно поздно. Для сѣверной Африки важное значеніе имѣетъ лошадь, встрѣтившая много препятствій для своего распространенія на югъ.

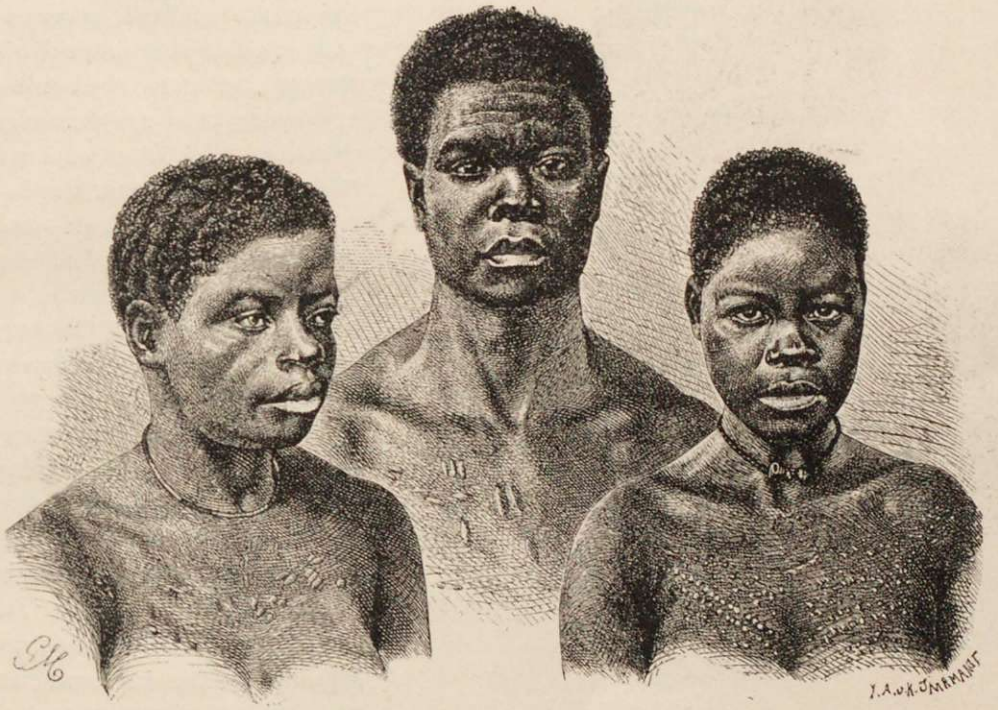
Населеніе. Едва ли нужно упоминать о томъ, что число обитателей Африки можетъ быть опредѣлено лишь очень приблизительно. Если уже въ полукультурныхъ государствахъ, какъ Марокко или Абиссинія, не можетъ быть рѣчи объ упорядоченномъ счисленіи, то для численности населенія внутреннихъ областей Африки разные изслѣдователи даютъ цифры, значительно различающіяся между собою. Въ общемъ число жителей Африки чаще считается слишкомъ большимъ. Въ дѣйствительности, лишь немногія области Африки можно считать плотно населенными съ европейской точки зрѣнія. Даже плотность населенія настоящаго Египта составляетъ, круглымъ числомъ, только 10 чел. на кв. километръ. Цифра плотности для Алжира равна 6, въ Трансваалѣ живутъ 3, въ Капской области не болѣе 2 чел. на кв. килом.; только въ нѣкоторыхъ западно-африканскихъ колоніяхъ встрѣчается цифра плотности до 58 ч., которая едва только соотвѣтствуетъ плотности населенія въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ средняго качества въ европейскихъ странахъ. Громадная многолюдность негрскихъ городовъ, о которой разсказываютъ въ своихъ отчетахъ путешественники, произошла, быть можетъ, потому, что туда стеклось населеніе значительной территоріи.

Несмотря даже на неполноту свѣдѣній, мы видимъ, что въ Африкѣ никогда не прекращалась война; войны здѣсь бываютъ продолжительны, часто очень кровопролитны и сопровождаются неимовѣрными жестокостями по отношенію къ цѣлымъ племенамъ. Сюда же нужно прибавить вліяніе охоты за рабами, которое можетъ превратить очень быстро цвѣтущую область въ почти необитаемую пустыню. Значительное число жертвъ и по настоящее время падаетъ для потребностей людоѣдства; еще больше людей погибло отъ существовавшихъ во многихъ негрскихъ государствахъ человѣческихъ жертвоприношеній и массовыхъ казней.

Если мы примемъ въ соображеніе все вышесказанное, то нужно допустить, что населеніе Африки не столь велико, какъ его считали до сихъ поръ. Вѣроятно даже, что

цифра 164 милліона, которую теперь принимаютъ, должна быть понижена. Нѣкоторые изслѣдователи считаютъ населеніе Африки даже не достигающимъ 150 милліоновъ. Однако нужно обратить вниманіе на то обстоятельство, что въ Африкѣ процентное отношеніе туземнаго населенія къ числу европейцевъ-колонистовъ гораздо болѣе благопріятно, въ сравненіи съ соотвѣтствующимъ отношеніемъ въ Америкѣ. А вслѣдствіе этого негрское населеніе гораздо легче, чѣмъ индѣйцы Америки, можетъ отстаивать себя отъ смѣшенія съ европейцами и отъ поглощенія послѣдними.

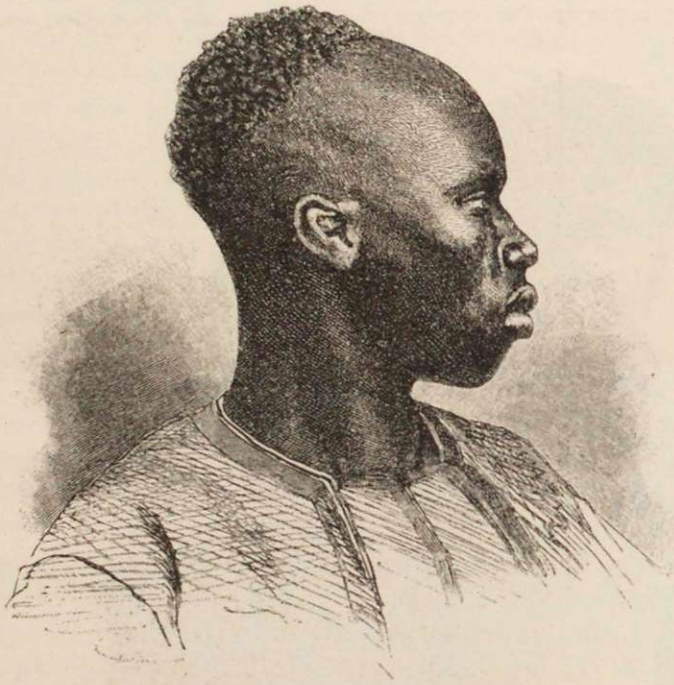
Вопросъ—откуда Африка получила свое населеніе—для защитниковъ видового единства человѣческаго рода, къ которымъ теперь принадлежатъ, за немногими исключеніями, наиболѣе выдающіеся представители науки, сводится къ двумъ гипотезамъ: или мы должны допустить, что все человѣчество вышло изъ этой части свѣта, или, что она получила свое населеніе извнѣ. Первое предположеніе мало вѣроятно, такъ какъ есть много данныхъ для заключенія, что родина человѣчества—не въ Африкѣ. Скорѣе слѣдуетъ допустить, что переселенія въ Африку происходили неоднократно, съ промежутками даже въ нѣсколько ты-



Мужчина и двѣ женщины съ берега Лоанго.

сячелѣтій. Если мы взглянемъ на карту народовъ Африки — мы увидимъ много большихъ и малыхъ народностей, крайне смѣшанныхъ другъ съ другомъ, вслѣдствіе переселеній, войнъ и преслѣдованій. Изъ этой довольно пестрой, въ общемъ, массы выдѣляются рѣзче другихъ группъ въ особенности негры, преобладающіе надъ другими народами въ предѣлахъ между 10° с. ш. и 25° ю. ш.; но южнѣе живутъ опять другіе свѣтлокожіе народы. Къ тому же, если мы ближе всмотримся въ самихъ негровъ, мы находимъ, что они далеко не однородны, представляютъ разнообразные переходы и различія типовъ. Если мы станемъ на точку зрѣнія теоріи видового единства человѣческаго рода, то мы не имѣемъ вовсе данныхъ для рѣшенія вопроса: гдѣ пріобрѣтена неграми ихъ тѣлесная окраска—въ Африкѣ или перенесена изъ мѣста предыдущаго обитанія въ Азіи или иномъ континентѣ? Нѣкоторые изслѣдователи указывали на родство съ неграми темнокожихъ народовъ южной Азіи, Австра-

ліи и Океаніи и называли даже общую ихъ родину гдѣ нибудь въ южной Азіи. Несомнѣнно, что большая часть культурныхъ растеній и домашнихъ животныхъ Африки не африканскаго, а азіатскаго происхожденія, что въ отношеніи матеріальной и даже духовной культуры можно найти немало сходныхъ чертъ въ бытѣ народовъ, населяющихъ Африку и полуострова Южной Азіи, однако, нужно помнить, что все же, при рѣшеніи такихъ вопросовъ, мы находимся въ области гипотезъ. Мы должны поэтому удовлетвориться предположеніемъ, что какъ и въ историческія времена намъ извѣстны переселенія азіатскихъ, а также европейскихъ народовъ въ Африку, точно также во времена до-историческія, безконечно болѣе продолжительныя, происходили, съ большими или меньшими промежутками, подобныя же переселенія. Только въ историческое время было немало такихъ переселеній. Первымъ по времени (между 2000 и 1600 гг. до Р. Х.) было переселеніе гиксовъ въ Египетъ. Далѣе идетъ переселеніе іудейскихъ племенъ; третьимъ было переселеніе абиссинцевъ изъ южной Аравіи. Четвертымъ, наиболѣе важнымъ для всей сѣверной Африки было массовое вторженіе арабовъ, которые принесли Африкѣ новое міросозерцаніе и религію, до сихъ поръ еще распространяющуюся вглубь. Наконецъ, турки въ XVI в. и европейцы въ XIX в. первые проникли въ сѣверную Африку, послѣдніе—главнымъ образомъ въ южную, благодаря климатическимъ причинамъ; мы оставляемъ въ сторонѣ болѣе мелкія вторженія персовъ, грековъ, римлянъ, вандаловъ.



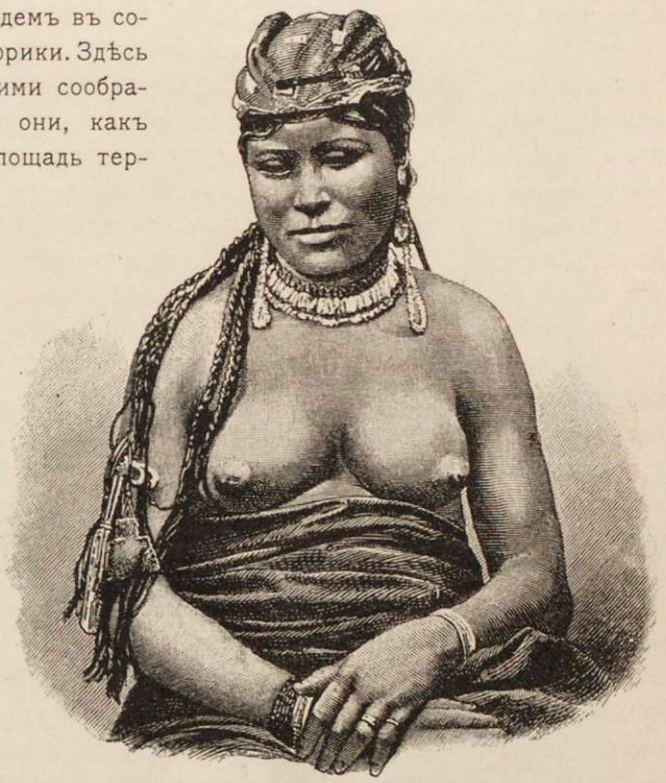
Типичный негръ изъ Судана.

Уже древніе египтяне знали свѣтлокожихъ ливійцевъ, жившихъ на западѣ, эѳіоповъ на югѣ и семитовъ—на востокѣ, т. е. тѣ народности, которыя и до сихъ поръ живутъ въ этихъ странахъ. Очевидно, что берберы и негры пришли въ Африку раньше египтянъ, хотя для первыхъ не исключается возможность ихъ переселенія не съ востока, а съ испанскаго полуострова. Если мы признаемъ древнѣйшими пришельцами тѣхъ, которые подъ давленіемъ новыхъ волнъ переселенія должны были уходить въ отдаленныя части континента, то мы можемъ считать таковыми свѣтлокожихъ южно-африканцевъ—готтентотовъ и бушменовъ. Ихъ отношенія къ сѣверо-африканцамъ далеко еще не выяснены. Не лучше выясненъ вопросъ и о происхожденіи и положеніи такъ называемыхъ народовъ-пигмеевъ Африки, которые внѣдрились клиномъ между народами Банту и сѣверо-восточными африканцами отъ Абиссиніи до нижняго Конго. Общимъ ихъ признакомъ является небольшой ростъ, прогнатизмъ, сравнительно свѣтлый цвѣтъ кожи, отсутствіе земледѣлія и политической организаціи. Большая часть южной экваторіальной Африки занята неграми Банту, объединенныхъ единствомъ строенія ихъ языка. Начиная съ внутренности Камеруна, мы входимъ въ область суданскихъ негровъ, несходныхъ по языку съ неграми Банту; въ остальномъ же обѣ группы трудно отдѣлимы, и нелегко рѣшить вопросъ, какую изъ этихъ группъ считать „на-

стоящими“ неграми, такъ какъ типическія негрскія формы встрѣчаются въ обѣихъ группахъ.

Уже почти въ теченіе двухъ тысячелѣтій проникаетъ въ негрскія страны болѣе свѣтлокожій народъ—фулахи. Народы сѣверо-восточной Африки отъ Нильскихъ озеръ до Сомалійскаго побережья и Нубіи принадлежатъ къ смѣшаннымъ народамъ: они не чистые негры и не чистые хамиты и стоятъ то ближе къ неграмъ, то къ послѣднимъ. Сюда нужно прибавить еще стоящихъ близко къ семитамъ абиссинцевъ, а также коптовъ и феллаховъ долины Нила. Въ большой пустынѣ сѣвера, поскольку она вообще обитаема, живутъ народы, стоящіе между неграми и берберами, одни ближе къ неграмъ, другіе, какъ, напримѣръ, туареги, къ берберамъ. Въ сѣверной Африкѣ, отъ оазисовъ Ливійской пустыни до Марокко живутъ очень устойчивые берберскіе народы: даже арабы не могли ихъ вытѣснить.

Даже въ спеціальной части этого тома, посвященнаго народамъ Африки, мы не будемъ въ состояніи говорить о всѣхъ племенахъ Африки. Здѣсь же мы должны ограничиться нѣсколькими соображеніями о неграхъ вообще, такъ какъ они, какъ мы видѣли выше, заняли громадную площадь территоріи Африки; поэтому мы и остановимся на краткой характеристикѣ наружнаго вида, духовныхъ особенностей и культурнаго положенія этого племени.



Нубіянка.

Прежде негра представляли себѣ въ видѣ совершенно чернаго человѣка, съ шерстистыми волосами, толстыми губами и носомъ, сильно выступающими впередъ челюстями и со скудной растительностью на лицѣ. Въ дѣйствительности оказалось, что цвѣтъ кожи, самое рѣзкое изъ физическихъ свойствъ негра, по преимуществу, темно-бурый. Вполнѣ черныхъ народовъ вообще не существуетъ. У однихъ народовъ преобладаютъ свѣтлые, у другихъ темные оттѣнки цвѣта кожи, имѣющей вообще болѣе грубое строеніе и, вслѣдствіе обильнаго выдѣленія пота, кажущейся холодной на ощупь. Трудно поддающійся опредѣленію специфическій „запахъ негровъ“ въ различной степени свойственъ всѣмъ неграмъ. Волосистость тѣла вообще незначительна. Повсюду, гдѣ она сильнѣе, волосы растутъ въ видѣ шерсти, или, лучше сказать, войлока—и это болѣе постоянный признакъ негровъ, чѣмъ цвѣтъ кожи или даже строеніе скелета. Ростъ бороды скорѣе слабый, баканбарды—лишь въ видѣ пучковъ, и усы замѣчаются обыкновенно лишь на углахъ рта. Средній ростъ негровъ по первымъ научно-поставленнымъ измѣреніямъ Фритча далъ цифру 172 сантиметра. Другія данныя опредѣлили эту величину въ 163 сант. Такимъ образомъ, въ среднемъ, негръ превосходитъ ростомъ европейца и принадлежитъ вообще къ числу самыхъ рослыхъ людей, уступая въ Африкѣ лишь кабиламъ. Негры кажутся нѣсколько выше ихъ дѣйствительнаго роста, благодаря крутому паденію стѣнокъ грудной

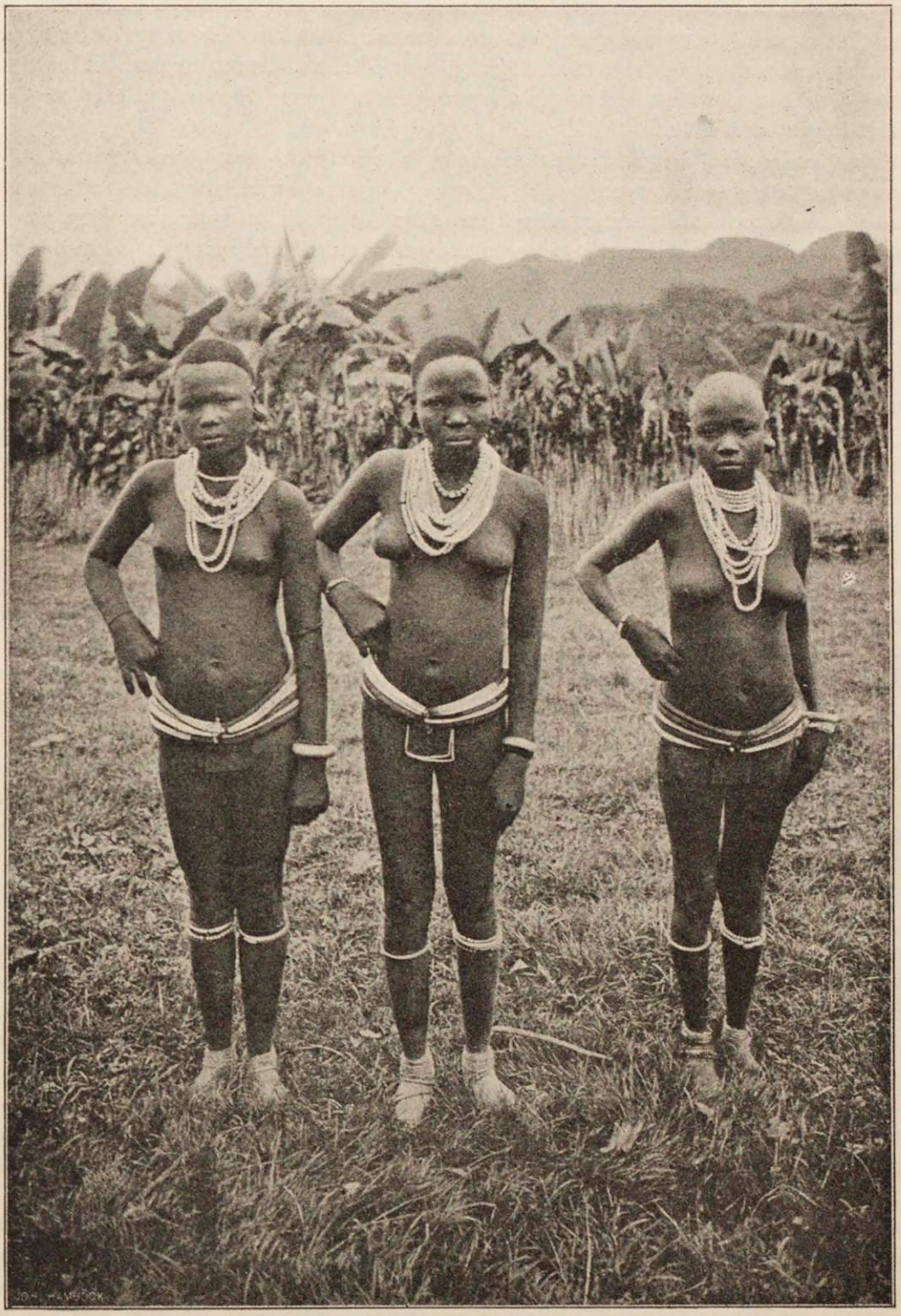
клѣтки и умѣренному выступанію бедеръ, что придаетъ имъ замѣчательную стройность. Мускулатура слабѣе, чѣмъ у нормально развитыхъ европейцевъ, въ особенности на голеняхъ. Черепъ имѣетъ массивное строеніе и отличается поразительной длиной при значительной высотѣ. Наибольшая ширина его приходится сзади и, при взглядѣ сверху, черепъ имѣетъ форму заостряющуюся спереди въ видѣ яйца. Лобъ чаще западаетъ назадъ, причемъ, конечно, не можетъ быть рѣчи о красивомъ, широкомъ лбѣ, свойственномъ мыслителямъ. При первомъ столкновеніи съ неграми, европейца непріятно поражаютъ многія особенности, какъ, напримѣръ, вдавленный носъ, вздутыя губы, но въ концѣ концовъ къ этому привыкаютъ и безпристрастные путешественники, какъ Фритчъ, Швейнфуртъ и др., вовсе не считаютъ негрскую расу некрасивой.

Негры отличаются большой силой и свѣжестью органовъ чувствъ; негры обладаютъ особенно острымъ зрѣніемъ, замѣчательно развитой способностью ориентироваться въ мѣстности и искусствомъ отыскиванья воды. Свѣжесть, свойственная ихъ душѣ, выражается въ наивномъ энтузіазмѣ, кажущемся дѣтскимъ европейцу.

Лѣнивые въ „естественномъ состояніи“, негры развиваютъ подъ давленіемъ обстоятельствъ большую способность къ физической дѣятельности. Въ Америкѣ замѣчено, какъ общее правило, что негры менѣе способны къ постоянной, непрерывной работѣ въ сравненіи съ европейцами, но зато они превосходятъ ихъ тамъ, гдѣ требуется быстрота и бурное проявленіе силы. Въ качествѣ носильщиковъ тяжестей они выказываютъ большую силу и выносливость. Они обладаютъ также большей сопротивляемостью вліянію спиртныхъ напитковъ, столь гибельныхъ для первобытныхъ народовъ. У себя дома негръ превосходный кузнецъ, рѣзчикъ и кожевникъ; въ этихъ ремеслахъ онъ обнаруживаетъ большую настойчивость и усердіе.

Много писалось о характерѣ негровъ, но отзывы часто очень противорѣчивы. Лучшій знатокъ негровъ Ливингстонъ говоритъ: „Во многихъ случаяхъ они совершаютъ замѣчательно добрые поступки, а въ другихъ случаяхъ—совершенно противоположны имъ. Послѣ долгихъ наблюденій я пришелъ къ выводу, что они представляютъ такую же замѣчательную смѣсь добраго и злого, какъ и всѣ люди“. Дѣтскіе черты проникаютъ весь характеръ негра и больше всего выказываются въ непринужденности проявленій. Коренной порокъ ихъ—ложь. Сами они ложь почти не считаютъ порокомъ. Важный порокъ негра—его алчность. Человѣческая жизнь цѣнится невысоко и убійства въ Африкѣ нерѣдки. Согласно распространенному мнѣнію о неграхъ, можно сказать, что нравственность ихъ находится въ обратномъ отношеніи къ полнотѣ ихъ костюма: племена, обходящіяся почти безъ одежды, являются самыми чистыми въ отношеніяхъ между полами, между тѣмъ какъ племена, вполнѣ одѣтыя, оказываются наиболѣе распущенными. Многіе наблюдатели отмѣчаютъ поверхностность, подвижность и веселость ихъ, которая ни отъ чего не пропадаетъ. Они способны къ большой преданности. Когда въ рабствѣ съ ними обращались справедливо, они выказывали трогательную привязанность къ своимъ хозяевамъ. Объ умственныхъ способностяхъ негровъ нерѣдко высказывались неблагопріятныя сужденія. Справедливость требуетъ однако признать, что негры вообще отличаются немалою даровитостью. Среди ихъ умственныхъ способностей особливо выдѣляется талантъ подражанія: они въ высокой степени способны къ выучкѣ. Они быстро усваиваютъ иностранные языки и въ короткое время выучиваются читать. Примѣръ Америки съ ея милліонами свободныхъ негровъ показываетъ намъ, что негры способны воспринимать культуру. Негръ выказываетъ большую глубину и тонкость наблюденія; онъ носитъ въ себѣ запасъ жизненнаго опыта, коллективной мудрости во множествѣ пословицъ, загадокъ и басенъ. Вотъ нѣсколько образчиковъ негрскихъ поговорокъ: „Вода и огонь не живутъ вмѣстѣ. Ракъ не можетъ сдѣлаться птицей. Своя рука никогда не обманетъ. Плодъ падаетъ подъ деревомъ. Два короля не усидятъ въ одномъ городѣ. Золото острѣе ножа“. Негры придаютъ большое значеніе числамъ;

у многихъ негрскихъ народовъ имѣются собственныя наименованія для всѣхъ чиселъ до тысячи по десятичной системѣ.



Дѣвушки джагговъ.
(По фотографіи).

Въ заключеніе намъ остается въ крайне общихъ чертахъ коснуться быта негрскихъ племенъ. Только весьма небольшую часть ихъ, собственно только бушменовъ и нѣкоторыя племена внутри материка, можно назвать чисто охотничьими народами. Всѣ остальныя занимаются или земледѣліемъ, или скотоводствомъ, или же тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Земледѣліе, однако, не нужно понимать въ нашемъ смыслѣ слова; плугъ нигдѣ не проникаетъ въ настоящую центральную Африку; вся область Конго, страна на верхнемъ и среднемъ Замбези, большая часть областей верхняго Нила, Нигера, Шари и Сенегала обрабатываются мотыкой.

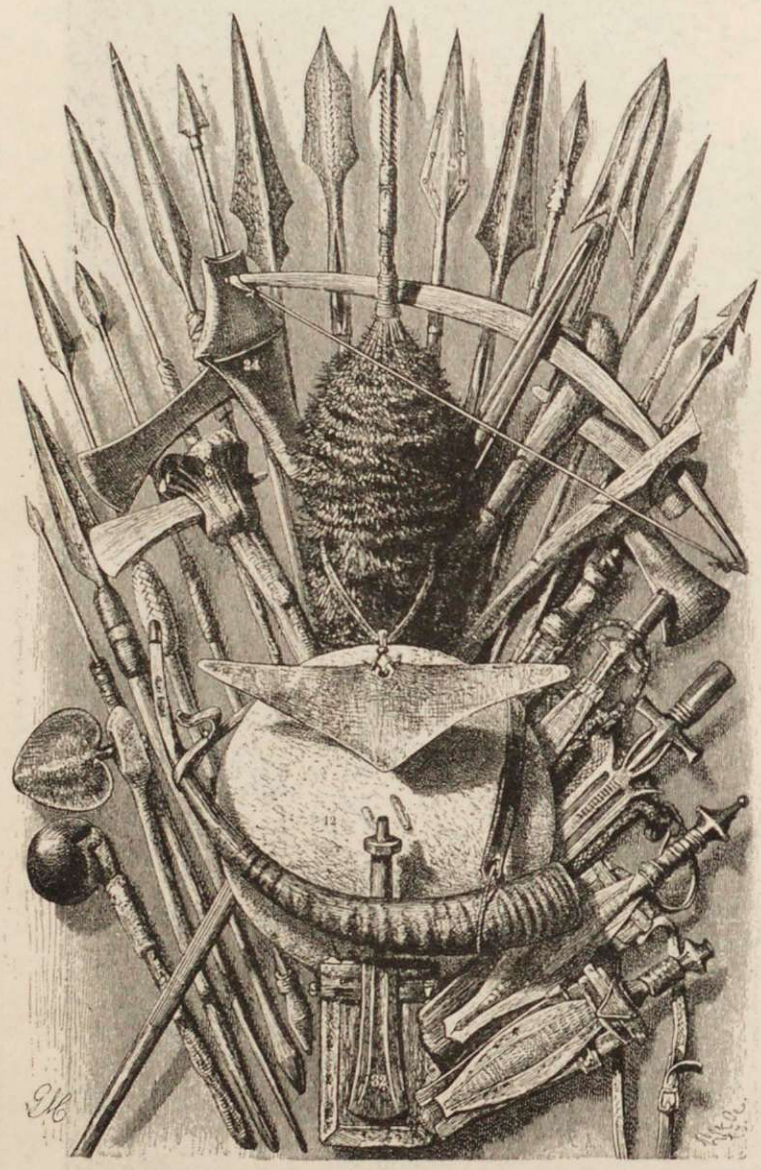
Питаніе негровъ опредѣляется тѣмъ, что̀ является для нихъ главнымъ занятіемъ: земледѣліе или скотоводство. Мясо часто поѣдается сырымъ, или жарится на деревянной спицѣ, или же разрѣзывается на длинные куски и коптится. Изъ растительной пищи нужно прежде всего назвать просяную и маисовую кашу и печенія въ видѣ лепешекъ изъ того же маиса и проса. На западѣ Африки по преимуществу идутъ въ пищу корнеплоды. При достаточномъ запасѣ пищи негръ легко предается неумѣренности. Изъ напитковъ болѣе всего распространены просяное и маисовое пиво; къ этому присоединяется еще во всей тропической Африкѣ пальмовое вино и опьяняющіе напитки, приготовляемые изъ банановъ и сахарнаго тростника. На соль громадный спросъ, но для многихъ племенъ пріобрѣтеніе ея очень затруднительно. Табакъ, который тамъ нюхаютъ, жуютъ и курятъ, распространенъ повсемѣстно. Народы, занимающіеся скотоводствомъ, питаются также молокомъ, а нѣкоторые и кровью рогатаго скота. Сыръ не изготовляется ни однимъ негрскимъ племенемъ, а только абиссинцами, арабами и берберами.

Одежда негровъ весьма измѣнчива и разнообразна. Племенъ, для которыхъ привычной была бы полная нагота, вообще не существуетъ. Женщины, даже у наименѣе одѣтыхъ племенъ, носятъ все-таки передникъ, часто отдѣланный бусами и другими украшеніями. Для изготовленія этихъ передниковъ служатъ: пальмовые и банановые листья, кожа и древесная кора. Матеріи изъ древесной коры — первичные матеріалы для одежды негровъ. У скотоводовъ и охотниковъ для той же цѣли служатъ шкуры. Въ настоящее время, особенно среди приморскихъ народовъ, распространены европейскія хлопчатобумажныя ткани. Татуировка распространена менѣе, чѣмъ у полинезійцевъ, и чаще всего имѣетъ видъ рубцовъ на различныхъ частяхъ тѣла. Многія негрскія племена устраиваютъ самыя странныя прически. Зубы часто подпиливаются и имъ придается остроконечная форма, иногда же они отчасти выбиваются вовсе.

Хижины и дома негровъ въ послѣднее время тщательно изучались и могутъ быть сведены къ немногимъ типамъ. Самыя простыя постройки мы находимъ у охотничьихъ племенъ, а именно, полушаровидныя хижины изъ согнутыхъ вѣтвей. Постройка ихъ и переноска не представляетъ особенныхъ затрудненій. Въ усовершенствованной формѣ онѣ перешли къ готтентотамъ, гереро и кафрамъ; полъ и стѣны здѣсь часто покрываются глиной. Такую полушаровидную хижину мы находимъ и далѣе на сѣверѣ, гдѣ встрѣчаются хижины до 20 м. въ поперечникѣ и до 6—8 м. высоты. Онѣ имѣютъ всегда одинъ небольшой входъ. Весьма распространены конусообразныя хижины съ цилиндрической стѣной, смазанной часто глиной. Далѣе, извѣстны хижины съ четырехугольнымъ очертаніемъ и плоской глиняной крышей. На сѣверѣ негрскихъ странъ мы находимъ значительное примѣненіе земли, какъ строительнаго матеріала. Такимъ образомъ возникли высокія башнеобразныя, часто весьма живописныя, глиняныя постройки. Особый типъ образуютъ хижины съ вилообразной или сѣдловидной крышей. Хижины негровъ часто группируются около открытой площади, которая можетъ служить ночью пріютомъ для стадъ; съ наружной стороны хижины обнесены оградой и иногда укрѣплены палисадой. Вообще, имѣется въ виду прежде всего безопасность, а потому въ большей части Африки преобладаютъ замкнутыя деревни.

Хижина джаггоэъ.

Изъ предметовъ негрскаго обихода особый интересъ представляетъ оружіе, въ послѣднее время изученное достаточно и относительно его особенностей, а также и его географическаго распространенія. Теперь это старинное оружіе—пики, копья, кинжалы, боевые топоры и т. п. вытѣсняется повсюду ружьями. Большіе щиты различной формы и устройства служатъ для защиты. Украшенія изъ перьевъ, кольца изъ бронзы и желѣза, зубы, раскрашиваніе тѣла красками усиливаютъ внѣшнее впечатлѣніе воина.

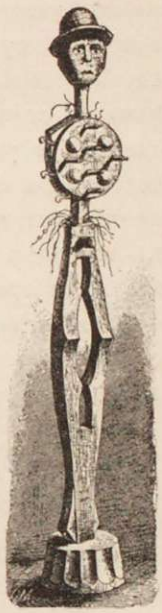


Африканское оружіе.

Брачныя отношенія негровъ такія же, какъ у большинства дикихъ народовъ: жена обыкновенно пріобрѣтается покупкою, и чѣмъ больше женъ у мужчины, тѣмъ большимъ онъ пользуется уваженіемъ. Возрастъ невѣсты часто бываетъ не старше 9 лѣтъ. Свадебныя церемоніи часто сопровождаются танцами, музыкой и попойкой. Положеніе женщины почти у всѣхъ негрскихъ племенъ — положеніе работницы. Нѣкоторыя племена отводятъ, однако, женщинамъ весьма вліятельное положеніе, допускаютъ на народныя собранія и даже возводятъ въ званіе начальницъ.

Вѣра въ высшее существо несомнѣнно встрѣчается у многихъ негрскихъ народовъ; но между нимъ и человѣкомъ стоятъ всевозможные духи, демоны, по большей части злыя существа, могущія дѣлать человѣку добро, а чаще зло Отсюда жертвы злымъ духамъ, чтобы ихъ умилостивить. Посредниками между людьми и злыми духами являются колдуны. На западѣ особенно распространено поклоненіе фетишамъ. Фетишемъ можетъ сдѣлаться вообще любой предметъ: колъ, животное, камень, кусокъ дерева. Нерѣдко для фетишей строится особая хижина, въ которой складываются многочисленные амулеты и приношенія. Высшую ступень занимаетъ почитаніе силъ природы, въ особенности огня, кометъ, луны, воды. Растенія и въ особенности вредныя животныя часто служатъ предметами религіозныхъ обрядовъ. Что касается до географическаго распространенія язычества

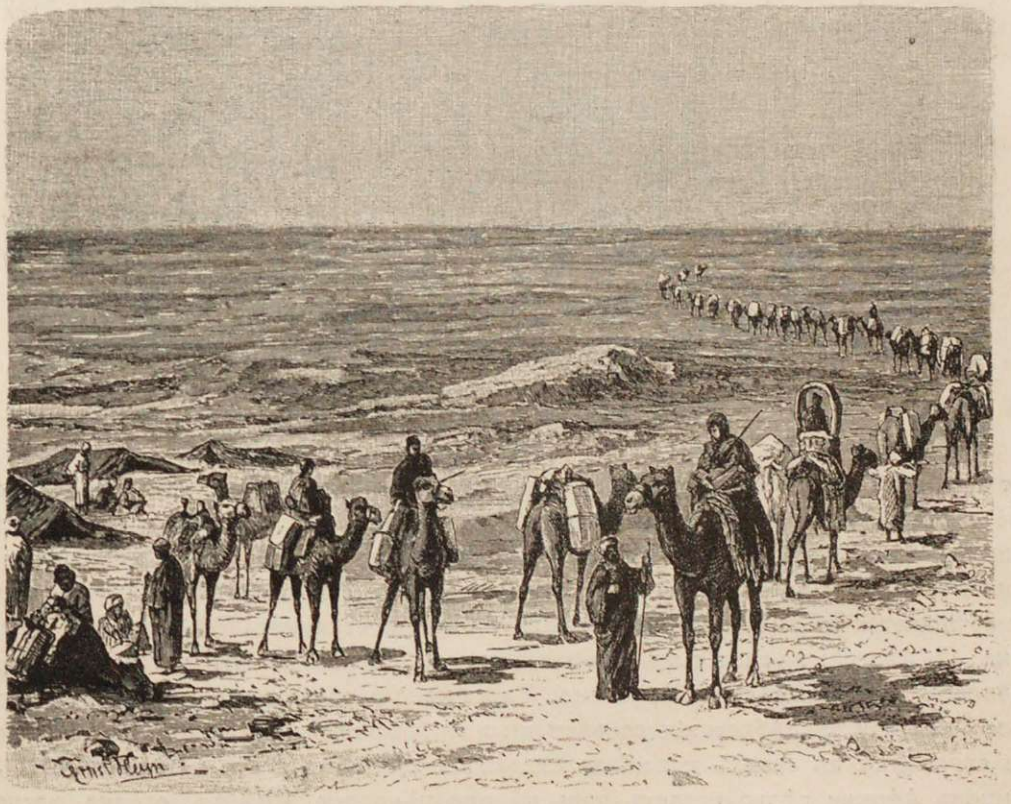
и другихъ религій, какъ магометанство, христіанство и др., то можно сказать вообще, что язычество, вытѣсняемое христіанствомъ и еще болѣе исламомъ, во всякомъ случаѣ находится въ состояніи регресса. На сѣверѣ Африки, въ Египтѣ, Триполи, Тунисѣ, Алжирѣ и Марокко уже цѣлыя столѣтія живутъ многочисленные евреи.



Идолъ изъ Габуна.

Африканскія государства всего болѣе отличаются отъ европейскихъ неопредѣленностью своихъ границъ. Власть начальниковъ всего значительнѣе вблизи ихъ резиденціи и, чѣмъ дальше отъ нея, тѣмъ больше она уменьшается до нейтральной полосы, которой управляетъ то тотъ, то другой начальникъ. Поэтому тамъ нѣтъ пограничныхъ линій, а есть пограничныя полосы или зоны. Государства, особенно въ Суданѣ, вслѣдствіе сосредоточенія власти въ центрѣ, имѣютъ часто круглую или овальную форму. Съ захватомъ столицы врагами такое государство обыкновенно быстро разрушается.

Африканецъ охотно занимается не только земледѣліемъ и скотоводствомъ, но и торговлею. Для многихъ племенъ торговля является вопросомъ жизни, а для ихъ начальниковъ — главнымъ источникомъ дохода. Спеціально африканскія формы торговли вмѣстѣ съ способами и путями сообщенія, съ постройкой желѣзныхъ дорогъ, отходятъ, конечно, на второй планъ, но еще пройдетъ много времени, пока они окончательно станутъ достояніемъ исторіи. Способы сообщенія, конечно, различны въ зависимости отъ физическихъ условій края. Преобладаетъ способъ путешествія караванами. Караваны вездѣ, гдѣ они ходятъ, пользуются всегда однѣми и тѣми же дорогами, такъ какъ для новыхъ, непри-



Караванъ въ сѣв. Африкѣ.

вычныхъ дорогъ трудно найти верблюдовъ и носильщиковъ. Въ пустынѣ идутъ отъ одного колодца до другого, разыскивая въ промежуткахъ дорогу по слѣдамъ прежнихъ каравановъ. Въ саваннѣ слѣдуютъ по проторенной узкой дорогѣ, дающей возможность двигаться только по одному человѣку. Торговые пути измѣняются при высыханіи источниковъ и колодцевъ. По употребительнымъ способамъ передвиженія Африка раздѣляется на нѣсколько областей. Въ странахъ Атласа господствуетъ лошадь, оселъ и мулъ. Далѣе слѣдуетъ область одногорбаго верблюда, обнимающая главнымъ образомъ пустыню. Число верблюдовъ каравана колеблется отъ 100 до 1.000. Продолжительность пути бываетъ велика: такъ, до возвращенія каравана, ушедшаго изъ Триполи въ Суданъ, проходитъ обыкновенно 14—18 мѣсяцевъ. Тропическая Африка является по преимуществу областью каравановъ носильщиковъ. Въ Лундѣ для переноски путешественниковъ весьма употребительна типоя или носилки, на которыхъ путешественника несутъ четыре человѣка. Въ южной Африкѣ

Караванъ носильщиковъ.

еще до прибытія европейцевъ пользовались быками, какъ верховыми животными; позднѣе, въ особенности буры, примѣнили быковъ для перевозки своихъ тяжелыхъ повозокъ, въ которыя впрягали отъ 10 до 24 быковъ. Какъ и всякая часть свѣта, Африка имѣетъ свои мѣновыя цѣнности и денежные знаки. Въ сѣверо-восточной и восточной Африкѣ исключительно обращается до сихъ поръ талеръ Маріи Терезіи чеканки 1780 г., и, сообразуясь съ спросомъ, въ Австріи до сихъ поръ чеканятъ талеръ съ обозначеніемъ того же года. Цѣна его равняется приблизительно 2 рублямъ. Та же монета обращается въ Суданѣ, Борну, въ Конго и Тимбукту. Въ Абиссиніи со времени англійскаго похода привились индійскія рупіи; вообще европейцы въ своихъ колоніяхъ стараются доставить ходъ своей монетѣ. Золото у туземцевъ Африки рѣдко играетъ роль мѣрила цѣнности. Имѣютъ, однако, распространеніе и многія туземныя мѣрила цѣнности. Упомянемъ о желѣзныхъ деньгахъ, которыя

обращаются на берегахъ Шари, на верхнемъ Нилѣ. Мѣдныя деньги въ формѣ крестовъ широко распространены въ бассейнѣ Конго. Но во всемъ западномъ Суданѣ металлическія деньги отступаютъ на второй планъ передъ раковиной каури, которая въ большихъ массахъ доставляется съ Малединскихъ острововъ. Она распространена въ видѣ денежнаго знака по всей области Нигера, принимается также въ Борну, но не распространяется въ пустыню. Раковины нанизываются на шнуры, иногда же нѣтъ, и тогда счетъ ихъ—дѣло довольно утомительное: 2500—3000 штукъ равны 2 рублямъ. Другое любимое средство уплаты, напр. на восточномъ склонѣ Абиссиніи—представляетъ соль въ видѣ плитокъ отъ 5 сант. толщины до 30 сант. длины, вѣсомъ въ $^3/_4$ килогр. Во многихъ мѣстахъ деньгами служатъ куски хлопчатобумажной матеріи. Во всей внутренней Африкѣ—ткани, бусы, мѣдная и желѣзная проволока, ружья и т. п. предметы—единственныя средства расплаты.

Въ краткомъ общемъ очеркѣ трудно характеризовать значеніе для Африки европейскаго элемента и того вліянія, какое онъ имѣлъ на сообщенія, торговлю и колонизацію материка; объ этомъ гораздо легче говорить, касаясь отдѣльныхъ странъ или областей.

Въ настоящее время въ общемъ уже закончился раздѣлъ Африки между европейскими державами. Въ настоящее время по меньшей мѣрѣ 30% территоріи Африки находится подъ французскимъ вліяніемъ и распространяется на сѣверо-западъ и западъ материка. Франціи же принадлежитъ огромный островъ Мадагаскаръ. Около 25%, считая и Египетъ, находится подъ англійскимъ вліяніемъ: безъ англичанъ не обходится ни одна часть Африки. Особенно важное значеніе имѣютъ южно-африканскія колоніи. Въ общемъ можно сказать, что исторія Африки въ XX вѣкѣ будетъ носить франко-англійскій характеръ. Значеніе другихъ державъ несравненно меньше. Приблизительно одинаково (около 7%) вліяніе бельгійцевъ, нѣмцевъ и португальцевъ. Участіе прочихъ европейскихъ державъ во владѣніи африканской территоріей сравнительно очень невелико.

Цвѣтной африканецъ съ каждымъ днемъ приходитъ въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ европейцемъ, но онъ не ждетъ отъ него избавленія отъ тяжелыхъ условій своего существованія. Въ своемъ первобытномъ существованіи онъ чувствовалъ себя прекрасно и не испытывалъ потребности въ перемѣнѣ. Собственное рабство африканцевъ рѣдко принимало такія жестокія формы, какъ развившаяся въ XIX вѣкѣ охота за рабами съ ея послѣдствіями.

Трудно также дать итоги дѣятельности миссіонеровъ. Мы видѣли, что нѣкоторые изъ нихъ значительно двинули впередъ дѣло изученія Африки и ея обитателей. Можно сказать, что еще весьма обширны области, гдѣ успѣхи миссіи, несмотря на продолжительную работу, должны быть признаны незначительными. Тамъ, гдѣ миссіи служили лишь прикрытіемъ для политической агитаціи, или гдѣ сталкивались миссіонеры различныхъ исповѣданій, тамъ они приносили прямой вредъ.

Постройка путей сообщенія въ Африкѣ въ послѣднее время шла чрезвычайно быстро. Большая африканская дорога съ юга на сѣверъ „отъ мыса Доброй Надежды до устья Нила“ фактически уже готова отъ Капштадта до Булувайо и отъ Хартума до Средиземнаго моря, если признать пароходное сообщеніе равносильнымъ желѣзной дорогѣ. Еще быстрѣе распространеніе телеграфа, имѣющее громадное значеніе для поддержанія связи европейца въ глубинѣ материка съ внѣшнимъ міромъ.

Страною для европейскаго заселенія въ большомъ масштабѣ Африка, за исключеніемъ небольшихъ частей на крайнемъ сѣверѣ и крайнемъ югѣ, никогда не будетъ. Европа эксплоатируетъ въ своихъ цѣляхъ населеніе Африки, которое едва ли достигнетъ въ недалекомъ будущемъ такой высоты, чтобы занять мѣсто наряду съ бѣлыми народами. Переходъ къ новымъ условіямъ жизни для африканца неизбѣженъ; на болѣе сильномъ культурою европейцѣ лежала бы благородная цѣль облегчить ему этотъ переходъ, но, къ сожалѣнію, иные, болѣе низменные и болѣе сильные, въ общемъ, мотивы влекутъ сюда

представителей европейской культуры, за знакомство съ которой дорогою цѣною расплачивается „дикій“ африканецъ.

Въ настоящее время вѣкъ путешествій по Африкѣ въ прежнемъ смыслѣ этого слова уже закончился, но вѣкъ изученія Африки и ея обитателей, можно сказать, еще только начинается и вѣку этому не видно конца.

Н. Могилянскій.

Глава I.

Географическій очеркъ.—Мѣстоположеніе Египта.—Дельта.—Приморскіе города.

Трудно найти другую страну, такъ блестяще расположенную въ географическомъ отношеніи, какъ (Египетъ). Находясь въ центрѣ трехъ материковъ Стараго Свѣта и омываемый съ двухъ сторонъ морями различныхъ океановъ, Египетъ издавна былъ центромъ скрещенія дорогъ между Азіей и Африкой, Европой и Индіей, а со времени прорытія Суэзскаго канала лежитъ на пути въ Индію и Австралію. Всѣмъ извѣстно то громадное значеніе, которое имѣлъ Египетъ въ древней исторіи. Трудно, почти невозможно, прослѣдить начало цивилизаціи Египта: одно несомнѣнно, что египтяне были уже образованной націей въ ту отдаленную эпоху, когда вся Европа еще пребывала въ дикомъ состояніи. Словомъ, Египетъ былъ отчасти источникомъ нашей цивилизаціи. Мы не будемъ останавливаться на исторіи царства фараоновъ, знаменитыя пирамиды которыхъ до сихъ поръ говорятъ о могуществѣ и силѣ властелиновъ и порабощеніи массъ населенія, принужденнаго сооружать такія чудовищныя могилы. Владычество фараоновъ распространялось въ цвѣтущій періодъ ихъ исторіи на громадное пространство и проникало даже въ Европу до береговъ Каспійскаго моря и въ Азію до береговъ Индійскаго океана. Но обширныя завоеванія были вмѣстѣ съ тѣмъ и началомъ упадка Египта и его цивилизаціи. Въ VI в. до Р. Х. Египетъ былъ завоеванъ персами и съ тѣхъ поръ, за исключеніемъ небольшого періода самостоятельности Египта въ IV в., онъ постоянно находится подъ владычествомъ иноземныхъ государей. Владычество персовъ смѣнилось владычествомъ грековъ, затѣмъ римлянъ, арабовъ и наконецъ въ XVI в. Египетъ сдѣлался турецкой провинціей. Лишь въ XIX в. измѣнилось положеніе Египта; онъ пріобрѣтаетъ вновь нѣкоторую самостоятельность и теперь считается вассальнымъ государствомъ турецкой имперіи, хотя фактически находится подъ управленіемъ Англіи.

Пространство, занимаемое современнымъ Египтомъ отъ береговъ Средиземнаго моря до границъ Нубіи и отъ пустыни Сахары до Краснаго моря, въ большей своей части представляетъ безплодныя пустыни или каменистыя плоскогорія, негодныя для обработки; только долина рѣки Нила, тянущаяся узкой лентой между горъ по обѣимъ сторонамъ, треугольникъ дельты, да оазисы Ливійской пустыни, если не считать пастбищъ въ горахъ восточнаго Египта, образуютъ площадь великолѣпной плодородной земли, на которой преимущественно и группируется земледѣльческое населеніе Египта. Весь Египетъ занимаетъ пространство, равное приблизительно $^2/_3$ Европейской Россіи—около 1 мил. квадрат. километровъ,—а удобная для обработки площадь его земли едва достигаетъ 33 тыс. квадр.

килом., слѣдовательно, равна приблизительно Бельгіи. Населеніе Египта, по переписи 97 г. достигающее почти 10 мил. (9.750.000), по отношенію къ общей его площади очень рѣдкое; но если принять во вниманіе лишь площадь плодородной земли, то трудно найти другую страну, такъ плотно населенную, какъ долина Нила—житница Египта (234 ж. на 1 кв. килом.)

Прибрежная полоса сѣвернаго Египта, примыкающая къ Средиземному морю, и дельта Нила отвоеваны Ниломъ у моря. Довольно однообразная по внѣшнему виду, область эта въ южной своей части теперь одна изъ наиболѣе обработанныхъ и плодородныхъ мѣстностей Египта. Приморскій берегъ образуетъ рядъ невысокихъ песчаныхъ холмовъ, защищающихъ дельту отъ сильныхъ прибоевъ волнъ, особенно страшныхъ зимой въ періодъ господства бурныхъ сѣверныхъ вѣтровъ; южнѣе за рядомъ неглубокихъ озеръ отъ Аравійской пустыни до Ливійской тянется болотистая полоса земли, шириной въ среднемъ около 30 километр,, такъ называемая Берари, къ югу отъ которой до Каира начинается самая плодородная часть дельты.

На прибрежныхъ песчаныхъ холмахъ кое-гдѣ разбросаны хижины рыбаковъ, а въ ложбинахъ можно встрѣтить поселенія, утопающія въ финиковыхъ пальмахъ, окруженныя садами и огородами съ прекрасными дынями, виноградомъ, финиками и т. п. плодами. Не мало труда и искусства надо однако, чтобъ обратить сухую, песчаную почву этой мѣстности въ плодоносные участки; необходима глубокая вспашка земли, чтобъ растенія могли получать влагу въ достаточномъ количествѣ, однако борозды не должны быть очень глубоки, такъ какъ слишкомъ сильная влага будетъ вредна растеніямъ; обработанные такимъ образомъ участки необходимо хорошо удобрить гуано и оградить крѣпкимъ частоколомъ изъ тростника отъ заносовъ пескомъ. Мало удобна для культуры и болотистая Берари; необходимо осуществленіе цѣлаго ряда осушительныхъ работъ прежде чѣмъ возможно будетъ приступить къ обработкѣ этой области, теперь же пока воздѣлываются подъ посѣвы хлѣбовъ и хлопчатника лишь отдѣльные участки, выступающіе изъ подъ воды, покрывающей эту мѣстность большую часть года. На почвѣ пропитанной солью, воздѣлывается преимущественно рисъ; пласты соли часто выступаютъ на поверхность и блестятъ на яркихъ лучахъ солнца. Нѣкогда дѣйствовавшая здѣсь система искусственнаго осушенія и орошенія почвы была запущена и только развалины древнихъ городовъ и мѣстечекъ указываютъ на населенность этой мѣстности въ былое время.

Одно земледѣліе не могло бы прокормить населеніе этой части дельты; подспорьемъ ему является рыболовство, охота, соляной промыселъ и наконецъ торговля, сосредоточенная въ портовыхъ городахъ Средиземнаго моря. Озера дельты кишмя кишатъ дичью и рыбой. Мѣстные жители свеобразно ловятъ водяную птицу: фламинго (красн. гусь), пеликановъ, журавлей, утокъ,. тучами прилетающихъ въ озера дельты. Съ простыми сѣтями изъ крѣпкихъ конскихъ волосъ охотники незамѣтно подплываютъ къ стаду, спрятавъ голову въ пустую просверленную тыкву, какъ бы случайно плавающую по волнамъ, быстро схватываютъ птицу, стоящую на стражѣ и погружаютъ ее въ воду, прежде чѣмъ она успѣетъ поднять тревогу; остальное стадо, застигнутое въ расплохъ, массами запутывается въ сѣтяхъ.

Южнѣе Берари до Каира дельта Нила—истинный садъ Египта; прекрасно обработанныя поля и пастбища пересѣкаются каналами, валы которыхъ усажены акаціями и сикоморами. Главное богатство—плантаціи хлопчатника, въ періодъ цвѣтенія напоминающія рощи желтыхъ розъ. Мѣстность эта представляетъ рѣдкій по своему оживленію земледѣльческій и промышленный центръ и совершенно утратила характеръ соннаго и неподвижнаго Востока. Линіи желѣзныхъ дорогъ пересѣкаютъ ее въ различныхъ направленіяхъ, сѣть каналовъ (около 1000 килом.), помимо большихъ рукавовъ Нила, цѣлый годъ доступна судоходству, масса фабрикъ для очистки хлопка, многолюдныя деревушки и города

торговые и промышленные полны жизни и дѣятельности. Городъ Загазигъ, (36 тыс. жителей) лежащій на соединеніи нѣсколькихъ жел. дорогъ, является главнымъ складочнымъ пунктомъ хлопка и хлѣба, производимаго дельтой: населеніе его быстро растетъ и съ 1860 г. увеличилось уже въ 5 разъ.

Главнѣйшими приморскими городами дельты являются: Розетта, Даміетта, Александрія и Портъ-Саидъ. Нилъ вливается въ Средиземное море двумя рукавами, при устьѣ которыхъ и расположены города Розетта и Даміетта. Нѣкогда это были центры международной торговли Египта; постепенно ихъ міровое значеніе пало и центръ торговли перемѣстился въ Александрію, соединенную каналомъ Махмудіе съ Ниломъ и жел. дорогой съ Каиромъ. Съ прорытіемъ Суэцскаго канала значеніе Александріи въ свою очередь падаетъ, она уступаетъ мѣсто новому порту Средиземнаго моря Порту-Саиду. Порты Розетты и Даміетты посѣщаются теперь преимущественно мелкими судами, совершающими побережное, каботажное плаваніе по берегамъ Сиріи, М. Азіи и Эгейскаго моря; главные предметы торговли—рисъ, соль, рыба. Знаменитая мечетъ Даміетты до сихъ поръ посѣщается пилигримами мусульманами, благодаря ея чудесной колоннѣ, покрытой запекшей кровью и слюной; по преданію всякій больной, приходящій съ вѣрою къ этой колоннѣ, будетъ исцѣленъ, если полижетъ камень колонны до тѣхъ поръ, пока не потечетъ кровь съ его языка. Александрія—одинъ изъ самыхъ богатыхъ городовъ Египта и одинъ изъ главныхъ торговыхъ городовъ свѣта—обладаетъ прекрасной гаванью и портомъ, доступнымъ для стоянки большихъ морскихъ судовъ. Отъ города, построеннаго великимъ македонскимъ завоевателемъ 2200 лѣтъ тому назадъ, не осталось почти и слѣдовъ. Островъ Форосъ, лежавшій въ морѣ противъ Александріи, теперь обратился въ полуостровъ благодаря плотинѣ, построенной однимъ изъ первыхъ Птоломеевъ для соединенія его съ городомъ. На этой плотинѣ, сильно увеличенной морскими наносами, расположенъ теперь турецкій городъ съ кривыми, неровными улицами, пересѣкаемыми нѣсколькими широкими проспектами; полуостровъ Форосъ застроенъ домами, казармами, дворцами, и на юго-западной сторонѣ его возвышается башня маяка, замѣнившаго разрушившійся древній маякъ Фороса изъ бѣлаго мрамора. Современный европейскій городъ расположенъ на югъ и востокъ отъ турецкаго, приблизительно на томъ мѣстѣ, гдѣ была древняя Александрія; великолѣпныя постройки, широкія улицы тянутся далеко къ сѣверо-востоку, заканчиваясь чудными садами предмѣстій, виллами и дачами, окруженными пальмами, бананами, мимозами, священными смоковницами и другими роскошными деревьями. Александрія теперь совершенно утратила свое былое значеніе умственнаго центра, сосредоточія наукъ и искусства; хотя главное ученое учрежденіе Египта—академія наукъ и словесности—было основано въ Александріи, а не въ столицѣ Египта—Каирѣ, это не возвратило ей прежняго значенія, она остается по преимуществу городомъ торговымъ; $^2/_3$ всего торговаго обмѣна Египта съ остальнымъ міромъ производится черезъ Александрію и до открытія Суэцскаго канала всѣ сношенія съ Западомъ были въ рукахъ Александріи.

Съ развитіемъ судоходства по Суэцскому каналу начинаетъ расти значеніе Портъ-Саида Это новый городъ, построенный при входѣ въ Суэцскій каналъ, на совершенно безплодной песчаной косѣ, отдѣляющей озеро Мензалекъ отъ Средиземнаго моря, вдали отъ прѣсноводныхъ источниковъ, имѣетъ исключительно торговое значеніе. Расположенныя на нѣсколькихъ десяткахъ острововъ постройки этого города—главнымъ образомъ склады товаровъ и припасовъ, группируются въ широкія улицы, пересѣкающіяся подъ прямымъ угломъ. Къ западу отъ европейскаго города раскинулся городъ арабскій, за послѣднее время подвергшійся сильному европейскому вліянію. Великолѣпная, обширная гавань Порта-Саида доступна для самыхъ большихъ торговыхъ и военныхъ судовъ всего міра. Противъ города на азіатскомъ берегу сложены груды каменнаго угля, которымъ запасаются здѣсь всѣ суда, идущія въ дальнее плаваніе. Ежегодный ввозъ угля въ Портъ-Саидъ превышаетъ 600.000 тоннъ.

Разгрузка и нагрузка судовъ съ необыкновенной быстротой и ловкостью производится артелями грузчиковъ арабовъ, спеціализировавшихся на этомъ дѣлѣ. Масса всевозможныхъ судовъ постоянно снуетъ около набережныхъ П. Саида. По населенію, торговлѣ, обычаямъ и нравамъ П. Саидъ городъ чисто европейскій; французская рѣчь слышится повсюду, глав-

Портъ-Саидъ.

ныя учебныя заведенія П. Саида находятся въ рукахъ французскихъ конгрегацій. П. Саидъ одинъ изъ самыхъ здоровыхъ городовъ въ Нижнемъ Египтѣ; недостатокъ зелени, отсутствіе садовъ объясняется отсутствіемъ прѣсной воды, едва достаточной для потребленія и не идущей на орошеніе этой безплодной мѣстности.

Глава II.

Столица Египта. Каиръ и его окрестности. Долина Нила. Памятники древняго Египта. Аравійская и Ливійская пустыни; оазисы.

Почти въ самомъ углу треугольника дельты, на главномъ пути въ Нижній Египетъ расположена на правомъ берегу Нила, недалеко отъ его раздѣленія на два рукава, столица Египта—Каиръ. Населеніе Каира, достигающее теперь 570.000, представляетъ смѣсь національностей всего міра, особенно охотно посѣщающихъ Каиръ, какъ курортъ, въ январѣ и февралѣ, по климату соотвѣтствующимъ европейскому маю. Этотъ старинный городъ, построенный еще арабами въ X в., въ былое время стоялъ на самомъ берегу Нила, те-

Цитадель Каира.

перь же рѣка перемѣстилась и городъ отдѣляется отъ нея цѣлымъ рядомъ рощъ и садовъ, тянущихся на разстояніи около двухъ верстъ. Городъ пересѣкается узкимъ каналомъ, даже пересыхающимъ въ жаркое время года; другой широкій и глубокій каналъ Измаиліе соединяетъ Каиръ съ Суэцомъ. Черезъ Нилъ около Каира построенъ гигантскій мостъ европейской конструкціи. На правомъ берегу Нила на сѣверо-западъ отъ Каира расположено большое, промышленное предмѣстье Каира—Булакъ; крѣпостныя стѣны Каира почти

разрушились, только на юго-восточномъ углу его возвышается цитадель на высокомъ утесѣ, съ котораго открывается чудный видъ на городъ, на долину Нила и возвышающіяся вдали гигантскія пирамиды.

Европейская часть Каира расположена ближе къ Нилу и отличается отъ арабской болѣе правильными и широкими улицами и симметричными постройками; арабскіе кварталы Каира до сихъ поръ сохраняютъ свой восточный характеръ. Шумная уличная жизнь Каира оставляетъ сильное впечатлѣніе на попавшаго туда впервые европейца. Вотъ какъ описываетъ ее одинъ изъ путешественниковъ: Въ Каирѣ—вѣчный праздникъ; безъ стука колесъ по немощеннымъ улицамъ несется разноцвѣтная толпа, оглашая воздухъ разнообразными криками: то торговецъ выкрикиваетъ названіе своего товара, то арабская свадьба съ цимбалами и одностру нными скрипками торжественно проходитъ по улицамъ, то слѣпой сказочникъ бьетъ въ барабанъ, объявляя толпѣ начало новаго разсказа; вы повернули за уголъ людной улицы—передъ вами узкій, какъ коридоръ, темный переулокъ; изъ-за мукарабіэ (рѣшетчатое окно безъ стеколъ) гарема раздается однозвучная, тихая, какъ плачъ въ тоскѣ по родинѣ, мелодія. Но въ уединеніи вы остаетесь недолго; нѣсколько шаговъ и вы снова въ шумной толпѣ базара съ нагруженными верблюдами, съ осликами, скачущими во всю прыть, съ тѣмъ же пестрымъ людомъ въ полосатыхъ кафтанахъ и бурнусахъ, широкихъ шароварахъ, въ бѣлыхъ тюрбанахъ и красныхъ тарбушахъ".

Улица въ Каирѣ.

Толпа пестро разряженныхъ проводниковъ-драгомановъ осаждаетъ каждое новое лицо, прибывающее въ городъ, предлагая ему всевозможныя услуги. Погонщики ословъ, мальчики лѣтъ 13—15-ти—необходимая принадлежность Каира, гдѣ главное передвиженіе происходитъ на ослахъ, въ широкихъ мягкихъ сѣдлахъ, покрытыхъ краснымъ сафьяномъ.

Интересны также проводники „сансы", расчищающіе путь элегантнымъ экипажамъ сановниковъ или богачей по улицамъ и базарамъ Каира, запруженнымъ народомъ, и такъ называемые „сакка"—водоносы съ козьимъ мѣхомъ или глинянымъ кувшиномъ за плечами, ловко дающіе знать о своемъ приближеніи особымъ металлическимъ звономъ.

Краса Каира—его мечети съ минаретами, откуда муэдзинъ призываетъ правовѣрныхъ къ молитвѣ. Въ минаретахъ выразились отличительныя черты арабской архитектуры—сочетаніе выступовъ и впадинъ; выступы, образуя карнизы, висячіе въ воздухѣ балконы и галлереи, позволяютъ расширять верхніе этажи зданій сравнительно съ нижними и придаютъ особую грацію, изящество и легкость каирскимъ минаретамъ. Въ одной изъ самыхъ старинныхъ мечетей Гама-эль-Азхаръ—помѣщается съ конца X в. по Р. Х. университетъ Каира—самое знаменитое высшее учебное заведеніе Востока. Въ мусульманскомъ мірѣ до сихъ поръ церковь, какъ въ Европѣ въ средніе вѣка, является источникомъ просвѣщенія; всѣ школы помѣщаются въ мечетяхъ и обученіе основано главнымъ образомъ на изученіи корана. Въ мечети Эль-Азхаръ—главная зала для молящихся, полъ которой покрытъ циновками, въ то же время – аудиторія для студентовъ, которые при входѣ туда снимаютъ туфли. Ученики сидятъ на полу группами вокругъ своихъ учителей, громко уча свои уроки или произнося молитвы. Главные предметы обученія: грамматика, религія право, логика, реторика, математика, изученіе и чтеніе корана. Въ университетѣ полная терпимость ко всѣмъ сектамъ мусульманскаго вѣроисповѣданія, и студенты, число которыхъ достигаетъ теперь до 10.000, стекаются сюда изъ магометанскихъ государствъ всего міра; университетъ доступенъ и бѣднѣйшимъ классамъ населенія, такъ какъ студенты получаютъ здѣсь даровое содержаніе. Въ строеніяхъ, окружающихъ мечеть, помѣщается не менѣе 10 приготовительныхъ школъ съ 30—40 учениками каждая. Въ Каирѣ насчитывается до 400 мечетей; нѣкоторыя изъ нихъ являются прекраснѣйшими образцами мусульманскаго зодчества; къ сожалѣнію, многія изъ древнихъ мечетей приходятъ въ состояніе развалинъ, напр. знаменитая мечеть Тулука, мечеть Амру съ величественной колоннадой, или мечеть Гассана—одно изъ красивѣйшихъ зданій Каира. Многія мечети приспособлены теперь для различныхъ богадѣленъ, больницъ и т. п. учрежденій.

Уличные музыканты въ Каирѣ.

Кромѣ университета въ Каирѣ сосредоточено не мало другихъ ученыхъ и учебныхъ заведеній арабскихъ и европейскихъ: школа медицины, фармаціи, публичная библіотека, астрономическая обсерваторія и т. п. Славу и гордость Каира составляетъ его

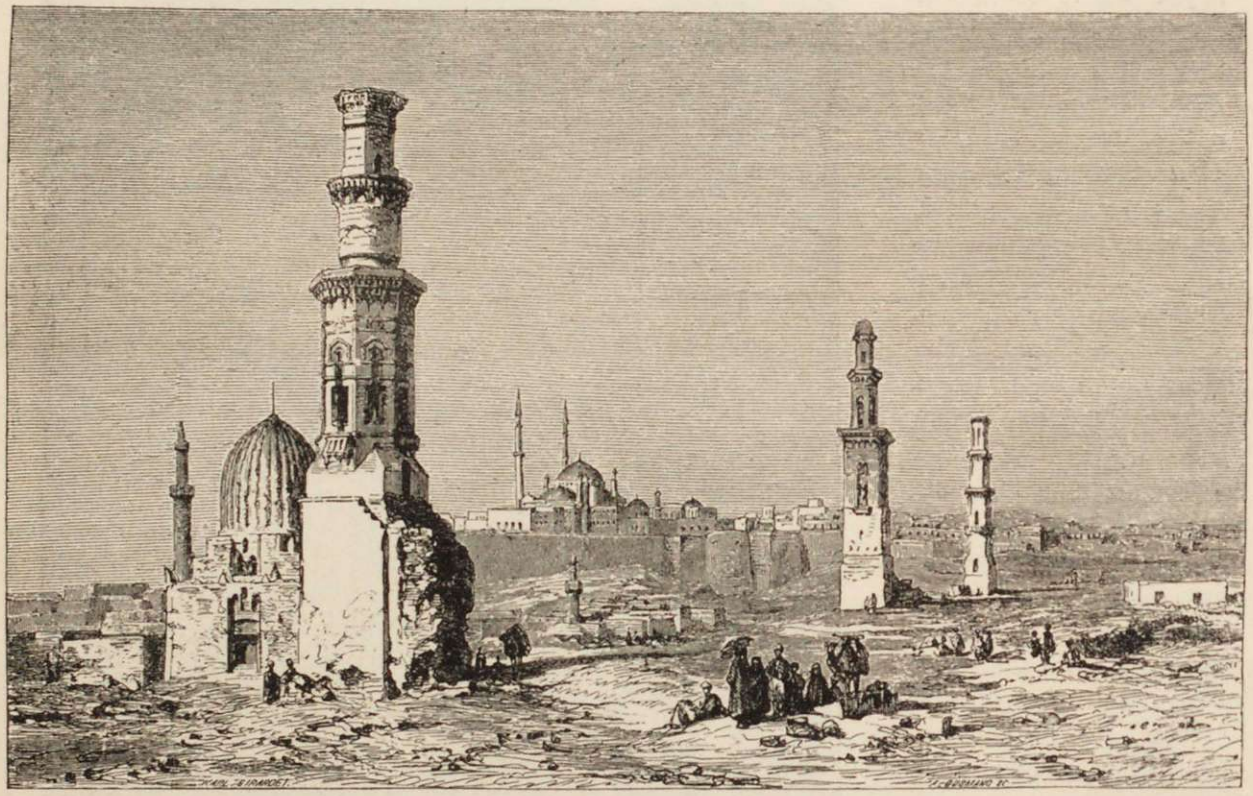
знаменитый музей древностей, помѣщающійся въ предмѣстьѣ Булакъ на плотинѣ вдоль праваго берега Нила. Основанный ученымъ Маріеттомъ и пополненный ученымъ Масперо музей этотъ—рѣдкое собраніе египетскихъ древностей—даетъ возможность изучать исторію царства фараоновъ и египетскаго искусства.

Интересны и окрестности Каира: гробницы халифовъ—рядъ мечетей, пришедшихъ уже въ упадокъ, построенныхъ султанами мамелюками и являющихся образцомъ сарацинской архитектуры; развалины древняго гор. Геліополиса, около котораго сохранился еще одинъ изъ древнѣйшихъ обелисковъ; наконецъ запруда Нила, состоящая изъ 2 мостовъ съ 134 арками, построенныхъ черезъ Нилъ въ томъ мѣстѣ, около котораго воды его раздѣляются на 2 рукава. Запруда эта, начатая постройкой въ 1847 г., должна была значительно увеличить площадь заливаемой Ниломъ земли и улучшить судоходство въ Нижнемъ Египтѣ; хотя и въ настоящее время первоначальный планъ не приведенъ въ исполненіе и запруда нѣсколько запущена, она повышаетъ ежегодно уровень воды въ Нилѣ на два метра и сильно помогаетъ орошенію полей. На другой сторонѣ Нила противъ Каира, на разстояніи около 10 верстъ, на границѣ Ливійской пустыни возвышается знаменитый сфинксъ, пирамиды египетскихъ фараоновъ Хеопса, Хефрена и Микерина и Гизехскій некрополь съ маленькими пирамидами, наполовину разсыпавшимися, и разбросанными кругомъ камнями бывшаго храма.

Внутренній видъ мечети.

За Каиромъ къ югу начинается собственно долина р. Нила. Путешествіе на пароходѣ вверхъ по Нилу является интересной экскурсіей въ область исторіи древняго Египта, памятники котораго до сихъ поръ встрѣчаются по всему теченію рѣки въ Египтѣ отъ Ассуана до Каира. Раньше Нилъ былъ единственнымъ путемъ по долинѣ Нила, теперь же вдоль рѣки отъ Каира до Ассуана идетъ жел. дорога. Прежде всего вниманіе путешественника

останавливается на развалинахъ Мемфиса – столицы древняго Египта, недалеко отъ ст. Бедрашенъ. Собственно отъ города, на мѣстѣ котораго теперь зеленѣютъ поля и луга, ничего не осталось, и только раскопки указываютъ на слѣды великаго Мемфиса; сохранились лишь гранитная пятисаженная статуя Рамзеса, полузасыпанная пескомъ, лежащая среди роскошныхъ финиковыхъ пальмъ, и громадный некрополь Мемфиса съ его безчисленными гробницами, а южнѣе рядъ пирамидъ Саккара съ гробницами фараоновъ. Великолѣпный пальмовый лѣсъ тянется по долинѣ Мемфиса до деревни Саккара. Недалеко отъ этой деревни былъ найденъ ученымъ Маріеттомъ въ 1851 г. Серапеумъ—усыпательница Аписовъ, а вдали виднѣется долго считавшаяся самой стариннѣйшей изъ пирамидъ - Мейдумская. Масса барокъ, нагруженныхъ товарами, тянется вверхъ и внизъ по теченію Нила, многолюдныя маленькія и большія деревушки феллаховъ во множествѣ разбросаны по его берегамъ.



Гробницы халифовъ.

Недалеко отъ Мейдумской пирамиды идетъ желѣзная дорога, соединяющая Нилъ съ Файюмомъ, цвѣтущей мѣстностью, обильно орошаемой озерными водами и сѣтью каналовъ, соединяющихъ ее съ Ниломъ. Остатки храмовъ и развалины знаменитаго Лабиринта посѣщаются здѣсь всегда любителями древности. Въ настоящее время Файюмъ производитъ массу хлѣба, хлопка, кукурузы, сахарнаго тростника; его сахарныя фабрики соединены сѣтью жел. дорогъ—это одна изъ оживленнѣйшихъ земледѣльческихъ областей Египта.

Около г. Бени-Суэфа по долинѣ Нила начинаются плантаціи сахарнаго тростника, по берегамъ часто встрѣчаются привѣтливыя деревушки коптовъ, а южнѣе берега Нила, въ этомъ мѣстѣ очень широкаго, разнообразятся высокими утесами Жабель-эль-Теиръ, за которыми начинаются съ правой стороны довольно высокіе холмы Аравійской возвышенности, а съ лѣвой на горизонтѣ виднѣется Ливійская горная цѣпь. За г. Бени-Хассанъ

съ его пещерами Нилъ течетъ уже въ крутыхъ горныхъ берегахъ; съ востока горные утесы почти подступаютъ къ рѣкѣ вплоть до столицы Верхняго Египта, Ассіута съ его обширнѣйшимъ кладбищемъ. Это одинъ изъ населеннѣйшихъ нильскихъ городовъ (42.000 ж.); около него впадаетъ въ Нилъ каналъ Ибрахимія, орошающій западную часть долины Нила. Въ окрестностяхъ Ассіута по берегамъ Нила много голубятенъ, содержащихся для добыванія хорошаго удобренія—гуано. За г. Абу-Тигъ видно мѣстечко Беліанэ, въ 20 верст. отъ котораго находится великолѣпный храмъ Абидоса съ могилой Озириса. Чудные барельефы этого храма, раскопаннаго Маріеттомъ, посвящены семи святилищамъ древ. Египта; искусство египтянъ въ этой постройкѣ достигло высшей степени художественности.

Дальше вверхъ по теченію Нила встрѣчаемъ г. Кеннэ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Нилъ всего ближе подходитъ къ Красному морю; городъ этотъ является складочнымъ мѣстомъ то-

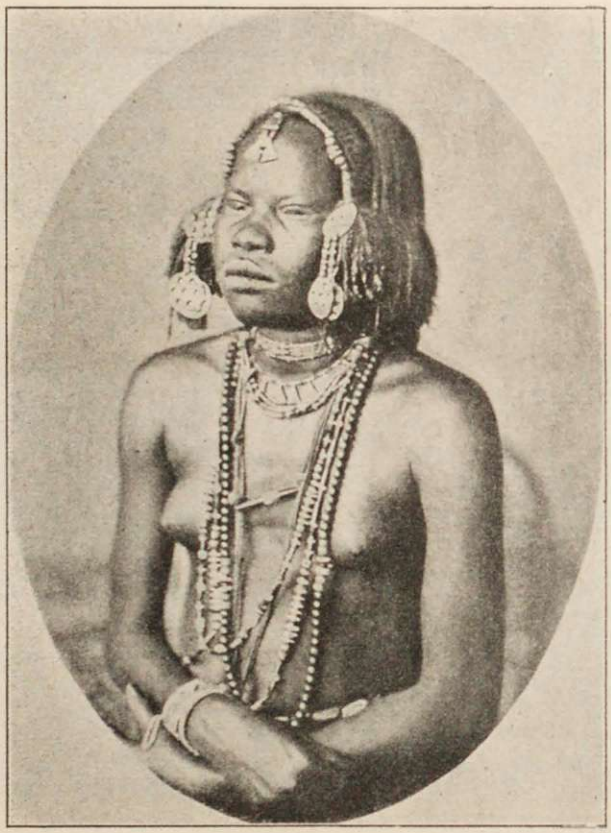
Пирамида Хефрена.

варовъ, идущихъ изъ Европы въ Аравію и обратно, и сборнымъ пунктомъ пилигримовъ отправляющихся въ Мекку. Такъ какъ многіе мусульмане соединяютъ пилигримство съ удовольствіями, въ Кеннэ всегда масса гхавази—искусныхъ танцовщицъ Востока.

Отъ Кеннэ начинается непрерывный рядъ памятниковъ древняго Египта, продолжающійся и за границы современнаго Египта, въ Нубіи. Громадный храмъ Дендерика поражаетъ своими размѣрами и великолѣпіемъ: замѣчательна его колонная зала съ 24 колоннами, стоящими въ 4 ряда, чудными капителями изъ 4 женскихъ головъ, соединенныхъ египетскимъ головнымъ уборомъ. Храмъ былъ посвященъ богинѣ Хаторъ—(Афродитѣ грековъ или Изидѣ—египтянъ). Поднимаясь далѣе по Нилу, доходимъ до развалинъ знаменитыхъ стовратныхъ Ѳивъ, отъ которыхъ на правомъ берегу рѣки остались великолѣпные храмы Луксоръ и Карнака съ полуразрушенными залами и художественными колоннадами и

полузасыпанный пескомъ обелискъ изъ розоваго гранита, а на лѣвомъ—развалины храмовъ Гурна и дворцовъ Мединетъ-Абу съ великолѣпный скульптурой, знакомящей насъ со всей жизнью фараоновъ, а дальше Раменеумъ съ колоннами Рамзеса и Мемнона.

Видъ Нила южнѣе Ѳивъ все тотъ же; онъ такъ-же широкъ и спокоенъ, но берега его измѣнились: плодородная долина стала уже, песокъ и известковые отроги горъ ближе подступаютъ къ рѣкѣ,—поля становятся пустынными, рѣже попадаются деревушки. За городами Эснэ и Эфру съ ихъ храмами временъ Птоломеевъ, видны высоты Жебель Сильзилэ, откуда древніе египтяне брали главный матерьялъ для своихъ построекъ; съ обѣихъ сторонъ рѣки видны безконечныя каменоломни, свидѣтельствующія о гигантскомъ трудѣ и терпѣніи, расходовавшихся здѣсь тысячелѣтія. Дальше по берегамъ Нила не видно уже обработанныхъ полей; гранитныя и известковыя скалы придаютъ ему суровый видъ, только изрѣдка попадающіяся пальмы оживляютъ ландшафтъ; тамъ, гдѣ горы не стоятъ сплошной стѣной, песокъ прорывается изъ пустыни, стремясь засыпать рѣку. Вотъ наконецъ и Ассуанъ, послѣдній на югѣ городъ Египта, расположенный у пороговъ Нила на границѣ Ефіопіи. Нилъ пересѣкается здѣсь гранитнымъ кряжемъ, изъ котораго фараоны брали матерьялъ для своихъ обелисковъ. Ассуанская гавань имѣетъ очень оживленный и веселый видъ: масса барокъ перегружается здѣсь, такъ какъ пороги Нила мѣшаютъ безпересадочному судоходству: съ сѣвера гавань защищена чѣмъ-то въ родѣ мола, а съ юга видны безчисленные острова и гранитныя скалы, по берегамъ растутъ группы сикоморъ, пальмъ думъ, акцій и т. п. Населеніе Ассуана смѣшанное; преобладаютъ нубійцы, продающіе товары изъ Судана и съ верховьевъ Нила; единственное одѣяніе ихъ головной уборъ и передникъ, и ихъ черныя тѣла рѣзко выдѣляются въ толпѣ, освѣщенной всегда яркими лучами ассуанскаго солнца. Ассуанъ считается самымъ жаркимъ мѣстомъ во всемъ Египтѣ. Противъ Ассуана лежитъ островъ Элефантина съ рѣдкой тропической растительностью и развалинами древнихъ храмовъ, а южнѣе пороговъ Нила—знаменитый островъ Филэ съ его священнымъ мусульманскимъ кладбищемъ, каменоломнями, храмами и роскошной тропической зеленью.



Нубійская танцовщица.

Египетъ—даръ Нила—и дѣйствительно эта великая рѣка не только создала страну, но и опредѣлила складъ жизни и характеръ ея населенія. Нильскій илъ въ одно и то же время былъ счастіемъ и горемъ египтянъ: тучныя нивы, удобренныя этимъ иломъ, были съ древнѣйшихъ временъ лакомымъ кускомъ для всевозможныхъ завоевателей; отъ періодическихъ наводненій Нила зависѣла участь египетскаго населенія, и до сихъ поръ долина Нила—главное сосредоточіе населенія Египта.

Аравійская пустыня, область, лежащая къ востоку отъ Нила до Краснаго моря, пересѣкается рядомъ болѣе или менѣе высокихъ холмовъ и плоскогорій, состоящихъ изъ породъ кристаллическаго происхожденія: гранита, гнейса, порфира и діорита, въ настоящее время слабо населена кочующими племенами, въ былое же время она эксплоатировалась цѣлыми арміями рудокоповъ и каменотесовъ. На сѣверѣ, ближе къ Суэцскому каналу, встрѣчаются известковыя скалы, мѣстонахожденія алебастра, а ближе къ морю тянутся дюны. Холмы Ливійской пустыни, известковаго происхожденія, находящіеся къ западу отъ долины Нила, ниже аравійскихъ. Ливійская пустыня во многомъ напоминаетъ Сахару: поверхность сплошь покрыта пескомъ, носящимся въ видѣ ѣдкой пыли и осѣдающимъ около возвышенностей и въ ущельяхъ горъ. На западѣ вдоль этой пустыни почти параллельно долинѣ Нила тянется цѣпь оазисовъ, начинаясь почти въ ста верстахъ отъ Ассуана и заканчиваясь почти у Средиземнаго моря; она прерывается утесами ливійскихъ холмовъ или песками ливійской пустыни. На сѣверѣ линія оазисовъ раздвояется: одна вѣтвь продолжаетъ развертываться параллельно Нилу, другая идетъ параллельно берегу Средиземнаго моря и доходитъ до оазиса Сивакъ, знаменитаго нѣкогда оракуломъ при храмѣ Юпитера Аммона, а теперь изобилующаго финиками.

Нѣкоторые изъ оазисовъ очень живописны; обработанныя нивы, роскошныя пальмы, деревушки, группирующіяся вокругъ источниковъ, часто окружены величественными скалами; послѣ же путешествія по безплодной, песчаной, каменистой пустынѣ они кажутся еще болѣе привлекательными.

Къ западу отъ оазисовъ пустыня почти не изслѣдована, а по направленію къ долинѣ Нила песокъ образуетъ рядъ болѣе или менѣе высокихъ дюнъ.

Глава III.

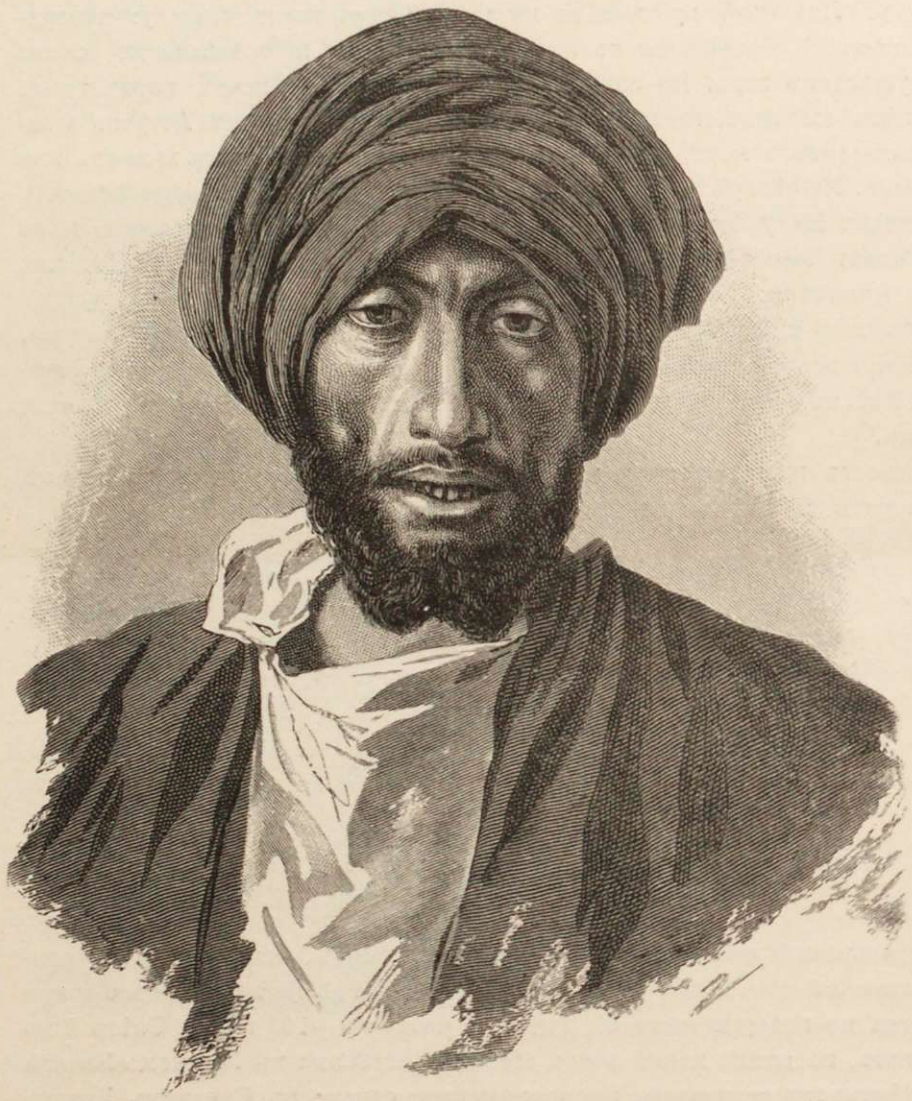
Климатъ, флора и фауна Египта. Народонаселеніе: копты, феллахи, арабы, бедуины-кочевники и европейцы.

Климатъ страны, различный въ Нижнемъ и Верхнемъ Египтѣ, отличается постоянствомъ вѣтровъ и сухостью воздуха. Зима въ Египтѣ наиболѣе пріятное и здоровое время года, температура никогда не падаетъ ниже 0°, большею частью 6—18° тепла. Снѣга Египетъ совершенно не знаетъ, но дожди зимой очень обильны, особенно въ Нижнемъ Египтѣ гдѣ часто болотистыя мѣстности становятся непроходимыми; однако въ Среднемъ Египтѣ дожди уже гораздо рѣже, а въ мѣстностяхъ между Луксоромъ и Ассуаномъ дождей не бываетъ иногда почти цѣлый годъ. Роса—здѣсь единственный дождь, оживляющій посѣвы. Лѣто, во время котораго разливается Нилъ, очень жаркое, погода ясная, небо бываетъ безоблачно. Первый періодъ лѣта жары еще выносимы, благодаря сухости воздуха, особенно въ Нижнемъ Египтѣ, но въ Верхнемъ Египтѣ температура достигаетъ уже 35—40° по Ц. Періодъ невыносимой жары, достигающій иногда 48° по Ц., начинается съ 15 іюля и благодаря влажности воздуха, насыщеннаго парами, жары эти нестерпимы въ сентябрѣ. Весна и осень очень короткія.

Замѣчательна правильная смѣна вѣтровъ въ Египтѣ; сѣверные вѣтры, иногда смѣняемые сѣверо-восточными и сѣверо-западными, преобладаютъ почти весь годъ, только въ

теченіе двухъ мѣсяцевъ, въ апрѣлѣ и маѣ, замѣчается преобладаніе южныхъ вѣтровъ. Въ этотъ періодъ, продолжающійся около 51 дней, Египетъ страдаетъ отъ самума, удушливаго южнаго вѣтра, несущаго тучи песку и ослѣпляющаго путешественниковъ; ураганъ длится обыкновенно нѣсколько часовъ, въ продолженіе которыхъ движеніе прекращается.

Флора Египта не богата видами; въ Египтѣ почти нѣтъ лѣсовъ и недостатокъ въ деревѣ уже давно ощущается египтянами. Если не считать дельту, въ остальномъ Египтѣ преобладаетъ африканская флора—тарфа или тамарискъ, финиковая пальма, сикомора (египетская смоковница), пальмы думъ, послѣднія преимущественно въ садахъ выше Эскэ – вотъ главнѣйшіе представители растительности Египта. Папирусъ, такъ прославившій древній Египетъ, теперь совершенно исчезъ, точно такъ же, какъ розовый лотосъ; бѣлый лотосъ встрѣчается только въ области дельты. Въ оазисахъ можно найти однако растительность европейскаго происхожденія, изъ чего заключаютъ, что нѣкогда оазисы соединялись съ Средиземнымъ моремъ. Въ плодоносной долинѣ Файюма растутъ въ изобиліи: апельсины, лимоны, мандарины, персики, абрикосы и др. т. п. плодовыя деревья



Коптъ.

Африканскій характеръ имѣетъ и фауна Египта; его домашнія животныя, оселъ, верблюдъ, овца и лошадь были ввезены изъ Азіи, а дикія животныя: обезьяны, львы, леопарды, бегемоты и даже крокодилы бѣжали отъ сосѣдства человѣка изъ областей Нижн. Египта; гіены бродятъ лишь на границахъ пустыни; изъ другихъ дикихъ звѣрей сохранились лишь мелкія породы: шакалъ, каракалъ, лисица, хорекъ, антилопы, ихневмоны или фараоновы крысы. Пернатый міръ разнообразнѣе, въ его средѣ масса европейскихъ видовъ, перелетающихъ Средиземное море. Бичъ Египта—мухи—сильно содѣйствуютъ распространенію глазныхъ болѣзней, развивающихся въ Египтѣ, благодаря вѣчному ослѣпительному солнцу и ѣдкой пыли, происходящей отъ развѣванія нильскаго ила.

Феллахская женщина.

Туземное населеніе современнаго Египта до сихъ поръ сохранило типичныя черты своихъ предковъ, хотя за 4000 лѣтъ много чуждыхъ элементовъ присоединилось къ кореннымъ жителямъ, особенно въ области дельты и Средняго Египта. Наиболѣе чистыми потомками древнихъ египтянъ являются копты, живущіе главнымъ образомъ въ Верхнемъ Египтѣ около г. Ассіута и въ Файюмѣ; копты группируются часто около своихъ монастырей—деры или деиры, обитатели которыхъ обрекли себя на безбрачіе. Къ сѣверу отъ Ассіута въ долинѣ Нила копты встрѣчаются только въ городахъ, въ качествѣ ремесленниковъ, мелкихъ чиновниковъ, писцовъ и конторщиковъ. Со времени господства вѣротерпимости копты селятся повсюду; ранѣе же, какъ группа населенія, терпѣвшая религіозныя преслѣдованія, они стремились жить изолированно, строго придерживаясь христіанства, монофи-

Деревня феллаховъ.

зитизма, переданнаго имъ изъ Византіи. Хотя христіанство и сейчасъ еще преобладающая религія среди коптовъ, многіе изъ нихъ перешли въ магометанство. Коптскій языкъ повсюду уступаетъ мѣсто арабскому; по костюму копты не отличаются теперь отъ другихъ египетскихъ туземцевъ. Численность коптскаго населенія достигаетъ 500.000.

Феллахи или пахари составляютъ главную массу туземцевъ Египта—около $6^1/_2$ мил. Типъ феллаховъ, также какъ и коптовъ, напоминаетъ древнеегипетскій. Феллахи средняго роста, стройны и гибки, съ свѣтло и темнокоричневымъ бронзовымъ цвѣтомъ кожи. Въ Ниж. Египтѣ цвѣтъ кожи феллаховъ болѣе свѣтлый, онъ темнѣетъ по мѣрѣ приближенія ихъ мѣстожительства къ югу. Парни и дѣвушки феллаховъ прельщаютъ своими красивыми лицами съ большими черными глазами и гордой поступью. Обыкновенно феллахи очень воздержанны и умѣренны, довольствуются очень немногимъ, миролюбивы, при-

лежны, веселы, остроумны и переимчивы, особенно въ молодости. Къ старости суровая жизнь вырабатываетъ въ нихъ раздражительность и даже грубость, проявляющуюся особенно въ жестокомъ обращеніи съ домашними животными. Простодушіе феллаховъ противопоставляется всегда хитрости и вѣроломству коптовъ. Одежда феллаховъ: бѣлая или синяя бумазейная рубашка, такіе же штаны и тарбушъ или войлочная шляпа, верхняя одежда—длинный синій кафтанъ, а на ногахъ—цвѣтныя туфли безъ задковъ. Женщины надѣваютъ на голову черный платокъ, а на грудь нитки поддѣльнаго или настоящаго жемчуга или цѣпочку изъ монетъ; ноги и руки украшаютъ браслетами серебряными, а иногда и мѣдными. Въ деревняхъ мусульманскія женщины не закрываютъ себѣ лица такъ строго, какъ въ городѣ, гдѣ женщины безъ покрывала не показываются на улицѣ; почти всѣ женщины красятъ себѣ губы въ синій цвѣтъ и татуируютъ подбородокъ.

Жилище феллаховъ—убогія хижины, построенныя изъ необожженаго кирпича или землянки, гдѣ часто въ низкихъ темноватыхъ комнатахъ вмѣстѣ съ ними помѣщаются и домашнія животныя. Обстановка жилища самая дешевая: на полу циновки, по стѣнѣ шкафчики съ деревянной посудой и довольно грубо сдѣланными инструментами. Феллахъ проводитъ дома только ночь, онъ цѣлый день на работѣ; домашнее хозяйство и уходъ за скотомъ лежитъ на женщинахъ, приготовляющихъ дурровыя лепешки, почти единственную пищу феллаховъ, помимо овощей, и заготовляющихъ на весь домъ самотканную одежду.

Бедуины Левійской пустыни.

Главный элементъ, чуждый туземцамъ, внесли въ Египетъ арабы, кочующіе въ пустыняхъ или группирующіеся въ городахъ. Многія арабскія племена, преимущественно бедуины, до сихъ поръ ведутъ полукочевой образъ жизни; они считаютъ себя свободными и презираютъ феллаховъ, не смѣшиваясь съ ними браками; оставаясь въ деревняхъ въ періодъ жатвы и уборки хлѣба, племена эти въ остальное время года кочуютъ со своими стадами въ пустыняхъ. Число бедуиновъ кочевниковъ достигаетъ 250.000. Среди кочевниковъ встрѣчаются также туареги, цыгане; берберы болѣе склонны къ земледѣлію. Современные властители Египта, турки—очень немногочисленны, всего около 20.000 ч., группируются преимущественно въ городахъ, въ качествѣ чиновниковъ, купцовъ, содержателей кафе и т. п. За послѣдніе годы однако преобладающимъ элементомъ иностраннаго городского населенія Египта являются европейцы — всего около 113.000 чел., преимущественно греки, итальянцы, англичане, французы, нѣмцы и др. Девять десятыхъ

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА

населенія Египта—магометане, однако ревностныхъ послѣдователей Магомета, исполняющихъ всѣ обряды его религіи, немного насчитается среди египтянъ; феллахи рѣдко посѣщаютъ мечети и не соблюдаютъ обрядовъ омовенія. Терпимость къ христіанамъ стала теперь общимъ явленіемъ и нѣкогда страшное христіанамъ братство, группировавшееся около „Махди", теперь не имѣетъ вліянія на населеніе. Вліяніе европейцевъ особенно замѣтно въ городахъ, гдѣ многіе магометане изъ администраціи совершенно приняли образъ жизни и костюмъ европейцевъ; большое значеніе имѣетъ также и то, что часто воспитаніе и обученіе магометанскихъ дѣтей находится теперь въ рукахъ европейскихъ учителей, въ европейскихъ школахъ. Мусульманскіе обычаи и вѣрованія поддерживаются строго лишь духовенствомъ, земледѣльческими массами и мелкимъ купечествомъ. Равенство всѣхъ передъ закономъ и полная отмѣна наслѣдственности должностей содѣйствуютъ демократичности египетскаго общества; рабство оффиціально давно уже уничтожено, но существованіе гаремовъ и служителей при нихъ, вербуемыхъ среди рабовъ негровъ, покупаемыхъ въ верховьяхъ Нила, фактически поддерживаетъ рабовладѣльчество, не уступающее никакимъ постановленіямъ европейскихъ конгрессовъ. Тайная торговля рабами для гаремовъ и для работъ на крупныхъ земледѣльческихъ плантаціяхъ поддерживалась въ Египтѣ долго послѣ запрещенія рабства и до сихъ поръ еще не вполнѣ исчезла. Строгая регламентація рабовладѣльчества религіозными законами значительно смягчаетъ участь рабовъ въ мусульманскихъ странахъ; теперь же всѣ чернокожіе, обращающіеся къ администраціи о выдачѣ имъ вольной, немедленно получаютъ ее, но экономическая зависимость часто останавливаетъ рабовъ отъ этихъ требованій, и лишь дальнѣйшее вліяніе европейцевъ и ихъ просвѣщеніе можетъ уничтожить окончательно гаремы и связанную съ ними работорговлю. Постепенно уже и теперь дорого стоющіе гаремы исчезаютъ; многоженство, допускаемое кораномъ, рѣдко встрѣчается среди бѣдныхъ классовъ населенія, охотно пользующихся однако правомъ развода, очень облегченнаго: единственное условіе для развода—обратная выдача женѣ приданаго.

Женщина магометанка.

Египтяне вообще, хотя и не очень подвижны, общительны и радушны, любятъ праздники, пріемы гостей, при чемъ соблюдаютъ рядъ церемоній. Масса народа принимаетъ обыкновенно участіе въ торжествахъ по поводу религіозныхъ праздниковъ. Музыка и танцы всегда сопровождаютъ ихъ торжества и собранія; искусныя танцовщицы Египта гхавази, переѣзжающія изъ города въ городъ, извѣстны всѣмъ, путешествовавшимъ по Египту.

Глава IV.

Разливы Нила и ихъ происхожденіе. Система орошенія, Земледѣльческая культура и земледѣльческое производство. Промышленность и торговля.

Главнѣйшее занятіе египтянъ—земледѣліе, которое такъ тѣсно связано съ разливами Нила, что говорить о немъ безъ связи съ этимъ явленіемъ положительно невозможно. Правильные, періодическіе разливы Нила тысячелѣтія были грозной невѣдомой силой, которой воздавались божескія почести, но познать которую не дерзалъ древній египтянинъ, всецѣло обязанный Нилу своимъ существованіемъ.

Причина этого благодѣтельнаго явленія, какъ выяснила современная наука, лежитъ въ центральной Африкѣ. Восточные вѣтры, преобладающіе здѣсь въ январѣ, приносятъ съ Индійскаго океана густые пары, которые осѣдаютъ въ видѣ снѣга на горныхъ вершинахъ или падаютъ въ видѣ тумана на низменностяхъ. Подъ вліяніемъ жаркаго солнца пары эти сгущаются въ тучи, разражаются потоками дождей, извѣстныхъ только въ экваторіальныхъ областяхъ. Въ февралѣ начинаютъ таятъ горные снѣга и бурные потоки и ручьи устремляются въ низины: болота и озера переполняются, образуются внутреннія моря, покрытыя богатой тропической растительностью. Непролазные камыши и ліаны останавливаютъ соръ и обломки, принесенные потоками съ горныхъ вершинъ и образуютъ плотины вокругъ переполненныхъ озеръ. Между тѣмъ дожди не прекращаются, и масса воды прибываетъ въ озерахъ, пока не прорветъ естественно образовавшейся плотины и не устремится на сѣверъ въ Египетъ. Дожди начинаются затѣмъ въ верховьяхъ Нила и идутъ весь мартъ, но вода еще не устремляется внизъ по Нилу, а поглощается сосѣдними болотами и низменностями, пересохшими со времени прошлогодняго разлива и питающими затѣмъ Нилъ весь годъ. Новодненіе Нила въ Египтѣ начинается лишь послѣ таянія снѣговъ и дождей, разражающихся въ Абиссиніи; воды, устремляющіяся отсюда по Синему Нилу, соединяются съ медленно надвигающимся изъ центральной Африки наводненіемъ. Свѣжіе горные потоки вливаются въ застоявшуюся воду болотъ, обратившуюся отъ перегнившихъ водорослей, скопленія насѣкомыхъ, испражненій животныхъ и т. п. въ теплую жидкую грязь и несутъ съ собой весь этотъ зловонный илъ и тину въ Нилъ. Въ Египтѣ въ это время начинается первый періодъ наводненія: вода въ Нилѣ становится зеленой, мутной; первые потоки такой воды наблюдаются въ Нубіи въ половинѣ мая, а въ половинѣ іюня они появляются въ Каирѣ. Пока илъ этотъ осѣдаетъ во всей долинѣ Нила, въ центральной Африкѣ продолжаются еще дожди, горные потоки спускаются въ озера, но на этотъ разъ горную воду уже не удерживаютъ переполненныя водой болота и вмѣсто зеленой грязи вода увлекаетъ съ собой красновато-коричневую землю горъ. Въ Египтѣ наступаетъ новый періодъ наводненія, когда высокія воды Нила принимаютъ кроваво-красный цвѣтъ. Въ Каирѣ это наблюдается около 31 іюля. Наводненіе все усиливается, достигая высшаго своего уровня въ Верх. Египтѣ около 20 авг., въ Нижнемъ—около 26 авг. Медленное движеніе воды объясняется существованіемъ массы отводныхъ каналовъ, расходящихся во всѣ стороны отъ рѣки по долинѣ Нила. Подъемъ воды Нила въ періодъ наводненія въ различныхъ мѣстностяхъ не одинаковъ: отъ 7 метровъ въ дельтѣ до 12 въ Суданѣ; 26 сент. разливъ кончается и вода начинаетъ медленно убывать.

Ежегодныя наводненія Нила сильно измѣнили географію прилегающей къ нему области

Громадное количество земли, приносимое ежегодно Ниломъ изъ центральной Африки должно постоянно повышать русло рѣки; это помогло Нилу въ давно прошедшія времена прорвать Ассуанскія горы и проложить себѣ путь къ Средиземному морю, а теперь ведетъ къ постоянному повышенію областей Нижняго Нила подъ вліяніемъ осадковъ наносной земли и песка и къ относительному пониженію областей Верхняго Нила, по мѣрѣ того какъ Ассуанскія горы всѣ болѣе и болѣе протачиваются могучей рѣкой.

Древній египтянинъ, не дерзавшій объяснить причины ежегодныхъ разливовъ Нила тѣмъ не менѣе умѣло пользовался ими; заботливо наблюдая за разливами рѣки, онъ научился распредѣлять ея воды, устраивая, гдѣ требовалось, плотины, каналы, водоподъемныя машины, чтобъ оплодотворить свои поля, обезпечить отъ наводненія города и деревни, наконецъ, по окончаніи наводненія способствовать стоку водъ, чтобъ не образовывались болота и лужи. Еще въ доисторическую эпоху выработана была система работъ по упорядоченію наводненій Нила; позднѣе вводились лишь усовершенствованія. Строгое проведеніе этой системы во всемъ Египтѣ отъ Ассуана до Средиземнаго моря сплачивало все населеніе вокругъ одной центральной власти, руководившей работами. Достаточно одной провинціи не прочистить своихъ каналовъ или не исправить плотины, и въ сосѣдней области наводненіе надѣлаетъ такихъ бѣдъ, которыя уже отразятся на урожаѣ всей страны. Разумное управленіе системой работъ, регулирующихъ наводненія, было всегда первой задачей сильнаго центральнаго правительства Египта и ослабленіе его повергало страну въ тягчайшія бѣдствія. Подчиненіе единой центральной власти, развившееся въ Египтѣ въ столь раннюю историческую эпоху, въ значительной степени объясняется такимъ образомъ условіями его природы; эти же условія природы однако не только сплотили населеніе, но и отдали его въ руки деспотизма; египетскій народъ всегда былъ послушнымъ стадомъ въ рукахъ правителей.

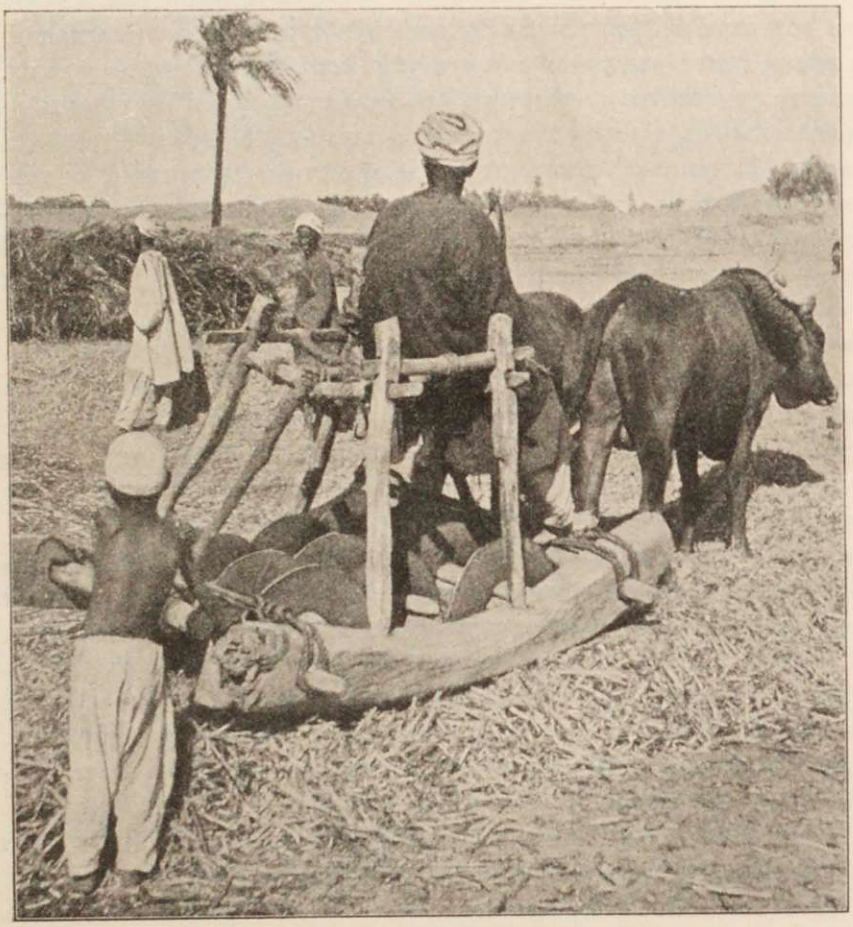
Въ современномъ Египтѣ необходимо различать двѣ системы орошенія полей водами разливающагося Нила. Одна часть земель—нили—всецѣло заливалась бы наводненіями Нила, если бы не были устроены предохранительныя плотины; эти земли орошаются просачиваніемъ водъ рѣки или каналовъ сравнительно неглубокихъ (не болѣе 4 мет. ниже уровня воздѣланныхъ земель), наполняющихся водой во время наводненія, и затѣмъ пересыхающихъ. Съ началомъ наводненія плотины постепенно открываются и воды переходятъ по каналамъ изъ бассейна въ бассейнъ и, оплодотворивъ поля, вновь возвращаются въ Нилъ. Египетъ въ это время покрывается какъ бы сѣтью прудовъ, расположенныхъ уступами по обоимъ берегамъ рѣки; единственными дорогами по полямъ въ это время являются плотины. Содержаніе плотинъ имѣетъ громадное значеніе для правильнаго орошенія; кромѣ того при открытіи плотинъ необходимо слѣдить за тѣмъ, чтобъ прибрежные жители не были затоплены и чтобъ поля въ то же время получили воду въ достаточномъ количествѣ. Все это возможно благодаря сооруженію нилометровъ—родъ колодцевъ, соединяющихся съ рѣкой каналомъ, благодаря чему по уровню воды въ колодцѣ можно слѣдить за уровнемъ воды въ Нилѣ. Нилометры существовали еще и въ древнемъ Египтѣ, но теперь число нилометровъ сильно возросло и по теченію Нила отъ Ассуана до Ассіута ихъ насчитываютъ теперь до 28. До постройки громадной плотины въ Ассуанѣ въ 1902 г. въ Верхнемъ Египтѣ преобладала эта система орошенія посредствомъ плотинъ и нильскихъ каналовъ, а въ Ниж. Египтѣ кромѣ того большинство земель орошается каналами „сефи"—лѣтними каналами новѣйшаго происхожденія. Эти глубокіе каналы вырыты ниже средняго уровня меженныхъ водъ Нила, на 8—9 метр. ниже уровня полей, такъ что нильская вода проникаетъ въ нихъ и въ самое сухое время года. Воду изъ этихъ каналовъ на поля поднимаютъ водоподъемными машинами. До сихъ поръ еще рядомъ съ усовершенствованными паровыми элеваторами, привезенными изъ Европы, дѣйствуютъ водоподъемныя машины древнихъ египтянъ—сакіе и шадуфъ. Сакіе состоитъ изъ ряда глиняныхъ со-

судовъ, привязанныхъ къ вороту, приводимому въ движеніе при помощи быка или верблюда; сосуды эти постепенно опускаясь въ воду канала, наполняются водой, которая при подъемѣ выливается на поля. Шадуфъ—напоминаетъ журавль, такъ часто встрѣчающійся у колодцевъ русскихъ деревень; къ одному концу его прикрѣплена тяжесть, а къ другому кожаный мѣхъ или корзина очень частаго плетенья. Вода черпается и выливается на поля руками феллаховъ, которые ловко работаютъ около водоподъемныхъ машинъ, во множествѣ устроенныхъ по берегамъ каналовъ сефи.

Земли возвышенныя орошаются совершенно особой системой каналовъ. Нилъ оплодотворяетъ теперь до $1^1/_2$ мил. десятинъ, но какихъ усилій стоитъ это ежегодно бѣднѣйшимъ жителямъ Египта, феллахамъ! Каналы сефи, орошающіе преимущественно земли крупныхъ собственниковъ, дали возможность развить въ Египтѣ культуру хлопка и сахарнаго тростника, но поддержаніе ихъ и ежегодная расчистка требуетъ содѣйствія всего населенія, иначе илъ быстро уничтожитъ эти каналы и обратитъ ихъ въ каналы нили. Десятки милліоновъ рабочихъ дней феллаховъ необходимы ежегодно для этого дѣла, каждый феллахъ кромѣ того долженъ расчищать еще нильскіе каналы своей области и заботиться о расчисткѣ канавы, приносящей воду на его собственное поле. Въ послѣдніе годы обязательный трудъ феллаховъ былъ уничтоженъ при работахъ на каналахъ сефи; работы эти теперь производятся на государственныя средства, ручной трудъ во многихъ мѣстахъ замѣненъ машинами, но и до сихъ поръ феллахи несутъ на себѣ всю тяжесть натуральныхъ повинностей по расчисткѣ нильскихъ каналовъ и поддержанію плотинъ; послѣднее особенно трудно въ періодъ сильныхъ наводненій, чтобъ дать отпоръ наступающей водѣ. Не получая никакого вознагражденія отъ правительства, крестьяне сельскихъ общинъ отправляются на работы подъ предводительствомъ шейха — старшины и, получивъ отъ казны лопату и корзину, копаются въ грязи каналовъ, поднимая илъ на плотины, часто на высоту 10—12 метровъ.

Поддержаніе системы орошенія въ Египтѣ, какъ мы указывали уже ранѣе, дѣло національное—оно необходимо для всѣхъ жителей страны, живущихъ наводненіями Нила; но при современномъ распредѣленіи земельной собственности въ Египтѣ плоды этого ежегоднаго гигантскаго труда населенія достаются незначительному меньшинству, экономически господствующему въ странѣ. При первоначальномъ господствѣ арабовъ въ Египтѣ совершенно не было частной собственности на землю, вся земля принадлежала государству и давалась частнымъ лицамъ лишь въ пользованіе. Каждый взрослый египтянинъ обрабатывалъ участокъ земли, принадлежавшій ему пожизненно. Постепенно однако частная собственность завоевала себѣ признаніе и въ Египтѣ, въ XIX в. признаніе права свободной передачи и отчужденія земли повело къ образованію класса безземельныхъ пролетаріевъ, которые искали наемной работы и довольствовались ничтожной платой 15—20 коп. въ день, чтобъ снискать себѣ пропитаніе. Земли этихъ феллаховъ, отобранныя у нихъ за долги и неплатежъ податей, перешли въ собственность хедива, членовъ его фамиліи, другихъ высокопоставленныхъ лицъ и компаніи Суэцскаго канала. Четвертая часть всей пахатной земли Египта принадлежитъ теперь подъ разными названіями фамиліи хедива. Большая часть этой земли составляетъ обезпеченіе долговъ хедива европейскимъ банкирамъ, которые и являются настоящими владѣльцами земли. Международная комиссія, управляющая этими имѣніями, сдаетъ землю на оброкъ барышникамъ, которые передаютъ ее мелкими участками въ аренду крестьянамъ, или обрабатываетъ ее при помощи наемныхъ рабочихъ, набираемыхъ по деревнямъ подрядчиками. Эти плодороднѣйшія земли Египта въ среднемъ даютъ ничтожный доходъ, такъ какъ изъ валового дохода приходится оплачивать услуги безчисленныхъ посредниковъ, да часть земель совершенно не воздѣлывается. Другая четверть пахатной площади земли Египта принадлежитъ какъ частная собственность лицамъ, ее воздѣлывающимъ. Многія изъ этихъ земель находятся теперь въ рукахъ богатыхъ иностран-

цевъ, это такъ называемыя земли „ушури“, обложенныя десятиной. Остальныя земли, около $^1/_2$ всей пахатной площади обложены перемѣннымъ налогомъ (въ среднемъ около $^1/_5$ дохода); эти такъ называемыя земли „хораджи“, принадлежатъ сельскимъ обществамъ, разбиты на мелкіе участки, находящіеся въ пожизненномъ владѣніи отдѣльныхъ лицъ, наслѣдники которыхъ признаются владѣльцами участковъ лишь въ томъ случаѣ, если правительство признаетъ ихъ способными обрабатывать землю и платить налоги. Земли эти очень раздроблены между членами каждой семьи и сильно задолжены. Изъ 766,260 земельныхъ участковъ въ Египтѣ въ 1897 г. 611,074 были менѣе 5 акровъ. Трудно найти гдѣ либо такое разнообразіе способовъ обработки и культуры, какъ въ Египтѣ. На поляхъ феллаховъ сохранились до сихъ поръ первобытныя орудія и воздѣлываются тѣ же сорта хлѣба, какъ въ древнемъ Египтѣ, на участкахъ же крупныхъ землевладѣльцевъ введено искусственное удобреніе, усовершенствованные плуги, жнеи, молотилки и др. земледѣльческія машины и воздѣлывается индиго, хлопчатникъ, сахарный тростникъ и т. п. растенія, ввезенныя въ Египетъ изъ Индіи и Нов. Свѣта. Желѣзныя дороги и стальные мосты перекинуты черезъ каналы рядомъ съ убогими лачужками феллаховъ, часто переправляющихся черезъ каналы вплавь или на циновкахъ изъ пальмовыхъ листьевъ.



Молотьба бобовъ въ полѣ.

Почва, оплодотворенная Ниломъ, въ жаркомъ климатѣ Египта даетъ въ одинъ годъ три жатвы. Въ Верхнемъ Египтѣ лѣтніе посѣвы съ 1 апрѣля даютъ сборы сахарнаго тростника, хлопчатника, овощей, индійской пшеницы; посѣвы съ 1 августа — финики, индійскую пшеницу, рисъ и, наконецъ, зимніе посѣвы съ 1 декабря—пшеницу, бобовыя растенія, клеверъ, ленъ. Въ Нижнемъ Египтѣ лѣтніе посѣвы даютъ хлопчатникъ, овощи, рисъ и на нѣкоторыхъ земляхъ сахарный тростникъ; посѣвы въ періодъ наводненія — финики, маисъ, рисъ; зимніе посѣвы — пшеницу, ячмень, клеверъ, бобы, овощи и ленъ.

Масса зернового хлѣба, хлопка и сахарнаго тростника ежегодно вывозится изъ Египта.

Промышленность Египта находится еще въ зачаточномъ состояніи; ремесла: сѣдельное, сапожное, выдѣлка ковровъ, насѣканіе клинковъ золотомъ и серебромъ во многомъ со-

хранили характеръ и пріемы арабской старины, откуда они проникли въ Египетъ. Египетъ по преимуществу страна земледѣлія и торговли. Пути сообщенія въ Египтѣ постоянно совершенствуются и въ настоящее время сѣть его желѣзныхъ дорогъ составляетъ болѣе 3000 верстъ. Главные предметы вывоза—хлопокъ, хлопковое сѣмя, сахаръ и бобы, главные предметы ввоза въ Египетъ—хлопчатобумажныя ткани, каменный уголь, желѣзо и металлическія издѣлія. Большая часть египетской торговли находится теперь въ рукахъ англичанъ.

Глава V.

Исторія Египта съ начала XIX в. — Мегметъ-Али и его реформы. — Преемники Мегмета-Али. — Постройка Суэцскаго канала.—Ибрагимъ паша и финансовыя затрудненія Египта.

Въ XVI в., какъ мы уже упоминали, Египетъ сталъ провинціей Турецкой имперіи. Турецкіе султаны посылали своихъ намѣстниковъ въ эту провинцію, но боясь предоставить имъ самостоятельность, оставили правителями египтянъ начальниковъ отрядовъ мамелюковъ (гвардіи бывшихъ властелиновъ, арабскихъ калифовъ), которые, подъ именемъ беевъ, были фактическими господами страны. Вся тяжесть безконтрольнаго управленія мамелюковъ падала на феллаховъ, крѣпостныхъ земледѣльцевъ или низшихъ должностныхъ лицъ и на осѣдлыхъ и кочевыхъ арабовъ землевладѣльцевъ. Знаменитая наполеоновская экспедиція конца XVIII в. и французскія побѣды надъ турками не измѣнили положенія дѣлъ въ Египтѣ. Вмѣшательство Англіи, боявшейся уступить Франціи эту богатую страну, предоставило ее вновь Турціи, которая опять отдала ее въ руки мамелюковъ.

Съ начала XIX в. начинается новый періодъ исторіи Египта. Среди турецкихъ войскъ, посланныхъ въ Египетъ для изгнанія французовъ, находился нѣкій Мегметъ-Али, родоначальникъ современной династіи хедивовъ. Выдающіяся способности и предпріимчивость Мегмета-Али обратили на него вниманіе намѣстника, сдѣлавшаго его начальникомъ албанскихъ войскъ. Скрывая свои честолюбивыя намѣренія, Мегметъ-Али старался одновременно дружить и съ мамелюками и съ турками. Лишь только онъ былъ назначенъ намѣстникомъ Египта, онъ рѣшилъ сломить владычество мамелюковъ и сдѣлаться единоличнымъ властелиномъ. Вожди мамелюковъ, приглашенные имъ на праздникъ въ Каиръ, были заперты въ горномъ проходѣ и перебиты, затѣмъ произошло избіеніе мамелюковъ въ провинціяхъ. Первой заботой Мегмета-Али было образованіе хорошей арміи; распустивъ старую, онъ образовалъ новую изъ туземцевъ-феллаховъ и при помощи французскихъ офицеровъ обучилъ ее европейскимъ пріемамъ; устроилъ казармы, арсеналъ, укрѣпилъ Александрію и Каиръ, построилъ первый египетскій флотъ. Съ новой арміей онъ покорилъ Нубію и Суданъ; могущество Египта росло и Турціи грозило полное его отпаденіе. Вмѣшательство европейскихъ державъ положило предѣлъ стремленіямъ Мегмета-Али къ самостоятельности. Столкновеніе интересовъ Франціи и Англіи, подозрѣвавшихъ другъ друга въ стремленіи къ исключительному вліянію въ Египтѣ, повело къ подписанію заинтересованными державами протокола лондонской конференціи. Во исполненіе постановленій конференціи, турецкое правительство издало особый фирманъ въ 1841 г.; въ силу этого фирмана (повелѣнія) Мегметъ-Али долженъ былъ признать свою вассальную зависимость отъ Порты и платить ей дань въ размѣрѣ $^1/_3$ всѣхъ государственныхъ доходовъ; армія его была ограничена 18000 чел.; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ признанъ наслѣдственнымъ намѣстникомъ — вали Египта и Нубіи. Престолонаслѣдіе старшаго въ родѣ

было установлено по турецкому образцу. Во внутреннемъ управленіи намѣстникъ Египта былъ признанъ самостоятельнымъ правителемъ и Мегметъ-Али предпринялъ рядъ реформъ, пользуясь помощью европейцевъ, преимущественно французовъ. Для увеличенія доходовъ онъ ввелъ косвенные налоги, возвысилъ подушную подать, установилъ государственную монополію на разведеніе хлопчатника, конопли, льна и индиго, а позднѣе и на торговлю земледѣльческими продуктами, чѣмъ онъ окончательно закрѣпостилъ земельныхъ собственниковъ. Всѣ продукты земледѣлія направлялись въ государственные склады гдѣ и принимались правительствомъ по заранѣе опредѣленной цѣнѣ, при этомъ съ населенія взимались налоги и выплачивалось лишь то, что оставалось послѣ уплаты налоговъ. Всѣ сырые продукты перерабатывались на фабрикахъ, устроенныхъ Мегметомъ-Али, который сдѣлался единственнымъ фабрикантомъ и крупнымъ фермеромъ Египта, извлекавшимъ громадные барыши на разницѣ цѣнъ покупныхъ и продажныхъ. Администрація государственныхъ складовъ наживалась въ свою очередь насчетъ феллаховъ, обмѣривая и обвѣшивая ихъ при пріемѣ товаровъ и расплатѣ, часто производившейся также товарами!

Измѣнены были и поземельныя отношенія; коммисія, назначенная для провѣрки доказательствъ на право собственности, объявила собственностью правительства всѣ безхозяйныя земли. Земельныя владѣнія намѣстника страшно возрасли, а прежніе владѣльцы были признаны арендаторами. Пользуясь принудительнымъ трудомъ феллаховъ, правительство улучшило пути сообщенія, прорыло нѣкоторые каналы; не осталось безъ вниманія правительства и народное образованіе: были основаны школы, типографіи, газеты; египтяне стали посылаться для окончанія образованія въ европейскіе университеты. Положеніе массы населенія однако мало улучшилось, феллахи работали безплатно не только при постройкѣ каналовъ и дорогъ, но и на государственныхъ фабрикахъ, а земледѣльцы отдавали продукты своихъ жатвъ государственной монопольной торговлѣ. Когда въ 1842 г. подъ давленіемъ Порты были уничтожены высокія пошлины и нѣкоторыя монополіи, Мегметъ-Али повысилъ земельный налогъ.

При наслѣдникахъ Мегмета-Али политическое могущество Египта значительно пало. Порта вмѣшивалась во внутреннее управленіе, намѣстникамъ приходилось откупаться денежными подачками и помогать Портѣ войскомъ и флотомъ во время Крымской и Турецкой войны. Ограниченный сынъ Мегмета-Али—Аббасъ-паша (1849—1854) не внесъ ничего новаго за время своего управленія; онъ пытался совершенно устранить вліяніе европейцевъ, но долженъ былъ уступить протестамъ французовъ. Главной заботой наслѣдника его, европейски образованнаго Саида-паши, внука Мегмета-Али (1854—1863), было облегченіе участи сельскаго населенія, изнемогавшаго подъ тяжестью налоговъ и принудительнаго труда. Постепенно были уменьшены поземельные налоги, натуральныя повинности замѣнены денежными, сборъ налоговъ порученъ правительственнымъ чиновникамъ, а не мѣстнымъ шейхамъ, сильно эксплоатировавшимъ населеніе, уничтожена монополія хлѣботорговли, уменьшена тягость военныхъ наборовъ; земледѣльцамъ было предоставлено право свободно распоряжаться своимъ участкомъ земли, отмѣнено рабство и работорговля, хотя послѣдняя фактически долго еще не прекращалась. Многочисленная администрація, требовавшая громадныхъ расходовъ, была сокращена, жалованіе чиновникамъ уменьшено. Поднятію благосостоянія населенія сильно содѣйствовало введеніе правильнаго орошенія полей при помощи каналовъ сефи Нижняго Египта, что положило конецъ вынужденному бездѣйствію населенія въ періодъ наводненій и дало возможность завести правильное трехпольное хозяйство, дававшее въ одинъ годъ три жатвы: маиса, хлопчатника или сахарнаго тростника и пшеницы, ячменя или бобовъ. Производительность почвы увеличилась, но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличились и принудительныя работы населенія; несмотря на уменьшеніе налоговъ, экономическое положеніе феллаховъ мало улучшилось, задолженность ихъ

постоянно росла. Право свободнаго распоряженія недвижимымъ имуществомъ повело къ обезземеленью населенія и скопленію участковъ въ немногихъ рукахъ.

Необходимо остановиться на одномъ предпріятіи, давшемъ Саиду пашѣ всемірную извѣстность. При немъ и при его дѣятельномъ содѣйствіи начатаго было прорытіе Суэцскаго канала, соединяющаго Средиземное и Красное моря. Каналъ этотъ, существовавшій, какъ предполагаютъ, въ очень отдаленную эпоху въ видѣ естественнаго пролива, былъ возстановленъ фараонами, вѣроятно, слишкомъ 3300 л. тому назадъ. Послѣдующія попытки персидскихъ, римскихъ и арабскихъ властелиновъ Египта возобновить совершенно заброшенный каналъ, несмотря на гигантскія усилія и труды, не привели къ успѣшнымъ результатамъ. Въ новое время осуществленію канала сильно мѣшала ошибка въ вычисленіяхъ, сдѣланная учеными Наполеоновской экспедиціи при опредѣленіи уровня воды въ Красномъ и Средиземномъ моряхъ. Каналъ считался неосуществимымъ, такъ какъ предполагали, что уровень водъ въ Красномъ морѣ выше, чѣмъ въ Средиземномъ, и потому прорытіе канала грозило бы затопленіемъ прибрежныхъ странъ Средиземнаго моря. Благодаря энергіи и несокрушимой волѣ главнаго инженера и строителя Суэцскаго канала, Фердинанда Лессепса, было созвано международное совѣщаніе ученыхъ, которое въ 1847 г., производя тщательныя измѣренія, доказало ошибку французскихъ ученыхъ. Необходимость прорытія Суэцскаго канала была признана въ Европѣ. Долѣе другихъ противодѣйствовала и препятствовала осуществленію этого предпріятія Англія, боявшаяся, что съ прорытіемъ канала путь въ Индію будетъ одинаково доступенъ всѣмъ европейскимъ странамъ и это усилитъ конкурренцію ея торговлѣ. Однако благодаря сочувствію Франціи и дѣятельному участію Саида паши, давшаго компаніи, основанной для постройки Суэцскаго канала, деньги и рабочія руки египетскаго населенія, дѣло это, начатое въ 1854 г. стало на твердую почву, получило международное признаніе и успѣшно было окончено черезъ 15 л. при пріемникѣ Саида, Измаилѣ-пашѣ. Въ 1869 г. состоялось торжественное открытіе канала въ присутствіи представителей многихъ европейскихъ державъ. Постройка канала стоила около 500 мил. франк., которые были на половину покрыты подпиской на акціи компаніи во Франціи, а другую половину акцій пріобрѣлъ Саидъ-паша, уступившій кромѣ того компаніи массу земель, строившій маяки, мосты и предоставившій ей ежегодно 20.000 чел. рабочихъ, упорный трудъ которыхъ скудно оплачивался компаніей, особенно въ началѣ постройки. Длина канала 164 килом., ширина 60—100 метр., глубина 8—$8^1/_2$ метр.; землечерпательныя суда работаютъ постоянно въ этомъ гигантскомъ искусственномъ морскомъ проливѣ надъ извлеченіемъ песку и грязи; рядомъ съ морскимъ каналомъ прорытъ каналъ прѣсной воды который былъ необходимъ во время работъ для рабочихъ и сейчасъ снабжаетъ суда питьевой водой. Торговое судоходство по Суэцскому каналу ежегодно растетъ и развивается, и Англія какъ мы увидимъ далѣе, съумѣвшая захватить въ свои руки этотъ торговый путь, болѣе другихъ старается объ улучшеніи и расширеніи канала, какъ нѣкогда болѣе всѣхъ ему противодѣйствовала. Около 4000 судовъ всѣхъ націй ежегодно проходитъ Суэзцкій каналъ, причемъ Англіи принадлежитъ большая половина изъ нихъ; сборы съ товаровъ и пассажировъ ежегодно даютъ около 65 мил. франк. чистаго дохода акціонерамъ компаніи, большинство которыхъ теперь англичане. Суэцкій каналъ былъ объявленъ вѣчно нейтральнымъ.

Преемникъ Саида-паши, Измаилъ-паша, сильно увеличилъ бюджетъ правительства для удовлетворенія безумной роскоши двора и другихъ непроизводительныхъ затратъ. Для покрытія расходовъ ему пришлось прибѣгнуть къ внѣшнимъ займамъ. Постройка желѣзныхъ дорогъ и прорытіе Суэцскаго канала еще болѣе увеличили тягость принудительныхъ работъ для массы населенія. Политическое положеніе Египта за это время значительно измѣнилось: Измаилъ-паша добился титула хедива и передачи этого титула отъ отца къ сыну; Порта съ своей стороны ограничила армію хедива 30.000 чел. и запретила ему вводить новые налоги и заключать внѣшніе займы безъ согласія Порты. Однако фактически вліяніе

Порты въ Египтѣ ослабѣло; фирманомъ 1873 г. хедиву было предоставлено право заключать коммерческіе договоры съ европейскими державами. Фирманъ 1873 г. замѣнилъ собою всѣ прежніе фирманы султана и ввелъ новый порядокъ вещей въ Египтѣ; Египетъ былъ превращенъ изъ самостоятельно управлявшейся провинціи въ вассальное государство, обязанное уплачивать Портѣ ежегодную дань. Внѣшніе займы, заключавшіеся и безъ согласія Турціи, развитіе желѣзнодорожной сѣти, особенно же открытіе судоходства по Суэцскому каналу все болѣе и болѣе сблизили Египетъ съ Европой. Замыслы Англіи и Франціи завладѣть богатой страной имѣли теперь значительные шансы на успѣхъ. Особенно сильно проявилось это въ концѣ 70-хъ годовъ, когда государственные долги Египта страшно возросли. За 13 лѣтъ управленія Измаила-паши государственный долгъ съ 3.293.000 егип. фунт. возросъ до 94.000.000 ег. ф. Всѣ акціи Суэцскаго канала Измаилъ-паша продалъ англійскому правительству; Англія стала главнымъ акціонеромъ компаніи и ея уполномоченные вошли въ управленіе, завѣдующее каналомъ. Не желая сокращать свои расходы, Измаилъ-паша прекратилъ платежи по государственнымъ долгамъ, произвольно понизилъ % по займамъ, потребности администраціи и войска оставались неудовлетворенными, налоги росли. Въ обезпеченіе своихъ долговъ европейскія державы признали необходимымъ установить надзоръ за египетскими финансами, требовали отъ хедива отказа въ пользу государства отъ крупныхъ земельныхъ владѣній и введенія правильной системы налоговъ. Была учреждена особая „Касса государственнаго долга“; на уплату % по долгамъ сначала были ассигнованы нѣкоторые государственные доходы, а затѣмъ, въ обезпеченіе долга, Измаилъ-паша долженъ былъ отдать доходы со своихъ лучшихъ земельныхъ владѣній, управленіе которыми перешло къ комиссіи изъ должностныхъ лицъ заинтересованныхъ европейскихъ державъ. Ближайшій надзоръ былъ въ рукахъ двухъ уполномоченныхъ Англіи и Франціи, засѣдавшихъ въ совѣтѣ министровъ, дававшихъ свои заключенія по всѣмъ финансовымъ вопросамъ и обязанныхъ слѣдить за правильной выплатой % и другихъ платежей правительства. Такой контроль не могъ быть по душѣ Измаилу-пашѣ и онъ пытался устранить его созданіемъ министерства, отвѣтственнаго передъ выборными страны, передъ собраніемъ нотаблей, въ которомъ засѣдали бы представители Англіи и Франціи съ правомъ veto, т. е. съ правомъ отказывать въ своемъ согласіи на рѣшенія собранія. Стремленіе Измаила-паши составить министерство изъ египтянъ встрѣтило протесты Англіи и Франціи, требовавшихъ возстановленія прежняго министерства. Въ свою защиту Измаилъ-паша поднялъ возстанія солдатъ; тогда Порта, подъ давленіемъ Англіи и Франціи, низложила Измаила и назначила преемникомъ ему сына его Тевфика-пашу въ 1879 г. Армія хедива вновь была сокращена до 18.000 ч. и дань Турціи опредѣлена въ 75.000 тур. фунт.; за хедивомъ было оставлено право заключать торговые договоры съ европейскими державами. При новомъ хедивѣ англійскій и французскій уполномоченные окончательно взяли въ свои руки управленіе финансами и государственными имуществами Египта. Общая сумма податей была уменьшена, система взиманія налоговъ упорядочена, введено болѣе справедливое обложеніе крупныхъ земельныхъ собственниковъ; количество принудительнаго труда при общественныхъ работахъ уменьшено, часть ручного труда замѣнена машинами.

Развитіе торговли, промышленности и земледѣлія увеличило поступленіе косвенныхъ налоговъ. Правленіе Тевфика-паши было въ сущности уже англо-французскимъ протекторатомъ: державы не ограничивались завѣдываніемъ финансами, а вмѣшивались и во внутреннее управленіе Египта, причемъ главной заботой ихъ была правильная уплата процентовъ по внѣшнимъ займамъ.

Глава VI.

Національно-либеральное движеніе въ Египтѣ. — Араби-паша. — Оккупація Египта англійскими войсками. Государственный строй современнаго Египта.—Господство Англіи и результаты ея управленія.

Распоряженіе въ странѣ иностранныхъ державъ вызвало протесты населенія и подняло національное движеніе, во главѣ котораго становится одинъ изъ офицеровъ египетской арміи Араби-паша, имѣвшій большое вліяніе на туземное населеніе. Министерство отвѣтственное передъ собраніемъ нотаблей, фактически было подчинено иностраннымъ контролерамъ финансовъ и давленію иностранныхъ державъ, нотабли же никогда не собирались. Первый министръ произвольно распоряжался въ странѣ, власть его была сильнѣе власти самого хедива. Народное недовольство росло; въ 1882 г. было созвано собраніе нотаблей, которое потребовало отставки министерства. Въ новомъ министерствѣ первое мѣсто занялъ Араби-паша; его главнымъ стремленіемъ было удалить европейцевъ, предоставивъ „Египетъ египтянамъ". Англія и Франція рѣшили послать свои эскадры въ Александрію требовать отставки Араби. Хедивъ далъ отставку министерству, но послѣдняя вызвала народное негодованіе; населеніе считало Араби потомкомъ пророка. Правительство усиленно начало укрѣплять форты Александріи. Араби умѣло воспользовался недовольствомъ массъ; кромѣ того онъ встрѣтилъ поддержку въ войскахъ; феллахи были недовольны предпочтеніемъ, оказываемымъ туркамъ и арабамъ, изъ среды которыхъ обыкновенно назначались офицеры. Либеральная и національная партіи, пользуясь широкимъ сочувствіемъ въ массахъ населенія и въ войскахъ, требовали введенія конституціоннаго образа правленія, предоставленія управленія страной египтянамъ, облегченія участи массъ населенія, ограниченія господства въ странѣ турокъ и черкесовъ, получавшихъ всѣ высшія назначенія по военной и гражданской службѣ. Занятіе Франціей Туниса грозило вторженіемъ христіанъ въ мусульманскій міръ; это подняло вмѣстѣ съ тѣмъ и религіозное движеніе, направленное противъ иностранцевъ въ защиту ислама. На этой почвѣ возникли безпорядки и мятежи въ Александріи, закончившіеся избіеніемъ иностранцевъ въ Александріи и др. городахъ. Англія воспользовалась этими волненіями; обстоятельства ей благопріятствовали; во Франціи въ это время пало министерство Гамбетты, послѣ котораго единодушіе двухъ заинтересованныхъ въ восточной политикѣ державъ нарушилось. Смѣнившій Гамбетту Фрейсине дѣйствовалъ нерѣшительно, выжидая рѣшенія европейской конференціи, собравшейся въ Константинополѣ; Англія же не дремала. Почти одновременно съ тѣмъ, какъ конференція постановила поручить Турціи возстановленіе военной силой порядка въ Египтѣ, англійскій флотъ началъ бомбардировку Александріи. Французскій парламентъ отказалъ въ кредитѣ на военные расходы въ Египтѣ, и французская эскадра тотчасъ же оставила портъ, предоставить Англіи дѣйствовать единолично. Съ этого времени вліяніе Франціи въ Египтѣ не имѣло уже прежняго значенія. Военное возстаніе, поднятое Араби, было подавлено англійскими войсками, разбившими послѣдняго и взявшими его въ плѣнъ въ Каирѣ. Англійскій парламентъ ассигновалъ 57 мил. фр. для водворенія порядка въ Египтѣ и послалъ туда своего уполномоченнаго лорда Дюфферина для возстановленія правъ хедива, Тевфикапаши. Религіозное движеніе въ Суданѣ было также подавлено англійскими войсками. Занятіе Египта англійскими войсками сдѣлало Великобританію госпожею въ странѣ;. Оккупація сначала считалась временной; въ 1887 г. Англія обязалась отозвать свои войска въ теченіе

*

3 лѣтъ, но это не было ею исполнено; впрочемъ Великобританія и не проявляла особеннаго желанія отказаться отъ оккупаціи. Франція настояла лишь на томъ, чтобы Суэцскій каналъ былъ объявленъ вѣчно нейтральнымъ.

Настоящій хедивъ Египта, сынъ Тевфика—Аббасъ II (1892 г.)—вице-король Египта, считается самостоятельнымъ правителемъ, но управляетъ именемъ султана; войско и флотъ Египта считаются частью оттоманскихъ силъ. Египетъ платитъ кромѣ того Портѣ опредѣленную дань. Хедивъ управляетъ черезъ посредство отвѣтственнаго министерства, въ которомъ присутствуетъ англійскій уполномоченный, контролеръ финансовъ; безъ участія послѣдняго не можетъ быть принято ни одно финансовое мѣропріятіе. „Органическій законъ“ 1 мая 1883 г. учредилъ представительныя собранія, фактически мало ограничивающія власть хедива: они являются лишь совѣщательными органами, и только въ области обложенія населенія налогами имъ принадлежитъ рѣшающій голосъ. Ни одинъ новый налогъ, личный или поземельный, не можетъ быть введенъ безъ согласія Всеобщаго Собранія. Всеобщее Собраніе созывается хедивомъ не менѣе 1 раза въ 2 года. Оно состоитъ: 1) изъ министровъ 2) изъ всего Законодательнаго Совѣта въ полномъ составѣ и 3) изъ 39 нотаблей, выбранныхъ на 6 лѣтъ съ правомъ переизбранія. Выборы нотаблей не прямые, а двустепенные: первоначальными избирателями могутъ быть всѣ египтяне, достигшіе 20 л., они выбираютъ по одному избирателю на каждый избирательный округъ. Эти избиратели уже выбираютъ нотаблей тайной подачей голосовъ. Нотаблемъ можетъ быть всякій египтянинъ 30 лѣтъ, грамотный, числящійся 5 л. въ избирательномъ спискѣ, если онъ уплачиваетъ 2000 піастровъ въ годъ земельнаго налога или патентнаго сбора.

Чисто совѣщательнымъ органомъ является и Законодательный Совѣтъ; онъ состоитъ изъ 30 членовъ; 14 пожизненныхъ, назначаемыхъ хедивомъ, и 16 избираемыхъ провинціальными совѣтами. Весь Египетъ дѣлится на 14 провинцій—мудири, во главѣ которыхъ стоитъ мудиръ, мѣстный представитель хедива, находящейся подъ непосредственнымъ контролемъ министра внутреннихъ дѣлъ. При каждомъ мундирѣ имѣется: 1) совѣтъ или диванъ—органъ исполнительный и 2) выборный провинціальныйсовѣтъ—органъ совѣщательный. Число членовъ провинціальныхъ совѣтовъ мѣняется, сообразно величинѣ мудири, отъ 4—8; они выбираются также всѣмъ совершеннолѣтнимъ египетскимъ населеніемъ, путемъ двустепенныхъ выборовъ. Членамъ провинціальнаго совѣта можетъ быть всякій египтянинъ 30 л., платящій 5000 піастровъ налога въ своемъ мудири.

Египетская армія состоитъ изъ 18,000 ч. Англія содержитъ около 5000 своего войска. Военнаго флота у Египта теперь нѣтъ.

Бюджетъ Египта составлялъ въ 1902 г. 12.148.000 ег. ф. дохода и 11.432.000 ег. ф. расхода (ег. ф. около 9 р. 70 к.). Главные доходы получаются отъ прямыхъ налоговъ: подоходнаго и нормальнаго; косвенные налоги даютъ вдвое меньше. Главные расходы идутъ на уплату % по долгу. За послѣднія 20 л. подъ сильнымъ вліяніемъ англійскаго уполномоченнаго финансы Египта улучшились и его экономическое благосостояніе возросло. Нѣкоторые налоги, наиболѣе обременительные, совершенно уничтожены, другіе уменьшены, удешевлены пути и средства сообщенія, произведено много работъ по улучшенію орошенія и осушенія полей, что увеличило производительность почвы и стоимость земель. Постройка знаменитой плотины около Ассуана увеличила площадь обрабатываемыхъ полей до размѣровъ, которыхъ она достигала въ цвѣтущій періодъ царства фараоновъ. Постройка этой плотины, стоившей правительству около 1.750.000 фун. стер., была закончена въ 4 года (1898—1902 г.) подъ руководствомъ англійскихъ инженеровъ и дала возможность ввести систему орошенія при помощи лѣтнихъ каналовъ и въ Верх. Египтѣ.

Торговые обороты Египта увеличились почти вдвое. На помощь задолженнымъ феллахамъ правительство пришло съ организаціей земельнаго банка, выдающаго ссуды за 9%.

Народное образованіе сдѣлало также успѣхи; въ 1898 г. существовало уже 10,000 пра-

вительственныхъ школъ съ 228,000 учащихся; 1/8 этихъ школъ элементарныхъ, въ нихъ обучаютъ лишь письму, чтенію и ариѳметикѣ. Есть кромѣ того среднія и высшія школы и элементарныя миссіонерскія съ 20,000 учащ. Грамотность среди туземцевъ наиболѣе распространена въ коптскихъ общинахъ, гдѣ въ среднемъ 50% грамотныхъ. Вообще въ Египтѣ среди туземцевъ всего 5,8% грамотныхъ, тогда какъ среди европейцевъ, живущихъ въ Египтѣ, 74% грамотныхъ.

Господство Англіи въ Египтѣ все болѣе и болѣе упрочивается; Англія дорожитъ Египтомъ, какъ кратчайшимъ путемъ въ Индію черезъ Суэцскій каналъ, да и самъ Египетъ представляетъ для нея громадный источникъ доходовъ. Земли Египта въ значительномъ количествѣ эксплоатируются теперь англичанами, торговля Египта преимущественно въ ихъ же рукахъ. Англичане сдѣлали Египетъ рынкомъ для сбыта своихъ товаровъ и не допускаютъ развитія въ Египтѣ своей промышленности. Управленіе Египта всецѣло въ рукахъ Англіи. Ея уполномоченный, теперь лордъ Кромеръ, имѣетъ фактически гораздо болѣе вліянія, чѣмъ хедивъ. Египтянамъ поручаются лишь низшія должности въ управленіи и арміи, всѣ высшія должности въ рукахъ англичанъ. Англійскіе совѣтники не ограничиваются контролемъ финансовъ; въ каждомъ департаментѣ египетскаго управленія (судъ, полиція, внутреннія дѣла) входитъ англійскій совѣтникъ, руководящій фактически всѣми дѣлами. Даже назначеніе министровъ, принадлежащее по праву хедиву, зависитъ фактически отъ воли Англіи. Представители другихъ европейскихъ державъ сохранили вліяніе лишь въ завѣдываніи „Кассой государственнаго долга“, да въ консульскихъ и смѣшанныхъ судахъ, вѣдающихъ дѣла, въ которыхъ заинтересованы иностранцы. Со времени завоеванія Судана Англіей ея вліяніе въ Египтѣ еще болѣе усилилось.

Несмотря на рядъ реформъ, проведенныхъ Англіей, надо замѣтить, что экономическое положеніе населенія и общее состояніе финансовъ Египта далеко еще не блестящее. Потребуется еще цѣлый рядъ лѣтъ для достиженія этой страной устойчиваго финансоваго и экономическаго положенія.

Л. Куприянова.

Алжиръ, Тунисъ и Марокко.

Алжиръ, Тунисъ и Марокко представляютъ собою лишь отдѣльныя части области Атласа, занимающаго весь сѣверо-западъ Африки. Эта часть Африканскаго материка устройствомъ своей поверхности рѣзко отличается отъ всей остальной Африки, и горныя цѣпи Атласа своимъ геологическимъ строеніемъ и направленіемъ съ юго-запада къ сѣверо-востоку тѣсно примыкаютъ къ горнымъ возвышенностямъ южной Европы. Область Атласа—древняя Мавританія, представляющая собою почти правильный четыреугольникъ, съ малоизрѣзанными и большей частью крутыми, скалистыми берегами, ограничивается съ сѣвера Средиземнымъ моремъ, съ запада—Атлантическимъ океаномъ, съ востока—заливомъ Габесъ или Малымъ Сиртомъ, а на югѣ переходитъ въ пустыню Сахару.

Арабы называютъ эту страну Гарбъ или Магребъ, т. е. „Западъ", а также Джезиратъ-эль-Магребъ—„Западный островъ".

Атласъ состоитъ изъ параллельно расположенныхъ горныхъ цѣпей, плоскогорій и равнинъ, раздѣляющихъ всю область на узкія полосы. Вслѣдствіе такого устройства поверхности Атласъ не имѣетъ длинныхъ рѣкъ. Самыя большія рѣки—Малуйя въ Марокко, Шелифъ въ Алжирѣ и Меджерта въ Тунисѣ впадаютъ въ Средиземное море. Вслѣдствіе недостаточнаго количества дождей рѣки Атласа большею частью мелководны и неудобны для судоходства.

Климатъ сѣверо-западной Африки въ общемъ умѣренно-теплый, но вслѣдствіе различной высоты поверхности онъ не вездѣ одинаковъ. Въ Алжирѣ средняя годовая температура—19° Ц., причемъ наиболѣе высокая 40°, а самая низкая—1,6°, а на горахъ снѣгъ лежитъ съ ноября до марта. На сѣверномъ склонѣ Атласа лѣто очень сухое, такъ что увядаетъ растительность и пересыхаютъ рѣки, зима же—дождливое время года. Южный склонъ, обращенный къ Сахарѣ, почти не знаетъ дождей и обвѣвается жаркими вѣтрами пустыни, которые переносятся даже черезъ горы и достигаютъ побережья Средиземнаго моря.

Флора сѣверной Африки близко подходитъ къ флорѣ европейскихъ странъ, расположенныхъ у Средиземнаго моря. Кое гдѣ по склонамъ горъ встрѣчаются лѣсистыя мѣстности. Воздѣлываются пшеница, ячмень и другіе злаки; произрастаютъ табакъ, хлопчатая бумага,

виноградная лоза, бананы, оливковыя, лимонныя, апельсинныя, миндальныя, фиговыя и абрикосовыя деревья. Обширныя пастбища на плоскогорьяхъ прокармливаютъ многочисленныя стада рогатаго скота. У южной подошвы Атласа и въ оазисахъ Сахары растетъ финиковая пальма, составляющая главный предметъ питанія обитателей этихъ мѣстъ. На горахъ водятся львы и пантеры, гіены, шакалы, рыси, лисицы, газели. Домашнія животныя: рогатый скотъ, лошади, ослы, верблюды, козы и овцы. Изъ минеральныхъ богатствъ добываются свинецъ, мѣдь, желѣзо, соль.

Что касается политическаго положенія, то три государства, занимающія область Атласскихъ горъ, различаются между собою.

Алжиръ, граничащій на западѣ съ Марокко, а на востокѣ съ Тунисомъ и занимающій площадь въ 478.000 кв. км., до 1830 г. принадлежалъ къ Турецкой имперіи, хотя и въ качествѣ почти независимаго государства. „Большинство европейскихъ державъ платили налоги алжирскимъ туркамъ, чтобы обезопасить свою торговлю; а когда отказывались отъ этой постыдной дани, то должны были прибѣгать въ блокадѣ и бомбардированію прибрежныхъ городовъ Алжира или выплачивать большіе выкупы, чтобы освободить своихъ подданныхъ, захваченныхъ въ плѣнъ пиратами". Но въ 1830 г. былъ нанесенъ рѣшительный ударъ и городъ Алжиръ былъ занятъ французами. А съ 1834 г. Алжиръ окончательно сдѣлался французскою колоніей.

Во главѣ управленія стоитъ гражданскій губернаторъ, при которомъ находится правительственный совѣтъ. Алжиръ раздѣленъ на три департамента—халифата: Алжиръ, Константину и Оранъ. Каждымъ департаментомъ управляетъ префектъ. Генералъ-губернаторъ является въ то же время и высшей военной властью въ колоніи. Главный городъ и резиденція губернатора—Алжиръ. Во всемъ Алжирѣ насчитывается до 4 милліоновъ жителей.

Тунисъ, хотя и представляетъ собою самостоятельное государство, но съ 1881 г. находится подъ покровительствомъ Франціи. Бей остался неограниченнымъ государемъ страны, но всѣ его правительственныя мѣры должны быть утверждаемы французскимъ министромъ—резидентомъ. Тунисъ занимаетъ площадь около 116.000 кв. км. съ населеніемъ приблизительно въ $1^1/_2$ мил. жителей. Резиденція бея—Тунисъ.

Наконецъ, Марокко—независимое государство съ деспотическимъ государемъ во главѣ. Марокко занимаетъ около 800.000 кв. км. Количество народонаселенія тоже не опредѣлено, приблизительно около 6 мил. Правителя европейцы называютъ императоромъ, арабы—султаномъ, подданные—эмиръ-уль-муменутъ, т. е. княземъ правовѣрныхъ, и Халифатъ—Алла фи-халь-киги, т. е. намѣстникомъ Аллаха на землѣ. Въ султанствѣ двѣ столицы—Фецъ и Марокко.

Коренное населеніе сѣверной Африки составляютъ берберы и арабы, принадлежащіе къ двумъ большимъ семействамъ народовъ—къ хамитамъ и семитамъ. Берберы—хамиты—болѣе ранніе обитатели этой страны. Затѣмъ страной постепенно завладѣвали различные народы: финикіяне, карѳагеняне, греки, римляне. Наконецъ, въ VII в. по Р. Хр. сюда нахлынули арабы и настолько вытѣснили берберскій языкъ, что въ настоящее время въ Алжирѣ на арабскомъ языкѣ говоритъ вдвое большее число людей, чѣмъ по-берберски. Сильно наводнялась сѣверная Африка неграми изъ Судана. Подъ конецъ появились турки и за ними европейцы.

Берберы, называемые также кабилами („кабилъ"—арабское слово, означающее племя, колѣно), распадаются (по Сиверсу) на три главныхъ племени: кабиловъ въ Алжирѣ, амазирговъ въ сѣверномъ Марокко и шлейховъ или шеллаховъ—на югѣ Марокко. Лишь въ немногихъ мѣстностяхъ Атласа берберы сохранили свой первоначальный типъ и свой древній языкъ. Большею же частью они представляютъ собою всевозможныя смѣшенія съ другими народностями и главнымъ образомъ съ арабами. Особенно сильно перемѣшались эти народы въ Тунисѣ. Въ наиболѣе чистомъ видѣ кабилы сохранились въ восточныхъ частяхъ

Алжира и въ оазисахъ Сахары. Вслѣдствіе такого смѣшенія, среди берберовъ встрѣчаются всевозможные типы, отъ свѣтлыхъ блондиновъ съ тонкими чертами лица, совершенно сходныхъ съ европейцами, до такихъ которыхъ трудно отличить отъ негровъ. Но средній, наиболѣе часто встрѣчающійся типъ отличается (по Ратцелю), „удлиненнымъ, овальнымъ лицомъ, вертикальнымъ профилемъ, высокимъ, широкимъ лбомъ, сильно втянутыми подъ скулами щеками, узкимъ, тонкаго строенія, рѣзко отдѣляющимся отъ лба носомъ и небольшими плотными зубами“. Кабилы роста средняго, мускулисты, сильны и ловки. Выраженіе лица у нихъ открытое, ласковое и оживленное. Кабилы отличаются трудолюбіемъ, предпріимчивостью, большимъ практическимъ смысломъ. „Они терпѣливы, воздержны, расчетливы и бережливы. Очень честные, неспособные ни на какой обманъ, они требуютъ и отъ другихъ такой же добросовѣстности въ торговыхъ сношеніяхъ; свято исполняя свои долговыя обязательства, они всегда аккуратно отдаютъ то, что имъ одолжили, но требуютъ, чтобы и по отношенію къ нимъ поступали такъ же. Для того, чтобы вернуть съ должника самую ничтожную сумму, они не задумаются предпринять длинное путешествіе, затѣять дорого стоющій процессъ. Чтобы защитить то, что ему кажется справедливымъ, упрямый кабилъ готовъ лѣзть на стѣну. Арабы въ укоръ кабилу говорятъ, что у него сидитъ кремень въ головѣ, на что тотъ отвѣчаетъ: „А у васъ баранъ въ головѣ“. Очень разсудительный и серьезный, онъ умѣетъ въ то же время развлекаться пѣснями, шутками; вообще онъ не прочь повеселиться, рѣзко отличаясь въ этомъ отошеніи отъ араба, всегда сохраняющаго важный видъ. „Что особенно отличаетъ кабила, такъ это его безграничная любовь къ личной независимости: каждый хочетъ быть „султаномъ своей головы“; каждый говоритъ о своей чести, и арабское слово *нифъ*, которое въ собственномъ смыслѣ значитъ „носъ“, но которое символизируетъ личное достоинство, безпрестанно слышится въ разговорахъ. Нѣкоторыя кабильскія племена называютъ себя „имазигенъ“ или „амзигъ“, т. е. „вольные люди“.

Кабилъ.

И политическое устройство, еще сохранившееся у кабиловъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ этой любви къ личной независимости и свободѣ. Основою политическаго строя кабиловъ служитъ община — „джемаа“, маленькая самостоятельная республика. Самостоятельность этихъ политическихъ единицъ, говоритъ Ратцель, они отстаиваютъ съ настоящей страстностью. Къ этой маленькой республикѣ принадлежатъ всѣ граждане, богатые и бѣдные,

старые и молодые: по достиженіи пятнадцатилѣтняго возраста юноша становится полноправнымъ гражданиномъ. Народное собраніе, или „джемаа“, происходитъ разъ въ недѣлю. Оно обсуждаетъ и рѣшаетъ всѣ общественныя дѣла и совмѣщаетъ въ себѣ всѣ власти — политическую, административную и судебную. „Оно судитъ безчестные поступки, дѣйствія, недостойныя свободнаго человѣка, нарушеніе законовъ гостепріимства; бывали даже примѣры, когда члену племени, нажившему большое состояніе, предлагали отдохнуть отъ дѣлъ, чтобы дать другимъ случай обогатиться“. Къ аресту или тюремному заключенію никто и никогда не приговаривается: вѣдь свобода слишкомъ драгоцѣнное благо для того, чтобы можно было лишать ея даже преступника. Постановленія джемаа приводятся въ исполненіе выборнымъ должностнымъ лицомъ „аминой“. Политическія партіи — „софы“ ограничиваютъ власть джемаа. И если амина выбирается изъ партіи большинства, то меньшинство выбираетъ казначея—„укиля“ изъ своей партіи. Такимъ образомъ для всякаго расхода требуется согласіе обѣихъ партій. Но нерѣдко бываетъ также, что вражда партій нарушаетъ спокойное теченіе жизни общины, и народное собраніе не можетъ придти ни къ какому соглашенію. Партіи занимаютъ даже, какъ и въ европейскомъ парламентѣ, опредѣленныя мѣста въ собраніяхъ джемаа. Вообще ассоціація практикуется у кабиловъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. Они объединяются для общаго владѣнія какимъ-либо имуществомъ, для общей работы, для совмѣстной защиты отъ врага.

Дѣти кабиловъ.

Вслѣдствіе такой любви къ независимости и свободѣ, кабиловъ было очень трудно покорить. При завоеваніи Алжира, французы покорили сначала турокъ, затѣмъ арабовъ и послѣдними только подчинились кабилы, лишь послѣ долгаго и упорнаго сопротивленія. Добровольно они никогда не подчинялись чужеземному игу. Воинственный духъ берберовъ, обнаруживается даже въ постройкѣ ихъ прочныхъ каменныхъ жилищъ. Даже деревни берберовъ, окруженныя валами и рвами, напоминаютъ скорѣе укрѣпленные города.

Подъ вліяніемъ арабовъ кабилы сдѣлались мусульманами, хотя и не особенно ревностными. „Берберъ менѣе араба заботится объ исполненіи предписанныхъ омовеній; часто во время Рамазана онъ нарушаетъ постъ до захода солнца; онъ ѣстъ безъ стѣсненія мясо

дикихъ свиней, опустошающихъ поля, и со страстью наслаждается водкой изъ винныхъ ягодъ". Эхо горъ, съ которымъ онъ совѣщался на этотъ счетъ, спрашивая у него: „можно ли ѣсть?"—отвѣтило: „можно ѣсть!"

Потомки арабскихъ просвѣтителей, распространявшихъ въ краѣ новую вѣру, живутъ еще въ Кабиліи, не сливаясь съ остальнымъ населеніемъ. Это такъ называемые „марабуты". Они живутъ въ особыхъ селеніяхъ, ведутъ праведную жизнь и обучаютъ дѣтей Корану. Не особенно набожные, кабилы очень суевѣрны. Каждому дню недѣли они приписываютъ хорошее или дурное значеніе; выходя изъ дому, произносятъ заклинанія противъ злыхъ духовъ; заяцъ или ворона предвѣщаетъ имъ несчастье, а двѣ вороны или шакалъ—счастье и пр.

Женщина берберовъ.

Практическіе кабилы, къ тому же одаренные хорошими природными способностями, охотно посылаютъ дѣтей въ школы, открываемыя французами. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ введено даже обязательное и безплатное обученіе дѣтей.

Французскія школы, куда посылаютъ и дѣвочекъ, оказываютъ также замѣтное вліяніе и на смягченіе нравовъ. Въ особенности, это отражается на улучшеніи все еще подчиненнаго положенія женщины. Мужъ покупаетъ жену и можетъ ее отослать обратно когда она ему надоѣстъ. Формальность развода самая простая: извѣстное слово, повторенное трижды, достаточно для расторженія брака. На женщину взваливается самая тяжелая работа. Но все же женщина имѣетъ право голоса въ общественныхъ дѣлахъ и пользуется правомъ наслѣдованія. У кабиловъ полигаміи почти не существуетъ, и кабилъ охотно прислушивается къ совѣту своей жены. Извѣстны примѣры, когда женщины пріобрѣтали преобладающее вліяніе въ своемъ племени, или какъ героини, или какъ пророчицы.

Женщины у берберовъ, въ противуположность арабской женщинѣ, не закрываютъ,

лица при встрѣчѣ съ мужчинами. Костюмъ берберовъ очень простъ. Мужчины носятъ нѣчто вродѣ туники, доходящей до колѣнъ, женщины болѣе длинную рубашку, подпоясанную въ таліи. Въ холодную погоду и въ дорогѣ мужчина надѣваетъ бурнусъ. Еще, и въ настоящее время тканье шерстяныхъ матерій для одежды составляетъ главное занятіе кабильскихъ женщинъ. Мужчины коротко стригутъ волосы и отпускаютъ бороду. Нѣкоторыя племена носятъ короткую косу. У женщинъ короткіе, но очень густые волосы. На головѣ онѣ носятъ небольшую шапочку, мужчины—феску.

Берберы—по преимуществу земледѣльцы. Уже съ древнѣйшихъ временъ они воздѣлывали ячмень, пшеницу, чечевицу, горохъ, ленъ и тыкву. Много вниманія удѣляютъ также разведенію табака, маиса, картофеля, огурцовъ, арбузовъ и т. д. Изъ плодовыхъ деревьевъ

Лагерь арабовъ.

особенно любятъ орѣховыя и оливковыя. Сильно распространена также виноградная лоза. На югѣ—финиковая пальма.

Промышленность берберовъ также довольно разнообразна. Они удовлетворяютъ собственнымъ потребностямъ и кромѣ того производятъ на продажу различныя металлическія издѣлія. Изготовляютъ шелковыя, шерстяныя и хлопчато-бумажныя матеріи. Знамениты мароккскія кожи, такъ называемые марокины. Выдѣлываютъ также художественныя вещи изъ бронзы и мѣди. И вообще въ обработкѣ металловъ берберы достигли значительной степени совершенства, питая отвращеніе лишь къ кузнечному ремеслу—странный, но прочно вкоренившійся среди нихъ предразсудокъ.

Въ общемъ, земледѣльцы—берберы стоятъ на болѣе высокой ступени цивилизаціи, чѣмъ кочевники-арабы, но все же во многихъ отношеніяхъ они еще подчиняются вліянію арабовъ, принесшихъ имъ свою религію.

Вслѣдствіе смѣшенія племенъ, образовалось множество переходныхъ типовъ между берберами и арабами.

*

Въ наиболѣе чистомъ видѣ арабы сохранились въ западныхъ областяхъ Алжира. Народы арабскаго происхожденія приставляютъ къ названію своего племена слово „ауладъ“ или „уладъ“; арабизированные берберы называются „бени“.

Болѣе чистый типъ араба Ратцель характеризуетъ слѣдующимъ образомъ: „орлиный носъ, лобъ не широкій, покатый, нижняя половина лица нѣсколько отодвинута назадъ, вслѣдствіе чего носъ настолько выступаетъ впередъ, что Федербъ справедливо выразился по этому поводу: „Le visage arabe est tout en nez“. Добавимъ къ этому матовый или смуглый цвѣтъ лица, черные, глубоко сидящіе глаза, высокую сухощавую фигуру. Таковъ арабъ. Одежда его состоитъ изъ грубой бумажной рубашки, поверхъ которой накидывается длинный шелковый или бумажный плащъ. Плащъ часто дѣлается изъ легкой бѣлой шерстяной матеріи или болѣе грубой матеріи бѣлой съ темными полосами. Голову обвязываютъ квадратнымъ бумажнымъ платкомъ. Зимою поверхъ рубашки накидываютъ бараньи бурки. На голову сверхъ платка надѣваютъ огромныя шляпы изъ пальмовыхъ листьевъ. Женщины носятъ широкую бумажную тунику большей частью синяго цвѣта, а на головѣ платки; серебряныя подвѣски въ ушахъ и въ носу, стеклянные или серебряные браслеты на рукахъ и ногахъ и ожерелья на шеѣ. Лицо и подбородокъ онѣ закутываютъ въ темныя покрывала.

Арабъ всегда кажется безстрашнымъ, преисполненнымъ чувства собственнаго достоинства. Онъ никогда не поетъ за работой. Но у себя дома, въ интимной жизни, онъ легко сбрасываетъ съ себя напускную торжественность, говоритъ и жестикулируетъ съ большою живостью. Арабы, въ противуположность берберамъ, не любятъ спокойной жизни осѣдлаго человѣка; имъ больше по душѣ существованіе номада,—скачка на конѣ черезъ необозримыя пространства, приволье степей, убѣгающіе въ даль горизонты, миражи пустыни, группы шатровъ, разбитыхъ на травѣ или на пескѣ. Чтобы узнать араба, „надо видѣть его въ степи, въ его родной стихіи: тамъ онъ счастливъ, гостепріименъ, великодушенъ, общителенъ и разговорчивъ, тамъ онъ съ удовольствіемъ разсказываетъ про свои странствованія и охотничьи приключенія“. По характеру арабъ равнодушенъ, склоненъ къ созерцанію, лѣнивъ. Вообще, въ нравственномъ отношеніи арабы стоятъ на невысокой ступени. Обманъ, корыстолюбіе, вѣроломство и отсутствіе честности въ торговыхъ дѣлахъ — повсюду обычныя явленія; арабъ съ опасностью жизни готовъ защищать своего гостя, онъ терпѣливо и стойко переноситъ всякія превратности судьбы, но во время набѣговъ является жестокимъ и коварнымъ грабителемъ. Арабъ всегда вооруженъ копьемъ, саблей, нерѣдко ружьемъ и пистолетомъ. Арабъ не любитъ земледѣлія. Онъ по природѣ своей пастухъ и кочевникъ. Арабъ еще болѣе, чѣмъ берберъ, презираетъ ремесло кузнеца. Онъ питаетъ отвращеніе ко всякимъ металламъ, не исключая золота, и это отвращеніе принимаетъ у него суевѣрный оттѣнокъ. Свое оружіе онъ покупаетъ, но никогда не изготовляетъ самъ. Въ бою арабъ всегда даетъ пощаду тому, кто проситъ ея, махая рукой, какъ бы для удара молотомъ по наковальнѣ; но такой человѣкъ обрекается на вѣчное презрѣніе.

Соотвѣтственно своему образу жизни арабъ не строитъ крѣпкихъ домовъ, какъ берберы. Онъ живетъ въ шатрѣ, имѣющемъ форму опрокинутой кадки и покрытомъ войлокомъ изъ козьей шерсти. Тѣмъ не менѣе большая часть городовъ Атласа основана арабами, а не берберами. Это нужно приписать болѣе высокой культурѣ арабовъ.

Арабское племя или колѣно почти всегда имѣетъ аристократическую форму правленія. Первичной ячейкой является союзъ семействъ, ведущій свое начало отъ общаго родоначальника. Во главѣ такого союза стоитъ вождь, соединяющій въ своемъ лицѣ власть военную и духовную. Арабское поселеніе—дуаръ, т. е. „кругъ палатокъ“, состоитъ изъ ряда шатровъ, раскинутыхъ среди пастбищъ. Въ дуарѣ власть принадлежитъ главѣ той семьи, которая можетъ похвалиться наиболѣе благороднымъ происхожденіемъ. Нѣсколько дуаровъ, соединенныхъ въ ферку, управляются шейхомъ, т. е. „старикомъ“. Каждая высшая группа,

составленная изъ меньшихъ единицъ, тоже повинуется одному главѣ. Всѣ эти начальники являются своего рода царьками въ своихъ маленькихъ государствахъ. И пророкъ говоритъ: „Какъ только васъ будетъ трое, имѣйте старшаго“. Такимъ образомъ арабы, въ противоположность демократическому строю кабиловъ, предпочитаютъ аристократическій способъ правленія. Но эта феодальная система среди арабскихъ племенъ уже отходитъ въ область преданій. Независимые de facto, арабскіе начальники постепенно замѣняются въ Алжиріи французскими администраторами и мусульманскими кади, на которыхъ возложено отправленіе правосудія.

Арабовъ, живущихъ въ городахъ, часто называютъ маврами. Это не совсѣмъ вѣрно. Мавры—это собственно потомки, происшедшіе отъ сліянія различныхъ племенъ. Названіе „мавръ“ было нѣкогда чрезвычайно распространено въ сѣверной Африкѣ и Испаніи и обозначало первоначально всѣхъ не-христіанъ съ болѣе темной, чѣмъ у европейцевъ, окраской. Обитатели Алжира и Туниса, называемые маврами, произошли, какъ предполагаютъ, отъ сліянія берберовъ съ финикіянами, карѳагенянами и римлянами, къ которымъ позднѣе присоединились арабы. Лицо у нихъ овальное, носъ длинный, брови густыя, борода черная, какъ смоль, но довольно рѣдкая; роста они средняго, стройны, граціозны. Мавры, богато одаренные отъ природы, достигли высокой степени культуры.

Мавританка.

Національная одежда мавровъ бѣлая. Мужчины носятъ вышитую рубашку, застегивающуюся на груди, широкіе шаровары и верхнее платье съ длинными рукавами. На головѣ у мавра красная феска. Въ холодную погоду онъ надѣваетъ толстый шерстяной бурнусъ.

Одежда мавританки нерѣдко художественна. Поверхъ бѣлой рубашки она носитъ затканную золотомъ и серебромъ цвѣтную кофту. Изъ-подъ кофты широкими складками падаютъ обширные шаровары голубого, желтаго или зеленаго цвѣта, перетянутые у тальи серебрянымъ поясомъ. Къ поясу часто прикрѣпляютъ шарфъ, граціозными складками ниспадающій до земли. На ногахъ—массивные браслеты и наконецъ изящныя туфельки изъ марокина. На рукахъ мавританка носитъ не менѣе полдюжины браслетовъ. Богатыя украшаются жемчугомъ, брилліантами и драгоцѣнными каменьями. Бѣдныя носятъ ожерелья изъ монетъ, которыя длинными рядами ниспадаютъ до пояса. Звонъ этихъ монетъ—самая пріятная музыка для слуха мавританскихъ дамъ. Духи, бѣлила и румяна—необходимая принадлежность туалета. Свои и безъ того черныя брови мавританка еще слегка подкрашиваетъ черной краской и удлиняетъ дуги бровей, проводя по переносицѣ черную черту. Мавританскія и арабскія женщины никогда не выходятъ на улицу съ открытымъ лицомъ. Многія, кромѣ чернаго покрывала, закрывающаго все лицо, держатъ передъ лицомъ обѣими руками толстый платокъ, такъ что онѣ могутъ видѣть передъ собой не болѣе чѣмъ на

разстояніи двухъ-трехъ шаговъ. Даже работая въ полѣ, арабская женщина, при приближеніи мужчины, закрываетъ лицо руками. Вообще женщина у арабовъ и мавровъ занимаетъ болѣе низкое положеніе, чѣмъ у берберовъ. У городскихъ арабовъ и у мавровъ она живетъ въ гаремѣ, у бѣдныхъ кочевниковъ она не имѣетъ права сѣсть къ столу рядомъ со своимъ мужемъ. Арабъ охотнѣе приласкаетъ своего коня, чѣмъ подастъ руку женѣ. Она для него жена, пока она молода и хороша собой. Состарится,—арабъ беретъ себѣ другую, а эту превращаетъ въ свою рабыню.

Весьма также многочисленны въ государствахъ Атласа евреи. Они образуютъ въ городахъ большія общины. Многіе изъ нихъ ведутъ свой родъ отъ евреевъ, поселившихся въ краѣ еще до арабскаго завоеванія. Еще до недавняго времени евреи были лишены законной защиты отъ всяческихъ притѣсненій и вымогательствъ, которымъ они подвергались. Очень большое число семействъ было вынуждено отречься отъ своей вѣры, чтобы избѣгнуть преслѣдованія. Еще въ 1868 году семнадцать человѣкъ тунисскихъ евреевъ были умерщвлены безнаказанно и никто не осмѣлился заикнуться о судебномъ преслѣдованіи убійцъ. Въ прежнее время особый головной уборъ отличалъ безправныхъ евреевъ отъ всего остальнаго населенія. Главное занятіе евреевъ сѣверной Африки—торговля.

Еврейка.

Тунисскія еврейки отличаются необыкновенной красотой. Портитъ ихъ только чрезмѣрная дородность и очень неизящный костюмъ. Полнота считается у нихъ, какъ и у мавровъ, главнымъ признакомъ красоты; дѣвушекъ—евреекъ и мавританокъ—еще недавно подвергали спеціальному откармливанію. Руки и ноги ихъ должны быть достаточно толсты, чтобы удерживать кольца и браслеты, которыя носили ихъ матери. Костюмъ тунисской еврейки еще больше подчеркиваетъ ея дородность. Онѣ носятъ широкія и короткія блузы, ничѣмъ не подпоясанныя. На головѣ остроконечная, расшитая золотомъ шапочка. Лица еврейка не закрываетъ.

Не мало также въ государствахъ Атласа представителей какъ чистаго негрскаго, племени, такъ и всевозможныхъ метисовъ. Въ Тунисѣ и въ Алжирѣ, кромѣ французовъ проживаетъ много европейцевъ другихъ національностей.

Города Алжиріи и Туниса въ значительной степени потеряли уже свой восточный характеръ. Европейскіе кварталы, построенные французскими архитекторами, прямо скопированы съ французскихъ городовъ; живописные мавританскіе дома замаскированы улицами съ правильными и банальными фасадами. Но за то части города, нетронутыя рукой европейскаго архитектора, необыкновенно живописны. Среди улицъ стараго Туниса нѣтъ ни одной прямой: вездѣ углы и выступы, кривыя разнаго радіуса. Надъ улицей идутъ своды неравной высоты, иногда это простыя арки, соединяющія два противуположныхъ дома. Нѣкоторые изъ этихъ сводовъ настолько длинны, что образуютъ настоящія галлереи... Мраморныя колонны, привезенныя изъ Карѳагена, поддерживаютъ основаніе аркадъ или обрамляютъ двери домовъ своими разноцвѣтными капителями. Дикая трава пробивается изъ каждой трещины сводовъ; въ углахъ наклонно растутъ деревья, прикрывая своими вѣтвями какую нибудь мелочную лавочку или скамьи кофейни... Каждая улица населена людьми одной и той же корпораціи—сѣдельниками, продавцами матерій, котельниками ювелирами, парфюмерами. Часто мастерская помѣщается рядомъ съ лавкой; ремесленники ткутъ полотно, мотаютъ шерсть, куютъ мѣдь на глазахъ толпы покупателей и прохожихъ,

тѣснящейся въ узкомъ переулкѣ; тамъ и сямъ черезъ полуотворенныя ворота виднѣется почти пустой дворъ между аркадами; это духовная школа или мечеть,—тихое убѣжище „среди царящаго кругомъ городского шума". Но все это болѣе живописно, чѣмъ удобно для человѣческаго жилья. Улицы такъ узки, что двое прохожихъ мѣстами не могутъ разойтись, и одинъ принужденъ войти въ сосѣднюю лавку, чтобы дать дорогу другому. Солнце сюда никогда не заглядываетъ. Большинство улицъ не имѣетъ стоковъ, и нечистоты изъ домовъ скопляются въ канавахъ, не имѣющихъ выхода. Часто случается, что улицы впродолженіи нѣсколькихъ дней бываютъ загромождены кучами земли и песку, среди которыхъ вылиты жидкія нечистоты, чтобы дать имъ высохнуть и отвердѣть на открытомъ воздухѣ въ видахъ болѣе удобной перевозки. Все это отравляетъ воздухъ.

Дома, большей частью двухъ-этажные, мрачны, грязны и угрожаютъ паденіемъ. Нѣкоторые наклонились надъ улицей, какъ будто желая поддержать другъ друга. Въ окна, продѣланныя только въ верхнемъ этажѣ, вставлены крѣпкія желѣзныя рѣшетки.

Чрезвычайное оживленіе царитъ на базарахъ. Тѣснота здѣсь такая, что въ каждой лавкѣ можетъ помѣститься не болѣе двухъ-трехъ человѣкъ. Очень часто даже продавецъ принужденъ сидѣть внѣ своей лавки, вмѣщающей одни лишь товары. Торговцы—евреи и мавры. Послѣдніе, впрочемъ, очень безпечно относятся къ своему дѣлу и больше разговариваютъ, спятъ и курятъ, чѣмъ торгуютъ. Базаръ занимаетъ цѣлый лабиринтъ узкихъ переулковъ и улицъ. Каждая улица имѣетъ свой ресторанъ или кофейню, т. е. переносную плиту, поставленную гдѣ нибудь подъ воротами. Хозяинъ цѣлый день варитъ здѣсь кофе и разноситъ его въ маленькихъ чашечкахъ окружающимъ торговцамъ. Базаръ—это своего рода клубъ. Мавры не знаютъ другой общественной жизни. Запирая своихъ женъ въ гаремы, они никого не принимаютъ у себя на дому, и потому здѣсь, на базарѣ, встрѣчаются съ пріятелями и обсуждаютъ всѣ дѣла.

Отъ знаменитой въ древности мавританской архитектуры остались теперь однѣ лишь развалины, свидѣтельствующія о быломъ величіи. Впрочемъ, дома богатыхъ мавровъ и теперь еще поражаютъ красотой стиля и уютностью. Главная часть мавританскаго жилища—дворъ. Онъ выложенъ красивыми изразцами. Верхній этажъ дома, поддерживаемый колоннами, выступаетъ надъ нижнимъ футовъ на 6, образуя аркады. Во дворѣ бьютъ фонтаны или струятся ручейки. Во дворъ выходитъ три или четыре длинныя узкія комнаты. Полъ комнатъ, какъ и дворъ, выложенъ изразцами, которыми нерѣдко украшена также нижняя часть стѣнъ. Стѣны выкрашены бѣлой краской, а углы украшены изящными пестрыми арабесками. Въ верхній этажъ ведутъ темныя, нерѣдко потайныя, лѣстницы, и весь домъ окруженъ галлереей.

Но европейскія постройки, европейская культура вытѣсняютъ постепенно все, что напоминаетъ еще объ африканскихъ вкусахъ и нравахъ. Изъ двухъ главныхъ этническихъ элементовъ, населяющихъ государства Атласа, арабы оказываются неспособными къ усвоенію европейской цивилизаціи и массами вымираютъ: число смертей у нихъ значительно превышаетъ число рожденій. Берберы же, и по типу мало чѣмъ отличающіеся отъ южныхъ европейцевъ, легко ассимилируются съ ними и принимаютъ европейскую культуру. Алжирія уже въ значительной степени офранцузилась. То же самое и Тунисъ. Что же касается Марокко, то независимость его весьма призрачна: не сегодня—завтра европейцы сдѣлаются хозяевами и въ этомъ яко-бы независимомъ государствѣ сѣверной Африки.

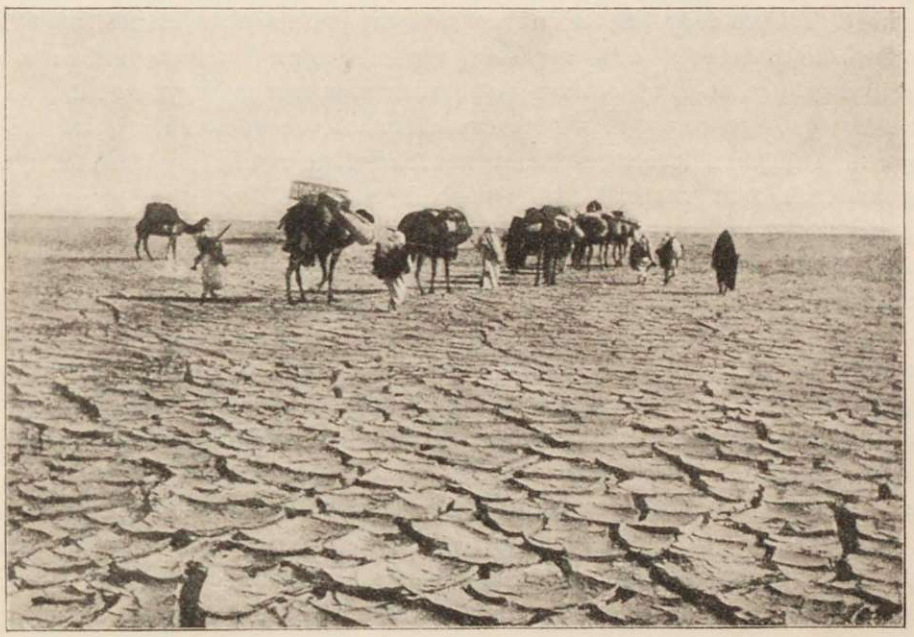
О. Волькенштейнъ.

САХАРА.

Отъ береговъ Атлантическаго океана, вдоль которыхъ мореплаватель на пути отъ Канарскихъ острововъ къ устьямъ Сенегала видитъ по лѣвую свою руку однообразную желтую полосу песчаныхъ холмовъ да песчаныя отмели, отливающія аквамариномъ посреди бирюзовой воды океана, широкая полоса пустыни простирается далеко на востокъ. Это Сахара, самое имя которой сдѣлалось въ нашихъ устахъ символомъ пустоты и безплодія, недвижное море накаленнаго песка, въ которомъ единственнымъ напоминаніемъ о жизни являются побѣлѣвшія, полузасыпанныя кости... Еще недавно объ этой странѣ любознательные люди ничего почти не знали, кромѣ удивительныхъ разсказовъ, носившихъ слишкомъ замѣтные признаки участія въ ихъ созданіи необузданнаго творчества восточной фантазіи; она изукрасила великую пустыню всѣми эмблемами пустоты, безплодія, безмолвной гибели подъ незнающимъ пощады, палящимъ солнцемъ, среди крутящихся столбовъ песку. Древніе писатели мало могли повѣдать о ней; ихъ свѣдѣнія не простирались за полосу сѣверныхъ оазовъ; зеленыя пятна ихъ, расположенныя прихотливыми очертаніями посреди желтокрасныхъ песковъ и черныхъ скалъ именно и подали великому географу древности мысль сравнить пустыню съ пестрой, желто-черной шкурой леопарда. Нѣтъ сомнѣнія, что сношенія между сѣвернымъ берегомъ Африки и странами нынѣшняго Судана существовали уже тогда, что уже тогда намѣчались тропы для будущихъ многолюдныхъ каравановъ; самыя нѣдра пустыни и тогда уже таили въ себѣ жалкую горсть обитателей, но извѣстія о нихъ едва достигали цивилизованнаго человѣчества; пространство знакомыхъ древнимъ писателямъ странъ было невелико, и если на далекомъ сѣверѣ человѣческая фантазія того вѣка помѣщала холодное, безлюдное царство мрака, то въ противуположную сторону, на югъ, для нея простиралась страна жары, гдѣ Геліосъ чернитъ кожу людей, курчавитъ имъ волосы и, наконецъ, палитъ землю такимъ невыносимымъ зноемъ, что никакой жизни уже нѣтъ мѣста—все горитъ и пламенѣетъ тамъ. Такъ лежала великая пустыня мертвымъ, безвѣстнымъ пятномъ въ продолженіи сотенъ лѣтъ, и только въ серединѣ XIX ст. географія начинаетъ, благодаря изслѣдованіямъ самоотверженныхъ путешественниковъ, получать первыя точныя свѣдѣнія о ней. Эти изслѣдованія разсѣяли ложное представленіе, сложившееся неизвѣстно на какихъ данныхъ, будто Сахара обширная, плоская котловина, расположенная ниже уровня моря, и которую, поэтому, ничего не стоитъ затопить водами океана или Средиземнаго моря, открывъ такимъ образомъ торговлѣ легкій доступъ въ самое сердце Африки. Разсѣяли они также басню о томъ, что еще въ недавнія времена Сахара была большимъ моремъ, ибо де откуда иначе могли появиться сыпучія горы ея мелкаго песку. Картина великой пустыни представилась нашимъ глазамъ совсѣмъ въ иныхъ чертахъ: въ ней появились высокія горы, потекли источники и ручьи, распростерлись степныя равнины и полосы кустарниковъ, которыя

настолько стѣснили пространства песковъ и каменистыхъ участковъ, что объ *одной и сплошной пустынѣ* не могло уже быть и рѣчи. Однообразіе пустыни разсѣялось какъ дымъ, она распалась на разнородные части, каждая изъ которыхъ обнаружила свои особенности.

Прибрежная полоса Средиземнаго моря переходитъ въ пустыню постепенно. Еще болѣе постепененъ переходъ пустыни въ степи и, далѣе, въ саванны на югѣ. Зато на западѣ и на востокѣ Сахара имѣетъ совершенно рѣзкую границу; на западѣ высокія песчаныя дюны пустыни подступаютъ къ самому морю, между тѣмъ какъ въ восточной сторонѣ Нилъ, подобно голубой жилѣ, окаймленной зеленѣющими полосами пальмовыхъ рощъ, прерываетъ страшное однообразіе Ливійской Сахары, но не полагаетъ ей предѣла, потому что къ востоку отъ него и до Краснаго моря пустыня развертывается снова. Въ этихъ предѣлахъ Сахара, по вычисленіямъ Бема и Вагнера, занимаетъ площадь въ 9.159.495 кв. к., т. е. она немногимъ меньше всей Европы. Изъ этого обширнаго пространства Шаваннъ



Иловыя глыбы въ Ливійской пустыни.

отдѣляетъ на долю каменистыхъ участковъ почти половину, именно, 4.259.500 кв. к., около 2.000.000 кв. к. причитаются на горныя страны, песчаныя дюны покрываютъ 1.200.000 кв. к., 1.500.000 кв. к. занимаютъ жидкія степи и пастбища, и только 200.000 кв. к. остается на долю оазовъ и воздѣланныхъ земель; только здѣсь можетъ жить человѣкъ. Какія бы успѣхи ни сдѣлала наука и техника въ борьбѣ съ пустыней, человѣку удастся лишь немногимъ разширить предѣлъ возможныхъ для обитанія участковъ, такъ что Сахара навѣки осуждена имѣть рѣдкое вообще, но скученное на немногочисленныхъ клочкахъ земли населеніе.

Измѣренія обнаружили, что въ общемъ Сахара не только не низменность, а скорѣе возвышенная страна; въ большинствѣ случаевъ мѣстность въ ней возвышается на 200—600 м. надъ уровнемъ моря, но къ западу и къ сѣверу страна становится ниже, мѣстами у подножія Атласа и въ Тунисѣ залегаютъ заполненныя солью небольшія впадины, которыя какъ напр. Шотъ-Мелриръ, лежатъ ниже уровня моря, однако не болѣе, какъ на 31 м. Вѣроятно, они то вызвали оказавшееся совершенно ложнымъ представленіе о Сахарѣ, какъ о впадинѣ, опускающейся ниже поверхности океаническихъ водъ. Въ серединѣ пу-

стыня переходитъ мѣстами въ гористыя страны, представляющія въ общемъ уныло однообразный характеръ. Таковы горныя страны Ахагаръ, Аиръ и длинная цѣпь Тиммо-Тарзо, пересѣкающая середину Сахары въ направленіи съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Здѣсь изслѣдователь видитъ въ основѣ горъ древнія кристаллическія породы, на которыхъ правильными, въ большинствѣ случаевъ горизонтальными пластами лежатъ слои позднѣйшихъ, но все же древнихъ образованій. Наибольшей высоты достигаетъ вершина Туссиде въ Тарзо (2.700 м.). Бока горъ изборождены глубоко врѣзающимися въ нихъ темными ущельями, склоны которыхъ представляютъ какъ бы ступени, разрушающихся пластовъ; съ перваго взгляда на эти почти лишенныя растительности терассы наблюдатель безошибочно рѣшаетъ, что такія чуждыя болѣе влажнымъ странамъ формы склоновъ могли образоваться только подъ вліяніемъ періодически разливающихся горныхъ потоковъ, которыя питаетъ скудно и рѣдко падающая на горы влага, что эти же потоки постепенно врѣзали свои русла въ бока горъ, образовавъ узкія тѣснины, которыя въ остальное время шлифовалъ и разрушалъ вѣтеръ пустыни и кололи на куски рѣзкія смѣны дневного жара и ночного холода. Только тому, кто послѣ долгаго странствія по пустынѣ, приближается къ этимъ горамъ, наслаждаясь ихъ гордыми, нарушающими ровныя линіи песчанаго моря очертаніями, видъ ихъ можетъ вселить чувство величественнаго удивленія, но уже скоро путникъ замѣчаетъ, что голая обнаженность склоновъ, безжизненность долинъ и темный, почти черный колоритъ всего пейзажа навѣваетъ не менѣе угнетающія чувства, чѣмъ картина волнистой или гладкой, какъ море, пустыни. Маловодные ручьи едва струятся изъ горъ, питаемыя небольшимъ количествомъ влаги, какую сухая атмосфера осаждаетъ на высокіе вершины и склоны; ихъ воды не хватаетъ, чтобы подножія одѣлись роскошными пастбищами и зелеными рощами, хотя въ общемъ, въ сосѣдствѣ горъ животныя и человѣкъ чувствуютъ себя болѣе обезпеченными отъ недостатка воды, чѣмъ въ водоносныхъ впадинахъ среди пустыни. Кругомъ описанныхъ выше, платообразныхъ, ступенчатыхъ поднятій разстилается пустыня. Однообразіе ея описывалось не разъ. Но оно далеко не такъ велико, какъ о томъ распространяются путешественники, которымъ подобное впечатлѣніе о ней внушили много дней странствія подъ рядъ, по едва мѣняющей свой видъ мѣстности. Силы природы, какимъ пустыня обязана своимъ происхожденіемъ, вездѣ примѣняютъ свою дѣятельность къ мѣстнымъ условіямъ, и здѣсь, гдѣ ни растительный покровъ, ни дѣятельность человѣка, не скрываютъ непрерывной работы наземныхъ силъ, ихъ дѣятельность выступаетъ передъ наблюдателемъ во всемъ величіи; незримыя колебанія, повторяющіяся десятки и сотни тысячъ разъ сжатія и расширенія отъ дневной теплоты и ночного холода дробятъ породы; вѣтеръ подхватываетъ и отсѣиваетъ все, что напоръ его въ силахъ увлечь, и милліарды катящихся песчинокъ, прежде чѣмъ улягутся въ гряды высокихъ дюнъ, точатъ породы; проносясь надъ обломками камней, надъ глыбами скалъ и выступами утесовъ, эти ничтожныя крупинки полируютъ ихъ поверхность, превращая ее со временемъ въ черную блестящую кору. Такимъ образомъ одни обширныя участки, открытые работѣ воздушныхъ силъ, превращаются въ скопище голыхъ камней, въ груды обломковъ—это каменистая пустыня, *хамада* арабовъ.

Нерѣдко по сосѣдству съ ними лежатъ необозримыя, совершенно горизонтальныя равнины, усѣянныя щебнемъ изъ ребристо отшлифованныхъ голышей. Самый сильный вихрь проносится надъ ними, не возмущая чистоты атмосферы ни малѣйшимъ облачкомъ пыли, потому что весь мелкій матеріалъ уже давно выдутъ изъ всѣхъ скважинъ между плотно улегшимися камешками. Проходящій по такому „серифу“ караванъ чувствуетъ себя какъ въ морѣ: кругомъ ничего, кромѣ неба и сѣрой поверхности, отграниченной правильной линіей горизонта. Глазъ не натыкается ни на малѣйшій выступъ, ни одна былинка не колеблется; путникъ остается одинъ самъ съ собою, подавленный громадностью неба, необъятностью земли и гробовымъ, подобнымъ смерти, вѣчнымъ молчаніемъ.

Совсѣмъ иной характеръ представляютъ песчаныя области. Гряды высокихъ дюнъ мелкаго сыпучаго песка простираются далеко вдаль, замыкая волнистой линіей гребней далекій горизонтъ; между ними, подобно долинамъ, залегаютъ впадины, на днѣ которыхъ путника и его измученныхъ тяжелой ходьбой верблюдовъ ожидаетъ палящій, точно изъ огненной печи, жаръ. Песокъ, по которому онъ ступаетъ, жжетъ ступни ногъ немилосердно, его ярко освѣщенная поверхность слѣпитъ глаза, а незримо стелящійся вѣтерокъ съ коварнымъ шелестомъ заметаетъ глубокій слѣдъ въ нѣсколько минутъ. „Насколько хватитъ взоръ, ничего кромѣ грудъ песка, — пишетъ Циттель, — которыя напоминаютъ своимъ расположеніемъ поверхность взбалмученнаго, усѣяннаго горообразными волнами океана, но лишь съ тѣмъ существеннымъ различіемъ, что въ морѣ никогда даже самый сильный ураганъ, будь то циклонъ или тайфунъ, никогда не вздымаетъ волнъ такой высоты, какія я вижу здѣсь, въ этомъ необозримомъ песчаномъ морѣ. То это длинныя параллельныя цѣпи дюнъ, разсѣкающія пространство пустыни, которыя вмѣстѣ съ залегающими вдоль нихъ впадинами, уподобляются свѣже-вспыханному полю, то это хаотически накиданныя груды до 200 м. высоты, между которыми змѣятся по всѣмъ направленіямъ долинки; иногда, достигнувъ по безчисленнымъ извилинамъ гребня такой дюны, видишь у своихъ ногъ глубокую пропасть, круглую со сглаженными крутыми краями, такъ что она напоминаетъ гигантскую воронку, для обхода которой дѣлаешь большой кругъ, прежде чѣмъ начнешь подыматься на склоны слѣдующей дюны. Въ глубинѣ пропасти, отъ края которой въ испугѣ отступаешь назадъ, и при видѣ которой даже флегматичные верблюды, пятясь, подымаютъ боязливый ревъ, видна ровная плоскость чернаго цвѣта. Это обнажившаяся основная порода; вихри пустыни въ теченіи сотенъ лѣтъ взметали здѣсь песокъ и образовали воронку, на днѣ которой освобожденная отъ песка порода подверглась дѣйствію яркаго свѣта". Въ другихъ мѣстахъ, преимущественно въ восточной Сахарѣ, которую чаще называютъ Ливійской пустыней, поверхность пустыни сложена изъ пластовъ известняка, который чрезъ вывѣтриваніе обрывается плоскими террасами; впереди уступовъ еще сохранились отдѣльные бугры тамъ, гдѣ прежде залегали пласты. Приближаясь къ такой мѣстности, путешественникъ издали замѣчаетъ сквозь ясную атмосферу ясно образованную, почти прямую линію уступа; миражъ подымаетъ ее высоко надъ землею, такъ что взору представляется, будто тамъ подымаются настоящія горы. Но чѣмъ ближе онъ подходитъ, тѣмъ обманчивая картина все больше приближается къ дѣйствительности и разочарованный взбирается онъ на низкій уступъ, чтобы съ края его увидѣть то же обманчивое зрѣлище. Мощныя сѣрыя, иногда розоватыя или фіолетовыя плиты известняка гладко отполированы летучимъ пескомъ, такъ что ихъ стекловатая поверхность отражаетъ яркіе солнечные лучи, точно зеркало.

Массы мелкаго матеріала или пыли, которая образуется въ процессѣ разрушенія и стачиванія крупныхъ и мелкихъ обломковъ — незабудемъ, что каждая движущаяся песчинка не только стираетъ, но и стирается сама—вздымается вихрями высоко на воздухъ и переносится далеко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ она образовалась. Въ вѣтренные дни эта мелкая, почти невидимая пыль истинное наказаніе какъ для странствующихъ по пустынѣ, такъ и для населяющихъ оазы людей; она послѣ каждаго сильнаго вѣтра цѣлыми днями виситъ въ воздухѣ, затуманивая его ясность, набиваясь въ уши, глаза, въ носъ и ротъ, воспаляя и безъ того страдающія отъ сухости слизистыя оболочки этихъ органовъ. Тамъ, гдѣ она осѣдаетъ, — а это чаще происходитъ по окраинамъ пустыни, почва слагается преймущественно изъ глинистыхъ частицъ. Нѣсколько большее количество влаги позволяетъ произрастать на глинѣ скудной растительности, едва достаточной для неприхотливыхъ верблюдовъ. По мѣрѣ удаленія отъ середины пустыни мѣстность все болѣе оживляется ковромъ растительности. Пучки горькой душистой полыни, равнины колыхающейся серебристой хальфы, растенія вродѣ ковыля, и заросли колючихъ мимозъ стираютъ

съ мѣстности отпечатокъ пустыни. Небольшія стада антилопъ, стаи страусовъ, быстро несущіяся, словно уносимыя вѣтромъ клочки бѣлаго пуха, громовое рыканіе льва въ тишинѣ лунныхъ ночей, болѣе значительная свѣжесть воздуха — все говоритъ путешественникъ, что онъ достигъ окраины пустыни и оставилъ позади себя ея мучительные ужасы, подъ вліяніемъ которыхъ самое существованіе казалось ему горячечнымъ сномъ или душнымъ кошмаромъ.

Какъ ни безводна пустыня на своей поверхности, однако въ глубинѣ ея почвы всегда хранится запасъ подземной воды. Всюду буровая скважина встрѣчаетъ эту влагу на большемъ или меньшемъ разстояніи отъ поверхности. Караванные пути, пересѣкающіе Сахару, проложены отъ колодцевъ къ колодцамъ; рѣдко бываетъ, чтобы разстояніе между послѣдними превышало 4 дня хода. Мѣстные жители знаютъ всѣ мѣста, гдѣ можно добыть воду и рѣдко страдаютъ отъ ея отсутствія. Наиболѣе бѣдна колодцами Ливійская пустыня, въ которой вмѣстѣ съ тѣмъ мало оазовъ. Поэтому ее не пересѣкаетъ ни одна дорога съ запада на востокъ. Рольфсъ, который сдѣлалъ попытку перерѣзать ее въ этомъ направленіи и построилъ свой расчетъ на желѣзныхъ ящикахъ съ водой, долженъ былъ вернуться безъ успѣха. Въ Алжирской Сахарѣ французы произвели рядъ удачныхъ буреній; заложенные ими артезіанскіе колодцы оплодотворили многія, до того времени совершенно безлюдныя мѣстности.

Помимо колодцевъ почвенная влага выступаетъ сама на поверхность земли въ видѣ ключей или источниковъ чаще всего въ низинахъ и впадинахъ. Вода, если только особыя условія не вызываютъ образованіе солончаковъ, соленыхъ озеръ или большихъ, какъ снѣгомъ усыпанныхъ солью равнинъ, всюду тѣсно связана съ растительностью. Въ присутствіи воды процессы разложенія почвы происходятъ въ жаркомъ климатѣ такъ быстро и энергично, что даже голый песокъ быстро покрывается роскошнымъ ковромъ зелени. Обыкновенно большее обиліе воды обнаруживается на значительной площади въ нѣсколько сотъ и даже тысячъ квадратныхъ километровъ. Тутъ и лежатъ группы оазовъ, каждый изъ которыхъ отдѣляется отъ сосѣднихъ полосами летучихъ песковъ или пространствами скудно поросшими травой.

Сильный дневной жаръ, быстрое наступленіе низкой ночной температуры, очень большая сухость и связанная съ ней ясность воздуха въ безвѣтренные дни характеризуютъ климатъ Сахары. Въ лѣтній полдень температура воздуха, наблюдавшаяся въ оазѣ Коваръ достигала 56°, поверхность песка была въ это же время накалена до 70° Ц. Ночью температура, случалось, падала ниже 0°. Нѣтъ сомнѣнія, что во время сильныхъ песчаныхъ бурановъ тучи взметаемаго вѣтромъ накаленнаго песка сообщаютъ воздуху температуру близкую къ своей собственной. Въ этомъ жарѣ и заключается опасность, какой подвергаются люди во время самума, когда накаленный и проникающій въ легкія воздухъ долженъ обжигать ихъ поверхность. Вотъ почему въ такіе моменты люди закутываютъ голову одеждой, чтобы она являлась промежуточной средой, понижающей температуру вдыхаемаго сквозь нее воздуха. Также ложатся на землю, потому что вслѣдствіи тренія, нижнія части несущагося вихря движутся медленнѣе, стало быть сообщаютъ и меньше теплоты тѣлу.

Въ зимнее время путешественники жалуются на холодъ. Такъ въ Мурзукѣ въ декабрѣ и январѣ температура падала нѣсколько разъ ниже 0°, именно до—4° и—5° Ц.

Прежнее представленіе, будто бы въ Сахарѣ не знаютъ, что такое дождь, оказалось совершенно невѣрнымъ. Дожди падаютъ и тамъ. Даже въ самой сухой части Сахары, въ Ливійской пустынѣ путешественникъ Іорданъ наблюдалъ дожди, въ числѣ которыхъ одинъ былъ настолько обиленъ, что песокъ промокъ совершенно явственно на глубину 12 сантиметровъ. Количество выпадающей дождевой влаги значительнѣе въ сосѣдствѣ горъ, по склонамъ и у подножія которыхъ поэтому и ютятся главныя человѣческія поселенія.

Такимъ образомъ причина сухости воздуха не полное отсутствіе осадковъ а нѣчто другое. Большинство изслѣдователей приписываютъ возникновеніе такой большой пустыни тому обстоятельству, что господствующія вѣтры въ Сахарѣ это пассатные или подобные имъ сѣверные вѣтры. Воздухъ, двигаясь въ направленіи съ сѣвера (или съ сѣверо-запада, сѣверо-востока), перемѣщается изъ болѣе холодныхъ въ болѣе близкія къ экватору и потому болѣе теплыя области. Естественно, что температура его при этомъ возвышается, между тѣмъ какъ количество водяного пара остается либо безъ измѣненія либо уменьшается, вслѣдствіе выпаденія дождей и осажденія росы. Уже въ недалекомъ разстояніи отъ Средиземнаго моря воздухъ становится настолько сухимъ, что небо почти все время сохраняетъ безоблачный видъ, дожди выпадаютъ рѣдко и скудны, такъ что человѣкъ принужденъ довольствоваться только той влагой, какая хранится въ нѣдрахъ земли.

Человѣкъ! Но развѣ есть что либо живое въ пустынѣ? Тамъ только песокъ и небо, и между этими двумя безгранично распростертыми стихіями виситъ то невыразимо мертвенное, то страшное, отъ чего цепенѣетъ все живое, и на душу одинокихъ путниковъ ложится тревожная тоска, сжимающая сердце, заставляющая мысль погрузиться въ себя, такъ какъ кругомъ чувства не находятъ ничего, на чемъ могла бы остановиться жаждущая бодрящихъ впечатлѣній душевная тревога. Дѣйствительно, въ пустынѣ нѣтъ жизни. Рѣдко, если въ небѣ мелькнетъ черная точка быстро уносящейся вдаль птицы. Даже привязчивыя мухи, отъ роя которыхъ верблюды отмахиваются хвостами и мотаютъ головой, и онѣ постепенно отстаютъ, по мѣрѣ того, какъ караванъ углубляется въ царство безмолвія и смерти. Одни только бѣлѣющія кости,—остовъ павшаго верблюда или коня, да старый высохшій пометъ, обнажившійся изъ-подъ песка, говорятъ о томъ, что здѣсь проходили люди. Сухость пустыни такова, что трупъ павшаго животнаго не гніетъ, а засыхаетъ въ мумію, если только зоркіе коршуны не успѣли замѣтить добычи и не растрепали ее, прежде чѣмъ жгучее солнце превратило его въ обтянутый ссохшимися мышцами и кожей скелетъ. Только тамъ, гдѣ изъ-подъ песка и камня торчитъ кое-какая жалкая растительность, появляются животныя,—сперва самыя мелкія, низко организованныя, которыя долго могутъ обходиться безъ воды: ядовитый тарантулъ, скорпіонъ, многоножка, пестрая, окрашенная въ тонъ пустынѣ, крупная ящерица или змѣя, которую трудно отличить отъ сухого корневища. Стайки маленькихъ, мелькающихъ какъ тѣни тушканчиковъ, семья степныхъ. куропатокъ, за которыми слѣдитъ своей хитрой мордочкой, съ громадными стоячими ушами вороватый фенекъ или степная лисица, легкая граціозная антилопа цвѣта песка, такъ что въ нѣсколько граціозныхъ прыжковъ она исчезаетъ изъ глазъ, точно тонетъ или растворяется въ пескѣ пустыни, летящій, подобно пуху отъ порыва вѣтра, страусъ,—вотъ животныя, встрѣча съ которыми знаменуетъ близость оаза.

Ночью выходитъ на добычу „похититель стадъ“, могучій левъ; вытянувъ свою покрытую густой гривой шею, онъ потрясаетъ безмолвіе ночи голоднымъ ревомъ, отъ котораго мечется скотъ за крѣпкой оградой и трепещетъ сердце обитателя оаза; только вѣрные адъютанты и ординарцы царя животныхъ, гіены и шакалы, слѣдующіе въ почтительномъ и строго установленномъ отдаленіи по его слѣдамъ, жадно прислушиваются къ этимъ звукамъ, сулящимъ поживу ихъ тощимъ животамъ.

Въ степной полосѣ растительная и животная жизнь еще богаче и разнообразнѣе. Степь именно колонизуетъ своими выходцами окраины пустыни, куда спасаются отъ преслѣдованія враговъ временно или навсегда слабые и робкіе, наподобіе того, какъ удаляются въ пучины моря изъ прибрежной полосы тѣ организмы, которымъ тамъ не хватаетъ мѣста, пищи и покоя.

Въ глубину пустыни человѣка также загнала необходимость. Добровольно ни одно племя, ни одинъ человѣкъ, не рѣшились бы промѣнять тучныя нивы, виноградники и зеленыя степи на безплодный песокъ и голый камень. Но клочки почвы, гдѣ могли пріі-

ютиться изгнанники, и гдѣ бы они могли вести въ теченіе сотенъ лѣтъ полуголодное существованіе, ничтожны въ пустынѣ. Безъ воды никакія усилія человѣка не могутъ разширить площадь оаза, и потому раскиданное по пустынѣ населеніе не можетъ быстро возрастать въ числѣ, пока на помощь некультурнымъ племенамъ Сахары не явится техника цивилизованныхъ народовъ.

Оазы, которые нерѣдко описываются красками райскихъ садовъ, производятъ такое впечатлѣніе лишь въ первое время, когда измученный путешественникъ со вздохомъ облегченія впервые вступаетъ подъ тѣнь перистыхъ листьевъ пальмъ и слышитъ журчаніе прозрачной воды, которую онъ до того долго пилъ теплой и вонючей изъ нагрѣтыхъ мѣховъ и то короткими глотками. Проживъ нѣсколько времени въ оазисѣ, путешественникъ убѣждается, что райская природа его таитъ въ себѣ и лихорадки, и нужду, и грязь скученнаго на небольшомъ пространствѣ населенія. Большіе оазы, распадающіеся на группы зеленыхъ пальмовыхъ рощъ, имѣютъ до нѣсколько тысячъ душъ населенія. Въ большинствѣ случаевъ главная основа пропитанія здѣшняго населенія финиковая пальма, за которой требуется тщательный уходъ. Тощія поляны хлѣба, козы, куры, верблюды и кони—вотъ остальное имущество, какое доставляетъ мѣстная почва; почти все остальное, поскольку предметы первой необходимости, какъ сѣдла, сбруя, грубая ткань палатокъ не выдѣлываютъ дома, приходится доставать со стороны. Въ оазахъ нѣтъ крупныхъ состояній, нѣтъ богатыхъ, которые купались бы въ изобиліи; за то тамъ цѣлыя толпы голыхъ бѣдняковъ, мысли которыхъ съ упорствомъ отчаянія цѣпляются за всякое средство добыть скудную пищу на сегодняшній день. Окружающая пустыня для нихъ арена поисковъ, куда они выходятъ, когда надежда обманула ихъ дома. Всякому понятно, что условія подобнаго жалкаго существованія должны были положить совершенно опредѣленный отпечатокъ на тѣло и душу человѣка пустыни. Къ тѣмъ чувствамъ и мыслямъ, которыя онъ унесъ съ собою, когда побѣдоносный противникъ изгналъ его изъ болѣе благословенныхъ мѣстъ и принудилъ искать убѣжища въ самой непривѣтливой области земли, въ пустынѣ, могли присоединиться лишь новыя, развитыя нуждой и лишеніями душевныя движенія, которыя не сплачиваютъ, не цивилизуютъ, а разъединяютъ людей и въ лучшемъ случаѣ ставятъ ихъ въ положеніе вѣчной, едва замаскированной борьбы другъ съ другомъ, борьбы, въ которой голодъ порождаетъ жадную хищность, необходимость—безпощадную злобу, опасеніе за завтрашній день—недовѣріе и изворотливое коварство. Въ то время, какъ въ сосѣднихъ странахъ, менѣе обиженныхъ природой, даже худшіе представители человѣческой природы достигали болѣе развитыхъ формъ общественности, населеніе пустыни вѣками оставалось почти въ одномъ и томъ же общественно неразвитомъ состояніи. Какими описывали намъ гарамантовъ древніе писатели, такими же почти застали ихъ современные изслѣдователи, тѣ, которые дерзнули углубиться въ пустыню и вышли изъ нѣдръ ея цѣлыми.

Ихъ описанія говорятъ намъ, что Сахара населилась, главнымъ образомъ, съ сѣвера. Изъ сѣверо-африканскаго побережья, населеннаго берберскими племенами, принадлежащаго безъ сомнѣнія къ бѣлой породѣ, выселились первые обитатели пустыни. Съ юга, изъ Судана, такихъ переселеній не происходило. И это понятно.

Бытъ жителей на сѣверѣ, построенный на основѣ скотоводства съ примѣсью начатковъ земледѣлія, былъ издавна кочевой, и только кочевники могли легко примѣниться къ условіямъ жизни въ пустынѣ. Черное населеніе Судана издавна состояло изъ земледѣльцевъ. Даже когда оно испытало притокъ арабскихъ завоевателей - переселенцевъ, принесшихъ туда мусульманство и обрывки своей культуры, темнокожіе, болѣе или менѣе негритянскіе представители Судана попадали въ Сахару не прямымъ путемъ хотя бы вынужденнаго выселенія, а черезъ посредство торговли рабами и захвата плѣнныхъ. Такимъ образомъ въ жилахъ населенія Сахары болѣе чистая кровь бѣлой расы постепенно разбавлялась примѣсью черной крови, которая чѣмъ дальше на югъ, тѣмъ замѣтнѣе. Къ

берберскимъ выходцамъ впослѣдствіи присоединились арабскія поколѣнія. Несомнѣнно и тутъ происходили смѣшенія, но сильно развитыя въ арабахъ національная гордость и вѣрность роду полагали ему извѣстный предѣлъ.

Общая численность всего населенія пустыни, по приблизительному опредѣленію путешественниковъ, вѣроятно, не превосходитъ милліона душъ. Если вспомнить что громадныя пространства совершенно безлюдны, то нельзя будетъ не признать, что въ оазахъ населеніе скучено довольно густо, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ.

Женщина-метисъ берберовъ и негрской рассы

Главными народами Сахары являются *туареги и тиббу*; этихъ послѣднихъ другіе путешественники называютъ также *тубу и теда*. Туареги заселяютъ западную Сахару, распространяясь на востокъ до караваннаго пути, ведущаго изъ Триполи черезъ оазы Мурзукъ, Катрунь, Каваръ и Билму въ Суданъ, именно, въ городъ Куку близь озера Тсадъ. Тиббу занимаютъ восточную Сахару, т. е. преимущественно мѣстности, прилегающія къ горной системѣ Тюмма и Тарзо. Какъ туареги, такъ и тиббу сознаютъ себя отдѣльными народами, но ни тѣ, ни другіе не образовали государства или чего нибудь, что можно было бы обозначить этимъ терминомъ. И тѣ и другіе носятъ въ своемъ бытѣ ясныя черты сильнаго вліянія арабовъ; ихъ языкъ есть языкъ берберскій, принявшій въ себя много словъ арабскихъ и суданскихъ, и сильно измѣнившійся въ пустынѣ. Извѣстная, сознаваемая ими общность происхожденія, сходство въ характерѣ, типѣ и бытѣ выражаются во многихъ случаяхъ, напр. въ томъ, что, совершая набѣги другъ на друга, ни туареги, ни тиббу не склонны при этомъ убивать другъ друга, также не уводятъ въ неволю никого, кромѣ рабовъ; они довольствуются въ этихъ случаяхъ угономъ верблюдовъ, между тѣмъ какъ всякій чужой, имѣвшій несчастіе попасться имъ въ руки, обыкновенно, вмѣстѣ съ имуществомъ лишается жизни или по крайней мѣрѣ свободы. На вопросъ о родствѣ и взаимныхъ от-

ношеніяхъ туареговъ и тиббу ученый туарегъ Шейхъ Брахимъ уль Сиди могъ только отвѣтить: „мы смѣшаны и сплетаемся подобно тому, какъ перекрещиваютсянити шерсти и волокна верблюжей пряжи въ томъ сукнѣ, изъ котораго сдѣланы наши палатки".

Въ самой восточной части Сахары, въ оазахъ Сиуахъ, Дахель, Фарафрахъ, Бахаріэ съ древнихъ временъ сохранилось болѣе чистое берберское населеніе.

Что касается кочевыхъ арабскихъ племенъ, то они разсѣяны по всей Сахарѣ. Такъ какъ въ эпоху появленія арабовъ въ Африкѣ въ Сахарѣ не было обширныхъ незаселенныхъ пастбищъ, на которыхъ могло бы умѣститься цѣлое племя, если только оно не овладѣвало такой территоріей посредствомъ силы, то племена, по мѣрѣ возрастанія ихъ численности, должны были дробиться и разсѣиваться на пространствѣ чуть ли не всей пустыни. Легкая подвижность номадовъ, соблазнъ, какой представляютъ для нихъ плоды земледѣльческой культуры жителей оазовъ, потребность въ перемѣнѣ пастбищъ, наконецъ торговля способствовали постояннымъ раздѣленіямъ и переходамъ съ мѣста на мѣсто. Частыя встрѣчи на большихъ базарахъ, у колодцевъ, или въ оазахъ, куда одновременно могли явиться для грабежа фиников нѣсколько родовъ одного племени, поддерживаютъ между кочевыми арабами сознаніе родства и подогрѣваетъ въ ихъ душахъ почтеніе къ собственной крови. Составъ и численность этихъ родовъ также мѣняется, какъ песчаныя дюны пустыни: грабительскіе набѣги на туареговъ и тиббу не остаются безъ отмщенія; нерѣдко въ одну несчастную стычку отъ многочисленнаго и славнаго рода остается нѣсколько семей, которыя спѣшатъ укрыться въ безопасные углы пустыни и тамъ влачатъ жалкое существованіе, пока пріемъ новыхъ членовъ изъ другого рода, испытавшаго ту же судьбу, или естестсенный приростъ не вернутъ почти угасшему поколѣнію прежняго положенія. Эти кочевые арабы внесли въ бытъ тиббу и туареговъ, вмѣстѣ съ религіей, начатки своей культуры, но они далеки отъ того, чтобы господствовать въ пустынѣ. Главными владыками ея остаются туареги и тиббу. Путешественники, какъ напр. Бартъ, Ленцъ, Нахтигаль, имѣвшіе возможность наблюдать туземцевъ Сахары болѣе продолжительное время, рисуютъ ихъ сходными чертами. Про тиббу Нахтигаль пишетъ: „хотя между ними встрѣчаются высокіе люди, однако низкій ростъ преобладаетъ; въ общемъ ростъ ихъ можно принять нѣсколько ниже средняго. Тѣлосложеніе тиббу необыкновенно пропорціональное и тонкое; руки и ноги меньше и болѣе нѣжной формы, чѣмъ того требовало бы соотвѣтствіе общей гармоніи ихъ малаго роста. Поэтому необычайно тощій видъ ихъ не производитъ непріятнаго впечатлѣнія, а скорѣе оттѣняетъ эластическую легкость и подвижность тѣла. Вслѣдствіе полнаго отсутствія подкожнаго жира ихъ икры и вообще наружныя мышцы тѣла такъ мало развиты, что потомъ, когда приходится наблюдать силу и выносливость тиббу въ тѣлесныхъ упражненіяхъ, невольно удивляешься обманчивому виду слабости. Эта худощавость есть результатъ климата и образа жизни, котораго они невольно придерживаются. Сухой воздухъ пустыни и крѣпительный горный климатъ, вызывающіе сильное испареніе кожи и быстрый обмѣнъ веществъ въ тѣлѣ, неустанная, никому иному непосильная подвижность, съ которой тиббу въ борьбѣ за жизнь мѣряютъ пустынные пути своей родины, наконецъ недостаточное питаніе, которое составляетъ ихъ удѣлъ вопреки напряженнымъ усиліямъ, все вмѣстѣ легко объясняетъ намъ эту загадку". Цвѣтъ кожи у нихъ темнокоричневый или свѣтлѣе, почти мѣднокрасный; во всякомъ случаѣ они свѣтлѣе суданцевъ, но темнѣе берберовъ. Черты лица по своей правильности и тонкости были бы пожалуй привлекательны, еслибы это впечатлѣніе не портило мрачное, подозрительно-коварное и лукавое выраженіе глазъ.

Въ юности тиббу положительно красивы и граціозны, но съ теченіемъ времени житейскія лишенія замѣняютъ юношескую округлость членовъ угловато грубыми чертами.

Характеръ ихъ единодушно описывается въ самыхъ черныхъ краскахъ, непряженное соперничество за крохотныя блага жизни наложило на нихъ тотъ отпечатокъ, какой люди

получаютъ вездѣ, гдѣ скудость природныхъ благъ мѣшаютъ развитію общественности. Каждый стремится повредить сосѣду, и всѣ стоятъ поперекъ пути другъ другу въ томъ широкомъ царствѣ лишеній, какимъ является необъятная пустыня. Каждый живетъ про себя, всякіе помыслы о другихъ, хотя бы и сородичахъ, всякое чувство общественности, какое либо подобіе стремленія къ общему благу совершенно чужды сынамъ пустыни. Правда, ихъ соединяютъ на время общая опасность, общее предпріятіе, какой нибудь набѣгъ, но едва опасность миновала, исчезаетъ и временно соединявшая ихъ связь. Никогда не случается, чтобы ихъ сближала общая работа или общія увлеченія. Упорная, не знающая устали борьба за существованіе въ только что описанныхъ условіяхъ, развили въ тиббу много отрицательныхъ свойствъ и почти ни одной добродѣтели. Они коварны, льстивы и неспособны чувствовать благодарность и привязанность. Качества, какія мы привыкли уважать въ людяхъ, не имѣютъ въ ихъ глазахъ ровно никакой цѣны. Они не чувствуютъ ни малѣйшихъ угрызеній совѣсти послѣ самой черной измѣны и коварнаго обмана. Они съ поразительной настойчивостью и терпѣніемъ готовы выжидать удобнаго момента для наживы и мести, могутъ приставать изъ за ничтожной выгоды по цѣлымъ днямъ и не отстанутъ, пока не испытаютъ всѣхъ способовъ овладѣть желаемымъ. Крайняя недовѣрчивость тиббу особенно рѣзко выступаетъ въ обычаѣ привѣтствія, какой практикуется въ пустынѣ при встрѣчѣ. Двое встрѣтившихся въ пустынѣ тиббу осторожно подходятъ одинъ къ другому, садятся на корточки въ разстояніи 5-10 шаговъ, не выпуская изъ правой руки копья, изъ лѣвой метательнаго ножа о трехъ-четырехъ лезвіяхъ, и начинаютъ длинный рядъ стереотипныхъ вопросовъ, отнимающихъ до четверти, даже до получаса времени, въ теченіе котораго незнакомцы пытливымъ взоромъ изучаютъ другъ друга, пока взаимные вопросы не убѣдятъ каждаго, что непосредственной опасности отъ сношеній не предстоитъ. Недовѣріе ко всѣмъ и каждому появляется далѣе въ томъ, что тиббу вегда ходятъ вооруженными.

Кочевые тиббу живутъ, подобно арабамъ, подъ низкими широкими шатрами, ткань которыхъ соткана дома изъ верблюжьей шерсти или представляетъ сшитыя кожи. Иногда они ютятся, тѣ, у кого нѣтъ верблюдовъ, въ жалкихъ хижинахъ, сплетенныхъ изъ травы или листьевъ. Осѣдлое населеніе оазовъ живетъ въ землянкахъ, также въ низкихъ постройкахъ изъ сырцоваго кирпича или въ мазанкахъ съ плоскими крышами и безъ оконъ, въ темной внутренности которыхъ, въ вонючей грязи и среди обильныхъ насѣкомыхъ копошится многочисленная семья.

Средства жизни доставляетъ кочевникамъ скотъ, преимущественно верблюды, далѣе оружіе и отличное знаніе пустыни, вслѣдствіе чего много тиббу служитъ проводниками каравановъ; рѣдкіе набѣги на сосѣднихъ туареговъ съ цѣлью угона скота, нападенія на оазы, когда тамъ наступаетъ время сбора финиковъ и затѣмъ все, что выдумаетъ изнуренный нуждою, изобрѣтательный умъ вноситъ въ домашнее хозяйство тиббу разнообразіе, которое, понятно, не блещетъ разносторонностью. Природныя качества характера дѣлаютъ тиббу отличными торговцами, поскольку ихъ не отвлекаютъ отъ того болѣе соблазнительныя предпріятія. Частыя отлучки изъ дому главы семьи являются причиной того, что женщины остающіяся надолго дома въ одиночествѣ, нерѣдко являются настоящей опорой и хозяиномъ семьи. Отсюда проистекаетъ большая самостоятельность, независимость и рѣшительность характера туземныхъ женщинъ, свобода выбора и свобода рѣшенія, которыя поражали всѣхъ наблюдателей, хорошо знавшихъ, что у народа, слѣдующаго закону Магомета можно было ожидать какъ разъ обратнаго. Обыкновенно женщины тоже носятъ оружіе. Въ торговыхъ сдѣлкахъ онѣ также упорны, какъ мужчины, въ спорахъ не лазятъ за словомъ въ карманъ, во всѣхъ житейскихъ сношеніяхъ жестки, грубы и склонны къ обману и коварству нисколько не менѣе мужей. При всѣхъ этихъ отрицательныхъ свойствахъ ни мужчинамъ, ни женщинамъ тиббу нельзя отказать въ извѣстномъ самолюбіи;

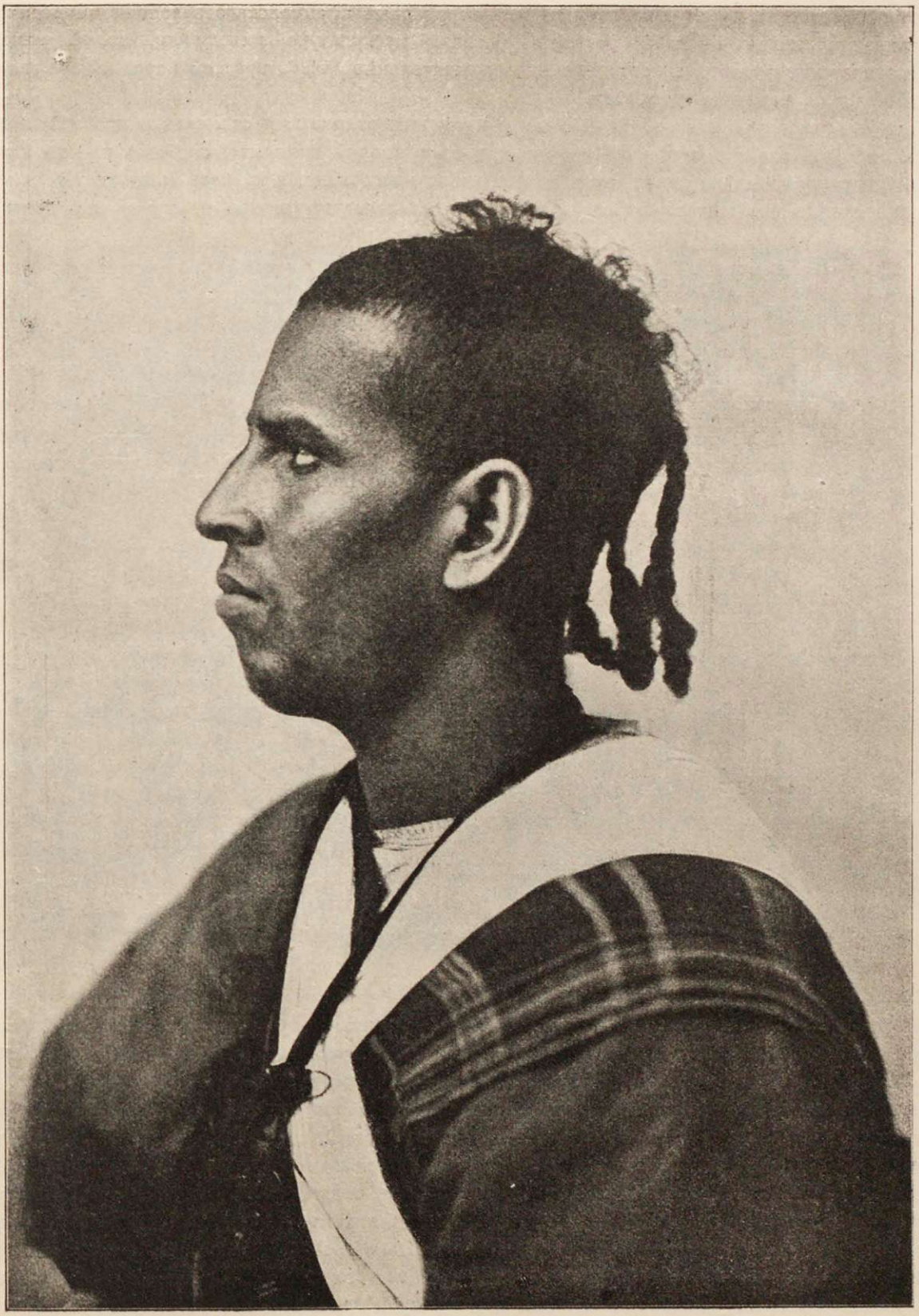
нищій тиббу никогда не опустится до положенія паріи, онъ допускаетъ униженія своей ичности лишь до извѣстнаго предѣла.

Осѣдлыя населенія тиббу, между которыми главными центрами являются Бардаи и Тао въ горахъ Тибести представляютъ группы рѣдко раскиданныхъ среди пальмовыхъ рощъ хижинъ, число которыхъ рѣдко превосходитъ 200—300. Здѣсь хозяйство представляетъ прежде всего культуру финиковой пальмы и самое первобытное земледѣліе, тѣсно связанное со скотоводствомъ. Кромѣ верблюдовъ встрѣчаются еще козы.

Во всей Сахарѣ тиббу считаются лучшими проводниками верблюдовъ, потому что никто, кромѣ нихъ, не умѣетъ такъ ходить за этими животными, такъ управлять ими. Уходъ за верблюдами у сыновей пустыни болѣе тщательный, чѣмъ за людьми: тиббу ни въ какомъ случаѣ не увеличитъ ноши верблюда сверхъ того, какой верблюдъ можетъ снести безъ ущерба для себя; въ пути всѣ заботы и вниманіе посвящены животнымъ. Благодаря этому ихъ верблюды принадлежатъ къ лучшимъ кровямъ и въ случаѣ необходимости проявляютъ удивительную рѣзвость и выносливость. Тиббу держатъ въ своихъ рукахъ всѣ восточныя дороги съ сѣвера на югъ черезъ Сахару, тогда какъ въ западной Сахарѣ ту же роль играютъ туареги. Они нанимаются проводниками, сдаютъ въ наемъ верблюдовъ, берутъ на прокормленіе ослабѣвшихъ или больныхъ животныхъ, собираютъ съ проходящихъ купцовъ пошлины, покупаютъ товары и торгуютъ ими сами. Такъ какъ безопасность въ пустынѣ не обезпечена никому, то черезъ Сахару могутъ ходить только большіе караваны въ нѣсколько сотъ и даже тысячу человѣкъ. Отправляются они по нѣскольку разъ въ годъ, двигаются медленно и на долгое время останавливаются въ оазахъ. Благодаря этому товарный обмѣнъ очень долгій: купецъ, прежде чѣмъ распродастъ товаръ, тратитъ много времени, денегъ, нерѣдко рискуетъ состояніемъ и даже жизнью. При такихъ условіяхъ торговля не можетъ быть оживленной, за то она приноситъ громадный барышъ: 200—400% выгоды не считаются очень высокими. Въ настоящее время запрещеніе торговать невольниками и проникновеніе европейскихъ товаровъ въ западный и центральный Суданъ съ береговъ Гвинейскаго залива по рѣкѣ Нигеру сильно подорвали торговлю Сахары, а съ тѣмъ вмѣстѣ сократились тѣ скромные заработки, которые она доставляла жителямъ пустыни.

Что касается общественнаго строя тиббу, то врядъ ли можно найти гдѣ либо на землѣ народъ, стоящій на той же ступени культурности, у котораго было бы такъ мало стѣсняющихъ личность учрежденій. У нихъ есть старшины или шейхи, но шейхъ скорѣе почетное унаслѣдованное званіе, чѣмъ титулъ, съ которымъ связана хотя бы малѣйшая власть. Значеніе шейха у своевольныхъ тиббу зависитъ всецѣло отъ его личности. Ему не платятъ податей, не обязаны повиновеніемъ, не воздаютъ особаго почтенія; единственное, что имъ предоставлено обычаемъ это судъ, за которымъ не всегда слѣдуетъ подчиненіе состоявшемуся рѣшенію. Весь авторитетъ шейха покоится либо на силѣ его рода, либо на его личныхъ достоинствахъ. Въ случаѣ отсутствія подобныхъ опоръ власть шейха превращается въ вещь, на которую рѣшительно никто не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія. Сильно развитое, доходящее до полнаго своеволія чувство личности умѣряется у тиббу обычаями, создавшимися въ нѣдрахъ рода, какъ напр. кровная месть за убитаго родича; произволъ каждаго ограниченъ также силою сосѣда, который никогда не забудетъ нанесеннаго ему ущерба и готовъ при первомъ удобномъ случаѣ отплатить за обиду.

Западную Сахару занимаютъ туареги. Эта народность, при всемъ родствѣ и сходствѣ въ образѣ жизни съ тиббу, все таки во многомъ отличается отъ своихъ восточныхъ сосѣдей. Судя по тѣлеснымъ признакамъ и языку, туареги сохранили въ большей чистотѣ свою берберскую кровь. Они выше ростомъ, свѣтлѣе, чѣмъ тиббу, настолько свѣтлы, что не отличаются въ этомъ отношеніи отъ смуглыхъ обитателей береговъ Средиземнаго моря—итальянцевъ и грековъ.



Туарегъ.

По пропорціональности своего тѣлосложенія и правильности черты лица туарега, принадлежатъ къ самымъ красивымъ представителямъ африканскаго населенія. Особенно отличаются своимъ высокимъ ростомъ и развитой мускулатурой ихъ шейхи, что, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что аристократы народа тщательнѣе, чѣмъ простой народъ, избѣжали смѣшенія съ черными суданцами.

Что касается одежды, то и въ этомъ туареги отличаются отъ своихъ сосѣдей; они особенно заботятся о томъ, чтобы тѣло ихъ было вполнѣ прикрыто; свободными остаются только ступени ногъ, кисти рукъ и ничтожная часть лица, т. е. носъ и глаза. Главныя части одежды ихъ составляютъ тоба, т. е. короткая полосато-узорная рубаха съ короткими,

Группа туареговъ.

но очень широкими рукавами, штаны, а на головѣ литамъ, представляющей большой платокъ синяго цвѣта у знатныхъ, бѣлый у простыхъ, которымъ они подвязываютъ голову два раза, оставляя наружу только глаза и носъ. Привычка кутать тѣло легко объясняются рѣзкими перемѣнами температуры въ пустынѣ, литамъ же представляетъ цѣлесообразную защиту противъ сухости воздуха: благодаря ему влажный, выдыхаемый воздухъ пропитываетъ своею скоростью ткань покрова и этимъ нѣсколько увлажняетъ сухой вдыхаемый воздухъ; вмѣстѣ съ тѣмъ литамъ предохраняетъ отъ тонкой, мелкой пыли, которая такъ сильно раздражаетъ дыхательные пути. Наконецъ литамъ скрадываетъ выраженіе лица, а у этихъ коварныхъ людей возможность скрыть обуревающія ихъ чувства играетъ не послѣднюю роль. Литамъ снимается возможно рѣже; его носятъ всѣ, мужчины, женщины и дѣти, но женщины, вопреки велѣнію Корана, кромѣ него ничѣмъ не закрываютъ лицо, подобно другимъ мусульманкамъ. Обращая тщательное вниманіе на одежду, туареги, по-

добно тиббу, не заботятся объ украшеніяхъ: эта статья костюма находится у нихъ въ пренебреженіи. Одежда богатыхъ не отличается отъ общепринятаго покроя, хотя нѣкоторые туареги охотно носятъ арабскую одежду. Изъ украшеній у мужчинъ бросается въ глаза широкое каменное, изъ зеленаго серпентина или изъ обожженой глины кольцо, которое они носятъ на рукѣ и которое представляетъ скорѣе оружіе защиты, такъ какъ служитъ для отраженія ударовъ. Каждый туарегъ получаетъ право носить его, какъ только становится совершеннолѣтнимъ. Оружіе составляетъ необходимое дополненіе одѣянія, и съ нимъ туареги не разстаются никогда; таковъ законъ пустыни, гдѣ каждый всегда на сторожѣ и готовъ защищать себя, свое имущество и права вооруженной рукою. Оно состоитъ изъ широкаго, длиннаго меча, крѣпкаго копья и кинжала; кинжалъ виситъ не у пояса, а на лѣвой рукѣ немного выше локтя.

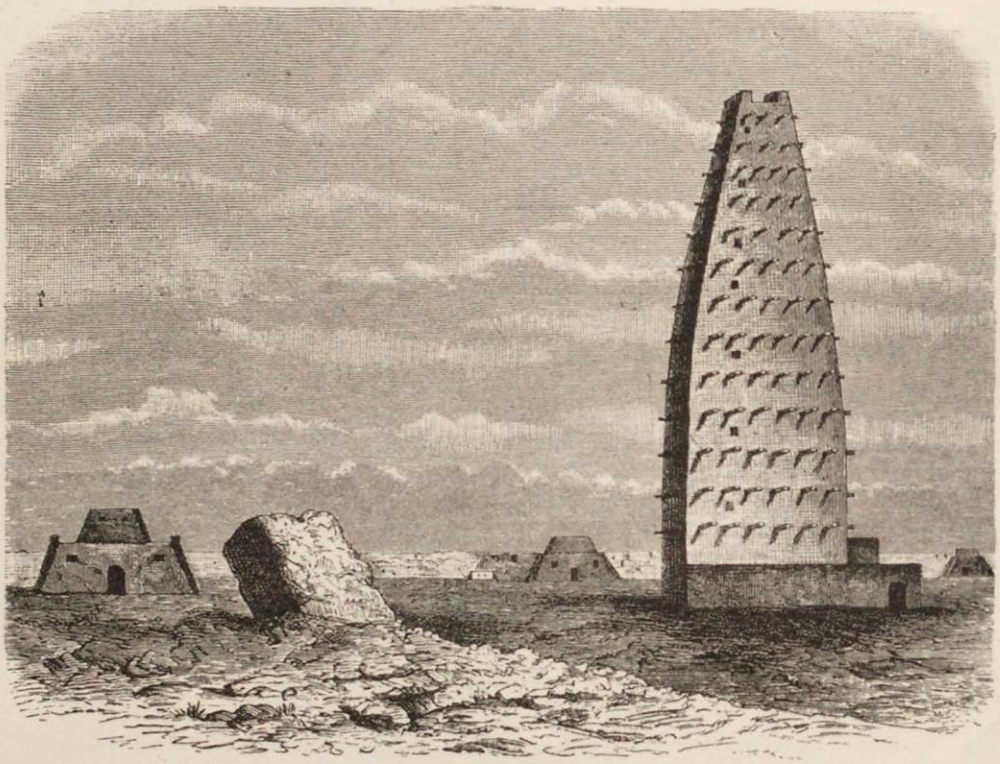
Женщина туареговъ.

Вѣроятно, отъ туареговъ эта манера носить его распространилась по всему Судану, по крайней мѣрѣ воины махди носили кинжалы именно такъ. Оружіе для нападенія дополняется у многихъ тяжелымъ кремневымъ ружьемъ, а для защиты служитъ круглый кожанный щитъ.

Ихъ жилища, пища и средства къ жизни тѣ же, какія были описаны для тиббу. Хотя туареги, также какъ эти послѣдніе, не образуютъ сплоченнаго народа и вмѣстѣ съ своей территоріей не составляютъ одного государства, однако они хорошо сознаютъ свое народное единство; оно обнаруживается между прочимъ въ томъ, что туареги сами себя называютъ однимъ именемъ *имохагъ* и *имохаръ*. Въ общемъ они распадаются на три главныхъ племени или группы: туареги *аггаръ* заселяютъ восточную Сахару, близко родственные имъ туареги *хаггаръ* занимаютъ западные оазы, на югѣ, именно въ оазахъ горной страны Аиръ, живутъ *келови* или *келуи*. Въ нравахъ туареговъ замѣчается больше общественности, чѣмъ у тиббу; на занимаемой ими территоріи существуетъ больше населеній, которыя можно назвать городами; тѣсно сжатыя въ кучу глинобитныя жилища, составляющія такія поселенія, нерѣдко обведены стѣной высотой въ $1^1/_2$ сажени, въ которой пробито нѣсколько воротъ, запираемыхъ на ночь и въ случаѣ опасности. Небольшая четырехугольная площадь посреди города отведена подъ базаръ. Грубый, лишенный украшеній и крайне простой архитектуры минаретъ виденъ бываетъ издалека; впрочемъ, подобныя сооруженія встрѣчаются очень рѣдко, напр., въ Агадесѣ есть такая утыканная рядами горизонтально торчащихъ изъ стѣнъ балокъ неуклюжая башня. Такъ какъ всѣ зданія слѣплены изъ простой глины, то первый хорошій ливень превратилъ бы ихъ въ кучи мусора, но на счастье обитателей такихъ дождей на ихъ сухихъ, окруженныхъ пустыней, нагорьяхъ не случается.

Каждое изъ племенъ, занимающихъ опредѣленную территорію, распадается на болѣе

мелкія группы, на роды, насчитывающіе до 150 большихъ семей. Родовая связь у нихъ самая крѣпкая и опредѣляетъ рядъ взаимныхъ отношеній, какъ бракъ, судъ, месть или помощь въ опасности, когда страхъ гибели или потери имущества соединяетъ живущія въ разбродѣ семьи. Особенностью семейнаго строя туареговъ, которая рѣзко отличаетъ ихъ и тиббу отъ живущихъ рядомъ съ ними и часто съ ними сталкивающихся арабовъ это совсѣмъ иное правовое положеніе женщинъ. У нихъ сохранился древній, наблюдаемый у малокультурныхъ народовъ обычай матріархата; обычай проявляется въ томъ, что наслѣдованіе происходитъ по женской линіи. Поэтому почти вездѣ недвижимое имущество, какъ дома и участки обработанной земли, принадлежатъ женщинамъ. Можно думать, что у туареговъ и тиббу сохраненію такого обычая способствовалъ подвижной образъ жизни: занятые торговлей или странствующіе съ караванами, рыскающіе по пустынѣ мужчины



Башня мечети въ Агадесѣ.

большую часть времени пребываютъ внѣ семьи; домашнія ихъ дѣла въ это время пришли бы въ полное разстройство, если бы женщины дѣятельно не занимались ими. Во всѣхъ общественныхъ событіяхъ женщины участвуютъ наравнѣ съ мужчинами; онѣ, не возбуждая ни малѣйшаго ропота послѣднихъ, вмѣшиваются въ споры, тяжбы, даютъ совѣты, которые выслушиваются и нерѣдко принимаются. Слово женщины звучитъ въ семьѣ твердо и властно, и эта привычка къ самостоятельности и свободѣ налагаетъ отпечатокъ на характеръ и все поведеніе женщинъ. Многія, напр., вдовы ведутъ самостоятельно торговлю и подъ ихъ началомъ состоитъ не мало служащихъ у нихъ довѣренныхъ и приказчиковъ. Тамъ, гдѣ торговая дѣятельность особенно оживлена и вовлекаетъ въ дѣловыя сношенія много людей, въ городскихъ поселеніяхъ и въ оазахъ существуютъ школы, въ которыхъ обучаются чтенію и письму мальчики и дѣвочки. Потребность въ самомъ скромномъ образованіи настолько значительна у этого народа, что ученіе происходитъ не только утромъ, но и вечеромъ, въ затихшей тишинѣ наступающей ночи случайный прохожій слышитъ бормочущіе нараспѣвъ голоса дѣтей, заучивающихъ коранъ.

Путешественники, а ихъ много посѣтило Сахару въ XIX-омъ вѣкѣ, единодушно отзываются съ похвалою объ умственныхъ способностяхъ туареговъ. Въ этомъ отношеніи туареги, какъ того можно было ожидать на основаніи свѣдѣній объ ихъ происхожденіи, стоятъ на одномъ уровнѣ съ европейцами, т. е. они такъ же понятливы, такъ же способны къ развитію, если бы природа ихъ страны допускала быстрое распространеніе цивилизацій. Умственныя способности ихъ лучше всего проявляются въ умѣньи вести сложныя торговыя дѣла; а сообразительность и наблюдательность выражаются въ поразительномъ искусствѣ оріентироваться въ пустынѣ, которое приводило въ полное изумленіе имѣвшихъ съ ними дѣло европейцевъ. Пустыня, представляющаяся столь грозной вступающему въ ея преддверіе путешественнику, нисколько не страшитъ туарега. Для него она знакомая, много разъ читанная книга, въ которой онъ, закрывъ глаза, угадываетъ на память любое мѣсто. Ему трудно заблудиться въ ней, потому что испытанная память его подсказываетъ ему знакомыя очертанія, хотя бы онъ видѣлъ вновь открывающуюся его взорамъ мѣстность десять, пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Заблудившись, туарегъ вскорѣ находитъ дорогу. Какъ бы по чутью угадываетъ онъ присутствіе воды въ почвѣ, задолго узнаетъ приближеніе бури, и если уже судьба завела его въ какую нибудь трущобу, то необыкновенная привычка обходиться безъ пищи и воды, не теряя силы и гибкости тѣла, оказываетъ ему здѣсь послѣднюю услугу. Случалось, когда умиравшіе отъ жажды путешественники добирались съ помощью проводниковъ до воды и спѣшили залить палящую жажду, сопровождавшіе ихъ туареги довольствовались тѣмъ, что споласкивали небольшимъ глоткомъ воды только ротъ и выплевывали остальное на песокъ. Такъ же долго, какъ жажду, можетъ туарегъ выносить голодъ. Когда съѣдена послѣдняя горсть муки съ маленькой примѣсью соли, составляющая обычную пищу его въ пустынѣ, туарегъ собираетъ валяющіяся кости, растираетъ ихъ между двухъ камней въ порошокъ, варитъ и такимъ образомъ поддерживаетъ свои падающія силы, пока собственное искусство или счастливая звѣзда не выведутъ его на дорогу.

Къ сожалѣнію, выдающіяся природныя качества этого даровитаго племени омрачаются такими же тѣневыми сторонами, какъ у тиббу. Хищность, коварство и беззастѣнчивая жестокость туареговъ извѣстны всѣмъ сосѣдямъ. Всякій разъ, какъ путешественникъ неосторожно довѣрялся имъ, онъ или погибалъ, или только чудомъ избѣгалъ смерти.

Беззастѣнчивость ихъ такъ велика, что туземецъ готовъ хитро замыслить и выполнить убійство за самый пустякъ, напр., за ведро, изъ котораго поятъ верблюдовъ, если только жадность его такова, что ему приспичило овладѣть подобнымъ имуществомъ. Въ отношеніи соплеменниковъ ихъ удерживаетъ отъ многаго мысль о мщеніи, но эта узда отсутствуетъ, когда они имѣютъ дѣло съ чужеземцами. Только сильное вооруженіе, бдительность или хорошіе заложники обезпечиваютъ путешественнику безопасность въ великой пустынѣ, въ которую, какъ въ логово льва, многіе вступали, но немногіе вышли.

Н. Березинъ.

АБЕССИНІЯ.

Природа страны.—Населеніе, его составъ, прошлое, современный бытъ, религія и политическій строй.

Абессинія, древняя Эфіопія, называющаяся у туземцевъ Хабешъ, занимаетъ вмѣстѣ съ подчиненными ей странами Шоа, Годжамъ, Харраръ и Каффа около 500.000 кв. к., имѣя на этомъ пространствѣ около 4—5 милліоновъ жителей. Около половины ея занято обширной, необыкновенно круто приподнятой горной страной, какъ бы естественной крѣпостью, представляющей рядъ ступенями поднимающихся другъ надъ другомъ плато, увѣнчанныхъ мощными вершинами и массивами, высота которыхъ превосходитъ 4600 м. (Расъ-Дашанъ 4620 м., Расъ-Гуна, Аксіосфатра и другія). Самой характерной особенностью страны является то, что она имѣетъ на востокѣ очень крутой, почти отвѣсный склонъ, между тѣмъ какъ къ западу плоскости становятся все ниже, сильно разсѣчены глубоко промытыми долинами и ущельями рѣкъ, называемыми тамъ к о а л л а, и постепенно переходитъ въ равнины Даръ-Сенаара. Высокія плоскости или плато отнюдь не имѣютъ равниннаго вида: особенно на сѣверѣ они представляютъ сильно всхолмленныя поверхности, усыпанныя холмами и горами; къ югу, однако, особенно въ Амхарѣ, столовыя, нерѣдко ступенчатыя горы, такъ называемыя а м б ы, получаютъ преобладаніе и нерѣдко выступаютъ надъ окружающей мѣстностью совершенно недоступными обычнымъ путемъ цитаделями, на высокую плоскость которыхъ жители взбираются по приставленнымъ лѣстницамъ, втаскивая туда, въ случаѣ надобности, свой скотъ съ помощью веревокъ.

Почти въ серединѣ страны, ближе къ западному краю ея, лежитъ на высотѣ 1750 м. знаменитое озеро Тана, занимающее около 3000 кв. к. поверхности, но мелкое (до 70—80 м. гл.), которое является истокомъ такъ называемаго Голубого или Чернаго Нила, называющагося въ Абессиніи Абаи. Другая большая рѣка, Атбара, спускается съ горъ, обрамляющихъ озеро на сѣверо-западѣ, и течетъ почти параллельно Голубому Нилу до впаденія въ великую рѣку, образующуюся изъ сліянія Голубого и Бѣлаго Нила. Кромѣ этихъ и другихъ, менѣе значительныхъ рѣкъ, спускающихся съ абессинскихъ горъ, существуетъ немало сухихъ ложбинъ, которыя наполняются водой лишь въ періодѣ дождей. Когда тропическая гроза и ливни пронесутся надъ высокими плоскогорьями, массы выпавшей воды съ такой быстротой низвергаются въ эти ущелья и овраги, что стремительное движеніе несущейся по дну ихъ мутной волны не поддается описанію. Горе путникамъ,

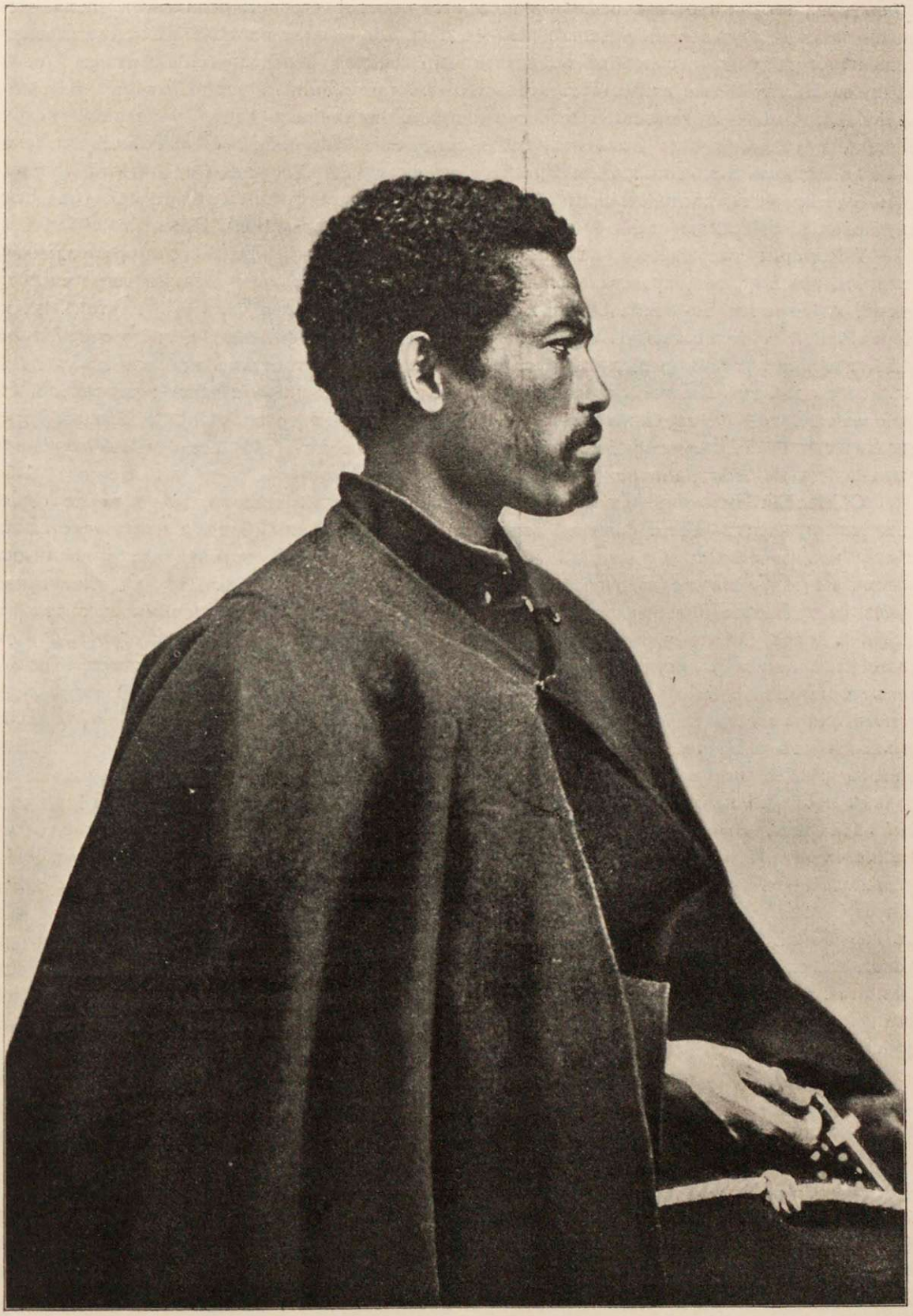
застигнутымъ такимъ потокомъ на днѣ ложбины! Грозный ревущій валъ приближается съ такой быстротой, что люди не всегда имѣютъ время спастись на ближайшія высоты. Извѣстный путешественникъ Беккеръ, имѣвшій несчастье расположиться на ночь въ долинѣ Атбары, лишился почти всего своего снаряженія, унесеннаго водою, и самъ едва избѣгъ гибели въ одинъ изъ такихъ внезапныхъ разливовъ рѣки.

Соотвѣтственно характеру мѣстности, представляющей всевозможныя ступени высоты, мѣняется климатъ. Въ этомъ отношеніи туземцы различаютъ три, расположенныя одна выше другой области.

Коалла, низкая или горячая страна, представляетъ поясъ, занятый описанными выше ущельями и холмами, съ высотами до 1600 м. Тропическая жара, обиліе влаги въ видѣ дождей и множества стекающихъ съ горъ рѣкъ и ручьевъ придаетъ этому поясу характеръ тепличной духоты, что̀ необыкновенно способствуетъ пышному развитію разнообразнѣйшихъ дикихъ и культурныхъ растеній, доставляющихъ обильное питаніе многочисленнымъ крупнымъ и мелкимъ представителямъ африканской фауны. Но въ то же время воздухъ этихъ затѣненныхъ и плохо провѣтриваемыхъ долинъ и ущелій отравленъ міазмами до такой степени, что привыкшіе къ чистому умѣренному климату высотъ горцы рѣдко осмѣливаются спускаться сюда, особенно въ дождливое время года, такъ что враждебные имъ сосѣди, галла и другіе, вполнѣ обезпечены въ этотъ періодъ отъ ихъ нападеній и въ свою очередь пользуются дождливымъ временемъ для своихъ грабительскихъ набѣговъ на абессинцевъ. Поясъ отъ 1600 до 2200 м. занимаетъ такъ называемая вайна-дага, поясъ винограда (вайна), представляющій наиболѣе благопріятныя условія главнымъ образомъ для земледѣльческаго, а не скотоводческаго хозяйства, вслѣдствіе чего преобладающее число городовъ и поселеній раскинуто именно въ этой зонѣ. Выше лежитъ холодный поясъ, дага (отъ 9 до 12°, съ ночными морозами), въ области котораго склоны и плоскости плато покрыты альпійскими лугами, благопріятствующими разведенію скота. Селенія, особенно города встрѣчаются здѣсь гораздо рѣже.

Народъ, населяющій эту страну и называющій самъ себя эфіопами, извѣстенъ съ глубокой древности. Полагаютъ, что первоначальное населеніе вторглось сюда изъ южной Аравіи черезъ Красное море. Сами абессинцы ведутъ свою родословную отъ Куша, сына Хама. Древній языкъ ихъ, геезъ, который сохранился въ богослуженіи, обнаруживаетъ сходство съ химріатскимъ, имѣвшимъ распространеніе въ южной Аравіи. Такимъ образомъ, казалось бы, что абессинцевъ слѣдуетъ причислить къ семитамъ. Однако типъ населенія, какъ ни различенъ онъ въ разныхъ частяхъ страны, имѣетъ мало сходнаго съ семитическимъ и сходенъ гораздо больше съ хамитскимъ. По всей вѣроятности за семитами, въ болѣе позднее время, Абессинію наводнили хамитическія народности, типъ которыхъ мы встрѣчаемъ далѣе на югѣ, въ странахъ, охватывающихъ Абессинію съ востока и юга. Повидимому абессинцы находились въ сношеніи еще съ древними египтянами, и эти сношенія съ Египтомъ не прерывались, вѣроятно, совершенно и во всѣ позднѣйшія времена. Христіанство въ видѣ монофизитскаго толка было заимствовано ими именно изъ Египта еще въ IV ст. (распространили его Фрументіусъ и Эдезіусъ). Точно также не прерывались сношенія съ Аравіей и со всѣми сосѣдними странами, съ обитателями которыхъ велись нескончаемыя войны.

Европейцы услыхали впервые объ Абессиніи вначалѣ среднихъ вѣковъ, когда въ числѣ другихъ баснословныхъ разсказовъ о странахъ Востока было очень популярно миѳическое сказаніе о царствѣ пресвитера Іоанна, въ которомъ есть будто бы источникъ живой воды, дающій молодость и долголѣтіе. Но до появленія въ Абессиніи португальцевъ и проникшихъ вслѣдъ за ними туда іезуитовъ царство этого христіанскаго властителя, одиноко отражавшаго нападенія разныхъ невѣрныхъ, искали въ Азіи. Благодаря уединенному положенію, особенно неприступному характеру своей родины абессинцы уцѣ-



Абессинецъ.

лѣли среди грознаго потока распространявшагося во всѣ стороны ислама. Они сохранили независимость, также какъ древнюю религію и прежній бытъ, но тѣмъ не менѣе подверглись нѣкоторому вліянію новыхъ воинственныхъ сосѣдей, овладѣвшихъ Египтомъ и странами по Нилу. Тѣ же самыя обстоятельства, въ соединеніи съ тѣмъ, что въ послѣднее время разрозненныя княжества страны вновь объединились подъ скипетромъ негуса Менелика, уберегли страну отъ полнаго политическаго подчиненія Италіи, которая основала на африканскомъ побережьи Краснаго моря колонію Эритрею. Событія эти не остались однако безъ послѣдствій, и послѣ столкновенія съ Италіей, благодаря сосѣдству европейцевъ, Абессинія стала болѣе доступной культурному вліянію Европы.

Абессинцы распадаются на племена. Въ общемъ они прекрасно-сформированный средняго роста народъ, представители котораго, смотря по большей или меньшей чистотѣ крови, отличаются то болѣе свѣтлымъ коричневымъ, то болѣе темнымъ цвѣтомъ кожи. Характерной особенностью типа является овальный очеркъ физіономіи, тонко очерченный носъ, красивый изгибъ рта, лишеннаго вывороченныхъ и толстыхъ негритянскихъ губъ. Черные съ живымъ блескомъ глаза и курчавые, нерѣдко волнистые волосы на головѣ, съ небольшой бородкой, окаймляющей лицо, дополняютъ пріятное впечатлѣніе, производимое внѣшностью этихъ африканцевъ. Особенности типа находятъ себѣ еще болѣе благородное выраженіе у женщинъ, именно у дѣвушекъ.

Обитатели высокихъ нагорій сохранились въ большей чистотѣ, точно также строй ихъ жизни носитъ черты большей самобытности и цѣльности. Одежда изготовляется на мѣстѣ изъ туземныхъ бумажныхъ матерій. У мужчинъ она ограничивается длинными узкими панталонами, перехваченными въ талѣ широкимъ поясомъ. Верхняя обнаженная половина туловища прикрывается широкимъ плащемъ (шама), окаймленнымъ у знатныхъ цвѣтной полосой. Одежда женщинъ нѣсколько сложнѣе, состоитъ изъ длинной рубашки съ застегивающимися у кисти рукавами, изъ накидки, подобной мужской, множества вышивокъ и металлическихъ украшеній на шеѣ, на рукахъ, ногахъ и головѣ. Волосы, если только они не острижены коротко, абессинки заплетаютъ во множество косицъ, обильно смазывая ихъ масломъ. Почти всѣ ходятъ босикомъ, красные сафьяные сапожки составляютъ рѣдкое исключеніе. Подобно женщинамъ, мужчины также носятъ браслеты на рукахъ и обручи на головѣ. Костюмъ, конечно, мѣняется въ зависимости отъ мѣстности. На окраинахъ, по сосѣдству съ болѣе варварскими народами, одежда проще; часто ея можно сказать, совсѣмъ нѣтъ, такъ какъ голое тѣло обернуто тряпкой или кускомъ кожи только вокругъ бедеръ. Выше, въ горахъ, жители стараются защитить свое тѣло отъ суровости климата мѣховой одеждой съ капюшонами, а въ провинціи Семіенъ они таскаютъ съ собой нѣчто вродѣ легкой тростниковой крыши (гасса), подъ которой укрываются при холодномъ ливнѣ или внезапной снѣжной мятели. Въ качествѣ знака почтенія абессинецъ снимаетъ при встрѣчѣ съ плечъ свою накидку, а передъ высшими является непремѣнно подпоясаннымъ, въ то время какъ „особа“ въ знакъ своего превосходства считаетъ необходимымъ закрывать въ присутствіи подчиненныхъ нижнюю часть своего лица.

Чистоплотность не считается добродѣтелью ни у бѣдныхъ, ни у знатныхъ. Можетъ быть грязь въ одеждѣ объясняется обычаемъ, согласно которому стиркой занимаются мужчины, подобно тому, какъ они же ткутъ матеріи. Стирка, за отсутствіемъ мыла, производится при помощи растертыхъ между камнями сѣмянъ одного туземнаго растенія, причемъ главную роль играютъ не руки, а ноги.

Грязь и нечистоплотность являются причиной многихъ болѣзней, причиняемыхъ паразитами. Особенно распространены разные паразитирующіе въ человѣческомъ тѣлѣ черви, какъ волосатикъ и солитеръ. Послѣднее зависитъ отъ пищи. Абессинцы нагорной области занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ, чѣмъ и опредѣляется характеръ ихъ пищи. Между прочимъ они большіе любители сырого мяса, вѣрнѣе, живого мяса (брундо),

которое неизмѣнно фигурируетъ въ числѣ другихъ кушаній при всякомъ значительномъ празднествѣ. Предъ началомъ пиршества къ дверямъ дома или хижины, въ которой собралось общество, приводятъ быка или корову. Животному связываютъ ноги и производятъ на шеѣ надрѣзъ или уколъ, изъ котораго на землю падаетъ нѣсколько капель крови—такъ того требуетъ законъ. Затѣмъ животное валятъ на землю, нѣсколько человѣкъ образуютъ кругомъ него кучку и принимаются сдирать съ живого быка кожу, начиная отъ зада и до реберъ, вырѣзая изъ окороковъ толстыя куски мяса. Ревъ несчастнаго животнаго замѣняетъ собравшейся компаніи приглашеніе къ столу. Гости усаживаются въ кружокъ и получаютъ вмѣсто всякой посуды по большой тонкой лепешкѣ, замѣняющей и тарелку и салфетку. Каждый вооружается ножемъ и отрѣзаетъ себѣ куски судорожно

Группа абессинцевъ.

двигающагося мяса. Присутствующія женщины крошатъ его на болѣе мелкіе куски, густо посыпаютъ перцемъ и солью, заворачиваютъ въ лепешку и суютъ пирующимъ въ ротъ. Таково истинно абессинское угощеніе, которое и является причиной удручающихъ ихъ внутреннихъ паразитовъ, личинки которыхъ живутъ въ мышцахъ скота.

Также поступаютъ съ овцами и козами, съ той разницей, что мясо ихъ чуть чуть обжаривается на огнѣ, затѣмъ его ѣдятъ съ какой-нибудь острой или ѣдкой приправой. Въ теченіе пиршества, обыкновенно не пьютъ; когда съ кушаньями покончено, пирующіе угощаются изъ большихъ стеклянныхъ бутылей, называемыхъ бериллы, напиткомъ, представляющимъ ничто иное, какъ медъ, какимъ угощались наши предки. Обычай требуетъ, чтсбы угощающій, передъ тѣмъ какъ удовлетворить гостя, налилъ себѣ нѣсколько этого напитка въ горсть и выпилъ его, показывая тѣмъ, что въ напиткѣ не заключается отравы.

Этикетъ требуетъ, чтобы гости сопровождали ѣду возможно болѣе громкимъ чавканьемъ, услаждающимъ слухъ хозяина и свидѣтельствующимъ о необыкновенно вкусныхъ сервированныхъ имъ блюдахъ.

Миссіонеръ Стернъ, приглашенный однажды къ столу знаменитаго негуса Ѳедора II въ постный притомъ день, когда все меню состояло изъ мучного печенья и жидкаго меда, попалъ изъ за этого обычая въ очень неловкое положеніе. „Я нарушилъ при этомъ ихъ аристократическій обычай,—сообщаетъ онъ. По ихъ этикету, каждый, принадлежащій къ высшему классу, долженъ за столомъ чавкать, какъ свинья. Къ сожалѣнію я ничего не подозрѣвалъ о томъ и ѣлъ, какъ принято въ Европѣ, чѣмъ вызвалъ осужденіе всего общества; мои сотрапезники начали шептаться на мой счетъ. Я замѣтилъ это и спросилъ сопутствовавшаго мнѣ англичанина Беля о причинѣ, не учинилъ ли я чего неприличнаго. „Конечно, сказалъ онъ, ваше поведеніе до такой степени непристойно, что гости рѣшаются видѣть въ васъ человѣка лишеннаго всякаго воспитанія и образованія, не привыкшаго къ хорошему обществу". „Чѣмъ же я заслужилъ подобное нелестное мнѣніе?" спросилъ я. „Только тѣмъ, какъ вы ѣдите. Если бы вы были джентльменомъ, то обнаружили бы это за столомъ—вамъ слѣдуетъ чавкать возможно громче и чаще, и тогда никто не усумнится къ какому сословію вы принадлежите. Но такъ какъ вы того не дѣлаете и кушаете безшумно, то каждый изъ присутствующихъ считаетъ васъ за невѣжу". Тогда я торжественно объявилъ абессинскимъ аристократамъ, что у насъ въ Европѣ господствуетъ другой обычай. Объясненіе мое удовлетворило присутствующихъ и возстановило меня въ ихъ добромъ мнѣніи".

Абессинскія жилища строятся изъ глины и камня, кроются соломой и не отличаются удобствомъ внутренняго устройства и роскошью убранства. Въ этомъ отношеніи жилища знатныхъ и богатыхъ напоминаютъ замки рыцарскихъ временъ средневѣковья, когда жизнь даже высшихъ сословій отдавала грубостью и простотой.

Жилища группируются въ селенья и въ укрѣпленные города, которые располагаются по возможности въ труднодоступныхъ мѣстахъ въ цѣляхъ лучшей защиты отъ внезапнаго нападенія. Города не отличаются многолюдствомъ. Въ зависимости отъ событій число жителей подвержено сильнымъ колебаніямъ, такъ какъ аббессинцы, подобно другимъ африканцамъ, относятся легко къ перемѣнѣ мѣста жительства. Ремесла и торговля развиты слабо, и нѣтъ ни одного города, который, подобно Хартуму, лежалъ бы на перекресткѣ большихъ и важныхъ караванныхъ путей. Раздоры „расовъ", губернаторовъ, назначаемыхъ негусомъ изъ числа выдающихся чѣмъ либо, большею частью храбростью и военными подвигами лицъ для управленія областями, частыя возстанія, сверженія и восшествія на престолъ новыхъ властителей лишаютъ теченіе абессинской жизни необходимой устойчивости, и этимъ объясняется частая смѣна столицъ.

Семейный и общественный бытъ абессинцевъ пропитанъ древними грубыми обычаями, образчикъ которыхъ мы видѣли выше, а также суевѣріями, источникомъ которыхъ является между прочимъ религія. Абессинское вѣроисповѣданіе представляетъ сильно выродившееся христіанство, пропитавшееся какъ прежними религіозными вѣрованіями и обрядами народа, такъ и разнообразными примѣсями, заимствованными у мусульманъ. Религія ихъ совершенно лишена живыхъ нравственныхъ началъ, которыя заглохли подъ грудой разныхъ, часто нелѣпыхъ обрядовъ и суевѣрныхъ дѣйствій. Духовенство, во главѣ котораго стоитъ абуна, утверждаемый въ своемъ санѣ коптскимъ патріархомъ Египта, въ высшей степени невѣжественно, напоминая тѣмъ нашихъ священнослужителей XVII в., не умѣвшихъ часто прочесть простого славянскаго текста. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно не отличается добродѣтельной жизнью, что однако не роняетъ его въ глазахъ народа, какъ безнравственная жизнь европейскаго духовенства въ средніе вѣка не лишала церковь и ея установленія присвоеннаго ею себѣ авторитета. Многіе обряды церковной службы кажутся на первый взглядъ странными. Къ числу ихъ принадлежатъ напр. священныя

пляски, выполняемыя духовными лицами въ церкви во время службы, являющіяся отзвукомъ древнихъ обычаевъ религіозной жизни восточныхъ народовъ, у которыхъ храмовые танцы составляли неотъемлемую часть идолослуженія.

Церкви, особенно построенныя задолго до нынѣшняго времени, а также замки знатныхъ абессинцевъ, къ числу которыхъ слѣдуетъ отнести г а м п ъ, старинный царскій дворецъ въ Гондарѣ, сооруженный не безъ участія проникшихъ въ то время въ Абессинію

Дома въ Абессинскомъ селеніи.

португальцевъ, единственныя зданія, привлекающія къ себѣ вниманіе путешественниковъ, посѣщающихъ Абессинію. Кромѣ церковной службы и выполненія требъ духовные нерѣдко выступаютъ въ качествѣ цѣлителей разныхъ болѣзней, изгоняютъ духовъ изъ одержимыхъ ими и вообще играютъ извѣстную роль во всѣхъ случаяхъ жизни. Конкурренцію имъ составляютъ въ этихъ дѣлахъ кузнецы, искусство которыхъ подчинять себѣ при помощи огня желѣзо, вообще создаетъ имъ репутацію колдуновъ не у однихъ абессинцевъ. Наряду съ ними дѣйствуютъ врачи, носящіе арабское названіе табибъ, спеціальностью

которыхъ являются главнымъ образомъ пораненія, зубная боль, переломы костей, — все случаи, которые исцѣляются самыми варварскими пріемами. Такъ криво сросшуюся послѣ перелома кость врачъ ломаетъ вторично въ надеждѣ выпрямить ее, въ чемъ часто и успѣваетъ.

Все населеніе Абессиніи, численностъ котораго не превышаетъ, вѣроятно, 4-хъ милліоновъ, распадается на большія племена или народности, по имени которыхъ называются области. Племена дѣлятся на роды, принадлежность къ которымъ опредѣляетъ многое въ жизни абессинца. Такъ месть составляетъ обязанность рода; убійца, осужденный властью, выдается для казни родственникамъ убитаго, отъ которыхъ зависитъ удовлетворить ли чувство мести смертью преступника или замѣнить ее болѣе или менѣе значительнымъ выкупомъ. Родовой строй является, какъ всегда, причиной многихъ столкновеній, нескончаемыхъ распрей. Отъ него же зависитъ ходъ событій во время войны или возстанія, политика вождей и самого негуса, происхожденіе котораго изъ опредѣленнаго племени и рода выдвигаетъ послѣдній на первый планъ.

Частыя войны поддерживаютъ въ населеніи воинственный характеръ, которому, какъ и у арабовъ, не чуждъ нѣкоторый оттѣнокъ рыцарства. Въ большомъ ходу поединки, особенно среди вождей. Умѣнье хорошо владѣть оружіемъ, именно копьемъ и ружьемъ, управлять конемъ, храбрость и отвага являются качествами, которыя оцѣниваются выше всего.

Воинъ, прославившійся охотой на львовъ, единоборствами съ врагами и большимъ числомъ убитыхъ соперниковъ естественнымъ образомъ выдвигается впередъ, начинаетъ пользоваться вліяніемъ, и если къ воинскимъ качествамъ у него присоединяются сообразительность, умѣнье ладить съ людьми и пользоваться обстоятельствами, то карьера его нерѣдко кончается тѣмъ, что онъ получаетъ должность раса, т. е. вице-короля провинціи, а иногда прокладываетъ себѣ дорогу и на тронъ негуса - негести, т. е. царя царей. Такова была напр. карьера негуса Ѳедора II, кровожаднаго и коварнаго деспота, возвысившагося изъ самаго низкаго званія. Власть негуса, на первый взглядъ неограниченная, на самомъ дѣлѣ довольно шаткая; она въ сильной степени зависитъ отъ личныхъ качествъ его, отъ связей и отношеній. Большею частью въ негусы попадаетъ кто-либо изъ выдающихся расовъ. Санъ негуса выборный, наподобіе сана императора „священной римской имперіи“, власть его часто столь же призрачна, какъ и власть прежнихъ германскихъ императоровъ, проявлявшихъ обыкновенно полное безсиліе при распряхъ князей.

Сѣверную часть Абессиніи занимаетъ область Тигре, южнѣе лежитъ Гондаръ, къ юго-востоку отъ него Шоа. Къ этимъ исконнымъ областямъ негусы присоединили въ разное время Амхару, лежащую къ югу отъ Гондара, и Каффу, расположенную еще южнѣе, уже внѣ предѣловъ горъ. Попытки подчиненія странъ, лежащихъ въ равнинѣ у подножія абессинскихъ горъ, обыкновенно, не удавались абессинцамъ, точно также какъ неудачными оказались стремленія сосѣдей подчинить ихъ себѣ. Такъ предшественникъ нынѣшняго негуса Менелика Іоаннъ палъ въ сраженіи съ махдистами при Матамѣ. Менеликъ, бывшій до того расомъ Шоа и успѣвшій организовать свои силы въ борьбѣ съ галласами, занялъ тронъ при помощи итальянцевъ и подчинилъ себѣ всѣ области послѣ упорной борьбы съ нежелавшими ему подчиниться расами. Но послѣдовавшія затѣмъ попытки итальянцевъ подчинить негуса своему вліянію встрѣтили съ его стороны суровый отпоръ. Какъ извѣстно итальянцы потерпѣли рядъ пораженій отъ абессинцевъ, и если и достигли въ концѣ концовъ учрежденія своего протектората надъ Абессиніей, то главнымъ образомъ потому, что занятое ими побережье съ гаванью Массовой отрѣзало страну отъ моря. Между тѣмъ безъ сношенія съ Европой Абессинія была бы теперь не въ состояніи существовать, какъ существовала прежде. Такимъ образомъ страна съ каждымъ годомъ завязываетъ все болѣе и болѣе тѣсныя сношенія съ Европой и открываетъ къ себѣ доступъ ея культурному вліянію.

Н. Ильинъ.

Тропическая Африка.

Общій взглядъ на природу страны и разселеніе племенъ.

За широкой полосой пустынь, далѣе на югъ, простирается страна черныхъ людей, настоящая Африка, которая лишь въ послѣднее столѣтіе открыла свои нѣдра изслѣдованію и торговлѣ просвѣщенныхъ европейцевъ. Эта громадная область, начинаясь на сѣверѣ вдоль 15—20° широты извилистой границей степей и саваннъ, уходитъ далеко на югъ до южно-африканскихъ горъ, оканчиваясь тамъ широкой полосой расположенныхъ на высокомъ плоскогорьи сухихъ степей и кустарниковыхъ областей въ пространствѣ между 20 и 30° южной широты. Отъ Зеленаго мыса на западѣ до полуострова Сомали на востокѣ, отъ Хартума на Бѣломъ Нилѣ до рѣки Лимпопо на югѣ предъ нами страна, представляющая истинный „черный материкъ“, царство тропической флоры и фауны, царство чернаго человѣка, котораго такъ долго помѣщали на границѣ между человѣкомъ и звѣремъ.

До предѣловъ этой тропической Африки все, что изслѣдователь наблюдалъ на сѣверѣ, въ странахъ на побережьи Средиземнаго и Краснаго моря, въ глубинѣ Сахары, напоминало ему въ пейзажѣ и бытѣ людей уже знакомое, видѣнное на азіатскомъ востокѣ, въ Аравіи и Палестинѣ или на берегахъ Тигра и Ефрата. Здѣсь же предъ нимъ открывается новый миръ, громадное свѣжее поле для наблюденія и изслѣдованія, едва затронутое наукой. Черный цвѣтъ обитателей какъ бы символизируетъ въ его глазахъ непроницаемый мракъ, скрывающій прошлое африканскаго человѣчества. Здѣсь нѣтъ историческаго прошлаго. Обрывки фантастическихъ преданій арабскихъ завоевателей, миѳическія розсказни и дѣтскія басни черныхъ—вотъ все, что уцѣлѣло въ памяти людей о громадномъ промежуткѣ времени, въ теченіе котораго поколѣнія черныхъ перемѣщались по лицу своей земли, истребляли другъ друга, слагались въ новыя племена и вырабатывали разнообразныя основы своей культуры. Стадія варварства длится здѣсь еще и по настоящее время, и чтобы разгадать хотя бы главные моменты въ запутанной исторіи разселенія племенъ, ихъ родство, развитіе и движеніе формъ культуры, изслѣдователь долженъ полагаться лишь на то, что даютъ ему сейчасъ эти люди въ лицѣ своей породы и въ особенностяхъ своего быта.

Какъ ни скуденъ этотъ матеріалъ, однако онъ увеличивается съ каждымъ годомъ и уже теперь даетъ возможность утверждать, что если черная внутренность Африки и

оставалась долгое время недоступной и неизвѣстной европейцамъ, то это тѣмъ не менѣе вовсе не означало, что она была отрѣзана также и отъ остального, азіатскаго міра и жила самобытной жизнью. Совсѣмъ наоборотъ. Кочевыя племена и народы, которые наложили свой отпечатокъ на туземцевъ, подобно двигающимся одна вслѣдъ за другой волнамъ непрерывно перемѣщались внутрь Африки изъ ея сѣверо-восточнаго угла. Они растекались по области степей и саваннъ, охватывающей съ сѣвера, востока и юга лѣсистое сердце материка, какимъ является бассейнъ Конго, вторгались въ тропическій лѣсъ, смѣшивались на пути съ черными племенами, все болѣе теряли особенности своего не африканскаго типа и къ моменту появленія европейцевъ уже готовы были поглотить жалкія кучки лѣсныхъ карликовыхъ племенъ, въ которыхъ ученые видятъ остатки первобытнаго населенія Африки. Невозможно возстановить точную картину движенія африканскихъ народовъ въ прошломъ. Похоже на то, что до послѣдняго времени племена двигались, осѣдали на болѣе или менѣе короткое время, создавали мимолетныя государства, разсѣивались и таяли въ нѣдрахъ болѣе сильныхъ пришельцевъ, наподобіе того, какъ это происходило въ Европѣ въ средѣ германскихъ, славянскихъ и тюркскихъ племенъ въ эпоху великаго переселенія народовъ. И какъ тамъ очагомъ культуры, лучи которой постепенно проникали въ глубь германскаго лѣса изъ Рима или въ южнорусскую степь изъ Византіи, являлось культурное побережье Средиземнаго моря, такъ и для внутренней Африки такимъ очагомъ являлись сосѣднія части Азіи (Аравія и Индія) и уподобившееся имъ сѣверное побережье самой Африки—Египетъ и Мавританія.

Чѣмъ дальше отсюда, тѣмъ больше самобытныхъ формъ въ утвари, въ оружіи, въ украшеніяхъ, въ жилищахъ, въ нравахъ и обычаяхъ негритянскихъ племенъ, которыя прозябали въ тѣни тропическаго лѣса, охранявшаго ихъ, долгое время отъ кочевыхъ пришельцевъ, жителей залитой солнцемъ травянистой степи и саванны. Такъ какъ на той степени культуры, какой достигли хотя бы самыя развитыя африканскія племена, они все еще зависѣли въ сильнѣйшей степени отъ природныхъ условій своего мѣстообитанія, то въ соотвѣтствіи съ этимъ происходило разселеніе ихъ, причемъ въ той или иной степени сохранялись и развивались различныя особенности въ типѣ жителей и въ ихъ бытѣ.

По природѣ своей все очерченное нами пространство тропической Африки распадается на двѣ характерныя области, связанныя разнообразными переходами: 1) область тропическаго лѣса, охватывающая бассейнъ лѣвыхъ притоковъ верхняго Нила и простирающаяся затѣмъ отъ озера Альбертъ-Ньянца къ Голубому Нилу, почти весь бассейнъ Конго и, наконецъ, побережье нижней и верхней Гвинеи до устья Гамбіи; 2) область саванны и степи, которая охватила бы тропическій лѣсъ почти полнымъ кольцомъ, еслибы тому не препятствовалъ Гвинейскій заливъ, къ берегамъ котораго примыкаетъ лѣсная область. Конечно, обѣ эти области или оба эти пейзажа въ большинствѣ случаевъ постепенно переходятъ одинъ въ другой, но есть участки, гдѣ лѣсъ внезапно смѣняется саванной. Трудно представить себѣ большій контрастъ, чѣмъ тотъ, какой обнаруживается между этими двумя пейзажами. Еще труднѣе постигнуть во всей полнотѣ то глубокое вліяніе, какое производитъ на природу человѣка жизнь въ лѣсу и жизнь въ открытой мѣстности. Достаточно сказать, что житель лѣса не выноситъ саванны и степи, а обитатель послѣдней ненавидитъ лѣсъ. Когда люди Стэнли, набранные изъ племенъ степной восточной Африки, вышли изъ тропическаго лѣса, черезъ который шли многими мѣсяцами, на просторъ саванны, то не находили знаковъ для выраженія своей радости. „Они страстно протягивали руки къ этой роскошной странѣ, — пишетъ Стэнли, — подымали глаза къ небу въ безмолвной радости и оцѣпенѣніи. Когда же они насытили свои взоры несравненнымъ зрѣлищемъ и съ глубокимъ вздохомъ облегченія пришли въ себя, они обернулись назадъ и, глядя на темныя стѣны дремучаго лѣса, простиравшагося къ западу въ безконечную даль, подняли руки и потрясая кулаками, разразились противъ него

ругательствами и проклятіями. Въ порывѣ внезапнаго раздраженія они осыпали лѣсъ упреками въ жестокости къ нимъ и къ ихъ соотчичамъ; уподобляли его аду, обвиняли въ гибели сотни своихъ товарищей, называли грибной пустыней. А великій лѣсъ, разстилавшійся передъ ними громаднымъ материкомъ и дремавшій, на подобіе гигантскаго звѣря въ зеленой шкурѣ, едва подернутый голубоватой дымкой испареній, безмолвно покоился въ своемъ мрачномъ величіи, по прежнему безучастный, неумолимый и безпощадный".

Въ лѣсной области, наряду съ земледѣліемъ въ видѣ плантацій банановъ и ямса, господствуетъ древесная культура, вегетаріанство, нарушаемое людоѣдствомъ, дробленіе на небольшія племена. Въ саваннѣ и степи рядомъ съ обработкой земли громадное значеніе пріобрѣтаетъ домашній скотъ; кожа, рогъ и кости замѣняютъ дерево; пища, кромѣ растительной, молочная и мясная; люди соединяются не только въ племена, но нерѣдко въ большія группы, почти націи, съ болѣе сложнымъ общественнымъ строемъ, съ зачаткомъ государственности; страну разсѣкаютъ караванные пути, живой обмѣнъ товаровъ сопровождается притокомъ новыхъ формъ культуры и идей.

Кромѣ того серповидная полоса высокихъ саваннъ и степей представляетъ собой внѣшнюю кайму, обращенную къ болѣе культурнымъ странамъ, обитатели которыхъ непрестанно вторгались въ нее въ качествѣ торговцевъ и завоевателей. Со временъ арабскаго нашествія на Египетъ и Сѣверную Африку, арабы не переставали проникать все дальше вглубь тропической Африки, какъ на сѣверѣ черезъ Сахару, такъ и по Нилу и чрезъ восточное побережье Африки. Они принесли съ собой религію, уставы которой полагали начало болѣе сложной государственности, утвердили путемъ торговли и войны свое господство и основали рядъ деспотій на всемъ протяженіи отъ Тимбукту до Занзибара, которыя при всей рыхлости своего устройства просуществовали до появленія на колоніально-африканской аренѣ европейцевъ—французовъ, англичанъ и нѣмцевъ.

Въ зависимости отъ этихъ двухъ обстоятельствъ—характера мѣстности, обусловливающаго бытъ варварскихъ племенъ и связаннаго съ тѣмъ появленія на арену дѣйствія новыхъ человѣческихъ типовъ и новыхъ формъ культуры, мы и разсмотримъ теперь жизнь обитателей чернаго материка.

Поверхностное знакомство съ разными типами чернаго африканскаго населенія улавливаетъ прежде всего общія физическія черты, такъ сильно отличающія негра отъ бѣлаго. Негры изъ разныхъ частей Африки кажутся похожими другъ на друга. Однако путешественники, которымъ пришлось провести среди черныхъ многіе годы, единодушно утверждаютъ, что разнообразіе въ строеніи тѣла и чертахъ лица, не говоря про другія особенности, какъ напр. бытъ, настолько велико и такъ сильно мѣняется даже на короткихъ разстояніяхъ, что пестрота африканскаго населенія рѣзко кидается въ глаза и не только не уступаетъ тому разнообразію во внѣшнемъ видѣ людей, какое мы находимъ въ Европѣ и Азіи среди бѣлыхъ и монголъ, но зачастую превосходитъ его. Чрезвычайно трудно не только установить, но найти чисто негритянскій типъ. Многіе изслѣдователи ищутъ и находятъ его лишь на самомъ крайнемъ западѣ Африки, въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ Гвинейскому заливу, которыя въ силу географическихъ условій испытали меньше вторженій постороннихъ элементовъ.

Во всѣ стороны отсюда, то есть на сѣверъ, востокъ и югъ, негритянскій типъ испытываетъ измѣненія, въ одномъ направленіи, какъ къ сѣверо и сѣверо-востоку, быстрыя, въ другихъ—болѣе слабыя и постепенныя. Такимъ образомъ онъ является господствующимъ на всемъ пространствѣ, ограничиваемымъ въ общемъ линіей, проведенной отъ устья Сенегала къ мѣсту впаденія въ Нилъ Бахръ-Газала и отсюда на югъ къ поселенію Багамойо, лежащему противъ острова Занзибара. Вдоль этой пограничной линіи къ негритянскому типу примѣшиваются типы хамитическій и семитическій, которые рѣшительно господствуютъ во всей сѣверной и сѣверо-восточной Африкѣ. Въ обла-

*

сти, занятой негритянскими племенами, встрѣчаются еще участки, на которыхъ уцѣлѣли карликовые народы, именно въ бассейнѣ средняго теченія Конго, и въ самомъ юго-западномъ углу Африки, въ сухихъ и безплодныхъ частяхъ нѣмецкой колоніи Дамара и Нама.

Въ зависимости отъ природныхъ условій населеніе добываетъ себѣ средства къ жизни разными способами хозяйства, представляющими то рѣшительное преобладаніе примитивнаго земледѣлія, то чистое скотоводство или охотничій промыселъ въ разнообразныхъ взаимныхъ сочетаніяхъ. Въ области тропическаго лѣса наряду съ древесной культурой преобладаетъ земледѣліе. Въ саваннѣ наблюдается сочетаніе скотоводства съ земледѣліемъ, причемъ въ восточной Африкѣ занятіе тѣмъ или другимъ совпадаетъ съ дѣленіемъ населенія на двѣ отличныя другъ отъ друга и часто враждебныя другъ другу группы; земледѣльцами здѣсь являются черные аборигены страны, покоренные и презираемые въ силу того, пришлыми скотоводами. Въ юго-восточной Африкѣ, куда вторгавшіеся съ сѣвера вдоль восточнаго края материка скотоводы попали позднѣе и уже послѣ того, какъ они испытали на пути своего движенія разнообразныя смѣшенія, земледѣліе существуетъ слитно со скотоводствомъ. Въ области степей, окаймляющихъ тропическую Африку болѣе или менѣе широкими полосами на сѣверѣ и на югѣ, природа мѣстности допускаетъ почти только одну форму хозяйства, именно скотоводство. Наконецъ жалкіе бродячіе охотники, стоящіе на самой низкой ступени культуры, уцѣлѣли лишь въ немногихъ мѣстахъ.

Что касается общественнаго строя, то въ этомъ отношеніи картина тоже довольно разнообразна. Въ лѣсной области среди сохранившихся въ большей или меньшей чистотѣ негритянскихъ племенъ не существуетъ условій для сліянія группъ населенія въ народности, организующіяся въ государствъ Если нѣчто, отдаленно напоминающее подобіе государства и описывалось здѣсь (царство Мвато-Ямбо на верхнемъ Замбези и въ бассейнѣ Конго) нѣкоторыми путешественниками, то при ближайшемъ ознакомленіи оказывалось, что владѣніе это очень мало приближалось къ тому, что мы понимаемъ подъ словомъ государство.

Наоборотъ, въ широкой полосѣ саваннъ, охватывающихъ лѣсную область, какъ было сказано выше, кольцевидно съ сѣвера, востока и юга, изслѣдователи застали мѣстное населеніе организованнымъ въ крупныя и мелкія деспотіи, которыя если и разрушались легко, то столъ же легко возникали вновь (царство Мтезы, Мунзы, Каба-Реги, Чаки и другія). Если припомнить, что въ этой полосѣ негритянское населеніе сильно смѣшано съ пришлыми хамитическими и семитическими народностями, то нельзя будетъ отрицать, что элементомъ, организующимъ государства, являлись именно эти пришельцы, тѣмъ болѣе что тамъ, гдѣ руководящая роль принадлежала болѣе развитымъ во всѣхъ отношеніяхъ семитамъ, эти деспотіи отливались въ болѣе совершенныя и потому болѣе прочныя формы (государства Судана).

Въ дальнѣйшемъ мы предлагаемъ читателю ознакомиться съ картинами быта черно-кожихъ жителей Африки, расположивъ ихъ въ группы по мѣстообитанію (лѣсъ, саванна и степь), по формамъ хозяйства (земледѣльцы, земледѣльцы и скотоводы, скотоводы, охотники) и по формамъ общественнаго строя (населеніе, групирующееся въ государства, племена и примитивныя общества).

Н. Березинъ.

СУДАНЪ.

Природа Судана.—Западный, центральный и восточный Суданъ.—Главныя группы населенія: кочевники, населеніе городовъ, земледѣльцы.—Городъ Кука —Туземное правительство.

Суданъ, что въ переводѣ съ арабскаго означаетъ „страна черныхъ", представляетъ громадную, неопредѣленно ограниченную область, которая простирается отъ береговъ Атлантическаго океана на западѣ и до Абессиніи на востокѣ. Южной границей его является въ общемъ водораздѣлъ между Конго и Бинуэ съ рѣками бассейна озера Цадъ. Правильнѣе было бы считать южной каймой Судана населенныя черными племенами страны, въ которыхъ теряются послѣдніе слѣды арабскаго вліянія.

Въ общемъ Суданъ представляетъ громадную постепенно повышающуюся къ югу плоскость, съ раскиданными тамъ и сямъ горами, которыя достигаютъ значительной высоты лишь на востокѣ (Джеблъ-Марра въ Дарфорѣ около 1800 м.), на западѣ въ возвышенности Конгъ (Даро 1340 и Куруворо 1180 м.), а также въ центрѣ, именно въ Сокото, гдѣ въ пространствѣ между Нигеромъ и Бинуэ встрѣчаются высокія вершины достигающія 2100 м. (горы Саранда). Мѣстности между этими всхолмленными частями представляютъ слабо вогнутыя впадины, которыхъ, соотвѣтственно располагающимся по Судану воднымъ бассейнамъ, можно насчитать три. Самая большая, западная, на добрую половину занята Сахарой. Въ южной части ея стекающія къ Нигеру рѣки сильно размыли сѣверную окраину плато Конгъ и придали странѣ гористый пейзажъ. Средняя впадина, въ которой расположилось нѣкогда обширное, но теперь быстро усыхающее озеро Цадъ, понижается близь береговъ послѣдняго до 240 м., хотя далѣе къ сѣверо-востоку, въ Борку, существуютъ еще болѣе низкія котловины (160 м. н. у. м.) Наконецъ на востокѣ, тамъ, гдѣ Нилъ, подобно вершинѣ пальмы, распускаетъ въ стороны свои верхніе притоки, залегаетъ третья впадина, которая простирается на сѣверъ вдоль рѣки и сливается съ восточной Сахарой. Южная часть этой впадины, впрочемъ, уже не относится къ Судану; это Экваторія, провинція, потерянная было Египтомъ во время возстанія махди, но теперь вновь присоединенная къ нему. Въ общемъ Суданъ протягивается такимъ образомъ поперекъ Африки съ запада на востокъ между 20 и 10^0 с. ш., выступая тамъ и сямъ къ югу за предѣлы этой линіи. Уже благодаря такому простиранію Суданъ не представляетъ большихъ различій въ своихъ противуположныхъ частяхъ. Природа всюду постепенно мѣняетъ свой видъ въ направленіи къ югу: пустыня уступаетъ

мѣсто сперва скудной степи, степь становится богаче, вскорѣ появляются кустарники, мимозы, а затѣмъ, соотвѣтственно большей влажности воздуха, лѣса, которые перемежаются саваннами, постепенно становятся гуще, выше и принимаютъ наконецъ чисто тропическій видъ. Такъ какъ на западѣ, въ сосѣдствѣ океана дожди обильнѣе, и воздухъ влажнѣе, между тѣмъ какъ по направленію къ востоку воздухъ содержитъ все меньше и меньше влаги, то естественно, что восточный Суданъ имѣетъ преимущественно степной пейзажъ, между тѣмъ какъ западный при большемъ разнообразіи рельефа отличается также болѣе богатой растительностью.

Зависящая отъ распредѣленія влаги законность въ смѣнѣ растительныхъ и животныхъ формъ распространяется въ данномъ случаѣ и на человѣка и его культуру. Чѣмъ ближе къ сѣверу, тѣмъ замѣтнѣе въ населеніи преобладаетъ вмѣстѣ съ арабскимъ элементомъ принесенная этимъ послѣднимъ культура сѣверныхъ береговъ Африки; чѣмъ далѣе на югъ, въ страну черной, жирной почвы, въ страну тропическихъ ливней и густыхъ лѣсовъ, тѣмъ сильнѣе беретъ перевѣсъ черный элементъ, который получаетъ, наконецъ полное преобладаніе.

Многіе ученые полагаютъ, что полоса простирающихся на западъ отъ Нила саваннъ и степей открывала дорогу переселеніямъ въ томъ же направленіи для семитическихъ и хамитическихъ пастушескихъ народностей сѣверо-восточной Африки. Они усматриваютъ большую примѣсь какъ хамитической, такъ и семитической крови въ жилахъ чернаго населенія центральнаго и даже западнаго Судана. Берберы, проникавшіе на западъ изъ Сахары въ среду черныхъ, подчиняли ихъ себѣ въ культурномъ отношеніи. Болѣе высокая культура, новая религія, появленіе въ роли вождей лучше одаренныхъ свѣтлокожихъ привели къ тому, что въ западномъ Суданѣ государства стали возникать уже въ IV в. п. Р. Х. На смѣну одного появлялось другое, которое процвѣтало нѣкоторое время, приходило въ упадокъ и входило въ составъ новаго, молодого, которое черезъ долгое или короткое время постигала та же участь. То же самое происходило въ восточномъ Суданѣ, гдѣ руководящую роль играли не берберы изъ Сахары, а арабы, вторгавшіеся изъ бассейна Нила. Въ центральномъ Суданѣ оба вліянія сталкивались. Фульбе или феллата, темнокожій народъ западнаго Судана, проникшій оттуда въ бассейнъ Цада въ качествѣ народа-завоевателя, встрѣтилъ здѣсь въ борьбѣ за господство сильныхъ соперниковъ въ лицѣ арабовъ, проникавшихъ сюда какъ съ сѣвера, такъ и съ востока.

Если представить себѣ безчисленныя переселенія, войны, перекочевки, которыя происходили въ Суданѣ въ теченіе прошлыхъ вѣковъ, какъ происходятъ и теперь, то не окажется ничего удивительнаго въ томъ, что населеніе его страшно перемѣшалось, и что даже аристократическіе арабскіе роды, такъ заботливо оберегающіе чистоту своего происхожденія и замѣщающіе обыкновенно многочисленные суданскіе троны своими кандидатами, врядъ ли могутъ поручиться за безупречное происхожденіе этихъ послѣднихъ. Вотъ почему крайне трудно, просто даже невозможно выдѣлить среди населенія Судана даже главнѣйшія народности. Культура, языкъ, религія—все носитъ на себѣ печать извѣстнаго однообразія. Гораздо легче разслоить жителей Судана по ихъ общественному положенію или по способу хозяйства. Въ этомъ случаѣ ясно обнаруживается, что низшій классъ населенія дѣлится на три части: во первыхъ обрабатывающіе землю, кочующіе и осѣдлые земледѣльцы, представляющіе большею частью покоренныхъ аборигеновъ страны; вторую группу составляютъ явившіеся извнѣ кочевники, большею частью семиты; третья группа—осѣвшіе въ городахъ хаусса, горожане-ремесленники и купцы. Надъ всѣми ими господствуютъ въ качествѣ воиновъ потомки арабовъ или берберовъ, а чаще просто тѣ, кого судьба вознесла наверхъ, кому льстивые приближенные сочинили родословную отъ самого Магомета. Въ сѣверныхъ и восточныхъ частяхъ Судана рѣшительно преобладаютъ кочевники: города тамъ не такъ велики и бѣднѣе, земледѣльческое населеніе рѣже.

Въ центральномъ Суданѣ громадное значеніе имѣютъ торговые города, какими являются, напримѣръ, Кука, Кано. Здѣсь земледѣльцы уравновѣшиваютъ кочевниковъ.— Еще южнѣе земледѣліе, а съ нимъ негритянское населеніе пріобрѣтаютъ рѣшительное преобладаніе.

Въ каждомъ государствѣ, при непрочности власти, при плохомъ устройствѣ сбора податей, суда и войска, вліяніе властителя, чѣмъ дальше отъ столицы, тѣмъ слабѣе, пока не исчезаетъ вовсе. Государственная власть опирается обыкновенно на кочевниковъ, такъ какъ они подвижнѣе, предпріимчивѣе и поставляютъ главный контингентъ войска— кавалерію. Горожане, обыкновенно, равнодушны къ тому, кто сидитъ на тронѣ, пока ихъ торговые и промышленные интересы не слишкомъ страдаютъ отъ дурного управленія. Среди нихъ преобладаютъ представители господствующей народности—въ западномъ и центральномъ Суданѣ фульбе. Земледѣльческое населеніе, которое состоитъ, особенно на югѣ, изъ дикихъ и варварскихъ негритянскихъ племенъ, чуждыхъ еще исламу, представляетъ при своей массѣ такую часть населенія, которую господствующее меньшинство считаетъ законной своей добычей, такъ что выѣздъ султана или эмира для сбора податей въ обѣднѣвшую казну является обыкновенно ничѣмъ инымъ, какъ грабительскимъ походомъ или, какъ выражаются арабы, „рацціей“, позади которой остаются дымящіяся пожарища, разграбленные амбары, лужи крови, въ то время какъ толпы захваченныхъ невольниковъ увеличиваютъ собою армію грабителей. Въ такомъ порядкѣ мы и предполагаемъ познакомиться съ бытомъ жителей Судана. Сперва опишемъ кочевниковъ, затѣмъ горожанъ и наконецъ земледѣльцевъ.

Типичнымъ образчикомъ суданскаго кочевого племени являются описанныя Бартомъ и Нахтигалемъ арабы племени Ауладъ-Солиманъ. Нѣкогда племя это, насчитывавшее до 1000 воиновъ, кочевало въ Феццанѣ. Стремленіе турецкихъ пашей прекратить ихъ разбойничьи набѣги заставило племя выселиться послѣ неудачнаго сопротивленія въ Суданъ, куда эти наѣздники и раньше дѣлали набѣги. Тамъ они повели прежній образъ жизни и вскорѣ благодаря дерзости и силѣ стали грозой мирныхъ земледѣльцевъ окрестностей Цада и обитателей южныхъ оазовъ Сахары. Вскорѣ грабежи ихъ въ такой мѣрѣ опустошили страну, что добыча стала скудной; тогда они начали дѣлать набѣги на болѣе отдаленныхъ сосѣдей, проникая до самого Дарфора. Обратившись затѣмъ на туареговъ, Ауладъ-Солиманы въ короткое время угнали у нихъ нѣсколько десятковъ тысячъ верблюдовъ. Обстоятельство это оказалось для нихъ фатальнымъ. Выведенные изъ терпѣнія туареги собрались съ силами, напали на Ауладъ-Солимановъ врасплохъ и почти уничтожили ихъ. Говорятъ, изъ схватки спаслось едва 20 всадниковъ. Однако туареги пощадили женщинъ и дѣтей. Казалось, племя должно было исчезнуть. Но султанъ Борну въ своихъ видахъ взялъ его подъ свое покровительство. Онъ далъ имъ пріютъ, снабдилъ оружіемъ и скотомъ и отвелъ мѣста для кочевья. Спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ Ауладъ-Солиманы настолько оправились, что снова представляли многолюдное племя. Своихъ замашекъ они не бросили и вновь принялись за грабежи. По описанію Нахтигаля племя это изъ за недостатка корма для верблюдовъ подѣлилось на колѣна или „ферики“, которыя, кочуя каждое подъ начальствомъ особаго старшины, раскинулись по громадному пространству сѣвернаго Судана, изрѣдка встрѣчаясь другъ съ другомъ у наиболѣе посѣщаемыхъ колодцевъ. Богатство ихъ заключалось въ верблюдахъ, которыхъ они разводили и похищали у сосѣдей. Пастбища и грабежи—вотъ двѣ главныхъ цѣли, заставляющія ихъ передвигаться по степямъ Судана. Время отъ времени они направляются въ городъ, чтобъ запастись необходимыми предметами и періодически навѣщаютъ оазы Борку, у обитателей которыхъ отбираютъ половину ихъ скудной жатвы финиковъ.

Всѣ интересы сосредоточены вокругъ разговоровъ о скотѣ, о добычѣ, о родословной, о родинѣ, которую они давно покинули. Бытъ носитъ характеръ простоты, воспитывающей

неприхотливость и воинственность. Нѣкоторая доза благородства и гостепріимства не чужда этимъ разбойникамъ. Одежда мужчинъ состоитъ изъ простой длинной рубахи и бумажной шапки. Только богатые хранятъ для торжественныхъ случаевъ суконную одежду и феску, бурнусъ и коверъ. Мужчины заботливо обходятся съ оружіемъ, состоящимъ изъ длинной кремневки, пистолета съ серебряными насѣчками и кривой сабли съ роговой или слоновой кости ручкой. Послѣ оружія наибольшее вниманіе удѣляется кожанымъ мѣхамъ для воды, которыхъ каждая семья имѣетъ не меньше дюжины. Женщины одѣваются не лучше мужчинъ: кромѣ рубахи, шароваръ и платка, на нихъ рѣдко видна другая одежда, а изъ украшеній онѣ носятъ лишь серебряные браслеты на рукахъ и

Всадники въ ватныхъ панцыряхъ изъ центральнаго Судана.

ногахъ, серьги, ожерелья или какое-нибудь головное украшеніе изъ серебряныхъ монетъ, цвѣтныхъ камней и янтаря.

Пища ихъ тоже очень скудная, большею частью финики, лепешки изъ муки, изрѣдка верблюжье мясо, потому что они рѣшаются зарѣзать животное лишь въ томъ случаѣ, когда оно само собирается издохнуть отъ старости или болѣзни. Нѣкоторое изобиліе наступаетъ лишь послѣ удачнаго набѣга на богатый финиками оазъ или на сосѣдей, имѣющихъ запасы зерна или скота. У нихъ немало рабовъ и военноплѣнныхъ, причемъ различіе между тѣми и другими установлено въ томъ смыслѣ, что раба можно продать, между тѣмъ какъ военноплѣнный имѣетъ право на свободу, какъ скоро родные выкупятъ его, или хозяинъ самъ сочтетъ нужнымъ отпустить его. Въ обращеніи съ этими людьми

Ауладъ-Солиманы обращаютъ больше вниманія на происхожденіе ихъ, а не на вѣру: если плѣнный тоже арабъ, хотя бы и не мусульманинъ, съ нимъ обращаются лучше, чѣмъ съ принявшимъ исламъ негромъ. Попавшіе въ плѣнъ дѣти становятся по совершеннолѣтіи полноправными членами ферика и рѣдко возвращаются къ своимъ, хотя бы родственники отыскали ихъ и готовы были дать выкупъ. Рабы не подвергаются дурному обращенію, они являются скорѣе домочадцами и нерѣдко пользуются вліяніемъ и голосомъ на семейномъ совѣтѣ. Хотя происхожденіе ставится очень высоко, но большее значеніе пріобрѣтаютъ въ глазахъ этихъ арабовъ богатство и личныя качества.

Сметка, предпріимчивость и смѣлось выдвигаютъ человѣка даже низкаго званія въ первые ряды и превращаютъ его въ вождя, за которымъ слѣдуетъ все племя. Исповѣдуя исламъ, Ауладъ-Солиманы однако отнюдь не являются фанатиками, потому что для того они слишкомъ невѣжественны. По этой причинѣ странствующіе хаджи не пользуются ни особеннымъ почтеніемъ, ни вліяніемъ. Политика племени по отношенію къ другимъ элементамъ населенія опредѣляется насущными интересами, и поэтому фанатическія чувства разжигаются у этихъ людей лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, когда возникаетъ опасность не для нихъ однихъ, а для всей громадной области, въ почву которой они пустили корни.

Подобное же существованіе ведутъ болѣе или менѣе всѣ арабскія племена Судана, въ числѣ которыхъ главную группу составляютъ арабы Шоа (Бени-Хазенъ и другія племена), Саламатъ, Хоцамъ и проч. Въ Борну имъ пришлось большею частью разстаться съ верблюдами, которые плохо переносятъ климатъ, и обратить свое вниманіе на рогатый скотъ. Густое туземное населеніе стѣсняетъ ихъ кочевыя привычки, вслѣдствіе чего большинство изъ нихъ сокращаетъ свои передвиженія и даже становится совершенно осѣдлымъ. Даже тѣ, которые еще сохранили кочевой бытъ, присоединивъ къ стадамъ рогатаго скота табуны лошадей, имѣютъ на время дождливаго періода постоянныя жилища, въ которыхъ проводятъ неудобное для кочеванья время. Эти полукочевники доставляютъ на городскіе рынки продукты своихъ стадъ и лошадей. Каждое главное племя подчиняется общему шейху (башъ-шейхъ), но почти каждое селеніе имѣетъ еще своего шейха. Племена эти платятъ дань натурою, т. е. лошадями, рогатымъ скотомъ, зерномъ, масломъ и т. п. тѣмъ султанамъ, на земляхъ которыхъ они живутъ. Неуклюжія, помѣстительныя жилища этихъ арабовъ построены въ обще-суданскомъ стилѣ и расчитаны не только на людей, но и на всѣхъ домашнихъ животныхъ. Любопытной особенностью этихъ жилищъ является высокое, до $1^1/_2$ саженъ сооруженіе изъ шестовъ, обвѣшанное со всѣхъ сторонъ циновками, на которомъ семья хозяина и его гости проводятъ ночь, въ то время, какъ мелкій скотъ толпится на полу. Эта „спальня“ называется „гурара“ и имѣетъ своимъ назначеніемъ укрыть обитателей отъ москитовъ, т. е. комаровъ, представляющихъ во многихъ мѣстахъ настоящій бичъ. Арабы эти сохранили еще въ большей или меньшей чистотѣ арабскій языкъ благодаря исламу, также сохранились у нихъ другіе исконно арабскіе обычаи, какъ напр. кровная месть. Женщины ихъ носятъ въ качествѣ главнаго украшенія любимыя арабами янтарныя бусы, отъ негровъ же онѣ усвоили обычай просверливать носовую перегородку и вдѣвать въ нее серебряное кольцо. Мужчины выѣзжаютъ на войну конными съ длиннымъ копьемъ и пучкомъ дротиковъ, но безъ щита и огнестрѣльнаго оружія.

Подобныя кочевыя племена, ведя жизнь паразитовъ среди болѣе многочисленнаго трудолюбиваго земледѣльческаго населенія, въ концѣ концовъ не могли бы уцѣлѣть, еслибы не являлись въ каждой области опорой для утвердившагося на тронѣ рода. Главная политика всякаго суданскаго деспота заключается въ томъ, чтобы сохранить добрыя отно отношенія съ ними, не дать слишкомъ разгорѣться ихъ взаимнымъ распрямъ и удержать ихъ отъ черезчуръ раззорительныхъ грабежей. Во всѣхъ суданскихъ войнахъ кочевыя арабскія, вѣрнѣе полуарабскія племена—мы уже видѣли, что образъ жизни неизбѣжно приводитъ ихъ къ смѣшенію съ туземцами—играютъ первую роль; всякій разъ, какъ той

или иной обширной части Судана угрожалъ внѣшній врагъ, опасность на время сплачивала даже враждебныя племена и создавала среди нихъ чрезъ вспышку религіознаго фанатизма временное единство. Сотни подобныхъ Ауладъ-Солиманамъ кочевыхъ племенъ и колѣнъ разсыпаны по восточному Судану (въ Вадаи, Кордофанѣ, Сеннаарѣ и далѣе въ Нубіи), среди нихъ нѣкоторыя очень многочисленны и разсѣяны по обширной территоріи (напр. Кабабишъ, Ризегатъ, Шукуріе). Когда египтяне покорили восточный Суданъ, то хозяйничанье турецкихъ пашей и чиновниковъ въ роли господъ надъ этими кочевниками вызвало извѣстное махдистское возстаніе. Съ паденіемъ туземныхъ эмировъ и султановъ интересы этихъ кочевниковъ сильно пострадали: наравнѣ съ негритянскимъ населеніемъ они подпали грабительству чужеземцевъ-турокъ, которые вдобавокъ жестоко карали ихъ за набѣги и опустошенія. Хотя египетскіе чиновники и солдаты были такіе же мусульмане, какъ эти „арабы“, тѣмъ не менѣе это не помѣшало появленію „пророка“, провозгласившаго священную войну противъ невѣрныхъ. Теперь, когда европейцы вторглись въ западный и центральный Суданъ, не окажется неожиданностью, если и тамъ вспыхнетъ подобное же движеніе противъ нихъ, потому что дѣятельность европейцевъ лишаетъ кочевую часть населенія господства, которое имъ такъ на руку и къ которому они привыкли.

Весь Суданъ покрытъ мусульманскими государствами, которыя очень мало различаются другъ отъ друга своимъ строемъ. Всѣ они представляютъ деспотіи восточнаго типа, въ которыхъ власть султана или эмира кажется неограниченной и выливается по отношенію къ мирнымъ подданнымъ въ жестокія и произвольныя формы, а на самомъ дѣлѣ призрачна и зависитъ всецѣло отъ умѣлаго удовлетворенія интересовъ господствующаго меньшинства.

Управленіе основано на коранѣ, на обычномъ правѣ и чрезвычайно просто: нѣсколько министровъ вѣдаютъ главныя отрасли, въ областяхъ сидятъ губернаторы, отъ подвластныхъ странъ требуются заложники. Придворная жизнь можетъ показаться пышной лишь мѣстнымъ жителямъ, на самомъ же дѣлѣ обстановка и бытъ „дворца“ просты и грубы. Каждое государство имѣетъ „столицу“, обыкновенно самый торговый городъ, лежащій либо въ узлѣ караванныхъ дорогъ, либо среди людной, плодородной мѣстности, продукты которой доставляются на рынокъ и обмѣниваются на привозимые купцами съ сѣвера и востока товарами. Многолюдное земледѣльческое населеніе суданскихъ областей нуждается во множествѣ продуктовъ и предметовъ, многіе изъ которыхъ изготовляются на мѣстѣ, такъ что города являются не только пунктами торговли, но и мѣстожительствомъ многихъ искусныхъ ремесленниковъ и купцовъ, издѣлія которыхъ проникаютъ далеко на сѣверъ въ Сахару и на югъ, къ негритянскимъ племенамъ. Частыя войны, смѣны династій, завоеванія и подчиненія наносятъ ущербъ торговлѣ, поэтому города Судана непрочны, тѣмъ болѣе, что всѣ они глинобитные, не имѣютъ ни прочныхъ стѣнъ, ни замѣчательныхъ мечетей, ни дворцовъ, ни караванъ-сараевъ. Не разъ случалось, что при перенесеніи столицы или послѣ осады городъ исчезалъ почти безъ слѣда, а жители и ихъ дѣятельность переносилась въ сосѣдній городъ или въ новый.

Для ознакомленія съ городскимъ населеніемъ опишемъ здѣсь одинъ изъ самыхъ многолюдныхъ и торговыхъ городовъ Судана, именно Куку.

Кука построена лишь въ недавнее время шейхомъ Магоммедомъ-эль-Канеми. Въ Борну городъ называется Кука, въ то время какъ въ Суданѣ и преимущественно въ Кано, употребляется исключительно названіе Кукауа. Названіе Кука происходитъ отъ единственнаго росшаго тамъ баоба или адансоніи (Adanconia digitata), которая тамъ называется кука и считалась необыкновенной достопримѣчательностью, ибо въ прежнія времена здѣсь деревья еще не росли.

Городъ состоитъ изъ двухъ частей, двухъ удлиненныхъ четыреугольниковъ, расположенныхъ въ десяти минутахъ ходьбы другъ отъ друга. Кромѣ того вокругъ города разсѣяно много отдѣльныхъ хижинъ и построекъ.

Въ главномъ городѣ, называемомъ Гергеди, обитаетъ султанъ, его сыновья и братья, высшіе чиновники государства, а также большая часть воиновъ и евнуховъ. Второй городъ, Гарфоте, имѣетъ характеръ скорѣе торговаго города; въ немъ живутъ купцы изъ Триполи, Фесана, Каира и ремесленники, въ стѣнахъ его также находится главная мечеть. Оба города возвышаются приблизительно на 20 фут. и у подножья окружены земляной стѣной почти такой же ширины. Стѣна снаружи опускается вертикально, изнутри же устроена уступами, чтобы защитникамъ легче было подниматься наверхъ. Гарфоте имѣетъ пять воротъ, расположенныхъ по всѣмъ четыремъ сторонамъ, Гергеди же четверо: двое на западъ и двое на востокъ.

Постройки въ Кукѣ не похожи на постройки городовъ сѣверной Африки и носятъ національный негритянскій характеръ. Онѣ представляютъ собой хижины, искусно построенныя изъ тонкихъ жердей съ острой, непроницаемой для дождя крышей. У круглаго своего основанія онѣ имѣютъ въ діаметрѣ 15—20 футовъ, а вышины футовъ 10—15. Лѣтомъ, т. е. въ дождливое время года, стѣны увиты зеленью тыквы, а верхушка крыши украшена однимъ, а иногда нѣсколькими страусовыми яйцами. Дверью и окномъ служитъ низенькое, завѣшенное цыновкой отверстіе. Внутри хижины находится обыкновенно нѣсколько тыквенныхъ бутылокъ, горшки, кружки, цыновки, а въ нѣкоторыхъ, кромѣ того, широкая тростниковая кровать. Пищу варятъ обыкновенно на открытомъ воздухѣ, подъ навѣсомъ, защищающимъ отъ солнца и дождя.

„Домъ“ семьи фульбе состоитъ изъ 2—4 такихъ хижинъ, которыя помѣщаются обыкновенно въ оградѣ изъ глины или цыновокъ. Дома султана, знати и иностранныхъ купцовъ строятся обыкновенно изъ глины, съ плоской крышей, съ которой дождевая вода стекаетъ плохо, и потому послѣ каждаго ливня онѣ нуждаются въ починкѣ.

Благодаря тому, что въ Кукѣ нѣтъ ни башенъ, ни высокихъ зданій, и всѣ дома расположены подъ тѣнью деревьевъ, городъ похожъ скорѣе на рощу, чѣмъ на городъ. Изъ деревьевъ можно отмѣтить здѣсь: д ж е д ж а—родъ смоковницы съ длинными воздушными корнями и крупными блестящими листьями, затѣмъ г у н д а съ красивыми разрѣзными листьями и сочными плодами, величиной съ голову ребенка, а также акацію, желтые цвѣты которой распространяютъ запахъ геліотропа. Въ вѣтвяхъ деревьевъ гнѣздятся стаи птицъ. Неутомимый пѣвецъ, ткачикъ, вьетъ свое мѣшкообразное гнѣздо на акаціи; иногда на одномъ деревѣ можно насчитать до полусотни такихъ гнѣздъ. Горлицы и сѣрые лѣсные голуби гнѣздятся на самыхъ высокихъ верхушкахъ; въ дождливую пору года появляются съ береговъ Цада водяныя, птицы и по улицамъ днемъ и ночью бродятъ коршуны стервятники, быстро поѣдающіе всякіе отбросы; безъ нихъ Кука превратилась бы въ очагъ заразы.

Обѣ части города прорѣзаны прямой, ровной улицей „дендаль“, что можно перевести словами „царская улица“. По обѣ стороны ея расположены цѣлые лабиринты тѣсныхъ, извилистыхъ проулковъ. Такъ какъ улица не мощена, то въ сухую пору года она представляетъ цѣлое море пыли, а въ дождливую—сплошное озеро воды, черезъ которое не всегда можно перебраться даже на лошади.

Городъ просыпается не очень рано. Прежде всего на улицахъ появляются окрестные, земледѣльцы съ продуктами для продажи и затягиваютъ свое „кіамъ, кіамъ“ (молоко), „кандъ-а-а-а-го“ (масло), „нюббель коки бе“ (яйца) и проч. Всякую ношу, даже самую тяжелую, они таскаютъ на головахъ; негритянскія женщины и дѣвушки носятъ кувшины вмѣстимостью въ 40—50 литровъ и благодаря этому теряютъ очень рано волосы на темени.

Въ противоположность берберамъ и арабамъ сѣверной Африки фульбе, которыхъ здѣсь называютъ канури, очень чистоплотны; по утрамъ они старательно моютъ лицо и руки и чисто подметаютъ полъ въ хижинѣ; затѣмъ, позавтракавъ, они принимаются за

*

работу. Большая часть работъ производится на открытомъ воздухѣ: ткачи, плотники, оружейники и башмачники располагаютъ свои мастерскія прямо на улицѣ, передъ дверью хижины.

Оживленнѣе всего восточная часть города бываетъ часовъ въ 10 утра, когда вдоль главной улицы, направляясь въ собраніе совѣта, проѣзжаютъ на рѣзвыхъ коняхъ разные сановники, принцы и приближенные султана, сопровождаемые свитой изъ бѣгущихъ пѣшкомъ запыхавшихся рабовъ. При въѣздѣ въ цитадель каждый изъ этихъ всадниковъ долженъ сбросить свои желтые туфли и шелковый тюрбанъ, такъ какъ никто не смѣетъ предстать предъ султаномъ съ покрытой головой и въ обуви. Обычай требуетъ, чтобы привѣтствуя султана, каждый простирался предъ нимъ ницъ, прижимая лицо плотно къ землѣ; при этомъ правой рукой захватываютъ горсть земли и посыпаютъ ею голову. Совѣщаніе длится обыкновенно около часу и занимается главнымъ образомъ городскими сплетнями и разными маловажными дѣлами. Сумѣвшій разсказать пикантную и интересную новинку становится на этотъ день любимцемъ султана. Особенно много разговоровъ бываетъ, когда городъ посѣтилъ бѣлый путешественникъ. Каждый шагъ его обсуждается со всѣхъ сторонъ: зачѣмъ онъ поѣхалъ верхомъ, что купилъ на рынкѣ и т. п. Въ концѣ собранія человѣкъ 6—8 рабовъ съ трудомъ втаскиваютъ огромное деревянное блюдо съ пищей, и присутствующіе начинаютъ угощаться.

Когда члены совѣта разъѣдутся по домамъ, городъ словно вымираетъ: всѣ прячутся отъ зноя въ хижинахъ и предаются отдыху, пока жаръ спадетъ. Между 3 и 4 часами пополудни картина снова мѣняется: изъ тѣсныхъ проулковъ выгоняются стада верблюдовъ, овецъ и рогатаго скота, и начинается рыночный торгъ, затягивающійся нерѣдко до самаго вечера. Происходитъ онъ въ западной части города и передъ воротами восточной. Въ самомъ городѣ въ шалашахъ и на открытомъ воздухѣ навалены для продажи лукъ, чеснокъ, печеный хлѣбъ, куры, масло, сосуды съ свѣжимъ и кислымъ молокомъ, свѣжее мясо.

Крупной монетой во всей сѣверной Африкѣ и въ Суданѣ является талеръ Маріи Терезіи, помѣченный 1780 годомъ; роль же размѣнной монеты играетъ небольшая, величиной съ орѣхъ, раковинка, называющаяся у арабовъ каури, а у канури—куніена. Количество каури въ одномъ бутиръ (талерѣ) различно въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, вообще же оно увеличивается въ направленіи отъ берега вглубь материка. Вліяніе въ этомъ случаѣ оказываетъ также давленіе со стороны властей, которыя, смотря по надобности, то повышаютъ, то понижаютъ валюту. Въ среднемъ, за талеръ даютъ 3—4 тысячи каури.

Главный пріемъ пищи канури совершаютъ послѣ захода солнца. Затѣмъ мужчины собираются на площадяхъ, подъ тѣнью гигантскихъ каучуковыхъ деревьевъ и дѣлятся новостями, а женщины, не соблюдающія здѣсь обычай закрывать лицо покрываломъ, либо дѣлаютъ другъ другу визиты, болтаютъ въ тѣни деревьевъ или прогуливаются вдоль улицъ.

Кука, подобно Тимбукту, получила широкую извѣстность, какъ высшая школа, и потому въ ней обыкновенно обучается 2—3 тысячи молодыхъ людей 20—25 лѣтъ. Вся наука ихъ, впрочемъ, заключается въ томъ, что они усваиваютъ внѣшніе обряды, необходимые при молитвѣ, да научаются писать и читать по-арабски чисто механически, не понимая при этомъ ни слова. Одежду ихъ составляетъ козья шкура, обернутая вокругъ бедеръ, а все имущество ихъ заключается въ деревянной доскѣ, глиняной чернильницѣ, парѣ тростниковыхъ перьевъ и тыквенной фляжкѣ. По цѣлымъ днямъ они шатаются по улицамъ, попрошайничая и собирая дань съ торговцевъ, такъ какъ далеко не всѣ они имѣютъ пристанище и пищу въ домахъ богачей, у которыхъ вошло въ обычай обучать своихъ сыновей совмѣстно съ нѣсколькими такими студентами.

Сами учителя, впрочемъ, смыслятъ въ арабскомъ языкѣ не больше своихъ учениковъ. Школой служитъ главная мечеть. Здѣсь, окруженные зѣвающими учениками, возсѣдаютъ

сѣдые учителя благочестія и ведутъ между собой диспуты о бородѣ Магомета. Они свысока смотрятъ на неграмотный простой народъ и относятся презрительно къ каждому „мусгу“ т. е. негру, ибо они считаютъ правовѣрными только себя, и одни только исполнены фанатической ненависти къ язычникамъ и христіанамъ.

Каждый понедѣльникъ передъ западными воротами Гарфоты происходитъ большой торгъ. Ближе всего къ воротамъ, подъ навѣсомъ, помѣщаются лошади. Во всѣхъ негритянскихъ странахъ отдается преимущество лошадямъ Борну, потому что здѣшніе купцы постоянно выводятъ лощадей съ сѣвера и такимъ образомъ обновляютъ расу.

За длиннымъ рядомъ продавцовъ грубыхъ цыновокъ, служащихъ для покрыванія хижинъ, изгородей и пр., слѣдуетъ площадь, съ выставленными для продажи верблюдами, ослами и рогатымъ скотомъ. Рядомъ съ нимъ находится рынокъ рабовъ. Здѣсь собраны старики и грудные младенцы, дѣвушки и взрослые мужчины изъ племенъ Борну, Гаусса, Логонъ, Мусгу и еще болѣе отдаленныхъ. Они либо совсѣмъ наги, либо имѣютъ вокругъ бедеръ передникъ изъ лохмотьевъ; всѣ въ большей или меньшей степени татуированы. Между группами рабовъ расхаживаютъ покупатели, мѣряютъ ихъ ростъ, осматриваютъ зубы, освѣдомляются объ аппетитѣ, потому что хорошій аппетитъ является признакомъ здоровья, и, если товаръ подходитъ, заключаютъ сдѣлку. На этомъ рынкѣ выставлялось прежде ежедневно нѣсколько тысячъ рабовъ. Цѣны на нихъ приблизительно были слѣдующія; молодые люди продавались по 15—30 талеровъ, дѣвушки—30—60 тал., люди пожилые и дѣти по 3—10 тал.

Далѣе слѣдуютъ торговцы зерновымъ хлѣбомъ со своими огромными кожаными мѣшками, наполненными пшеницей, ячменемъ, рисомъ и другимъ зерномъ; позади нихъ помѣщаются вьючные быки и верблюды. Цѣны на хлѣбъ колеблются въ зависимости отъ урожая; въ хорошіе годы можно купить за талеръ 6—8 мѣшковъ сорго. Тутъ же находится площадка, гдѣ убиваютъ скотъ, свѣжуютъ его на мѣстѣ и жарятъ мясо на кострахъ. Часть улицы далѣе занята произведеніями мѣстной художественной промышленности: изящными узорчатыми цыновками, очень легкими и прочными, тыквенными и деревянными блюдами разной величины, изъ которыхъ нѣкоторыя изящно раскрашены, затѣмъ горшками, блюдами и кувшинами изъ обожженной глины, изъ которыхъ послѣдніе достигаютъ огромныхъ размѣровъ и вмѣщаютъ до 20 литровъ воды.

Въ сосѣдней улицѣ помѣщается рыбный рынокъ, гдѣ разложена свѣжая и жареная рыба изъ озера Цадъ. Эта улица выходитъ на площадь, гдѣ навалены огромныя кучи дровъ и древеснаго угля; тутъ же расположились со своими мастерскими кузнецы. Они выдѣлываютъ грубый желѣзный товаръ, топоры, крючья. Далѣе слѣдуютъ слесаря, выставившіе для продажи дротики, луки, копья, щиты и стрѣлы, а также мѣдныя и желѣзныя женскія ручныя и ножныя кольца, ножницы, ножи и щипчики, которыя здѣсь составляютъ необходимую принадлежность каждаго и служатъ для вытаскиванія изъ ногъ колючекъ, покрывающихъ землю въ лѣсу и на поляхъ. За кузнецами расположились шорники и скорняки, которые, кромѣ вьючныхъ мѣшковъ и ведеръ, выдѣлываютъ изъ кожи разнообразнѣйшіе предметы: кружки, ящики, шкатулки, желтыя и красныя туфли, сандаліи, шпоры и конскую сбрую. У нихъ имѣется также небольшой выборъ львиныхъ и леопардовыхъ шкуръ. За ними идутъ торговцы готовымъ платьемъ съ разнообразнѣйшимъ выборомъ товаровъ на всякій вкусъ и цѣны. Ихъ смѣняютъ палатки съ европейскими товарами; здѣсь выставлены различныя матеріи, бѣлые бурнусы, зеркала, стеклянныя бусы, кораллы, порохъ, свинецъ, кремни для ружей, соль и различные другіе товары.

Въ нѣкоторыхъ палаткахъ сидятъ мѣнялы, размѣнивающіе талеры на каури. Золото здѣсь не имѣетъ обращенія, и французскія и испанскія монеты принимаются очень неохотно. По всѣмъ улицамъ стоятъ продавцы питьевой воды, утоляющіе жажду за нѣсколько раковинокъ каури. Повсюду царитъ величайшее оживленіе, и несмотря на полное отсут-

ствіе войскъ и полиціи, порядокъ почти не нарушается. Ссоры и мелкія кражи разбираются на мѣстѣ рыночнымъ судьею.

Своей обширной торговлей Кука обязана тому обстоятельству, что промышленность и торговля въ ней совершенно свободны отъ всякихъ налоговъ. Иностранные товары также не оплачиваются никакими пошлинами. Даже громадные караваны, прибывающіе изъ другихъ частей Судана, изъ Триполи, уплачиваютъ лишь ничтожную сумму въ пользу стражи у городскихъ воротъ. Единственную подать, поступающую отъ рынка султану, составляютъ деньги отъ продавцовъ лошадей и верблюдовъ, которые уплачиваютъ сборщикамъ за каждое проданое животное талеръ. Подарки султану и его чиновникамъ отъ чужеземныхъ купцовъ, обычные во всѣхъ государствахъ, здѣсь выходятъ изъ употребленія.

Власть въ Кукѣ, какъ и во всякомъ суданскомъ государствомъ, находится въ рукахъ деспота, который носитъ титулъ, смотря по мѣстности, султана, эмира, халифа, и который происходитъ изъ какого-нибудь болѣе или менѣе чистаго рода, принадлежащаго къ господствующему племени.

Управленіе, какъ то сборъ податей, судъ, администрація, не отличается сложностью, но за то пропитано произволомъ, продажностью и кумовствомъ. Власть деспота, безграничная по отношенію къ отдѣльному подданному, на самомъ дѣлѣ часто непрочна—султану приходится вести сложную „внутреннюю политику“, удовлетворяя желанія и требованія разныхъ группъ населенія, всего больше, конечно, тѣхъ, кто можетъ нанести ему наибольшій уронъ путемъ напр. возстанія. Многоженство и обиліе наслѣдниковъ приводитъ къ частымъ дворцовымъ переворотамъ, особенно послѣ смерти султана. Все это заставляетъ суданскихъ властителей обращать особенное вниманіе на свое войско, въ которомъ главную часть составляетъ иррегулярная кавалерія; за ней слѣдуетъ „пѣхота“, которая вербуется изъ чернокожихъ и рѣдко бываетъ вооружена огнестрѣльнымъ оружіемъ. Конные воины обладаютъ разнокалибернымъ вооруженіемъ и блистаютъ другъ передъ другомъ роскошью одежды. Они одѣты въ пестрыя, ниспадающія до колѣнъ одежды, бѣлаго, краснаго и голубого цвѣтовъ; широкія шаровары достигаютъ до колѣнъ, и низъ ноги остается обнаженнымъ. Голова покрыта феской или тюрбаномъ. На голыхъ ногахъ они носятъ подобіе нашихъ пристяжныхъ шпоръ, которыя привязаны къ пяткѣ ремнемъ и снабжены тремя желѣзными шипами. Лошади довольно рослыя. Болѣе крупныя предназначаются для предводителей. Сильно сдвинутое спереди сѣдло имѣетъ длинную острую переднюю луку, широкую заднюю и напоминаетъ средневѣковыя сѣдла, употреблявшіяся при турнирахъ. Четырехугольный чапракъ изъ пестрой матеріи подбитъ у многихъ шкурой антилопы, стремена изъ мѣди или желѣза. Ногу въ стремя всадники ставятъ такимъ образомъ, что большой палецъ остается снаружи. Всѣ всадники вооружены длиннымъ копьемъ, а немногіе изъ нихъ, кромѣ того, еще и короткимъ мечемъ.

„Когда всадники наконецъ собрались,—разсказываетъ одинъ очевидецъ суданскаго парада,“ всего около 300 человѣкъ, то сначала отдѣльныя кучки, а потомъ и весь отрядъ началъ въ безпорядочномъ строю атаку на опредѣленный заранѣе пунктъ, причемъ лошади сначала тронулись шагомъ, затѣмъ перешли въ галопъ и наконецъ въ самый бѣшеный карьеръ. Ѣзды рысью здѣсь совсѣмъ не знаютъ. Все это сопровождалось нечеловѣческимъ воемъ. Послѣ атаки у многихъ лошадей струилась кровь изо рта и изъ боковъ.

Хотя суданскіе воины не представляютъ регулярной кавалеріи, зато они оказываются выдающимися наѣздниками. Посадка ихъ безукоризненна; верхняя часть туловища и ноги до колѣнъ совершенно неподвижны, ступнями же, вооруженными шпорами, они двигали въ тактъ галопа. Лишь при самомъ быстромъ аллюрѣ туловища ихъ склонялось слегка впередъ. Окончивъ атаку, они склонили копья, которыя держали до тѣхъ поръ поднятыми кверху, надъ головами лошадей.

Послѣ захода солнца весь отрядъ на взмыленныхъ лошадяхъ разъѣхался по домамъ.

Всадникъ сходилъ передъ своимъ домомъ съ лошади и передавалъ ее конюхамъ-рабамъ, которыхъ на лошадь полагалось по крайней мѣрѣ два. Они разсѣдлывали ее и, привязавъ за переднюю ногу къ колу, въ пѣнѣ, обмывали холодной водой. Кормомъ лошадямъ служитъ трава, даваемая въ изобиліи. Зерновой кормъ дается имъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ, и приходится удивляться, какъ лошадь можетъ сохранять выносливость при одномъ лишь зеленомъ кормѣ.

Принятое въ пѣшихъ войскахъ боевое построеніе таково: въ серединѣ помѣщаются копьеносцы, съ огромными щитами изъ буйволовой кожи, между ними разставлены вооруженные луками, а фланги занимаютъ отдѣльные воины съ ружьями. Музыка остается позади фронта и снабжена длинными мѣдными трубами".

Въ настоящее время дни независимаго существованія суданскихъ государствъ сочтены. Всѣ они, если не на дѣлѣ, то по международнымъ трактатамъ, подпали протекторату европейскихъ державъ, колоніи которыхъ, располагаясь въ сосѣдствѣ Судана и разрастаясь, включили, наконецъ, въ свои предѣлы и его. Одной изъ существенныхъ причинъ, подорвавшихъ силу государей, явился упадокъ торговли, особенно торгъ невольниками. Съ тѣхъ поръ какъ англичане, французы и нѣмцы утвердились на гвинейскомъ побережьи и принялись развивать колоніальную дѣятельность, въ Суданъ усилился ввозъ товаровъ съ юга, особенно по Нигеру и Бенуэ. Это сильно подорвало караванную торговлю, которая велась съ сѣверной Африкой черезъ Сахару, и которая находилась, если не въ рукахъ, то подъ сильнымъ вліяніемъ туземныхъ государей. Многолюдные города стали приходить въ упадокъ и уступали свое мѣсто другимъ. Такую судьбу испыталъ, напр., Тимбукту на Нигерѣ, средоточіе мусульманской учености и фанатизма, хотя въ самое послѣднее время городъ опять начинаетъ подыматься.

Раньше уже было сказано, что господствующей народностью въ западномъ Суданѣ, а также отчасти и въ центральномъ, являются фульбе. Эта сравнительно свѣтлокожая и одаренная отъ природы народность появилась здѣсь въ средніе вѣка. Фульбе покорили туземныя негритянскія племена, какъ напр. іолофовъ и бамбара, приняли исламъ и въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. заняли при Шейхъ Отманѣ господствующее положеніе во всѣхъ западно-суданскихъ государствамъ, именно въ Каартѣ, Фута-Джалонѣ, Самори, Сегу, Массинѣ, Гандо и другихъ. Родственная имъ народность, хаусса, утвердились на среднемъ Нигерѣ, Бенуэ и при западномъ берегѣ Цада, основавъ рядъ другихъ государствъ, какъ Іоруба, Нупе, Сокото, Борну, Канемъ (по ту сторону Цада). Въ окрестностяхъ Цада господствующую народность составляютъ канури. Въ концѣ концовъ всѣ эти народности, вѣроятно, одного хамитическаго корня и распространились сюда съ востока. Многіе изъ нихъ до сихъ поръ по преимуществу скотоводы. Развитіе торговли и городовъ превратило однихъ въ ремесленниковъ и торговцевъ, плодородіе почвы заставило другихъ принятся за земледѣліе. Смѣшавшись съ черными туземцами съ одной стороны, съ арабами и берберами съ другой, фульбе подняли культурный типъ населенія Судана и облегчили тѣмъ введеніе ислама. Благодаря этому Суданъ, отличаясь отъ сѣвернаго побережья Африки своимъ населеніемъ, по культурѣ очень сходенъ съ нимъ; только культура эта обѣднѣла, потеряла свои яркія краски, изящныя мавританскія формы, слѣды которыхъ сохранились на сѣверѣ.

Весь западный Суданъ подпалъ теперь протекторату Франціи. Но владѣнія Франціи простираются и далѣе на востокъ вдоль сѣверо-восточнаго берега озера Цадъ, захватываютъ часть центральнаго (Багирми) и восточнаго Судана(Вадаи) и протягиваются отсюда на югъ, смыкаясь съ французскимъ Конго. Бассейнъ нижняго Нигера и Бенуэ, включающій лучшія части центральнаго Судана, захваченъ англичанами (Нигерія), между тѣмъ какъ участокъ при южномъ берегѣ Цада входитъ въ составъ нѣмецкаго Камеруна (Адамауа). Даръ-Форъ, Кордофанъ и Сенааръ, составлявшіе на короткое время развитія

махдизма, халифатъ, вновь присоединены усиліями англичанъ къ Египту и сливаются на югѣ съ Экваторіей.

Согласно своимъ собственнымъ преданіямъ фульбе выселились нѣкогда изъ восточной Африки на верховья Сенегала, подтвержденіемъ чему служитъ сходство ихъ языка съ языкомъ сомалійцевъ. Отсюда они стали переселяться въ обратномъ направленіи въ качествѣ завоевателей, и въ настоящее время они господствуютъ не только въ западномъ и центральномъ Суданѣ, но представляютъ уже замѣтную часть населенія въ Багирми, въ Вадаи и даже въ Даръ-Форѣ. Въ то время какъ арабы, вторгаясь въ страну, довольствовались мѣстомъ для кочевья, не подчиняя себѣ обитателей, фульбе, наоборотъ, являлись всюду завоевателями. „Въ высшей степени интересно,—замѣчаетъ Бартъ,—наблюдать непрерывные успѣхи этихъ завоевателей и колонистовъ; они разрушаютъ и строятъ вновь, уничтожаютъ цѣлыя области, но съ тѣмъ чтобы снова возстановить ихъ на свой образецъ. Потери, проистекающія при этомъ въ численности населенія и въ его благосостояніи, возмѣщаются установленіемъ политическаго единства". Представлявшіе вначалѣ, какъ всѣ восточно африканцы, кочевниковъ, фульбе, по крайней мѣрѣ большинство ихъ, съ теченіемъ времени сдѣлались осѣдлыми и превратились въ земледѣльцевъ, хозяйничающихъ при помощи покоренныхъ и обращенныхъ въ рабство негровъ. Вслѣдствіе этого осѣдлые фульбе замѣтно начинаютъ смѣшиваться съ неграми и теряютъ чистоту типа, которая сохраняется у такъ называемыхъ „бороро", т. е. кочевыхъ фульбе, образъ жизни которыхъ вполнѣ напоминаетъ то, что мы видѣли у арабовъ.

По своему типу фульбе ни въ какомъ случаѣ не представляетъ негра. Отъ послѣднихъ фульбе отличаетъ не одинъ только свѣтлый цвѣтъ кожи, который, кстати сказать, темнѣе у чистокровныхъ фульбе (у бороро). У самыхъ свѣтлыхъ фульбе цвѣтъ кожи свѣтло-желтый съ красноватымъ оттѣнкомъ. Дальнѣйшимъ и главнымъ отличіемъ отъ негровъ является строеніе костяка и мускулатуры; фульбе обладаютъ тонкими костями и сухой, крайне выносливой мускулатурой, благодаря чему фигура у нихъ очень стройная, и они, подобно жителямъ пустыни, способны выносить самыя крайнія лишенія и усилія при скудномъ питаніи. Форма головы у нихъ продолговатая, лобъ крутой, лицо длинное, узкое, носъ прямой, узкій, съ маленькими тонко очерченными ноздрями, губы тонкія. Волосы у нихъ длинные, черные, блестящіе и волнистые, но отнюдь не шерстистые, какъ у негровъ. Женщины отличаются своей красотой и въ молодости очень худощавы. Вообще фульбе безспорно самый красивый, стройный народъ во всей центральной Африкѣ.

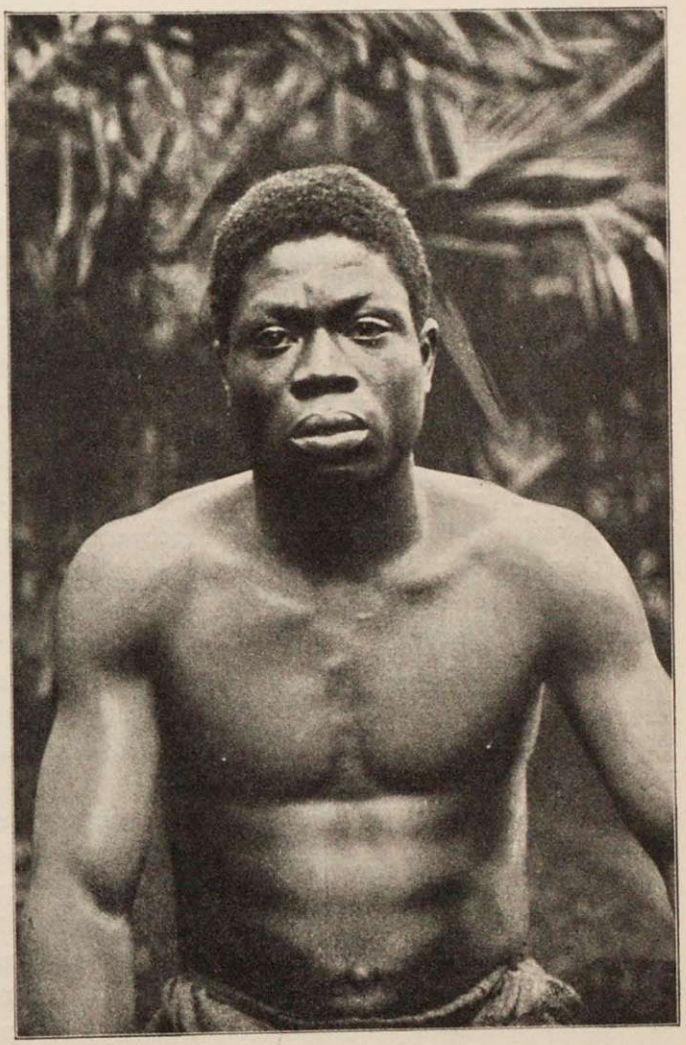
Не менѣе чѣмъ тѣломъ отличаются фульбе отъ негровъ своимъ характеромъ. По мнѣнію Пасарга типъ фульбе по характеру—смягченный типъ жителя пустыни. Фульбе, какъ другіе кочевники, воины. Трудъ, ремесла и торговля не ихъ дѣло. Фульбе болѣе серьезенъ и солиденъ, чѣмъ негръ, менѣе его болтливъ и не такъ легкомысленъ.

По умѣнью и привычкѣ владѣть собою, сдерживая и управляя своими страстями и желаніями, фульбе ничѣмъ не отличаются отъ европейцевъ. Имъ нельзя отказать въ энергіи, въ гордости и въ чувствѣ собственнаго достоинства. Вмѣстѣ съ тѣмъ фульбе сильно чувствуютъ ненависть и умѣютъ таить ее. Вообще у нихъ много характера, а потому фульбе болѣе крупные мошенники, чѣмъ негры, и ихъ непріятно имѣть врагами. Эти же черты способствуютъ развитію въ нихъ религіознаго фанатизма, къ которому негръ совершнно неспособенъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ съ фульбе удобнѣе имѣть дѣло, потомучто они пріятнѣе въ обращеніи, любезнѣе и понятливѣе.

Уступая неграмъ въ способностяхъ къ торговлѣ и ремесламъ, фульбе далеко превосходятъ ихъ своею культурностью: у нихъ развито умѣнье читать коранъ и нѣкоторыя другія книги, многіе умѣютъ бѣгло писать по арабски, хотя говорятъ они на своемъ хамитическомъ нарѣчіи, извѣстномъ подъ названіемъ фульфульбе. Пища у сельскихъ фульбе

очень простая, по преимуществу растительная, вмѣстѣ съ тѣмъ они не пьютъ никакихъ опьяняющихъ напитковъ и не курятъ табаку.

Въ городахъ, конечно, дѣло обстоитъ иначе. Жилища фульбе представляютъ общесуданскій типъ, но съ нѣкоторыми особенностями. Три, четыре мазанки подъ соломенной кровлей, составляющія дворъ, разставлены не какъ попало, какъ у негровъ, а въ видѣ круга или элипса; всѣ они соединены глинобитной стѣной или развѣшанными въ видѣ ширмъ рогожами. Въ промежуткахъ между хижинами возвышаются громадные, такой же почти вышины глиняные сосуды, изъ которыхъ въ одномъ хранится зерно, другой служитъ цистерной для воды. Хижины большія, такъ какъ служатъ помѣщеніемъ не для однихъ людей, но и для скота. Въ хижинѣ хозяина стоитъ на готовѣ привязанная къ столбу его лошадь. Убранство дома свидѣтельствуетъ о значительной культурности хозяйства, которое доставляетъ нужныя утварь, оружіе и украшенія въ обмѣнъ на производимые имъ продукты, что свидѣтельствуетъ о значительномъ подъемѣ и развитіи земледѣлія, ремеслъ и торговли. Поселенія очень различны по размѣрамъ. Величина ихъ зависитъ отъ того, кто въ нихъ живетъ, и отъ того, на сколько фульбе чувствуютъ себя хозяевами въ данной мѣстности. Такъ какъ въ средѣ этихъ завоевателей замѣчается неизбѣжно связанное съ войной и покореніемъ сосѣдей возникновеніе сословій, то поселенія „ламидо“ (на языкѣ фульбе „рибаго“), представляющихъ нѣчто вродѣ средневѣковыхъ маркграфовъ, или менѣе важныхъ вождей, называемыхъ „джоро“, составляютъ почти городки, въ которыхъ кругомъ двора могущественнаго вождя размѣщаются дворы пришельцевъ-завоевателей, чувствующихъ, что благосостояніе ихъ связано съ ихъ воинственной привычкой тѣсно держаться другъ друга. Такія поселенія, если они являются центрами значительныхъ областей, представляютъ уже укрѣпленные города (Іола, Тибати) съ населеніемъ болѣе чѣмъ въ 10.000 душъ и служатъ въ то же время базарами и рынками, на которыхъ совершается оживленный обмѣнъ разнообразныхъ товаровъ. Еще болѣе заслуживаютъ названія города резиденціи султановъ, которыя, кромѣ зубчатой стѣны съ бойницами и башнями, опоясаны нерѣдко тройнымъ рядомъ рвовъ и бастіоновъ. Простыя селенія различаются въ зависимости отъ того, живутъ ли въ нихъ вольные люди (въ такомъ случаѣ селеніе называется „уро“) или исключительно крѣпостные или рабы,



Негръ изъ племени Іоруба.

деревни которыхъ носятъ названіе „румде“. Травяныя хижины, сооружаемыя бороро на пастбищахъ, называются „сонго“.

Что касается государственнаго строя, то въ этомъ случаѣ взаимныя отношенія завоевателей и покоренныхъ неизбѣжно вызываютъ къ жизни такія же формы военной организаціи побѣдителей, съ какими мы знакомы по исторіи Западной Европы въ средніе вѣка. „Сходство съ ленной системой средневѣковой Германіи въ этомъ отношеніи прямо поразительное“, замѣчаетъ изслѣдователь быта фульбе Гуттеръ. *) Подобно арабамъ фульбе выступаютъ въ бой конными. Вооруженіе ихъ состоитъ изъ копья, метательныхъ дротиковъ и прямого меча. Изъ покоренныхъ негровъ они создали вспомогательныя пѣшія дружины.

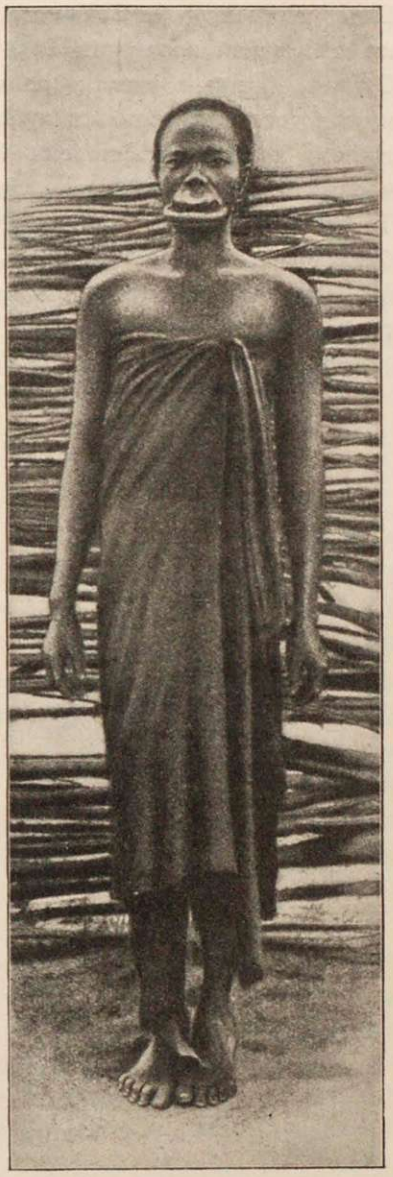
Другою, также въ извѣстномъ смыслѣ господствующею народностью Судана, являются хаусса. Поскольку фульбе воины по преимуществу, постольку хаусса купцы. Этимъ объясняется чрезвычайная разсѣянность народности: про хаусса можно сказать, что они встрѣчаются въ Суданѣ всюду. Въ этомъ же причина, почему подъ именемъ хаусса трудно описать опредѣленную народность: они поглотили въ себя въ каждой мѣстности, гдѣ появлялись, столько постороннихъ элементовъ, что потеряли собственную племенную физіономію. Отношенія между фульбе и хаусса въ Суданѣ напоминаютъ то, что мы наблюдаемъ у себя въ Туркестанѣ по отношенію къ узбекамъ и таджикамъ: первыхъ легко выдѣлить, какъ опредѣленную народность, таджики же представляютъ самую разнообразную смѣсь съ рѣшительнымъ преобладаніемъ арійской крови. То же самое произошло съ хаусса въ Суданѣ—чистокровные несмѣшанные съ туземцами представители этой народности рѣдко гдѣ уцѣлѣли въ Суданѣ. Хаусса прирожденный купецъ, а также и ремесленникъ. Благодаря этимъ особенностямъ хаусса играютъ Суданѣ очень важную роль: племя это оживляетъ народную дѣятельность, цементируетъ воедино разнообразныя племена и способствуетъ ихъ прогрессу на пути культурныхъ успѣховъ. Сравнительно въ недавнее время они господствовали въ западномъ Суданѣ, гдѣ ими было основано около 14 государствъ. Повидимому, сюда явился съ сѣвера какой то народъ, покорилъ черныхъ, смѣшался до извѣстной степени съ ними, послѣ чего возникло обозначеніе „хаусса“. Торговля создаетъ богатство, а богатство даетъ власть. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что хаусса возвратили себѣ утраченное послѣ вторженія фульбе господство, особенно въ послѣднее время, когда источникъ обогащенія завоевателей, работорговля, упала, и скотскіе падежи сократили численность стадъ, вслѣдствіе чего фульбе обѣднѣли и впали въ долговую зависимость отъ предпріимчивыхъ, дѣятельныхъ купцовъ-хаусса.

Хаусса отличаются живостью и веселой ровностью характера; въ умственномъ отношеніи они превосходятъ всѣ негритянскія племена. Они красивы, хорошо сложены, отличные мастера, способные ремесленники. Впрочемъ относительно внѣшности ихъ слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ случаѣ все зависитъ отъ мѣстности и среды, гдѣ живутъ хаусса. Въ однихъ областяхъ ихъ внѣшность характеризуютъ чисто негритянскими чертами, въ другихъ, по описанію, они приближаются къ берберамъ, въ третьемъ случаѣ ихъ мало отличаютъ отъ арабовъ; словомъ—опредѣленный типъ хаусса отсутствуетъ, всюду наблюдаются переходы къ типамъ живущихъ бокъ о бокъ съ ними племенъ.

Низшій слой населенія Судана, получающій, чѣмъ далѣе на югъ, тѣмъ все большее преобладаніе, представляютъ разныя негритянскія племена, извѣстныя у суданцевъ подъ общимъ именемъ „мусгу“. Собственно этимъ именемъ называется многочисленное племя, обитающее къ югу отъ Цада, въ области впаденія въ него южныхъ притоковъ. Мусгу—негры, хотя и не такіе опредѣленные, какъ обитатели центральной Африки. Хотя лобъ у нихъ довольно высокій и не скошенный и черты лица довольно правильныя, тѣмъ не менѣе сильно выступающія надбровныя дуги, большія ноздри вдавленнаго носа, толстыя

*) Globus 1905. №21 стр. 370.

губы, выдающіяся скулы и строеніе волосъ придаютъ ихъ физіономіямъ вполнѣ негритянскій характеръ. Особенно непріятно поражали изслѣдователей грязно-черный цвѣтъ кожи и кривыя ноги въ видѣ буквы х. Въ умственномъ отношеніи мусгу довольно способное племя, воспріимчивое къ культурѣ. Тѣмъ характернѣе полная раздробленность этого большого племени, дѣлающая его легкой добычей и постоянной жертвой сѣверныхъ сосѣдей. Каждая община мусгу представляетъ замкнутое цѣлое, избѣгающее сношеній съ сосѣдней въ такой степени, что когда султанъ Багирми вторгался въ ихъ страну съ цѣлью охоты за рабами, смежная община не подозрѣвала ужасовъ, происходившихъ рядомъ, и не принимала никакихъ мѣръ защиты, пока непріятель не появлялся на ея территоріи. Политическая раздробленность этого многолюднаго племени стоитъ въ странномъ противорѣчіи съ ихъ относительной культурностью. Мусгу старательные хлѣбопашцы: поля ихъ огорожены, среди нихъ посажены дающія тѣнь деревья, передъ посѣвомъ земля даже унаваживается. Круглыя лѣпныя хижины съ ползучими растеніями по стѣнамъ содержатся чисто и свидѣтельствуютъ своимъ внутреннимъ убранствомъ объ извѣстной культурности обитателей. Посреди деревни разстилается обыкновенно круглый, выкопанный жителями для своихъ потребностей прудъ. Наряду съ этимъ поражаютъ вкусы мусгу, проявляющіеся въ уродливыхъ украшеніяхъ: мужчины носятъ прически въ видѣ роговъ, среди женщинъ распространенъ обычай вставлять въ просверленныя губы большія плоскія пластинки изъ металла или кости, которыя, ударяясь другъ о друга при разговорѣ, сопровождаютъ рѣчь своимъ щелканьемъ.



Женщина изъ племени Мусгу.

Среди другихъ домашнихъ животныхъ мусгу держатъ лошадей, которыми пользуются для ѣзды верхомъ—обычай, заимствованный отъ арабовъ. Бартъ разсказываетъ, что негры эти, не зная сѣделъ, прибѣгаютъ къ странному обычаю съ цѣлью сообщить твердость своей посадкѣ при быстрой ѣздѣ: они надрѣзаютъ кожу на спинѣ животнаго, часто также на бокахъ, чтобы сочащаяся и засыхающая кровь, подобно клею, помогала всаднику держаться на конѣ. Въ боевомъ снаряженіи ихъ сохранилось древнее суданское оружіе, выходящее изъ употребленія у сосѣднихъ племенъ — метательное желѣзо, представляющее нѣчто вродѣ ножа съ нѣсколькими, направленными въ разныя стороны лезвіями.

Съ мусгу сходны другія племена центральнаго Судана, какъ батта, марги, бая и сборная народность тикаръ. Всего ниже изъ здѣшнихъ племенъ стоятъ фалли. Многіе изъ нихъ, какъ напр. тангале, придерживаются людоѣдства, поѣдая впрочемъ только трупы павшихъ на полѣ битвы непріятелей.

Въ западномъ Суданѣ господствующими народностями, стоящими на той же степени культурности, какъ описанные нами фульбе, хаусса и мусгу, являются іолофы или волофы и мандинго.

Въ восточномъ Суданѣ лежатъ Вадаи, Даръ-Форъ, Кордофанъ и Сеннаарь, гдѣ

*

господствующей народностью являются арабы, всосавшіе въ себя достаточное количество негритянской крови. Здѣсь, вслѣдствіе болѣе скудной степной природы мѣстности, земледѣліе и промышленная дѣятельность развиты среди чернокожаго населенія слабѣе, особенно въ южныхъ частяхъ. Вадаи, которое занимаетъ выгодное центральное положеніе между бассейнами Нила, Цада и сѣвернымъ берегомъ Африки, благодаря также перевѣсу арабскаго элемента, было всегда наиболѣе организованнымъ и могущественнымъ государствомъ Судана. Столица его Абешръ лежитъ на перекресткѣ дорогъ отъ Цада къ Нилу, отъ Триполи къ Конго. Даръ-Форъ и Кордофанъ примыкаютъ на югѣ къ египетской провинціи Бахръ-Газалъ и составляютъ вмѣстѣ съ Сенааромъ Египетскій Суданъ. Степные участки заняты здѣсь скотоводами, изъ которыхъ одни кочуютъ, это преимущественно арабскія и нубійскія племена (кабабишъ, шукуріэ, далѣе къ сѣверу между Ниломъ и Краснымъ моремъ бени-гассанъ, хадендоа, бишаринъ); другіе, преимущественно черныя племена, какъ напр. форъ, живутъ осѣдло, связывая скотоводство съ земледѣліемъ. Торговля направляется къ Нилу и сосредоточивается въ Хартумѣ, который при махди былъ брошенъ въ пользу вновь основаннаго на противоположномъ берегу Нила Омдурмана, но послѣ паденія эфемернаго халифата Хартумъ обстроился заново и сталъ вновь средоточіемъ Восточнаго Судана.

Н. Березинъ.

Восточная Африка.

Пространства восточной Африки.—Природа страны.—Общія условія разселенія племенъ и распространенія культуры. — Уахума и массаи, какъ типическія пастушескія племена.—Уганда.—Смѣшанныя племена водораздѣла Конго и Нила.

Восточная Африка, какъ въ отношеніи природы, такъ и по населенію, его культурѣ и по историческому прошлому имѣетъ кое что общее съ Суданомъ. Въ данномъ случаѣ подъ восточной Африкой слѣдуетъ понимать удлиненную полосу, представляющую въ общемъ высокое плоскогорье, которое простирается отъ береговъ Краснаго моря и Аденскаго залива до Замбези на югъ, занимая все пространство между Индійскимъ океаномъ и до западнаго края великихъ озеръ. За исключеніемъ Абессинской горной страны и нѣсколькихъ высокихъ вулканическихъ группъ, какъ Рунзоро, Кенія, Килиманджаро, плоскогорье имѣетъ то плоскій, то волнистый видъ и изборождено съ одной стороны ложбинами рѣкъ, стремительно несущихся къ океану (Джубъ, Тана, Пангани, Руфиджи, Ровума), съ другой — разверзаетъ въ себѣ глубокія, щелеобразныя впадины, заполненныя цѣпью длинныхъ озеръ (Рудольфъ, Альбертъ, Альбертъ-Эдвардъ, Киву, Танганика, Ньясса), расположившихся вдоль полосы опусканій или грабеновъ, столь замѣчательныхъ для этой области стараго Свѣта. Высота плоскогорья достигаетъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ превосходитъ 1000 метровъ; тѣмъ поразительнѣе видъ на озерные бассейны съ крутизны берега, обрывающагося мѣстами отвѣсно къ водѣ. „Здѣсь,—пишетъ Стэнли относительно Альберть-Ньянцы,—на все смотришь сквозь слои слегка клубящихся паровъ неизвѣстной толщины, и чрезъ это густое покрывало поверхность озера похожа на запыленную ртуть или на пластину матоваго серебра, обрамленнаго тусклыми и неясными очертаніями желтовато бураго материка“. Глубокія ложбины, какъ напр. долина Землики, соединяютъ эти озера, составляя вмѣстѣ съ ними естественную границу, отрѣзающую восточную Африку отъ бассейна Конго. Въ этихъ ложбинахъ широкими волнами медленно движется бѣлоснѣжный туманъ, атмосфера душна и влажна, какъ въ теплицѣ. Но достаточно подняться наверхъ, чтобъ очутиться на высотѣ нагорья въ знойной, сухой атмосферѣ. Къ западу, почти непосредственно за озерами простирается сплошной лѣсъ, въ которомъ узкіе перерывы обозначаютъ направленіе потоковъ, струящихся уже въ другой океанъ.

Съ пологаго гребня какого-нибудь водораздѣла передъ глазами развертывается, уходя вдаль, слабо-волнистая саванна или степь, по свѣтлозеленой или опаленно-выгорѣвшей

поверхности которой—смотря по сезону,—раскиданы тамъ и сямъ темныя рощи и вьются во всѣ стороны, какъ гигантскія змѣи, галерейные лѣса, окаймляющіе узкими полосами водные потоки. Вдали, при сухой погодѣ, надъ слоистой пеленой облаковъ еле еле мерцаетъ какая-нибудь отдаленная снѣговая вершина. Въ зависимости отъ высоты надъ моремъ и количества дождя, отъ времени года пейзажъ мѣняется, но мѣстность сохраняетъ основныя черты своего строенія. Это все таки плоскогорье, лишенное сплошныхъ лѣсовъ, съ преобладаніемъ саванны и степи, которая беретъ перевѣсъ надъ первой, чѣмъ дальше къ сѣверу, къ берегамъ Краснаго моря и Аденскаго залива. Громадное количество осадковъ, приносимыхъ съ Индійскаго океана лѣтнимъ монсуномъ, является причиной затопленія впадинъ плоскогорья, въ которыхъ въ это время образуются болота; дожди поднимаютъ уровень воды въ рѣкахъ, способствуя необычайному развитію густыхъ, высокихъ зарослей водныхъ растеній, чаще всего папируса, особенно въ области сліянія верхнихъ притоковъ Нила. Не разъ случалось, что толстый коверъ этой растительности затягивалъ всю поверхность верхняго Нила на протяженіи десятковъ верстъ и такимъ образомъ прекращалъ на цѣлые годы сообщеніе по рѣкѣ, пока особенно высокій разливъ не прорывалъ преграды. Ливни въ теченіи десяти и болѣе часовъ, сопровождаемыя страшными грозами, разражаются въ серединѣ лѣта (іюнь) и приносятъ массу воды, которую рѣки не въ состояніи унести въ теченіе цѣлаго года, благодаря чему она остается стоять въ высокихъ озерныхъ резервуарахъ, величайшимъ изъ которыхъ является озеро Викторія. Но проходитъ дождливое время, палящій зной сушитъ сочную наземную растительность, почти лишаетъ деревья листвы, и тогда саванна получаетъ на долго унылый видъ и однообразный колоритъ.

Въ этомъ причина, почему значительныя пространства восточной Африки, при низкомъ уровнѣ культуры, представляютъ больше удобствъ для скотоводческаго хозяйства, чѣмъ для чистаго земледѣлія. Скотоводы вторгались сюда съ сѣвера во всѣ времена. Были ли они культурнѣе туземныхъ обитателей - трудно рѣшить. Несомнѣнно однако, что скотоводы хамиты обнаруживали извѣстное превосходство надъ черными туземцами, въ качествѣ племенъ болѣе высокой породы, и уже конечно имѣли перевѣсъ надъ земледѣльцами благодаря своей подвижности, воинственности и большей сплоченности, создаваемой условіями родового быта. Изслѣдованія показываютъ, что эти сѣверные выходцы проникали далеко на западъ и на югъ, такъ что бечуаны, матабеле, зулу, базуто и другія кафрскія племена являются какъ бы передовымъ авангардомъ этихъ переселеній, сильно потерпѣвшими отъ смѣшеній съ черными, происходившихъ на пути ихъ движенія, но сохранившими еще физическій типъ и строй прежней жизни.

Внѣдряясь въ область лѣса на юго-западѣ и западѣ, эти народности заняли населенную неграми широкую полосу, образовавъ такимъ образомъ теперь племена смѣшаннаго типа. Они почти вездѣ пріобрѣтали господство надъ аборигенами и, подобно фульбе и хаусса въ Суданѣ, создавали государства, подготовляя тѣмъ почву для ислама. Послѣдній не замедлилъ распространиться въ восточной Африкѣ вмѣстѣ съ арабами, которыхъ на занзибарскомъ побережьи засталъ еще Васко-да-Гама. Съ тѣхъ поръ арабы проникали отъ береговъ океана все глубже внутрь Африки, и когда въ бассейнѣ верхняго Конго, въ самомъ сердцѣ чернаго материка, появились первые изслѣдователи европейцы, они могли убѣдиться, что арабы уже предупредили ихъ здѣсь. Въ отдаленныя времена, когда сами арабы не исповѣдывали еще ислама, они не основывали въ восточной Африкѣ государствъ, и если появлялись среди чернокожихъ, то не въ качествѣ завоевателей, а въ качествѣ торговцевъ. Лишь съ возникновеніемъ новой религіи торговые склады и конторы арабовъ стали получать политическое значеніе; побережье восточной Африки было захвачено ими и оставалось въ ихъ рукахъ, несмотря на появленіе здѣсь европейцевъ, именно португальцевъ. Въ XVII ст. имамы Маската подчинили себѣ главные пункты побережья, среди которыхъ особенное значеніе получилъ о. Занзибаръ. Съ этого времени вторженіе арабовъ

внутрь материка усилилось, увеличилось вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ вліяніе, которое однако никогда не достигало въ восточной Африкѣ такихъ размѣровъ, какъ въ Египтѣ и Нубіи.

Такимъ образомъ характерныя особенности обитателей восточной Африки создавались подъ вліяніемъ слѣдующихъ явленій: въ среду черныхъ земледѣльцевъ страны вторгались съ сѣвера болѣе свѣтлые скотоводы; вездѣ, гдѣ природа мѣстности покровительствовала скотоводству, пришельцы сохранили эту форму хозяйства; они либо вытѣсняли прежнихъ обитателей, либо подчиняли ихъ себѣ. Вездѣ между тѣми и другими происходили смѣшенія, которыя сильно измѣняли типъ населенія и вліяли на его бытъ. Затѣмъ съ сѣвера и востока появились арабы.

Было бы трудно ознакомиться здѣсь со всѣми многочисленными племенами этой области. Ихъ такъ много, столько сходства между группами ихъ, что гораздо цѣлесообразнѣе ограничиться описаніемъ наиболѣе типичныхъ изъ нихъ.

Громадное пространство къ югу отъ Абессиніи, въ составъ котораго входитъ также Сомалійскій полуостровъ, и которое простирается на югъ до и за экваторъ, а на западъ до влажныхъ областей верхняго Нила и до великихъ озеръ, занято по преимуществу хамитическими народностями, ведущими скотоводческое хозяйство. Главными изъ нихъ являются галла, сомали и массаи. Галла занимаютъ мѣстности, охватывающія Абессинію съ юга; сомали населяютъ полуостровъ того же названія, а массаи, проникшіе далѣе всего на югъ, заселяютъ даже подножіе Килиманджаро, гдѣ присутствіе этого разбойчьяго народа часто стѣсняло караванныя сношенія Занзибара съ Угандой. Познакомимся съ образомъ жизни этого типичнаго пастушескаго племени восточной Африки.

Масаи или, какъ они сами себя называютъ, ольмасаи, представляютъ наиболѣе интересное и въ то же время наиболѣе сильное племя восточной Африки. Съ перваго же взгляда бросается въ глаза рѣзкое отличіе этого народа отъ живущихъ къ югу негровъ, и на самомъ дѣлѣ онъ представляетъ особую расу. Въ то время, какъ южныя племена принадлежатъ къ обширному семейству, которое на основаніи сходства языковъ стали называть Банту, масаи представляютъ собой южный отпрыскъ распространенной далѣе къ сѣверу нильской группы, врѣзавшійся, подобно клину, въ страну, населенную племенами Банту. Разныя, обитающіе къ сѣверу отъ нихъ, черныя племена сливаются съ шиллуками и бари, живущими по Нилу. Страна, занимаемая масаи, простирается къ югу до 6^0 ю. ш. Восточная ея граница проходитъ по верхнему теченію рѣки Пангани, и, обогнувъ съ сѣвера подножье Килиманджара, достигаетъ Кимангеліи. Западная граница точно неизвѣстна, но во всякомъ случаѣ можно предполагать, что она простирается до 35^0 в. д. отъ Гринича. Страна масаи дѣлится на области, а эти послѣднія на округа. Масаи типичное пастушеское племя, но кочуютъ они съ мѣста на мѣсто лишь въ предѣлахъ своихъ округовъ и лишь когда, этого требуютъ интересы скотоводства.

Масаи крѣпко оберегаютъ свои первобытные нравы и обычаи и избѣгаютъ смѣшенія съ другими народами. Во внѣшности ихь негритянскій типъ выраженъ весьма слабо; сложены они очень хорошо, ростъ выше средняго; мускулатура развита пропорціонально, цвѣтъ кожи шоколадно-коричневый, подбородокъ заостренный, выдающійся, носъ менѣе приплюснутъ, чѣмъ у настоящихъ негровъ. Губы тонкія, разрѣзъ глазъ очень удлиненный, горизонтальный. Волосы изрядно курчавы, но гораздо мягче, чѣмъ у негровъ, и ростъ ихъ менѣе обильный. Тѣло сильное, пропорціонально развитое, кисти рукъ и ступни ногъ необыкновенно тонки. Выраженіе лица у юношей нѣсколько женственное; вообще же мужчины красивѣе женщинъ, которыя болѣе приближаются къ негритянскому типу; волосы у нихъ курчавѣе и цвѣтъ лица темнѣе. Молодыя дѣвушки очень миловидны, но, выйдя замужъ, быстро старѣются и превращаются въ ходячіе скелеты, обтянутые вялой, морщинистой кожей, мужчины же и въ зрѣломъ возрастѣ сохраняютъ красивую стройную фигуру.

Маленькія дѣти носятъ у масаи названіе „нгераи“, маленькіе мальчики называются „лайонъ“, постарше—„барноти“. „Барноти“ превращается въ „моранъ“ и затѣмъ въ „моруо“. Дѣвушки называются „дойе“ (чаще „дитто“), замужнія женщины—„сьянгики“. Пожилыя женщины носятъ названіе „гого“, совсѣмъ старухи—„гого олаи“.

На 12—14 году „барноти“ подвергается операціи обрѣзанія, для чего удаляется вмѣстѣ со сверстниками, товарищами по несчастію, въ лѣсъ. Тамъ барноти долженъ, спустя 2—3 недѣли, застрѣлить изъ лука маленькую птичку.

Дѣвушка вступаетъ въ свѣтъ, т. е. покидаетъ родной крааль (селеніе) и переходитъ въ военную деревню, гдѣ проводитъ нѣсколько лучшихъ лѣтъ, пока не выйдетъ замужъ или, попросту говоря, пока ее не купятъ. Обычаи страны требуютъ, чтобы женатые и холостые жили въ разныхъ краалях. Такъ въ краалѣ племени Бумба посѣтившимъ его путешественникамъ попадались лишь пожилые женатые мужчины, женщины и дѣти, молодежь же обитаетъ отдѣльно, въ такъ называемыхъ военныхъ деревняхъ, часто очень далеко отъ родныхъ краалей.

Дѣти изъ племени васита (В. Африки).

Достигнувъ 15—16 лѣтъ, барноти превращается въ „моранъ“ т. е. въ воина и покидаетъ родной крааль. Живя съ родителями, онъ употреблялъ всякую пищу безъ разбора, какъ мясную, такъ и растительную, теперь же онъ долженъ питаться лишь мясомъ и молокомъ попеременно. Нѣкоторые путешественники разсказываютъ, что, при переходѣ отъ молока къ мясу и обратно масаи, будто бы, принимаютъ рвотное, но сообщеніе это не провѣрено. „Моранъ“ не можетъ ни ѣсть растительной пищи, ни пить напитка, приготовляемаго изъ меда, ни жевать табакъ; лишь во время путешествій разрѣшается жевать листья одной распространенной повсюду акаціи. Также не употребляется въ пищу мясо дикихъ животныхъ, и „моранъ“ скорѣе изгрызетъ свои сандаліи, приготовленныя изъ воловьей кожи, чѣмъ нарушитъ древній обычай. Ежедневную пищу его составляетъ вареное или слегка поджаренное мясо, а также свѣжее и кислое молоко. Варить молоко, особенно если это дѣлаетъ чужой, считается величайшимъ грѣхомъ; по этой же причинѣ они продаютъ его лишь очень неохотно. Къ своей похлебкѣ они прибавляютъ кору, окрашивающую ее въ красный цвѣтъ. Ѣдятъ они по возможности гдѣ нибудь въ сторонкѣ, вдали отъ любопытныхъ взоровъ, и проявляютъ при этомъ невѣроятное обжорство.

Съ перемѣной образа жизни внѣшность „морана“ также мѣняется: онъ получаетъ отъ отца полное вооруженіе, состоящее изъ копья съ длиннымъ наконечникомъ, большого овальнаго щита изъ буйловой кожи, окрашеннаго съ наружной стороны глиной въ бѣлый красный и черный цвѣта, затѣмъ длинный прямой мечъ и красивую палицу, сдѣланную изъ твердаго, какъ желѣзо, дерева или рога носорога. Ружей масаи еще не употребляютъ; точно также у нихъ рѣдко попадаются луки и стрѣлы, которыхъ они сами вовсе не дѣлаютъ.

Вооруженный такимъ образомъ молодой „моранъ“ отправляется въ военную деревню своего округа, гдѣ въ обществѣ другихъ воиновъ и взрослыхъ, но еще не замужнихъ дѣвушекъ, ведетъ жизнь воина.

Типы женщинъ съ побережья Восточной Африки.

Отличительныя черты „морана“ дерзость, высокомѣріе, раздражительность и вороватость. Завиднѣйшее желаніе его—обагрить свое оружіе кровью, хотя бы какого-нибудь заблудившагося или отсталаго полуголоднаго носильщика. На его обязанности лежитъ оберегать безопасность округа, и въ силу этого военныя деревни обыкновенно бываютъ расположены вблизи самыхъ угрожаемыхъ пунктовъ границы.

Краали состоятъ изъ низкихъ хижинъ въ $1^1/_2$—2 метра высотой, 3—$3^1/_2$ метра въ діаметрѣ. Расположены онѣ въ видѣ круга и тѣсно примыкаютъ одна къ другой, на подобіе пчелиныхъ сотъ. Внутри круга имѣется нѣсколько меньшихъ хижинъ, для телятъ и ягнятъ. Число жителей весьма различно, иногда достигаетъ даже 1000 человѣкъ. Когда приходится изъ за пастбища перекочевывать на новыя мѣста, то весь убогій скарбъ, состоящій изъ остововъ хижинъ, молочной посуды, цыновокъ, шкуръ, нагружается наословъ, вьючныхъ быковъ и женщинъ и переносится на новое мѣсто. Устроить здѣсь новую деревню также лежитъ на обязанности женщинъ.

Деревни воиновъ отличаются отъ семейныхъ деревень полнымъ отсутствіемъ колючихъ изгородей. Цѣлью своей жизни воины считаютъ воровство скота, для чего они предпринимаютъ отдаленныя путешествія. Кромѣ того они развлекаются запугиваньемъ торговыхъ каравановъ, чтобъ сдѣлать ихъ уступчивѣе и щедрѣе.

Управляетъ деревней старѣйшій выборный воинъ, называемый „лейгвоананъ“, вѣдающій всѣ дѣла деревни. Если воины цѣлой области соединяются для какого-нибудь хищническаго набѣга, то они выбираютъ областного „лейгвоанана“. Точно также выбирается главный „лейгвоананъ“ для всей страны, которымъ является областной лейгвоананъ Сигирари. Кромѣ того у нихъ имѣются областные „лейбоны“ (знахари) и верховный „лейбонъ“ по имени Мбатіанъ. Это богатѣйшій человѣкъ въ странѣ, его очень почитаютъ и боятся. Живетъ онъ въ Нгаре-на-Гроби, на сѣверо-западномъ склонѣ Килиманджаро. По слухамъ, это полуслѣпой древній старикъ, видѣть его не удалось никому изъ европейцевъ, такъ какъ его строго оберегаютъ отъ этого.

Женатые въ походахъ обыкновенно не участвуютъ. Приготовленія къ походу заключаются обыкновенно въ усиленномъ питаніи мясомъ и кровью, для приданія себѣ силы и храбрости. Смотря по важности похода, періодъ этотъ, называемый „ндароли“, продолжается иногда нѣсколько мѣсяцевъ. Воины все свое время проводятъ въ лѣсу. Въ это же время обыкновенно отправляется къ Мбатіану посольство за совѣтомъ и лекарственными снадобьями.

За гордой осанкой „морана“ скрывается обыкновенно гораздо больше наглости и безстыдства, чѣмъ дѣйствительной храбрости, и если бы въ бою ему приходилось полагаться только на свое оружіе, то дѣло было бы совсѣмъ плохо. Боевымъ успѣхамъ ихъ, несомнѣнно, много способствуетъ ихъ военный нарядъ, производящій весьма импонирующее впечатлѣніе. Приготовляясь къ войнѣ, „моранъ“, обыкновенно, раскрашиваютъ голову и плечи краснымъ жиромъ, производящимъ впечатлѣніе крови; къ колѣнямъ привязываются бубенчики, надъ ними куски обезьяньей кожи съ длинными, торчащими бѣлыми волосами; на плечахъ развѣвается плащъ, украшенный пестрой бахромой. На лицо надѣвается военная маска, обрамленная вѣнкомъ изъ волнистыхъ страусовыхъ перьевъ, чернаго цвѣта. Когда снаряженный такимъ образомъ воинъ, со щитомъ на лѣвой рукѣ и поднятымъ копьемъ въ правой, съ развѣвающимся плащемъ и съ демоническими воплями кидается впередъ, то рѣдкій храбрецъ устоитъ отъ искушенія задать тягу, не пытаясь даже сопротивляться.

Когда „моранъ“ совершитъ достаточное число походовъ или умираетъ его отецъ и оставляетъ ему наслѣдство, онъ покидаетъ военную деревню, женится и превращается въ „моруо“. Онъ покупаетъ себѣ столько женщинъ, сколько нужно для ухода за его стадами, такъ какъ жениться онъ не по любви, но чтобы пріобрѣсти рабочую силу. Военные свои

доспѣхи онъ или отдаетъ младшимъ братьямъ или обмѣниваетъ на скотъ, потому что они цѣнятся довольно дорого; для своего же обихода онъ довольствуется плохенькимъ копьемъ или лукомъ и стрѣлами. Вмѣстѣ съ боевымъ нарядомъ масаи сбрасываетъ и свое напускное высокомѣріе и дѣлается мірнымъ, пріятнымъ въ обращеніи человѣкомъ. Столъ свой

Сомалійцы, мужчина и женщина.

онъ можетъ теперь разнообразить бобами, маисомъ, бананами и другими растительными веществами, а также напиткомъ изъ меда; зато мясо ѣстъ онъ гораздо рѣже. Теперь онъ можетъ также курить табакъ или жевать его, смѣшавъ съ солью.

Дальнѣйшая жизнь его протекаетъ мирно, до самой смерти.

*

Пастушескія племена, подобныя массаямъ, галла и сомали встрѣчаются и дальше къ западу, на высокихъ плоскогоріяхъ, окружающихъ большія озера, въ частности Альбертъ и Альбертъ-Эдвардъ Ньянцу. На плоскогорьи этомъ лежатъ страны Руанда, Уньоро, Карагве, Мпороро, Анкори, Уха и Узонгоро, населеніе которыхъ обладаетъ большими стадами. Но не всѣ они скотоводы, такъ какъ многіе занимаются воздѣлываніемъ земли. „Исходивъ страну вдоль и поперекъ, пишетъ Стенли, мы убѣждаемся въ томъ, что всѣ, занимающіеся скотоводствомъ, принадлежатъ къ типу того миловиднаго мтузи (уахума), котораго мы встрѣтили въ Усумбуѣ и который, неопредѣленно указавъ на сѣверъ, сказалъ, что они родомъ оттуда; а всѣ земледѣльцы отличаются негритянской физіономіей сродни любому толстогубому африканцу съ Западнаго Берега. Поживъ среди нихъ, мы узнаемъ еще, что пастухи смотрятъ на земледѣльцевъ съ такимъ же пренебреженіемъ, съ какимъ напримѣръ, клеркъ банкирской конторы въ Лондонѣ взираетъ на батрака съ какой-нибудь фермы“. Эти пастушескія народности, называющія себя, смотря по странѣ, уахума, уаніамбу, уатуза, уачеза, уаганда, составляютъ высшіе классы населенія и властвуютъ въ Карагве, Анкори, въ Угандѣ и Уньоро надъ разными балеггами, бавирами, по преимуществу земледѣльцами. Наиболѣе чистыми скотоводами являются уахумы.

Султанъ Киссимбробо и его министръ изъ Мпороро (семитическій типъ).

Одежда мужчинъ состоитъ обыкновенно изъ козьей шкуры, укрѣпленной на лѣвомъ, плечѣ. Иногда шкура бываетъ отъ антилопы, и тогда всю шерсть тщательно сцарапываютъ, оставляя только кайму вокругъ всей шкурки.

Замужнія женщины носятъ коровьи шкуры, превосходно выдѣланныя и даже дубленыя. Женщины невольницы надѣваютъ ременный поясъ съ привѣшеннымъ къ нему спереди и сзади лоскутомъ рогожи, или просто узкій передникъ. Дѣвушки до самаго замужества ходятъ безъ всякой одежды, но мальчики съ десятилѣтняго возраста почти всегда надѣваютъ шкуру козленка, подражая въ манерѣ носить ее взрослымъ. Тѣло они натираютъ касторовымъ или коровьимъ масломъ. При какихъ-нибудь торжествахъ или пиршествахъ женщины втыкаютъ себѣ за поясъ позади пучки зеленыхъ листьевъ кукурузы, сахарнаго тростника или банановъ. Любимыя жены старшинъ, а также знахарки имѣютъ право носить шкуру леопарда, а за неимѣніемъ ея—кошачью или обезьянью, что является символомъ знатности и величія. Если кто-либо выразитъ сомнѣніе, не является ли выдающій себя за начальника человѣкомъ низкаго званія, то этотъ послѣдній гордо указываетъ вмѣсто отвѣта на шкуру леопарда.. Жилища ихъ круглыя съ низкими стѣнами изъ глины,

навоза и плетеныхъ сучьевъ съ высоко нахлобученной конусовидной соломенной крышей группируются въ селенія. Питаются уахумы преимущественно молокомъ. Въ обмѣнъ за масло и кожи они получаютъ отъ живущихъ среди нихъ земледѣльцевъ бататы, просо и бананы, но всегда съ особенной гордостью говорятъ, что они не „пахари". Кромѣ того здѣсь разводятъ еще кукурузу, бобы и колоказію, образующихъ кругомъ земледѣльческихъ поселеній поля и рощи насажденій. Любимымъ напиткомъ является „мальбуа", т. е. пиво, приготовляемое изъ пшена со спѣлыми бананами. Оно въ большомъ спросѣ, и главная цѣль жизни каждаго старшины, кажется, состоитъ въ томъ, чтобы отправляться въ гости къ пріятелямъ и опустошать ихъ запасы. Напитокъ этотъ не очень крѣпкій, и дѣйствіе его возбуждаетъ лишь легкую веселость и сообщаетъ вкушающимъ его усиленную общительность. Главная же пища молочная, причемъ въ обращеніи со скотомъ и въ изготовленіи пищевыхъ продуктовъ изъ молока наблюдается много суевѣрныхъ обрядовъ: такъ напр. въ молочную посуду нельзя наливать воды; человѣку, питающемуся вареной пищей, никакъ нельзя прикоснуться губами къ горшку, чашкѣ или вообще къ посудѣ, имѣющей отношеніе къ ихъ коровамъ,

Дѣвушка изъ Уньоро.

Несмотря на то, что женщина считается здѣсь такою же собственностью мужа, какъ всякая хозяйственная утварь, да и цѣна назначается ей отъ одной до пяти коровъ, однако нельзя сказать, чтобы женщинъ не уважали. Женщины распоряжаются всѣмъ домашнимъ обиходомъ, а также продуктами молочнаго скота и нивы. Мужъ обязанъ строить домъ, ходить за скотиной, доить коровъ, чѣмъ въ частности занимаются мальчики и молодые люди—далѣе, чинить изгороди, добывать одежду; но въ полѣ работаютъ исключительно женщины, и женскимъ дѣломъ считается также сбиваніе масла и веденіе торговли. Что бы вы ни пожелали купить, молока, масла или другую провизію, за всѣмъ этимъ слѣдуетъ обращаться къ женщинамъ. Имъ оказываютъ знаки внѣшняго почтенія, и кромѣ того онѣ пользуются нѣкоторыми весьма существенными правами. Сосватавъ невѣсту, женихъ выплачиваетъ за нее тестю скотомъ. Но если мужъ дурно обращается съ женою, она во всякое время можетъ воротиться къ родителямъ, и мужъ получитъ ее обратно не иначе, какъ уплативъ новое вѣно. Но такъ какъ скотъ цѣнится дорого, то мужья стараются не давать воли своему буйному нраву; къ тому же въ отсутствіи жены дома непріятно—холодный очагъ и пустое жилье пугнутъ хоть кого. Скотъ у однихъ племенъ горбатый съ длинными рогами или совсѣмъ безъ нихъ, желтоватой или пестрой масти, дающій очень мало молока. У нѣкоторыхъ племенъ рога прижигаютъ животному въ молодости, чтобы они не мѣшали скотинѣ бродить въ зарослях. Кромѣ того держатъ козъ. Каждый хозяинъ мѣтитъ свою скотину, дѣлая ей на ушахъ надрѣзы, просверливая дырки или подстригая

ухо зубцомъ. Для улучшенія пастбищъ степь часто выжигаютъ, благодаря чему изчезаютъ многія вредныя скоту травы.

Что касается общественнаго строя, то всѣ эти племена держатся родового быта и подчиняются старшинамъ, значеніе которыхъ соразмѣряется съ ихъ личными качествами, а проявленіе власти стоитъ подъ контролемъ всѣхъ членовъ селенія или племени. Опредѣленной религіи у этихъ племенъ нѣтъ. Они твердо вѣрятъ въ существованіе злого духа, обитающаго въ глухихъ трущобахъ и зарослях тростника. Но это существо можно задобрить подарками, и потому охотникъ, которому посчастливилось убить звѣря, отрѣзаетъ кусокъ мяса и кидаетъ его въ жертву духу или кладетъ яйцо, бананъ, а не то просто шкуру козленка у дверецъ маленькой хижины, представляющей подобіе часовни, которая ставится у входа въ каждое селеніе и считается посвященной духу-покровителю. У каждаго уахума есть амулетъ, который онъ носитъ на шеѣ, на рукѣ или на поясѣ. Они вѣрятъ въ дурной глазъ, въ предвѣстія, очень боятся колдовства, и если заподозрятъ кого въ немъ, то тому не сдобровать; въ общемъ однако, они не такъ суевѣрны, какъ родственныя имъ племена, успѣвшія вмѣстѣ съ земледѣліемъ усвоить болѣе сложное общественное и политическое устройство, къ какимъ принадлежатъ напр. уаганда или ваганда въ Угандѣ.

Во влажной области, занятой бассейномъ верхняго Нила, населеніе состоитъ изъ тѣхъ же двухъ группъ—темнокожихъ безобразныхъ аборигеновъ страны, и болѣе свѣтлыхъ. болѣе одаренныхъ пришельцевъ, которые, соотвѣтственно природѣ мѣстности, не въ такой степени привержены къ скотоводству, какъ ихъ восточные сосѣди. На югъ отъ озера Викторія-Ньянцы и на сѣверо-западъ отъ него простирается полоса, въ которой соприкосновеніе двухъ различныхъ человѣческихъ породъ съ свойственными каждой изъ нихъ типами культуры создали наиболѣе сложныя формы быта, какія извѣстны среди черныхъ, не тронутыхъ или слабо тронутыхъ арабскимъ вліяніемъ обитателей африканскаго материка. Здѣсь возникли царства Мтезы въ Угандѣ, описанное Спикомъ, Стенли и другими путешественниками, царства Кабба · реги и другихъ царьковъ, властвовавшихъ надъ обширными пространствами, часто съ милліоннымъ населеніемъ. Пришельцы, составлявшіе господствующій классъ, внесли въ общее дѣло созданія могущественныхъ деспотій свои организаторскія способности, воинственность и подвижность. Трудолюбивые и многочисленные аборигены земледѣльцы доставляли въ этой подородной области средства для содержанія громадныхъ армій, пышнаго двора, для выполненія завоевательныхъ экспедицій и походовъ.

Разнообразныя отрасли домашняго хозяйства и ремесла, какъ то изготовленіе рѣзной утвари изъ дерева, тканье и окраска, гончарное, кузнечное дѣло, музыка, пляски, украшенія, суевѣрія и религіозныя обряды, — все, что вообще гораздо болѣе развито и процвѣтаетъ среди осѣдлыхъ земледѣльцевъ, было здѣсь съ пользою усвоено завоевателями и повело къ расширенію и усложненію культуры. Скотоводство теряетъ значеніе главнаго занятія и замѣняется земледѣліемъ, образъ жизни становится осѣдлымъ. Но у многихъ племенъ сохраняется еще привычка держать большія стада, причемъ на скотъ они смотрятъ не какъ на средство къ жизни, а какъ на капиталъ, въ которомъ воплощается и которымъ измѣряется богатство. Какой нибудь динка съ верховьевъ Нила съ меньшимъ горемъ встрѣтитъ вѣсть о гибели жены или сына, чѣмъ извѣстіе о томъ, что изъ его многочисленнаго стада пала одна или двѣ коровы.

Мы встрѣчаемся въ этой области съ группами народностей, которыя различаются главнымъ образомъ тѣмъ, что среди однихъ наблюдается большая примѣсь негритянской крови, между тѣмъ какъ у другихъ берутъ перевѣсъ хамитическія черты или такая примѣсь, опредѣлить которую довольно трудно. Къ негроподобнымъ народностямъ принадлежатъ обитатели бассейна верхняго Нила въ тѣсномъ смыслѣ слова. Это рослые, стройные шиллуки, динка, бонго и бари, обитающіе осѣдло въ большихъ селеніяхъ по Нилу

Вожди племенъ изъ Уньоро.

и Бахръ-Газалу, занимающіеся земледѣліемъ, но держащіе большія стада, уходъ за которыми представляетъ у нѣкоторыхъ положительно чуть не религіозный культъ. Племена эти не образуютъ большихъ государствъ и подчинены теперь, по мѣсту жительства, египетскимъ пашамъ.

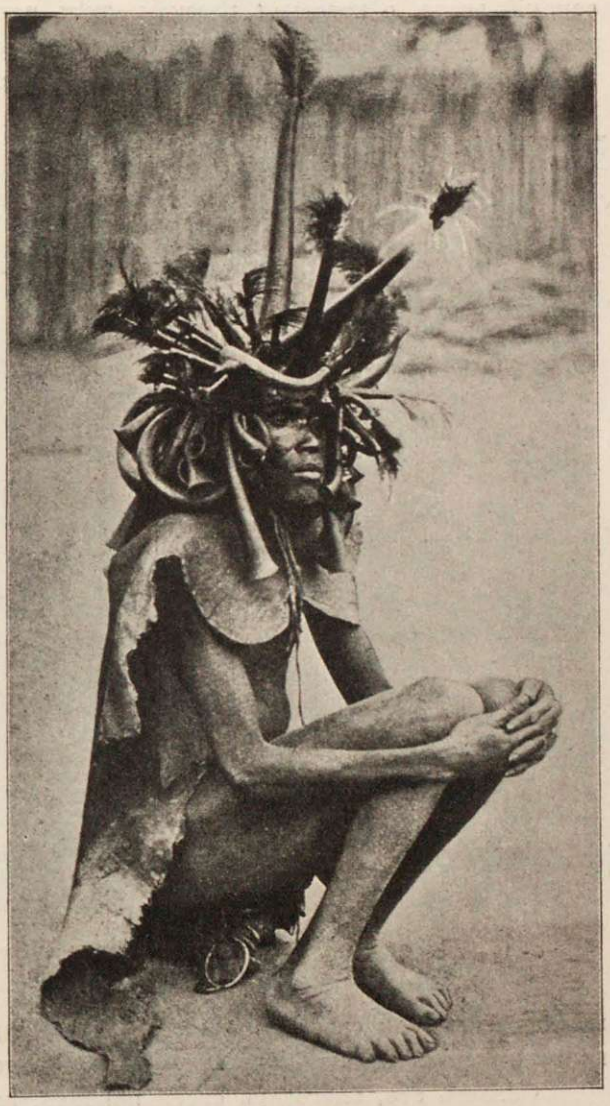
Къ юго-западу отъ нихъ, въ области водораздѣла Конго и Нила, среди черныхъ племенъ встрѣчаются болѣе свѣтлыя, прозванныя за свое людоѣдство общимъ именемъ ньямъ-ньямъ. Къ нимъ принадлежатъ занде, описанные Швейнфуртомъ момбутту (по Юнкеру мангбату) и другія съ чертами лица подчасъ почти кавказскаго типа. Наконецъ въ области великихъ озеръ обитаютъ родственные описаннымъ выше уахумамъ или вахума ваганда, ваньоро, варунди и другія. Нѣсколько подробнѣе мы остановимся на вагандахъ, царство которыхъ Уганда долгое время составляло грозу своихъ сосѣдей.

Колдунъ племени ньямъ-ньямъ.

Чистокровные уа—или ваганда обладаютъ бронзовымъ и даже еще болѣе свѣтлымъ, нѣсколько красноватымъ цвѣтомъ кожи, отличающимъ ихъ отъ гораздо болѣе темныхъ, покоренныхъ ими обитателей Уганды. Культурность ихъ проявляется въ томъ, что внѣ дома они всегда носятъ мбугу, туземную одежду изъ ткани, которую носятъ на подобіе римской тоги. Они не татуируются и вообще не уродуютъ тѣла, подобно неграмъ внутренней Африки, и живутъ въ большихъ, круглыхъ съ конусовидной крышей чисто содержимыхъ жилищахъ, окруженныхъ плетневой, облѣпленной навозомъ оградой, внутри которой содержится домашній скотъ. Хижины группируются въ большія селенія съ населеніемъ до 2000 и болѣе душъ; селенія по свойственной африкацамъ привычкѣ существуютъ недолго, такъ какъ жители вслѣдствіе какого нибудь непріятнаго событія или изъ суевѣрія легко переселяются на новыя мѣста. Разныя ремесла достигли у ваганда высокой степени совершенства. Они ткутъ узорныя ткани, умѣютъ окрашивать ихъ, изготовляютъ изъ травъ и лиственныхъ волоконъ разныя циновки, корзины, посуду. Также развиты у нихъ обработка кожи, гончарное искусство, рѣзьба по дереву, разныя издѣлія изъ бисера, бусъ, изъ кости, рога и металловъ, служащія для украшенія. Населяя берега озеръ и рѣкъ, ваганда искусные рыболовы и обладаютъ, кромѣ промысловыхъ челноковъ, большими военными судами, хотя на водѣ они менѣе смѣлы, чѣмъ другія племена, населяющія острова озера Викторія. Главнымъ занятіемъ ихъ является земледѣліе, вся тяжесть котораго лежитъ на женщинахъ. Обработанные участки представляютъ не столько пашни, сколько план-

таціи, сады и огороды. Пища преимущественно растительная: маисъ, просо, бананы, колоказія, тыквы, сахарный тростникъ, кассава, кофе, табакъ, макъ и разные плоды, культура которыхъ заимствована была впослѣдствіи отъ арабовъ. Яйца и куры, вяленая рыба, изрѣдка мясо добавляютъ растительную пищу. Разные напитки, какъ пальмовое вино и разнообразные сорта пива, вслѣдствіе легкости приготовленія, пользуются такимъ вниманіемъ, что тамъ обыкновенно ихъ пьютъ не чашами, а кувшинами, благодаря чему Спикъ охарактеризовалъ Уганду какъ „страну, пьющую помбе (пиво)". Кромѣ земледѣлія въ большомъ почетѣ охота, составляющая для многихъ ваганда обычное занятіе.

Оружіе ихъ, какъ вообще у степныхъ народностей сѣверо-восточной Африки, свидѣтельствуетъ о воинственной наступательной тактикѣ. Главнымъ оружіемъ является копье съ длиннымъ, широкимъ лезвіемъ и метательные дротики, гораздо рѣже лукъ и стрѣлы, которые замѣняются обычнымъ въ сѣверной Африкѣ метательнымъ желѣзомъ. Для защиты служитъ овальный или круглый, долбленный изъ дерева и обтянутый кожей либо плетеньемъ большой щитъ. Ваганда очень воинственны. Каждый мужчина, имѣющій копье и щитъ—солдатъ. Едва громадный военный барабанъ возвѣститъ о состоявшемся на царскомъ совѣтѣ рѣшеніи начать войну, какъ уже на другой день толпы снарядившихся воиновъ окружаютъ дворецъ. Войско раздѣляется на отряды, подчиненные въ порядкѣ субординаціи разнымъ начальникамъ, на походѣ соблюдается нѣкоторый порядокъ, но въ бою вся орда съ ревомъ и воемъ бросается безпорядочно впередъ, каждый мечетъ одинъ или два дротика, а съ третьимъ подступаетъ къ врагу ближе.



Вождь изъ Уньоро въ оригинальномъ головномъ уборѣ.

Арміи составляли массы въ нѣсколько десятковъ тысячъ воиновъ, къ которымъ присоединялись женщины и рабы составлявшіе какъ бы интендантскую часть. Страшный грабежъ составлялъ обычное явленіе, и въ отсутствіи царя произволъ начальниковъ не зналъ никакого удержу. Нерѣдко отдѣльные отряды, извѣстные у окрестнаго населенія подъ именемъ разбойниковъ (вара-сура), отправлялись за добычей на свой страхъ. На озерѣ Викторія царь Уганды Мтеза держалъ большой флотъ, но въ войнахъ съ островитянами ваганда, по свидѣтельству Стенли, не имѣли успѣха.

Правительство представляло въ Угандѣ на первый взглядъ неограниченную деспотію. Царь держалъ пышный, многолюдный дворъ, раскинутый посреди резиденціи. Придворныя обычаи были пропитаны крайнимъ раболѣпствомъ, направленнымъ къ тому, чтобы окружить

личность деспота ореоломъ божественнаго и величественнаго, дабы произвести надлежащее впечатлѣніе на умы простыхъ подданныхъ. Въ дѣйствительности однако, несмотря на самыя унизительныя формы обращенія деспота съ ближайшими совѣтниками и царедворцами, слишкомъ сложный механизмъ управленія большимъ царствомъ ставилъ царя въ зависимость отъ небольшого числа вліятельныхъ родовъ, захватившихъ въ свои руки главныя отрасли управленія. Интриги ихъ давали, однако, достаточный просторъ кровожаднымъ капризамъ и прихотямъ владыки, жестокость котораго не отставала отъ того, что разсказывается о другихъ подобныхъ властителяхъ. Не будемъ здѣсь описывать сложныхъ церемоній двора, о которыхъ разсказываютъ первые путешественники, посѣтившіе Уганду въ расцвѣтъ царствованія могущественнаго Мтезы (Спикъ и Стенли). Уже пора обратиться къ сѣверо-западу отъ высокихъ плоскогорій страны великихъ африканскихъ озеръ туда,

Круглыя хижины въ селеніи ньямъ-ньямъ.

гдѣ простираются саванны, занимающія обширную область, въ которой многочисленные притоки трехъ рѣчныхъ системъ—Нила, Конго и Шари сплетаются въ густую сѣть.

Область эта, благодаря своей природѣ, населена довольно густо разными племенами, въ пестрой смѣси которыхъ бросаются въ глаза то черты чисто негритянскаго типа и быта, то, подобно островамъ, попадаются болѣе свѣтлокожія племена, напоминающія восточно-африканскихъ ваганда. Эта область изслѣдована еще сравнительно слабо. Хотя арабы, торговцы слоновой костью и невольниками, уже давно проникли сюда и даже основали тамъ и здѣсь свои церибы, т. е. укрѣпленныя стоянки, хотя половина этой области входитъ даже подъ названіемъ Бахръ-Газала въ составъ египетскихъ владѣній, тѣмъ не менѣе лишь немногіе путешественники посѣтили ее. Среди нихъ наибольшее количество свѣдѣній доставили наукѣ Шнейнфуртъ и Юнкеръ. Описанія ихъ указываютъ, что область эта представляетъ мѣстность, въ которой, чѣмъ далѣе на западъ и юго-западъ, тѣмъ силь-

нѣе въ типѣ и бытѣ населенія получаютъ преобладаніе чисто негритянскія особенности, съ которыми мы познакомимся, когда приступимъ къ описанію покрытой тропическимъ лѣсомъ внутренней Африки.

По верхнему Нилу (Бахръ-Джеблъ), начиная отъ оз. Альбертъ-Ньянца, живутъ негритянскія племена мади, бари, ніамбара, динка и шиллуки. Динка занимаютъ обширное пространство въ области сліянія верхняго Нила (распадающагося здѣсь на рукава—Бахръ-Джеблъ и Бахръ-Зерафъ) съ Собатомъ и Бахръ-Газаломъ. Шиллуки живутъ ниже, по лѣвому берегу Нила, и деревни ихъ подходятъ къ самой Фашодѣ.

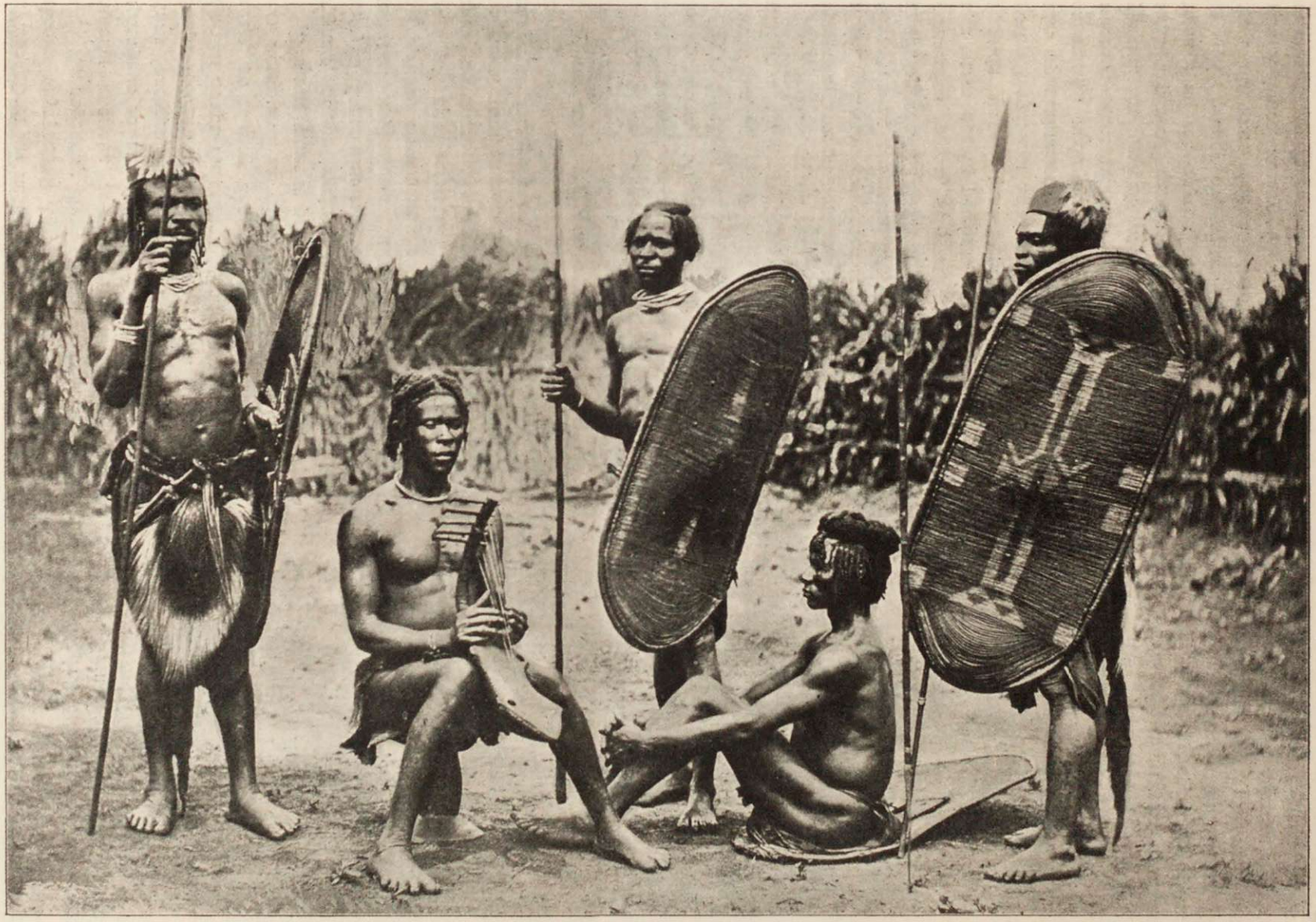
Пѣвецъ изъ племени ньямъ-ньямъ.

Всѣ эти племена раздѣляются на мелкія группы, подчиняющіяся старшинамъ. Они живутъ большими деревнями, составленными изъ круглыхъ хижинъ съ коническими соломенными крышами; дворы, можно сказать, утопаютъ въ навозѣ и навозной жижѣ, такъ какъ динка и другія подобныя имъ племена, хотя занимаются земледѣліемъ и питаются больше растительной пищей, держатъ, однако, очень много скота, къ которому питаютъ какую то страстную привязанность.

Скотъ составляетъ богатство, и ему посвящены всѣ заботы и помыслы. Никому не приходитъ въ голову рѣзать его на мясо; на это рѣшаются только въ случаѣ неизлѣчимой болѣзни или несчастья съ быкомъ или коровой, вродѣ паденія въ ровъ и безнадежнаго перелома костей. Въ остальное время питаются только павшими животными. Все, что получается отъ скота, носитъ часто почти священный характеръ; такъ напр., навозъ и навозная жижа отнюдь не считаются грязью, но употребляются напр. при изготовленіи разныхъ спецій для смазыванія кожи, для „помады“, помощью которой туземцы придаютъ прочность своимъ прихотливымъ прическамъ. Въ этомъ отношеніи шиллуки и другія племена во многомъ напоминаютъ описанныхъ выше уахума; съ другой стороны земледѣліе, затѣмъ разнообразные способы уродовать части лица въ цѣляхъ украшенія, раскрашиваніе тѣла и многое другое сближаетъ ихъ съ негритянскими племенами внутренней Африки.

Къ западу отъ этихъ сравнительно мирныхъ туземцевъ среди притоковъ Бахръ-Газала обитаютъ болѣе воинственныя канибальскія племена съ общимъ названіемъ Бонго или А-Бонго, между тѣмъ какъ къ югу и юго-западу отъ этихъ, уже въ области правыхъ верхнихъ притоковъ Конго живутъ многочисленныя племена Занде или А-Занде, многія племена которыхъ за отчаянное людоѣдство называются ньямъ-ньямъ.

*



Воины изъ племени ньямъ-ньямъ.

Описаніе одного изъ этихъ племенъ, называвшагося момбуту, оставленное Швейнфуртомъ, указываетъ, что племена эти не имѣютъ чисто негритянскаго типа. Среди этихъ туземцевъ попадаются типы, отличающіеся сравнительно свѣтлымъ цвѣтомъ кожи и чертами лица, имѣющими очень мало общаго съ негритянскимъ типомъ и напоминающими скорѣе хамитовъ, даже семитовъ. Таковъ былъ напр., самъ король момбуту Мунза. При

Мунза, король племени момбуту въ парадномъ одѣяніи.

своей сравнительно высокой культурѣ племена эти обнаруживаютъ способность сливаться хотя бы на время въ государства, которыя существуютъ пока ихъ не разрушитъ какой-нибудь болѣе сильный сосѣдъ или арабъ, начальникъ шайки. Въ то же время, при наличности болѣе высокой культурѣ, въ средѣ этихъ племенъ практикуется самое необузданное людоѣдство, которое они усвоили, вѣроятно, отъ негровъ, населяющихъ дебри тропическаго лѣса. Оттуда же распространились такія формы быта и культуры, которыя не

встрѣчаются въ восточной Африкѣ, а если встрѣчаются, то среди негритянскихъ племенъ, которыя представляютъ остатки прежняго населенія, раздвинутаго явившимися туда скотоводами и уцѣлѣвшаго среди нихъ въ подчиненномъ состояніи. Такъ рядомъ съ круглыми хижинами, чѣмъ далѣе на западъ, тѣмъ чаще начинаютъ появляться свойственныя западной Африкѣ четырехугольныя хижины; въ одеждѣ, вмѣсто накидокъ и поясовъ изъ шкуры и кожи, появляются такія, которыя изготовлены изъ древесныхъ волоконъ; въ вооруженіи вмѣсто копья получаютъ преобладаніе лукъ и стрѣлы; появляется деревянная, украшенная затѣйливой рѣзьбой посуда и мебель; земледѣліе вытѣсняетъ скотоводство, и преобладающая растительная пища смѣняетъ животную, недостатокъ въ которой сопровождается вездѣ развитіемъ людоѣдства.

Словомъ, все указываетъ, что населяющія эту полосу племена представляютъ переходъ къ центральной и западной Африкѣ, въ составъ которой входитъ все побережье Гвинейскаго залива, весь бассейнъ Конго съ лежащими къ сѣверу отъ него странами, а также значительная часть бассейна рѣки Замбези.

И. Леонтьевъ.

Центральная Африка.

Лѣса въ бассейнѣ Конго.—Карликовыя племена лѣсной области.—Негры бассейна Замбези, Конго и Гвинейскаго побережья: общія особенности, занятія, оружіе, орудія и утварь, жилища, издѣлія.—Увеселенія: музыка и пляски, національные инструменты, барабанный языкъ.—Религіозныя вѣрованія: фетиши и вѣдьмы, колдуны и жрецы, Божій судъ.—Общественный и политическій строй: царство Муато Ямбо, обычаи при дворѣ Лукенго.—Лукокеша.—Обмѣнъ крови.—Канибализмъ.

Эта громадная область составляетъ истинное сердце чернаго материка, гдѣ вмѣстѣ съ наибольшимъ богатствомъ и оригинальностью африканской природы наблюдаются наиболѣе характерные типы африканскаго населенія, наиболѣе своеобразныя формы африканской культуры, которыя возникали здѣсь самостоятельно безъ вліянія или при сравнительно слабомъ вліяніи сосѣднихъ народовъ. Область эта, какъ было указано выше, охватываетъ бассейнъ верхняго Замбези, почти весь бассейнъ Конго и простирается вдоль побережья Гвинейскаго залива на западъ почти до устьевъ Сенегала.

За исключеніемъ побережья, представляющаго въ дельтѣ Нигера довольно большую, образованную самой рѣкой низменность, все остальное пространство есть высокая, вхолмленная равнина—плоскогоріе, болѣе высокое на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ. Громадныя рѣки съ многочисленными притоками—Конго съ впадающими въ него Кассаи, Ломами, Убанги и Арувими, далѣе Огове, Куанца, наконецъ Замбези съ цѣлою сѣтью своихъ притоковъ уносятъ выпадающія на этомъ пространствѣ обильныя атмосферическія осадки въ два океана, въ Атлантическій и Индійскій. Раскинувъ свои рѣчныя системы по далекимъ слабымъ впадинамъ, эти потоки несутся по плоскогорію то въ глубокихъ ущельяхъ, образуя цѣлыя группы гигантскихъ водопадовъ, то разливаются далеко въ стороны, образуя какъ бы озера или лабиринты запутанныхъ протоковъ съ раскиданными повсюду островами. Приближаясь къ краю материка, рѣки принуждены прокладывать себѣ дорогу сквозь сравнительно невысокую полосу вытянутыхъ вдоль берега и спускающихся къ нему уступами возвышенностей, гдѣ онѣ образуютъ новые пороги, которые какъ бы запираютъ доступъ по рѣкамъ внутрь материка, вслѣдствіе чего судоходство оказывается возможнымъ лишь на незначительное протяженіе отъ устьевъ. Этимъ объясняется то обстоятельство, что бассейны Конго и Замбези дольше всего красовались на картахъ Африки сплошными бѣлыми пятнами; движеніе путешественниковъ и торговыхъ каравановъ возможно въ этой лѣсистой области почти только по рѣкамъ или вдоль ихъ береговъ и то съ величайшими трудностями.

При обиліи атмосферныхъ осадковъ, которыя выпадаютъ здѣсь ливнями, сопровождаемыми страшными грозами въ тѣ мѣсяцы, когда солнце достигаетъ въ полуденные часы зенитальнаго положенія и бросаетъ на землю снопы отвѣсныхъ лучей (въ бассейнѣ Конго, стало быть, бываютъ два дождливыхъ періода въ году), неудивительно, что растительность развивается здѣсь въ самыя пышныя, многочисленныя формы и принимаетъ видъ непроходимаго дѣвственнаго лѣса. Лѣсъ простирается во всѣ стороны и покрываетъ землю густымъ тропическимъ ковромъ на сотни и даже на тысячи верстъ кругомъ; лишь тамъ и сямъ онъ, какъ зелеными корридорами, просѣченъ теченіями рѣкъ, лишь тамъ и сямъ среди него остаются поляны; съ трудомъ уступаетъ онъ на своей окраинѣ мѣсто тропической саваннѣ. Лѣсъ характерный пейзажъ здѣшняго ландшафта. Онъ подчиняетъ себѣ все и налагаетъ повелительный отпечатокъ не только на животный міръ, допуская въ свои нѣдра однѣ формы и не принимая другія, но и на человѣка и его бытъ.

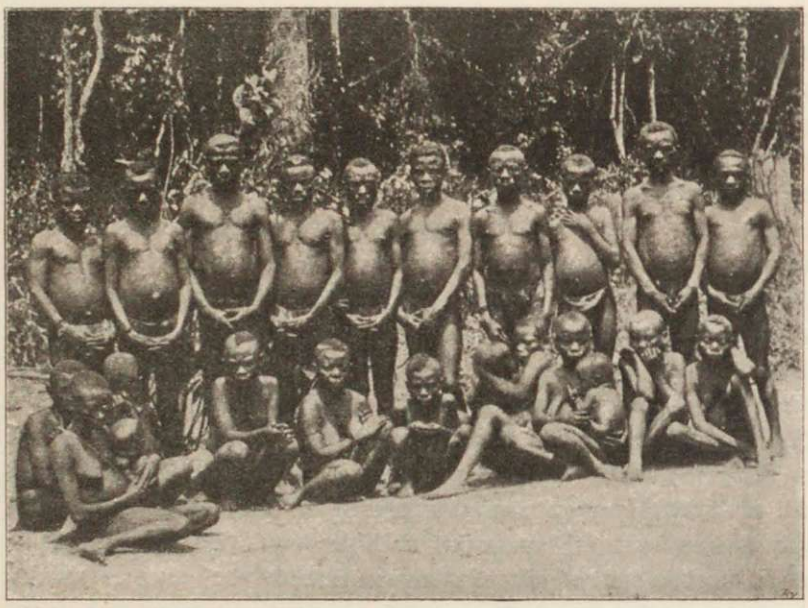
„Вообразите себѣ пространство величиною съ Францію вмѣстѣ со всѣмъ Пиренейскимъ полуостровомъ, — говоритъ Стенли, описывая пройденный имъ большой лѣсъ въ бассейнѣ притока Конго Арувими,—густо усаженное деревьями вышиной отъ 20 до 180 ф., лиственные шатры которыхъ такъ сплелись и перепутались, что ни неба, ни свѣта Божьяго не видать, и каждое изъ деревьевъ толщиной отъ нѣсколькихъ вершковъ до четырехъ футовъ въ поперечникѣ. Съ одного дерева на другое перекидываются ліаны, образующія канаты отъ 2 до 15 дюймовъ толщины; онѣ вьются вверхъ, спускаются фестонами, зубцами, бахромой, обвиваются вокругъ древесныхъ стволовъ плотными, сплошными спиралями до самыхъ вершинъ и ниспадаютъ оттуда гирляндами великолѣпныхъ цвѣтовъ и причудливыхъ листьевъ, которые, перепутываясь съ древесною листвой, окончательно заслоняютъ собою солнце. Съ высочайшихъ вѣтвей эти цвѣтущіе канаты сотнями спускаются почти до земли, и концы ихъ распускаются въ цѣлыя кисти тончайшихъ мочекъ или волоконъ—это воздушныя корни эпифитовъ; другія, еще болѣе тонкія отвѣтвленія располагаются сквознымъ плетеньемъ и кружевами по концамъ. Теперь представьте себѣ, что поперекъ всѣхъ этихъ висячихъ ліанъ перепутались въ величайшемъ изобиліи и безпорядкѣ множество другихъ, которыя тоже перекидываются съ дерева на дерево и перекрещиваются съ первыми во всевозможныхъ направленіяхъ; на каждомъ развѣтвленіи и на каждой горизонтальной вѣтви посадите гигантскіе лишайники, величиною съ крупный кочанъ капусты, и другія растенія съ листьями, похожими то на копья, то на слоновыя уши, потомъ всевозможныя орхидеи и поверхъ всего легкимъ кружевнымъ вуалемъ раскиданы прелестнѣйшія ваи папортниковъ. Кромѣ того древесныя вѣтви, побѣги и самыя ліаны покрыты густымъ слоемъ мха, вродѣ зеленаго мѣха. Тамъ, гдѣ лѣсъ сплошной, непроницаемый, почва одѣта частою порослью фриніи, амомы и низкимъ кустарникомъ; но тамъ, гдѣ молнія сразила вершину гигантскаго дерева, и солнечный свѣтъ ворвался въ брешь, или же она расколола стволъ сверху до низу, или обожгла его, и дерево высохло, или, наконецъ, бурей выкрутило нѣсколько деревьевъ съ корнями, тамъ тотчасъ возникаетъ между новыми побѣгами отчаянная борьба изъ за скорѣйшаго выростанія къ свѣту, къ солнцу; они толпятся, лѣзутъ другъ на друга, тѣснятся, стремятся вверхъ и въ концѣ концовъ образуютъ непроницаемую трущобу. Большею частью лѣсъ представляетъ разныя картины. Стоятъ, напримѣръ, группы деревьевъ штукъ по пятидесяти, точно колонны въ соборѣ, высокія, прямыя, торжественныя, окутанныя сѣрымъ сумракомъ, и посреди ихъ какой-нибудь лѣсной патріархъ, обнаженный, истерзанный, побѣлѣвшій отъ времени; а вокругъ него тѣснится цѣлая колонія молодыхъ деревьевъ, стремящихся занять его мѣсто... Почва покрыта въ этомъ лѣсу густымъ наслоеніемъ наполовину перегорѣвшаго гумуса, состоящаго изъ гніющихъ вѣтокъ, листьевъ, прутьевъ; въ нѣсколькихъ саженяхъ другъ отъ друга валяются остатки распростертыхъ гигантовъ, кучи сгнившихъ волоконъ прежней древесины, смѣшанныхъ съ остатками муравейниковъ и иныхъ обиталищъ насѣкомыхъ; все

это закутано массами цѣпкихъ и ползучихъ растеній, зелеными побѣгами, длинными колючими стеблями каламуса, выростающаго въ нѣсколько саженъ. Примѣрно черезъ каждую милю встрѣчается мутный ручей или наполненная стоячею водою яма, либо неглубокій прудъ, подернутый зеленой плѣсенью, изъ которой выставляются широкія листья лотуса и нимфъ, а у береговъ жирная зеленоватая пѣна, состоящая изъ милліоновъ органическихъ остатковъ...“

Породы деревьевъ располагаютъ свои корни въ этомъ лѣсу этажами. Если кинуть взглядъ на лѣсъ съ высоты какого нибудь холма, то видно необозримое зеленое море, надъ которымъ подымаютъ свои вершины исключительные великаны. Но подъ поверхностью этого моря располагается еще нѣсколько слоевъ, составленныхъ изъ раскидистыхъ вершинъ все болѣе и болѣе низкихъ деревьевъ, которыя перехватываютъ проникающіе къ нимъ остатки свѣта, такъ что внизу, гдѣ раскинулся подлѣсокъ, гдѣ поверхность земли, упавшіе деревья и низы стволовъ покрываютъ мхи, лишаи и плѣтени, господствуетъ настолько глубокій сумракъ, что глазъ съ трудомъ различаетъ буквы въ книгѣ, и трудно представить себѣ, чтобы тамъ наверху, надъ зелеными сводами сіялъ ослѣпительно яркій тропическій день. Въ этомъ лѣсу водятся слоны, буйволы, кабаны, лѣсныя антилопы, кролики, газели, чимпанзе, горилла, бабуины, различныя обезьяны, бѣлки, дикія кошки, зебры, еноты, цибеты, фараоновы мыши, крупные грызуны и множество другихъ животныхъ. Но дикія звѣри рѣдко попадаются человѣку; онѣ чуютъ человѣка гораздо раньше, чѣмъ онъ догадывается о ихъ близкомъ присутствіи, и спѣшатъ укрыться въ надежныя трущобы. „Что касается птицъ,—замѣчаетъ Стенли—то мы довольно наслушались ихъ писка и щебетанья надъ нашими головами, но мы находились какъ бы въ первомъ этажѣ, между тѣмъ какъ они хозяйничали подъ крышей пятнадцати-этажнаго дома; мы почти совсѣмъ не видали ихъ, но свистъ ихъ, пѣнье, воркованье, крики и уханье слышны были рѣшительно повсюду. Были тутъ попугаи, ибисы, турако, нильскія цапли, зяблики, стрижи, балабаны, потатуйги, цесарки, дрозды, совы, ткачихи, рыболовы, нырки, коршуны, трясогузки, щуры, кулики, какаду, клювороги, сойки, бородастики, дятлы голуби, множество другихъ болѣе или менѣе совершенно неизвѣстныхъ мнѣ пташекъ, и милліоны крупныхъ и мелкихъ летучихъ мышей... Мы встрѣчали также изрядное количество гадовъ и пресмыкающихся. Въ рѣкѣ Итури такъ и кишатъ водяныя змѣи различной длины... Много также тонкихъ зеленыхъ змѣекъ, похожихъ на хлыстики... Вдали мы видали питоновъ, очковыхъ и рогатыхъ змѣй, змѣеобразныхъ ящерицъ... О насѣкомыхъ можно написать цѣлую книгу. Возможно ли забыть этихъ пчелъ, большихъ и малыхъ, рои осъ, полчища ночныхъ бабочекъ, мухъ цеце, таоновъ, мошекъ и мотыльковъ, этихъ колоссальныхъ жуковъ, которыхъ горящая свѣча привлекала ночью въ мою палатку, и они, влетая изъ темноты, съ размаху хлопались о холщевыя стѣнки, потомъ кидались изъ стороны въ сторону, какъ изступленные, все время жужжа словно на бубнѣ и наконецъ съ бѣшенымъ ревомъ ударялись о мою книгу или объ мое лицо, какъ бы желая отомстить мнѣ за что то. А муравьи, толпами залѣзавшіе въ мою тарелку, плававшіе въ жидкомъ супѣ, ползавшіе по банану, который я собрался ѣсть. А сверчки, скакавшіе, какъ чертенята, и неожиданно утверждавшіеся у меня на лбу или на головѣ. А голосистыя цикады, рѣзкій крикъ которыхъ сводилъ насъ съ ума... Приложите ухо къ громадному упавшему дереву, съ теченіемъ времени сдѣлавшемуся скважистымъ и бурымъ, какъ старая губка. Слышите, какой тамъ гулъ и стрекотанье? Это возятся и жужжатъ насѣкомыя всевозможныхъ формъ и размѣровъ, окрашенныя въ густые и яркіе цвѣта съ металическимъ блескомъ. Онѣ съ увлеченіемъ занимаются своими дѣлами, вполнѣ наслаждаясь короткой, но полной жизнью, и ненасытны въ своихъ грабительскихъ набѣгахъ Вѣчно онѣ куда-то бѣгутъ, нападаютъ, дерутся, отнимаютъ, тащутъ, строятъ, всюду залѣзаютъ, всюду кишатъ. Попробуйте положить руку на дерево или растянуться на землѣ или присѣсть на обло-

мившійся сукъ, и вы постигните какая сила дѣятельности, какая энергическая злоба и какая истребительная жадность васъ окружаетъ. Откройте записную книжку, тотчасъ на страницу сядетъ дюжина бабочекъ, пчела вертится надъ вашей рукой, другія пчелы норовятъ ужалить васъ въ самый глазъ, оса гудитъ надъ ухомъ, громадный слѣпень снуетъ передъ носомъ, цѣлое полчище муравьевъ ползетъ къ вашимъ ногамъ; берегитесь, передовые уже залѣзли на ноги, быстро взбираются вверхъ, того и гляди, запустятъ свои острыя челюсти въ затылокъ"... Таковъ этотъ лѣсъ и его населеніе, въ перечнѣ и описаніи обитателей котораго недостаетъ еще человѣка.

Легко понять, что непроходимый, сумрачный лѣсъ съ его влажнымъ, душнымъ воздухомъ, отсутствіемъ открытаго кругозора, со своеобразной природой, открывающей просторъ однимъ животнымъ, совершенно изгоняющей другихъ, представляетъ для человѣка совсѣмъ иныя условія существованія, чѣмъ знойная, открытая саванна восточной Африки. Правда не вездѣ лѣсъ заполняетъ собою все пространство; онъ не только врѣзывается прихотливо извилистой границей въ саванну или переходитъ въ нее постепенно, но и оставляетъ посреди себя большія открытыя равнины, которыми спѣшитъ воспользоваться человѣкъ. Тѣмъ не менѣе здѣсь не можетъ быть и рѣчи о стадахъ домашнихъ животныхъ, съ которыми полукочевникъ восточной Африки живетъ на своихъ открытыхъ равнинахъ. Сама природа навязываетъ здѣсь человѣку только два способа добыванія пищи, которые всецѣло налагаютъ свой отпечатокъ на его характеръ и бытъ—это земледѣліе, заключающееся въ разбивкѣ плантацій, огородовъ и садовъ, и охота. Дѣйствительно, громадное большинство здѣшнихъ племенъ живетъ осѣдло деревнями, которыя окружены плантаціями. Подсобіемъ къ нему, которымъ занимаются только мужчины, служитъ охота. Однако въ дебряхъ лѣса, въ его самыхъ глухихъ, затаенныхъ трущобахъ уцѣлѣли еще первобытныя племена, которыя стоятъ на самой низкой ступени культуры, не знаютъ ни земледѣлія, ни скотоводства, а пропитываются, собирая дикорастущіе плоды и гоняясь за звѣремъ.



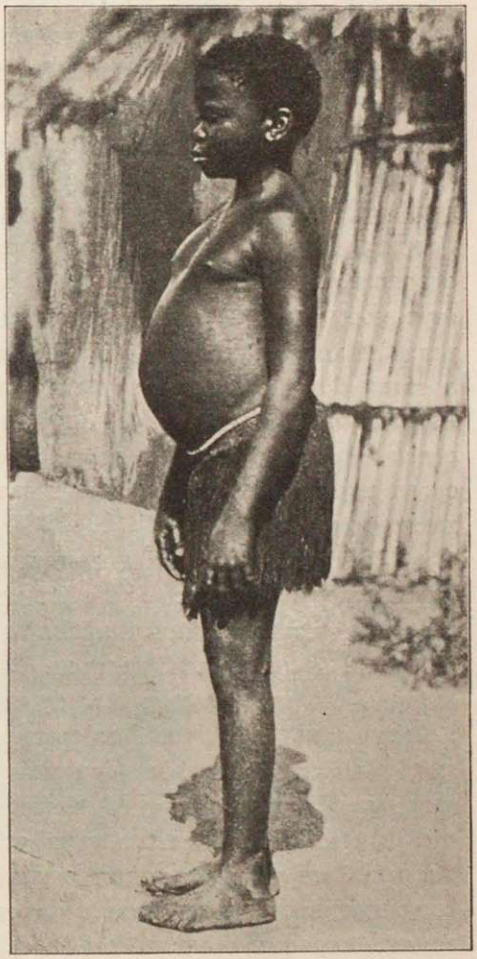
Группа карликовъ уамбути.

Къ удивленію изслѣдователей эта низкая порода людей оказалась въ то же время очень низкорослой. Мы говоримъ о карликахъ, сказанія о которыхъ еще въ древнія времена, переходя отъ племени къ племени, достигли Египта и сохранились до нашихъ дней благодаря Геродоту и Аристотелю. „Журавли летятъ къ озерамъ, находящимся позади Египта, гдѣ начинается самый Нилъ. Тамъ живутъ пигмеи, и это не сказка, но истинная правда. Люди и лошади тамъ, какъ гласитъ молва, ниже ростомъ и живутъ въ пещерахъ".

Изслѣдованія новѣйшихъ путешественниковъ выяснили, что великую область тропическаго африканскаго лѣса населяютъ двѣ расы. Одна изъ нихъ, рѣшительно преобладаю-

щая на всемъ пространствѣ, негритянская въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; другая, сохранившаяся среди нея малочисленными кучками, это карлики.

Карлики или пигмеи населяютъ глубины лѣса въ бассейнѣ Конго. Средній ростъ ихъ колеблется въ предѣлахъ 128—142 сант.; чѣмъ ближе къ краю лѣса, тѣмъ они выше, потому что уже смѣшались въ большей или меньшей степени съ превосходящими ихъ ростомъ неграми. Перваго увидѣннаго имъ карлика Стэнли описываетъ слѣдующими словами: „цвѣтъ его кожи былъ мѣдно-желтый, а по всему тѣлу росли волосы длиною въ полъ-дюйма и такіе густые, что производили впечатлѣніе мѣха. На головѣ у него была шапочка, украшенная пучкомъ перьевъ попугая... широкая тесьма, сплетенная изъ мочалы, прикрывала его наготу. Руки его, очень изящной формы, поразили насъ своимъ загрязненнымъ видомъ: онъ, очевидно, только что занимался шелушеніемъ банановъ". Карлики, обитающіе въ лѣсахъ правыхъ притоковъ верхняго Конго, носятъ различныя названія, вѣроятно, въ зависимости отъ принадлежности къ разнымъ племенамъ. Чаще всего называютъ три имени: уамбути, батуа и акка. Послѣднее названіе слышалъ Швейнфуртъ, когда впервые столкнулся съ представителями этого народца при дворѣ короля момбуту Мунзы. Стэнли различаетъ среди нихъ два типа, отличающихся другъ отъ друга цвѣтомъ кожи, строеніемъ головы и чертами лица. У батуа, по его словамъ, голова продолговатая, лицо узкое, длинное, глаза красноватые, маленькіе, поставленные очень близко другъ къ другу, что придаетъ имъ угрюмый и пронырливый видъ. Въ чертахъ лица бросаются въ глаза выпяченныя губы, нависающія надъ подбородкомъ. Строеніе тѣла безобразное: узкая и плоская грудь, большой животъ, длинныя руки, вывернутыя внутрь въ колѣнахъ ноги съ короткой голенью. У уамбути лица круглыя, глаза большіе, блестящіе и выпуклые, какъ у газели, а цвѣтъ кожи, желтоватый какъ у старинной слоновой кости. Размѣры и тѣлосложеніе ихъ очень пропорціональные и правильные, руки крошечныя, пальцы тонкіе и длинные, но кожа на нихъ жестка и морщиниста. Большая часть этихъ племенъ ведетъ, подобно бушменамъ, бродячую жизнь, но нѣкоторыя переняли отъ сосѣдей самые простые пріемы обработки почвы и держатъ козъ. Помощью своего оружія, состоящаго изъ копій и маленькихъ луковъ со стрѣлами, густо смазанными ядомъ, они убиваютъ слоновъ, буйволовъ и антилопъ. Они вырываютъ въ лѣсу ямы и очень искусно прикрываютъ ихъ гибкими вѣтвями и листвой, а сверху посыпаютъ слегка землей. Они строятъ также нѣчто вродѣ навѣса, который держится на одной ліанѣ, разсыпаютъ подъ нимъ орѣхи или бананы для привлеченія чимпанзе или бабуиновъ; при малѣйшемъ движеніи сооруженіе это падаетъ и давитъ звѣря. По слѣдамъ хорьковъ, ихневмоновъ и другихъ звѣрьковъ они ставятъ самодѣйствующія западни, которыя душатъ добычу, стрѣляютъ птицъ, разыскиваютъ медъ дикихъ пчелъ: женщины ихъ собираютъ



Дѣвушка изъ карликоваго племени акка.

*

разные съѣдобные плоды, выкапываютъ при помощи острой палки луковицы и клубни. Карлики эти превосходные лазутчики и, благодаря знанію лѣса, раньше всѣхъ узнаютъ о приближеніи чужихъ людей. Ихъ незамѣтный ростъ, необычайная ловкость, знакомство съ лѣсомъ и глубокое коварство дѣлаютъ ихъ опасными врагами.

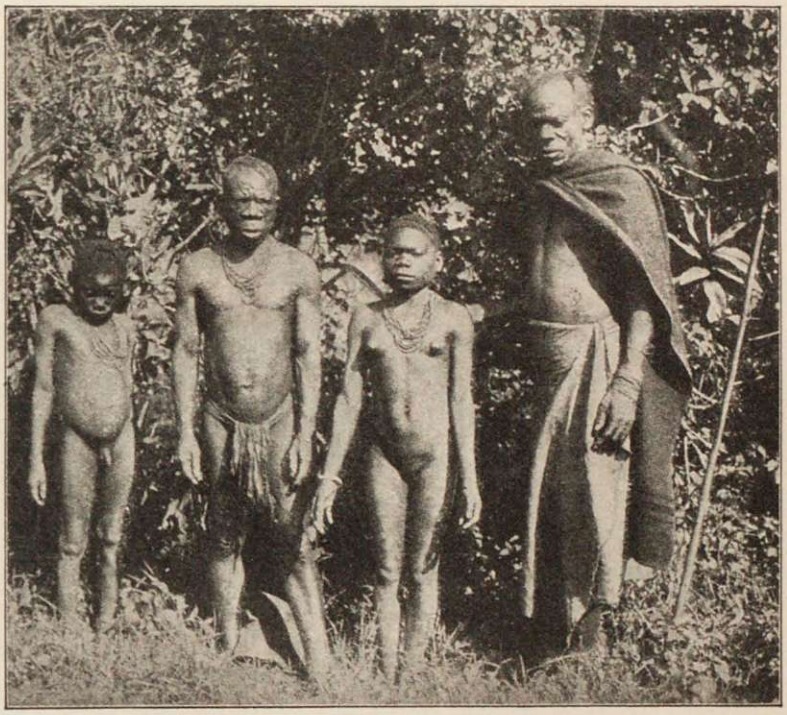
Жилища ихъ состоятъ изъ низкаго шалаша овальной формы вродѣ половинки яйца, перерѣзаннаго вдоль, со входами съ обоихъ концовъ. Они разставляютъ ихъ на лѣсной лужайкѣ, оставляя посединѣ мѣсто для хижины вождя, пространство вокругъ которой служитъ мѣстомъ сборища для всей общины. Въ стойбищахъ этихъ всегда найдутся запасы дичи, мѣховъ, звѣриныхъ кожъ и птичьихъ перьевъ, которыя служатъ карликамъ для промѣна сосѣдямъ на бананы, бататы, табакъ, копья, ножи и стрѣлы.

Ядъ, которымъ они смазываютъ стрѣлы, представляетъ изъ себя вещество темнаго цвѣта, вродѣ смолы или дегтя. Въ свѣжемъ состояніи оно смертельно, такъ что ударъ копья и даже уколъ стрѣлы убиваетъ не только небольшихъ животныхъ, но даже слона. Ядъ этотъ нельзя изготовлять въ селеніяхъ. Его выдѣлываютъ въ лѣсной трущобѣ, и тамъ же смазываютъ имъ наконечники копій и пропитываютъ имъ стрѣлы. Другой, употребляемый ими ядъ блѣдножелтаго цвѣта и похожъ на клей. Говорятъ, что его готовятъ изъ одного вида мелкихъ муравьевъ. Когда ядъ свѣжъ, онъ дѣйствуетъ чрезвычайно быстро: сперва чувствуется общая слабость, потомъ начинается сердцебіеніе, рвота, блѣдность, по тѣлу выступаютъ затѣмъ крупныя капли пота, и человѣкъ умираетъ. Тѣ племена, которыя усвоили начатки земледѣлія, разводятъ свои плантаціи самымъ простымъ способомъ. Для посадки банановъ они вырубаютъ въ избранномъ мѣстѣ лѣса кусты и подлѣсокъ, сажаютъ молодые побѣги въ неглубокіе ямки и затѣмъ сводятъ весь лѣсъ кругомъ, оставляя деревья валяться, какъ попало. Мѣсяцевъ черезъ шесть банановые побѣги разростаются среди торчащихъ корней и гніющихъ вѣтокъ до высоты 8 футовъ. Черезъ годъ они уже даютъ плоды.

Забота о сооруженіи жилищъ лежитъ исключительно на однѣхъ женщинахъ. Для устройства хижины онѣ нарѣзаютъ или наламываютъ вѣтокъ, втыкаютъ ихъ вокругъ избраннаго для хижины мѣста и сплетаютъ верхушки ихъ сводомъ, накрывая верхъ листьями фриніи или калатеи. Входъ въ хижину, представляющій отверстіе въ 50 сант. высоты, остается открытымъ; противъ него на кучкѣ земли въ видѣ гнѣзда горитъ огонь. Каждая семья обладаетъ ссбственной хижиной, чувство же общительности удовлетворяется тѣмъ, что всѣ хижины обращены своими входными отверстіями къ общей, окруженной ими площадкѣ, на которой валяются обрубки деревьевъ или стоятъ какія нибудь самыя примитивныя сооруженія, служащія для сидѣнія. Любопытно, что уамбути сооружаютъ корзины, въ которыхъ притаскиваютъ домой убитую добычу, совершенно такъ же, какъ свои хижины: они сплетаютъ маленькій шалашъ затѣмъ вытаскиваютъ концы вѣтокъ изъ земли, переворачиваютъ все сооруженіе и пользуются имъ какъ корзиной. Вообще же домашняя утварь карликовъ очень скудна: палки для вырыванія клубней и корней, сѣчки, ножи и копья встрѣчаются довольно рѣдко и въ большинствѣ случаевъ оказываются заимствованными у сосѣднихъ негритянскихъ племенъ. Въ числѣ встрѣченныхъ у нихъ орудій можно упомянуть крайне грубыя ступки или чашки и пестики изъ дерева, которыми они пользуются, когда готовятъ любимое свое блюдо, представляющее толченую смѣсь вяленаго или разложившагося мяса, банановъ, грибовъ, корней и разныхъ лѣсныхъ плодовъ. Что нибудь вродѣ горшковъ встрѣчается очень рѣдко, потому что кипяченіе воды и варка мяса неизвѣстны карликамъ, населяющимъ глубины лѣса и не затронутымъ вліяніемъ сосѣдей. Убитаго звѣря они жарятъ прямо на огнѣ въ собственной его шкурѣ или же обвертываютъ его листьями и подвергаютъ дѣйствію высокой температуры подъ золой, камнями и накаленной землей кострища. Часто также добычу вѣшаютъ надъ огнемъ и коптятъ или вялятъ ее.

Въ большинствѣ случаевъ карлики остаются на одномъ и томъ же мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не съѣдятъ послѣдняго куска убитой на немъ добычи. Какой нибудь павшій отъ старости буйволъ или слонъ заставляютъ ихъ устраиваться на мѣстѣ надолго. Они съѣдаютъ не только мясо и внутренности, но постепенно доходятъ до костей, съ которыхъ сцарапываютъ все что можно и даже толкутъ и поѣдаютъ болѣе мягкія части костяка, такъ что способъ питанія ихъ нерѣдко вызываетъ представленіе о такомъ положеніи, въ какомъ люди бываютъ на краю голодной смерти.

Объ одеждѣ карликовъ не приходится говорить вовсе. Давидъ, знакомый съ ихъ обычаями по личнымъ наблюденіямъ, замѣчаетъ, что никогда не видѣлъ у нихъ другого употребленія шкуры убитаго звѣря, кромѣ какъ въ пищу. Также не имѣютъ они никакого представленія о плетеніи рогожекъ изъ растительныхъ волоконъ. Единственное, до чего они достигли, это приготовленіе изъ луба одного тропическаго дерева чего то вродѣ ткани: карликъ расколачиваетъ слоновымъ зубомъ кору дерева до тѣхъ поръ, пока не станетъ тонкой, рѣдкой и гибкой; въ такомъ видѣ она служитъ имъ въ качествѣ пояса стыдливости. Для этой же цѣли служитъ красивая, полосатая шкура окапи, которую они разрѣзаютъ на ленты.



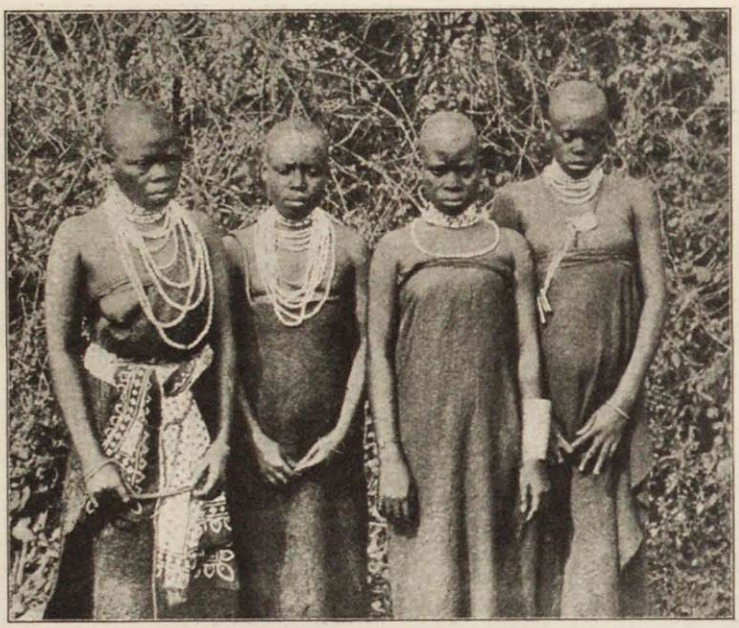
Карлики батуа.

Въ сравнительно недавнее время карлики представляли изъ себя чистыхъ лѣсныхъ бродягъ, „бедуиновъ лѣса“, какъ ихъ мѣтко назвалъ кто то. Когда въ бассейнъ Конго проникли арабы-негроторговцы и ихъ „ученики“, маньюмы и другія негритянскія племена, то по берегамъ рѣкъ и мѣстами по лѣсамъ завелись плантаціи, которыя карлики начали посѣщать съ цѣлью грабежа наравнѣ съ обезьянами, со стадами слоновъ и другими дикими звѣрями. Какъ ни богатъ тропическій лѣсъ животными, однако добываніе ихъ для пищи дѣло несравненно болѣе трудное, чѣмъ собираніе банановъ и другихъ плодовъ съ готовыхъ насажденій. Кое гдѣ отдѣльныя кучки и племена карликовъ постепенно научились сами разводить плантаціи. Такимъ образомъ они стали покидать чащи лѣса и въ послѣднее время держатся большею частью вблизи поселеній, которыя возникли на смѣну арабскихъ станцій и цериб послѣ того, какъ правительство Конго выгнало изъ своихъ владѣній хищниковъ арабовъ и ихъ приспѣшниковъ.

Несмотря на нѣкоторую перемѣну въ образѣ своей жизни карлики сохранили свои изумительныя способности въ качествѣ лѣсныхъ охотниковъ. На этомъ поприщѣ съ ними не сравняется никто. Стройное маленькое тѣло и природная ловкость позволяютъ пигмею пролѣзать сквозь, казалось бы, непроницаемую чащу ліанъ и скользить, подобно ящерицѣ,

по густому подлѣску. Искусство ихъ выслѣживать звѣря, терпѣливо выжидать появленія его, раставлять ловушки и западни въ надлежащихъ мѣстахъ, мѣткость въ стрѣльбѣ изъ лука превосходятъ всякое вѣроятіе.

„Кто объяснитъ мнѣ мое изумленіе,—говоритъ путешественникъ Давидъ,—когда мои маленькіе спутники увѣнчали свое искусство тѣмъ, что оказались въ состояніи прослѣдить внизу на землѣ на протяженіи нѣсколькихъ часовъ пути направленіе движенія обезьянъ, которыя скакали по верхушкамъ деревьевъ на высотѣ 80 м. надъ нами! По совершенно неуловимымъ для меня признакамъ, по едва разжеваннымъ остаткамъ пищи, по калу и запаху жидкости, по упавшимъ вѣткамъ и остаткамъ плодовъ мои маленькіе охотники угадывали безъ малѣйшей ошибки странствіе, то есть скачки и лазаніе обезьянъ. При этомъ они переговаривались другъ съ другомъ какимъ то особымъ пѣвучимъ шепотомъ, который безъ всякаго сомнѣнія не могъ спугнуть ни одного находившагося въ ближайшемъ сосѣдствѣ звѣря."



Женщины племени ватузи.

Большую часть добычи карлики добываютъ ловушками и западнями. Но они также превосходные стрѣлки. Лукъ у нихъ маленькій съ тетивой, искусно сплетенной изъ волоконъ ліаны, длиной въ 40 сант. Охотникъ носитъ съ собой около 20 стрѣлъ, представляющихъ деревянныя лучины съ заостренными концами, которыя отравлены и для безопасности обернуты въ листья фриніи.

Кромѣ этихъ стрѣлъ у нихъ есть другія съ разнообразными наконечниками изъ желѣза, смотря по тому, какому звѣрю и какую рану надо нанести. Эти желѣзные наконечники они изготовляютъ сами, такъ какъ многіе изъ нихъ оказываются довольно искусными кузнецами, такъ что даже снабжаютъ своими издѣліями менѣе искусныхъ сосѣдей негровъ.

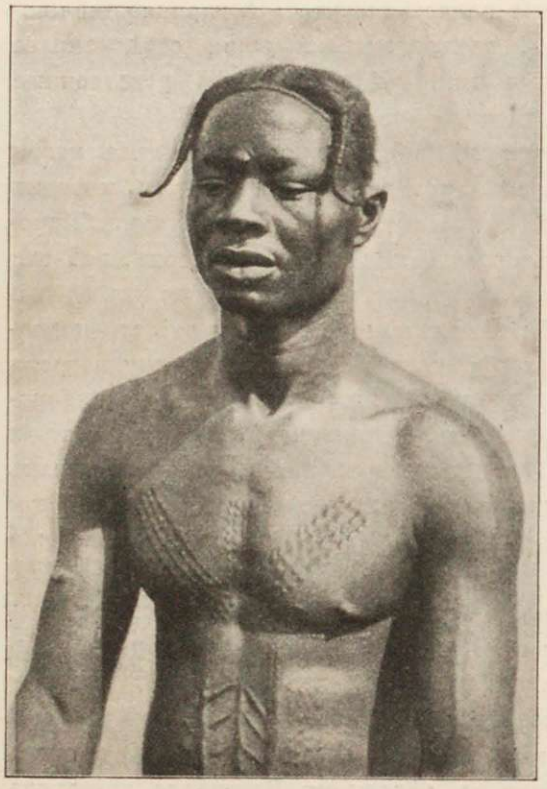
Что касается внѣшняго поведенія и характера карликовъ, то о сходствѣ ихъ съ обезьянами, о которомъ заключали поверхностные наблюдатели, не можетъ быть и рѣчи. Наоборотъ, карлики тихіе, спокойные люди, довольно замкнутые, но не избѣгающіе общества себѣ подобныхъ. Они не отличаются болтливостью, вѣроятно, потому, что жизнь въ лѣсу и привычка выслѣживать животныхъ пріучаютъ къ молчаливости и безшумной рѣчи. Счетъ имъ извѣстенъ, но считаютъ они свободно не далѣе 5, затѣмъ начинаютъ затрудняться. Положеніе женщины лучше, чѣмъ у негровъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ карлики не знаютъ многоженства, и женщины ихъ не продаются на сторону, „такъ какъ не умѣютъ работать". Людоѣдство также не распространено среди нихъ, и у многихъ племенъ вызываетъ даже отвращеніе. Мертвыхъ они хоронятъ „съ оружіемъ въ рукѣ", а иногда сжигаютъ. Вѣрованія уамбути трудно прослѣдить; никакихъ внѣшнихъ предметовъ богопочитанія, вродѣ фетишей и амулетовъ, изслѣдователи не замѣчали у нихъ, но, вѣроятно, существуетъ темное чувство страха предъ какими то злыми лѣсными духами.

посторонними эти карлики держатъ себя свободно и непринужденно, выгодно отличаясь въ этомъ отношеніи отъ своихъ сосѣдей негровъ. Они не татуируютъ себя и не носятъ никакихъ украшеній, которыя еще усиливали бы ихъ естественное безобразіе. Уамбути или, правильнѣе, мбути рѣзко отличаютъ себя отъ своихъ сосѣдей балессовъ, бавировъ, бамбуба, которые приближаются къ нимъ по малому росту, но имѣютъ мало общаго съ ними, такъ что ихъ считаютъ потомками передвинувшихся въ лѣса негровъ-земледѣльцевъ. Что касается въ частности карликовъ, извѣстныхъ подъ именемъ уамбути или мбути и живущихъ въ лѣсахъ по Итури, на водораздѣлѣ Конго и великихъ озеръ, то изслѣдователи отказываются видѣть въ нихъ отсталыя, одичавшія племена. По ихъ мнѣнію эти карлики являются исконными обитателями лѣса, долгое время жившими безъ соприкосновенія съ сосѣдями. Многіе считаютъ ихъ всетаки неграми, хотя по имѣющимся пока свѣдѣніями языкъ мбути (кимбути) не имѣетъ ничего общаго съ негритянскими языками, которыя объединяются подъ именемъ банту. Другіе полагаютъ, что всѣ карликовыя племена составляютъ остатки первобытнаго населенія центральной Африки, оттѣсненнаго здѣсь въ лѣсныя трущобы, а на югѣ въ безводныя степи Калахари, гдѣ родственные батуа бушмены ведутъ сходный съ ними образъ жизни.

Преобладающую массу населенія центральной лѣсной Африки составляютъ негры самыхъ разнообразныхъ племенъ. Несмотря на извѣстное разнообразіе типовъ и формъ быта, которое въ глазахъ неопытнаго наблюдателя чрезвычайно усиливается необыкновеннымъ богатствомъ разнаго рода уродствъ, раскрашиванія тѣла, причесокъ, всѣ эти племена все таки рѣзко отличаются отъ восточныхъ африканцевъ, съ которыми ихъ однако связываетъ безчисленное множество переходовъ. Прежде ученые соединяли всѣ эти народности вмѣстѣ съ восточными и юго-восточными африканцами въ одну группу негровъ б а н т у, руководствуясь общимъ сходствомъ ихъ безчисленныхъ нарѣчій; ихъ противопоставляли на этомъ основаніи суданскимъ чернокожимъ. Однако новѣйшія изслѣдованія выяснили неудобство такого дѣленія. Мы уже видѣли, что восточная Африка явилась какъ бы широкой степной дорогой, которая облегчила скотоводамъ сѣверо-восточной части Африки распространеніе на югъ почти до самаго южнаго берега. На пути переселенія эти кочевники-земледѣльцы не только смѣшивались съ истинными чернокожими Африки, но часто отклонялись далеко въ сторону на западъ, въ область лѣсовъ. Въ свою очередь лѣсныя племена бывали принуждены покидать первоначальное мѣстообитаніе и передвигались въ короткое время на громадныя разстоянія. Такъ напр., изъ португальскихъ хроникъ извѣстно, что племя Васимба подъ предводительствомъ царя Цимбо обрушилось около 1540-70 г. на владѣнія португальцевъ въ низовьяхъ Конго. Около 1580-90 г. этотъ Цимбо очутился уже на восточномъ берегу Африки, къ сѣверу отъ Занзибара, захватилъ Квилоа, едва не овладѣлъ городомъ Малинди, но, отбитый, пропалъ въ нѣдрахъ Африки, чтобы, спустя 10 лѣтъ, снова очутиться со своимъ народомъ на западномъ берегу возлѣ португальскихъ поселеній на рѣкѣ Кунене. Въ современную намъ эпоху, когда Стэнли проникъ въ бассейнъ внутренняго Конго, онъ уже засталъ по берегамъ рѣки вторгнувшихся сюда маньюмовъ, бангала и другія племена изъ бассейна великихъ озеръ. При этихъ безчисленныхъ передвиженіяхъ измѣнялся типъ населенія, измѣнялись, конечно, и нарѣчія, приближаясь къ общему сходству. Но какъ бы тамъ ни было, гораздо важнѣе измѣненій въ типѣ и языкѣ тѣ перемѣны, какія вносила въ бытъ населенія природа мѣстности. Характерной особенностью пейзажа внутренней Африки является влажный тропическій лѣсъ, не допускающій въ качествѣ главнаго занятія скотоводства, а толкающій человѣка къ земледѣлію. Оттого область эту, въ противоположность востоку Африки, можно назвать областью распространенія земледѣлія и областью древесной культуры. Дерево замѣняетъ кожу, земледѣліе смѣняетъ скотоводство, а это вноситъ полную перемѣну не только во всѣ отрасли жизни, но въ самый типъ и характеръ человѣка. Вмѣсто

круглыхъ, обмазанныхъ глиной или навозомъ хижинъ, появляются четырехугольныя хижины, какія по необходимости складываются изъ расщепленныхъ бревенъ. Деревни получаютъ видъ длинной улицы съ двумя рядами сливающихся почти въ одну постройку домовъ. Одежда, вмѣсто кожъ и шкуръ, дѣлается изъ листвы, ткань—изъ луба или растительныхъ волоконъ. Посуда, утварь деревянныя. Щиты плетеныя изъ вѣтвей, чаще круглой, а не овальной формы.

Большая обезпеченность жизни продуктами плантацій даетъ досугъ, который употребляется на украшеніе предметовъ обихода напр. посуды и мебели сложной рѣзьбой, на изготовленіе узорныхъ тканей, на изукрашиваніе собственнаго тѣла всевозможными способами. Связанная съ земледѣліемъ необходимость упорно трудиться по крайней мѣрѣ въ извѣстную пору года, не расчитывая при этомъ на немедленную награду за трудъ, какую



Туземецъ съ Конго съ татуировкой на тѣлѣ и съ прической въ видѣ роговъ.

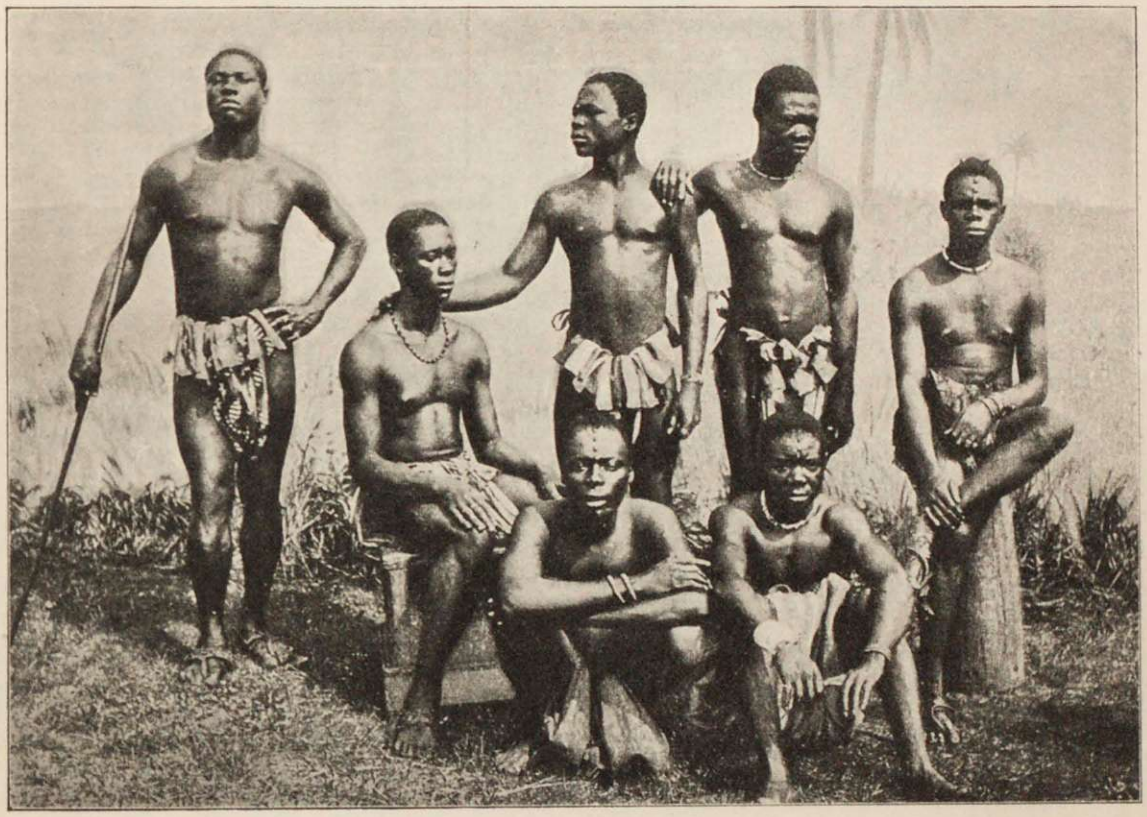
Туземецъ съ Конго съ татуировкой на лбу.

доставляетъ охотнику добыча, а скотоводу молоко и мясо его стадъ, производитъ глубокую перемѣну въ самомъ характерѣ. Создающаяся привычка къ труду или хотя бы къ заполненію свободнаго времени какою либо дѣятельностью вызываетъ къ жизни ремесла которыхъ не знаетъ скотоводъ. Увеличеніе общежитій создаетъ новыя усложненія, и для устраненія лишней вражды между сочленами служитъ религія съ ея сложными церемоніями, различными религіозными обрядами, множествомъ суевѣрій, какія неизвѣстны восточному африканцу. Обиліе растительной пищи и недостатокъ мясной развиваетъ ужасное людоѣдство. Наконецъ, въ прибрежной полосѣ, сосѣдство европейскихъ поселеній вноситъ новыя потребности и даетъ въ руки африканцевъ новые продукты, начиная отъ желѣзныхъ орудій до кофейниковъ и гармоники включительно. Этимъ объясняется гораздо большее разнообразіе предметовъ и формъ культуры, притомъ чисто африканской культуры, какое

изслѣдователи къ изумленію своему встрѣчаютъ въ западной, казалось бы болѣе удаленной, болѣе глухой части Африки, представляющей въ этомъ отношеніи царство чернокожихъ.

Было бы очень трудно не только описать разныя здѣшнія племена, но даже перечислить всѣхъ ихъ, начиная съ дикихъ обитателей тропическаго лѣса и кончая цивилизованными обитателями негритянской республики Либеріи, носящими чуть ли не крахмальное бѣлье и европейскую одежду. Необходимость заставляетъ ограничиться описаніемъ общихъ формъ быта негровъ, коснувшись въ главныхъ чертахъ разселенія крупнѣйшихъ племенъ на всемъ этомъ обширномъ пространствѣ. Какъ было указано выше охота во многихъ случаяхъ занимаетъ еще видное мѣсто у этихъ племенъ среди способовъ добыванія пищи.

Такъ, одно изъ сидящихъ по среднему теченію Конго племенъ, бангала, а также балуи являются неутомимыми охотниками, которые обнаруживаютъ при преслѣдованіи



Негры съ береговъ Конго.

всевозможной лѣсной дичи величайшую ловкость. Въ устьяхъ впадающихъ здѣсь въ Конго рѣкъ обитаютъ безчисленныя стада гиппопотамовъ, за которыми бангала и балуи охотятся въ лодкахъ.

Замѣтивъ одиноко спящаго въ самый полуденный зной гиппопотама, охотники приближаются къ нему, стараясь не произвести веслами ни малѣйшаго шума. Подобравшись къ звѣрю, одинъ изъ охотниковъ наноситъ ничего не подозрѣвающему чудовищу ударъ копьемъ, глубоко погружая его въ тѣло гиппопотама, между тѣмъ какъ другой сидитъ съ веслами на готовѣ, чтобы поскорѣе отъѣхать подальше отъ раненаго звѣря. Къ копью привязана веревка, на другомъ концѣ которой укрѣпленъ поплавокъ изъ легкаго дерева, для того, чтобы охотники могли всегда прослѣдить, куда направится раненое животное. Какъ, только оно, обезумѣвъ отъ боли, погружается въ воду, охотники

слѣдуютъ за нимъ на почтительномъ разстояніи, ожидая пока не наступитъ смерть. Всплывшій на поверхность трупъ звѣря они оттаскиваютъ на мелкое мѣсто и тамъ разрѣзаютъ на части. Эта опасная охота часто стоитъ людямъ жизни, потому что животное замѣчаетъ ихъ нерѣдко раньше, чѣмъ лодка успѣетъ отъѣхать прочь. Разбивъ однимъ ударомъ лодку, разозленный гиппопотамъ уродуетъ и топитъ охотниковъ.

По берегамъ Конго и другихъ рѣкъ еще кочуютъ стада слоновъ и буйволовъ, за которыми охотятся племена, живущія дальше вглубь страны, они продаютъ слоновую кость береговымъ жителямъ. Охотники строятъ на деревьяхъ платформы на такой высотѣ, чтобы слонъ не могъ достать ихъ хоботомъ. Такихъ платформъ въ разныхъ мѣстахъ лѣса можно встрѣтить много, причемъ располагаются онѣ въ мѣстахъ, лежащихъ на пути слоновъ къ пастбищу или водопою. Какъ только распространяется вѣсть, что слоны вошли въ лѣсъ, вооруженные смертоносными копьями туземцы спѣшатъ занять свои мѣста. Въ большинствѣ случаевъ они стараются вонзить животному копье между лопатками, и если

Типы четыреугольныхъ хижинъ Западной Африки.

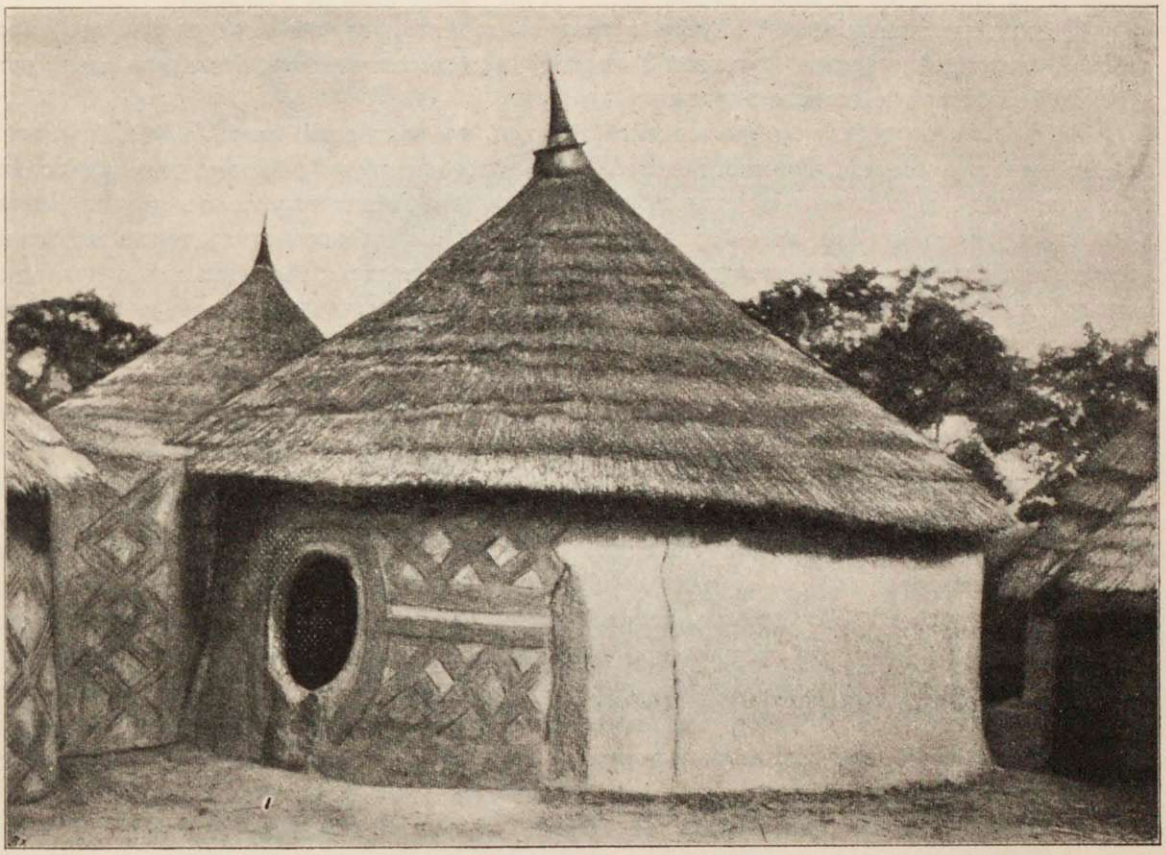
стадо подошло достаточно близко къ платформамъ, то охотнику удается иногда свалить двухъ или даже трехъ слоновъ.

Часто также туземцы охотятся на слоновъ пѣшкомъ, что, конечно, несравненно опаснѣе. Вооруженные однимъ только длиннымъ прочнымъ копьемъ съ широкимъ лезвеемъ они осторожно подползаютъ къ самому животному и норовятъ либо вонзить ему копье въ пахъ, либо подрѣзать сухожилья на заднихъ ногахъ. Въ первомъ случаѣ они вонзаютъ копье въ тѣло животнаго обѣими руками, изо всей силы, такъ что убиваютъ слона на мѣстѣ, или же ранятъ его настолько тяжело, что по кровавымъ слѣдамъ бываетъ легко прослѣдить его до лежки и добить. Нанеся ударъ охотникъ, конечно, пускается безъ оглядки на утекъ, чтобъ не попасться разъяренному животному, и скрывается между толстыми древесными стволами и въ кустахъ.

Оружіе, которое служитъ для охоты, а еще болѣе для войны, представляетъ разнообразныя формы. Въ общемъ, у всѣхъ лѣсныхъ племенъ наблюдается развитіе лука, оружія,

наиболѣе дѣйствительнаго въ лѣсу, гдѣ было бы трудно управляться тѣми длинными копьями съ громадными широкими лезвіями, съ какими идутъ въ бой дружины ваджаговъ или массаевъ. Луки не велики и имѣютъ тетиву не изъ кишекъ, а изъ древесныхъ волоконъ. Стрѣлы не могутъ быть крупными, и потому для усиленія дѣйствія ихъ туземцы прибѣгаютъ къ яду. Кромѣ лука, встрѣчаются метательные дротики. Щиты чаще плетеные или деревянные, обтянутые кожей. Формы оружія довольно разнообразны.

Такъ оружіе бакуба отличается по формѣ отъ оружія другихъ племенъ: ихъ кинжалы и наконечники стрѣлъ и копій имѣютъ съ обѣихъ сторонъ желобки, которые отсутствуютъ, напр., у балуба. Стрѣлы съ чрезвычайно разнообразными наконечниками имѣются у каждаго въ изобиліи, и носятъ ихъ обыкновенно въ колчанѣ, закинутомъ за лѣвое плечо. Лукъ имѣетъ въ



Типъ круглой хижины съ узорнымъ входомъ (Того).

длину $1^1/_2$ метра и снабженъ тетивой изъ волоконъ камыша. Щита они не употребляютъ, обыкновенный свой кинжалъ, икулло, они носятъ безъ ноженъ, съ правой стороны, у пояса. Пальмовая мочала служитъ матеріаломъ для ихъ пестро раскрашенныхъ, шириною въ метръ и длиною до $1^1/_2$ метра цыновокъ, а также для дорожныхъ корзинъ, достигающихъ метра и болѣе въ длину, которыя женщины носятъ на головѣ.

Жилища лѣсныхъ обитателей устроены нерѣдко очень хорошо. Тѣ же бакуба прямо поражаютъ техникой въ постройкѣ красивыхъ своихъ хижинъ и большихъ зданій, въ чемъ они превосходятъ многія другія племена. Самая планировка селеній часто очень разумна: вдоль длинныхъ улицъ расположены другъ послѣ друга домики почти въ европейскомъ стилѣ, размѣрами обыкновенно въ 2—4 метра въ длину, въ 2 метра въ ширину и 2 въ вышину. Состоятъ они изъ одной, рѣже двухъ комнатъ и для входа имѣютъ отверстіе въ

1/2 кв. метра. Строительный матеріалъ, доставляетъ винная пальма, а изъ листовыхъ черешковъ и жилокъ ея туземцы изготовляютъ стулья и скамьи.

На незастроенныхъ мѣстахъ деревни растутъ пальмы и большія тѣнистыя деревья, много маленькихъ хижинъ разбросано между бананами. Вездѣ царитъ полнѣйшая чистота, такъ какъ обитатели ежедневно метутъ хижины пальмовыми метлами. Пища приготовляется передъ хижинами. Жаркую пору дня мужчины проводятъ за куреньемъ подъ открытымъ навѣсомъ или въ тѣни деревьевъ. Всѣ здѣсь спокойны и беззаботны, даже рабы, которые, получая хорошую пищу, какъ дѣти, довольствуются минутой и совсѣмъ не думаютъ о своей печальной участи, ожидающей ихъ уже, быть можетъ, въ одинъ изъ ближайшихъ дней. Многочисленная деревенская молодежь пользуется прекраснымъ здоровьемъ и ведетъ привольную жизнь, не стѣсняемую ни одеждой, ни нравоученіями старшихъ.

Подобныя картины жизни внутри африканскаго материка, еще не испорченаго европейской культурой, надолго остаются въ памяти путешественниковъ, благодаря своей подкупающей простотѣ и естественности.

Въ рѣзьбѣ по дереву негры западной Африки, въ частности напр. бакуба, достигли величайшаго искусства. Они изтотовляютъ очень красивыя коробочки для раковинъ, жемчуга и красокъ, а также кубки для питья. Изъ дерева же они вырѣзаютъ своихъ неразлучныхъ спутницъ, трубки, очень оригинальной формы. Лодки и весла ихъ также выдѣланы весьма тщательно и отличаются своей формой. Каждая лодка, сдѣланная изъ одного древеснаго ствола, снабжена низкимъ килемъ, бока ея гладко оструганы, а конпы заострены. Весла плоскія, часто покрытыя рѣзьбой, съ длинной рукояткой. Бакуба гребутъ стоя, балубы же, напр., передвигаютъ свои грубыя корытообразныя лодки короткими веслами, сидя.

Грубую ткань изъ волоконъ рафіи, называемую мбала, ткутъ мужчины, тонкую же, разукрашенную разнообразнѣйшими узорами краснаго, чернаго и желтаго цвѣтовъ и называемую мпеле, приготовляютъ женщины. Въ приготовленіи этихъ тканей, ихъ окраскѣ и вышивкѣ бакуба достигли величайшаго искусства и ткутъ ихъ не только для собственнаго употребленія, но и для мѣновой торговли съ сосѣдями. При этомъ мужчины приготовляютъ основу и ткутъ мбала, затѣмъ каждый кусокъ длинною около метра и шириной около полуметра окрашивается въ красный цвѣтъ, и тутъ наступаетъ очередь женщинъ, которыя вышиваютъ по ткани разнообразнѣйшіе узоры. Приходится только удивляться, съ какимъ вкусомъ и какъ симметрично ухитряются онѣ располагать отдѣльныя части рисунка. Такого же искусства достигли они въ приготовленіи корзинъ и цыновокъ, съ голубыми, красными и желтыми узорами, которыя служатъ для покрышки сидѣній и постелей.

Извѣстно, что красную краску они дѣлаютъ изъ краснаго дерева, для чего толкутъ его въ порошокъ и смѣшиваютъ съ землей и водой, черную изъ древеснаго угля и бѣлую изъ глины; но относительно желтой и голубой красокъ ничего опредѣленнаго узнать не удалось, такъ какъ секретъ ихъ изготовленія они держатъ въ строжайшей тайнѣ.

Въ мѣстностяхъ, которые изобилуютъ желѣзной рудою, вездѣ существуетъ искусство обрабатывать желѣзо, встрѣчаются кузнецы. Желѣзо негры добываютъ слѣдующимъ образомъ: они строятъ изъ глины нѣчто вродѣ маленькой доменной печи, которую наполняютъ кусками желѣзной руды, перемѣшанными съ древеснымъ углемъ. Верхнее отверстіе также заполняется углемъ. Внизу, вокругъ печи, выкопано много ямъ, въ которыхъ помѣщаются раздувательные мѣхи, представляющіе вылѣпленную глиняную трубу съ расширеніемъ на одномъ концѣ, которое обвязывается мягкой козьей шкурой, къ которой, въ свою очередь, привязывается палка. Каждыя два такихъ поддувала обслуживаются однимъ человѣкомъ, который производитъ палками ритмическія движенія вверхъ и внизъ. Въ виду трудности работы, она производится смѣнами, такъ что въ ней принимаютъ участіе мужчины, жен-

щины и подростки всей деревни. Трудясь въ теченіе цѣлаго дня, такіе кузнецы добываютъ обыкновенно не болѣе двухъ желѣзныхъ слитковъ, въ кулакъ величиною.

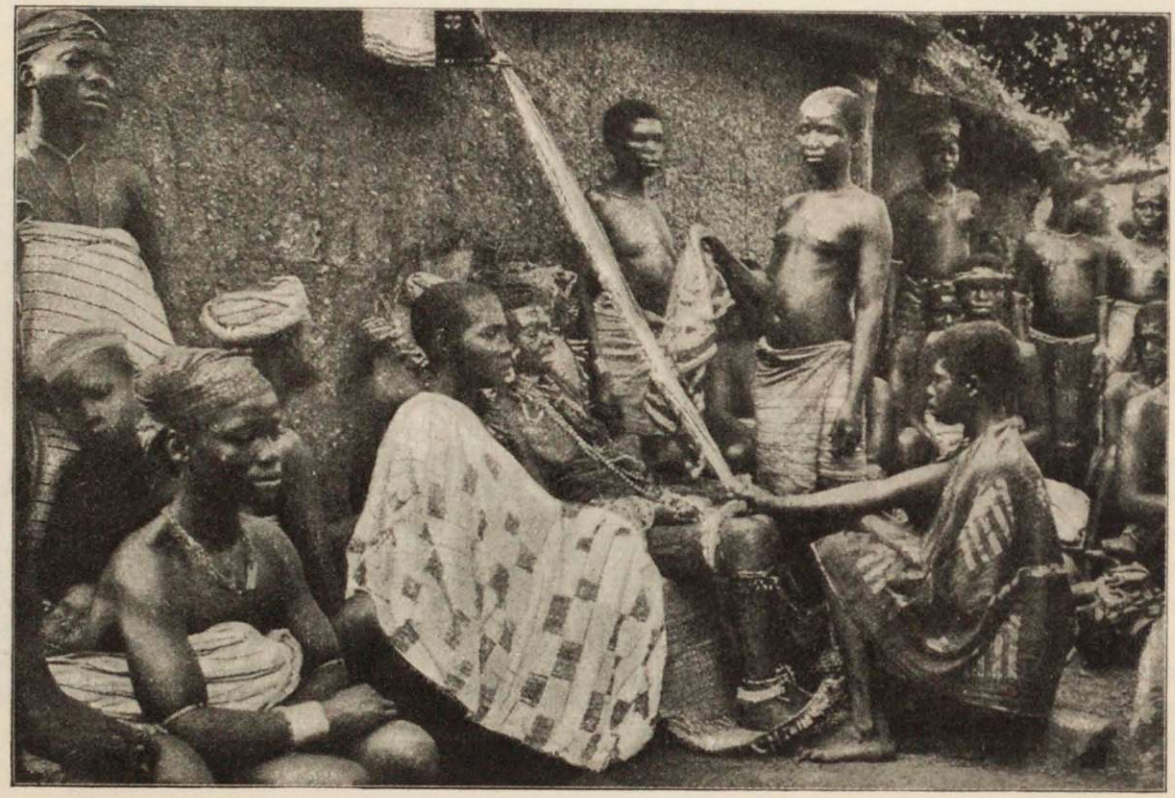
Люди, занимающіеся добываніемъ желѣза, не всегда сами занимаются кузнечнымъ мастерствомъ. Кузнецы нерѣдко образуютъ особое сословіе. Они выковываютъ наконечники копій, мотыги, ножи и оригинальной серповидной формы легкіе топоры. Затѣмъ слѣдуютъ предметы украшеній, толстые и тонкіе ручные и ножные браслеты, цѣпи, кольца, которыя носятъ вокругъ лодыжки и иногда вокругъ запястья. Въ качествѣ платы кузнецы берутъ руду или необработанное желѣзо въ двойномъ или тройномъ количествѣ противъ потраченнаго на изготовленіе даннаго предмета, а также пищу и другіе продукты. Послѣдній способъ обмѣна самый употребительный, такъ какъ кузнецы сами мало занимаются хозяйствомъ, и то лишь на тотъ случай, чтобы не умереть съ голоду, когда дѣла плохи.

При живости характера, при впечатлительности и подвижности своей неудивительно, что негры страстно любятъ пляски и разнообразную музыку, отличительной особенностью которой является страшный шумъ и быстрый темпъ, что характеризуетъ и ихъ пляски. Танцы подъ грохотъ туземной музыки самое любимое увеселеніе негровъ, которому они предаются часами, цѣлыми ночами, доходя до самозабвенія. Всякое радостное событіе находитъ себѣ въ концѣ концовъ выраженіе въ пляскѣ. Въ самыхъ тяжелыхъ условіяхъ, въ неволѣ, въ состояніи крайняго угнетенія духа, изможденные трудомъ и голодомъ чернокожіе не въ состояніи долго устоять передъ заманчиво звучащими мелодіями и отдаются пляскѣ, заглушая возбужденными тѣлодвиженіями горести и страданія на подобіе того, какъ пьяница, топитъ ихъ въ винѣ. Пляски распространены вмѣстѣ съ разными музыкальными инструментами у всѣхъ племенъ, но наибольшее разнообразіе наблюдается въ этомъ случаѣ, какъ и вообще въ отношеніи другихъ искусствъ, у земледѣльческихъ племенъ центральной Африки.

Трупъ покойника, котораго предполагается выбросить въ кусты.

Всякія празднества сопровождаются у чернокожихъ музыкой и танцами. Танцы совершаются въ тактъ мелодіи, а инструментальная музыка сопровождается пѣніемъ и ритмическимъ хлопаньемъ въ ладоши. Какъ музыка, такъ и танцы связаны съ религіозными обрядами и часто служатъ дополненіемъ религіозныхъ празднествъ. Главный негритянскій инструментъ, барабанъ, пользуется извѣстнымъ почтеніемъ и украшается обыкновенно разными эмблемами, человѣческими костями и черепами. Точно также и танцы, сообразно своему значенію, носятъ самый различный характеръ и могутъ быть раздѣлены на нѣсколько группъ: на веселые и печальные танцы, на религіозные, военные, побѣдные, на танцы мертвыхъ и танцы фетишей. Въ противоположность танцамъ, музыка, благодаря уже самому инструменту, довольно однообразна. Мелодія пѣсенъ находится въ зависимости отъ ихъ

содержанія, но въ общемъ она монотонна и протяжна. Національнымъ инструментомъ негровъ является барабанъ, но на берегу Гвинейскаго залива онъ вытѣсняется европейскими инструментами, изъ которыхъ наибольшій успѣхъ имѣютъ гармоники, жестяныя трубы и тромбоны, а также литавры. Здѣсь негры, познакомившіеся съ европейской цивилизаціей, не чужды также и европейскихъ танцевъ. Такъ высшіе слои чернаго населенія на побережьи Того, состоящіе преимущественно изъ крупныхъ комиссіонеровъ и купцовъ, имѣютъ собственную музыкальную труппу, въ которой, однако, главными инструментами являются басъ и турецкій барабанъ, подъ ритмическое уханье котораго черные кавалеры отплясываютъ съ дамами изъ высшаго туземнаго общества. Кавалеры носятъ сюртукъ, цилиндръ и высокіе воротнички; что касается дамъ, то онѣ много уступаютъ кавалерамъ въ отношеніи костюма, такъ какъ неохотно носятъ въ жаркую пору тяжелое платье. Въ лучшемъ



Причитанія надъ покойникомъ въ Того.

случаѣ онѣ мирятся съ пестрымъ ситцевымъ платьемъ, покроемъ напоминающимъ современные дамскіе костюмы, чаще же довольствуются кускомъ матеріи, повязаннымъ вокругъ бедеръ.

Племя эве въ Камерунѣ вмѣсто барабановъ употребляетъ тыквенныя погремушки, такъ какъ ихъ легче изготовлять. Дѣлаются онѣ изъ цѣльной тыквы, украшаемой снаружи раковинами каури, а внутри насыпаны тѣ же раковины. Дальше вглубь страны попадаются еще барабаны и трубы изъ слоновой кости, которые составляютъ общественную собственность, такъ сказать, національное богатство. Съ появленіемъ въ странѣ европейцевъ и огнестрѣльнаго оружія исчезли постепенно звѣри, изъ кожи, роговъ, зубовъ и костей которыхъ негры приготовляли свои инструменты; вѣроятно исчезли бы также безслѣдно и барабаны съ погремушками, если бы тому не препятствовали колдуны и нѣкоторыя религіозныя секты, которыя строго слѣдятъ за тѣмъ, чтобы во время празднествъ не употреблялось ничего

европейскаго. Они пользуются еще погремушками, барабанами и гонгонами—такъ называются сдѣланные изъ желѣза колпаки, по которымъ во время танцевъ выбиваютъ палкою тактъ. Въ подобныхъ празднествахъ принимаютъ участіе только члены религіознаго сообщества, и всякій непосвященный, пытающійся проникнуть въ этотъ замкнутый кругъ, навлекаетъ на себя месть жрецовъ. Молодыя дѣвушки, принадлежащія къ такому сообществу, носятъ ожерелья и украшенія изъ раковинъ и металлическія кольца на рукахъ и ногахъ. Кромѣ того онѣ отмѣчаютъ себя особымъ знакомъ, въ видѣ бѣлыхъ продольныхъ полосъ на вискахъ, груди и голеняхъ. Волосы онѣ либо заплетаютъ въ мелкія косицы, либо дѣлаютъ изъ нихъ съ помощью какого-то древеснаго сока цѣлыя сооруженія въ видѣ фантастическихъ роговъ и проч.

Въ такомъ видѣ принадлежащія къ сообществу дѣвушки ходятъ по нѣсколько недѣль до начала празднества. Танцы и празднества происходятъ обыкновенно въ свѣтлыя лунныя ночи, и имъ предшествуютъ пиршества, сопровождающіяся обыкновенно въ прибрежныхъ мѣстностяхъ пьянствомъ. Танцы происходятъ въ закрытомъ дворѣ; присутствующіе, составляютъ кругъ метровъ 5—6 въ поперечникѣ, въ которомъ танцуетъ парень или дѣвушка. По мѣрѣ увеличивающейся быстроты движеній, ускоряется также темпъ музыки и пѣнія, а также хлопанья въ ладоши окружающихъ зрителей. Обыкновенно въ этомъ случаѣ употребляется маленькій барабанъ, едва достигающій $^1/_2$ метра вышины, по которому музыкантъ ударяетъ обѣими руками, въ то время какъ окружающія дѣвушки производятъ тыквенными погремушками шумъ, доводящій танцующаго до экстаза.

Барабаньщикъ изъ Бассари (Того).

Кромѣ барабановъ, роговъ изъ слоновыхъ клыковъ и разныхъ погремушекъ существуютъ и другіе инструменты, въ числѣ которыхъ можно назвать „маримбу“, родъ цимбаловъ, причемъ металическія пластинки нашихъ цимбаловъ замѣнены пустыми сосудами разной величины. Далѣе у ньямъ-ньямовъ очень распространенъ струнный инструментъ въ видѣ маленькой арфы съ нѣсколькими струнами, который во время игры держатъ между колѣнъ. Вообще, инструменты у негровъ въ связи съ ихъ несомнѣнной склонностью къ музыкѣ многочисленны и разнообразны.

Въ мѣстностяхъ, внутри страны, гдѣ племена пользуются еще самоуправленіемъ и живутъ подъ властью отдѣльныхъ вождей, барабаны составляютъ, какъ было уже упомянуто выше, въ нѣкоторомъ родѣ національное имущество и въ военное и мирное время имѣютъ особое значеніе. Они замѣняютъ нашъ телефонъ, и вождь, на дворѣ котораго они обыкновенно стоятъ, подаетъ съ помощью ихъ сигналы на особомъ барабанномъ языкѣ. Обыкновенно вѣсть о появленіи бѣлыхъ облетаетъ всю страну задолго до ихъ прибытія. Въ военное время большой сигнальный барабанъ призываетъ воиновъ съ полей къ оружію,

Африканскіе цимбалы «баленге».

а также оповѣщаетъ о засѣданіяхъ суда или призываетъ къ танцамъ. Большіе барабаны дѣлаются обыкновенно изъ цѣльнаго, полаго внутри куска дерева, длиною до $1^1/_2$ метра; отверстіе, на которомъ натянута кожа, имѣетъ въ діаметрѣ отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ метра, нижній же конецъ, служащій резонаторомъ, обыкновенно бываетъ заостренъ. Иногда, какънапр., въ Дагомеѣ, барабанъ дѣлается изъ глины. Натягивается на него обыкновенно кожа леопарда, буйвола или слона, иногда же для этого служатъ слоновьи уши. Кожа употребляется невыдѣланная и обращена волосами внутрь. При употребленіи такой барабанъ кладутъ въ наклонномъ положеніи на деревянную подставку, и барабанщикъ бьетъ по нему двумя крючкообразными палками. Кромѣ барабана, употребляется также упомянутый выше гонгонъ, нѣчто вродѣ коровьяго звонка, которымъ пользуются также деревенскіе глашатаи.

Барабанный языкъ состоитъ у однихъ племенъ изъ цѣлыхъ фразъ, соотвѣтствующихъ разнымъ случаямъ жизни. Такъ, при объявленіи войны дается сигналъ: „сегодня не хорошо на свѣтѣ, берите ружье, берите патроны и собирайтесь сейчасъ же“. Для танцевъ слова сигнала слѣдующія: „день наступаетъ, ничего худого не предвидится; всѣ видятъ восходящее солнце, видятъ бога, видятъ землю; кто сдѣлаетъ что либо худое, завтра наступитъ день, который его осудитъ“. О смерти члена общины объявляется такъ: „пусть каждый знаетъ, что сегодня не хорошо на землѣ, умеръ человѣкъ, ушелъ навсегда“. Особенно богатъ барабанный языкъ негровъ

Туалетъ покойника (берегъ Слоновой кости).

Золотого берега, гдѣ во время походовъ барабанщики обоихъ враждебныхъ войскъ барабанятъ съ его помощью. цѣлые пѣсни въ честь храбрости своихъ воиновъ. Въ Того языкомъ этимъ пользуются преимущественно ночью, такъ какъ въ тишинѣ звуки гораздо слышнѣе. Обыкновенно сигналы раздаются чаще всего вскорѣ послѣ захода солнца, а также передъ его восходомъ, причемъ каждый сигналъ повторяется для большей вразумительности два и три раза, другія же деревни отвѣчаютъ.

Гораздо сложнѣе барабанный языкъ у негровъ дуала въ Камерунѣ. Съ помощью его человѣкъ можетъ переговариваться обо всемъ съ другимъ человѣкомъ на разстояніи цѣлыхъ километровъ, спрашивать его, разсказывать цѣлыя исторіи, звать, бранить. Способъ этотъ представляетъ не систему сигнализаціи, но своеобразное нарѣчіе, которое надо спеціально изучать.

Употребляемый при этомъ инструментъ представляетъ горизонтально положенный цилиндрическій кусокъ твердаго краснаго дерева, длиною въ 50 сант. и въ діаметрѣ 25 сант. Въ цилиндрѣ, въ продольномъ направленіи, сдѣланы два прорѣза въ 20 сант. длины, черезъ которые внутренность цилиндра выдалбливается, а по краямъ оставлены утолщенія. При помощи двухъ палокъ изъ этого цилиндра извлекаютъ два различной высоты звука, тонъ которыхъ зависитъ отъ разницы въ толщинѣ цилиндра. Вотъ и весь приборъ. Научиться его употребленію и способу образованія словъ чрезвычайно трудно. Было бы трудно составить себѣ представленіе объ этомъ языкѣ, если бы онъ не обладалъ одной особенностью: то, что передается при помощи барабана, можно передать также съ

«Король» съ Гвинейскаго берега.

помощью языка, подражая барабану. Для этого служатъ опредѣленные слоги. Такимъ образомъ получается своего рода условный языкъ, которымъ туземцы часто пользуются, когда не хотятъ, чтобы бѣлый, знающій языкъ дуала, понялъ ихъ. Иногда туземцы передаютъ слова барабаннаго языка при помощи свиста или же щелкая пальцами по щекѣ.

„Вода, рѣка“ на языкѣ дуала называется мадиба, на барабанномъ языкѣ—токолоулоколоуло; „я хочу“—нанула, а на барабанномъ—колоулу; „ѣсть“—да, на барабанномъ—токолокулоколото. Переданныя на барабанѣ, эти слова состоятъ изъ количества ударовъ по числу слоговъ. Если принять во вниманіе, что всѣ эти чрезвычайно похожіе другъ на друга звуки выстукиваются чрезвычайно быстро, то сдѣлается понятнымъ, что изучить барабанный языкъ чрезвычайно трудно, несмотря на то, что это изученіе весьма облегчается устной передачей языка. Даже изъ туземцевъ барабаннымъ языкомъ владѣютъ лишь наиболѣе знатные.

Въ религіозныхъ вѣрованіяхъ негровъ не проглядываютъ нравственныя начала. Болѣзни, смерть, всякія несчастія, причина которыхъ непонятна, приписываются ими злому существу, которое надо умилостивлять. Нерѣдко, однако, такой злой духъ принимаетъ образъ человѣка, и тогда ужъ дѣло оганга, жреца и колдуна, открыть виновника несчастія, который затѣмъ подвергается жестокой мести народа. Несмотря на долгія сношенія негровъ съ бѣлыми, вѣрованіе это продолжаетъ существовать даже у береговыхъ племенъ Гвинеи. Еще до настоящаго времени не одна тысяча дикарей ежегодно падаетъ жертвой религіознаго шарлатанства оганга.

Въ странахъ къ югу отъ Конго и подверженныхъ преимущественно португальскому вліянію подобныя вѣрованія и обычаи называются фетишизмомъ, — отъ португальскаго слова fetisso—идолъ. Въ Европѣ царили нѣкогда подобныя же вѣрованія. Ибо что такое эти жестокія преслѣдованія вѣдьмъ и колдуній, свирѣпствовавшія въ теченіе всего средневѣковья, какъ не европейскій фетишизмъ, который по своимъ ужаснымъ результатамъ и по употребляемымъ имъ средствамъ ни на волосъ не отличается отъ африканскаго фетишизма.

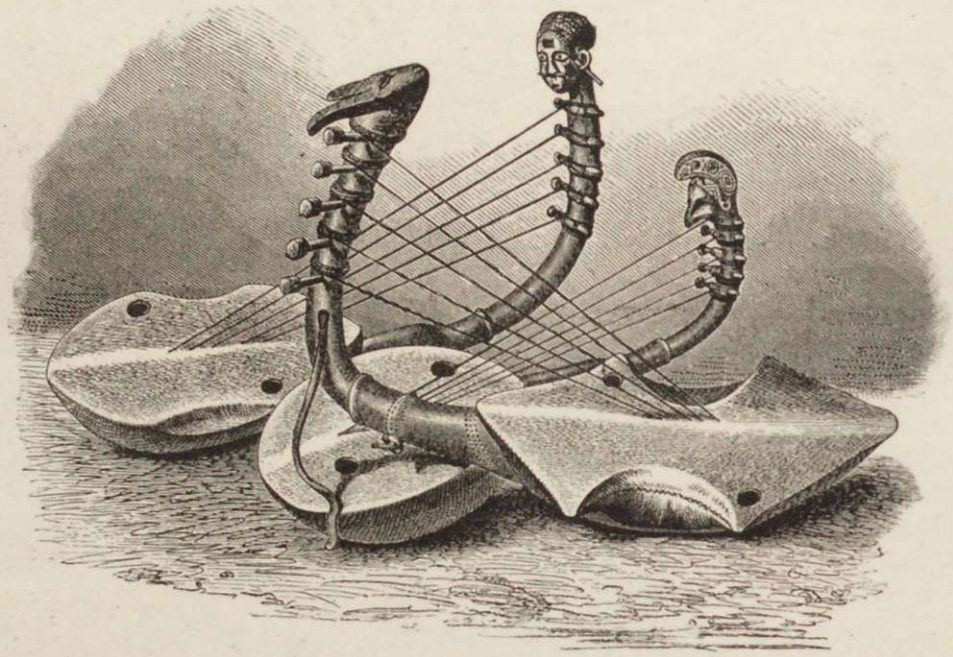
По сообщеніямъ Бастіана, на побережьѣ Лоанго, колдунъ или колдунья называется эндоксъ; имъ противоставляется жрецъ оганга, повелитель колдуновъ, который, однако, самъ нерѣдко является волшебникомъ или колдуномъ. Эндоксъ—никто и каждый; никто (за немногими исключеніями) не признаетъ себя таковымъ. Зато сословіе оганго вполнѣ признанное, иногда даже установленное властью, и образуетъ своего рода іерархію, благодаря распредѣленію различныхъ обязанностей между отдѣльными лицами. На обязанности оганга лежитъ, главнымъ образомъ, защищать людей отъ эндоксовъ, обезвреживать послѣднихъ и потому, какъ только на какую нибудь семью обрушится бѣдствіе вродѣ внезапной смерти или болѣзни, тотчасъ же пострадавшіе обращаются къ мѣстному оганга съ запросомъ по поводу эндокса—виновника происшествія. Послѣ разныхъ церемоній и фокусовъ жрецъ указываетъ на кого либо, какъ на эндокса, и у нѣкоторыхъ племенъ этого бываетъ вполнѣ достаточно, чтобы предать человѣка жестокой казни. Но въ большинствѣ случаевъ виновный подвергается божьему суду, заключающемуся въ питьѣ н'касса. Если онъ выходитъ изъ этого суда, успѣхъ котораго, кстати сказать, всецѣло зависитъ отъ жреца, побѣдителемъ, то получаетъ свободу и вознагражденіе.

Такъ какъ никто, даже самыя уважаемыя лица, не гарантированы отъ того, что ихъ въ одинъ прекрасный день не объявятъ эндоксами, то здѣшніе царьки, при своемъ воцареніи, открыто объявляются эндоксами и такимъ образомъ обезпечиваютъ себя противъ шарлатанства оганга. При этомъ они даютъ родъ обязательства помогать своимъ подданнымъ въ бѣдствіяхъ, которыя будутъ приписаны ихъ дурному вліянію, какъ эндоксовъ. Отъ божьяго суда они также освобождены, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда ихъ вызываетъ на это равный по положенію вождь. Въ этомъ случаѣ происходитъ нѣчто вродѣ

Ножи, маски и циновки съ верхняго Конго.

поединка, изъ котораго побѣдителемъ выходитъ обыкновенно тотъ, кто сумѣетъ привлечь на свою сторону оганга.

У негритянскихъ племенъ Лоанго и Конго всякій имѣетъ одного или нѣсколько идоловъ-фетишей,—уродливыя фигурки, сдѣланныя изъ глины или дерева. Почти у каждаго фетиша на животѣ укрѣпленъ кусочекъ зеркала, въ который оганга смотритъ, когда надо бываетъ опредѣлить, кто оскорбилъ идола. Для всякаго рода преступленій и несчастій имѣются спеціальные фетиши, къ которымъ обращаются за помощью въ соотвѣтствующихъ случаяхъ и которые открываютъ преступника. „Дѣйствія совершаемыя надъ этими фетишами,—пишетъ Бастіанъ,—сводятся къ извѣстному и въ другихъ частяхъ свѣта вбиванью гвоздей. Вбивая въ деревянную фигуру освященный гвоздь, который въ особенно важныхъ случаяхъ предварительно накаляется, ей напоминаютъ причиненіемъ боли ея обязанности, и лишь послѣ того какъ фетишъ указалъ виновнаго, гвоздь вытаскиваютъ и залечиваютъ рану, т. е. затыкаютъ дыру.



Арфы племени Занде (центральная Африка).

Могущественный демонъ, конечно, страшно гнѣвается на того, изъ за кого ему причиняютъ страданія, и такъ какъ онъ старается отмстить преступнику, то въ случаѣ кражи, напримѣръ, воръ тотчасъ же возвращаетъ украденное, какъ только услышитъ, что обворованный намѣревается вбить гвоздь въ фетиша. Этотъ обрядъ совершается также и для предупрежденія преступленій; напр., если кто нибудь даетъ важное порученіе рабу, то онъ предварительно посылаетъ за фетишемъ и въ присутствіи всей дворни вбиваетъ въ него гвозди, причемъ вбиваніе каждаго гвоздя сопровождается проклятіями по адресу тѣхъ, кто осмѣлится совершить преступленіе. Обѣщанія и обѣты также получаютъ большую силу благодаря вбиванію гвоздей. Если напр., хозяинъ не можетъ отучить своего слугу отъ пьянства, то онъ на его глазахъ велитъ вбивать гвозди въ соотвѣтствующаго фетиша, и тогда страхъ передъ болѣзнью или смертью, которыя должны поразить нарушителя обѣщанія, оказываются лучшимъ средствомъ воздѣйствія.

Приготовленіе гвоздей лежитъ на обязанности кузнеца, который выполняетъ также и функціи жреца. Обычай этотъ существуетъ не только въ Конго, но и у негровъ бас-

сейна рѣки Огове. У фановъ, напр., кузнецъ въ то же время и жрецъ, и нѣкоторыя племена, которымъ кузнечное ремесло не чуждо, вѣшаютъ въ своихъ предназначенныхъ для фетишей домахъ, въ знакъ почитанія, оригинальнаго устройства кузнечные мѣхи, распространенные во всей экваторіальной Африкѣ.

Въ Габунѣ и Огове фигурныя изображенія фетишей немногочисленны. Лишь у нѣкоторыхъ племенъ при входѣ въ хижину или въ селеніе встрѣчаются грубо обтесанныя деревянныя фигуры, охраняющія поселеніе. Далѣе въ глубинѣ страны идоловъ гораздо больше. Вырѣзанные изъ дерева и обвѣшанные разными лоскутками и бусами, они хранятся въ особыхъ хижинахъ и во время празднествъ показываются народу, который пляшетъ вокругъ нихъ.

Обычай, напоминающій средневѣковый судъ божій и заключающійся въ выпиваніи ядовитаго напитка н'касса, весьма распространенъ въ Западной Африкѣ. Что бы ни случилось, болѣзнь ли, смерть или какое другое бѣдствіе, все приписывается дурному вліянію или колдовству. Тотчасъ обращаются къ содѣйствію оганга. Онъ находитъ виновнаго, котораго либо убиваютъ, либо продаютъ въ рабство, а имущество конфискуютъ. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ заподозрѣнному предлагаютъ сосудъ съ ядовитымъ напиткомъ. Подобныя обвиненія имѣютъ мѣсто даже въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ умираетъ отъ для всѣхъ очевидныхъ поврежденій. Такъ, однажды въ Камерунѣ крокодилъ вытащилъ какого-то негра изъ лодки и пожралъ его. Казалось бы, дѣло ясно; но тѣмъ не менѣе стали искать и нашли виновника, который якобы заколдовалъ крокодила и явился причиной смерти. Его присудили къ н'касса, отъ котораго онъ и умеръ.

Какъ только у Бенгуэла кто нибудь умираетъ скоропостижно, немедленно приступаютъ къ поискамъ виновнаго. Иногда въ такихъ случаяхъ покойнику повязываютъ лобъ ниткой жемчуга и затѣмъ приглашаютъ жреца спросить его, не желаетъ ли онъ самъ отыскать виновника. Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, конечно, по толкованію жреца, родственники кладутъ трупъ на носилки и обходятъ съ нимъ деревню. Въ концѣ концовъ процессія останавливается передъ какой нибудь хижиной, и тогда несущіе трупъ объявляютъ, что покойникъ не пускаетъ ихъ дальше, такъ какъ убійца его здѣсь. Люди врываются въ хижину, уничтожаютъ и жгутъ все, а обитателя ея убиваютъ. Разумѣется, оганга заранѣе намѣчаетъ человѣка, котораго ему выгодно погубить.

Другой способъ найти виновнаго заключается въ томъ, что ближайшіе родственники пострадавшаго отправляются къ оганга и объявляютъ кого нибудь колдуномъ. Послѣдняго схватываютъ, но не убиваютъ, а заставляютъ выпить н'касса. И обвинитель, и обвиняемый выпиваютъ ядовитый напитокъ и затѣмъ тотъ, кого раньше вырветъ, объявляется невиннымъ, другого признаютъ колдуномъ и обыкновенно убиваютъ самымъ варварскимъ способомъ, если только онъ еще раньше не умретъ отъ отравы.

Обряды, сопровождающіе судъ надъ колдунами у различныхъ племенъ, неодинаковы; въ извѣстной степени они зависятъ также отъ общественнаго положенія обвиняемаго. У нѣкоторыхъ племенъ послѣдній, выпивши ядовитый напитокъ, долженъ пробѣжать черезъ рядъ луковъ, поставленныхъ на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга. Стоитъ ему при этомъ споткнуться или упасть—и участь его рѣшена. Обыкновенно обреченнаго еще наканунѣ запираютъ въ хижину, вокругъ которой женщины и дѣти пляшутъ и поютъ цѣлую ночь. Къ испытанію мужчины являются, вооруженные ножами и палками, и если только бѣдняга, при прыжкѣ черезъ натянутый лукъ, хоть слегка споткнется, всѣ накидываются на него и буквально разрываютъ на клочки.

Все дѣло зависитъ здѣсь отъ того, намѣренъ ли жрецъ смягчить дѣйствіе яда, и потому сторона, которая лучше умѣетъ ладить съ оганга, остается правой.

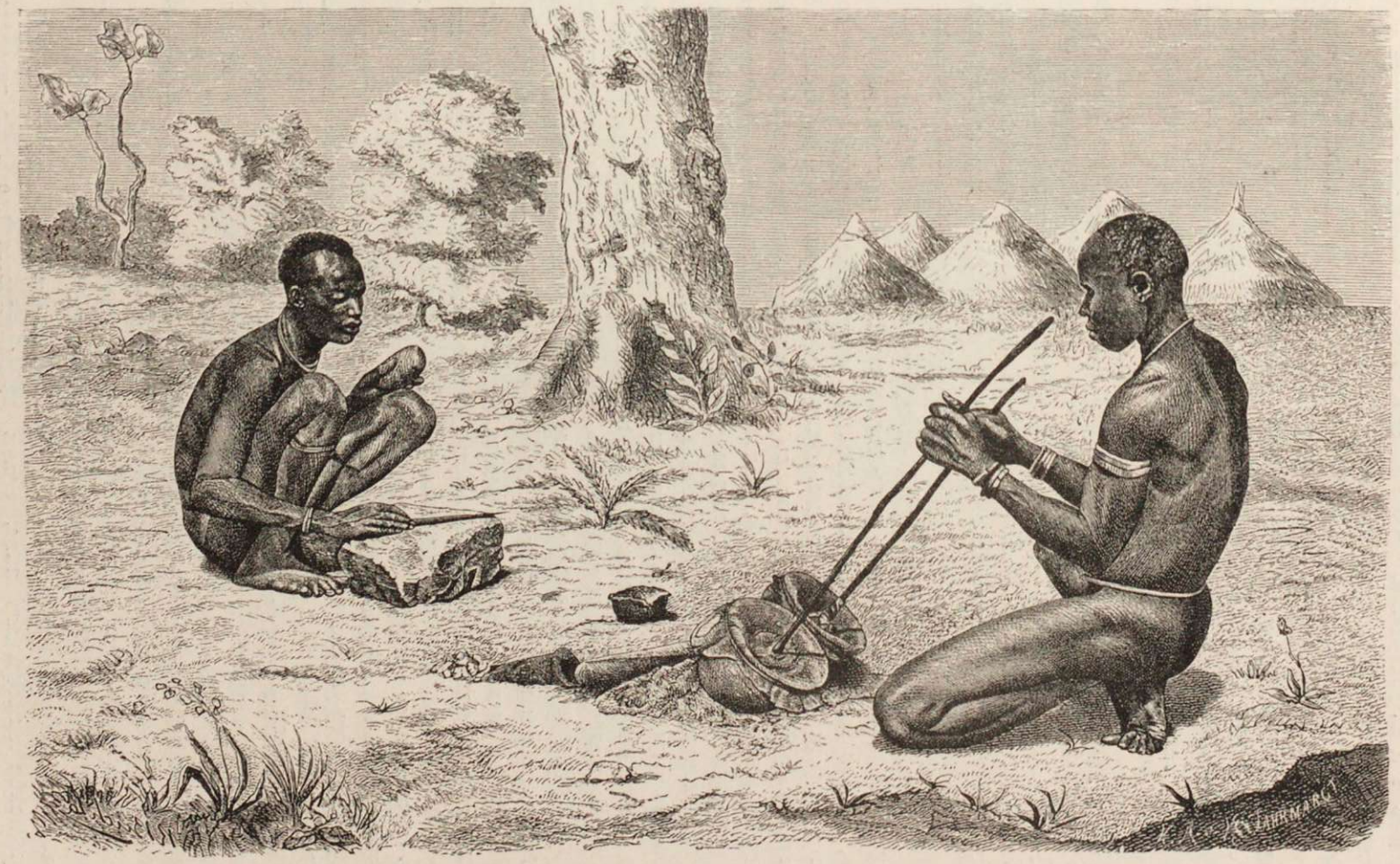
Дюшалью присутствовалъ во время своего путешествія въ страну Ашонго при подобномъ божьемъ судѣ, который, однако, кончился благополучно. У богатаго и вліятельнаго

вождя умерли отъ оспы близкіе родные. Въ этомъ заподозрили трехъ племянниковъ царька, которыхъ и подвергли испытанію н'касса. Утромъ, въ присутствіи всей деревни, вождя и оганга, обвиняемые выпили ядовитый напитокъ. Спустя нѣкоторое время все тѣло ихъ охватила дрожь, и имъ лишь съ величайшими усиліями удалось устоять на ногахъ; это было необходимо, такъ какъ упавшій считался виновнымъ. Однако, въ данномъ случаѣ трое обвиняемыхъ устояли на ногахъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не вырвало, что и было сочтено за признакъ невиновности. Теперь наступила очередь оганга, изготовлявшаго ядъ. Вождь предложилъ ему самому подвергнуться испытанію за то, что онъ не нашелъ истинныхъ виновниковъ. Однако, его очень скоро вырвало, и такимъ образомъ и онъ доказалъ свою невиновность. Дѣло въ томъ, что оганга съ юныхъ лѣтъ пріучаются къ яду и кромѣ того знаютъ различныя рвотныя средства.

Барабаны: 1) іорубовъ, 2) съ Габуна, 3) дьюровъ.

Талисманы и амулеты играютъ видную роль въ жизни негровъ. Ихъ покупаютъ у оганга, которые приготовляютъ ихъ изъ различныхъ, не имѣющихъ никакой цѣны, вещей и придаютъ имъ чудодѣйственныя свойства путемъ разныхъ заклинаній. Носятъ ихъ обыкновенно на шеѣ, на плечахъ, на рукахъ или на бедрахъ. Одинъ, очень распространенный въ Конго, амулетъ представляетъ грубо сдѣланную человѣческую фигуру, съ мѣдными шляпками гвоздей или бусами на мѣсто глазъ, засунутую до самой головы въ маленькій мѣшочекъ. Его носятъ обыкновенно на шнуркѣ вокругъ шеи. Нерѣдко также носятъ мѣшечки, наполненные куринымъ пометомъ или перьями, или навѣшиваютъ себѣ на плечи множество старыхъ грязныхъ лохмотьевъ, или же, наконецъ, носятъ въ качествѣ амулета сѣмена разныхъ плодовъ. Маленькіе желѣзные колокольчики, надѣваемые на шею, точно также какъ рога антилопы, наполненные какою-то грязной, неопредѣленной массой, тоже считаются очень сильными талисманами. Почти всѣ дѣти также носятъ амулеты въ видѣ нитки съ нѣсколькими бусами.

Звѣриные черепа очень часто употребляются въ качествѣ фетишей, и въ такъ называемыхъ домахъ Гри-гри можно найти въ изобиліи черепа гориллъ и другихъ звѣрей, развѣшанные по стѣнамъ. Нѣмецкая экспедиція наткнулась въ Лоанго на цѣлую пирамиду бычачьихъ, горилловыхъ и антилоповыхъ череповъ, посвященную фетишу земли, въ честь котораго ежегодно устраивались торжественные танцы и процессіи, чтобы вымолить хорошій урожай и удачную охоту.



Негритянскіе кузнецы.

Вездѣ также распространенъ обычай, при всякихъ выдающихся событіяхъ, похоронахъ пляскѣ, войнѣ и т. д., раскрашивать себѣ лицо и руки въ бѣлый или красный и желтый цвѣта, для защиты отъ злыхъ духовъ. У нѣкоторыхъ племенъ раскрашиваютъ все тѣло.

Хотя негры твердо вѣрятъ въ волшебную силу своихъ фетишей и терпѣливо сносятъ все, что ихъ заставляютъ продѣлывать жрецы и колдуны, но въ сущности относятся ко всему этому не серьезно. Благодаря врожденной хитрости и инстинкту, они очень хорошо умѣютъ отличать хорошее отъ дурного. Если негръ затѣваетъ что либо дурное, напр. собирается ограбить европейца и т. п., то онъ нерѣдко закапываетъ своего фетиша, чтобы тотъ не былъ свидѣтелемъ преступленія. При закапываніи глубина, повидимому, соотвѣтствуетъ важности задуманнаго преступленія.

Наибольшаго развитія фетишизмъ и колдовство получили въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ португальскіе миссіонеры уже нѣсколько столѣтій тому назадъ распространили христіанское ученіе. Туземцы восприняли изъ него все мистическое и непонятное и вмѣстѣ съ нѣкоторыми внѣшними обрядами присоединили къ своей религіозной системѣ. На югѣ и востокѣ фетишизмъ слабѣетъ, тѣмъ не менѣе его, вмѣстѣ со жречествомъ, можно встрѣтить вездѣ. Въ связи съ религіозными обрядами стоитъ религіозное бѣшенство или помѣшательство. „Одержимые дьяволомъ“ проявляютъ себя, напр., слѣдующимъ образомъ:

Бѣсноватый проводитъ большую часть дня въ своей хижинѣ или у дверей ея и ведетъ себя такъ, какъ и всякій разумный человѣкъ. Но вдругъ, обыкновенно подъ вечеръ, онъ вскакиваетъ на ноги и, испуская ужасные вопли, начинаетъ метаться по деревнѣ, затѣмъ устремляется въ лѣсъ, вырываетъ тамъ съ громадными усиліями изъ земли дерево съ корнями и, подхвативъ его на плечи, съ тѣмъ же яростнымъ воемъ несется назадъ въ деревню. Завидѣвъ его, женщины и дѣти прячутся и запираются въ хижинахъ, мужчинъ же это мало безпокоитъ. Прибѣжавъ къ первой хижинѣ, одержимый начинаетъ ломиться въ нее. Потерпѣвъ неудачу, обливаясь потомъ, онъ наконецъ валится на землю, не выпуская изъ рукъ свою ношу. Тутъ только сосѣди приходятъ ему на помощь. Какая нибудь старуха, не боящаяся злого демона, вливаетъ ему въ ротъ ложку растительнаго масла, затѣмъ у него отбираютъ дерево и уносятъ его домой.

Путешественники полагали сначала, что это просто помѣшательство, но впослѣдствіи выяснилось, что это поочередно продѣлывается многими.

Колдуны различаются по спеціальности каждаго. Существуютъ, напр., оганга, къ которымъ обращаются въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ засухи грозитъ неурожай и голодъ; ихъ называютъ оганга умумба. Къ другимъ обращаются въ случаѣ войны или предъ опаснымъ путешествіемъ. Желая вернуть потерянныя или украденныя вещи, негры оканде обращаются къ оганга племени ошеба, такъ какъ своего спеціалиста въ этой области не имѣютъ.

Приступая къ своему дѣлу, оганга накидываютъ на плечи шкуру какого нибудь животнаго, обезьяны, оцелота и пр., раскрашиваютъ лицо, руки и грудь бѣлой краской и запираются въ своей хижинѣ.

Лекарство колдуновъ оканде приготовляется обыкновенно изъ мозговъ антилопы, которые они мѣшаютъ съ саломъ и различными другими веществами въ грязнаго цвѣта жидкость. Хранится она въ глиняныхъ маленькихъ кувшинчикахъ, либо въ воловьихъ рогахъ, и берется съ собой путешественниками въ дорогу.

У племенъ нижняго Конго, также у негровъ западной Африки, въ случаѣ смерти болѣе или менѣе вліятельнаго лица, всегда предполагается чье либо дурное вліяніе. Открыть виновника этого вліянія возлагается на колдуна. Обыкновенно таковымъ оказывается какой нибудь несчастный невольникъ, который и подвергается за это, въ большинствѣ случаевъ, смертной казни.

Жреца, называемаго здѣсь нганга-нкасси, сразу легко узнать по массѣ колецъ, а также мѣдныхъ и желѣзныхъ пряжекъ на рукахъ и ногахъ; на немъ навѣшено всегда масса бубенчиковъ и маленькихъ, украшенныхъ перьями, коробочекъ съ цѣлебными снадобьями, которыя онъ всегда имѣетъ подъ рукой. Кромѣ того, тѣло его раскрашено разноцвѣтными полосами, и говоритъ онъ глухимъ, сиплымъ голосомъ.

Когда нганга не занятъ обрядами, онъ разговариваетъ просто съ первымъ встрѣчнымъ. Благополучіе всей деревни въ значительной степени находится въ рукахъ этого человѣка, къ помощи котораго прибѣгаютъ постоянно, такъ какъ вѣрятъ въ его сверхъестественную силу. Если двѣ сосѣднія деревни собираются начать между собою войну, колдунамъ бываетъ особенно много дѣла: они приготовляютъ цѣлебныя снадобья и путемъ таинственныхъ сношеній съ міромъ духовъ стараются узнать, каковъ будетъ исходъ боя. Нѣкоторые воины настойчиво требуютъ средства, предохраняющія отъ болей, другіе—отъ пуль, третьи наконецъ добиваются волшебнаго напитка, который убережетъ ихъ отъ стрѣлъ. Они отыскиваютъ колдуна, излагаютъ ему свои желанія и покупаютъ у него амулеты и снадобья, съ подробнымъ наставленіемъ, какъ употреблять ихъ.

Амулеты состоятъ обыкновенно изъ маленькихъ кусочковъ камня, стеклянныхъ бусъ, раковинъ, сушеныхъ винныхъ ягодъ, орѣховъ, бобовъ и т. п., не имѣющихъ никакой цѣны, предметовъ. Нѣкоторые изъ этихъ предметовъ заворачиваются въ клочки матеріи и для большей таинственности въ нихъ втыкается три или четыре пера. Такой амулетъ воинъ вѣшаетъ себѣ на шею. Но этого мало: кромѣ того, бываетъ еще необходимо подвергнуться разнымъ испытаніямъ и выполнить разные суевѣрные обряды. Такъ, напр., колдунъ налагаетъ на своего кліента обязательство проводить каждое утро, передъ ѣдой, на своемъ лицѣ черту красной глиной, а передъ питьемъ обвязывать вокругъ большого пальца короткую веревочку, или вкладывать бобъ между вторымъ и третьимъ пальцами, или же брать въ руку ножъ, или, наконецъ, ставить кого нибудь возлѣ себя съ завязанными глазами и заставлять его стегать себя древесной вѣткой.

Вожди, знающіе, какъ непрочна ихъ популярность и какъ легко потерять власть, являются главными кліентами нганга и выполняютъ самыя разнообразныя предписанія его. Такъ, напр., великій вождь Бузинди, каждый разъ, какъ желалъ напиться, долженъ былъ исполнять слѣдующій церемоніалъ: держа во рту листъ, онъ бросалъ три камня въ чашу, изъ которой намѣревался пить. При питьѣ онъ долженъ былъ зажмурить глаза и отнять чашу отъ губъ не раньше, какъ осушивъ ее до дна. Во все продолженіе церемоніи кто нибудь изъ подданныхъ держитъ сосудъ съ пальмовымъ виномъ, другой чашу, а третій передавалъ наполненную чашу вождю. Въ теченіе обряда два человѣка потрясаютъ грубыми туземнаго издѣлія колокольчиками, одна женщина, стоя за спиной вождя, должна держать его, а другая, стоя передъ нимъ на колѣняхъ должна съ закрытыми глазами хлопать въ ладоши. Легко понять, что одни только приготовленія къ питью отнимали столько времени что вождь, добравшись наконецъ до питья, старался выпить какъ можно больше.

При такомъ развитіи сложныхъ религіозныхъ вѣрованій не удивительно, что и формы правленія достигли у многихъ племенъ такой степени, когда господствующія у охотничьихъ и скотоводческихъ племенъ свобода и равенство каждаго члена рода исчезаютъ и смѣняются деспотической властью вождей и царьковъ. У небольшихъ племенъ владыки эти неизбѣжно считаются съ желаніями и интересами своихъ подданныхъ. Захватъ чужой земли и подчиненіе себѣ ея жителей усиливаетъ значеніе такого вождя; а такъ какъ войны здѣсь часты, по причинѣ сравнительно густого населенія, то не удивительно, что и здѣсь, также какъ въ восточной Африкѣ и Суданѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовались туземныя деспотіи. Такія царства, прославившіяся самыми отвратительными и дикими формами деспотизма, извѣстны были въ Дагомеѣ и въ другихъ мѣстахъ гвинейскаго побережья. На остальномъ пространствѣ лѣсной тропической Африки они неизвѣстны, но

въ южной части, въ области переходной отъ лѣса къ саваннѣ, именно въ бассейнѣ Замбези и южныхъ притоковъ Конго, существовали уже давно разныя большія царства, среди

Художественныя издѣлія негритянскихъ племенъ изъ области южнаго Конго.

которыхъ португальскіе путешественники особенно выдѣляли, по могуществу и сказочной роскоши, царство Мвато-Ямбо. Однако послѣдующія путешествія обнаружили, что здѣшніе негры не развили у себя столь же высокихъ формъ политической организаціи, какъ тѣ

какія существовали въ бассейнѣ великихъ озеръ. Для этого стоитъ только сравнить описаніе двора Мтезы, царя вагандовъ, извѣстное, кромѣ Спика и Стэнли, и со словъ другихъ путешественниковъ, или описаніе двора Мунзы, сдѣланное Швейнфуртомъ, съ приводимымъ ниже описаніемъ путешественника Л. Вольфа его пріема у Лукенго-Муана.

„Въ самый день моего прибытія, пишетъ Вольфъ, ко мнѣ явилось отъ Лукенго-Муана посольство, доставившее мнѣ, въ знакъ привѣта, подарки, состоящіе изъ козлятъ, куръ, маиса, сахарнаго тростника и большихъ сосудовъ съ пальмовымъ виномъ. Къ ночи на барабанномъ языкѣ было возвѣщено, что подъ страхомъ смертной казни запрещается воровать у меня что либо. На слѣдующій день, въ полдень, собирался посѣтить меня самъ Лукенго, и такъ какъ лагерь мой былъ слишкомъ малъ, чтобъ вмѣстить всю его весьма многочисленную свиту, то я рѣшилъ расчистить для этой цѣли площадку внѣ его, въ тѣни роскошныхъ пальмъ. Повсюду царило величайшее оживленіе; изъ Ибанши доносился барабанный бой и звуки трубъ изъ слоновой кости. Отовсюду двигались въ сторону резиденціи отряды воиновъ Бакубу человѣкъ въ 50—100. Одной части своихъ людей, одѣтыхъ въ бѣлыя матросскія рубахи и красныя фески, съ обнаженными саблями, я поручилъ охранять лагерь отъ назойливыхъ любопытныхъ и очищать площадь.

Донесшійся вскорѣ изъ Ибанши глухой шумъ возвѣстилъ, что владыка тронулся въ путь.

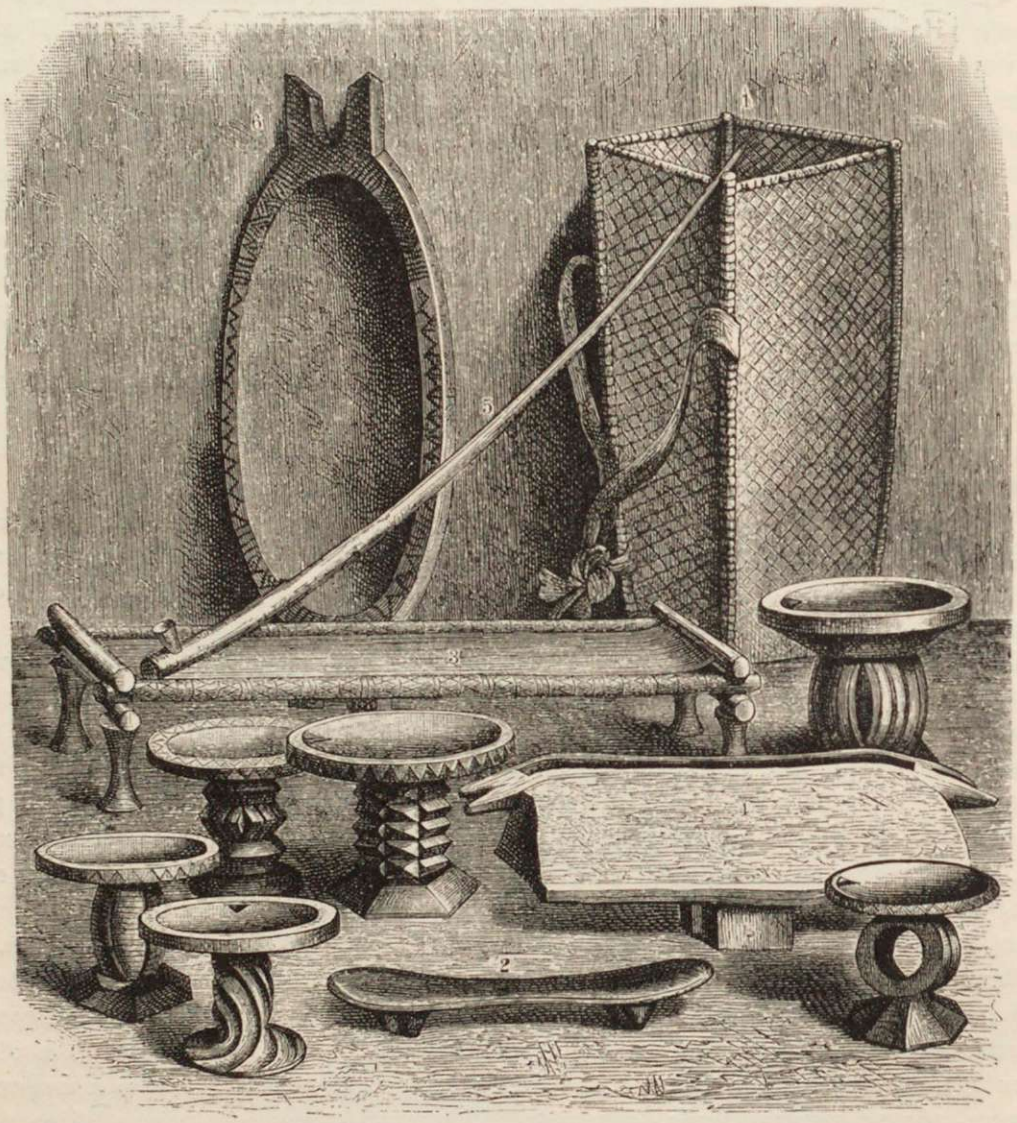
Наконецъ королевскій кортежъ, окруженный тысячными толпами, приблизился. Лукенго возсѣдалъ на носилкахъ, несомыхъ восемью сильными рабами. Походную музыку изображали трубы изъ слоновыхъ клыковъ и грубо сдѣланные барабаны, по которымъ ударяли руками. Не доходя до меня метровъ 10, носилки остановились; Лукенго выпрямился и устремилъ на меня свой взоръ. Ближайшіе зрители упали на колѣни и привѣтствовали своего владыку хлопаньемъ въ ладоши и криками: „Лукенго, Лукенго! Ухъ, ухъ!“ Затѣмъ Лукенго далъ знакъ опустить носилки и сошелъ на землю, все еще не спуская съ меня глазъ. Тутъ я имѣлъ случай разглядѣть его подробно.

Лукенго-Муана на видъ было лѣтъ 50. Онъ былъ высокаго роста и крѣпкаго сложенія, и вѣсилъ вѣроятно около двухъ центнеровъ. На головѣ его была надѣта шапка, украшенная перьями, кромѣ того, въ коротко остриженные волосы были воткнуты, съ помощью мѣдной оправы, четыре длинныхъ пера цапли. Повязка на лбу, а также два широкіе, перекрещивающіеся на могучей груди шарфа и передникъ на бедрахъ были густо усажены раковинами каури. Матерія была соткана изъ пальмовыхъ волоконъ и окрашена въ красный цвѣтъ. На поддерживающемъ передникъ толстомъ шнуркѣ изъ буйволовой кожи спереди висѣлъ карманъ изъ кошачьей шкуры, а сбоку выкованный изъ мѣди, разукрашенный ножъ-кинжалъ. На ногахъ и рукахъ были надѣты толстыя мѣдныя кольца, и ноги, кромѣ того, были обуты въ широкіе башмаки, густо усаженные излюбленными здѣсь раковинами. Въ правой рукѣ владыка Бакуба держалъ свой скипетръ, буйволовый хвостъ, деревянная рукоятка котораго была окована мѣдью и усажена раковинами. Глаза его были обведены бѣлыми кругами, а вдоль всего лица, черезъ лобъ, средину носа, верхнюю и нижнюю губы проходила рѣзкая черная линія, шириною въ палецъ. Форма его головы была недурна, черты лица приближались къ кавказскому типу и имѣли энергичное, но не жестокое выраженіе.

Я съ возрастающимъ изумленіемъ разсматривалъ этого негритянскаго властителя, имя котораго „Лукенго“ указывало на неограниченное могущество и суровость и который встрѣтилъ меня съ невиданной еще доселѣ торжественностью. Мой много видавшій на своемъ вѣку переводчикъ, долго жившій въ государствѣ Лунда, воскликнулъ съ удивленіемъ, что только Муата-Ямбо можетъ сравниться съ этимъ Лукенго.

Въ то время, какъ толпа все еще продолжала стоять на колѣняхъ, Лукенго, сопровождаемый тремя копьеносцами, пошелъ мнѣ на встрѣчу. Я протянулъ ему руку, но очевидно

незнакомый съ такимъ способомъ привѣтствія, онъ не принялъ ея, а прикоснулся къ ней своимъ скипетромъ. Я однако отвелъ послѣдній въ сторону и пожалъ его правую руку. Удивленный такой смѣлостью онъ отвѣчалъ на пожатіе, между тѣмъ какъ по толпѣ, при видѣ всего этого, прошелъ ропотъ. Ропотъ, однако, затихъ, когда онъ привѣтствовалъ меня, какъ своего перваго бѣлаго друга. Въ прекрасной рѣчи, исполненной величественнаго спокойствія, онъ отрекомендовался мнѣ, какъ нынѣ царствующій Лукенго. Отецъ его еще живъ, но за старостью и болѣзнями отказался отъ власти и передалъ ему управленіе. Въ



Мебель и домашняя утварь момбуту.

странѣ и даже въ собственной семьѣ его происходили волненія и неурядицы, но теперь ему удалось прекратить ихъ и уничтожить своихъ враговъ. Не даромъ носитъ онъ въ знакъ власти въ своихъ волосахъ эти перья,—при этомъ онъ указалъ на перья кроваво-краснаго цвѣта. Онъ увѣренъ, что я не какой-нибудь торговецъ, такъ какъ тогда я направился бы въ Кабао, а не въ самое сердце его страны. Онъ удивляется, какъ я сумѣлъ пройти мимо Бакете, зорко охраняющихъ его границы, съ небольшой кучкой людей, и проникнуть въ его землю и полагаетъ, что я обладаю могучими чудодѣйственными средствами.

Послѣ того какъ я отвѣчалъ ему также торжественно, успокоилъ его насчетъ моихъ мирныхъ намѣреній и изложилъ цѣль своего прибытія, онъ пожелалъ еще взглянуть на часы съ музыкой. Удивленіе его было безгранично, когда раздались ихъ пріятные звуки, но тѣмъ не менѣе онъ сумѣлъ сохранить полное достоинство и лишь стоялъ держа руку у рта, какъ бы для того, чтобы удержать готовые вырваться возгласы изумленія. Затѣмъ онъ удалился также величественно, какъ и прибылъ.

На базарный торгъ, который происходитъ здѣсь каждые пять дней, явились на этотъ разъ тысячи любопытныхъ со всей страны. Въ живописномъ безпорядкѣ размѣщены здѣсь для продажи мѣстныя матеріи, цыновки, гончарныя издѣлія, красное дерево, корзины, маисъ, земляные орѣхи, просо, бананы, ананасы, пальмовое масло и пальмовое вино и, нѣсколько въ сторонѣ, козлята и куры. Женщины и дѣвушки являются самыми дѣятельными продавщицами всѣхъ товаровъ, мужчины же продаютъ только козъ и вино. По серединѣ площади Лукенго держалъ рѣчь, въ которой заявилъ, что заключилъ со мной ненарушимую дружбу, и поэтому вся страна его должна быть открыта для меня. Затѣмъ, обращаясь въ частности къ неисправнымъ плательщикамъ дани, Бакете и Піанга, пригрозилъ имъ, что если они не исполнятъ своего долга, онъ нападетъ на нихъ и съ моей помощью всѣхъ уничтожитъ.

Туземный ткачъ.

Когда онъ кончилъ свою рѣчь, его тѣлохранители въ одно мгновенье очистили площадь и образовали большой полукругъ. Выступили два огромнаго роста раба съ длинными барабанами и, установивъ ихъ между колѣнъ, начали работать на нихъ своими руками. Лукенго выразилъ желаніе танцовать. Онъ выступилъ одинъ на середину площади и, поднявшись на концахъ пальцевъ, съ копьемъ въ рукахъ, началъ выдѣлывать прыжки вправо, влѣво и вверхъ; кольца на рукахъ и ногахъ со звономъ ударялись другъ о друга, и съ развѣвающихся шарфовъ сыпались раковины. Движенія его становились все болѣе дикими, точно также, какъ и крики воодушевившихся зрителей, такъ что барабанщики напрасно напрягали свои силы, чтобы заглушить ихъ звуками своихъ инструментовъ. Всѣ взоры были устремлены на Лукенго, который то

успокаивался и, поднявшись на концахъ пальцевъ, во всѣ стороны изгибалъ свое могучее тѣло, то вдругъ снова начиналъ носиться по площади неистовыми прыжками.

Эти упражненія подъ палящими лучами солнца, при собственномъ вѣсѣ въ два центнера, да еще имѣя на себѣ фунтовъ тридцать одежды, украшеній и оружія, были прямо поразительны. Уставъ, Лукенго отдыхалъ нѣсколько минутъ, опираясь на двухъ рабовъ, а затѣмъ началъ новый танецъ. Теперь онъ выступалъ въ роли перваго танцора и продѣлывалъ всѣ свои прежнія движенія, которыя повторяли всѣ окружающіе его. Позади него стояли въ рядъ, по чинамъ, его военачальники, министры, воины; затѣмъ слѣдовали, также выстроившись въ рядъ женщины и дѣвушки, танецъ которыхъ отличался отъ мужского и заключался въ томъ, что, балансируя на одной ногѣ, онѣ изгибались во всѣхъ направленіяхъ, проявляя необычайную гибкость бедеръ; при этомъ лѣвую руку съ растопыренными пальцами онѣ держали, высоко поднявъ надъ головой, а правую опустивъ внизъ. Одежда ихъ состояла лишь изъ тонкаго передника, лишеннаго складокъ, причемъ у мужчинъ онъ спускался до колѣнъ, у женщинъ же достигалъ ступни.

Около двухъ часовъ танецъ наконецъ кончился, усталый Лукенго удалился, а его гвардія, какъ будто по сигналу, бросилась грабить рынокъ. Никто кромѣ ихъ владыки не могъ бы удержать ихъ теперь, этотъ же послѣдній не видѣлъ въ этомъ ничего предосудительнаго".

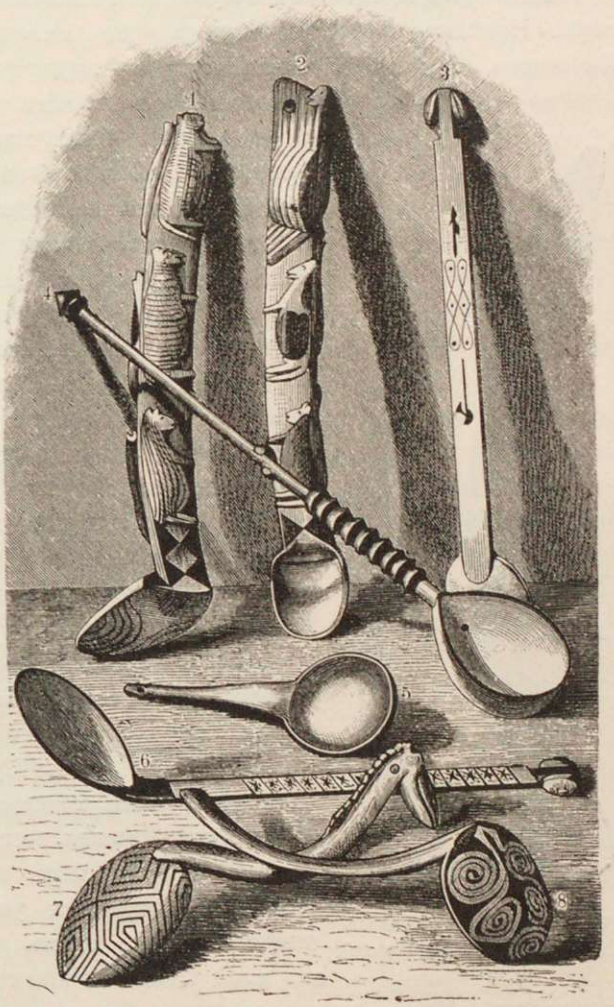
Этотъ Лукенго, такъ же какъ другіе вожди, напр., Казембе, состоитъ данникомъ, какъ бы вассаломъ, государя, носящаго титулъ Муато-Ямбы, главнаго государя всѣхъ царствъ Лунда. Но связь между Муато-Ямбо и его вассалами, особенно тѣми, которые властвуютъ подальше отъ его двора, довольно слабая и ограничивается отсылкой ежегодной дани. Особенностью этой деспотіи является двоевластіе, именно рядомъ съ Муато-Ямбо, если не властью, то большимъ почетомъ пользуется Лукокеша—незамужняя женщина изъ одного рода съ Муато-Ямбо, которая выбираетъ по смерти государя новаго, и на должность которой по смерти старой Лукокеши Муато-Ямбо выбираетъ другую. Народъ дѣлится на сословія, причемъ высшее сословіе, а также всѣ свободные, „килоло", имѣютъ нѣкоторый голосъ въ дѣлахъ и собраніяхъ.

Многочисленныя войны, которыя заканчиваются миромъ, разные договоры, пріемы путешественниковъ и купцовъ, обыкновенно, сопровождаются при дворѣ черныхъ государей и царьковъ церемоніей, назначеніе которой заключается въ томъ, чтобы скрѣпить прочнѣе завязавшіяся отношенія и превратить ихъ въ родственныя. Такія побратимства, при которомъ братающіеся мѣняются какими нибудь цѣнными вещами, напр. оружіемъ, извѣстны были и у другихъ народовъ, но у африканскихъ черныхъ обрядъ этотъ почти вездѣ принялъ форму „обмѣна крови". Онъ совершается различно, но чаще всего такъ, какъ описываетъ г. Вардъ, прожившій около пяти лѣтъ среди туземцевъ на Конго.

„Въ присутствіи около сотни дикарей, подчиненныхъ Мата Бвики, мы усѣлись съ нимъ на поставленныхъ другъ противъ друга низенькихъ деревянныхъ стульяхъ; послѣ этого глухіе звуки барабана, сдѣланнаго изъ краснаго дерева, слышные кругомъ на цѣлую милю, подали сигналъ молчанія, и появился колдунъ, во всеоружіи своихъ таинственныхъ приспособленій и приборовъ. Онъ сдѣлалъ намъ обоимъ надрѣзъ на внѣшней сторонѣ правой руки ниже локтя, и, когда показалась тоненькая струйка крови, посыпалъ рану порошкомъ изъ мѣла и поташа, не переставая все время въ вычурной рѣчи, обращенной къ намъ, поучать насъ хранить договоръ свято и нерушимо. Затѣмъ онъ сложилъ наши руки такимъ образомъ, что вытекающая изъ ранокъ кровь смѣшалась, и провозгласилъ насъ кровными братьями, интересы которыхъ на будущее время такъ же соединены, какъ нынѣ соединилась кровь. Свидѣтели этой оригинальной церемоніи подтвердили слова колдуна и высказывали шумное одобреніе по поводу случившагося, а затѣмъ принялись рас-

пивать изъ огромныхъ глиняныхъ кружекъ перебродившій сахарный сиропъ, называемый масанга и заготовленный заранѣе, чтобы достойно отпраздновать событіе".

Раньше уже было указано, что у настоящихъ негровъ, населяющихъ лѣсную область тропической Африки, страшно развито людоѣдство, которому чужды племена восточной Африки. Дѣйствительно, въ бассейнѣ верхняго Нила путешественники наткнулись на существованіе этого отвратительнаго обычая у племенъ, сидящихъ на водораздѣлѣ Нила и Конго (ньямъ-ньямъ). Южнѣе канибальскія племена были встрѣчены арабами и первыми европейскими путешественниками (Ливингстонъ) по ту сторону озера Танганика въ области людоѣдовъ маньемовъ. Но особеннаго развитія оно достигаетъ у племенъ, сидящихъ по Конго.



Рѣзныя ложки племенъ Мамбунда, Зулу и Бечуана.

„Почти еженедѣльно, разсказываетъ одинъ изъ жившихъ здѣсь бѣлыхъ, доходили до меня слухи объ ихъ дикомъ канибализмѣ, и хотя дикари по сосѣдству со станціей сдѣлались осторожнѣе и не проявляли передъ бѣлыми слишкомъ открыто своей жадности къ человѣческому мясу и склонности къ дикимъ оргіямъ, я хорошо зналъ, что не надо далеко ходить, чтобы застать моихъ друзей со старымъ Мата Бвики во главѣ за легкимъ завтракомъ изъ мяса несчастнаго раба, убитаго за ослушаніе, или за обѣдомъ, приготовленнымъ изъ внутренностей убитаго въ недавней стычкѣ врага.

Все попадавшее имъ въ руки шло въ пищу. Былъ ли это захваченный на войнѣ плѣнникъ или рабъ, купленный у сосѣдей, разъ онъ выказывалъ упрямство или недовольство жизнью, онъ очень скоро попадалъ въ котелъ. Это кажется невѣроятнымъ, но такой примѣръ и теперь еще свѣжъ въ моей памяти".

Агентомъ бельгійской торговой компаніи въ Бангала былъ нанятъ на станцію юный невольникъ для услугъ. Однажды онъ отлучился безъ спроса въ рабочее время, и агентъ пожаловался на него хозяину, мелкому вождю сосѣдней деревни, прибавивъ притомъ, что мальчикъ лѣнивъ и никуда негоденъ. День или два спустя вождь, съ удовольствіемъ сообщилъ купцу, что рабъ не причинитъ ему больше никакихъ непріятностей, такъ какъ онъ закололъ его. Ужасъ бѣлаго возросъ еще больше, когда на станцію явился сынъ вождя, юноша лѣтъ 16—17, и хладнокровно сообщилъ, что „мальчикъ былъ очень вкусный, нѣжный и жирный".

Почти у всѣхъ болѣе культурныхъ племенъ можно установить, что людоѣдство такъ или иначе связано съ религіозными обрядами. У дикихъ племенъ оно практикуется просто, но впослѣдствіи, по мѣрѣ развитія культуры, обычай этотъ сохраняется и какъ бы

освящается религіей. Такъ, напр., негры племени болобо, обитающаго также въ бассейнѣ Конго, повидимому находятъ величайшее удовольствіе въ человѣческихъ жертвоприношеніяхъ. Въ убійствѣ раба они видятъ признакъ богатства. Такъ какъ страна ихъ населена очень густо, то подобныя варварскія дѣянія, сопровождаемыя безчеловѣчными обрядами, совершаются почти ежедневно. Часто рабовъ убиваютъ по случаю смерти вождя, чтобы они сопровождали душу его въ иной міръ въ видѣ безплотной свиты. Въ обычное время рабы убиваются самымъ жестокимъ способомъ своими безчеловѣчными господами при малѣйшемъ ослушаніи: хозяинъ бросается на провинившагося, валитъ его на землю и убиваетъ.

Одна изъ ихъ самыхъ жестокихъ церемоній связана съ прекращеніемъ долго длящихся ссоръ. Нерѣдко случается, что два рода одного племени, по какимъ нибудь семейнымъ причинамъ, начинаютъ питать другъ къ другу жестокую вражду; вражда эта длится обыкновенно до тѣхъ поръ, пока не умретъ одинъ или нѣсколько вліятельныхъ участниковъ ссоры, послѣ чего остальные, утомленные враждой, рѣшаютъ помириться. Для этой цѣли устраивается судъ, къ которому приглашаются вліятельнѣйшіе окрестные вожди. Передъ этимъ судилищемъ представители обѣихъ сторонъ излагаютъ, какъ было дѣло, послѣ чего собравшіеся вожди постановляютъ приговоръ, рѣшающій, которая сторона виновна, и уставливающій наказаніе въ зависимости отъ размѣровъ ссоры.

Рѣзные слоновые клыки съ Габуна (Западная Африка).

Послѣ того, какъ дѣло приблизилось къ благополучному концу, обѣ стороны стараются ознаменовать его чѣмъ нибудь, что служило бы для нихъ воспоминаніемъ о событіи. Для этой цѣли часто покупаютъ раба, которому прежде всего переламываютъ руки и ноги; затѣмъ его переносятъ въ какое нибудь открытое, всѣмъ извѣстное мѣсто, чаще всего на перекрестокъ двухъ дорогъ и бросаютъ тамъ въ приготовленную яму. Яму послѣ этого засыпаютъ и землю плотно утаптываютъ, такъ что надъ поверхностью возвышается только голова несчастнаго, обреченнаго на медленную мучительную смерть. Всякому, на кого падетъ подозрѣніе въ доставленіи несчастному пищи или воды, грозитъ такая же участь.

У живущихъ выше Бунджу значеніе вождя опредѣляется количествомъ рабовъ, которыхъ онъ имѣетъ возможность убить. Черепа жертвъ канибализма всегда выставляются въ самомъ оживленномъ пунктѣ деревни, какъ признакъ могущества вождя. Часто человѣческими черепами украшаются также дома, причемъ черепа помѣщаются по всѣмъ четыремъ угламъ, на особо устроенныхъ для этой цѣли карнизахъ; мѣстами ихъ вѣшаютъ цѣлыми связками на шестахъ. Часто можно видѣть также скуловыя кости привязанными по три или по четыре къ сидѣньямъ или даже къ рогамъ для питья.

Всѣ расположенныя вдоль рѣки деревни находятся между собой въ непрерывной враждѣ и потому принимаютъ мѣры предосторожности противъ неожиданныхъ нападеній сосѣдей. Почти каждая деревня окружена палисадомъ изъ заостренныхъ кольевъ, а снаружи еще и глубокимъ рвомъ, черезъ который существуетъ лишь единственный проходъ въ деревню, по небольшому подвижному мосту, сдѣланному изъ древеснаго ствола; на ночь и въ случаѣ тревоги мостъ этотъ убирается, и тогда такое укрѣпленіе, защищаемое горстью воиновъ, становится прямо неприступнымъ. Туземцы ищутъ себѣ жертвъ обыкновенно на рѣкѣ. Они постоянно разъѣзжаютъ по ней въ своихъ большихъ военныхъ челнахъ и забираются въ такія мѣстности, гдѣ разсчитываютъ встрѣтить лишь небольшіе артели рыбаковъ или охотниковъ. Они захватываютъ ихъ въ плѣнъ, а затѣмъ, при удобномъ случаѣ, убиваютъ и съѣдаютъ.

Устье Убанги образуетъ дельту изъ небольшихъ болотистыхъ островковъ, обильно поросшихъ лѣсомъ и травой и представляющихъ превосходное мѣсто для охотничьихъ подвиговъ хищныхъ балуи. Поджидая добычу, они прячутся, вооруженные съ ногъ до головы, на своихъ челнокахъ, среди роскошной растительности. Стоитъ только показаться одинокой лодкѣ, какъ за нею начинается охота; сопротивляющихся пловцовъ убиваютъ, а другихъ уводятъ въ рабство. Откормивъ, ихъ убиваютъ во время ближайшей канибальской оргіи.

Нравы и обычаи обитателей береговъ Руки изслѣдованы очень мало, такъ какъ предпріимчивымъ торговцамъ здѣсь труднѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ области Конго, увѣрить туземцевъ въ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ. Дикари эти встрѣчаютъ чужеземца цѣлой тучей стрѣлъ; точно также и провожаютъ они лодку купца стрѣлами и оскорбительными возгласами даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда получили отъ него за свое оружіе и пищевые продукты стеклянныя бусы и прочія украшенія. Лукъ и стрѣлы составляютъ ихъ единственное оружіе, которымъ, впрочемъ, они владѣютъ очень искусно. Стрѣлы ихъ частью снабжены желѣзнымъ наконечникомъ, съ обращеннымъ назадъ крючкомъ, частью же просто представляютъ бамбуковый стержень, сантиметровъ 30 длиною, заостренный на концѣ и намазанный смертоноснымъ ядомъ. Эти стрѣлы несравненно опаснѣе первыхъ. Обитающіе по этой рѣкѣ бакунду самые свирѣпые канибалы и нисколько не скрываютъ этого

Стэнли также подвергся въ 1877 г. нападенію воинственныхъ бангала, деревни которыхъ расположены по сѣверному берегу Конго, въ тѣни густыхъ пальмовыхъ, фиговыхъ и банановыхъ лѣсовъ.

Спустивъ на воду свои большіе военные челны, они напали на маленькую флотилію Стэнли, которому вмѣстѣ съ его спутниками удалось отбить нападеніе лишь послѣ упорной битвы, и то благодаря превосходству оружія. На нѣсколько сотъ километровъ далѣе онъ подвергся новому нападенію, причемъ крики „ньяма“, „ньяма!“ (мясо, мясо), которыми провожали его дикари, ясно показывали, какая участь ожидала Стэнли и его спутниковъ, если бы они попали въ руки враговъ.

Южная Африка.

Глава I.

Природа страны. — Дикіе звѣри. — Растительное царство. — Главныя области: Капландъ, Наталь, германская южная Африка, португальская восточная Африка, бывшія Оранжевая республика и Трансвааль, Бечуана и владѣнія южно-африканской компаніи.

Часть Африки, расположенную къ югу отъ Замбези, можно раздѣлить на три отдѣльныя области. Весь берегъ Индійскаго океана отъ Капштадта до устья Замбези представляетъ одну низменную полосу, узкую на югѣ и расширяющуюся къ сѣверо-востоку. Низменность эта очень влажна и болотиста, и потому климатъ здѣсь, къ сѣверу отъ Дурбана, чрезвычайно нездоровый.

За этой береговой полосой поднимаются возвышенности, склоны которыхъ составляютъ вторую область. Возвышенности эти довольно пологи, за исключеніемъ окрестностей Капштадта, гдѣ высокія горы спускаются прямо къ морю. Чѣмъ дальше въ глубь страны, тѣмъ холмы становятся выше, и раздѣляющія ихъ долины уже и круче, и въ 50—60 к. отъ берега высота ихъ достигаетъ 3—4000 ф. Возвышенности эти составляютъ отроги длинной горной цѣпи, простирающейся на протяженіи 2500 к. отъ Капштадта до долины Замбези и называемой обыкновенно Катламба или Драконовыми горами. Высота цѣпи колеблется отъ 3 до 7 тысячъ ф., но высочайшія вершины, въ странѣ Базуто, достигаютъ 11000 ф. Это во всѣхъ отношеніяхъ интересная страна, какъ по разнообразію своихъ ланшафтовъ, такъ и по своей исторіи и туземнымъ обитателямъ.

За Драконовыми горами страна къ сѣверу и западу переходитъ въ обширное плоскогоріе, то ровное, то волнистое, то изрѣзанное каменистыми возвышенностями. Это третья область. Средняя высота ея надъ уровнемъ моря колеблется отъ 3 до 5000 ф., отдѣльныя же возвышенности достигаютъ 6000 ф. Драконовы горы можно разсматривать, какъ границу этого плоскогорія. Оно простирается далеко внутрь материка, къ западу и сѣверо-западу и заключаетъ въ себѣ семь-восьмыхъ поверхности южной Африки. На сѣверѣ оно переходитъ постепенно въ долину Замбези, на западѣ же простирается почтп до самаго Атлантическаго океана.

Физическое строеніе страны крайне простое. Достигнувъ плоскогорья, путешественникъ можетъ проѣхать къ западу тысячу миль, до самаго Атлантическаго океана, не встрѣтивъ ни одной сколько нибудь значительной возвышенности или замѣтнаго для глазъ водораздѣлы: если же онъ направляется къ сѣверо-западу, то проѣхавъ волнистую мѣстность, онъ попадетъ въ низменную болотистую окрестность озера, вѣрнѣе большого болота Нгами, а оттуда далѣе на берега Замбези, вблизи большихъ водопадовъ Викторіи.

Большая часть плоскогорья состоитъ изъ гранита или гнейса и очень древняго происхожденія, т. е. своей современной высоты надъ уровнемъ моря оно достигло уже въ давнія эпохи; отложенія степи Карру болѣе новаго происхожденія. Вообще же въ Африкѣ нигдѣ еще не найдено мѣстности новѣйшаго вулканическаго происхожденія, не говоря уже о дѣйствующихъ вулканахъ. Берега ея изрѣзаны чрезвычайно мало.

Жара здѣсь, конечно, очень велика, хотя и не въ такой степени, какъ можно было бы ожидать въ этихъ широтахъ. Климатъ въ большей части страны необычайно сухой. За исключеніемъ окрестностей Капштадта здѣсь не бываетъ ни лѣта, ни зимы, а лишь сухое время года, охватывающее 7—8 болѣе холодныхъ мѣсяцевъ, и дождливое, впродолженіе 5 – 4 теплыхъ мѣсяцевъ. Но и продолжительность дождливаго періода и количество осадковъ здѣсь значительно меньше, чѣмъ, напр. въ Остъ-Индіи или Вестъ-Индіи и Бразиліи. Господствующимъ вѣтромъ, который при томъ же въ дождливую пору приноситъ больше всего осадковъ, является восточный или юго-восточный, онъ также доставляетъ влагу прибрежной низменности, о которой мы упоминали уже. Далѣе вглубь страны онъ наталкивается на отроги Драконовыхъ горъ, орошаетъ ихъ и иногда служитъ причиной снѣжныхъ мятелей. Часть же дождевыхъ облаковъ проникаетъ еще далѣе вглубь страны, и орошаетъ бывшую Оранжевую республику, восточную часть страны Бечуана и страны лежащія къ сѣверу отъ Замбези. Область, расположенная далѣе къ западу, получаетъ очень мало осадковъ. Подъ палящими лучами солнца влага быстро испаряется, поверхность земли затвердѣваетъ, и растительность сохнетъ. По этому мѣстность представляетъ настоящую пустыню, и такою она останется, вѣроятно, и навсегда.

Эти физическія условія являются причиной того замѣчательнаго обстоятельства, что въ южной Африкѣ нѣтъ собственно рѣкъ. На картѣ, положимъ, нанесены довольно длинныя рѣки съ притоками, но если приблизиться къ такой рѣкѣ въ сухую пору года, то окажется, что русло либо совсѣмъ засохло, либо представляетъ цѣпь гнилыхъ зловонныхъ лужъ. Потоки, льющіеся съ горъ къ югу и востоку въ дождливую пору сразу превращаются въ огромные водопады, а потомъ очень скоро мелѣютъ. Внутри страны имѣются, положимъ, рѣки, какъ Оранжевая или Лимполо, въ нѣсколько сотъ километровъ, но три четверти года онѣ совершенно негодны для судоходства, въ притокахъ же ихъ такъ мало воды, что ихъ едва хватаетъ для водопоя пасущагося здѣсь скота. Поэтому случается, что можно пройти сотни километровъ по населенной странѣ, покрытой частью лѣсомъ, частью пастбищами, и не встрѣтить ни капли проточной воды, а иногда даже и стоячей лужи.

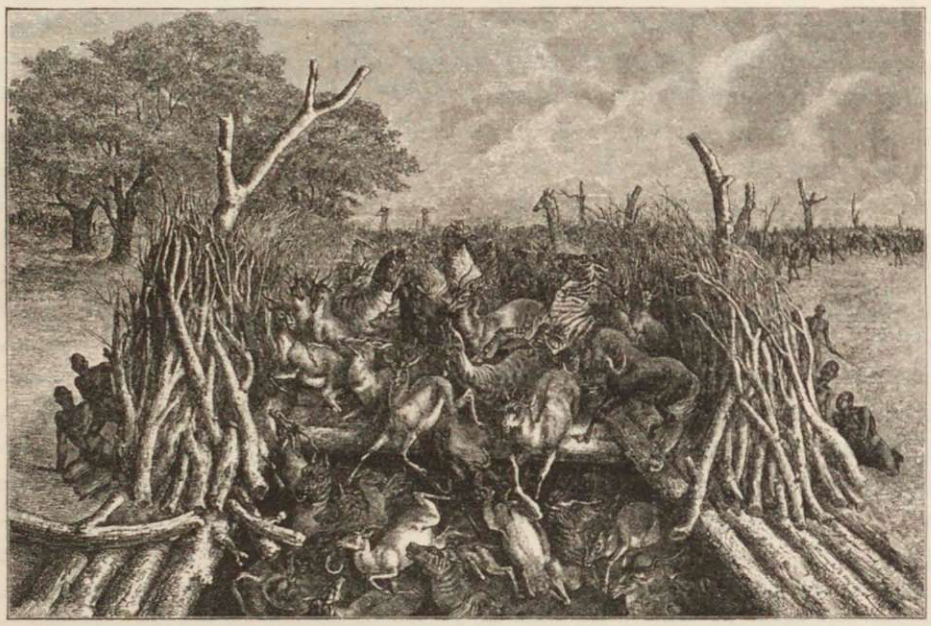
Жара дѣлаетъ климатъ очень тяжелымъ для европейцевъ и притомъ тѣмъ въ большей степени, чѣмъ ближе они живутъ къ экватору, потому что здѣсь вліяніе его не смягчается ни сухостью, ни высотой мѣстоположенія. Знойный лѣтній день смѣняется холодной ночью, и эти внезапныя пониженія температуры съ заходомъ солнца очень опасны для европейцевъ и угрожаютъ имъ опасной простудой.

Какъ ни сильно, однако, грѣетъ здѣсь солнце, жаръ его не такъ опасенъ, какъ въ Индіи, солнечный ударъ случается рѣдко, и лишь немногіе носятъ для защиты толстыя войлочныя шляпы и пробковые шлемы, которые въ Индіи прямо необходимы.

Благодаря своей сухости, климатъ много выигрываетъ въ смыслѣ здоровья. Недостатокъ влаги придаетъ воздуху освѣжающія и укрѣпляющія свойства, какія можно наблюдать на извѣстной высотѣ надъ уровнемъ моря. Поэтому дѣти растутъ здѣсь здоровыми

и веселыми, а величайшій врагъ европейца, болотная лихорадка, гнѣздится лишь въ немногихъ мѣстностяхъ. Относительную рѣдкость легочныхъ заболѣваній въ южной Африкѣ слѣдуетъ также приписать сухости и чистотѣ воздуха. Многіе чахоточные, которымъ грозила вѣрная смерть, если бы они остались въ Европѣ, здѣсь выздоравливали и достигали преклоннаго возраста.

Южная Африка, въ эпоху первыхъ изслѣдованій поражала европейцевъ богатствомъ своего растительнаго и животнаго царства и поэтому являлась настоящимъ раемъ для охотниковъ. Кромѣ львовъ и леопардовъ, тамъ обиталъ рядъ другихъ крупныхъ животныхъ изъ семейства кошекъ, нерѣдко очень красивыхъ. Затѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ изобиліи водились слоны, два вида носороговъ, гиппопотамы и жирафы. Антилопъ насчитывалось до тридцати девяти видовъ, въ томъ числѣ благородный олень, каменный баранъ, голубой гну и проч. Затѣмъ слѣдуютъ два вида зебры, квагга, буйволъ, настолько же сильный, насколько свирѣпый. Нигдѣ въ мірѣ нельзя было найти лучшей коллекціи такихъ красивыхъ и опасныхъ звѣрей. Но все это перемѣнилось въ самое послѣднее время, и притомъ съ необычайной быстротой. Теперь, если и случается встрѣтить льва на территоріи Капланда, то лишь въ зарослях по берегамъ Оранжевой рѣки. Въ низменности, простирающейся отъ горъ до береговъ Индійскаго океана, точно также какъ въ долинѣ Замбези львовъ еще довольно много, но число ихъ уменьшается съ такой быстротой, что еще лѣтъ черезъ 30 даже и въ этой нездоровой малонаселенной мѣстности они переведутся совершенно. Леопарды попадаются еще по всей странѣ, кромѣ самыхъ населенныхъ мѣстъ. Слоны въ прежнія времена кочевали большими стадами, но теперь сохранилось лишь небольшое количество ихъ, вблизи южнаго берега и на сѣверѣ Трансвааля, и правительство заботливо охраняетъ ихъ. Подобная же участь ожидаетъ и носороговъ, которые прежде водились въ Капштадтѣ въ такомъ изобиліи, что однажды даже опрокинули экипажъ голландскаго губернатора.



Охота загономъ въ Южной Африкѣ.

Гиппопотамы, скрывающіеся въ водѣ, сохранились лучше и попадаются даже и теперь въ Пунгвѣ, Лимпопо и другихъ рѣкахъ португальской восточной Африки.

Крокодилы страдаютъ гораздо меньше и до сихъ поръ еще представляютъ серьезную опасность для стадъ на водопоѣ. Въ странѣ зулусовъ, вдоль всего восточнаго берега и въ рѣкахъ земель Машона и Матабеле они водятся въ изобиліи, почти въ каждой лужѣ попадаются нѣсколько штукъ. Когда лужи эти высохнутъ настолько, что на днѣ остается лишь сырой илъ, крокодилъ глубоко зарывается въ него и проводитъ время въ состояніи

полусна, пока дождливый періодъ не пробудитъ его снова къ жизни. Король Лобенгула бросалъ имъ иногда на съѣденіе людей, провинившихся въ чемъ нибудь и не позволялъ ихъ убивать, вѣроятно потому, что нѣкоторые виды почитались какъ божества.

Жирафы стали попадаться тоже очень рѣдко; одно или два стада ихъ, впрочемъ, кочуютъ на югѣ страны Матабеле, и немного больше въ пустынѣ Калахари. Исчезаютъ также и зебры и многіе виды антилопъ, въ особенности болѣе крупные, а буйволъ сохранился только въ небольшой части Капланда, да въ португальскихъ владѣніяхъ на Замбези и на восточномъ берегу. Страусъ также сохранился только въ пустынѣ Калахари, но въ Капландѣ устроены большіе питомники, гдѣ выращиваютъ молодыхъ птицъ ради перьевъ. Хоть страусы и сдѣлались такимъ образомъ до извѣстной степени домашней птицей, однако продолжаютъ оставаться опасными животными, такъ какъ могутъ наносить удары ногами со страшной силой, и если эта птица вздумаетъ обработать кого либо носомъ или клювомъ, то мало шансовъ выйти изъ такой передѣлки живымъ.

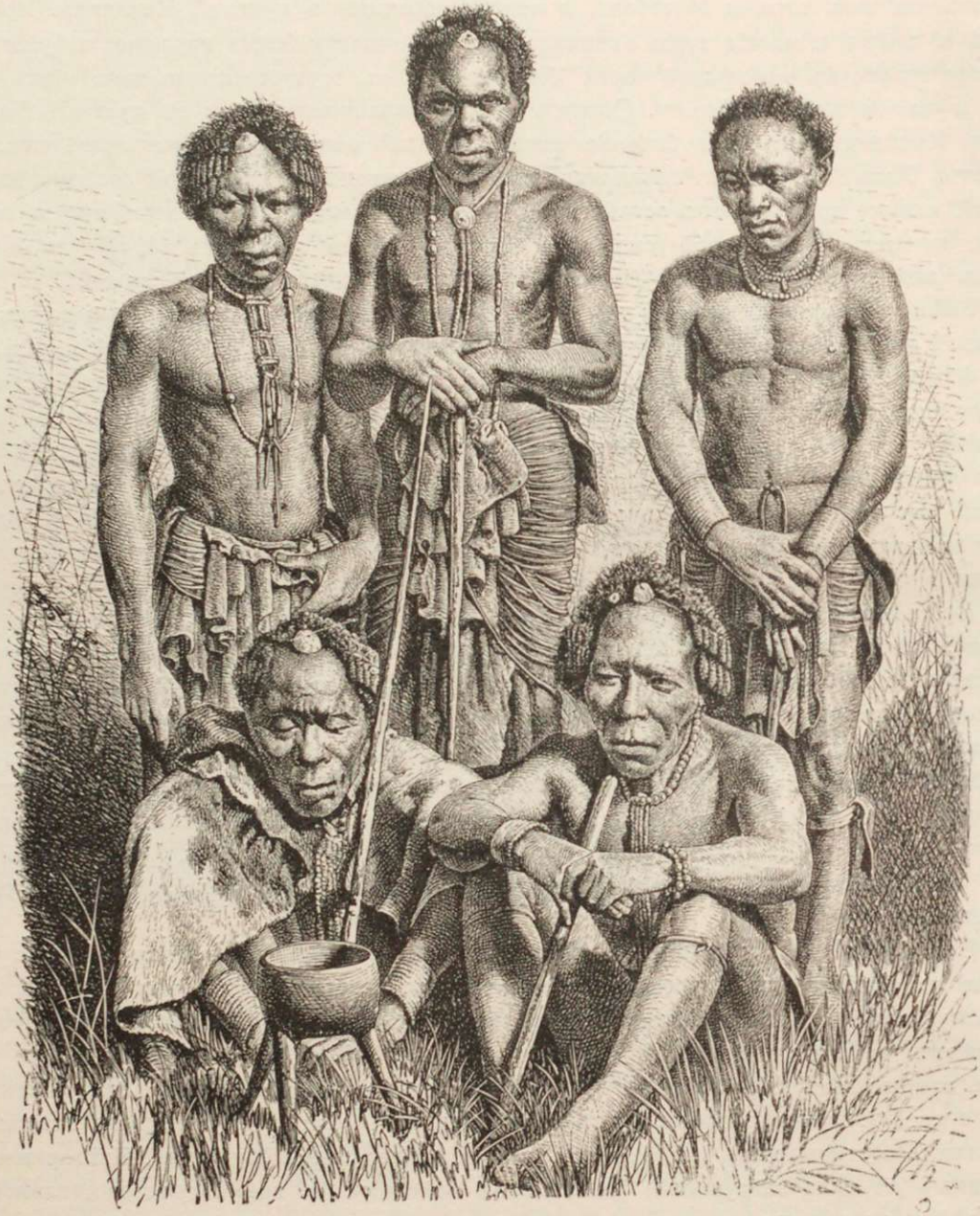
Змѣи здѣсь менѣе опасны, чѣмъ въ Индіи и Австраліи, хотя есть много ядовитыхъ видовъ. Удавы достигаютъ 20 футъ длины, но они не ядовиты и на людей не нападаютъ.

Флора южной Африки необыкновенно богата, и многіе виды и разновидности растеній достигаютъ здѣсь гораздо большихъ размѣровъ, чѣмъ въ другихъ странахъ. Достойно вниманія, что по общему характеру флора юго-западной части южной Африки чрезвычайно напоминаетъ флору юго-западной Австраліи; такое же сходство существуетъ между флорой юго-восточной и тропической Африки и флорой Индіи, съ южной же Америкой сходство какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніи несравненно меньше.

Наибольшее обиліе цвѣтовъ имѣется въ ближайшихъ окрестностяхъ Капштадта. Растительность этой мѣстности чрезвычайно оригинальна и замѣтно отличается отъ растительности безводныхъ скалъ Карру на сѣверѣ, также какъ и отъ тропической растительности жаркихъ мѣстностей на востокѣ Капланда и Наталя. Растительность Карру и плато на востокъ до Трансвааля имѣетъ очень унылый характеръ, благодаря однообразію геологическаго строенія и необычайной сухости почвы. Въ Наталѣ и странѣ Машона картина мѣняется, и горная растительность на высокихъ возвышенностяхъ страны Базуто поражаетъ своимъ богатствомъ и разнообразіемъ, особенно въ началѣ лѣта. Наоборотъ цвѣты, какъ въ странѣ Машона, такъ и въ Матабеле ничѣмъ особенно не выдѣляются.

Не смотря на то, что южная Африка страна сравнительно молодая, и рука человѣческая не успѣла еще изуродовать мѣстность, въ большей своей части она совершенно безлѣсна; старые лѣса имѣются только на югѣ Капланда и Наталя и лучшіе изъ нихъ охраняются и эксплуатируются особымъ лѣснымъ вѣдомствомъ. Но и здѣсь деревья рѣдко превышаютъ 50—70 ф. Крупнѣйшимъ среди нихъ является такъ называемое желтое дерево. Склоны холмовъ, кромѣ настоящихъ лѣсовъ, покрыты еще безконечными зарослями, достигающими вышины 5 футъ и называемыми „бушами“. Кустарникъ этотъ доставилъ не мало затрудненій британскимъ войскамъ, во время продолжительной кафрской войны пятьдесятъ съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ, такъ какъ покрытая этими густыми зарослями мѣстность совершенно непроходима, туземцы же, благодаря извѣстнымъ только имъ тропинкамъ и проходамъ, могли дѣлать внезапныя нападенія и успѣшно избѣгать преслѣдованій. Большая часть этой мѣстности занята теперь страусовыми фермами. Заросли почти всегда сухи, между тѣмъ въ лѣсахъ царитъ постоянная свѣжесть; благодаря цвѣтущимъ деревьямъ, кустарникамъ и вьющимся растеніямъ они представляютъ живописное зрѣлище. Высота деревьевъ, однако, не настолько велика, чтобы лѣсъ производилъ такое же впечатлѣніе, какъ напр., въ нѣкоторыхъ странахъ Европы; лиственный покровъ его доставляетъ чрезвычайно мало тѣни.

Но такова растительность лишь въ лѣсахъ прибрежной полосы, большая же часть плоскогорья внутри страны совершенно лишена деревьевъ, а если гдѣ и встрѣчаются отдѣльныя деревья, то ростъ ихъ чрезвычайно слабъ. Въ пустынныхъ же мѣстностяхъ, въ Карру, на сѣверѣ Капланда до Оранжевой рѣки, въ западномъ Бечуанѣ и въ нѣмец-



Типы овагереровъ.

кихъ владѣніяхъ Намака и Дамара, изъ деревьевъ попадается лишь кустарникообразная колючая мимоза (собственно акація), тощая, блѣдная зелень которой даетъ чрезвычайно мало тѣни. На горахъ, гдѣ влаги нѣсколько больше, попадаются нѣкоторые другіе кустарники и низенькія деревья, и берега рѣкъ и ручьевъ оживляются стройными ивами. Далѣе на востокъ, гдѣ осадковъ больше, растительность обильнѣе и не такъ тоща, хотя деревья все еще очень мелки. Къ сѣверу отъ Мефкинга волнистая равнина и низкіе

холмы Бечуана покрыты хорошимъ лѣсомъ, также какъ и сосѣднія мѣстности Трансвааля и Матабеле. Еще далѣе къ сѣверу ростъ деревьевъ значительно улучшается. Особенно хороши здѣсь три породы: каффровое дерево, съ большими, блестящими ярко-красными листьями, затѣмъ Lonchocarpus speciosus, съ прелестными, голубовато-лиловыми висячими листьями, и затѣмъ древовидный корень св. Іоанна (Hypericum Schimperi); всѣ они могли бы служить украшеніемъ любого европейскаго парка. Въ странѣ Моника, среди горъ, попадаются низкорослыя пальмы.

Причиной безлѣсности земель Бечуана и Машона является не только сухость климата и песчаная почва, но и безпрерывные степные пожары. Благодаря отсутствію лѣсовъ цѣны на строительные матеріалы въ южной Африкѣ чрезвычайно высоки. Благодаря тому же обстоятельству количество осадковъ тамъ ничтожно, а если и выпадетъ хорошій дождь, то вода образуетъ стремительные потоки и быстро сбѣгаетъ. Потоки эти смываютъ верхній слой почвы и не даютъ образоваться плодоносному чернозему.

Южно-африканскія деревья растутъ крайне медленно, и потому при опытахъ искусственнаго насажденія прибѣгаютъ обыкновенно къ породамъ чужеземнымъ и прежде всего къ австралійскому камедному дереву, какъ наиболѣе быстро растущему, такъ что теперь его можно встрѣтить повсемѣстно. Посадка деревьевъ очень распространена, и напр., Кимберлей и Преторія окружены эвкалиптами; въ Булувайо, а также въ странѣ Матабеле и Машона слѣдуютъ этому примѣру, и мѣстонахожденіе фермы можно замѣтить уже издалека по верхушкамъ камеднаго дерева. Кромѣ камеднаго дерева, въ Кимберлеѣ и другихъ городахъ разводятъ въ изобиліи другую породу—малотѣнистое и некрасивое но быстро растущее коровье дерево.

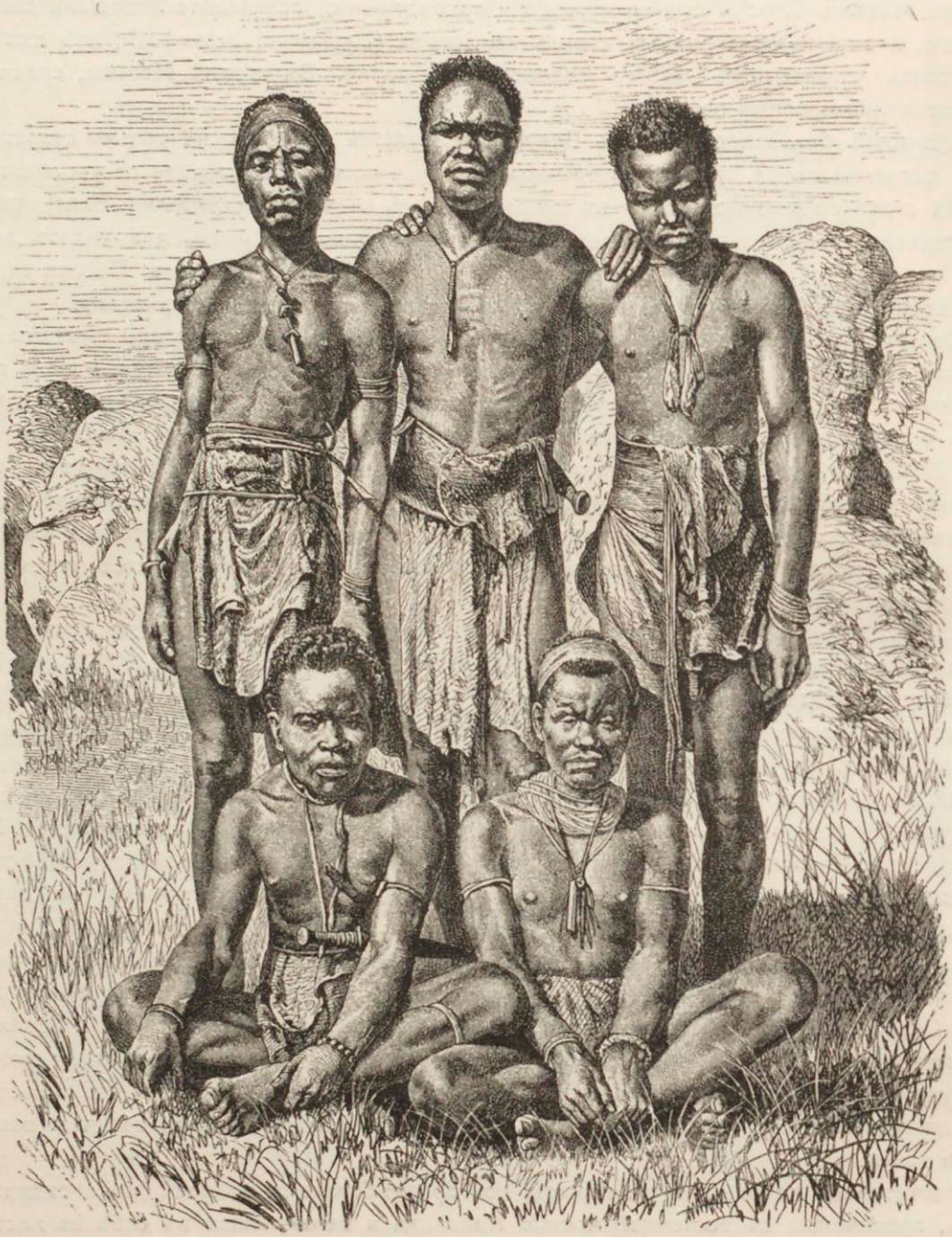
Наиболѣе, однако, красивымъ изъ всѣхъ деревьевъ является дубъ, который голландцы начали разводить въ окрестностяхъ Капштадта еще въ началѣ XVIII столѣтія.

Область, расположенная между 20° и 25° вост. долг., называется большимъ Карру—готтентотское слово, означающее сухую или пустынную страну. Карру простирается въ длину на 460 к., въ ширину на 230 и вполнѣ оправдываетъ свое названіе, такъ какъ на всемъ протяженіи ея вода попадается лишь изрѣдка въ мелкихъ лужахъ, да и тѣ въ сухую пору года исчезаютъ совершенно. Осадковъ выпадаетъ здѣсь отъ 5 до 15 дюймовъ въ годъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ недѣль дождливаго времени, здѣсь не растутъ ни травы, ни цвѣты; лишь обильныя заросли сухого и низкаго кустарника, на которомъ въ дождливую пору появляются свѣжіе побѣги, доставляютъ кормъ, пригодный для овецъ и козъ. Прозрачный воздухъ Карру, знойные дни и холодныя ночи дѣлаютъ степь похожей на пустыни западной Америки. Къ сѣверу отъ Карру и ограничивающихъ его горъ, до самой Оранжевой рѣки, простирается область въ такой же мѣрѣ сухая и безплодная. Сѣверо-восточная часть внутренняго Капланда орошена лучше западныхъ мѣстностей, но въ засуху также превращается въ безводную и пустынную страну, такъ что иностранцы не мало удивляются, услышавъ, какое количество рогатаго скота, овецъ и козъ разводится здѣсь.

Значительно меньше по размѣрамъ, но гораздо богаче по природѣ британская колонія Наталь, граничащая съ восточной частью Капланда и включающая въ себѣ въ настоящее время территоріи Зулу и Тонга. Собственно Наталь, а также страна Зулу по своимъ физическимъ свойствамъ вполнѣ сходны съ юго-восточнымъ Капландомъ. Климатъ здѣсь жарче, чѣмъ въ Капландѣ, а на побережьи онъ почти тропическій. Почти весь Наталь и четыре пятыхъ страны Зулу обладаютъ благопріятнымъ для европейцевъ климатомъ, въ отношеніи же почвы область эта считается самой обильной и плодородной во всей южной Африкѣ.

Совсѣмъ другой видъ имѣетъ обширная германская область простирающаяся къ сѣверу отъ Капланда. Это пустынная страна, населенная чрезвычайно рѣдко, благодаря недостатку

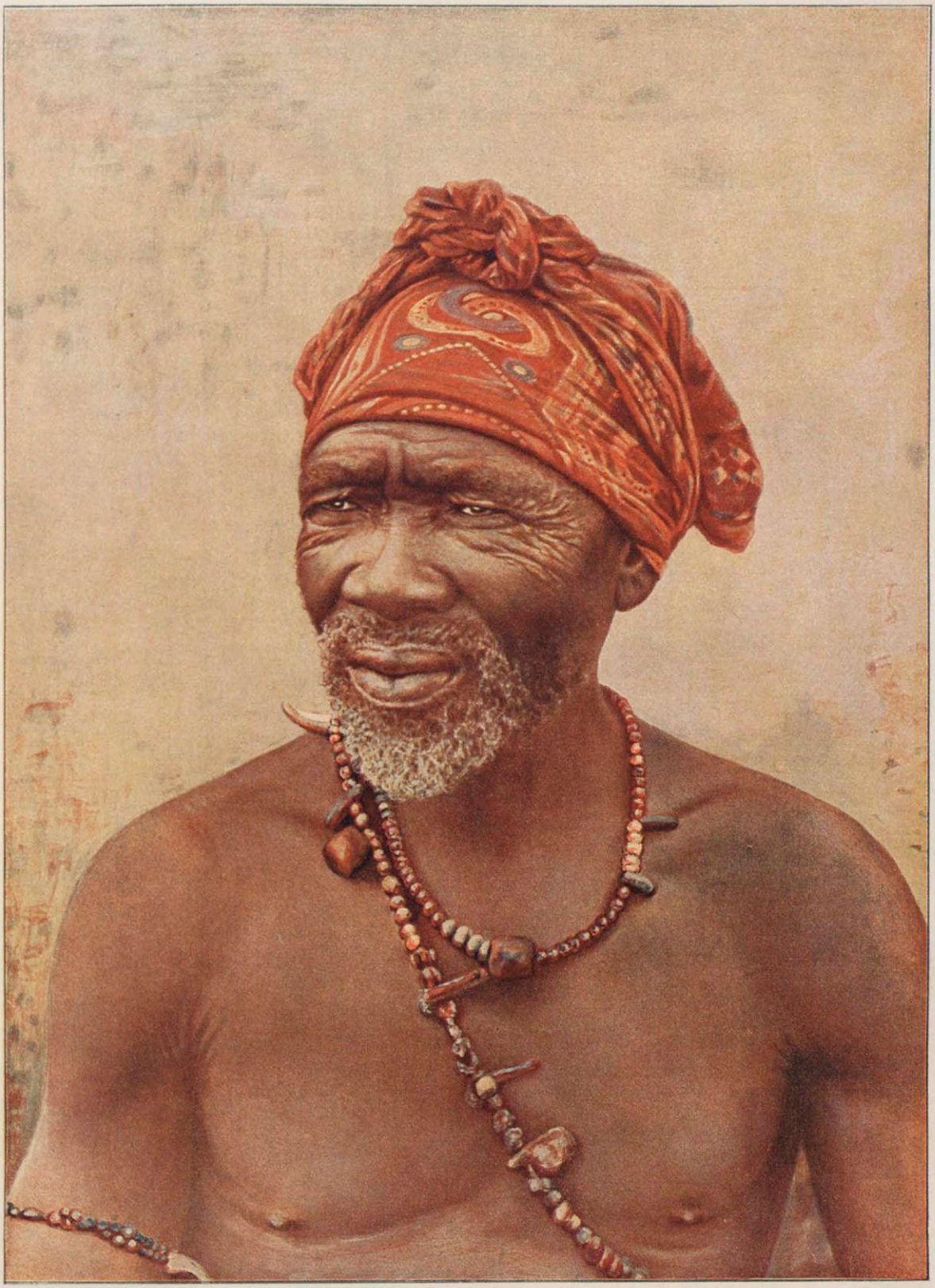
средствъ пропитанія. Страна лежитъ на 3.000—4.500 ф. надъ уровнемъ моря, и своей сухостью и безплодностью превосходитъ даже Карру. Лишь мѣстами попадается трава; къ сѣверу же, въ особенности на возвышенностяхъ, трава растетъ въ изобиліи и дѣлаетъ



Мужчины изъ племени овамбо.

возможнымъ скотоводство. Кромѣ того, здѣсь найдена въ изобиліи мѣдь и предполагается мѣстонахожденіе другихъ ископаемыхъ.

Страна, расположенная по берегу Индійскаго океана и простирающаяся отъ Конго на сѣверъ до Замбези, принадлежитъ португальцамъ. Ровная мѣстность у берега постепенно становится гористой къ западу и мѣстами достигаетъ высоты Драконовыхъ горъ,



Южно-африканскій врачъ.

благодаря чему она отличается крайнимъ разнообразіемъ ландшафта и климата. Вообще же большая часть страны очень плодородна и производитъ почти всѣ тропическіе фрукты.

Бывшая Оранжевая республика вся расположена на обширномъ плоскогорьѣ, на высотѣ 4.000—5.000 ф. надъ уровнемъ моря. Поверхность ея вообще ровная, но мѣстами попадаются горы до 6.000 ф. высотою. Особенность этихъ горъ заключается въ томъ, что вершина ихъ усѣчена, а бока круты и обрывисты. Древесная растительность здѣсь очень убога, но травяной покровъ обиленъ и въ теченіе двухъ третей года даетъ прекрасное пастбище. Снѣжныхъ бурь въ этой мѣстности не бываетъ, но сильныя грозы не рѣдки, точно также, какъ и градъ, который достигаетъ величины куринаго яйца и часто убиваетъ на смерть не только мелкихъ животныхъ, но случается и человѣка.

По своимъ размѣрамъ бывшая южно-африканская республика, обыкновенно называемая Трансваалемъ, почти равна Великобританіи. Бѣлое населеніе почти все сконцентрировано въ горнопромышленномъ округѣ. Трансвааль также расположенъ на плоскогорьѣ и напоминаетъ Оранжевую республику, но горы его значительно выше и на востокѣ, гдѣ плоскогорье граничитъ съ Драконовымъ хребтомъ, онѣ достигаютъ иногда 7.000 фут. Климатъ на этихъ возвышенностяхъ очень здоровый. Зима здѣсь очень сурова, а лѣтомъ палящіе лучи солнца выжигаютъ всю траву. Не сдерживаемые лѣсами вѣтры носятся свободно надъ равниной, сушатъ ее и дѣлаютъ мало пригодной для поселенія.

Страны Базуто и Бечуана расположены на ровномъ плоскогорьѣ, на высотѣ 3.000—4.000 ф. надъ уровнемъ моря. Орошающія ихъ рѣки частью впадаютъ въ Лимкопо, частью теряются на западѣ и сѣверѣ въ болотахъ и мелкихъ озерахъ. Вода въ нихъ, впрочемъ, бываетъ только въ дождливую пору.

Къ сѣверу отъ Бечуана и Трансвааля до береговъ Замбези расположены обширныя области, носящія названія Родезіи и уступленныя для разработки британской южно-африканской компаніи. Единственныя заселенныя до настоящаго времени области Машона и Матабеле лежатъ выше Бечуана, болѣе волнисты и вообще привлекательнѣе послѣдняго. Поверхность ихъ напоминаетъ степи южной Россіи или преріи Канзаса. Благодаря почти тропическому положенію, климатъ жаркій, но пріятный и здоровый, несмотря на болотистый характеръ рѣчныхъ береговъ.

Изъ этого краткаго обзора видно, что различныя политическія области южной Африки не имѣютъ естественныхъ границъ. Единственное различіе заключается въ большемъ или меньшемъ количествѣ минеральныхъ богатствъ. Такимъ образомъ причины, вызвавшія раздѣленіе южной Африки на отдѣльныя государства и колоніи, носятъ характеръ политическій, а не географическій.

Глава II.

Чернокожее населеніе: бушмены, готтентоты и кафры.

Первыми обитателями страны были дикари, которые такъ и остались дикарями, Природа была могуча, но угрюма; она не предоставила въ распоряженіе обитателей плодородныхъ равнинъ, вродѣ долинъ Нила или Евфрата, какъ бы предрасполагающихъ къ земледѣлію. Бушмены промышляли охотой, а готтентоты питались молокомъ своихъ коровъ. Такое печальное существованіе, направленное исключительно на удовлетвореніе самыхъ насущныхъ потребностей, не можетъ благопріятствовать развитію культуры. Даже племена банту, явившіяся въ страну позже и занимающіяся понемногу земледѣліемъ, стоятъ въ сущности на весьма низкой ступени развитія.

Истинной родиной бушменовъ является область между Оранжевою рѣкою и горной цѣпью, простирающеюся далѣе въ восточномъ направленіи. Почва здѣсь, покрытая обломками скалъ и галькой, состоитъ изъ тонкаго слоя вывѣтрившихся породъ и въ состояніи производить лишь самую жалкую растительность. Изъ животныхъ лишь немногіе находятъ себѣ здѣсь пропитаніе, преимущественно тѣ, которыхъ сама природа предназначила для жизни въ пустынѣ: страусъ, антилопа, носорогъ и нетребовательная овца, которую ввели сюда явившіеся въ страну люди, и которая поддерживаетъ здѣсь ихъ убогое существованіе.

Но первобытные обитатели страны скотоводствомъ не занимались, потому что для домашняго скота здѣсь было недостаточно корма. Охотничью добычу его составляли змѣи, ящерицы, муравьи и кузнечики, такъ какъ противъ болѣе крупной дичи жалкое оружіе дикаря было безсильно. Употребленіе соли ему не было извѣстно. Воды онъ также не употреблялъ, да ея и не было, а довольствовался пережевываньемъ сочныхъ растеній.

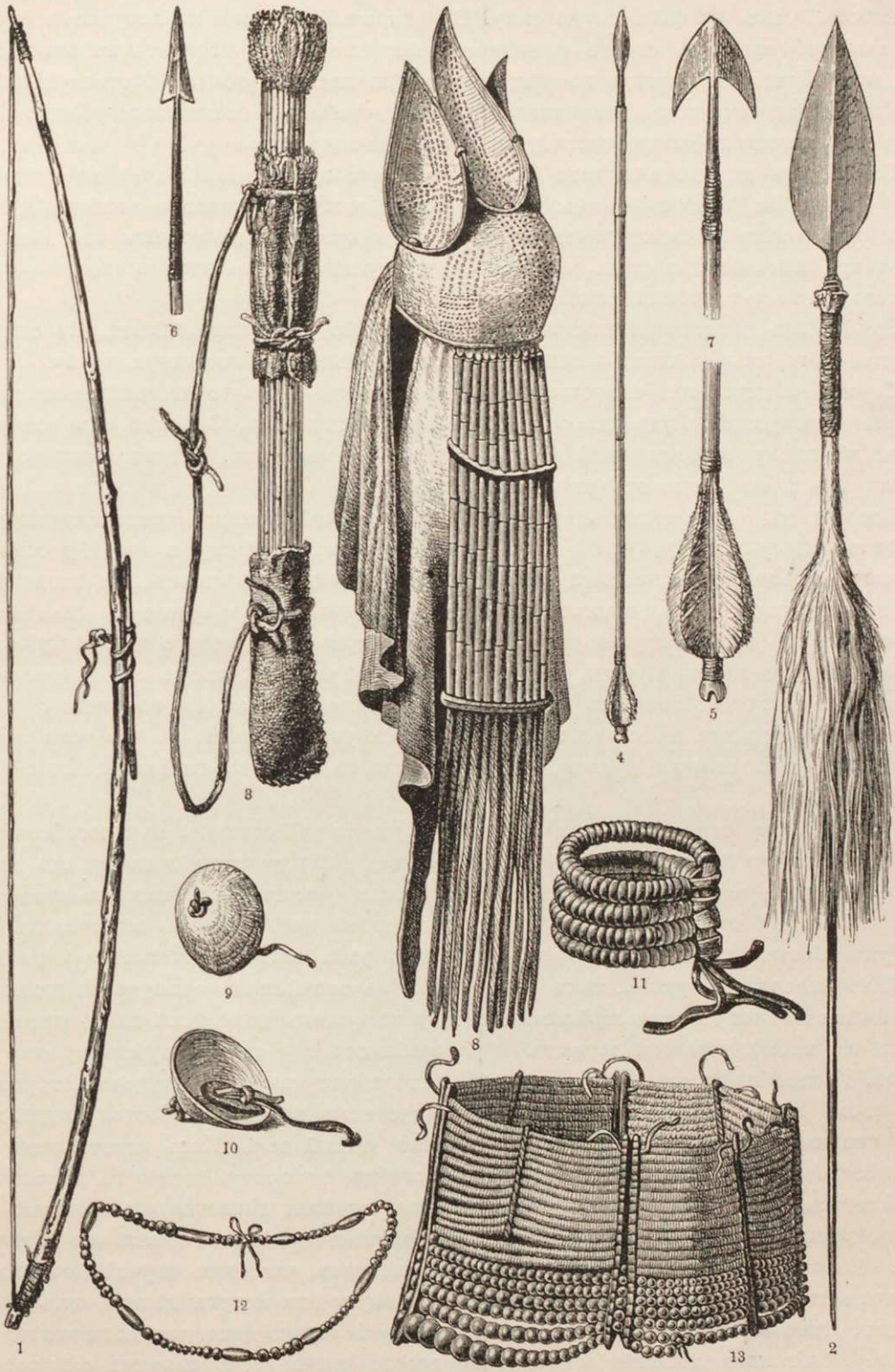
Такъ какъ для добыванія пищи бушмену приходится постоянно мѣнять мѣсто, въ погонѣ за насѣкомыми или антилопами, то постояннаго жилища онъ не знаетъ и прячется на ночь тамъ, гдѣ она его застанетъ; въ пещерахъ, въ выкопанныхъ имъ собственноручно ямахъ или въ теплую погоду на деревьяхъ. Внѣшность его вполнѣ соотвѣтствуетъ образу жизни: онъ малъ ростомъ, худощавъ, на видъ слабъ, но на самомъ дѣлѣ очень выносливъ. Благодаря образу жизни, при которомъ для добыванья пищи ежедневно приходится не мало потрудиться, нѣкоторыя чувства, напр., зрѣніе, слухъ, обоняніе, у бушмена очень развиты, въ то время какъ другіе, напр., вкусъ, развиты слабо. Точно также онъ не чувствителенъ къ быстрымъ перемѣнамъ температуры.

Благодаря скудости пропитанія, бушмены не только не соединяются въ большія группы, но даже семьи ихъ должны бываютъ нерѣдко раздѣляться, если не окажется въ одномъ мѣстѣ достаточнаго для всѣхъ количества пищи. Нерѣдко случается, что они расходятся такимъ образомъ навсегда, если же счастливый случай сведетъ ихъ снова, и запасъ пищи въ это время достаточенъ, или, если они затѣваютъ какое нибудь выгодное нападеніе сообща, тогда они живутъ вмѣстѣ болѣе продолжительное время. Старшинства по рожденію у нихъ не существуетъ, преимущество даетъ лишь физическая сила, и слабый обыкновенно отдаетъ сильному и жену и дѣтей, чтобы только сохранить жизнь.

Вслѣдствіе всего этого нѣтъ на землѣ ни одного дикаго племени, вся физическая организація котораго такъ приближалась бы къ организаціи животнаго, какъ это наблюдается у бушменовъ. Сонъ, ѣда и питье—вотъ и всѣ ихъ потребности. Единственныя ихъ наслажденія, которыхъ они, впрочемъ, бываютъ лишены нерѣдко на очень продолжительное время, заключаются въ куреньи табака и пьянствѣ. Бушменъ, который въ компаніи съ полдесяткомъ своихъ соплеменниковъ въ состояніи за часъ съѣсть овцу безъ остатка, а за половину ночи и цѣлую квагту, способенъ голодать по четыре дня и дольше даже въ томъ случаѣ, если голодовкѣ не предшествовало подобное пиршество.

Часто голодать ему приходится только изъ за лѣни, ибо онъ предпочитаетъ перетянуть потуже животъ и переспать голодъ, чѣмъ сдѣлать малѣйшее физическое усиліе для добыванія пищи. По цѣлымъ мѣсяцамъ онъ питается луковицами, которыя въ извѣстную пору года растутъ въ низкихъ мѣстахъ, и уходитъ изъ этой мѣстности не раньше, какъ съѣстъ всѣ луковицы до послѣдней.

Во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ они необычайно настойчивы. Такъ, въ поискахъ за водой они проводятъ иногда цѣлый день, и увѣрившись, что она здѣсь есть, принимаются рыть глубокую яму. Наградой часто бываетъ горсть воды, которой приходится, къ тому же, дожидаться очень по долгу, пока ее наберется достаточно. Вообще для нихъ труденъ только первый шагъ, разъ же взявшись за дѣло, они всегда его доводятъ до конца съ замѣчательнымъ упорствомъ, хитростью и отвагой. Бушменъ, напримѣръ никогда не покинетъ слѣдъ дичи, за которой онъ началъ охоту.



Оружіе и украшенія гереро.

1) Лукъ. 2) Копье. 3) Колчанъ. 4) Стрѣла. 5) Опереніе стрѣлы. 6 и 7) Наконечники стрѣлъ. 8) Головной уборъ. 9 и 10) Головчой уборъ мужчинъ. 11) Ножныя кольца женщинъ. 12) Шейное кольцо. 13) Передникъ.

Но отвага ихъ не воинственнаго характера, они больше надѣются на счастливую случайность, чѣмъ на физическую силу. Въ открытый бой они не вступаютъ никогда, и достаточно обыкновенно одного ружейнаго выстрѣла, чтобы обратить въ бѣгство цѣлую сотню ихъ. Достаточно имѣть въ рукахъ хорошую палку, чтобы не бояться цѣлой толпы ихъ. Ихъ военное искусство заключается въ томъ, чтобы изъ безопаснаго убѣжища пустить стрѣлу въ непріятеля или нанести ударъ безоружному сзади.

Они очень хорошо владѣютъ своимъ оружіемъ и ловко выслѣживаютъ врага. Хотя языкъ ихъ очень несовершененъ, но они дополняютъ его массою жестовъ и знаковъ. Съ помощью огня зажженнаго на вершинѣ горы, особенно по ночамъ, они даютъ другъ другу знать, какъ велико стадо, которое они собираются захватить, и много ли при немъ пастуховъ, и тому подобныя свѣдѣнія.

Зрѣніе ихъ, благодаря постоянному упражненію, настолько сильно, что они видятъ предметы, которые европеецъ можетъ различить только въ зрительную трубу.

Оружіе является ихъ единственной собственностью и въ то же время единственнымъ предметомъ искусства. Лукъ ихъ очень грубъ и примитивенъ. Сдѣланъ онъ изъ твердаго дерева, въ длину имѣетъ пять футъ, изгибъ его невеликъ. Тетива довольно толстая, плетется изъ жилъ большихъ животныхъ.

Стрѣлы къ нему имѣютъ въ длину $2^1/_2$ фута, сдѣланы изъ тростниковаго стержня и имѣютъ внизу выемку, чтобы устанавливать ихъ на тетиву, а для вѣрности полета снабжены перьями, обыкновенно какой либо изъ хищныхъ птицъ. На верхемъ концѣ насажена крѣпкая кость, обыкновенно антилопы, или же треугольная желѣзная пластинка, какъ та, такъ и другая намазаны густо ядомъ коричневаго цвѣта. Свѣже приготовленный ядъ бываетъ жидокъ, но затѣмъ затвердѣваетъ. Дѣлаютъ его изъ различныхъ веществъ, ядовитость которыхъ изучаютъ постепенно, на опытѣ, во время охоты. Хотя они и знаютъ, что ядъ дѣйствуетъ только проникнувъ въ кровь, но все таки избѣгаютъ приготовлять его голыми руками, а дѣлаютъ это съ помощью гладкихъ камней и деревянной палочки.

Особенностью этихъ стрѣлъ является слѣдующее убійственное приспособленіе. Снабженное обратнымъ крючкомъ остріе, приблизительно на разстояніи дюйма отъ конца, до половины надпиливается и благодаря этому, если неосторожно потянуть стрѣлу, впившуюся въ мягкія части, она легко ломается и отравленный конецъ остается въ ранѣ, и тутъ ужъ всякая помощь безсильна, такъ какъ рана быстро воспаляется и распухаетъ.

Какъ дерево для луковъ, такъ и желѣзные наконечники они получаютъ издалека, путемъ обмѣна ихъ на готовыя стрѣлы отъ своихъ живущихъ на востокѣ единоплеменниковъ. Желѣзо же кромѣ того они воруютъ и употребляютъ для своихъ нуждъ ассагаи (копья) кафровъ. Употребленія огня при обработкѣ желѣза они не знаютъ и довольствуются при этомъ лишь холоднымъ расклепываньемъ и точеньемъ на камнѣ. Поэтому приготовленіе одной стрѣлы занимаетъ у нихъ обыкновенно цѣлый день. Какъ изготовленіе стрѣлъ, такъ и составленіе яда является у нихъ искусствомъ, которымъ владѣютъ далеко не всѣ.

Колчанъ, въ которомъ они сохраняютъ свои стрѣлы, дѣлается изъ толстаго пустаго внутри отрѣзка алоэ, дно и крышка изъ кожи, а иногда для крѣпости и весь онъ обтягивается кожей. Носятъ они его на ремнѣ черезъ плечо, такъ, чтобы въ случаѣ промаха можно было тотчасъ же пустить новую стрѣлу. Въ минуту они могутъ дѣлать пять-шесть выстрѣловъ. Лукъ они держатъ не вертикально, но нѣсколько наклонно, хотя это не имѣетъ никакого особеннаго значенія и дѣлается просто случайно. Стрѣляютъ они хорошо, но обнаруживаютъ при этомъ одну особенность; насколько мало стрѣлы ихъ отклоняются въ право и лѣво, настолько же неточно попаданіе ихъ по вертикальной линіи, и попадая, напр., каждый разъ въ высокій обрубокъ толщиною въ полфута, они постоянно дѣлаютъ промахи въ трехфутовую живую изгородь, то беря черезъ верхъ, то недострѣливая. Раз-

стояніе, на которомъ они попадаютъ мѣтко, и на которомъ стрѣла сохраняетъ свою силу, достигаетъ 80 шаговъ. Дальше даже лучшіе стрѣлки начинаютъ дѣлать промахи, и сила выстрѣла теряется.

На охотѣ, они должны возмѣщать несовершенство оружія ловкостью и хитростью, и трудно найти человѣка, который превзошелъ бы ихъ въ этомъ. На обнаженной равнинѣ почти невозможно приблизиться къ страусу или антилопѣ, не обративъ на себя ихъ вниманія. И тѣмъ не менѣе бушмены дѣлаютъ это. Обмазавъ себя густо пылью, чтобы не отличаться отъ цвѣта почвы, они осторожно ползутъ, слѣдя за каждымъ движеніемъ животнаго и замирая неподвижно, какъ только оно начинаетъ проявлять безпокойство. Терпѣливо они проводятъ за этимъ занятіемъ цѣлые часы, и животному, которое они принялись выслѣживать, рѣдко удается уйти.

При своихъ хищническихъ предпріятіяхъ они проявляютъ много предусмотрительности и сообразительности. Прежде чѣмъ начать дѣло, они высмотрятъ и выслѣдятъ всѣ мельчайшія подробности и обсудятъ каждый шагъ, а также условятся насчетъ знаковъ и сигналовъ. Больше всего ихъ надо остерегаться въ послѣднюю четверть луны, такъ какъ тогда для нихъ очень удобно грабить въ полночной темнотѣ, а затѣмъ скрываться, когда взойдетъ луна. Любятъ они также совершать свои набѣги въ сырую холодную погоду, такъ какъ готтентоты-пастухи очень чувствительны къ холоду и въ такую погоду прячутся въ пещеры, гдѣ разводятъ огонь и спокойно спятъ. Къ тому же бушмены знаютъ, что въ такую погоду и ружья отсыреваютъ. Размозживъ спящимъ пастухамъ головы большимъ камнемъ, бушмены затѣмъ спокойно угоняютъ скотъ.

Постояннаго жилища, какъ уже сказано выше, бушменъ не имѣетъ. Онъ охотно ютится на ночь въ пещерахъ и разсѣлинахъ скалъ, на равнинѣ же выкапываетъ небольшую ямку, въ которой и проводитъ ночь, либо прячется въ попадающемся тамъ въ изобиліи кустарникѣ, вѣтви котораго имѣютъ колючки лишь съ наружной стороны и въ достаточной степени укрываютъ его какъ отъ двуногихъ враговъ, такъ и отъ дикихъ звѣрей. Такой кустъ, служащій убѣжищемъ бушмену, очень напоминаетъ птичье гнѣздо.

Обычай этотъ послужилъ поводомъ дать имъ имя, такъ какъ на южно-африканско-голландскомъ жаргонѣ „бошье“ означаетъ кустъ и бошье-маномъ (бушменомъ) называютъ человѣка, которой стрѣляетъ въ своихъ враговъ или въ дичь изъ убѣжища въ кустахъ.

Ямы, о которыхъ мы уже упоминали выше, имѣютъ въ глубину всего нѣсколько футовъ, овальной формы и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ такой ямѣ ютится цѣлая семья, наибольшая ширина ея не превышаетъ пяти-шести футъ. Прямо не понятно, какъ могутъ помѣщаться здѣсь двое взрослыхъ людей и часто нѣсколько человѣкъ дѣтей. Единственнымъ прикрытіемъ для нихъ служитъ овечья шкура, въ которую каждый плотно заворачивается, такъ что холодъ не проникаетъ подъ нее. Въ защиту отъ вѣтра они втыкаютъ иногда съ навѣтренной стороны ямы древесныя вѣтки, отъ дождя же единственной защитой, если они не укроются въ скалахъ, служатъ ихъ овечьи шкуры.

Въ жаркую пору года бушмены располагаются въ высохшихъ руслахъ рѣкъ, подъ тѣнью мимозъ, вѣтви которыхъ они притягиваютъ къ землѣ и такимъ образомъ устраиваютъ родъ шалаша. Домашней утвари у нихъ нѣтъ, если не считать таковою щитовъ мелкихъ черепахъ и тыквенныхъ горшковъ, да еще скорлупы страусовыхъ яицъ. Ножи имѣются у нѣкоторыхъ бушменовъ, преимущественно у тѣхъ, которые живутъ по сосѣдству съ болѣе цивилизованными кафрами. Впрочемъ надобности въ ножѣ они не испытываютъ, такъ какъ либо рвутъ мясо прямо сырымъ и глотаютъ, лишь слегка разжевавъ его, либо слегка только поджариваютъ на огнѣ и затѣмъ пожираютъ прямо горячее, съ приставшей золой и углями. Благодаря этому у старыхъ бушменовъ рѣзцы совершенно стерты и вмѣсто остраго края представляютъ плоскую поверхность.

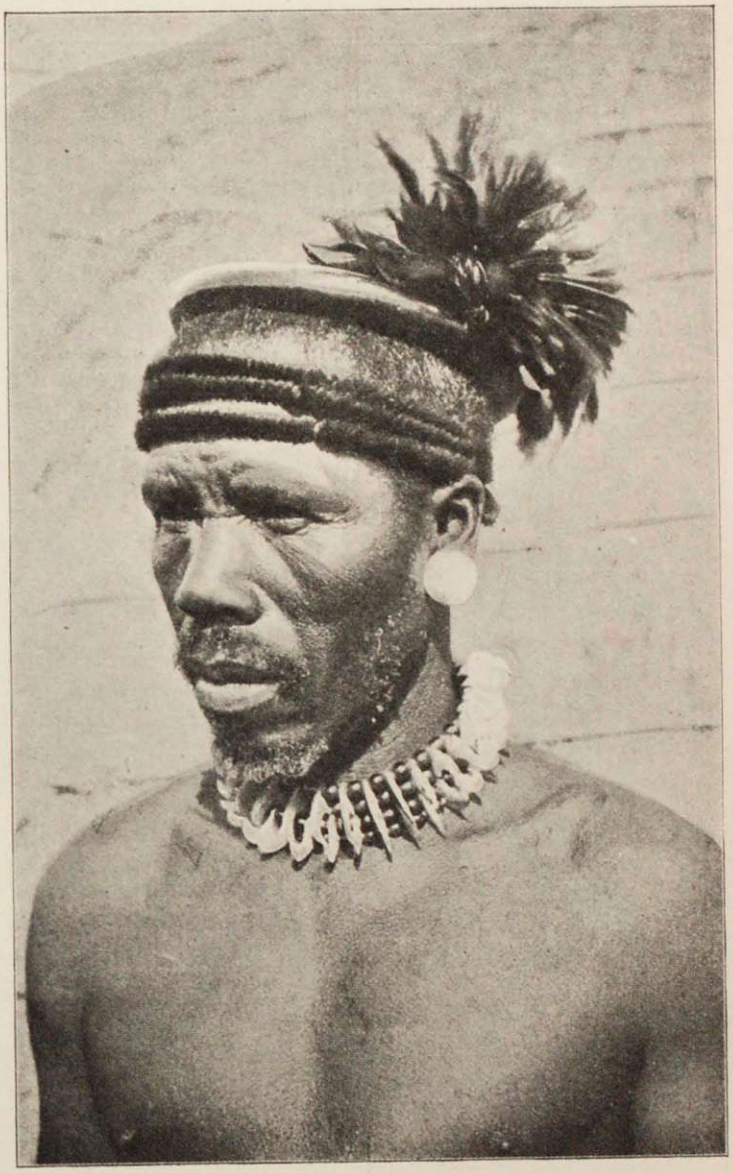
Второй туземной расой являются такъ называемые голландцами Готтентоты, которыхъ португальцы встрѣтили на югозападномъ побережьѣ, къ сѣверу и востоку отъ мыса Доброй Надежды. Существуетъ предположеніе, что они явились съ сѣвера и вытѣснили бушменовъ съ плодороднаго побережья внутрь страны. Какъ духовно, такъ и физически готтентоты очень похожи на бушменовъ. Они низкаго роста, но не карлики, цвѣтъ кожи красновато или желтовато черный; сложенія они стройнаго, съ слабо развитой мускулатурой. Шерстистые волосы ихъ, какъ и у бушменовъ, ростутъ небольшими пучками, какъ трава въ пустынѣ. Они разводили овецъ и рогатый скотъ,—поджарую породу съ огромными рогами, и кочевали по странѣ, вездѣ, гдѣ только можно было найти пастбище. Охотой они промышляли лишь изрѣдка, земледѣліемъ же не занимались совершенно.

Готтентотскій крааль.

Употребленіе металловъ также не было имъ извѣстно. Отдѣльныя племена ихъ, управляемыя вождями, изрѣдка ведутъ между собою войны, съ бушменами же, ворующими у нихъ скотъ, они находятся въ постоянной ожесточенной враждѣ. Они были добродушнымъ веселымъ народцемъ, находившимся въ мирныхъ отношеніяхъ съ колонистами, которые при случаѣ безъ труда превращали ихъ въ рабовъ. Спустя сто лѣтъ послѣ основанія Капской колоніи, численность ихъ, и безъ того небольшая, сильно сократилась частью благодаря захвату колонистами лучшихъ пастбищъ, частію же благодаря оспѣ и другимъ эпидеміямъ, занесеннымъ изъ Остъ-Индіи, отъ которыхъ напр., въ 1713 году вымерли цѣлыя племена. Какъ отдѣльная раса въ Капландѣ, въ настоящее время они не существуютъ, но значительная доля ихъ крови и донынѣ еще течетъ въ жилахъ смѣшаннаго населенія Капштадта и его окрестностей, другую составную часть которой дали малайцы изъ нидерланд-

ской Остъ-Индіи, а также негры-рабы, выведенные въ 17 и 18 столѣтіяхъ съ западнаго берега. Отъ смѣшенія голландцевъ съ готтентотками явилась помѣсь, которую голландцы называютъ бастардами, а англичане грика, и которая теперь тоже почти вымерла, хотя прежде играла видную роль въ политической жизни страны.

Третьей, значительно болѣе многочисленной южно-африканской народностью являются кафры или какъ они сами себя называютъ, банту или абанту. Слово кафръ (кафиръ) арабскаго происхожденія и обозначаетъ „невѣрный“. Участь ихъ сильно отличается отъ участи описанныхъ выше народностей, они имѣютъ будущее. Они распадаются на различныя группы, напр., амакоза, которые обитаютъ къ востоку отъ большой Рыбной рѣки, амазулу, состоящіе изъ собственно зулусовъ, свазисовъ и матабеле, живутъ далѣе къ сѣверу, аматонга—между страной зулусовъ и делагоа; группа бечуана, состоящая изъ бамангва, базуто и баролонго, а также баротсе, живетъ по среднему Замбези. Макалака, маголи и родственныя имъ племена обитаютъ въ земляхъ Машона и Маникала. Сходство этихъ группъ и племенъ по языку и въ этнографическомъ отношеніи выяснено пока очень мало, но во всякомъ случаѣ онъ достаточно, чтобы сумѣть отличать общій типъ такъ же легко, какъ въ Европѣ типъ финовъ или славянскихъ народовъ.



Кафръ.

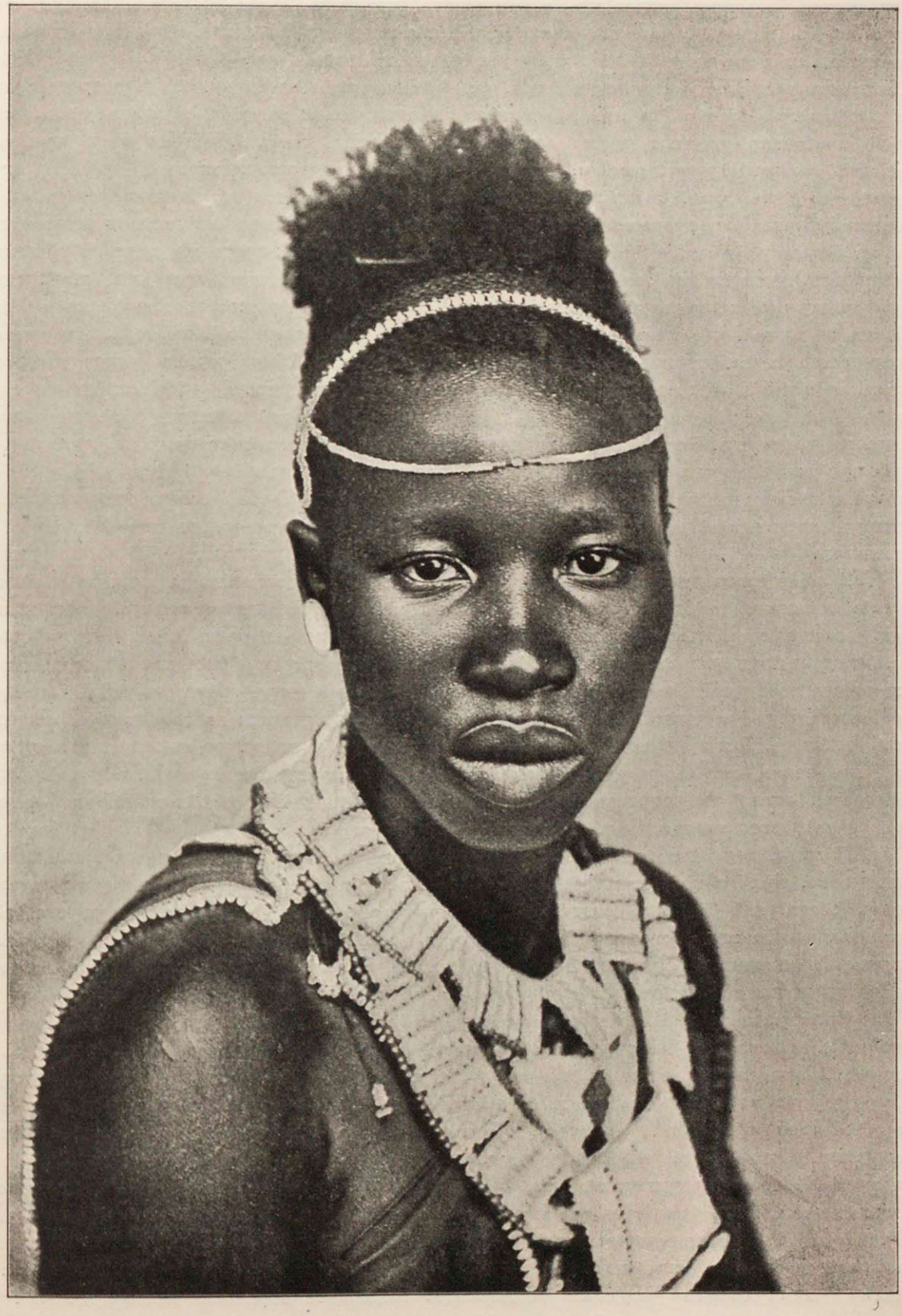
Кафры или банту къ югу отъ Замбези представляютъ изъ себя по большей части сильныхъ, хорошо сложенныхъ людей, не ниже средняго роста. Что касается цвѣта кожи, то онъ не у всѣхъ одинаковъ, и въ то время, какъ одни черны, словно гвіанскіе негры, у другихъ онъ болѣе коричневый. У всѣхъ у нихъ негритянскія толстыя губы, курчавые волосы, жидкая борода, и почти у всѣхъ широкій приплюснутый носъ, у нѣкоторыхъ же носъ болѣе длиный, и черты обнаруживаютъ примѣсь семитической крови, которая объясняется ихъ прежними сношеніями съ арабскими купцами и поселенцами на берегахъ Индійскаго океана. Такія же отличія, какъ во внѣшности, банту обнаруживаютъ и въ духовныхъ своихъ способностяхъ, ни одно племя сколько нибудь замѣтно не возвышается надъ другими, хотя зулусы, напр., храбрые воины, финго—опытные купцы, а базуто очень трудолю-

бивы. Хотя они, вообще, стоятъ на болѣе низкой ступени развитія, чѣмъ индѣйцы, или полинезійцы, но время отъ времени и среди нихъ попадаются личности съ сильнымъ характеромъ, отмѣченныя какимъ либо выдающимся талантомъ. Три такихъ человѣка, какъ зулусъ Чака, базуто Мошешъ и бечуана Кама, не говоря уже, напр., о краснорѣчивомъ миссіонерѣ Тійо Сога, получившемъ европейское образованіе, доказываютъ, что раса эта со временемъ достигнетъ уровня, на которомъ станетъ пользоваться уваженіемъ европейцевъ.

Кафрская женщина.

Относительно продолжительности пребыванія кафровъ въ южной Африкѣ сказать что либо опредѣленное трудно; когда португальцы прибыли сюда въ концѣ пятнадцатаго столѣтія, они нашли уже кафровъ къ сѣверу отъ Наталя.

Кафры были дикарями, но относительно высоко развитыми; они занимались земледѣліемъ, были знакомы съ обработкой металловъ, говорили на хорошо развитомъ діалектѣ и пользовались чѣмъ-то вродѣ обычнаго права. Юго-восточныя племена, зулусы, пондо, тембу и коза, населяющіе плодородную, прекрасно орошаемую страну, были искусными и опасными воинами; племена внутри страны уступали имъ, племена же западнаго побережья во всѣхъ отношеніяхъ стоятъ ниже ихъ. Организація ихъ основывается на семьѣ, родѣ, племени; племя состоитъ изъ нѣсколькихъ родовъ или болѣе мелкихъ группъ и управляется вождемъ, выбираемымъ изъ наиболѣе уважаемой семьи. Власть такого вождя, однако, не вездѣ одинакова. У зулусовъ, организація которыхъ преслѣдуетъ преимущественно военныя цѣли, вождь—это деспотъ, и слово его—законъ. У бечуана и родственныхъ имъ базуто вождь долженъ руководствоваться волей народа, которая у нѣкоторыхъ племенъ выражается на общихъ собраніяхъ; здѣсь каждый свободный человѣкъ имѣетъ право голоса, и можетъ высказывать мнѣнія, отличныя отъ мнѣній вождя. Даже такіе выдающіеся люди, какъ базуто Мошешъ и бечуана Кама, должны были считаться съ волей своихъ подданныхъ. Дальнѣйшимъ ограниченіемъ для нихъ служитъ право каждаго посредствомъ переселенія освобождаться отъ власти строгаго, нелюбимаго вождя и отдаваться подъ защиту болѣе терпимаго. Старые обычаи, разумѣется,



Дѣвушка изъ племени Зулу.

пользуются большимъ значеніемъ, и авторитетъ стариковъ, болѣе другихъ свѣдущихъ въ нихъ, очень великъ. Вождь племени обыкновенно заботится главнымъ образомъ о дѣлахъ собственнаго рода и на войнѣ пользуется бо́льшимъ значеніемъ, чѣмъ въ мирное время. Съ помощью совѣта, составленнаго изъ важнѣйшихъ людей племени, вождь творитъ судъ и разбираетъ споры. На его обязанности лежало также въ тѣхъ случаяхъ, когда кто либо требовалъ участокъ земли для обработки, указать таковой, ибо вся земля принадлежала сообща цѣлому племени. Отводъ земли вождемъ даетъ подданнымъ право на эту землю до тѣхъ поръ, пока они ее обрабатываютъ, ибо всякое произвольное отчужденіе противорѣчитъ ихъ правосознанію, пастбища же были въ общемъ пользованіи всего племени. Богатство вождя и зажиточныхъ заключалось въ скотѣ; скотъ же служилъ общимъ мѣриломъ цѣнности и замѣнялъ деньги, да и теперь еще замѣняетъ ихъ тамъ, гдѣ не успѣли утвердиться англійскія деньги. Многоженство практиковалось лишь среди богатыхъ людей, ибо женщины продавались своими родителями за большее или меньшее количество скота, смотря по общественному положенію. Обычай этомъ распространенъ тамъ и понынѣ и доставляетъ миссіонерамъ не мало хлопотъ. Дурныя послѣдствія его вполнѣ ясны, но въ то же время онъ слишкомъ тѣсно связанъ со всѣмъ общественнымъ строемъ туземцевъ. Вождь имѣетъ обыкновенно одну жену изъ знатнаго семейства, занимающую среди другихъ женъ болѣе высокое положеніе; сыновья ея пользуются въ наслѣдованіи преимуществами передъ сыновьями другихъ женъ. Высшіе вожди очень гордятся своимъ происхожденіемъ, и нерѣдко родословная ихъ заключаетъ до восьми поколѣній предковъ.

У нѣкоторыхъ живущихъ внутри страны племенъ существуетъ рабство, да и положеніе женщины, обыкновенно, немногимъ отличается отъ положенія раба, такъ какъ она должна обрабатывать поле и выполнять большую часть другихъ домашнихъ работъ, за исключеніемъ ухода за скотомъ. Этимъ занимаются мужчины, такъ какъ скотоводство считается почетнымъ занятіемъ. Кафръ природный лѣнтяй и предпочитаетъ бездѣльничать и спать, чѣмъ работать. Владѣльцы рудниковъ вѣчно жалуются на трудность заставить ихъ работать. Какъ и всѣ дикари, онъ любитъ охоту и войну, но въ настоящее время лишенъ этихъ обоихъ развлеченій; перваго, благодаря истребленію дичи, а послѣдняго, благодаря англійскому правительству. Не мало времени еще пройдетъ прежде, чѣмъ кафръ сдѣлается терпѣливымъ, прилежнымъ работникомъ.

Постоянная война между отдѣльными племенами являлась естественнымъ состояніемъ туземцевъ, подобно тому какъ это было у индѣйцевъ, древнихъ кельтовъ и другихъ древнихъ обитателей Европы. Вооруженіе ихъ состояло изъ копья (ассагай) и деревянной палицы, иногда сюда присоединялась сѣкира съ лезвіемъ въ видѣ полумѣсяца, и изрѣдка лукъ. Съ лошадьми они не были знакомы; единственными четвероногими домашними животными южной Африки являются овцы, козы, собаки и крупный рогатый скотъ.

Когда началась война, англійскія войска встрѣтили со стороны кафровъ упорное сопротивленіе, и несмотря на то, что кафры лишь недавно стали употреблять огнестрѣльное оружіе, понадобилось девять войнъ, чтобы окончательно побѣдить ихъ на южномъ берегу.

Религія играла въ жизни кафровъ важное значеніе, но она заключалась у нихъ не въ почитаніи какого либо божества, ибо таковаго у нихъ не имѣется. Какъ и для большинства дикарей, для кафровъ міръ полонъ всевозможныхъ духовъ, водяныхъ, горныхъ, лѣшихъ. Наиболѣе могущественными по ихъ вѣрованію являются духи умершихъ, которые способны помогать или вредить живымъ, а потому имъ въ извѣстное время, или когда нужно задобрить ихъ, приносятся умилостивительныя жертвы. Наибольшимъ почетомъ, конечно, пользуется духъ умершаго вождя, который и по смерти продолжаетъ властвовать надъ душами своихъ умершихъ подданныхъ. Послѣднее вѣрованіе много прибавляетъ почета живымъ вождямъ, ибо неповиновеніемъ имъ каждый рискуетъ навлечь на себя

гнѣвъ сильнаго духа. У Матабеле, напр., ежегодно устраивается празднество въ честь предковъ вождя, на которое эти духи, по вѣрованію дикарей, собираются и принимаютъ участіе въ увеселеніяхъ. Иногда духъ предка вселяется въ какое нибудь животное, чаще всего въ змѣю, не для того, конечно, чтобы всегда въ ней пребывать, но съ цѣлью посѣтить какого либо человѣка. Большая часть племенъ, если не всѣ, имѣютъ какое нибудь животное, которое, по ихъ вѣрованію, родственно имъ. Такое животное носитъ названіе „сибоко“, что вполнѣ соотвѣтствуетъ „тотему“ сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. Такихъ звѣрей не убиваютъ, и нѣкоторыя племена присоединяютъ ихъ названіе къ своему имени.

Кафры.

Такъ какъ кафры не имѣютъ ни божествъ, ни идоловъ, то естественно, у нихъ отсутствуютъ и жрецы, но недостатокъ этотъ съ избыткомъ выполняется колдунами. Особой касты они здѣсь не образуютъ, хотя обыкновенно сынъ колдуна наслѣдуетъ его профессію. Иногда они разыгрываютъ изъ себя врачей, иногда вызываютъ дождь, иногда же сносятся съ загробнымъ міромъ и, благодаря этому могутъ натворить не мало бѣдъ. Такъ племя коза получило въ 1856—78 г. такимъ путемъ приказаніе уничтожить свой скотъ и запасы зерна, въ виду того, будто бы, что духи предковъ хотятъ истребить бѣлыхъ, и благодаря этому болѣе 30000 человѣкъ было обречено на смерть. Самое обычное и въ тоже время ужасное занятіе колдуновъ заключается въ разыскиваньи людей, причиняющихъ другимъ болѣзни и всякія несчастія. Въ этихъ случаяхъ колдунъ нерѣдко является орудіемъ своекорыстнаго вождя, который по секрету наставляетъ колдуна указать на какого либо зажиточнаго или вліятельнаго человѣка. Разъ намѣченная жертва имѣетъ мало шансовъ на спасеніе: ее обыкновенно убиваютъ, а имущество забираетъ вождь. Приготовленіе амулетовъ также входитъ въ кругъ обязанностей колдуна, и почти каждый туземецъ носитъ ихъ. Они знакомы съ обработкой желѣза и мѣди и дѣлаютъ изъ нихъ разныя украшенія. Музыка ихъ груба, но не лишена мелодичности; они имѣютъ каменные, желѣзные и деревянные инструменты, изъ которыхъ звуки извлекаются ударами. Нѣкоторыя племена, напр., понго,

*

Кафры въ боевомъ нарядѣ.

обладаютъ прекрасными голосами и очень музыкальны, у нихъ имѣются разные простые мотивы и цѣлая коллекція маршей.

Образчикомъ поселеній, представляющихъ временный городъ, можетъ служить Палатшвы, величайшій городъ черныхъ къ югу отъ Замбези. Онъ состоитъ изъ огромной массы хижинъ, разбросанныхъ безъ всякаго порядка по склону горы на пространствѣ одной или двухъ квадратныхъ миль. Хижины малы, съ низкими глиняными стѣнами и соломенной крышей, такъ что городъ издали очень похожъ на кучу пчелиныхъ ульевъ. Хижины богатыхъ и знатныхъ, а также ихъ женъ обгорожены терновникомъ. Между группами хижинъ раскинуты песчаныя площадки и пролегаютъ пыльныя дороги. По срединѣ города, возлѣ хижины Камы, который, какъ христіанинъ, имѣетъ лишь одну жену, находится большой крааль или „котла“. Онъ имѣетъ триста метровъ въ окружности и огороженъ палисадомъ, высотой въ 10 фут. изъ прочнаго дерева, который такъ прочно устроенъ что сквозь него нельзя ни просунуть копья, ни пустить стрѣлу. Палисадъ можетъ выдержать натискъ врага, но его легко сжечь. Посерединѣ стоитъ кривой засохшій пень стараго дерева, пощаженный во время устройства палисада, такъ какъ ему приписываютъ магическую силу и вѣрятъ, что стоитъ прикоснуться къ нему больному, чтобы выздоровѣть. Вокругъ него нагромождена куча жираффовыхъ шкуръ, но въ его цѣлительную силу никто уже не вѣритъ. Внутри загородки Кама устраиваетъ собранія, когда желаетъ держать къ народу рѣчь или отдать какія либо распоряженія.

Всѣ англійскія колоніи распадаются на двѣ группы: на самоуправляющіяся и на управляемыя изъ Лондона черезъ назначаемыхъ оттуда чиновниковъ. Послѣднія, такъ называемыя коронныя колоніи, лежатъ въ тропической области, и населеніе ихъ преимущественно цвѣтное. Первыя же почти всѣ расположены въ умѣренныхъ поясахъ и за малыми исключеніями, населены бѣлыми. Южная Африка представляетъ единственное исключеніе, ибо, не смотря на то, что европейцевъ въ ней очень мало, она пользуется самоуправленіемъ.

Все цвѣтное населеніе южной Африки можно раздѣлить на два класса, на болѣе многочисленный, — дикарей, живущихъ въ племенномъ быту, и мирныхъ полукультурныхъ, къ которымъ также причисляются эмигранты индусы въ Наталѣ и Трансваалѣ и немногочисленные малайцы въ Капѣ.

Неживущіе въ племенномъ быту цвѣтнокожіе обитаютъ въ Капландѣ, за исключеніемъ земель Пондо и Тембу на юго-востокѣ, въ Наталѣ, въ бывшей Оранжевой республикѣ и на югѣ Трансвааля, и по своему происхожденію дѣлятся на три категоріи: 1) такъ называемыхъ „коубоевъ“ т. е. пастуховъ, происходящихъ отъ смѣшенія малайцевъ и готтентотовъ съ неграми, рабами западнаго берега, съ нѣкоторой примѣсью голландской крови; 2) кафровъ, не управляемыхъ вождями, и 3) индусовъ-эмигрантовъ, съ нѣкоторой примѣсью китайской крови, лишь недавно прибывшихъ черезъ Наталь и Трансвааль.

Эти цвѣтнокожіе образуютъ низшіе классы населенія. Одни изъ нихъ самостоятельно занимаются земледѣліемъ, другіе служатъ рабочими и пастухами у фермеровъ, третьи, наконецъ, занимаются ремеслами; вообще они выполняютъ всѣ грубыя и тяжелыя работы. Англійскій парламентъ отмѣнилъ въ 1834 году рабство, процвѣтавшее здѣсь съ 1685 г. Рабы выполняли всѣ самыя тяжелыя и непріятныя работы; бѣлые постепенно отвыкали отъ труда и начинали презирать его. Какая, въ самомъ дѣлѣ, надобность была имъ работать, если все можетъ сдѣлать негръ! Новые поселенцы, являвшіеся сюда, быстро усваивали мѣстные обычаи, тѣмъ болѣе, что жаркій, разслабляющій климатъ содѣйствовалъ этому. Въ силу этого, даже и послѣ уничтоженія рабства, обычай поручать неграмъ самыя трудныя работы продолжаетъ существовать.

Прибывшіе изъ Европы ремесленники скоро сживаются съ мѣстными условіями, и напр. плотникъ поручаетъ туземцу носить за собой инструменты, каменщику туземецъ

таскаетъ камни, которые тотъ укладываетъ, рудокопъ изъ Корнвалиса или Австраліи наблюдаетъ за закладкой минъ и укрѣпляетъ зажигательный шнуръ, но работу съ мотыкой предоставляетъ кафру. Кафры также пасутъ скотъ бѣлыхъ подъ надзоромъ бѣлаго надсмотщрика. Такимъ образомъ цвѣтнокожіе находятся въ постоянной зависимости отъ бѣлыхъ и составляютъ какъ бы необходимую часть хозяйственной машины, какъ въ земледѣліи, такъ и во всѣхъ областяхъ промышленности. Но хотя они составляютъ здѣсь подонки населенія, все же не всѣ состоятъ на службѣ у бѣлыхъ. Многіе кафры, особенно въ восточномъ Капландѣ, владѣютъ землей или арендуютъ ее и занимаются земледѣліемъ. Они оставили свои старые обычаи и замѣнили нарядъ дикарей европейской одеждой, а также разорвали сношенія съ своими единоплеменниками. Большинство ихъ говоритъ по голланд-

Женщины изъ племени Зулу за помоломъ.

ски, нѣкоторые по англійски, и въ большинствѣ случаевъ они всѣ христіане, особенно въ городахъ. Индусы исповѣдуютъ либо магометанство, либо браминство, а малайцы, числомъ около 13000 всѣ магометане. Кафры чувствуютъ большую склонность къ образованію, но удовлетворяется она только миссіонерскими школами. Многіе приходятъ очень издалека, чтобы поучиться и, научившись писать, охотно переписываются между собою. Вообще это мирный, трудолюбивый народъ, мало склонный къ преступленіямъ и насиліямъ.

Нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что между черной расой и бѣлыми существуетъ мало симпатіи. Если что поражаетъ наблюдателя, то это презрѣніе, отвращеніе, а то и прямо враждебность, которыя проявляетъ большинство бѣлыхъ въ южной Африкѣ по отношенію къ своимъ чернымъ сосѣдямъ. Невольно возникаетъ вопросъ, отчего это происхо-

дитъ. Презрѣніе является частію отголоскомъ того стараго чувства, какое питали къ рабамъ вообще. Это отношеніе передалось по наслѣдству и тѣмъ поколѣніямъ, которыя уже не застали рабства, частью же оно можетъ быть объяснено чисто физическимъ отвращеніемъ и разницею характеровъ и темпераментовъ, благодаря которымъ недостатки туземцевъ производятъ на бѣлыхъ болѣе отталкивающее впечатлѣніе, чѣмъ недостатки ихъ соплеменниковъ. Сознаніе высшей интеллигентности, бо́льшей энергіи вызываетъ у бѣлыхъ тиранническія наклонности, такъ что они не только ссорятся съ туземцами, но склонны даже и къ насиліямъ. Презрительное отношеніе къ туземцамъ господствуетъ во всѣхъ слояхъ населенія, но ярче всего проявляется оно людьми необразованными, некультурными, которымъ нечѣмъ болѣе гордиться, кромѣ своего цвѣта. Вообще же оно сильнѣе у голландцевъ, чѣмъ у англичанъ, частью потому, что послѣдніе не хотятъ какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ походить на голландцевъ; но обращеніе голландцевъ съ черными лучше, чѣмъ англичанъ, потому что они лучше понимаютъ характеръ туземцевъ, и сами не такъ сухи и чопорны.

Въ общественной жизни цвѣтнокожіе совершенно обособлены отъ бѣлыхъ, и хотя смѣшанные браки и разрѣшены закономъ въ англійскихъ колоніяхъ, но заключаются они крайне рѣдко. Дѣти негровъ рѣдко посѣщаютъ школы бѣлыхъ. Въ англиканской церкви, а также въ пресвитеріанской, методистской и, само собой понятно, въ католической негры допускаются къ причастію на-ряду съ бѣлыми; въ голландско-реформатской этого не дѣлается. Для бѣлаго негръ—только негръ, и какое бы положеніе среди своихъ онъ не занималъ, его почти никогда не приглашаютъ въ качествѣ гостя. Даже въ домъ его впускаютъ лишь какъ слугу, и принимаютъ, если въ томъ встрѣтится надобность, на верандѣ.

Дикіе кафры, живущіе еще въ племенномъ быту, очень рѣдко вступаютъ въ сношенія съ бѣлыми. Они стоятъ на очень различныхъ ступеняхъ культуры, начиная съ трудолюбивыхъ, осѣдлыхъ базуто, среди которыхъ уже сильно распространено христіанство, и кончая совершенно еще дикими Матабеле на сѣверѣ и Тонга на восточномъ берегу. Къ югу отъ Замбези живетъ всего около шести милліоновъ кафровъ. Кромѣ того въ пустынѣ еще встрѣчаются родственные бушменамъ Коранна и родственные готтентотамъ Намаква. Во многихъ мѣстностяхъ, находящихся подъ управленіемъ англичанъ, для туземцевъ устроена черта осѣдлости, въ предѣлахъ которой ни одинъ европеецъ не можетъ пріобрѣтать земли. Тамъ негры устраиваются по своему, подъ управленіемъ своего вождя и въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ сохраняютъ еще и теперь свои старые нравы и обычаи.

Однако въ Капландѣ и Наталѣ, гдѣ живутъ еще сотни тысячъ дикихъ кафровъ, власти сумѣли уже вывести изъ употребленія наиболѣе отталкивающіе изъ этихъ обычаевъ. Для обученія существуютъ только миссіонерскія школы, которымъ колоніи даютъ небольшое пособіе. Туземные религіозные обряды и церемоніи выводятся вездѣ, гдѣ появляются бѣлые; точно также по эту сторону Замбези совершенно прекратились войны отдѣльныхъ племенъ и варварскіе набѣги.

Алмазныя копи въ Кимберлеѣ и золотыя розсыпи въ Іоганенсбургѣ, въ земляхъ Машона и Матабеле, доставляютъ туземцамъ хорошій заработокъ. Большинство рабочихъ, впрочемъ, остается очень недолго, пока заработаютъ сумму, достаточную для покупки пары быковъ, которые и донынѣ еще составляютъ среднюю цѣну жены. Дальнѣйшая жизнь такого бывшаго „рабочаго“ протекаетъ въ праздности, если только азартная игра или пьянство не лишатъ его въ короткій срокъ достигнутаго благосостоянія. Пьянство составляетъ одинъ изъ бичей, уничтожающихъ чернокожихъ физически и нравственно, и лучшіе изъ нихъ хорошо сознаютъ это. Они очень боятся гибельнаго дѣйствія водки, и вожди стараются изо всѣхъ силъ предохранить своихъ подданныхъ отъ этого зла. Такъ, король

Кама писалъ однажды англійскому верховному комиссару слѣдующее: „Я боюсь вождя матабелей Лобенгулы меньше, чѣмъ водки. Съ Лобенгулой я сражаюсь и побѣждаю его; онъ не заставилъ меня еще ни разу провести безсонную ночь. Я боюсь напитка бѣлыхъ больше копья матабелей, убивающаго тѣло. Водка предаетъ человѣка дьяволу и уничтожаетъ и душу и тѣло".

Глава III.

Бѣлое населеніе южной Африки: исторія заселенія и распространенія; взаимныя отношенія, договоры и войны.—Буры.—Африкандеры.—Уитлендеры.—Золотыя розсыпи и алмазныя копи.—Новые города и ихъ населеніе.

Бѣлые появились въ южной Африкѣ въ 1488 г., когда португалецъ Бартоломео Діацъ открылъ мысъ Бурь, переименованный вскорѣ въ мысъ Доброй Надежды. Однако португальцы не обратили вниманія на южную часть и утвердились, главнымъ образомъ, въ Софалѣ (съ 1505 г.). Когда на смѣну ихъ господствомъ надъ океаномъ овладѣли голландцы, захватившіе остъиндскія колоніи португальцевъ, а вслѣдъ за этимъ на моряхъ стали царствовать англичане, тѣ и другіе ощутили необходимость пользоваться Столовой бухтой, какъ стоянкой для кораблей. Это было въ началѣ XVII столѣтія. Нескончаемыя религіозныя войны въ Европѣ выбросили вскорѣ на пустынный берегъ южной Африки горсть голландскихъ эмигрантовъ и около 300 гугенотскихъ семействъ изъ Франціи. Постепенно число бѣлыхъ естественно увеличивалось, и они, хорошо использовавъ огромное побережье, принуждены были распространиться въ сухія области, лежавшія дальше въ глубинѣ страны, вытѣсняя оттуда чернокожихъ. Въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в. превратности войны нѣсколько разъ передавали господство надъ этой колоніей изъ рукъ голландцевъ въ руки англичанъ, за которыми она, наконецъ, и осталась по договору 1814 г. Въ это время въ колоніи насчитывалось до 27.000 бѣлыхъ, преимущественно буровъ, около 30.000 черныхъ рабовъ и 17.000 туземныхъ готтентотовъ.

Съ этой эпохи начинается ожесточенная вражда между голландскими переселенцами и англичанами, которая проходитъ красной нитью черезъ всю новѣйшую исторію южно африканскихъ колоній. Буры вообще были недовольны духомъ англійскаго правленія, противорѣчившаго ихъ слишкомъ патріархальнымъ понятіямъ. Лишившись самоуправленія, они потерпѣли вскорѣ затѣмъ еще крупный матеріальный ущербъ вслѣдствіе того, что въ 1834 г. Англія отмѣнила во всѣхъ своихъ колоніяхъ рабство. Хотя эта реформа была произведена по способу выкупа рабовъ у ихъ владѣльцевъ, но самая выкупная операція была произведена неумѣло и не вездѣ добросовѣстно. Три милліона фунтовъ стерлинговъ, ассигнованныхъ на выкупъ капскихъ рабовъ, далеко не соотвѣтствовали цѣнности 39.000 ихъ, такъ что, лишившись рабочей силы, многіе буры почувствовали себя почти разоренными. Они уже безъ того считали себя притѣсненными, теперь же терпѣніе ихъ окончательно лопнуло, и большая партія ихъ рѣшила выселиться на сѣверъ, чтобы высвободиться изъ подъ власти англичанъ и жить тамъ, какъ имъ того хотѣлось. Такъ возникло въ 1836 г. движеніе, которое извѣстно подъ названіемъ „великій трекъ". Исторія этихъ выселеній и блужданій кучекъ бурскихъ семей по пустыннымъ горамъ и плоскогоріямъ исполнена разнообразныхъ превратностей и безчисленнаго числа самыхъ драматическихъ эпизодовъ. Прослѣдить послѣдовательно всѣ эти движенія отняло бы много мѣста, да и не въ этомъ здѣсь дѣло. Достаточно если мы отмѣтимъ здѣсь лишь главныя явленія, подъ вліяніемъ которыхъ сложились взаимныя отношенія двухъ бѣлыхъ народ-

ностей, заселяющихъ южную Африку, и многочисленныхъ черныхъ племенъ, съ которыми приходилось считаться и тѣмъ и другимъ.

Буры при всѣхъ своихъ достоинствахъ до такой степени дорожили не національной, а семейно-родовой независимостью, что сами по себѣ оказались совершенно неспособными создать собственное государство. Никто изъ нихъ не хотѣлъ платить налоговъ, не признавалъ властей, даже выбранныхъ добровольно, и только моменты крайней опасности отъ черныхъ или англичанъ сплачивали ихъ на короткое время. Между тѣмъ они захватывали силой страны, которыми владѣли черные, многочисленность и сила которыхъ безъ всякаго сомнѣнія превосходили то, что могли имъ противопоставить хотя бы и лучше вооруженные буры. Только вмѣшательства англійской вооруженной силы, которая была лучше организована и содержалась на постоянныя средства, а также довольно снисходительная къ чернымъ политика англійскихъ губернаторовъ удерживали послѣднихъ отъ полнаго истребленія своихъ новыхъ сосѣдей. Въ этомъ и заключается главный секретъ, почему буры до послѣдней войны при всѣхъ своихъ столкновеніяхъ съ англичанами, даже въ случаяхъ самыхъ блестящихъ своихъ побѣдъ, должны были въ концѣ концовъ уступать и подчиняться условіямъ, какія имъ диктовались англичанами. Съ своей стороны англичане всегда смотрѣли на самовольно выселявшихся буровъ, какъ на своихъ поданныхъ, уклонявшихся отъ вѣрности присягѣ и долгу, и если и не принимали особыхъ мѣръ противъ возникавшихъ въ пустынныхъ сѣверныхъ равнинахъ бурскихъ республикъ, то потому, что не считали выгоднымъ и возможнымъ тратить довольно скудныя средства колоніи на дорогія экспедиціи для покоренія областей, на доходность которыхъ нечего было разсчитывать. Въ то же время губернаторы колоній и колоніальное вѣдомство были настолько дальновидны, что не позволили бурамъ утвердиться въ качествѣ независимаго государства въ занятомъ ими было Наталѣ (1845 г.) и въ дальнѣйшемъ теченіи событій принимали всѣ мѣры, чтобы отрѣзать обѣ возникшіи и признанныя англичанами въ 1852 и 1854 г. бурскія республики—Оранжевую и Трансвааль отъ морского побережья, владѣніе которымъ давало бы бурамъ поводъ и возможность вступать въ торговыя сношенія и завязывать политическія отношенія съ иностранными державами совершенно независимо отъ англичанъ. Частыя взаимныя пререканія между сосѣдями по тѣмъ или инымъ поводамъ улаживались большею частью при помощи договоровъ, пока кафрскія племена не были покорены англичанами, ибо голландцы, хотя и одерживали обыкновенно верхъ надъ черными, чувствовали однако невозможность справиться съ ними одними своими силами. Въ 1856 г. Наталь былъ отдѣленъ отъ Капской колоніи въ особую колонію. Постепенный ростъ населенія въ обѣихъ колоніяхъ (около 240.000, въ 1875 г.), сравнительная безопасность отъ туземцевъ, развитіе овцеводства способствовали процвѣтанію обѣихъ колоній; неудовлетворительный политическій строй ихъ также измѣнялся понемногу къ лучшему, такъ что съ 1870 г. англійская южная Африка имѣла уже свой парламентъ съ отвѣтственнымъ министерствомъ. Равноправіе и самоуправленіе, также какъ равенство англійскаго и голландскаго языка въ офиціальныхъ сношеніяхъ (съ 1882 г.) способствовали бы въ Капландіи и Наталѣ примиренію обѣихъ народностей и сліянію ихъ въ одну націю „африкандеровъ“, если бы послѣдующія событія не подлили масла въ погасавшій огонь. Въ 1877 г. Англія, основываясь на прежнихъ своихъ претензіяхъ, присоединила обѣ бурскія республики. Результатомъ того было побѣдоносное возстаніе буровъ въ 1880—81 г. Заключенный затѣмъ миръ и договоры 1881 и 1884 г. урегулировали на время взаимныя отношенія враждующихъ сторонъ, но, спустя 20 лѣтъ, война вспыхнула вновь и, какъ извѣстно, закончилась побѣдой болѣе сильнаго.

За это время положеніе дѣлъ сильно измѣнилось въ колоніи. Открытіе и разработка золотыхъ и алмазныхъ розсыпей привлекли въ страну, вмѣстѣ съ толпами новыхъ переселенцевъ, крупные капиталы, повели къ образованію богатыхъ компаній, къ возникнове-

нію новыхъ слоевъ населенія, новыхъ интересовъ, къ лихорадочному развитію дѣятельности. Въ этихъ условіяхъ борьба національностей осложнилась до крайности. Англійскіе капиталисты овладѣли страной и подчинили своему вліянію правительство, какъ въ колоніи, такъ и въ метрополіи.

Съ другой стороны и въ бурскомъ народѣ, пребывавшемъ до того въ первобытной простотѣ, произошло разслоеніе. Появленіе въ странѣ денегъ, ростъ городовъ, подъемъ цѣнъ на земельные участки, на жизненные продукты привели къ образованію класса богачей, которые загребали деньги, не тратя на то, подобно аферистамъ уитлендерамъ, ни времени, ни усилій. Эта бурская плутократія, имѣвшая во главѣ своей стараго, хитроумнаго президента Крюгера, захватила въ свои руки власть, и когда интересы ея столкнулись слишкомъ близко съ интересами англійскихъ капиталистовъ, политикой которыхъ руководилъ Сесиль Родсъ, то обѣ стороны вызвали столкновеніе, кончившееся кровопролитной войной, въ которую Родсъ и Чемберленъ втянули опьяненный идеей имперіализма англійскій народъ, подобно тому, какъ наивный бурскій народъ оказался вовлеченнымъ въ нее ловко раздутымъ чувствомъ ложнаго патріотизма. Виновники войны съ той и съ другой стороны благополучно выбрали свои каштаны изъ огня, предоставивъ расплачиваться за тысячи оставленныхъ на поляхъ сраженій жизней, за тысячи разоренныхъ фермъ обманутымъ массамъ, въ памяти которыхъ эти два страшныхъ года войны врѣжутся глубокими, трудно изгладимыми чертами.

Послѣ этого краткаго очерка исторіи населенія и взаимоотношенія бѣлыхъ народностей южной Африки познакомимся нѣсколько ближе съ народомъ, который, хотя и считаетъ родиной своихъ предковъ Европу, однако сложился и пріобрѣлъ свои характерныя особенности въ южной Африкѣ.

Было бы ошибочно считать бурами только обитателей Трансвааля и Оранжевой республики, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ къ нимъ причисляется также значительная часть населенія англійскихъ колоній. Вотъ почему этотъ народъ играетъ первенствующую роль во всѣхъ южно-африканскихъ дѣлахъ. Съ одной стороны, къ нимъ принадлежатъ обитатели захолустій, со всѣми хорошими и дурными сторонами полуцивилизованнаго народа, съ другой—высокообразованные парламентаріи, являющіеся въ Капландѣ передовыми бойцами за свою національность.

Съ 1806 года бурамъ съ фронта угрожали дикари, съ тылу англичане. Жизнь ихъ была полна притѣсненій, опасностей и лишеній, которыя опустошали ряды ихъ не хуже ассагаевъ туземцевъ. Большая часть ихъ въ концѣ концовъ подчинилась своей участи и сдѣлалась вѣрноподданными Англіи; болѣе же непримиримыя и энергичныя семьи устремились далѣе внутрь страны, въ жаркія непривѣтливыя равнины, гдѣ и влачили бѣдственное существованіе, полное лишеній и всевозможныхъ страданій, въ безпрерывной борьбѣ съ черными врагами. Одеждой имъ служили невыдѣланныя шкуры, пищей—сушеное мясо антилопъ и молоко. Крытые фургоны являлись зимой и лѣтомъ ихъ единственнымъ убѣжищемъ, въ которомъ они рождались, жили и умирали, такъ какъ постоянные дома они начали строить лишь съ 1850 г. Единственнымъ предметомъ, которымъ они торговали, былъ разводимый ими табакъ. Буры отвозили его на берегъ и обмѣнивали тамъ на порохъ и свинецъ, такъ какъ только въ заряженномъ ружьѣ видѣли залогъ своей свободы. Прошлое наложило отпечатокъ на весь характеръ народа, и оно же повинно во всѣхъ ихъ какъ хорошихъ такъ и худыхъ качествахъ, лучшимъ изъ которыхъ является страстная любовь къ свободѣ.

Буры очень искусны въ военномъ дѣлѣ, такъ какъ считаютъ, что лишь сильный можетъ сохранить свою свободу. Дѣйствительно, все прошлое ихъ служитъ подтвержденіемъ этому. Условія, при которыхъ сложился этотъ народъ, сохранились донынѣ, такъ какъ большинство буровъ живетъ со спартанской простотой, вдали отъ развращающаго вліянія

современныхъ городовъ и въ постоянномъ соприкосновеніи съ природой. Молодежь зиму и лѣто занимается охотой и переноситъ опасности и лишенія, какъ нѣчто вполнѣ естественное. Такая жизнь пріучаетъ этихъ смѣлыхъ, ловкихъ людей не бояться никакихъ приключеній и даже самой смерти.

Буры въ большинствѣ случаевъ высокаго роста и хорошо сложены. На необыкновенно широкихъ плечахъ, на могучей шеѣ посажена грубо очерченная голова. Чертами лица они напоминаютъ южно-нѣмецкихъ крестьянъ, волосы же и борода дѣлаютъ ихъ похожими на береговыхъ жителей Сѣвернаго моря. Глаза свѣтлые и, благодаря упражненію ихъ на охотѣ, обладаютъ превосходнымъ зрѣніемъ. Сила и ловкость дѣлаютъ бура опаснымъ противникомъ въ борьбѣ. Всѣмъ извѣстно ихъ необыкновенное искусство въ стрѣльбѣ, и этому нечего удивляться, такъ какъ отцы обучаютъ ему уже мальчиковъ. Обыкновенно, чтобы научить мальчика цѣнить хорошій выстрѣлъ и беречь патроны, отецъ отпускаетъ его на охоту всего съ однимъ зарядомъ, и если онъ возвращается безъ добычи, то получаетъ въ награду брань. Въ настоящее время, однако, нѣтъ уже болѣе прежняго баснословнаго обилія дичи, благодаря безпощадному истребленію ея охотниками и чумѣ; поэтому обученіе стрѣльбѣ путемъ охоты становится все затруднительнѣе, и на смѣну ему въ употребленіе начинаетъ входить стрѣльба въ цѣль. У каждаго бура есть по крайней мѣрѣ одно хорошее ружье и достаточное количество зарядовъ къ нему.

Наряду съ ружьемъ, буры также очень любятъ лошадей. Лошадь является спутникомъ его жизни, вѣрную службу котораго онъ умѣетъ цѣнить; на человѣка, путешествующаго по странѣ пѣшкомъ, смотрятъ, какъ на вора и мошенника, и очень неохотно пускаютъ его отдохнуть; мѣсто ему отводятъ въ хлѣву и очень рѣдко приглашаютъ въ домъ фермера. Поэтому каждый буръ заботится непремѣнно о томъ, чтобы имѣть верховую лошадь. Это необходимо еще и для сношеній между собою, такъ какъ живутъ они на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Всѣ буры поэтому прекрасные наѣздники, а лошади ихъ, привыкшія къ тяжелой работѣ, хотя и невзрачны на видъ, но очень выносливы.

Военное снаряженіе бура составляютъ ружье и лошадь, и онъ является съ ними немедленно, лишь только раздается призывъ къ оружію. Этимъ опредѣляется и самый способъ веденія ими войны: они образуютъ такъ называемую ѣздящую пѣхоту,—родъ оружія, неизвѣстный въ европейскихъ арміяхъ, но весьма полезный въ сухихъ, волнистыхъ равнинахъ южной Африки. Отряды буровъ состоятъ исключительно изъ всадниковъ и сопровождаются только нѣсколькими походными фургонами, запряженными быками. Тактика ихъ состоитъ въ томъ, чтобы нападать на врага въ удобномъ для себя мѣстѣ. Подскакавъ къ лагерю враговъ или походной колоннѣ, они соскакиваютъ съ лошадей и, подтянувъ имъ кверху одну изъ переднихъ ногъ ремнемъ, прикрѣпленнымъ къ сѣдлу, чтобы не дать убѣжать, начинаютъ осыпать врага мѣткими выстрѣлами до тѣхъ поръ, пока онъ не перейдетъ въ наступленіе. Тогда буры вдругъ исчезаютъ, и глазамъ непріятеля представляются лишь тамъ и сямъ мелькающія фигуры всадниковъ въ широкополыхъ шляпахъ, моментально исчезающія среди скалъ. Чѣмъ ближе онъ подвигается къ скаламъ, тѣмъ большія опустошенія въ его рядахъ производитъ мѣткій огонь буровъ. Когда же непріятель добирается наконецъ до скалъ, онъ находитъ ихъ покинутыми. Лучшіе стрѣлки обыкновенно держатся на своихъ мѣстахъ до послѣдней возможности, а затѣмъ отъѣзжаютъ, между тѣмъ какъ остальные, раздѣлившись на два отряда, начинаютъ обходить врага съ фланговъ. Чтобы не быть окруженными, врагамъ остается только добраться до какого нибудь возвышенія, господствующаго надъ мѣстностью. Небольшіе отряды и здѣсь бываютъ окружены, отряды же побольше терпятъ значительный уронъ. Кромѣ такихъ наступательныхъ дѣйствій, буры еще любятъ устраивать засады въ горахъ, зарослякъ и узкихъ проходахъ.

Другой выдающейся чертой буровъ является ихъ набожность, развитая въ нихъ ихъ

прошлой жизнью. Ихъ научила молиться нужда, когда они странствовали безъ пріюта, въ постоянной борьбѣ съ опасностями. Въ томъ же духѣ благочестія воспитываются и подрастающія поколѣнія. Библія для буровъ является, въ полномъ смыслѣ слова, книгою книгъ. Они такъ же высоко чтутъ ее, какъ турки Коранъ. По библіи буръ учится читать, изъ нея онъ черпаетъ всю житейскую и политическую мудрость. Извѣстно, что президентъ Трансвааля Крюгеръ любилъ обосновывать важнѣйшія постановленія правительства какими нибудь благочестивыми изрѣченіями. Церкви существуютъ только въ городахъ, но зато домашнія богослуженія распространены повсюду. Отецъ читаетъ изъ библіи, причемъ нерѣдко держитъ ее вверхъ ногами, но это не имѣетъ никакого значенія, ибо уже въ дѣтствѣ каждый знаетъ наизустъ цѣлыя главы изъ нея. Въ заключеніе мать или одна изъ многочисленныхъ дочерей играетъ на гармоніумѣ, который нерѣдко можно встрѣтить на самыхъ захолустныхъ фермахъ, какой нибудь псаломъ, и вся семья сливаетъ свои голоса со звуками инструмента. Воровство, убійства и т. под. преступленія случаются среди нихъ крайне рѣдко. Со слугами они обращаются строго. Гостепріимство почитается у нихъ священной обязанностью.

Характеръ буровъ очень замкнутый, и можно прожить очень долго въ ихъ средѣ, не узнавши въ то же время ихъ настоящаго характера. Они очень заботливо относятся къ гостю, даютъ ему лучшій кусокъ изъ своей простой пищи, оказываютъ дѣятельное содѣйствіе при продолженіи путешествія, но въ то же время гость не перестаетъ чувствовать извѣстную отчужденность, которая не исчезаетъ и съ дальнѣйшимъ теченіемъ времени. Эта черта ихъ характера очень понятна. Цѣлый рядъ поколѣній буровъ живетъ въ полномъ одиночествѣ, рѣдко вступая въ сношенія съ сосѣдями, въ полномъ разобщеніи съ внѣшнимъ міромъ, лишенные всего, что скрашиваетъ и облегчаетъ жизнь. Такое существованіе кладетъ отпечатокъ на весь ихъ характеръ и дѣлаетъ его суровымъ и нелюдимымъ. Буръ издавна наблюдалъ вторженіе въ свою страну чужестранцевъ, число которыхъ постоянно увеличивается. Онъ уступалъ имъ дорогу и старался по возможности меньше имѣть съ ними дѣла. Въ концѣ концовъ глубоко запавшее въ его душу подозрѣніе, что въ одинъ прекрасный день его лишатъ завоеванной съ такимъ трудомъ самостоятельности, оправдалось, и новое положеніе кажется ему тѣмъ горше, что большая часть новыхъ поселенцевъ принадлежитъ къ числу его вѣчныхъ враговъ, англичанъ. И единственное спасеніе свое онъ видѣлъ въ полномъ отчужденіи отъ нихъ. Буръ изо всѣхъ силъ противится вторженію всякихъ новыхъ идей и упорно держится старины. Въ этомъ его сила, но въ этомъ же и грядущая опасность. Онъ совсѣмъ не стремится къ образованію и ничего кромѣ библіи не читаетъ. Когда въ его захолустье попадаетъ чужой человѣкъ, онъ никогда не поинтересуется разспросить его, что дѣлается въ Іоганесбургѣ, Преторіи или Капштадтѣ. Жизненныя удобства его совсѣмъ не прельщаютъ. Примѣромъ этого можетъ послужить то обстоятельство, что буръ и до сихъ поръ передвигается только верхомъ или въ запряженномъ быками фургонѣ, такъ какъ желѣзная дорога по его мнѣнію существуетъ только для ввоза въ страну иностранцевъ.

Фургонъ представляетъ изъ себя низкій длинный экипажъ, перевозимый 14, 16 и даже 20 быками, и если онъ предназначается для пассажировъ, то снабженъ деревянной брезентовой крышей. Животныя попарно привязаны тяжелой цѣпью къ ярму и въ среднемъ проходятъ въ день около 12 англійскихъ миль, въ случаѣ же нужды даже больше. Ходъ ихъ крайне медленный, и на отдыхъ и кормежку они тратятъ времени больше, чѣмъ на работу. Обыкновенно отдыхъ ихъ продолжается съ утра до 4 часовъ пополудни и кромѣ того часть ночи. Въ такихъ фургонахъ перевозили буры своихъ женъ, дѣтей и имущество во время своего большого переселенія въ 1836 году. Ими же пользовались, да и теперь пользуются путешественники, миссіонеры и охотники, забираясь въ пустынныя, безводныя мѣстности, гдѣ обыкновенно не только лошади, но и мулы выдерживаютъ не

долго. Да и имѣя выносливую лошадь, необходимо пользоваться фургономъ, какъ операціоннымъ базисомъ своего рода. Когда ихъ нѣсколько, то удобно изъ нихъ устраивать лагерь, поставивъ ихъ въ кругъ, внутри котораго помѣщаются обыкновенно быки для защиты отъ дикихъ звѣрей. Кромѣ того такой лагерь представляетъ довольно сильную крѣпость, въ которой немногіе защитники въ состояніи отразить нападеніе цѣлой толпы туземцевъ.

Въ родномъ городѣ страны буръ является чужимъ человѣкомъ; иной иностранецъ можетъ прожить тамъ цѣлый годъ и не увидѣть ни одного настоящаго бура. Многіе изъ нихъ, благодаря продажѣ своихъ фермъ, на земляхъ которыхъ было найдено золото, сдѣлались очень богатыми людьми, но привычекъ своихъ они не измѣнили ни на іоту, Такой же скромный домикъ, какъ былъ у него раньше, онъ строитъ и на новомъ мѣстѣ, гдѣ ни одна фабричная труба не портитъ ландшафта, и продолжаетъ жить со своими быками, овцами и кафрами. Свертки золота мирно покоятся въ дубовомъ сундукѣ, за крѣпкими замками подъ широкой кроватью, а милліонеръ продолжаетъ ходить въ томъ же старомодномъ потертомъ костюмѣ, какой носилъ еще будучи бѣднякомъ.

Безпокойная кочевая жизнь, какую ведутъ многіе буры, странствуя по пастбищамъ со своими стадами, развиваетъ въ нихъ неохоту къ постоянному труду; да въ немъ для бура и нѣтъ надобности. Онъ работаетъ лишь столько, сколько необходимо для поддержанія своего существованія. Впрочемъ, въ случаѣ надобности, каждый буръ можетъ быть очень прилежнымъ. Но стремленія добиваться богатства у нихъ совершенно не замѣтно. При всемъ томъ буръ далеко не глупъ, и дѣльца, собирающагося надуть его, постигаетъ обыкновенно полная неудача.

Основу благосостоянія бура составляютъ стада овецъ и рогатаго скота. Животныя не знаютъ ни стойла, ни огороженныхъ пастбищъ, и только телята и ягнята пользуются въ холодное время кровомъ и уходомъ. Огромныя стада, нерѣдко состоящія изъ многихъ сотенъ головъ, находятся подъ присмотромъ нѣсколькихъ кафровъ, которые являются очень искусными пастухами. Когда растительность въ степи въ жаркую пору года высыхаетъ, и животныя уже начинаютъ добывать себѣ для корма корни изъ подъ земли, ихъ перегоняютъ въ лѣсистыя мѣстности, гдѣ вода и трава имѣются въ изобиліи; когда же въ дождливую пору климатъ здѣсь становится нездоровымъ, стада снова возвращаются на возвышенныя равнины. Нерѣдко практикуется при этомъ такой пріемъ: свои стада буръ отправляетъ къ своему родственнику въ лѣсистую мѣстность, а въ дождливую пору беретъ его стада къ себѣ на возвышенныя пастбища. И несмотря на то, что стадо приэтомъ сливается въ одну сплошную пеструю массу, каждый изъ нихъ безъ труда отличаетъ свой скотъ отъ чужого.

Буры мало занимаются земледѣліемъ. Несмотря на то, что почва при нѣкоторой заботливости даетъ очень хорошій урожай, они сѣютъ хлѣба лишь сколько нужно для собственной надобности. Главная причина малаго развитія земледѣлія состоитъ въ томъ, что скотоводство гораздо пріятнѣе полевыхъ работъ; кромѣ того буры оправдываются еще и тѣмъ, что обиліе саранчи препятствуетъ земледѣлію въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ, и это, надо сказать, справедливо.

Съ недавняго времени фермеры начали также заниматься плодоводствомъ, особенно въ сѣверныхъ областяхъ, гдѣ оно получило уже значительное распространеніе. Мѣстные буры начали проявлять къ этой отрасли хозяйства особенный интересъ послѣ того, какъ узнали, что за ихъ фрукты въ Іогансебургѣ платятъ очень хорошо.

Фермы буровъ представляютъ собой низкія тѣсныя постройки изъ натуральнаго камня, скрѣпляемаго смѣсью изъ глины и коровьяго навоза. Первая отъ входа комната обыкновенно играетъ роль кухни и столовой. Посрединѣ стоитъ большой столъ, окруженный грубо сдѣланными прочными стульями. Глава дома помѣщается за столомъ такимъ

образомъ, чтобы ему виденъ былъ черезъ окно дворъ фермы, хозяйка же сидитъ противъ него, чтобы и во время ѣды не спускать глазъ съ своего царства—кухни. Окна очень малы и никогда не отворяются, въ этомъ не видятъ никакой надобности; такимъ образомъ какъ бы оправдывается шутка, будто воздухъ въ Трансваалѣ оттого такъ хорошъ, что буры никогда не открываютъ оконъ. Простая мебель является домашнимъ издѣліемъ. Вообще буръ старается обходиться во всѣхъ случаяхъ жизни собственными средствами. Женщины сами ткутъ грубый холстъ и прочныя матеріи и шьютъ изъ нихъ бѣлье и платье, мужчины же выдѣлываютъ кожи и шьютъ обувь. Въ послѣднее время однако въ бурскихъ семьяхъ, зараженныхъ культурой, замѣчается потребность въ праздничныхъ нарядахъ, и лишь старики высмѣиваютъ это модничанье и остаются вѣрны своимъ старомоднымъ коричневымъ костюмамъ, дамы же носятъ большія шляпы съ перьями и черныя шелковыя платья, которыя въ городахъ, однако, вышли уже изъ моды. Дѣтей своихъ они водятъ уже въ матросскихъ костюмахъ и въ платьяхъ съ кружевами. Хотя буры всѣ, мало по малу, поддаются цивилизаціи, ихъ и теперь еще можно упрекнуть въ одномъ порокѣ—въ нечистоплотности. Дѣйствительно, она поражаетъ и отпугиваетъ европейца, который впервые знакомится съ бурами. Достаточно сказать, что многія семьи ѣдятъ изъ одной общей миски, куда залѣзаютъ грязными пальцами, а старики спятъ ночью не раздѣваясь. Самъ Крюгеръ, „дядя Поль“, лишь послѣ первой своей поѣздки въ Европу пріобрѣлъ привычку мыть руки каждый день.

Какъ бы то ни было, трансваальскіе и оранжевые буры съ честью носятъ свое названіе—они дѣйствительно настоящіе крестьяне. Въ заключеніе слѣдуетъ указать еще на одно любопытное явленіе, именно на то, что всякій знающій буровъ издали, относится къ нимъ очень хорошо, но стоитъ ему познакомиться съ ними поближе, и онъ начинаетъ склоняться къ мнѣнію англичанъ, что это грубый, необразованный, тупой, но властолюбивый народъ, подчинить который культурѣ необходимо какъ можно скорѣе. Происходитъ это оттого, что чужеземцы знакомятся часто сперва съ непріятными чертами характера буровъ. Однако, ближайшее знакомство съ ними обнаруживаетъ, что народъ этотъ обладаетъ многими здоровыми, заслуживающими полнаго уваженія качествами.

Англичане поражаются при видѣ того, какъ прочно укрѣпился въ южной Африкѣ голландскій языкъ. Половина жителей Капланда говоритъ на немъ, хотя многіе знаютъ немного и англійскій; въ бывшей Оранжевой республикѣ три четверти населенія говоритъ по голландски, въ Наталѣ же лишь меньшая часть населенія. Проникающіе внутрь страны англичане также по большей части выучиваются голландскому, для сношеній съ голландскими сосѣдями, которые съ трудомъ одолѣваютъ англійскій языкъ. Дѣти англичанъ учатся ему у цвѣтнокожихъ слугъ, которые также чаще знаютъ голландскій языкъ, чѣмъ англійскій. Впрочемъ, хоть языкъ этотъ и называютъ голландскимъ, онъ очень отличается отъ современнаго культурнаго голландскаго языка, такъ какъ съ одной стороны сохранилъ массу оборотовъ, употреблявшихся болѣе двухсотъ лѣтъ назадъ, съ другой же позаимствовалъ много словъ изъ языка кафровъ и готтентотовъ и превратился въ жаргонъ, называемый „таалъ“, совершенно неспособный выражать отвлеченныя понятія или понятія, выходящія изъ рамокъ обыденной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, многіе буры, особенно въ Трансваалѣ, не въ состояніи читать современныхъ голландскихъ книгъ, за исключеніемъ Амстердамской газеты.

Такъ какъ почти всѣ деревенскіе буры живутъ въ одинаковыхъ условіяхъ, то здѣсь нѣтъ мѣста ни гордости съ одной стороны, ни приниженности съ другой, и европейскаго путешественника пріятно поражаетъ отсутствіе всякой претенціозности. Манеры этихъ людей соотвѣтствуютъ ихъ жизни, и если они не достаточно элегантны, за то сердечны и добродушны. Голландцы обладаютъ чувствомъ собственнаго достоинства, и это заставляетъ ихъ уважать личность другого и обращаться съ нимъ просто и естественно.

Кромѣ чернокожихъ, цвѣтныхъ, появившихся недавно, какъ напр. индусы, малайцы, китайцы, и кромѣ буровъ, остальную массу населенія Южной Африки составляютъ преимущественно англичане, вѣрнѣе англо-саксонцы, такъ какъ въ числѣ ихъ встрѣчаются американцы и австралійцы. Немало также представителей другихъ націй, привлеченныхъ въ страну запахомъ золота, алмазовъ и другими предметами наживы. Эта, по преимуществу англо-саксонская или говорящая по-англійски часть населенія распадается довольно рѣзко на двѣ группы: африканцы или „африкандеры", представляющіе коренныхъ обитателей страны, потомковъ давнихъ колонистовъ, и „уитлендеры"—сбродъ самыхъ разнообразныхъ національностей и классовъ, появившійся недавно благодаря необычайному подъему страны, совершившемуся въ послѣднія десятилѣтія. Африкандеры составляютъ прочную основу населенія и тѣсно связаны со всѣми интересами страны.

Въ Капской колоніи и въ Наталѣ африкандеры англичане и африкандеры голландцы не питаютъ особенно враждебныхъ чувствъ другъ къ другу. Среди нихъ можно скорѣе наблюдать антипатію къ новымъ пришельцамъ, которые вносятъ своимъ духомъ неудержимой наживы разлагающія нравственныя начала въ здоровое направленіе южно-африканской жизни. Африкандеры сторонники самобытнаго развитія и независимаго существованія. Они стремятся превратить всю Южную Африку въ одно самоуправляющееся государство, связанное съ Англіей слабыми союзными узами.

Пришлый элементъ въ большинствѣ случаевъ обыкновенно не расчитываетъ остаться въ странѣ навсегда, избравъ ее своимъ новымъ отечествомъ. Въ большинствѣ случаевъ уитлендеръ обладаетъ довольно темнымъ прошлымъ, ставитъ своею цѣлью поскорѣе нажиться, не разбирая при этомъ средствъ, и лелѣетъ надежду рано или поздно удалиться изъ Южной Африки, унося съ собой нажитыя богатства.

Къ счастью этотъ пришлый элементъ сосредоточенъ преимущественно въ городахъ, именно въ новыхъ, расположенныхъ въ золотоносныхъ округахъ, какъ напр. въ Іоганнесбургѣ, въ Булувайо, и составляетъ меньшую часть населенія старыхъ городовъ, какими являются Капштадтъ и Дурбанъ. Еще рѣже встрѣчаются эти люди въ сельскихъ поселеніяхъ и на фермахъ, гдѣ имъ нечего дѣлать, и гдѣ они встрѣчаютъ далеко неласковый пріемъ. Зато въ указанныхъ городахъ эти пришельцы играютъ первую роль. Ихъ можно встрѣтить всюду—на биржѣ, на скаковомъ ипподромѣ, въ салонахъ. Въ ихъ рукахъ сосредоточены предпріятія, къ ихъ услугамъ продажная пресса, они даютъ тонъ уличной толпѣ и оказываютъ давленіе на власть и общественное мнѣніе.

Въ общемъ, однако, чужестранцевъ въ Южной Африкѣ принимаютъ обыкновенно менѣе холодно и непривѣтливо, чѣмъ въ другихъ странахъ. Объясняется это отчасти тѣмъ, что населеніе здѣсь менѣе подвижно и менѣе занято, чѣмъ въ большинствѣ другихъ земель, и потому имѣетъ достаточно времени на все. Жара препятствуетъ физическому труду; движеніе и торговля также ничтожны, за исключеніемъ четырехъ портовыхъ городовъ. Лѣнь туземнаго населенія, на долю котораго предоставлены всѣ наиболѣе тяжелыя работы, также не остается безъ вліянія на бѣлыхъ предпринимателей.

Въ Южной Африкѣ даже и понятія не имѣютъ о той нервной и безпокойной жизни, какая создалась подъ вліяніемъ стремительнаго промышленнаго развитія въ Америкѣ и отчасти также въ Австраліи. Такъ какъ средства къ жизни добываются здѣсь сравнительно легко, и свободнаго времени остается достаточно, то англійская часть населенія предается спорту съ такой же страстностью, какъ въ Австраліи.

Города здѣсь малы, обитатели ихъ слишкомъ заняты своими дѣлами, чтобы много думать объ умственномъ развитіи. Библіотекъ очень мало, и нѣтъ настоящаго университета, въ которомъ молодежь могла бы изучать исторію, философію, государственныя науки или теологію. Вслѣдствіе всего этого книгъ здѣсь выходитъ очень мало, и лишь весьма немногіе здѣшніе авторы привлекаютъ вниманіе европейскихъ читателей. Первое мѣсто

среди нихъ по праву можетъ занять Оливъ Шрейнеръ. Что касается элементарнаго школьнаго образованія, то хотя при сильной разбросанности населенія оно и очень затруднено, все же въ этой области сдѣлано очень много, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, наприм., въ бывшей Оранжевой республикѣ буры относятся къ нему такъ же серьезно, какъ англичане въ Англіи.

Что касается религіи, то въ англійскихъ колоніяхъ, послѣ голландско-реформатской церкви, больше всего послѣдователей насчитываетъ англиканская; методистовъ также много. Кромѣ того существуютъ конгрегаціоналисты и баптисты. Всѣ эти исповѣданія живутъ мирно другъ съ другомъ, не претендуя на какія-либо преимущества предъ другими и не пытаясь вліять на политическую жизнь страны. Епископы и священники англійской церкви придерживаются, за немногими исключеніями, рѣзко выраженныхъ правовѣрныхъ взглядовъ, которыхъ паства ихъ, однако, не раздѣляетъ. Голландско реформатская церковь не довѣряла правовѣрности своихъ юныхъ священниковъ, получившихъ образованіе въ Лейденѣ или Утрехтѣ, и потому въ теченіе нѣкотораго времени они посылались въ Эдинбургъ, теологическія школы котораго не возбуждали никакихъ сомнѣній. Еще болѣе строгіе кальвинисты Трансвааля, повидимому, несправедливо сомнѣваются въ ортодоксальности и самой голландской реформистской церкви.

Высшіе слои населенія, состоящіе изъ людей образованныхъ и зажиточныхъ, немногочисленны и, что является особенностью здѣшней жизни, составляютъ одно тѣсно сплоченное общество, хотя и живутъ въ различныхъ городахъ, отдѣленныхъ разстояніемъ въ сотни миль, такъ что Капштадтъ, Кимберлей, Блумфонтенъ, Іоганнесбургъ и Преторія являются въ сущности, въ общественномъ отношеніи однимъ городомъ, хотя разстояніе отъ Капштадта до Кимберлея равно 650, а до Іоганнесбурга 1000 англ. миль.

Всѣ сколько-нибудь выдающіеся люди знакомы между собой и интересуются другъ другомъ. Они часто встрѣчаются, такъ какъ обитатели Капштадта ѣздятъ по дѣламъ внутрь страны, а тамошніе жители съѣзжаются на лѣто въ Капштадтъ подышать морскимъ воздухомъ или чтобы съѣздить оттуда въ Европу.

Какъ многія другія страны, Южная Африка обязана своимъ быстрымъ подъемомъ и развитіемъ открытію золота, а также драгоцѣнныхъ камней, именно алмазовъ. Хотя до недавняго времени въ Южной Африкѣ добывалось наибольшее количество золота, хотя добыча его, упавшая во время войны, начинаетъ подыматься вновь и сулитъ, благодаря особенностямъ мѣстныхъ рудниковъ, именно-равномѣрному содержанію золота въ золотоносномъ пластѣ, оставаться на прежнемъ уровнѣ въ теченіе 70—80 лѣтъ, однако не золото и не алмазы сами по себѣ подняли такъ быстро страны. Оба эти драгоцѣнныя вещества явились причиной, которая привлекла въ Южную Африку волну ищущихъ наживы или труда переселенцевъ и соблазнила вложить въ разнообразныя предпріятія громадные капиталы. Этимъ объясняется быстрый ростъ населенія, возникновеніе множества городовъ и всѣ тѣ событія, которыя излились въ концѣ концовъ въ такое взволновавшее весь міръ происшествіе, какимъ явилась южно-африканская война, поставившая въ качествѣ враговъ лицомъ къ лицу двѣ главныя бѣлыя народности страны. Черезъ золото и здѣсь потекли кровь и слезы.

Познакомимся же бѣгло съ золотоноснымми и алмазными округами Южной Африки, центрами которыхъ являются города Іоганнесбургъ и Кимберлей.

Уже на станціи Эландфонтенъ путешественникъ вдругъ бываетъ охваченъ водоворотомъ лихорадочной жизни промышленнаго центра. Въ одномъ мѣстѣ высятся дымовыя трубы заводовъ, въ другомъ навалены большія кучи остатковъ отъ промывки золотоносныхъ жилъ. Здѣсь путешественникъ, впервые по отъѣздѣ изъ Капштадта, попадаетъ въ густо населенную страну и начинаетъ чувствовать безпокойную, страстную жизнь промышленныхъ городовъ Европы или С. Америки. А еще лѣтъ двадцать

назадъ здѣсь не было и слѣдовъ человѣческаго жилища. Негры, слуги бура, перегоняли здѣсь его скотъ съ мѣста на мѣсто въ поискахъ травы, скудно растущей между камнями, и владѣлецъ былъ бы весьма доволенъ, если бы ему удалось продать за сто фунтовъ землю, на которой нынѣ построенъ Іоганнесбургъ, и въ глубинѣ которой проходятъ богатѣйшія золотоносныя жилы.

Золотоносная мѣстность представляетъ цѣпь скалистыхъ возвышенностей, поднимающихся надъ поверхностью равнины на высоту около 400 фут. и тянущихся съ запада на востокъ, на протяженіи тридцати англійскихъ миль. На южномъ склонѣ этихъ возвышенностей расположены богатѣйшіе въ мірѣ золотые залежи. Вся область, въ которой попадаются годныя для разработки золотоносныя жилы, занимаетъ пространство въ сто тридцать англійскихъ миль длиною и тридцать шириною. Выходящія на поверхность жилы сходятся въ срединѣ, въ общемъ центрѣ. Но во многихъ мѣстахъ положеніе жилъ измѣнилось, благодаря сбросамъ. Разработка золота въ настоящее время производится при посредствѣ цѣлаго ряда шахтъ, расположенныхъ къ востоку и западу отъ Іоганнесбурга, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ главныя жилы выходятъ на поверхность земли. Округъ этотъ едва достигаетъ сорока шести миль въ длину, но золото, по словамъ одного инженера, попадается въ значительныхъ количествахъ не вездѣ. Пригодное для разработки золото попадается либо въ видѣ безформенныхъ гнѣздъ, либо въ рѣзко ограниченномъ видѣ, какъ напр., въ кварцѣ. Кромѣ того и въ другихъ частяхъ бассейна попадаются отдѣльныя выработки. Большихъ жилъ имѣется двѣ: главная жила съ небольшимъ параллельно ей тянущимся отвѣтвленіемъ, и южная жила; всѣ прочія теперь менѣе богаты. Жилы состоятъ здѣсь обыкновенно изъ конгломерата, изъ песка, глины и кусковъ кварца; эти куски по большей части мелки и не содержатъ въ себѣ золота. Масса, въ которой оно вкраплено, очень тверда, съ примѣсью желѣза, въ видѣ бобоваго желѣзняка. Буры назвали этотъ конгломератъ „банкетъ“,—такъ называется у нихъ сахарное пирожное,—потому что камешки вкраплены въ массѣ породы на подобіе того, какъ миндаль въ сахарѣ. Золото попадается въ кристаллическомъ видѣ и рѣже въ хлопковатомъ; кристаллы такъ малы, что замѣтить ихъ простымъ глазомъ удается крайне рѣдко. Мѣстами конгломератъ прорѣзывается кварцевыми жилами, въ которыхъ тоже попадаются мелкіе самородки.

Главная жила состоитъ изъ многихъ слоевъ различной производительности, до сихъ поръ еще не изслѣдованныхъ на всемъ протяженіи; толщина ея колеблется между однимъ и двадцатью футами, толщина золотоноснаго пласта—между тремя дюймами и тремя футами. Въ южной жилѣ золотоносный пластъ колеблется въ толщинѣ между тремя дюймами и шестью футами.

На земную поверхность слои выходятъ подъ угломъ въ 60^0—30^0, и обыкновенно подъ такимъ же угломъ закладываются и шахты. Глубже подъ землей слои спускаются болѣе полого (градусовъ 30—25), и можно предполагать, что на еще большей глубинѣ они принимаютъ почти горизонтальное положеніе. Благодаря этому можно разработать гораздо большую часть жилы, чѣмъ если бы она спускалась съ первоначальнымъ уклономъ, ибо на большой глубинѣ жара чрезвычайно затрудняетъ работу, и дороговизна дѣлаетъ ее бездоходной. Наибольшая достигнутая въ настоящее время глубина равна 2400 фут., но смѣлые инженеры считаютъ, что работать можно еще на глубинѣ 5000 фут. хотя жара тамъ очень велика.

Достойно удивленія то обстоятельство, что золотоносные слои на всемъ изслѣдованномъ протяженіи сохраняютъ свое содержаніе золота, независимо отъ глубины. Это составляетъ особенность здѣшнихъ золотыхъ розсыпей и не встрѣчается больше нигдѣ въ мірѣ.

Центральный пунктъ промысловъ, Іоганнесбургъ, лежитъ на самомъ высокомъ и сухомъ мѣстѣ южнаго склона возвышенности, гребень которой возвышается едва на 150 футъ надъ площадью промысловъ. Населеніе его равно 100.000, изъ которыхъ половина бѣлые.

Все пространство промысловъ окутано облаками дыма, къ которому прибавляется еще масса пыли, поднимающейся съ дороги и съ кучъ мусора. Улицы и дороги въ теченіе двухъ дождливыхъ мѣсяцевъ покрыты грязью, а въ остальное время года пылью, которая насыщаетъ также весь окрестный воздухъ.

Хотя Іоганнесбургъ въ общемъ похожъ больше на новые американскіе города гдѣ-нибудь въ золотопромышленныхъ мѣстностяхъ, чѣмъ на европейскій городъ, тѣмъ не менѣе, во многихъ отношеніяхъ это скорѣе англійскій городъ, чѣмъ американскій или голландскій. Населеніе очень смѣшанное,—попадаются здѣсь и нѣмцы, и итальянцы, и французы, и даже индусы, но всѣ говорятъ по-англійски, такъ какъ кромѣ англичанъ изъ колоній и метрополіи здѣсь немало американцевъ и австралійцевъ, которые причисляютъ себя также къ англичанамъ. Все это народъ работящій, энергичный, безпокойный, жадный до наслажденій, быстро наживающійся, но также быстро теряющій нажитое, подъ вліяніемъ золотой лихорадки.

Страсть къ спорту, особенно къ скачкамъ, развита здѣсь совершенно такъ же, какъ въ Англіи. Игорныхъ домовъ меньше, чѣмъ въ Америкѣ, и порядка въ нихъ больше, хотя время отъ времени случаются скандалы и драки, при чемъ публика обыкновенно окружаетъ дерущихся и съ интересомъ ждетъ результата. Однако о дуэляхъ и судѣ Линча здѣсь вовсе не слышно и, несмотря на массу всякаго сброда, преступленій здѣсь среди бѣлыхъ совершается лишь немногимъ больше, чѣмъ въ другихъ городахъ Южной Африки. Голландцы и буры не живутъ въ городѣ, и онъ носитъ характеръ англійскій или англосемитическій; кафры на улицахъ попадаются рѣдко, хотя живетъ ихъ здѣсь тысячъ 5. Окрестные буры каждое утро привозятъ сюда для продажи овощи и другіе пищевые продукты.

Полную противоположность оживленному Іоганнесбургу составляетъ сонливая Преторія, основанная лѣтъ пятьдесятъ назадъ и въ 1863 году сдѣлавшаяся политическимъ центромъ страны и мѣстопребываніемъ властей. Жителей въ ней около 12.000, въ томъ числѣ 8.000 бѣлыхъ. Широкія улицы пыльны, а въ дождливое время непроходимы грязны, дома построены безъ всякаго порядка, изрѣдка попадаются довольно живописныя постройки. Голландская церковь, очень некрасивой архитектуры, занимаетъ лучшее мѣсто на рыночной площади.

Въ центрѣ „алмазнаго“ округа лежитъ городъ Кимберлей.

Брильянты находятся въ глинистыхъ пластахъ, которые бываютъ двоякаго рода: желтаго цвѣта, мягкіе и голубого твердые. Первые залегаютъ обыкновенно ближе къ поверхности земли, вторые глубже. Пласты эти по большей части прикрыты тонкимъ пластомъ известняка и представляютъ остатки грязевыхъ вулкановъ. Брильянты извлекаются изъ круглыхъ комковъ глины, включенныхъ обыкновенно въ болѣе твердыя породы (базальтъ, черная глина, кварцъ). Въ нѣкоторыхъ копяхъ работаютъ на глубинѣ 1200 футъ, иныя копи открыты и, напр. Вессельтонская копь, представляетъ интересное зрѣлище. Копь эта, глубиною въ 30 метровъ и 500 метровъ въ окружности, окружена крѣпкой оградой изъ колючей проволоки и наполнена работающими кафрами, которые колютъ мотыками голубую глину и, нагрузивъ затѣмъ на тачки, вывозятъ на открытую площадку, гдѣ она подвергается разлагающему вліянію солнца и дождя. Здѣсь она мелко дробится, затѣмъ поступаетъ въ мельницы, перемалывается, провѣивается и наконецъ перемывается, для полученія камней. Такимъ путемъ брильянтовъ здѣсь было добыто болѣе чѣмъ на 100 милліоновъ рублей. Найдены они были совершенно случайно, и еще лѣтъ тридцать назадъ всю эту площадь земли можно было купить за пустяшную сумму.

Интереснѣйшимъ предметомъ въ Кимберлеѣ, и притомъ единственнымъ въ мірѣ являются два такъ назыв. „compaunds“, въ которыхъ содержатся подъ замкомъ туземцы, работающіе въ копяхъ. Это огромныя загородки, безъ крыши, но затянутыя проволочной сѣтью, чтобы нельзя было перебросить что либо черезъ стѣну. Подземный ходъ ведетъ

отсюда въ копь. Работа производится восьмичасовыми смѣнами. Внутри загородки построены хижины, въ которыхъ туземцы живутъ и спятъ. Тамъ же помѣщается больница и даже школа, въ которой рабочіе могутъ въ свободное время учиться читать и писать. Спиртные напитки не продаются совершенно. Всѣ входы строго охраняются, и никто не можетъ проникнуть внутрь, ни туземецъ, ни бѣлый. Съѣстные припасы отпускаются изъ находящагося тутъ же склада, принадлежащаго Компаніи. Въ компаундахъ, населеніе которыхъ нерѣдко превышаетъ 2.500 человѣкъ, можно наблюдать представителей рѣшительно всѣхъ племенъ, начиная съ южныхъ и кончая обитателями странъ у озера Танганика. Они стекаются отовсюду, привлекаемые платой, достигающей 7—12 рублей въ недѣлю, и работаютъ мѣсяца по три и долѣе. По отношенію къ нимъ приняты всевозможныя предосторожности противъ утаиванья найденныхъ брильянтовъ. Чтобы развить въ нихъ честность, каждому рабочему, доставившему добровольно найденный камень надсмотрщику, выплачивается 10% стоимости находки. Стоимость находимыхъ такимъ путемъ камней достигаетъ болѣе 3.000.000 рублей въ годъ. Тѣмъ не менѣе воровство всетаки существуетъ.

Одинъ базуто разсказывалъ по возвращеніи изъ Кимберлея, что однажды онъ нашелъ въ глинѣ очень цѣнный алмазъ. Въ то время, какъ онъ старался выковырять камень изъ породы, къ нему приблизился надсмотрщикъ: негръ помертвѣлъ отъ страха, такъ какъ воровство наказывается очень строго. Но надсмотрщикъ прошелъ мимо „и тутъ— закончилъ базуто — я повѣрилъ, что дѣйствительно существуетъ Богъ, потому что онъ спасъ меня".

Когда негръ заработаетъ нужную ему сумму, онъ получаетъ разсчетъ англійскими соверенами, которые въ настоящее время обращаются въ Африкѣ повсемѣстно, до самаго озера Танганики. Добираться до дому ему приходится иногда не одну недѣлю; добравшись же наконецъ, онъ покупаетъ пару быковъ, затѣмъ жену и начинаетъ вести, если не счастливое, то во всякомъ случаѣ лѣнивое существованіе. Въ числѣ рабочихъ попадаются даже бушмены, или по крайней мѣрѣ помѣсь ихъ съ другими племенами. Рабочіе живутъ между собою мирно и въ свободное время развлекаются каждый по своему, чаще всего играми и музыкой съ плясками. Изъ игръ, процвѣтаютъ азартныя. Музыка представлена двумя инструментами: такъ называемыми кафрскими цимбалами, которые состоятъ изъ неравной длины желѣзныхъ пластинокъ, укрѣпленныхъ въ рядъ въ желѣзной рамѣ, и затѣмъ примитивнымъ инструментомъ изъ неравной длины кусковъ дерева, изъ которыхъ ударами извлекаются звуки, представляющіе зачатки какихъ-то мелодій. Нѣкоторые занимаются чтеніемъ и писаніемъ писемъ, другіе приготовленіемъ пищи или просто болтовней. Переходя отъ группы къ группѣ можно услышать въ этой негритянской толпѣ до дюжины различныхъ африканскихъ нарѣчій.

Въ началѣ, какъ алмазныя, такъ и золотыя розсыпи разрабатывались множествомъ мелкихъ предпринимателей. Но вскорѣ, по мѣрѣ увеличенія выгодъ, на арену дѣйствія появился крупный капиталъ, который въ короткое время вытѣснилъ мелкихъ промышленниковъ и объединилъ какъ алмазные, такъ и золотоносные рудники въ цѣпкихъ рукахъ нѣсколькихъ компаній, исторія возникновенія которыхъ тѣсно связана съ именемъ пресловутаго Сесиля Родса.

Населеніе африканскихъ острововъ.

Африка очень бѣдна островами. Главныя группы ихъ лежатъ вдобавокъ въ противоположныхъ концахъ ея; такъ, у сѣверо-западнаго края расположены группы Канарскихъ и острововъ Кабо-Верде (Зеленаго мыса) съ нѣкоторыми другими, между тѣмъ какъ Мадагаскаръ, окруженный плеядой значительно болѣе мелкихъ острововъ, лежитъ у юго-восточнаго края Африки. Географическія условія не могли благопріятствовать живому обмѣну жителями между материкомъ и островами. Такъ первобытное населеніе Канарскихъ острововъ, гуанчи, попало туда въ незапамятныя времена и подпало общему біологическому закону, согласно которому, какъ растенія и животныя, такъ и люди обречены на островахъ болѣе медленному развитію и не въ состояніи бываютъ успѣшно бороться съ новыми пришельцами. Такъ вымерли и гуанчи, мѣсто которыхъ заняли испанцы, португальцы и вывезенные ими съ материка негры, въ результатѣ чего появились вскорѣ и метисы. По этимъ причинамъ населеніе западно-африканскихъ острововъ не представляетъ въ своемъ составѣ ничего самобытнаго.

Совсѣмъ иное положеніе занимаетъ Мадагаскаръ. Этотъ громадный островъ, четвертый по величинѣ среди всѣхъ острововъ земли, представляетъ какое то исключеніе. Если судить по его природѣ, т. е. по флорѣ и фаунѣ, также и по населенію, то невольно хочется отодвинуть его подальше отъ береговъ Африки и помѣстить возлѣ другихъ большихъ острововъ, которые размѣстились на всемъ пространствѣ между Азіей и Австраліей. Растительность острова представляетъ сочетаніе африканскихъ и остъ индскихъ формъ; среди животныхъ отсутствуютъ столь характерныя для Африки человѣкообразныя и другія настоящія обезьяны, мѣсто которыхъ занимаютъ лемуры; нѣтъ здѣсь также крупныхъ копытныхъ, жвачныхъ и хищныхъ—антилопъ, зебры, жирафа, слона, носорога, зато встрѣчаются свои, нигдѣ болѣе неизвѣстныя формы. Еще болѣе поразительное явленіе представляютъ жители Мадагаскара. Несмотря на близость африканскаго берега, населеніе состоитъ не изъ негровъ, не изъ арабовъ, а, какъ теперь все болѣе и болѣе признаютъ,—изъ малайцевъ. Какъ извѣстно, особенности этого острова заставили ученыхъ допустить для объясненія ихъ гипотезу о существованіи въ этой части Индійскаго океана большой суши, которая находилась въ соединеніи съ Азіей, но отдѣлялась отъ Африки моремъ. Этой сушѣ дали даже названіе Лемуріи; остаткомъ ея, обломкомъ, уцѣлѣвшимъ послѣ постепеннаго погруженію ея въ море, считали Мадагаскаръ. Подобное объясненіе, независимо отъ того, вѣрно оно или нѣтъ, разрѣшаетъ вопросъ о растеніяхъ и животныхъ

Мадагаскара, но для объясненія появленія тамъ малайцевъ въ немъ нѣтъ никакой надобности. Малайская раса одна изъ тѣхъ, которыя разселились по землѣ наиболѣе широко, уступая въ этомъ отношеніи только европейцамъ, колоніи которыхъ получили распространеніе лишь въ послѣднія три столѣтія. Никакіе норманскіе викинги, съ ихъ походами въ Исландію, въ Гренландію, въ Сицилію не могутъ сравниться съ малайцами, которые, волей или неволей, разселились на востокѣ по всему Тихому океану, а на западѣ колонизовали Мадагаскаръ. Когда малайцы попали на Мадагаскаръ, нельзя еще опредѣлить; невозможно указать ни столѣтія, ни причинъ, вызвавшихъ ихъ переселеніе, несомнѣнно только одно, что мѣстомъ выселеній были большіе острова Малайскаго архипелага.

Обыкновенно въ населеніи острова различали три группы: сакалавовъ, населяющихъ половину острова, обращенную къ Африкѣ, хова, которые являются главной народностью, достигшей господства надъ другими, и васимбовъ, мелкорослыхъ обитателей лѣсистой внутренности страны. Дальнѣйшія изслѣдованія обнаружили однако, что васимба, которыхъ поспѣшили приравнять къ карликовымъ племенамъ внутренней Африки, не существуютъ; путешественники, говорившіе о нихъ, были введены въ заблужденіе сакалавами, которые подразумѣвали подъ этимъ именемъ не людей, а духовъ умершихъ, удалявшихся послѣ смерти въ чащи лѣса. Самихъ сакалавовъ считали первое время за первыхъ насельниковъ острова, появившихся на немъ съ африканскаго материка. Новѣйшія изслѣдованія обнаружили однако, что, хотя въ этой половинѣ острова встрѣчаются африканскіе типы, но что въ общемъ различія между сакалавами и хова не столь значительны, чтобы было возможно приписывать тѣмъ и другимъ разное происхожденіе. Такимъ образомъ въ настоящее время принимаютъ, что большая часть населенія Мадагаскара принадлежитъ къ малайской расѣ, которая колонизовала Мадагаскаръ не сразу, а въ нѣсколько пріемовъ и въ различное время. Ни сакалавы, ни хова не могутъ считаться единственными или господствующими по числу народностями: и тѣ и другіе подчинили себѣ сосѣднія племена и дали имъ свое имя, какъ бы поглотивъ ихъ политически. При этомъ названіе хова не было даже именемъ племени (которое называлось антеймерина), а лишь именемъ средняго и самаго многочисленнаго сословія его (знатные назывались андріана, свободные—хова, рабы—андево), но послѣ завоеванія оно распространилось на всѣхъ обитателей восточной половины острова.

Численность самихъ хова, населяющихъ центральную провинцію Имерина, достигаетъ милліона человѣкъ. Они, несомнѣнно, сохранили наибольшую близость къ малайцамъ. Въ общемъ это племя средняго роста, плотнаго тѣлосложенія; форма головы обличаетъ короткій монголовидный черепъ, глазныя впадины не отличаются большой глубиной, глаза темно-каріе, носъ прямой съ тупымъ кончикомъ, иногда же довольно большой и изогнутъ по орлиному; довольно большой ротъ нисколько не напоминаетъ негритянскій типъ формой губъ, такъ какъ губы не выворочены. Волосы также непохожи на то, что мы встрѣчаемъ въ Африкѣ, именно волосы у хова не особенно густые, чернаго цвѣта, прямые или волнистые, но не шерстистые. Цвѣтъ кожи подверженъ сильнымъ колебаніямъ, такъ какъ наряду съ темными встрѣчаются и довольно свѣтлые субъекты. Малайскій типъ выраженъ рѣзче въ чертахъ физіономіи у женщинъ, среди которыхъ нерѣдко встрѣчаются типы съ косымъ, совершенно монголовиднымъ разрѣзомъ глазъ, благодаря чему эти представительницы племени сильно напоминаютъ китаянокъ.

Гористая страна на югъ отъ Имерины населена племенемъ бетсилю, обнаруживающимъ болѣе африканскіе черты.

Что касается упомянутыхъ выше сакалавовъ, племена которыхъ занимаютъ западную, покатую къ Мосамбикскому проливу часть острова, то типъ ихъ обнаруживаетъ многія негритянскія черты, указывающія на смѣшеніе ихъ съ выходцами изъ сосѣдняго материка. Такъ цвѣтъ кожи ихъ значительно темнѣе, волосы такъ же шерстисты, какъ у настоя-

щихъ негровъ, ростъ выше, чѣмъ у хова, черепъ также длиннѣе, надбровныя дуги и скулы выступаютъ дальше впередъ, носъ широкій, нерѣдко вдавленный, губы толстыя. Однако эти черты не настолько выражены, чтобы придать лицамъ сакалавовъ, особенно у женщинъ, безобразіе, какимъ отличаются на европейскій взглядъ чисто негритянскія физіономіи; наоборотъ, если бы не форма носа, то многія лица можно было бы назвать вполнѣ красивыми.

Въ сѣверной части острова живутъ родственные сакалавамъ анкара или антанкара, у которыхъ наблюдается примѣсь арабской крови, что легко объясняется близостью Коморскихъ острововъ, которые не остались неизвѣстными арабскимъ торговцамъ, давшимъ имъ названіе Кумръ, т. е. Лунные острова. Сосѣдями анкаровъ являются на югѣ сиханаки, южную часть центральнаго нагорья занимаютъ бара, а къ востоку отъ нихъ и отъ хова вдоль берега сидятъ многочисленные (до 800.000 душъ) довольно безобразные, нѣсколько негроподобные бетсимисараки. Склоны горъ между страной бетсилю и территоріей бетсимисараковъ занимаютъ таналы, а къ югу отъ нихъ обитаетъ смѣшанное племя таносси.

Дѣвушка съ Мадагаскара.

Раньше уже было указано, что хова, наиболѣе способное племя среди всѣхъ племенъ Мадагаскара, распространили свое господство шире всего. Это обнаруживается прежде всего въ томъ, что необыкновенно звучный языкъ ихъ распространенъ почти всюду. „Въ ихъ нарѣчіи, — говоритъ Келлеръ — гласные звуки берутъ перевѣсъ въ такой мѣрѣ, что слушать говорящаго хова настоящее удовольствіе; ораторскія наклонности народа доставляютъ много случаевъ внимать этому „итальянскому“ южнаго полушарія“. Болѣе высокая культура обезпечила этому народу также политическое господство. Еще въ началѣ прошлаго столѣтія, въ царствованіе короля Радама I, хова подчинили своей власти значительную часть острова, не исключая и страны многолюдныхъ сакалавовъ. Господство это продолжалось въ теченіи всего столѣтія, пока ему не положило конецъ нашествіе французовъ въ 1897 г. Особенностью политическаго строя хова являлось то обстоятельство, что тронъ могли занимать и женщины. Въ этомъ обычаѣ слѣдуетъ видѣть остатки той формы семьи, въ которой родство считается не по отцовской линіи, а по материнской. Какъ извѣстно, такая семья наблюдается также у родственныхъ малайцамъ полинезійцевъ. Царская власть не развилась у хова въ безграничную деспотію, такъ какъ она была огра-

ничена обычаемъ, согласно которому важныя мѣропріятія обсуждались въ народныхъ собраніяхъ. Главную роль въ дѣлѣ управленія игралъ обыкновенно первый министръ, который, если на тронѣ сидѣла женщина, являлся въ то же время супругомъ королевы, но безъ титула короля, подобно тому, какъ это было и въ Англіи въ царствованіе королевы Викторіи, супругъ которой носилъ титулъ „принцъ-супругъ".

Болѣе высокая культура хова проявлялась не только въ томъ, что народъ имѣлъ болѣе или менѣе правильное государственное устройство и успѣлъ подчинить себѣ сосѣдей. Въ средѣ его успѣли уже образоваться ко времени появленія европейцевъ рѣзко выраженныя сословія знатныхъ, свободныхъ и рабовъ. Населеніе, кромѣ деревень, сосредочивалось въ многолюдныхъ городахъ, среди которыхъ выдѣлялась архитектурой своихъ построекъ столица Антананариво. Культурное состояніе этого народа можно сравнить съ состояніемъ нашихъ предковъ въ удѣльно-вѣчевую эпоху. Какъ наблюдается всегда, такъ и

Различныя прически женщинъ изъ Антананариво.

здѣсь въ числѣ учрежденій, которыя развиваются въ опредѣленныя формы въ зависимости отъ увеличенія численности населенія и распространенія земледѣлія и промысловъ, большую роль начинаетъ играть религія. Но у хова развитіе собственныхъ религіозныхъ формъ было остановлено раннимъ появленіемъ протестантскихъ и католическихъ миссіонеровъ, проповѣдь которыхъ, несмотря на взаимныя ссоры, пошла очень успѣшно. Однако въ бытѣ долго сохранялись разные старинные обычаи. Такъ въ судебномъ разбирательствѣ большую роль игралъ „божій судъ„ въ той же формѣ, которая извѣстна намъ изъ быта негритянскихъ племенъ (питье нкасса). Обвиняемый доказывалъ свою невинность, принимая внутрь ядовитые плоды одного дерева (Tanghinia venenifera), похожіе на яблоко, въ мякоти которыхъ заключается зерно, величиной съ миндаль. Если ядъ вызывалъ только рвоту, жизни его не угрожала опасность, и онъ считался оправданнымъ по суду. Смерть отъ отравы признавалась наказаніемъ за преступленіе. Доза отравы опредѣлялась судьями, которые умѣли регулировать ее, вслѣдствіе чего возможны были безчисленныя злоупотребленія,

жертвы которыхъ были, говорятъ, очень многочисленны. Въ 1865 г. европейцы настояли на уничтоженіи этого варварскаго суда, что не встрѣтило возраженій со стороны правительства, которое приказало даже уничтожить всѣ ядовитыя деревья. Мѣра эта вызвала неудовольствіе среди нѣкоторой части дворянства, которые въ видѣ протеста покинули столицу.

Другой формой „божьяго суда“ являлось испытаніе посредствомъ крокодиловъ. Судъ приводилъ обвиняемаго къ рѣкѣ,—а рѣки Мадагаскара кишатъ крокодилами,— судья произносилъ краткое обращеніе къ крокодиламъ, вслѣдъ за которымъ подсудимый долженъ былъ переплыть рѣку и вернуться назадъ. Испытаніе это не всегда кончалось благополучно для обвиняемаго.

Что касается матеріальнаго быта хова, т. е. одежды и украшеній, оружія и орудій, утвари, жилищъ и повседневныхъ обычаевъ, то въ этомъ отношеніи, вслѣдствіе сношеній съ сосѣдними странами, наблюдается немного оригинальнаго. Самымъ интереснымъ являются формы предметовъ повседневнаго быта и жилищъ, которыя указываютъ на малайское происхожденіе народа. Это особенно замѣтно въ архитектурѣ жилищъ. Четырехугольные дома хова съ выходомъ на западъ обладаютъ очень высокими двускатными крышами, нерѣдко съ сѣдловиной посрединѣ; углы загибаются кверху на подобіе того, какъ это наблюдается вездѣ въ юго-восточной Азіи (на Малайскомъ архипелагѣ, въ Индо-Китаѣ, въ Китаѣ). Подобную архитектуру можно вывести изъ древнихъ жилищъ, устраиваемыхъ на вѣтвяхъ деревьевъ, — обычай, очень распространенный на Малайскомъ архипелагѣ. Такія жилища неизбѣжно получаютъ эту форму по самымъ условіямъ своего сооруженія. Въ числѣ оружія, какимъ хова пользовались до введенія европейскаго оружія, слѣдуетъ упомянуть духовыя трубки съ легкими стрѣлками, какія извѣстны у малайцевъ, но не встрѣчаются въ Африкѣ. Наконецъ, среди обычаевъ бросается въ глаза обычай придавать вещамъ значеніе „фади“, т. е. „священный“, напоминающій полинезійское „табу“. Вещь, т. е. предметъ или животное, обозначенная какъ „фади“, считается неприкосновеннымъ; при этомъ нѣкоторыя вещи или животныя, какъ напр. лемуры, считаются „фади“ всегда. Когда однажды Келлеръ собирался подстрѣлить большого лемура для своей коллекціи, проводникъ туземецъ остановилъ его возгласомъ „фади“! Однако магическое слово не остановило естествоиспытателя въ его намѣреніи, что имѣло своимъ послѣдствіемъ недовольство населенія ближайшаго селенія, отказавшаго ему въ

Женщины малагаси за домашними работами.

гостепріимствѣ. Повидимому, обитатели Мадагаскара почитаютъ въ образѣ этихъ полуобезьянъ души своихъ умершихъ предковъ.

Что касается характера хова, то на этотъ счетъ мнѣнія путешественниковъ и бытописателей, какъ бываетъ всегда, расходятся. Большинство однако высказывается о нихъ благопріятно. Они обладаютъ извѣстнымъ трудолюбіемъ, умѣренны въ жизненныхъ привычкахъ, гостепріимны, очень склонны къ увеселеніямъ, именно къ пѣнію и музыкѣ, которыми сопровождаются не только всѣ радостныя событія жизни, но и такія, которыя, казалось бы, подавляютъ въ душѣ всякія стремленія къ шумному выраженію чувствъ. Больше всего распространенъ струнный инструментъ „валиха“, нѣчто вродѣ длинной гитары, сдѣланной изъ бамбуковаго ствола, полость котораго служитъ резонаторомъ.

Хова съ носилками.

Умственныя силы этого народа, превосходящаго въ этомъ отношеніи другихъ африканцевъ, облегчаютъ быстрое усвоеніе европейской культуры, которая дѣлаетъ на Мадагаскарѣ быстрые успѣхи со времени занятія его французами.

Менѣе благопріятны сообщенія путешественниковъ о сакалавахъ. По описаніямъ ихъ сакалавы во многомъ напоминаютъ своимъ характеромъ батаковъ Суматры, т. е. они неискренни, коварны, склонны къ воровству и насиліямъ. Представляютъ ли эти отрицательныя стороны черты малайскаго характера, или онѣ являются результатомъ низкаго культурнаго состоянія, рѣшить трудно.

Обитая въ менѣе доступной части острова, сакалавы и ихъ сосѣди сохранили больше самобытныхъ чертъ, чѣмъ хова и бетсимисараки. У послѣднихъ напр. одежда представляетъ смѣсь туземной моды съ европейской, причемъ перевѣсъ беретъ все болѣе и болѣе европейскій костюмъ. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что туземный покрой одежды вообще

не представляетъ ничего оригинальнаго, такъ какъ до появленія европейцевъ островъ посѣщали арабы изъ Занзибара, отъ которыхъ туземцы многое позаимствовали по части одежды и украшеній. Къ украшеніямъ, главную роль среди которыхъ играютъ кольца, браслеты, серьги и ожерелья, туземцы, особенно женщины, обнаруживаютъ тѣмъ большее пристрастіе, чѣмъ ниже ихъ культурное состояніе; поэтому сакалавы увѣшаны ими въ большей мѣрѣ, чѣмъ хова. Однако у нихъ почти не наблюдается украшеній, связанныхъ съ уродованіемъ той или другой части лица, что такъ сильно распространено у негровъ внутренней Африки. Единственнымъ исключеніемъ являются серьги, которыя сакалавскія женщины носятъ не только въ ушахъ, но и въ ноздряхъ, — обычай, распространенный не только среди арабовъ, но и среди индусовъ.

Жилища сакалавовъ, подобно одеждѣ, иныя, чѣмъ у хова. Поселенія ихъ представляютъ, въ сущности, свайныя постройки, не такія высокія, въ какихъ обитаютъ батаки Суматры, такъ какъ столбы, на которыхъ покоится хижина, подымаются надъ почвой не выше аршина. Подобная архитектура объясняется особенностями занятой сакалавами области, изобилующей лѣсами, орошаемой тропическими ливнями, менѣе гористой, чѣмъ восточная часть острова. Стѣны и крыша хижины построены изъ древеснаго матеріала, доставляемаго въ изобиліи волокнами пальмы рафіи. Здѣсь уже не наблюдаются свойственныя жилищамъ хова черты, т. е. высокія, крутыя крыши съ сѣдловинами и отогнутыми вверхъ углами. Хижины лишены оконъ, роль которыхъ выполняетъ широкая дверь, отворяющаяся на открытый балконъ безъ перилъ, гдѣ семья проводитъ обыкновенно всѣ свободные часы дня, размѣстившись прямо на полу, такъ какъ мебели въ хижинахъ нѣтъ.

Жилища бетсимисараковъ отличаются еще большею простотой.

Какъ извѣстно, Мадагаскаръ окончательно занятъ французами. Французы, вообще, плохіе колонизаторы—почти всѣ колоніальныя владѣнія ихъ потребовали для своего пріобрѣтенія отъ націи крупныхъ жертвъ и въ большинствѣ случаевъ приносятъ Франціи одни убытки. Такъ же обстоитъ дѣло и съ Мадагаскаромъ. Самое упраздненіе правительства хова, королева которыхъ должна была переселиться со всѣмъ своимъ штатомъ въ Парижъ, не сопровождалось обильнымъ пролитіемъ крови: занятіе столицы Антананариво стоило французской оккупаціонной арміи всего нѣсколькихъ солдатскихъ жизней, потерянныхъ въ открытомъ бою. Зато на короткомъ пути между берегомъ моря и столицей королевства армія потеряла около 5000 ч. отъ тропической лихорадки и другихъ болѣзней. Уже это одно указываетъ, до какой степени убійственъ климатъ острова для европейцевъ, особенно на низкомъ болотистомъ побережьи. Понятно, что новая колонія не привлекаетъ къ себѣ колонистовъ, которые принесли бы съ собой болѣе высоко организованный трудъ и капиталы, она не поставляетъ на рынокъ массы товаровъ, производство которыхъ окупило бы высокіе расходы на содержаніе дорогостоющей администраціи. При такихъ условіяхъ Мадагаскаръ врядъ ли займетъ въ ближайшемъ будущемъ то мѣсто среди европейскихъ колоній, которое, казалось бы, обезпечено за нимъ природными богатствами и многолюднымъ, трудолюбивымъ, способнымъ къ культурѣ населеніемъ.

Б.

АМЕРИКА.

АМЕРИКА.

I.

12 октября 1492 г. во второмъ часу ночи пушечной выстрѣлъ извѣстилъ флотилію Колумба, что впереди видна земля. Съ этого момента начинается широкое знакомство европейскаго человѣчества съ Новымъ Свѣтомъ; это моментъ офиціальнаго открытія Америки, начало прочныхъ завоеваній и колонизаціи. Однако, ему предшествовало другое, негласное открытіе, свѣдѣнія о которомъ долго времени лежали подъ спудомъ. Оказывается, что люди изъ Европы посѣщали Америку задолго до Колумба. Изъ норманскихъ сагъ, т. е. сказаній о подвигахъ викинговъ, сохранившихся въ Исландіи, стало извѣстно, что норманы, послѣ заселенія Исландіи, проникли отсюда въ 983 г. въ Гренландію подъ предводительствомъ викинга Эрика Рыжаго. Три года спустя, Бьярнъ Херульфсонъ на пути изъ Исландіи въ Гренландію былъ отнесенъ противнымъ вѣтромъ къ юго-западу къ какимъ то скалистымъ берегамъ, несомнѣнно къ Америкѣ, и высадился, какъ думаютъ, въ мѣстности въ сосѣдствѣ пролива Бель-Иль или Ньюфаундленда. Сынъ Эрика Рыжаго, Лейфъ, снарядилъ около 1000 г. для изслѣдованія видѣнной суши судно съ 35 ч. экипажа и обслѣдовалъ на немъ сѣверо-восточный берегъ Америки далеко на югъ, до мѣстности, гдѣ стоитъ теперь Бостонъ. Открытая страна понравилась норманамъ, и они дѣятельно принялись колонизовать ее, несмотря на сопротивленіе туземцевъ, которыхъ они называли „скрелингеръ“ (skrälinger). По сохранившимся извѣстіямъ, норманы вывозили въ свои гренландскія поселенія американскій лѣсъ еще около 1368 г., но затѣмъ и американскія, и гренландскія поселенія норманов, вслѣдствіе болѣзней, голода и нападеній туземцевъ, пришли въ упадокъ и совсѣмъ исчезли. Такимъ образомъ, обитатели Стараго Свѣта пришли въ соприкосновеніе съ жителями великаго западнаго материка задолго до плаванія Колумба. Однако, и этому, до-колумбову открытію Америки должно было предшествовать другое въ то отдаленнѣйшее отъ насъ время, когда предки нынѣ существующихъ расъ начали свое разселеніе по лицу земли. Туземцы Америки при всѣхъ своихъ особенностяхъ не составляютъ особой расы по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ. Многіе причисляютъ ихъ къ монголовиднымъ, къ желтой породѣ, несмотря на сохранившуюся за ними кличку „краснокожихъ,“ мало соотвѣтствующую истинному цвѣту ихъ кожи. Первобытной родиной американскихъ туземцевъ ни одна область Новаго Свѣта быть не могла; полагаютъ, что въ болѣе или менѣе отдаленное время они ступили на почву Америки, выселившись изъ Азіи. Произошло ли это во время, когда оба материка находились еще въ соединеній другъ съ другомъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь протянулся усѣянный островами и имѣющій всего 92 к.

въ ширину Беринговъ проливъ, или первые иммигранты переплыли его, еще нельзя сказать съ достовѣрностью, точно такъ же, какъ нельзя отрицать и другого пути заселенія Америки, какимъ является усыпанный архипелагами острововъ Тихій океанъ. Такъ или иначе, но съ того момента, какъ человѣкъ появился и заселилъ Америку, населеніе ея увеличивалось въ числѣ. Распространяясь до крайныхъ предѣловъ материка, оно проходило тѣ же стадіи развитія и въ той же зависимости отъ природныхъ условій своей родины, какъ намъ это извѣстно и относительно другихъ группъ человѣчества, обитающихъ въ Старомъ Свѣтѣ и стоящихъ приблизительно на тѣхъ же ступеняхъ культуры, какія установлены для туземцевъ Америки.

Открытіе Новаго Свѣта оказалось фатальнымъ для аборигеновъ его. Съ момента появленія европейцевъ туземныя племена начали быстро таять и исчезать, они подпали закону вымиранія, который съ роковой непреклонностью уничтожаетъ слабыхъ не только въ человѣческой средѣ, но и въ царствѣ животныхъ и растеній. Чѣмъ далѣе, тѣмъ вымираніе туземцевъ и, отчасти, поглощеніе ихъ пришельцами происходило все быстрѣе, такъ что въ настоящее время чистокровные туземцы Америки представляютъ ничтожныя кучки жалкихъ дикарей, доканчивающихъ свое печальное существованіе большею частію въ глубинѣ лѣсовъ, въ пустыняхъ или среди ледяныхъ равнинъ, убожество которыхъ какъ бы охраняетъ ихъ отъ враговъ и обезпечиваетъ имъ спокойный часъ смерти, приближающейся къ нимъ неслышными, но быстрыми шагами. Въ современныхъ сочиненіяхъ, описывающихъ жизнь молодыхъ заатлантическихъ странъ, о туземцахъ, о знаменитыхъ нѣкогда „краснокожихъ“, упоминается лишь вскользь. Въ густонаселенныхъ мѣстахъ, за исключеніемъ развѣ центральной Америки, ихъ совсѣмъ нѣтъ. Въ малолюдныхъ окраинахъ кучки ихъ встрѣчаются и привлекаютъ къ себѣ вниманіе туриста не чаще, чѣмъ у насъ цыгане, и, чтобы встрѣтить ихъ, ученый путешественникъ-этнографъ долженъ забраться въ указанные выше закоулки или посѣтить особыя, отведенныя для жительства туземцевъ „резерваціи“, пространства которыхъ, по мѣрѣ повышенія цѣнъ на землю, подвергаются постояннымъ захватамъ и сокращаются почти съ той же быстротой, съ какой исчезли бизоны - изъ 8 милліоновъ головъ, которыя лѣтъ 50 тому назадъ паслись въ видѣ двухъ большихъ стадъ въ преріяхъ С. Америки, уцѣлѣло благодаря мѣрамъ правительства около 500 штукъ этихъ животныхъ, —почти съ подобною же быстротою исчезаютъ краснокожіе. Мѣсто ихъ занимаютъ „блѣднолицые,“ для дѣятельности которыхъ почва Новаго Свѣта является необычайно благопріятной. Подавляющее большинство обитателей Америки въ настоящее время—бѣлые, затѣмъ черные. Численность первыхъ возрастаетъ благодаря густымъ толпамъ новыхъ эмигрантовъ изъ Европы. Черные становятся многочисленнѣе благодаря своей плодовитости. Такимъ образомъ, населеніе Новаго Свѣта возрастаетъ быстрѣе, нежели въ Старомъ; въ настоящее время оно такъ многолюдно, энергичная дѣятельность его достигла такого напряженія, что старая поговорка „Америка для американцевъ“ становится столь же стѣснительной, какъ тѣсенъ дѣлается для его обитателей самъ континентъ.

Оба эти явленія, именно—быстрое исчезновеніе туземцевъ и необыкновенное энергичное развитіе хозяйственной дѣятельности бѣлыхъ колонистовъ, на физическій типъ и характеръ которыхъ природныя условія Америки впрочемъ не остаются безъ вліянія, несомнѣнно должны имѣть своей причиной природныя особенности Западняго материка, краткое обозрѣніе которыхъ мы поэтому считаемъ необходимымъ предпослать описанію физическаго типа, характера и быта какъ туземныхъ, такъ и пришлыхъ американскихъ народностей.

Размѣры, очертанія и берега.

Пространство Новаго Свѣта охватываетъ площадь суши въ 42,1 мил. кв. к., изъ которыхъ на Сѣверную Америку, считая Арктическіе острова съ Гренландіей и Антильскіе

острова, причитается около 24,3 мил. кв. к., на Южную Америку остается 17,8. Сѣверная Америка превосходитъ Южную на 6,5 мил. кв. к. Однако, если откинуть полярные архипелаги, Гренландію и другіе не принадлежащіе С. Америкѣ острова, и считать границей ея Тегуантепекскій перешеекъ, который отчленяетъ возвышенныя нагорья С. Америки отъ болѣе новыхъ горъ Центральной Америки, то пространство С. Америки сокращается до площади въ 19,6 мил. кв. к. Въ этомъ случаѣ обѣ части Новаго Свѣта оказываются почти равновеликими. Пространство имѣетъ громадное значеніе для разселяющихся по нему человѣческихъ группъ: чѣмъ оно больше, тѣмъ, заранѣе можно сказать, значительнѣе различія между отдѣльными областями, тѣмъ, слѣдовательно, разнообразнѣе условія, въ которыя попадаютъ и среди которыхъ живутъ, множатся и развиваются отдѣльныя племена и народности. Въ этомъ отношеніи Новый Свѣтъ далеко уступаетъ Старому, общая площадь котораго исчисляется въ 93 мил. кв. кил. Преимущество Стараго Свѣта заключается далѣе въ томъ, что изъ трехъ долей или частей, на которыя его дѣлятъ, двѣ, именно Азія и Африка, взятыя каждая въ отдѣльности, больше, чѣмъ каждая изъ двухъ частей Новаго Свѣта (Азія 44,2 мил. кв. к., Африка 29,8), и только Европа (10 мил. кв. к.), уступаетъ имъ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что Азія, взятая отдѣльно, нѣсколько превосходитъ весь Западный материкъ въ его цѣломъ.

Не меньше различія, чѣмъ въ величинѣ, обнаруживается и въ расположеніи. Америка простирается длинною своею осью въ меридіональномъ направленіи отъ 83° с. ш. до 56° ю. ш., т. е. на протяженіи 140° широты., что составляетъ громадное разстояніе въ 15.000 съ слишнимъ километровъ. Старый Свѣтъ слѣдуетъ въ своемъ расположеніи широтному направленію, такъ какъ длинная ось его протягивается съ запада на востокъ; при этомъ онъ значительно шире Новаго Свѣта. На первый взглядъ вытянутая въ меридіональномъ направленіи форма Америки представляется преимуществомъ, такъ какъ благодаря тому на пространствѣ ея господствуютъ въ правильномъ чередованіи всѣ климатическіе пояса. Но при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи сейчасъ же бросается въ глаза, что подобное расположеніе въ связи съ раздѣленіемъ всего Новаго Свѣта на два материка оказывается чрезвычайно невыгоднымъ для развитія культуры. И неудивительно. Среди всѣхъ извѣстныхъ климатическихъ полосъ всего благопріятнѣе для развитія культуры полоса подтропическая и южная кайма умѣренной полосы. Тропическій или жаркій поясъ занимаетъ второе мѣсто вмѣстѣ съ сѣверной половиной умѣренной полосы. Въ этомъ отношеніи расположеніе, расчлененіе и очертанія Новаго Свѣта оказываются гораздо менѣе выгодными, чѣмъ то, что мы находимъ въ Старомъ Свѣтѣ. Черезъ послѣдній отъ Гибралтара и до самаго Тихаго океана простираются почти непрерывной полосою области древнѣйшаго развитія культуры, начиная съ финикійскихъ колоній на Атлантическихъ побережьяхъ и кончая Китаемъ и Японіей на далекомъ востокѣ. Въ Новомъ Свѣтѣ въ соотвѣтствующей полосѣ лежитъ Мексика, небольшая суживающаяся къ югу область; все остальное пространство, которое оставалось бы, если бы обѣ Америки представляли одну, равноширокую всюду полосу суши, занято великимъ американскимъ Средиземнымъ моремъ (Мексиканскій заливъ и Караибское море). Здѣсь, въ этой полосѣ, исторія застаетъ высшее выраженіе туземной американской культуры, ацтекское государство, разрушенное Кортецомъ, которое можно было бы назвать американскимъ Египтомъ или американской Ассиро-Вавилоніей, если бы культура ацтековъ по достигнутымъ ею успѣхамъ дѣйствительно могла бы равняться съ обѣими „колыбелями“ западной цивилизаціи. На дѣлѣ, однако, она, насколько свидѣтельствуютъ сохранившіеся памятники и свѣдѣнія, почерпнутыя изъ разказовъ современниковъ, значительно уступала культурѣ страны фараоновъ, не говоря уже про то, что культурное состояніе, въ которомъ испанцы застали государство ацтековъ и инковъ, запоздало сравнительно съ великими древними цивилизаціями Стараго Свѣта на нѣсколько тысячъ лѣтъ.

Расчлененіе Америки на двѣ почти равновеликихъ массы суши съ разъединяющимъ ихъ широкимъ американскимъ „Средиземнымъ“ моремъ также не могло не оказать своего неблагопріятнаго вліянія. Длинный, нѣсколько разъ суживающійся центрально-американскій перешеекъ, несмотря на то, что онъ имѣетъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ между городами Колономъ и Аспинвалемъ (такъ называемый Панамскій перешеекъ) всего 42 к. ширины, далеко не можетъ идти въ сравненіе съ гораздо болѣе широкимъ Суецкимъ перешейкомъ (110 к.). Узкое Красное море скорѣе соединяетъ, чѣмъ разъединяетъ Африку съ Азіей. Въ добавленіе къ тому извилистый европейскій берегъ сопровождаетъ все сѣверное побережье Африки на всемъ его протяженіи, приближаясь къ нему у Сициліи и вторично у Гибралтара. Такимъ образомъ, Азія какъ бы охватываетъ Африку, тѣсно причленяя ее къ себѣ. Ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ въ Америкѣ. Атлантическіе берега Сѣверной и Южной Америки стремятся удалиться одинъ отъ другого; поэтому населяющія ихъ племена не сообщались другъ съ другомъ, не воспользовавшись для этой цѣли длинной цѣпью Большихъ и Малыхъ Антильскихъ острововъ, которые до нѣкоторой степени заполняютъ зіяющую между обѣими Америками морскую пучину. Скромныя пироги, встрѣченныя испанцами въ этихъ водахъ, поддерживали рѣдкія сношенія между Юкатаномъ и Кубой, не дерзая сравниться съ триремами и галерами древнихъ, бороздившими по всѣмъ направленіямъ наше Средиземное море въ глубокой древности. Дорога для переселеній изъ Сѣверной Америки въ Южную представлялась длинной и запутанной, тѣмъ болѣе, что и самый соединяющій обѣ Америки перешеекъ поднялся изъ морскихъ нѣдръ сравнительно поздно благодаря дѣятельности тектоническихъ силъ и изверженіямъ многочисленныхъ усѣивающихъ его и посейчасъ вулкановъ. Неудивительно потому, что какъ растенія, такъ и животныя съ трудомъ проникали на югъ. Самъ человѣкъ не безъ затрудненій отыскивалъ дорогу туда, и еще вопросъ, явился ли онъ въ Южную Америку только по сѣверному пути. Такимъ образомъ, и расчлененіе материка Новаго Свѣта на двѣ половины оказывается отнюдь не благопріятнымъ, если разсматривать эту особенность его съ точки зрѣнія интересовъ развивающейся культуры.

Бросимъ теперь взглядъ на очертаніе занимающей насъ части свѣта. Уже поверхностное обозрѣніе карты Америки открываетъ удивительное сходство между обѣими ея частями въ отношеніи общаго очертанія; обѣ Америки имѣютъ форму неравносторонняго трехугольника, и расположены совершенно одинаково, такъ какъ длинныя стороны обоихъ трехугольниковъ обращены къ Тихому океану, между тѣмъ, какъ выступающіе по направленію къ востоку углы обращены къ Атлантическому океану. Къ довершенію сходства подобнаго расположенія суживающіяся къ югу части обѣихъ Америкъ, которыя за отсутствіемъ большихъ, выступающихъ далеко въ сторону полуострововъ, можно было бы назвать этимъ именемъ (Мексиканскій и Патагонскій), загибаются нѣсколько къ востоку. Группы крупныхъ острововъ, Арктическіе у С. Америки, Вестиндскіе у Южной, располагаются совершенно одинаково вдоль короткихъ сторонъ трехугольниковъ. Вся система двойной суши Западнаго материка сдвинута значительно къ сѣверу, такъ что экваторъ пересѣкаетъ Новый Свѣтъ не въ томъ мѣстѣ, гдѣ материкъ естественно дѣлится на двѣ части, а значительно южнѣе, именно экваторъ пересѣкаетъ Ю. Америку вдоль низменности Амазонки. Вслѣдствіе этого, С. Америка оказывается расположенной главной массой своей въ умѣренномъ поясѣ; только южная половина Мексики, выдвигается на югъ за тропикъ Рака. Южная Америка, наоборотъ, лежитъ главною массой своей суши въ жаркомъ поясѣ, не доходя до южнаго полярнаго круга почти на такое же растояніе, на какое С. Америка выдвигается за предѣлы сѣвернаго полярнаго круга. Обстоятельство это имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что переселявшіеся изъ Азіи люди, привыкшіе къ условіямъ жизни въ сравнительно холодной и скудной области, должны были при своемъ разселеніи на югъ приспособляться все къ новымъ условіямъ. Неудивительно поэтому, если наивысшихъ формъ развитія достигли

тѣ американскія племена, которыя держались въ своемъ движеніи на югъ ряда высокихъ плоскогорій, сохраняющихъ въ своей природѣ больше однообразія, чѣмъ смѣняющіе другъ друга лѣса, степи и тропическія дебри американскихъ низменностей. Кромѣ смѣщенія къ сѣверу, съ невыгодами котораго мы только что познакомились, въ системѣ двойного материка Новаго Свѣта наблюдается иного рода смѣщеніе: С. Америка лежитъ не между тѣми же меридіанами, какъ Южная; по отношенію къ послѣдней, она значительно сдвинута къ западу, вслѣдствіе чего Южная Америка оказывается къ Африкѣ ближе, чѣмъ Сѣверная Америка къ Европѣ. Невыгодное значеніе только что указанной особенности бросается въ глаза само собою, но особенное значеніе оно пріобрѣтаетъ, если эту особенность разсматривать въ связи съ системой теченій и воздушныхъ движеній Атлантическаго океана. Въ сѣверной половинѣ его струи теченія устремляются отъ С. Америки къ Европѣ, между тѣмъ какъ въ экваторіальной и въ южной половинѣ океаническая вода движется въ обратномъ направленіи, т. е. отъ Африки къ Ю. Америкѣ. Значеніе подобнаго распредѣленія теченій для исторіи открытій и сношеній обитателей Новаго и Стараго Свѣта громадно. Атлантическое побережье Африки никогда не было заселено мореходными народностями, которыя рано могли бы установить сношенія съ Новымъ Свѣтомъ, между тѣмъ, какъ мореходные европейскіе народы встрѣчали въ этомъ препятствія какъ отъ противныхъ теченій, такъ и вслѣдствіе дальности разстоянія до С. Америки. Все, что мы только что сказали о роли морскихъ теченій, еще въ большей мѣрѣ справедливо относительно воздушныхъ теченій. Въ сѣверной части Атлантическаго океана господствующій вѣтеръ западный. Чтобы встрѣтить попутный вѣтеръ, именно, сѣверо-восточный пассатъ, направляющіеся въ Америку мореплаватели должны спуститься до широтъ, въ которыхъ разстояніе между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ, благодаря вдающейся въ американскій материкъ выемкѣ Караибскаго моря и Мексиканскаго залива, наибольшее.

Что при иномъ расположеніи и очертаніи частей Новаго Свѣта по отношенію къ Атлантическому океану съ его системами водныхъ и воздушныхъ теченій и по отношенію къ Старому Свѣту, исторія сношеній между обитателями Стараго и Новаго Свѣта сложилась бы иначе, хорошо видно изъ эпизодовъ открытія различныхъ частей Америки европейцами. Такъ, Колумбъ открылъ Новый Свѣтъ съ помощью попутнаго вѣтра, несмотря на то что курсъ его пересѣкалъ океанъ въ самомъ широкомъ мѣстѣ. Педро Альварецъ Кабраль въ 1500 г. на пути своемъ къ мысу Доброй Надежды, двигаясь открытымъ моремъ, оказался отнесеннымъ экваторіальнымъ теченіемъ настолько далеко къ западу, что наткнулся на берегъ Бразиліи. Наконецъ, и норманъ Бьярнъ Херульфсонъ, о которомъ была рѣчь выше, вѣроятно, обязанъ своимъ открытіемъ Америки не только вѣтру, но и холодному Лабрадорскому теченію, которое отнесло его суда къ югу, наподобіе того, какъ оно уноситъ къ американскимъ берегамъ льдины гренландскихъ ледниковъ.

Что касается развитія береговой линіи, то въ этомъ отношеніи между обѣими Америками наблюдается разительный контрастъ, который, однако, не сопровождается для болѣе благопріятствуемой половины никакими преимуществами. По длинѣ берега въ отношеніи къ пространству С. Америкѣ принадлежитъ первое мѣсто среди всѣхъ крупныхъ участковъ суши; она превосходитъ въ этомъ случаѣ даже Европу, о которой издавна сложилось убѣжденіе, что ея изрѣзанные берега явились одной изъ причинъ быстраго культурнаго развитія населяющаго ее человѣчества. Южная Америка занимаетъ въ этомъ отношеніи послѣднее мѣсто, уступая въ отношеніи изрѣзанности береговъ Африкѣ и Австраліи. Однако, извилистый берегъ характеренъ для С. Америки далеко не на всемъ протяженіи ея контура. Главное развитіе берега ея имѣютъ по сѣверной каймѣ, тамъ, гдѣ океанъ, скованный льдами почти въ теченіе всего года, заполняетъ всѣ заливы и проливы американскаго берега глыбами ледяныхъ горъ и полей, уничтожая этимъ различіе между сушей и моремъ. Весь сѣверный берегъ Америки не имѣетъ никакой полезной цѣны. Всѣ пла-

ванія вдоль него, начиная отъ временъ Фробишера и Хедзона и до платоническаго открытія въ нашемъ столѣтіи сѣверо-западнаго прохода Макъ-Клюромъ, съ несомнѣнностью доказали безплодность побережья не только для торговли, но и для морскихъ промысловъ. Такимъ образомъ, кажущееся преимущество, отличающее С. Америку отъ Южной, заключающееся въ извилистости ея береговъ, на дѣлѣ приводитъ къ равенству между ними: сѣверный материкъ могъ бы съ такимъ же успѣхомъ обладать малоизвилистымъ берегомъ, какъ и южный. На всемъ остальномъ протяженіи С. Америка обладаетъ полезными берегами, которыми пользуется современное мореплаваніе и торговля, лишь на пространствѣ между устьемъ рѣки св. Лаврентія и Флоридой, условіе которое повторяется въ сходной полосѣ, но въ значительно ослабленной степени, и у Южной Америки (берега южной Бразиліи). Все тихоокеанское побережье обладаетъ симметрично расположенной, но крайне неудобной изрѣзанностью: тамъ, гдѣ берегъ прилегаетъ къ холодной и пустынной сушѣ, онъ изрѣзанъ (у С. Америки отъ Аляски до о. Ванкувера, у Ю. Америки чилійскій берегъ отъ 40° ю. ш. до пролива Магелана), тамъ же, гдѣ къ океану примыкаютъ болѣе благословенныя страны, побережье бѣдно заливами и бухтами (тихоокеанское побережье Соединенныхъ Штатовъ и Мексики, берега Центральной Америки, Колумбіи, Перу и Чили).

Рельефъ и геологическое прошлое.

Обратимся теперь отъ разсмотрѣнія положенія, очертанія и свойства береговъ занимающей насъ части свѣта къ обзору ея рельефа. Рельефъ, въ связи съ климатомъ и рѣчными системами, несомнѣнно также имѣетъ громадное значеніе какъ для разселенія, такъ и для дальнѣйшаго развитія обособившихся въ различныя группы людей. Высокія цѣпи горъ, смотря по тому, какъ онѣ расположены, затрудняютъ или облегчаютъ переселенія и взаимныя сношенія; онѣ часто служатъ линіей хорошей пограничной защиты, за которой, какъ за своего рода китайской стѣной, народъ получаетъ возможность безъ помѣхи со стороны сосѣдей спокойно развить необходимыя ему для дальнѣйшаго процвѣтанія особенности и выработать собственную физіономію. Горныя страны нерѣдко являются убѣжищемъ, въ которомъ тѣснимыя сосѣдями народности находятъ безопасность и сохраняютъ свободу. Наоборотъ, неудобно расположенныя горы и возвышенности могутъ надолго замедлить сліяніе отдѣльныхъ группъ какой нибудь одной многочисленной народности. Европа съ ея чередованіемъ низменныхъ и возвышенныхъ частей, съ ея полуостровами, отчлененными отъ остального пространства высокими горными хребтами, можетъ доставить множество примѣровъ для иллюстраціи вліянія рельефа на судьбы населенія. Подобныя соображенія, несомнѣнно, сохраняютъ свое значеніе и для Америки.

Меридіональное протяженіе суши всего Новаго Свѣта, несомнѣнно, связано такъ или иначе съ длиннымъ поясомъ нагорій, горныхъ цѣпей и хребтовъ, которые подъ именемъ Кордильеръ простираются вдоль всего тихоокеанскаго побережья. Возвышенности эти не образуютъ сплошной, лишенной перерывовъ полосы. Несомнѣнно, правы тѣ, кто считаетъ южною оконечностью С. Америки то мѣсто длиннаго центрально-американскаго перешейка, гдѣ склоны Мексиканскаго плоскогорья понижаются къ Тегуантепекскому перешейку. Горные кряжи и многочисленные вулканы простираются за нимъ въ прежнемъ направленіи по всему центрально-американскому перешейку, чтобы испытать на узкомъ Панамскомъ перешейкѣ новое пониженіе, второй перерывъ, за которымъ поднимаются южно-американскія Анды. Изслѣдованія геологовъ показываютъ, что возвышенности центральной Америки вмѣстѣ съ прилегающими къ нимъ равнинами образовались въ болѣе позднюю эпоху, чѣмъ Кордильеры Сѣверной и Южной Америки. Такимъ образомъ было время,—повидимому, моментъ этотъ нужно отнести къ эпохѣ, непосредственно пред-

шествовавшей или совпадающей со временемъ появленія на землѣ человѣка,—когда обѣ Америки были разобщены, когда воды Караибскаго моря и Мексиканскаго залива сливались съ водами Тихаго океана. Обстоятельство это ничего не мѣняетъ въ общемъ характерѣ простиранія главныхъ возвышенностей Новаго Свѣта; сліяніе обѣихъ Америкъ въ одинъ материкъ только сильнѣе подчеркнуло характерную особенность рельефа, заключающуюся въ томъ, что линія главнаго разлома земной коры слѣдуетъ въ Америкѣ въ общемъ меридіональному направленію, между тѣмъ какъ въ Старомъ Свѣтѣ эта линія разлома, характеризующаяся расположеными вдоль нея главными и новыми по своему происхожденію поднятіями (Альпы, Карпаты, Балканы, Кавказъ, Тянь-Шань, Гималаи), протягивается съ запада на востокъ. Въ Старомъ Свѣтѣ цѣпи этихъ возвышенностей долгое время раздѣляли человѣческія группы, обитавшія къ сѣверу и къ югу отъ нихъ. Онѣ раздѣляютъ ихъ еще и по сіе время на востокѣ, гдѣ стѣна Гималаевъ отдѣляетъ Индію отъ Тибета. Въ Новомъ Свѣтѣ Кордильеры не могли ничего раздѣлять по той причинѣ, что склоны ихъ, обращенные къ Тихому океану, оставляютъ между моремъ и горами слишкомъ узкую полосу, которая на всемъ протяженіи берега нигдѣ не даетъ достаточно мѣста для поселенія и развитія сколько-нибудь значительнаго соціальнаго организма. Ни государство инковъ, ни государство ацтековъ не лежали при морѣ; они располагались лишь въ сосѣдствѣ его на плоскогорьяхъ. Почти на всемъ протяженіи этого берега до появленія испанцевъ и англичанъ обитали самыя жалкія племена американскихъ туземцевъ.

Кордильеры Сѣверной Америки ниже южно-американскихъ Андъ, но вѣтви ихъ расходятся шире, благодаря чему между ними залегаютъ обширныя плоскогорья, въ южной части которыхъ, орошенныхъ лучше, чѣмъ сухія плато Юта и Колорадо, испанцы познакомились съ „пуэблосами“ индѣйцевъ, представлявшими послѣ мексиканскихъ городовъ высшій типъ поселеній культурныхъ земледѣльцевъ С. Америки.

Въ С. Америкѣ, какъ и въ Южной, съ востока къ Кордильерамъ примыкаютъ громадныя низменныя равнины, покрытыя геологическими отложеніями средняго возраста (вторичныя), которыя указываютъ, что въ эпоху, предшествовавшую соединенію обѣихъ Америкъ въ одно цѣлое, пространства эти были залиты моремъ, отдѣлявшимъ восточные, гораздо болѣе древніе участки американской суши отъ западнаго пояса горъ и нагорій. Равнины эти протягиваются въ С. Америкѣ отъ береговъ Полярнаго моря до Мексиканскаго залива. Слабыя повышенія суши служатъ здѣсь въ настоящее время водораздѣлами рѣкъ арктическаго бассейна и залива Хедзона отъ громаднаго бассейна Миссисиппи. Постепенные переходы отъ тундры къ хвойному, къ лиственному лѣсу, отъ лѣса къ преріямъ и наконецъ къ сухимъ льяносамъ Техаса, безъ малѣйшихъ естественныхъ преградъ, донельзя способствовали раздѣленіямъ племенъ, черезполосному распредѣленію ихъ, вслѣдствіе чего оторванныя отъ основного племени кучки сѣверныхъ народностей забредали далеко на югъ и разсѣивались по всему пространству прерій.

Въ Южной Америкѣ съ сѣвера на югъ простирается подобная же безпредѣльная равнина, раздѣленная невысокими порогами водораздѣловъ Ореноко—Амазонки и Амазонки—Лаплаты. Она тоже сложена вторичными отложеніями, тоже была залита моремъ во вторичную и третичную эпоху, когда древняя суша восточной Бразиліи и Гвіаны принадлежала не американскому, а другому невѣдомому материку. Здѣсь чередованіе растительныхъ формацій носитъ нѣсколько отличный характеръ: льяносы Венецеуэлы переходятъ въ тропическіе лѣса бассейна Амазонки, которые смѣняются пампасами Бразиліи, растительностью Гранъ-Чако, послѣ чего на югѣ развертывается аргентинская и патагонская пампа, становящаяся дальше на югъ все скуднѣе и скуднѣе. Такъ же, какъ и въ С. Америкѣ, равнина эта способствовала безпорядочному разселенію и перетасовкѣ племенъ, для которыхъ обширный тропическій лѣсъ и широкая саванна съ переплетающимися въ нихъ по всѣмъ направленіямъ рѣками представляли настоящій лабиринтъ, приглашавшій къ нескон-

чаемымъ скитаніямъ безъ надежды обрѣсти защищенную и спокойную для обитанія область.

Наконецъ, восточныя, прилегающія къ Атлантическому океану области обѣихъ Америкъ, являющіяся самыми древними участками суши Западнаго материка, представляютъ гористыя и холмистыя страны съ низменными полосами вдоль океана и по теченію рѣкъ. Уже незначительныя высоты вершинъ Аппалачскихъ горъ и горъ восточной Бразиліи и Гвіаны указываютъ, что эти нѣкогда, вѣроятно, высокія поднятія суши не разъ подвергались въ теченіе очень долгаго времени разрушительному дѣйствію атмосферы и влаги. Такимъ образомъ, эти высоты не болѣе, какъ остовы древнихъ разрушенныхъ горъ, спускающіеся къ равнинамъ пологими склонами, съ вершинами, обнажающими въ своихъ гребняхъ древнѣйшія изъ извѣстныхъ геологическихъ отложеній. Въ Сѣверной Америкѣ на всемъ пространствѣ громаднаго района великихъ озеръ и Лабрадора эти древнѣйшія (архейскія) породы обличаютъ своимъ поверхностнымъ видомъ продолжительную работу великаго ледника, во всемъ подобнаго тому, который придалъ сходный видъ всей сѣверной Европѣ. Поясъ ледниковаго наноса охватываетъ эти отшлифованныя льдомъ скалы громаднымъ полукругомъ, придавая мѣстности тотъ видъ „плохихъ земель“ (Bad lands), съ безплодіемъ которыхъ не рѣшаются бороться даже энергичные янки, и гдѣ, вѣроятно, съ того момента, какъ сошелъ ледъ, не имѣло охоты поселиться ни одно изъ туземныхъ племенъ, если только его не принуждало къ тому давленіе со стороны болѣе могущественныхъ сосѣдей.

Окидывая еще разъ общимъ взглядомъ рельефную поверхность обѣихъ Америкъ, мы легко различаемъ между ними новую черту сходства: обѣ Америки представляютъ въ этомъ отношеніи длинные плоскіе жолоба, вытянутые въ общемъ съ сѣвера на югъ, съ высокимъ и непрерывнымъ, несущимъ на себѣ борозду плоскогорій западнымъ краемъ и съ болѣе короткимъ, значительно болѣе низкимъ, прерваннымъ вдоль теченія атлантическихъ рѣкъ (р. Св. Лаврентія, Ореноко, Амазонка, Лаплата) восточнымъ краемъ. Тщетно пытаемся мы открыть на пространствѣ обѣихъ Америкъ то разграниченіе на большія, хорошо обособленныя области, которое столь характерно для Евразіи: здѣсь не только отсутствуютъ большіе, далеко выступающіе въ стороны полуострова, годные во всѣхъ отношеніяхъ для заселенія отдѣльными народами, но и внутри материковъ сѣть возвышенностей не образуетъ большихъ замкнутыхъ низменныхъ или высокихъ котловинъ, на подобіе плоскогорья Ирана или Венгерской низменности, или большихъ, охваченныхъ съ трехъ сторонъ горами и открытыхъ къ морю плодородныхъ низменностей, примѣрами которыхъ могутъ служить Ломбардія, Месопотамія, Бенгалія. Ничто не мѣшало человѣку блуждать съ мѣста на мѣсто, нигдѣ, за исключеніемъ небольшихъ плоскогорій Анагуака и Квито, онъ не находилъ безопасныхъ, самой природой ограниченныхъ убѣжищъ, гдѣ бы трудолюбивые земледѣльцы успѣли развить связывавшія ихъ слабыя племенныя узы въ крѣпкую національную спайку.

Климатъ.

Климатъ, кромѣ прямого своего вліянія на человѣка, имѣетъ громадное значеніе потому, что въ тѣсной связи съ нимъ находятся растительность и животный міръ, въ которыхъ человѣкъ находитъ источники своего пропитанія. Тѣ или иныя особенности климата вліяютъ въ томъ направленіи, что или почти совершенно останавливаютъ развитіе культуры и ставятъ человѣка въ условія самаго жалкаго прозябанія, либо же климатъ самымъ могущественнымъ образомъ способствуетъ развитію богатой растительности, допускающей широкое и быстрое размноженіе людей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и необыкновенно быстрый ростъ культурнаго развитія.

Что же представляетъ въ климатическомъ отношеніи Новый Свѣтъ? представляетъ ли климатъ разныхъ областей его нѣчто такое, что возмѣщаетъ всѣ другія неблагопріятныя свойства, какія наблюдаются здѣсь, по сравненіи со Старымъ Свѣтомъ, въ разныхъ, уже разсмотрѣнныхъ особенностяхъ материка, или же климатъ Новаго Свѣта также способствовалъ болѣе медленному культурному развитію американскаго человѣчества? Отвѣтить на этотъ вопросъ просто и кратко чрезвычайно трудно. Всякому, кто приписывалъ бы климатическимъ свойствамъ Новаго Свѣта чрезмѣрно отрицательное вліяніе на развитіе человѣческихъ общежитій, на успѣхи культуры и цивилизаціи, можно было бы возразить, что это не совсѣмъ такъ, ибо небывало быстрое заселеніе Новаго Свѣта выходцами изъ Европы, необычайные достигнутые ими тамъ успѣхи не могли бы имѣть мѣста, если бы природа американскаго материка ставила бы тому черезъ посредство климата слишкомъ серьезныя препятствія. Только познакомившись ближе съ климатическими особенностями Новаго Свѣта, можно въ общемъ отвѣтить на этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что, подобно всему остальному, климатъ Америки также не принадлежитъ къ числу дѣятелей, которые ускоряли бы здѣсь успѣхи человѣчества.

Своеобразное положеніе всего материка по отношенію къ океанамъ, расчлененіе его и особенности рельфа являются причиной того, что по общимъ свойствамъ своего климата С. Америка сильно отличается отъ расположенныхъ въ тѣхъ же широтахъ частей Европы и Азіи. Южная Америка въ такой же мѣрѣ не похожа на Африку, южную Азію и Австралію. Разсмотримъ сперва климатъ С. Америки. Самой поразительной чертой сѣверо-американскаго климата являются, въ общемъ, необычайно сильныя и частыя колебанія всѣхъ климатическихъ элементовъ въ предѣлахъ рѣзкихъ противоположностей. „Климатъ С. Америки до того измѣнчивъ,—говоритъ одинъ ученый,—что въ теченіе одного и того же дня удается наблюдать какъ самыя низкія температуры, случающіяся въ сѣверной Европѣ, такъ и чисто африканскій зной, однимъ словомъ, смѣну всѣхъ четырехъ временъ года“.

Замѣчаніе это совершенно справедливо. Въ Америкѣ не наблюдается такихъ крайнихъ степеней холода и жара, сухости и влажности, какія извѣстны для разныхъ областей Стараго Свѣта. Низкія и высокія температуры, наблюдавшіяся здѣсь, правда, приближаются къ тому, что извѣстно для Азіи и Африки. Такъ холодъ, господствующій въ зимніе мѣсяцы въ полярной части Америки, мало уступаетъ низкой температурѣ азіятскаго „полюса холода,“ расположеннаго въ восточной Сибири въ сосѣдствѣ Верхоянска, а необыкновенно высокія температуры, наблюдавшіяся въ Калифорніи въ „Долинѣ Смерти“, почти приближаются, если не равняются, палящему жару пустынь Ирана, Аравіи и Сахары. Но, за выдѣленіемъ подобныхъ областей, остальное пространство С. Америки не представляетъ условій для хорошо обособленныхъ климатическихъ областей, какія мы наблюдаемъ въ Старомъ Свѣтѣ. Общая вытянутая съ сѣвера на югъ форма сѣверо-американскаго материка и простирающіяся въ томъ же направленіи горныя цѣпи являются причиной того, что тѣ климатическія области, которыя можно различить на пространствѣ С. Америки, располагаются въ ней не параллельно широтамъ, какъ въ Старомъ Свѣтѣ, а въ меридіанальномъ направленіи. Громадный, плоскій жолобъ, по серединѣ котораго катитъ свои мутныя воды въ Мексиканскій заливъ Миссиссиппи-Миссури, и въ которомъ выше къ сѣверу располагаются озера, открываетъ такой просторъ стремительнымъ движеніямъ воздуха между тропическими и полярными зонами, какой встрѣчается лишь на безграничныхъ равнинахъ океановъ. На всемъ пространствѣ С. Америки нѣтъ ни одной высокой горной цѣпи, которая протягивалась бы съ запада на востокъ, наподобіе Альпъ, Кавказа, Тянь-Шаня и Гималаевъ, и охраняла бы теплыя области отъ наплыва холодныхъ массъ воздуха съ сѣвера. Этимъ объясняются двѣ характерныя особенности климата С. Америки: 1) необыкновенная быстрота и внезапность температурныхъ измѣненій, и 2) удвоенная, по срав-

ненію съ Европой, скорость движенія тѣхъ обширныхъ атмосферныхъ вихрей, которые извѣстны подъ именемъ циклоновъ и которые въ моментъ своего прохожденія опредѣляютъ всѣ элементы погоды. Повидимому на всемъ пространствѣ С. Америки мало найдется мѣстъ, гдѣ бы не наблюдались необыкновенно быстрыя поднятія и паденія температуры на протяженіи сутокъ, нѣсколькихъ часовъ, даже нѣсколькихъ минутъ. Особенно характерно это явленіе для плато прерій, т. е. для равнины, образующей покатый склонъ отъ Скалистыхъ горъ къ берегамъ Миссисиппи. Здѣсь не разъ наблюдали, какъ въ теченіе сутокъ термометръ падалъ на 30—35°. 15 января 1875 г. въ Денверѣ температура упала въ теченіе пяти минутъ на 20°! Подобныя же колебанія и скачки наблюдаются въ Монтанѣ, въ Колорадо, въ Техасѣ (даже на среднемъ теченіи Миссисиппи), когда задуваютъ знаменитые „нортесъ“, сильные, холодные вѣтры съ сѣвера. Перемѣны наступаютъ такъ быстро, что невольно кажется, будто по атмосферѣ прокатывается какая-то гигантская холодная волна, «cold waves», «cold snaps», какъ выражаются американцы. Само собой понятно, какое сильное вліяніе эти явленія оказываютъ на растительность. Внезапный холодъ или ночной морозъ въ серединѣ лѣта (killing frost) губитъ табачныя плантаціи, плодовыя насажденія и сильно вредитъ урожаямъ злаковъ, пшеницы и маиса. Во многихъ мѣстахъ смѣна холоднаго времени теплымъ наступаетъ до такой степени быстро, что весна почти выпадаетъ, и возвраты холодовъ наступаютъ не только въ маѣ, но и въ іюнѣ. Лѣто приближается не медленными шагами, какъ у насъ,—оно спѣшитъ, разражаясь почти внезапно сильнымъ зноемъ, благодаря чему весенняя перемѣна въ природѣ совершается быстро. Какъ по волшебству, голые деревья и кустарники одѣваются листвою, прерія зеленѣетъ, не смущаясь тѣмъ, что возвратъ холода въ состояніи во мгновеніе ока уничтожить этотъ праздничной нарядъ. Въ противоположность веснѣ, осень наступаетъ медленно и тянется долго, точно лѣто, лишенное весны, стремится возмѣстить свою потерю насчетъ начальнаго періода зимы.

Другія атмосферныя явленія, какъ выпаденіе осадковъ, грозы, разрушительные вѣтры, мятели, иней, гололедица, также характеризуются стремительностью всѣхъ своихъ проявленій, печатью которой отмѣчены температурныя колебанія.

Прибрежныя части океановъ имѣютъ почти вездѣ не только достаточное, но скорѣе обильное количество осадковъ, особенно восточная, примыкающая къ Атлантикѣ, область, между тѣмъ, какъ равнины и плоскогорія, простирающіяся вдоль всей С. Америки отъ Полярнаго океана до Мексиканскаго залива имѣютъ недостаточное количество ихъ. Вслѣдствіе того, что осадки выпадаютъ обильными ливнями или снѣгопадами, атмосфера въ промежуточное время отличается сухостью. Въ сочетаніи съ сильнымъ зноемъ это обстоятельство обусловливаетъ образованіе и существованіе въ западныхъ штатахъ и въ сѣверной части Мексики мертвыхъ пустынь, которыя по какой то ироніи судьбы располагаются въ непосредственномъ сосѣдствѣ Тихого океана. Холодное Калифорнское теченіе и кряжи береговыхъ горъ легко объясняютъ эти явленія. Кромѣ холодныхъ и стремительныхъ „нортесъ“ Техаса южную, вѣрнѣе юго-восточную часть С. Америки и Антильскіе острова часто опустошаютъ разрушительные вихри, которые извѣстны тамъ подъ именемъ „торнадосъ“, и другіе, болѣе продолжительные и съ гораздо болѣе широкой полосой разрушенія, туземное названіе которыхъ вызвало къ жизни слово „ураганъ“ (hurricane). Неудивительно, что при удвоенной скорости, съ какою, по сравненію съ Европой, движется вѣтеръ и подвигаются впередъ циклоны, частота и разрушительная сила этихъ вихрей оставляютъ далеко за собой все, съ чѣмъ знакомы мы.

Несмотря на описанныя особенности климата С. Америки, въ ней труднѣе разграничить области, отмѣченныя своеобразіемъ климатическихъ явленій. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ все пространство материка, присоединяя къ нему Антильскіе острова и весь центрально-американскій перешеекъ, можно, согласно Зупану, раздѣлить на 8 климатиче-

скихъ областей: 1) Полярная область, охватывающая всю кайму сѣвернаго побережья, по климату не отличается отъ полярной области Стараго Свѣта, 2) Хедзонская область захватываетъ наибольшее пространство отъ Берингова пролива до восточной оконечности Лабрадора; по своему материковому климату съ крайними температурами зимы и лѣта, при маломъ количествѣ осадковъ, область эта сильно напоминаетъ восточную Сибирь, 3) сѣверо-западная береговая область захватываетъ побережье отъ полуострова Аляски до Калифорніи и отличается равномѣрнымъ морскимъ и очень влажнымъ климатомъ, напоминая Норвегію; 4) Калифорнская область съ сравнительно нетеплымъ и сухимъ лѣтомъ занимаетъ остальную часть побережья до полуострова Калифорніи; 5) область высокихъ плоскогорій примыкаетъ съ востока къ предыдущей, захватывая плоскогорія Юта, Колорадо, отчасти Мексику, и отличается очень сухимъ климатомъ съ рѣзкимъ суточнымъ и годовымъ колебаніемъ температуръ; 6) Атлантическая область простирается далѣе къ востоку, обнимая плато прерій и оба склона Аппалачскихъ горъ; она отличается обильными и равномѣрными осадками и сильной измѣнчивостью, но въ общемъ имѣетъ материковый характеръ; 7) вестъ-индская область охватываетъ архипелагъ Антильскихъ острововъ и сѣверное побережье Мексиканскаго залива; она отличается равномѣрнымъ тепломъ во всѣ времена года и обильными осадками, выпадающими преимущественно въ теплое время года; 8) тропическая область занимаетъ всю южную Мексику, весь центрально-американскій перешеекъ и простирается на югъ въ сѣверо-западный уголъ Ю. Америки; климатъ ея обнаруживаетъ тропическія черты лишь на низменныхъ побережьяхъ и въ долинахъ горъ, такъ какъ на плоскогорьи, именно въ Мексикѣ, влажный зной и духота смѣняются сухимъ тепломъ, господствующимъ въ теченіи круглаго года и придающимъ погодѣ характеръ вѣчной весны.

Изъ этого перечня видно, что наиболѣе благопріятными въ климатическомъ отношеніи областями являются лишь послѣднія четыре, особенно тропическая и вестъ индская.

Южная Америка по климату сильно отличается отъ Сѣверной. При громадномъ сходствѣ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, различіе въ этомъ рѣзко бросается въ глаза и накладываетъ замѣтный отпечатокъ на всю природу. Въ то время, какъ у С. Америки широкая равнинная часть обращена къ холодной сторонѣ, у Ю. Америки соотвѣтственная часть располагается по обѣ стороны экватора и пользуется наибольшимъ количествомъ тепла. Съуженная южная часть С. Америки самая теплая. У Ю. Америки соотвѣтственная часть простирается по направленію къ полюсу и отличается наименѣе теплымъ климатомъ. Слѣдствіемъ экваторіальнаго расположенія является значительно большая теплота и отсутствіе областей съ полярнымъ климатомъ. Въ распредѣленіи осадковъ наблюдается тоже громадное различіе. Въ С. Америкѣ срединныя области являются наименѣе влажными, въ южной, наоборотъ, наибольшее количество осадковъ (болѣе 2.000 мм.) выпадаетъ въ бассейнѣ верхней и средней Амазонки.

Въ С. Америкѣ зимой образуется въ серединѣ суши самостоятельная область высокаго давленія, и господствуетъ направленіе вѣтра изъ западной половины горизонта; въ Южной почти въ теченіе всего года господствуетъ низкое давленіе, и преобладающее значеніе имѣютъ потоки воздуха, приносящіеся съ Атлантическаго океана: вся сѣверная половина ея подчиняется режиму сѣверо-восточнаго пассата. Нѣтъ, поэтому, ни одного материка, климатъ котораго даже вдали отъ моря имѣлъ бы столь же морской характеръ, какъ климатъ всей сѣверной половины Ю. Америки, подразумѣвая подъ этимъ рѣшительное господство пассатовъ, равномѣрность температуры и малыя колебанія ея какъ въ теченіе сутокъ, такъ и года. При всѣхъ различіяхъ подобнаго рода, тѣмъ не менѣе общее сходство въ положеніи относительно океановъ, въ очертаніи и рефьефѣ приводитъ къ тому, что и въ климатическомъ отношеніи Ю. Америка приближается въ извѣстныхъ чертахъ къ Сѣверной. Такъ же, какъ тамъ, преобладающее пространство суши подчинено вліянію Атлантическаго океана, а не Тихаго. Высокая и непрерывная стѣна Андъ, располагаясь

къ берегу ближе, чѣмъ горные хребты С. Америки, еще рѣшительнѣе уединяетъ все побережье Тихаго океана отъ остальной части. Громадная равнина, протягивающаяся отъ бассейна Ореноко далеко на югъ въ Патагонію, допускаетъ такой же свободный обмѣнъ воздуха по направленію съ сѣвера на югъ, какъ и въ С. Америкѣ. Наконецъ, несмотря на обильные осадки въ центральной части, подчиненные вліянію океановъ берега имѣютъ также, въ зависимости отъ сходнаго направленія морскихъ теплыхъ и холодныхъ теченій, болѣе значительные осадки по всему атлантическому побережью, въ то время, какъ на тихоокеанскомъ наблюдается еще болѣе рѣзкій контрастъ между сѣверомъ и югомъ, чѣмъ въ С. Америкѣ.

Вся, расположенная къ востоку отъ Андъ часть Ю. Америки можетъ быть подраздѣлена въ климатическомъ отношеніи на двѣ области: 1) тропическая южно-американская, простирающаяся отъ Караибскаго моря до параллели устоевъ Лаплаты, очень теплая и влажная (осадки преимущественно лѣтомъ), покрытая лѣсами, нѣкоторое разнообразіе вносится здѣсь лишь довольно высокими Венецуэльскими и Бразильскими горами, и 2) область пампасъ, простирающаяся отъ первой на югъ до Магеланова пролива, съ сравнительно сухимъ климатомъ и довольно рѣзкими колебаніями температуры отъ зимы къ лѣту, особенно на сѣверѣ. Свободный обмѣнъ воздуха въ равнинѣ вызываетъ часто чередованіе теплыхъ, сѣверныхъ, и холодныхъ, южныхъ вѣтровъ. Этотъ рѣзкій вѣтеръ съ юга, „памперо“, вполнѣ напоминаетъ нортесъ Техаса. Тихоокеанское побережье можно раздѣлить на четыре полосы: 3) южная часть тропической области Кордильеръ, о которой была рѣчь при С. Америкѣ; 4) Перуанская область отъ 4^0 до 30^0 ю. ш., и даже южнѣе, отличается ужасной сухостью, вслѣдствіе чего въ самомъ сосѣдствѣ океана лежитъ совершенно безплодная пустыня Атакама (подобно пустынѣ Мохавъ въ С. Америкѣ), и вѣчной прохладой атмосферы благодаря сосѣдству холоднаго Перуанскаго теченія. Сухость такъ ужасна, что на всемъ побережьѣ между 18^0 и 30^0 ю. ш. только одна рѣчка достигаетъ моря, и населеніе за отсутствіемъ воды должно довольствоваться перегнанной морской водой. На волнистомъ плоскогорьѣ вокругъ озера Титикаха при высотѣ болѣе 3.500 м. даже зимой не бываетъ снѣга, небо ясно, и различіе между дневнымъ тепломъ и ночнымъ холодомъ очень велико, приближаясь къ тому, что извѣстно для Тибета. Далѣе къ югу расположены: 5) сѣверо-чилійская область до 40^0 ю. ш., отличающаяся подтропическимъ климатомъ и, въ сущности, сливающаяся съ 6) южно-чилійской областью, которая захватываетъ все остальное побережье съ о. Огненной Землей и поражаетъ своимъ влажнымъ морскимъ климатомъ съ прохладнымъ лѣтомъ и несуровой зимой.

Изъ всѣхъ перечисленныхъ областей наиболѣе благопріятными оказываются для успѣховъ культуры несомнѣнно южная часть тропической южно-американской и область пампасъ. Эти части Ю. Америки привлекаютъ въ настоящне время наибольшее число переселенцевъ изъ Европы, которые въ большинствѣ случаевъ прекрасно выносятъ мѣстныя условія. Но до появленія европейцевъ въ Америкѣ эти области лежали слишкомъ далеко отъ мѣстъ распространенія и линій переселеній туземныхъ народностей и были достигнуты ими лишь въ концѣ долгихъ странствій съ сѣвера на югъ черезъ весь материкъ. Поэтому южная половина Ю. Америки не играла никакой роли въ исторіи культурнаго развитія туземной расы. Культурный оазисъ возникъ дальше къ сѣверу, именно на Перуанскомъ плоскогорьѣ и въ Мексикѣ.

Растительный и животный міръ.

Обыкновенно думаютъ, что растительный, а также и животный міръ зависятъ главнымъ образомъ отъ климата. Зависимость эта, разумѣется, несомнѣнна и опредѣляетъ весь процессъ жизни растеній: растенія сухолюбы не распространяются во влажныя области,

лѣсъ не растетъ въ тундрѣ, и т. д. Однако составъ флоры опредѣляется не столько этимъ, сколько условіями, господствовавшими въ предыдущія геологическія эпохи. Какъ бы ни были благопріятны почвенныя, климатическія и всѣ другія условія страны, но если она пробыла долгое время въ уединенномъ состояніи, была, напр., отрѣзана отъ другихъ материковъ широкими океанами, то составъ ея флоры останется безъ существенныхъ измѣненій, не считая тѣхъ, какія совершаются самымъ процессомъ медленнаго развитія.

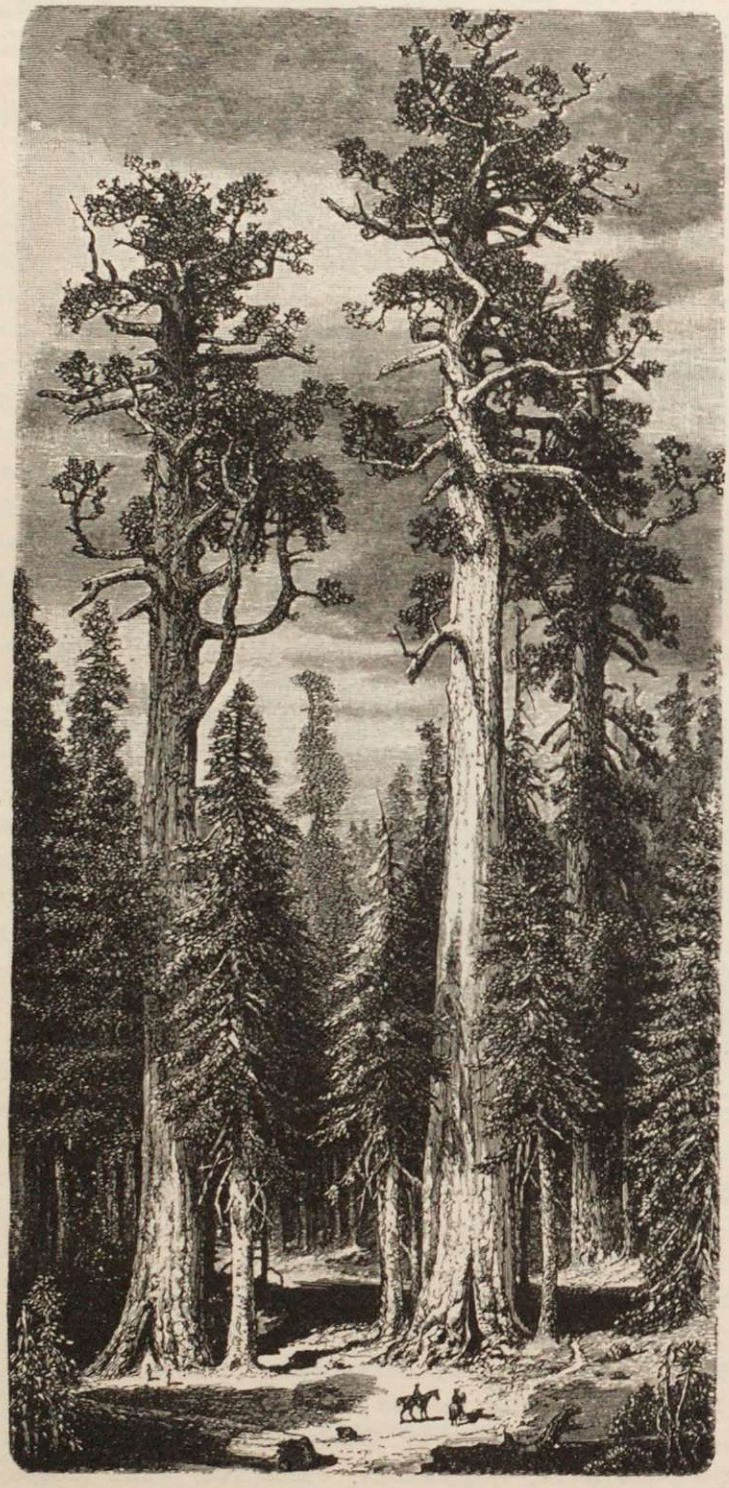
Выше мы говорили, что на пространствѣ обѣихъ Америкъ можно установить климатическія зоны, начиная съ полярной и кончая тропической, т. е. всѣ, какія вообще существуютъ на земномъ шарѣ. Такъ какъ съ другой стороны современное уединенное положеніе Новаго Свѣта не всегда было таковымъ, то этими двумя условіями опредѣляется своеобразіе его органическаго міра, не достигающаго, однако, той мѣры, какая намъ извѣстна для Австраліи.

Снѣжныя вершины Андъ.

Было бы трудно точно возстановить картину распредѣленія материковъ и океановъ, существовавшихъ въ предыдущія геологическія эпохи; тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что въ общемъ по отношенію къ Америкѣ картина эта была такова: С. Америка находилась нѣкоторое время въ соединеніи, съ одной стороны, съ Европой черезъ сушу, остатками которой являются Гренландія и Исландія, съ другой стороны, съ Азіей, сосѣдство съ которой и сейчасъ очень близкое. Южная Америка входила почти цѣликомъ въ составъ громаднаго материка, который, напр., въ юрскую эпоху захватывалъ южную половину Атлантическаго океана и Африку, протягиваясь еще дальше на востокъ; въ то время Ю. Америка еще не находилась въ сообщеніи съ Сѣверной. Сообщеніе это установилось гораздо позже, въ третичную эпоху, и было тогда, повидимому, свободнѣе, чѣмъ теперь при существованіи длиннаго, узкаго и гористаго перешейка.

Такимъ образомъ С. Америка необходимо должна была обмѣниваться представителями органическаго міра, какъ съ Европой, вѣрнѣе, съ той сушей, на мѣстѣ которой

постепенно обрисовалась Европа, такъ и съ Азіей, причемъ растительные и животные виды постепенно распространялись по ней далѣе на югъ. Съ другой стороны въ нее неизбѣжно должны были проникать выходцы съ юга, представители необыкновенно богатой тропической флоры, обширной родиной которой являлся упомянутый выше материкъ.



Мамонтово дерево или секвоя.

Когда же наступилъ суровый ледниковый періодъ, то онъ не внесъ въ американскій растительный миръ такого опустошенія, какъ Европѣ, потому что въ С. Америкѣ флора свободно отступала передъ нимъ на югъ; ей не препятствовали въ этомъ ни горные хребты, вродѣ Альпъ и Карпатъ, ни длинные заливы. По окончаніи ледниковаго періода растенія вновь распространились на сѣверъ.

Для Южной Америки условія болѣе уединеннаго положенія существовали болѣе долгое время; установившееся позже сообщеніе съ сѣверомъ являлось настолько ограниченнымъ, что ни флора, ни фауна Ю. Америки не могли значительно обогатиться по этому пути.

Современный составъ флоры С. Америки таковъ, что на сѣверѣ въ ней замѣчается много сходнаго съ растительнымъ міромъ Азіи и Европы, на югѣ много тропическихъ видовъ, которые распространяются на сѣверъ двумя вѣтвями или полуостровами; одинъ, болѣе значительный, протягивается на сѣверъ вдоль атлантическаго побережья, другой простирается на сѣверъ вдоль берега Тихаго океана. Въ зависимости отъ климата число видовъ, стало быть разнообразіе флоры, становится богаче къ югу, рельефъ же въ связи съ мѣстнымы климатическими особенностями повліялъ въ томъ направленіи, что флора по западную сторону Кордильеръ во многомъ отличается отъ восточной или аппалачской.

Растительные пояса подчиняются, конечно, общему закону. т. е. за тундрой слѣдуетъ хвойный лѣсъ, американская тайга, затѣмъ появляются лиственные лѣса, охватывающіе область великихъ озеръ и Аппалачскія горы съ ихъ окрестностями; плато сухихъ прерій отъ верховьевъ Миссури до Мексиканскаго залива занято степями, между тѣмъ какъ плоскогорія за Скалистыми горами вообще бѣдны растительностью, которая исчезаетъ почти совершенно въ пустыняхъ; южныя части Колифорнскаго полуострова, Мексики и Флориды имѣютъ уже чисто тропическую растительность. По сравненію съ флорой Стараго Свѣта сѣверо-американская флора очень богата видами, потому, вѣроятно, что въ ней много представителей, сохранившихся отъ прошлыхъ эпохъ, которые отсутствуютъ въ Европѣ и Азіи. Такъ, въ то время, какъ въ сѣверной Европѣ насчитывается не болѣе 40 видовъ деревьевъ, составляющихъ лѣсъ, въ Соединенныхъ Штатахъ ихъ 400; букъ имѣетъ въ Европѣ 20 разновидностей, въ Америкѣ до 80. Почти всѣ главные представители европейскаго лѣса имѣются въ С. Америкѣ, но къ нимъ кромѣ того примѣшиваются совершенно чуждыя породы, какъ напр., магноліи, хикори, каталапы, сассафрасы, секвои, ликвидамбаръ и многія другія—все наслѣдіе третичной эпохи. Тоже самое, что о лѣсѣ, можно сказать и относительно другихъ растительныхъ формацій. Особенности сѣверо-американскаго климата отражаются замѣтно на режимѣ растительнаго царства: рѣзкія смѣны тепла и холода, сухости и влажности вносятъ здѣсь въ жизнь растеній какую то порывистость, быстротечность распусканія листвы, цвѣтенія; наблюдается также, что иногда тѣ или иные растительные виды размножаются необыкновенно быстро, покрываютъ обширное пространство, и затѣмъ площадь распространенія ихъ вновь быстро сокращается, они почти исчезаютъ подъ вліяніемъ внезапной сухости, холода или другихъ неблагопріятныхъ причинъ.

Все разнообразіе и богатство сѣверо-американской флоры не отражалось однако непосредственно на судьбахъ того существа, которое насъ особенно занимаетъ въ этомъ сочиненіи, именно человѣка. Это проистекаетъ отъ того, что С. Америка бѣдна полезными растеніями, этими главными союзниками развивающейся культуры. Въ этомъ случаѣ отношеніе между С. Америкой и Европой обратное тому, что мы видѣли раньше: Америка бѣдна, Европа богата культурными растеніями. Въ числѣ послѣднихъ существенное значеніе имѣли въ С. Америкѣ лишь слѣдующія растенія: маисъ, бобы, бататы или „сладкій картофель“ (Convolvulus batatas), земляной орѣхъ (Arachis hypogea), томатъ, агава, далѣе ваниль, табакъ, топинамбаръ. Множество всѣмъ извѣстныхъ полевыхъ, огородныхъ, садовыхъ и лѣсныхъ растеній, составляющихъ основу нашего благосостоянія, появились въ Америкѣ лишь послѣ открытія Колумба. Приведемъ нѣсколько цифръ, иллюстрирующихъ сравнительную бѣдность С. Америки культурными растеніями: цѣнныхъ для человѣка плодовыхъ растеній въ Европѣ насчитывается 74, въ С. Америкѣ всего 24, хлѣбовъ здѣсь—26, тамъ только 2, корнеплодовъ въ Европѣ—21, въ С. Америкѣ 8, стручковыхъ—18 и 1, овощей—28 и 0, техническихъ—35 и 3, растеній, дающихъ жиръ—7 и 2. Изъ этого видно, какую скудную роль должна была играть флора С. Америки въ развитіи культуры, и какъ, помимо всего прочаго, культура должна была шагнуть впередъ, едва въ С. Америку были перевезены наши „домашнія“ растенія.

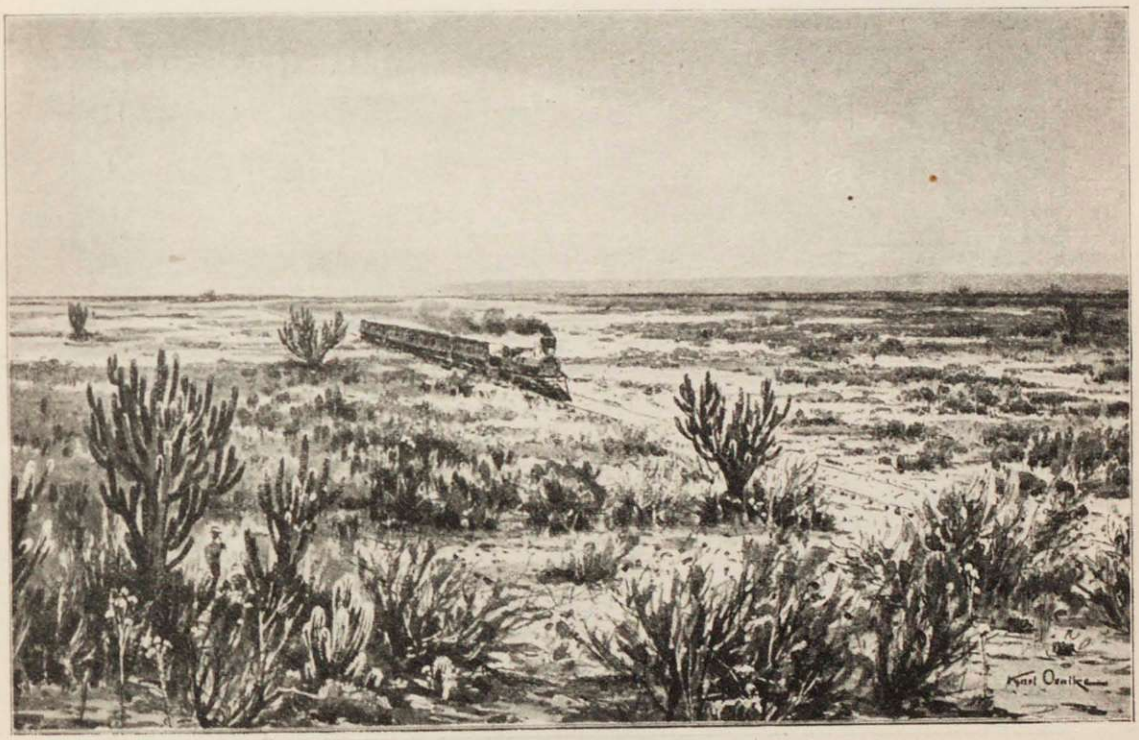
Южная Америка представляетъ въ отношеніи растительности гораздо болѣе однообразную картину; это область по преимуществу тропической флоры. Основа ея богатой растительности была заложена еще въ мѣловую эпоху; въ то время условія были, повидимому, таковы, что не мѣшали растеніямъ распространяться по всей сушѣ, остаткомъ которой является теперь Ю. Америка, особенно къ западу, за Анды, которыхъ еще не существовало въ теперешнемъ ихъ видѣ. Затѣмъ, когда Ю. Америка обособилась, поднялись постепенно Анды, установилось сообщеніе съ С. Америкой, откуда могли вторгаться представители сѣверной флоры, и всѣ условія стали приближаться къ современнымъ, флора

Тропическій лѣсъ Южной Америки

Ю. Америки начала приближаться къ настоящему своему состоянію и болѣе или менѣе обособилась въ разныхъ областяхъ въ зависимости главнымъ образомъ отъ климата; но она удержала при этомъ свой старинный тропическій характеръ.

Отличаясь по составу отъ сѣверо-американской, растительность Ю. Америки въ общемъ группируется по сходно расположеннымъ областямъ; андійская—по Андамъ и ихъ западнымъ, а на югѣ по восточнымъ склонамъ, тропическая захватываетъ громадное пространство бассейновъ Ориноко, Амазонки и Лаплаты, и антарктическая на Огненной Землѣ и въ южномъ Чили.

Самыми характерными представителями тропической области являются многочисленныя пальмы, далѣе разнообразныя ползучія и вьющіяся растенія, опутывающія деревья во всѣхъ направленіяхъ точно веревками и канатами, затѣмъ слѣдуютъ древовидные папортники, менѣе характерны бамбуки, а пандановыя отсутствуютъ совершенно. Господствующей формаціей здѣсь является, конечно, дѣвственный тропическій лѣсъ, которому подчинены

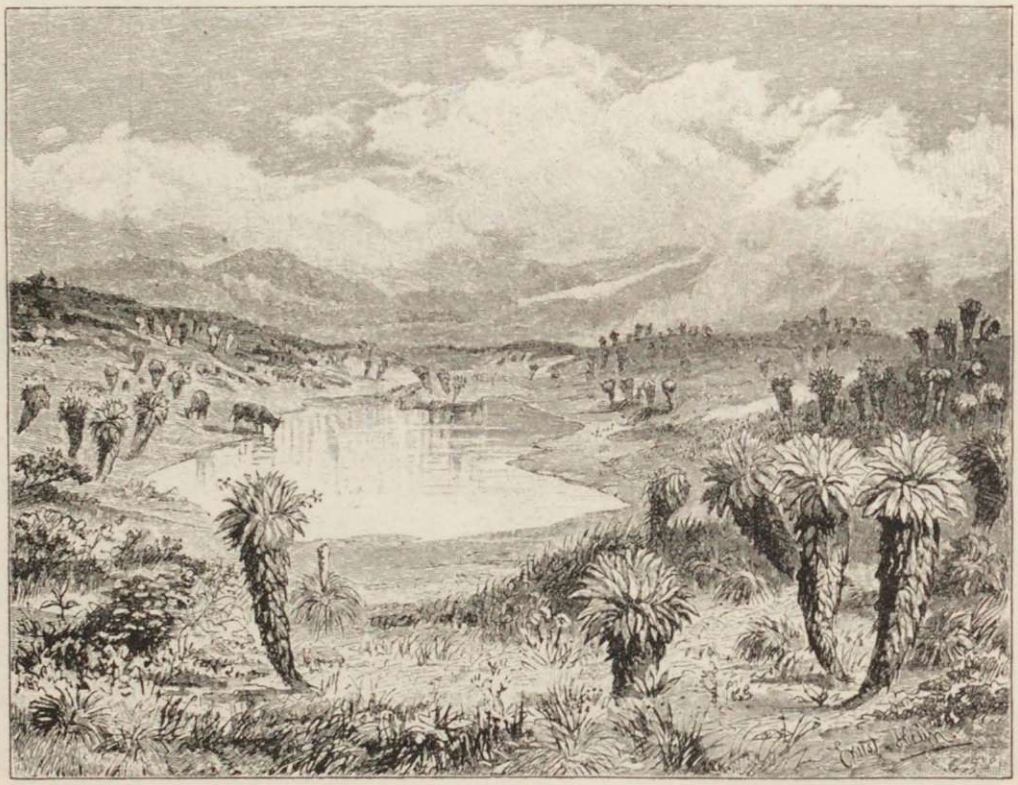


Южно американская степь.

разнаго вида травяныя пространства. Наибольшей пышности влажно-душный тропическій лѣсъ достигаетъ въ бассейнѣ Амазонки, гдѣ онъ подъ именемъ „сельвасъ“ занимаетъ безъ всякихъ промежутковъ громадное пространство всей низменности между Андами и Атлантическимъ океаномъ и отъ верхняго Ориноко до верховій Мадейры. Масса его отвѣтвляетъ отсюда во всѣ стороны отрасли, какъ бы полуострова и острова, такъ что постепенно картина мѣстности разнообразится открытыми луговыми пространствами. На склонахъ Венецуэльскихъ и Бразильскихъ горъ лѣсъ взбирается до самыхъ вершинъ, мѣняя свою физіономію, благодаря тому, что преобладаніе получаютъ не пальмы, а папортники, цинхоновые, разные эпифиты и другіе растительные виды. Чѣмъ дальше отъ этой области наибольшаго количества осадковъ, тѣмъ сильнѣе мѣняется составъ и видъ лѣса. Подчиняясь режиму смѣняющихся сухихъ и влажныхъ періодовъ, деревья, подобно нашимъ, теряютъ въ сухое время листву, что напр. имѣетъ мѣсто въ бразильскихъ лѣсахъ, назы-

ваемыхъ тамъ „каатинга“; они перестаютъ составлять лѣсъ, а ростутъ отдѣльными группами или стволами, тѣснятся къ берегамъ рѣкъ, образуя „галлерейные“ лѣса (въ льяносахъ Венецуэлы) и уступаютъ остальное пространство саваннѣ (бразильскіе „кампосъ“) и кустарниковымъ зарослямъ, которыя, наконецъ, смѣняются, какъ на сѣверѣ, такъ особенно на югѣ, влажными лугами и сухими степями. Необыкновенное разнообразіе тропическаго лѣса, зависящее отъ различія мѣстныхъ условій, вызвало у мѣстныхъ жителей множество обозначеній, которыя было бы долго перечислять.

Переходной областью между растительностью тропической и умѣренной полосы является Гранъ-Чако, лѣсисто-луговое, болотистое, а на югѣ солончаковое пространство между Андами и Параной-Парагваемъ. Въ Чако тропическіе виды отступаютъ на второй планъ и появляются растенія болѣе умѣреннаго пояса. Еще южнѣе, въ сухихъ равнинахъ



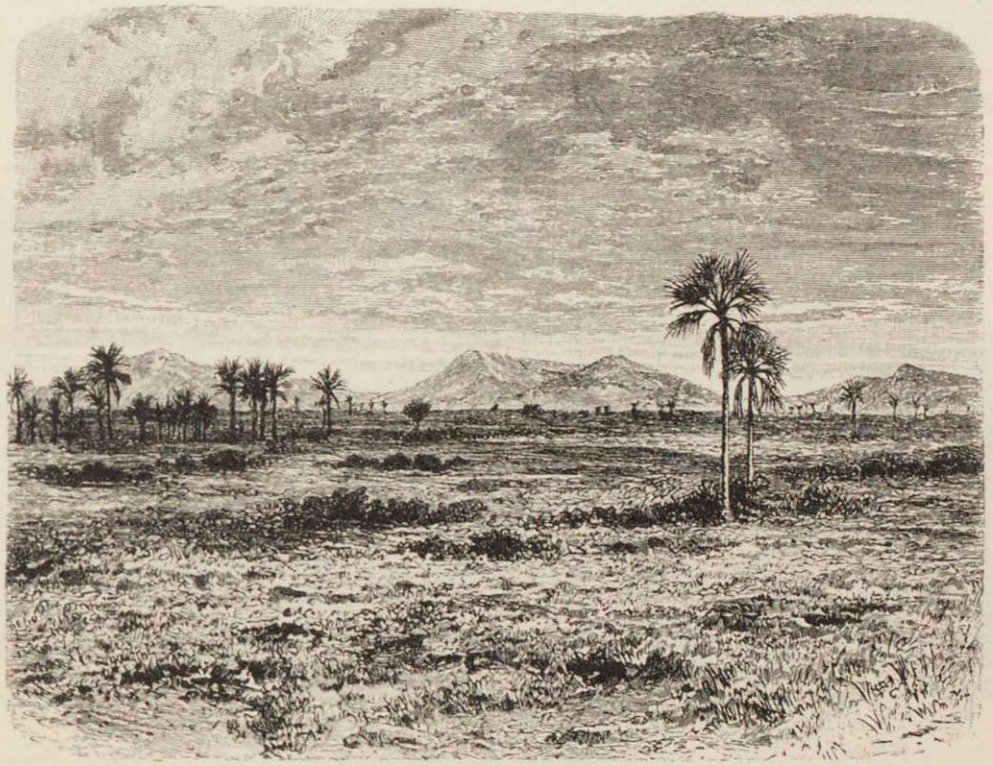
Парамо.

Аргентины развертывается степь, которая общеизвѣстна подъ именемъ „пампы“, хотя на мѣстѣ это обозначеніе относится лишь къ сравнительно небольшому участку влажной степи по обѣ стороны устьевъ Ла-Платы. Степная область не лишена совершенно тропическихъ видовъ, но они теряются въ массѣ растеній умѣреннаго пояса, среди которыхъ ботаники находятъ много сходныхъ съ австралійскими, тихо-океанскими и южно-африканскими видами.

Пампа переходитъ на западѣ и югѣ въ скудную, поросшую колючими растеніями аргентинскую степь съ характернымъ для нея растеніемъ чанаръ (Gauriaca decorticans), ростущимъ колючими пучками, съ солонцами и голыми мѣстами. Еще скуднѣе растительность покрытыхъ галешникомъ равнинъ Патагоніи, пріятный контрастъ которой составляютъ влажные лѣса Огненной Земли.

Сухая область аргентинскихъ степей перекидывается и на западный склонъ Андъ, гдѣ бѣдное осадками побережье поражаетъ своей скудной растительностью. Въ пустынѣ Атакамѣ почва до того обнажена, что кое какіе слѣды растительности можно замѣтить тамъ и сямъ на скалахъ лишь съ помощью лупы. Отъ Арики и до залива Гваякиль единственными древесными породами являются оливковое дерево, тамаринды и мимозы. Болѣе высокія области Андъ въ сѣверномъ Чили и Боливіи занимаетъ „пуна“, въ южномъ Перу „парамо“, скудныя, сухія, песчаныя равнины, покрытыя жесткими травами и кривымъ кустарникомъ.

Громадная, покрытая богатой растительностью площадь Ю. Америки, подобно Сѣверной, не создала большого количества культурныхъ растеній. Такъ же, какъ и тамъ, большинство ихъ появилось на ея почвѣ вмѣстѣ съ первыми колонистами изъ Европы,

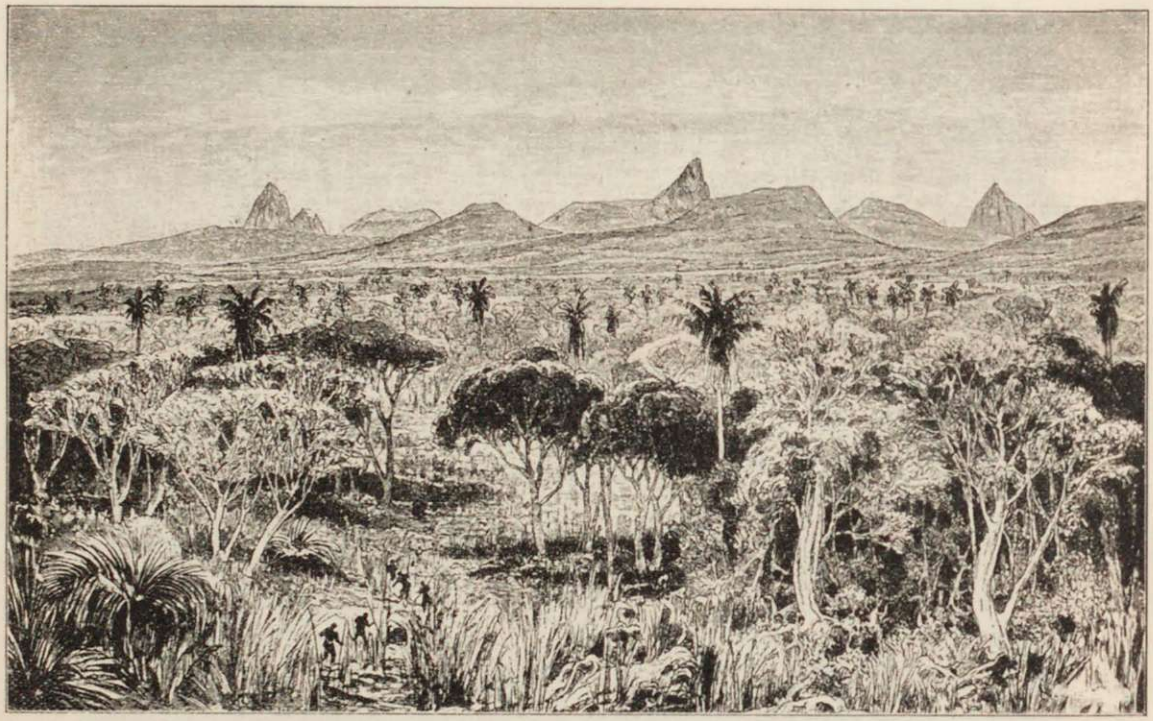


Льяносъ Венецуэлы.

дальнѣйшее процвѣтаніе которыхъ покоилось на воздѣлываніи не туземныхъ, а привезенныхъ съ собой растеній. Вся Патагонія не имѣла ни одного сколько нибудь цѣннаго культурнаго растенія. Чили является родиной картофеля, этого плохого суррогата хлѣба, ставшаго очень быстро однимъ изъ главныхъ предметовъ питанія бѣднѣйшихъ классовъ Европы. Кромѣ него имѣли значеніе еще сѣмена нѣкоторыхъ араукарій. Южная Бразилія является, повидимому, родиной важнѣйшаго питательнаго растенія Ю. Америки, маніока или юки; кромѣ того здѣсь же родина дерева, листья котораго даютъ парагвайскій чай. Въ каатинговыхъ лѣсахъ Бразиліи, на Амазонкѣ, вообще въ лѣсной области, питательныя сѣмена и плоды доставляютъ, главнымъ образомъ, пальмы (напр. восковая), затѣмъ пищей здѣсь служили земляной орѣхъ, корень ямса, бататъ, испанскій перецъ, ваниль, а въ Гвіанѣ и далѣе на сѣверѣ какао. На плоскогоріяхъ Перу и Боливіи жители сажали бобы, разводили на поляхъ маисъ, ячмень квиноа, оку, изъ плодовъ—томаты, ананасъ и чери-

мою (Anona Cherimoya). Многія растенія обнаружили свою цѣнность лишь при появленіи европейцевъ и то не сразу. Къ числу такихъ надо отнести разныя породы, дающія каучукъ, цѣнные сорта подѣлочнаго дерева, какъ махагонія, кебрехо, цвѣтныя деревья, наконецъ медицинскія растенія, въ числѣ которыхъ на первомъ мѣстѣ стоятъ хинныя деревья, сассапариль, ипекакуана, кока.

Наибольшимъ количествомъ полезныхъ растеній обладало побережье Караибскаго моря и Вестъ-Индскіе о-ва. Здѣсь, кромѣ маиса, банановъ и кокосовой пальмы, испанцы застали въ качествѣ воздѣлываемыхъ растеній хлопчатникъ, индиго, табакъ, дынное дерево (Carica Papaya), агаву, сокъ которой даетъ опьяняющее „пульке“, и многія другія растенія. Является ли Ю. Америка для нѣкоторыхъ изъ этихъ растеній, какъ, напр. для банана, кокосовой пальмы, родиной или нѣтъ, остается спорнымъ.



Льяносы.

Большее богатство полезными растеніями вмѣстѣ съ другими благопріятными условіями легко объясняетъ, почему прилегавшія къ Караибскому морю части обѣихъ Америкъ оказались къ моменту появленія европейцевъ не только заселенными гуще, чѣмъ все остальное пространство, но и почему населеніе этихъ мѣстъ достигло наибольшихъ культурныхъ успѣховъ.

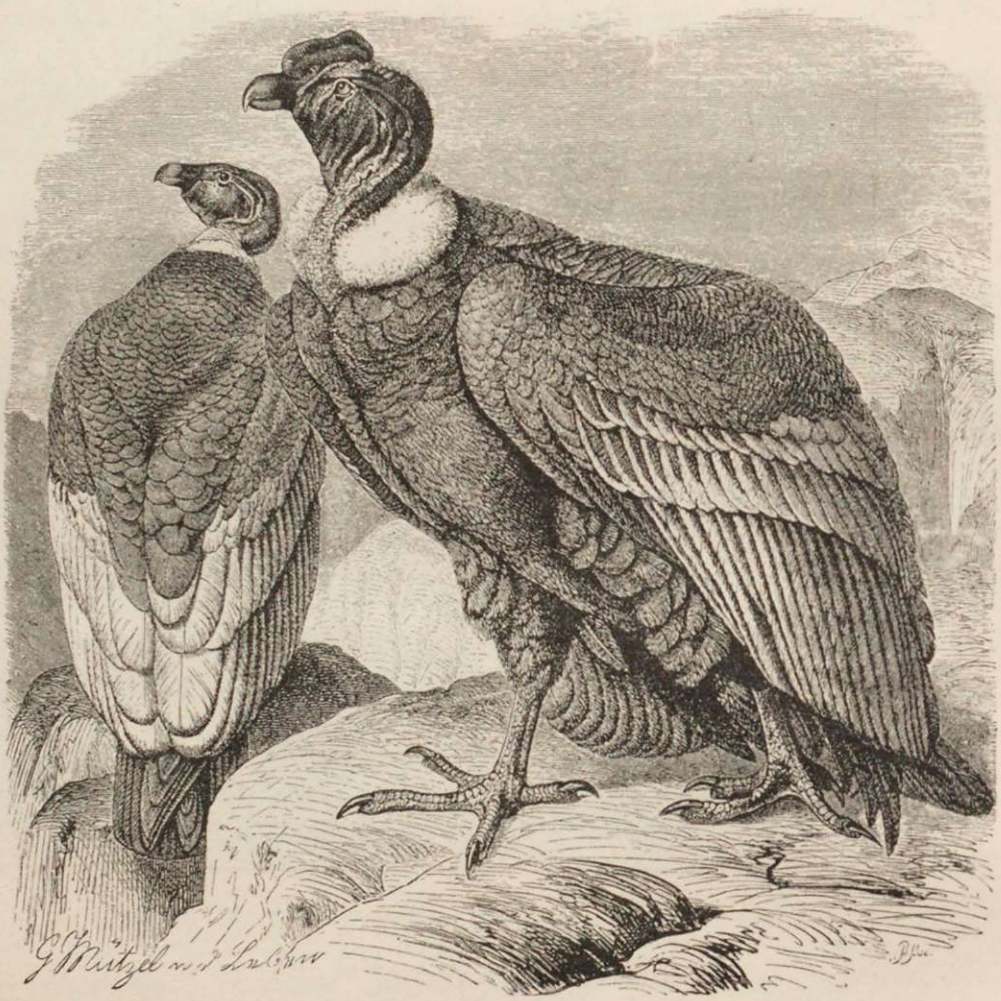
Животный міръ Новаго Свѣта, особенно въ лицѣ высшихъ, лучше изученныхъ представителей обнаруживаетъ не мало различій по сравненію со Старымъ Свѣтомъ. Составъ американской фауны опредѣляется тѣми же причинами, отъ которыхъ зависѣло развитіе и распространеніе растеній. Не станемъ перечислять ихъ вновь, укажемъ только, что по отношенію къ животнымъ, которыя, въ противоположность растеніямъ, не привязаны къ почвѣ, разныя измѣненія въ формѣ и очертаніи материковъ, какъ, напр. установленіе и

прекращеніе связи съ Европой и съ Азіей, соединеніе обѣихъ Америкъ въ одинъ материкъ, измѣненія въ рельефѣ, въ климатѣ, въ растительномъ мирѣ, отражались значительно быстрѣе. Такъ, съ одной стороны способность животныхъ передвигаться, меридіональное расположеніе горныхъ цѣпей и равнинъ, съ другой, способствовали въ Америки болѣе широкому распространенію видовъ и смѣшенію фаунъ. Животный міръ С. Америки обнаруживаетъ настолько большое сходство съ фауной Евразіи, какъ въ настоящее время такъ, судя по ископаемымъ остаткамъ, и въ прошломъ, что общность происхожденія большинства крупныхъ животныхъ обоихъ материковъ представляется несомнѣнной. Несомнѣнно также, что С. Америка населилась этими представителями изъ Стараго Свѣта, а не наоборотъ. Однако, не одинъ Старый Свѣтъ является первоначальной родиной

Овцебыкъ.

с.-американской фауны: южная половина ея изобилуетъ видами, переселившимися сюда послѣ того, какъ между обѣими Америками установилось сперва болѣе широкое, затѣмъ нѣсколько сузившееся сообщеніе. Переселеніе южно-американскихъ животныхъ на сѣверъ происходило еще въ третичную эпоху. Въ это же время или нѣсколько позже сюда проникаютъ представители фауны Стараго Свѣта. Ледниковый періодъ явился затѣмъ причиной гибели многихъ тропическихъ видовъ; немногіе изъ нихъ успѣли отступить въ южную половину С. Америки, гдѣ одни современемъ вымерли, а другіе вошли въ составъ ея смѣшанной фауны. Наконецъ здѣсь не мало животныхъ, родину которыхъ нельзя пока искать ни въ Европѣ, ни въ Ю. Америкѣ. По всей вѣроятности они мѣстнаго происхожденія.

Ю. Америка въ фаунистическомъ отношеніи столь же самобытна, какъ мы то видѣли по отношенію къ флорѣ. По сравненію съ фауной Стараго Свѣта фауна ея является отсталой, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ австралійская, такъ какъ Ю. Америка долгое время оставалась обособленной отъ остальныхъ частей свѣта. Съ момента установленія связи съ С. Америкой переселеніе животныхъ съ юга на сѣверъ происходило усиленнѣе, чѣмъ въ обратномъ направленіи, благодаря чему животный миръ Центральной Америки и юго-восточной части Штатовъ явно носитъ южно-американскій отпечатокъ. Къ числу такихъ тропическихъ животныхъ принадлежатъ обезьяны, распространяющіяся до сѣвернаго тропика, аллигаторъ, армадилъ и мексиканскій муравьѣдъ.



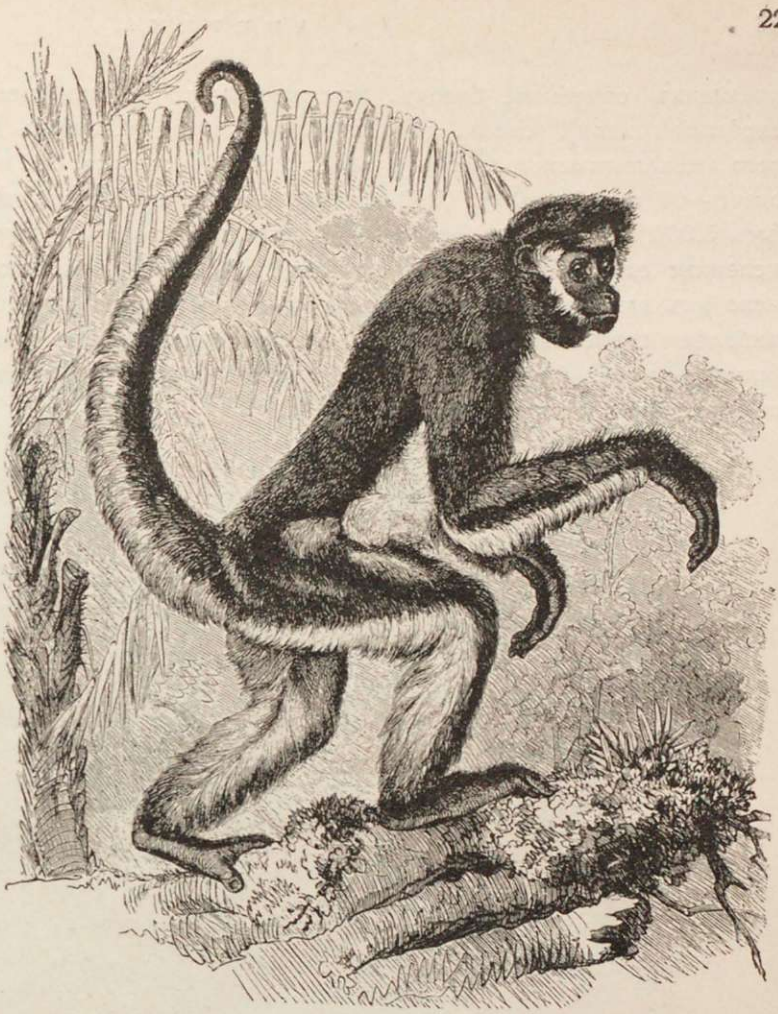
Кондоръ.

Антильскіе острова представляютъ особую область, примыкающую къ южно-американской. Какъ вездѣ на островахъ, фауна ихъ представляется обѣднѣвшей: млекопитающіе представлены почти исключительно грызунами, насѣкомоядными и летучими мышами; обезьяны, хищныя и неполнозубыя отсутствуютъ.

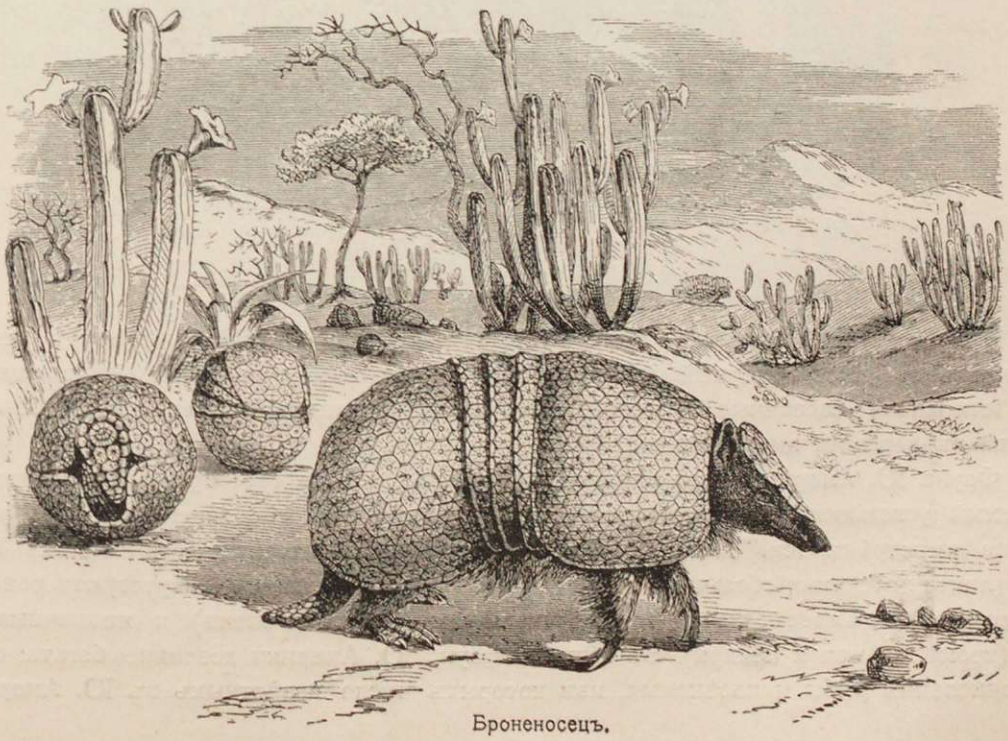
Всю фауну Новаго Свѣта ученые раздѣляютъ на два царства: 1) ново-бореальное захватываетъ, начиная съ сѣвера, большую часть С. Америки и распадается, подобно флорѣ, на области (аппалачская, канадская, калифорнская, область Скалистыхъ

горъ), и 2) нео-тропическое, которое распространяется на всю Южную и Центральную Америку, на Антильскіе острова и даже на южную треть С. Америки, господство надъ которой нео-тропическое царство раздѣляетъ съ ново-бореальнымъ. Нео-тропическое царство также раздѣляется на области (тропическая, андійская, область пампы, и двѣ переходныхъ — антильская и центрально-американская). Само собой понятно, что области не имѣютъ точно опредѣленныхъ, установленныхъ границъ, тѣмъ болѣе, что вообще фауна Новаго Свѣта еще слабо изучена.

Наиболѣе видными представителями ново-бореальнаго царства являются изъ крупныхъ млеко-



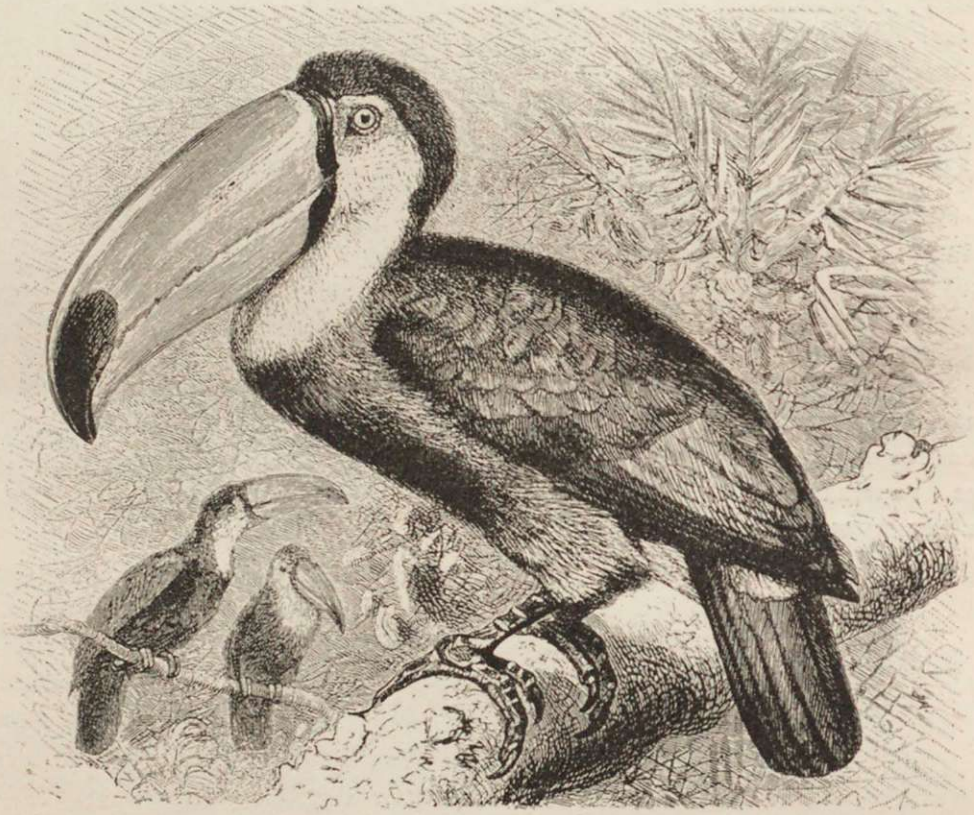
Цѣпкохвостая обезьяна.



Броненосецъ.

*

питающихъ овцебыкъ, бизонъ, довольно много видовъ медвѣдей (наиболѣе извѣстенъ свирѣпый гризли), олени, лось, довольно много грызуновъ (бобръ), россомаха, вонючка; всего млекопитающихъ насчитывается 26 семействъ съ 330 видами. Птицы представлены богаче—60 семействъ съ 1062 видами, еще богаче фауна рыбъ—223 семейства съ болѣе, чѣмъ 3,000 видовъ. Безпозвоночныя еще недостаточно изучены и должны быть многочисленны: однихъ насѣкомыхъ извѣстно 30.000 видовъ, но предполагаютъ, что общее число ихъ вдвое больше. Изъ представителей нео-тропическаго царства въ С. Америкѣ наиболѣе извѣстными являются, кромѣ упомянутыхъ выше (обезьяны, алигаторы, армадилъ, муравьѣдъ), еще ягуаръ, оцелотъ, пума, опоссумъ, затѣмъ попугаи и колибри, гремучая змѣя и многіе другіе.



Туканъ.

Что касается домашнихъ животныхъ, то таковыхъ во всей С. Америкѣ не нашли: ни бизонъ, ни даже сѣверный олень не были приручены туземцами. Всѣ домашнія или такъ или иначе связанные съ хозяйствомъ человѣка животныя явились въ С. Америку вмѣстѣ съ первыми эмигрантами.

Фауна Ю. Америки, какъ было указано выше, носитъ своеобразный характеръ, объясняемый условіями ея происхожденія. Ей свойственны многія животныя, которыя нигдѣ больше не встрѣчаются. Такихъ среди млекопитающихъ насчитываютъ цѣлыхъ 8 семействъ (ламы, хвостатыя обезьяны, лѣнивцы, муравьѣды, сумчатыя). Отсутсвуютъ совершенно насѣкомоядныя, виверы, почти всѣ жвачныя (кромѣ ламъ и оленя) и нежвачныя копытныя (кромѣ тапира и пекари). Въ общемъ, фауна Ю. Америки довольно богата; особенно многочисленны рыбы и насѣкомыя, изъ которыхъ число извѣстныхъ въ Ю. Америкѣ ви-

довъ составляютъ половину общаго числа, извѣстнаго для всего земного шара. Виднѣйшіе представители различныхъ классовъ настолько извѣстны, что было бы излишне перечислять ихъ. Какъ лѣсныя пространства, такъ саванны и степи имѣютъ достаточно многочисленное населеніе, чтобы прокормить охотничьи туземныя племена. Тѣмъ не менѣе, какъ и въ С. Америкѣ, среди животныхъ нео-тропической области нашлось мало такихъ, которыя могли бы быть одомашены и явиться, такимъ образомъ, основой, на которой воз-

Гуанако.

никли бы столь же сложныя системы хозяйствъ, какія мы застаемъ въ Старомъ Свѣтѣ уже въ глубокой древности. Земледѣльцы Новаго Свѣта не имѣли себѣ помощниковъ въ лицѣ рабочаго скота и зависѣли въ этомъ случаѣ исключительно отъ силы собственныхъ рукъ. Единственнымъ сколько нибудь цѣннымъ домашнимъ животнымъ являлась лама (два вида изъ четырехъ), но ею пользовались, какъ грузовымъ животнымъ, питались ея мясомъ, употребляли шерсть ея для выдѣлки тканей; для полевыхъ работъ животное не годилось.

Населеніе.

Когда европейцы впервые ступили на американскую почву, они нашли страну заселенной племенами, у которыхъ цвѣтъ кожи, черты лица, строеніе тѣла, нравы и обычаи, степень достигнутой ими культуры были различны въ томъ или другомъ отношеніи, но которые въ общемъ нимало не походили на всѣ извѣстные въ то время народы и внѣ всякаго сомнѣнія принадлежали къ какой-то невѣдомой до того расѣ. Кто были эти обитатели Новаго Свѣта? Откуда они пришли? Являлись ли они такими же потомками библейскихъ праотцевъ, какими считали себя люди Стараго Свѣта? Если такъ, то какимъ образомъ попали они сюда?

Подобные вопросы задавали себѣ еще первые изслѣдователи Америки, ими занималось впослѣдствіи множество ученыхъ, и тѣмъ не менѣе загадка далека отъ вполнѣ удовлетворительнаго рѣшенія. Гипотезъ и теорій на этотъ счетъ немало, въ томъ числѣ много въ высшей степени нелѣпыхъ или фантастичныхъ, возникновеніе которыхъ объясняется тѣмъ, что еще и теперь встрѣчаются изслѣдователи, не могущіе отрѣшиться въ вопросѣ о происхожденіи человѣка отъ привычныхъ мнѣній. Сколько было потрачено самаго кропотливаго труда, остроумія и знанія на разныя фантазіи, согласно которымъ американцы являются потомками то финикійцевъ, то египтянъ или грековъ, троянцевъ, скитавшихся по морямъ послѣ гибели своего города! Сколько въ Америкѣ было открыто якобы древнихъ финикійскихъ, египетскихъ и греческихъ надписей! Еще съ большею страстностью доказывалось, что краснокожіе несомнѣннѣйшіе потомки десяти израильскихъ колѣнъ, которыхъ, помимо Америки, находили во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только приходилось сталкиваться съ какой нибудь новой, загадочной по своему происхожденію народностью. Даже и теперь еще появляются сочиненія, стремящіяся во что бы то ни стало доказать, что родоначальниками американской культуры являются никто иные, какъ китайцы, переброшенные вѣтромъ и морскою волною за океанъ.

Если отстранить всѣ подобныя измышленія и поставить вопросъ на чисто научную почву, то и въ этомъ случаѣ мы не въ состояніи еще отвѣтить на него рѣшительно и безъ колебаній. Широкимъ распространеніемъ въ наукѣ пользуется еще пока теорія, которая причисляетъ американское племя къ монголовиднымъ и объясняетъ появленіе ихъ переселеніями изъ Азіи, которыя происходили въ томъ мѣстѣ, гдѣ оба материка почти соприкасаются, именно черезъ Беринговъ проливъ. Сторонниками этой теоріи являются главнымъ образомъ ученые, которые настойчиво утверждаютъ единство происхожденія человѣка. Такъ Геккель представляетъ себѣ заселеніе Новаго Свѣта въ видѣ переселенія черезъ Беринговъ проливъ одного изъ сѣверно-азіатскихъ племенъ, отъ котораго въ одну сторону отвѣтвились эскимосы, а въ другую предки нынѣшнихъ туземцевъ Америки. Они распространились сперва по сѣверной Америкѣ, проникли затѣмъ черезъ перешеекъ въ Южную и заселили ее до крайней оконечности. Сторонники этой теоріи не прочь согласиться, что, кромѣ „монгольскаго нашествія“ съ сѣвера, тихоокеанское побережье Америки могло быть заселено и со стороны Тихаго океана полинезійцами, тѣмъ болѣе, что съ одной стороны полинезійцы, какъ вообще малайцы, не стѣсняются морскими разстояніями, такъ что о. св. Пасхи вовсе не является крайнимъ аванпостомъ ихъ передвиженій на востокъ, а съ другой стороны въ Ю. Америкѣ все чаще и чаще находятъ предметы (оружіе) несомнѣнно полинезійскаго издѣлія. Тѣ ученые, по мнѣнію которыхъ человѣчество вовсе не произошло обязательно отъ одной пары, а развилось въ разныхъ мѣстахъ земного шара самостоятельно отъ разныхъ, родственно близкихъ видовъ, допускаютъ, что Новый Свѣтъ является мѣстомъ подобнаго самостоятельнаго возникновенія расы. Правда, въ Новомъ Свѣтѣ нѣтъ узконосыхъ, человѣкообразныхъ обезьянъ. Послѣднее обстоятельство

считается сторонниками азіатскаго происхожденія американцевъ весьма сильнымъ оружіемъ противъ защитниковъ самобытности американской расы, между тѣмъ какъ эти послѣдніе черпаютъ доказательства въ пользу своихъ взглядовъ въ многочисленныхъ находкахъ доисторическаго человѣка, сдѣланныхъ въ разныхъ мѣстахъ Америки, и на основаніи которыхъ можно утверждать, что человѣкъ, если не появился, то по крайней мѣрѣ обиталъ въ Америкѣ въ очень раннюю эпоху, можетъ быть даже раньше чѣмъ въ Старомъ Свѣтѣ. Остатки доисторическаго человѣка въ Америкѣ настолько древни, что, можно сказать, совершенно устраняютъ необходимость въ теоріи, которая производитъ американскую расу отъ монгольской, путемъ переселенія послѣдней изъ Азіи, или, правильнѣе, не устраняетъ, а сильно урѣзываетъ ее, такъ какъ совершенно отрицать племенное родство и культурную связь обитателей сѣверо-восточной Азіи и сѣверо-западной Америки было бы невозможно.

Несомнѣнные остатки первобытнаго человѣка въ видѣ костей, грубыхъ орудій и утвари были открыты сперва въ С. Америкѣ въ области Скалистыхъ горъ, въ Уайомингѣ, въ Колорадо, особенно въ Калифорніи, при работахъ по добычѣ золота у подножій Сьерра Невады и во многихъ другихъ частяхъ Соединенныхъ Штатовъ. Затѣмъ послѣдовали находки въ Центральной и Южной Америкѣ, изъ которыхъ явствовало, что весь Новый Свѣтъ имѣлъ человѣческихъ обитателей въ незапамятно давнія времена. Особенный интересъ представляютъ мѣста, гдѣ человѣческіе костяки и издѣлія его рукъ встрѣчаются вмѣстѣ съ костями совершенно вымершихъ животныхъ. Такъ напр. въ штатѣ Миссури въ обрывахъ рѣки Бурбезъ д-ръ Кохъ открылъ скелетъ мамонта въ такомъ положеніи, которое указывало, что животное попало въ болото, завязло въ немъ и упало на правый бокъ; въ этомъ безпомощномъ состояніи мамонтъ подвергся нападенію цѣлой человѣческой орды, которая метала въ него камни и разныя орудія издали, о чемъ можно заключить изъ того, что орудія, напр. каменныя наконечники, залегали не только кругомъ скелета, но находились внутри его среди костей. Въ нѣкоторомъ разстояніи отсюда тотъ же изслѣдователь открылъ скелетъ мастодонта съ наконечникомъ стрѣлы изъ розоваго кремня, торчавшимъ въ плечевой кости. Черепа и другія кости, найденныя въ различныхъ очень древнихъ отложеніяхъ, какъ напр. черепъ изъ Калаверасъ, изъ Рокъ-Блефа въ Иллинойсѣ, особенно калифорнскія находки съ несомнѣнностью доказываютъ, что въ Америкѣ человѣкъ былъ современникомъ мастодонта, вымершихъ носороговъ, львовъ, дикой собаки и любопытной многопалой лошади (Hipparion), которые, въ противоположность ему, не оставили по себѣ наслѣдниковъ Въ 1887 г. Крессонъ открылъ въ наносныхъ отложеніяхъ въ штатѣ Делаваръ доисторическія свайныя постройки. За находками остатковъ человѣка въ С. Америкѣ послѣдовали находки въ Центральной и Южной Америкѣ. Особенное любопытство возбудило открытіе слѣдовъ человѣка и какого-то похожаго на собаку животнаго, которые сохранились въ туфѣ потухшаго вулкана Тицкана въ Никарагвѣ. Наслоенія, прикрывающія этотъ туфъ, указываютъ на глубокую древность его образованія. Сегэнъ, Лундъ, Амегино и другіе ученые доказали существованіе доисторическаго человѣка и въ Ю. Америкѣ. Здѣсь костяки его и разныя орудія изъ кремня и кости залегаютъ съ костями какъ нынѣ живущихъ видовъ животныхъ, такъ и угасшихъ, среди которыхъ особенно любопытны глиптодонты, громадные звѣри, представлявшіе нѣчто среднее между сумчатыми и черепахами, прикрытые колоколообразными щитами такой величины, что свободно могли бы служить жилищемъ человѣку.

Всѣ эти находки отодвигаютъ время появленія человѣка въ Америкѣ въ глубочайшую древность. Онъ несомнѣнно жилъ здѣсь въ ледниковую эпоху, какъ въ серединѣ, такъ и въ концѣ ея. Нѣкоторые изслѣдователи рѣшаются даже утверждать, что человѣкъ жилъ въ Америкѣ уже въ концѣ третичной и во всякомъ случаѣ въ началѣ четвертичной эпохи. Такъ это или нѣтъ, пока еще трудно рѣшить безспорно, несомнѣнно только

одно, именно что древностью своей генеалогіи американецъ не только не уступаетъ европейцу, но, по всей вѣроятности, даже превосходитъ его.

Если, при изученіи сохранившихся остатковъ первобытнаго человѣка Новаго Свѣта, мы зададимся вопросомъ, не отличаются ли пути культурнаго развитія доисторическаго человѣка въ Америкѣ отъ того, что извѣстно для человѣка Европы, то на этотъ вопросъ придется отвѣтить отрицательно. И здѣсь долгій, тяжелый путь свой человѣчество прошло по тому же этапу, какъ и въ Старомъ Свѣтѣ, съ тою однако разницею, что въ Америкѣ его развитіе оказалось замедленнымъ въ послѣднія тысячелѣтія.

Выше было уже указано на открытыя въ Делаварѣ остатки свайныхъ поселеній. Извѣстно, что такія озерныя поселенія были впервые открыты на швейцарскихъ озерахъ. Болѣе древними остатками являются такъ называемыя „кухонныя кучи", первое открытіе которыхъ было сдѣлано въ Европѣ на берегахъ Даніи. Эти кучи представляютъ груды раковинъ, внѣшность которыхъ доказываетъ, что прежде, чѣмъ раковина очутилась въ кучѣ, она побывала въ рукахъ человѣка, который при помощи огня или кремневаго ножа вылущилъ изъ нея моллюска. Въ кучахъ всегда встрѣчаются поломанныя или утерянныя орудія. Въ Америкѣ кухонныя кучи открыты во множествѣ мѣстъ побережья: въ Калифорніи, на о. Ванкуверѣ, на Ньюфаундлэндѣ, въ Мэнѣ, Массачузетсѣ, Георгіи, во Флоридѣ, Алабамѣ и Луизіанѣ, далѣе по берегамъ Гвіаны, Бразиліи, Уругвая, Аргентины. По размѣрамъ они далеко превосходятъ европейскія и принадлежатъ глубокой древности. Различіе ихъ отъ европейскихъ заключается, между прочимъ, въ томъ, что напр. въ Бразиліи, гдѣ ихъ называютъ „самбакви", эти кучи являются вмѣстѣ съ тѣмъ могильниками. Въ нихъ встрѣчаются въ сидячемъ положеніи скелеты погребенныхъ, окруженные различными предметами, какіе обычно кладутся съ покойникомъ, какъ то кремневыя орудія, утварь и между прочимъ, комки охры, совершенно такіе, какими современные туземцы пользуются для раскрашиванія своего тѣла или посуды. Что касается древности этихъ кучъ, то по сравненіи съ указанными выше находками онѣ значительно новѣе, такъ какъ въ американскихъ кухонныхъ кучахъ не открыто костей вымершихъ видовъ животныхъ, которыя неизбѣжно находились бы въ нихъ, если бы сложившія ихъ поколѣнія жили въ одно время съ угасшими нынѣ звѣрями. Слѣдующимъ моментомъ въ развитіи культуры древнихъ туземныхъ обитателей Америки является періодъ, когда они, подобно своимъ европейскимъ собратьямъ, сооружали курганы, такъ называемые mounds. Американскіе курганы, подобно кухоннымъ кучамъ, во многомъ превосходятъ европейскіе, какъ по величинѣ и выполненію, такъ и по разнообразію цѣлей, съ какими они сооружались. Курганы извѣстны какъ въ Ю. Америкѣ, такъ и въ Сѣверной, причемъ курганы послѣдней именно и поражаютъ изслѣдователей своимъ видомъ. Въ С. Америкѣ курганы отсутствуютъ вдоль атлантическаго побережья. Они встрѣчаются въ плодородной полосѣ, простирающейся съ сѣвера на югъ отъ береговъ озера Мичигана черезъ штаты Висконсинъ, Иллинойсъ, Айова, Огайо, Кентукки, Теннесси, Миссури, Арканзасъ, Техасъ, Луизіана, Алабама, Георгія и Флорида до береговъ Мексиканскаго залива, въ мѣстностяхъ, представляющихъ наибольшія удобства для поселенія земледѣльцевъ, къ каковымъ несомнѣнно принадлежали ихъ строители. Число ихъ необычайно велико, такъ напр, въ одномъ штатѣ Огайо насчитываютъ не менѣе 13.000 кургановъ. Если принять въ разсчетъ размѣры многихъ изъ нихъ, то нельзя будетъ не признать, что сооружавшія ихъ племена должны были пользоваться довольно высокой культурой. Одни курганы представляютъ несомнѣнно укрѣпленія, зачатки городовъ, такъ сказать кремли, которымъ не суждено было первратиться въ города по причинамъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Другіе служили для разныхъ религіозныхъ цѣлей, какъ напр. въ качествѣ алтарей или храмовъ или мѣстомъ для религіозныхъ сборищъ. Многіе представляютъ могильники, нѣкоторые насыпались просто для того, чтобы служить среди ровной степи дозорнымъ пунктомъ наподобіе того, какъ это практиковалось въ южной Россіи въ эпоху набѣговъ крымскихъ татаръ.

Самыми загадочными являются наиболѣе интересные, именно курганы, которые представляютъ въ планѣ изображенія различныхъ животныхъ, почему ихъ называютъ „символическими“. Наибольшее число ихъ находится въ Висконсинѣ. Это какъ бы громадные барельефы, вылѣпленные на поверхности степи съ помощью насыпанной земли и уложенныхъ рядами и грудами камней, съ цѣлью создать изображеніе какой нибудь фигуры. Тутъ можно встрѣтить фигуры людей, ящерицъ, черепахъ, змѣй, рыбъ, птицъ, бизона, медвѣдя, выдры, волка, оленя, пантеры и т. п. Любопытно, что одинъ курганъ въ Висконсинѣ насыпанъ въ видѣ слона или мамонта, современниками которыхъ строители кургановъ врядъ ли могли быть. Самый замѣчательный изъ такихъ кургановъ находится въ графствѣ Эдемсъ въ штатѣ Огайо; онъ имѣетъ въ длину около трети версты и изображаетъ извивающуюся змѣю, которая свила хвостъ спиральными кольцами и, раскрывъ широко пасть, готовится поглотить большой овалъ въ видѣ яйца.

Какое значеніе имѣли эти сооруженія? Являлись ли они „тотемами“, такъ сказать гербами вождей, или же сооружавшіе ихъ племена поклонялись животнымъ, на этотъ счетъ ничего неизвѣстно. Существуютъ предположенія, что змѣя играла выдающуюся роль въ религіозныхъ воззрѣніяхъ древнихъ американцевъ, такъ какъ почитаніе ея въ связи съ культомъ солнца наблюдается почти на всемъ материкѣ. Во всякомъ случаѣ, побужденія, которыя заставляли строителей воздвигать такія мощныя памятники, были достаточно серьезны и, по всей вѣроятности, вытекали изъ религіозныхъ воззрѣній. Далѣе несомнѣнно, что „строители холмовъ“ (moundbuilders) стояли довольно высоко въ культурномъ отношеніи. Объ этомъ свидѣтельствуютъ, помимо прочаго, находки, сдѣланныя въ курганахъ, особенно гончарныя издѣлія, носящія на себѣ печать извѣстнаго совершенства и изящества. Наибольшій интересъ представляютъ сосуды въ видѣ человѣческихъ фигуръ и головъ особенно потому, что нанесенный на нихъ орнаментъ позволяетъ догадываться, какъ расписывали и татуировали себя древніе американцы. Фигуры въ видѣ животныхъ изображаютъ большею частью птицъ и пресмыкающихся. Еще больше изящества проявляли „строители холмовъ“ въ отдѣлкѣ своихъ трубокъ, представляющихъ самыя разнообразныя фигуры; кажется нѣтъ животнаго, которое не фигурировало бы въ видѣ трубки. Особенно поражаетъ одна трубка, представляющая несомнѣнно мастодонта. Разнообразные, откопанные въ холмахъ предметы, служившіе для украшенія, свидѣтельствуютъ о томъ, что „строители“ достигли значительныхъ успѣховъ въ области искусства (орнаментъ и скульптура). Оружіе ихъ представляетъ тѣ же типы, какіе испанцы нашли въ употребленіи у мексиканцевъ, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что кромѣ каменныхъ и костяныхъ издѣлій въ курганахъ были найдены многочисленные предметы изъ мѣди которые, судя по всему, приготовлялись не путемъ выплавки металла изъ руды, а холоднымъ способомъ ковки. Обстоятельство это представлялось загадочнымъ, такъ какъ казалось непонятнымъ, какъ получался чистый металлъ, пока въ окрестностяхъ Верхняго озера не были открыты залежи самородной мѣди, которыя, судя по остаткамъ подземныхъ галлерей, разрабатывались уже въ глубокой древности. Кромѣ добычи и обработки металловъ, „строители“ несомнѣнно занимались земледѣліемъ и вели торговыя сношенія. Это видно изъ того, что на пространствѣ, гдѣ разсѣяны курганы, встрѣчаются остатки плотинъ, служившихъ для цѣлей орошенія. Затѣмъ среди находокъ встрѣчаются предметы изъ обсидіана и изъ твердаго зеленаго сланца, которые могли попасть сюда только путемъ торговли, такъ какъ указанныя породы не залегаютъ въ той области. Наконецъ, „строители“ обладали нѣкоторымъ исскуствомъ въ области судоходства, такъ какъ раскопки выяснили, что они плавали черезъ очень бурное Верхнее озеро на островъ Рояль за мѣдью. Тѣмъ удивительнѣе, что при извѣстной высотѣ культуры „строители“ не оставили никакихъ письменныхъ памятниковъ, которые повѣдали бы намъ ихъ прошлое, ихъ религіозныя вѣрованія, общественный и политическій строй, нравы и обычаи. Обо всемъ

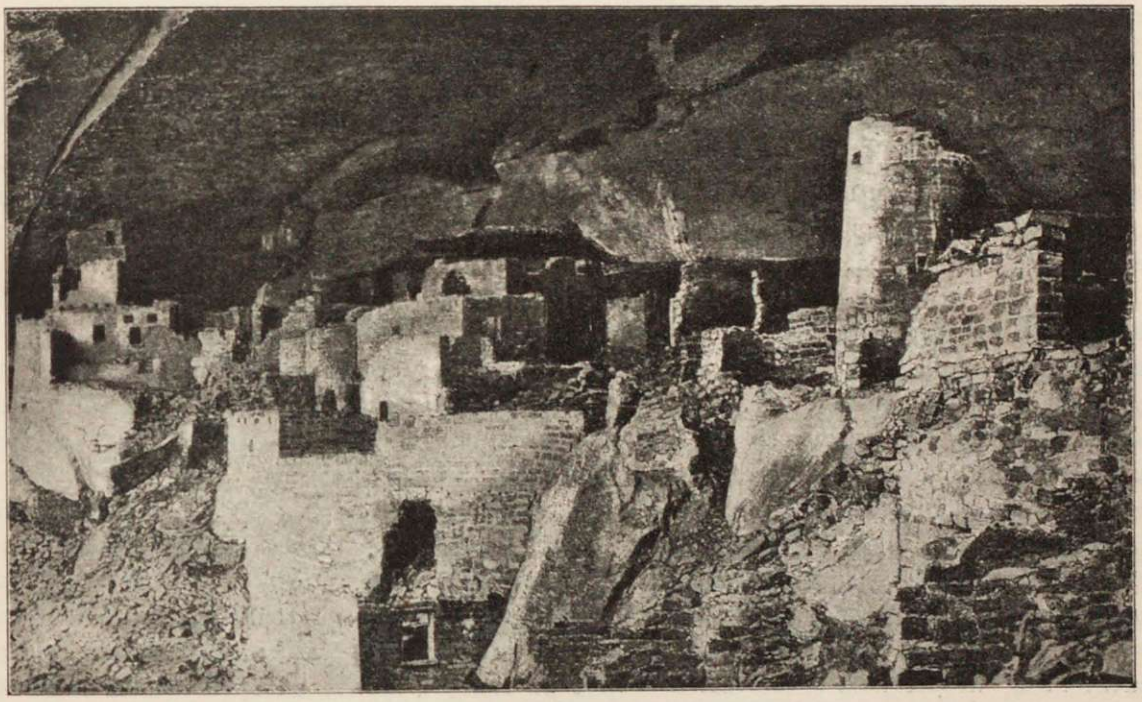
этомъ можно строить лишь туманныя догадки, и ни одно изъ предположеній не представляетъ пока ничего положительно достовѣрнаго. Новѣйшіе изслѣдователи склонны думать, что „строители“ были предки нынѣшнихъ туземцевъ, что они, такъ же, какъ эти, были разбиты на многочисленныя племена, которыя составляли какъ бы громадный союзъ наподобіе того союза различныхъ канадскихъ племенъ (гуроны, віандоты, тускарора и др. ирокезскія племена), съ которымъ пришлось вступить въ борьбу первымъ колонистамъ. Мнѣніе это тѣмъ вѣроятнѣе, что уцѣлѣвшіе туземные обитатели этихъ пространствъ хранятъ въ своей памяти обрывки преданій, согласно которымъ къ югу отъ Великихъ озеръ обиталъ многолюдный, трудолюбивый народъ, съ которымъ сѣверныя племена вступили въ борьбу и который они въ концѣ концовъ уничтожили. „Строители“ не оставили по себѣ развалинъ городовъ, если не считать таковыми нѣкоторые курганы, потому-что они не жили въ городахъ.

Но далѣе къ западу, въ штатахъ Юта, Колорадо, въ Новой Мексинѣ и Аризонѣ были открыты не только развалины укрѣпленныхъ поселеній, но даже остатки цѣлыхъ городовъ, грандіозныя остатки которыхъ можно въ извѣстной мѣрѣ сравнивать съ развалинами древнѣйшихъ городовъ Месопотаміи. Изслѣдователей особенно поразило при этомъ, что эти разрушенные древніе города разсѣяны по мѣстности, которая отличается необычайной сухостью, вслѣдствіе чего пейзажъ представляетъ почти пустыню съ самой скудной растительностью и очень бѣдной фауной. Испанцы, проникшіе сюда впервые, назвали эти поселенія, нѣкоторыя изъ которыхъ оказались еще населенными, pueblos, т. е. селенія, города. Пуеблосъ эти представляютъ нѣчто въ высшей степени оригинальное. Это не городъ съ улицами и отдѣльными постройками, сгруппированными въ кварталы, съ высокими стѣнами кругомъ, какимъ намъ представляются обыкновенно развалины древнихъ городовъ. Пуебло скорѣе одинъ колоссальнѣйшихъ размѣровъ многоэтажный укрѣпленный домъ. Такъ пуебло Бонито, если судить по востановленному виду его, представляетъ громадный полукругъ съ низкой прямой стѣной и очень высокой стѣной, охватывающей внутреннее пространство полукругомъ; совнутри полукругъ спускается рядомъ ступеней, какъ въ амфитеатрѣ, причемъ каждая ступень состоитъ изъ сплошного ряда комнатъ, и если судить по числу ихъ, то приходится заключить, что въ этомъ городѣ-домѣ обитало въ самой тѣсной близости и общеніи другъ съ другомъ не меньше 3.000 душъ. На сѣверѣ пуеблосы построены изъ тесаныхъ, скрѣпленныхъ цементомъ камней, въ Аризонѣ преобладаютъ сооруженія изъ адобъ, т. е. высушенныхъ на солнцѣ кирпичей. Расположеніе и внѣшній видъ пуеблосовъ указываютъ, что обитатели ихъ принуждены были прибѣгать къ подобнымъ сооруженіямъ исключительно ради защиты отъ какихъ то неуловимыхъ, но очень надоѣдливыхъ враговъ. Что касается безплодія мѣстности, гдѣ раскинуты пуеблосы, то полагаютъ, что въ тѣ времена условія были иныя, тѣмъ болѣе, что обитатели, занимавшіеся несомнѣнно земледѣліемъ, принимали всѣ мѣры къ тому, чтобы использовать немногіе, текущіе въ каньонахъ рѣки и ручьи. Кромѣ пуеблосовъ въ той же области встрѣчаются укрѣпленныя поселенія меньшихъ размѣровъ, представляющія настоящіе замки, которые, точно гнѣзда ласточекъ, прилѣплены въ неприступныхъ мѣстахъ во впадинахъ скалъ. Такъ же какъ пуеблосы, эти поселенія иногда еще и теперь имѣютъ обитателей. Американцы прозвали обитателей ихъ cliff dwellers, т. е. обитатели скалъ. Полагаютъ, что какъ культурные жители пуеблосовъ, такъ и „обитатели скалъ“ принадлежали къ одному и тому же народу: въ удобныхъ мѣстахъ, именно на столовыхъ равнинахъ, такъ называемыхъ „мезасъ“ (mesas), отдѣльные группы этого племени соединялись во едино и строили пуебло, общими силами они вели хозяйство, которое должно было представлять коммунистическій характеръ, общими же силами отражали непріятеля.

Въ ущельяхъ и узкихъ долинахъ они оставались разобщенными и жили по отдѣльнымъ укрѣпленіямъ, обрабатывая небольшіе клочки плодородной почвы, раскиданные тамъ

и сямъ среди скалъ. Едва замѣтныя, труднопроходимыя тропы, вьющіяся по откосамъ скалъ, доказываютъ, что обитатели этихъ замковъ жили въ постоянномъ страхѣ нашествій и нападеній и должны были принимать цѣлый рядъ предосторожностей, чтобы обезпечить себѣ безопасность. Раскопки въ пуеблосахъ показали, что культурное состояніе ихъ обитателей находилось на болѣе высокой ступени, чѣмъ культура „строителей холмовъ". На это особенно указываютъ гончарныя издѣлія, черепки которыхъ встрѣчаются въ нѣкоторыхъ пуеблосахъ цѣлыми грудами. Разнообразная окраска, сложный, правильный орнаментъ на посудѣ, глазурь и форма чрезвычайно сближаютъ эти издѣлія съ этрускими и древнегреческими.

Кромѣ этихъ сооруженій, во многихъ мѣстахъ на площадкахъ (mesas) надъ скалами встрѣчаются ряды поставленныхъ стоймя столбовъ песчаника, напоминающихъ своимъ расположеніемъ менгиры Бретани; они образуютъ какъ бы комнаты разныхъ размѣровъ, въ которыхъ при раскопкахъ открыты только угли кострищъ. По сосѣдству пуебло-



Развалины города или замка „обитателей скалъ" въ юго-западномъ Колорадо.

совъ мѣстами уцѣлѣли еще небольшія сторожевыя башни. Въ противоположность строителямъ кургановъ обитатели пуеблосовъ и жилищъ на скалахъ оставили памятники въ видѣ высѣченныхъ на камнѣ рисунковъ, представляющихъ образное письмо самаго грубаго вида, наподобіе того, какимъ еще и теперь пользуются современныя американскія племена.

Болѣе высокая культура, чѣмъ культура строителей кургановъ и обитателей пуеблосовъ, была культура мексиканцевъ и перуанцевъ, но время ея процвѣтанія не входитъ въ доисторическій періодъ. Какова бы ни была относительная цѣнность ея, во всякомъ случаѣ въ Мексикѣ и Перу американское племя достигло высшаго момента своего развитія, которое продолжалось бы дальше, если бы вторженіе испанцевъ не положило ему насильственный предѣлъ.

Итакъ, въ теченіи того неизмѣримаго промежутка времени, который называется доисторическимъ періодомъ, и который продолжался въ Америкѣ несравненно дольше,

чѣмъ въ Старомъ Свѣтѣ, многочисленная вѣтвь человѣчества, заброшенная на этотъ уединенный материкъ, провела въ одиночествѣ, предоставленная исключительно собственнымъ силамъ. Изъ скуднаго количества оставленныхъ всѣми жившими поколѣніями памятниковъ смѣло можно заключить, что въ Новомъ Свѣтѣ развитіе человѣческихъ обществъ подвигалось, хотя и въ томъ же направленіи, какъ вездѣ на землѣ, но значительно болѣе замедленнымъ темпомъ. Ко времени появленія европейцевъ американскія племена жили въ сущности еще въ каменномъ вѣкѣ. Изъ металловъ они знали лишь золото, серебро и мѣдь, но такъ какъ они получали послѣднюю въ самородномъ видѣ, а не принуждены были добывать ее изъ руды и плавить для изготовленія издѣлій, какъ дѣлали обитатели Европы съ бронзой, то искусство добычи необходимыхъ металловъ горячимъ способомъ имъ еще предстояло бы открыть, еслибы они не познакомились съ желѣзомъ, благодаря европейцамъ. Въ высшей степени интересно выяснить, въ чемъ причины подобнаго замедленнаго развитія. Кроются ли онѣ въ физико-географическихъ особенностяхъ природы Новаго Свѣта, или же ихъ слѣдуетъ искать исключительно въ свойствахъ населяющей Америку расы.

При обозрѣніи флоры и фауны Новаго Свѣта мы имѣли возможность убѣдиться, что природа его не носитъ на себѣ печати единства и цѣльности, которыя имѣлись бы на-лицо, если бы растенія и животныя возникли и существовали бы въ такомъ же уединеніи отъ всего остального міра, какое стало тамъ удѣломъ человѣка. Связь, существующая въ отношеніи флоры и фауны между Новымъ и Старымъ Свѣтомъ, не разъ вызывала сомнѣнія, можно ли считать Америку особой частью свѣта или не правильнѣе ли будетъ видѣть въ ней не одинъ, а два различныхъ материка,

Сомнѣнія эти совершенно исчезаютъ, какъ скоро отъ міра растеній и животныхъ мы обращаемся къ человѣку: туземцы Америки представляютъ несомнѣнно одинъ типъ, точно также ихъ культура обнаруживаетъ черты нѣкотораго единства, извѣстную цѣльность, въ какихъ бы разнообразныхъ формахъ она не проявлялась. Единство туземнаго типа сейчасъ же кидается въ глаза, едва только мы захотимъ сравнить Америку съ какою-нибудь другою частью свѣта, напримѣръ, съ Африкой. Какъ ни велика пропасть между совершенно дикимъ обитателемъ Огненной Земли и высококультурныхъ мексиканцевъ, однако, если отбросить все то, что дано культурой и проистекаетъ изъ нея, то по своему общему типу огнеземелецъ и мексиканецъ далеко не различаются такъ сильно, какъ, напримѣръ, сѣверно-африканскій берберъ и бушменъ или кафръ изъ южной Африки. Мало того: культурное различіе огнеземельца и мексиканца эпохи покоренія Мексики, конечно, очень значительно, но различіе заключается скорѣе въ томъ, что бытъ дикарей Огненной Земли есть какъ бы начало того, къ чему пришли болѣе счастливые обитатели Мексики, между тѣмъ, какъ обитатели различныхъ областей Африки не только принадлежатъ къ разнымъ человѣческимъ расамъ, но самое культурное развитіе ихъ складывалось совершенно иначе; ихъ раздѣляетъ не только происхожденіе, но и вся прошлая исторія, какой бы темной она не представлялась намъ. Однимъ изъ главныхъ доказательствъ того, что туземцы Америки принадлежатъ почти всѣ къ единой расѣ, является языкъ. Каждая народность, каждое американское племя владѣетъ своимъ языкомъ, столь же непонятнымъ сосѣдямъ, какъ это наблюдается всюду въ другихъ странахъ. Но дѣло въ томъ, что при всѣхъ своихъ различіяхъ и при всей многочисленности своей американскіе языки обнаруживаютъ столько общаго въ строеніи, что ничего подобнаго неизвѣстно гдѣ бы то ни было на земномъ шарѣ. Всѣ туземные американскіе языки принадлежатъ къ полисинтетическимъ и аглютинирующимъ, т. е. особенность ихъ заключается въ томъ, что отдѣльныя слова и части предложенія легко сливаются въ одно слово, которое какъ бы поглощаетъ и измѣняетъ до неузнаваемости вошедшія въ его составъ части; этимъ свойствомъ отличаются особенно глаголы.

Итакъ единство населяющаго Америку человѣческаго типа и единство строенія языка, этого могущественнаго орудія всякаго развитія, вотъ что обособляетъ Новый Свѣтъ въ отдѣльную громадную область, въ высшей степени отличную отъ Стараго Свѣта. Въ этомъ случаѣ даже теряютъ свое значеніе всѣ особенности, которыми С. Америка отличается отъ Южной; какъ тамъ, такъ и здѣсь туземцы принадлежатъ къ той же расѣ и говорятъ языками, хотя различными, но построенными совершенно сходно и родственными по своему происхожденію.

Кромѣ языка, доказательства существованія самостоятельной американской расы ищутъ въ общихъ почти всѣмъ племенамъ Америки антропологическихъ признакахъ, т. е. въ особенностяхъ и свойствахъ ихъ тѣлеснаго вида. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе прежде всего цвѣтъ кожи, который различенъ у разныхъ племенъ и колеблется въ довольно широкихъ предѣлахъ; однако, того темнаго, почти чернаго тона, какой характеренъ для чернокожихъ Африки и Меланезіи, здѣсь не встрѣчается, какъ не встрѣчается и свѣтлый, свойственный европейскимъ народамъ цвѣтъ кожи. Окраска туземцевъ мѣняется въ предѣ-

Южноамериканскій индѣецъ изъ племени бакаири.

лахъ отъ цвѣта охры или мѣди до коричнево-краснаго цвѣта какао. Хотя цвѣтъ кожи въ концѣ концовъ обязанъ своимъ происхожденіемъ тому, что раса, народъ или племя долгое время подвергалось жгучему вліянію тропическаго климата, тѣмъ не менѣе, въ Америкѣ, какъ и въ Старомъ Свѣтѣ, темнокожія племена не всегда населяютъ тропики, а свѣтлокожія—болѣе высокія широты; случается и наоборотъ. Такъ, напримѣръ, патагонцы темнѣе туземцевъ Парагвая. Волосы у всѣхъ племенъ черные съ блестящимъ коричневымъ отливомъ; они гладки, въ лучшемъ случаѣ едва волнисты, грубы и прямы, не особенно сбильны; борода и усы ростутъ очень слабо, помимо того, что въ юности и зрѣломъ возрастѣ туземцы тщательно выщипываютъ ихъ. У нѣкоторыхъ племенъ этотъ обычай распространяется и на рѣсницы, которыя вообще не густы и не длинны, такъ же, какъ волосы бровей. Въ отношеніи роста наблюдаются большія колебанія, именно, ростъ туземцевъ Америки мѣняется въ предѣлахъ 1,50—1,80 метра. Туземцы С. Америки, въ общемъ, обладаютъ болѣе высокимъ ростомъ, чѣмъ обитатели Ю. Америки. Хотя между послѣдними патагонцы извѣстны, какъ

одно изъ самыхъ высокорослыхъ племенъ, зато рядомъ съ ними встрѣчаются племена со сравнительно очень низкимъ ростомъ. Если принять во вниманіе обширность материка и разнообразіе отдѣльныхъ областей, то неудивительно, конечно, что тамъ встрѣчаются племена, которыя вслѣдствіе пребыванія въ теченіи долгаго времени въ неблагопріятныхъ условіямъ потеряли въ ростѣ отъ плохого питанія. Тѣлосложеніе туземцевъ Америки въ общемъ, плотное; мускулатура развита сильнѣе въ верхней половинѣ туловища, но мышцы не поражаютъ величиной и выпуклостью. Плечевыя кости сравнительно короче. Руки и ноги маленькія и въ большинствѣ случаевъ сложены очень красиво. Голова, посаженная на широкія, плотныя плечи при помощи сравнительно короткой шеи, поражаетъ не столько формой, какъ это наблюдается у настоящихъ монголъ, сколько чертами лица, въ которыхъ скрываются тѣ неуловимыя, неподдающіяся точному измѣренію особенности, которыя, однако, легко улавливаются внимательнымъ наблюдателемъ. Въ чертахъ лица несомнѣнно замѣтны признаки, сближающіе туземцевъ Америки съ монгольскимъ типомъ; къ такимъ признакамъ принадлежатъ слабый рельефъ вслѣдствіе того, что, благодаря выступающимъ скуловымъ костямъ, лицо широко и плоско; надбровныя дуги выражены не сильно, глаза лежатъ въ неглубокихъ впадинахъ и часто довольно сближены; они маленькіе, темные или каріе съ желтоватымъ бѣлкомъ. Лобъ неширокій, ротъ обыкновенно большой, но съ тонкими, плотно сжатыми губами. Носъ, представляющій между всѣми чертами лица едва ли на самую прочную, устойчивую форму, различенъ: у однихъ племенъ онъ небольшихъ размѣровъ, широкъ и вдавленъ, у другихъ сильно выдается, несетъ на себѣ горбинку, но далеко не имѣетъ того „орлинаго“ вида, съ какимъ обыкновенно изображаютъ „краснокожихъ“ на иллюстраціяхъ. Многіе изслѣдователи обратили вниманіе на то, что горбатые носы встрѣчаются довольно часто въ сѣверо-западной Америкѣ; въ сосѣднихъ частяхъ Азіи, напримѣръ, среди якутовъ, которыхъ, какъ извѣстно, относятъ къ тюркамъ, встрѣчаются лица съ такими же горбатыми носами. Эта форма носа распространена, впрочемъ, и среди туземцевъ Центральной Америки, а также и въ Южной. У многихъ племенъ было въ обычаѣ измѣнять посредствомъ давленія форму черепа новорожденнаго ребенка; одни сдавливали голову сверху, придавая своду черепа плоскій видъ, другіе подвергали черепъ давленію съ боковъ, превращая его въ длинный и узкій. Трудно, однако, сказать повліяло ли подобное уродованіе сколько-нибудь замѣтно на форму черепа въ ту или иную стороны.

Что касается умственныхъ способностей и характера туземцевъ Америки, то объ этомъ придется говорить ниже. Низшія чувства развиты у нихъ очень хорошо, какъ у всѣхъ охотничьихъ народовъ, которые по силѣ слуха, зрѣнія, обоняніе и по другимъ темнымъ, приближающимся къ инстинктамъ свойствамъ душевной дѣятельности подобны настоящимъ животнымъ.

Несомнѣнно, что, въ общемъ, туземныя племена Америки способны къ воспріятію высшей европейской культуры. Доказательствомъ тому служитъ не только тотъ фактъ, что туземцы Мексики и Перу успѣли подвинуться далеко впередъ по пути культурнаго развитія раньше появленія на сцену европейцевъ, но и то, что въ благопріятныхъ условіяхъ туземцы Америки легко сливаются съ пришельцами, легко воспринимаютъ ихъ образъ жизни и обычаи. Если же мы наблюдаемъ въ настоящее время быстрое вымираніе туземныхъ племенъ, особенно въ С. Америкѣ, то причиной тому является не столько низкій уровень ихъ физическаго и психическаго развитія, сколько отсутствіе всякой возможности бороться съ соперниками бѣлыми, которые не только вооружены во всѣхъ отношеніяхъ лучше, но, главное, въ общемъ настроены къ туземцамъ враждебно и отнюдь не стараются уберечь ихъ отъ гибели.

Принимая во вниманіе все сказанное, нельзя не замѣтить, что неособенно богатое разнообразіе американскихъ культуръ легче объясняется географическими условіями мате-

рика, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ Старомъ Свѣтѣ среди различныхъ, населяющихъ его расъ и народностей.

Выше уже было выяснено (см. главу о климатѣ), что Южная Америка гораздо богаче осадками, чѣмъ Сѣверная. Но еще большаго вниманія заслуживаетъ въ этомъ отношеніи контрастъ между восточными и западными долями каждой половины Новаго Свѣта. Восточныя части, обращенныя къ Атлантическому океану, имѣютъ, въ общемъ, и здѣсь и тамъ больше осадковъ, чѣмъ западное Тихоокеанское побережье, за исключеніемъ небольшой сѣверо-западной части въ С. Америкѣ и юго-западной въ Южной.

Вспомнимъ затѣмъ главныя особенности рельефа: въ С. Америкѣ отъ Полярнаго моря до Мексиканскаго залива простирается одна обширная равнина, представляющая въ большей части своего пространства степь, затѣмъ лѣсную область; въ Ю. Америкѣ передъ нами такая же равнина, покрытая не столько степями (льяносъ Венецуэлы и пампа), сколько плотными, непроходимыми зарослями сельвасъ. Громадныя равнины эти открывали почти безграничный просторъ для блужданій заброшенныхъ сюда племенъ, причемъ въ Ю. Америкѣ главными, если не единственными, путями передвиженія должны были служить многочисленныя, какъ бы переплетающіяся рѣки системъ Ориноко, Амазонки и Лаплаты. Не вытекаетъ ли изъ этого, что въ С. Америкѣ передъ нами должна развертываться область, въ которой человѣкъ скитался въ степи, представляя въ началѣ особый, новый типъ охотника-кочевника, постепенно пригвождаемаго къ почвѣ земледѣліемъ, медленно развивающимся въ удобныхъ для того мѣстахъ, въ то время, какъ въ Ю. Америкѣ туземныя племена жались вездѣ къ водамъ рѣкъ, которыя открывали ихъ пирогамъ тысячи направленій для отысканія новыхъ охотничьихъ угодій, для нападеній или для бѣгства отъ сильнѣйшаго непріятеля.

Сѣвероамериканскій индѣецъ изъ племени уте.

Кочевой образъ жизни, вѣрнѣе блужданія въ поискахъ за пищей и спокойствіемъ, каковъ бы ни былъ способъ его, т. е. будетъ ли то передвиженіе съ кибитками и скотомъ, какъ у монголъ, или просто шатанье по лѣсу съ лукомъ и стрѣлами, какъ у карликовыхъ племенъ или бушменовъ Африки, всегда заключаетъ въ себѣ одно характерное свойство, именно сглаживаніе, выравниваніе, которое неизбѣжно вытекаетъ изъ того, что передвигающіеся во всѣхъ направленіяхъ люди вращаются во первыхъ въ сходныхъ условіяхъ существованія, а во вторыхъ обмѣниваются другъ съ другомъ при частыхъ встрѣчахъ и столкновеніяхъ не только предметами, но нравами, обычаями, идеями. Рѣзко выраженныя особенности въ образѣ жизни, въ языкѣ, въ одеждѣ, бытѣ, и характерѣ, однимъ словомъ, бросающаяся въ глаза индивидуальность можетъ возникнуть лишь у на-

родности, которая долгое время населяла замкнутую, уединенную отъ сношеній съ сосѣдями область. Въ Новомъ Свѣтѣ подобное выравниваніе должно было имѣть мѣсто въ степной области на сѣверѣ, и въ лѣсисто-водной на югѣ. Здѣсь постепенно и естественно увеличивавшіяся въ своей численности племена могли легко расщепляться на болѣе мелкія группы, разсѣиваться, перемѣшиваться безъ конца, сталкиваться на почвѣ торговли и войны, вступать въ союзы, раскалываться снова, погибать безъ слѣда или возрождаться изъ ничтожной уцѣлѣвшей кучки. Здѣсь передъ нами какъ бы море, гдѣ народныя волны вѣчно движутся, падаютъ, вновь вздымаются, сталкиваются и перекрещиваются съ утомительнымъ однообразіемъ, не имѣя возможности отлиться въ прочныя формы и направить свое культурное развитіе по одному, быстро развивающемуся направленію. Только въ немногихъ хорошо отграниченныхъ мѣстахъ, защищенныхъ и укрѣпленныхъ самой природой, отдѣльныя группы могли найти благопріятныя условія для болѣе спокойнаго и безопаснаго существованія. Таковы два высокихъ плоскогорія: Анагуакъ или Мексиканское и Перуанское.

Скудные естественные рессурсы Новаго Свѣта, съ которыми мы познакомились въ главѣ о флорѣ и фаунѣ, стѣсняли развитіе культуры до крайности. Вспомнимъ ограниченное число растеній, которыя можно было бы воздѣлывать на поляхъ, въ огородахъ и садахъ, вспомнимъ почти полное отсутствіе домашнихъ животныхъ (собака, изъ птицъ—индюшка), которыя обезпечиваютъ человѣку запасы пищи, находящіеся всегда подъ рукой, и даютъ ему въ руки громадную рабочую и движущую силу. Удивительно ли послѣ этого, если почти на всемъ пространствѣ Новаго Свѣта человѣкъ все время оставался на стадіи охотничьяго образа жизни и лишь въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ перешелъ къ земледѣлію, причемъ всѣ работы по обработкѣ почвы онъ долженъ былъ производить однѣми только собственными руками. Вотъ почему до появленія европейцевъ почти вся Америка представляла огромную охотничью территорію, на которой лишь тамъ и сямъ копошились скромные земледѣльцы. Бродячій охотничій бытъ самая характерная черта человѣческой культуры для Америки, какъ для Азіи кочевое скотоводство, для Африки—первобытное земледѣліе, огородно-садовое, если такъ можно выразиться.

Въ Старомъ Свѣтѣ человѣчество начало свою карьеру также съ бродяче-охотничьей стадіи. Однако тамъ оно очень быстро развило изъ себя въ одномъ направленіи скотоводчески - кочевой бытъ, въ другомъ—земледѣльческій, за которымъ послѣдовалъ въ Азіи, Африкѣ и Европѣ расцвѣтъ культуры и цивилизаціи.

Земледѣлецъ велъ всюду въ Старомъ Свѣтѣ упорную борьбу съ подвижными, хищными скотоводами степи, съ дикими обитателями лѣсовъ и всюду выходилъ изъ борьбы побѣдителемъ. Обработанное поле съ городомъ посереди̇нѣ занятой земледѣльцами территоріи брало верхъ, оно захватывало степь, уничтожало лѣсъ и въ заключеніе навязало свою культуру всѣмъ, кто могъ воспринять ее, а неспособныхъ къ принятію ея почти истребило или загнало въ безпріютныя мѣста.

Въ Новомъ Свѣтѣ передъ нами другая картина; степь и лѣсъ господствуютъ надъ обработаннымъ полемъ. Тысячелѣтія проходятъ, и все, что снова и снова создается упорнымъ трудомъ земледѣльца, гибнетъ или трепещетъ передъ степными и лѣсными хищниками, потому что нѣтъ естественныхъ преградъ, за которыми можно найти необходимый для развитія трудовой дѣятельности покой. Во всей обширной и плодородной равнинѣ Миссиссиппи, Амазонки, Ла-Платы нѣтъ уголка, который, подобно напр. Египту, былъ бы такъ же хорошо защищенъ пустыней, моремъ или высокими горами. Племя или народъ, ощутившее уже необходимость перейти къ слѣдующей стадіи культуры, не имѣетъ возможности спокойно развить подъ защитой природныхъ преградъ такой общественный строй, который выдвигаетъ сложную общественную организацію съ хорошей арміей, обезпеченной остальной трудящейся массой и постоянно готовой отразить нападеніе, съ какой бы сто-

роны оно не послѣдовало. Только на Мексиканскомъ плоскогорьѣ и въ Перу населеніе успѣло сгруппироваться въ небольшія организованныя государства, культура которыхъ въ основныхъ своихъ чертахъ поразительно напоминаетъ первые успѣхи человѣчества Стараго Свѣта, которыми оно дебютировало въ долинахъ Месопотаміи, Ганга и въ дельтѣ Нила.

Центральная Америка съ прилегающими къ ней частями Сѣверной и Южной является, слѣдовательно, мѣстомъ высшаго расцвѣта самобытной культуры Новаго Свѣта.

Къ сѣверу и къ югу отсюда лежатъ пространства, гдѣ населеніе по природнымъ условіямъ мѣста неизбѣжно должно было оставаться на низшихъ ступеняхъ развитія. Какъ въ Сѣверной, такъ и въ Южной Америкѣ эти пространства можно разбить на области до такой степени безплодныя и скудныя, что попавшія туда племена не могли увеличиваться въ числѣ и въ культурномъ отношеніи подвигались не впередъ, а либо оставались въ прежнемъ состояніи, либо даже положеніе ихъ становилось во всѣхъ отношеніяхъ хуже. Это области одиночества и оскудѣнія. Въ Сѣверной Америкѣ таковыми являются сухія, безплодныя пустыни плоскогорій Юта и Колорадо, а также окрестности самыхъ сѣверныхъ американскихъ озеръ. Въ Южной Америкѣ къ числу такихъ областей слѣдуетъ причислить южныя части Патагоніи съ Огненной Землей и внутреннія дебри восточной Бразиліи. Къ этимъ сравнительно небольшимъ областямъ примыкаютъ обширныя пространства, туземное населеніе которыхъ принуждено было оставаться на стадіи бродячихъ охотниковъ и рыболововъ. Въ Сѣверной Америкѣ эта область простирается съ запада на востокъ отъ побережій Тихаго океана къ Лабрадору и Нью-Фаундленду, обнимая западную половину нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатовъ и почти всю Канаду за исключеніемъ бассейна рѣки Св. Лаврентія. Въ Южной Америкѣ ей принадлежитъ почти все пространство, кромѣ сѣверо-западнаго угла (нынѣшнія Перу, Колумбія и Венецуэла) и отмежеванныхъ выше областей изолированности и оскудѣнія. Плоскогоріе Сѣверной Мексики и почти весь бассейнъ Миссисипи, область Великихъ озеръ и Флорида составляютъ въ Сѣверной Америкѣ области, населеніе которыхъ могло по природнымъ условіямъ перейти къ земледѣлію и дѣйствительно занималось имъ. Но такъ какъ обработку почвы приходилось производить безъ помощи домашняго скота, то земледѣльческая культура носила характеръ огородно-садовый, и населеніе, кромѣ того, не могло стать вполнѣ осѣдлымъ, т. е. строить города и создать прочныя государства съ опредѣленными границами, такъ какъ постоянному, хотя бы и медленному прогрессу культуры мѣшали хищные обитатели степей и лѣсовъ. Въ Южной Америкѣ пространство области, подобной этой сѣверо-американской, значительно меньше и занимаетъ промежуточную полосу между Андами Перу, Экуадора и Колумбіи съ одной стороны и низменностями Амазонки и Ла-Платы съ другой. Наконецъ, вся Центральная Америка и узкая полоса южно-американскихъ Андъ Колумбіи, Экуадора, Перу и сѣвернаго Чили составляютъ область высшей культуры, населеніе которой, благодаря теплому и влажному климату, близости моря и удаленности отъ степей и лѣсовъ, заселенныхъ подвижными хищниками, оказалось въ состояніи подвигаться быстрѣе по пути культурнаго развитія. Средоточіемъ этой области являются не Мексика и Перу, о которыхъ приходилось говорить выше нѣсколько разъ, а собственно полуостровъ Юкатанъ съ его богатѣйшими памятниками архитектуры. Юкатанъ былъ населенъ народомъ мая; отъ него заимствовали культуру и развивали ее далѣе какъ обитатели Мексики и побережій Мексиканскаго залива, такъ и перуанцы и сосѣднія имъ племена.

Затѣмъ на далекомъ сѣверѣ остается еще сравнительно огромное пространство (Аляска, сѣверо-американская тундра и архипелагъ острововъ съ Гренландіей), которое получило свое населеніе вмѣстѣ съ культурой, какой бы низкой ни являлась послѣдняя, изъ сѣверо-восточной Азіи.

Еслибы указанныя области находились въ сильно пересѣченной естественными преградами странѣ, то и въ такомъ случаѣ нельзя было бы ожидать, чтобы обитатели, занявъ разъ избранныя мѣстности, закрѣпили бы свое пребываніе въ нихъ навсегда. Исторія разсказываетъ намъ о безчисленныхъ блужданіяхъ народовъ и племенъ въ Старомъ Свѣтѣ, совершавшихся еще сравнительно недавно. Но въ Америкѣ, гдѣ отдѣльныя части не раздѣлены въ такой же мѣрѣ, какъ напр. въ Азіи или въ Европѣ заливами, горами или полосами пустынь, передвиженія являлись облегченными до нельзя.

Такъ какъ съ другой стороны обитатели разныхъ даже очень отдаленныхъ одна отъ другой частей не представляли большихъ различій въ своемъ культурномъ состояніи, то при частыхъ и постоянныхъ передвиженіяхъ они довольно легко переходили отъ одного образа жизни къ другому. Рыболовы, выгнанные съ берега моря или отъ озеръ въ лѣса, становились охотниками; охотники, вторгшіеся и захватившіе сосѣднюю съ ними область, обитатели которой были знакомы съ зачатками земледѣлія, сами переходили къ нему, чтобы въ свою очередь опуститься опять на низшую ступень, какъ скоро нападеніе болѣе сильной орды выгоняло ихъ съ насиженныхъ мѣстъ въ лѣса или степи.

Вслѣдствіе этого мѣста обитанія туземныхъ племенъ лѣсныхъ и степныхъ областей Америки постоянно мѣнялись, такъ что свѣдѣнія современныхъ путешественниковъ сильно отличаются въ этомъ отношеніи отъ указаній прежнихъ писателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ такія племена легко раскалывались на отдѣльныя группы, которыя расходились въ разныя стороны, часто очень далеко другъ отъ друга, мѣняли строй жизни, смѣшивались съ другими племенами и почти теряли собственную физіономію, вводя въ заблужденіе изслѣдователей, которымъ казалось, что передъ ними настоящій хаосъ разнообразнѣйшихъ народовъ и народцевъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ различія и число племенъ далеко не такъ велики. По всѣмъ этимъ причинамъ культурныя области, которыя мы, согласно Фробеніусу, намѣтили на пространствѣ Новаго Свѣта, не представляютъ каждая характера полнаго единства. Въ каждой изъ нихъ можно встрѣтить отдѣльныя племена, которыя появились въ ней сравнительно недавно, еще не успѣли освоиться съ новыми для нихъ обстановкой и сосѣдствомъ, вслѣдствіе чего бытъ ихъ носитъ еще черты прежняго образа жизни.

Все сказанное примѣнимо въ настоящее время главнымъ образомъ къ племенамъ лѣсной области Ю. Америки и къ индѣйцамъ пустынной сѣверной половины С. Америки, потому что появленіе и быстрое распространеніе европейцевъ въ прочихъ частяхъ Америки внесло въ ряды туземцевъ такое опустошеніе, до такой степени разстроило порядокъ ихъ жизни, который складывался долгое время подъ вліяніемъ чисто природныхъ условій, что туземный бытъ, по которому ученые стараются уяснить себѣ ходъ развитія культуры въ Новомъ Свѣтѣ, или исчезъ среди вымирающихъ племенъ, или особенности его можно наблюдать лишь въ глубинѣ непроходимыхъ лѣсовъ, въ пустынныхъ степяхъ и въ горахъ.

Оставимъ пока въ сторонѣ обитателей Центральной Америки, объ исчезнувшей культурѣ которыхъ можно судить отчасти по уцѣлѣвшимъ памятникамъ, а главное по описаніямъ испанскихъ историковъ и бытописателей временъ завоеванія, и займемся бродячими охотниками и полуосѣдлыми земледѣльцами, остатки которыхъ въ первобытной чистотѣ строя жизни можно еще наблюдать въ уединенныхъ дебряхъ лѣсовъ Новаго Свѣта. Бытъ ихъ тѣсно связанъ съ природой; жизнь, которую они ведутъ, отыскивая себѣ пищу, мало чѣмъ отличается отъ жизни животныхъ; представленія о себѣ самихъ, воззрѣнія на свое мѣсто въ кругу живыхъ существъ у этихъ племенъ таковы, что они мысленно не проводятъ никакой границы между собой и другими живыми существами, вслѣдствіе чего даваемое имъ нѣкоторыми учеными обозначеніе а н и м а л и д ы является въ высшей степени подходящимъ. Въ подобномъ низкомъ состояніи человѣкъ не видитъ разницы между собой и звѣремъ, кромѣ развѣ того, что онъ пользуется нѣкоторыми орудіями для борьбы съ звѣрями, а тѣ ихъ не имѣютъ. Къ анималидамъ принадлежатъ карликовыя племена

Африки, туземцы Австраліи, и къ нимъ же слѣдуетъ отнести очень многія, едва ли не большинство племенъ Новаго Свѣта, среди которыхъ „звѣриныя“ представленія сохранялись дольше и упорнѣе, чѣмъ гдѣ либо, даже и тогда, когда туземцы усваивали болѣе высокую культуру. Остатки подобныхъ представленій мы замѣчаемъ у „строителей холмовъ“, хотя они несомнѣнно были земледѣльцами и въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ, вѣроятно, перешли уже въ стадію „манистовъ“, т. е. рѣзко различали себя отъ царства животныхъ, сложили тѣ или иныя миѳы о происхожденіи человѣка и развили болѣе или менѣе обширный миръ духовъ съ пантеономъ разныхъ божествъ. Моментъ, когда дикарь постепенно покидаетъ чащу лѣса и отъ охоты переходитъ къ полю, саду и огороду, становясь независимымъ отъ животныхъ, которыя до того времени доставляли ему пищу, есть въ то же время моментъ обособленія себя отъ природы, развитіе болѣе высокаго самосознанія, рука объ руку съ которымъ идетъ болѣе сложное религіозное творчество, Силы, отъ которыхъ зависитъ существованіе и процвѣтаніе народности, какъ напримѣръ урожай плодовъ, отодвигаются отъ человѣка дальше. Онъ не чувствуетъ ихъ возлѣ себя, какъ охотникъ, между которымъ и звѣремъ идетъ соперничество въ ловкости и силахъ, причемъ обѣ стороны чувствуютъ себя какъ бы въ одинаковыхъ условіяхъ. Солнечное тепло, дождь и другія атмосферныя явленія, вліяющія на созрѣваніе плодовъ, неосязаемы, невидимы, отличаясь въ этомъ случаѣ отъ преслѣдуемаго охотникомъ въ чащѣ лѣса звѣря, но въ то же время зависимость собственнаго существованія отъ этихъ силъ смутно ощущается. Въ это время прежнія, почерпнутыя изъ прежнихъ представленій образы облекаются въ новыя формы, и возникаетъ религіозный культъ, подчиненіе которому объединяетъ гораздо большія группы людей и облегчаетъ дальнѣйшее развитіе и укрѣпленіе общежитія. Миръ предковъ, миръ духовъ приближается къ живущимъ; связь между ними становится таинственнѣе и необходимѣе, пока связанное съ болѣе сложнымъ развитіемъ общежитія мышленіе не создаетъ полный культъ съ высшими духами-богами, создателями мира и человѣка, покровителями добра и хранителями спасительныхъ для общины началъ.

Анималиды живутъ въ условіяхъ самого простого хозяйства. Они потребляютъ все съѣдобное, гдѣ только находятъ его. Гусеницы, корень, мясо убитаго животнаго, рыба, молюскъ, сорванный плодъ, стебель—все отправляется въ желудокъ. Они бродятъ семьями или небольшими группами, такъ какъ количества дичи недостаточно, чтобы держаться болѣе крупнымъ сборищемъ. Поэтому у нихъ отсутствуетъ настоящее жилье, вмѣсто котораго они довольствуются временной защитой подъ навѣсомъ деревьевъ и скалъ или же загораживаются отъ вѣтра и дождя ширмой или навѣсомъ изъ вѣтокъ. Умершихъ они или бросаютъ на произволъ судьбы или же слегка зарываютъ ихъ въ землю, а то оставляютъ на помостахъ.

Въ Африкѣ и Австраліи анималиды сильно сократились въ числѣ и оттѣснены въ пустыни и дебри, гдѣ ихъ рано или поздно ожидаетъ гибель. Въ Новомъ Свѣтѣ подобныя племена сохранились въ большемъ числѣ; они продолжаютъ обитать въ непроходимыхъ лѣсахъ и болотахъ, избѣгая соприкосновенія съ бѣлыми, почти въ тѣхъ же условіяхъ, въ какихъ жили ихъ предки. Прежде все туземное населеніе Америки представляло анималидовъ. Выдѣлившіяся изъ ихъ среды группы земледѣльцевъ были настолько малочисленны и слабосильны, они подвигались впередъ по пути культурнаго развитія столь медленно, что среди нихъ не могли широко развиться представленія, которыя, поглотивъ старыя вѣрованія, переработали бы ихъ до полной неузнаваемости.

Поэтому въ Америкѣ, въ противоположность Старому Свѣту, чувствованія и мышленія, составляющія основу мировоззрѣнія низшихъ племенъ, продолжали широко развиваться, они поглощали и растворяли въ себѣ все, что создавалось въ болѣе культурныхъ областяхъ, такъ что даже среди болѣе цивилизованныхъ народностей мы сталкиваемся подъ но-

*

выми формами съ тѣми же самыми, но только сильно измѣненными представленіями, какія сложились у бродячихъ охотниковъ анималидовъ. Оттого такое изобиліе изображеній животныхъ, какое мы находимъ напр. у „строителей холмовъ“, изобиліе, указывающее на существованіе какого то обширнаго культа животныхъ. И это явленіе вполнѣ понятно, потому что въ Америкѣ площадь, занятая подвижными анималидами лѣсовъ и степей во много разъ превосходила пространства, на которыхъ процвѣтало хоть какое-нибудь земледѣліе.

Къ числу анималидовъ мы должны отнести въ Америкѣ всѣ племена, которыя вели бродячеохотничій образъ жизни, и племена, которыя, хотя и занимались земледѣліемъ, но у которыхъ занятіе это носитъ настолько первобытный характеръ, что привязываетъ ихъ къ мѣсту самыми слабыми узами, вслѣдствіе чего ихъ никакъ нельзя назвать осѣдлыми. Къ такимъ полуосѣдлымъ принадлежало и принадлежитъ множество американскихъ племенъ. Подобные земледѣльцы въ большинствѣ случаевъ не только заселяютъ общую съ охотниками территорію, не только живутъ черезполосно съ ними, но сами въ любой моментъ могутъ возвратиться въ прежнее состояніе, подобно тому, какъ охотничьи племена легко связываютъ это занятіе съ простѣйшимъ земледѣліемъ.

Въ обширной лѣсо-степной области, занятой этими племенами, рѣдко наблюдается, чтобы сколько-нибудь значительная территорія была сплошь заселена однимъ племенемъ. Обыкновенная картина, представляющаяся здѣсь изслѣдователю, приводитъ его на первый взглядъ къ заключенію, будто страна населена множествомъ мелкихъ племенъ, каждое изъ которыхъ живетъ въ уединеніи, избѣгая сосѣдей, довольствуясь самимъ собой. Прежніе испанскіе бытописатели дѣйствительно были того мнѣнія, что передъ ними разноязычный хаосъ мелкихъ племенъ и народцевъ, имѣющихъ другъ съ другомъ очень мало общаго. На самомъ дѣлѣ число основныхъ племенъ и языковъ оказалось не столь велико, и явленіе объясняется проще тѣмъ, что, какъ въ тропическомъ лѣсу, пересѣченномъ по всѣмъ направленіямъ множествомъ рѣкъ, усѣянномъ болотами и образующимися отъ рѣчныхъ разливовъ озерами, такъ и въ степной и болотисто-кустарниковой области Гранъ-Чако, никакое крупное племя не могло сохранить единства; оно разбивалось на кучки, кучки разбредались, разсѣиваясь среди туземцевъ, населявшихъ мѣсто до появленія новыхъ, въ свою очередь уже разбитыхъ на части и живущихъ чересполосно съ племенемъ, сидѣвшимъ здѣсь еще раньше. Въ Южной, также и въ С. Америкѣ отдѣльныя группы племенъ, какъ бы обрывки ихъ, встрѣчаются часто далеко отъ территоріи, которую это племя заселяетъ сплошной массой и которую приходится считать его послѣдней родиной, гдѣ оно на время осѣло послѣ цѣлаго ряда предшествовавшихъ переселеній. Далѣе извѣстны случаи, когда племя, уступая свою территорію болѣе сильнымъ пришельцамъ, отодвигается прочь, раздѣляется силою обстоятельствъ на мелкія группы, которыя рѣдко продолжаютъ существовать самостоятельно, а обыкновенно, рано или поздно растворяются среди другихъ племенъ; въ рѣдкихъ случаяхъ остатки такого большого племени удается наблюдать въ закоулкахъ лѣсныхъ дебрей. Обыкновенно подобной судьбѣ подвергались болѣе мирные земледѣльцы, недостаточно сильные, чтобы противостоять напору хищныхъ бродячихъ племенъ. Въ такомъ случаѣ они теряли въ ухудшившихся условіяхъ жизни всѣ культурныя пріобрѣтенія, которыя создавались долгимъ, тяжелымъ путемъ, и впадали въ прежнее варварство. Часто также случалось, что отдѣльныя разноплеменныя группы, обломки племенъ, заброшенныя въ мѣстность, природныя условія которой принуждали къ новымъ способамъ пропитанія, мѣняли прежній образъ жизни, объединялись и образовывали какъ бы особое племя, которое при поверхностномъ наблюденіи могло казаться самобытнымъ.

Въ общемъ движенія и разселеніе туземныхъ племенъ въ Америкѣ происходили непрерывно до самаго появленія европейцевъ, которые внесли въ этотъ естественный процессъ извѣстныя перемѣны: въ однихъ случаяхъ туземцы лишались своихъ охотничьихъ

угодій и гибли, медленно или быстро, отъ того, что не могли приспособиться къ новымъ условіямъ; въ другихъ случаяхъ передвиженія ихъ получили новый толчекъ, какъ это имѣло мѣсто въ Ю. Америкѣ, послѣ того какъ въ руки индѣйцевъ попали лошади, благодаря которымъ много племенъ изъ пѣшихъ охотниковъ въ короткое время превратились въ конныхъ номадовъ. Наконецъ, въ областяхъ, гдѣ пропасть между явившимися изъ Европы колонистами и сравнительно культурными туземцами была не слишкомъ глубока, началось смѣшеніе, ареной котораго явились главнымъ образомъ страны, колонизованныя испанцами, португальцами и французами.

Такимъ образомъ разобраться въ пестрой картинѣ разселенія и родства безчисленныхъ населяющихъ Новый Свѣтъ туземцевъ оказалось въ высшей степени трудно, тѣмъ болѣе что за нѣсколько сотъ лѣтъ, протекшихъ со времени открытія Америки, очень многое успѣло измѣниться—цѣлыя племена исчезли безъ слѣда или растворились среди пришельцевъ, оставшіяся же сильно сократились въ числѣ и почти вездѣ измѣнили образъ жизни. Отыскать теперь въ Америкѣ туземное племя, живущее въ первобытныхъ, нетронутыхъ европейскимъ вліяніемъ условіяхъ, очень трудно. Для этого изслѣдователю приходится забираться въ лѣсныя дебри центральной Бразиліи или въ холодныя области лѣсной половины С. Америки.

Что касается численности туземныхъ аборигеновъ Новаго Свѣта, то опредѣлить ее хоть сколько нибудь точно невозможно. Во всякомъ случаѣ общее количество ихъ ничтожно по сравненію съ бѣлымъ и чернымъ населеніемъ материка. Несомнѣнно также, что численность краснокожихъ страшно сократилась по сравненію съ тѣмъ числомъ, какое населяло материкъ въ моментъ его открытія. Краснокожіе гибнутъ, и недалеко время, когда на всемъ пространствѣ не останется ни одного дикаго туземца.

Слѣдующую по малочисленности группу обитатей, Новаго Свѣта составляютъ черные туземцы Африки, невольные колонисты, подавляющее большинство которыхъ встрѣчается въ тропическихъ и подтропическихъ странахъ Америки. Главную же и, несомнѣнно, господствующую массу населенія Америки представляютъ бѣлые, къ числу которыхъ относятъ также множество метисовъ индѣйской крови, составляющихъ въ населенныхъ романскими народами странахъ Америки едва ли не большинство жителей.

Въ дальнѣйшемъ мы опишемъ эти три главныя части населенія Новаго Свѣта каждую особо, посвятивъ наибольшее вниманіе туземцамъ, къ которымъ возвращаемся снова, чтобы разсмотрѣть въ общихъ чертахъ ихъ раздѣленіе на крупныя племена, а также ихъ распредѣленіе по территоріямъ, которыя они еще недавно занимали.

Раньше было указано, что культурное состояніе туземцевъ Америки представляло различныя ступени: наиболѣе культурныя народности занимали весь перешеекъ и распространялись отсюда на ближайшія области С. и Ю. Америки. За ними, какъ тамъ, такъ и здѣсь,—въ С. Америкѣ, слѣдовательно, къ сѣверу, въ Южной—къ югу простираются степи и лѣса, представлявшіе область безконечныхъ блужданій и смѣшеній. Крайнія части обѣихъ Америкъ, имѣющія въ силу природныхъ условій самое скудное населеніе, арктическія страны и Огненная Земля, обитаемы особыми группами. Наконецъ въ С. Америкѣ въ сѣверо западной части ея есть область, которая, благодаря сосѣдству съ Азіей, представляетъ въ лицѣ своихъ обитателей извѣстныя особенности, благодаря которымъ ихъ слѣдуетъ разсматривать отдѣльно.

Такимъ образомъ, мы разсмотримъ туземцевъ Америки въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) огнеземельцы, 2) туземцы степной части Ю. Америки и индѣйцы Гранъ-Чако, составляющіе переходную группу къ 3) обитателямъ лѣсовъ тропической Ю. Америки; 4) культурные народы Южной Центральной и Сѣверной Америки; 5) индѣйцы степной и лѣсной части С. Америки; 6) туземцы сѣверо-западнаго угла, и 7) эксимосы.

Туземцы Огненной Земли составляютъ особое, очень малочисленное племя, которое

стоитъ на крайне низкой ступени развитія, хотя физически мало отличается отъ своихъ сосѣдей. Они населяютъ восточную и южную часть острова Огненной Земли и сосѣдніе острова Тихаго океана, главнымъ образомъ берега ихъ. Южную пустынно-степную часть Америки и прилегающіе склоны Андъ населяютъ патагонцы, конные охотники, среди которыхъ различаютъ, руководствуясь нарѣчіями, южную группу или тегуэльчей и сѣверную. Рядомъ съ ними и также въ восточной части Огненной Земли обитаетъ родственное патагонцамъ племя она. Къ сѣверу отъ Патагоніи въ болѣе влажной части степи, среди болотъ, кустарниковъ и лѣсовъ, въ такъ называемой Гранъ-Чако живутъ дикія конныя племена, изъ которыхъ нѣкоторыя вторглись сюда сравнительно недавно, между тѣмъ какъ другія, вытѣсненныя изъ болѣе богатой пампы бѣлыми поселенцами, послѣ многихъ кровавыхъ столкновеній нашли себѣ убѣжище въ Гранъ-Чако. По языку между индѣйцами Гранъ-Чако различаютъ слѣдующія главныя группы, состоявшія прежде изъ многочисленныхъ племенъ: 1) Гвайкуру, 2) Матако-Матагойо, 3) Вилела-Луле, 4) Маскои, 5) вымершіе нынѣ Ленгва и другія, 6) Самуку, 7) Чиригуано, и 8) Гуана-Чане [1]).

Громадную область лѣсовъ заселяютъ многія, очень перемѣшанныя и во многихъ случаяхъ почти угасшія или угасающія племена, которыхъ, несмотря на чрезвычайную раздробленность и разобщенность какъ крупныхъ группъ, такъ и племенъ, можно распредѣлить слѣдующимъ образомъ: 1) Ароваки, Нуаруакъ или Майпуре, область разселенія которыхъ простирается отъ береговъ Венецуэлы до склоновъ Боливійскихъ Андъ; 2) Караибы, родиной которыхъ являются верховья рѣки Шингу, праваго притока Амазонки, откуда большинство племенъ ихъ продвинулось далеко на сѣверъ, заселивъ между прочимъ Малые Антильскіе острова; 3) Тупи и Гуарани, обитавшіе прежде въ низовьяхъ Амазонки и по смежнымъ берегамъ Атлантическаго океана, но продвинувшіеся впослѣдствіи до южныхъ частей Бразиліи и въ Уругвай; 4) Гезъ или Тапуя, занимающіе внутренніе лѣса восточной Бразиліи; 5) Арауканцы, небольшое племя, населяющее оба склона Чилійскихъ Андъ.

Сѣверо-западную часть Ю. Америки, весь Центрально-американскій перешеекъ и прилегающія части С. Америки населяютъ народности, среди которыхъ туземная культура достигла высшаго расцвѣта. Сюда принадлежитъ группа Кечуа, племена которыхъ населяли древній Перу и распространили свою культуру на всѣ сосѣднія страны, затѣмъ группа Чибча, къ которой принадлежатъ туземцы Колумбіи. Племя Куна занимаетъ теперь, какъ и въ эпоху завоеванія Мексики, самую южную часть перешейка, между тѣмъ какъ область, расположенную къ сѣверу отъ горнаго кряжа, служащаго теперь границей между Никарагвой и Коста-Рикой, занимаютъ племена, принадлежащія къ группѣ Ута или Юто-ацтекской. Родственныя послѣднимъ племена распространялись дальше на сѣверъ по Мексиканскому плоскогорью, по плоскогорью Колорадо и Юта. Къ этимъ племенамъ принадлежатъ также обитатели пуэблосовъ и болѣе культурныя племена, распространявшіяся далѣе къ востоку отъ Кордильеръ до современной границы Соединенныхъ Штатовъ. Въ настоящее время среди нихъ, кромѣ ацтекской группы, различаютъ двѣ группы: Ута (Па-Ута, Шошоны, Змѣи, Команчи, Моки,) обитающіе въ штатахъ Юта, Новой Мексикѣ, Орегонѣ, въ сѣверномъ Техасѣ и Аризонѣ, и индѣйцы Соноры (Кахита, Кара, Папайо, Пима, Яки и другіе). Отъ этой большой группы отличаются своимъ языкомъ индѣйцы Юма, обитающіе въ долинѣ Колорадо, а также въ Аризонѣ.

Въ обширной области сѣверо-американскихъ преній и въ лѣсной части обитало прежде много бродячихъ охотничьихъ племенъ, столь же раздробленныхъ, разсѣянныхъ и разобщенныхъ, какъ народности соотвѣтствующей части Ю. Америки. Въ большинствѣ

[1]) Schmeltz, Die Indianerstämme der Gran Chaco. Intern Arch. f. Ethnographie, B. XVII H. 1 и 2.

случаевъ въ мѣстахъ ихъ прежняго обитанія о нихъ не сохранилось даже памяти, сами же немногочисленные представители нѣсколькихъ уцѣлѣвшихъ племенъ поселены теперь въ особыхъ небольшихъ территоріяхъ, отведенныхъ имъ правительствомъ Соединенныхъ Штатовъ, которыя, вѣроятно, въ непродолжительномъ времени станутъ ихъ общей могилой. Къ этимъ индѣйцамъ прерій принадлежатъ прежде всего Дакота или Сіуксы, населявшіе прерію и лѣса на пространствѣ между рѣками Арканзасъ и Саскачеванъ (Ассинибойны, Манданы, Озаги, Винебаго и другія). На пространствѣ между среднимъ теченіемъ Миссури и берегомъ Мексиканскаго залива бродили племена Павніевъ, между тѣмъ какъ потомками „строителей холмовъ" являлись, вѣроятно, обитавшіе въ юго-восточной части нынѣшнихъ Штатовъ Чата-Мускоги (Чоктавы, Чиказавы, Апалачи, Мускоги, Семинолы Флориды и проч). Среди этихъ обитали разсѣянно племена Натчесъ, Катаба и Тоника, представлявшіе, какъ думаютъ, остатки еще болѣе древнихъ обитателей этой области.

Громадную область, составляющую территорію первыхъ Штатовъ Америки, занимали воинственные Ирокезы (Мохавкъ, Онондаги, Сенека, Онеида и Каюга), образовавшіе союзъ, къ которому впослѣдствіи примкнули Тускарора, между тѣмъ какъ другія ирокезскія племена, какъ напр. Гуроны и Віандоты, наоборотъ, явились въ возгорѣвшейся между бѣлыми поселенцами и ирокезами борьбѣ за землю союзниками первыхъ. Отъ этихъ туземцевъ уцѣлѣли въ настоящее время жалкія остатки въ Канадѣ. Другую большую группу, обитавшую на пространствѣ отъ береговъ Атлантическаго океана до залива Хедзона, составляютъ Алгонкины (Оттава, Чипеваи, Абенаки, Алгонкины, Ленапы, Могикане, Нантикока), къ которымъ принадлежатъ также племена, занесенныя превратностями бродячей жизни далеко внутрь материка, какъ напр. Арапахи верхняго Канзаса, Чеиея на верховьяхъ Арканзаса, Черноногіе по верхнему теченію Миссури, а также Кри и Сакоффи Лабрадора. Наконецъ послѣднюю, относящуюся къ обитателямъ лѣсовъ и прерій, группу составляютъ Атабаски или Тинне. Только часть этой группы обитаетъ на сѣверѣ. Въ разное время отъ основной массы отдѣлялись племена, которыя забредали далеко въ разныя стороны, какъ напр, знаменитые разбойники Апачи, которые продвинулись на югъ до степей Аризоны; далѣе Навахи, обитавшіе тамъ же. Другія племена этой группы оказались заброшенными въ Аляску (Кенаи, Кучины, Атуа), въ Калифорнію (Хуга), въ Канаду (Чипевы). Эти южныя племена оказались отдѣленными отъ сѣверныхъ полосой алгонкинскихъ народовъ. Они измѣнили въ преріи свой образъ жизни, стали впослѣдствіи конными хищниками, и ничто не указывало бы на ихъ родство съ сѣверными племенами, еслибы у нихъ не сохранился языкъ, ясно доказывающій принадлежность этихъ степняковъ къ группѣ Тинне.

Южная Америка.

Аргентина, Чили, Уругвай и Парагвай.

Южная оконечность Америки дѣлится на двѣ части, совершенно другъ на друга не похожія. На востокѣ, за плоскимъ негостепріимнымъ побережьемъ разстилаются безконечныя голыя или травянистыя равнины, между тѣмъ, какъ на западѣ высятся гигантскія Анды. Изъѣденные и прорѣзанные моремъ нижніе склоны ихъ образуютъ на западѣ цѣлый лабиринтъ островковъ и фьордовъ. Съ востока склоны Андъ представляютъ пустынныя, однообразныя возвышенности, къ которымъ примыкаютъ равнины, занятыя на югѣ почти голыми пространствами, а далѣе на сѣверѣ степями, сливающимися постепенно съ лѣсными дебрями тропической Ю. Америки.

Въ настоящее время эту степную область занимаютъ государства Аргентина, Уругвай и Парагвай. Длинная полоса тихоокеанскаго побережья вдоль водораздѣльной линіи Андъ принадлежитъ Чили, которое послѣ размежеванія съ Аргентиной получило въ свое обладаніе весь Магелланов проливъ и западную половину острова Огненной Земли.

Огромное пространство, занятое въ настоящее время республиками Аргентиной, Чили, Уругваемъ и Парагваемъ, занимаетъ немного болѣе 4 мил. кв. к. (4.093.542), что приблизительно равняется площади Европейской Россіи. Какъ не рѣдко населена наша страна по сравненію съ Западной Европой, но она далеко оставляетъ за собой южную часть Ю. Америки. Тамъ на все это обширное пространство приходится въ общемъ почти 9 мил. жителей, что представляетъ среднюю плотность въ 2,2 ч., иными словами, плодородныя степи Ю. Америки населены въ такой же степени рѣдко, какъ наши сѣверныя губерніи вродѣ Олонецкой или Вологодской.

Всего населеннѣе оказывается относительно Уругвай, гдѣ на 1 кв. к. приходится болѣе 5 ч. (5,5). Пространство его равняется 178.700 кв. к., а численность населенія приближается въ настоящее время къ 1 мил. Всего рѣже заселена Аргентина, которая при площади въ 2.885.620 кв. к. имѣетъ около 5 мил. жителей, что даетъ въ среднемъ на 1 кв. к. около 1,7—1,8 ч. За нею слѣдуетъ Парагвай, который имѣетъ на пространствѣ 231.100 кв. к. около 700.000 жителей (2,3 ч. на 1 кв. к.). За нимъ слѣдуетъ Чили, занимающее площадь въ 776.122 кв. к. и имѣющее 3.200.000 жителей (4,1 ч. на 1 кв. к.).

Если однако оглянуться назадъ и задать себѣ вопросъ, сколько же жителей было здѣсь сто лѣтъ тому назадъ, то съ изумленіемъ придется отвѣтить, что въ то время число жителей, туземцевъ и колонистовъ, врядъ ли превосходило десятую долю того числа которое обитаетъ въ этихъ республикахъ теперь. Такъ число жителей Уругвая удесятери-

лось, считая съ конца XVIII столѣтія. Если принять далѣе въ разсчетъ, что эмиграція въ эти страны не только не ослабѣваетъ, но усиливается съ каждымъ годомъ, что пустыхъ земель, годныхъ для колонизаціи, тамъ еще много, что правильное хозяйство только еще начинаетъ налаживаться, то нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что къ концу нашего столѣтія населенность южноамериканскихъ республикъ сравняется съ населенностью Европы.

Общее число туземцевъ, съ культурнымъ состояніемъ которыхъ мы уже ознакомились, врядъ ли достигаетъ 300.000 душъ (150.000 въ Аргентинѣ и 130.000 въ Парагваѣ). Такимъ образомъ подавляющая масса жителей южныхъ республикъ должна быть причислена къ бѣлой породѣ. Мы сказали, должна быть причислена, но на дѣлѣ это далеко не такъ. Врядъ ли есть другая область на свѣтѣ, гдѣ бы бѣлая порода столь же сильно, и въ то же время столь естественно и охотно смѣшивалась съ туземной расой, какъ здѣсь. Такъ въ Чили мѣстная статистика причисляетъ къ смѣшаннымъ не менѣе 60% населенія, оставляя на долю чистокровныхъ креоловъ около 30%, а вѣдь въ Чили испанцы старались о сохраненіи своей породы гораздо заботливѣе, чѣмъ въ Парагваѣ или Аргентинѣ. Принимая въ разсчетъ смѣшеніе, совершавшееся непрерывно въ теченіи многихъ вѣковъ, можно смѣло сказать, что подавляющее большинство населенія южныхъ республикъ состоитъ изъ подобныхъ метисовъ. Рядомъ съ ними сохранилось извѣстное число чистокровныхъ испанцевъ, креоловъ, которые принадлежатъ къ давнимъ обитателямъ этихъ странъ и играютъ въ ихъ жизни выдающуюся роль. Слѣдующую непрерывно растущую группу населенія республикъ представляютъ переселяющіеся изъ Европы колонисты, среди которыхъ первое мѣсто по численности принадлежитъ безспорно итальянцамъ, въ культурномъ же отношеніи большое значеніе имѣютъ нѣмцы, которые селятся плотными гнѣздами и немедленно обнаруживаютъ столь свойственную этой націи систематическую и планомѣрную хозяйственную дѣятельность.

Наконецъ послѣднее мѣсто по численности, но первое по значенію принадлежитъ пестрой толпѣ иностранцевъ, которые вмѣстѣ съ англійскими, американскими, французскими и нѣмецкими капиталами наводнили столицы и всѣ сколько-нибудь крупные торговые города описываемыхъ республикъ, вытѣснили изъ нихъ господствовавшій до того національный элементъ и придали этимъ городамъ, особенно съ внѣшней стороны, интернаціональный характеръ, какой постепенно получаютъ всѣ города, гдѣ въ обстановкѣ оживленной торгово-промышленной дѣятельности прочно усѣлся крупный капиталъ.

Такимъ образомъ населеніе этихъ странъ можно разбить на слѣдующія группы: 1) туземцы, 2) смѣшанные, 3) креолы, 4) колонисты новой формаціи, и 5) иностранцы. Изъ всѣхъ этихъ группъ наиболѣе интересными въ бытовомъ отношеніи являются туземцы, а затѣмъ смѣшанные и креолы, тогда какъ въ хозяйственномъ отношеніи громадную роль начинаютъ играть представители 4-ой группы, т. е. новые колонисты изъ Европы.

Огнеземельцы.

Огнеземельцы и племя она.—Бѣлые колонисты, овцеводство и добыча золота. Пунта Аренасъ и другія поселенія.

Самую южную часть Ю. Америки занимаетъ островъ Огненной Земли. Скалистый по берегамъ, съ густыми буковыми лѣсами по склонамъ горъ, внутри онъ покрытъ пологими возвышенностями и равнинами, засыпанными щебнемъ ледниковаго происхожденія со скудной растительностью, которая негодна подъ культуру и достаточна только для разведенія степныхъ животныхъ, вродѣ овецъ. За проливомъ Магеллана простирается Патагонія, страна, получившая названіе по имени населяющаго ее индѣйскаго племени. На югѣ это

тѣ же щебневыя равнины; далѣе къ сѣверу онѣ переходятъ въ травянистую степь съ участками зарослей, съ маловодными рѣками, которыя спускаются съ Андъ и текутъ на востокъ по образованнымъ ими оврагамъ.

Побережья Огненной Земли имѣютъ очень скудное туземное населеніе, которое ютится среди скалъ. Эти же туземцы, которыхъ называютъ огнеземельцами, пешересами и фуеджійцами, встрѣчаются въ архипелагѣ острововъ, которые сопровождаютъ западное побережье Тихаго океана. Предки ихъ знали, можетъ быть, лучшія времена, такъ какъ на Огненную Землю они могли попасть, только явившись съ сѣвера. Принужденные поселиться въ холодной и влажной странѣ, туземцы не могли подвинуться впередъ въ своей культурѣ, а скорѣе даже пошли назадъ и опустились почти на тотъ же уровень, на какомъ стоятъ самыя жалкія племена человѣчества, какъ напр. австралійцы, бушмены, эскимосы Лабрадора. Пропитаніе себѣ они съ трудомъ находятъ лишь на берегу моря, такъ какъ всего въ разстояніи нѣсколькихъ метровъ отъ берега начинается непроходимый дѣвственный лѣсъ, совершенно недоступный для человѣка.

Подъ буковыми деревьями (Fagus betuloides) разстилается безконечный моховой коверъ, покрывающій всю почву, камни, гигантскіе стволы упавшихъ деревьевъ. Нога не встрѣчаетъ здѣсь сколько нибудь надежной точки опоры; можно себѣ представить, слѣдовательно, какія трудности представляетъ собой путешествіе по такому лѣсу. На каждомъ шагу путь преграждаютъ переплетающіяся вѣтви деревьевъ, при попыткѣ же пробраться подъ ними путешественникъ либо погружается въ яму, наполненную водой, и невидную подъ мхомъ, либо валится въ кучу гніющихъ растительныхъ остатковъ. Внутри дѣвственнаго лѣса царитъ мертвая тишина. Гигантскія деревья его выдерживаютъ самыя опустошительныя бури, и самый свирѣпый ураганъ теряетъ свою силу уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ опушки. Здѣсь нельзя встрѣтить ни звѣря, ни птицы; получается впечатлѣніе какой то зеленой тюрьмы, отъ которой вѣетъ не духомъ жизни, а смертью. Лѣсъ ростетъ по склонамъ до высоты 500 м. Выше стелятся торфяники и альпійскіе луга. Климатъ влаженъ, особенно лѣтомъ, которое довольно холодное, какъ въ Норвегіи, зимой часто выпадаетъ ненадолго снѣгъ. Погода отличается непостоянствомъ, дождливостью и частыми сильными вѣтрами, особенно въ устьяхъ пролива Магеллана и у мыса Горнъ.

Почти каждое судно, огибающее мысъ Горнъ, имѣетъ возможность познакомиться съ огнеземельцами. Они высматриваютъ суда и, завидя его, стараются приблизиться къ нему на своихъ лодкахъ, привлекая вниманіе пассажировъ дикими криками и жестами. „Дикари, какъ только увидали пароходъ,—разсказываетъ о своей встрѣчѣ съ огнеземельцами одинъ путешественникъ, — завизжали, закричали, точно вспуганные звѣрки, и поспѣшно приблизились къ намъ, оставивъ свою работу, около которой они видимо копошились съ разсвѣтомъ въ щеляхъ, между камнями берега... Мы остановились, дикари пристали къ намъ вплотную, и начался разговоръ. То есть дикари пищали, махали неистово руками, дѣти ихъ тоже пищали отъ радости и уморительно подпрыгивали... Лодка ихъ жилище. Это — кочевое племя моря, и люди эти кочуютъ по немъ, какъ гаучосы по пампѣ... Она построена изъ длинныхъ полосъ древесной коры, которыя прикрѣплены къ остову, сдѣланному на подобіе клѣтки изъ толстыхъ и даже неправильныхъ прутьевъ или вѣтокъ, точно такъ же, какъ и шалашъ патагонца, только съ той разницей, что патагонецъ покрываетъ эту клѣтку шкурами звѣрей, а фуеджіецъ корой.

Вся лодка сшита и связана тоже лыкомъ, но какъ сшита! Это просто ювелирная точность и изящество работы... Лыко скручено въ тонкія веревочки, но столь ровныя и плотныя, что проходя черезъ дырочки коры, онѣ не оставляютъ въ нихъ ни малѣйшихъ отверстій, въ которыя могла бы просочиться вода. Лодки эти относительно болѣе широки, чѣмъ длинны, и представляютъ два острія съ обоихъ концовъ, такъ что корма и носъ одинаковой формы. И все это сдѣлано безъ малѣйшей помощи желѣза, только съ помощью

*

острыхъ камней или ножей, сдѣланныхъ изъ большихъ морскихъ продолговатыхъ раковинъ,—орудія, которыя тутъ же валяются на днѣ лодокъ дикарей въ большомъ количествѣ. Въ серединѣ дна лодки насыпана кучка земли, и на ней разведенъ дымящійся огонь, около котораго собрана посуда—нѣсколько глиняныхъ, грубо сдѣланныхъ горшковъ, а также нѣсколько блюдъ или торбъ, сплетенныхъ изъ водорослей, но опять—какъ сплетенныхъ. Можно залюбоваться тонкостью и изяществомъ этой работы. Нѣсколько тонкихъ и длинныхъ багровъ, короткихъ веселъ дополняютъ вооруженіе судна.

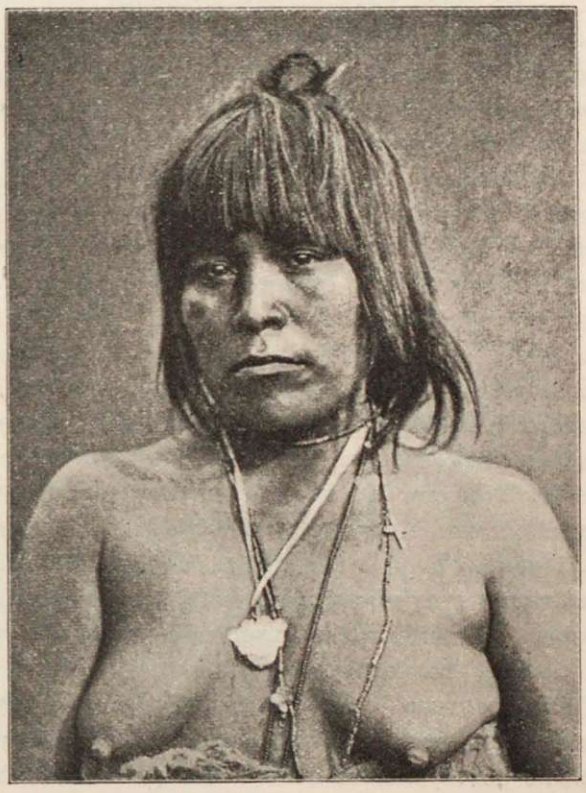
Огнеземелецъ.

Дикари всѣ голые, прямоволосые, лохматые, — волоса ихъ только спереди о б р ѣ з а н ы, вѣрнѣе оборваны посредствомъ тѣхъ же зазубренныхъ ножей изъ раковинъ, которыми люди эти строили и свою лодку... Вмѣсто одежды, на одномъ плечѣ, со стороны вѣтра, накинута и держится на веревкѣ шкура какого-нибудь морского звѣря, моржа, или у дѣтей, котика, во всей ея неприкосновенности,— вотъ и вся одежда, кромѣ развѣ ожерелій изъ маленькихъ раковинъ. Одинъ только дикарь составлялъ исключеніе - это былъ вѣроятно щеголь или правдоподобнѣе — начальство; на одномъ его плечѣ, со стороны вѣтра, была накинута сѣровато-бѣлая блестящая мантія, сшитая тоже веревочками лыка изъ шкурокъ пингвиновъ и утокъ; шкурки эти толще и мѣхъ ихъ гуще, чѣмъ даже на шкурахъ моржа и, вѣроятно, лучше еще защищаютъ отъ вѣтра и стужи, такъ какъ онѣ во всякомъ случаѣ болѣе гибки и мягки.

Что касается самихъ дикарей, то они, прежде всего, поражаютъ уродливостью своего тѣлосложенія: большіе, одутловатые, мягкіе торсы съ тоненькими, точно плети, руками и на такихъ же тоненькихъ короткихъ корявыхъ ногахъ. Цвѣтъ кожи темнѣе, чѣмъ у пата-

гонцевъ, почти чернаго, грязнаго, коричневаго цвѣта. Особенно уродливы женщины, и тѣла ихъ еще болѣе неуклюжи, а особенно физіономіи. У мужчинъ мягкія части головы всетаки какъ то плотнѣе держатся на костяхъ, хотя тоже опухли и раздулись, но у женщинъ всѣ онѣ непомѣрно отвисли, особенно губы: маленькіе носы, впрочемъ, не приплюснуты, а напротивъ, довольно тонкіе, что не соотвѣтствуетъ широкимъ и толстымъ губамъ и глазамъ, правильнымъ, не слишкомъ прищуреннымъ, но также заплывшимъ. Что же касается дѣтей, то конечно, самыя уродливыя обезьяны—красавцы въ сравненіи съ ними: это просто какіе то надутые пузыри, стоящіе на двухъ кривыхъ палочкахъ...

Весь этотъ людъ весело и радостно пищалъ, подпрыгивалъ, почти кривляясь, и тутъ же жадно уплеталъ подачки, которыя имъ дарили... Посудины ихъ и дно лодки около очага были наполнены небольшими рыбками, а особенно крабами и ракушками всевозможной величины — это ихъ обыкновенная пища"... [1]).



Туземная женщина съ Огненной Земли.

Такими же чертами описываетъ встрѣченныхъ имъ огнеземельцевъ Дарвинъ. „Это были самыя низкія и жалкія твари, которыхъ я когда либо видалъ. На восточномъ берегу туземцы прикрыты плащемъ изъ гуанако, на западномъ— они имѣютъ тюленьи шкуры. У центральныхъ племенъ мужчины обыкновенно носятъ выдровую шкуру, или какой-нибудь маленькій лоскутокъ, величиной съ карманный платокъ, едва достаточный для прикрытія спины до поясницы. Этотъ лоскутокъ привязанъ черезъ грудь веревкой и, смотря потому, откуда дуетъ вѣтеръ, передвигается изъ стороны въ сторону. Встрѣченные же нами пешересы въ лодкѣ были совершенно наги, въ томъ же видѣ была даже одна взрослая женщина. Шелъ сильный дождь, и по ея тѣлу струилась дождевая вода, вмѣстѣ съ морскими брызгами. Въ другой, не очень отдаленной бухтѣ, женщина, кормившая грудью новорожденнаго ребенка, подошла однажды къ судну и оставалась на мѣстѣ единственно изъ любопытства, а между тѣмъ мокрый снѣгъ, падая, таялъ на ея голой груди и на тѣлѣ ея голаго малютки! Эти бѣдняки были какими то недорослками; ихъ безобразныя лица измараны бѣлой краской, кожа засалена и грязна, волосы всклокочены, голоса нестройны, а движенія необузданы. При видѣ такихъ людей едва можно вѣрить, что это наши ближніе и живутъ въ одномъ мірѣ съ нами". [2])

Ростъ огнеземельцевъ дѣйствительно небольшой. Веддель [3]) измѣрилъ встрѣченныхъ имъ туземцевъ и нашелъ для одного мужчины 5 ф. 4 дюйма, для другого 5 ф. 5 д. Черты лица и форма головы напоминаютъ другихъ туземцевъ Америки. Небольшіе носы, малень-

[1]) Іонинъ. По южной Америкѣ.

[2]) Ч. Дарвинъ. Путешествіе вокругъ свѣта.

[3]) Weddel, Reise in das südliche Polarmeer.

кіе глаза, хорошо развитая грудь, но слабыя руки и тонкія уродливыя ноги свойственны почти всѣмъ, вѣроятно, потому что они больше сидятъ, преимущественно на корточкахъ и мало двигаются въ своихъ лодкахъ. Женщины выглядятъ лучше. У нѣкоторыхъ встрѣчаются даже пріятныя лица, и нерѣдко онѣ живѣе и наблюдательнѣе мужчинъ. Лодки ихъ, уже описанныя выше, имѣютъ до 12 футовъ въ длину и болѣе, при 2 футахъ слишкомъ въ ширину. Внутреннее устройство лодки обличаетъ извѣстный порядокъ, такъ какъ по длинѣ она раздѣляется на отдѣленія: въ переднемъ лежатъ необходимыя для промысла орудія и снаряды, въ слѣдующемъ помѣщаются женщины гребцы, затѣмъ слѣдуетъ отдѣленіе, гдѣ скопляется вычерпываемая вода; мужчины сидятъ въ своемъ особомъ отдѣленіи, за которымъ слѣдуетъ опять помѣщеніе для женщинъ, гребущихъ со стороны кормы, которая въ свою очередь служитъ складомъ для остального скарба. Копья лежатъ обыкновенно на готовѣ поперекъ носа.

На сушѣ хижины ихъ объемомъ и размѣрами похожи на копны сѣна. Обыкновенно шалашъ состоитъ изъ нѣсколькихъ сучьевъ, воткнутыхъ въ землю и очень плохо прикрытыхъ съ одной стороны нѣсколькими клоками травы и тростника. Все это можно устроить меньше, чѣмъ въ часъ, да и пользуются подобнымъ жильемъ всего нѣсколько дней На западномъ берегу хижины лучше, такъ какъ, вмѣсто травы, покрыты тюленьими шкурами.

Оружіе и утварь ихъ просты и немногочисленны. Самымъ обычнымъ оружіемъ является праща, представляющая ремень изъ тюленьей или выдровой кожи со скрученными и связанными узломъ кишками, длиной въ 3 фута. Они владѣютъ ею настолько плохо, что любой европеецъ не отстанетъ отъ нихъ въ искусствѣ метанія. Копья или дротики имѣютъ въ длину до 7 ф., сдѣланы изъ подогнанныхъ кусковъ костей съ острымъ концомъ, который въ разстояніи 4 дюймовъ отъ острія несетъ загнутый назадъ отростокъ. Другого рода дротики сдѣланы изъ дерева, снабжены часто зазубренными наконечниками и бываютъ длиной до 10 футовъ. Костяной наконечникъ пускаетъ отъ себя длинный ремень, за который дротикъ и пораженное имъ животное можно притянуть къ себѣ. Эта острога или гарпунъ употребляется при всякой охотѣ. Луки ихъ длиной 3 ф. 8 д. сдѣланы изъ крѣпкаго, гибкаго и хорошо отполированнаго дерева. Тетивой служитъ тюленій ремень или витая кишка. Стрѣлы крѣпкія, гладкія, длиной въ 25 д., несутъ на своемъ верхнемъ расщепленномъ концѣ крѣпко привязанное трехугольное каменное остріе. Кромѣ этого у туземцевъ встрѣчается еще нѣчто вродѣ кинжала, представляющаго деревянную рукоятку, въ которую, какъ у стрѣлъ, вставленъ и привязанъ кусокъ остраго кремня. Посуда и утварь ограничивается, главнымъ образомъ, корзинами, сплетаемыми очень плотно и искусно изъ крѣпкихъ травъ. Главнымъ украшеніемъ являются ожерелья изъ яркихъ, ровно подобранныхъ маленькихъ раковинъ, которыя нанизываются на тонкій, прочный шнурокъ черезъ отверстія, просверленыяы у ихъ открытой стороны. Часто ожерелье не толще обыкновенной веревки, но длинно, такъ что наматывается въ пять и болѣе рядовъ; тонкость и изящество работы такъ велико, что съ трудомъ вѣрится, какъ можно его сдѣлать однѣми только руками. Огонь туземцы добываютъ въ рѣдкихъ случаяхъ, когда тщательно оберегаемое пламя потухнетъ въ кострѣ на днѣ лодки или у шалаша, посредствомъ тренія куска мѣднаго колчедана съ кремнемъ; получающіяся при этомъ искры подхватываются чѣмъ то вродѣ трута изъ сухого моха.

Питаются огнеземельцы большею частью слизняками, отыскиваемыми на берегу, крабами, рыбой. Добываніе пищи вынуждаетъ ихъ постоянно мѣнять свое мѣстопребываніе. Но, время отъ времени, они возвращаются къ старымъ мѣстамъ, какъ это видно по кучамъ старыхъ раковинъ—настоящія „кухонныя кучи“. Эти груды легко различить на большомъ разстояніи по ярко-зеленому цвѣту извѣстныхъ растеній, неизмѣнно растущихъ на нихъ. Ночью дикари, скучившись по пяти, по шести, голые или едва прикрытые отъ дождя и вѣтра, спятъ на сырой землѣ, свернувшись, подобно животнымъ. Во время отлива, какъ

въ зимнее, такъ и въ лѣтнее время, днемъ или ночью, имъ необходимо вставать, чтобы набрать раковинъ по утесамъ. Женщины собираютъ яйца птицъ или терпѣливо сидятъ въ лодкахъ, вытаскивая съ помощью незатѣйливой удочки маленькихъ рыбъ. Если убитъ тюлень или открытъ выброшенный на берегъ трупъ кита, то это уже праздникъ. Къ этой жалкой пищѣ присоединяются еще лѣсныя ягоды и нѣкоторые съѣдобные грибы. Голодать дикарямъ приходится очень часто. Продолжительная буря и сильный прибой нерѣдко не позволяютъ женщинамъ собирать обычную пищу на берегу, и нѣтъ возможности выйти въ море за тюленями. Весьма возможно, что въ предвидѣніи подобныхъ случаевъ туземцы устраиваютъ себѣ запасы изъ сала и мяса кита или тюленя, которое они не въ состояніи сожрать, закапывая его въ песокъ. Въ моменты острой голодовки, когда и эти запасы вонючаго, гнилого сала исчерпаны, дикари, повидимому, превращаются въ людоѣдовъ, т. е. убиваютъ и пожираютъ старыхъ женщинъ, а потомъ собакъ, которыхъ цѣнятъ выше, такъ какъ по ихъ словамъ „собаки ловятъ выдръ, а старухи нѣтъ“. Несчастныхъ лишаютъ жизни, держа ихъ надъ дымомъ костра до удушенія. Какъ у всѣхъ такихъ племенъ, всѣ необходимыя работы составляютъ удѣлъ женщинъ. Онѣ гребутъ въ лодкахъ въ то время, какъ мужчины сидятъ совершенно праздно, онѣ собираютъ слизней по утесамъ, возятся съ дѣтьми, строятъ шалаши, словомъ дѣлаютъ все, что только требуетъ усилій. Нельзя сказать, чтобы отношенія между мужьями и женами, между родителями и дѣтьми носили грубый характеръ. Часто въ этихъ случаяхъ наблюдали признаки привязанности, любовь къ дѣтямъ и къ другимъ членамъ семьи, но чувства эти не представляютъ прочности и легко исчезаютъ отъ вліянія мгновенно вспыхнувшей страсти. Такъ, Байронъ былъ свидѣтелемъ слѣдующаго случая на западномъ берегу: онъ видѣлъ несчастную мать, подымавшую своего окровавленнаго и умирающаго ребенка, котораго безчеловѣчный отецъ швырнулъ о камни за то, что онъ уронилъ корзину съ собранными яйцами. Бракъ заключается просто посредствомъ обмѣна подарками. Мужчины обладаютъ нѣсколькими женами, въ которыхъ цѣнятъ, главнымъ образомъ, рабочую силу. При всей малочисленности своей, при разобщенности и жизни отдѣльными семьями, туземцы Огненной Земли дѣлятся все-таки на племена, говорящія на особыхъ нарѣчіяхъ, имѣющія свои территоріи, отдѣленныя пустынными полосами нейтральной земли. Они имѣютъ ясное представленіе о мѣновой торговлѣ, какъ это неоднократно выяснялось при сношеніяхъ съ ними. Но понятіе о собственности развито слабо, и среди нихъ не разъ наблюдали наивный коммунизмъ низшихъ расъ. „Я подарилъ,—разсказываетъ Веддель,—одному изъ нихъ бѣлую фланелевую рубаху, которую онъ тотчасъ надѣлъ и радостно прыгалъ въ ней среди своихъ спутниковъ. Къ подарку всѣ отнеслись съ большимъ вниманіемъ: каждый поносилъ рубаху 10—12 минутъ, затѣмъ они разодрали ее на полосы съ добросовѣстнымъ разсчетомъ, чтобы каждый получилъ свою долю“.

Чего-нибудь вродѣ внутренняго строя у туземцевъ Огненной Земли не замѣчено, нѣтъ также вождей, старшинъ или предводителей, въ чемъ, вѣроятно, не ощущается надобности, такъ какъ они живутъ кучками въ 10—12 душъ, составляющихъ семью. Вѣрованія заключаются въ страхѣ передъ духами, которыми являются обыкновенно умершіе Никакихъ идоловъ, амулетовъ и обрядовъ не существуетъ, хотя у нихъ встрѣчали знахарей, обязанность которыхъ изгонять изъ больныхъ злыхъ духовъ. Тѣла умершихъ туземцы иногда хоронятъ въ лѣсахъ и ущельяхъ скалъ.

Несмотря на то, что наблюденіе надъ жизнью подобныхъ низко стоящихъ дикарей имѣютъ величайшую важность для науки о человѣкѣ, огнеземельцевъ изучали очень мало. Свѣдѣнія о нихъ отрывочны и часто противорѣчивы.

Туземныхъ обитателей Огненной Земли дѣлятъ обыкновенно на три племени. По Отто Норденскіельду, классификація эта можетъ быть сведена къ двумъ лишь группамъ: яганы и алакалуфы съ одной стороны, она—съ другой. Первыя два племени, къ

которымъ относится названіе огнеземельцы, пешересы, фуеджійцы, хотя и говорятъ на различныхъ нарѣчіяхъ, но въ антропологическомъ отношеніи очень сходны между собою и ведутъ одинаковый образъ жизни; мы только что ознакомились болѣе или менѣе подробно съ ними. Племя о н а, наоборотъ, совершенно игнорируетъ искусство мореплаванія и обитаетъ исключительно въ степяхъ и лѣсахъ.

Изученіе племени о н а крайне затрудняется ихъ бродячимъ образомъ жизни. Будучи очень пугливы, они убѣгаютъ, лишь только замѣтятъ въ безконечной дали степей группу всадниковъ, спрятавъ предварительно въ безопасное мѣсто женщинъ, дѣтей и домашній свой скарбъ. Лишь разсмотрѣвъ хорошенько новоприбывшихъ, они рѣшаются покинуть свое убѣжище. Во время своихъ экскурсій Норденскіельдъ, въ большинствѣ случаевъ, проходилъ совсѣмъ близко возлѣ стойбищъ о н а, но видѣть ихъ не могъ. Однажды въ лѣсу онъ наткнулся на бивуачный костеръ, только что оставленный повидимому, но не смотря на поиски, такъ и не могъ найти туземцевъ, скрывавшихся въ сосѣднихъ кустахъ. Видѣть ихъ можно лишь въ полукультурномъ уже состояніи въ миссіи Ріо-Гранде, въ Пунта Аренасъ и Учуайя, да въ э с т а н ц і а с ъ, гдѣ они несутъ обязанности прислуги.

Она представляютъ красивую расу, удивительно пропорціонально сложенную. Ростъ ихъ, въ среднемъ, равенъ 1,75 метра, т. е. выше роста любого изъ еврейскихъ народовъ. Симпатичная физіономія украшена пріятными глазами и очень бѣлыми зубами. Кожа ихъ темная, обыкновенно красноватаго оттѣнка, иногда же бываетъ свѣтлѣе. Цвѣтъ ея напоминаетъ часто цвѣтъ кожи европейца, покрытой солнечнымъ загаромъ. Но такъ она выглядятъ лишь на волѣ; въ поселеніяхъ европейцевъ они имѣютъ видъ забитый и приниженный.

Она поддерживаютъ свое существованіе охотой на гуанако. Переходя для этого съ мѣста на мѣсто и не имѣя въ равнинахъ никакого строительнаго матеріала, они укрываются въ загородкахъ изъ вѣтокъ, съ накинутыми на нихъ со стороны вѣтра нѣсколькими шкурами. Ни одинъ народъ не влачитъ такого жалкаго существованія; при этомъ слѣдуетъ еще имѣть въ виду, что температура здѣсь въ теченіе нѣсколькихъ недѣль держится ниже нуля, спускаясь по временамъ до—15°. Для такихъ холодовъ она, какъ впрочемъ и всѣ вообще племена, населяющія Огненную Землю, одѣты крайне недостаточно. Они просто закутываются въ одежду вродѣ плаща, большею частью изъ кожи гуанако, иногда изъ лисьихъ шкуръ, удерживаемаго на тѣлѣ отчасти шнуркомъ, отчасти руками. Сидя на корточкахъ, вокругъ дымящагося очага, въ своихъ открытыхъ для вѣтра и непогоды загородкахъ, они сбрасываютъ даже и эту одежду. Дѣти остаются нагими даже и тогда, когда снѣгъ покроетъ землю. Головнымъ покровомъ имъ служитъ естественная шевелюра, и лишь въ видѣ украшенія они употребляютъ иногда треугольный кусокъ шкуры гуанако.

На шеѣ и рукахъ женщины носятъ ожерелья и браслеты изъ мелкихъ птичьихъ костей, ракушекъ, черныхъ зеренъ. Нечего и говорить, что на Огненной Землѣ, какъ и вездѣ вообще, стеклянныя бусы представляютъ наибольшую приманку для дочерей Евы. За такое ожерелье онѣ готовы отдать самые необходимые предметы своего хозяйства.

Домашняя утварь она чрезвычайно проста. Глиняной посуды у нихъ нѣтъ; они употребляютъ лишь плетеныя изъ тростника корзины. Для зажиганія огня служитъ кремень, трутъ и кусокъ сѣрнаго колчедана. Оружіе ихъ состоитъ изъ лука и стрѣлъ, наконечники которыхъ часто состоятъ изъ осколка камня. Сѣти для рыбной ловли плетутся изъ жилъ гуанако, а западни для птицъ очень искусно приготовляются изъ китоваго уса. Пищей дикарямъ служитъ мясо гуанако и т у к о т у к о или гребневика (Aenomys Brasilinesis, маленькій грызунъ съ нравами крота); лисица, родъ большой крысы и птицы дополняютъ ихъ меню. Во время отлива они бродятъ по песчанымъ отмелямъ и ловятъ застрявшую между камнями рыбу. Лакомымъ блюдомъ у нихъ считается также крупная голубая ракушка. Но она употребляютъ также и растительную пищу. Они отыскиваютъ растительныя зерна и,

истолокши ихъ, дѣлаютъ лепешки, затѣмъ ѣдятъ какой то грибъ величиной съ вишню, очень будто бы вкусный, и наконецъ, листья и побѣги большинства растеній. Нечего и говорить, что они не брезгаютъ и яйцами, когда случается найти ихъ. Но лучшее лакомство для нихъ—мясо кита. Когда одно изъ этихъ животныхъ бываетъ выброшено на берегъ, то вокругъ него устраивается грандіозное пиршество; со всѣхъ сторонъ собираются дикари, спѣша принять въ немъ участіе, потому что такую добычу имъ случается получать не часто.

Туземцы эти, даже и послѣ знакомства съ бѣлыми, не употребляютъ ни табаку, ни спиртныхъ напитковъ, ни чая или кофе. Попавшіе въ Пунта-Аренасъ въ качествѣ плѣнниковъ долго оставались равнодушны и къ спирту, и къ табаку. Но Норденскіельдъ видѣлъ уже здѣсь нѣсколькихъ туземцевъ, курившихъ сигары. Рѣчные индѣйцы представляютъ въ этомъ отношеніи поразительный контрастъ съ она, такъ какъ охотно пьютъ водку и вѣчно выпрашиваютъ табакъ. Вообще это племя развитѣе и стоитъ гораздо выше другихъ дикарей, о чемъ лучше всего свидѣтельствуютъ ихъ ловкость и изобрѣтательность въ области охоты и рыбной ловли, а также легкость, съ какою они поддаются культурѣ при соприкосновеніи съ бѣлыми. Норденскіельдъ разсказываетъ объ одномъ индѣйцѣ, который, проживъ у бѣлаго шесть мѣсяцевъ, научился говорить по англійски и по испански. Этотъ прилежный, внимательный и понятливый юноша былъ идеальнымъ слугой, какого не найти въ цивилизованныхъ странахъ. Вообще, повидимому, они весьма способны къ изученію именно языковъ; такъ, тамъ же путешественникъ встрѣтилъ другого юношу она, который говорилъ по нѣмецки, англійски и испански. При ихъ понятливости, имъ стоитъ поучиться немного, чтобы сдѣлаться превосходными поварами или слугами. Взрослые индѣйцы также легко обучаются ремесламъ и являются хорошими работниками.

Индѣецъ племени она.

Она по преимуществу бродячіе охотники. Принадлежа всѣ къ одной расѣ и говоря на мало различающихся между собою нарѣчіяхъ, они образуютъ нѣсколько племенъ, иногда враждующихъ между собою. Племя рѣдко живетъ все вмѣстѣ. По большей части оно дѣлится на группы по нѣсколько семей. Главнымъ занятіемъ ихъ является добываніе пищи, преимущественно охота на гуанако. При этой охотѣ лучшіе стрѣлки обыкновенно располагаются на тропахъ, по которымъ обыкновенно ходятъ гуанако, а остальные гонятъ на нихъ звѣря. Рѣдко случается, чтобы охотникъ далъ промахъ; въ такомъ случаѣ охотники пускаютъ по слѣду собакъ, которыя быстро овладѣваютъ добычей.

Какъ и у другихъ дикарей, на долю женщинъ она выпадаетъ больше всего хлопотъ: онѣ должны заботиться и о дѣтяхъ, и о хозяйствѣ, собирать ракушки, ловить туко-туко. Онѣ изслѣдуютъ почву длинными заостренными палками, чтобы опредѣлить мѣсто нахожденія животнаго. Найдя нору, онѣ кладутъ на ея отверстіе камень или какой либо другой замѣтный предметъ и уходятъ. Обезпокоенное шумомъ животное забирается между тѣмъ въ самыя глубокія галлереи норы. Вернувшись потихоньку черезъ нѣкоторое время, жен-

щины уминаютъ пятками землю, обрушивая такимъ образомъ переходы норы; затѣмъ остается только выкопать изъ подъ земли добычу.

Въ этой области чрезвычайно часто попадается гуанако. На нѣкоторыхъ горахъ встрѣчаются стада въ нѣсколько тысячъ головъ. Гуанако самое крупное животное въ странѣ. Онъ достигаетъ 1,6 метра вышины и 2,3 метра длины. Туземцы усердно охотятся за ними верхомъ, при помощи собакъ, такъ какъ огнестрѣльнаго оружія у нихъ нѣтъ. Мясо и кожа старыхъ животныхъ для употребленія не годятся, поэтому охотятся только на молодыхъ. Изъ кожи ихъ дѣлаютъ плащи, такъ называемые квиланго, служащіе главнымъ предметомъ вывоза изъ страны. Для изготовленія такого плаща нужно 13 шкурокъ, и въ Пунта Аренасъ онъ стоитъ нерѣдко до 50 франковъ. Охота производится въ ноябрѣ и декабрѣ, и занимаются ею главнымъ образомъ индѣйцы, для которыхъ она составляетъ довольно важный источникъ дохода Бѣлые, впрочемъ, также не пренебрегаютъ этимъ занятіемъ.

По вечерамъ вся семья собирается обыкновенно вокругъ бивуачнаго костра, подкрѣпиться пищей и поболтать. Иногда женщины затягиваютъ заунывную пѣсню. Тогда же разсказываются, обыкновенно, сказки. Какъ у всѣхъ народовъ, у нихъ существуетъ сказаніе о сотвореніи ихъ племени. „Нѣкогда,—повѣствуетъ она,—земля была населена бородатыми людьми, похожими на бѣлыхъ. Тогда еще солнце и луна жили на землѣ, какъ мужъ и жена. Но люди были злы, затѣяли войну, и небесные жители ушли съ земли на небо, откуда послали на землю большую, красную и блестяшую звѣзду (Марсъ), которая для этого путешествія приняла видъ великана. Великанъ прибылъ съ огромнымъ мѣшкомъ, „гораздо большимъ, чѣмъ тѣ, въ которыхъ хранятся сухари, раздаваемые миссіонерами“. Всѣ жившіе тогда люди были переловлены и убиты. Потомъ онъ сдѣлалъ изъ глины два большихъ комка и положилъ другъ возлѣ друга. Черезъ три лунныхъ мѣсяца изъ нихъ вышли мужчина и женщина, ставшіе родоначальниками племени она“.

Относительно религіи этого народца нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Солце и луна, по ихъ мнѣнію, могущественные владыки, вліящіе на поступки людей; но въ чемъ выражается это вліяніе—мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

Въ большинствѣ случаевъ туземцы очень любятъ своихъ женъ и дѣтей. У нихъ существуетъ многоженство. Нерѣдко мужчина обладаетъ тремя женами, на которыхъ и возлагаетъ всѣ работы. По ихъ мнѣнію, въ этомъ и заключается прежде всего назначеніе женщины. Характеренъ взглядъ одного индѣйца на этотъ предметъ. „Не могу понять, говорилъ онъ, что за удовольствіе бѣлымъ вѣчно работать. Печему бы имъ не заводить больше женъ, которыя и несли бы на себѣ бремя труда“?

Когда кто-либо изъ нихъ заболѣваетъ, всѣ обитатели хижины усаживаются вокругъ него и затягиваютъ пѣсню, въ ожиданіи появленія колдуна, который принадлежитъ обыкновенно къ тому же племени и пользуется среди него извѣстнымъ авторитетомъ. Единственный лечебный пріемъ, извѣстный имъ, это массажъ. Случается, что во время этой операціи, занимающійся ею человѣкъ вскакиваетъ больному на грудь босыми ногами и начинаетъ немилосердно топтаться не только по тѣлу, но и по головѣ. Въ своей наивности она полагаютъ, что всякая болѣзнь является слѣдствіемъ того, что злой духъ проникаетъ въ тѣло, и потому вся задача сводится къ тому, чтобы его изгнать, подобно тому, какъ, напримѣръ, выжимаютъ гной изъ нарыва. Точно такъ же просты у нихъ и погребальные обряды. Покойника, завернутаго въ плащъ, они хоронятъ тамъ, гдѣ онъ умеръ, а затѣмъ хижину переносятъ на другое мѣсто. Въ знакъ печали родственники и, прежде всего, вдовы дѣлаютъ у себя на бедрахъ острыми камнями надрѣзы,—операція, при которой онѣ теряютъ не мало крови.

Какъ ни тяжела и убога жизнь туземцевъ, особенно зимой, когда ихъ вѣчно преслѣдуетъ голодъ, все же они могли бы съ успѣхомъ вести борьбу за существованіе, если бы не преслѣдованія, которымъ они подвергаются со стороны бѣлыхъ.

Если бы первые колонисты обращались съ ними хорошо и помогли имъ развиваться и цивилизоваться, то дикари эти явились бы вскорѣ полезными подданными южно-американскихъ республикъ. Но вмѣсто того несчастные туземцы становились жертвой жадныхъ эксплоататоровъ, которые преслѣдовали и истребляли ихъ, какъ хищныхъ звѣрей. Экспедиціи Листы и Поппера, отправившіяся изъ Аргентины въ 1886 году для изслѣдованія Огненной Земли, причинили дикарямъ много бѣдъ. Листа охотился за ними, какъ за дичью, желая добыть себѣ одного изъ нихъ въ проводники. Такъ какъ бѣдные дикари пробовали защищаться съ помощью своихъ стрѣлъ, то бѣлые разстрѣливали ихъ безъ пощады. Такимъ образомъ началась жестокая война. Преслѣдуемые защищались храбро и, какъ только позволяли силы, нападали на бандитовъ, такъ нагло распоряжавшихся въ ихъ землѣ. Но что могли подѣлать жалкіе луки и стрѣлы противъ магазинокъ Винчестера!

За Листой и Попперомъ хлынула волна авантюристовъ, гонимыхъ жаждою золота. Они также обходились съ дикарями жестоко. Она мстили тѣмъ, что угоняли лошадей золотоискателей, а тѣ въ свою очередь, въ отместку за это, убивали каждаго дикаря, попадавшаго въ ихъ руки. Установилась даже такса: пять дикарей за угнанную лошадь. Съ своей стороны индѣйцы внимателяно слѣдили за своими мучителями, и стоило которому нибудь изъ нихъ отдѣлиться отъ товарищей, какъ они внезапно нападали на него и убивали. И не мало костей золотоискателей бѣлѣетъ въ степной травѣ.

За золотоискателями явились колонисты. Въ Порвенирѣ и Генте-Гранде, старѣйшихъ поселеніяхъ Огненной Земли, занимаются разведеніемъ овецъ. Сначала отношенія между колонистами и туземцами были самыя дружественныя. Колонисты дарили имъ пищевые продукты, стеклянныя бездѣлушки и проч. Но вскорѣ овцеводы стали съ удивленіемъ замѣчать, что стада ихъ все уменьшаются, не смотря на то, что болѣзней среди животныхъ никакихъ не замѣчалось, и нигдѣ не видно было труповъ павшихъ животныхъ. Загадка, однако, скоро разъяснилась, когда замѣтили, что дикари, вмѣсто шкуръ гуанако, стали употреблять въ качествѣ одежды овечьи шкуры. Колонисты пытались усовѣстить дикарей, но напрасно. Земля, отвѣчали тѣ, принадлежитъ нашему племени, а вмѣстѣ съ землей и обитающія на ней животныя. Терпѣніе не принадлежало къ числу добродѣтелей переселенцевъ, и они пустили въ ходъ ружье. Дикарей это, однако, не удержало. Хорошо приспособленные къ мѣстности, они съ ловкостью преслѣдующаго добычу хищника подкрадывались къ стадамъ и похищали часть ихъ. Такъ въ эстанціа Спрингхилль въ первый же годъ было похищено свыше двухъ тысячъ овецъ, что причинило владѣльцу ихъ не менѣе пятидесяти тысячъ франковъ убытка.

Въ 1893 году колонизація распространилась и на область Бахіа Инутиль. Вся удобная земля занята была овцами. Тѣснимые со всѣхъ сторонъ, индѣйцы принуждены были укрываться въ горахъ и лѣсахъ. Лѣтомъ еще, послѣ долгихъ поисковъ, они находили себѣ здѣсь пропитаніе, но зимой наступала голодовка. Они не имѣли болѣе возможности посѣщать берега для собиранія ракушекъ, изъ замерзшей земли нельзя было выкапывать туко-туко. Въ добавокъ и усиленно истребляемые гуанако сдѣлались очень рѣдки. Такимъ образомъ, для поддержанія существованія, имъ не оставалось ничего, кромѣ воровства. Имъ платили за него пулями, но никакая опасность не можетъ удержать голоднаго!

Тутъ начинается послѣдній актъ этой драмы, борьбы беззащитныхъ дикарей, которыхъ цивилизація, преслѣдующая ихъ безъ пощады, превратила въ шайку разбойниковъ и грабителей. И этотъ послѣдній актъ прямо ужасенъ. Чтобы избавиться отъ своихъ сосѣдей, бѣлые не останавливаются даже передъ употребленіемъ стрихнина!

Въ то время какъ колонисты съ такой жестокостью завоевываютъ Огненную Землю, миссіонеры ведутъ тамъ свою проповѣдь и вносятъ истинную цивилизацію. Въ 1888 году

*

монахи салезіенцы основали школу въ Портъ Гариссъ, на островѣ Даусонъ, а въ 1894 г. они расширили свою дѣятельность среди она, устроивъ въ Ріо-Гранде домъ трудолюбія и школу.

По словамъ Норденскіельда, миссіонеры достигли прекрасныхъ результатовъ. Дѣти получаютъ первоначальное образованіе и обучаются ремесламъ, дѣвочки рукодѣльямъ. Среди взрослыхъ она встрѣчаются дѣльные дровосѣки, плотники, каменщики, пастухи. Миссіонеры обучаютъ дикарей по-испански и совершенно игнорируютъ ихъ родной языкъ, что едва ли содѣйствуетъ успѣху ихъ дѣятельности. Салезіенцы пытаются привить своимъ питомцамъ любовь къ музыкѣ, упражняя ихъ на тромбонахъ и корнетъ-а-пистонахъ, такъ какъ музыка, по ихъ словамъ, облагораживаетъ нравы. Однако юные она остаются нечувствительны къ ея прелестямъ и нерѣдко бѣгутъ, чтобы начать кочевую жизнь въ пустынѣ, которая, не смотря на лишенія, является мечтой всякаго дикаря.

Если туземцамъ она угрожаетъ опасность полнаго уничтоженія, благодаря жестокости бѣлыхъ, то ягановъ уже постигла эта участь: отъ этого племени въ настоящее время сохранилось всего лишь нѣсколько человѣкъ. Такъ среди равнинъ остаются иногда отдѣльные утесы, единственные свидѣтели существованія здѣсь мощныхъ возвышенностей, камень по камню уничтоженныхъ дѣйствіемъ разрушительныхъ элементовъ.

Въ 1870 году ягановъ было еще около 3.000, спустя четырнадцать лѣтъ число это сократилось приблизительно до 940, а въ 1895 году оно уже не превышало 300 человѣкъ. Какъ и вездѣ на земномъ шарѣ, среди дикарей, послѣ соприкосновенія ихъ съ бѣлыми, стали свирѣпствовать всевозможныя заразныя болѣзни, сильно сокращающія ихъ число. Напримѣръ, въ 1884 году, спустя нѣсколько недѣль послѣ того, какъ завязались сношенія между селеніемъ Ихуайя и внѣшнимъ міромъ, тамъ разразилась эпидемія кори, быстро уничтожившая большую часть населенія, причемъ она поражала всѣхъ—и дѣтей, и взрослыхъ безъ разбора. Немало также опустошеній производитъ среди ягановъ воспаленіе легкихъ.

Яганы не похожи на дикарей, какихъ обыкновенно описываютъ старые путешественники; подъ вліяніемъ миссіонеровъ они достигли уже извѣстной степени цивилизаціи. Теперь вообще нельзя болѣе встрѣтить первобытныхъ дикарей нигдѣ, кромѣ береговъ Дарвинова пролива, на которомъ, по разсказамъ, обитаетъ еще нѣсколько семей, вѣрныхъ старымъ обычаямъ, хотя и посѣщающихъ миссіи. Большинство индѣйцевъ говоритъ немного по-англійски. Нѣкоторые изъ нихъ живутъ въ хижинахъ, но большинство продолжаетъ довольствоваться убогими шалашами.

Еще въ недавнія времена Огненную Землю посѣщали лишь мимоплывущія суда. Постоянныхъ бѣлыхъ поселенцевъ тамъ не было. Даже миссіонеры, пытавшіеся начать свою просвѣтительную дѣятельность среди туземцевъ, не въ состояніи были вынести ужаснаго одиночества и безплодія этой суровой страны. Но постепенно, съ заселеніемъ Южной Аргентины и Чили, бѣлые стали заглядывать и сюда. Открытіе золота и пригодность страны для овцеводства привлекли сюда вскорѣ первыхъ поселенцевъ. Возникли фермы, поселенія, даже города, среди которыхъ первое мѣсто принадлежитъ городку Пунта Аренасъ.

Магеллановъ проливъ, на берегу котораго расположенъ Пунта-Аренасъ, имѣетъ весьма важное значеніе для торговли, такъ какъ во первыхъ сокращаетъ на цѣлыхъ 300 миль разстояніе между Монтевидео и Вальпарайсо, и во вторыхъ позволяетъ кораблямъ избѣгать опасныхъ мѣстъ возлѣ мыса Горнъ. На большей части своего протяженія проливъ вполнѣ пригоденъ для плаванія, и лишь восточный его конецъ представляетъ нѣкоторыя затрудненія, благодаря песчанымъ мелямъ и быстрымъ теченіямъ. Однако почти постоянныя затишья являются для парусныхъ судовъ серьезнымъ препятствіемъ, точно также, какъ и дожди, которые здѣсь очень часты; такъ, въ одинъ годъ было цѣлыхъ 361 дождливый день, а солнце показывалось лишь 12 разъ.

Первая колонія на берегахъ Магелланова пролива была основана въ 1843 году, на мѣстѣ Портъ-Фаминъ, покинутомъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ назадъ; затѣмъ въ 1849 году поселеніе было перенесено въ Пунта-Аренасъ и до 1877 года служило преимущественно мѣстомъ ссылки. Но благодаря своему положенію новый городъ быстро достигъ извѣстнаго благосостоянія. Въ самомъ дѣлѣ, онъ являлся единственнымъ обитаемымъ мѣстомъ между Монтевидео и Талькахуано, на пространствѣ 3000 морскихъ миль, и потому всѣ крупныя суда обыкновенно останавливаются тамъ въ пути, хотя мѣстный рейдъ и не особенно удобенъ для стоянки судовъ, т. к. открытъ восточнымъ вѣтрамъ, и въ бурю сообщеніе кораблей съ моремъ совершенно прерывается.

Въ 1877 году ссыльные, вмѣстѣ со своими сторожами, произвели возстаніе, сожгли и разгромили городъ, а часть жителей перебили. Возстаніе было жестоко подавлено, и чтобы избѣгнуть на будущее время подобныхъ происшествій, чилійское правительство рѣшило ограничить количество ссыльныхъ. Слѣды разрушенія быстро изгладились, такъ какъ открытіе золота, а затѣмъ распространеніе овцеводства привлекли массу новыхъ колонистовъ, оживили торговлю, и теперь Пунта-Аренасъ является торговымъ центромъ для цѣлаго ряда мелкихъ чилійскихъ и аргентинскихъ городковъ.

Посреди Пунта-Аренасъ, какъ и посреди всѣхъ вообще городовъ Южной Америки, расположена площадь, служащая для прогулокъ и для сборищъ въ большіе праздники. Нельзя сказать, чтобы муниципалитетъ раззорился на украшеніе этой площади: на ней нѣтъ ни деревьевъ, ни скамеекъ, ни памятниковъ; имѣется лишь простая баллюстрада. Ее окружаютъ большія зданія, изъ которыхъ иныя не безъ претензій на красоту. Съ одной стороны возвышается громадный новый дворецъ губернатора, который, благодаря множеству большихъ оконъ, кажется ажурнымъ. Рядомъ съ нимъ помѣщается недостроенная церковь. Другую сторону площади занимаютъ дворцы двухъ мѣстныхъ богачей. Эти два испанца, явившіеся сюда тридцать лѣтъ назадъ безъ гроша въ карманѣ, теперь, каждый въ отдѣльности имѣетъ по нѣсколько милліоновъ пезо. Сначала они занимались мелочной торговлей, затѣмъ стали снабжать товарами небольшіе сосѣдніе порты, отправляя туда суда свои, превращенныя въ плавающія лавки. Такимъ образомъ они расширили свои операціи и, занимаясь сельскимъ хозяйствомъ, добычею золота и, главное, разведеніемъ овецъ, стали получать громадные доходы.

Рядомъ съ площадью находится полицейское управленіе, самое старое зданіе въ городѣ. Арестованные безъ труда могли бы бѣжать изъ этого полуразвалившагося дома, разрушивъ стѣну ударомъ кулака.

Въ общемъ, Пунта-Аренасъ совсѣмъ не имѣетъ вида городка, затеряннаго гдѣ то на концѣ свѣта; хотя большинство домовъ въ немъ деревянные, съ толевыми крышами, но многія постройки все таки очень хороши, и главная улица имѣетъ весьма приличный видъ. Въ этомъ отношеніи онъ могъ бы выдержать сравненіе съ любымъ большимъ городомъ. Зато пути сообщенія заставляютъ желать весьма многаго. Нѣтъ въ мірѣ другого города, гдѣ было бы такъ опасно ходить по ночамъ. На каждомъ шагу рискуешь сломать себѣ шею. По переписи 1895 года въ Пунта-Аренасъ насчитывалось 3100 жителей, въ большинствѣ иностранцевъ. Такимъ образомъ приростъ населенія здѣсь очень значителенъ, если сравнивать это число съ числомъ жителей въ 1890 году, когда ихъ было всего 1800.

Всѣ крупнѣйшія торговыя предпріятія принадлежатъ европейцамъ, главнымъ образомъ нѣмцамъ, англичанамъ и испанцамъ. Нѣкоторыя изъ этихъ предпріятій даютъ своимъ хозяевамъ громадные доходы. Теперь, впрочемъ, времена стали хуже, и будущее города не завидно; промышленность развита еще очень мало. Въ Пунта-Аренасъ есть нѣсколько лѣсопилокъ, пивоваренный и кирпичный заводы. Низшіе классы иностраннаго пришлаго населенія дѣлятся на такъ называемыхъ австрійцевъ, далматовъ, грековъ и итальянцевъ, занятыхъ портовыми работами, и на пеструю толпу всевозможныхъ дезеритровъ и авантю-

ристовъ. Часть изъ нихъ работаетъ или торгуетъ по мелочамъ, часть занимается золотоискательствомъ или пастьбою лошадей и скота. Чилійцы, хозяева страны, занимаютъ, разумѣется, всѣ должности; можно прямо сказать, что всѣ чилійцы чиновники. Во главѣ ихъ стоитъ губернаторъ, которому подчинена вся область. Въ „обществѣ" Пунта Аренасъ чилійцы занимаютъ совершенно обособленное положеніе, и только въ исключительныхъ случаяхъ они допускаютъ въ свою среду комерсантовъ побогаче. Кромѣ чиновниковъ, въ городѣ имѣется еще небольшое число чилійцевъ, занимающихся ремеслами.

Шотландскіе колонисты поселяются въ этой дикой странѣ, съ цѣлью заниматься въ крупныхъ размѣрахъ овцеводствомъ. Нельзя сказать, чтобы жизнь здѣсь доставляла имъ какія либо удобства: баракъ, построенный изъ вѣтвей и открытый для всѣхъ вѣтровъ, состоитъ изъ двухъ помѣщеній; одно служитъ столовой и въ то же время спальной для прислуги, другое является жилищемъ хозяевъ. Колонисты эти—народъ все энергичный; привыкнувъ къ извѣстной культурной жизни, они не колеблясь уходятъ отъ нея въ пустыню, чтобы тамъ скопить упорнымъ трудомъ значительное состояніе, а потомъ вернуться въ Шотландію и наслаждаться плодами рукъ своихъ. Почта въ эти пустыни попадаетъ лишь разъ въ мѣсяцъ, да и то приходится ее разыскивать за сотни километровъ. До Пунта-Аренасъ четверо сутокъ быстрой верховой ѣзды, а зимой туда, за разливомъ рѣкъ, и совсѣмъ не попасть. Для устройства здѣшнихъ фермъ нуженъ капиталъ въ 40000—55000 франковъ, такъ какъ квадратный километръ хорошей земли стоитъ 420 фр., а для фермы нужно не менѣе сотни квадратныхъ километровъ.

Овцеводство въ Патагоніи гораздо прибыльнѣе добычи золота или серебра. Первые принявшіеся за него колонисты,—теперь архимилліонеры. Нынѣшніе обладатели стадъ по 50 и 100 тысячъ головъ начали съ простыхъ пастуховъ. Но, чтобы достигнуть этого результата, нельзя было останавливаться ни передъ какими трудностями. Колонисты, поселившіеся въ лѣсистой мѣстности, все же имѣютъ нѣкоторое преимущество: окружающая природа достаточно богата, и есть много топлива, что совсѣмъ не лишнее, такъ какъ зимой температура падаетъ до 27 и 28 градусовъ ниже нуля. Степные колонисты находятся въ гораздо худшихъ условіяхъ: унылый монотонный пейзажъ способенъ навести меланхолію; до самаго горизонта ни кустика, ни деревца; лишь кой гдѣ равнина смѣняется волнистыми возвышенностями. На ихъ фонѣ изрѣдка маячатъ небольшія хижины поселенцевъ, возможно низкія для того, чтобы лучше уберечь ихъ отъ вѣтровъ. Но въ концѣ концовъ колонистамъ удается побѣдить природу, и спустя нѣсколько лѣтъ послѣ своего водворенія, они живутъ уже въ большихъ хорошихъ домахъ, окруженныхъ обильной растительностью.

Послѣ овцеводства важнѣйшее богатство страны составляетъ добыча золота. Присутствіе драгоцѣнныхъ металловъ открыто было въ 1870 году на берегахъ и въ руслѣ рѣкъ и прежде всего возлѣ Пунта-Аренасъ. Открытіе золота привлекло большое количество искателей; въ разное время находили богатыя розсыпи, но случалось это рѣдко. Между прочимъ въ 1894 году былъ найденъ самородокъ въ 194 грамма вѣсомъ. Трудно ожидать, чтобы Огненная Земля сдѣлалась когда нибудь вторымъ Клондайкомъ. Самыя богатыя розсыпи встрѣчаются въ рѣкахъ Парвенира, особенно въ Ріо-дель-Оро, а затѣмъ на островѣ Леноксѣ. На послѣднемъ наилучшую добычу взяли несчастные бѣдняки, потерпѣвшіе кораблекрушеніе. Въ 1890 и 1891 гг. на этомъ островѣ было добыто около 1200—1500 килограмовъ золота. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, на островъ хлынула масса золотоискателей, но старанія ихъ не увѣнчались успѣхомъ.

Изъ другихъ отраслей промышленности страны стоитъ упомянуть эксплоатацію лѣсовъ, которая особенно развита въ той части Огненной Земли, которая принадлежитъ Аргентинѣ. Въ этой мѣстности существуетъ нѣсколько лѣсопилокъ, обслуживающихъ безлѣсныя провинціи республики. Важное значеніе могло бы пріобрѣсти рыболовство, такъ какъ фьорды прямо кишатъ рыбой, но до сихъ поръ въ этомъ направленіи ничего не было

сдѣлано, и даже на китовъ, часто посѣщающихъ проливъ, никто еще не пытался охотиться. О земледѣліи въ крупныхъ размѣрахъ и рѣчи быть не можетъ. Въ мѣстностяхъ, защищенныхъ лѣсами, овесъ и рожь при хорошемъ уходѣ могутъ дозрѣть, но культура злаковъ въ широкихъ размѣрахъ немыслима, благодаря слишкомъ холодному лѣту. Никакая другая область, расположенная такъ далеко отъ полюса, не обладаетъ такимъ климатомъ. Въ общемъ, этотъ крайній пунктъ Южной Америки нельзя назвать Эльдорадо, и сдѣлать тамъ карьеру могутъ только очень энергичные люди.

Патагонцы.

Къ сѣверу отъ Магеланова пролива лежитъ та часть Аргентины, которая называется Патагоніей. Громадное пространство это простирается до рѣки Рio-Негро на сѣверѣ, отъ Атлантическаго океана до подножія Андъ на западѣ и раздѣляется на сѣверную, среднюю и южную Патагонію, границами которыхъ служатъ Рio-Сенгуелъ и Рio-Дезеадо. Отъ береговъ океана простирается далеко на западъ голая, подобная пустынѣ равнина, лишенная той высокой травянистой растительности, которая превращаетъ страны при Ла-Платѣ въ превосходныя пастбища. Однообразіе и пустоту не нарушаетъ ни единая лѣсная заросль; нѣтъ даже кустарника, какъ нѣтъ и одинокихъ деревьевъ, на которыхъ могъ бы остановиться блуждающій по безконечному пространству взоръ. Тяжелая желтоватая глина составляетъ почву, и мѣстами ее смѣняютъ розсыпи порфира и базальта, пространства, усѣянныя голышами, или же солончаки, посреди которыхъ видна лужа грязной воды съ выцвѣтами соли кругомъ. Между камней торчатъ кустики и стебли суховатой растительности, которая становится богаче и даже переходитъ въ колючіе кустарники по оврагамъ высыхающихъ потоковъ. Въ серединѣ лѣта солнце палитъ жестоко, зной невыносимъ, воздухъ,

Патагонецъ.

какъ свинецъ, давитъ грудь, и ни единаго дуновенія вѣтерка не приносится со стороны. Даже въ зимніе мѣсяцы сухость очень велика; дожди перепадаютъ рѣдко, никогда не представляя ливней, отъ которыхъ набухали бы сочащіяся по оврагамъ, высыхающія въ зной рѣчки. Круглый годъ царитъ засуха; бываетъ, что по году и по два не падаетъ ни одного дождя.

Къ западу, по направленію къ Андамъ, страна поднимается пологими уступами, и по мѣрѣ приближенія къ горамъ видъ ея мѣняется къ лучшему. У подножія горъ почва одѣта довольно богатой растительностью, создающей порой иллюзію тропической страны. Какъ ни сухъ воздухъ по эту сторону горъ, тѣмъ не менѣе гигантскія поднятія почвы заставляютъ воздухъ отдавать своимъ склонамъ значительныя количества влаги. Лѣса, рощи и луга одѣваютъ подножія и предгорія. Вытекающія изъ Андъ рѣки разсѣкли ихъ своими оврагами и даже образовали по своимъ берегамъ участки плодородной почвы. Самыя лучшія, вполнѣ годныя для земледѣлія пространства, или „кампосъ“, расположены въ долинѣ Ріо-Чико. Еще южнѣе степь пересѣкаютъ, направляясь къ востоку, какъ всѣ рѣки Патагоніи, многіе небольшіе ручьи, долины которыхъ нарушаютъ монотонный видъ степи. Эти рѣчки также сопровождаются вдоль своего теченія плодородными пространствами, которыя открываютъ возможность для поселенцевъ заняться здѣсь земледѣліемъ. Многія изъ этихъ рѣчекъ золотоносны. Какъ всѣ степныя рѣки, такъ и рѣки Патагоніи, среди которыхъ главными являются Ріо-Санта Круцъ, Ріо-Чико, Ріо-Галлегосъ и другія, подвержены сильнымъ колебаніямъ уровня воды. На западѣ колоссальная стѣна Андъ, съ высоко приподнятыми надъ пеленой темныхъ лѣсовъ снѣговыми вершинами, открываетъ нѣсколько проходовъ, по которымъ стада дикихъ гуанако прокладываютъ слѣды для немногихъ странствующихъ туда и сюда путниковъ, большею частью туземныхъ охотниковъ или мѣновыхъ торговцевъ.

Такова въ общихъ чертахъ Патагонія, страна „патагоновъ“, т. е. „ходящихъ на лапахъ“, какъ окрестили португальцы первыхъ видѣнныхъ ими туземцевъ, вообразивъ, что ихъ громадныя, обернутыя въ звѣриныя шкуры ноги представляютъ лапы. Патагонцы, которые пріобрѣли широкую популярность, благодаря своему высокому росту, размѣры котораго еще сумѣли увеличить словоохотливые путешественники, сами себя называютъ тегуельчи, чегуельчи, также чунки. Они распадаются на двѣ большихъ группы, одна изъ которыхъ занимаетъ пространство между рѣками Чубутъ и Лимай, а другая обитаетъ къ югу отъ нихъ до самаго пролива. Описанные выше, живущіе въ сосѣдствѣ съ южными тегуельчами, она родственны патагонцамъ. Судя по находкамъ орудій изъ камня, степь была прежде населена гуще. И теперь число жителей непрерывно растетъ, но приростъ слѣдуетъ отнести всецѣло на долю бѣлыхъ колонистовъ, такъ какъ туземцы сокращаются въ числѣ. Языкъ тегуельчей изобилуетъ гортанными и носовыми звуками; онъ совершенно отличенъ отъ арауканскаго, какъ и отъ языковъ гвайкуру и другихъ сѣвернѣе живущихъ племенъ, хотя много арауканскихъ словъ и словъ изъ языка кичуа, на которомъ говорили древніе перуанцы, свидѣтельствуютъ, что обитатели Патагоніи издавна состояли въ сношеніяхъ съ болѣе культурными сосѣдями. Языкъ, какъ вездѣ въ Америкѣ, именно и позволяетъ отличить туземцевъ Патагоніи отъ родственныхъ имъ по типу и происхожденію другихъ индѣйцевъ. Они далеко не всѣ чистой крови и испытали достаточно смѣшеній. Цвѣтъ кожи у чистокровныхъ темный, приближающійся къ оливковому, у смѣшанныхъ—свѣтлѣе. У южныхъ тегуельчей кожа темнѣе, нежели у сѣверныхъ. Тегуельчи дѣйствительно крупный и рослый народъ, съ массивными членами и развитой мускулатурой, но ростъ ихъ по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ не представляетъ чего-либо исключительнаго. Для мужчинъ онъ равняется въ среднемъ 1,75 м., для женщинъ 1,58—1,60. Можетъ быть среди нихъ встрѣчается немало людей болѣе высокихъ, до 1,93 м., какъ увѣряютъ иные изслѣдователи, тѣмъ не менѣе всѣ разсказы о гигантскомъ ростѣ этихъ индѣйцевъ сильно пре-

увеличены; въ пампѣ и въ Гранъ-Чако встрѣчаются не уступающія имъ по росту племена. Физіономіи тегуельчей представляютъ болѣе пріятное явленіе, чѣмъ лица огнеземельцевъ. Въ общемъ, лицо патагонца широко, плосковато, благодаря выступающимъ скуламъ, носъ не плоскій, а даже довольно большой, а иногда кончается крючкомъ; губы тонки и сжаты, скрывая хорошіе зубы, которые, однако, оказываются къ старости сильно стертыми. Глаза черные, какъ и волосы, которые они носятъ на своей короткой и широкой головѣ, свободно распуская ихъ позади, точно конскую гриву. Ихъ сдерживаетъ только лента (теуке), которую патагонецъ носитъ наподобіе древняго эллина или нашаго сапожника, чтобы при наклонномъ положеніи головы волосы не падали напередъ.

Бродячая жизнь въ степи исполнена для нихъ первобытной прелести, такъ какъ главнымъ содержаніемъ ея является столь излюбленное дикарями лѣнивое бездѣлье. Всѣ домашнія заботы, очень несложныя, какъ то: разбивка жилья, разведеніе огня, стряпня

Патагонская женщина съ дѣтьми въ шкурахъ гуанако.

собираніе разнаго съѣдобнаго и обработка шкуръ, возложены на женщинъ и дѣтей. Главную пищу составляетъ добыча охоты, именно гуанако, видъ очень крупной ламы, величиной почти съ верблюда, молодыя особи которой годны для пищи, между тѣмъ какъ взрослые и старые экземпляры доставляютъ только шкуры, такъ какъ мясо ихъ слишкомъ жестко. Затѣмъ для пропитанія служатъ всѣ другія годныя въ пищу животныя патагонской степи. Гдѣ можно, туземцы добываютъ и рыбу. Наконецъ, у нихъ есть домашній скотъ, именно лошади, съ которыми они освоились уже давно. Для полученія металлическихъ орудій и другихъ произведеній европейской культуры, патагонцы принуждены обмѣнивать ихъ на добываемые ими продукты, именно на шкуры и страусовыя перья. До появленія европейцевъ металлы были совершенно неизвѣстны патагонцамъ, повидимому не было даже столь распространеннаго въ Ю. Америкѣ серебра. Охота на гуанако производится верхомъ загономъ, причемъ наиболѣе опытные стрѣлки сидятъ въ засадѣ и поражаютъ гонимыхъ

на нихъ животныхъ стрѣлами или пулями. Или же всадники окружаютъ стадо и добываютъ животныхъ посредствомъ боласъ, т. е. зашитыхъ въ шкуру круглыхъ камней или металлическихъ шаровъ, которые связаны попарно или по трое короткой веревкой. Брошенныя боласъ летятъ въ намѣченную цѣль, и шары съ размаху опутываютъ ноги преслѣдуемаго животнаго, вслѣдствіе чего оно валится наземь и становится легкой добычей охотника. Прежде боласъ представляли просто метательные камни. Затѣмъ камни стали обтягивать веревками, наконецъ обшивать въ шкуры. При метаніи боласъ туземецъ удерживаетъ меньшій шаръ въ рукѣ. Наряду съ боласъ употребляется лассо. Жилище патагонцевъ не можетъ, конечно, представлять прочной, разсчитанной надолго, постройки. Такъ какъ они, кромѣ охоты, держатъ еще домашній скотъ, то бытъ ихъ представляетъ нѣчто среднее между бродячимъ и кочевымъ образомъ жизни. Въ голой, лишенной деревьевъ степи обитатели поневолѣ принуждены пользоваться для выдѣлки необходимыхъ вещей главнымъ имѣющимся подъ руками матеріаломъ, т. е. шкурами. Кожа, шкуры, шерсть доставляютъ матеріалъ для множества употребляемыхъ въ ихъ хозяйствѣ вещей. Естественно, что и жилье ихъ построено изъ шкуръ, представляя слабо обтянутый навѣшанными шкурами гуанако неправильнаго вида остовъ, составленный изъ вогнанныхъ въ землю шестовъ, которые для доставленія лучшей опоры сшитому изъ множества шкуръ покрывалу оканчиваются наверху развилинами. Покрывало смазываютъ жиромъ, окрашиваютъ въ красный цвѣтъ и располагаютъ его такъ, чтобы широкій входъ глядѣлъ на востокъ. Для защиты отъ вѣтра, свѣсившійся и лежащій на землѣ край покрывала придавливаютъ тяжелыми предметами изъ домашняго скарба или камнями. Таково „толдо“ патагонцевъ, которое ничего не стоитъ разнять, скатать шкуру, покласть все на коней и направиться на новую стоянку. Въ этомъ случаѣ перекочевка патагонцевъ нѣсколько напоминаетъ киргизскую. Среди предметовъ внутренняго убранства, кромѣ издѣлій собственнаго производства, какъ напр., служащія постелями конскія шкуры, есть и такія, которыя добыты путемъ обмѣна у сосѣдей. Такъ, напр., патагонцы вымѣниваютъ у живущихъ къ западу отъ нихъ по ту сторону Андъ арауканцевъ большія тканныя „пончо“, т. е. покрывала, давая взамѣнъ ихъ коней. Пончо идутъ на одежду, на одѣяло, на подушки. Посуда очень незатѣйлива: вертелъ и простые горшки для варки пищи, вытапливанія сала и для разведенія красокъ, особенно тѣхъ, которыми тегуельчи раскрашиваютъ себѣ лицо и тѣло. Прежде была очень распространена татуировка, теперь ею украшаютъ только правое плечо. Одежда состоитъ изъ „чирипы“, т. е. покрывала, которымъ обертываютъ нижнюю половину туловища, и широкаго плаща (капа), состоящаго просто изъ шкуры гуанако, накинутой на плечи. Многіе носятъ рубахи и штаны, пріобрѣтаемые въ поселеніяхъ бѣлыхъ торговцевъ. Волосы сдерживаетъ неизмѣнная лента (теуке). Обувь довольно оргинальна: она изготовляется изъ цѣльнаго куска конской шкуры, для чего ее сдираютъ съ нижней части конской ноги. Къ этимъ не то башмакамъ, не то чулкамъ прикрѣпляются шпоры, сдѣланныя изъ двухъ связанныхъ зоедино деревянныхъ палочекъ, кончающихся остріями. Для верховой ѣзды, служитъ очень простое сѣдло, снабженное однако ременными стременами, гдѣ роль нижней пластинки, на которую опирается подошва ноги, играетъ вставленная въ раздвоенный ремень крѣпкая деревянная палочка. Конемъ правятъ поередствомъ самой простой узды, т. е. ремня, затягивающаго нижнюю губу лошади. Одежда женщинъ состоитъ прямо изъ шкуръ, въ которыя онѣ завертываются, придерживая края руками или закалывая ихъ длинной серебряной булавкой. Снизу надѣвается рубаха безъ рукавовъ. Украшеніями, кромѣ предметовъ, добытыхъ у сосѣдей и бѣлыхъ, служатъ разныя подѣлки изъ серебра туземной работы. Металлъ они пріобрѣтаютъ отъ чилійскихъ торговцевъ, а самыя драгоцѣнности они работаютъ у себя ковкой или плавленіемъ.

Въ отношеніи оружія наблюдается особенность, на которую уже обратили свое вниманіе ученые: у степняковъ лукъ и стрѣлы теряютъ свое значеніе и уступаютъ мѣсто

копью, лассо и боласъ. Чѣмъ южнѣе, тѣмъ рѣже встрѣчается лукъ; южные тегуельчи совсѣмъ не употребляютъ его, довѣряя болѣе своимъ лассо и боласъ. Оружіемъ для нападенія служитъ очень длинное копье длиной до 5 м., къ которому присоединяется заимствованное у европейцевъ огнестрѣльное оружіе.

Кромѣ коней излюбленнымъ животнымъ является собака. Въ качествѣ охотниковъ патагонцы не могутъ не цѣнить этихъ животныхъ, тѣмъ не менѣе склонность, вѣрнѣе страсть къ нимъ приводитъ почти къ почитанію, къ культу собаки. Мало того, что ихъ кормятъ и холятъ, моютъ, красятъ въ голубой или другой цвѣтъ, обвѣшиваютъ лентами и бубенчиками, даютъ имъ имена; часто къ собакѣ относятся, какъ къ равному себѣ существу, напр. дарятъ ей лошадей, быковъ и разныя вещи, которыя при смерти пса слѣдуютъ за нимъ въ могилу. Своихъ покойниковъ патагонцы хоронятъ съ извѣстными обрядами, т. е. трупъ полагаютъ въ могилу въ сидячемъ положеніи въ сопровожденіи оружія и утвари; на могилѣ убиваютъ его лошадь. Иногда покойника черезъ нѣсколько

Патагонское толдо.

времени вырываютъ, очищаютъ его кости и увозятъ ихъ сложенными въ кожаный мѣшокъ на общее кладбище. Могилой нерѣдко служитъ выложенная камнями яма, которую время отъ времени навѣщаютъ, чтобы оказать покойнику почтеніе приношеніемъ разныхъ вещей.

Тегуельчи живутъ небольшими группами въ 10—15 толдосъ, съ населеніемъ въ 10—12 душъ въ каждомъ, подчиняясь старшинѣ или вождю. Общее число ихъ не превосходитъ нѣсколькихъ тысячъ и несомнѣнно сокращается. Это „раса, которая исчезаетъ", говоритъ изслѣдователь ихъ быта Рамонъ Листа. Къ западу отъ нихъ въ сосѣдствѣ Андъ живутъ племена, которыя, какъ полагаютъ, произошли отъ смѣшенія тегуельчей съ арауканцами и называются у испанцевъ мазаньеросъ. Они во многомъ напоминаютъ патагонцевъ, также, какъ многочисленныя прежде племена конныхъ индѣйцевъ, которые населяли прежде аргентинскую пампу, а теперь совершенно вытѣснены оттуда и почти исчезли. Всѣ эти племена проникли на югъ съ сѣвера. По словамъ однихъ изслѣдователей они родственны племенамъ Гранъ-Чако и постепенно превратились въ степныхъ

*

номадовъ по пути своихъ медленныхъ переселеній изъ области лѣсовъ въ область степей. Другіе изслѣдователи видятъ въ нихъ вѣтвь тѣхъ туземцевъ Ю. Америки, которые обитали по склонамъ Андъ, какъ арауканцы, и постепенно выселялись изъ горныхъ долинъ въ степь. При описаніи уцѣлѣвшихъ еще племенъ Гранъ-Чако мы подробнѣе познакомимся съ внутренней жизнью степныхъ бродячихъ племенъ, съ которыми обитатели Патагоніи и пампасъ имѣютъ много общаго. Теперь же остановимся на одномъ любопытномъ племени, которое еще сохранило свою самобытность, но тоже находится на пути сліянія съ бѣлыми и исчезновенія, хотя оно болѣе чѣмъ какой либо другой туземный народъ Южной Америки и даже съ большимъ успѣхомъ отстаивало въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ свою національную независимость. Это арауканцы.

Арауканцы.

Самое названіе „арауко“ не принадлежитъ ихъ языку и, въ сущности, неизвѣстно, что оно обозначаетъ. Полагаютъ, что оно происходитъ отъ перуанскаго (языкъ племени кечуа) „аука“, что значитъ „воръ, мятежникъ“. Племя это занимаетъ въ настоящее время выдѣленную изъ прежняго занимаемаго имъ пространства территорію, обладаніе которой обезпечено ему правительствомъ Чили. Ихъ земля начинается къ югу отъ города Вальдивіи за рѣкой Каутене и представляетъ узкую, но не очень длинную полосу гористой суши между Тихимъ океаномъ и южными Андами. Лѣтъ за сто до появленія въ Чили испанцевъ арауканцы подверглись нападенію перуанцевъ, предводительствуемыхъ инкой Юманги Тупакъ. Борьба съ ними длилась десятки лѣтъ и кончилась тѣмъ, что арауканцы отстояли свои земли противъ полчищъ кечуа, т. е. арміи инки. Затѣмъ въ Чили проникъ соратникъ Пизарро, Діего Альмагро, а вслѣдъ за нимъ явился покоритель Чили Вальдивія. Онъ пробрался въ Арауканію, казалось, покорилъ ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ научилъ этотъ народъ новому искусству войны, такъ какъ привелъ съ собой лошадей, которыхъ арауканцы у него отняли. Затѣмъ они возстали, прогнали испанцевъ, убивъ въ кровопролитномъ бою самого Вальдивію, послѣ чего послѣдовалъ нескончаемый періодъ войнъ — новыхъ попытокъ, если не покорить, то хоть смирить арауканцевъ. Мало по малу арауканцы завели у себя скотъ и лошадей, стали кавалеристами, научились владѣть огнестрѣльнымъ оружіемъ и, говорятъ, имѣли даже артиллерію, вѣроятно, отнятыя у испанцевъ пушки. Борьба съ ними велась съ перемѣннымъ успѣхомъ, но окончательно замирить ихъ удалось лишь въ послѣднее время, и то уступивъ имъ условленную территорію, на которой бѣлые не имѣютъ права селиться. Несмотря на столь

Арауканецъ.

упорное сопротивленіе этого народца, какого не оказало въ Ю. Америкѣ ни одно другое племя индѣйцевъ, судьба арауканцевъ, повидимому, рѣшена. Они не могутъ устоять противъ новой культуры, проникающей къ нимъ тысячами невидимыхъ струй. Пока еще они крѣпятся, живутъ по прежнему своему обычаю, но появленіе большого числа колонистовъ, участившіяся сношенія съ ними, стало быть, болѣзни и алкоголь, дѣлаютъ свое дѣло. Какой то кабатчикъ, избранный депутатомъ въ чилійскій парламентъ, громко хвасталъ тамъ, что онъ, т. е. его спиртъ, истинный покоритель Арауканіи, и это, къ сожалѣнію, правда. Большой процентъ бѣлой крови, влившійся въ жилы этого народа, такъ какъ въ теченіи многихъ вѣковъ грабительскихъ набѣговъ, при которыхъ ихъ воины зарились не столько на оружіе, на серебро, на лошадей, сколько на испанскихъ женщинъ, множество которыхъ они увели въ неволю, можетъ быть, повліялъ на измѣненіе ихъ наружности, но нисколько не измѣнилъ характера и не сдѣлалъ ихъ болѣе воспріимчивыми къ европейской культурѣ.

Арауканская красавица.

Дѣвочка арауканка.

По мнѣнію однихъ изслѣдователей арауканцы родственны тѣмъ индѣйскимъ народностямъ, которыя заселяютъ западныя склоны Андъ и плоскогорія ихъ къ сѣверу отъ Арауканіи вплоть до Центральной Америки и далѣе. Другіе склонны видѣть въ нихъ племя, родственное патагонцамъ, съ которыми они издавна находятся въ торговыхъ и военныхъ сношеніяхъ. Такъ это или не такъ, во всякомъ случаѣ этотъ народъ производитъ на всякаго, встрѣтившагося съ нимъ въ первый разъ сильное и оригинальное впечатлѣніе, которое не исчезаетъ и при болѣе близкомъ знакомствѣ съ его культурой, во многомъ отличающейся отъ культуры степныхъ, заандійскихъ индѣйцевъ.

„Все это красивый, рослый народъ,—описываетъ первыхъ встрѣченныхъ имъ арауканцевъ одинъ путешественникъ, [1])—ни одного безобразнаго индѣйскаго лица, народъ живописный и вмѣстѣ угрюмый. Ни одного клочка европейской ткани не было на этихъ людяхъ. Мужчины въ широкихъ суконныхъ синихъ шароварахъ, босикомъ, въ толстыхъ полосатыхъ курткахъ, надѣтыхъ на голое смуглое тѣло, и большая часть изъ нихъ драпировалась въ ярко красныя суконныя же мантіи. Прибавьте къ этому, что головы этихъ господъ не покрыты ничѣмъ, кромѣ огромныхъ овиновъ черныхъ, курчавыхъ, густыхъ, упругихъ волосъ, торчащихъ во всѣ стороны, и вы можете себѣ представить, что они производили довольно внушительное впечатлѣніе. Женщины тоже были всѣ рослыя и плечистыя дамы, тоже въ красныхъ мантіяхъ... Страшная, непримиримая когда то Арауканія становилась какъ то понятною, осязательною, и нахмуренныя брови надъ большими глазами, тонкій горбатый носъ съ вздернутыми ноздрями, узкіе тонкіе усы въ безпорядкѣ и такая же черная, рѣдкая и жесткая бородка,—все это подъ шапкой волосъ, которую кажется и пуля не могла бы пробить, и все это на фонѣ огненнаго цвѣта мантіи... За рѣкой Каутене, описываетъ свои посѣщеніе арауканцевъ тотъ же путешественникъ, европейцевъ уже болѣе нѣтъ, и вся земля, по договору съ арауканскими касиками, предоставлена въ полное ихъ распоряженіе до границъ провинціи Вальдивія... Касики эти—князья, главари, воеводы, по нашему, какъ хотите, теперь не свободны, они состоятъ какъ бы ужъ на службѣ у республики, получаютъ отъ нея жалованье, а за это обязуются содержать порядокъ въ странѣ, не позволять разбойничать и нападать на торговцевъ и путешественниковъ... Эту службу касики пока исполняютъ очень вѣрно—буйная Арауканія теперь совсѣмъ спокойна". Посѣтивъ одного касика, путешественникъ слѣдующимъ образомъ описываетъ его жилище въ арауканскомъ селеніи и домашнюю жизнь.

„Передъ нами открылись разсѣянныя по полямъ, среди этого лѣса, жилища арауканскаго поселенія, такого же вида, какъ и тѣ, которыя мы видѣли издали, за рѣкою Чоль-Коль. Какъ назвать эти жилища? — домами, хижинами? ни то, ни другое слово не подходитъ. На дома они совсѣмъ уже не походятъ: съ виду это большія скирды барскаго гумна въ Россіи, на хижины тоже, такъ какъ скирды эти громадны. Впереди всѣхъ стоялъ дворецъ принца или касика... Представьте себѣ огромную ригу, и вы получите почти полное понятіе о дворцѣ касика, предки котораго командовали окружающею страною изъ рода въ родъ въ продолженіе уже многихъ вѣковъ. Только арауканскіе воины-земледѣльцы строили эти риги гораздо аккуратнѣе нашихъ мужиковъ. Толстѣйшая крыша изъ камыша, соломы и вѣтвей, спускающая почти до земли, была необыкновенно гладко и тщательно причесана, столбы подъ нею стояли правильно, были толсты и прочны, какъ колонны. Кругомъ загородка изъ тонкихъ бревенъ, и въ этой загородкѣ, съ одной стороны, десятка два лошадей, а съ другой, нѣчто вродѣ огорода: бобы, кукуруза, тыква и т. д... Зайдя за плетневую загородку, мы увидѣли, что эта огромная рига заключала въ себѣ не только семью, но можетъ быть цѣлое племя. Эта зала подъ тяжелой и высокой крышей, въ которую свѣтъ проходилъ только черезъ открытую спереди узкую сторону параллелограма, была въ продольномъ направленіи раздѣлена, точно колоннами, толстыми стволами деревьевъ, поддерживающими хребетъ крыши, и между этими столбами висѣли, въ видѣ занавѣсей, квадраты синей суконной матеріи, такъ что все жилище раздѣлено было, весьма впрочемъ поверхностно, какъ бы на двѣ половины. Слѣва въ полумракѣ сидѣло съ десятокъ женщинъ на полу; онѣ ткали на ручныхъ станкахъ, сдѣланныхъ изъ бамбука, которые въ наклонномъ своемъ положеніи опирались на животы ткачихъ, причемъ основа приводилась въ движеніе голыми ногами, пальцы которыхъ передвигали ее посредствомъ тоненькихъ ремней—первобытный, но довольно замысловатый инструментъ;

[1]) Іонинъ. По южной Америкѣ.

другія, обсыпанныя мукой, мѣсили какое то тѣсто на большихъ круглыхъ подносахъ или толкли что то въ ступѣ. Женщины эти при нашемъ появленіи не обратили будто бы ни малѣйшаго на насъ вниманіи и продолжали свои работы—такой ужъ, должно быть, этикетъ. Другая сторона залы, вѣроятно, предоставлена была въ распоряженіе мужчинъ; въ ней находилось нѣсколько примитивно сколоченныхъ скамеекъ, на полу циновки изъ тростника и вдоль низенькой передней стѣны, подъ нависшими краями крыши, доходившими снаружи почти до земли, навалены были разныя вещи: сѣдла, бамбуковыя пики, висѣли ремни, служащіе какъ лассо, а впереди всего высокая кипа какихъ то пестрыхъ матерій, сложенныхъ въ квадраты. На переднихъ столбахъ висѣли два ружья и за ними нѣсколько красныхъ и синихъ мантій. По срединѣ всего этого дымился тлѣющій костеръ, разложенный на возвышенности, составленной изъ плоскихъ плитъ известковаго камня, совсѣмъ не обдѣланныхъ.

Арауканки и ребенокъ въ носилкахъ.

Прежде всего, при входѣ въ это примитивное жилье, насъ удивилъ порядокъ и видимо, тщательно поддерживаемая чистота. Все казалось на своемъ мѣстѣ, а земляной полъ, аккуратно выметенный, лоснился какъ токъ, на которомъ у насъ молотятъ въ ригѣ; онъ даже блестѣлъ подъ скользящимъ по немъ отраженіемъ дневного свѣта. Дальше, подъ крышей, въ дальнемъ концѣ залы, темно и черно, и отъ копоти, которая покрывала внутреннюю часть крыши сплошной, глянцовитой, какъ вычищенный смазной сапогъ, сажей—соломенная и камышевая кровля была внутри такъ же тщательно и гладко причесана, какъ и снаружи.

Пожилая арауканка въ уборѣ изъ серебрянныхъ украшеній.

Разговаривая съ касикомъ, причемъ все остальное молчало, и разсматривая подробности его дворца, мы попросили его чего нибудь поѣсть. Касикъ обратился съ рѣчью къ своимъ женщинамъ, и только тогда онѣ подняли глаза отъ своей работы, а нѣкоторыя изъ нихъ встали. Мы попросили позволенія зайти на ихъ половину и осмотрѣть ихъ инструменты для работы, ихъ посуду и т. д., и мужчины послѣдовали за нами, видимо довольные тѣмъ, что какъ они могли замѣтить и что переводчикъ имъ

объяснилъ, общій видъ ихъ жилья произвелъ на насъ пріятное впечатлѣніе. Какого либо понятія о гаремѣ въ этой обширной фаланстеріи конечно не могло существовать; отдѣленіе мужчинъ отъ женщинъ посредствомъ развѣшанныхъ квадратовъ тканей было скорѣе идеальное, чѣмъ реальное, и всѣ постоянно другъ друга могли здѣсь видѣть; это отдѣленіе было слѣдствіемъ практическаго удобства для дневныхъ занятій тѣхъ и другихъ, и потому совсѣмъ не было нескромностью пойти на дамскую половину...

Этотъ народъ самъ производитъ все для себя, что ему нужно, и какъ производитъ! Видно, что своего рода культура существуетъ здѣсь съ очень древнихъ временъ и развилась, вѣроятно, еще до испанскаго набѣга. Любопытна особенно домашняя посуда; кромѣ глиняныхъ большихъ бутылей и кувшиновъ самаго примитивнаго фасона, украшенныхъ только грубо намалеванными красными и коричневыми полосами, почти все остальное было сплетено изъ крѣпкихъ водорослей, изъ дранокъ бамбука или изъ древесной коры, но какъ сплетено!—Какія поразительныя тщательность, изящество и прочность работы! Всѣ запасы хранились въ плетеныхъ кошелькахъ, имѣющихъ видъ горшковъ, и всѣ домашнія вещи женской половины жилья—разнородныя плетеныя кошелечки, кошельки, а особенно блюда—находились здѣсь въ необыкновенномъ изобиліи, точно это былъ магазинъ плетеныхъ вещей. Мы подошли къ одной женщинѣ, которая мѣсила тѣсто, и какъ бы вы думали, на чемъ она его мѣсила? На очень большомъ, совершенно плоскомъ блюдѣ, сплетенномъ изъ листьевъ cana brava (чилійскаго огромнаго тростника), а тѣсто было смѣсью льняной муки и меда. Какъ можно мѣсить тѣсто на поверхности плетеной посуды? а между тѣмъ это такъ. Блюдо въ самомъ дѣлѣ оказалось замѣчательнымъ—поверхность его конечно была неровная, но переплетенныя волокна растительнаго вещества были такъ тонки, такъ гладко ложились другъ около друга, представляли такую плотную и толстую массу (блюдо нельзя было бы согнуть), что мука оставалась въ ямочкахъ, хотя въ очень маломъ количествѣ, но ни подъ какимъ видомъ не могла пробиться насквозь. Видя, что мы заинтересовались этимъ блюдомъ, касикъ взялъ въ руки тутъ же лежащее другое, болѣе углубленное, и налилъ въ него воды—вода не просачивалась ни мало, точно это блюдо было деревянное. Читатель, можетъ быть, знакомъ съ шляпами, которыя называютъ панамскими: арауканское плетеніе почти такъ же плотно и изящно, хотя для посуды волокна растеній должны быть конечно толще, и притомъ они расположены такъ, что даютъ не одинъ слой, а какъ бы нѣсколько слоевъ, соединенныхъ вмѣстѣ, такъ что посуда иногда очень толста, особенно та, которая назначается для содержанія жидкостей или такихъ веществъ, какъ напримѣръ мука. Вѣроятно, глиняная посуда въ Арауканіи явилась сравнительно въ недавнее время; они, должно быть, кой-какъ научились ее дѣлать послѣ испанскаго набѣга, когда принуждены были убѣгать за Кордильеры и скрываться между патагонцами пампы, гдѣ и переняли это искусство, а доисторическая посуда ихъ была исключительно плетеная, какъ и у теперешнихъ жителей совсѣмъ южнаго Чили и Огненной Земли. Это искусство такъ сроднилось съ привычками и нравами этого народа, что глиняная посуда не вытѣснила еще плетеной, и вѣроятно долго еще эта послѣдняя будетъ воевать съ наплывомъ дешевыхъ нѣмецкихъ произведеній, которыя по желѣзной дорогѣ скоро нахлынутъ массой и за рѣку Каутене. Все это работаютъ арауканскія женщины, и имъ еще пока нечего больше дѣлать. Правда, онѣ уже начали посѣщать довольно охотно ближайшіе европейскіе базары и соблазняться пестрою европейскою дрянью, и дрянь эта, вѣроятно, окончательно ихъ передѣлаетъ, но все-таки пройдетъ до тѣхъ поръ еще нѣкоторое время. Старая арауканская культура удержится вѣроятно, пока народъ этотъ будетъ по прежнему жить въ своихъ ригахъ, пока принцы его не построятъ себѣ хотя бы деревянныхъ домовъ... Странно можетъ показаться, что народъ этотъ, живя среди лѣсовъ, изобилующихъ великолѣпными, крѣпкими иногда какъ кость породами дерева, дѣлалъ свою посуду изъ водорослей и бамбука, а не изъ дерева,

но дѣло въ томъ, что желѣзо было ему неизвѣстно, а чтобы сдѣлать блюдо, напримѣръ, изъ твердаго дерева—желѣзный инструментъ необходимъ. Испанскій набѣгъ познакомилъ арауканцевъ съ желѣзомъ, и теперь у нихъ есть желѣзные ножи, пики и т. д., не говоря уже о ружьяхъ... Желѣзо арауканцы теперь знаютъ, но блюда все-таки плетутъ изъ куги; а изъ дерева дѣлаютъ только самыя грубыя вещи—какъ напр. ступку, въ которой тутъ же одна женщина толкла льняное сѣмя, чтобы обратить его въ муку—даже и жернововъ еще нѣтъ у арауканцевъ... Всѣ бездѣлушки, которыя дѣлаетъ здѣшняя женщина, сдѣланы необыкновенно аккуратно. Какъ изящно нанизаны ихъ бусы, съ какою математическою точностью вплетены красныя суконки въ ихъ косы!—имъ позавидовалъ бы любой французскій куаферъ. Тутъ я нашелъ еще новое національное и любимое украшеніе для мужчинъ и женщинъ. На фонѣ бычачьей кожи, окрашенной въ глянцевитую черную краску, втыкаютъ плотно другъ къ другу серебряные маленькіе гвоздики съ выпуклыми шляпками и образуютъ такимъ образомъ квадраты, круги или паралеллограмы изъ серебряной брони, которыми украшаютъ или концы косъ женщинъ или ихъ плечи, въ видѣ эполетъ. Этотъ серебряный наборъ служитъ также въ видѣ кушаковъ и для женщинъ и для мужчинъ, или же имъ украшаютъ сѣдла. Но съ какимъ изяществомъ и аккуратностью сдѣлана эта броня или чешуя! Это примѣненіе серебра къ одеждѣ напоминаетъ концепцію изящнаго у кавказцевъ. На двухъ концахъ свѣта, въ одно и то же время люди инстинктивно выдумали одно и то же, но я увѣряю, что эти арауканскія бездѣлушки дѣлаются изящнѣе, чѣмъ теперешнія кавказскія. Серебро вообще играло и теперь играетъ въ жизни арауканцевъ большую роль. Это единственный металлъ, который они знаютъ споконъ вѣка; золота они, повидимому не знали, какъ и индѣйцы сѣверной части Америки, и до сихъ поръ не привыкли къ нему, но зато серебряныхъ украшеній на нихъ обыкновенно очень много. Мы полюбопытствовали посмотрѣть шкатулку съ драгоцѣнностями довольно пожилой дамы, которая казалась главною особой среди женскаго персонала, исполняла какъ бы роль хозяйки. Она была, вѣроятно, женой касика и болѣе другихъ была увѣшана бисеромъ, красными лентами, обложена кусками серебряной брони и обвѣшана серебряными побрякушками. Въ этой шкатулкѣ, сплетенной также изъ куги, оказалось впрочемъ все то же, что было и на дамахъ, т. е. много бисерныхъ ожерелій, броня, съ которой мы уже знакомы, и кромѣ того безчисленное количество побрякушекъ изъ серебра. Но фантазія арауканцевъ далѣе брони не пошла: остальное примѣненіе серебра какъ украшенія осталось на самой первой ступени человѣческаго искусства. Все это были вырѣзанныя, какъ

Туалетъ арауканки.

бы ножницами, самыя наивныя и незатѣйливыя фигуры изъ распластаннаго молоткомъ серебра, обращеннаго въ довольно толстыя пластинки; это были квадраты, треугольники, круги, а самыя затѣйливыя фигуры представляли намеки на формы животныхъ, преимущественно лошадей; на нѣкоторыхъ фигурахъ изображены были пунктиромъ профили какъ бы лошадей или собакъ... Изъ другихъ металловъ арауканцы до сихъ поръ ничего не знаютъ дѣлать, хотя, напримѣръ, желѣзо имъ теперь очень нужно. Я видѣлъ у нихъ здѣсь и желѣзные котелки и уже желѣзную соху, но это все они теперь покупаютъ у чилійцевъ, а прежде получали грабежомъ. Но изящество и аккуратность ихъ работъ проявляется особенно въ тканьѣ тѣхъ суконныхъ матерій, которыми они себя одѣваютъ, и которыя служатъ главнымъ предметомъ ихъ мѣновой торговли, особенно въ пампѣ, за Кордильерами. Я уже говорилъ, что это большею частью синее или полосатое сукно и красныя мантіи изъ овечьей шерсти,—овцы давно уже составляютъ главную заботу ихъ хозяйства; но самая необходимая вещь для американца, это пончо, особенно для продажи. Кипа матерій, которую мы замѣтили на первомъ планѣ, войдя въ жилище касика, состояла именно изъ этихъ пончо... Полосатыя пончо отличались вообще яркостью и оригинальнымъ сочетаніемъ цвѣтовъ, между которыми красныя и зеленыя краски преобладали, но главное ихъ достоинство заключалось въ необыкновенной плотности матеріи, сотканной изъ такого непокладистаго вещества, какъ сырая шерсть. Пончо эти совершенно не просвѣчивали и буквально были непромокаемы...

Семья цивилизованныхъ арауканцевъ.

Завтракъ былъ незатѣйливый, но интересный. Во-первыхъ сухое мясо. Это мясо, похожее скорѣй на твердыя щепки, чѣмъ на ломти мяса, въ Бразиліи или въ пампѣ, гдѣ его ѣсть нельзя, здѣсь было настругано и превращено въ нѣкоторое подобіе рыхлой, тонкой ваты—въ такомъ видѣ оно просто таяло во рту. Его жевать даже было не нужно,

и оно казалось бы вкуснымъ, если бы не запахъ, напоминающій запахъ Саладеро [1]). Это усовершенствованіе показывало значительный прогрессъ въ развитіи національнаго вкуса у арауканцевъ, до котораго не дошли ни бразильскіе полунегры, ни гаучосы пампы. Затѣмъ лепешки изъ льняной муки съ медомъ—ну ужъ не знаю, какъ сказать—вкусно ли это. Мы однако ихъ ѣли; была еще кромѣ того вареная „ока", родъ картофеля, и жареная тыква. Для питья намъ подали кувшинъ,—какъ вы думаете, чего? яблочнаго сидра, чича, какъ тутъ называютъ перебродившій и немного шипучій яблочный сокъ, точно въ Нормандіи. Мы ѣли, разговаривая и любуясь видомъ. Почти гладкая обширная возвы-

Арауканская ткачиха.

шенность, на которой стоялъ дворецъ касика, была только изрѣдка покрыта деревьями, разбросанными на далекое пространство то букетами, то въ разсыпную, между ними луга, а далѣе къ югу виднѣлись жилища-риги арауканцевъ, подобныя той, около которой мы теперь завтракали. Тамъ и сямъ паслись лошади, быки и кое-гдѣ желтѣли маленькія воздѣланныя поля уже сжатаго хлѣба. Видно, что скотоводство составляетъ еще главную отрасль хозяйства, и землю, если и пашутъ, то еще очень мало. За этими разбросанными деревьями холмы спускаются сверху, и отъ насъ въ легкомъ туманѣ виднѣлось цѣлое море сплошного лѣса, а за нимъ, тотчасъ же, вдругъ, и не очень далеко, поднимается стѣна Кордильеръ...

[1]) Южно-американская бойня въ пампѣ

Пока мы закусывали, намъ сообщали кое-что о теперешнимъ житьѣ-бытьѣ этихъ людей. Оно не сложно и похоже скорѣй на житье людей осѣдлыхъ, чѣмъ кочевыхъ, хотя главное занятіе ихъ все-таки скотоводство, а главная торговля—мѣна лошадьми и быками, которыхъ они ходятъ добывать въ пампу и перепродаютъ потомъ чилійцамъ. Земля раздѣлена между племенами, которыхъ въ общихъ чертахъ считается четыре, и поэтому существуетъ четыре главныхъ касика; земля же составляетъ собственность племенъ, а не отдѣльныхъ лицъ. Существуетъ, повидимому, нѣкоторымъ образомъ, общественное начало во владѣніи землей. Каждая семья имѣетъ право на извѣстное количество пастбища и пахатной земли, если кто хочетъ пахать, домашнія же дѣла свои эти семьи рѣшаютъ на сходкахъ. Равенство между ними абсолютное,—они всѣ зовутъ другъ друга „пени“, братъ, и, какъ и мы сами уже могли замѣтить, необыкновенно другъ съ другомъ вѣжливы. Касикъ,—это нѣчто въ родѣ президента республики, или скорѣе волостного старшины, только санъ его наслѣдственный, но онъ не владѣетъ ничѣмъ больше того, чѣмъ владѣютъ другіе...

Полей обработанныхъ, повидимому, очень мало; скотъ, особенно теперь, гораздо выгоднѣе, чѣмъ производство продуктовъ земли, для торговыхъ сношеній арауканцевъ съ сосѣдями, и потому они пашутъ землю только настолько, насколько это имъ нужно для домашняго обихода. Ихъ теперь немного, они немного и пашутъ, но прежде ихъ было гораздо больше, и они, кромѣ того, находились въ постоянной войнѣ, такъ что нужно было существовать абсолютно только своими средствами, и тогда, говорятъ, засѣянныхъ кукурузой полей было у нихъ гораздо больше. Изъ того, что можно заключить изъ старыхъ испанскихъ хроникъ временъ завоеванія, видно несомнѣнно, что арауканцы, какъ и всѣ индійскія племена Кордильеръ, были исключительно земледѣльцы. Вся ихъ земля была покрыта кукурузой, и жилища, вѣроятно впрочемъ, такія же, какъ теперь, густо наполняли землю, соединяясь даже въ нѣкоторое подобіе городковъ.. Природный американскій хлѣбъ, маисъ и картофель (въ разныхъ его видахъ, ихъ же очень много), которые давали здѣшнимъ автохтонамъ и пищу, и питье, такъ какъ изъ маиса и нѣкоторыхъ видовъ картофеля американцы приготовляли въ доисторическія времена и теперь приготовляютъ „chicha“ (нѣчто въ родѣ довольно пьянаго пива), эти маисъ и картофель производятся теперь въ Арауканіи въ очень незначительномъ количествѣ, и мучнистую пищу почти исключительно составляетъ ленъ, питье же—яблочный сидръ. Какъ попалъ сюда ленъ, и какъ расплодились здѣсь яблоки въ такомъ количествѣ, что удовлетворяютъ такой важной потребности, почему вытѣснили они отсюда и маисъ, и картофель и даже не даютъ завладѣть землей пшеницѣ, которая издавна родится такъ хорошо въ Чили и теперь даетъ богатыя жатвы тутъ же рядомъ, за рѣкой Каутене—это ужъ представляетъ довольно курьезный капризъ природы. Льна въ самомъ Чили почти не производятъ, въ Аргентинской республикѣ его теперь производятъ очень много, но только въ послѣднее время, и производятъ его для выдѣлки масла, и нигдѣ въ свѣтѣ, кромѣ Арауканіи, не дошли до того, чтобы сдѣлать изъ льяного сѣмени почти единственно употребляемую муку. Яблокъ здѣсь не воздѣлываютъ; сидръ дѣлаютъ изъ дикихъ яблокъ, а ими наполнены всѣ лѣса Арауканіи..,

Это краткое описаніе быта арауканцевъ указываетъ, что ихъ строй жизни по своей сложности далеко превосходитъ культурное состояніе населяющихъ Патагонію племенъ. Эти большіе дома, укрывающіе цѣлый родъ изъ многихъ семей, живущихъ на началахъ общаго владѣнія имуществомъ, работающихъ подъ управленіемъ родового старшины и производящихъ предметы, какъ для собственнаго употребленія, такъ и для мѣнового торга, живо напоминаютъ родовой бытъ славянъ въ то время, когда они жили еще племенами, но не вошли въ составъ національныхъ и нѣмецкихъ государствъ. Осѣдлое и довольно сложное натуральное хозяйство, привязанность, вытекающая изъ такого поло-

женія вещей, къ своему племени и привычному строю жизни сплачивали арауканцевъ въ крѣпкое цѣлое и помогли имъ выдерживать борьбу съ испанцами до послѣдняго времени. Въ настоящее время силы республики Чили слишкомъ превосходятъ все, что могла бы имъ противупоставить вольная Араукапія; тѣмъ не менѣе борьба съ арауканцами еще не закончилась, но продолжается на мирной почвѣ. Правительство расчитываетъ въ этомъ случаѣ очень сильно на миссіонеровъ, которые усматриваютъ въ обращеніи арауканцевъ въ христіанство главное средство къ цивилизованію ихъ. На средства правительства разные католическіе ордена заводятъ тамъ миссіи и школы, и, если судить по ихъ отчетамъ, то дѣло обращенія подвигается впередъ очень быстро. На дѣлѣ это, однако, не совсѣмъ такъ, потому что арауканцы продолжаютъ сохранять свои религіозныя вѣрованія, въ томъ числѣ культъ священныхъ деревьевъ, такъ называемыхъ испанцами „канело“ (Drymis chilensis), подъ которыми происходятъ ихъ народныя собранія, и вѣтви которыхъ всегда служили символомъ мира. Особенное вниманіе миссіонеры обра-

Арауканское кладбище.

щаютъ на искорененіе многоженства. Успѣхи, которыми они хвастаютъ въ своихъ оффиціальныхъ отчетахъ, довольно поверхностны, такъ какъ арауканцы, подчиняясь силѣ, относятся къ дѣлу формально, т. е. сплошь и рядомъ входятъ съ учителемъ миссіонеромъ въ сдѣлки, при чемъ обѣ стороны остаются довольны другъ другомъ, да и страницы отчетовъ оказываются заполненными фиктивными числами школьниковъ, якобы посѣщающихъ школу, обращенныхъ, якобы принявшихъ христіанство, и т. п. Гораздо болѣе страшное орудіе порабощенія и истребленія этого народа, какъ самобытнаго и самостоятельнаго цѣлаго, представляетъ надвигающееся на нихъ сосѣдство бѣлыхъ колонистовъ. Рынки, лавки и предметы европейской фабрикаціи, которые можно найти во всѣхъ выросшихъ, какъ грибы, городахъ, напр. въ Темуко, привлекаютъ арауканцевъ все болѣе и болѣе. Въ базарные дни ихъ можно встрѣтить тамъ цѣлыя толпы. Хотя арауканцы проявляютъ въ сильнѣйшей степени столь характерную для индѣйцевъ Америки черту— хладнокровную сдержанность, невозмутимое безстрастіе, но это не болѣе, какъ внѣшность. Соприкосновеніе съ европейской культурой на мирной почвѣ торговыхъ сношеній дѣлаетъ свое дѣло, и скоро отъ вольной Араукаиіи останется одно воспоминаніе.

Индѣйцы Гранъ-Чако.

Къ группѣ степныхъ индѣйцевъ Ю. Америки вмѣстѣ съ обитателями Патагоніи принадлежатъ племена, населяющія Гранъ-Чако. Гранъ-Чако представляетъ обширную равнину, которая вклинивается по направленію съ юга на сѣверъ между Андами и древней бразильской горной страной. На югѣ, на параллели устьевъ Ла-Платы она переходитъ въ пампу, на сѣверѣ, въ области верховій правыхъ притоковъ Амазонки, Гранъ-Чако постепенно сливается съ тропически-лѣсной равниной. Такъ какъ эта низменность въ недавнее геологическое время была дномъ мелкаго моря и лишь постепенно завалена и засыпана наносами, то почва ея состоитъ изъ лёсса, глины и болѣе грубыхъ отложеній ледниковаго періода, поверхъ которыхъ располагается тонкій слой позднѣйшихъ рѣчныхъ наносовъ. Ровная, почти лишенная каменныхъ глыбъ поверхность Гранъ-Чако слегка наклонена отъ запада къ востоку, но такъ слабо, что текущіе въ этомъ направленіи черезъ нее притоки Парагвая и Параны (Пилкомайо, Бермехо, Саладо и другія болѣе мелкія рѣчки) лишь мѣстами, именно въ своихъ верховьяхъ, врѣзываются въ почву, образуя овражистыя берега; въ среднемъ и нижнемъ теченіи рѣки теряютъ опредѣленность своего теченія, вода ихъ заливаетъ по обѣ стороны теченія обширныя пространства, которыя представляютъ благодаря этому почти непроходимыя топи и болота, до такой степени сливающіяся между собою, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какихъ-нибудь водораздѣлахъ. Похоже на то, какъ будто воды рѣкъ, просачиваясь сквозь чащи камышей и болотныхъ травъ, образуютъ одну общую систему, обмѣниваясь своею влагой. Въ восточной части существуетъ множество мелкихъ рѣчекъ, называемыхъ арройосъ. Благодаря смѣнамъ сухихъ и дождливыхъ временъ года, уровень воды въ рѣкахъ и болотахъ Гранъ-Чако подверженъ очень сильнымъ колебаніямъ. Двѣ главныхъ рѣки, пересѣкающихъ Гранъ-Чако съ запада на востокъ, Пилкомайо и Бермехо-Теуко, раздѣляютъ равнину на три части, несмотря на то, что, подобно другимъ рѣкамъ Гранъ-Чако, онѣ разсыпаются на цѣлую сѣть рукавовъ и притоковъ на пути своего теченія въ Ріо-Парагвай. Сѣверная, центральная и южная Чако (Чако-бореалъ, Чако-централъ и Чако-австралъ) смѣняютъ одна другую, сливаясь путемъ незамѣтныхъ переходовъ другъ съ другомъ. Такъ же постепенно Гранъ-Чако переходитъ на югѣ въ пампу; среди солончаковыхъ пространствъ тамъ раскинулись солоноватыя болота—Лагуна де лосъ Поронгосъ и Салинасъ Грандесъ, которыя въ сухое время года исчезаютъ, оставляя на своемъ мѣстѣ пелену выцвѣтовъ разныхъ горькихъ солей. При своемъ протяженіи на 12 градусовъ съ сѣвера на югъ, Гранъ-Чако не можетъ не мѣнять физіономіи своей растительности; лѣсныя тропическія дебри провинціи Амазоніи и Мато-Гроссо понемногу исчезаютъ, уступая пространства открытой мѣстности, гдѣ лѣсныя заросли встрѣчаются лишь вдоль теченія рѣкъ. Средняя Чако представляетъ именно такой характеръ лѣсо-степи. Это саванна съ рощами альгаробъ и восковой пальмы, раскинутыми среди луговинъ, переходящихъ возлѣ рѣкъ въ необозримыя и однообразныя заросли камышей или кустарника дураньелло (Bougainvillea praecox), превышающаго вдвое человѣческій ростъ. Южная Чако совсѣмъ лишена лѣса; тамъ передъ глазами путника развертывается ровная травянистая равнина, сливающаяся на югѣ съ пампой и чанаровой степью. Какъ вездѣ въ подобныхъ областяхъ, однообразіе виситъ надъ обширными пространствами. Характеръ мѣстности мѣняется вездѣ медленно и постепенно. Обиліе разной дичи послужило для древнихъ обитателей Перу поводомъ назвать эту равнину „Чако“, что на языкѣ аймаракечуа значитъ „охотничье угодье“. Дѣйствительно, инки являлись сюда для этой забавы.

Перемежаемость лѣса и степи, эта двойственность природы не могла не отразиться на обитателяхъ Гранъ-Чако, которая одиноково гостепріимно принимала, какъ лѣсныхъ обитателей, забредавшихъ сюда съ сѣвера, такъ и чистыхъ степняковъ, издавна обитавшихъ на югѣ. Затѣмъ, когда въ Новый Свѣтъ была завезена лошадь, съ которой туземцы Гранъ-Чако освоились очень быстро, въ ихъ жизни наступила такая же перемѣна, какую мы наблюдаемъ въ сходное время среди племенъ сѣверо-американскихъ прерій. Обладаніе лошадьми, кромѣ того, обострило борьбу между бѣлыми и дикарями; благодаря быстрымъ скакунамъ истребленіе туземцевъ Гранъ-Чако подвигалось впередъ гораздо медленнѣе, такъ же какъ колонизація удобныхъ участковъ ея, такъ какъ туземцы-хищники стали неуловимѣе, смѣлѣе и свирѣпѣе.

Борьба между краснымъ и бѣлымъ человѣкомъ не закончилась здѣсь вполнѣ и до сего дня. Съ момента появленія бѣлыхъ, значитъ съ XVI ст., исторія области представляетъ одну и ту же картину непрерывнаго вытѣсненія краснокожихъ въ наиболѣе дикія, недоступныя части Гранъ-Чако. Бѣлые вторгались сюда съ юга. Ихъ наступленіе происходило не постепенно, а какъ бы толчками, отъ рѣки къ рѣкѣ. Когда черезъ Гранъ-Чако удалось установить сообщеніе отъ береговъ Ла-Платы въ одномъ направленіи съ Чили, въ другомъ—съ Перу, область сплошного поселенія индѣйцевъ оказалась прорванной. Въ XVIII ст. бѣлые утвердились вдоль береговъ Бермехо и, такимъ образомъ, вся южная Чако оказалась въ ихъ власти, послѣ чего стала возможной безопасная колонизація ея. Въ первобытной дикости индѣйцы уцѣлѣли лишь въ болотисто-лѣсныхъ частяхъ Чако, гдѣ мѣстность до сего дня представляется почти недоступной, хотя уже дѣлаются попытки отыскать въ ней направленія, по которымъ можно было бы установлять сообщенія на сѣверъ и на западъ.

Раньше при разсмотрѣніи взаимнаго родства и разселенія всѣхъ американскихъ племенъ, были перечислены главныя племена Гранъ-Чако. Первое мѣсто между ними занимаютъ племена, которыя на основаніи языка можно объединить въ одну группу подъ туземнымъ названіемъ Гвайкуру. Сюда относятся нѣкогда страшные, нынѣ почти вымершіе абипоны, мокови, тоба, мбая-кадьюео, паягуа и гуачи. Къ группѣ Матако Матагвайо принадлежатъ обитающіе въ центральной Чако матако, матагвайо, вехосъ, ноктенъ, чороти, гвиснаи, малбала, матара, тонокоте. Группа Вилела-Луле едва ли сохранилась. Въ сѣверной Чако живетъ группа Маской (племена лингва, анагаите, санапана, сапухви и гвана). Къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ нихъ обитала группу Замуку (замуку, чамакоко, туманаха, моро). Къ великой вѣтви Тупи принадлежатъ забредшіе въ Чако земледѣльцы чиригуаны въ сѣверо-западной части ея, а къ Ну-Аруакамъ относятся чане, терено и гуана.

Было бы долго, да и нѣтъ никакой надобности описывать всѣ эти племена. Поселившись въ Чако, они волей неволей должны были принять одинаковый образъ жизни, къ какому принуждала природа мѣстности, что наложило на нихъ одинъ общій отпечатокъ. Различія, которыя проистекаютъ изъ происхожденія и пережитковъ прежняго строя жизни, обнаруживаются въ томъ, что одни племена явились сюда, уже усвоивъ первобытную обработку почвы, тогда какъ другіе явились въ Чако или обитали въ ней издавна въ качествѣ настоящихъ охотниковъ, проникнутыхъ, въ противоположность болѣе мирнымъ земледѣльцамъ, инстинктами воинственныхъ хищниковъ. Эти послѣднія племена, принадлежащія главнымъ образомъ къ группѣ гвайкуру, стали настоящими властителями Гранъ-Чако, особенно съ момента, когда они овладѣли лошадьми. Болѣе мирныя земледѣльческія племена находились всегда въ подчиненіи у нихъ, изображая изъ себя нѣчто вродѣ добровольныхъ вассаловъ, которые за извѣстныя услуги пользуются защитой и покровительствомъ своихъ побѣдителей.

Здѣсь мы опишемъ подбробнѣе именно племена, принадлежащія къ группѣ гвайкуру, такъ какъ они являются наиболѣе характерными обитателями этой обширной и своеобразной области Ю. Америки. Первое мѣсто между ними по своей дикости и численности занимаютъ индѣйцы племени тоба или, какъ они сами себя называютъ, „нтоковитъ“. Они до сего дня господствуютъ въ мѣстности, которую населяли издавна, въ центральной Чако между рѣками Бермехо и Пилкомайо; отсюда они предпринимаютъ

Индѣйцы Гранъ Чако изъ племени тоба.

набѣги далеко въ стороны, въ области на югъ, въ Чако аустралъ. Отдѣльныя кучки ихъ обитаютъ даже въ сѣверной Чако, смѣшавшись тамъ съ матако и племенами, говорящими на гуарани Они распадаются на нѣсколько племенъ, среди которыхъ первое мѣсто по численности и значенію принадлежитъ пилагамъ или ай, обитающимъ въ трехугольникѣ, образуемомъ сліяніемъ рѣкъ Парагвая и Пилкомайо. Тоба составили себѣ славу, какъ заклятые враги бѣлыхъ и ихъ культуры. Такъ говорятъ какъ прежніе, такъ и

новѣйшіе путешественники. Еще и теперь со страшнымъ именемъ тоба у мѣстныхъ жителей связано представленіе о безпощадныхъ убійствахъ, грабежахъ и поджогахъ. Вопреки трехсотлѣтнимъ усиліямъ правительствъ Аргентины, Боливіи и Парагвая смирить ихъ, тоба по сей день являются полными хозяевами громадной, занятой ими территоріи. Они упорно противятся всякому цивилизующему вліянію, не пускаютъ къ себѣ ни колонистовъ, ни путешественниковъ и нерѣдко являются на своихъ быстрыхъ коняхъ въ пограничныя селенія для грабежа и убійства. Воины ихъ выростаютъ точно изъ подъ земли и, покончивъ дѣло, такъ же неуловимо исчезаютъ въ густой чащѣ или въ степной равнинѣ Чако. Преслѣдовать ихъ въ необразимой равнинѣ, покрытой то болотами, то представляющей чуть не пустыню безъ единой капли воды, нѣтъ никакой возможности, не подвергнувъ себя самой серьезной опасности погибнуть отъ жажды или завязнуть въ невылазной топи. Они одни знаютъ укромные уголки, гдѣ есть вода, и знакомы съ тропами, которыя вьются поперекъ болотъ и рѣчныхъ разливовъ. Нерѣдко предводителями этихъ грабительскихъ шаекъ являются бѣглые преступники изъ бѣлыхъ или такіе люди, которые должны были бѣжать изъ населенныхъ мѣстъ съ намѣреніемъ свести при случаѣ съ обитателями ихъ свои счеты. Такъ еще въ январѣ 1899 г. аргентинскія колоніи Флоренція, Резистенція и Урдамицъ, выдвинувшіеся далеко впередъ въ Чако Аустралъ, испытали всѣ ужасы индѣйскаго набѣга. Тоба явились сюда подъ предводительствомъ своего вождя Илири, перебили множество поселенцевъ безъ разбора пола и возраста и ускакали въ степь, унося съ собой отрѣзанныя головы павшихъ враговъ для забавы своимъ женамъ и дѣтямъ. Кто знакомъ съ условіями жизни малокультурныхъ странъ Ю. Америки, не рѣшится возлагать отвѣтственность за эти жестокости на однихъ туземцевъ. Въ большинствѣ случаевъ набѣги индѣйцевъ со всѣми сопровождающими ихъ ужасами бываютъ вызваны самими бѣлыми и представляютъ месть за какія нибудь насилія. Грубый колонистъ Парагвая или Аргентины, также какъ это было въ Австраліи, въ С. Америкѣ, вообще всюду, гдѣ бѣлые сталкивались съ туземцами, совершенно не склоненъ видѣть въ своихъ краснокожихъ сосѣдяхъ представителей человѣческой породы. При малѣйшемъ ущербѣ себѣ, напр. при пропажѣ скота, онъ винитъ въ томъ туземцевъ и не упускаетъ случая пустить пулю въ перваго попавшагося индѣйца, не разбирая ни женщинъ, ни дѣтей. Естественно, что подобныя дѣянія пробуждаютъ у противной стороны жажду мести, въ результатѣ чего взаимная вражда съ нападеніями, убійствами и грабежами не прекращается въ сущности никогда. Кромѣ многихъ миссіонеровъ ордена іезуитовъ, которые поплатились жизнью за попытку цивилизовать индѣйцевъ, здѣсь нашли свою гибель многіе путешественники: въ 1899 г. здѣсь палъ отъ руки индѣйцевъ Крево, 1899—Ибарета.

Въ физическомъ отношеніи тоба представляютъ рослый, хорошо сложенный народъ; средній ростъ ихъ опредѣляютъ въ 1,75 м., [1]) они выше другихъ индѣйцевъ Гранъ-Чако. Какъ мужчины, такъ и женщины обладаютъ развитой мускулатурой. Въ молодости женщины довольно миловидны, но скоро старѣютъ и пріобрѣтаютъ отвратительную обрюзглую полноту. Цвѣтъ ихъ кожи приближается къ тону дубленой кожи, въ юности нѣсколько свѣтлѣе съ оттѣнкомъ желтаго; глаза черные, живые, лобъ высокій, довольно большой выдающійся носъ съ широкими ноздрями, ротъ большой съ мясистыми губами, но болѣе красивый, чѣмъ у сѣвернѣе живущихъ племенъ. Великолѣпные зубы сохраняются до глубокой старости. Руки и ноги у обоихъ половъ отличаются удивительнымъ изяществомъ. Волосы на головѣ прямые, черные или чуть чуть коричневые и очень густые. Въ цивилизованномъ состояніи дикари эти теряютъ многое изъ своей внѣшности, хотя и среди дикихъ тоба встрѣчаются удивительно отвратительныя фигуры. Тѣмъ не менѣе выраженіе

[1]) T. Koch, Die Guaikurustämme, Globus LXXXI, ст. 70.

физіономіи носитъ всегда гордый, а въ присутствіи бѣлыхъ, даже презрительный отпечатокъ, что въ сочетаніи съ повелительными нелюбезными звуками голоса удивительно гармонируетъ съ высокомѣріемъ и коварствомъ ихъ нрава. Сила воли проявляется съ особенной наглядностью у воиновъ тоба, попавшихъ въ руки враговъ: они выносятъ самыя ужасныя мученія съ наружнымъ равнодушіемъ, даже съ напускной веселостью, не позволяя вырваться ни единому крику боли, тѣмъ болѣе мольбѣ о пощадѣ.

Индѣецъ воинъ изъ племени тоба.

При подвижномъ образѣ своей жизни тоба не нуждаются въ постоянныхъ жилищахъ. Они сооружаютъ себѣ изъ воткнутыхъ вокругъ сучьевъ маленькіе, легкіе шалаши (ибо), связывая наверху концы вѣтвей въ пучекъ и накрывая ихъ листвой или сухой травой, что придаетъ всей постройкѣ видъ усѣченнаго конуса. Входъ узкій и низкій. Внутренность этого шалаша, который такъ низокъ, что не позволяетъ выпрямиться во весь ростъ, едва даетъ мѣста для всей семьи и поражаетъ посторонняго страшной грязью и обиліемъ насѣкомыхъ. Посрединѣ жилья постоянно горитъ огонь, а пространство близъ стѣнъ завалено въ безпорядкѣ разнымъ хламомъ — шкурами, оружіемъ и домашней утварью. Постелями служатъ шкуры домашнихъ и дикихъ животныхъ, по стѣнамъ развѣшаны оружіе, трофеи охоты и войны, т. е. пучки волосъ убитыхъ враговъ, нанизанная на веревку рыба, куски мяса, плоды. Гдѣ нибудь въ темномъ углу валяются сѣти, домотканныя одѣяла, грубые горшки изъ обожженой глины и деревянные бураки изъ дерева юка (Chorisia insignis), въ которыхъ хранится ихъ опьяняющій напитокъ. Полъ никогда не подметаютъ, такъ что гніющій на немъ мусоръ съ навозомъ смѣшиваетъ свои испаренія съ запахомъ копченой рыбы, грязной сѣти и зловоніемъ, которымъ отдаютъ тѣла самихъ обитателей, не имѣющихъ даже представленія о чистотѣ тѣла.

Обыкновенно группа хижинъ образуетъ поселеніе, обнесенное кругомъ частоколомъ для защиты отъ ночныхъ визитовъ многочисленныхъ здѣсь ягуаровъ и отъ враговъ. Поселеніе располагается чаще всего на опушкѣ лѣса, рѣдко въ открытомъ мѣстѣ, чтобы облегчить себѣ бѣгство въ случаѣ внезапнаго нападенія. Если шалаши раскинулись на болѣе обширномъ пространствѣ, то все же обитатели ихъ не теряютъ изъ виду другъ друга и въ случаѣ опасности подаютъ другъ другу помощь. Племена, обитающія ближе

къ берегамъ Парагвая, строятъ болѣе прочныя и совсѣмъ другого вида хижины; они вбиваютъ въ землю два параллельныхъ ряда кольевъ, которые связаны наверху горизонтальными перекладинами; затѣмъ остовъ накрывается сверху и съ широкой задней стороны, обращенной поперекъ господствующаго здѣсь влажнаго и холоднаго юго-западнаго вѣтра, циновками, сплетенными изъ стеблей пегуахо (ароидное) или пири (папирусъ). Остальныя три стороны остаются открытыми.

Тоба пропитываются не только охотой, рыболовствомъ и собираніемъ лѣсныхъ плодовъ; они держатъ также домашній скотъ, особенно лошадей, отлично выѣзженныхъ, хотя тоба не такіе превосходные наѣздники, какъ индѣйцы кадьюео или племена пампасъ. Они скачутъ на неосѣдланныхъ коняхъ. Далѣе у нихъ есть стада овецъ, шерсть которыхъ даетъ матеріалъ для домашней пряжи и тканей. Кажется, внутри Чако у нихъ есть и крупный рогатый скотъ. Тоба большіе любители мяса, особенно мяса крупнаго рогатаго скота, которое они не упускаютъ случая добыть себѣ какимъ бы то ни было способомъ, будь то кража или грабежъ. При каждомъ посѣщеніи ими боливійскихъ миссій, расположенныхъ на верхнемъ Пилкомайо, регулярно пропадаютъ мулы. Тѣмъ не менѣе главную пищу ихъ составляетъ рыба, добываемая съ помощью небольшихъ трехугольныхъ сѣтей. Въ мѣсяцы, когда созрѣваютъ лѣсные плоды, и охота въ лѣсу доставляетъ обильную добычу, тоба покидаютъ берега Пилкомайо и перекочевываютъ внутрь Чако. Тамъ они бродятъ во всѣхъ направленіяхъ въ поискахъ звѣря, которымъ Гранъ-Чако вообще изобилуетъ. Затѣмъ они не чужды и земледѣлія, но занимаются имъ въ такомъ микроскопическомъ размѣрѣ, что иные изслѣдователи, не замѣтивъ того, совершенно отрицаютъ существованіе земледѣлія у тоба. Они разводятъ лишь немногія растенія, какъ маисъ, мандіоку, бататы и нѣкоторыя другія, повидимому, исключительно для полученія изъ нихъ опьяняющихъ напитковъ. Къ такимъ напиткамъ тоба, подобно всѣмъ индѣйцамъ, чувствуютъ непреодолимую склонность; ихъ женщины изготовляютъ напитки изъ меда дикихъ пчелъ, изъ маиса и изъ плодовъ нѣкоторыхъ бобовыхъ. Общее названіе для такихъ напитковъ въ Ю. Америкѣ чича. Для приготовленія чичи женщины тоба давятъ плоды и варятъ ихъ въ большихъ горшкахъ; когда масса прокипѣла въ теченіе 12—13 часовъ, онѣ прибавляютъ къ ней жеванныхъ, обильно пропитанныхъ слюною плодовъ и даютъ жидкости бродить два, три дня, послѣ чего напитокъ готовъ къ употребленію. При каждомъ празднествѣ, а поводовъ къ таковымъ встрѣчается немало, мужчины упиваются имъ до потери сознанія, послѣ чего на нѣсколько дней впадаютъ въ состояніе полной апатіи, весьма близкой къ летаргіи. Женщины обыкновенно не пьютъ, кромѣ старухъ. Онѣ и нѣсколько назначенныхъ къ этому воиновъ избѣгаютъ прикоснуться къ чичѣ, чтобы уводить слишкомъ упившихся подъ тѣнь шалашей, унимать буяновъ и разнимать дерущихся, такъ какъ вкушеніе чичи никогда не обходится безъ шумныхъ сценъ, переходящихъ легко въ драку и прямой бой съ оружіемъ въ рукахъ.

Религіозныя празднества, похороны и прочія событія, все представляетъ удобный поводъ напиться до безчувствія чичи. Кубками при этомъ служатъ глиняныя посудины или чашки изъ тыквы, нерѣдко ихъ замѣняютъ черепа убитыхъ враговъ, которые неизмѣнно появляются на сцену при оргіяхъ, предшествующихъ задуманному набѣгу, чтобы еще сильнѣе воспламенить воинственный духъ. Подобно обжорству и пьянству, распространено куреніе. Тоба курятъ изъ трубокъ, похожихъ по формѣ на трубки, какія вообще употребляютъ всѣ другія сосѣднія племена. Табакъ хранится въ длинныхъ желтыхъ мѣшкахъ, изготовляемыхъ изъ кожи, содранной съ длинной шеи американскаго страуса, и украшенныхъ яркими бусами или рисунками. Приготовленія къ набѣгу неизмѣнно включаютъ въ свою программу торжественныя пляски и пѣснопѣнія, причемъ колдунъ племени или вождь возбуждаетъ воинственный духъ перечисленіемъ геройскихъ подвиговъ предковъ и воспоминаніями о павшихъ въ бояхъ соплеменникахъ. Воспламененныя его

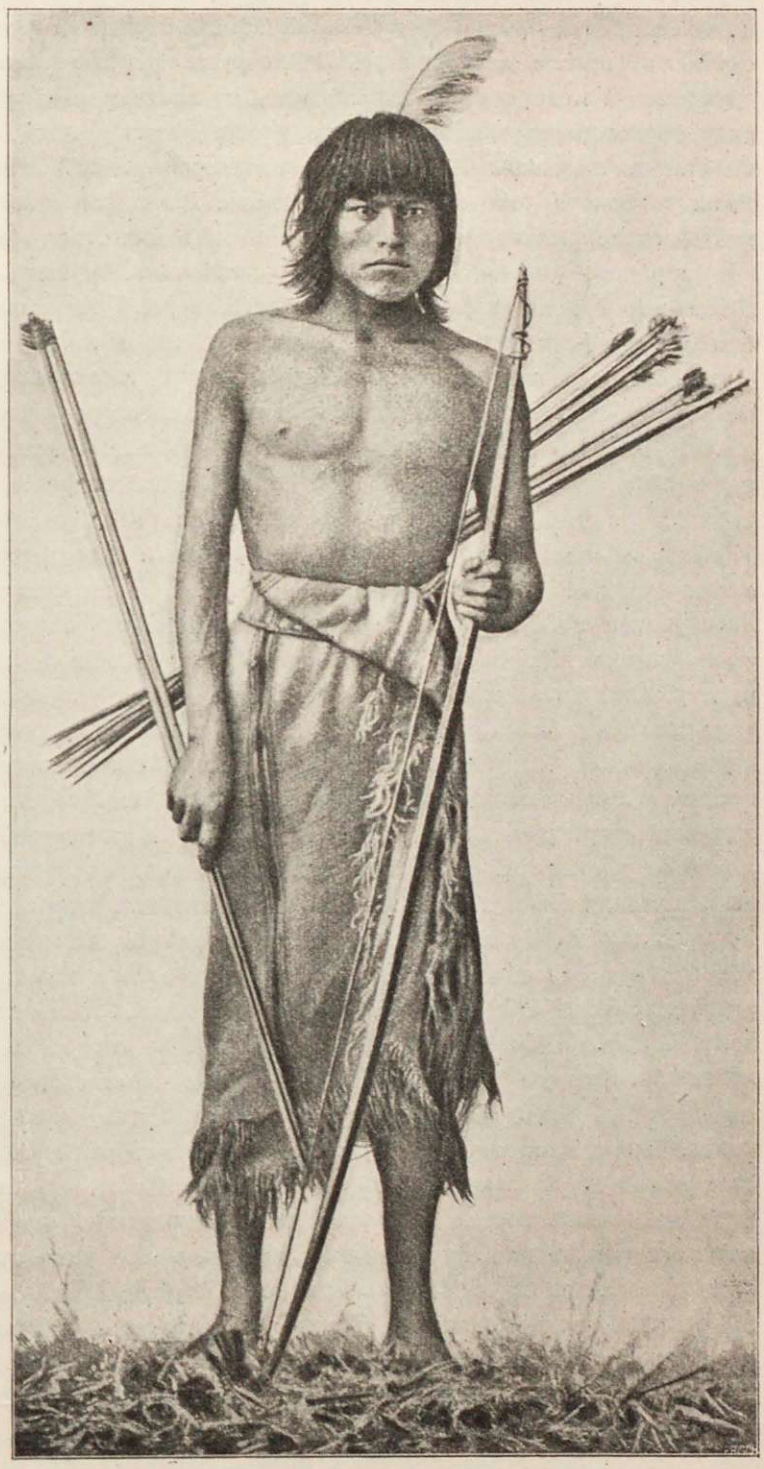
*

пѣснями воины входятъ въ азартъ и начинаютъ наносить себѣ въ присутствіи женщинъ племени раны на тѣлѣ. Въ бой тоба предпочитаютъ вступать на утренней зарѣ по сигналу, издаваемому посредствомъ пукунасъ, т. е. деревянныхъ флейтъ, при оглушительныхъ крикахъ и дикомъ воѣ. Женщины мечутся въ это время между кучками воиновъ и возбуждаютъ ихъ мужество и ярость криками и жестами. Совсѣмъ древніе германцы! Въ случаѣ побѣды павшимъ врагамъ отрѣзаютъ головы или одни только волосы или вообще какую нибудь часть тѣла, которую приносятъ домой и отдаютъ женщинамъ на посмѣшище. Плѣнныхъ, которыхъ ожидаютъ либо жесточайшія пытки и смерть, либо жалкая участь раба, тоже отдаютъ во власть женщинъ, которыя по части утонченной жестокости не отстаютъ, если не превосходятъ мужчинъ. При появленіи враговъ тоба даютъ о томъ знать другъ другу тѣмъ, что поджигаютъ сухую степь или собственные шалаши. Затѣмъ съ возможной поспѣшностью они забираютъ семьи и имущество, чтобы укрыться въ чащѣ лѣса или въ закоулкахъ среди болотъ.

Волосы свои дикіе тоба не обрѣзаютъ, а даютъ имъ расти, чтобы собрать по обычаю другихъ племенъ въ большой пучекъ, перевязанный на темени бичевкой. Только мирные тоба, такъ называемые тоба чикосъ, сбитающіе въ окрестности Асунсіона, стригутъ волосы коротко. Волосы, падающіе на лобъ, они также собираютъ въ особый пучекъ, перехватывая его лентой яркой шерсти, съ кисточками или бахромками на концахъ. Волосы на вискахъ падаютъ свободными прядями, закрывая уши, передній же пучекъ пропускается назадъ и удерживается въ этомъ положеніи узломъ овечьей шерсти, затянутымъ на заднемъ пучкѣ или вокругъ шеи. Въ эту затѣйливую прическу они втыкаютъ нѣсколько бѣлыхъ, часто ощипанныхъ при очинѣ или зубчато обрѣзанныхъ по краямъ страусовыхъ перьевъ или пучки яркихъ, красивыхъ перьевъ бѣлой или сѣрой цапли. Для этого перья нанизываются на крѣпкую бичевку ибира и затѣмъ сворачиваются въ пучекъ. Узлы и банты на головѣ часто бываютъ также украшены небольшими шлифованными пластинками одной плоской раковины. Женщины, наоборотъ, стригутъ волосы коротко. Шею мужчины тоба украшаютъ также наборомъ четвероугольно шлифованныхъ пластинокъ раковинъ перламутроваго отлива или повязываютъ нитки ихъ крестообразно на груди. Женщины не носятъ этихъ украшеній. Прежде у нихъ было въ обычаѣ дѣлать отверстіе въ губѣ и вставлять въ него особыя палочки или другой формы предметы. Дикіе тоба и теперь еще носятъ подобныя украшенія въ ушахъ; эти бобо дѣлаются изъ одного сорта легкаго дерева въ видѣ цилиндровъ длиной въ 7, толщиной въ 2—3 сантиметра. Ихъ украшаютъ цвѣтнымъ рисункомъ, инкрустаціей изъ серебра, кусочковъ стекла, вставляемыхъ при помощи чернаго воска, и цѣнятъ очень высоко. Отъ тяжести подвѣсковъ мочко уха современемъ пріобрѣтаетъ такую длину, что свѣшивается, касаясь плеча.

Женщины татуируютъ себѣ лицо, грудь и руки золой маисовой соломы, что въ сочетаніи съ короткими волосами отнюдь не способствуетъ украшенію ихъ фигуры. Мужчины не татуируются, а расписываютъ все тѣло красной краской уруксу (Bixa Orellana) или чаще черносинимъ сокомъ генипапо (Genipa oblongifola). Единственной одеждой мужчинъ служитъ почти квадратное покрывало въ 2 м. длиной, $1^1/_2$ въ ширину, домашняго тканья изъ овечьей шерсти или даже хлопчатобумажной пряжи, которымъ они обертываютъ въ сложенномъ видѣ талію, давая свѣшиваться поламъ ниже колѣнъ, а въ случаѣ холодной погоды край его натятивается на плечи и застегивается спереди колючкой или деревянной палочкой. Пояски, которыми они подпоясываются, часто украшены наподобіе изготовляемыхъ у насъ въ деревняхъ незатѣйливымъ узоромъ. Одежда женщинъ не отличается своимъ покроемъ отъ мужской, но дѣлается часто изъ другого матеріала, именно она сшивается изъ мягкихъ и высоко цѣнимыхъ шкурокъ выдры или водяной крысы (Myopotamus coipus), причемъ ее носятъ шерстью внизъ, а мездрой наружу. Изъ этихъ же шкуръ у нихъ шьются рубахи и короткія безрукавки, для чего служатъ также шкуры

оленя, лани и домашняго скота. Во всякомъ случаѣ онѣ раскрашиваются съ наружной стороны ярко красными узорами въ видѣ неуклюжихъ трехъ и четыреугольниковъ. Кромѣ того они умѣютъ вязать такого же покроя одежды изъ крѣпкихъ волоконъ ибира (Bromelia serra), которыя украшаются поперечными полосами чернаго, бѣлаго и краснаго цвѣта, Рубахи эти по причинѣ ихъ прочности надѣваются воинами въ бою, какъ панцыри, для защиты отъ стрѣлъ. Но самымъ цѣннымъ украшеніемъ воина считаются не эти икчима, а такія же рубахи съ короткими рукавами изъ шкуры ягуара. Когда по степи несется конный отрядъ воиновъ, одѣтыхъ въ такіе ярко-пятнистые, сверкающіе серебристымъ тономъ панцыри, картина получается великолѣпная. Само собой понятно, что разныя описанныя одежды тоба носятъ лишь въ извѣстныхъ случаяхъ, у себя же дома, въ интимности затерянныхъ въ глубинѣ Чако селеній они въ большинствѣ случаевъ ходятъ безъ всякой одежды.



Индѣецъ воинъ племени пилага изъ Гранъ-Чако.

Главнымъ оружіемъ у тоба является лукъ, который дѣлается изъ особаго твердаго и гибкаго дерева, растущаго только въ Чако (Jacaranda), и снабженъ тетивой, матеріаломъ для которой служатъ ремни изъ кожи оленя. Лукъ очень длинный, 1,55 м. Изъ него стрѣляютъ двоякаго рода стрѣлами. У однихъ тонкіе, острые наконечники сдѣланы изъ того же твердаго дерева, стрѣла длиной въ 1,05 м. и оперена черными или сѣрыми перьями. Этими стрѣлами стрѣляютъ небольшихъ животныхъ и крупныхъ птицъ. Для охоты на крупнаго звѣря и для стрѣльбы рыбы тоба употребляютъ стрѣлы съ широкими желѣзными наконечниками, которыя они изготовляютъ изъ старыхъ обручей отъ бочекъ.

Наконечникъ крѣпко привязывается къ деревянному стержню, вставленному въ тростникъ, представляющему самую стрѣлу и имѣющему общую длину въ 1,3 м. Для рукопашнаго боя служатъ короткія палицы длиной въ $^3/_4$ метра съ плоской головой. Копьемъ служитъ длинное древко, рѣдко несущее на концѣ желѣзный наконечникъ, въ большинствѣ же случаевъ просто заостренное. Нѣкоторые успѣли обзавестись также огнестрѣльнымъ оружіемъ и прекрасно владѣютъ имъ, но всетаки главнымъ оружіемъ остается лукъ, наряду съ которымъ южныя племена употребляютъ боласъ, заимствованныя, вѣроятно, отъ индѣйцевъ пампасъ. Хотя тоба занимаются рыболовствомъ, но челновъ у нихъ нѣтъ. Рѣки и болота они переходятъ вплавь. Домашняя промышленность ихъ ограничивается тканьемъ покрывалъ и поясковъ, вязаньемъ и шитьемъ рубахъ, изготовленіемъ украшеній изъ перьевъ, раковинъ и другихъ матеріаловъ, грубымъ гончарнымъ искусствомъ, издѣліями изъ дерева и фабрикаціей оружія. Кромѣ того, подобно другимъ племенамъ Чако, они вяжутъ разныя торбы для ношенія вещей, а также маленькихъ дѣтей.

Тоба держатся небольшими группами, во главѣ каждой изъ которыхъ стоитъ вождь, пользующійся у нихъ гораздо большимъ значеніемъ, чѣмъ у другихъ племенъ Чако, вѣроятно потому, что они воинственнѣе. Санъ вождя наслѣдуетъ его сынъ, а если потомковъ нѣтъ, то вождя избираютъ. Въ важныхъ случаяхъ онъ собираетъ совѣтъ изъ старыхъ и опытныхъ воиновъ. Вождь получаетъ въ свое пользованіе въ качествѣ рабовъ бѣлыхъ плѣнниковъ, обращеніе съ которыми носитъ жестокій характеръ: ихъ плохо кормятъ, наваливаютъ на нихъ тяжелыя работы, и нерѣдко въ ближайшее празднество плѣннаго убиваютъ послѣ цѣлаго ряда жестокихъ пытокъ, составляющихъ одно изъ общественныхъ увеселеній. Обращеніе съ плѣнными индѣйцами нисколько не лучше. У тоба распространено одноженство; бываютъ случаи, когда у мужчины двѣ и болѣе жены, но рѣдко, такъ какъ женщины ихъ очень ревнивы, и между соперницами возникаютъ часто ожесточенныя драки, кончающіяся изуродованіемъ или даже смертью побѣжденной. Сватовство представляетъ любопытныя особенности. Индѣецъ, намѣтившій себѣ невѣсту, появляется въ одинъ прекрасный день возлѣ хижины ея родителей съ вязанкой хвороста, которую кладетъ у входа, а самъ садится на нее. Если онъ желанный женихъ, то дѣвушка уноситъ вязанку въ хижину. Затѣмъ отецъ невѣсты отрѣзаетъ у вступающихъ въ бракъ по пучку волосъ съ головы, и обрядъ считается заключеннымъ. Въ случаѣ несогласія родителей дѣвушка сжигаетъ вязанку въ хижинѣ, а пепелъ пускаетъ на вѣтеръ. Бываетъ, что родители несогласны на бракъ, между тѣмъ какъ дочь ихъ питаетъ склонность къ молодому человѣку. Тогда чета убѣгаетъ въ лѣсъ и строитъ себѣ шалашъ въ отдаленіи отъ поселенія. Каждую свадьбу сопровождаютъ пиршества съ обильнымъ возліяніемъ чичи. Другіе изслѣдователи наблюдали у тоба еще болѣе оригинальный обычай при заключеніи брака. Помимо платы за жену, женихъ долженъ особыми тяжкими испытаніями доказать свое право на основаніе новой семьи. Облачившись въ самый торжественный нарядъ, женихъ въ теченіе восьми дней увеселяетъ непрерывной музыкой невѣсту, которую спеціально для того помѣщаютъ въ уединенно поставленный шалашъ, который она не должна покидать, развѣ только въ самомъ крайнемъ случаѣ. Женихъ безъ роздыха и перерыва бьетъ въ п и м п и н ъ, маленькій деревянный барабанъ, обтянутый козьей шкурой и до половины наполненный водой; онъ поетъ и пляшетъ, дѣлая головой конвульсивныя движенія, день и ночь, не обращая вниманія на зной, холодъ и непогоду и прекращаетъ свои упражненія лишь въ короткіе промежутки для пищи и другихъ дѣлъ. Если женихъ по сердцу будущей свекрови, то она старается чѣмъ нибудь облегчить его положеніе, напримѣръ устраиваетъ надъ нимъ навѣсъ для защиты отъ солнца. Если онъ обнаруживаетъ признаки усталости ранѣе окончанія срока или неугоденъ родителямъ невѣсты, то ему даютъ понять это, и молодой человѣкъ удаляется, несолоно хлебавши. По окончаніи испытанія небольшое пиршество съ чичей на первомъ планѣ заключаетъ весь обрядъ. Положеніе замужней жен-

щины очень похоже на положеніе рабыни, съ тѣмъ отличіемъ, что женъ не принято бить. На дѣлѣ жены играютъ въ семьѣ значительную роль, говорятъ, иныя даже поколачиваютъ мужей. Мужъ во всякое время можетъ прогнать и даже убить жену за какое нибудь нарушеніе обязанностей. Убійства женъ въ порывѣ ярости или въ состояніи опьяненія случаются довольно часто.

Въ ряду праздничныхъ увеселеній немалое значеніе имѣютъ пляски, смыслъ которыхъ не ограничивается однимъ весельемъ, а заключаетъ въ себѣ какое то религіозное значеніе. Тоба пляшутъ группами въ 20—30 человѣкъ подъ предводительствомъ женщины, которая ведетъ хороводъ, держа въ рукахъ небольшую палку. Пляшущіе двигаются легко и порывисто подъ крики и пѣніе, выдѣлывая по пути разныя смѣшныя и грубыя движе-

Индѣйцы воины племени ленгва изъ Гранъ-Чако.

нія. Оркестръ состоитъ изъ барабановъ, пимпинъ и деревянныхъ флейтъ. Большею частью пляски происходятъ ночью. Пѣсни, которыя при этомъ поются, представляютъ восхваленіе подвиговъ предковъ и воспоминанія о погибшихъ въ бояхъ товарищахъ. Празднества съ плясками и пѣніемъ длятся долго,—недѣлю, двѣ, три. Изъ другихъ развлеченій у нихъ существуетъ азартная игра при помощи небольшихъ короткихъ палочекъ, которыя играющіе кидаютъ въ воздухъ и слѣдятъ, какъ они ложатся на землю.

Болѣзни и раны у нихъ лечатъ знахари, которые криками, заклинаніями и другими, обычными у дикарей, способами стараются изгнать изъ тѣла больного злого духа или причину болѣзни. Съ ловкостью фокусниковъ они вынимаютъ изъ раны или больного мѣста спрятанный заранѣе наконечникъ стрѣлы, колючку или другой предметъ, который объявляютъ извлеченнымъ изъ больного и съ торжествомъ показываютъ окружающимъ. Если

болѣзнь не поддается заклинаніямъ, натираніямъ и прикладываніямъ разныхъ снадобій, то знахарь обвиняетъ въ неуспѣхѣ другихъ знахарей, своихъ соперниковъ, которые нерѣдко платятся за то жизнью отъ руки раздраженныхъ родственниковъ покойнаго. При заклинаніяхъ знахарь или колдунъ пользуется также распространеннымъ у всѣхъ южно американскихъ племенъ бубномъ (muryummé), сдѣланнымъ изъ полой тыквы, въ которую положены камешки, твердыя сѣмена, дробь, кусочки желѣза и другіе мелкіе предметы, и украшеннымъ разными нацарапанными на кожурѣ рисунками. Тоба не столько почитаютъ, сколько боятся своихъ колдуновъ. Въ случаѣ засухи, наводненія или распространенія заразной болѣзни испуганные и обозленные дикари накидываются на знахарей, которые расплачиваются жизнью за бѣдствія, совершенно независящія отъ нихъ. Если колдунъ заранѣе объявляетъ, что больного невозможно исцѣлить, то родственники ударомъ дубины по головѣ ускоряютъ неизбѣжный, по ихъ мнѣнію, конецъ. Такъ же убиваютъ они всѣхъ слабыхъ или уродливыхъ новорожденныхъ. Дряхлыхъ они также заранѣе отправляютъ на тотъ свѣтъ, но не съ помощью дубины, а погребая ихъ заживо въ землю. Нерѣдко старики, которымъ жизнь стала въ тягость, сами просятъ о томъ, какъ о милости. Эта печальная церемонія выполняется исключительно женщинами, такъ какъ, по мнѣнію тоба, исполненіе ея можетъ заронить въ души воиновъ зародыши трусости и страха. Жертву выносятъ изъ шалаша за руки и ноги и сажаютъ въ вырытую поодаль отъ селенія небольшую яму, помѣщая его въ ней въ сидячемъ положеніи. Голову, чтобы ускорить наступленіе смерти, съ силой пригибаютъ къ груди и втискиваютъ тѣло въ углубленіе, послѣ чего яму засыпаютъ землей и заваливаютъ бревнами, будто бы для защиты отъ звѣрей. На могилѣ ставятъ кромѣ того сосудъ съ водой или кладутъ нѣсколько плодовъ для утоленія голода и жажды духа погребеннаго.

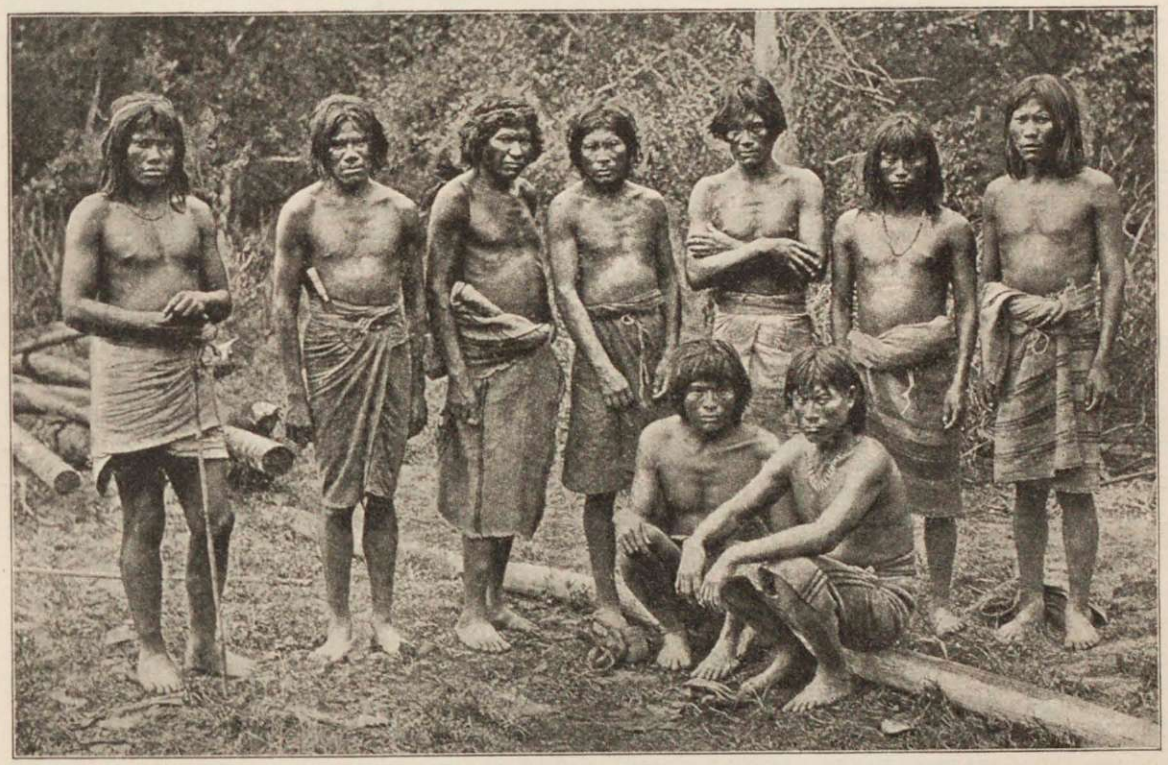
О душѣ и ея судьбѣ послѣ смерти тоба не имѣютъ ясныхъ представленій. У нихъ существуетъ убѣжденіе въ существованіи какого-то верховнаго божества, которое они обозначаютъ словомъ паякъ и которое призываютъ въ бою и въ минуту опасности, но, кажется, характеръ божества паякъ получилъ только послѣ проповѣди миссіонеровъ, подвизавшихся одно время въ Гранъ-Чако; въ дѣйствительности же дикари понимаютъ подъ этимъ словомъ все непонятное, таинственное и страшное, главнымъ образомъ духовъ покойниковъ, а также колдуновъ. Страхъ предъ духами умершихъ заставляетъ тоба хоронить покойниковъ подальше отъ селеній и придавливать ихъ къ землѣ бревнами. Душа нѣкоторое время держится возлѣ мертваго тѣла, и чтобы задобрить ее, тоба ставятъ на могилу пищу. По этой же причинѣ они вмѣстѣ съ скончавшейся матерью хоронятъ живымъ ея грудного младенца, который иначе бы привлекалъ духъ умершей въ шалашъ. Что касается странствій души послѣ смерти, посмертной награды и наказаній за добрыя и худыя дѣла, то все это заимствовано, повидимому, изъ христіанскихъ вѣрованій. По разсказамъ нѣкоторыхъ наблюдателей тоба вѣруютъ, что душа переселяется послѣ смерти въ звѣрей, особенно въ любимыхъ ими лошадей и собакъ.

Добрые духи предковъ, вселившіеся въ этихъ животныхъ, помогаютъ, по мнѣнію тоба, живымъ, облегчая имъ охоту и набѣги. Злые духи не смѣютъ приближаться къ селенію; удѣлъ ихъ скитаться въ чащѣ лѣса или укрываться въ пещерахъ. Посредниками между духами и живыми людьми могутъ служить колдуны. Ненависть тоба къ бѣлымъ отчасти объясняется тѣмъ, что они считаютъ ихъ воплощеніемъ злыхъ духовъ.

Тоба представляютъ одно изъ наиболѣе типичныхъ племенъ группы Гвайкуру, обитающихъ въ Гранъ-Чако. Другія родственныя имъ племена большею частью стали мирными и усвоили отъ бѣлыхъ кое какую культуру, которая облегчаетъ имъ смѣшеніе съ бѣлыми или является причиной ихъ окончательнаго вымиранія. Къ числу ихъ относятся принадлежащіе также къ группѣ гвайкуру мокови, не уступавшіе по дикости тоба. На умиротвореніе ихъ было потрачено немало усилій, особенно іезуитами, но старанія ихъ не

увѣнчались успѣхами. Часть мокови растворилась, вѣроятно, среди тоба, а остатки слоняются наподобіе цыганъ въ окрестностяхъ Санта Фе, возбуждая жалость своимъ нищенскимъ видомъ и лохмотьями. Такую же судьбу испытало нѣкогда многочисленное и свирѣпое племя абипоновъ, набѣги которыхъ стали особенно опустошительными послѣ того, какъ они изловили въ степи дикихъ лошадей и одомашили ихъ. Они свирѣпствовали съ особенной силой въ южной Чако, пока усилія правительства и миссіонеровъ не привели къ тому, что абипоны покинули дебри и стали жить колоніями вблизи населенныхъ бѣлыми мѣстъ. Перемѣна въ образѣ жизни и заразныя болѣзни такъ опустошили ихъ ряды что изъ 5000—8000 душъ, насчитывавшихся въ XVII и XVIII ст. врядъ ли кто уцѣлѣлъ.

Къ рѣчнымъ индѣйцамъ Чако принадлежатъ паягуа, которые господствовали въ прежнее время при помощи своихъ большихъ челновъ въ 10—20 ф. длиной надъ всѣмъ бассейномъ Парагвая въ качествѣ рѣчныхъ пиратовъ, пока ихъ не покорили и не заставили



Индѣйцы сѣвернаго Гранъ-Чако (Парагвай.)

въ 1740 г. переселиться въ Асунсіонъ, гдѣ остатки ихъ, строго сохранивъ старые обычаи и языкъ, избѣгая смѣшенія съ гуарани, живутъ до сихъ поръ продажей своихъ издѣлій или работаютъ въ „хербалесъ“, т. е. на плантаціяхъ парагвайскаго чая, и въ „обралесъ“ — на лѣсныхъ работахъ.

Совершенно вымерло въ настоящее время племя гуачи, населявшее прежде болотисто-озерную область рѣки Мондего, восточнаго притока Парагвая.

Изъ болѣе крупныхъ, пережившихъ себя племенъ гвайкуру въ сѣверной Чако уцѣлѣла еще отрасль племени мбая кадьюео. Нѣкогда эти конные индѣйцы составляли грозу Парагвая и провинціи Мато Гроссо, внезапно появляясь даже въ окрестностяхъ большихъ городовъ, какъ Асунсіонъ и Куяба.

Не меньше страха нагоняли они и на другія племена Чако, съ которыми они имѣли вѣчные счеты. Въ поселеніяхъ бѣлыхъ они угоняли скотъ, убивали мужчинъ, а женщинъ

и дѣтей уводили въ неволю. Благодаря постояннымъ похищеніямъ бѣлыхъ женщинъ, которыя въ культурномъ отношеніи мало различались отъ самихъ туземцевъ и послѣ года или двухъ лѣтъ до того сживались съ новыми мужьями, что дичали и по ненависти къ прежнимъ своимъ соплеменникамъ превосходили зачастую индѣйскихъ женщинъ, раса индѣйцевъ Чако подвергалась нѣкоторому смѣшенію съ бѣлой кровью въ теченіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ. Всего сильнѣе подобную примѣсь должны были испытать наиболѣе хищныя и грабительскія племена вродѣ кадьюео. Теперь, благодаря воздѣйствію „культуры", то есть заразнымъ болѣзнямъ и алкоголю этихъ индѣйцевъ осталось не болѣе 100 ч. чистой крови. Вначалѣ эти рослые смуглые черноволосые индѣйцы были бродячими охотниками-рыболовами. И теперь еще въ охотничій сезонъ они ведутъ прежній подвижной образъ жизни, но остальное время они проводятъ въ своихъ селеніяхъ, представляющихъ одну улицу, вдоль которой хижины стоятъ такъ тѣсно другъ къ другу, что соприкасаются боковыми стѣнами и имѣютъ въ сущности одну общую длинную крышу, которая наклонена спереди назадъ и почти касается тамъ земли. Хижины построены изъ пальмовыхъ досокъ, а крыты пальмовыми листьями. Собственно жилой частью являются отгороженная задняя половина дома. Слегка приподнятый земляной полъ устланъ тамъ бычачьими шкурами, которыя расписаны красивымъ узоромъ. На нихъ и проводятъ индѣйцы большую часть своего времени, живописно облокотившись на скатанныя цыновки, замѣняющія подушки. Передняя половина дома остается свободной, образуя какъ бы общій для всѣхъ домохозяйствъ корридоръ, по которому можно, не подвергаясь дождю, прогуляться изъ одного конца селенія въ другой. Пространство передъ селеніемъ, собственно улица, соблюдается въ чистотѣ и служитъ чѣмъ то вродѣ рынка и кухни одновременно, потому что сюда переносится въ хорошую погоду очагъ, который иначе горитъ въ корридорѣ. Мѣсто позади хижинъ предоставлено рабамъ, тамъ же привязаны кони и выполняются разныя домашнія работы. На своихъ поляхъ, которыя расположены вблизи селеній и тщательно огорожены сучьями и стволами поваленныхъ деревьевъ, кадьюео сажаютъ руками своихъ рабовъ мандіоку, сахарный тростникъ, маисъ, тыквы, дыни, бананы, бобы и многіе другіе плоды, сборъ которыхъ идетъ на потребности семьи, но не для продажи. Домашній скотъ у нихъ быки, овцы, много птицы, цѣлыя своры голыхъ и голодныхъ собакъ, а главное лошади, на которыхъ они ѣздятъ подъ сѣдломъ и съ уздечкой, чего прежде не было въ заводѣ. Кадьюео очень заботятся о чистотѣ тѣла, моются и купаются, выгодно отличаясь тѣмъ напр. отъ тоба.

Пища ихъ не отличается разнообразіемъ во время охотничьихъ экскурсій. Изъ меда и воды они варятъ слабый опьяняющій напитокъ, который пьютъ на празднествахъ въ изобиліи, но предпочитаютъ ему алкоголь, которымъ напиваются до безчувствія. Табакъ они курятъ въ видѣ сигаръ, но также изъ рѣзныхъ деревянныхъ трубокъ; нѣкоторыя трубки устроены такъ, что имѣютъ нѣсколько чубуковъ, такъ что изъ одной трубки курятъ одновременно нѣсколько человѣкъ. Курятъ одни мужчины, женщины взамѣнъ того жуютъ татакъ. Мужчины занимаются у нихъ исключительно войной, охотой, рыбной ловлей и изготовленіемъ необходимыхъ тому орудій и оружія, также челновъ. Иногда они отправляются на поиски меда или сборъ сѣмянъ восковой пальмы. Жены надзираютъ за работами рабовъ, прядутъ, ткутъ и лѣпятъ великолѣпные росписные горшки. Въ заботахъ о внѣшности нѣтъ недостатка; такъ много вниманій удѣляется прическѣ, для чего служатъ рѣзные съ фигурами коней гребни, помада изъ сала и разныя головныя украшенія. Но занимаясь много волосами на головѣ, кадьюео держатся обычая тщательно выщипывать волоски на тѣлѣ при помощи особыхъ щипчиковъ; выщипываются даже брови и рѣсницы. Затѣмъ у нихъ въ обычаѣ обтачивать остроконечно четыре переднихъ зуба. Прежде они носили украшенія въ просверленныхъ губахъ, именно въ нижней, разныя палочки изъ дерева, мѣди и серебра, но теперь этотъ обычай почему то оставленъ. Точно также прежде у ихъ жен-

щинъ было въ обычаѣ татуировать при совершеннолѣтіи все тѣло краской генипапо въ видѣ концентрическихъ круговъ; мужчины красились просто, причемъ обѣ половины тѣла раскрашивались разной краской. Татуировка и раскрашиваніе представляло характерный для племени рисунокъ, такъ что операціи этой подвергали плѣнныхъ женщинъ и рабовъ. Въ настоящее время сохранился лишь обычай раскрашивать тѣло. Лицо, руки, плечи, туловище по поясъ и бедра разрисовываются тѣми же искусными узорами въ видѣ черточекъ, цвѣтковъ и спиралей, какими они украшаютъ всѣ свои вещи. Такъ какъ кадьюео часто моются, то рисунокъ держится недолго; его постоянно приходится возобновлять, вслѣдствіе чего раскрашиваніе составляетъ главную, самую частую и продолжительную часть туалета. Для ускоренія дѣла они изобрѣли и пользуются дощечками съ трафаретомъ, такъ что какъ бы печатаютъ узоръ на тѣлѣ. Сокъ генипапы прозраченъ, но, подвергнувшись дѣйствію воздуха, быстро принимаетъ красивый темносиній тонъ, настолько крѣпко въѣдающійся въ кожу, что исчезаетъ только послѣ нѣсколькихъ омовеній. Другимъ, рѣдко замѣченнымъ въ Южной Америкѣ обычаемъ ихъ является обыкновеніе ставить на всѣ свои вещи, на оружіе, утварь, украшенія, на собакъ и лошадей, даже на рабовъ и женъ собственное тавро.

Одежда ихъ напоминаетъ одѣяніе тоба, но дѣлается изъ льняной или бумажной ткани. За поясомъ всегда торчитъ ножъ. Верхняя половина туловища остается обнаженной. На шеѣ болтаются бусы изъ стекла обыкновенно излюбленнаго ими голубого цвѣта или изъ серебряныхъ пластинокъ, трубочекъ и т. п. съ привѣшенной къ нимъ рѣзной серебряной фигуркой коня или монетой. На рукахъ и ногахъ носятъ такіе же браслеты. Для защиты отъ солнца кадьюео часто надѣваютъ или лишь накидываютъ рубахи. На головѣ они носятъ широкія плетеныя шляпы, но ни башмаковъ, ни сандалій не употребляютъ. Боевое оружіе ихъ состояло прежде изъ длиннаго въ 12—15 ф. копья съ желѣзнымъ наконечникомъ и тяжелой палицы; кромѣ того имѣлись ножи и кинжалы, между тѣмъ какъ лукъ и стрѣлы служили главнымъ образомъ для охоты. Луки у нихъ тоже очень длинные, до 3 м., изъ которыхъ стрѣляютъ тоже очень длинными стрѣлами (1, 7 м.) двоякаго рода: одни, съ постояннымъ наконечникомъ для звѣря, другія, составленныя изъ трехъ частей, представляютъ собственно гарпуны и служатъ для стрѣлянія рыбъ. Наконечникъ вонзается въ рыбу и отваливается, но сматываетъ при этомъ кусокъ дерева, который служитъ поплавкомъ и въ то же время связанъ со стержнемъ стрѣлы. Такимъ образомъ стрѣлокъ, ранивъ рыбу, можетъ по поплавку слѣдить за ней и наконецъ вытащить, поймавъ въ водѣ плавающій стержень, представляющій оперенный стебель тростника. Для стрѣльбы птицъ служитъ другой меньшихъ размѣровъ лукъ (бодокве) съ тетивой, представляющій въ сущности пращу. Изъ него стрѣляютъ скатанными изъ глины шариками или камешками. Для рыбной ловли кадьюео пользуются разной величины легкими челнами, на которыхъ гребутъ стоя.

Единственнымъ искусствомъ, сохранившимся у кадьюео до сего дня въ прежнемъ совершенствѣ, является гончарное дѣло. Сосуды ихъ, какъ по формѣ, такъ и по разнообразію рисунковъ и украшеній свидѣтельствуютъ о большомъ художественномъ вкусѣ и превосходной техникѣ. Они изготовляютъ сосуды всевозможныхъ размѣровъ, начиная съ гигантскихъ горшковъ въ 1,35 м. въ обхватѣ, для варки пищи, носки воды и т. п. и, кончая махонькими посудинками для храненія драгоцѣнностей вродѣ бусъ. Фабрикація производится руками женщинъ безъ помощи гончарнаго станка, котораго кадьюео не знаютъ, и тѣмъ не менѣе правильность и совершенство формъ иногда поразительны. Орнаментъ они наносятъ при помощи шнурка, который вдавливаютъ въ свѣжую еще глину. Кромѣ того горшки раскрашиваютъ разными красками.

Общественное устройство находится у кадьюео также на болѣе высокой ступени, чѣмъ у тоба. У нихъ существуетъ нѣчто вродѣ сословій: наслѣдственные вожди соста-

вляютъ высшій классъ, какъ бы дворянство, слѣдующее мѣсто принадлежитъ остальной массѣ племени, низшій классъ составляютъ рабы и слуги. „Дворянство“ наслѣдуется даже по женской линіи, такъ что напр. сынъ „благородной“ и раба считается находящимся въ сословіи матери. Власть вождя болѣе почетная, чѣмъ дѣйствительная, такъ какъ всѣ важныя дѣла рѣшаются „совѣтомъ старыхъ“. Въ обычной жизни вождь и его родъ мало чѣмъ выдѣляется изъ среды остальныхъ; ему оказываютъ извѣстное почтеніе, и только въ торжественныхъ случаяхъ онъ возсѣдаетъ, держа въ рукѣ „скипетръ“. Онъ носитъ титулъ м б а я. Низшее сословіе дѣлилось на слугъ и рабовъ. Слугъ поставляло кадьюео сосѣднее мирное племя гуана, стоявшее къ нимъ въ отношеніи подданныхъ или покровительствуемыхъ, за что они обязаны были помогать имъ работой въ полѣ и въ

Женщины индіанки изъ сѣвернаго Грано-Чако (Парагвай.)

походахъ, не превращаясь однако въ рабовъ, которыми дѣлались всѣ военно-плѣнные. Рабовъ было прежде очень много, такъ что у самаго бѣднаго кадьюео ихъ имѣлось не менѣе 3—4. Они обрабатывали поле, ходили за скотомъ, строили хижины, стряпали, вообще исполняли всѣ домашнія работы и не имѣли права носить оружіе. Ихъ добывали не только посредствомъ набѣговъ на сосѣднія племена, особенно на чамакоковъ, но также покупали, пріобрѣтая дѣтей и воспитывая ихъ въ подчиненіи. Сами чамакоки, именно мирные, получали рабовъ, захватывая всевозможными способами въ плѣнъ своихъ соплеменниковъ (bravos); молодыхъ рабовъ они обмѣнивали кадьюео на ружья, на краску укуру и на другіе предметы, которыми кадьюео запасались у бѣлыхъ поселенцевъ. Внутри племени также происходила мѣновая торговля рабами. Съ рабами обращались однако

мягко, и нерѣдки были случаи, когда рабъ получалъ свободу, обзаводился семьей, пріобрѣталъ рабовъ и, получивъ право носить оружіе, переставалъ различаться отъ кровныхъ кадьюео. При заключеніи брака женихъ переходитъ въ семью невѣсты, поселяясь въ хижинѣ ея родителей, но онъ сохраняетъ свои „тотемы", представляющіе два или болѣе шеста въ 2—3 м. длиной, верхняя часть которыхъ украшена рѣзьбой въ видѣ разныхъ фигурокъ; нижняя часть обвита красной бумажной тканью и украшена бѣлыми и голубыми бусами. Въ день свадьбы друзья жениха съ разными торжественными обрядами переносятъ тотемы въ его новое жилье и водружаютъ ихъ у постели новобрачныхъ. Время, когда дѣвушка становится невѣстой, сопровождается празднествами, передъ которыми она должна выдержать своего рода постъ, т. е. воздержаться отъ нѣкоторыхъ блюдъ. Празднества у нихъ шумны, продолжительны и выражаются главнымъ образомъ въ пьянствѣ; женщины ихъ однако не употребляютъ крѣпкихъ напитковъ. Вообще они любятъ пляски, музыку, пѣнія и всякое веселье, а также игры, въ числѣ которыхъ есть одна конная игра.

Религіозныя воззрѣнія кадьюео не отличаются по существу отъ вѣрованій другихъ родственныхъ имъ племенъ. Это тоже почитаніе духовъ умершихъ и предковъ, которое въ отношеніи обрядовъ проявляется всего сильнѣе при похоронахъ. Такъ какъ изъ описаннаго видно, что кадьюео достигли болѣе высокой культуры, выражающейся въ занятіи земледѣліемъ, въ высокомъ развитіи домашняго производства разныхъ издѣлій, въ существованіи сословій и вполнѣ развитаго института рабства, то неудивительно, что обряды, сопровождающіе погребеніе умершихъ, заключаютъ въ себѣ болѣе ясное выраженіе основной религіозной мысли, т. е. страха и почтенія къ покойнику. Поэтому покойника у нихъ обряжаютъ въ лучшія украшенія и одежды, раскрашиваютъ и хоронятъ, обложивъ его принадлежавшимъ ему оружіемъ и любимыми предметами, а также снабдивъ обильными явствами и питьемъ. На могилѣ вождя закалываютъ его любимаго коня. При смерти кого либо изъ семьи или даже раба всѣ члены семейства мѣняютъ свои имена. Изъ этихъ обрядовъ видно, что индѣйцы эти не столько почитаютъ, сколько боятся духовъ умершихъ и принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы душа покойника не ощущала никакого желанія, не имѣла никакой потребности вернуться назадъ и безпокоить живыхъ. Вѣроятно съ этой же цѣлью, покойника, послѣ того какъ онъ пробылъ въ могилѣ 10—12 дней, вырываютъ вновь, очищаютъ кости отъ мягкихъ частей, завертываютъ ихъ въ цыновки и хоронятъ вновь въ болѣе отдаленномъ и уединенномъ мѣстѣ. Надъ этой постоянной могилой строится изъ пальмовыхъ вѣтвей навѣсъ, подъ который переносятъ оружіе и предметы покойнаго, также ставятъ горшки съ пищей и водой. Будущую жизнь кадьюео представляютъ себѣ простымъ продолженіемъ земной. Души простыхъ умершихъ блуждаютъ, по ихъ мнѣнію, въ окрестности могилы, занимаясь охотой и другими обычными дѣлами, но души вождей улетаютъ на мѣсяцъ или порхаютъ отъ звѣзды къ звѣздѣ. Время отъ времени они ощущаютъ потребность спуститься внизъ и навѣстить своихъ, тогда они скачутъ по воздуху на коняхъ, но видѣть ихъ могутъ только колдуны, которые обладаютъ также силой вступать въ сношеніе съ духами и получать отъ нихъ предостереженія о разныхъ грозящихъ племени несчастіяхъ.

Всѣ племена, населяющія Гранъ-Чако, можно подвести подъ типы двухъ подробно описанныхъ нами племенъ—тоба и кадьюео. Одни, какъ тоба, представляютъ собою настоящихъ дикарей, обладающихъ лишь начатками всего того, изъ чего постепенно складываются и развиваются болѣе высокія формы быта и общественнаго строя. Другія, какъ кадьюео, достигли уже стадіи варварства, вполнѣ напоминая древнихъ германцевъ или славянъ, какъ ихъ описали древніе лѣтописцы. Вопросъ, однако, въ томъ, сложились ли болѣе высокія формы жизни, какія мы описали у кадьюео, въ Гранъ-Чако, или населяющіе ее индѣйцы принесли зачатки культуры съ собой, развивъ или заимствовавъ ее гдѣ нибудь

въ другомъ мѣстѣ. Современные этнографы склонны думать, что подвижное населеніе Гранъ-Чако явилось сюда уже съ привычками бродячей жизни. Есть основаніе думать, что лѣса, болота и степныя равнины заселились съ сѣвера изъ лѣсовъ бассейна Амазонки, огромная водная сѣть которой пріучила туземныя племена къ подвижному образу жизни, для чего имъ служили челны. Попавъ въ Чако, мѣстность, лишенную большихъ и многоводныхъ рѣкъ, они промѣняли воду на сушу и стали бродячими охотниками, пока привезенныя испанцами лошади не дали имъ возможность превратиться въ самое короткое время въ конныхъ наѣздниковъ. Но пріобрѣтеніе лошади и усиленіе вмѣстѣ съ тѣмъ подвижнаго образа жизни, очевидно, не могло подавить зачатковъ земледѣлія, съ которымъ многія племена явились сюда изъ лѣсовъ Бразиліи или усвоили отъ раньше поселившихся здѣсь туземцевъ. Кони помогли однимъ племенамъ, какъ кадьюео, превратиться въ воинственныхъ хищниковъ, которые отъ избіенія захваченныхъ пѣлнныхъ перешли къ сохраненію ихъ въ качествѣ рабовъ. А рабство, доставляя громадную рабочую силу, является одной изъ главныхъ причинъ усложненія формъ жизни, такъ какъ обработка поля даетъ обиліе продуктовъ земледѣлія, освобожденіе же отъ домашнихъ работъ открываетъ просторъ развитію воинственности и организаціи племени на новыхъ началахъ. Набѣги, грабежи и подчиненіе сосѣдей вновь увеличиваетъ богатство и силу, вновь даетъ толчекъ дальнѣйшему развитію культуры, которая постепенно и медленно развивалась бы здѣсь по тому же пути, какъ въ сходныхъ областяхъ Стараго свѣта, если бы появленіе бѣлыхъ и ихъ культуры не повлекло за собой быстраго вымиранія туземцевъ.

Примѣромъ племенъ, составляющихъ переходъ отъ бродячихъ скотоводовъ и конныхъ охотниковъ Гранъ-Чако къ чисто-лѣснымъ индѣйцамъ, населяющимъ дебри тропическихъ лѣсовъ Ю. Америки, могутъ служить гуаяки Парагвая.

Область гуаяковъ ограничена на востокѣ и югѣ Параной, на сѣверѣ истоками рѣкъ Акараи и Мондаи, а на западѣ цѣпью возвышенностей, прорѣзывающею Парагвай съ сѣвера на югъ, и представляетъ собой холмистую страну, покрытую непроходимымъ дѣвственнымъ лѣсомъ. Дикарей здѣсь отъ 500 до 600 человѣкъ, ведутъ они охотничій бродячій образъ жизни и стоятъ на низшей ступени культуры. Вслѣдствіе все сокращающейся площади ихъ страны, гуаяки испытываютъ недостатокъ въ охотничьихъ животныхъ и потому истребляютъ лошадей, что, въ свою очередь, вызываетъ месть со стороны колонистовъ. Несмотря, однако, на жестокость послѣднихъ, дикари не убили еще ни одного бѣлаго и вообще не причинили имъ ни малѣйшей непріятности! Основною чертою ихъ характера является трусость, обусловливающаяся вѣчной погоней за пропитаніемъ и вообще всею тягостью условій ихъ жизни. Выражается это въ одной удивительной церемоніи, состоящей въ слѣдующемъ: вождь племени, въ остроконечной шапкѣ изъ ягуаровой или тапировой шкуры, взбирается на высокое дерево и обращается оттуда къ „таинственному духу“ съ различными заклинаніями. Смыслъ этого обращенія таковъ: „всѣ звѣри лѣсные имѣютъ свою пищу, тигры свою, тапиръ свою и т. д. (слѣдуетъ перечисленіе важнѣйшихъ звѣрей), каингуа имѣютъ дома и т. д. (слѣдуетъ перечисленіе ихъ имущества). Христіане имѣютъ все въ изобиліи, и лишь бѣдные гуаяки терпятъ нужду!“ Каждая строфа при этомъ повторяется хоромъ присутствующихъ. Если охота бываетъ безрезультатна, то одинъ изъ стариковъ племени убивается и съѣдается.

Имущество гуаяка очень невелико. Конусообразная шапка изъ ягуаровой или тапировой шкуры, ожерелье изъ просверленныхъ звѣриныхъ зубовъ и костей, каменный топоръ съ деревянной рукояткой, грубой, неуклюжей работы, два примитивныхъ лука, двѣ стрѣлы съ зазубреннымъ деревяннымъ остріемъ, копье изъ пальмоваго дерева, нанизанные въ видѣ ожерелья, различные рѣжущіе инструменты изъ зубовъ агути и капибары, съ рукоятками изъ обезьяньихъ костей, труба, усаженная костями муравьѣда, шнурокъ для

предохраненія руки отъ удара тетивы, простой колчанъ для стрѣлъ, корзина изъ пальмовыхъ листьевъ, съ такою же, расширяющеюся посрединѣ лентой для ношенія, другая корзина для ношенія дѣтей и принадлежности для добыванія огня. Слѣдуетъ упомянуть еще объ ихъ сосудахъ. Дѣлаются они изъ глины, всѣ однообразной яйцевидной формы, причемъ острымъ концомъ они вставляются въ землю.

Однако, и при такомъ низкомъ уровнѣ техники, гуаяки все же стоятъ на высшей ступени культуры, чѣмъ ботокуды. Носимое на груди въ видѣ украшенія ожерелье изъ зубовъ заимствовано ими, вѣроятно, отъ матако или тоба изъ Чако.

Жилище гуаяковъ также крайне примитивнаго устройства и состоитъ изъ навѣса изъ пальмовыхъ листьевъ, укрѣпленнаго на жердяхъ или просто на согнутыхъ вѣтвяхъ. Быть можетъ, впрочемъ, эти жалкія хижины служатъ имъ только временнымъ убѣжищемъ во время охотничьихъ странствій.

Гуаяки очень маленькаго роста (средн. р. 1,52 метра) съ непропорціонально короткими ногами и длинными руками, широкими плечами, короткой шеей и большой головой.

Какъ своею скудной утварью, такъ и охотничьей бродячей жизнью, а также полнымъ незнакомствомъ съ земледѣліемъ и рыболовствомъ гуаяки чрезвычайно напоминаютъ стоящія на наиболѣе низкомъ уровнѣ культуры племена ботокудовъ, шокленъ, патасхо и другія.

Бѣлые и метисы.

Хотя берега Ю. Америки, какъ тихоокеанскій, такъ и атлантическій, были открыты въ общемъ одновременно, но заселеніе прилегающихъ къ нимъ странъ бѣлыми колонистами совершалось такъ, какъ если бы европейцы появились не съ востока, а съ запада. Это справедливо именно по отношенію къ южнымъ республикамъ—Чили, Аргентинѣ, Парагваю и Уругваю, между тѣмъ какъ Бразилія заселялась иначе. Бразилія была открыта португальцами и, согласно извѣстному рѣшенію папы, раздѣлившаго вновь открытыя и неоткрытыя еще страны Новаго Свѣта между Испаніей и Португаліей, отошла къ послѣдней. Все остальное пространство Южной и Центральной Америки досталось на долю Испаніи. Первые испанскіе авантюристы искали въ Америкѣ драгоцѣнные металлы, особенно золото. Такъ какъ серебро и золото были распространены среди туземцевъ, обитавшихъ въ Кордильерахъ, то естественно, что грабительскіе походы „конквистадоровъ“ направились сюда. Такимъ образомъ Пизарро овладѣлъ Перу, а соратникъ его Альмагро проникъ еще далѣе на югъ и достигъ Чили, безъ особеннаго, впрочемъ, успѣха, такъ какъ новаго Эльдорадо онъ тамъ не нашелъ и едва не погибъ со всѣмъ отрядомъ въ ущельяхъ Кордильеръ и въ пескахъ Атакамы. За періодомъ грабительскихъ скованій во всѣ стороны въ поискахъ золота послѣдовалъ періодъ болѣе прочнаго заселенія и эксплоатаціи пріобрѣтенныхъ земель. Испанія очутилась владѣлицей громадныхъ пространствъ за океаномъ, съ которыми, послѣ того какъ оттуда было извлечено все золото, не знала, что предпринять. Золотой бредъ скоро окончился. Горъ золота не оказалось пока въ Новомъ Свѣтѣ. Громадное количество драгоцѣннаго металла, которымъ овладѣли первые завоеватели, было накоплено перуанцами чуть не по крупинкамъ въ теченіе сотенъ вѣковъ, и когда оно перешло въ карманы испанцевъ, то оказалось, что дальнѣйшая добыча золота, равно какъ и серебра, придставляетъ долгій и утомительный трудъ. Обстоятельство это остановило притокъ новыхъ переселенцевъ изъ Испаніи, и испанское правительство, послѣ медоваго мѣсяца владѣнія Новымъ Свѣтомъ, начало испытывать неудобства и непріятности отъ колоній, которыя перестали посылать золото, но требовали расходовъ на управленіе и поддержаніе возникшихъ тамъ поселеній. Еще не пробилъ часъ раціональной эксплоатаціи богатствъ

Новаго Свѣта; громадныя количества сырья, которое Америка могла дать, требовали рабочихъ рукъ и разумнаго хозяйства. Ни того, ни другого не было на мѣстѣ, естественно, что Испанія придумала только одинъ способъ извлекать пользу изъ своихъ заатлантическихъ владѣній, именно узкую и своекорыстную колоніальную политику, согласно которой колоніямъ строжайше воспрещалось вести какую либо внѣшнюю торговлю съ другими странами, кромѣ Испаніи. Такимъ образомъ, какъ вывозъ металловъ и сырья, такъ и ввозъ предметовъ культурной необходимости сдѣлался монополіей испанскихъ торговыхъ домовъ или тѣхъ иностранныхъ компаній, кому правительство уступало свое право, и колоніи оказались отрѣзанными, точно китайской стѣной, отъ всего остального міра. Административная власть находилась въ рукахъ вице-короля, резиденціей котораго была избрана г. Лима въ Перу, и ему было строжайше наказано слѣдить за тѣмъ, чтобы не процвѣтала контрабанда.

Неизвѣстно, сколько времени потомки завоевателей, ставшіе крупными помѣщиками и господами надъ толпами порабощенныхъ индѣйцевъ, прозябали бы въ тропической духотѣ своихъ новыхъ помѣстій, если бы отдѣльные предпріимчивые люди не перевалили черезъ Кордильеры и не появились бы въ обширныхъ низменностяхъ, простиравшихся по направленію къ Атлантическому океану и прорѣзанныхъ цѣлой сѣтью большихъ рѣкъ, среди которыхъ Ла-Плата оказалась лучшей дорогой, какъ къ океану, такъ и отъ него. Широкое устье ея и прилегающіе берега съ ихъ заливами и бухтами давали удобный пріютъ голландскимъ и англійскимъ судамъ, которыя повели энергичную контрабандную торговлю съ испанцами, явившимися сюда въ поискахъ богатствъ изъ-за Кордильеръ и нашедшихъ ихъ здѣсь не въ видѣ золота инковъ, а въ видѣ выгодъ, какія стала давать эта торговля, снабжавшая дешевыми продуктами не только внутренность материка, но и колоніи по берегу Тихаго океана. Въ самое Перу запретный товаръ сталъ попадать не по старому пути изъ рукъ испанскихъ фирмъ, а черезъ пампу и лѣса Парагвая.

Пока, такимъ образомъ, торговля медленно просачивалась въ рѣдкія поселенія въ направленіи съ востока на западъ, въ Южной Америкѣ произошло явленіе, которое на долгое время, до сего дня, наложило свой отпечатокъ на все хозяйство, можно сказать, на весь строй жизни степныхъ республикъ. Въ пампѣ самъ собою размножился дикій скотъ, быки и лошади, предки которыхъ появились въ странѣ въ одно время съ конквистадорами. Мы уже видѣли, какое глубокое измѣненіе произвело появленіе дикой степной лошади и дикаго рогатаго скота на туземцевъ: изъ пѣшихъ, бродячихъ охотниковъ они стали конными номадами. Никому не принадлежащій, бродящій въ громадномъ числѣ скотъ привлекъ въ степь и бѣлаго человѣка. Степь, благодаря скитавшейся въ ней по всѣмъ направленіямъ пищѣ, стала обитаемой; необозримое пространство ея, въ которое опасался углубляться пѣшій, стало доступно всаднику, имѣвшему возможность мѣнять усталаго коня на свѣжаго изъ числа тѣхъ дикихъ лошадей, которыхъ легко зацѣпляло его лассо. Повозки, запряженныя быками, и вьюки, перевозимые съ помощью лошадей, сдѣлали возможными возникновеніе поселеній внутри страны, которыя иначе не могли бы образоваться за дальностью разстояній отъ морского берега. Скотъ, это огромное количество годнаго въ пищу мяса, которое само передвигаетъ себя къ мѣсту потребленія, стали перегонять за Кордильеры, въ Чили и Перу, гдѣ за неимѣніемъ пастбищъ, его было мало.

Населеніе степной области продолжало естественно расти. Опасности и передряги, сопровождающіе подвижную жизнь заброшеннаго сюда человѣка, естественно явились причиной того, что проникавшіе сюда искатели наживы и приключеній, авантюристы, бѣжавшіе изъ болѣе населенныхъ мѣстъ по разнымъ причинамъ, являлись сюда безъ семей. Испанскіе обитатели Новаго Свѣта до извѣстной степени дичали здѣсь наподобіе вырвавшагося на дикую волю пампы скота, и такъ какъ въ тѣ времена, когда происходили грабительскоіе походы Кортеца, Пизарро и Вальдивіи, культурное разстояніе между евро-

пейцемъ и туземцемъ было не столь значительно, какъ теперь, особенно благодаря тому что оба эти элемента встрѣчались и становились лицомъ другъ къ другу среди природной обстановки, которая уравнивала ихъ шансы въ борьбѣ за жизнь и заставляла входить въ разнообразныя сношенія другъ съ другомъ, то неудивительно, если въ скоромъ времени въ пампахъ Уругвая и Аргентины, въ лѣсахъ Парагвая и Бразиліи, на плоскогоріяхъ Перу и Боливіи стала возникать новая смѣшанная раса. Мы уже видѣли, какъ часто грабительскіе набѣги индѣйцевъ имѣли своею цѣлью уводъ не только скота, но и женщинъ и дѣтей. Подобное же явленіе имѣло мѣсто и со стороны бѣлыхъ, которые, однако, гораздо чаще женились на индіанкахъ замиренныхъ и обитавшихъ возлѣ ихъ селеній племенъ. Изъ сочетанія физическихъ и душевныхъ свойствъ красной и бѣлой породы въ степи и въ тропическомъ лѣсу, среди раздолья раскиданныхъ тамъ и сямъ эстансій и плантацій, образовалось какое-то новое племя, дикое и неукротимое, какъ индѣйцы Гранъ-Чако, и въ то же время, благодаря примѣси культурной крови, способное къ несложной трудовой дѣятельности, къ какой приглашала пампа. Эти „гаучо", какъ ихъ называютъ въ Аргентинѣ и Уругваѣ, „гуассо" въ Чили, представляютъ своего рода казачество Ю. Америки. Испанцы по непритязательной культурѣ своей обыденной жизни, индѣйцы по темпераменту и характеру, они долгое время составляли господствующую массу населенія степныхъ республикъ, волнующуюся конницу, которая принимала участіе и направляла всѣ безчисленныя возстанія, пронунціаменто и революціи, ареной которыхъ была Южная Америка.

Какъ извѣстно, Испанія не сохранила своихъ заатлантическихъ колоній. Одна за другой онѣ быстро отпали отъ нея въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX ст. Однако отпаденіе это не представляло бурнаго взрыва революціонныхъ страстей, долго сдерживаемыхъ цѣпями деспотизма. Исторія обнаруживаетъ, что возникновеніе самостоятельныхъ республикъ происходило не сразу. Колоніи долго выносили своекорыстную торговую политику своей метрополіи, оставаясь вѣрными испанской коронѣ, католицизму и испанскому языку. Попытки, которыя дѣлались англичанами и голландцами, съ цѣлью овладѣть наиболѣе цѣнными пунктами торговли, какими являлись уже давно города Буэносъ-Айресъ, Монтевидео и другіе, встрѣчали суровый и успѣшный отпоръ со стороны преданныхъ Испаніи обитателей, на помощь которымъ являлись всегда гаучо. Только полное безсиліе Испаніи сдѣлать что либо для защиты и благоденствія колоній толкнуло ихъ на путь самостоятельной политической жизни, которая представляла въ первый періодъ нескончаемый рядъ волненій и революцій, кратковременныхъ диктатуръ и быстрой смѣны диктаторовъ и президентовъ. Развитіе международныхъ сношеній, ростъ торговли и промышленности въ XIX в., потребовавшіе и придавшіе цѣнность разнообразному сырью, какое производилось колоніями, явилось толчкомъ для быстраго процвѣтанія республикъ. Все постепенно стало пріобрѣтать цѣну: скотъ, бродившій по пампѣ, каучукъ, вытекавшій подобно смолѣ изъ надрѣзовъ въ корѣ тропическихъ деревьевъ, кофе, табакъ, сахарный тростникъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ росло значеніе пустопорожнихъ земель. По рѣкамъ стали сперва изрѣдка, потомъ чаще появляться пароходы, въ чащѣ лѣса и по равнинѣ пампы сталъ раздаваться свистокъ локомотива; приморскіе города росли и богатѣли. Хозяйство было еще хищническое. Человѣкъ безжалостно бралъ отъ природы лучшее, что она давала, затрачивая трудъ лишь на этотъ процессъ грабежа, не заботясь о томъ, что станетъ послѣ того, какъ онъ удалится отсюда. Онъ тащилъ къ берегу моря все, за что тамъ платили деньги, и велъ какъ бы азартную игру, въ которой наживались не столько коренные обитатели страны, сколько тѣ, кто являлись сюда съ европейскимъ капиталомъ. За отсутствіемъ путей сообщенія, плотнаго населенія и правильнаго хозяйства, всякое предпріятіе представляло рискъ, но въ случаѣ удачи приносило большіе барыши. Кучки предпринимателей и разныя заинтересованныя лица хватались за власть, производили революціи и пользовались кратковре-

меннымъ господствомъ для быстрѣйшаго обогащенія и устройства своихъ дѣлъ. Интересы провинціи сталкивались съ интересами приморскихъ столицъ, и, смотря по тому, кто бралъ верхъ, у власти становился на время представитель пампы, какой нибудь предпріимчивый и нѣсколько отполированный гаучо, котораго смѣнялъ адвокатъ или докторъ городской формаціи. Къ внутренней борьбѣ партій постоянно примѣшивались притязанія иностранныхъ правительствъ, призываемыхъ на помощь капиталистами, рискнувшими своими деньгами, ввѣривъ ихъ въ видѣ долга туземному правительству подъ солидныя обезпеченія, или помѣстившими ихъ въ какія нибудь предпріятія, требовавшими охраны и спокойствія. Взаимныя недоразумѣнія между самими республиками вспыхивали безпрерывно. Каждое государство укрывало у себя разбитыхъ революціонеровъ сосѣдней страны, оказывало имъ помощь и тайно или явно вмѣшивалось въ чужія дѣла съ цѣлью подавленія соперничества—такъ какъ почти всѣ республики торговали одними и тѣми же товарами,—или въ цѣляхъ поглощенія сосѣдки. Войны вспыхивали непрерывно, длились годами и сопровождались невѣроятнымъ опустошеніемъ, такъ какъ военныя дѣйствія противъ непріятеля переплетались самымъ запутаннымъ образомъ съ собственными революціями и возстаніями индѣйцевъ. Въ этой дикой, подверженной постояннымъ перемѣнамъ атмосферѣ складывался характеръ мѣстнаго населенія. Здѣсь не могло найтись мѣста для правильной трудовой жизни, которая шагъ за шагомъ подымаетъ культуру страны, улучшаетъ сношенія, смягчаетъ нравы и требуетъ насажденія знаній и науки. Люди грубы, невѣжественны, живутъ интересами дня, гоняясь за копейкой для собственнаго пропитанія или за болѣе крупной добычей, которую можно выловить лишь въ мутной водѣ. Убѣжденія совпадаютъ съ аппетитами, страсти разрываютъ на части всякіе доводы разума, азартъ втягиваетъ въ рискованныя предпріятія, такъ что огромная область личной жизни, которая въ Европѣ находитъ себѣ мѣсто въ жизни семьи, въ общественности, въ литературѣ, искусствѣ и наукѣ, почти не существуетъ у здѣшнихъ горожанъ, смѣшанныхъ и креоловъ, не говоря про интернаціональную толпу спекулянтовъ, центромъ жизни которыхъ является биржа.

Когда освобожденіе отъ Испаніи открыло республикамъ доступъ къ международной торговлѣ, когда продукты страны стали требоваться на европейскомъ рынкѣ и пріобрѣли цѣнность, жалкіе города, какими были нынѣшнія блестящія столицы, начали преображаться. Въ нихъ появились деньги, которыя потекли внутрь страны въ обмѣнъ на продукты. Но вслѣдствіе малочисленности населенія количество этихъ продуктовъ нельзя было увеличить произвольно. Какъ ни проста ловля дикихъ быковъ, собираніе ихъ въ стадо и перегонъ въ городъ для продажи по цѣнѣ одной шкуры, но и это дѣло требуетъ извѣстнаго количества лицъ. Бразилія вышла изъ этого затрудненія, подобно Соединеннымъ Штатахъ, водворивъ у себя рабство. Въ пампѣ, гдѣ легкій конь уноситъ бѣглеца въ степную даль, гдѣ самая работа совершается на конѣ, и существованіе безъ коня, можно сказать, немыслимо, рабство не могло привиться. Здѣсь не было плантацій, гдѣ загоняемые на ночь въ бараки рабы, могли бы работать, гремя цѣпями, подъ надзоромъ вооруженныхъ бичами надсмотрщиковъ. Поэтому переходъ къ правильному и систематическому хозяйству, спутникомъ котораго является культура, могъ наступить въ этихъ странахъ не ранѣе, какъ возростетъ и уплотнится ихъ населеніе. Эфемерныя правительства, которыя извлекали свой доходъ главнымъ образомъ изъ таможенныхъ поступленій, нуждаясь въ дальнѣйшихъ средствахъ для уплатъ по непрерывно возроставшимъ долгамъ, неизбѣжно должны были выискивать новыя доходныя статьи или новые предлоги для дальнѣйшихъ займовъ. Какъ ни своекорыстна была политика какого нибудь диктатора и кучки его друзей, но именно по этой причинѣ необходимо было предпринимать что нибудь для поднятія благосостоянія страны. Плодородныя земли, годныя для скотоводства и земледѣлія, могли получить цѣну; но ихъ можно было сдавать или продавать иностраннымъ компаніямъ лишь въ томъ случаѣ, если на мѣстѣ окажутся „рабочія руки“. Но рабочія руки въ видѣ толпищъ эмигран-

товъ можно было привлечь лишь въ томъ случаѣ, если условія существованія покажутся имъ болѣе сносными, чѣмъ въ странѣ, откуда они бѣжали. Въ далекую пампу, въ чащу дѣвственнаго лѣса не пойдетъ ни одинъ колонистъ, кромѣ преступника и отчаяннаго авантюриста. Колонисту нужно поле, нужны дороги, близость города, гдѣ можно сбывать свои продукты и пріобрѣтать необходимые въ хозяйствѣ предметы. Такія условія существовали первоначально лишь возлѣ большихъ городовъ и по берегамъ судоходныхъ рѣкъ, которые и колонизовались безъ особаго участія туземныхъ правительствъ, особенно въ серединѣ XIX ст., когда бурные революціонные года въ Европѣ погнали множество народа за океанъ.

Развитіе республикъ продолжалось бы дальше тѣмъ медленнымъ темпомъ, какимъ развивается хозяйство и культура страны въ силу естественнаго прироста населенія и постепеннаго расширенія его потребностей, еслибы на противоположномъ берегу Атлантическаго океана не существовало Стараго Свѣта, Европы, въ странахъ которой невыносимыя условія жизни бѣднѣйшихъ классовъ населенія усиливали эмиграцію въ Новый Свѣтъ съ одной стороны, а накоплявшіеся гигантскіе капиталы не находили помѣщенія у себя на родинѣ — съ другой. Зоркимъ окомъ своимъ и привычнымъ инстинктомъ крупный капиталъ чуялъ богатую добычу за океаномъ, но къ овладѣнію ея онъ приступалъ съ обычной осторожностью, хотя и со смѣлой готовностью на рискъ. При такихъ условіяхъ само собой происходило, что легкомысленныя правительства республикъ находили деньги подъ займы, что на эти деньги, по крайней мѣрѣ, на часть ихъ строились желѣзныя дороги, гарантировались акціонерныя пароходныя и другія компаніи и предпринимались разнообразныя усилія для привлеченія въ страну колонистовъ путемъ отвода имъ земель, субсидированія въ первые годы хозяйства на новомъ мѣстѣ и выплачиванія премій за каждаго новаго эмигранта, поставленнаго республикѣ быстро выросшими эмигрантскими компаніями, агенты которыхъ разсыпались по бѣднымъ и невѣжественнымъ странамъ Европы и соблазняли обитателей ихъ къ переселенію въ обѣтованную страну, какою являлась Аргентина или Бразилія. Колонисты, дѣйствительно, прибывали толпами, разочаровывались въ свойствахъ ожидаемаго Эльдорадо, но въ большинствѣ случаевъ не имѣли возможности возвратиться назадъ. Многіе, не успѣвшіе или не сумѣвшіе устроиться на мѣстѣ въ качествѣ самостоятельныхъ хозяевъ, пополняли армію „рабочихъ рукъ“. На помощь имъ стали вскорѣ являться толпы отхожихъ рабочихъ, привлекаемыхъ сюда болѣе высокой заработной платой, которая, за вычетомъ дешевой провозной платы, обезпечивала существованіе ихъ семей на родинѣ. Этотъ разрядъ гастролирующихъ эмигрантовъ состоитъ преимущественно изъ итальянцевъ, наплывъ которыхъ въ портовые города и на плантаціи возростаетъ почти съ каждымъ годомъ. Проработавъ гдѣ нибудь въ Уругваѣ или Аргентинѣ нѣсколько мѣсяцевъ, рабочій итальянецъ возвращается къ себѣ, въ какую-нибудь Базиликату, потряхивая казной, на которую онъ при неприхотливыхъ требованіяхъ своихъ, проживетъ съ семьей цѣлый годъ съ тѣмъ, чтобы въ урочный сезонъ снова переплыть океанъ на эмигрантскомъ суднѣ. Появленіе этого трудоспособнаго элемента въ южныхъ республикахъ Новаго Свѣта представляетъ главную основу дальнѣйшаго процвѣтанія ихъ. Разъ на мѣстѣ есть рабочія руки, разъ количество ихъ возростаетъ, то является возможность скупать земли, дробить ихъ на участки, перепродавать, заселять, организовывать на новыхъ началахъ скотоводство съ гигантскими бойнями, съ фабриками консервовъ, приступить къ эксплоатаціи лѣсовъ и основать множество фирмъ, ввозящихъ ростущее годъ отъ году количество фабрикатовъ, вывозящихъ сырье и полусырье, поддерживая старыя и питая возникающія вновь и вновь пароходныя компаніи.

Ветхозавѣтный строй, въ какомъ долго жили обитатели пампы, гасіендеры на своихъ плантаціяхъ и столь склонные къ революціямъ горожане, начинаетъ быстро исчезать и понемногу становится такою же рѣдкостью, какой кажется скрывшійся въ глубину Гранъ-Чако туземецъ. Наплывъ новыхъ колонистовъ, хотя бы и итальянцевъ, которые стоятъ

*

въ культурномъ отношеніи несомнѣнно выше аборигеновъ страны (особенно нѣмцы) и приносятъ съ собой собственные нравы, навыки и обычаи жизни, не усваивая мѣстныхъ, а, наоборотъ, устраняя и замѣняя ихъ своими; развитіе крупнаго, уже не хищническаго или экстенсивнаго, а правильнаго, организуемаго на капиталистическихъ началахъ хозяйства, съ нивеллирующими все и вся желѣзными дорогами, газетами, фабричными продуктами и парижскими модами; появленіе интернаціональной толпы спекулянтовъ, биржевиковъ и всякихъ ищущихъ наживы агентовъ крупнаго капитала, начиная съ мелкаго комми-вояжера, навязывающаго всѣмъ свою гамбургскую галлантерею, и кончая ѣдущимъ экстреннымъ поѣздомъ инженеромъ, представителемъ крупной американской или англійской фирмы,—все это уже изгнало старыя туземныя особенности изъ большихъ городовъ, обстроило ихъ на американско-европейскій ладъ, освѣтило электричествомъ, снабдило трамваями, телефонами, биржами, театрами, элеваторами, такъ что, находясь гдѣ нибудь въ Монтевидео, вы только по тропической флорѣ общественныхъ садовъ, по незнакомымъ вамъ чертамъ смуглыхъ физіономій попадающихся на встрѣчу мѣстныхъ обитателей догадываетесь, что находитесь въ Ю. Америкѣ, а не въ Мельбурнѣ, не въ Дурбанѣ или Батавіи. Чтобы ознакомиться съ самобытнымъ строемъ жизни бѣлыхъ аборигеновъ страны, надо удалиться дальше въ глубь страны, въ пампу, въ сторону отъ желѣзной дороги, или въ захолустный городишко, безнадежное мѣстоположеніе котораго слишкомъ обезкураживаетъ самаго предпріимчиваго спекулянта.

Наиболѣе типичной фигурой аргентинской или уругвайской пампы является „гаучо“, т. е. конный работникъ при скотѣ, которому въ Сѣвероамериканскихъ Штатахъ соотвѣтствуетъ „коу-бой“ (cow-boy, „малый при коровахъ“). Такъ какъ скотоводство занимаетъ громадное пространство степи и доставляетъ одинъ изъ главныхъ продуктовъ вывоза, то число рабочихъ, занятыхъ въ немъ, сравнительно велико. Даже и въ прежнія времена для занятія имъ требовался капиталъ и хозяинъ. Въ то время богатый человѣкъ, „помѣщикъ“, haciendado, держалъ артели рабочихъ, которые работали при его скотѣ. Скотъ свободно бродилъ въ пампѣ и несъ на себѣ только клеймо владѣльца, по которому конные гаучо находили его. Работа ихъ заключалась въ клейменіи, въ надзорѣ за скотомъ, чтобы при внезапной паникѣ, которая легко овладѣваетъ стадомъ въ грозу, а иногда отъ самой пустяшной причины, быки не ринулись впередъ, сокрушая все на пути, не угодили бы съ разбѣгу въ какой нибудь оврагъ, а главное не разбѣжались бы слишкомъ далеко. Въ извѣстное время къ владѣльцу гасіенды являются покупатели, самостоятельные купцы или повѣренные разныхъ расположенныхъ въ портовыхъ городахъ боенъ, называемыхъ саладеро, которые обозрѣваютъ его скотъ и закупаютъ партіи его. Тогда гаучо собираютъ положенное число головъ и гонятъ его, иногда на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ, къ берегу моря, въ саладеро. Прежде во всей тушѣ животнаго цѣнилась одна шкура. Саладеро существовали тогда въ самой пампѣ, такъ какъ было выгоднѣе, смотря, конечно, по мѣсту, бить скотъ у себя и везти высушенныя шкуры въ „карретасъ“, т. е. въ громадныхъ, крытыхъ и влекомыхъ быками повозкахъ къ рѣкѣ или въ приморскій городъ. Теперь, подъ вліяніемъ крупныхъ капиталовъ, въ городахъ южныхъ республикъ завелись раціональныя бойни, на которыхъ стараются извлечь выгоду по возможности изъ всей туши быка. Вотъ какими чертами описываетъ такое саладеро одинъ посѣтившій ихъ путешественникъ [1]):

Saladero обыкновенно состоитъ изъ продолговатаго обширнаго квадратнаго сарая, съ большою высокою крышею на низенькихъ деревянныхъ или каменныхъ столбахъ. Вокругъ этого сарая образуется обгороженный высокою стѣною дворъ, въ которомъ расположено еще нѣсколько строеній; жилой домъ, складочный магазинъ и нѣсколько маленькихъ фа-

[1]) Іонинъ, По Южной Америкѣ.

брикъ для обрабатыванія тѣхъ или другихъ продуктовъ, которые можетъ дать мясо быка. Съ наружной стороны заведенія, къ центральному сараю примыкаетъ длинная дорога, загороженная по бокамъ высокимъ частоколомъ, съ нѣсколькими высокими перекладинами, имѣющими видъ классическаго изображенія висѣлицы, съ блокомъ и веревкою посрединѣ. Этотъ загороженный путь оканчивается большимъ кругомъ, огороженнымъ также частоколомъ, то, что зовутъ здѣсь коралемъ.

Въ этотъ кораль загоняется скотъ, назначенный въ этотъ день для убоя, очень рано до разсвѣта, а, какъ только разсвѣтаетъ, начинается работа. На обыкновенномъ Saladero средней руки убиваютъ въ день отъ 350—400 штукъ скота.

Два высокіе столба съ перекладинами, которые, такъ похожи на висѣлицу, служатъ прежде всего проходомъ, воротами изъ кораля въ эту узкую галлерею, которая ведетъ къ сараю, но ворота подъ этими висѣлицами не растворяются, а подымаются вверхъ посредствомъ блока, который и прикрѣпленъ къ ихъ перекладинамъ. Стадо черезъ эти ворота должно пройти по узкому корридору къ бойнѣ довольно длинное пространство, сдѣланное длиннымъ для того, чтобы пока это не нужно, не безпокоить стадо, собравшееся въ коралѣ, слишкомъ сильнымъ запахомъ крови или стукомъ; нужно, чтобы оно до времени не подозрѣвало, что ему готовится, для чего и кораль помѣщается обыкновенно на возвышеніи, тогда какъ самое саладеро строится на низменномъ мѣстѣ, непремѣнно около воды.

Ворота подымаются на блокѣ, и стадо должно потечь въ нихъ, какъ жидкость въ откупоренное горлышко бутылки. Но это дѣлается не такъ легко, стадо не такъ легко согласится пойти подъ эту гильотину, особенно послѣ шума, произведеннаго поднятіемъ тяжелой ея заслонки—воротъ. Въ коралѣ находятся только быки, верховые же гаучо стоятъ по наружной его сторонѣ для наблюденія, и если бы они стали поощрять это стадо ударами пикъ или криками, чтобы оно прошло ворота, то оно можетъ взбунтоваться въ узкомъ пространствѣ своего кораля и надѣлать бѣды. Чтобы устранить всѣ эти неудобства человѣкъ создалъ быка измѣнника „traditore“, его употребляютъ вездѣ при загонѣ или выгонѣ скота, но здѣсь эта роль является во всей ея гнусности. Этого прирученнаго и выученнаго быка загоняютъ въ проходъ раньше стада и помѣщаютъ его около самыхъ воротъ, въ началѣ описанныхъ уже выше корридоровъ, внѣ кораля, гдѣ онъ ложится и преспокойно спитъ съ невозмутимой совѣстью. Какъ только ворота подымаются, traditore встаетъ и тихонько идетъ по корридору къ бойнѣ. Быки, видя это въ отверстіе воротъ, начинаютъ въ силу стаднаго чувства, слѣдовать за нимъ, сначала тихо, а потомъ вдругъ въ галопъ, думая, что измѣнникъ ведетъ ихъ по дорогѣ къ свободѣ. Тогда всѣ быки пускаются бѣжать по корридору, и когда ихъ выбѣжало изъ кораля штукъ 40 или 50, то ворота вдругъ опускаютъ и остальное стадо снова запираютъ въ коралѣ.

Нужна также осторожность, чтобы быки пробѣжали безъ приключенія по длинному корридору: здѣсь безпорядокъ можетъ произвести еще большія бѣды, чѣмъ въ коралѣ. Бывали примѣры, что испуганныя животныя, не смотря на вышину загородки, почти въ человѣческій ростъ, перепрыгивали черезъ нее и производили всякія непріятности, убивали даже людей. Пока стадо бѣжитъ, гаучо верхомъ конвоируютъ его снаружи, энергически подгоняя впередъ, чтобы оно вдругъ не остановилось и не сообразило, въ чемъ дѣло. Эти гаучо предварительно удаляютъ изъ сосѣдства всѣхъ прохожихъ, а въ самомъ саладеро стараются прекратить всякій шумъ.

Но вотъ стадо добѣжало до другихъ такихъ же воротъ, какъ и первыя. Подымаютъ опять заслонку-ворота, и быки съ размаху вбѣгаютъ въ другой кораль съ болѣе высокой загородкой, причемъ традиторе ловко увертывается—будучи все время впереди, онъ вдругъ очутится назади. Стадо вошло въ кораль, ворота опускаютъ за нимъ, и традиторе тихимъ шагомъ возвращается назадъ, къ первымъ воротамъ, ложится и снова ждетъ слѣдующей партіи.

Этотъ второй кораль можетъ помѣстить гораздо меньше, не больше 50 быковъ, и со стороны, противоположной входу въ него, онъ суживается воронкой и оканчивается узенькой заслонкой, поверхъ которой положенъ узкій мостикъ; надъ мостикомъ опять висѣлица съ блокомъ, въ который продѣта веревка длиннаго лассо; веревку эту держитъ въ рукахъ атлетъ, сидящій на мостикѣ. Это входъ въ сарай, въ matadero [1]), но туда быкъ попадаетъ не живымъ, а мертвымъ. Какъ только стадо загнано въ этотъ маленькій кораль, оно, повидимому, тотчасъ же соображаетъ, въ чемъ дѣло, и смущенное тѣснится у входа, черезъ который только что прошло, всѣми силами упираясь ногами, чтобы быть подальше отъ мостика и прохода подъ этимъ мостикомъ, залитаго кровью.

Тогда сидящій на мостикѣ подъ блокомъ человѣкъ съ голыми руками и ногами выше колѣнъ, весь въ крови, съ головою, обвязанною платочкомъ, какъ наши просвирни, бросаетъ лассо на рога какого нибудь быка; сзади въ сараѣ стучитъ приводъ; человѣкъ этотъ, матадоръ, выпускаетъ лассо изъ рукъ, оно натягивается, какъ струна, между быкомъ и блокомъ и тянетъ приводомъ животное подъ мостикъ, несмотря на все его отчаянное сопротивленіе. За нѣсколько шаговъ до мостика полъ покрытъ желѣзной скользкою плитою, и животное, мечущееся изъ стороны въ сторону, сумасшедшее, на привязи крѣпкаго лассо, вступивъ на этотъ полъ, скользитъ и падаетъ; лассо, наматываясь на блокъ, притягиваетъ его за голову, за рога, вплоть до самаго мостика; рога его стукаютъ объ эту преграду, голова его остается неподвижною, и тотъ же матадоръ, который накинулъ на его рога лассо, съ размаху вонзаетъ ему между рогами, гдѣ начинаются позвонки шеи, кинжалъ, длиною до 20 сантиметровъ. При удачномъ ударѣ животное, вздрогнувъ, опускается вдругъ всѣмъ тѣломъ,—оно уже почти мертво. Приводная машина снова стучитъ, отпуская лассо, животное падаетъ на желѣзную плиту. Плита эта подвижная во второй ея половинѣ. Два здоровыхъ работника бѣгомъ увозятъ ее изъ подъ мостика, а на ней и быка. Тамъ, въ сараѣ, тотчасъ другіе два человѣка крюками стаскиваютъ быка съ плиты, освободивъ его рога отъ лассо, тащатъ въ сторону на особенную платформу и тоже все бѣгомъ, съ необыкновенною быстротою. Плита возвращается на прежнее мѣсто; для этого приспособлена особая машина, лассо опять въ рукахъ матадора, оно тянетъ уже другого быка, опять стукъ приводной машины... и т. д. Вся операція, чтобы убить такимъ образомъ быка, не продолжается больше одной минуты. Хитро придуманный способъ, работа обнаруживаетъ большую ловкость и привычку мясниковъ. Вездѣ кровь: полъ сарая, люди, куски развѣшаннаго рядами мяса, все красное; паръ крови стоитъ надо всѣмъ удушливой, одуряющей атмосферой, рядомъ матадоръ съ его красными руками, весь запачканный кровью, сидя на корточкахъ и держа кинжалъ на готовѣ, зловѣщій звукъ приводной машины... Это даже не преддверіе ада, а самый адъ. Послѣ недолгаго наблюденія не остается сомнѣнія, что стадо это понимаетъ и сознаетъ, въ чемъ дѣло: какъ оно жмется къ стѣнкамъ кораля; какъ тѣсно оно стоитъ, боясь пошевельнуться, какъ вздрагиваютъ эти быки, когда петля лассо пролетаетъ надъ ихъ головами и цѣпляется au hasard за рога одного изъ нихъ, а часто и двухъ заразъ.

Итакъ быка убили. Прогулявшись, можетъ быть, 1.000 верстъ по степи, онъ наконецъ дошелъ до рокового мостика. Вотъ что происходитъ съ нимъ послѣ: сарай saladero въ продольномъ направленіи раздѣленъ на двѣ половины: съ одной стороны сдираютъ шкуру и мясо съ костей быковъ, съ другой приготовляютъ это мясо и шкуру въ прокъ.

Зацѣпивъ на крюкъ тушу быка, красные люди стаскиваютъ ее на одну сторону сарая и кладутъ рядомъ съ другими тушами вдоль строенія, на разстояніи двухъ, трехъ

---

[1]) Словомъ „matadero“ называется именно описанный выше сарай крыша на столбахъ, тогда какъ словомъ „saladero“ обозначается обыкновенно все заведеніе, во всей его совокупности. Эти два понятія, впрочемъ, часто перемѣшиваются въ обыкновенной рѣчи.

метровъ другъ отъ друга; тамъ два человѣка обдѣлываютъ тушу съ необыкновенной быстротою: голова, копыта, шкура, мясо—все это отдѣлено отъ остова и отъ костей самымъ аккуратнымъ образомъ, въ двѣ-три минуты времени. Надобно видѣть людей при этой работѣ: какъ гаучо въ степи, это тоже виртуозы. Кровь стекаетъ по жолобу и черезъ все заведеніе, собирается такимъ образомъ въ озерѣ крови, которая сохнетъ на солнцѣ въ бассейнѣ, обдѣланномъ сѣрымъ камнемъ. Содранную шкуру крюкомъ тащитъ одинъ работникъ бѣгомъ въ конецъ сарая. Содранное мясо со всего быка разомъ остается въ нераздѣльной массѣ, его тоже тянетъ другой работникъ крюкомъ на параллельно стоящіе по другую сторону сарая длинные столы. Кости, рога, копыта, внутренности—все это разносится по особымъ закоулкамъ, и все это бѣгомъ съ необыкновенною точностью. На столахъ масса мяса приводится въ порядокъ: отрѣзываются лохмотья, окраины, толстыя части разрѣзываются такъ, чтобы масса развертывалась въ равномѣрной толщины полотно, которое тутъ же разстилается на кучу соли, засыпается ею сверху, и такимъ образомъ громоздятся цѣлые стога соли въ перемежку съ мясомъ, сокъ котораго, окрашивая соль, опять сбѣгаетъ по желобкамъ въ особый бассейнъ. Эта операція разрѣзыванія мяса тоже замѣчательна по ловкости и быстротѣ, съ коими она дѣлается, и составляетъ самую трудную операцію изо всѣхъ описанныхъ. Чтобы сдѣлать изъ мяса быка равномѣрной толщины и величины продолговатые квадраты, на подобіе восточнаго коврика, нужно много искусства, и это искусство необходимо, такъ какъ мясо должно просолиться быстро насквозь и равномѣрно во всѣхъ его частяхъ. Работники, которые этимъ занимаются, получаютъ самую высшую плату послѣ матадора, который все-таки считается первою персоною въ saladero.

Когда мясо пролежало въ соли извѣстное количество часовъ, кучи его опять растаскиваютъ крюками, и на площадкѣ, около сарая, развѣшиваютъ его, какъ ковры, которые приготовляются выколачивать, по жердямъ, положеннымъ на столбикахъ длинными рядами по всему пространству обширнаго двора,—тамъ-то солнце сушитъ это соленое мясо. Кучи, стога соли занимаютъ такимъ образомъ рядомъ со столами весь бокъ длиннаго сарая, и въ этой соли, разбросанной по всему полу, окрашенной кровью, двигаются въ замѣчательномъ порядкѣ, точно заведенная машина, десятки людей, здоровыхъ, мускулистыхъ, съ голыми ногами, съ крюками въ рукахъ, не прерывая своихъ движеній ни на одну минуту. Все это опять красное, все въ крови.

Обрѣзки, внутренности, головы, изъ которыхъ, впрочемъ, вынимаютъ языки, тащутъ въ ближайшее каменное строеніе, откуда исходитъ самый ужасный запахъ этой вообще зловонной фабрики. Въ этомъ строеніи стоятъ рядомъ нѣсколько огромныхъ чановъ надъ огнемъ, въ которые сбрасываются всѣ эти остатки быка для выварки изъ нихъ сала: въ однихъ они только что еще вываріваются, изъ другихъ оно стекаетъ по деревяннымъ желобамъ въ особые бассейны, гдѣ оно отстаивается и застываетъ, изъ третьихъ оно вытекаетъ, и полуголые люди выгребаютъ уже среди столбовъ густого и вонючаго пара вываренные остатки мяса, представляющіе отвратительную на видъ грязно-сѣроватую массу. Массу эту, отъ которой валитъ паръ клубами, выносятъ на дворъ, на мощенныя каменными плитами площадки, и разбрасываютъ для просушки подъ лучами солнца. На такихъ же другихъ площадкахъ разбрасываютъ копыта, обрѣзки кожи, рога и т. д. тоже для просушки на солнцѣ, и вся эта часть двора представляетъ такое мѣсто, черезъ которое трудно пройти: запахъ невообразимый и милліарды мухъ всѣхъ величинъ и породъ наполняютъ воздухъ. Таковъ внѣшній видъ saladero.

Рабочіе на саладеро все какіе то атлеты: мускулатуру ихъ можно показывать за деньги; слабыхъ, впрочемъ, и не нанимаютъ, потому что работа каторжная: цѣлый день на ногахъ и въ самомъ напряженномъ движеніи. Но какъ бы они ни были сильны, работа и жизнь на саладеро дѣлаетъ ихъ еще сильнѣе, это несомнѣнно. Ѣдятъ они тутъ

же свѣжее мясо, едва поджаренное, пьютъ водку и кровь, и какъ это дѣлается! Забастовавъ работою, эти люди, всѣ въ крови, и не думали даже умыться или вымыть руки, чтобы приняться за ѣду. Около сарая находится лавочка и тутъ же примитивная кухня, въ которой на угольяхъ жарится мясо. Рабочій подходитъ къ прилавку лавочки, получаетъ кусокъ хлѣба, кусокъ мяса и стаканъ водки и тутъ же въ сараѣ помѣщается гдѣ нибудь на корточкахъ въ углу, на грязномъ кровяномъ полу, среди тушъ быковъ или ихъ обрѣзковъ и кушаетъ преспокойно. Хлѣбъ въ его рукахъ дѣлается скоро малиноваго цвѣта. Покушавъ и выпивъ, рабочіе растягиваются въ комфортабельныхъ позахъ, чтобы покурить и поболтать, какъ ни въ чемъ не бывало. Столовыхъ, или какихъ либо приспособленій для обѣда, столовъ, стульевъ—въ саладеро не полагается. Девять десятыхъ изъ нихъ иностранцы. Мѣстные жители, гаучо, служатъ при саладеро въ другихъ должностяхъ. Они составляютъ, такъ сказать, кавалерію этихъ предпріятій, а инфантерія, которая именно живетъ въ крови, нанимается почти вся изъ европейскихъ эмигрантовъ.

Собственникъ саладеро обыкновенно не estanciero, онъ не имѣетъ своей земли и стада, онъ только фабрикантъ, но сырого матеріала на его фабрику тоже не доставляютъ тѣ, которые его производятъ. Собственникъ саладеро долженъ самъ его добывать, и для этого у него на службѣ находится десятокъ, другой гаучосъ. Этихъ гаучосъ онъ разсылаетъ по степи подъ начальствомъ испытанныхъ capatas (приказчики-гаучосъ) разыскивать, покупать и привозить къ нему быковъ. Эта операція вообще очень сложна и трудна и требуетъ, кромѣ честности, большого опыта и знанія. Дѣло не въ томъ еще, чтобы купить стадо быковъ зря; пріѣхать къ estanciero и сказать: вотъ деньги—давай столько-то быковъ; нѣтъ, это не такъ просто; надобно прежде незамѣтно прогуляться по степи, высмотрѣть стадо и опредѣлить, годятся ли быки на саладеро, ибо нужно, чтобы быки были не тощи, чтобы на нихъ было сало, которое послѣ шкуры составляетъ главный по цѣнѣ продуктъ. Читатель понимаетъ, что въ такой степи, среди дикихъ стадъ, каждаго быка не ощупаешь и не осмотришь, тѣмъ болѣе, что ихъ нужно тысячи, и что освѣдомиться о качествѣ быковъ нужно секретно, крадучись, чтобы никто этого не подозрѣвалъ. Все это нужно сдѣлать на глазомѣръ; разсмотрѣть качество травы, которая служитъ пищею на пастбищѣ, лоскъ шерсти быковъ, запачканныхъ часто грязью, ихъ походку и т. д.; вотъ въ этомъ и заключается искусство, отъ этого зависитъ благоденствіе саладеро. Потомъ и довести быковъ до бойни нужно такъ, чтобы они не отощали. Все это дѣло мѣстныхъ людей—гаучосъ.

Девять десятыхъ работниковъ на саладеро—иностранцы, но затѣмъ три четверти изъ этихъ девяти десятыхъ—баски. Ихъ нанимаютъ особенно охотно, такъ какъ опытъ показалъ, что это самые честные, миролюбивые, экономные и прилежные работники, а кромѣ того, изо всѣхъ эмигрантовъ изъ Европы, они отличаются крѣпостью, сильнымъ тѣлосложеніемъ и развитіемъ мускулатуры. Особенно въ послѣднее время баски, испанскіе и французскіе переселяются сюда десятками тысячъ въ годъ и отличаются на всѣхъ поприщахъ работы. Любимое занятіе басковъ—саладеро; они сдѣлались почти монополистами этого ремесла въ республикахъ Лаплаты, вытѣснивъ мѣстныхъ рабочихъ, и ремесло это оплачивается весьма хорошо. Работникамъ платятъ поштучно, такъ чтобы убой и уборка быка обошлась, круглымъ счетомъ не болѣе 50 или 60 сантимовъ патаконо или пезо (долларъ), т. е. отъ 2 съ половиною до 3 франковъ, и не всѣ рабочіе получаютъ одинаковую плату. Больше всего платятъ тому человѣку, который находится на мостикѣ и убиваетъ быка: онъ получаетъ, обыкновенно, 2 сантима (т. е. отъ 7 до 8 сантимовъ франка, если считать на золото) со штуки, можетъ убить иногда до 200 быковъ въ день—на бо̀льшее не хватаетъ силъ самаго совершеннаго атлета—и можно получить, такимъ образомъ, до 20 франковъ въ день. Это, правда, рѣдко, но бываетъ. Затѣмъ въ

той же почти пропорціи платятъ тѣмъ, которые разрѣзаютъ мясо на столахъ, дѣлая изъ него эти коврики. Это дѣло требуетъ искусства и быстроты движеній, такъ какъ дыра въ этомъ коврикѣ или что нибудь такое дѣлаютъ его неудобнымъ для продажи. Итакъ, далѣе—всѣ должности оплачиваются сообразно потребнаго для нихъ искусства или труда. Но самый послѣдній рабочій все-таки получаетъ не менѣе 8 или 10 франковъ въ день. Этотъ заработокъ составилъ бы значительную сумму въ годъ для рабочаго; но дѣло въ томъ, что саладеро вообще работаютъ 3, 4 и самое большое 5 мѣсяцевъ, и работа ихъ иногда прерывается за недостаткомъ сырого матеріала, потому что не всегда можно отыскать стадо и привести въ данный срокъ. Саладеро открываетъ свои операціи обыкновенно въ ноябрѣ мѣсяцѣ и оканчиваетъ въ концѣ апрѣля, т. е. работаетъ во время жаркаго и сухого сезона. Причина этого двоякая: во-1-хъ, въ зимнее время, т. е., когда у насъ лѣто, трава дѣлается гуще и обильнѣе, и скотъ наѣдаетъ себѣ тѣло и жиръ къ концу холоднаго и дождливаго сезона; тѣло впослѣдствіи тощаетъ во время засухъ жаркихъ мѣсяцевъ, начиная съ февраля или марта; а во-2-хъ, для операціи въ саладеро требуется солнце, такъ какъ все дѣлается на солнцѣ, а главное дѣло—это просушка соленаго мяса и шкуръ. Работникъ, такимъ образомъ, работаетъ 3 мѣсяца, рѣдко 4 или 5. Остальное время трудолюбивый и неутомимый баскъ идетъ на работу въ поляхъ; онъ, обыкновенно, при этомъ и колонистъ, сѣетъ пшеницу или кукурузу, которыя растутъ во время дождей и поспѣваютъ ко времени засухъ. Баскъ же, главнымъ образомъ занимается и молочнымъ хозяйствомъ около Монтевидео и другихъ городовъ. Баскамъ, даже почти исключительно Уругвай обязанъ развитіемъ этой отрасли хозяйства. Затѣмъ, кромѣ басковъ, работаетъ еще на саладеро мѣстный городской пролетаріатъ и итальянцы, но послѣдніе не очень любятъ это занятіе. Ирландцы и нѣмцы тоже встрѣчаются, но меньше.

Теперь посмотримъ, что продаетъ саладеро.

Во 1-хъ шкуру, которую солятъ и сушатъ на солнцѣ. Здѣшніе порты вывозятъ двухъ сортовъ шкуры—соленыя и просто просушенныя на солнцѣ. Первыя составляютъ продуктъ саладеро, вторыя привозятся изъ пампы отъ животныхъ, убитыхъ прямо въ степи, между которыми болѣе чѣмъ на половину шкуры лошадей.

Второй по цѣнности продуктъ составляетъ соленое и сушеное мясо; затѣмъ сало и рога, копыта, кости, гуано, полученное изъ продуктовъ вываренныхъ остатковъ мяса, внутренностей, изъ крови и т. д.

Все это вывозится въ Европу коммерческими домами Монтевидео, служащими посредниками между саладеро и потребителями въ Европѣ, исключая только сухого мяса. Мяса отсюда въ Европу не попадаетъ ни одного фунта ни въ какомъ видѣ, исключая экстракта, но объ этомъ послѣ. Этотъ незатѣйливый продуктъ—сухое мясо подъ именемъ xarqui (шарки) по португальски—вывозится полностью въ Бразилію, Гавану и на Антильскіе острова, словомъ, въ тѣ мѣста, гдѣ есть негры. Рабовладѣтели кормили рабовъ исключительно кукурузою, но для поддержанія ихъ силъ нужно еще и xarqui, такъ какъ по дешевизнѣ ничего не можетъ сравниться съ этимъ продуктомъ. Мясо цѣлаго быка, обращенное въ xarqui, продается на саладеро всего отъ 10 до 15 франковъ. Это даромъ. Такимъ образомъ негры, пріученные въ рабствѣ къ xarqui и потомъ, освободившись, не могутъ обойтись безъ этой пищи, а около нихъ привыкла къ xarqui и окружающая ихъ среда, такъ что потребителемъ мяса, производимаго на всемъ пространствѣ пампы въ Уругваѣ и Аргентинской республикѣ, является только эта среда жителей тропической Америки. Это, впрочемъ, обширный рынокъ: до 10.000.000 ртовъ по меньшей мѣрѣ. Весь быкъ, такимъ образомъ превращенный въ разные продукты на саладеро и обращенный въ деньги, даетъ самое большое 50 франковъ: франковъ 20 шкура, франковъ около 15 мясо, около 10—сало, а затѣмъ и другія части. Ужасно мало по нашимъ европейскимъ понятіямъ. Чтобы продукты быка давали такую малую сумму, нужно, чтобы онъ

стоилъ съ доставкой на Саладеро франковъ 30 не больше, если не меньше. Такъ оно и есть.

Здѣшніе люди думали, однако, много объ этомъ вопросѣ, и больше, конечно, не здѣшніе, а иностранные спекуляторы дѣлали много опытовъ и рекламъ, но до сихъ поръ ничего изъ этого не вышло, и хищническое скотоводство продолжается и будетъ, вѣроятно, продолжаться еще очень долго, пока страна не населится густо и прочно. Дѣло въ томъ, что мясо быка пампы очень плохо, и самая порода быковъ такая, что и откармливаніе ихъ болѣе питательною пищею не дѣлаетъ его значительно лучшимъ. Пробовали перевозить этихъ животныхъ въ Европу живьемъ, но дикіе быки, путешествуя на пароходѣ 30 дней, наполовину издыхали; другая половина, доѣхавши, требовала нѣсколькихъ мѣсяцевъ для откармливанія, и мясо ихъ все-таки покупалось неохотно, и ничего не стоющій въ пампѣ быкъ обходился не дешевле европейскаго, будучи распроданъ на котлеты на бойняхъ Европы. Пробовали перевозить мясо въ замороженномъ видѣ, устроилась даже кампанія, но послѣ первыхъ же опытовъ пароходы, которые занялись этимъ дѣломъ, обанкротились. Даже самое бѣдное населеніе Лондона не согласилось ѣсть лаплатское мясо.

Типъ гаучо съ Ла-Платы.

До двухъ милліоновъ быковъ вывозится такимъ образомъ ежегодно изъ Уругвая. Вывозъ изъ этой республики простираотся теперь до 150 милліоновъ франковъ круглымъ счетомъ, изъ которыхъ 100 милліоновъ все-таки приходится на быковъ. Огромная сумма для страны, гдѣ едва ли наберется 600 тысячъ жителей, и есть на что разгуляться коммерческому люду также и при такомъ примитивномъ хозяйствѣ.

На большихъ саладеро и на разныхъ другихъ работахъ въ городахъ рядомъ съ туземными рабочими занято множество пришлыхъ. Но чѣмъ дальше отсюда, тѣмъ рѣже, за исключеніемъ колоній, населенныхъ, напр., сплошь нѣмцами, встрѣчаются пришельцы изъ Европы. Въ пампѣ низшій слой населенія составляютъ гаучо. Гаучо—сборное названіе, которымъ обозначаютъ мѣстныхъ обитателей, хорошо владѣющихъ конемъ и лассо и исполняющихъ разнообразныя работы, при которыхъ требуется то и другое. Въ извѣстномъ смыслѣ названіе это можетъ обозначать ту смѣшанную породу, которая образовалась здѣсь изъ помѣси бѣлыхъ, преимущественно испанцевъ съ индѣйцами, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, среди гаучо то и дѣло можно встрѣтить людей чистой крови. Правильнѣе понимать подъ этимъ обозначеніемъ группу населенія, объединенную не столько своимъ происхожденіемъ, сколько бытомъ, нравами, занятіями и привычкой проводить жизнь въ одной и той же обстановкѣ, именно: въ степи, что наложило свой отпечатокъ на характеръ и міровоззрѣніе этихъ людей. Все это народъ сильно смуглый, съ чертами лица, въ которыхъ то сильно, то слабѣе просвѣчиваютъ отличительныя особенности индѣйскаго типа, но выраженіе котораго почти всегда мрачно или сурово. Одежда также рѣзко выдѣляетъ ихъ изъ среды остального населенія, привлекая къ себѣ вниманіе своею оригинальностью, а также живописной яркостью красокъ. На головѣ гаучо носитъ большую фетровую шляпу съ широкими полями, такъ называемое сомбреро. На тѣлѣ, поверхъ рубашки, красуется пончо, универсальная одежда, исполняющая всевозможныя назначенія и представляющая толстое

полосато-яркое одѣяло съ отверстіемъ посрединѣ для просовыванія головы. Будучи надѣто такимъ образомъ, пончо живописными складками спускается внизъ, защищая тѣло всадника отъ дождя и вѣтра. Часто на шеѣ въ видѣ галстуха повязанъ яркій фуляръ. Штаны заправлены обыкновенно въ сапоги, которые у бѣдняковъ замѣнены кусками кожи, обертывающими ногу на подобіе онучей. Сапоги всегда украшены гигантскими шпорами съ зубчатыми колесиками въ видѣ звѣзды; шпоры или посеребрены или изъ цѣльнаго серебра. За широкимъ поясомъ гаучо, подобно турку, держитъ все необходимое ему, особенно оружіе, на количество и красоту котораго также обращается не мало вниманія. Характерную особенность гаучо составляетъ то, что этотъ обитатель пампы неотдѣлимъ отъ своего коня. Гаучо неохотно слѣзаетъ съ него и, подобно киргизу, исполняетъ множество мелкихъ работъ и передвиженій на конѣ, олицетворяя своей фигурой настоящаго кентавра. Понятно, что лошадь и все, что до нея касается, занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ въ его духовномъ мірѣ. Гаучо, еще болѣе чѣмъ цыганъ-барышникъ, завзятый лошадникъ: превосходно знаетъ толкъ въ лошадяхъ, интересуется всякимъ дѣломъ, въ которомъ замѣшана лошадь, страстный поклонникъ и участникъ скачекъ, при случаѣ не прочь и отъ конокрадства. Понятно, что сбруѣ онъ посвящаетъ столько же вниманія, какъ собственной одеждѣ, при чемъ главными украшеніями являются всякія бляхи изъ серебра.

Выросшая въ „кампѣ“, т. е. въ степи, аргентинская лошадь, усмиренная гаучо, знаетъ только одинъ аллюръ—галопъ. Отъ рыси ее нарочно отучаютъ. Лошади эти средняго роста, крѣпко сложены, имѣютъ тонкія ноги, но очень некрасивую, большую голову. Онѣ необыкновенно выносливы, уступая въ этомъ только самому гаучо, который способенъ сдѣлать съ табуномъ, или „тропильей“, коней, осѣдлывая ихъ поочередно, до 125 и болѣе километровъ въ день. При этомъ конь не получаетъ ничего, кромѣ подножнаго корма. Для верховой ѣзды употребляютъ только жеребцовъ.

Непремѣнную принадлежность сѣдла составляетъ лассо, т. е. ремень съ петлей на концѣ, которое, по справедливому замѣчанію одного наблюдателя, уподобляется въ рукахъ гаучо длинному и гибкому щупальцу спрута. Привыкнувъ владѣть лассо съ дѣтства, гаучо довѣряетъ ему болѣе, чѣмъ ружью и револьверу. Даже свирѣпаго ягуара гаучо убиваетъ не огнестрѣльнымъ оружіемъ, а съ помощью лассо.

„Однажды,—разсказываетъ одинъ путешественникъ [1]),—подъѣхавъ къ большому оврагу, мы увидѣли большое желтое животное, скользившее среди тростника. Это былъ ягуаръ. Схвативъ карабинъ, я уже готовился спрыгнуть съ сѣдла, какъ провожавшіе меня гаучо знакомъ остановили меня. Оба они изготовили свои лассо и погнали съ помощью шпоръ своихъ, боязливо фыркавшихъ коней за ягуаромъ. Замѣтивъ, что его преслѣдуютъ, звѣрь остановился и припалъ къ землѣ, устремивъ злобно сверкающій взглядъ на одного изъ гаучо, подскакавшаго къ нему на двадцать шаговъ. Мгновеніе, показавшееся намъ, однако, очень долгимъ, лассо свистнуло въ воздухѣ, петля накинулась на шею хищника, и быстрымъ скачкомъ коня смѣлый всадникъ натянулъ ремень. Затѣмъ началась борьба между всадникомъ и ягуаромъ. Звѣрь длинными скачками ослаблялъ лассо, но всадникъ, поднимая лошадь въ галопъ, снова и снова отдалялся отъ него, опять натягивая лассо въ струну. Конь трепеталъ всѣмъ тѣломъ, но покорно повиновался всаднику. Между тѣмъ второй гаучо также успѣлъ накинуть свое лассо на тѣло ягуара, и теперь они, разъѣхавшись въ стороны, принудили побѣжденнаго врага растянуться на землѣ. Въ это время я спрыгнулъ съ коня, и, мгновеніе спустя, пущенная звѣрю въ голову пуля закончила этотъ неожиданный эпизодъ нашей поѣздки“.

Конемъ и лассо мастерски владѣетъ каждый гаучо, но кромѣ того, почти каждый умѣетъ укрощать дикихъ коней, хотя на большихъ эстансіяхъ, гдѣ разводятъ лошадей, это

---

[1]) Vacano, Buntes Allerlei aus Argentinien.

составляетъ спеціальность особыхъ „домадеро“, т. е. укротителей. Картина укрощенія дикой лошади такимъ домадеро производитъ неизгладимое впечатлѣніе, вызывая въ зрителѣ удивленіе, какимъ образомъ человѣкъ въ состояніи усидѣть на конѣ, который въ теченіе получаса употребляетъ неимовѣрныя усилія, чтобы сбросить или какимъ бы то ни было способомъ освободиться отъ всадника. Не говоря про ловкость, силу и привычку къ сѣдлу, въ этомъ дѣлѣ необходимо необыкновенное вниманіе, своего рода чутье или инстинктъ, позволяющій за мгновеніе угадывать намѣренія животнаго и быстро выполнять сложныя движенія, съ цѣлью избѣжать опасности. Обыкновенно укрощеніе длится около получасу, дикая воля лошади оказывается сломленной, и затѣмъ постепенной выѣздкой въ теченіе двухъ недѣль домадеро превращаетъ необузданнаго скакуна въ великолѣпно дрессированную лошадь, повинующуюся малѣйшему желанію всадника. На эстансіяхъ, занимающихся разведеніемъ рогатаго скота, гаучо пасутъ его и исполняютъ всевозможныя работы. Имѣя дѣло съ быками, они кромѣ лассо, пускаютъ въ дѣло длинныя копья; стадо быковъ странствуетъ, обыкновенно окруженное, какъ арестанты конвойными, кольцомъ конныхъ, вооруженныхъ пиками гаучо, которымъ въ дѣлѣ надзора ревностно помогаетъ цѣлая стая собакъ. Громадные табуны передвигаются такимъ образомъ по степи, странствуя въ теченіе мѣсяцевъ по направленію къ городу или черезъ Кордильеры, если проданный скотъ предназначается для Чили. На пути приходится преодолѣвать всевозможныя препятствія, при которыхъ гаучо проявляютъ настоящія чудеса ловкости въ умѣньи обходиться со скотомъ. Наибольшее затрудненіе доставляютъ переправы черезъ рѣки. Вогнать стадо въ воду такъ, чтобы оно при этомъ не разбѣжалось, плыть по бокамъ стада на конѣ или держась за гриву коня, и на томъ берегу опять собрать стадо и направить его впередъ, составляетъ задачу, съ которою артель гаучо успѣшно справляется, при чемъ дѣло, конечно, не обходится безъ суматохи, въ которой ревъ животныхъ, крики людей и неистовый лай собакъ сливаются въ одинъ общій, неподдающійся описанію гулъ.

Одной изъ работъ, связанныхъ обыкновенно съ увеселеніемъ, является клейменіе животныхъ. Стадо загоняютъ въ кораль и затѣмъ быковъ вылавливаютъ оттуда съ помощью лассо. Одинъ гаучо накидываетъ ему лассо на рога, другой, улучивъ моментъ, дѣлаетъ то же съ задними ногами быка. Затѣмъ оба всадника разъѣзжаются въ разныя стороны, пока быкъ не очутится въ безпомощномъ состояніи на землѣ, при помощи двухъ натягиваемыхъ всадниками лассо. Въ этотъ моментъ къ быку приближается гаучо съ раскаленнымъ клеймомъ и быстро выжигаетъ ему тавро, отскакивая затѣмъ въ сторону. Освободившійся отъ лассо быкъ вскакиваетъ отъ боли и яростно пускается преслѣдовать кого либо изъ всадниковъ, который избавляется отъ него тѣмъ, что въѣзжаетъ въ стадо и такимъ образомъ исчезаетъ отъ взоровъ своего преслѣдователя. День заканчивается пиромъ, въ которомъ на первомъ мѣстѣ фигурируетъ „чурасо“ или „асадо“, попросту говоря—мясо тутъ же заколотаго быка, которое срѣзаютъ съ туши еще дымящимся и жарятъ на огнѣ, какъ каждому изъ пирующихъ нравится. Болѣе изысканнымъ блюдомъ считается assado con cuero, которое приготовляется двумя способами: цѣлаго быка съ костями, но безъ внутренностей, зарываютъ въ яму, слегка засыпаютъ землей и разводятъ надъ нимъ костеръ. Туша жарится, прѣетъ, варится въ водѣ и салѣ, которыя содержатся въ его мясѣ, послѣ чего получается необыкновенно вкусное жаркое. Другой способъ требуетъ меньше времени и даетъ не уступающее первому по вкусу блюдо: для этого быка разрѣзаютъ по особенной, извѣстной гаучо системѣ на куски вмѣстѣ со шкурой, затѣмъ кладутъ эти большіе куски на деревянныхъ или желѣзныхъ перекладинахъ прямо на уголья такъ, чтобы шкура образовала нѣчто вродѣ чашки или сковороды, въ которой мясо и жарится. Вообще же мясо фигурируетъ чаще всего за столомъ гаучо въ вяленомъ видѣ; въ этомъ состояніи оно представляетъ сухое, твердое, почти какъ дерево, вещество, справиться съ которымъ можетъ только аппетитъ гаучо, вооруженный его крѣпкими зубами и желудкомъ, способнымъ

переваривать чуть не камни. Въ пампѣ, гдѣ ничего почти не сѣютъ, кромѣ тыквъ и кое какихъ овощей, прозябающихъ возлѣ одинокихъ ранчо, нѣтъ другой пищи, помимо мяса. Въ случаѣ, если на лицо имѣется тыква, нѣсколько головокъ лука или картофель, гаучо варитъ себѣ похлебку „пучеро“, чаще же всего онъ довольствуется сухимъ мясомъ, запасъ котораго имѣетъ при себѣ.

Но чѣмъ бы не питался гаучо, любимымъ его напиткомъ, который вообще распространенъ во всѣхъ южныхъ республикахъ, является, оставляя въ сторонѣ страстно любимые имъ спиртные напитки, матé, или парагвайскій чай. Мате, или парагвайскій чай—первое, чѣмъ угощаютъ въ пампѣ всякаго, бѣднаго и богатаго. О добываніи чая мы скажемъ ниже, здѣсь же опишемъ только способъ употребленія его. Чай продается вездѣ, въ видѣ порошка, который завариваютъ, какъ нашъ. Въ ранчо какого нибудь бѣднаго гаучо сосудомъ для заварки чая служитъ полая тыква „bombilla“ (бомбилья); въ нее насыпаютъ порошка мате, обвариваютъ ее кипяткомъ и затѣмъ подносятъ гостю вмѣстѣ съ мѣдной трубочкой, такъ какъ мате здѣсь не пьютъ, а сосутъ черезъ трубочку, которая имѣетъ на погружаемомъ въ жидкость концѣ волосяную или изъ волоконъ тростника сѣтку, чтобы воспрепятствовать порошку попадать въ ротъ вмѣстѣ съ жидкостью. Сосаніе мате любимое занятіе. Если имъ угощается цѣлая компанія, то каждый сосетъ минуту и передаетъ бомбилью съ трубкой сосѣду. Въ богатыхъ домахъ встрѣчаются серебряныя бомбильи, и каждому гостю подается особая трубка. Настой мате блѣднѣе китайскаго чая, вкусомъ онъ болѣе терпкій и возбуждаетъ сильнѣе, благодаря чему его и цѣнятъ. При утомительной работѣ на воздухѣ, послѣ ѣзды по пронзительному холодному вѣтру мате—незамѣнимый напитокъ.

Въ настоящее время скотоводство ведется въ пампѣ болѣе раціональнымъ способомъ. Собственникъ земли, которой для занятія скотоводствомъ требуется много квадратныхъ верстъ, или самъ занимается этимъ дѣломъ или сдаетъ землю въ аренду. Въ большинствѣ случаевъ земля пріобрѣтается или арендуется спекулянтами у государства громадными площадями; затѣмъ ее дробятъ на участки и перепродаютъ людямъ, желающимъ попытать счастье на этомъ поприщѣ и обладающимъ средствами. Владѣльцы-скотоводы живутъ въ степи въ довольно первобытной обстановкѣ. Ближе къ городамъ эти эстансіи, или помѣстья, обличаютъ извѣстную культурность своихъ обитателей, между тѣмъ какъ вдали даже богатые помѣщики въ бытѣ своемъ и въ нравахъ почти не отличаются отъ собственныхъ пеоновъ, т. е. слугъ. Вотъ у этихъ собственниковъ гаучо и находятъ себѣ работу. Невзыскательное жилище гасіендадо окружено низенькими хозяйственными постройками и ранчо, въ которыхъ обитаютъ семейные и холостые гаучо. Возлѣ кое какія насажденія въ видѣ запущеннаго сада или огорода, а кругомъ безпредѣльная степь, гдѣ на большихъ разстояніяхъ одно отъ другого раскинуты подобныя же поселенія. Кромѣ нихъ встрѣчаются лишь одинокія ранчо, т. е. убогія хижины, гдѣ обитаетъ семья одинокаго гаучо или гдѣ часто ночуютъ, чтобы не возвращаться далеко въ эстансію отъ стада. Въ эстансіи или гасіендѣ гаучо нанимаются на сроки по опредѣленной платѣ, которую очень часто получаютъ натурой изъ находящейся тутъ же лавочки, принадлежащей тому же гасіендадо, онъ же и кабатчикъ. Словомъ, здѣсь, какъ вездѣ: капиталистъ и собственникъ раскинулъ сѣть и крѣпко держитъ въ петляхъ ея бездомнаго пролетарія-гаучо. Какъ ни широка и вольна степь, но полный просторъ она открываетъ только предпринимателю, да тѣмъ гаучо-браво, которые по разнымъ причинамъ имѣютъ основаніе избѣгать рукъ правосудія.

Ближе къ большимъ городамъ, гдѣ условія для хозяйства представляютъ большія выгоды, участки степи, принадлежащіе разнымъ владѣльцамъ, уже разгорожены безконечными нитями проволоки, натянутой, подобно телеграфной, на столбы въ ростъ человѣка. Какъ ни эфемерна эта преграда, но ея оказывается достаточно для удержанія стада даже при паникѣ. Быки, правда, оборвутъ проволоку, бросятся въ сосѣднее владѣніе, оборвутъ

ее, можетъ быть, и тамъ, но въ концѣ концовъ останавливаются. Во всякомъ случаѣ скотъ не можетъ разбѣгаться, и хозяинъ по этой причинѣ уже не нуждается въ услугахъ своевольныхъ гаучо, которые одни только обладаютъ искусствомъ разыскать и собрать разбредшійся скотъ. Остальная работа упрощается въ такой же мѣрѣ, и потому въ такихъ благоустроенныхъ эстансіяхъ гаучо представляетъ уже отживающій, вытѣсняемый новыми элементами типъ.

Несмотря на большую примѣсь индѣйской крови гаучо, какъ и другіе элементы кореннаго бѣлаго населенія, по своей культурѣ испанцы, т. е. говорятъ по испански, обладаютъ испанскими манерами, т. е. изысканной, но флегматичной учтивостью и сильно заражены мѣстнымъ патріотизмомъ, т. е. не любятъ пришельцевъ и новыхъ колонистовъ, чуждыхъ имъ по нравамъ, по происхожденію, часто также по занятіямъ.

Среди нихъ сохранилось еще многое изъ прежнихъ испанскихъ нравовъ, которые исчезли уже въ самой Испаніи подъ наплывомъ новыхъ вѣяній, хотя на всемъ лежитъ своеобразный отпечатокъ, созданный условіями жизни въ Новомъ Свѣтѣ. Пѣсни ихъ, которыя поются подъ акомпаниментъ гитары, если это не плясовыя, вродѣ „палома“, „фанданго“ и другихъ, носятъ грустный, даже заунывный характеръ, какъ по содержанію, такъ и по мотивамъ (такъ называемыя triste и vidalita), такъ какъ, подобно казацкимъ думамъ, онѣ родились въ душѣ одинокаго, затерянаго въ степи, какъ въ морѣ, человѣка. Въ увеселеніяхъ ихъ преобладаютъ такія, въ которыхъ большое мѣсто отведено азарту, среди нихъ, кромѣ картъ, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить скачки, carrera. Гаучо по натурѣ своей страстный игрокъ. Если вспомнить, что индѣйская кровь отразилась въ его натурѣ свойственной туземцамъ злопамятностью и холодной, выжидающей момента для взрыва мстительностью, то не удивительно, что всякія азартныя игры и увеселенія чрезвычайно легко подаютъ поводъ къ ссорамъ, которыя въ свою очередь переходятъ въ кровавыя сцены, такъ какъ оружіе у этихъ людей всегда подъ руками. Жизнь въ степи, работа съ ножемъ среди окровавленныхъ тушъ, гоньба, укрощенія, постоянный видъ крови, создаютъ, при необузданномъ темпераментѣ и грубости нравовъ, характеръ, склонный къ насилію и собственноручной расправѣ, къ готовности защищать свои интересы лично, не прибѣгая къ правосудію. Въ прежнія времена частыя революціи, войны съ индѣйцами, занятія контрабандой и общая неустойчивость и необезпеченность жизни и собственности необходимо развивали въ здѣшнемъ обитателѣ эти черты, которыя съ трудомъ уступаютъ мѣсто болѣе мягкимъ нравамъ. Азартъ свой гаучо проявляютъ съ особенной силой при скачкахъ. Тутъ идетъ дѣло не только о себѣ, но и о конѣ, такъ что кромѣ денегъ игрокъ нерѣдко оставляетъ на мѣстѣ и коня и сбрую и самыя серебряныя шпоры. Даже самый бѣдный пеонъ копитъ себѣ деньги для участія въ игрѣ при большихъ carrera, которыя устраиваются въ степи кругомъ какой нибудь пулперіи, т. е. ранчо, представляющаго одновременно и кабакъ и постоялый дворъ и лавченку. Сюда къ опредѣленному дню стекаются гаучо со своими бѣгунами, parachéro, долго выпиваютъ, осматриваютъ и до послѣдней тонкости разбираютъ коней, бьютъ заклады, особенно на какого нибудь tapâdo, т. е. коня, котораго хозяинъ намѣренно прячетъ, скрывая его достоинства или недостатки.

Такъ какъ празднество часто сопровождаетея драками, то женщины обыкновенно отсутствуютъ. Зато въ толпѣ немало темныхъ, а то и слишкомъ хорошо извѣстныхъ личностей, прославившихся кто убійствомъ, кто разбоемъ или другимъ преступленіемъ, такъ называемые гаучо мало (злой) или браво (дикій). Правосудіе здѣсь вообще было не въ почетѣ, люди часто предпочитаютъ расчитываться за обиды лично, послѣ чего пребываніе въ обществѣ становится небезопаснымъ, и вотъ такой гаучо-мало скитается въ пампѣ, скрываясь у пріятелей, вынуждаемый на новыя преступленія самимъ положеніемъ вещей. Около похожденій иного изъ нихъ выростаютъ цѣлыя легенды. Онъ годами ускользаетъ отъ преслѣдователей, но скачки съ ихъ азартомъ привлекаютъ его съ неодолимой силой,

и нерѣдко здѣсь застаетъ его судьба въ образѣ жертвы собственныхъ грабежей или выслѣживающихъ полицейскихъ. Сцены, когда два неполадившіе гаучо внезапно выхватываютъ свои дага (кинжалы), обертываютъ вокругъ лѣвой руки пончо и, подобно двумъ пѣтухамъ, вступаютъ въ бой посреди кучки созерцающихъ зрителей, пока мѣткій ударъ и рана не заставятъ одного изъ бойцовъ уклониться отъ дальнѣйшаго боя, довольно обыкновенное событіе. Хотя женщина не участвуетъ въ подобныхъ увеселеніяхъ, но въ Аргентинѣ, Уругваѣ, въ Парагваѣ и Чили, вообще въ странахъ, колонизованныхъ испанцами, а не португальцами, она не занимаетъ ни въ семьѣ, ни въ обществѣ подчиненнаго мѣста, какъ у бразильскихъ португальцевъ. Свойственныя испанскому характеру рыцарскія замашки охраняютъ ея достоинство и предоставляютъ ей какъ въ низшихъ, такъ въ среднихъ и высшихъ кругахъ населенія почетное мѣсто.

Бытъ горожанъ и населенія занятыхъ земледѣльцами областей носитъ еще прежній испанскій характеръ, подвергшійся своеобразнымъ измѣненіямъ во внѣшнемъ характерѣ жилья, въ его внутреннемъ устройствѣ, въ одеждѣ, въ пищѣ и въ бытѣ, вызываемыхъ условіями жизни въ степи или въ тропическомъ лѣсу. Въ городахъ подальше отъ моря еще можно встрѣтить увитые цвѣтами дома съ неизбѣжнымъ дворикомъ или патіо, съ рѣшетчатыми, выступающими глухими балконами, точно въ прежней Андалузіи, но наплывъ новыхъ колонистовъ, нѣмцевъ и итальянцевъ, новыя условія лихорадочно и спекулятивно развивающейся жизни съ каждымъ годомъ выравниваютъ прежнія особенности и нивеллируютъ всѣ стороны жизни, приводя ихъ къ одному характеру, въ который вносятъ своеобразныя черты лишь необходимыя природныя условія. Приливъ новыхъ колонистовъ происходитъ непрерывно. Пришельцы, если это не нѣмцы, разсѣиваются среди мѣстнаго населенія, и такъ какъ они въ массѣ своей явились сюда не въ поискахъ за приключеніями, а въ надеждѣ обрѣсти новое отечество и свить себѣ трудами своихъ рукъ новое, болѣе спокойное гнѣздо, и кромѣ того они являются сюда съ иными, усвоенными въ Старомъ Свѣтѣ трудовыми навыками, приносятъ съ собой техническія знанія и чуждаются мѣстной политики, то обыкновенно занятыя ими пространства представляютъ наиболѣе цвѣтущія мѣста, гдѣ, глядя по условіямъ, развиваются земледѣліе, скотоводство, сады, разработка лѣсныхъ богатствъ или винодѣліе, какъ напр. въ Мендозѣ.

Нѣмецкія колоніи, число которыхъ ростетъ въ Аргентинѣ, въ то время какъ въ Бразилію выселеніе нѣмцевъ почти прекратилось, представляютъ своеобразный контрастъ съ мѣстной жизнью. По свойственной нѣмцамъ стадности они селятся вмѣстѣ, упорно сохраняютъ свои національныя особенности, роднятся преимущественно въ своей средѣ, выписываютъ родственниковъ изъ Германіи и въ торговыхъ и общественныхъ дѣлахъ держатся сплоченно, поддерживая своихъ, вытѣсняя иностранныхъ конкуррентовъ. Благодаря этому, нѣмецкія колоніи, разные Розенгеймы и Маріентали, предстявляютъ настоящіе клочки Германіи, перенесенные подъ жгучее тропическое солнце, но живущіе той же монотонной, аккуратной и педантичной трудовой жизнью, къ какой нѣмцы привыкли у себя на родинѣ. Они здѣсь такъ же неповоротливы въ умственной сферѣ, упорно привержены къ вѣковымъ предразсудкамъ, узко національны и грубо матеріалистичны, но въ тоже время систематическій и усердный трудъ, извѣстная практичность, большія техническія и научныя познанія, а также солидарность во всѣхъ дѣйствіяхъ превращаютъ ихъ въ культурно цѣнную часть населенія, которымъ правительства дорожатъ, хотя и побаиваются, какъ бы съ возростаніемъ числа нѣмецкихъ эмигрантовъ имъ не пришло въ голову приступить къ завоеванію власти и захватить въ свои руки выгоды, которыми въ настоящее время пользуются еще національные элементы. Легче сливаются съ мѣстнымъ населеніемъ и подпадаютъ вліянію тамошнихъ условій итальянцы, которые стоятъ во всѣхъ отношеніяхъ ближе къ испано-американцамъ, чѣмъ нѣмцы, славяне и другіе сѣверяне.

Несмотря на различія, какія возникаютъ среди людей благодаря происхожденію, бо-

гатству и личнымъ качествамъ, населеніе Аргентины, Уругвая и Парагвая въ высшей степени демократично. Въ прежнія времена здѣсь не могли возникнуть сословія по самымъ условіямъ колонизаціи. Сословность развивается на основѣ владѣнія землей, захвата ея немногими и подчиненія съ помощью ея своей власти остального населенія. Земли здѣсь всегда было вдоволь, а бурныя событія революціонныхъ бурь выдвигали на авансцену самые разнообразные элементы, такъ какъ карьера человѣка зависѣла не отъ положенія его въ обществѣ, а отъ личныхъ качествъ. Прежде въ городахъ и помѣстьяхъ дорожили чистотой крови, поддерживали отношенія съ Испаніей, но въ настоящее время съ наплывомъ въ страну пестрой толпы представителей и агентовъ капитала, верхній слой мѣстнаго общества отмежевывается отъ остальныхъ слоевъ, руководствуясь не происхожденіемъ, а богатствомъ и даваемыми имъ преимуществами.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ Чили. Эта страна представляетъ узкую полосу земли между океаномъ и Кордильерами и вся расположена на склонахъ горъ. Единственно удобными, вѣрнѣе, единственно возможными мѣстами для поселенія являются здѣсь небольшія долины и окружающія ихъ пологія высоты, которыя располагаются въ среднемъ Чили по теченію немногихъ короткихъ рѣкъ, вырывающихся изъ горъ. Равнинныхъ пространствъ совсѣмъ нѣтъ, такъ что годныя подъ культуру пространства представляютъ сравнительно небольшіе клочки, на которыхъ при появленіи въ странѣ испанцевъ сидѣли туземные земледѣльцы. Когда испанцы вторглись въ Чили и болѣе или менѣе прочно осѣли въ немъ, они покорили болѣе мирныхъ индѣйцевъ и, разочаровавшись въ надеждѣ открыть золото, занялись сельскимъ хозяйствомъ, возможность къ чему имѣлась на лицо, благодаря тому, что подъ руками имѣлась рабочая сила въ видѣ покоренныхъ туземцевъ и тѣхъ полукровныхъ, которые не замедлили появиться и здѣсь, какъ во всѣхъ странахъ, занятыхъ испанцами или португальцами. Лица, захватившія лучшія земли въ видѣ королевской награды за службу, въ видѣ завоеванія или путемъ покупки, наслѣдованія и т. п. превратились современемъ въ помѣщиковъ, образовавъ аристократическій классъ крупныхъ собственниковъ, въ рукахъ которыхъ вмѣстѣ съ экономической силой естественно сосредоточилась и политическая власть. Когда вначалѣ столѣтія Чили отдѣлилось отъ Испаніи и, подобно другимъ южно-американскимъ странамъ, испытало рядъ внутреннихъ потрясеній, съ какими связанъ переходъ отъ колоніальнаго строя къ самостоятельной жизни, то присутствіе аристократическаго элемента, господствовавшаго надъ остальными массами населенія, привело къ образованію республики, въ которой начала свободы сплетались съ такимъ поземельно-экономическимъ строемъ, который не исключалъ самаго полнаго экономическаго рабства. Власть и вліяніе перешли всецѣло въ руки крупныхъ собственниковъ, такъ что въ ряду другихъ южно-американскихъ республикъ Чили оказалось настоящей Спартой. Конституція была составлена въ интересахъ господствующаго класса, администрація съ президентомъ во главѣ вербовалась изъ ихъ среды, армія не имѣла того значенія, какъ въ другихъ республикахъ, гдѣ она является настоящимъ корпусомъ преторіанцевъ; финансы, благодаря отсутствію авантюръ и рѣдкимъ волненіямъ, находились въ порядкѣ, и правительство не имѣло нужды подчинять свою внѣшнюю и внутреннюю политику велѣніямъ тѣхъ иностранныхъ государствъ, капиталисты которыхъ ссужаютъ деньги легкомысленнымъ и эфемернымъ правительствамъ другихъ республикъ подъ залогъ лучшихъ сокровищъ страны и наиболѣе прибыльныхъ статей ея дохода, какъ напр. въ Перу. Такимъ образомъ Чили до послѣдняго времени, даже еще и теперь представляетъ феодалистическую республику, въ которой феодализмъ началъ развиваться въ такое время, когда въ Европѣ онъ испускалъ послѣднее дыханіе. Прежде, когда здѣсь кипѣла упорная борьба съ арауканцами, жилища испанцевъ представляли настоящіе укрѣпленные замки, возлѣ которыхъ находило защиту окрестное населеніе. Въ настоящее время эти гасіенды сохранили прежній характеръ, такъ какъ прочно выведенныя стѣны

ихъ противостоятъ всеразрушающему времени. Обыкновенно жилище помѣщика, владѣющаго всею окрестной плодородной землей, возвышается на холмѣ. Высокая стѣна окружаетъ его со всѣхъ сторонъ такимъ образомъ, что въ серединѣ загороженнаго пространства остается мѣсто не только для большого двухэтажнаго дома, но стоитъ церковь или домашняя капелла старинной постройки съ какой нибудь изящной колокольней, кончающейся шпицомъ или крестами, многочисленныя, прочно выстроенныя хозяйственныя постройки и помѣщенія для многочисленной челяди, наконецъ, большой тѣнистый паркъ. Гасіенда является центромъ обширнаго хозяйства, въ которомъ земледѣліе связано со скотоводствомъ, но не такимъ, какъ по ту сторону Кордильеръ, а напоминающимъ раціональное веденіе дѣла на какой нибудь большой французской фермѣ.

Населеніе окрестности въ большей или меньшей степени связано съ помѣстьемъ и состоитъ изъ низшаго класса, причисляемаго, несмотря на очень смѣшанную кровь, все-таки къ бѣлымъ. Оно раздѣляется въ свою очередь на двѣ группы—на вполнѣ свободныхъ и служащихъ по найму безземельныхъ работниковъ, конныхъ гуассо, по своему внѣшнему виду, по характеру и нравамъ очень похожихъ на описанныхъ нами гаучо, съ тѣмъ различіемъ, что, какъ вообще въ Чили, въ бытѣ даже простонародныхъ массъ наблюдается больше порядка и чистоты, такъ и во внѣшности и обхожденіи этихъ гуассо замѣтны болѣе культурныя черты, чѣмъ у полудикихъ обитателей пампы. Это обыкновенно высокіе молодцоватые люди съ едва замѣтной примѣсью индѣйской крови, обличающіе своимъ видомъ извѣстное щегольство. Одежда ихъ та же, что у аргентинскихъ гаучо, но болѣе опрятная и яркая — преобладаютъ-зелено-красные цвѣта—широкополыя сомбреро вѣнчаютъ кудрявыя, даже причесанныя головы а оканчивающіеся внизу раструбами панталоны выложены отъ колѣна до пятокъ узорными шнурками или позументами. Громадныя шпоры посеребрены и звонко бренчатъ при каждомъ шагѣ. Гуассо представляютъ разрядъ конныхъ работниковъ при скотѣ, который вполнѣ одомашенъ и потому нуждается въ гораздо болѣе тщательномъ уходѣ, чѣмъ дикій скотъ пампы. Большее количество и лучшее качество труда налагаетъ извѣстную печать культурности на самихъ рабочихъ. Гуассо рѣдко живутъ въ помѣстьяхъ вмѣстѣ съ семьями. Обыкновенно они родомъ изъ далекихъ провинцій, гдѣ живутъ ихъ семьи, и являются въ помѣстья на срокъ своей службы. При существующей системѣ хозяйства безъ услугъ этихъ опытныхъ конныхъ работниковъ совершенно нельзя обойтись. Они не только превосходные пастухи и надзиратели надъ низшими служащими, но и положительно незамѣнимы въ торговлѣ скотомъ, которая составляетъ одну изъ крупныхъ доходныхъ статей землевладѣльцевъ. Ежегодно партіи гуассо отправляются по порученію землевладѣльцевъ съ повѣренными во главѣ за Кордильеры, въ пампу, гдѣ закупаютъ стада полудикаго, тощаго скота. Этотъ скотъ они гонятъ затѣмъ черезъ немногіе и въ высшей степени неудобные перевалы на Чилійскую сторону. Вслѣдствіе ужасной сухости воздуха, разрѣженности его, холода и внезапныхъ вьюгъ перегонъ табуна коней или стада быковъ представляетъ тысячи трудностей. Обыкновенно

Чилійскій гуассо.

въ пути гибнетъ половина и болѣе животныхъ, остальныя являются на мѣсто до крайности истощенными.

Въ теченіе нѣкотораго времени скотъ откармливаютъ на тучныхъ пастбищахъ помѣстья, и когда онъ войдетъ въ тѣло, тѣ же гуассо гонятъ значительно округлившихся и сильно выросшихъ въ цѣнѣ быковъ въ портовый городъ, откуда его везутъ въ другія страны тихоокеанскаго побережья. Благодаря описаннымъ условіямъ работы гуассо пользуются независимостью, и трудъ ихъ сравнительно хорошо оплаченъ.

Въ гораздо худшемъ положеніи находится главная масса чилійскаго земледѣльческаго населенія, такъ называемые инквилины, представляющіе, несмотря на гарантированную всѣмъ гражданамъ Чили республиканской конституціей свободу и равенство, нѣчто вродѣ крѣпостныхъ. Инквилинъ не получаетъ никакой платы. Помѣщикъ даетъ ему клочекъ земли, меньшихъ размѣровъ тамъ, гдѣ почва плодороднѣе, и побольше, гдѣ качество ея хуже, но во всякомъ случаѣ отнюдь не въ такомъ размѣрѣ, чтобы инквилинъ могъ просуществовать съ семьей продуктами своего участка. Обыкновенно надѣлы эти не превосходятъ половины акра. За пользованіе землей и хижиной, которая тоже дается помѣщикомъ, инквилинъ обязуется работать на помѣщичьей землѣ половину недѣли, т. е. три дня, которыми хозяинъ располагаетъ по своему выбору. Еслибы отведенной инквилину земли хватало для прожитія, то положеніе его могло бы быть еще сноснымъ. Но дѣло въ томъ, что клочекъ его требуетъ не болѣе одного дня въ недѣлю для обработки и даетъ такое ничтожное количество продуктовъ, что инквилинъ никакъ не можетъ прокормиться имъ вмѣстѣ съ семьей. Такъ какъ у него остается еще свободное рабочее время, то онъ могъ бы воспользоваться имъ для заработка на сторонѣ, но дѣло въ томъ, что заработка этого нѣтъ, такъ какъ кругомъ все такіе же инквилины. Въ результатѣ инквилинъ принужденъ предлагать свой остаточный трудъ тому же помѣщику въ обмѣнъ на необходимые предметы, которые инквилинъ всегда можетъ получить въ долгъ и по дорогой цѣнѣ въ лавочкѣ, принадлежащей тому же помѣщику, какъ можетъ онъ съ горя напиться въ помѣщичьемъ кабакѣ. Такъ какъ инквилинъ „свободный гражданинъ“, то онъ конечно обладаетъ правомъ свободнаго ухода и выбора занятій. Еслибы онъ жилъ въ Парагваѣ или въ Аргентинѣ, то онъ бы такъ и поступилъ, приложивъ свой трудъ къ свободной, никому не принадлежащей почвѣ. Но количество годной подъ культуру земли въ Чили ограничено, вся она давно расхватана и находится во владѣніи крупныхъ владѣльцевъ. Такимъ образомъ инквилинъ воленъ лишь перемѣнить одно иго на другое, да и то не всегда, такъ какъ покинуть помѣщика и перейти къ сосѣду онъ „по закону“ имѣетъ право лишь въ томъ случаѣ, если ничего не долженъ ему; а этого какъ разъ никогда не бываетъ. Такъ какъ инквилинъ хлѣборобъ, то никакой другой работы, вродѣ ремесла, онъ не знаетъ и не можетъ переселиться въ городъ, гдѣ впрочемъ и безъ него много народа. Въ результатѣ инквилинъ вырабатываетъ средства для удовлетворенія своихъ потребностей у своего же хозяина, который выдаетъ ему изъ своей лавки все необходимое. Если инквилиновъ болѣе чѣмъ достаточно для обработки помѣщичьей земли, то излишнихъ работниковъ за накопленные ими долги хозяинъ употребляетъ въ качествѣ слугъ при домѣ или посылаетъ ихъ отбывать нужныя ему работы на сторонѣ, даже отдаетъ ихъ въ наемъ другимъ помѣщикамъ или нуждающимся въ слугахъ горожанамъ. Такъ какъ помѣщики составляютъ экономически сплоченный классъ и зорко слѣдятъ за охраной своихъ интересовъ, то инквилинъ мало того, что стѣсненъ въ пользованіи землей, нравственно живетъ какъ бы въ тюрьмѣ. Тотъ изъ нихъ, который обнаружилъ строптивость или инымъ путемъ вышелъ изъ границъ дозволеннаго, покинувъ хозяина, напрасно будетъ искать новаго пристанища; объ его поведеніи справляются у прежняго владѣльца, который конечно принимаетъ съ своей стороны мѣры, чтобы недовольный рабъ его потерпѣлъ въ видѣ урока суровое наказаніе. Такимъ образомъ существовавшій съ давняго

времени гнетъ владѣльческой касты превратилъ этихъ земледѣльческихъ батраковъ въ настоящихъ рабовъ, въ илотовъ, которыхъ чилійскіе спартіаты намѣренно держатъ въ невѣжествѣ, не принимая никакихъ мѣръ противъ распространеннаго въ ихъ средѣ пьянства, грязи, физическаго, духовнаго убожества и всѣхъ вообще золъ, какія всегда являются спутниками рабства. Низкій уровень потребностей примиряетъ инквлиновъ съ ихъ участью. Такъ какъ они живутъ разобщенно, такъ какъ далѣе во всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ въ Ю. Америки главную роль играютъ горожане, въ Чили же благодаря рѣзко выраженному господству крупныхъ собственниковъ революціонныя движенія не носили того необузданнаго характера частыхъ пронунціаменто, какъ гдѣ нибудь въ Парагваѣ, то низшій земледѣльческій классъ не принималъ въ нихъ участія и ничего не выигралъ отъ политическихъ перемѣнъ, не коснувшихся его положенія. Какія бы перемѣны не происходили въ городахъ, инквилины или ротосъ продолжали пахать помѣщичью землю, пасти его скотъ, обитая съ оборванной семьей въ маленькой хижинѣ, на порогѣ которой послѣ дневныхъ трудовъ они вкушаютъ свой ужинъ изъ казуеллы, т. е. похлебки, вареной тыквы и кукурузы, да сочныхъ красныхъ арбузовъ.

Слѣдующую группу населенія составляютъ горожане. Чилійскіе города долгое время представляли небольшія, скромноживущія поселенія, въ которыхъ въ архитектурѣ домовъ, особенно соборовъ и казенныхъ зданій, въ нравахъ и бытѣ обитателей, оставляя въ сторонѣ неизбѣжный мѣстный колоритъ, долгое время сохранялся чисто испанскій характеръ. Это было время, когда Чили жило само для себя, не имѣло надобности вмѣшиваться въ южно-американскія распри и не знало вторженія крупнаго капитала. Торговля съ иностранными государствами имѣла скромные размѣры удовлетворенія нуждъ немногочисленнаго мѣстнаго населенія, мѣстные продукты почти не вывозились, помѣщики жили по своимъ замкамъ, съѣзжаясь въ города лишь для важныхъ хозяйственныхъ или политическихъ дѣлъ. Но въ серединѣ XIX ст. положеніе дѣлъ начало мѣняться. Открытое въ Калифорніи золото привлекло туда массу народа, которому потребовались скотъ, мясо, овощи, что за отсутствіемъ тогда мѣстнаго земледѣлія надо было привозить со стороны. Дешевле всего оказалось везти эти продукты изъ Чили, въ которомъ землевладѣльцы стали получать большіе доходы сперва за хлѣбъ, а потомъ за скотъ. Затѣмъ въ сѣверномъ Чили, въ ужасной по обнаженности, по сухости и жарѣ пустынѣ Атакамѣ были открыты богатѣйшія залежи натровой селитры, требующейся для изготовленія разныхъ взрывчатыхъ веществъ, спросъ на которыя благодаря росту милитаризма и развитію подрывныхъ работъ въ горномъ дѣлѣ увеличивался все болѣе и болѣе. Изъ-за этихъ сокровищъ Чили должно было вступить въ войну съ Перу, которая окончилась блестящей побѣдой Чили, благодаря чему богатѣйшая площадь пустыни осталась въ ея впадѣніи. Разработка залежей селитры невѣроятно разрослась въ короткое время, привлекши для этого иностранные капиталы и толпы иностранныхъ работниковъ. Такимъ образомъ въ Чили появились деньги, появились крупныя предпріятія; города ея начали быстро расти и богатѣть, такъ что столица Сантъ-Яго, насчитывавшая въ серединѣ XIX ст. не болѣе 60.000 жителей, имѣетъ ихъ теперь 300.000 и вмѣстѣ съ другими городами мѣняетъ свою внѣшность и свои нравы на общеамериканскіе. Дома испанской архитектуры, съ балкончиками, башнями и патіо уступаютъ мѣсто громаднымъ зданіямъ международнаго стиля, костюмы обитателей, особенно дамъ, носившихъ неизбѣжныя мантильи, теряютъ національный характеръ, и нравы, благодаря вторженію богатыхъ иностранцевъ, испытываютъ перемѣны,—вслѣдствіе чего видъ города и жизнь городского населенія постепенно теряетъ свои специфическія особенности.

Богатые коммерсанты и предприниматели играютъ наряду съ крупными землевладѣльцами первую роль. Семьи ихъ сплошь и рядомъ проживаютъ заграницей, появляясь на короткое время изъ Парижа или Ниццы, чтобы отдохнуть отъ смѣны увеселеній въ

родовыхъ помѣстьяхъ. Вмѣстѣ съ ними заносятся иноземные нравы, взгляды, манеры, которые неизбѣжно проникаютъ и въ другіе слои населенія. Капиталъ, вторгнувшійся въ Чили, какъ онъ вторгся въ другія южно-американскія республики, и здѣсь нивеллировалъ жизнь на свой образецъ и согласно своимъ потребностямъ.

Отличіе Чили отъ другихъ южно-американскихъ республикъ заключается однако въ томъ, что благодаря земледѣльческому строю и господству крупныхъ землевладѣльцевъ государство испытывало меньше потрясеній, не запутало своихъ финансовъ и не имѣло надобности прибѣгать къ займамъ, отдавая подъ залогъ ихъ государственные доходы и подчиняя политическую власть иностранному капиталу. Поэтому хозяйство Чили не разстроено, и при разныхъ осложненіяхъ съ сосѣдями оно, несмотря на малочисленность населенія, играетъ выдающуюся роль. Такъ при недавнемъ спорѣ съ Аргентиной по поводу восточной границы чилійцы добились того, что весь Магелланов проливъ достался имъ. Въ отношеніи привлеченія иностранныхъ колонистовъ чилійцы тоже очень сдержаны Вслѣдствіе того, что свободныхъ земель въ Чили мало, къ тому же преимущественно онѣ расположены на югѣ, гдѣ сосѣдство свирѣпыхъ арауканцевъ долго отпугивало поселенцевъ, то и имиграція въ Чили не могла быть значительна. Тѣмъ не менѣе въ недавнее время правительство привлекало колонистовъ, населяя ими пространства въ провинціи Вальдивія. Тамъ живетъ теперь около 5000 нѣмцевъ. Но господствующія въ странѣ между высшимъ и низшимъ классомъ отношенія заставляютъ правительство Чили смотрѣть на колонистовъ довольно косо. Являясь выразителемъ интересовъ высшихъ классовъ, правительство опасается, какъ бы увеличеніе числа новыхъ гражданъ, особенно нѣмцевъ, сплоченныхъ своей національной идеей, не внесло коренныхъ перемѣнъ въ жизнь страны и не перевернуло бы всѣ отношенія. Поэтому колонистовъ селятъ на южной окраинѣ средняго Чили въ сосѣдствѣ и на земляхъ, принадлежавшихъ арауканцамъ.

Сѣверное Чили, знаменитая пустыня Атакама населена крайне рѣдко. Обитатели скучиваются здѣсь въ мѣстахъ разработки залежей селитры, рудъ и у моря, въ гаваняхъ, служащихъ для вывоза этихъ ископаемыхъ.

На окраинахъ Атакамы дождь идетъ разъ или два въ году, въ центрѣ же—едва нѣсколько разъ въ теченіе столѣтія. Растительность здѣсь, конечно, весьма рѣдкая, но зато и чрезвычайно своеобразная. Встрѣчаются гигантскіе кактусы, масса низкихъ колючихъ кустарниковъ причудливой формы. Въ прежнія времена дожди несомнѣнно выпадали чаще, потому что глубокіе овраги, прорѣзывающіе мѣстность, могли образоваться только отъ дѣйствія воды. Кромѣ того атмосферическіе осадки разрушили вершины горъ, и продуктами этого разрушенія покрыты всѣ склоны, что придаетъ имъ видъ развалинъ. Вообще эта мѣстность представляетъ много сходства съ Тибетомъ и Памиромъ. Присутствіе на побережьи нѣсколькихъ высокихъ вершинъ вызываетъ дождь чаще, но внѣ этой области огромныя пространства абсолютно сухи, и на нихъ лишь изрѣдка встрѣчаются небольшіе оазисы, родники которыхъ берутъ начало изъ ледниковъ и снѣговъ, покрывающихъ склоны большихъ вулкановъ, каковы, напр., Санъ-Джозе. Эта громадная пустыня заключаетъ въ себѣ безчисленныя минеральныя богатства. Ея почва, совершенно безплодная въ отношеніи растеній, изобилуетъ золотомъ, серебромъ, мѣдью, свинцомъ, желѣзомъ, марганцемъ, бурой и т. д. Главными предметами добычи являются мѣдь и серебро. На югѣ Атакамы и на западъ отъ Кокимбо находятся богатѣйшіе въ мірѣ мѣдные рудники Тамайя. Кокимбо соединенъ желѣзной дорогой съ Оваломъ, который расположенъ въ разстояніи пяти часовъ пути отъ рудниковъ.

Рудники эти принадлежатъ многимъ владѣльцамъ; всѣ они работаютъ на свой рискъ и страхъ и ни о какихъ усовершенствованіяхъ не заботятся. Изъ шахты въ 250 метровъ глубины руду выносятъ на спинѣ люди; при этомъ имъ приходится подниматься по висячимъ лѣстницамъ или по скользкимъ ступенямъ, вырубленнымъ въ скалѣ.

Таковы же были условія работы на знаменитыхъ серебрянныхъ рудникахъ Чаньярцильо, которые долго считались богатѣйшими въ мірѣ. Говорятъ, что въ общемъ они дали свыше 700 милліоновъ. Теперь же они заброшены. Недалеко отъ нихъ, въ окрестностяхъ Кандоріако находятся обширныя рудныя мѣсторожденія, условія разработки которыхъ чрезвычайно благопріятны. Кондоріако—небольшой городокъ, жалкіе домишки котораго населены рабочими. Послѣдніе не предъявляютъ еще никакихъ требованій, не успѣли еще провозгласить права стачекъ, и отношенія между ними и предпринимателями сохранились патріархальныя.

Знаменитыя залежи чилійской селитры, которыя представляютъ одно изъ главныхъ богатствъ Чили, расположены въ провинціи Тарапака позади порта Икике среди ужасной, совершенно безплодной пустыни. Присутствіе этого минерала вызвало кипучую дѣятельность, согнало сюда толпы народа и возвело заводы въ мѣстности, изъ которой бѣжало прежде все живое. „Представьте себѣ городъ, пишетъ путешественница Райтъ, [1]) съ 15.000 жителей, который не имѣетъ иной пищи, топлива и воды, кромѣ привозныхъ. Всѣ необходимые средства, не говоря о предметахъ роскоши и комфорта, граждане Икике должны получить со стороны, такъ какъ голые холмы и равнины, окружающіе городъ не даютъ ничего. Разсказываютъ, что жители Икике пьютъ шампанское, такъ какъ вода для нихъ слишкомъ раззорительное питье. Дождь здѣсь идетъ такъ рѣдко, что выпаденіе его представляетъ всегда несчастье, ибо приходится отрываться отъ обычной работы и чинить сотни протекающихъ крышъ". Можетъ быть, здѣсь пили шампанское взамѣнъ воды въ первое время, когда авантюристы открыли залежи, и ничего не было еще устроено для правильнаго снабженія рудниковъ припасами. Но времена, когда нѣсколько смѣлыхъ изыскателей нажили здѣсь свои милліоны, уже отошли въ прошлое. Крупные капиталисты и компаніи успѣли овладѣть и обезпечить за собой всѣ выработки. Они понастроили заводы по послѣднимъ правиламъ науки, создали портъ и превратили пустое побережье въ мѣсто, „гдѣ жизнь очень пріятна", какъ пишетъ та же путешественница. „Парадный обѣдъ въ этомъ городѣ пустынь мало отличается отъ лондонскаго, хотя меню его находится въ зависимости отъ несовсѣмъ точно выполняемаго росписанія пароходныхъ рейсовъ. Здѣшняя говорящая по англійски колонія столь значительна, что на англійскомъ языкѣ говорятъ не меньше, чѣмъ на испанскомъ, и чилійцы говорятъ на немъ такъ же бѣгло, какъ на родномъ". Чтобы добраться до залежей селитры, надо подняться въ желѣзнодорожномъ вагонѣ по склонамъ горъ до лежащей на высотѣ 1000 м. равнины, называемой пампа Тамаругалъ, видъ которой ничѣмъ не отличается отъ безплодныхъ глинистыхъ равнинъ самыхъ ужасныхъ пустынь. Залежи селитры залегаютъ лишь въ западной окраинѣ пампы Тамаругалъ, въ полосѣ, шириной въ двѣ мили, простирающейся на сѣверъ и на югъ отъ 19° до 25° ю. ш. и медленно поднимающейся къ востоку. Самыя богатыя залежи открыты въ провинціяхъ Тарапака и Антофагаста. Общая площадь ихъ занимаетъ около 1/4 милліона акровъ и заключаетъ, какъ увѣряютъ, болѣе 200 милліоновъ тоннъ селитры. По мнѣнію ученыхъ селитра образуется здѣсь естественнымъ путемъ благодаря особенностямъ климата. Въ разрѣженномъ, притомъ въ чрезвычайно сухомъ воздухѣ западныхъ склоновъ Андъ электрическія явленія очень сильны и часты. Молніи и тихіе разряды атмосфернаго электричества вызываютъ образованіе изъ азота и кислорода воздуха окисловъ азота, которые, поглощаясь почвой, богатой известью, превращаются сперва въ азотно-известковыя соли, а затѣмъ, благодаря обильному присутствію въ здѣшней почвѣ сѣрокислаго натрія, даютъ натровую селитру и гипсъ. Такъ какъ для всѣхъ этихъ процессовъ необходима влажность воздуха, которая, хотя и въ маломъ количествѣ приносится съ Тихаго океана, то этимъ объясняется, почему залежи селитры образуются на западномъ краю пампы Тама-

[1]) Marie Robinson Wright, The republic of Chile, стр. 269.

ругалъ. Селитра залегаетъ на нѣкоторой глубинѣ. Для добычи ея закладываютъ буровыя скважины и взрываютъ породу, чтобы затѣмъ выбрать изъ массы обломковъ куски селитры. Груды соли свозятся въ о ф и ц и н а с ъ, т. е. заводы разныхъ компаній, расположенныхъ вдоль выстроенной для ихъ потребностей желѣзной дороги, гдѣ подъ надзоромъ химиковъ селитру растворяютъ, чтобы затѣмъ добыть изъ раствора болѣе чистый продуктъ. Видъ этихъ заводовъ среди пустынной мѣстности представляетъ въ высшей степени оригинальное явленіе. Эксплоатація заводовъ находится въ рукахъ крупныхъ компаній, во главѣ которыхъ въ качествѣ руководителей и главныхъ служащихъ стоятъ англичане, и обстоятельство это бросается сейчасъ же въ глаза въ видѣ солидныхъ построекъ для служащихъ, площадокъ для лаунъ-тенниса и всѣхъ тѣхъ приспособленій, которыя англичане заводятъ всюду, чтобы превратить свое временное жилище въ клочекъ Англіи. Туземный элементъ замѣчается лишь среди рабочихъ, большая часть которыхъ чилійцы, но и они, подчиненные иноземному режиму, утеряли тотъ характеръ, какой населеніе имѣло въ то время, когда эксплоатація рудъ и солей находилась въ рукахъ безпорядочной толпы искателей приключеній и разныхъ темныхъ личностей.

Тропическая область Ю. Америки.

Громадное пространство тропической области Ю. Америки охватываетъ различныя по своимъ свойствамъ страны. Сюда входитъ почти вся Бразилія, кромѣ трехъ южныхъ штатовъ ея, представляющихъ переходную область, затѣмъ значительная часть Парагвая, Гвіана, Венецуэла и затѣмъ значительныя части странъ, расположенныхъ въ Андахъ: Перу, Боливія, Экуадоръ и Колумбіи. Въ климатическомъ отношеніи всѣ эти пространства представляютъ, оставляя въ сторонѣ различія въ растительности и животномъ мирѣ, то общее, что климатъ вездѣ тропическій, между тѣмъ какъ на плоскогорьяхъ Андъ и въ береговой тихоокеанской полосѣ, несмотря на близость къ экватору, особенности жаркаго климата претерпѣваютъ измѣненія благодаря высотѣ надъ уровнемъ моря и сухости тамошняго воздуха.

Какъ бы не различались страны восточной тропической части Ю. Америки въ отношеніи рельефа, который представляетъ въ сѣверной части значительныя поднятія въ видѣ горъ Венецуэлы, въ серединѣ развертывается громадной низменностью Амазонки, сливающейся съ низменностью Ла-Платы-Параны, а на юго-востокѣ опять образуетъ высокую волнистую область Бразиліи, тѣмъ не менѣе отсутствіе естественныхъ преградъ въ видѣ напримѣръ высокой стѣны Андъ, отрѣзающей побережье Тихаго океана отъ описываемой части, приводитъ къ тому, что сѣти громадныхъ, орошающихъ страну рѣкъ сплетаются своими притоками и облегчаютъ передвиженія по всѣмъ направленіямъ. Раньше при разсмотрѣніи физико-географическаго строенія Ю. Америки мы уже обратили вниманіе на это обстоятельство, которое оказало колоссальное вліяніе на судьбу населяющихъ эти страны туземныхъ племенъ. Громадное, изрѣзанное рѣками пространство, покрытое непроходимыми лѣсами, неизбѣжно вызывало безконечное скитаніе туземныхъ племенъ, перемѣшивало ихъ и накладывало такимъ образомъ печать извѣстнаго единства на физическій типъ, на бытъ и характеръ ихъ.

Несомнѣнно это обстоятельство вліяетъ, кромѣ туземцевъ, также и на бѣлыхъ, какъ не малочисленны они еще въ странѣ. Поселенія возникаютъ по всей Амазоніи непремѣнно при рѣкахъ, сообщенія возможны пока также главнымъ образомъ по нимъ, и уже теперь, когда число жителей крайне невелико, всетаки замѣтно, какъ благодаря объединяющему вліянію ничѣмъ не раздѣленнаго пространства, постепенно изъ разно-

образнѣйшихъ элементовъ—бѣлыхъ, краснокожихъ и негровъ формируется какое то смѣшанное населеніе, которое въ будущемъ составитъ націю этой области. Въ этомъ отношеніи тропическая часть Ю. Америки напоминаетъ въ нѣсколько большемъ масштабѣ наше отечество, равнинный характеръ котораго и множество большихъ рѣкъ способствовали сліянію различныхъ народностей, населявшихъ нѣкогда Россію — финскихъ, тюркскихъ и славянскихъ, въ одну націю, которая уже давно пріобрѣла извѣстное единство.

Въ виду этого мы должны разсмотрѣть въ этомъ сочиненіи, посвященномъ главнымъ образомъ населенію разныхъ странъ, всю центральную и восточную область тропической Ю. Америки какъ одно цѣлое, не обращая вниманія на политическія границы, которыя въ добавокъ на значительномъ протяженіи своемъ не играютъ пока особенной роли и и существуютъ не столько на самомъ дѣлѣ, сколько на географическихъ картахъ.

Бразилія.

Соединенные Бразильскіе штаты занимаютъ пространство почти въ 8.400.000 кв. к. [1]), что составляетъ немногимъ меньше пространства Европы. Изъ этого громаднаго пространства наибольшая часть (около 3 мил. кв. кл.) приходятся на долю двухъ сѣверныхъ штатовъ, Амазоніи и Пара, занимающихъ лѣсистую низменность Амазонки. Подъ именемъ Солимоеса рѣка эта течетъ до сліянія съ Рio-Негро, принимая справа и слѣва множество притоковъ, по низменности, усѣянной справа и слѣва отъ теченія рѣкъ озерами, болотами и протоками. Какъ сама Амазонка, такъ и ея притоки непрерывно мѣняютъ расположеніе теченія, подтапливая въ дождливое время окрестности, повышая свой уровень на многочисленныхъ порогахъ, называемыхъ кашоейрасъ, на большую высоту, и вызывая частые разливы притоковъ отъ того, что уровень въ главной рѣкѣ становится часто выше, чѣмъ въ притокѣ, такъ что теченіе въ немъ или останавливается или устремляется обратно. Правые притоки Амазонки длиннѣе и многоводнѣе лѣвыхъ. По Мадейрѣ, имѣющей около 5000 к. длины, судоходство возможно почти до 9^0 ю. ш. Вообще же длина всего судоходнаго пути, доступнаго для пароходовъ, превосходитъ 10.000 к.

На всемъ пространствѣ рѣшительно господствуетъ лѣсъ, который былъ главной причиной того, что вся низменность имѣла до сихъ поръ очень рѣдкое населеніе. Амазонка служила хорошей дорогой для передвиженій въ обѣ стороны очень давно. Въ наше время значеніе ея ростетъ съ каждымъ десятилѣтіемъ, такъ какъ хищническая добыча каучука и другихъ продуктовъ тропическаго лѣса привлекаетъ сюда новыя и новыя толпы народа. За исключеніемъ большого и торговаго города Пара близь устьевъ, на Амазонкѣ мало городовъ и поселеній (Обидосъ, Сантаремъ, Манаосъ), такъ какъ вся область въ общемъ еще мало пригодна для сельскаго хозяйства; занятія, связанныя съ передвиженіемъ, доставляютъ пока лучшій доходъ.

Къ югу отъ лѣсистой низменности вмѣстѣ съ подъемомъ почвы мѣняется характеръ мѣстности. Сельвасъ простираются сюда еще на нѣкоторое разстояніе по теченіямъ рѣкъ, но на волнистой поверхности невысокаго плоскогорія влажный лѣсъ уступаетъ мѣсто рѣдкимъ каатинговымъ лѣсамъ, въ которыхъ еще господствуютъ пальмы, но въ сухое время влаги уже настолько мало, что деревья лишаются листвы. Съ каатинговыми лѣсами перемежаются кампосъ, т. е. степи, выгарающія въ жаркое и сухое время до того, что мѣстность пріобрѣтаетъ буро-красный тонъ. Мѣстами развертываются безплодныя сертанъ, представляющія чахлые пустыри. Здѣсь лежатъ болѣе населенные, чѣмъ Амазонія и Пара, штаты Мато-Гроссо и Гояцъ, которыя пріобрѣтутъ значеніе лишь съ проведеніемъ желѣз-

[1]) 8. 361. 350. кв. к.

ныхъ дорогъ и улучшеніемъ судоходства по рѣкамъ, стекающимъ въ одну сторону къ Амазонкѣ (Токантинсъ), въ другую—къ Ла-Платѣ.

Къ востоку отъ нихъ лежатъ береговые штаты, природа которыхъ носитъ сходный характеръ. Но близость къ морю, особенно благодаря рѣкѣ Санъ-Франциско, облегчаетъ доставку необходимыхъ предметовъ, допускаетъ вывозъ мѣстныхъ продуктовъ, и потому населеніе здѣсь многочисленнѣе, а хозяйство въ лучшемъ положеніи. По берегамъ океана стоятъ довольно большіе города (Мараньонъ, Цеара, Парахиба, Пернамбуко, Бахіа), торговая дѣятельность которыхъ становится съ каждымъ годомъ оживленнѣе.

Южнѣе, вдоль берега моря, протягиваются параллельные уступы средневысотныхъ горъ, склоны которыхъ вмѣстѣ съ расположенными у подножія ихъ равнинами получаютъ обильные осадки, приносимые юго-восточнымъ пассатомъ, и одѣты густыми лѣсами. За водораздѣльнымъ кряжемъ лежатъ болѣе сухіе кампосъ. Здѣсь располагаются штаты, составляющіе въ сущности ядро государства, какъ по многолюдности жителей, такъ и по количеству и характеру производимыхъ страной продуктовъ. Санъ-Пауло, Минасъ Жераесъ и Ріо настоящіе кофейные штаты.

Полоса принадлежащей Бразиліи земли, протягивающейся далѣе на югъ (штаты Парана, Санта-Катарина и Ріо Грандо до Сулъ) тяготѣетъ къ Ла-Платѣ и въ отношеніи климата и растительности представляетъ больше сходства съ Уругваемъ, чѣмъ съ остальнымъ пространствомъ Бразиліи. Вольный вѣтеръ пампы уже обвѣваетъ ихъ равнины.

На всемъ пространствѣ штатовъ живетъ въ настоящее время, вѣроятно, не менѣе 17 мил. жителей, цифра сама по себѣ довольно значительная, но которая въ соотношеніи съ площадью даетъ въ качествѣ средней плотности не болѣе 2 ч. на квадратный километръ. Въ самыхъ населенныхъ штатахъ плотность не достигаетъ 10 ч. на кв. к., иными словами, не превосходитъ среднюю плотность населенія Финляндіи. Изъ этихъ 17 милліоновъ около 600.000 ч. по приблизительному подсчету составляютъ туземцы, остальную массу образуютъ въ высшей степени пестрые элементы, среди которыхъ руководящая роль принадлежитъ бѣлымъ или тѣмъ, кто причисляется къ нимъ.

Туземцы.

Распредѣленіе племенъ.—Тапуя-гезъ.—Тупи или гуарани.—Ну-аруакъ.—Караибы и другія племена.

Безпредѣльное море лѣса, смѣняющееся по краямъ саваннами и степями, безчисленное количество рѣкъ и рѣчекъ, озера, лагуны, болота и затопляемые лѣса—вотъ громадная арена, на которой въ теченіе тысячелѣтій обитали туземцы тропической Ю. Америки. Множество разнообразнѣйшихъ растеній доставляетъ постоянные запасы пищи для высшихъ животныхъ въ видѣ плодовъ и сочныхъ листьевъ, воды кишатъ рыбой и водяными животными; по всѣмъ направленіямъ открываются, то широкія, то съуживающіяся подъ тѣнью нависшихъ вѣтвей водныя дороги. Естественно, что въ этихъ условіяхъ человѣкъ долгое время могъ оставаться на низшей ступени культуры. Пища давалась сравнительно легко, добываніе ея требовало передвиженія, блужданій небольшими кучками, которыя легко терялись и разбредались въ глубинахъ лѣса, чтобы никогда больше не встрѣтиться. Почти всѣ необходимыя потребности удовлетворялись собственными средствами и не вызывали оживленнаго обмѣна, сближающаго людей и способствующаго развитію болѣе высокихъ формъ общежитія. Поэтому на всемъ разсматриваемомъ пространствѣ никогда не существовало ничего подобнаго какому либо государству, не возникло даже ни одного крупнаго долговѣчнаго поселенія, пока въ Америку не проникли европейцы. Тѣмъ не менѣе не только физическій типъ, но языки и бытъ мѣстныхъ туземцевъ представляютъ извѣстныя разнообразія, несмотря на то, что условія жизни постоянно сглаживаютъ раз-

личія и способствуютъ смѣшенію людей. Здѣсь нѣтъ или мало большихъ племенъ, которыя заселяли бы обширную территорію сплошь, сознавали бы свое единство и имѣли бы какой нибудь центръ, къ которому тяготѣли. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ племена сиильно расщеплены, раскиданы по рѣкамъ и лѣсамъ и живутъ чересполосно съ разными другими большею частью въ мирныхъ отношеніяхъ, рѣже во враждебныхъ. По имѣющимся данымъ, главнымъ образомъ на основаніи сходства въ нарѣчіяхъ, которымъ здѣсь нѣтъ числа, потому что раздробленное и уединенное обитаніе способствуетъ ихъ образованію, ученые различаютъ пока четыре крупныхъ группы: 1) ну-аруаки или ароваки, 2) тупи или тупинамба, они же гуарани, 3) караибы 4) гезъ или тапуя. За исключеніемъ многихъ болѣе или менѣе изученныхъ племенъ остается еще много другихъ, которыхъ не знаютъ куда отнести, потому что о нихъ ничего почти неизвѣстно. Изъ этихъ четырехъ группъ нѣтъ ни одной, которая обитала бы въ одномъ мѣстѣ; всѣ онѣ раздроблены и раскиданы по разнымъ угламъ, гдѣ отдѣльныя кучки нерѣдко усвоили отъ сосѣдей ихъ бытъ, потеряли собственную физіономію, такъ что о принадлежности ихъ къ той или другой группѣ часто можно судить лишь по сходству нарѣчій или по нѣкоторымъ другимъ уцѣлѣвшимъ слабымъ признакамъ. Однако было время, когда родоначальники этихъ группъ, до расхожденія и „смѣшенія языковъ“, обитали въ изолированныхъ областяхъ, гдѣ самостоятельно или подъ вліяніемъ сосѣдей складывался ихъ особый бытъ, остатки котораго нерѣдко сохраняются среди всѣхъ превратностей дальнѣйшихъ судебъ. Благодаря этому во многихъ случаяхъ, несмотря на отсутствіе исторіи и преданій, удается установить кое какіе черты изъ прошлаго этихъ племенъ. Такъ ну-аруаки вездѣ, гдѣ бы они не обитали, являются первобытными земледѣльцами. Въ прежнія времена они жили значительно сѣвернѣе, именно по берегамъ Караибскаго моря и по верхнимъ лѣвымъ притокамъ Амазонки т. е. въ сосѣдствѣ наиболѣе культурныхъ американскихъ народностей, сношенія съ которыми повліяли на нихъ. Затѣмъ въ область этихъ земледѣльцевъ, какъ бы первобытно ни было ихъ хозяйство, въ среду племенъ, у которыхъ благодаря роду подобныхъ занятій создается болѣе мирный характеръ, вторглись какіе то болѣе дикіе и воинственные сосѣди, которые согнали многихъ изъ нихъ съ прежняго мѣстообитанія и заставили искать спасенія и новой родины на верховьяхъ правыхъ притоковъ Амазонки, гдѣ кучки аруаковъ встрѣчаются теперь среди другихъ племенъ. Къ подобнымъ же земледѣльцамъ принадлежали первоначально караибы. Они жили въ центральной Бразиліи, гдѣ и сейчасъ обитаютъ остатки ихъ (бакаири); отсюда племена ихъ стали передвигаться на сѣверъ, что не обходилось безъ кровавыхъ столкновеній съ встрѣчными племенами, такъ что къ моменту появленія европейцевъ главная масса караибовъ оказалась въ Венецуэлѣ и Гвіанѣ, дѣлая попытки распространиться на Антильскіе острова. Здѣсь, на Малыхъ Антильскихъ островахъ европейцы и столкнулись съ этими воинственными туземцами.

Тупи, которые вначалѣ сидѣли по восточной окраинѣ Бразиліи и занимались отчасти земледѣліемъ, превратились впослѣдствіи въ свирѣпыхъ рѣчныхъ номадовъ, флотиліи которыхъ заходили все дальше вверхъ по рѣкамъ, оттѣсняя и расщепляя жившихъ тамъ туземцевъ.

Наконецъ племена тапуя-гезъ испытали, повидимому, наименьшее число превратностей. Это первобытные дикари-охотники, которые скитаются до сихъ поръ по пустыннымъ лѣсамъ нагорной юго-восточной Бразиліи въ верховьяхъ Параны, Уругвая и Ріо Франциско.

Принадлежность племени къ той или иной группѣ не всегда опредѣляетъ его бытъ. При разсѣянности племенъ постоянно случается, что, попавъ въ новую среду, племя или кучка усваиваетъ бытъ и нравы сосѣдей, съ которыми ему волей неволей приходится вступать въ сношенія. Въ мѣстностяхъ, заселенныхъ бѣлыми, туземцы или вовсе исчезли, или слились съ ними, или продолжаютъ существовать въ видѣ „мирныхъ индѣйцевъ“

(indios mansos), которые въ своемъ бытѣ мало отличаются отъ живущихъ смежно съ ними бѣлыхъ. Среди этихъ туземцевъ съ успѣхомъ дѣйствовали миссіонеры. Въ этомъ отношеніи особенно прославились въ прошлыя времена іезуиты, которые получили отъ испанскаго правительства привиллегіи на большіе участки земли, на которыхъ подъ ихъ неусыпнымъ руководствомъ возникли коммунистическія общины изъ болѣе чѣмъ прирученныхъ ими туземцевъ. Впослѣдствіи, при разныхъ внутреннихъ волненіяхъ, къ которымъ іезуиты и всецѣло преданные имъ индѣйцы не могли остаться безучастными, ихъ „государство“ вызвало столько непріязни къ себѣ, что сами іезуиты были изгнаны, а „коммуны“ преданы огню и мечу, такъ что еще сейчасъ на среднемъ теченіи Параны можно встрѣтить среди лѣсовъ густо обросшія цѣпкими растеніями развалины церквей и другихъ зданій, оставшихся отъ той эпохи. Туземцевъ, живущихъ въ лѣсныхъ дебряхъ вдали отъ поселеній бѣлыхъ, можно раздѣлить на такихъ, которые находятся въ сношеніяхъ съ бѣлыми и потому пользуются металлическими и другими издѣліями, какія къ нимъ завозятъ странствующіе торговцы, и тѣхъ, которые не состоятъ ни въ какихъ сношеніяхъ съ цивилизаціей, такъ что орудія ихъ остаются, какъ прежде, изъ камня, кости и дерева. Ихъ, однако, немного.

Описать хотя бы вкратцѣ бытъ всѣхъ племенъ нѣтъ никакой возможности, да въ этомъ не представляется и надобности вслѣдствіе того, что въ жизни ихъ много общаго. Поэтому достаточно будетъ описать бытъ одного или нѣсколькихъ племенъ каждой группы.

На низшей ступени культуры стоятъ несомнѣнно племена группы тапуя или гезъ, которыя раньше были извѣстны подъ именемъ айморесъ. Большинство ихъ исчезло съ лица земли, жалкіе остатки встрѣчаются еще въ лѣсныхъ дебряхъ центральныхъ и восточныхъ штатовъ Бразиліи. Наибольшую извѣстность получили среди нихъ ботокуды, которые приводятся въ сочиненіяхъ антропологовъ какъ примѣръ самаго низко-культурнаго племени. Названіе свое ботокуды, которыхъ считали людоѣдами, получили отъ португальцевъ за большіе кружки изъ дерева botoque, которые они въ цѣляхъ украшенія вставляютъ въ прорѣзи губъ и въ мочки ушей. Это довольно хорошо сложенные люди, превосходящіе въ этомъ отношеніи сосѣднія племена, средняго или выше средняго роста, мускулистые, съ красивыми руками и ногами. Физіономіи ихъ, благодаря выступающимъ скуламъ, довольно плоскія, но черты лица достаточно правильныя, оживленныя черными, блестящими глазами. Носъ и губы толстые. Они продырявливаютъ себѣ губы и мочки ушей, расширяютъ эти отверстія при помощи кусковъ легкаго дерева все большаго и большаго діаметра, и благодаря этому украшенію лица ихъ получаютъ странный и отвратительный видъ. Обыкновенно къ этой операціи приступаютъ у дѣтей на седьмомъ, восьмомъ году, иногда раньше. Вставляемыя пластинки они изготовляютъ изъ древесины барригудо, которая легче пробки и отличается бѣлизною. Украшеніе это торчитъ у молодыхъ прямо впередъ въ видѣ какого то широкаго клюва, у старыхъ субъектовъ оно отвисаетъ внизъ. Украшеніе можно въ любое время вынуть, и тогда отдѣленная кайма губы свисаетъ въ видѣ петли, обнажая десна и зубы. Если вслѣдствіе слишкомъ сильнаго натяженія край отверстія въ губѣ или ухѣ разорвется, то они связываютъ концы узломъ и вновь вставляютъ въ отверстіе свое излюбленное украшеніе. Такъ какъ деревяшка постоянно давитъ и трется о передніе зубы, то послѣдніе часто выпадаютъ даже у сравнительно молодыхъ людей или же претерпѣваютъ уродливое перемѣщеніе. Другое любимое ботокудами украшеніе заключается въ прическѣ; они подбриваютъ волосы кругомъ головы, оставляя небольшой кружокъ на макушкѣ, каковую операцію производятъ при помощи расщепленныхъ кусковъ тростника съ острыми какъ бритва краями. Въ остальномъ они не уродуютъ тѣла, но охотно раскрашиваютъ его съ помощью растительныхъ соковъ (плоды генипаба и урусу) преимущественно въ желтый и темносиній цвѣта, которые держатся на тѣлѣ, несмотря на купанія въ водѣ, въ теченіи 8—14 дней.

По характеру ботокуды настоящіе дикари, т, е. несдержанны и необузданны въ проявленіи своихъ чувстнъ, особенно злобы, которая вспыхиваетъ въ нихъ, какъ порохъ отъ искры.

Лишь въ одномъ случаѣ они сдерживаютъ себя, это въ дѣлѣ мести. Обида и оскорбленіе для ботокуда очень чувствительны, но расплату онъ отлагаетъ до удобнаго момента. Другой характерной чертой ботокуда является лѣнь, т. е. ничегонедѣланіе, какое наблюдается у животныхъ въ промежуткахъ между поисками пищи. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи они уступаютъ индѣйцамъ гуарани, такъ какъ природная лѣнь проявляется у нихъ не въ бездѣліи и лежаніи, а въ увеселеніяхъ. Женщины у нихъ совершенно порабощены, многочисленные шрамы на тѣлѣ ихъ доказываютъ, какъ много имъ приходится терпѣть отъ необузданнаго нрава мужей. Все, что не относится до охоты и войны—дѣло женщинъ. Онѣ строятъ хижины, собираютъ плоды, сѣмена и коренья, а во время перекочевки нагружены, какъ лошади. Пока дѣти не могутъ ползать, матери таскаютъ ихъ за спиной, но едва ребенокъ въ состояніи держаться на ножкахъ, онъ предоставленъ самому себѣ, такъ что истинной воспитательницей его становится мать природа. Выбравъ мѣсто для остановки, кучка ботокудовъ, именно женщины немедленно разводятъ огонь при помощи палочки, которую вертятъ въ отверстіи сухого куска дерева, пока подложенный трутъ не загорится, что происходитъ не раньше, какъ нѣсколько человѣкъ, хорошенько вспотѣвъ, смѣнятъ другъ друга. Едва разгорѣлся костеръ, женщины приступаютъ къ постройкѣ шалашей. Онѣ нарѣзаютъ вѣтокъ дикой кокосовой пальмы и втыкаютъ ихъ въ землю кругомъ, такъ что, благодаря естественному изгибу, концы вѣтвей образуютъ сводъ. Посрединѣ шалаша кладутъ нѣсколько камней, не столько для разведенія огня, сколько съ цѣлью пользоваться ими какъ наковальней при раскалываніи кокосовыхъ орѣховъ. Обыкновенно въ одномъ шалашѣ живетъ нѣсколько семей. Если дикари намѣрены остаться на мѣстѣ подольше, то они улучшаютъ жилища съ помощью древесныхъ стволовъ, вѣтокъ, сухой травы и большихъ листьевъ.

Жалкая домашняя утварь также представляетъ издѣліе женскихъ рукъ. У нѣкоторыхъ встрѣчаются горшки изъ сѣроватой глины, но въ большинствѣ случаевъ сосудомъ для жидкостей служатъ полыя тыквы, еще чаще толстыя звенья тростниковъ, представляющихъ естественныя ведра, которыя, если трескаются, то замазываются воскомъ. Женщины и дѣти таскаютъ въ нихъ воду съ рѣчки. Они же изготовляютъ изъ листьевъ волоконъ пальмъ и другихъ растеній лесы для удочекъ и тетивы для луковъ. Растительный войлокъ одного дерева они сдираютъ со ствола и употребляютъ его въ качествѣ подстилки для постелей, такъ какъ въ отличіе отъ другихъ племенъ ботокуды спятъ на землѣ, а не въ висячихъ гамакахъ.

По окончаніи устройства жилья слѣдующимъ главнымъ дѣломъ является добыча пищи. Жадность къ пищѣ отличительная черта ботокудовъ; во время ѣды они становятся точно глухими и слѣпыми. Лучшій способъ пріобрѣсти ихъ расположеніе, это позаботиться набить имъ желудки возможно полнѣе. Для добыванія пищи служитъ охота, на которую ботокудъ выходитъ съ громаднымъ лукомъ и не менѣе громадными стрѣлами,—ужасное оружіе бразильскаго лѣса. Мускулистый дикарь, съ дѣтства привыкшій натягивать тугой лукъ, спрятавшись въ непролазной и спутанной чащѣ мрачнаго лѣса,—по истинѣ ужасная фигура, страшное пугало бѣлаго поселенца. Оружіе всѣхъ этихъ племенъ въ общемъ одинаково и различается въ мелочахъ въ зависимости отъ мѣста жительства. Въ случаѣ неудачи на охотѣ ботокуды безъ затрудненія голодаютъ, чтобы при первомъ случаѣ наѣсться до неподвижности, до какого то столбняка. Если въ руки ихъ попадаетъ какой нибудь очень крупный звѣрь, то на него имѣютъ право всѣ, такъ что добыча оказывается поглощенной въ самое короткое время. Часто случается, что наѣвшись до онѣмѣнія, ботокуды поочередно топчутъ другъ другу животы. Вообще неумѣренность въ пищѣ и, осо-

бенно страсть къ горячительнымъ напиткамъ—основное стремленіе ихъ натуры. На охотѣ и въ преслѣдованіи звѣря они, наоборотъ, необычайно дѣятельны, легко выносятъ усталость, жару, холодный дождь, отлично различаютъ слѣды, знаютъ нравы звѣрей и превосходно подражаютъ ихъ голосамъ и крикамъ. Они также хорошіе пловцы и съ легкостью обезьянъ лазаютъ по деревьямъ. Часто случается при стрѣльбѣ вверхъ, что стрѣла застреваетъ въ листвѣ древесной кроны; тогда ботокудъ снимаетъ все лишнее и быстро лѣзетъ за ней, цѣпляясь или упираясь пальцами ногъ въ стволъ, постоянно поплевывая на ступни, чтобы не скользить, очень похожій въ этихъ движеніяхъ на плывущую лягушку.

Изъ лука они стрѣляютъ, держа его стоймя и прицѣливаясь глазомъ вдоль длинной стрѣлы. Самой цѣнной добычей считаются обезьяны. Замѣтивъ этихъ животныхъ на верхушкѣ дерева, ботокуды окружаютъ ихъ; лучшіе стрѣлки влѣзаютъ на сосѣднія деревья, стараются приблизиться къ звѣрямъ и пускаютъ въ нихъ стрѣлы. Они ѣдятъ впрочемъ все, даже не брезгаютъ нѣкоторыми змѣями, въ числѣ ихъ удавомъ, котораго стараются застать спящимъ. Пустивъ змѣѣ стрѣлу съ крючковатымъ наконечникомъ въ голову, ботокудъ старается воспрепятствовать ей ускользнуть. Чаще всего жертвой ихъ становятся молодые экземпляры. Вѣроятно предпочтительный вкусъ ботокудовъ къ обезьяньему мясу послужилъ поводомъ для обвиненія ихъ въ людоѣдствѣ. Встрѣчая на мѣстахъ покинутыхъ стоянокъ обезьяньи кости, остатки пиршествъ ботокудовъ, европейцы по сходству принимали ихъ за человѣчьи и прославили ботокудовъ людоѣдами, въ чемъ они въ общемъ неповинны за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, когда озлобленный и долго ожидавшій случая отомстить дикарь съ насмѣшливымъ торжествомъ поѣдаетъ павшаго отъ его руки врага. Добытая на охотѣ добыча поступаетъ въ распоряженіе женщинъ, которыя первымъ дѣломъ палятъ звѣря надъ огнемъ, чтобы удалить шерсть, затѣмъ, проткнувъ палкой, втыкаютъ для жаренія возлѣ костра. Едва мясо нѣсколько обжарилось кругомъ, голодные дикари набрасываются на него, раздирая полусырыя, сочащіяся кровью куски руками и зубами. Вытащенныя заранѣе внутренности они не бросаютъ, а прожимаютъ между пальцами, чтобы выдавить содержимое, затѣмъ жарятъ и пожираютъ ихъ, какъ все остальное. Даже кости, особенно черепъ они раскалываютъ и обгладываютъ до чиста. Изъ мелкихъ животныхъ ботокуды особенно любятъ личинки и гусеницы. Личинка Prionis cervicosus длиной въ палецъ привлекаетъ ихъ главное вниманіе. Она водится въ мягкой древесинѣ дерева барригудо, и для извлеченія ея оттуда ботокуды пользуются тонкими заостренными палочками. Выковырявъ кучку личинокъ, ботокудъ насаживаетъ ихъ на палочку, поджариваетъ и съѣдаетъ. Такъ же поступаютъ они съ однимъ видомъ крупныхъ термитовъ.

Затѣмъ они стрѣляютъ рыбу съ помощью меньшаго размѣра луковъ съ короткими, гладкими стрѣлами. Этимъ занимаются главнымъ образомъ дѣти. Удочки были имъ первоначально неизвѣстны, употребленію ихъ они научились у португальцевъ.

Тропическій лѣсъ доставляетъ столь громадное и разнообразное количество пищи, что перечислить всѣ плоды, сѣмена, початки и мягкіе стебли, которые ботокудскія женщины доставляютъ къ столу, было бы очень долго.

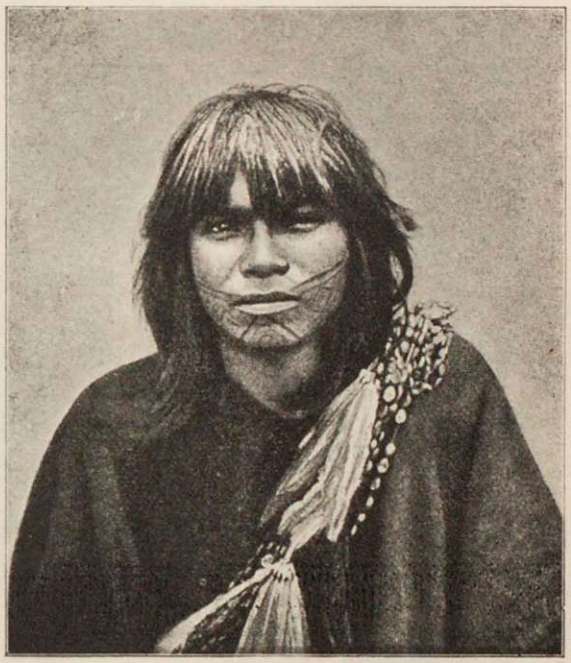
Опустошивъ всю дичь въ округѣ, шайка ботокудовъ снимается съ мѣста и ищетъ новаго охотничьяго угодья. Женщины укладываютъ жалкій домашній скарбъ въ плетеныя сумы, взваливаютъ ихъ на спины и тащутъ при помоши веревки или ленты, которую надѣваютъ на лобъ. Тяжесть ноши увеличиваютъ маленькія дѣти. Мужчины же шествуютъ рядомъ налегкѣ съ лукомъ и стрѣлами въ рукахъ. Небольшія рѣчки они переходятъ по висячимъ мостамъ изъ древесныхъ стволовъ и ліанъ, которые переброшены издавна и подгерживаются въ годномъ состояніи прохожими. Чаще всего „мостъ“ состоитъ изъ двухъ протянутыхъ черезъ рѣчку гибкихъ ліанъ (ципо); по нижней идутъ, какъ по канату, поддерживаясь руками за верхнюю.

Мужчина имѣетъ обыкновенно столько женъ, сколько можетъ „прокормить“, иногда

12, хотя слѣдуетъ замѣтить, что скорѣе жены „кормятъ“ его, чѣмъ онъ ихъ. Зато мужъ „защищаетъ“ ихъ. Заключеніе брака не сопровождается никакими церемоніями или празднествами. Жены, пользуясь отсутствіемъ мужей, безнаказанно убѣгаютъ отъ нихъ къ другимъ, особенно къ болѣе ловкимъ и добычливымъ охотникамъ.

Споры и ссоры довольно рѣдки, а если возникаютъ, то чаще всего между отдѣльными ордами по поводу нарушенія права пользованія охотничьими угодьями. Каждая кучка, орда или племя имѣетъ свою, освященную обычаями и давностью охотничью территорію: появленіе на ней членовъ сосѣдней орды считается незаконнымъ и вызываетъ распри, драки и войны. Внутри орды ссоры и драки возникаютъ по пустякамъ; дѣти пищатъ и пристаютъ къ занятой приготовленіемъ обѣда матери; та побьетъ ихъ. За дѣтей вступается отецъ и начинаетъ колотить жену; за нее вступаются ея родственники, за мужа его родственники, и ссора переходитъ во всеобщую драку, кончающуюся тѣмъ, что жена съ дѣтьми уходитъ къ отцу. Иногда при этомъ всплываютъ старыя обиды, сводятся прежніе счеты, и драка переходитъ въ побоище, побоище въ форменный бой со всѣми его послѣдствіями, вытекающими изъ злопамятности и мстительности ботокудовъ

Кромѣ ботокудовъ, встрѣчающихся въ восточной Бразиліи въ бассейнѣ Ріо-Франциско, въ центральной Бразиліи обитаютъ родственные имъ индѣйцы каяпо, а въ лѣсахъ южныхъ штатовъ кромѣ этихъ еще племена каинганъ, короадосъ и пури—всѣ принадлежащія къ группѣ гезъ.

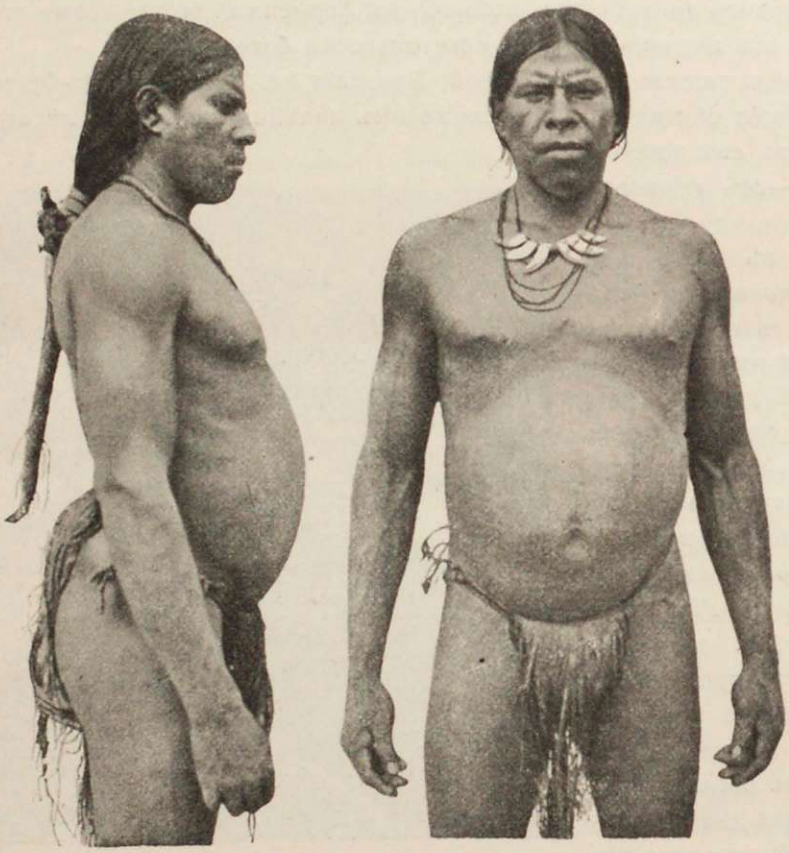


Индѣецъ племени Чипиво изъ Амазоніи съ татуированными щеками и подбородкомъ.

Такъ живутъ эти дикари въ чащѣ лѣса, въ которую все назойливѣе вторгается бѣлый человѣкъ. На пути его гибнутъ не одни цѣнныя деревья; вмѣстѣ съ ними исчезаютъ дикари.

Къ большой группѣ тупи или тупинамба называемыхъ на югѣ гуарани, принадлежатъ многія племена, частью смѣшавшіяся съ другими индѣйцами, съ которыми тупи вступали въ разнообразныя сношенія при своихъ странствіяхъ и передвиженіяхъ по рѣкамъ. Типичные „рѣчные индѣйцы“, canoeiros, т. е. дикари, жизнь которыхъ протекаетъ преимущественно на водѣ, въ пирогѣ, принадлежатъ главнымъ образомъ къ этой группѣ, съ которыми европейцы познакомились давно на бразильскомъ побережьи и въ устьяхъ большихъ рѣкъ. Только тотъ, кому удалось видѣть собственными глазами пейзажъ затопляемыхъ рѣчными водами сельвасъ, можетъ составить себѣ представленіе, въ какой мѣрѣ водная стихія замѣняетъ здѣсь для человѣка сушу. Когда въ началѣ года воды Амазонки начинаютъ вздыматься отъ разлива, подымаясь съ часу на часъ, заливая въ быстромъ стремленіи песчаные острова, растекаясь и наводняя на десятки и даже сотни верстъ окрестныя, поросшія лѣсомъ низины, подмывая, обрушивая высокіе берега и увлекая съ собой цѣлыя партіи берега съ ростущими на немъ деревьями и кустарниками; когда, вторгаясь во всѣ протоки, въ лагуны, болота и озера, куда вмѣстѣ съ прибылой водой попадаютъ многочисленные обитатели рѣкъ—рыба, черепахи, крокодилы, въ то время какъ сухопутные звѣри спасаются на стволы и верхушки деревьевъ, тогда и люди должны отступить передъ надвигающейся водой. Они покидаютъ свои шалаши и въ легкихъ пирогахъ

скользятъ по черной поверхности воды чрезъ тѣнистый водяной садъ или паркъ, въ которомъ въ это время распускаются яркіе цвѣты, залогъ обильныхъ плодовъ въ будущемъ. Такимъ образомъ сама стихія гонитъ человѣка на странствіе по водѣ, въ которой онъ въ то же время находитъ свою добычу. Такъ какъ плаваніе по открытой водѣ большихъ рѣкъ связано съ затрудненіями, то туземцы предпочитаютъ ему скитаніе ъ безчисленныхъ боковыхъ протокахъ и лагунахъ. Конечно, о какомъ нибудь прочномъ долговременномъ жильѣ не можетъ быть и рѣчи. Еще меньше возможности открывается для воздѣлыванія земли, хотя бы то было самое простое насажденіе мандіоки или маиса. Такимъ образомъ единственнымъ полемъ для добычи остается затопленный лѣсъ. Рыба въ водѣ, черепахи, которыя выползаютъ на островки и кладутъ въ песокъ свои яйца съ мягкой кожистой скорлупой, безчисленныя птицы и обезьяны, скачущія съ дерева на дерево надъ черными водами въ густой сѣти переплетающихся ліанъ, все, словомъ, приглашаетъ человѣка къ бродячей жизни водяного охотника и рыболова, собирателя растительной пищи и искателя меда дикихъ пчелъ. Запутанная сѣть рукавовъ съ безчисленными отвѣтвленіями и выходами въ главную рѣку и ея притоки открывала во всѣ стороны пути для нескончаемыхъ странствій и превращала индѣйцевъ этой области върѣчныхъ бродягъ, которые легко мѣняли охоту и собираніе растительной пищи на грабежъ сосѣдей. Изъ главной рѣки хищныя кучки тупи проникали въ притоки, разсыпались по нимъ, сгоняли съ насиженныхъ мѣстъ болѣе мирныхъ земледѣльцевъ и заставляли разрозненныя кучки ихъ спасаться дальше въ верховья рѣкъ. Въ прошлыя столѣтія рѣчные пираты, своего рода ушкуйники, совершенно прекращали всякое сношеніе по рѣкамъ. Особенную славу пріобрѣли у португальцевъ знаменитые каноейросъ (лодочники) на Токантинсѣ, притокѣ Амазонки. Торговцы осмѣливались плыть по рѣкѣ только въ многочисленной, хорошо вооруженой компаніи. Поселенія, имѣвшія несчастье расположиться по близости рѣки, постоянно страдали отъ хищныхъ набѣговъ этихъ каноейросъ, которые убивали людей и угоняли скотъ. Объ искусствѣ ихъ въ плаваніи и ныряніи разсказывали настоящія чудеса. Цѣлыми часамъ они могли держаться на поверхности разъяренной стихіи. Пучекъ пальмовыхъ стеблей служилъ имъ плавательнымъ поясомъ. Съ весломъ въ рукѣ или, усѣвшись верхомъ на стволъ дерева, они пускались въ стремнину и переплывали ее, шутя. Они не боялись никакого водяного звѣря, справляясь въ водѣ съ боль-



Индѣецъ племени бугана изъ Амазоніи.

шими змѣями и съ самимъ царемъ водъ, страшнымъ кайманомъ. Ничто не пугало въ водѣ этихъ человѣкообразныхъ амфибій, кромѣ какого-то гигантскаго, сказочнаго червя, который, по ихъ повѣрью, увлекаетъ на дно даже сильнѣйшихъ животныхъ. Въ случаѣ преслѣдованія они затопляли челны при помощи камней, а сами разсыпались по лѣсу. Они разбойничали какъ на Токантинсѣ, такъ на Амазонкѣ и на Ріо Франциско, на Арагваѣ и на другихъ рѣкахъ, служившихъ для торговыхъ и иныхъ сношеній.

Съ такими же разбойничьими племенами бразильцы встрѣтились на рѣкѣ Парагваѣ, гдѣ ихъ называли паякоа. Эти паякоа состояли, вѣроятно, не изъ однихъ тупи или смѣшавшихся съ ними племенъ, такъ какъ сидѣвшіе здѣсь гвайкуру до того, какъ они овладѣли лошадьми, также удовлетворяли свою страсть къ бродячей жизни съ помощью челновъ.

Времена эти уже отошли въ прошлое. Рѣки стали безопасными, но обиліе воды и теперь еще опредѣляетъ образъ жизни многихъ уцѣлѣвшихъ отъ гибели племенъ. Такъ племя гуато, населяющее область большихъ озеръ Гаиба и Убераба, соединяющихся съ Парагваемъ, одно изъ всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ племенъ Бразиліи говорящее на различныхъ нарѣчіяхъ, мало еще изучено. Живя въ обильной водою странѣ, въ укрытыхъ, недоступныхъ мѣстахъ, они въ значительной степени сохранили свою первобытность, хотя все же не остались вполнѣ чужды вліянію бразильцевъ. Первобытность эта проявляется въ различныхъ издѣліяхъ, въ оружіи, глиняной утвари, украшеніяхъ, плетеніи. Во внѣшности ихъ прежде всего бросается въ глаза слабое развитіе нижнихъ конечностей и вогнутые внутрь колѣни, что вызывается условіями жизни этого народа, всю свою жизнь проводящаго въ лодкѣ, на водѣ. У пожилыхъ мужчинъ, кромѣ того, сильно развита растительность на бородѣ. Образомъ жизни ихъ можно объяснить также отсутствіе у нихъ тенденціи заниматься сколько нибудь старательно постройкой жилищъ и разведеніемъ растеній и животныхъ. Любимѣйшимъ развлеченіемъ мужчинъ и женщинъ являются танцы и напитокъ изъ пальмоваго сока. Сношенія между отдѣльными племенами, благодаря водянымъ путямъ, очень оживленныя. Когда лодка приплываетъ въ чужое селеніе, то пришлецъ обязанъ выдать изъ своего имущества все, что у него потребуютъ, но за это ему даютъ столько риса, чтобы онъ могъ продолжать свое путешествіе. При встрѣчѣ лодокъ, принадлежащихъ двумъ различнымъ племенамъ, происходитъ обмѣнъ разныхъ предметовъ. Оригинально существующее у нихъ разграниченіе водныхъ пространствъ для ловли рыбы. На главной рѣкѣ каждый можетъ свободно заниматься рыболовствомъ, но притоки свободны не для всѣхъ. Рыболовные знаки, въ видѣ торчащаго изъ воды шеста съ двумя рыбьими зубами, регулируютъ до мельчайшихъ подробностей пользованіе пространствомъ. Здѣсь обнаруживается территоріальный принципъ индѣйцевъ. По отношенію къ движимости у нихъ существуетъ индивидуальная собственность; вопросъ же о собственности на землю, воду и лѣсъ гораздо сложнѣе.

По сосѣдству съ гуато на верховьяхъ Шингу живетъ много племенъ разныхъ группъ представляющихъ раздробленные остатки вытѣсненныхъ сюда съ сѣвера туземцевъ. Тутъ обитаютъ бакаири, нахуква, трумаи, мехинаку, ауето, яулапити, камаюра, говорящіе, каждое племя на своемъ нарѣчіи. Ниже по теченію обитаютъ хищные суя, передъ которыми трепещутъ всѣ эти племена. Несмотря на различіе происхожденія и языковъ племена эти уживаются другъ съ другомъ мирно, благодаря установившимся правиламъ во взаимныхъ сношеніяхъ. Среди нихъ возникло своего рода международное право, регулирующее всѣ вопросы взаимныхъ отношеній. Основной статьей этого регламента остается правило, согласно которому главная рѣка свободна для плаванія и промысла всѣхъ и каждаго. Каждый индѣецъ любого племени въ правѣ плавать по ней, ловить рыбу, охотиться по берегамъ и въ случаѣ надобности ночевать на берегу. Но въѣздъ въ притоки съ цѣлью промысла запрещенъ. „Неразъ, разсказываетъ путешественникъ Шмидтъ, сопровождавшіе меня индѣйцы отклоняли мое желаніе въѣхать въ такой притокъ, твердо

объясняя мнѣ, что вода принадлежитъ тамъ другому племени" [1]). Другія правила касаются поведенія при встрѣчѣ лодокъ съ пловцами изъ разныхъ племенъ. Въ этомъ случаѣ происходитъ обмѣнъ стрѣлами и припасами. Наконецъ, особыя правила регулируютъ взаимныя посѣщенія. Описанное выше отбираніе припасовъ и всѣхъ вообще понравившихся вещей, практикуется здѣсь еще съ большей строгостью, чѣмъ у гуато. На первый взглядъ обычай кажется страннымъ, но въ основѣ его лежитъ вполнѣ понятная мысль. Взаимныя отношенія племенъ включаютъ и торговлю. Каждое племя стремится и считаетъ своимъ правомъ извлекать изъ нея выпадающія на его долю выгоды, поэтому сквозная торговля, т. е. проѣздъ торговцевъ по территоріи разныхъ племенъ, недопускается. Торговать непосредственно можно только съ сосѣдями, а не черезъ сосѣдей. Поэтому у пріѣзжихъ отбираютъ всѣ вещи, даютъ имъ взамѣнъ свои, а также припасы на дорогу, послѣ чего „гостямъ" остается только вернуться назадъ. Точно также не дозволяется „провожать" бѣлыхъ. Въ каждомъ племени путешественнику приходиться мѣнять своихъ красныхъ слугъ на новыхъ. Благодаря строгому соблюденію правилъ между племенами происходятъ оживленныя мирныя сношенія, послѣдствіемъ которыхъ является смѣшеніе ихъ между собою. Люди одного племени остаются жить надолго или навсегда среди другого, племена обмѣниваются невѣстами, заимствуютъ обычаи и пріемы житейской техники, увеселенія, пѣсни, а также нарѣчія. Тотъ же путешественникъ сообщаетъ, что онъ встрѣчалъ многихъ туземцевъ, которые свободно говорили на нарѣчіяхъ всѣхъ сосѣднихъ племенъ, пѣли ихъ пѣсни и плясали ихъ пляски. Причины оживленныхъ сношеній племенъ двоякаго рода: во первыхъ они обмѣниваются продуктами добычи и промышленности, что весьма понятно, такъ какъ эти племена принадлежатъ къ различнымъ группамъ и вначалѣ различались еще сильнѣе. Одни были преимущественно земледѣльцы, знавшіе искусство плетенія, тканья, изготовленія глиняной посуды. Другія занимались преимущественно рыболовствомъ и охотой. Такимъ образомъ напр. махинаку снабжаютъ всю область глиняными сосудами, трумаи торгуютъ каменными топорами, а бакаири прославились своими плетеньями. Во вторыхъ эти индѣйцы очень любятъ ѣздить въ гости; тамъ они удовлетворяютъ свое любопытство, а также страсть къ увеселеніямъ, такъ какъ посѣщенія пріурочиваются именно къ такимъ моментамъ, когда у сосѣдей праздникъ. Сюда относятся также поѣздки для посѣщенія родственниковъ, попавшихъ въ чужое племя, напр. семья посѣщаетъ дочь, выданную туда замужъ.

Обыкновенно племя обитаетъ въ большомъ селеніи, которое расположено не при рѣкѣ, а въ разстояніи 3 — 4 часовъ пути отъ нея, посреди запутанныхъ протоковъ, по которымъ можно приблизиться къ селенію лишь въ плоскодонныхъ пирогахъ, съ трудомъ пробираясь сквозь чащу болотныхъ растеній и нависающихъ, перепутанныхъ ліанами древесныхъ вѣтвей, ежеминутно натыкаясь на тинистыя мели. Этотъ путь приводитъ къ „гавани", отъ которой къ селенію ведетъ сухопутная тропа сквозь высокія травы съ переправами черезъ ручьи по животрепещущимъ мостикамъ въ видѣ перекинутой толстой вѣтки или повѣшенныхъ ліанъ. Тропа ведетъ въ тропическій лѣсъ, на полянѣ котораго открывается наконецъ спрятавшееся въ немъ селеніе. Такимъ образомъ отыскать его нелегко, а безъ знающаго дорогу провожатаго и совсѣмъ невозможно. Вокругъ селенія раскинуты обширныя росчисти, засѣянныя дикой мандіокой, изъ клубней которой индѣйцы приготовляютъ овою главную пищу. Среди мандіоки тамъ и сямъ виднѣются насажденія маиса, а также отдѣльныя группы деревьевъ, приносящіе излюбленные плоды, напр. у индѣйцевъ на Шингу дерево пикеи, фруктами котораго обитатели деревни питаются въ декабрѣ. Обыкновенно громадныя, ульеобразныя хижины, въ которыхъ живетъ по нѣскольку семей, расположены въ видѣ круга, по серединѣ котораго помѣщается особая постройка.

[1]) Reiseskizzen aus Zentralbrasilien.

Люди, приближающіеся къ селенію съ мирными намѣреніями, предупреждаютъ о своемъ прибытіи криками, благодаря которымъ ихъ встрѣчаетъ чуть не все наличное населеніе деревни. Прежде, а можетъ быть и теперь еще, у тупи былъ широко распространенъ въ высшей степени любопытный обычай привѣтствованія. Это былъ обычай, требовавшій чтобы при встрѣчѣ гостей и чужеземцевъ всѣ долго плакали и рыдали.

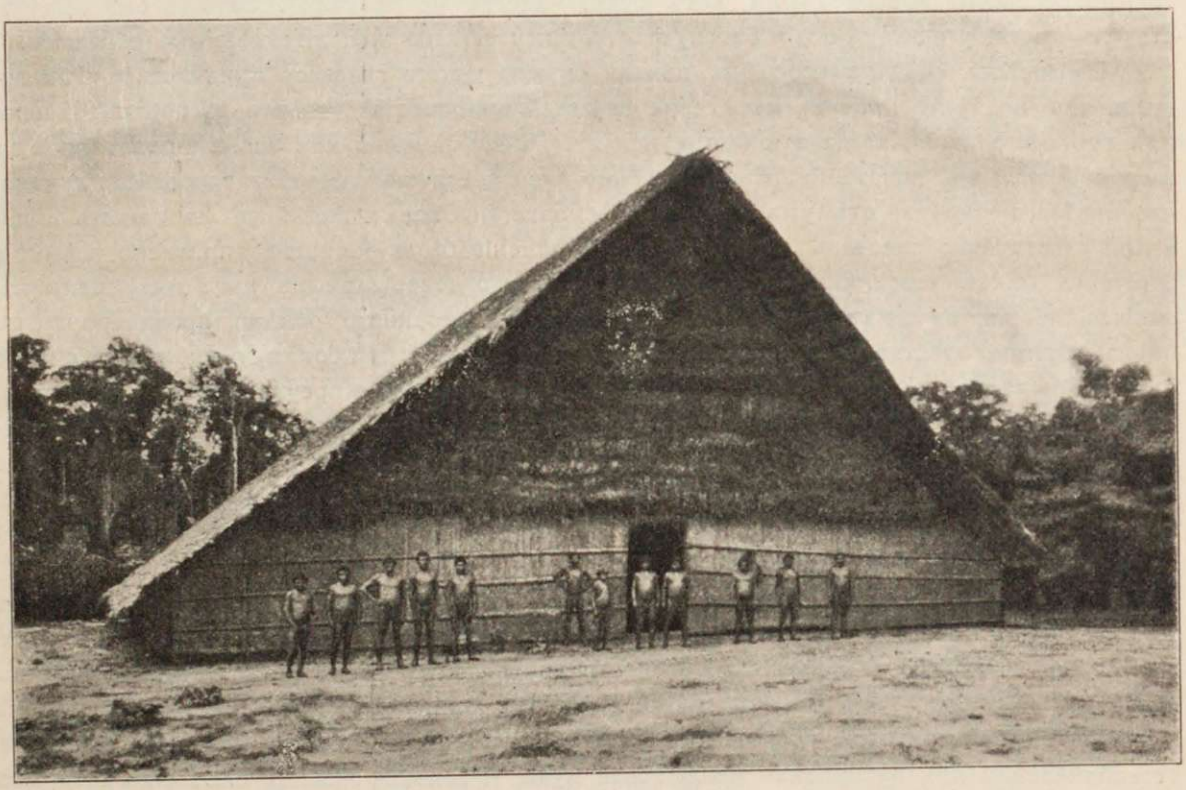
„Когда какой либо гость входитъ въ хижину, говоритъ одинъ бытописатель, они выказываютъ ему свое почтеніе и радушіе тѣмъ, что оплакиваютъ его. Гостя вводятъ въ хижину и укладываютъ въ гамакѣ. Ему не говорятъ ни слова. Когда онъ расположится, является жена хозяина, дочери и ихъ подруги и садятся вокругъ него съ распущенными волосами; коснувшись его одной рукой, онѣ начинаютъ горько плакать и речитативомъ разсказывать, что у нихъ произошло за время его отсутствія. Онѣ говорятъ обо всемъ, что имъ придетъ въ голову, о трудностяхъ, перенесенныхъ гостемъ въ пути и о другихъ вещахъ, могущихъ вызвать сожалѣніе и слезы. Гость въ это время не говоритъ ни слова. Проплакавъ нѣкоторое время, женщины отираютъ слезы и сразу же становятся такими веселыми и спокойными, какъ будто никогда не плакали“. Затѣмъ онѣ привѣтствуютъ гостя, угощаютъ его и бесѣдуютъ съ нимъ самымъ непринужденнымъ образомъ.

Европейцы сначала вовсе не поняли смысла такого слезнаго привѣтствія. Они думали, что индѣйцы плачутъ отъ сознанія своей виновности, отъ страха передъ бѣлыми или отъ состраданія, когда эти бѣлые искали у нихъ помощи или вообще находились въ затруднительномъ положеніи. Насильственно вторгшіеся въ Америку европейцы думали, что индѣйцы плачутъ отъ ужаса и страха смерти, и бѣдные индѣйцы, въ самомъ дѣлѣ, имѣли достаточно поводовъ бояться. Это объясненіе было молчаливо признано всѣми, а о самомъ фактѣ говорили такъ же мало, какъ и о совершаемыхъ надъ индѣйцами насиліяхъ и жестокостяхъ. Истинный смыслъ этого страннаго обычая, противорѣчащаго всѣмъ нашимъ чувствамъ и воззрѣніямъ, выяснился лишь при болѣе близкомъ знакомствѣ съ дѣтьми лѣсной пустыни. Это не что иное, какъ проявленіе преувеличенной, извращенной, доведенной до абсурда вѣжливости. У индѣйцевъ была потребность высказать пришельцу, добравшемуся до нихъ чрезъ опасныя дебри, свое участіе. Индѣецъ, по отношенію ко всѣмъ людямъ, кромѣ личныхъ враговъ, является очень добрымъ и мягкимъ существомъ, и вотъ это естественное проявленіе участія съ теченіемъ времени сдѣлалось формулой вѣжливости, своего рода этикетомъ.

При входѣ въ жилище поражаетъ контрастъ свѣта и мрака. Въ первый моментъ въ темнотѣ видны только столбы и перекладины и подвѣшенные къ нимъ закопченные гамаки. Постепенно выступаютъ и другія подробности внутренняго устройства. Посреди хижины видно свободное пространство. Нѣсколько большихъ камней образуютъ очагъ. Въ сторонѣ обрисовываются изъ мрака громадные сосуды изъ темной глины, въ которыхъ хранится наскабливаемая или натираемая мандіоковая мука, и большія плоскія блюда, на которыхъ пекутъ приготовляемые изъ нихъ хлѣбцы, называемые бейжу. Мебель составляютъ низенькія скамейки изъ пальмового дерева и гамаки, которые висятъ попарно, одинъ надъ другимъ, обозначая своимъ мѣстоположеніемъ пространство, отведенное каждой семьѣ. По стѣнамъ развѣшаны орудія, какъ напр. каменные топоры съ деревянными рукоятками, а возлѣ нихъ высокія, чуть не въ сажень, но узкія плетеныя корзины; онѣ обернуты растительнымъ войлокомъ, внутри выложены пальмовыми листьями и также содержатъ муку. Наверху подъ черной отъ копоти крышей множество толстыхъ и запыленныхъ маисовыхъ колосьевъ. Оттуда же сверху свѣшиваются на тонкихъ ниткахъ какія-то странныя куклы въ видѣ птицъ и человѣческихъ фигуръ, сдѣланныхъ грубо изъ маисовыхъ листьевъ. Ниже, подъ стрехой, заткнуты длинныя стрѣлы и большіе луки, тутъ же подвѣшены пучки птичьихъ перьевъ, представляющіе запасы для оперенія будущихъ стрѣлъ. Въ маленькихъ корзинахъ и плетушкахъ хранятся веретена, краски, корешки, раковины и прочій хламъ.

Посуду дополняютъ многочисленныя тыквы, частью украшенныя недурными узорами, доски, на которыхъ трутъ мандіоку, и сита, искусно сдѣланныя изъ сухихъ травъ. Веревки, на которыхъ подвѣшены гамаки, украшены перьями и раковинами, тутъ же висятъ гребенки для прически волосъ. Дверь занавѣшивается большой рогожкой.

Обыкновенной принадлежностью хижины является какое-нибудь прирученное животное, притащенное изъ лѣса — обезьянки и яркоокрашенные попугаи. Въ искусствѣ приручать дикихъ животныхъ индѣйцы не имѣютъ себѣ равныхъ, и если бы Америка имѣла, подобно Старому Свѣту, животныхъ, годныхъ для домашнихъ работъ, то земледѣльческія, почти осѣдлыя племена туземцевъ, вѣроятно, подвинулись бы въ своемъ культурномъ развитіи значительно дальше. Ночью между гамаками горятъ небольшіе костры для отогнанія комаровъ, а можетъ быть и злыхъ духовъ. Днемъ на свободномъ пространствѣ женщины и дѣти усердно занимаются домашними работами. Таково внутреннее устройство жилья тѣхъ племенъ, которыя занимаются, кромѣ ловли рыбы и охоты, земледѣліемъ.

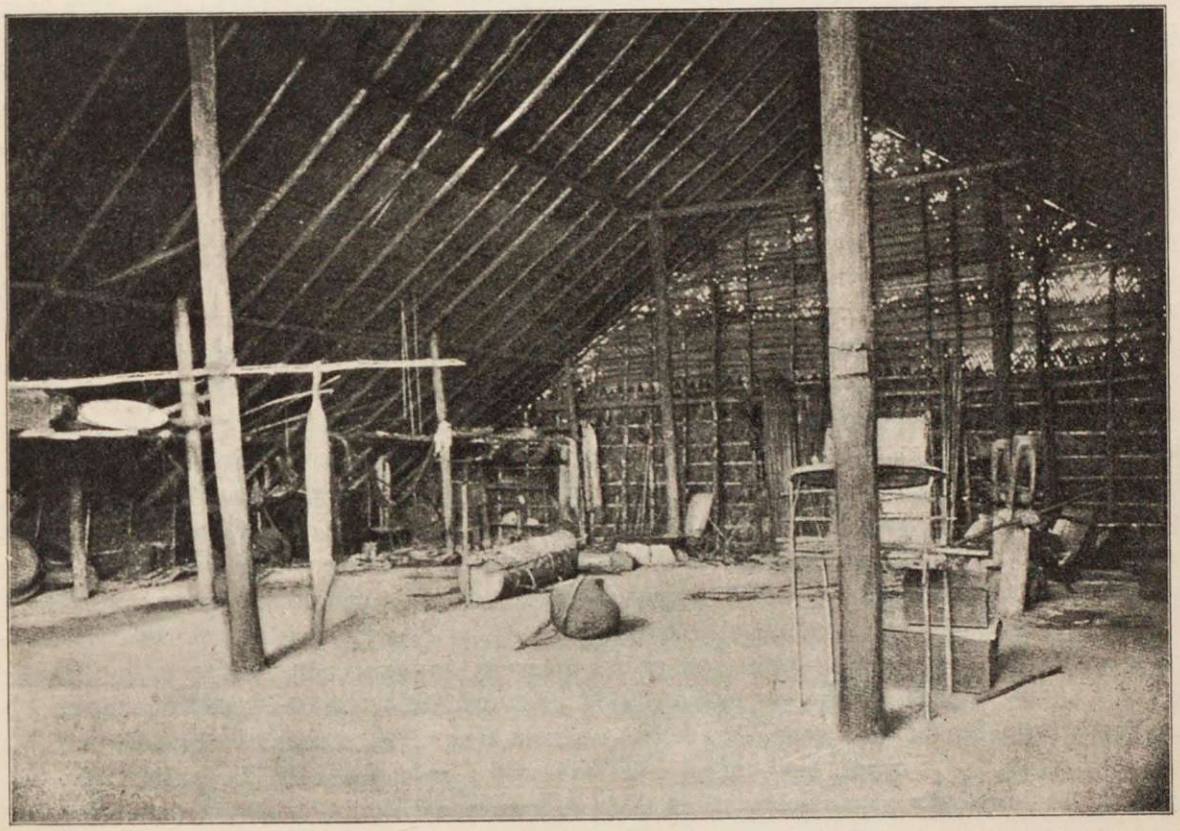


Домъ-селеніе „малока“ изъ области рѣкъ Ріо-Негро и Япура.

Хижина, которая стоитъ въ центрѣ селенія, имѣетъ особое назначеніе. Она отличается отъ другихъ тѣмъ, что оба входа ея очень низкіе, такъ что внутрь влѣзаютъ на четверинкахъ. Подобно остальнымъ, она покоится на двухъ громадныхъ среднихъ столбахъ. По серединѣ ея лежитъ громадный выдолбленый стволъ дерева, представляющій барабанъ. Подъ крышей виситъ множество яркораскрашенныхъ масокъ, изъ которыхъ каждая изображаетъ опредѣленное животное съ его характерными признаками. Маски служатъ для праздничныхъ и иныхъ плясокъ. Каждый индѣецъ имѣетъ свою маску, которая хранится здѣсь. Кромѣ этихъ масокъ здѣсь хранятся также большія маски, скрывающія почти все тѣло танцора, и громадныя флейты, подъ звуки которыхъ совершаются

пляски, и которыя тщательно прячутся отъ женскихъ взоровъ. Входъ въ хижину запрещенъ женщинамъ. У нѣкоторыхъ племенъ, однако, эта хижина исполняетъ назначеніе общей спальни, куда забираются черезъ низенькій входъ, такъ какъ въ собственныхъ домахъ боятся спать вслѣдствіе частыхъ нападеній ягуара. Эта громадная кошка неслышно забирается ночью въ хижины и хватаетъ людей.

Въ лѣсной, изрѣзанной рѣками странѣ роль второго дома играютъ для многихъ индѣйцевъ лодки. На примѣрѣ племени гуато мы видѣли, что продолжительное пребываніе въ лодкѣ со скрещенными ногами и при усиленной работѣ рукъ вліяетъ на самое тѣлосложеніе такихъ индѣйцевъ. Несмотря на важное значеніе лодокъ, туземцы не достигли высокаго искусства въ этой отрасли, вѣроятно потому, что изготовленіе пироги не составляетъ для нихъ особеннаго затрудненія и не требуетъ много времени. Лодки ихъ дѣлаются изъ древесной коры дерева ятуба и другихъ породъ. Зрѣлище „постройки“



Внутренность дома-селенія (малока).

большихъ пирогъ въ высшей степени любопытное, тѣмъ болѣе, что при этомъ представляется случай наблюдать необыкновенную ловкость и проворство туземцевъ.

Возведя вокругъ избраннаго дерева высокій помостъ изъ гибкихъ вѣтвей, скрѣпленныхъ для большей прочности гибкими ципо (особый видъ крѣпкихъ ліанъ), туземцы забираются на него. Стоя на головокружительной высотѣ, туземцы надрѣзаютъ или надрубаютъ кору вдоль ствола своими топориками, цѣпляясь въ то же время съ ловкостью обезьянъ за жидкое, гнущееся при каждомъ движеніи сооруженіе. Когда надрѣзы закончены, индѣйцы принимаются осторожно отдѣлять кору отъ древесины при помощи крѣпкихъ и гибкихъ палокъ, которыя они запускаютъ въ образовавшіяся расщелины. Главная задача заклю-

*

чается при этомъ въ томъ, чтобы при операціи кора не дала трещины. Едва кора отдѣлена, они приступаютъ къ снятію ея и приведенію въ горизонтальное положеніе, что производится въ высшей степени осторожно опять таки во избѣжаніе появленія трещинъ. За этимъ слѣдуетъ внѣшняя отдѣлка, срѣзаніе и утоненіе коры въ кормовой и носовой части и приданіе будущей пирогѣ формы при помощи особаго остова. Для того, чтобы сырая кора лучше гнулась, туземцы кладутъ внутрь лодки сухіе листья пальмы бурити и жгутъ ихъ. Съ помощью особыхъ палокъ, играющихъ роль рычаговъ, они загибаютъ корму и носъ кверху. Работа изготовленія нѣсколькихъ лодокъ отнимаетъ 2—3 дня, смотря по числу работниковъ. Заключительный моментъ доставляетъ едва ли не наибольшія затрудненія: это доставка и спускъ лодки въ главную рѣку, чему мѣшаютъ густыя заросли и узость извилистыхъ протоковъ, а также ихъ илистое мелководье. Работа сооруженія большихъ пирогъ не по силамъ одному человѣку, и для выполненія ея онъ нуждается въ помощи соплеменниковъ. По примѣру этой работы всѣ другія значительныя работы производятся также сообща, конечно не безъ вознагражденія со стороны тѣхъ, для кого она дѣлается. Работающіе получаютъ отъ остальныхъ членовъ общины угощеніе въ видѣ пищи и напитковъ.

Къ числу такихъ общественныхъ работъ принадлежитъ расчистка лѣса подъ пашню у земледѣльческихъ бакаири, съ которыми тупи живутъ на Шингу въ перемежку, такъ что въ бытѣ между тѣми и другими наблюдается мало отличій. Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ подобныя работы требуютъ затраты силы не столько на работу, сколько на предшествующія, сопровождающія и заканчивающія ихъ увеселенія въ видѣ плясокъ въ маскахъ, пѣнія, игры на флейтахъ и другихъ дѣйствій, представляющихъ необходимое дополненіе предпріятія и заключающихъ въ себѣ какой-то религіозный смыслъ. Такъ передъ расчисткой лѣса бакаири пляшутъ въ маскахъ подъ пѣсни и музыку, затѣмъ по двое, по трое или цѣлымъ хороводомъ, состоящимъ изъ молодыхъ людей, пляшутъ черезъ все селеніе, останавливаясь у каждой хижины, откуда имъ подаютъ куски пищи и напитки въ чашахъ изъ тыквъ. Съ пѣсней, представляющей безконечное повтореніе одной коротенькой мысли, молодые „работники“, получивъ угощеніе, пляшутъ весь путь до лѣса, пока не приступятъ къ работѣ, заключающейся въ рубкѣ деревьевъ. При этомъ случаѣ они поступаютъ весьма остроумно. Вмѣсто того, чтобы рубить всѣ деревья, тратя на то силы и время, индѣйцы, осмотрѣвъ расположеніе деревьевъ, надрубаютъ слегка одни, не трогаютъ другія и, наконецъ, валятъ, перерубивъ стволъ, какое-нибудь одно большое дерево съ такимъ расчетомъ, чтобы при паденіи оно навалилось или задѣло надрубленные стволы, ломая и увлекая ихъ за собою; тѣ въ свою очередь ломаютъ при паденіи сосѣднія тоже надрубленныя деревья, такъ что въ концѣ концовъ древесные стволы валятся рядами, одинъ за другимъ, какъ оловянные солдатики въ строю. Въ то время, какъ молодежь, не исключая маленькихъ дѣтей, занята этой работой, старшіе тутъ же въ сторонѣ изготовляютъ изъ вѣтвей, листьевъ или коры поваленнаго лѣса разные предметы, какъ луки, рукоятки ддя топоровъ, корзины и т. п. Такимъ образомъ, благодаря раздѣленію труда, въ короткое время производится достаточная работа. Затѣмъ снова съ пляской молодежь возвращается въ селеніе и, не переставая плясать, останавливается у тѣхъ домовъ, на хозяевъ которыхъ они работали. Имъ опять подаютъ пищу въ видѣ бейжу, бобовъ, рыбы, каждому пѣвцу особо. Окончаніе работъ, какъ и начало, празднуется снова. При этомъ происходитъ общее пиршество въ срединѣ селенія, на которомъ работавшіе и плясавшіе угощаютъ всѣхъ припасами, которые получили отъ нихъ же.

Въ отношеніи оружія лѣсные туземцы Ю. Америки во многомъ отличаются отъ степныхъ. Какъ для охоты, такъ и для войны, здѣсь неудобны дротики, копья, съ которыми трудно повернуться въ чащѣ; еще менѣе имѣютъ примѣненіе боласъ или лассо. Охотникъ, подкрадывающійся въ тропическомъ лѣсу къ звѣрю или птицѣ, нуждается въ

вѣрномъ, безшумномъ и не требующимъ рѣзкихъ движеній оружіи, а такимъ является преимущественно лукъ или духовая трубка. Убойность оружія увеличиваютъ тѣмъ, что стрѣлы и стрѣлки смазываютъ ядомъ, матеріалъ для котораго доставляютъ многія тропическія растенія. Духовая трубка, „эсгараванта“, имѣетъ около 2 м. въ длину и состоитъ изъ двухъ частей: изъ внутренней тростниковой и наружной трубки, сдѣланной изъ полаго стебля или ствола пальмы и служащей для прочности. Мундштукъ ея обвитъ бичевкой, чтобы дерево не кололось. Стрѣлка имѣетъ около $^3/_4$ м. въ длину. Кончикъ ея обмазанъ ядомъ, а стержень, подвергнутый для прочности дѣйствію огня, обмотанъ на протяженіи 3—4 сантиметровъ хлопчатой бумагой съ такимъ расчетомъ, чтобы стрѣлка какъ разъ входила въ стволъ. Колчанъ, вмѣщающій до 500 стрѣлокъ, устроенъ такъ, чтобы охотникъ никоимъ образомъ не могъ самъ себя поранить стрѣлками. Ядъ, которымъ ихъ смазываютъ, это знаменитое кураре; ничтожная доза его, попавъ въ кровь животнаго, причиняетъ почти мгновенно вѣрную смерть, между тѣмъ какъ, если принять его въ желудокъ, то ничего дурного не происходитъ. Приготовленіе кураре, получаемаго изъ одного вида ліаны (бежуко), извѣстно далеко не всѣмъ племенамъ; его пріобрѣтаютъ, странствуя для этого иногда очень далеко. О приготовленіи кураре разсказываютъ много ужасовъ, которымъ нельзя безусловно довѣрять. Разсказываютъ, что приготовленіе его происходитъ въ мрачно торжественной обстановкѣ лѣсной чащи, подъ руководствомъ особаго лица, „господина яда“. Такъ какъ изъ котла или скороводы, на которыхъ долго варятъ стебли и листья ліаны, подымаются смертельно ядовитыя испаренія, то для наблюденія за тѣмъ отряжаютъ дряхлыхъ старухъ, обрекаемыхъ этимъ на смерть, причемъ всѣ остальные члены общины располагаются кругомъ, чтобы слѣдить за жертвами, дабы они не убѣжали и исполняли свое дѣло, какъ слѣдуетъ. При обыкновенной температурѣ кураре твердо, но при нагрѣваніи дѣлается жидкимъ. Кромѣ кураре въ распоряженіи туземцевъ есть и другіе яды, главнымъ образомъ стрихнинъ, получаемый изъ орѣховъ.

Свойственная всѣмъ людямъ страсть къ увеселеніямъ проявляется у индѣйцевъ Америки, какъ Сѣверной, такъ и Южной въ разнообразныхъ пляскахъ съ масками. Изъ того, что эти маскарады сопровождаютъ какъ разнообразныя событія повседневной жизни, такъ и всѣ исключительные случаи, можно заключить, что, кромѣ удовлетворенія чувства оживленной веселости, пляски въ маскахъ удовлетворяютъ какимъ то темнымъ религіознымъ инстинктамъ или представленіямъ, тѣсно связаннымъ съ культомъ животныхъ. Кохъ, который имѣлъ случай наблюдать ихъ у аруаковъ сѣверно-западной Бразиліи [1]), описываетъ ихъ довольно подробно. Для изготовленія масокъ индѣйцы сдираютъ кору съ одной лиственной породы и пользуются ея бѣлымъ лубомъ. Они осторожно снимаютъ ее съ дерева и, пока лубъ влаженъ, придаютъ всему куску форму назначенной фигуры и сшиваютъ его, гдѣ нужно, иголками, сдѣланными изъ костей обезьяны барригудо (Ladothrix olivaceus) на особомъ каркасѣ. Высушивъ затѣмъ остовы на скалахъ, обливаемыхъ горячими лучами солнца, индѣйцы приступаютъ къ раскраскѣ ихъ по давно установленнымъ образцамъ съ помощью разныхъ красокъ. Черную краску даетъ сажа съ закопченныхъ горшковъ, красную—сѣмя уруку, бѣлую они изготовляютъ изъ свѣтлой глины, взятой съ рѣчныхъ обрывовъ. Приготовленныя краски размѣшиваются въ клейкомъ сокѣ того же дерева, съ котораго содранъ лубъ.

Для нанесенія правильныхъ орнаментовъ на эти маски, закрывающихъ все тѣло танцора, индѣйскіе художники пользуются, точно наши чертежники, прямыми и кривыми линейками, представляющими прямые стебли пальмовыхъ листьевъ или гибкія ліаны (ципо). Для раскраски служатъ кисточки, т. е. палочки, обмотанныя на концахъ растительнымъ

[1]) Kreuz u. quer durch Nord-West Brasilien.

войлокомъ. Пестрые правильные узоры должны представлять пятнистыя шкуры изображаемыхъ масками животныхъ. Рисунки и краски наносились съ большою осторожностью и тщательностью. По окончаніи раскраски къ маскѣ пришивались рукава и длинная бахрома, закрывающая ноги. Самыя маски изображаютъ большею частью животныхъ, среди которыхъ первое мѣсто принадлежитъ бабочкѣ, затѣмъ слѣдуютъ: черный коршунъ, ягуаръ, рыбы, гусеницы и т. п.

Другія маски должны изображать злыхъ духовъ въ человѣческомъ образѣ, также въ видѣ гигантовъ, карликовъ, и т. п.

Индѣйцы въ маскахъ племени опаина изъ области Рio-Негро.

Пляски начинаются обыкновенно послѣ захода солнца: въ нихъ принимаютъ участіе одни мужчины—женщины допускаются лишь въ качествѣ зрительницъ. Облачившись въ маски, которыя закрываютъ все тѣло до пятъ, танцоры выстраиваются какъ бы въ хороводъ и начинаютъ двигаться, приплясывая и притоптывая на слегка согнутыхъ ногахъ, напѣвая простой, но не лишенный мелодичности мотивъ, мрачный колоритъ котораго вполнѣ подходитъ къ страшнымъ и уродливымъ рожамъ масокъ. Напѣвы частью имѣютъ слова, смыслъ которыхъ настолько древенъ, что непонятенъ танцорамъ, частью представляютъ наборъ звуковъ вродѣ „лалала“, какими пользуется всякій, когда напѣваетъ мотивъ съ неизвѣстными ему словами. Звуки другихъ танцующихъ, смотря по маскѣ, должны изображать крики представляемаго танцоромъ звѣря, движеніямъ котораго онъ старается подражать. Другіе, представляющіе демоновъ, стараются изобразить разными тѣлодвиженіями злобныя свойства этихъ духовъ. Чтобы придать движеніямъ и пѣнью танцующихъ правильный ритмъ, нѣкоторые изъ нихъ держатъ въ рукахъ украшенные жезлы, которыми съ силой ударяютъ по землѣ въ тактъ пѣнію и движеніямъ пляшущихъ. Этими же жезлами бьютъ въ стѣны хижинъ, подавая тѣмъ знакъ къ началу церемоніи. По окончаніи каждаго отдѣленія, танцующіе отбѣгали въ сторону къ мѣсту храненія масокъ и, сдѣлавъ тамъ нѣсколько скачковъ впередъ и назадъ съ наклоненіемъ туловища въ разныя стороны, снимали съ себя маски. Описысываемая пляска происходила съ честь недавно скончавшагося молодого индѣйца. Ей предшествовало оплакиваніе его, которое представляетъ чисто формальную церемонію, такъ какъ въ перерывахъ еяу частвующіе въ плачѣ спокойно бесѣдовали о вещахъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ смерти и погребенію.

При другихъ случаяхъ или у другихъ племенъ пляски въ маскахъ носятъ иной характеръ, такъ какъ вообще они очень разнообразны и различаются даже въ сосѣднихъ селеніяхъ. Въ однихъ пляшутъ такъ, въ другихъ иначе. Такъ пляска, которую тотъ же путешественникъ наблюдалъ спустя нѣсколько дней въ другомъ селеніи, представляла не спокойный хороводъ или парадное шествіе вереницы маскированныхъ, а дикую сцену, производившую потрясающее впечатлѣніе. Маски выходили гуськомъ изъ темнаго лѣса, кружились на центральной площадкѣ и возлѣ хижинъ. Затѣмъ появлялись другія, изображавшія по всей видимости злыхъ духовъ, желающихъ ворваться въ дома. Между тѣми и другими происходитъ примѣрная борьба, сопровождаемая дикими криками, воплями, воемъ, яростными тѣлодвиженіями, ударами въ стѣны хижинъ, срываньемъ травянистой кровли. Пѣніе и тѣлодвиженія зрителей сопровождаютъ примѣрную борьбу замаскированныхъ и придаютъ всей сценѣ сильно драматическій характеръ.

Эта пляска происходила также въ честь покойника, и изображала, можно думать, возвращеніе духа въ сопровожденіи другихъ демоновъ къ родному очагу, доступъ куда ему преградили дружественные духи и покровители-животныя. Въ самые оживленные моменты борьбы многія зрительницы блѣднѣли отъ страха, а двѣ дѣвушки, напуганныя яростными движеніями и воплями ужасныхъ масокъ, даже полѣзли со страху подъ крышу.

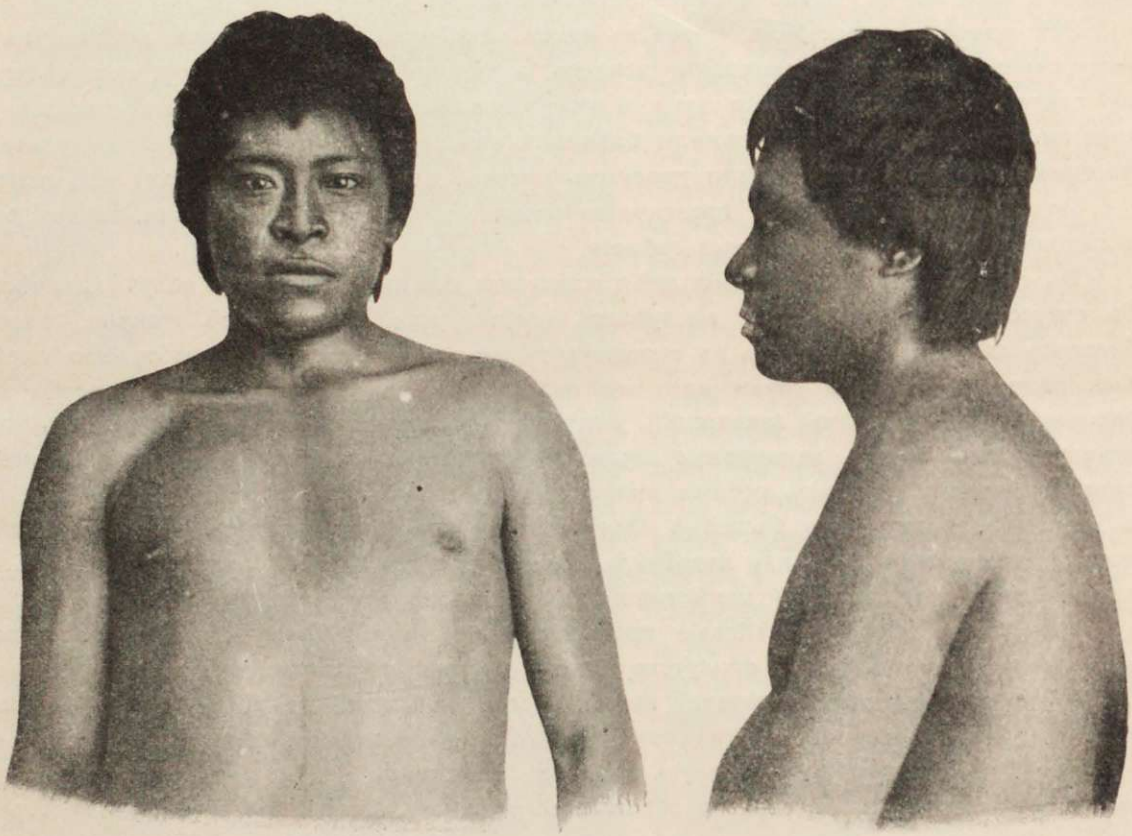
Подобными же плясками празднуется окончаніе жатвы, рыбной ловли, возвращеніе съ похода и другія тому подобныя событія.

Въ случаѣ болѣзни, укушенія змѣи, или когда кто нибудь желаетъ получить извѣстіе объ отсутствующемъ на сцену выступаетъ особое лицо, нѣчто вродѣ шамана, которое обладаетъ свойствомъ вступать въ сношенія съ міромъ духовъ. Чѣмъ культурнѣе племя, тѣмъ рѣзче выдѣляются среди него эти избранники, тѣмъ разнообразнѣе способы ихъ волхованія. Отъ простыхъ заклинаній у лѣсныхъ охотниковъ, которые бормочутъ надъ больнымъ имъ самимъ непонятные звуки, мы приходимъ къ цѣлымъ представленіямъ у земледѣльческихъ племенъ, какими являются напр. почти всѣ караибскія племена, какъ въ Амазоніи, такъ и въ бассейнѣ Ориноко, слѣдовательно въ Венецуэлѣ и Гвіанѣ. Тернъ [1]) описываетъ одно изъ подобныхъ священнодѣйствій надъ больнымъ у караибовъ Гвіаны. Хижину, въ которой помѣстили больного въ гамакѣ, заперли со всѣхъ сторонъ, потушили огонь, такъ что дѣйствіе происходило во мракѣ. Знахарь, пеайманъ, дождавшись наступленія въ толпѣ присутствующихъ тишины, приступаетъ къ вызову духовъ. Среди безмолвія раздаются внезапно крики, вопли, стоны, ревъ, которые, достигнувъ высшаго напряженія, постепенно стихаютъ и смѣняются гудѣньемъ, приносящимся какъ бы издалека. Эти смѣняющіе другъ друга крики продолжались непрерывно въ теченіе 6 часовъ! Порою казалось, что звуки изображаютъ какіе то вопросы, бросаемые въ пространство, за которыми слѣдуютъ отрывистые, какъ бы бросаемые отвѣты. Отдѣльныя слова, вопросы и отвѣты чередовались такъ быстро, что все это звукоизверженіе не имѣло никакихъ перерывовъ. Пеайманъ запрашиваетъ такимъ образомъ разныхъ духовъ и получаетъ съ ихъ стороны отвѣты. Затѣмъ среди хаоса звуковъ появились новые. Казалось, какъ будто что то большое и тяжелое приближается издали къ хижинѣ на вѣющихъ крыльяхъ, точно этотъ предметъ пробиваетъ кровлю и падаетъ на полъ, чтобы, спустя нѣсколько времени, удалиться съ подобными же звуками. „Духи“ появлялись такимъ образомъ одинъ за другимъ. Каждый изъ нихъ издавалъ при этомъ свой особый крикъ, который слышался сперва издали, потомъ громче и громче. Прилетавшіе духи жадно лизали поставленный на полу въ чашкѣ табакъ, потомъ разсказывали о себѣ и давали обѣщаніе не безпокоить впредь больного. Они являлись, судя по звукамъ, въ образѣ ягуара, обезьянъ, птицъ, змѣй, даже въ образѣ людей. Крики ихъ разносились во всѣ

[1]) Among the Indians of Guiana.

стороны дико и хрипло. Искусство, съ какимъ пеайманъ испускаетъ всѣ эти звуки, причемъ ему, повидимому, помогаетъ еще кто нибудь, обыкновенно жена, вызываетъ настоящее изумленіе. Шелестящіе звуки крыльевъ прилетающихъ духовъ онъ производитъ, вѣроятно, маханіемъ въ воздухѣ птичьихъ крыльевъ или древесныхъ вѣтвей. Для звуковъ и криковъ несомнѣнно необходимо искусство чревовѣщанія.

Знахари практикуютъ свое ремесло съ разными измѣненіями. Въ общемъ же ихъ волхованіе поразительно напоминаетъ камланье камовъ или шамановъ у монголъ и другихъ азіатскихъ племенъ. Точно также въ случаяхъ, когда хотятъ узнать о судьбѣ отсутствующаго, обращаются къ пеайману, которому приписывается сила вызывать духовъ и

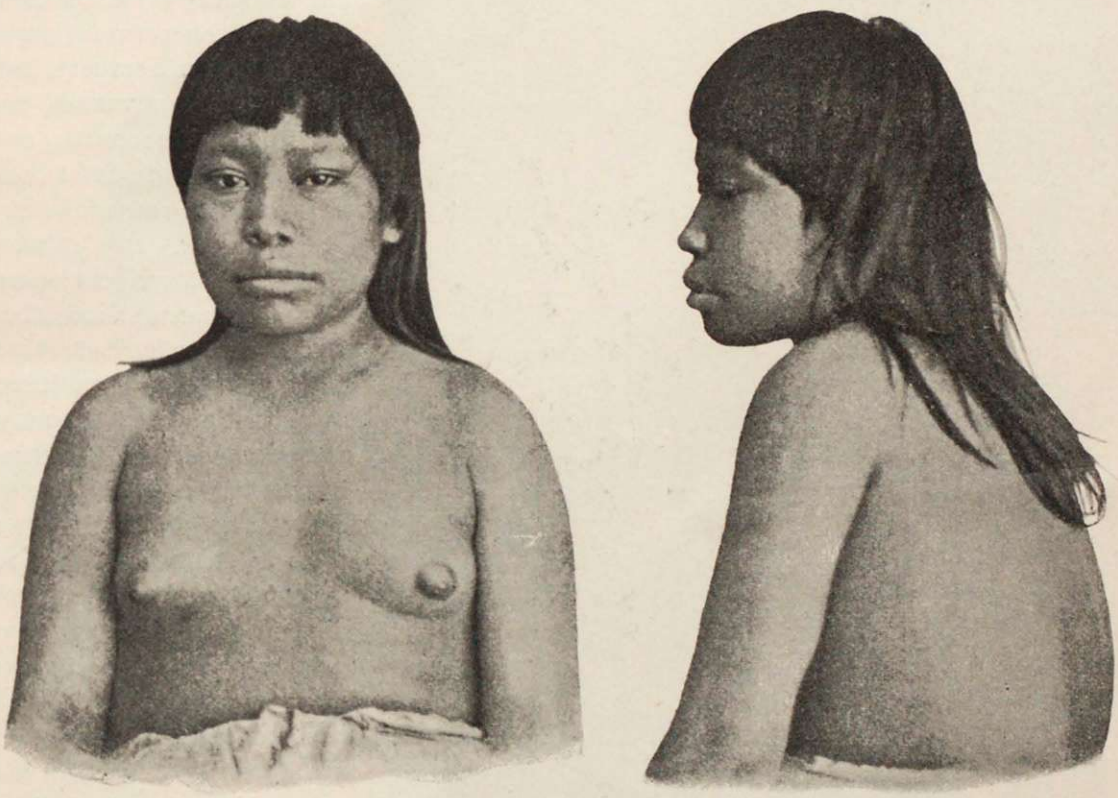


Индѣецъ племени ипурина (ну-аруакъ).

заставлять ихъ давать отвѣты. Пеайманъ вызываетъ душу отсутствующаго въ то время, когда тотъ спитъ, или же онъ самъ, т. е. душа пеаймана летитъ туда, въ то время какъ тѣло его остается недвижнымъ на мѣстѣ. Если мы припомнимъ, какъ Одиссей, сдѣлавъ сладкое питье, вызвалъ заклинаніями души усопшихъ, которыя „слетѣлись толпою, изъ мрачныя бездны Эрева поднявшись“, какъ затѣмъ онъ отгонялъ ихъ мечемъ, пока не появилась тѣнь Тирезія, отъ котораго ему необходимо было получить свѣдѣнія, то нельзя будетъ не поразиться, до какой степени сходно слагаются у разныхъ народовъ, стоящихъ болѣе или менѣе на одной и той же культурной ступени, ихъ воззрѣнія на миръ духовъ. У древнихъ эллиновъ, у индѣйцевъ Венецуэлы, у алтайскихъ монголъ одинаковые пріемы общенія съ духами, одинаковыя представленія о ихъ природѣ.

При началѣ болѣзни пеайманъ старается изгнать изъ больного злого духа просто тѣмъ, что дуетъ ему въ лицо. Если это не помогаетъ, то происходитъ вышеописанная церемонія. Иногда на помощь одному пеайману является второй и третій, которые въ теченіе нѣсколькихъ ночей тревожатъ тишину своими криками, трещотками и барабанами.

У индѣйцевъ Венецуэлы, принадлежащихъ къ племенамъ караибовъ, почти каждое большое селеніе имѣетъ своего пеаймана; общественное положеніе этихъ вызывателей духовъ уже таково, что они представляютъ привилегированную группу, которая стоитъ на пути образованія касты жрецовъ. Пеайманъ пользуется такимъ вліяніемъ, что никто не рѣшается отказать ему въ просьбѣ. Такимъ образомъ эти посредники между духами и людьми ведутъ лѣнивое существованіе, пользуясь всѣми благами жизни, какое вообще



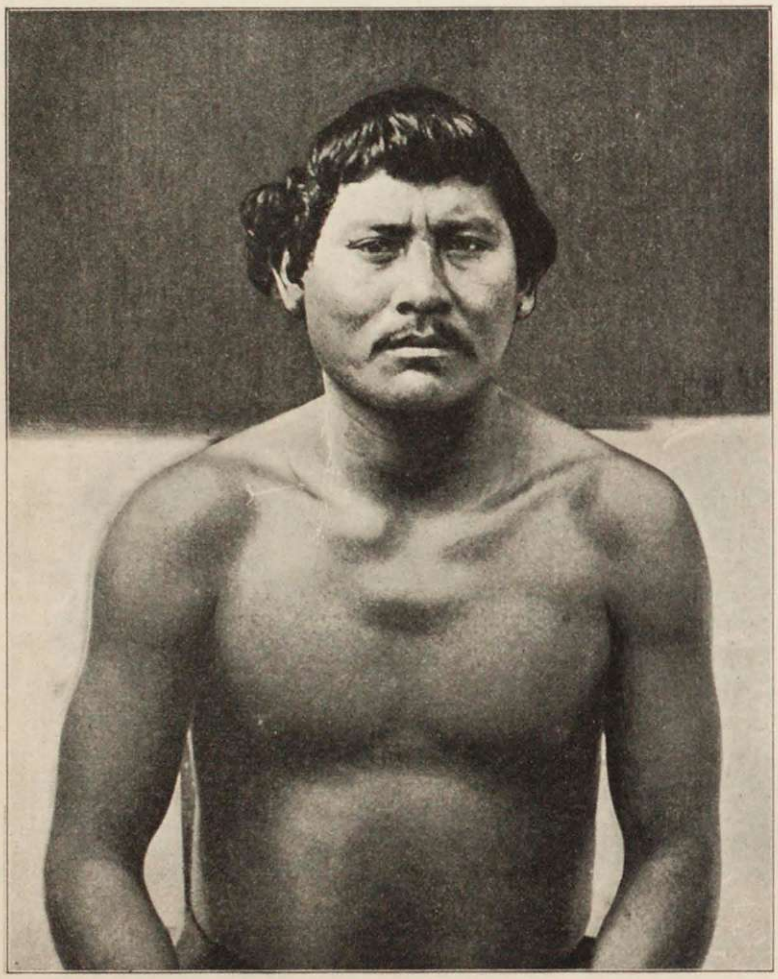
Индіанка племени ипурина (ну-аруакъ).

доступно индѣйцамъ. Отъ лѣсныхъ ботокудовъ, у которыхъ нѣтъ ничего, кромѣ самыхъ темныхъ и неопредѣленныхъ представленій о царствѣ духовъ, мы можемъ прослѣдить у туземцевъ описываемой области всѣ стадіи развитія представленій о духахъ и загробномъ мірѣ вплоть до появленія особаго сословія жрецовъ или заклинателей, которые существуютъ у земледѣльческихъ племенъ, и которые развиваютъ эти представленія далѣе. Но и у этихъ племенъ оболочка, въ которой являются духи, все еще представляетъ какой нибудь звѣриный образъ, такъ что они еще всецѣло принадлежатъ къ анималидамъ, о которыхъ была рѣчь въ общей характеристикѣ американскихъ племенъ.

Племена тупи распространены на всемъ пространствѣ между устьями Амазонки и среднимъ теченіемъ Параны. При устьяхъ Амазонки главныя племена ихъ оямби, тембе и якунда

по притоку ея Шингу обитаютъ юруна; на притокѣ Тапахосъ обитаютъ мундруку, маухе, апіака и парентинтинъ. На верхней Амазонкѣ открыто племя группы тупи омагуа, а въ верховьяхъ Ріо Мадейра довольно большія племена чиригуано и гуарайо. Тупи, живущіе на югѣ, на Паранѣ и Парагваѣ, принадлежатъ къ племенамъ гуарани и каингуа. Ну-аруаки и караибы, въ противоположность племенамъ тупи, гораздо менѣе расщеплены и населяютъ сплошь болѣе обширныя пространства. Племена ну-аруаковъ заселяютъ главнымъ образомъ область верхней и средней Амазонки и ея притоковъ (Ріо Негро, Пурусъ, Мадейра), и только въ Колумбіи и Гвіанѣ встрѣчаются отдѣльныя племена ихъ.

Четвертая и послѣдняя большая группа племенъ, именно караибы, занимаютъ восточную Венецуэлу, Гвіану (макуши, ваяна) и нижнее теченіе Амазонки (юма). Отсюда они въ эпоху открытія Америки стали переселяться на Малые Антильскіе острова. Здѣсь съ ними и встрѣтились европейцы, на которыхъ дикіе, воинственные караибы произвели сильное впечатлѣніе. Съ тѣхъ поръ имя ихъ проникло даже въ общую литературу какъ синонимъ дикаря. Самое южное племя караибовъ это бакаири на верхнемъ Шингу, съ нравами которыхъ мы уже имѣли случай познакомиться. Вѣроятно, вся масса племенъ обитала здѣсь прежде, но потомъ по какимъ-то причинамъ караибы должны были продвинуться на сѣверъ. Европейская колонизація Вестиндскихъ острововъ помѣшала караибамъ въ ихъ распространеніи далѣе на сѣверъ и западъ. Къ караибамъ Гвіаны принадлежатъ племена рукуены или ваяна, макуши или арекуна, гвахарибо по верхнему Ориноко, пьянагото, аринагото, галиби на побережьи Гвіаны, апалаи, тріо, каригуано, паравильяна, майонконгъ, макиритаре, вайка или гвайка, таманако и многія другія.



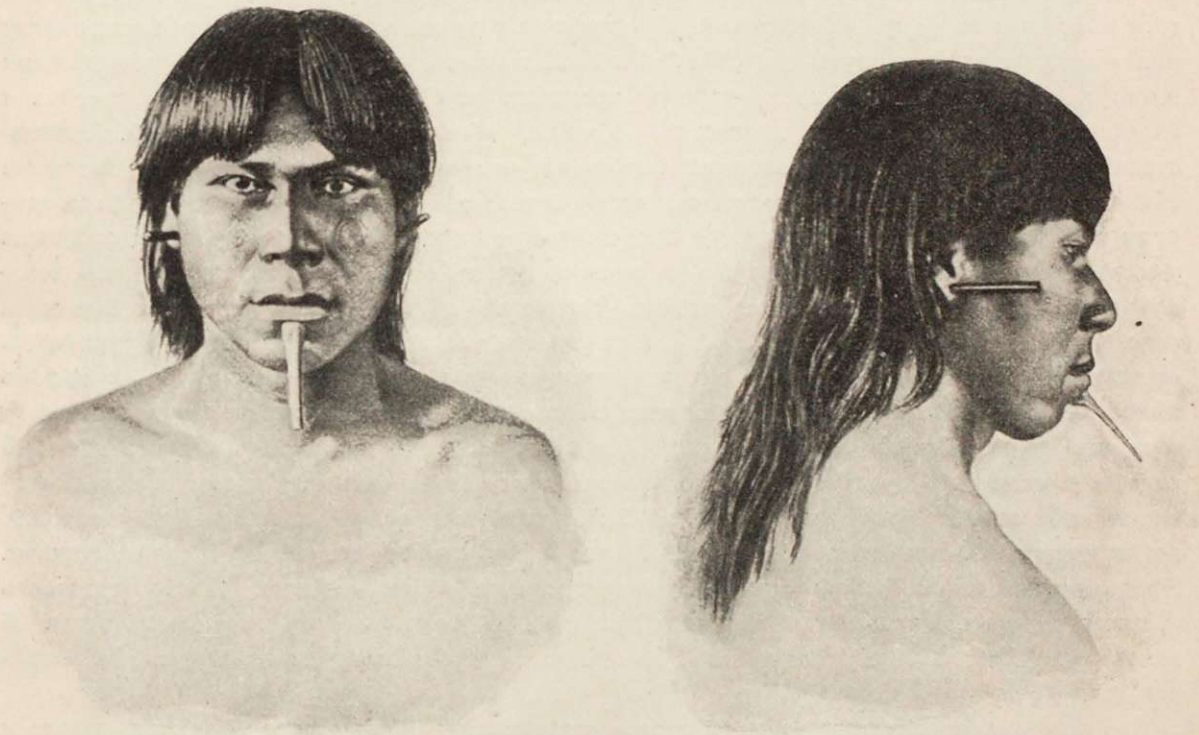
Молодой караибъ.

Кромѣ караибовъ здѣсь встрѣчаются также племена ну-аруаковъ (особенно на побережьи англійской и голландской Гвіаны), которыхъ считаютъ первобытными обитателями страны, и которые въ своемъ бытѣ мало отличаются отъ сосѣдей. Затѣмъ сюда забрели и нѣкоторыя племена тупи, которыхъ за ихъ предполагаемое людоѣдство считали особенно дикими. Наконецъ среди множества этихъ племенъ кое гдѣ уцѣлѣли еще остатки такихъ туземцевъ, которыхъ нельзя причислить ни къ одной изъ извѣстныхъ группъ, какъ, напр., отомаки на среднемъ Ориноко, про которыхъ Гумбольдтъ разсказываетъ

любопытный обычай о ихъ привычкѣ ѣсть особую жирную глину; сюда же относятся атуресъ, погребавшіе своихъ покойниковъ въ корзинахъ и горшкахъ въ глубинѣ пещеръ, а также варрау или гварауно и, вѣроятно, еще многія другія племена, неизвѣстныя наукѣ и быстро вымирающія.

Въ общемъ караибы рослые, хорошо сложенные люди съ довольно свѣтлымъ цвѣтомъ кожи, которую они красятъ на лицѣ сокомъ генипабы. Мужчины обрѣзаютъ волосы довольно коротко, женщины носятъ ихъ длинными и мажутъ растительнымъ масломъ. Для украшенія многія племена продѣваютъ въ сдѣланное въ носовой перегородкѣ отверстіе деревянныя палочки или трубки тростника, а въ отверстіе нижней губы продѣваютъ длинныя иглы.

Большая часть караибскихъ племенъ принадлежитъ къ числу обрабатывающихъ землю туземцевъ и въ образѣ жизни походятъ на описанныхъ тупи и аруаковъ. Тѣ изъ нихъ, которые проникли на Антильскіе острова, наводили вначалѣ ужасъ на испанцевъ



Караибская женщина съ украшеніями въ ушахъ, въ нижней губѣ и съ татуированными щеками.

своими отравленными стрѣлами. Они населяли преимущественно островъ св. Винцента, куда европейцы вначалѣ не показывались. Но вскорѣ плодородныя долины острова привлекли бѣлыхъ колонистовъ. Еще до того, какъ въ XVIII в. сюда высадились французы, на островѣ находили убѣжище бѣглые рабы негры, которыхъ караибы охотно принимали. Притокъ бѣглыхъ былъ настолько значителенъ, что вскорѣ рядомъ съ чистыми или „желтыми“ караибами острова появились „черные“ караибы, т. е. смѣсь американскаго племени съ африканскимъ. Когда появились бѣлые, эти черные караибы изъ страха, чтобы ихъ не приняли за бѣглыхъ рабовъ, усвоили всѣ обычаи желтыхъ или красныхъ караибовъ, т. е. стали посредствомъ дощечекъ сдавливать головы новорожденнымъ, женщины туго перетягивали себѣ ноги ниже колѣна съ цѣлью сдѣлать икры толще. Въ концѣ XVIII в., когда островомъ завладѣли англичане, караибы неоднократно возставали

противъ нихъ въ союзѣ съ французами, но въ концѣ концовъ были усмирены, и большая часть ихъ должна была переселиться на о. Руатанъ въ заливѣ Хондурасъ. Отсюда они стали распространяться по берегамъ центральной Америки, въ то время, какъ кучка оставшихся на островѣ св. Винсента караибовъ стала вымирать и близка къ полному исчезновенію.

Караибы Колумбіи принадлежатъ къ племени гваиро и обитаютъ на полуостровѣ образуемомъ извѣстнымъ заливомъ или лагуной Маракаибо. Эти полуцивилизованные гваиро носятъ рубашку и штаны, но для далекихъ путешествій они надѣваютъ только рубашку, а поверхъ ея „мочиллу"—нѣчто вродѣ мѣшка, который ихъ сосѣди, невадскіе аруаки, приготовляютъ изъ волоконъ асавы. И мужчины и женщины много курятъ тонкія длинныя сигары, приготовляемыя женщинами.

Гваиро владѣютъ большими стадами и питаются поэтому преимущественно мясомъ. Кромѣ мяса они употребляютъ въ пищу маисъ и маніокъ, который получаютъ у испанцевъ. Изъ маиса они приготовляютъ опьяняющій напитокъ, такъ называемую чичу; кромѣ того пьютъ много рому. Въ состояніи опьяненія они очень опасны. Подобно большинству индѣйцевъ, гваиро живутъ то въ крайней бѣдности, то въ изобиліи. Музыкальными инструментами у нихъ служатъ марана—трещотка изъ выдолбленной тыквы, флейта и барабанъ изъ выдолбленнаго древеснаго обрубка, обтянутаго козлиной кожей. Художественныя наклонности ихъ проявляются въ томъ, что они стараются украсить предметы обихода. Въ ихъ рисункахъ постоянно встрѣчаются прямыя и спиральныя линіи и спирали изъ точекъ. Гваиро отличаются большимъ мужествомъ; любимая форма самоубійства у нихъ—повѣшеніе; самоубійства же случаются довольно часто по всевозможнымъ поводамъ: гваиро вѣшается, когда не можетъ отомстить за нанесенное ему оскорбленіе, и тогда месть переходитъ къ его семьѣ. Это похоже на японское харакири. Гуманность, состраданіе, милосердіе совершенно чужды гваиро: они продаютъ своихъ дѣтей за мѣшокъ маиса, за пару козъ. У зажиточныхъ гваиро женщина занимаетъ почетное положеніе, у бѣдныхъ же, наоборотъ, самое низкое. Дѣвушки смотрятъ за скотомъ, большею частью сидятъ дома и выѣзжаютъ верхомъ только вмѣстѣ со всею семьей. Когда дѣвушка достигаетъ зрѣлости, ее на срокъ отъ 2 до 5 мѣсяцевъ запираютъ въ небольшой хижинѣ, двери которой заколачиваются. За нею въ это время ухаживаетъ только старая женщина. Продолжительностью этого заключенія опредѣляется цѣна невѣсты. Право продавать невѣсту принадлежитъ брату матери. Обыкновенно женихъ покупаетъ невѣсту за 20 воловъ или муловъ и нѣсколько козъ. Замужнія женщины занимаются домашнимъ хозяйствомъ.

Главными предметами обихода этого непритязательнаго народа являются попоро и нуаи. Попоро—деревянная посудина, вырѣзанная изъ плодовъ тотумо и наполненная известью. Аруаки употребляютъ эту известь вмѣстѣ съ сокомъ жеванныхъ листьевъ коки, которые они постоянно носятъ съ собой. Нуаи—посуда меньшихъ размѣровъ изъ того же матеріала; въ него кладется немного меда, и служитъ она для обмѣна любезностей: при встрѣчѣ аруаки прежде всего угощаютъ другъ друга этимъ медомъ, а затѣмъ уже вступаютъ въ разговоръ. По отношенію къ чужимъ они очень неразговорчивы, но тѣмъ болтливѣе въ сношеніяхъ между собою. Похороны происходятъ у нихъ слѣдующимъ образомъ: когда уже нѣтъ никакого сомнѣнія, что больной умеръ, его заворачиваютъ въ нѣсколько одеждъ, такъ что трупъ превращается въ нѣчто вродѣ тюка, связываютъ этотъ тюкъ и прикрѣпляютъ къ длинному шесту. Затѣмъ начинаютъ рыть землю кусками дерева. Во время этихъ приготовленій плачетъ только мать; отецъ, родственники и сосѣди разговариваютъ о постороннихъ вещахъ. Когда могила готова, приносятъ трупъ и, держа его надъ ямой, обрѣзаютъ веревки, такъ что онъ падаетъ въ могилу. Затѣмъ могилу зарываютъ съ помощью ногъ. За всей этой процедурой неподвижно наблюдаетъ колдунъ—мама. Могилы

находятся обыкновенно на берегу рѣкъ и иногда обозначаются кучею камня. Впрочемъ, этотъ способъ погребенія не единственный; большею частью трупъ хоронятъ въ сидячемъ положеніи. Пляска ихъ состоитъ изъ простого хоровода; мужчины и женщины берутся за руки, двигаются то вправо, то влѣво, притопываютъ ногами и размахиваютъ руками въ тактъ музыки.

Общественная жизнь у аруаковъ мало развита. При обсужденіи какихъ либо важныхъ вопросовъ они собираются въ домѣ одного изъ вліятельнѣйшихъ членовъ племени, развѣшиваютъ свои гамаки и, непремѣнно жуя листья коки, ведутъ продолжительныя бесѣды. Часто они собираются также у мама, который является для нихъ необходимымъ лицомъ, распоряжающимся жизнью и смертью, врачемъ и жрецомъ. Лѣченіе его очень несложно:

Индѣйцы племени вайка или гвайка изъ Венецуэлы.

когда къ нему приводятъ больного, онъ даетъ послѣднему маленькіе камешки, завернутые въ листья маиса. Для того, чтобы предсказать будущее, онъ ставитъ миску съ водой на подставку изъ трехъ камней и бросаетъ въ эту миску маленькіе камешки. Предсказаніе его основывается на числѣ появляющихся при этомъ пузырей. Мама умѣетъ не только лѣчить, онъ можетъ также насылать на своихъ враговъ болѣзни. Онъ, будто бы, умѣетъ загонять во внутренности своихъ враговъ ящерицъ, лягушекъ, пауковъ и т. п. Поэтому-то гваиро и боятся своихъ слабыхъ сосѣдей. Въ качествѣ жреца, мама освящаетъ дѣтей. Обрядъ этотъ довольно продолжителенъ: сначала жрецъ постится, затѣмъ онъ ведетъ ребенка на берегъ рѣки и здѣсь кладетъ ему въ ротъ кусочки тѣхъ кушаній, которыя въ

будущемъ онъ разрѣшаетъ ему ѣсть. Черезъ пять или шесть дней обрядъ этотъ повторяется. Мужчины проводятъ свое свободное время обыкновенно въ большихъ домахъ для собраній. Дома эти легко узнать, потому что надъ ними обыкновенно бываютъ поставлены около дюжины шестовъ, увитыхъ вьющимися растеніями.

Бѣлые и черные колонисты Бразиліи.

Происхожденіе и прошлое колоніи. — Свободные и рабы. — Смѣшеніе расъ. — Характеръ бразильскихъ португальцевъ.—Бразильскіе города и селенія.—Домашняя обстановка.—Нѣмцы и итальянцы колонисты. — Хербатеро и ихъ занятія.—Каучеро.—Вакейро.—Бразилія, какъ государство.

Бразилія, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ странъ Ю. Америки, съ самаго начала была колонизована не испанцами, а португальцами. Ея берега открылъ въ 1500 г. португальскій адмиралъ Педръ Альварецъ Кабраль, плывшій съ флотомъ въ 16 судовъ въ Остъ-Индію. При раздѣлѣ земель Новаго Свѣта между Испаніей и Португаліей Бразилія осталась за Португаліей. XVI вѣкъ былъ временемъ, когда небольшая Португалія, благодаря морскимъ открытіямъ и оживленной торговлѣ, на мгновеніе выдвинулась чутъ не на первый планъ на аренѣ всемірной исторіи. Но сохранить выпавшее ей на долю мѣсто Португалія не могла—страна была слишкомъ ничтожна для великой роли какъ по средствамъ, такъ и по малочисленности населенія. Въ наступившей затѣмъ колоніальной борьбѣ, въ которой главнымъ образомъ выступили Англія, Голландія и Франція, Португалія потеряла лучшія свои колоніи, сохранивъ однако громадныя владѣнія въ Африкѣ и въ Америкѣ, которыя по дикости и малолюдности не могли никого привлекать. Португалія, подобно мелкому, но жадному торговцу, никогда не вела широкой политики. Португальцы, выселявшіеся въ колоніи, превращались тамъ въ простыхъ пріобрѣтателей, которые легко теряли связь съ прежней родиной и столь же легко подпадали условіямъ жизни въ новомъ мѣстѣ. Метрополія не могла защищать ихъ, не могла помогать имъ ни матеріально, ни духовно, потому что въ этомъ отношеніи сама была бѣдна. Какъ южане, португальцы сравнительно легко акклиматизировались въ тропическомъ климатѣ, какъ народность, лишенная сильной самостоятельной культуры, они безъ затрудненій вбирали въ себя мѣстное туземное населеніе. Направивъ всѣ усилія на простую наживу, не разбирая средствъ и не заглядывая въ будущее, португальскіе колонисты всюду культурно опускались при благосклонномъ участіи метрополіи, которая всегда старалась извлечь наибольшее количество выгодъ изъ своихъ колоній. Такъ, едва по берегамъ Бразиліи возникли бѣлыя поселенія (Бахіа), какъ португальское правительство поспѣшило наложить на ихъ развитіе свою тяжелую эксплоататорскую руку. Въ колоніи были запрещены культура маслины, вина, разработка соляныхъ копей, всякіе фабрики и заводы, съ тою цѣлью, чтобы за эти привозимые изъ Португаліи продукты взимать съ колонистовъ въ три-дорога. Въ то же время колонія сдѣлалась мѣстомъ ссылки. Правительство охотно раздавало предпринимателямъ бразильскіе пустыри и снабжало ихъ невольными колонистами въ видѣ преступниковъ. Духовные ордена, именно іезуиты, приняли въ этомъ особенно сильное участіе. Испытывая все больше и больше стѣсненій своей дѣятельности даже въ католическихъ странахъ, іезуиты обратили свои взоры за океанъ. Благодаря ихъ усиліямъ заселились штаты Санъ-Пауло въ Бразиліи и Миссіонесъ (въ Аргентинѣ и Парагваѣ) и были сдѣланы первыя, весьма успѣшныя попытки цивилизовать туземцевъ. Не смотря на то, что въ концѣ XVII ст. въ Санъ-Пауло и Минакъ-Жерасѣ были открыты золотыя розсыпи и алмазныя копи, Бразилія все-таки развивалась медленно. Португальскіе хасіендадо (помѣщики) лѣниво качались въ своихъ гамакахъ въ разслабляющей атмосферѣ тропическаго зноя, въ то время, какъ толпы черныхъ рабовъ обливались потомъ на плантаціяхъ

и на разныхъ промыслахъ, а кое-какіе европейскіе торговцы привозили для непритязательнаго хозяйства и низменнаго комфорта произведенія Европы.

Въ началѣ XIX в. наступила перемѣна. Нашествіе французовъ на Пиренейскій полуостровъ всколыхнуло населеніе его. Спасаясь отъ своеволія наполеоновскихъ маршаловъ, Браганцская династія, правившая Португаліей, удалилась со всѣмъ дворомъ и множествомъ аристократическихъ семействъ въ Бразилію. Но въ 1817 году королевскій дворъ вновь вернулся въ Португалію, оставивъ въ Бразиліи въ качествѣ принца регента Домъ-Педро, наслѣдника престола. Къ этому времени южная провинція Бразиліи уже настолько заселилась и расцвѣла, что необходимость свободнаго развитія колоніи ощущалась всѣми, и въ 1822 году Бразилія порвала свое подчиненное отношеніе къ Португаліи, провозгласивъ себя имперіей. Имперія просуществовала до 1883 года. Въ этомъ году вспыхнула революція, въ результатѣ которой престарѣлый императоръ долженъ былъ покинуть страну, послѣ чего Бразилія превратилась, по образцу Соединенныхъ Штатовъ, въ федеративную республику. Къ этому же времени относится окончательное упраздненіе рабства.

Населеніе Бразиліи страшно пестро и разсѣяно въ странѣ крайне неравномѣрно. Пестрота проистекаетъ не столько отъ числа населяющихъ республику народностей, которыхъ не такъ много, сколько отъ разнообразнѣйшихъ смѣшеній между ними. Немного больше трети населенія (37%) составляютъ бѣлые или тѣ, которыхъ можно къ нимъ причислить. Столько же (37%) насчитывается метисовъ — разныхъ терцероновъ (отецъ бѣлый, мать мулатка), квартероновъ (отецъ бѣлый, мать терцерона), квинтероновъ (отецъ бѣлый, мать квартерона) и т. д. Чистыхъ негровъ и мулатовъ около одной пятой (19%) и только 4% населенія составляютъ краснокожіе. Такимъ образомъ, также какъ въ Чили, около 60% населенія — цвѣтные! Разница, однако, въ томъ, что здѣсь главный элементъ цвѣтныхъ не туземцы Америки, а черные африканцы. Если вспомнить, что коренные колонисты, португальцы, отнюдь не принадлежатъ къ передовымъ носителямъ европейской культуры, что черные африканцы очень туго воспринимаютъ ее, то никого не можетъ удивить не столько низкій, сколько низменный уровень бразильскаго населенія. Несмотря на республиканскія учрежденія, т. е. на свободу и равенство, бразильцы въ жизни разслаиваются не только на классы, но и на сословія; люди разныхъ положеній — помѣщики-плантаторы, предприниматели, купцы, адвокаты, врачи и особенно военные съ одной стороны, масса простонародія съ другой — хотя не составляютъ замкнутыхъ кастъ, но все же рѣзко раздѣляются въ жизни. За исключеніемъ большихъ городовъ, подернутыхъ налетомъ блестящей европейской внѣшности, всюду въ странѣ жизнь носитъ крайне низменный характеръ. Образованіе распространено очень слабо, семейный бытъ грубъ у простого народа и проникнутъ низменной пошлостью у высшихъ сословій. Положеніе женщины крайне незавидное—женщина въ Бразиліи оттѣснена въ глубину семейнаго очага и не играетъ никакой роли даже въ обычной жизни общества, чѣмъ Бразилія рѣзко отличается отъ испанскихъ странъ Ю. Америки.

Негры рабы ввозились, благодаря близости африканскаго берега, на бразильскія плантаціи милліонами. Хотя среди ввозимыхъ рабовъ рѣшительно преобладали мужчины, цѣнимые болѣе въ качествѣ работниковъ на плантаціяхъ, но неравенство половъ сгладилось благодаря скрещиваніямъ съ бѣлыми. Смѣло можно сказать, что весь бразильскій народъ смѣшаннаго происхожденія, хотя 37% его и выдаютъ себя за бѣлыхъ потомковъ европейцевъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго—всякая „бѣлая“ семья стремится установить свое происхожденіе отъ свободныхъ, а не отъ рабовъ. Чиновники, завѣдующіе статистикой, сами придерживаются такихъ взглядовъ и безъ затрудненія причисляютъ къ „бѣлымъ“ всѣхъ, кто безъ явнаго противорѣчія цвѣту кожи претендуетъ на это. Весьма понятно, что сильная струя африканской крови, влившаяся въ жилы бразильскихъ португальцевъ, должна была понизить національный типъ.

Внѣшность бразильца средняго круга не располагаетъ въ его пользу. Обыкновенно это очень смуглые люди, физіономіи которыхъ обличаютъ то примѣсь африканской крови, то индѣйской; въ то время какъ одни курчавы, другіе имѣютъ черные прямые волосы. Внѣшнее поведеніе, весь видъ и характеръ бразильцевъ вполнѣ гармонируютъ съ физіономіями. Они подвижны, шумливы, склонны къ произнесенію рѣчей, благодаря чему всякое сборище, за обѣдомъ ли или по другому поводу, превращается въ маленькій парламентъ. Благодаря своей экспансивности и необычайной любви къ внѣшности, притомъ къ внѣшности дурного тона, бразилецъ крайне склоненъ къ пафосу безъ всякой экзальтаціи и обильно украшаетъ свою рѣчь жестами. Любовь къ внѣшнему эффекту, при полномъ отсутствіи чувства истинно прекраснаго, при неразвитости и грубости вкуса, заставляетъ бразильца гоняться за „блестящей“ внѣшностью, какъ онъ ее понимаетъ, и превращаетъ его въ слѣпого подражателя всего, что ему кажется моднымъ и прогрессивнымъ. Поэтому, напр., люди даже средняго круга, не говоря про сливки общества, перенимаютъ самыя послѣднія слова цивилизаціи изъ Европы, и фешенебельные костюмы, носимые европейцами въ парадныхъ случаяхъ, считаются единственно достойными такой въ высшей степени передовой націи, какъ Бразильская. Черные сюртуки, фраки, цилиндры составляютъ неизбѣжный костюмъ всякаго бразильца, чувствующаго себя на одной изъ высшихъ ступеней общества, а также всякаго, кто тянется туда. Сѣрое пальто или соломенная шляпа считаются у этихъ людей верхомъ неприличія. „Просто какъ-то жутко,—говоритъ одинъ путешественникъ, смотрѣть на этихъ до черноты смуглыхъ людей, костлявыхъ, коренастыхъ, вѣчно потѣющихъ подъ отвѣсными лучами солнца, одѣтыхъ въ черные суконные сюртуки, конечно большею частью потертые и скверно сшитые, въ неуклюжіе панталоны съ морщинами, съ потерявшими лоскъ высокими шляпами на головѣ... Бѣлыя одежды и соломенныя шляпы предоставлены здѣсь неграмъ, да туристамъ иностранцамъ, потому что даже иностранцы, принужденные имѣть коммерческія дѣла съ автохтонами, не смѣютъ облекать себя въ свѣтлыя и свѣжія одежды, спорить съ тропическими лучами“. Бѣдность внутренняго содержанія и страсть къ внѣшнему великолѣпію, къ яркому, блестящему и уродливо-грубому характеризуетъ бразильца такъ же, какъ цвѣтистое опереніе попугая его родныхъ лѣсовъ соединятся съ убогимъ умомъ и некрасивой фигурой этой птицы.

Во всей южной Бразиліи, населенной гуще и оживленной торговлей, въ жизни городского и сельскаго населенія наблюдается мало разнообразія. Города, кромѣ большихъ портовъ, на физіономію которыхъ сильно повліяли иностранцы, мало различаются одинъ отъ другого. Обыкновенно городъ составляютъ нѣсколько длинныхъ, широкихъ улицъ, перекрещивающихся между собой подъ прямымъ угломъ. По срединѣ открывается не всегда замощенная площадь съ лишенными всякой архитектуры казенными зданіями присутственныхъ мѣстъ, съ простой церковью съ гладкими стѣнами и незатѣйливой колокольней. Тутъ же зданіе масонской ложи—непремѣнная принадлежность каждаго города, жители котораго не желаютъ отставать отъ французовъ. Большіе дома въ два этажа, маленькіе—въ одинъ, но съ безчисленнымъ количествомъ оконъ, которыя, какъ и двери, обведены разноцвѣтными полосами, большею частью зелеными и желтыми, составляющими національные цвѣта Бразиліи. Въ бразильской архитектурѣ главную роль играетъ пестрота красокъ, замѣняющихъ всякія украшенія. Маленькіе домики въ одинъ этажъ, бѣлые съ цвѣтными разводами, тянутся вдоль улицы вплотную, часто подъ одной общей крышей. Это жилища городской бѣдноты. Они состоятъ изъ единственной комнаты съ поломъ, не возвышающимся надъ уровнемъ улицы, и съ единственнымъ выходомъ прямо на улицу. Внутри довольно чисто и опрятно. Даже въ зажиточныхъ домахъ не существуетъ, несмотря на яркіе обои и затѣйливую мебель, на лоснящійся паркетъ и другіе бьющіе на эффектъ предметы обстановки, необходимыхъ удобствъ. Подобно тому, какъ всюду на востокѣ, очищать улицы и зады домовъ здѣсь предоставляютъ птицѣ урубу и собакамъ. Бразильцы,

даже богатые, днемъ занятые торговлей, дѣлами, вообще погрязшіе въ практическія мелочи, составляющія главное содержаніе погони за наживой, играющіе вечеромъ въ карты, совершенно нетребовательны по части комфорта. Вѣнскіе стулья или мебель мѣстной неуклюжей выдѣлки, столъ безъ скатерти, вотъ и вся роскошь гостиной. Бразилецъ истинный торгашъ и дома не сидитъ. Семья не привлекаетъ его, жена цѣнится скорѣе какъ домашняя управительница и не имѣетъ голоса въ домѣ. Бразильцу горожанину хорошо только въ лавкѣ, на улицѣ, въ кофейнѣ, и ему мало дѣла до того, что дома у него пусто, скучно и неуютно. Несмотря на демократическій строй въ Бразиліи уцѣлѣли отъ монархіи титулы, которые раздаются щедрою рукой эфемерными правительствами всѣмъ „нужнымъ“ людямъ. Поэтому здѣсь несмѣтное множество бароновъ, виконтовъ, графовъ и маркизовъ. Титулы не наслѣдственные и даются не за одну службу государству, а за все, что дѣлаетъ человѣка или опаснымъ или вліятельнымъ. Богатый торговецъ, помѣщикъ, адвокатъ, докторъ—всѣ претендуютъ сдѣлаться титулованными, перемѣнивъ обычныя бразильскія фамиліи на затѣйливо придуманныя индѣйскія названія разныхъ баронствъ, вродѣ „баронъ де Пиндаманхангаба“ или „графъ де Пирасикаба“. Убранство домовъ такихъ графовъ поражаетъ сочетаніемъ нелѣпой роскоши съ отсутствіемъ удобствъ. Домъ или палацо кажется пестрымъ, блестящимъ, глянцевитымъ отъ множества изразцовъ, рѣшетокъ, балконовъ, фонариковъ съ золочеными шариками и другими ярко-пестрыми украшеніями. Главное украшеніе, которымъ щеголяютъ дома богачей, это невѣроятно пестрые и яркіе обои, фабрикуемые въ Европѣ спеціально для Бразиліи. Подобно тому, какъ послѣ отдѣленія отъ Португаліи бразильцы придумали для своего императора парадную зеленую мантію, съ воротникомъ изъ желтыхъ перьевъ тукана, такъ и въ домахъ стѣны должны сіять золотомъ и зеленью. Паркеты изъ разноцвѣтнаго дерева, мебель изъ краснаго, чернаго, желтаго и другихъ деревьевъ и, наконецъ, громадные часовни-кіоты дополняютъ убранство дома богача. Особенно странное впечатлѣніе производятъ эти кіоты, центральное мѣсто въ которыхъ принадлежитъ обыкновенно большой восковой или фарфоровой куклѣ Богородицы съ настоящими расчесанными по плечамъ бѣлокурыми волосами, съ короной изъ фольги и въ модномъ бархатномъ или атласномъ платьѣ, осыпанномъ блестками или обшитомъ кружевами.

Уже при основаніи первыхъ поселеній въ Бразиліи громадные участки лучшихъ береговыхъ земель очутились въ рукахъ разныхъ крупныхъ собственниковъ, которымъ португальское правительство раздавало на извѣстныхъ условіяхъ большіе участки—капитанства. По мѣрѣ заселенія южныхъ провинцій и оживленія работорговли, доставлявшей рабочія силы для разширявшихся плантацій, португальскіе колонисты подвигались все далѣе внутрь страны. Особенно дѣятельно оттѣсняли туземцевъ и разрабатывали новые участки съ помощью рабовъ такъ называемые мамелюки или паулисты, т. е. энергичные и дѣятельные обитатели нынѣшняго штата Санъ-Пауло. Постепенно въ Бразиліи образовалась плантаторская аристократія, могущество которой основывалось на владѣніи землей, на рабствѣ и на предоставленныхъ имъ правахъ монопольно добывать разные сырые продукты. Эти крупные собственники больше всего сопротивлялись уничтоженію рабства, а когда оно всетаки совершилось, они принуждены были замѣнять рабовъ наемными рабочими или оставлять землю безъ обработки. Въ то время началось усиленное приглашеніе въ Бразилію колонистовъ изъ Европы. Первыми соблазнились обѣщаніями бразильскаго правительства нѣмцы, цѣлые транспорты которыхъ доставлялись перселенческими компаніями въ Ріо-Жанейро изъ Гамбурга. Переселенія нѣмцевъ въ Бразилію, преимущественно въ штатъ Санта Катарина, продолжалось долго, несмотря на неблагопріятныя климатическія условія, на отсутствіе дорогъ и полный правительственный безпорядокъ, пока этотъ потокъ не отклонила къ себѣ Аргентина. Эмигранты изъ Европы представляли ту цѣнность, что благодаря ихъ нуждѣ въ земляхъ, собственники могли

заселять ими свои участки, такъ какъ казенныя земли, отводимыя вновь переселявшимся, не всегда оказывались удобными. Такимъ образомъ крупныя владѣнія вновь получали значеніе, которое они рисковали потерять съ уничтоженіемъ рабства. Заселеніе пустыхъ пространствъ потребовало сооруженія желѣзныхъ дорогъ, а это заставляло правительство производить займы. Желѣзнодорожное строительство, займы, неизбѣжныя при этомъ хищенія, спекуляція землей, увеличеніе ввоза и вывоза—все вмѣстѣ привлекало въ Бразилію европейскіе капиталы и оживляло ея большіе города.

Въ числѣ нѣмецкихъ колонистовъ явились въ Бразилію и русскіе нѣмцы, т. е. меноніты и гернгутеры, которые издавна были поселены на Волгѣ, въ Екатеринославской и въ Таврической губерніяхъ. Они пользовались свободой отъ воинской повинности, но когда это право было у нихъ отнято, они предпочли переселиться за океанъ. Исторія ихъ переселенія и мытарствъ въ Бразиліи прекрасно иллюстрируетъ, какъ поставлено это дѣло въ Бразиліи. Бразильское правительство чрезъ посредство гамбургскихъ переселенческихъ агентствъ любезно предложило менонитамъ земли, ссуды и льготы въ Бразиліи. Когда же 6.000 довѣрчивыхъ нѣмцевъ, распродавъ свое имущество, явились туда, то имъ предложили земли внутри страны, дикіе пустыри, удаленные отъ моря, такъ какъ хорошіе участки находились въ частныхъ рукахъ. Послѣ двухъ лѣтъ, исполненныхъ всякихъ мытарствъ, колонисты совершенно раззорились и съ трудомъ успѣли вырваться въ Аргентину, гдѣ они нашли больше земли, несравненно болѣе удобствъ и меньше чиновниковъ, такъ что въ короткое время колоніи ихъ пришли въ блестящее состояніе. Кромѣ тропическаго климата, бездорожья, всякого рода безпорядковъ, жадности и небрежности чиновниковъ, само населеніе Бразиліи относится враждебно къ чужимъ. Бразильское простонародье, какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ, состоитъ изъ разной смѣси племенъ, но оно объединено сознаніемъ своего національнаго единства. Бразильцы вообще терпѣть не могутъ иностранцевъ, не исключая даже португальцевъ, особенно некатоликовъ, и потому эмигранты встрѣчаютъ на мѣстѣ множество грубыхъ и самонадѣянныхъ опекуновъ, подъ управленіемъ которыхъ имъ приходится очень тяжело.

Съ такимъ же успѣхомъ бразильское правительство колонизуетъ громадныя, рѣдко населенныя пространства Амазоніи. Колонисты нерѣдко съ охотой являются сюда исключительно съ цѣлью воспользоваться казенными льготами, которыя заключаются въ полученіи казеннаго пайка въ теченіе года или двухъ, опредѣленной суммы денегъ и другихъ преимуществъ.

До самаго послѣдняго времени колонизація нижней Амазонки, въ частности штата Пара, была неудачна. Въ продолженіе многихъ десятилѣтій предпринимались попытки насадить тамъ земледѣліе и заселить пустынныя пространства. Попытки однако терпѣли полную неудачу, т. к. колонисты, извлекши изъ страны всю возможную пользу, устремлялись въ большіе города, Пара и Манаосъ, чтобы заняться тамъ какимъ-либо ремесломъ или торговлей и, въ концѣ концовъ, возвратиться на родину. А область, не смотря на большія матеріальныя затраты, по прежнему оставалась пустою. Подобные же опыты тридцать лѣтъ назадъ производились съ португальской колоніей въ Обидосѣ, которая въ непродолжительномъ времени совершенно опустѣла, т. к. немногіе изъ прежнихъ колонистовъ превратились въ настоящее время въ зажиточныхъ обывателей города Обидоса большинство же совсѣмъ покинуло страну. Во французской колоніи Сантаремъ также не осталось ни души.

Всѣ эти неудачи колонизаціонныхъ попытокъ должны бы привести къ предположенію, не виновата ли самая система колонизаціи. Но за нее то и держатся съ упрямствомъ, достойнымъ лучшей участи.

Послѣ первой неудачной попытки европейской колонизаціи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напр., къ югу отъ Сантарема, стали селить цеарензовъ, какъ болѣе приспособленныхъ къ ко-

лонизаціи приамазонскихъ странъ. Это необычайно трудолюбивое племя, которое, на ряду съ земледѣліемъ, вводитъ въ колоніяхъ также и промышленность. Большинство занимается производствомъ сахара, многіе также гонятъ водку изъ сахарнаго тростника, нѣкоторые устраиваютъ лѣсопильни. Но они также не разсчитываютъ оставаться въ странѣ навсегда, и каждый ждетъ лишь, когда улыбнется ему счастье.

Поселившіеся въ Пара марангены также игнорируютъ земледѣліе и набрасываются на прибыльное добываніе каучука, которымъ приходится заниматься въ нездоровыхъ мѣстностяхъ, перенося массу лишеній, и это вызываетъ среди нихъ усиленную смортность. Несмотря однако на явную опасность, ни у кого не хватаетъ терпѣнія ждать вѣрнаго хотя и медленнато обогащенія отъ земледѣлія; каждый старается поскорѣе нажиться и убраться во свояси.

Когда въ колонію прибываютъ новые колонисты, ихъ сначала помѣщаютъ въ центрѣ селенія въ большихъ пальмовыхъ хижинахъ или въ небольшихъ черепахообразныхъ зданіяхъ чтобы дать имъ возможность акклиматизироваться. Здѣсь они живутъ 2 или 3 мѣсяца, и не только содержатся на казенный счетъ, но и получаютъ плату за всякую малѣйшую работу. Тѣмъ не менѣе подобная подневольная казарменная жизнь, сопряженная съ различными стѣсненіями, пробуждаетъ у многихъ колонистовъ желаніе уйти изъ колоніи.

По окончаніи акклиматизаціоннаго періода каждому колонисту отводится участокъ земли, на которомъ строится домъ на казенный счетъ. Дома не особенно просторны, но для данныхъ условій достаточно хороши; строятся они изъ глины, кроются пальмовыми листьями или желѣзомъ Внутреннее устройство дѣлается также частію на казенный счетъ, частію же для этой цѣли колонисту выдаются деньги взаймы. Устроившись, онъ принимается за обработку своей земли, въ чемъ ему прочіе колонисты помогаютъ. Каждый получаетъ за эту работу 3 мильрейса въ день. Когда расчистка и обработка подвинется настолько, что можно произвести посѣвъ, колонистъ становится плантаторомъ и получаетъ: холостой 30 мильрейсовъ, а семейный 80 въ мѣсяцъ и кромѣ того натурою: сахаръ, кофе, мясо, частію приготовленное, частью свѣжее, рисъ и керосинъ по извѣстному расчету на каждаго члена семьи. Можно себѣ представить, во что это обходится при нѣсколькихъ сотняхъ колонистовъ! Колонистъ заводитъ у себя куръ, свиней, овецъ; воздѣлываетъ сахарный тростникъ, табакъ, бананы, маисъ, райскіе яблоки и проч., и возитъ оженедѣльно въ городъ массу продуктовъ на продажу. Полученныя деньги принадлежатъ ему и даютъ въ мѣсяцъ до 100 мильрейсовъ. Если принять во вниманіе ежемѣсячную субсидію и вознагражденіе за помощь при расчисткѣ новыхъ участковъ, то черезъ 2—3 года у неизбалованнаго, нетребовательнаго человѣка, каковы почти всѣ колонисты, образуется изрядный капиталецъ, и тогда, распростившись съ колоніей, онъ отправляется пристраивать свои деньги куда-нибудь, въ крупный городъ. Такимъ образомъ изъ года въ годъ покидаетъ колонію около 20% колонистовъ, и правительство не можетъ, да и не хочетъ воспрепятствовать этому, такъ какъ это было бы противно его либерализму. Для колоніи такая значительная потеря рабочихъ силъ, которыя лишь съ большимъ трудомъ и съ новыми затратами замѣщаются новыми поселенцами, имѣетъ самыя дурныя послѣдствія: пустые дома приходятъ въ упадокъ, плантаціи дичаютъ, расчищенныя пространства вновь заростаютъ съ чисто-тропической быстротой и, въ концѣ концовъ, отъ предпріятія, поглотившаго столько денегъ, не остается ровно ничего.

Положеніе дѣлъ во всѣхъ колоніяхъ вполнѣ аналогично этому. Правительственные отчеты оставляютъ желать очень многаго, но все же нѣкоторыя цифры, относящіяся къ 1896 году, проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на колонизаціонное хозяйство. Въ колоніи Итаюри съ 20 марта до конца ноября прибыло 681 испанскій колонистъ, да за это время родилось еще 6 дѣтей, такъ что всего было 687 человѣкъ. Изъ нихъ умерло 18 (большею

*

частью дѣти), да покинуло колонію 86 человѣкъ. Такимъ образомъ за 8 мѣсяцевъ число колонистовъ уменьшилось на 104, а въ 1897 году убыль стала еще значительнѣе. Расходъ на эту колонію въ 1896 году выразился въ 330.028 миль рейсовъ 985 рейсовъ. Въ колоніи Бенжаменъ Констанъ съ 1 апрѣля по 8 декабря 1896 года прибыло 941 человѣкъ; изъ нихъ 8 умерло и 207 тотчасъ же покинули колонію, такъ что къ концу года оставалось всего 726 человѣкъ. Убыль, такимъ образомъ превысила 20%. За это время на колонію истрачено 311.931 мильрейсовъ 728 рейсовъ.

Если сравнить результаты колонизаціи съ понесенными на нее затратами, то нечего удивляться, что среди политическихъ дѣятелей страны появляется все больше противниковъ ея.

Чѣмъ дальше внутрь страны, тѣмъ населеніе рѣже, жители ближе во всѣхъ отношеніяхъ къ туземцамъ, нравы грубѣе. Если въ приморской полосѣ и въ южныхъ штатахъ еще говорятъ на португальско-бразильскомъ нарѣчіи, то всюду въ остальной Бразиліи господствуетъ lingoa geral, т. е. какое-то смѣшанное нарѣчіе, возникшее благодаря долгимъ сношеніямъ съ туземцами. Еще далѣе къ западу, какъ и въ Парагваѣ, общеразговорнымъ языкомъ является языкъ индѣйцевъ тупи или гуарани. Въ лѣсахъ и на плантанціяхъ Бразиліи жители поддерживаютъ свое существованіе обработкой земли, производящей изобиліе всякихъ мѣстныхъ плодовъ. Мандіока и черные бобы—пища, которой не чуждается ни одинъ бразилецъ, замѣняютъ здѣсь хлѣбъ. Но такъ какъ кромѣ насущнаго хлѣба необходимы и другіе предметы, которые приходится покупать на деньги, то бразильцы принуждены обращаться къ разнымъ промысламъ. Огромное количество потомковъ бывшихъ рабовъ добываетъ средства къ жизни работой на плантанціяхъ, среди которыхъ кофейныя плантаціи занимаютъ главное мѣсто. Бразилія производитъ едва ли не двѣ трети всего потребляемаго на всей землѣ кофе. Это главный продуктъ вывоза (около 900 мил. клгр). Главные интересы и большинство разговоровъ вертится около вопросовъ объ урожаѣ кофе, о цѣнахъ на разные сорта, и т. п. За кофе слѣдуетъ, далеко уступая ему, сахаръ, затѣмъ хлопчатая бумага. Въ южномъ степномъ штатѣ плантаціи уступаютъ мѣсто скотоводству, между тѣмъ какъ во внутреннихъ штатахъ, также какъ въ Парагваѣ, мѣстнымъ промысломъ является добыча парагвайскаго чая.

Дерево, дающее этотъ чай, херба, Ilex Paraguayensis, составляетъ украшеніе лѣсовъ верхней Параны. Его невысокій въ 6—10 м. стволъ украшенъ вѣтвями съ вѣчнозеленой зеленью, доставляющей заработокъ множеству людей. Херба ростетъ въ тѣнистыхъ лѣсахъ подтропической полосы отдѣльными деревьями и рощами. Главной областью произрастанія его является Парагвай и Ю. Бразилія, которыя снабжаютъ этимъ продуктомъ южныя страны, гдѣ мате является необходимѣйшимъ предметомъ потребленія. Для добычи его въ бразильскіе лѣса отправляются цѣлыя артели „хербатеро“. Запасшись на нѣсколько мѣсяцевъ провіантомъ, искатель мате бродитъ по лѣсамъ въ поискахъ за рощами этого дерева. Иногда проходятъ мѣсяцы, прежде чѣмъ промышленникъ отыщетъ стоющій для обработки лѣсъ. Въ сопровожденіи нѣсколькихъ спутниковъ, съ ружьемъ за плечами, съ длиннымъ ножемъ въ рукахъ для прорубанія дорожки въ чащѣ, съ компасомъ и шагомѣромъ за пазухой, хербатеро странствуетъ по болотамъ, лѣсамъ и горамъ, вынося неимовѣрныя лишенія, прежде чѣмъ поиски его увѣнчаются успѣхомъ. Дерево мате до сихъ поръ не удается развести изъ сѣмянъ, представляющихъ мелкія зерна съ твердой оболочкой. Тайной этого искусства обладали туземцы, но съ нашествіемъ европейцевъ и изгнаніемъ индѣйцевъ въ лѣса, таинственное знаніе исчезло, и всѣ попытки разводить цѣнное дерево сѣменами, черенками или другимъ способомъ не дали пока удовлетворительныхъ результатовъ [1]).

[1]) Vogt, Yerba u. Holzgewinnung im Missiones-Territorium.

Открывъ мѣстность съ обильно ростущими деревьями, хербатеро забываетъ всѣ передряги — онъ также счастливъ, какъ золотокопатель, наткнувшійся на богатую жилу золота. Немедленно черезъ лѣсъ прорубаютъ тропу по направленію къ ближайшему поселенію, къ рѣкѣ или къ станціи желѣзной дороги, если такая есть по сосѣдству, и приступаютъ къ сооруженію временныхъ построекъ для рабочихъ (кампаменто), сараевъ для склада чая и особыхъ остововъ изъ жердей, служащихъ для сушки вѣтвей съ листьями, такъ называемыхъ барбакуа. Главная операція состоитъ именно въ просушкѣ листьевъ съ помощью огня, что производится два раза, чтобы удалить изъ нихъ сокъ и сырость. Затѣмъ листья грубо толкутъ или топчутъ и, отдѣливъ вѣтки и грубыя части, складываютъ мелкій продуктъ въ сарай. Все достоинство продукта зависитъ отъ старательнаго производства этой операціи. Наиболѣе труднымъ дѣломъ является затѣмъ вывозъ массы добытаго чая изъ лѣсу. Гдѣ нѣтъ дорогъ, а существуютъ только тропы, чай везутъ вьюками на мулахъ, вереница которыхъ съ опытной кобылой (madrina) въ качествѣ вожатаго впереди, недѣлями тащитъ вьюки къ ближайшей рѣкѣ или селенію.

Употребленію чая испанцы научились въ Парагваѣ у туземцевъ. Католическіе миссіонеры, господствовавшіе здѣсь долгое время, широко поощряли потребленіе мате въ надеждѣ замѣнить имъ крѣпкіе напитки. Постепенно удивительныя свойства мате возбуждать силы при тяжелой работѣ, прогонять сонъ и подымать настроеніе дали ему широкое распространеніе, такъ что добыча его занимаетъ множество рабочихъ, а вывозъ въ сосѣднія страны (Уругвай, Аргентину, Чили) очень значителенъ. Обыкновенно во главѣ предпріятій по добычѣ мате стоитъ какой-нибудь мелкій капиталистъ, нанимающій для тяжелыхъ работъ въ лѣсу рабочихъ. Эти „пеоны“ или слуги-рабочіе несутъ на себѣ всю тяжесть труда и лишеній въ сырыхъ трущобахъ. Когда же въ концѣ года они появляются изъ чащи лѣса съ послѣднимъ тюкомъ мате, то нерѣдко оказывается, что ихъ заработной платы не хватаетъ для уплаты долговъ, сдѣланныхъ ими у предпринимателя для содержанія себя или своихъ семей. Это народъ вообще беззаботный. Если пеонъ успѣлъ заработать въ лѣсу, то, вырвавшись оттуда, онъ все свободное время отдаетъ веселью. Музыка и танцы, „канья“, т. е. водка изъ сахарнаго тростника, пирожное „рападура“ изъ неочищеннаго сахара, „чураско“, т. е. жареное на вертелѣ мясо, хлѣбъ „чипа“ изъ мандіоковой муки съ сыромъ и яйцами и, наконецъ, мате въ изобиліи къ его услугамъ. Если въ поселеніи есть коляски, хербатеро разъѣзжаетъ въ нихъ, какъ баринъ. Словомъ, онъ кутитъ, возмѣщая нѣсколькими днями безпутнаго веселья мѣсяцы тяжелой работы въ лѣсу и напоминая тѣмъ сибирскихъ золоторабочихъ, вырвавшихся съ пріиска. Эти люди не скупы и щедро сыпятъ заработанныя деньги, угощая пріятелей. Обыкновенно пеонъ уже задолго до наступленія срока работъ промоталъ все и идетъ тогда вновь къ предпринимателю писать контрактъ и должать подъ работу слѣдующаго сезона. Настаетъ часъ отправки въ лѣсъ, и хербатеро взмахиваетъ котомку за спину, беретъ ножъ въ руки и сходитъ съ лодки или баржи, доставившей его на мѣсто работъ. Если работы здѣсь нѣтъ, онъ пробирается пѣшій по горамъ и долинамъ, черезъ ручьи и болота, черезъ стремительныя рѣки, питаясь ревирадо, т. е. смѣсью бобовъ, мандіоковой муки и кусочковъ вяленаго мяса. Прибывъ въ кампаменто, рабочій присоединяется къ артели изъ 20—25 человѣкъ и съ утра до ночи лазаетъ по деревьямъ, обрубая вѣтви съ сочными листьями мате, таскаетъ ихъ въ лагерь, сушитъ и производитъ всѣ описанныя выше операціи. Легко одѣтый въ бумажные бѣлые порты, въ пеструю, опоясанную цвѣтнымъ кушакомъ рубаху, въ башмакахъ на босу ногу, рабочій живетъ въ лѣсу, не нуждаясь въ удобствахъ. Вечеромъ артель собирается къ горшку съ бобами, и каждый ѣстъ свою порцію, стоя, сидя, лежа, смотря по „меблировкѣ“ барака, чтобы закончить ужинъ свѣжимъ горячимъ мате, приправой къ которому служатъ разсказы изъ богатой приключеніями жизни хербатеро въ лѣсахъ.

Подобно мате въ лѣсахъ Бразиліи добывается множество цѣнныхъ деревьевъ. Лѣсныя

богатства страны неисчерпаемы, но за отсутствіемъ дорогъ и судоходства по рѣкамъ эксплоатація лѣса только еще начинается. Бездорожье препятствуетъ всему.

Въ то время, какъ безчисленныя, громадныя деревья гибнутъ на корню въ лѣсахъ, въ прибрежныя города Бразиліи лѣсной матеріалъ, вплоть до бревенъ, доставляютъ изъ Европы, даже отъ насъ изъ Финляндіи. Первое мѣсто среди цѣнныхъ деревьевъ лѣсовъ верхней Параны занимаетъ американскій кедръ. Далѣе слѣдуютъ анчико колорадо (красное дерево), амарилло (желтое), лоро, пало де роза, сота кабалло, тарула и рядъ другихъ, цѣнныхъ какъ матеріалъ для мебели; на постройки идетъ камбуи хата, эспина де корона, грапіапунья, гватамбу, гваяби, инга амарго, ивира-пита, ивираро, и множество другихъ съ такими же дикими туземными названіями. Число деревьевъ и растеній вродѣ ліанъ, тростниковъ, бамбуковъ, папоротниковъ, могущихъ доставлять разнообразнѣйшіе матеріалы, положительно неисчерпаемо. Добыча лѣсныхъ матеріаловъ организована такъ же, какъ добыча мате, но эксплоатація лѣса страдаетъ отъ некультурности страны еще болѣе, такъ какъ лѣсъ труднѣе вывозить изъ чащи къ берегу сплавной рѣки, и, какъ продуктъ, онъ цѣнится дешевле.

Подобно мате въ южной половинѣ Бразиліи, въ сѣверной получаютъ все большее значеніе каучуковыя деревья. Количество требуемаго мировой торговлей каучука ростетъ съ каждымъ годомъ, и соотвѣтственно тому европейскій капиталъ удѣляетъ все больше вниманія дѣвственнымъ лѣсамъ Амазоніи. Гдѣ прежде въ темной чащѣ лѣса скользила по водѣ пирога одинокаго индѣйца, тамъ теперь нерѣдко можно застать развѣдчиковъ, разыскивающихъ новые, не использованные еще районы. Артели „каучеро“, подобно херватеро, разсыпаются по лѣсамъ, разгоняя туземцевъ. Въ протокахъ тамъ и сямъ пыхтитъ старый пароходишко, пришедшій за складомъ каучука и привезшій провіантъ рабочимъ; въ рѣдкихъ поселеніяхъ по Амазонкѣ заводятся конторы, и весь мѣстный людъ, который прозябалъ въ этой глуши, начинаетъ ощущать, что богатствами края начинаютъ интересоваться. Каучукъ даютъ многія породы деревьевъ. Для полученія его рабочіе дѣлаютъ вдоль ствола растущаго въ чащѣ лѣса дерева надрѣзы и приставляютъ къ нимъ плоскія чашки, такъ что усыпанный ими стволъ напоминаетъ наши деревья съ губчатыми трутовиками на корѣ. Жидкій, клейкій сокъ медленно сочится изъ надрѣзовъ и застываетъ на воздухѣ въ темную и грязную губчатую массу, которую каучеро собираютъ и относятъ въ кампаменто. Въ такомъ видѣ каучукъ вывозится въ Европу. Однако такъ поступаютъ очень рѣдко. Обыкновенно каучеро не даютъ себѣ труда лазить на дерево съ цѣлью производства надрѣзовъ и предпочитаютъ прямо свалить его, тѣмъ болѣе что въ такомъ случаѣ стволъ сразу даетъ много сока. Нечего и говорить, что подобный хищническій способъ быстро уменьшаетъ число деревьевъ, такъ что громадный спросъ на каучукъ не удовлетворялся бы дѣвственными лѣсами, еслибы къ тому не присоединились продукты, получаемые отъ разведенія каучуковыхъ деревьевъ на плантаціяхъ. Всюду, гдѣ только открывается возможность какого нибудь судоходства по рѣкамъ и можно найти рабочихъ, каучеро вторгаются въ тропическій лѣсъ.

Въ низовьи Амазонки, кромѣ добычи каучука, занимаются также скотоводствомъ въ мѣстахъ, гдѣ благодаря низменному виду мѣстности лѣсъ отступаетъ передъ саванной, лугами и болотами.

Мѣстность здѣсь низменная и вскорѣ послѣ наступленія дождливаго періода вся заливается водою. Въ сухое время года почва трескается, взрывается копытами скота. Громадныя пространства покрыты высокой жесткой травой пири, крупными листьями и лиловыми цвѣтами болотнаго растенія арумарана, цѣпкими вѣтвями различныхъ видовъ эпомей и другими представителями флоры низменныхъ заливаемыхъ водою степей. Дорогъ нѣтъ, лишь мѣстами встрѣчаются узкія тропинки, по которымъ можно проѣхать только верхомъ. Прежде чѣмъ добраться до какой-нибудь фаценды, приходится переѣзжать безчисленные

рукава; иногда они пересыхаютъ, такъ что отъ нихъ остаются только вонючія лужи, кишащія множествомъ водяныхъ птицъ. Одна изъ такихъ крупнѣйшихъ лужъ представляетъ собою озеро Мириндуба; въ немъ попадаются аллигаторы. Трудно даже представить себѣ, какое множество всевозможныхъ водяныхъ птицъ собирается на этихъ озерахъ, благодаря тому, что большая часть рѣки пересыхаетъ. Вольше всего здѣсь бываетъ утокъ и цапель. Людей эти птицы совершенно не боятся и носятся надъ ними въ воздухѣ цѣлыми тучами. Аллигаторы встрѣчаются на многихъ озерахъ и лежатъ на илистомъ берегу рядами, похожіе на обрубки дерева. При приближеніи человѣка они торопливо спасаются въ воду. Туземцы легко ловятъ ихъ живыми при помощи лассо. Мѣстами встрѣчаются цѣлыя колоніи ихъ гнѣздъ; это кучи всевозможныхъ травъ, укрытыя подъ высокой травой пири, около двухъ метровъ въ діаметрѣ и около метра высоты. На днѣ ихъ, въ лужѣ воды или, во всякомъ случаѣ, на мокрой землѣ лежатъ яйца аллигатора. Они величиною съ гусиное яйцо, но снабжены очень твердой скорлупой. Въ одной кучѣ ихъ бываетъ, обыкновенно, свыше тридцати.

Аллигаторы достигаютъ громадныхъ размѣровъ,—иногда 5 метровъ длины. Лѣтомъ лошади и скотъ не боятся ихъ, потому что они имѣютъ достаточно корма въ водѣ и, кромѣ того на сушѣ они мало подвижны. Зимою же, когда вода разливается на громадныя пространства, и скоту приходится бродить по этой водѣ, аллигаторы, плавающіе по ней всюду, становятся гораздо опаснѣе.

Миссіонеры два раза въ годъ являются для сбора добровольныхъ приношеній. Операція эта производится обыкновенно слѣдующимъ образомъ: является группа миссіонеровъ, состоящая примѣрно изъ четырехъ мужчинъ и одного мальчика. Всѣ они ѣдутъ верхомъ. Впереди мужчина, держащій надъ головою на древкѣ хоругвь; за нимъ мальчикъ съ игрушечнымъ барабаномъ, затѣмъ миссіонеръ съ кларнетомъ, затѣмъ еще одинъ съ жестянымъ ящикомъ для денегъ и, наконецъ, четвертый, съ ящикомъ, въ которомъ сохраняется вырѣзанное изъ дерева и грубо размалеванное изображеніе младенца Іисуса. Приблизившись къ фацендѣ, кларнетистъ и мальчикъ изо всѣхъ силъ начинаютъ играть на своихъ инструментахъ. При звукахъ этой музыки все наличное населеніе собирается въ домѣ фактора. Послѣдній привѣтствуетъ миссіонеровъ и вводитъ ихъ въ домъ; миссіонеръ, везущій изображеніе Іисуса, благословляетъ присутствующихъ, при чемъ они стоятъ на колѣняхъ, затѣмъ изображеніе Іисуса вынимается изъ ящика и передается присутствующимъ, которые усердно цѣлуютъ его; потомъ миссіонеры пристраиваютъ свои гамаки и отдыхаютъ. Отдохнувши, миссіонеръ съ кассой ходитъ по селенью и собираетъ добровольныя приношенія; каждый при этомъ старается дать какъ можно больше. Послѣ этого миссіонерамъ подносится угощеніе, а вечеромъ кларнетистъ и барабанщикъ снова сзываютъ населеніе на общее богослуженіе. Во время его поперемѣнно поютъ, молятся и цѣлуютъ изображеніе Христа, что производитъ особенно сильное впечатлѣніе на женщинъ и дѣтей. Въ концѣ богослуженія миссіонеръ съ изображеніемъ Христа снова благословляетъ вѣрующихъ. Отдохнувъ нѣкоторое время на фацендѣ, миссіонеры отправляются дальше.

Въ штатѣ Пара, особенно на громадномъ о. Мараньонъ въ дельтѣ Амазонки все рѣдкое населеніе занимается разведеніемъ скота, впрочемъ не самостоятельно, а на службѣ у крупныхъ предпринимателей, горожанъ города Пара.

Самъ патронъ является на свою „фасенду“ разъ въ году, предоставляя все веденіе дѣла наемнымъ слугамъ, „вакейросъ“, ютящимся въ лачугахъ вокругъ болѣе солидной постройки, гдѣ есть „зала“ и нѣсколько каморокъ для пріема патрона. Вакейросъ большею частью мулаты, иные съ примѣсью индѣйской крови, стоятъ подъ началомъ старшаго, „фейтора“, какого нибудь пожилого человѣка, который самъ и его отецъ и дѣдъ были рабами патрона и остались на службѣ у него почти на тѣхъ же условіяхъ рабской

преданности, какія существовали во времена рабства. Хотя рабство отмѣнено, но во многихъ мѣстахъ Бразиліи отмѣна его не внесла почти никакихъ измѣненій въ отношенія господъ и слугъ. Рабы у колоніальныхъ португальцевъ стояли всегда ближе къ господамъ, чѣмъ у плантаторовъ Соединенныхъ Штатовъ, отношеніе къ нимъ и обращеніе съ ними было поэтому нѣсколько мягче. Вакейросъ почти не получаютъ денежнаго жалованья, такъ какъ патронъ снабжаетъ ихъ мукой, тканями, порохомъ, табакомъ, кашасой, словомъ всѣмъ нужнымъ, а также мясомъ собственнаго скота.

Разъ въ году, въ сентябрѣ, скотъ ревизуютъ, клеймятъ. Такъ называемая „ферра" (ferra), клейменіе, происходитъ въ большой загороди и представляетъ нѣчто вродѣ праздника, на которомъ между вооруженнымъ раскаленнымъ желѣзомъ вакейро и полудикимъ быкомъ разыгрываются настоящія сцены „боя быковъ" при яростныхъ крикахъ одобренія или порицанія зрителей. Конечно кашаса льется въ это время въ изобиліи.

Такъ какъ почти вездѣ въ Бразиліи, среди хербатеро, каучеро, вакейро и всякихъ другихъ рабочихъ, составляющихъ низшій слой населенія, особенно на кофейныхъ и сахарныхъ плантаціяхъ штатовъ Ріо, Санъ-Пауло, Минасъ-Жераесъ, Мато Гроссо, господствуетъ невообразимая смѣсь бѣлыхъ, красныхъ и черныхъ людей, то неудивительно, что національный характеръ, темпераментъ, нравы, костюмы, языкъ, увеселенія, словомъ, вся жизнь бразильскаго простонародья сложились изъ подобнаго же смѣшенія африканскихъ, европейскихъ и индѣйскихъ элементовъ. Всего ярче эта пестрая мозаика, въ которой въ концѣ концовъ рѣшительный перевѣсъ принадлежитъ африканской крови и темпераменту, проявляется во время многочисленныхъ церковныхъ праздниковъ. Африканская живость и страсть къ пляскамъ проявляютъ себя въ день напр. „Непорочнаго Зачатія" или въ праздникъ „Всѣхъ Святыхъ" необузданными танцами вокругъ алтаря подъ звуки бубновъ, скрипокъ, флейтъ и пѣнія во время самаго богослуженія, причемъ молящіеся танцоры усердно угощаются въ промежутки отдыха кашасой. Наиболѣе любимыми плясками являются въ Мато Гроссо куруру и цирири, музыка которыхъ сопровождается пѣніемъ съ импровизаціей стиховъ.

Въ 1872 г. по исчисленію населеніе Бразиліи состояло изъ 2 мил. негровъ, 3,8 мил. бѣлыхъ, около того же смѣшанныхъ, а всего съ индѣйцами до 10 мил. Иностранцевъ насчитывалось не болѣе 250.000. Но уже въ 1901 г. число иностранцевъ возросло до 2.700.000 ч., именно: 1.300.000 итальянцевъ, 800.000 португальцевъ, 300.000 нѣмцевъ, 100.000 испанцевъ, 80.000 поляковъ и болѣе 100.000 остальныхъ. Но съ тѣхъ поръ притокъ колонистовъ, вслѣдствіе безпорядка и неурядицъ колоніальнаго дѣла, замедлился. Громадное большинство колонистовъ осѣдаетъ въ южныхъ штатахъ, гдѣ расположены и самые большіе города. Ріо-Жанейро имѣетъ болѣе 700.000 ж., Санъ-Пауло — 260.000, Бахія — 200.000, Пернамбуко — 120.000, Пара и Порто-Алегри — по 100.000. Колонисты и иностранцы составляютъ наиболѣе дѣятельную и культурную часть населенія, благодаря которымъ преимущественно и развивается страна.

Естественные рессурсы Бразиліи громадны, но далеко не использованы. Пока главное мѣсто принадлежитъ земледѣлію, добычѣ ископаемыхъ, лѣсному дѣлу и скотоводству. Сельское хозяйство и горное дѣло развиты преимущественно въ восточныхъ штатахъ, лѣсное хозяйство — въ Амазоніи, а скотоводство — въ с.-в. штатѣ Пара и въ южномъ степномъ Ріо-Гранде до Сулъ. Три четверти всѣхъ получаемыхъ отъ земли продуктовъ составляетъ кофе, и болѣе половины всего его количества даютъ плантаціи штата Санъ-Пауло. За кофе слѣдуетъ сахаръ, хлопокъ, табакъ и какао. Все это предметы вывоза, тогда какъ на мѣстѣ потребляется мандіока, земляной орѣхъ, бобы, бананы, маисъ. Изъ ископаемыхъ на первомъ мѣстѣ стоятъ драгоцѣнные металлы и знаменитые бразильскіе алмазы. Изъ продуктовъ скотоводства вывозится вяленое мясо и кожи. Лѣсъ, кромѣ подѣлочнаго матеріала, мате и каучука, даетъ ваниль, ипекакуану, сассафрасъ, сассапариль и другія лекарственныя растенія. Что касается обрабатывающей промышленности, то всѣ

отрасли ея развиты очень мало, но постепенно и въ этомъ замѣчается подъемъ. Неудивительно, поэтому, что торговля очень оживлена: масса продуктовъ привозится, и масса вывозится. Во внѣшней торговлѣ первое мѣсто принадлежитъ С.-Американскимъ Штатамъ, за которыми слѣдуютъ Англія, Германія, Франція и Аргентина.

Подобно всѣмъ другимъ странамъ Ю. Америки, Бразилія переживаетъ переходное состояніе. Возрастаніе населенія, подъемъ его культурности и развитіе торговли требуютъ упорядоченія, которое постепенно наступаетъ съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и развитіемъ пароходства по рѣкамъ и океану.

Н. Березинъ.

Перу

Государство инковъ.— Природа.— Общественныя отношенія, общее культурное состояніе и политическій строй.— Современное состояніе республики.

Природа страны, гдѣ нѣкогда неограниченно властвовали инки, грандіозна и разнообразна. Пустыни, подобныя Сахарѣ, смѣняются роскошными долинами, не уступающими итальянскимъ по красотѣ мѣстоположенія, богатству растительности и плодородію почвы. Гигантскія горы, уходящія снѣговыми вершинами въ синее небо, вздымаются надъ однообразными и печальными плоскогорьями. Рѣки, питающіяся вѣчными снѣгами горъ, бурно несутъ свои воды, низвергаясь съ скалистыхъ уступовъ и скрываясь въ мрачныхъ ущельяхъ на западъ въ Тихій океанъ, на востокъ въ обширный бассейнъ Амазонки. Горныя озера, лежащія здѣсь на высотѣ $3^1/_2$ в., принимаютъ въ себя рѣчныя системы, не сообщаясь, въ то же время, съ океаномъ.

Двѣ параллельныя горныя цѣпи Андъ достигаютъ наибольшей высоты и являются наиболѣе замѣчательными въ другихъ отношеніяхъ въ странѣ инковъ. Западная цѣпь тянется на всемъ своемъ протяженіи параллельно берегу Тихаго океана и на такомъ небольшомъ разстояніи отъ него, что путешественнику при взглядѣ внизъ кажется, будто океанъ плещется у самой подошвы хребта. Тамъ, гдѣ главный хребетъ отклоняется вглубь материка, онъ даетъ цѣлый рядъ отроговъ, которые не кажутся громадными только при сравненіи съ главнымъ хребтомъ. Прибрежная полоса суши сильно пересѣчена горами и представляетъ собой, за рѣдкими исключеніями, песчаную или каменистую пустыню. Царствующее здѣсь молчаніе нарушается только криками морскихъ птицъ. Оазисами въ этой пустынѣ являются немногія плодородныя долины въ нѣсколько миль ширины, которыя граничатъ обыкновенно съ двухъ сторонъ съ пустыней, въ верхнемъ же концѣ поднимаются черезъ трудно проходимыя скалы къ переваламъ Андъ. Эти долины уже въ очень древнія времена были густо населены. Вслѣдствіе уединеннаго положенія населеніе оазисовъ составляло независимыя общины, жившія вполнѣ обособленной жизнью. Иногда нѣсколько общинъ объединялось въ одну государственную организацію, какъ напримѣръ общины, расположенныя около Лимы или Трухильо, но даже такія организаціи не могли серьезно противостоять нашествію испанцевъ, настолько онѣ были непрочны. Полоса суши ограничивается съ востока величественными и неприступными Кордильерами. Вулканическая дѣятельность далеко еще не утихла въ этой части земной поверхности, и многія вершины Кордильеръ увѣнчаны огнедышащими кратерами, извергающими потоки раскаленной лавы, которая прокладываетъ себѣ пути среди вѣчныхъ снѣговъ.

Пространство между западными и восточными Андами, шириною отъ ста до двухсотъ километровъ, представляетъ собой очень возвышенное плоскогорье (отъ 4-хъ до 6-ти тысячъ метровъ), подраздѣляющееся на двѣ террассы—западную узкую и высокую, такъ называемое перуанское плоскогорье, и восточную—широкую, но менѣе высокую. Перуанское плоскогорье пустыня, холодная, лишенная растительности, необитаемая человѣкомъ и почти не посѣщаемая животными,—только вигонь, да кондоръ рѣшаются селиться на такой высотѣ. Второе, болѣе низкое плато представляетъ ландшафтъ гораздо болѣе оживленный и разнообразный. Здѣсь встрѣчаются и остроконечные пики, брилліантами сверкающіе въ прозрачной синевѣ неба, и волнистыя равнины, сливающіяся съ горизонтомъ, и глубокія долины и ущелья, орошаемыя многоводными рѣками и покрытыя богатой растительностью, и обширныя горныя озера. Съ юга плато замыкается могучимъ горнымъ узломъ, образуемымъ Андами, на сѣверъ отъ

Озеро Титикаха.

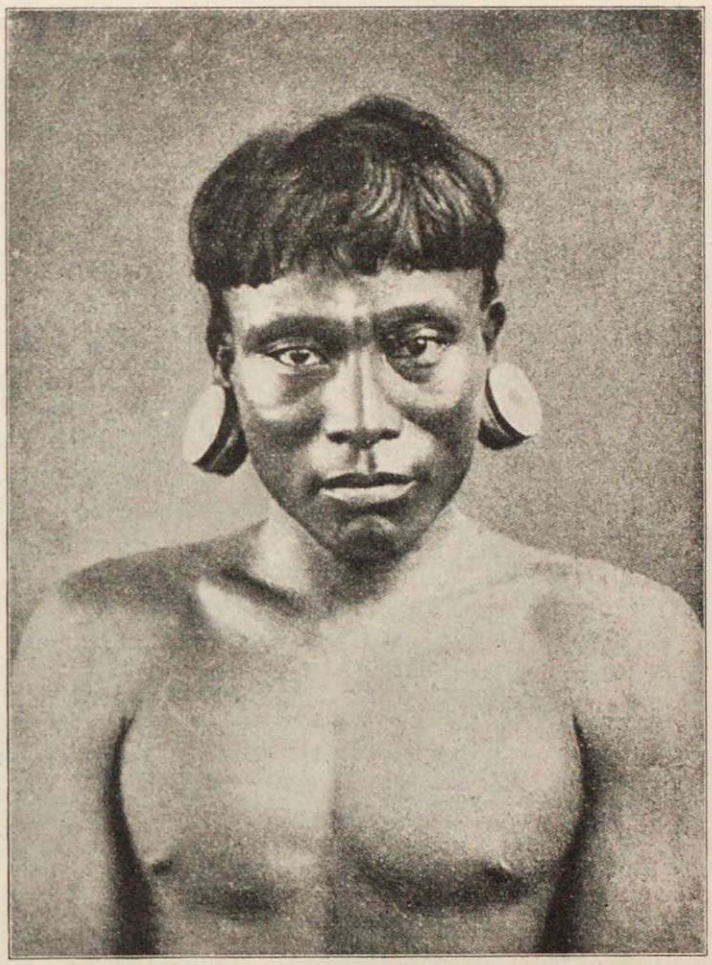
котораго лежитъ обширная впадина озера Титикаха, не имѣющаго стока въ океанъ. Эта часть плоскогорья представляетъ для насъ особенный интересъ. Если наблюдать ее съ высоты Кордильеръ, глазъ поражаетъ, прежде всего, ея удивительная холодность, оторванность отъ міра. Невольно напрашивается сравненіе ея съ холодными зимними звѣздами, безучастно смотрящими на далекую землю, на міръ людскихъ страданій и тяжелой непрерывной борьбы. Высоко, въ металлической синевѣ неба, описываетъ свои круги кондоръ, плаваютъ причудливыя, ослѣпительно бѣлыя облака, а тамъ внизу, на широко раскинувшейся равнинѣ, взоръ различаетъ синеватыя полосы лѣсовъ, блуждающія стада вигони, сверкающія на солнцѣ ленты рѣкъ и зеркала озеръ.

Въ этой странѣ, столь своеобразной въ отношеніи природы, находилась колыбель оригинальной, достигшей сравнительно высокаго уровня цивилизаціи инковъ, воз-

никшей на развалинахъ культуры какого то неизвѣстнаго намъ народа. Государство инковъ, Тахуантинсую, что значитъ „Царство четырехъ частей свѣта“, было расположено между 4° с. и 37° ю. ш., въ границахъ современныхъ Перу и Эквадора.

Чтобы понять какъ хозяйственныя, такъ и общественныя отношенія въ государствѣ инковъ, необходимо познакомиться съ организаціей въ немъ политической власти, такъ какъ именно въ этой странѣ особенно рельефно выступаетъ связь между формами ея хозяйственнаго быта и ея политическими учрежденіями.

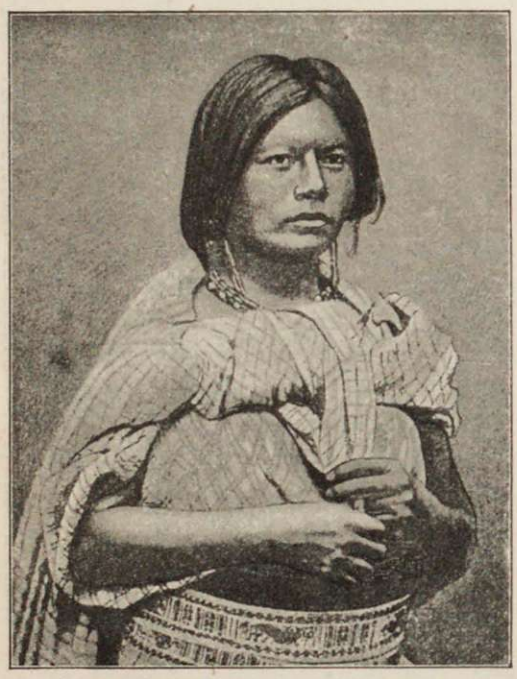
Во главѣ царства стоялъ инка, неограниченный властитель своихъ подданныхъ, могущество котораго основывалось, съ одной стороны, на огромныхъ богатствахъ, принадлежавшихъ роду инковъ, съ другой стороны на вѣрѣ подданныхъ въ божественное происхожденіе его власти. Могучій инка, сынъ солнца, повелитель міра, стоящій на недосягаемо высокомъ пьедесталѣ, естественно долженъ былъ прибѣгать для поддержки своего божественнаго авторитета къ всевозможнымъ пріемамъ, чтобы импонировать своимъ внѣшнимъ видомъ вѣрѣ подданныхъ. И инка достигалъ этого: въ ослѣпительныхъ золотыхъ одеждахъ, окруженный блестящей свитой, появлялся онъ передъ очарованнымъ народомъ. На головѣ его сверкала золотая діадема, на груди ярко горѣло золотое изображеніе солнца; въ рукѣ онъ держалъ золотой скипетръ, изукрашенный изумрудами. Одни и тѣ же одѣянія инка одѣвалъ только разъ; затѣмъ они складывались въ кладовыя, въ которыхъ хранились въ теченіе 6-ти мѣсяцевъ, послѣ чего сжигались: сразу сжечь ихъ было бы непочтительно по отношенію инки. Тѣла умершихъ инковъ бальзамировались, и имъ воздавались такія же почести, какъ и живымъ инкамъ. Сначала набальзамированный трупъ умершаго инки полагали въ имъ самимъ для себя предназначенную гробницу, причемъ за нимъ слѣдовали его любимыя жены, слуги и всѣ желающіе изъ подданныхъ. По прошествіи же года тѣло переносилось въ Куско (главный городъ страны), гдѣ въ таинственномъ сумракѣ храма солнца, на особыхъ, рядами стоящихъ пьедесталахъ-тронахъ возсѣдали умершіе инки съ золотыми повязками на вытекшихъ глазахъ.



Индѣецъ изъ Перу племени кечуа съ украшеніями въ ушахъ.

Вѣра въ божественный авторитетъ власти, внѣшній блескъ, окружавшій ореоломъ инку, дѣйствовавшіе ослѣпляющимъ образомъ на темное сознаніе придавленной народной

массы, являются психологической основой могущества инковъ. Экономическимъ же фундаментомъ ихъ власти служили огромныя, принадлежавшія имъ земельныя богатства и право распоряженія землями, посвященными богу солнца. Въ такой земледѣльческой странѣ, какой была страна инковъ, единственно земля составляла цѣнность, владѣніе которой могло обезпечить могущество. У инки не было, да и не могло быть соперниковъ, такъ какъ онъ являлся единственнымъ земельнымъ собственникомъ во всемъ своемъ государствѣ—вся остальная земля, за исключеніемъ посвященной солнцу, находилась въ общемъ пользованіи всѣхъ подданныхъ инки, власть котораго распространялась также и на эти земли въ формѣ высшаго контроля и общаго регулированія ведущагося на нихъ хозяйства. Населеніе страны рѣзко дѣлилось на касты; съ одной стороны стоялъ безправный народъ, съ другой,—жреческое сословіе, глава котораго пользовался огромнымъ вліяніемъ, но въ свою очередь находился въ совершенной зависимости отъ инки, составлявшаго вмѣстѣ со своимъ родомъ третью, высшую касту въ странѣ. Касты были безусловно замкнутыя, и переходъ изъ одной въ другую не могъ совершиться никоимъ образомъ. Такая замкнутость особенно тяжело отражалась на низшихъ слояхъ населенія, лишая ихъ надежды выбиться изъ положенія эксплоатируемыхъ, не давая никакой почвы не только для проявленія честолюбія, но даже для самаго обыкновеннаго проявленія иниціативы. Правда, среди милліоновъ жителей не было ни одного нищаго; старики и дѣти призрѣвались обществомъ, также какъ и больные и неспособные къ труду; но относительное матеріальное благосостояніе народа инковъ не спасло это обширное государство отъ завоеванія его горстью испанцевъ: привыкшіе къ опекѣ, къ пассивному отношенію къ жизни, туземцы Перу не могли оказать имъ серьезнаго сопротивленія.



Типъ индіанки изъ Перу.

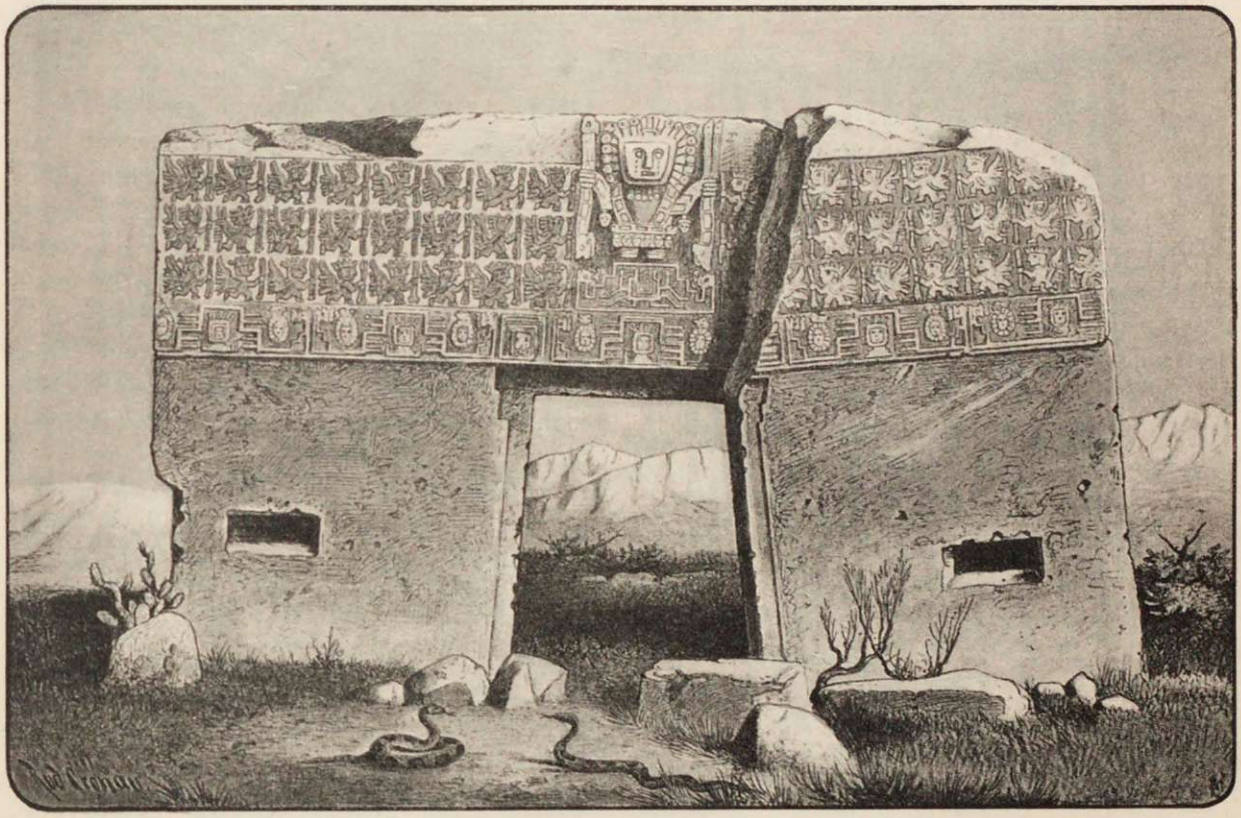
Религія народа указываетъ до нѣкоторой степени на общій культурный уровень. Религія старо перуанцевъ является характерной для религій большинства первобытныхъ народовъ—она слагалась изъ обоготворенія явленій природы съ одной стороны и изъ поклоненія душамъ предковъ съ другой. Особенности, нѣсколько отличающія ее отъ другихъ, сходныхъ съ ней религій, вполнѣ объясняются преобладаніемъ земледѣльческаго населенія въ странѣ и теократическимъ характеромъ управленія ею.

Во главѣ староперуанскаго олимпа стоитъ Илла Тецце, начало всѣхъ началъ, неимѣющій начала вѣчный богъ, творецъ вселенной. Но предметомъ особаго поклоненія былъ не онъ, а богъ солнца, покровитель царства. Многочисленные храмы были посвящены этому богу, цѣлый рядъ особо торжественныхъ праздниковъ былъ установленъ въ честь его. Храмы бога солнца чаще всего являлись цѣлью паломничества. Такое исключительное возвеличеніе солнца вполнѣ объяснимо въ земледѣльческой странѣ, для жителей которой должно быть особенно ясно значеніе солнца, дающаго жизнь всему органическому міру, одѣвающаго голую землю золотистыми колосьями хлѣбовъ.

Религія являлась серьезнымъ орудіемъ власти въ рукахъ инковъ, и потому понятно ихъ стремленіе обставить религіозные обряды возможной пышностью и торжественностью. Громадные храмы строились инками въ честь особо популярныхъ боговъ; стѣны храмовъ

они украшали сплошной чешуей пластинокъ изъ чистаго золота или серебра. Фронтоны храмовъ были украшены живописью работы лучшихъ тогдашнихъ мастеровъ. Въ храмахъ солнца жрецы поддерживали жертвенный огонь, имъ помогали при богослуженіи красивѣйшія дѣвушки страны, одѣтыя въ бѣлыя платья, изукрашенныя золотомъ и драгоцѣнными камнями. Ни одинъ торжественный праздникъ не обходился безъ участія самого инки, присутствовавшаго на празднествахъ во всемъ безумномъ великолѣпіи своего царскаго величія.

Наука и искусство въ государствѣ инковъ достигали относительно высокой степени развитія. Ученые, амаутасъ, составляли очень вліятельную, вполнѣ обособленную группу, пользовавшуюся большимъ уваженіемъ согражданъ. Изъ наукъ лучше всего была разработана астрономія, что объясняется конечно родомъ занятій жителей. Амаутасъ имѣли ясное представленіе о годовомъ движеніи солнца и суточномъ вращеніи небеснаго свода. Они довольно точно опредѣлили продолжительность сутокъ и время наступленія различныхъ вре-

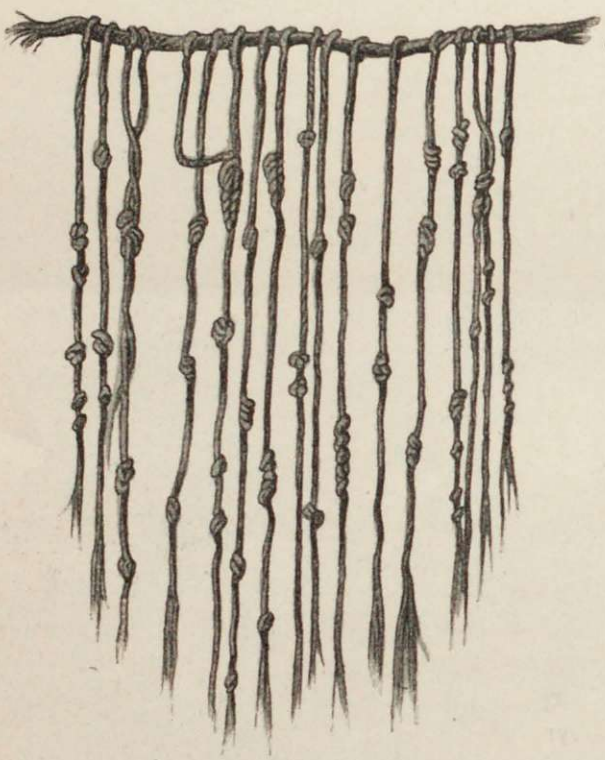


Ворота въ Тіахуануко.

менъ года. Хорошо было поставлено въ странѣ инковъ также изученіе географіи и особенно одной отрасли ея, картографіи. Правительство инки вело, кромѣ того, точную статистику населенія страны, богатствъ, принадлежавшихъ инкѣ и храмамъ, золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней, что требовало, конечно, большихъ, сравнительно, познаній въ математикѣ. Статистическія данныя древніе перуанцы записывали при помощи такъ называемыхъ квипу, шнурковъ, съ завязанными на нихъ узелками—верхніе узелки обозначали десятки тысячъ, слѣдующіе тысячи, лежащіе еще ниже сотни, десятки и единицы. Много труда затрачивали амаутасъ на изученіе исторіи родной страны. Особыя квипу, ключъ къ пониманію которыхъ къ сожалѣнію еще не найденъ, служили для записыванія историческихъ событій; записи вели особыя лица, состоявшія на государственной службѣ. Древніе перуанцы обладали также довольно солидными познаніями въ медицинѣ. Доказательствомъ

этого можетъ служить хотя бы найденный при раскопкахъ черепъ, относящійся ко времени владычества инковъ, съ ясными слѣдами одной изъ самыхъ тяжелыхъ операцій, именно трепанаціи.

Среди искусствъ особенно почетное мѣсто занимала архитектура. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные храмы и дворцы удивительно оригинальной постройки. Обыкновенно одноэтажные, рѣдко двухэтажные, они привлекали взоръ главнымъ образомъ замѣчательнымъ изяществомъ и богатствомъ отдѣлки. Живопись процвѣтала преимущественно стѣнописная, въ храмахъ и дворцахъ. Художники, поощряемые инкой и его приближенными, изображали, чаще всего, случаи изъ жизни своего божественнаго царя, избирая для своихъ картинъ также историческіе сюжеты; ихъ кисти принадлежитъ также, само собой, огромное количество священныхъ изображеній боговъ. Амаутасъ занимались не только науками—они были единственными въ странѣ инковъ писателями, сочинявшими трагедіи, комедіи и драмы. До насъ дошла одна изъ такихъ драмъ, посвященная описанію несчастной любви полководца не царской крови къ дочери инки. Драма эта, написанная съ большимъ чувствомъ, обладаетъ многими литературными достоинствами, заключая въ себѣ замѣчательныя описанія природы и тонко очерченныя изображенія самыхъ сложныхъ душевныхъ движеній. Среди старопероанцевъ обращалось, помимо чисто литературныхъ произведеній, много народныхъ, преимущественно, любовныхъ пѣсенъ, которыя распѣвались подъ мелодическій аккомпаниментъ особаго музыкальнаго инструмента, похожаго на флейту.



Квипу.

Дальнѣйшимъ доказательствомъ сравнительно высокой культуры народа инковъ является густая сѣть прекрасно оборудованныхъ, превосходно содержавшихся проѣзжихъ дорогъ; мосты, перекинутые на головокружительной высотѣ съ одного края пропасти на другой, удивительно легкой и прочной постройки; многочисленныя крѣпости, страшныя туземцамъ, но оказавшіяся безсильными передъ горстью смѣлыхъ и честолюбивыхъ испанцевъ.

На земледѣліи въ государствѣ инковъ основывались всѣ житейскія отношенія; оно было пульсомъ, приводившимъ въ движеніе и поддерживавшимъ всѣ слои населенія. Расширеніе, улучшеніе и подъемъ земледѣлія являлись цѣлью всѣхъ царей, а также и прочихъ административнымъ лицъ страны. Безъ него существованіе Тахуантинсую было бы прямо немыслимо. Рѣзко отовсюду отграниченное, безъ всякихъ сношеній съ сосѣдями, большею частью дикими варварами, предоставленное исключительно собственнымъ силамъ, государство могло существовать лишь, беря отъ земли все, что только можно было взять.

Чтобы показать подданнымъ благой примѣръ и наглядно доказать всю важность земледѣлія, сами цари не стыдились браться за заступъ. Въ полномъ облаченіи и въ сопровожденіи всѣхъ родственниковъ мужского и женскаго пола, въ роскошныхъ одѣяніяхъ, государь ежегодно отправлялся на расположенное въ серединѣ его резиденціи и посвященное богу солнца, особенно тщательно обработанное поле, чтобы открыть циклъ

ежегодныхъ полевыхъ работъ. Каждый членъ царской семьи несъ небольшую золотую лопаточку или какое либо другое земледѣльческое орудіе изъ того же металла, и всѣ вмѣстѣ обрабатывали, а потомъ засѣвали поле золотистыми зернами маиса. Ни одинъ смертный не смѣлъ вступать на это священное поле или помочь инкѣ въ работѣ. При этой работѣ присутствовало, однако, все населеніе столицы, праздновало ее, какъ веселый праздникъ и прославляло торжественными пѣснями божество и сына солнца.

Какъ только глава государства кончилъ обработку поля, въ каждой мѣстности государства особый чиновникъ-наблюдатель всходилъ на сторожевую башню, трубилъ въ рогъ изъ раковины и оповѣщалъ громкимъ голосомъ, что полевыя работы начались, и каждый земледѣлецъ на слѣдующій день долженъ отправиться на поля бога солнца и исполнить тамъ свои обязанности. Всѣ повиновались призыву и отправлялись на работу въ праздничныхъ одеждахъ, съ веселымя пѣснями.

За обработкой полей, посвященныхъ богу солнца, слѣдовала обработка земли бѣдняковъ и отсутствующихъ, напр. находящихся въ войскѣ или на службѣ при самомъ инкѣ. Лишь послѣ этого наступала очередь обработки собственныхъ орошаемыхъ полей, а по засѣвѣ ихъ, полей богачей; собственныя поля инки обрабатывались послѣ всѣхъ, такъ какъ, по словамъ государей „благосостояніе подданныхъ должно быть ближе сердцу государя, чѣмъ собственное благосостояніе“. Во время работы на поляхъ бога солнца и инки работающіе получали пропитаніе изъ ихъ богатыхъ запасовъ, при обработкѣ же полей бѣдняковъ и отсутствующихъ они должны были кормиться за свой счетъ.

Если инкѣ случалось быть въ мѣстности, гдѣ какъ разъ обрабатывали поле посвященное богу солнца, онъ тотчасъ же сходилъ со своихъ золотыхъ носилокъ, бралъ свою золотую мотыку, собственноручно разрыхлялъ нѣсколько глыбъ и приказывалъ дѣлать то же своей свитѣ. Продѣлавъ все по порядку, окружающіе инки передавали работу присутствовавшимъ тамъ куракунасъ (начальники 100 или 50 семей), которые и должны были работать до самаго вечера, и лишь на утро ихъ смѣняли крестьяне. Зато вечеромъ они принимали участіе въ пиршествѣ, которое обыкновенно устраивалъ въ такихъ случаяхъ инка.

Подобно тому, какъ при посѣвѣ, поступалъ государь и при уборкѣ. Когда на засѣянномъ имъ священномъ полѣ поспѣвалъ урожай, инка отправлялся собирать его вмѣстѣ со своими родственниками. Зерно также считалось священнымъ, какъ и поле, на которомъ оно возросло. Часть этого зерна разсылали во всѣ храмы солнца страны для обсѣмененія священныхъ полей, остальную часть раздавали отличившимся должностнымъ лицамъ и крестьянамъ, какъ высшую и почетнѣйшую награду. Для содержанія царскаго двора шелъ урожай всѣхъ полей инки, лежавшихъ вокругъ Куско въ разстояніи 300 километровъ; расположенныя тамъ же священныя поля давали содержаніе жрецамъ и другимъ церковнослужителямъ. Остатокъ царь раздавалъ бѣднякамъ.

Для повышенія производительности полей инки устраивали грандіозныя оросительныя сооруженія, остатки которыхъ и нынѣ еще вызываютъ изумленіе путешественниковъ. Большая часть государства расположена была въ лишенныхъ дождя мѣстностяхъ, которыя были зато прорѣзаны многоводными рѣками и ручьями, питаемыми тающимъ на вершинахъ Андъ снѣгомъ. Будучи многоводны, они, однако, быстро уносили всю воду въ море. Первоначальные обитатели страны селились въ долинахъ рѣкъ, но когда населеніе здѣсь черезчуръ сгустилось, пришлось разселяться въ сторону на нѣсколько миль. Инки дѣлали все возможное, не останавливались ни передъ какими затрудненіями, чтобы оросить мѣстность и сдѣлать ее плодородной. Какъ только глава государства рѣшалъ предпринять подобную работу, подданные тотчасъ приводили это рѣшеніе въ исполненіе, независимо отъ трудности предпріятія. За выполненіемъ такой работы инка наблюдалъ самъ и время отъ времени посѣщалъ мѣсто работъ, какъ для того, чтобы удостовѣриться въ ихъ

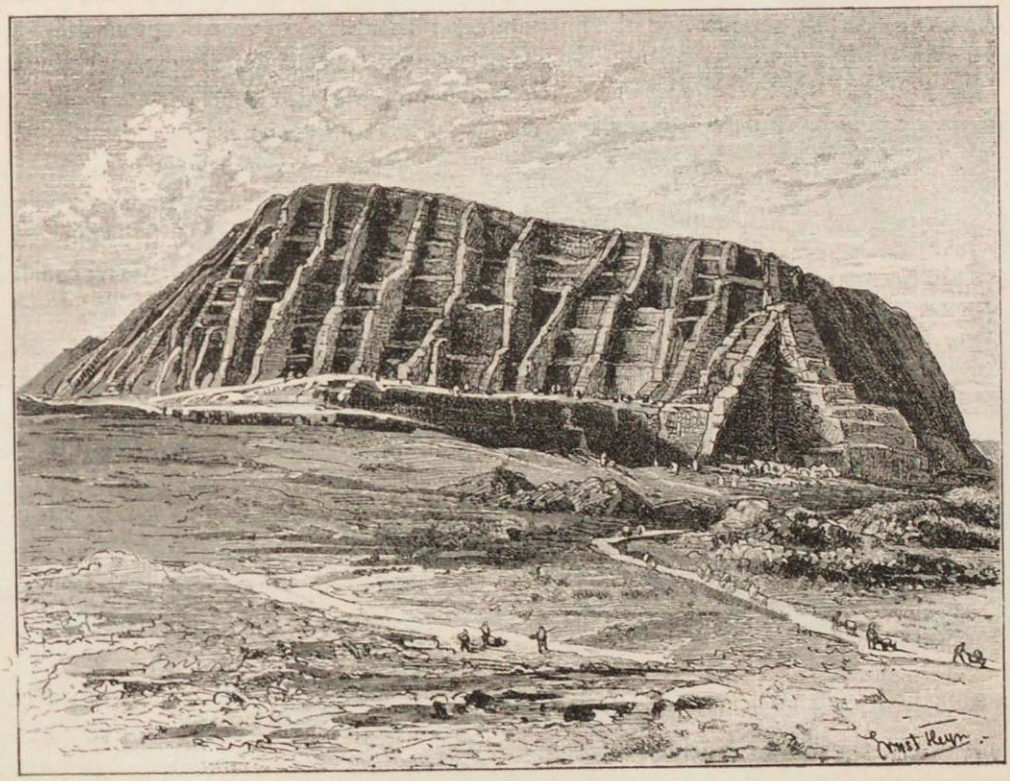
успѣхѣ, такъ и для того, чтобы видомъ своимъ удвоить усердіе исполнителей. Чѣмъ обширнѣе становилась оросительная сѣть страны, тѣмъ затруднительнѣе становилось ея дальнѣйшее развитіе, такъ какъ приходилось забираться все далѣе въ горы, въ поискахъ свободной воды. Брали ее либо изъ лежащихъ высоко въ Андахъ озеръ, либо изъ многоводныхъ рѣкъ, если это не вредило ранѣе устроеннымъ сооруженіямъ. Мелкіе ручьи и потоки перуанцы отводили въ огромныя цистерны, имѣвшія въ длину до получаса ходьбы и почти столько же въ ширину; стѣны, сдѣланныя изъ камня, достигали у основанія 80 фут. толщины. Слѣдуетъ при этомъ помнить, что перуанцамъ приходилось бороться со всѣми трудностями дикой горной страны, не имѣя въ своемъ распоряженіи ни одной изъ являющихся теперь къ услугамъ человѣка силъ природы, не зная даже употребленія кованнаго желѣза; и тѣмъ не менѣе они пробивали горы, на головокружительныхъ высотахъ устраивали ложа для ручьевъ, проводили чрезъ долины водопроводы и осушали болота. Нѣкоторыя изъ этихъ сооруженій, напр. водопроводъ въ сбласти Хуантисую, имѣютъ до 600 ки-

Мостъ въ Андахъ.

лометровъ въ длину и до 10—12 футъ глубины и ширины! Гдѣ ихъ нельзя было высѣкать въ натуральной скалѣ, тамъ ихъ строили изъ огромныхъ тесанныхъ камней, которые такъ плотно прилегали другъ къ другу, что не нуждались ни въ какомъ цементѣ. Съ наружной стороны ихъ укрѣпляли дерновыми откосами. На извѣстномъ другъ отъ друга разстояніи находились шлюзы, опредѣленныхъ, соотвѣтствующихъ орошаемой площади размѣровъ, которые въ назначенное время открывались и закрывались приставленными къ нимъ особыми должностными лицами. Каждый землевладѣлецъ долженъ былъ являться на свое поле въ назначенное время и распредѣлять воду извѣстнымъ, строго опредѣленнымъ образомъ. Если онъ пропускалъ это время, то не только лишался воды на этотъ разъ, но еше и подвергался штрафу, какъ человѣкъ нерадивый. Никто при этомъ не пользовался никакими льготами, и если жалоба на злоупотребленія какого либо богача или должностного лица достигала трона, то виновный подвергался жестокому наказанію, до смертной казни включительно.

Не менѣе грандіозныя работы перуанцы предпринимали съ цѣлью сдѣлать плодородными крутые горные склоны, которые они превращали въ рядъ лежащихъ одна надъ другою террасъ, сохранившихся, разумѣется, въ запущенномъ состояніи и по настоящее время; площадки эти поражаютъ своими колоссальными размѣрами. При этомъ такъ же бросается въ глаза дальновидность и энергія инковъ, не останавливавшихся ни передъ чѣмъ, разъ являлась надобность сдѣлать плодородною дикую, еще не культурную страну или повысить производительность уже воздѣланныхъ участковъ.

Даже безплодныя дюны на морскомъ берегу, къ которымъ никакимъ способомъ невозможно было провести воду, они умудрились превратить въ воздѣланныя пространства, снеся безплодный песчаный слой, толщиною въ 15 — 20 фут., и орошая лежащіе въ глубинѣ плодородные слои водой изъ пробивающихся сквозь песокъ ключей. Довольно высо-



Островъ Чинча съ залежами гуано.

кія кирпичныя стѣны окружали такія лежащія въ глубинѣ поля и защищали ихъ отъ сыпучаго песка, который время отъ времени отгребали отъ этихъ стѣнъ.

Удобреніе въ странѣ инковъ было широко извѣстно, для этого перуанцы пользовались всѣми сколько нибудь подходящими веществами. По словамъ Гарцилассо на морскомъ побережьи между Ареквипой и Тарапакой, на протяженіи болѣе 200 миль, не употребляли другого удобренія, кромѣ помета водяныхъ птицъ, которыхъ на этомъ берегу водится безчисленное количество. Онѣ гнѣздятся на многочисленныхъ необитаемыхъ островкахъ, лежащихъ вблизи материка, и оставляютъ тамъ цѣлыя горы помета, издали похожія на снѣговыя вершины. Во времена инковъ существовали строгія правила, охранявшія этихъ птицъ. Подъ страхомъ смерти запрещалось посѣщать эти острова въ періодъ гнѣздованія и убивать птицъ. Каждый островъ былъ предоставленъ въ пользованіе одной, а при большихъ размѣрахъ, двумъ и болѣе провинціямъ. Затѣмъ каждая такая часть дѣлилась на мелкіе участки, такъ что не только каждая деревня, но и каждый обыватель имѣлъ свой

отдѣльный участокъ, размѣры котораго зависѣли отъ его потребности въ удобреніи. Захватъ излишняго удобренія или продажа своего постороннимъ разсматривались какъ воровство и наказывались очень строго, въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже смертью. Вообще каждое отступленіе въ этомъ случаѣ приравнивалось къ оскорбленію величества и каралось соотвѣтствующимъ образомъ.

Благодаря прекрасному удобренію на орошаемыхъ поляхъ перуанцы получали ежегодно по нѣсколько урожаевъ, между тѣмъ какъ поля неорошаемыя едва давали два урожая подрядъ, а затѣмъ нѣсколько лѣтъ должны были лежать подъ паромъ.

Орудія для обработки земли уже потому были несовершенны, что перуанцы не имѣли рабочаго скота. Мѣсто плуга занимала у нихъ лопата, чаще же всего просто заостренный сукъ, къ которому на верху придѣлывали перекладину, чтобы удобнѣе было втыкать его въ землю. Размельченіемъ глыбъ земли занимались женщины; онѣ шли позади мужчинъ и граблями или просто руками размельчали глыбы и въ то же время удаляли корни и сорныя травы. Поля свои, очищенныя отъ камней, перуанцы передъ обработкой затопляли водой для того, чтобы размягчить затвердѣвшую поверхность.

Древнеперуанская мумія съ приношеніями жертвователей вокругъ.

На такихъ поляхъ они воздѣлывали главнымъ образомъ бананы, маисъ, квиноа, красный перецъ, два вида бобовъ, тыквы, огурцы, ананасъ и особенно коку. На поляхъ неорошаемыхъ, особенно на плоскогорьяхъ Андъ, они разводили преимущественно клубневыя растенія. Кромѣ того разводили различные фрукты, а также агаву (Agava tuberosa), изъ листьевъ и корней которой дѣлаютъ сандаліи и веревки, изъ корней, кромѣ того, мыло. Готовили ли изъ ея листьевъ опьяняющій напитокъ, какъ теперь дѣлаютъ и прежде дѣлали въ Мексикѣ,—неизвѣстно.

Всѣ продукты, собранные съ полей, хранились въ особыхъ амбарахъ, строившихся изъ кирпича и имѣвшихъ продолговатую форму. Они состояли ихъ множества отдѣленій, вмѣстимостью около 450 гектолитровъ и расположенныхъ вдоль продольнаго корридора. Каждое отдѣленіе имѣло отверстіе для всыпанія продукта. Каждый такой амбаръ служилъ обыкновенно лишь для какого либо одного сорта продуктовъ, и если случался нѣсколько лѣтъ подъ рядъ хорошій урожай, то амбары переполнялись такъ, что запасовъ могло хватить на много лѣтъ, такъ какъ брали изъ нихъ только по мѣрѣ дѣйствительной надобности.

Въ сравненіи съ земледѣліемъ скотоводство давало очень мало. Перуанцы разводили исключительно ламу и альпака, да и то только въ горахъ. Здѣсь на громадныхъ плоскогорьяхъ, такъ же какъ и на склонахъ горъ до снѣговой линіи, гдѣ растетъ тощая трава,—настоящая родина ламъ. На расположенныхъ тамъ пастбищахъ паслись безсчисленныя стада ихъ, принадлежавшія богу солнца и инкѣ. Ихъ пасли пастухи. Всѣ они находились подъ началомъ особаго чиновника, который долженъ былъ отмѣчать на своемъ квипа количество головъ. Разъ въ году скотъ стригли, причемъ шерсть распредѣляли согласно обычаямъ. Женщины пряли и ткали ее для потребностей своей собственной семьи и для общественныхъ запасовъ. Лишній скотъ убивали, мясо поступало въ пищу, а изъ шкуръ

выдѣлывалась довольно прочная кожа. Изъ стадъ бога солнца брали животныхъ для жертвоприношеній, изъ стадъ инки—животныхъ для нуждъ царскаго двора.

Для земледѣльческихъ работъ, въ періодъ господства инковъ, лама не употреблялась. Лама самецъ безъ труда могъ нести на себѣ около 35 килограмовъ и дѣлалъ ежедневно 15—18 километровъ, но ламы требовали умѣлаго мягкаго обращенія, въ противномъ случаѣ упрямствомъ своимъ они причиняли массу непріятностей.

Каждый житель государства инковъ не только долженъ былъ выполнять всѣ необходимыя для его существованія работы, но также изготовлять всѣ нужные ему предметы и инструменты. Каждаго изъ нихъ съ дѣтства пріучали ко всевозможнымъ занятіямъ, и каждый поэтому умѣлъ обработать садъ, поле, построить домъ, изготовить домашнюю утварь, орудія для обработки почвы, прясть и ткать шерсть, шить, плести сандаліи и проч. Въ ткачествѣ перуанцы достигли такого совершенства, что при дворѣ Карла V ихъ ткани изъ тонкой шерсти вигони сочли за шелковыя. Филиппъ II предпочиталъ ихъ всякимъ другимъ; особенный восторгъ вызывало то, что ткань была одинакова съ обѣихъ сторонъ и отличалась мягкостью и эластичностью, а также блескомъ и прочностью своихъ красокъ.

Самые искусные ткачи не ограничивались шерстью вигони, но пряли и ткали своеобразную шерсть летучихъ мышей для того, чтобы доставить инкамъ несравненную по красотѣ и мягкости ткань. Не менѣе хороши шляпы, зонтики, занавѣси и ковры, приготовлявшіеся съ большимъ вкусомъ изъ пестрыхъ птичьихъ перьевъ. На всѣхъ нихъ лежала печать не ремесленнаго, а художественнаго труда. Тоже слѣдуетъ сказать и обо всѣхъ другихъ произведеніяхъ перуанцевъ. Среди нихъ встрѣчались гончары, изготовлявшіе такія красивыя по формѣ и изящныя по выполненію глиняныя издѣлія, которыя и донынѣ еще вызываютъ восторгъ. Ихъ каменотесы умѣли обрабатывать и полировать самые твердые камни, ювелиры создавали художественныя произведенія, поражавшія своимъ изяществомъ завоевателей, но къ сожалѣнію дошедшія до насъ въ крайне незначительномъ количествѣ благодаря варварской жадности послѣднихъ. Архитекторы ихъ смѣлостью мысли, тщательностью и вкусомъ въ выполненіи врядъ ли уступали современнымъ. При недостаткѣ средствъ и несовершенствѣ орудій перуанцы сдѣлали все, что вообще были въ состояніи сдѣлать народы, незнакомые съ пріобрѣтеніями другихъ народовъ; они, вѣроятно, сдѣлали бы гораздо больше, если бы успѣли пережить бронзовый вѣкъ.

Современное Перу представляетъ чахлое государство, влачащее довольно жалкое существованіе. Оно довольно велико, такъ какъ охватываетъ по оффиціальнымъ даннымъ 1.769.804 кв. к., но численность населенія не достигаетъ 5 мил. Послѣ завоеванія испанцами Перу долгое время являлось центральной областью ихъ господства. Здѣсь была резиденція вице-короля. Въ 1821 г. Перу, подобно другимъ колоніямъ, сбросило испанское иго и объявило себя республикой. Эпоха „свободы“ являлась въ то же время эпохой гражданскихъ смутъ и внѣшнихъ войнъ. Особенно сильный ударъ нанесла Перу и Боливіи несчастная война ихъ съ Чили, когда, вмѣсто побѣдъ и надежды занять въ Ю. Америкѣ едва ли не первенствующее положеніе, Перу потеряла богатѣйшія доходныя провинціи Такна и Тарапака. Съ тѣхъ поръ страна не можетъ оправиться. На самомъ дѣлѣ это и неудивительно, такъ какъ прежніе источники богатства, которыми славилось Перу, истощились, а жители, вслѣдствіе невѣжества, не умѣютъ извлекать доходовъ изъ того, что имъ осталось. Современные обитатели Перу представляютъ чрезвычайно пеструю смѣсь. Туземныя племена—гордые кечуа, покоренные ими аймара и живущіе на обращенномъ къ Амазонкѣ склонѣ Андъ анти (ну-аруаки) послѣ гибели государства инковъ сохранились, конечно, въ странѣ. Но потерявъ національную независимость и испытавъ гибель родной культуры, эти способные туземцы какъ бы замерли въ своемъ развитіи. Они подчинились

испанцамъ, кое что переняли у нихъ, кое что передали имъ, но жизнь, одушевлявшая ихъ нѣкогда, какъ бы отлетѣла прочь, и люди эти живутъ теперь въ состояніи подавленнаго равнодушія, не заглядывая въ будущее, стараясь забыть невозвратное прошлое. Туземцы еще довольно многочисленны, но въ людно населенныхъ мѣстахъ они сильно смѣшались съ пришельцами, составъ которыхъ довольно разнообразенъ. Первая роль принадлежитъ въ городахъ иностранцамъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточена вся промышленность и торговля. Эта группа жителей Перу держитъ себя особнякомъ и состоитъ въ близкихъ сношеніяхъ преимущественно съ креолами, чистокровными потомками испанцевъ, число которыхъ, впрочемъ, очень невелико. Рядомъ съ чистокровными бѣлыми встрѣчаются чистые африканцы, такъ какъ негровъ въ качествѣ рабовъ стали ввозить въ Перу уже въ XVI ст. Наконецъ изъ чистыхъ расъ встрѣчаются еще желтые. По окончательной отмѣнѣ рабства въ 1856 г. потребность въ рабочихъ вызвала переселеніе сюда китайскихъ

Группа перуанскихъ индѣйцевъ.

кули. Можно себѣ представить, какія разнообразныя смѣшенія должно было въ концѣ концовъ дать присутствіе въ Перу представителей чуть ли не всѣхъ человѣческихъ расъ! Неудивительно, если по числу наибольшую часть жителей составляютъ теперь метисы, среди которыхъ помѣсь черныхъ и бѣлыхъ приближается все болѣе и болѣе, вслѣдствіе прекращенія притока африканской крови, къ бѣлому типу, а помѣсь черныхъ и туземцевъ, представители которой называются здѣсь „чолосъ“, становится все болѣе похожей на индѣйцевъ.

Большая часть обитателей населяетъ не побережье, а склоны Андъ до высоты 3000 м. Перуанское побережье почти вездѣ сухая пустыня. Туманы, „гаруасъ“, которыя одни только увлажняютъ землю въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ (май—сентябрь), не позволяютъ развернуться растительности. Только въ долинахъ выбѣгающихъ изъ Андъ рѣчекъ, вродѣ Римака, возможно хозяйство. Здѣсь то и располагаются рѣдкіе города и селенія. Начиная съ высоты 800 м. растительность становится богаче. Юкка, сахарный трост-

никъ, бананы, маисъ, дыни и столь излюбленные здѣсь плоды черимойи и гранадильи отлично ростутъ здѣсь. Городки и селенія окружены зеленью полей, огородовъ и садовъ. Здѣсь же, въ „сьеррѣ“, расположены главные города, среди которыхъ древнее Куско все еще играетъ первую роль, въ то время, какъ у берега пріютились гавани вродѣ Моллендо, изъ которыхъ ни одна не имѣетъ хорошей бухты. Выше „сьерры“ располагается холодная и безплодная пуна, гдѣ рѣдкіе жители принуждены довольствоваться разведеніемъ скота, въ томъ числѣ разныхъ видовъ ламъ, дающихъ знаменитую шерсть.

Когда то Перу славилось своими ископаемыми богатствами. Рудники въ горахъ давали громадныя для того времени количества серебра, золота, почти всѣ ручьи содержали золотой песокъ. Но эти времена отошли навѣки, какъ и то блаженное время, когда завоеватели разграбили скопленные инками запасы драгоцѣнныхъ металловъ и разрыли старые гробницы и храмы. Теперь рудники сильно исчерпаны, если же взамѣнъ благородныхъ металловъ первое мѣсто заняли вездѣ неблагородные—желѣзо, мѣдь, цинкъ, олово и т. п., то и въ этомъ отношеніи перуанскіе рудники остаются безъ пользы для страны; многіе изъ нихъ пришлось забросить, такъ какъ мѣсторожденія эти не могутъ соперничать съ болѣе богатыми и выгодными, открытыми въ другихъ странахъ. По ту сторону Андъ, на обширномъ пространствѣ верховій Амазонки, страна богата всѣми естественными произведеніями тропиковъ, начиная съ каучука и кончая лекарственными растеніями, но хозяйство затрудняется здѣсь тѣмъ, что нѣтъ дорогъ къ Амазонкѣ, и очень трудна доставка продуктовъ черезъ Анды къ берегу Тихаго океана.

Главнымъ богатствомъ Перу являлись прежде богатыя залежи селитры въ Тарапака, но ими овладѣло Чили, предоставивъ Перу эксплоатировать гуано, залежи котораго отличаются особенной мощностью на островахъ группы Чинча близь Писко. Здѣсь скопленія помета птицъ образуютъ цѣлыя горы, въ которыхъ гуано лежитъ твердой, какъ камень, массой. Несомнѣнно, только необычайная сухость климата явилась причиной того, что эти горы органическаго вещества скопились здѣсь въ такой массѣ, образовавъ настоящую горную породу. Гуано доставило перуанскому правительству много сотень милліоновъ пезосъ, такъ какъ это вещество является самымъ сильнымъ и потому цѣннымъ удобреніемъ, благодаря чему его вывозятъ въ разныя страны множество судовъ. Изъ этого источника кучки политикановъ, завладѣвавшихъ въ Перу властью, черпали себѣ обогащеніе, пользуясь доходами съ гуано для подавленія свободы, такъ широко возвѣщаемой основными законами страны.

Сл—кій.

Боливія.

Въ эпоху завоеванія и колонизаціи Америки испанцами Боливія входила въ составъ вице-королевства Перу. Необычайныя рудныя богатства ея въ видѣ золота и особенно серебра придавали этой уединенной области высокую цѣну. Около 1780 г. страна эта была присоединена подъ именемъ „Чаркасъ“ къ вицекоролевству Ла-Платы, а когда въ началѣ XIX в. вся Ю. Америка пришла въ движеніе, и колоніи одна за другой возставали, Боливія дольше другихъ оставалась вѣрна метрополіи. Лишь въ 1825 г. генералъ Боливаръ, по имени котораго страна стала съ тѣхъ поръ называться, „освободилъ“ ее отъ Испаніи и составилъ довольно фантастическую конституцію, которую вскорѣ замѣнили обычными для всѣхъ американскихъ республикъ уставами. Залегая на высотахъ Андъ и по низменностямъ верхнихъ притоковъ Амазонки, примыкая лишь однимъ краемъ къ Тихому океану, Боливія, подобно Парагваю, занимала уединенное положеніе, вслѣдствіе чего немногочисленное, полукультурное населеніе ея оставалось на низкой ступени

развитія. Послѣ войны съ Чили, которую Боливія вела въ 1878—83 гг. въ союзѣ съ Перу, страна лишилась прибрежной провинціи Антофагаста и оказалась совершенно отрѣзанной отъ моря. Въ настоящее время пространство ея охватываетъ по оффиціальнымъ даннымъ 1.658.119 кв. к. [1]), съ населеніемъ около 2 мил. человѣкъ, большая часть которыхъ населяетъ плоскогорье.

По своему рельефу Боливія распадается естественнымъ образомъ на четыре части. На западѣ лежитъ плоскогорье высотой въ 3400—4000 м., располагающееся между гигантскими поднятіями приморскихъ Андъ (Кордильера де ла Коста) и восточной или „королевской“ цѣпи (Кордильера Реалъ). Эта „пуна“ простирается въ общемъ къ юго-востоку на 800 к. при ширинѣ въ 130 к. и усѣяна нѣсколькими неглубокими озерами, среди которыхъ наибольшее и самое знаменитое, Титикаха, родина инковъ, залегаетъ на громадной высотѣ 3835 м., уступая въ этомъ отношеніи лишь нѣкоторымъ Тибетскимъ озерамъ и озерамъ Памира. Оно равняется приблизительно половинѣ Ладожскаго озера и лежитъ среди унылыхъ окрестностей, надъ которыми господствуютъ блестящія своими вѣчными снѣгами гигантскія вершины Сората-Ильямпу, Ильимани (6449 м.) на западѣ, Сахама, вулканъ Мисти и другіе на востокѣ и югѣ. Колеблющіяся въ своемъ уровнѣ воды озера стекаютъ черезъ рѣку Дезагвадеро въ другое, расположенное ниже озеро Аульягасъ, и въ общемъ, повидимому, усыхаютъ. На востокѣ Кордильера Реалъ опускается цѣлымъ рядомъ долинъ, раздѣленныхъ второстепенными хребтами къ великой низменности. Эта часть самая населенная—здѣсь раскинулись главные города, возникшіе при самыхъ богатыхъ рудникахъ. Подножіе спускающихся къ низменности горъ, извѣстное подъ названіемъ „Юнгасъ“, составляетъ третью область, а обширная лѣсистая и тропически жаркая низменность, которою Боливія сливается съ Парагваемъ и Бразиліей, представляетъ самую большую, но наименѣе населенную и наименѣе изслѣдованную часть ея.

Изъ гористой центральной части струятся главныя рѣки, питаемыя падающими по склонамъ восточныхъ Андъ дождями. Въ сѣверной Боливіи это большею частью притоки Ріо Мадейры, которая рождается здѣсь изъ рѣкъ Бени, Маморе и Гвапоре. Если бы не пороги и стремнины, то эти многоводные потоки открывали бы Боливіи хорошую дорогу къ Амазонкѣ и Атлантическому океану. На югѣ всѣ воды собираются въ Пилкомайо, ужасныя болота котораго, заселенныя дикими индѣйцами Гранъ-Чако, запираютъ Боливію со стороны Ла-Платы.

Высокое плоскогорье Боливіи издавна было заселено индѣйцами аймара, которыхъ сѣвернѣе смѣняютъ родственные имъ перуанскіе кечуа. По своей внѣшности, по характеру и быту оба племени во многомъ сходны. Это невысокіе, но крѣпкіе, плечистые горцы съ красноватымъ цвѣтомъ кожи, черными гладкими волосами и шаровидной головой, съ лицомъ широкимъ и очень мало выразительнымъ благодаря тому, что въ характерѣ этихъ племенъ особенно выражены свойственныя всѣмъ индѣйцамъ холодная, неподвижная замкнутость чувствъ и сдержанность всѣхъ душевныхъ движеній. Они населяютъ холодную пуну, гдѣ едва ли не единственнымъ способомъ прокормиться является скотоводство и скромное земледѣліе, насколько его допускаетъ суровый климатъ. Кромѣ плоскогорья аймара и кечуа заселяютъ также восточные склоны Кордильеры Реалъ, но рѣдко спускаются въ жаркую низменность, саванны и лѣсныя дебри которой заселены племенами иныхъ группъ.

Жестокія лихорадки и то обстоятельство, что аймара и кечуа искони были преимущественно скотоводами и не могли заниматься земледѣліемъ въ непривычной для нихъ обстановкѣ, далѣе опасности отъ нападенія дикихъ лѣсныхъ индѣйцевъ удерживали болѣе культурныхъ индѣйцевъ области Андъ отъ выселенія въ низины. Перуанскіе инки, правда,

[1]) На дѣлѣ 1.334.200 кв. к.

совершали сюда походы во главѣ своихъ войскъ, но обыкновенно неудачно. До сихъ поръ еще аймара занимаются въ пунѣ скотоводствомъ и въ скромныхъ размѣрахъ земледѣліемъ. Здѣсь они обладаютъ стадами альпака, ламъ, овецъ, крупнаго рогатаго скота и табунами маленькихъ лошадокъ, ословъ и муловъ. Часто туземцы не болѣе, какъ пастухи, такъ какъ стада принадлежатъ бѣлымъ, предпочитающимъ жить въ городахъ. Стада альпака составляютъ главное богатство благодаря цѣнной шерсти, которую трехлѣтнее животное даетъ въ количествѣ 6 фунтовъ, причемъ 100 ф. ея оцѣниваются на мѣстѣ не дешевле 30 р. Эту шерсть вывозятъ, между тѣмъ какъ шерсть ламъ и овецъ перерабатывается тутъ же для мѣстныхъ издѣлій. Величина стадъ очень незначительна. Рѣдко кто изъ индѣйцевъ владѣетъ стадомъ въ 500—1000 головъ, большинство изъ нихъ владѣетъ всего нѣсколькими животными. Мясо животныхъ, именно овецъ, идетъ въ пищу въ вяленомъ видѣ, такъ назыв. „чалона“, но употребляется оно мало, такъ что большая часть населенія на дѣлѣ оказывается настоящими вегетаріанцами.

Главное занятіе этихъ горцевъ, именно женщинъ, это изготовленіе пряжи и тканье шерстяныхъ матерій съ оригинальными, не лишенными изящества узорами въ видѣ фигуръ ламъ, птицъ и другихъ животныхъ. Вездѣ, гдѣ позволяетъ климатъ, индѣйцы воздѣлываютъ почву, устраивая свои поля, сады и огороды по склонамъ горъ въ видѣ террасъ. На высотахъ до 4000 м. созрѣваетъ почти одинъ картофель, кромѣ того рожь, ока (Oxalis tuberosa) и бобы квиноа (Chenopodium quinua). Картофель индѣйцы любятъ ѣсть послѣ того, какъ его хватитъ морозомъ, благодаря чему вкусъ его совершенно измѣняется, они называютъ это блюдо „чуньо“. Ниже 3500 м. произростаетъ уже маисъ и нѣкоторые овощи и плоды, а на высотахъ до 1600—1700 м. свободно растутъ бананы, кофе, сахарный тростникъ, юкка, рисъ, маисъ, апельсины, томаты и знаменитая кока, листья которой составляютъ столь же любимое и необходимое наркотическое средство для всѣхъ андійскихъ туземцевъ, какъ у насъ табакъ. Сверхъ того индѣйцы страстные любители цвѣтовъ, и потому хижины ихъ всегда окружены садами съ яркими цвѣтами тюльпановъ, хризантемъ и пеларгоній. Обыкновенно индѣйцы держатъ скотъ въ горахъ или въ пунѣ, а для занятій земледѣліемъ держатъ клочки земли ниже, гдѣ климатъ мягче; продуктами земледѣлія они снабжаютъ жителей, обитающихъ глубже въ пунѣ. Обработка земли ведется у нихъ довольно первобытными орудіями туземнаго типа, но металлическими; они знакомы съ плодосмѣномъ и, если нужно, прибѣгаютъ къ искусственнымъ удобреніямъ. Такимъ образомъ стада снабжаютъ ихъ платьемъ и мясомъ, а поля остальной пищей, чѣмъ и удовлетворяются первыя потребности. Изъ прочихъ предметовъ они мало въ чемъ нуждаются—посуда изготовляется изъ глины на мѣстѣ или въ сосѣднихъ областяхъ, другіе предметы ежедневнаго обихода также настолько незатѣйливы, что не требуютъ особаго старанія для своего приготовленія. Хижины различаются въ зависимости отъ мѣстности: въ горахъ боливійскіе аймара и кечуа обитаютъ въ прочно сложенныхъ для защиты отъ холоднаго вѣтра каменныхъ постройкахъ, а ниже при подножіи горъ ихъ укрываютъ отъ непогоды легкія хижины изъ бамбука съ земляной крышей. Единственное за что индѣйцы охотно платятъ лишнія, зарабатываемыя ими деньги, это кока, которую жуютъ старъ и младъ, и водка, да еще яркія одежды, въ которыя они наряжаются для праздничныхъ плясокъ. Водку въ видѣ сквернаго рома, называемаго „каньязо“, они добываютъ изъ сахарнаго тростника и упиваются ею безмѣрно. О количествѣ привозимой и распиваемой здѣсь каньязы можно судить по убранству здѣшнихъ храмовъ, гдѣ, по словамъ одного путешественника, полъ и алтарь обыкновенно сколочены изъ досокъ изъ подъ винныхъ ящиковъ, такъ что нерѣдко на оборотной сторонѣ иконы какого нибудь святого красуется надпись: „спиртъ крѣпости въ 40 градусовъ [1]).

[1]) Erland Nordenskiöld, Uber quechua sprechende Indianer.. Globus LXXXVIII № 7.

Индѣйцы нагорной Боливіи и Перу живутъ большею частью общинами (комунидадосъ). Каждое семейство получаетъ ежегодно отъ правительства клочекъ земли, за который платитъ подать, большею частью одинъ и тотъ же, который оно не имѣетъ права продать. Благодаря этой мѣрѣ туземцы не лишаются средствъ къ жизни, тогда какъ тамъ, гдѣ они владѣли землями на правѣ собственности, участки ихъ въ большинствѣ случаевъ перешли къ бѣлымъ. Обыкновенно это случалось такимъ образомъ, что бѣлый охотно снабжалъ краснокожаго товарами, преимущественно ромомъ, въ кредитъ за безбожные проценты, пока должникъ не уступалъ ему въ уплату за долги свою собственность, превращаясь изъ хозяина въ наемнаго работника. Въ каждомъ индѣйскомъ селеніи обитаетъ нѣсколько бѣлыхъ или полубѣлыхъ, которые въ однихъ мѣстахъ сосредоточили въ своихъ рукахъ добычу и торговлю шерстью, въ другихъ завладѣли земельными угодьями, въ третьихъ путемъ кредита въ лавочкахъ закабалили себѣ вѣковѣчныхъ работниковъ, которыхъ посылаютъ въ низменность добывать каучукъ, хинную кору и другія цѣнныя произведенія тропическаго лѣса. Кто попалъ въ разрядъ такихъ собирателей каучука, называемыхъ здѣсь „пикадоресъ“, врядъ ли когда вырвется изъ цѣпкихъ рукъ своего хозяина. Онъ вѣчно будетъ ему долженъ, такъ какъ получаетъ всѣ необходимыя вещи отъ него по произвольно высокой цѣнѣ. Подобно частнымъ предпринимателямъ, относится къ туземцамъ и само правительство. Мелкіе чиновники его отличаются большой недобросовѣстностью, вслѣдствіе чего туземное населеніе обременено разными повинностями, плата за которыя никогда не попадаетъ въ руки индѣйцевъ, а застреваетъ въ карманахъ администраціи. Гнетъ и эксплоатація стали удѣломъ аймара и кечуа съ тѣхъ поръ, какъ страна ихъ очутилась во власти бѣлыхъ. Правда, что и при инкахъ населеніе имперіи было обременено работами и находилось въ положеніи, близкомъ къ рабскому, но тяготы того времени сносились индѣйцами легче, такъ правительство было свое, національное, и всѣ формы жизни были облечены въ привычную оболочку. Кромѣ того насиліе не носило остраго характера, и взамѣнъ повинностей населеніе пользовалось защитой и покровительствомъ. Въ этомъ отношеніи покоренные кечуа аймары находились въ лучшемъ положеніи, чѣмъ другіе данники государства инковъ.

Повидимому, самая культура инковъ развилась первоначально среди аймара, едва ли и не сами инки были родомъ изъ этого племени. По крайней мѣрѣ языкъ аймара былъ принятъ при дворѣ инковъ, и наиболѣе древнія преданія о первомъ инкѣ Манко Капакѣ относятся къ окрестностямъ озера Титикаха, на юго-восточномъ побережьи котораго стояли самые древніе, высоко-чтимые перуанскіе храмы. Развалины ихъ поражаютъ посѣтителей своими размѣрами и искусной кладкой камней до сихъ поръ, хотя золотыя украшенія и роскошное убранство давно расхищены первыми завоевателями испанцами.

Низменную область Боливіи занимаютъ индѣйцы разныхъ многочисленныхъ племенъ, принадлежащихъ къ группамъ тупи-гуарани и ну-аруаковъ, о которыхъ рѣчь была выше. Сюда принадлежатъ индѣйцы чиригуано, чикито, гварайо, мохо и разныя мелкія племена сѣверной Боливіи и восточнаго Перу въ бассейнѣ Бени, Маморе, Энвиро и другихъ рѣкъ, также анти, юракары, конибо, чипиво, кампа по р. Урубамба и тауаре. Одни изъ нихъ полуцивилизованы и уже давно находились подъ вліяніемъ болѣе культурныхъ кечуа и аймара. Другіе, обитающіе дальше отъ Андъ въ лѣсныхъ дебряхъ, еще совсѣмъ дики и, повидимому, близки къ исчезновенію, такъ какъ области ихъ съ каждымъ годомъ чаще посѣщаются искателями каучука, направляющимися сюда изъ Перу и Боливіи. Феликсъ Штегельманъ, одинъ изъ первыхъ европейцевъ, проникшій въ бассейнъ рѣки Энвиро (притокъ амазонскаго притока Юруа) во главѣ отряда каучеро, встрѣтилъ у туземцевъ радушный пріемъ, но когда онъ явился туда вторично, спустя короткое время, картина была уже совершенно иная: вмѣсто беззаботной жизни на лонѣ природы всюду царила ожесточенная борьба. Индѣйцы были жестоко озлоблены, такъ какъ каучеро уже раззо-

рили ихъ поселенія, загнали ихъ въ лѣса и безнаказанно позволяли себѣ всевозможныя насилія, къ какимъ склоненъ только бѣлый полукультурный обитатепь этихъ заброшенныхъ странъ.

„Бѣлое“ населеніе Боливіи чрезвычайно смѣшанно и немногочисленно. Эта уединенная страна привлекала къ себѣ мало переселенцевъ, которые осѣдали бы въ странѣ прочно и подымали бы ея культурное состояніе.

Въ прежнія времена, когда Боливія, „этотъ серебряный столъ на золотыхъ ножкахъ“, славилась своими залежами золота и серебра, люди являлись сюда ради наживы. Рудныя мѣсторожденія лежатъ либо на плоскогоріи, либо высоко въ горахъ, гдѣ жизнь не представляетъ ничего привлекательнаго. Въ то время города Боливіи насчитывали многочисленное населеніе. Такъ городъ серебра, Потози, лежащій на громадной высотѣ 3960 м. н. у. м., имѣлъ до 160.000 жителей, число которыхъ сократилось по мѣрѣ истощенія рудниковъ до 12.000. Нынѣшняя столица Ла-Пацъ, лежащая нѣсколько ниже (3700 м. н. у. м.), насчитываетъ еще до 60.000 ж. Городъ расположенъ въ пунѣ при подножіи величественнаго колосса Ильимани и, хотя населенъ преимущественно аймарами, сохраняетъ, благодаря постройкамъ испанской эпохи, европейскій видъ. Здѣсь живетъ боливійское правительство, про которое Реклю замѣчаетъ, что оно вѣчно кочуетъ. „При малѣйшей тревогѣ генералы и солдаты, министры и чиновники, забравъ съ собой письменные документы, вскакиваютъ на муловъ и разъѣзжаютъ по городамъ и долинамъ, выискивая болѣе спокойное мѣсто для столицы“. Другіе города Боливіи — Оруро, Кочабамба, Сукре расположены ниже и потому, несмотря на меньшее число жителей, представляютъ болѣе веселый видъ, чѣмъ Потози или Ла-Пацъ, гдѣ едва ли не единственными деревьями, украшающими городскіе бульвары являются бузина и чахлыя яблони. Суровый климатъ пуны гонитъ жителей въ холодное время года изъ Потози преимущественно въ Сукре, представляющее для обитателей Потози какъ бы дачное поселеніе.

Рѣдкое, глубоконевѣжественное населеніе Боливіи, упадокъ горнопромышленности и отрѣзанность отъ мира превращаютъ Боливію въ захолустье, въ которомъ безсовѣстная погоня за наживой и хищенія власть имущихъ вызываютъ частыя волненія.

Кажется нигдѣ не было столько революцій (пронунціаменто), какъ здѣсь. Естественно, что всѣ отрасли государственнаго хозяйства находятся въ самомъ печальномъ положеніи. Если другія страны Ю. Америки постепенно пріобщаются къ культурѣ благодаря тому, что богатства ихъ привлекаютъ иностранныхъ капиталистовъ, то этого еще нельзя сказать о Боливіи. Правда, горное дѣло въ послѣднее время испытываетъ новое оживленіе, правда, что вглубь Боливіи протянулись отъ береговъ Тихаго океана желѣзнодорожные пути, но безпорядокъ въ странѣ еще настолько великъ, и трудности для ввоза и вывоза товаровъ еще такъ значительны, что развитіе Боливіи остается далеко позади такихъ странъ, какъ Аргентина и Чили.

Эквадоръ.

Эквадоръ, получившій свое названіе отъ того, что расположенъ на самомъ экваторѣ, представляетъ особенностями своей природы и населенія продолженіе Перу. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, Анды, подобно позвоночному столбу, пересѣкаютъ страну съ юга на сѣверъ, оставляя на западѣ полосу тихоокеанскаго побережья, на востокѣ спускаясь въ низменность верхней Амазонки, гдѣ владѣнія Эквадора простираются на далекое разстояніе. Различіе заключается въ томъ, что въ Эквадорѣ Анды, начиная отъ горнаго узла Лоха, тянутся не тремя, а всего двумя цѣпями до горнаго узла Пасто на границѣ Колумбіи. Восточная, болѣе высокая, болѣе древняя называется, какъ въ Боливіи, Кордильера Реалъ;

западная (Кордильера окциденталъ) нѣсколько ниже и геологически моложе. Узкое и длинное пространство между обѣими цѣпями представляло бы плоскогорье съ высотами въ 2.000—3.000 м., если бы многочисленные могучіе вулканы, конусы которыхъ насажены на гребняхъ обѣихъ цѣпей, не перегородили бы его мощными потоками своихъ лавъ на рядъ котловинъ. Ужасный по своимъ многочисленнымъ изверженіямъ Сангай (5.323 м.), Алтаръ (5.405 м.), Тунгурагуа (5.087 м.), далѣе къ сѣверу Котопакси (5.943 м.), едва ли не самый высокій дѣйствующій вулканъ на всей землѣ, Синчолагуа и Антизана (5.756 м.), не считая многихъ другихъ, менѣе низкихъ вулкановъ, унизываютъ своими снѣжными вершинами восточную Кордильеру. Противъ нихъ на западной Кордильерѣ или въ промежуткахъ между ними на плоскогорьи выстроился цѣлый рядъ другихъ, частью дѣйствующихъ, частью потухшихъ вулкановъ, среди которыхъ давно потухшій Чимборасо долго считался высочайшей вершиной всего американскаго материка (6.310 м.). Именица (5.305 м.), Пичинча, Гуагуа и другіе вулканы замыкаютъ котловину, гдѣ лежитъ городъ Квито, съ запада. Когда эти гиганты, столпившіеся здѣсь тѣснѣе, чѣмъ гдѣ либо въ иной части Андъ, просыпаются и среди мрака при оглушающемъ грохотѣ разверзаютъ свои нѣдра, чтобы засыпать землю тучами пепла, градомъ обломковъ и раскаленными рѣками лавъ, покрывающія ихъ вершины снѣговыя поля плавятся, какъ по мановенію волшебства, и внезапно устремляютъ внизъ опустошительные потоки талыхъ водъ, настоящее наводненіе жидкой грязи. Развалины, на которыхъ возникали вновь разрушенные изверженіями города, какъ напр. Ріобамба, могли бы разсказать цѣлые повѣсти драматическихъ эпизодовъ изъ исторіи этихъ ужасныхъ изверженій, которые давно привлекали къ вулканамъ Эквадора вниманіе всѣхъ выдающихся, посѣщавшихъ Ю. Америку ученыхъ. Унылыя лавовыя поля, обрамленныя по склонамъ горъ чахлыми парамо, составляютъ характерный пейзажъ высокихъ котловинъ сѣвернаго Эквадора, гдѣ негостепріимный по частымъ грозамъ и дождевымъ шкваламъ климатъ дѣлаетъ пребываніе непріятнымъ даже для неизбалованнаго обитателя Андъ.

Побережье Тихаго океана на югѣ такъ же сухо и безплодно, какъ въ Перу. Но сѣвернѣе климатъ становится болѣе влажнымъ, а чѣмъ далѣе отъ берега, тѣмъ обильнѣе теплые дожди по склонамъ Андъ, благодаря которымъ горы одѣты густымъ тропическимъ лѣсомъ, всползающимъ по нимъ до высоты 1.300—1.600 м. Древесныя насажденія встрѣчаются здѣсь даже до высоты 3.400 м., куда взбираются древовидные папортники, въ то время какъ апельсинное дерево и бананы не ростутъ выше 2.500 м. Выше 3.000 м. простираются травянистыя парамо, круглый годъ окрашенныя въ однообразные буровато-желтые тона съ пятнами яркихъ цвѣтовъ тамъ и сямъ.

По ту сторону Андъ склоны горъ представляютъ знакомую намъ картину. Множество спускающихся съ горъ рѣкъ текутъ здѣсь черезъ лѣсистую низменность почти параллельными струями на юго-востокъ, пока не впадутъ въ Амазонку или ея верхніе притоки Ріо Напо, Путумайо и Япура.

Все пространство Эквадора, считая островъ Пуна въ большомъ заливѣ Гваякиль и острова Галапагосъ, прославленные громадными черепахами, занимаетъ 307.000 кв. к. [1]). Общее число жителей не превосходитъ 1.500.000 ч., изъ которыхъ на долю совершенно дикихъ индѣйцевъ приходится не болѣе $^1/_7$. До появленія испанцевъ здѣсь сидѣли сравнительно культурные, родственные кечуа племена, изъ которыхъ имя главнаго „Квито“ сохранилось какъ названіе плоскогорія и главнаго города. Туземцы не разъ испытывали нашествія инковъ, стремившихся превратить ихъ въ своихъ данниковъ, пока Діего де Алмагро и Себастіанъ де Белалказаръ не овладѣли по порученію Пизарро этой страной. Съ этого времени туземцы начинаютъ смѣшиваться съ побѣдителями съ такимъ успѣ-

[1]) Безъ острововъ 294.600 кв. к.

хомъ, что число чистокровныхъ или креоловъ очень невелико. Почти половина жителей Эквадора по крови чистые индѣйцы. Небольшія племена, какъ напр. каяпа, до сихъ поръ уцѣлѣли почти въ первобытномъ варварствѣ, благодаря защитѣ лѣсистой чащи, среди которой они искони обитали на побережьи океана. Обитатели плоскогорья гораздо цивилизованнѣе: они почти всѣ христіане, носятъ одежду и, кромѣ кечуа, нерѣдко говорятъ по испански. Въ большинствѣ случаевъ эти индѣйцы обладаютъ бронзовой кожей, невысоки, узкоплечи, съ маленькими, но изящными руками и ногами, съ гладкими черными и густыми волосами; безбородыя широкія лица ихъ съ маленькими глазками не выражаютъ ничего, кромѣ печальной флегмы. По характеру это замкнутые, молчаливые, какъ бы придавленные тяжелой судьбой люди, которыхъ мѣстные бѣлые упорно обвиняютъ въ лѣности, пьянствѣ и многихъ другихъ порокахъ, свойственныхъ всякому племени, какъ скоро оно становится жертвой насилія и эксплоатаціи.

Типъ индѣйца съ плоскогорья Эквадора.

Пришлое населеніе состоитъ главнымъ образомъ изъ метисовъ, среди которыхъ въ городахъ преобладаютъ чолосъ, т. е. бѣлые съ четвертью индѣйской крови. Съ тѣхъ поръ какъ въ 1854 г. отмѣнено рабство негровъ, смѣшеніе съ африканцами усилилось: новыхъ негровъ перестали привозить, а имѣвшіеся въ странѣ быстро смѣшались съ бѣлыми и индѣйцами.

Весьма понятно, что чистокровныхъ бѣлыхъ здѣсь очень мало—въ городахъ, вѣроятно, не болѣе 10%, въ селеніяхъ—не болѣе 1%—тѣмъ болѣе, что иностранцы въ городахъ Эквадора менѣе многочисленны, чѣмъ въ другихъ странахъ Ю. Америки.

Эквадоръ никогда не славился богатствами, которыя, какъ въ Перу или въ Боливіи, привлекали бы колонистовъ. Жители его скромно питаются плодами неприхотливаго земледѣлія въ низменныхъ частяхъ, продуктами скотоводства на плоскогорьи, и только въ послѣднее время усиленный спросъ на каучукъ и другіе тропическіе продукты сулитъ странѣ обогащеніе. Здѣсь нѣтъ слишкомъ многолюдныхъ городовъ. Квито, Гваякиль и Куенка имѣютъ 30.000—50.000 ж., остальные же города, какъ Ріобамба, Лоха, Амбато насчитываютъ до 10.000—20.000 обитателей.

Колумбія.

Область сѣверныхъ цѣпей южно-американскихъ Андъ, раздѣляющихся въ узлѣ Паско на три вѣтви, занимаетъ республика Колумбія. Ей принадлежатъ также обширныя земли за Андами въ низменности Амазонки, также побережье Караибскаго моря почти до залива Маракаибо, принадлежалъ ей прежде и весь Панамскій перешеекъ, населеніе котораго произвело недавно революцію и отдѣлилось отъ Колумбіи въ качествѣ особой, довольно микроскопической республики. На пространствѣ своихъ 1.135.550 кв. к. Колумбія пред-

ставляетъ не мало разнообразія. Въ общемъ въ ней можно различить горную область Андъ, хребты которыхъ все еще достигаютъ здѣсь высоты 4000 м. съ вершинами до 5500—5700 м. Въ цѣпи Андъ вдвигаются съ сѣвера длинныя долины рѣкъ, среди нихъ особенное значеніе имѣетъ долина главной рѣки Колумбіи, Ріо Магдалены. Къ Андамъ прилегаетъ съ запада побережье моря, образующее довольно обширное низменное пространство при заливѣ Даріенъ. Третья область Колумбіи это влажная, лѣсная, заандійская низменность, населенная дикими индѣйцами, куда бѣлые проникаютъ только въ послѣднее время. Вездѣ, гдѣ подымаются высокія горы, жители различаютъ по климату три полосы, тѣ же, впрочемъ, что и въ остальныхъ странахъ, расположенныхъ въ тропическихъ Андахъ. Низменное подножіе, такъ сказать, подолъ Андъ, составляетъ „жаркая страна“ (tierra caliente), съ равномѣрно жаркимъ климатомъ во всѣ времена года, во всѣ часы дня; различіе во времена года вносится лишь тѣмъ, какъ и когда падаютъ дожди. Конечно въ этомъ поясѣ роскошно произрастаютъ всѣ тропическія растенія, но лихорадки и другія болѣзни гонятъ отсюда индѣйцевъ и бѣлыхъ въ болѣе возвышенныя мѣста, такъ что здѣсь обитаютъ преимущественно метисы африканской крови,—потомки прежнихъ рабовъ. Пологія склоны горъ отъ 600—2.200 м. занимаетъ „умѣренная страна“ (tierra templada), страна вѣчнаго умѣреннаго лѣта, гдѣ термометръ въ теченіе всего года старается не удалиться отъ температуры 20°. Здѣсь уже не ростетъ ни кокосовая пальма, ни какао, но хорошо произрастаютъ многія растенія, доставляющія человѣку обильную пищу и разнообразный матеріалъ для подѣлокъ. Этотъ поясъ обладаетъ въ Колумбіи наиболѣе многочисленнымъ населеніемъ. Надъ нимъ простирается „холодная страна“ (tierra fria) — граница банановъ, юкки и сахарнаго тростника, область, гдѣ человѣкъ охотно замѣняетъ обработку земли разведеніемъ скота. Впрочемъ, здѣсь на горахъ и на плоскогоріяхъ жителей мало, такъ какъ слишкомъ холодно: ночью температура нерѣдко падаетъ ниже 0°, а въ самые теплые дни рѣдко подымается выше 20°.

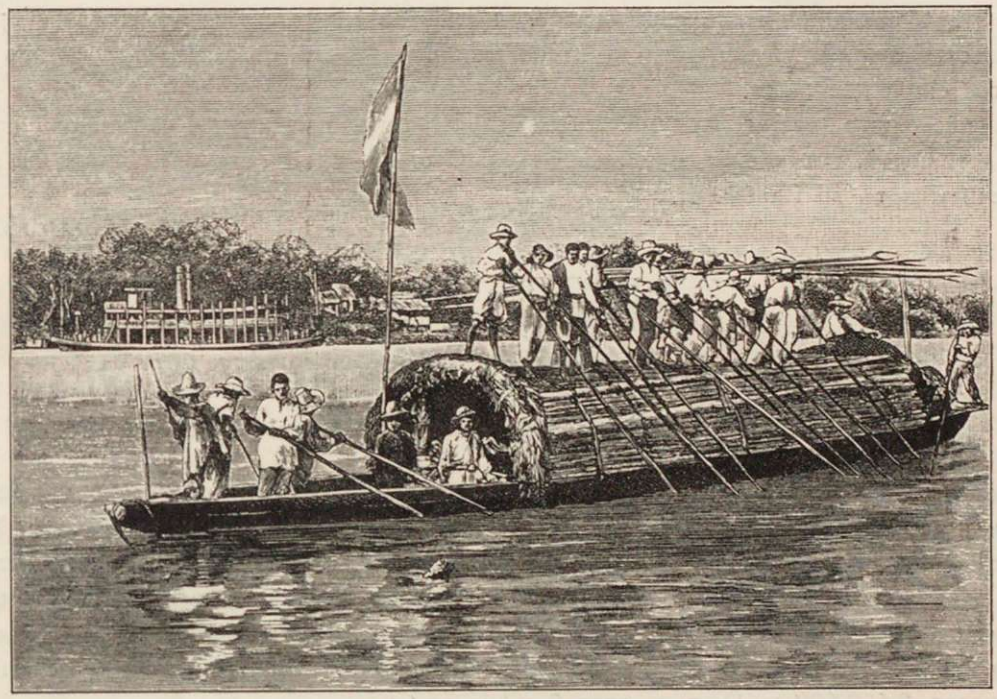
Индѣйцы внутренней Колумбіи.

Благодаря теплому климату и разнообразію рельефа Колумбія богато надѣлена отъ природы. Здѣсь ростутъ всѣ тропическія растенія, которыя достигаютъ крупныхъ размѣровъ, размножаются въ большомъ числѣ и приносятъ обильные плоды. Даже при хищническомъ хозяйствѣ страна могла бы прокормить гораздо болѣе тѣхъ $4^1/_2$ мил. жителей, которые сейчасъ населяютъ ее. Уже въ древности, когда сюда явились первыя дружины завоевателей-испанцевъ, они застали въ плодородныхъ долинахъ Колумбіи индѣйцевъ, достигшихъ довольно высокой культуры. Это были родственныя перуанскимъ кечуа и боливійскимъ аймара племена чибча, объединявшіяся въ государства, подобныя государству инковъ. Чибча обитали въ деревянныхъ домахъ, имѣли укрѣпленные города съ храмами, проводили дороги и строили мосты; они добывали и обрабатывали благородные металлы, дѣлая изъ нихъ очень разнообразныя украшенія. Поля свои они, въ зависимости отъ вы-

соты и климата мѣста, засѣвали бобами, картофелемъ, квиноа и окой въ tierra fria, и маисомъ, юккой, бататами въ tierra templada.

Развалины храмовъ, какъ напр. руины Ирака, указываютъ, что чибча достигли въ религіозномъ отношеніи извѣстной высоты. Ихъ религія отличалась такою же сложностью, какъ религія мексиканцевъ; каста жрецовъ съ верховнымъ первосвященниковъ во главѣ составляла замкнутую группу, пользовавшуюся большимъ вліяніемъ. Остальная масса народа дѣлилась на обычныя сословія военныхъ, городскихъ ремесленниковъ и купцовъ и сельскихъ земледѣльцевъ. Съ появленіемъ испанцевъ дальнѣйшее развитіе культуры чибча прекратилось, какъ прекратилась культура перуанцевъ.

Кругомъ потомковъ чибча въ болѣе глухихъ долинахъ и лѣсныхъ дебряхъ обитаютъ многочисленныя мелкія племена почти дикихъ или полудикихъ индѣйцевъ, съ которыми



На р. Св. Магдалены въ Колумбіи.

мы уже знакомы въ лицѣ гваиро, населяющихъ сѣверную часть Колумбіи, побережье Караибскаго моря. Въ большинствѣ случаевъ эти племена родственны ну-аруакамъ.

Слѣдующую группу населенія составляютъ метисы африканской крови, расплодившіеся въ низменной жаркой полосѣ послѣ отмѣны рабства, что произошло въ 1821 г. и окончательно въ 1852 г. Бѣлое населеніе Колумбіи очень малочисленно. Это или потомки испанцевъ, переселившихся сюда давно и захватившихъ лучшія земли, или пришельцы, появлявшіеся въ странѣ впослѣдствіи и постепенно. Въ этомъ отношеніи итальянцы и французы болѣе многочисленны; они составляютъ средній классъ горожанъ, въ то время какъ малочисленную, но гораздо болѣе вліятельную группу представляютъ нѣмцы—купцы или агенты торговыхъ домовъ, и англичане, въ рукахъ которыхъ сосредоточены промышленныя предпріятія, преимущественно рудники.

Какъ государство Колумбія занимаетъ едва ли не самое жалкое положеніе въ ряду южноамериканскихъ государствъ. Частыя революціи были обыкновенно дѣломъ небольшихъ кучекъ заинтересованныхъ въ захватѣ власти лицъ и приносили мало улучшеній съ собой. Когда то Колумбія съ сосѣдними землями представляла центральную область

испанскихъ владѣній подъ названіемъ вицекоролевства Санта Фе до Богота. Но въ 1820 г. населеніе, какъ вездѣ въ Ю. Америкѣ, возстало, и тогда возникла республика Колумбія, въ составъ которой входили Венецуэла и Эквадоръ. Въ 1861 г. Колумбія или „Новая Гранада“ превратилась въ „соединенные штаты“, а недавно, въ 1886 г., новая революція уничтожила „штаты“ и превратила ихъ въ провинціи или департаменты.

Революціи съ разными перемѣнами мало вліяли на жизнь страны. Полудикіе и невѣжественные обитатели продолжали жить по старинѣ, удовлетворяя свои несложныя потребности простымъ хозяйствомъ и безпощадно хищнически эксплоатируя природныя богатства, въ обмѣнъ на которыя купцы привозили иностранныя издѣлія. Когда то Колумбія отпускала за границу громадныя количества хинной коры, но затѣмъ лѣса оскудѣли этимъ деревомъ, рудники и золотыя розсыпи истощились, и теперь изъ Колумбіи вывозятъ преимущественно кофе и какао.

По мѣрѣ расширенія производительности плантацій и усиленія торговыхъ оборотовъ облегчаются сношенія, улучшаются пути сообщенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ возростаетъ культурное состояніе населенія.

Въ настоящее время Колумбія, благодаря этимъ причинамъ, начинаетъ, подобно другимъ странамъ, постепенно цивилизоваться. Столица ея Богота или Санта Фе до Богота насчитываетъ до 120.000 ж.

Н. Ильинъ.

Венецуэла и Гвіана.

Колонизація страны.—Цвѣтные жители.—Марроны.—Современное хозяйство.

„Соединенные штаты“ Венецуэлы расположены главнымъ образомъ въ басейнѣ Ориноко, прилегая на сѣверѣ къ Караибскому морю, между тѣмъ какъ на западѣ, югѣ и востокѣ къ территоріи ихъ прилегаютъ сходныя по природѣ и довольно пустынныя области Колумбіи, Бразиліи и Гвіаны. Обширное пространство страны (942.300 кв. к.) наполовину покрыто дѣвственнымъ лѣсомъ, гористыми, малоизслѣдованными областями, обремлено степями, льяносъ, занимающими низменныя части. По послѣднимъ даннымъ здѣсь живетъ 2.600.000 ч. [1]), т. е. едва 2 ч. на кв. к.

Основную массу пришлаго населенія Венецуэлы составляютъ испанцы, сохранившіе католическую религію, родной языкъ, нравы и обычаи, слегка видоизмѣнившіеся сравнительно съ коренной Испаніей. Они—первые колонизаторы края. Отцы ихъ, піонеры европейской культуры, къ сожалѣнію, при заселеніи новыхъ земель не оказались на высотѣ своего положенія. Огнемъ и мечемъ пробивали они себѣ путь въ глубь материка, руководимые не желаніемъ мирнымъ трудомъ создать изъ вновь открытыхъ земель европейски культурную страну,—ихъ толкало впередъ, въ непроходимые дѣвственные лѣса, въ выжженныя солнцемъ пустыни только одно желаніе, одна безудержная страсть—страсть наживы. Памятникомъ этого дикаго стремленія къ наживѣ, къ отысканію фантастическихъ богатствъ, предполагавшихся въ Америкѣ, навсегда остается легенда о золотомъ царствѣ, „эльдорадо“, замокъ властителя котораго, блистающій золотомъ, рубинами и изумрудами, высится гдѣ то въ сердцѣ страны, на невѣдомомъ островѣ, отражаясь, какъ въ зеркалѣ, въ хрустальныхъ водахъ озера. Путь къ этому озеру такъ и не былъ отысканъ, и испанцамъ колонистамъ волей неволей пришлось обратиться къ менѣе заманчивымъ, но зато болѣе вѣрнымъ способамъ поддержки своего матеріальнаго благосостоянія.

[1]) 2.590.981 по переписи 1904 г.

На востокъ отъ Венецуэлы лежитъ англійская Гвіана, главная масса пришлаго бѣлаго населенія которой составляютъ британцы. Это единственная мѣстность Ю. Америки, колонизованная представителями англо-саксонской расы, для которыхъ климатическія условія, характеризующія тропическую зону материка, оказываются неподходящими. Привыкнувъ къ умѣренному климату своей родины, англичане трудно приспособляются къ экваторіальному климату Гвіаны, составляя въ этомъ отношеніи противоположность латинскимъ націямъ Европы, обитающимъ на югѣ ея—испанцамъ, португальцамъ и итальянцамъ. Англичане представляютъ въ этомъ отношеніи много сходныхъ чертъ съ голландцами и, отчасти, съ французами. Эмиграція англичанъ и голландцевъ въ англійскую Гвіану и въ Суринамъ (такъ, называется голландская Гвіана, расположенная рядомъ съ англійской) давнымъ давно прекратилась, такъ какъ даже потомки раньше выселившихся семей до сихъ поръ не могутъ акклиматизироваться въ странѣ, медленно, но вѣрно уменьшаясь въ числѣ вслѣдствіе вымиранія. Современные европейскіе выходцы въ Венецуэлу и Гвіану—итальянцы, переселяются сюда въ небольшомъ количествѣ постоянно. На востокъ отъ Суринама лежитъ французская Гвіана—уголокъ земли наиболѣе неблагопріятный для обитанія. Жаркое тропическое солнце вызываетъ тяжелыя испаренія болотъ, занимающихъ громадныя пространства на всемъ побережьи Венецуэлы и Гвіаны (за исключеніемъ англійской части), особенно обширны ядовитыя низины во французскихъ владѣніяхъ. Только узкая полоса относительно пригодной для обработки земли, расположенная между болотами и уходящимъ на югъ безграничнымъ пустыннымъ моремъ саваннъ, можетъ поддерживать жизнь колониста, и то при напряженныхъ усиліяхъ съ его стороны. Какъ же колонизовалось эта непривлекательная страна? Кто могъ рѣшиться почти на вѣрную смерть, переселяясь въ нее? Если прислушаться къ звукамъ шаговъ „колонистовъ“, высаживающихся непрерывной вереницей съ кораблей, прибывающихъ изъ Франціи и изъ ея колоній, начиная съ конца XVIII-го вѣка, то тайна колонизаціи сразу станетъ ясной: звуки эти сопровождаются мѣрнымъ, тихимъ звономъ кандаловъ. Франція, не имѣя возможности справиться со своими врагами и преступниками при помощи гильотины, ссылаетъ ихъ сюда въ цѣпкія объятія смерти—на „сухую“ гильотину. Ссылка въ Гвіану началась впервые въ 1797—98-хъ годахъ. Тогда въ Кайенну было сослано около 500 роялистовъ, предполагаемыхъ участкниовъ заговора, и съ тѣхъ поръ сюда потянулась длинная цѣпь ссылаемыхъ, преимущественно по обвиненіямъ въ политическихъ преступленіяхъ. Особенно успѣшно содѣйствовали „колонизаціи„ края каторжниками Наполеонъ III и побѣдители Парижской коммуны 1871 г. Но не одни каторжники насильно попадали сюда,—цѣлые легіоны негровъ были вырваны изъ нѣдръ Африки и перевезены въ Венецуэлу, въ Гвіану и другія южно-американскія страны, гдѣ они должны были замѣнить собой индѣйцевъ. Негры десятки лѣтъ терпѣли безчеловѣчное обращеніе, ходили со спинами, исполосованными бичами надсмотрщиковъ и тосковали объ утраченной свободѣ. Но наконецъ наступилъ предѣлъ и ихъ терпѣнію,—въ 1730-мъ году вспыхнуло первое возстаніе черныхъ рабовъ, и съ этого времени отдѣльныя возстанія ихъ и войны бѣлыхъ плантаторовъ и европейскихъ войскъ съ черными продолжались вплоть до конца XVIII-го вѣка. Повстанцы негры убѣгали въ лѣса, селились въ сравнительно плодородныхъ рѣчныхъ долинахъ, сильно смѣшиваясь съ жившими тамъ индѣйскими племенами, и основывали независимыя негрскія республики. Всѣхъ такихъ бѣглецовъ, добившихся этимъ путемъ свободы въ глубинѣ страны, называютъ б у ш ъ - н е г р а м и, что значитъ „лѣсные негры“. Всѣхъ вообще бѣглыхъ негровъ или ихъ потомковъ здѣсь и на Вестиндскихъ островахъ называютъ также „марронами“.

Въ дремучихъ лѣсахъ Гвіаны и Венецуэлы негры вернулись къ обычаямъ своихъ предковъ, заботливо возстановивъ культъ и религіозные обряды африканцевъ. Съ благоговѣніемъ смотрятъ они на деревья, укрывшія ихъ подъ своей могучей тѣнью отъ не-

истовства бѣлыхъ поработителей. Особенно высокія деревья являются для этихъ негровъ предметомъ поклоненія. Кромѣ плантацій негры занимаются также рыболовствомъ, скользя на легкихъ лодочкахъ, „коріаляхъ", по поверхности многоводныхъ лѣсистыхъ рѣкъ своей новой родины, затаивъ глубоко въ груди всегда готовую вспыхнуть ненависть къ европейцамъ. Врядъ ли, однако, долго будутъ наслаждаться пріобрѣтенной свободой жители этихъ негрскихъ общинъ-республикъ. Быстрое вымираніе вслѣдствіе плохихъ условій существованія сократило число обитателей до какихъ нибудь 20-ти тысячъ, и недалеко то время, когда въ лѣсныхъ дебряхъ страны не останется ни одного негра-маррона.

Такова судьба потомковъ этихъ бѣглыхъ. Но далеко не всѣ африканцы, перевезенные и размножившіеся въ Венецуэлѣ и Гвіанѣ, устроились такимъ образомъ. Въ городахъ и деревняхъ этихъ странъ живетъ много, отчасти уже смѣшавшихся съ бѣлыми поселенцами негровъ, отцы которыхъ работали въ качествѣ рабовъ на плантаціяхъ вплоть до момента освобожденія ихъ правительствами.

Бѣлыми и неграми не исчерпывается весь составъ пришлаго населенія Венецуэлы и Гвіаны. Мѣсто негровъ, окончившихъ уже свою роль въ исторіи мірового хозяйства, заняли китайскіе, индійскіе и яванскіе кули, могущіе выносить, правда съ большимъ трудомъ, но лучше чѣмъ европейскіе рабочіе, невозможныя условія труда на плантаціяхъ тропической полосы.

Какимъ же образомъ устроились въ хозяйственномъ отношеніи представители перечисленныхъ нами разнообразныхъ народностей?

Хозяйство, которое ведутъ жители Венецуэлы и Гвіаны, характеризуется прежде всего самымъ широкимъ развитіемъ земледѣлія, затѣмъ, особенно въ Венецуэлѣ, скотоводства и почти полнымъ отсутствіемъ фабричной промышленности. Для земледѣлія особенно благопріятными являются области, расположенныя на тысячу или полторы метровъ выше уровня моря, въ мѣстностяхъ, удаленныхъ отъ береговъ океана, покрытыхъ болотами (за исключеніемъ береговъ англійской Гвіаны), испускающими ядовитыя испаренія. На этой высотѣ климатъ много мягче климата низменностей; солнце не палитъ здѣсь такъ безжалостно, не выжигаетъ въ лѣтнее время всю растительность, какъ въ льяносахъ; средняя годовая температура не превышаетъ здѣсь 15—18° С.

Въ долинахъ многоводныхъ рѣкъ, стекающихъ къ Караибскому морю по слегка наклонной равнинѣ, раскинулись цвѣтущія плантаціи кофейнаго и шоколаднаго дерева, высокія банановыя рощи, сады удивительно ароматныхъ апельсинныхъ деревьевъ. Изъ хлѣбныхъ растеній колонисты сажаютъ преимущественно кукурузу, дающую здѣсь баснословные урожаи самъ 300—400. Не воздѣлывается только пшеница, такъ какъ произрастающей въ обширныхъ преріяхъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ хватаетъ съ избыткомъ и для снабженія южно-американскихъ республикъ, за исключеніемъ, конечно, Аргентины, которая сама является житницей. Обитатели Венецуэлы и Гвіаны, получая дешево хлѣбъ, естественно предпочитаютъ воздѣлывать болѣе культурныя растенія, какими являются кофе, какао, индиго, табакъ. Такое положеніе имѣетъ, однако, свою оборотную сторону, связывая Венецуэлу и Гвіану тѣсными отношеніями съ Соединенными Штатами, причемъ приходится переплачивать не только сѣверо-американскимъ и европейскимъ промышленникамъ, но и сѣверо-американскимъ землевладѣльцамъ. Что же предпринимаетъ здѣшнее населеніе, чтобы избавиться отъ такого положенія? Часто всматриваются они, прикрывъ глаза рукой отъ палящихъ лучей солнца, въ необозримыя равнины льяносъ, убѣгающихъ далеко на югъ, къ берегамъ великой Амазонки, сознавая, что въ обработкѣ этихъ земель, служащихъ въ лучшемъ случаѣ пастбищемъ для скота, и заключается освобожденіе ихъ родины отъ тяжелой экономической зависимости. Низменныя земли, лежащія ближе къ океану и граничащія съ болотами жители также пытаются обрабатывать. Здѣсь главной помѣхой является чрезмѣрный зной: земледѣльцу

приходится прятать нѣжные кусты кофейнаго дерева въ тѣни громадныхъ деревьевъ, обладающихъ густой темной кроной. Тѣмъ не менѣе едва ли здѣсь когда нибудь разовьется земледѣліе.

Земледѣльческое хозяйство ведется въ этихъ странахъ двумя способами: или помощью наемныхъ рабочихъ, преимущественно индійскихъ и китайскихъ кули, на обширныхъ плантаціяхъ, принадлежащихъ одному или нѣсколькимъ владѣльцамъ, когда-то обрабатывавшимъ свои земли руками черныхъ рабовъ, или мелкими собственниками на принадлежащихъ имъ небольшихъ земельныхъ участкахъ.

Въ палящій зной наемные работники выходятъ на тяжелую работу. Потъ градомъ катится съ желтыхъ и коричневыхъ лицъ китайцевъ и индусовъ. Долгій трудовой день кончается ночлегомъ въ жалкой хижинѣ, въ душной атмосферѣ тропической ночи. Стоны больныхъ товарищей не даютъ уснуть, тоска по родинѣ, безотрадное настоящее и никакихъ надеждъ въ будущемъ—вотъ удѣлъ этихъ бѣдныхъ азіятовъ. Немногіе выдерживаютъ тяжелыя условія жизни; лишь небольшой процентъ вывезенныхъ сюда кули возвращается въ отечество, осуществляя дорогую мечту. Остальные успокаиваются на вѣкъ въ чужой землѣ, оторванные отъ родной почвы могучимъ развитіемъ капитализма, безжалостнаго и непонятнаго для нихъ.

Освобожденіе негровъ въ первой половинѣ XIX-го столѣтія повлекло за собою крушеніе цѣлаго ряда крупныхъ рабовладѣльческихъ хозяйствъ. Часть плантацій была заброшена и представляетъ теперь обширныя поля, заросшія всевозможными растеніями, среди которыхъ встрѣчаются иногда кусты одичавшаго кофейнаго или шоколаднаго дерева, распространяющіе вокругъ себя сильный ароматъ. Другія плантаціи раздробились, перейдя во владѣніе мелкихъ собственниковъ, своими руками ведущихъ на нихъ хозяйство. Трудъ ихъ не менѣе тяжелый, чѣмъ трудъ наемныхъ рабочихъ, и скрашивается только болѣе сносными условіями существованія.

Большія стада полудикаго скота, блуждающія въ безграничныхъ льяносъ составляютъ одно изъ главныхъ богатствъ Венецуэлы. Одичалыя животныя бродятъ подъ присмотромъ такихъ же одичавшихъ „льяносеросъ“ по степи подъ горячимъ тропическимъ солнцемъ, отыскивая сѣрые, еще не выжженные пучки травы. Они переходятъ изъ одной части равнины въ другую, руководимые однимъ только желаніемъ—отыскать пищу, въ надеждѣ набрести на поемные луга, изрѣдка встрѣчающіеся въ рѣчныхъ долинахъ. Передвиженія стадъ носятъ стихійный характеръ: ни широкія рѣки, ни попадающіеся иногда въ льяносъ лѣса не являются для нихъ препятствіемъ. Бравый льяносеро, вскочивъ на горячую степную лошадь, испуская дикіе крики, скачетъ впереди стада, по прямому направленію къ рѣкѣ. За нимъ мчатся разсвирѣпѣвшія, потерявшія голову животныя, подгоняемыя со всѣхъ сторонъ скачущими на коняхъ льяносерами, которымъ помогаютъ пріученныя ими собаки. Все стадо, разбрасывая фонтаны брызгъ, переливающихъ на солнцѣ всѣми цвѣтами радуги, кидается въ рѣку и могучей лавиной пересѣкаетъ ея теченіе. При такихъ переправахъ часто гибнутъ десятки головъ скота, но эта потеря мало печалитъ владѣльцевъ, такъ какъ среди восьми милліоновъ животныхъ, оживляющихъ льяносъ, гибель немногихъ головъ представляетъ слишкомъ ничтожную величину.

Въ періодъ засухъ, когда трава блекнетъ и высыхаетъ, устраиваются пастухами постоянно степные пожары съ цѣлью удобрить золою почву. Уже спустя нѣсколько дней на черныхъ, выжженныхъ мѣстахъ появляется изобильная свѣжая зелень, представляющая прекрасный кормъ для отощавшаго скота. Раскинутые по степи деревья отъ пожара не страдаютъ, такъ какъ подгоняемый вѣтромъ огонь проносится мимо нихъ со страшной быстротой. Обгорѣвшіе молодые побѣги быстро замѣняются новыми, и даже пальмы тукуманъ, по сухимъ колючкамъ которыхъ и обвивающимъ ихъ ползучимъ растеніямъ огонь добирается до самой кроны и уничтожаетъ даже нижніе листья, гибнутъ очень рѣдко, такъ

какъ распространіе огня задерживаютъ молодые сочные листья. Такіе пожары очень напоминаютъ пожары сѣверо-американскихъ прерій, съ той лишь разницей, что стада рогатаго скота не испытываютъ предъ нимъ такого ужаса, какъ бизоны. При такихъ пожарахъ огонь распространяется въ формѣ эллипса, фокусъ котораго находится въ пунктѣ возникновенія пожара, а длинная ось расположена по направленію вѣтра.

Пожаръ распространяется со страшной быстротой, и въ одно мгновенье пламенемъ бываютъ схвачены площади во много аръ. Огонь задерживаютъ высокія, песчаныя возвышенности и широкіе потоки; тамъ же, гдѣ ихъ нѣтъ, онъ распространяется все шире и шире и можетъ длится иногда по нѣсколько дней.

Изъ другихъ отраслей хозяйства, имѣющихъ здѣсь нѣкоторое значеніе, можно отмѣтить горное дѣло и рыболовство. Въ глубинѣ страны, въ верхнихъ долинахъ рѣкъ, бродятъ золотоискатели, натыкаясь иногда на болѣе или менѣе богатыя розсыпи и жилы золота. Общая сумма добываемаго промышленниками золота очень не велика и изъ года въ годъ систематически сокращается. Въ горныхъ областяхъ Венецуэлы разбросано нѣсколько мѣдныхъ рудниковъ, теперь заброшенныхъ, за исключеніемъ только одного. Еще укажемъ на добываніе жителями небольшого количества фосфатовъ, ископаемаго, играющаго существенную роль въ сельскомъ хозяйствѣ. Довольно значительнаго развитія достигъ еще соляной промыселъ.

Въ Венецуэлѣ и Гвіанѣ можно насчитать нѣсколько городовъ, въ которыхъ сосредоточиваются ремесла, торговля и кое-какая зачаточная промышленность, какъ напримѣръ Каракасъ, Лагвайра, Боливаръ въ Венецуэлѣ, Джорджтаунъ въ англійской Гвіанѣ, Парамарибо въ голландской, Кайенна во французской. Города являются культурными и политическими центрами страны. Видомъ своимъ они напоминаютъ небольшіе европейскіе города. Главной особенностью ихъ является почти полное преобладаніе одноэтажныхъ домовъ, что объясняется страхомъ землетрясеній. Отличаетъ ихъ отъ европейскихъ городовъ также и отсутствіе фабричныхъ трубъ, сдѣлавшихся необходимой принадлежностью всѣхъ сколько нибудь значительныхъ западно-европейскихъ и сѣверо-американскихъ городскихъ поселеній. Венецуэла обладаетъ также небольшой сѣтью желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, небольшимъ торговымъ флотомъ, поддерживающимъ сношенія съ сѣверной Америкой и со Старымъ Свѣтомъ.

Въ культурномъ отношеніи $2^1/_2$ милліона обитателей Венецуэлы и 400.000 жителей Гвіаны представляютъ нѣчто въ высшей степени неопредѣленное. Если исключить чистокровныхъ индѣйцевъ, негровъ, кули, англичанъ, голландцевъ, французовъ, то все еще останется весьма внушительное число бѣлыхъ съ той или иной степенью примѣси индѣйской и негрской крови, составляющихъ ядро венецуэльской націи. Это ядро въ нѣдрахъ своихъ поразительно малокультурно – вся его цивилизація составляетъ плохое, сильно искаженное отраженіе европейской. Встрѣчаются довольно многочисленныя группы населенія, находящіяся въ полудикомъ состояніи, какъ напримѣръ, льяносеросъ или земледѣльцы, живущіе въ глубинѣ страны.

Въ политическомъ отношеніи Венецуэла представляетъ федеративную республику съ конгрессомъ, отвѣтственнымъ министерствомъ и президентомъ во главѣ, со всѣми гражданскими свободами и гарантіями правъ гражданъ. Но даже самыя совершенныя формы политическаго устройства не могутъ вывести страну изъ ея тяжелаго экономическаго положенія, повысить ея культурный уровень. Къ одной изъ многихъ причинъ, дѣлающихъ политическую власть въ странѣ безсильной, относится, прежде всего, ея непрочность. Политическая исторія Венецуэлы состоитъ почти всецѣло изъ исторіи гражданскихъ войнъ, революцій и отдѣльныхъ возстаній. Лица, стоящія у кормила правленія, живутъ въ постоянной атмосферѣ опасенія за прочность своего положенія, причиной и слѣдствіемъ которой является недовѣріе къ нимъ народа.

Всѣ три Гвіаны въ политическомъ отношеніи представляютъ большое сходство между собой: въ англійской, въ голландской и во французской Гвіанѣ губернаторы, назначаемые правительствами метрополій, пользуются неограниченной властью; во всѣхъ трехъ Гвіанахъ учреждены при губернаторахъ совѣщательные органы, состоящіе изъ чиновниковъ и представителей наиболѣе богатыхъ гражданъ; эти палаты не пользуются никакой властью и вліяніемъ. Жители спорной территоріи, расположенной на границѣ Бразиліи и французской Гвіаны, подчиняются обыкновенно властямъ той или другой страны лишь въ томъ случаѣ, если представители ея приходятся имъ по сердцу.

Сл—кій.

Центральная Америка.

Общія замѣчанія. — Природа центральноамериканскаго перешейка. — Туземные обитатели. — Характеристика культурныхъ индѣйцевъ. — Промышленность и торговля. — Панамскій каналъ. — Республики и ихъ политическое состояніе.

Центральная Америка представляетъ изъ себя длинную, мѣстами узкую полосу земли, соединяющую южную Америку съ сѣверной. Съ запада она ограничена Великимъ океаномъ, съ востока Караибскимъ моремъ. На сушѣ рѣзкихъ границъ нѣтъ, и обыкновенно центральной Америкой называютъ все пространство отъ политической границы Мексики до Панамы. Площадь, занимаемая ею, равняется 540—550.000 кв. к.

Поверхность Центральной Америки чрезвычайно волниста. На всемъ протяженіи ея низменныя мѣста часто смѣняются цѣпями горъ, отдѣльныя вершины которыхъ зачастую превосходятъ 4000 м. Цѣпи эти простираются изъ южной Америки и образуютъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ Панамскаго перешейка (ширина его 42 к., а высшая точка 82 к. н. у. м.) впадину, мало возвышающуюся надъ уровнемъ моря, покрытую болотистыми лѣсами. Далѣе къ сѣверо-западу подымаются горы въ среднемъ до 2000 м., въ томъ числѣ нѣсколько вулкановъ, до озера Никарагва и рѣки Санъ-Хуанъ. Вулканы, изъ которыхъ очень многіе дѣйствуютъ до сихъ поръ, стоятъ и къ сѣверу отъ озера. Главная цѣпь горъ тянется вдоль Тихаго океана, и здѣсь отдѣльныя вершины очень часто превышаютъ 4,000 м. Тахумулько, на вершинѣ котораго индѣйцы приносили жертвы своимъ богамъ, раньше изливалъ колоссальные потоки лавы, теперь же его причисляютъ къ потухшимъ вулканамъ. Далѣе на сѣверъ горы понижаются и переходятъ въ невысокое плоскогорье Юкатана и низменность Техуантепекскаго перешейка.

Судоходными рѣками Центральная Америка чрезвычайно бѣдна. Рѣки и ручьи, впадающіе въ Тихій океанъ, большей частью несудоходны и часто загромождены камнями и грядами скалъ, образующими водопады и пороги. Наибольшимъ значеніемъ пользуется вытекающая изъ озера Никарагва рѣка Санъ-Хуанъ, тоже не лишенная пороговъ, но все таки доступная для судоходства.

Климатъ Центральной Америки является переходомъ отъ тропическаго климата Ю. Америки къ подтропическому климату южныхъ частей С. Америки. Средняя температура года колеблется около 26°, спускаясь въ зимніе мѣсяцы (ноябрь—февраль) до 23,6° и достигая лѣтомъ 26,8°. На горахъ средняя температура года понижается, и на самыхъ возвышенныхъ частяхъ спускается въ холодные мѣсяцы до 10°. Снѣгъ падаетъ въ горахъ очень рѣдко, такъ какъ зимніе мѣсяцы являются въ то же время самыми сухими. Онъ удерживается, хотя бы на нѣсколько часовъ, только на самыхъ высокихъ вершинахъ. Вообще въ отношеніи осадковъ склоны Атлантическаго океана отличаются отъ тихоокеанскихъ, такъ какъ на атлантической сторонѣ не бываетъ рѣзко выраженнаго сухого вре-

мени, и дующій здѣсь сѣверо-восточный пасатъ приноситъ всегда много влаги. На Тихоокеанской сторонѣ осадковъ выпадаетъ значительно меньше, и существуетъ рѣзко выраженное сухое время (отъ ноября до апрѣля). Такой же переходный характеръ носитъ и флора и фауна Центральной Америки; юго-восточная часть ея очень близко напоминаетъ Ю. Америку, въ то время какъ сѣверо-западная часть примыкаетъ къ С. Америкѣ. Границей служитъ впадина озера Никарагва и рѣки Санъ-Хуанъ. Различія въ количествѣ осадковъ причина того, что на атлантической сторонѣ господствуютъ густые влажные лѣса, часто образующіе непроходимыя чащи. На Тихоокеанской сторонѣ растительность бѣднѣе, и громадныя пространства заняты саваннами. На вершинахъ горъ и въ болѣе сухихъ песчанныхъ мѣстахъ растутъ высокіе сосновые лѣса, дающіе прекрасный строительный матеріалъ. Вообще лѣса Центральной Америки изобилуютъ дорогими и рѣдкими деревьями, эксплоатація которыхъ могла бы служить хорошей поддержкой для населенія. Что касается до полезныхъ растеній, то они не отличаются по составу своихъ видовъ отъ растеній хотя бы Вестъ-Индіи. Тутъ также разводятъ съ успѣхомъ кофе, сахарный тростникъ, какао, индиго, а на болѣе сухихъ и возвышенныхъ мѣстахъ европейскіе злаки и фруктовыя деревья. Животный міръ Центральной Америки по своему составу дѣлится на двѣ части, какъ и флора ея: въ юго-восточной части преобладаютъ южно-американскія формы, въ сѣверо-западной встрѣчаются виды, присущіе С. Америкѣ. Птицы Центральной Америки хотя и не очень пышны и красивы, но по количеству видовъ превосходятъ многія другія области Америки, соединяя виды различныхъ климатическихъ поясовъ.

Для Центральной Америки преобладаніе туземнаго индѣйскаго населенія надъ остальными расами такъ же характерно, какъ для Боливіи, Перу или Эквадора. Индѣйская раса преобладаетъ особенно въ областяхъ, непосредственно прилегающихъ къ Мексикѣ (Юкатанъ, Гватемала), но такъ же въ Хондурасѣ и Костарикѣ, и даже въ Никарагвѣ, гдѣ въ эпоху открытія Америки испанцы въ погонѣ за золотомъ особенно яростно уничтожали туземцевъ. Различія между юго-восточной и сѣверо-западною покатостями Центральной Америки сказываются рѣзко такъ же и на населеніи. На густо поросшихъ лѣсомъ прибрежныхъ частяхъ Атлантическаго океана жили во время открытія Америки (и продолжаютъ держаться до сихъ поръ) не затронутые культурой дикія племена. На Тихоокеанской сторонѣ, наоборотъ, преобладаютъ культурныя индѣйскія племена, составляющія ядро всего индѣйскаго населенія Центральной Америки. Эти различія стали теперь еще болѣе рѣзкими. Численность культурныхъ индѣйцевъ все ростетъ насчетъ дикихъ, которые быстро вымираютъ.

Въ Панамѣ и прилегающихъ къ ней частяхъ Центральной Америки населеніе никогда не отличалось людностью, и теперь въ этихъ областяхъ проживаютъ лишь жалкіе остатки индѣйскихъ племенъ тула. Типъ индѣйцевъ этихъ племенъ является вообще въ Центральной Америкѣ господствующимъ. Они небольшого роста, коренастые и довольно полные, окраска ихъ кожи свѣтлая, растительности на лицѣ нѣтъ, на головѣ же она очень густая и по преимуществу чернаго цвѣта. Въ видѣ украшенія они раскрашиваютъ себя, это замѣняетъ имъ татуировку, носятъ въ носу кольца, а на шеѣ стеклянныя ожерелья. Всю трудную работу у нихъ выполняютъ женщины, мужчины же или ничего не дѣлаютъ или занимаются ловлей рыбы, охотой и рубкою деревьевъ. Нѣсколько многочисленнѣе близкія къ нимъ племена гваими, но они стоятъ выше по культурѣ и одѣваются по европейски.

Костарика населена племенами таламаика и гватузо. Первые уже затронуты культурой, одѣваются по европейски, обращены въ христіанство, хотя все еще продолжаютъ раскрашиваться и сохраняютъ свое первобытное оружіе—луки, стрѣлы, также украшенія: кольца, ожерелья и короны изъ перьевъ. Живутъ они по прежнему въ соломенныхъ хижинахъ. Гватузо по внѣшнему виду болѣе напоминаютъ первобытныхъ индѣйцевъ, такъ

какъ ходятъ почти голые, но ихъ первобытная культура знаетъ горшечное дѣло, земледѣліе. Они ловятъ своими силками даже такихъ большихъ звѣрей, какъ тапиръ и ягуаръ. Въ 1896 году ихъ числилось всего 267 человѣкъ, причемъ 133 мужчинъ и всего 70 женщинъ.

Въ Никарагвѣ и Хондурасѣ племена индѣйцевъ очень многочисленны, но особаго значенія не имѣютъ, и по обычаямъ и культурѣ стоятъ очень близко къ выше описаннымъ. Въ Гватемалѣ сохранилось только одно дикое индѣйское племя—лакандоносъ. Они съ древнихъ временъ ведутъ бродячую жизнь и постоянно мѣняютъ мѣста своихъ стоянокъ. Это дало имъ возможность избѣжать покоренія европейцами, а также остаться при своихъ обычаяхъ и вѣрованіяхъ. Они занимаются охотой, причемъ оружіемъ служатъ лукъ и стрѣлы, кромѣ того они собираютъ въ лѣсу какао, медъ и другіе продукты, обмѣнивая ихъ у своихъ болѣе культурныхъ сосѣдей на соль и продукты обрабатывающей промышленности. Живутъ они въ легкихъ, открытыхъ хижинахъ. Мужчины одѣваются въ длинныя рубашки изъ грубой матеріи, а женщины въ короткія юбки, на ногахъ они носятъ легкія сандаліи. Лакандоновъ насчитывается всего 200 — 300 человѣкъ. Рядомъ съ туземнымъ населеніемъ, съ 1796 года на сѣверѣ Гондураса, въ Хватемалѣ и британскомъ Хондурасѣ живетъ до 20.000 караибовъ съ острова Св. Винцента. Они очень сильно отличаются отъ индѣйцевъ Центральной Америки. Прежде всего они нѣсколько смѣшались съ неграми, и по культурности сильно обогнали туземцевъ. Они обрабатываютъ землю подъ фруктовыя деревья, сахарный тростникъ, табакъ и маисъ; ловятъ рыбу, строятъ суда и ведутъ довольно обширную торговлю. При сравненіи съ туземными индѣйцами бросается въ глаза ихъ болѣе европейскій видъ и чистоплотность.

Сѣверо-западъ, какъ уже было сказано, населяютъ культурные индѣйцы. Они отличаются хорошимъ сложеніемъ, свѣтлою кожею и довольно высокимъ умственнымъ развитіемъ. Уже во время открытія Америки эти туземцы выдѣлялись изъ среды своихъ менѣе культурныхъ собратьевъ. Несомнѣнно, они подобно остальнымъ индѣйцамъ татуировали, раскрашивали себя и украшали золотыми кольцами и дорогими ожерельями, которые особенно цѣнились испанцами и дѣятельно отнимались ими.

Оружіемъ служили имъ копья, снабженныя кварцевыми, мѣдными или костяными наконечниками, деревянные мечи со вдѣланными въ нихъ обсидіановыми зубьями, лукъ и стрѣлы. Въ цѣляхъ защиты они имѣли деревянные, обтянутые кожею щиты. Одѣвались они въ куртки и штаны, охватывавшіе бедра и сдѣланные изъ такой плотной матеріи, что стрѣлы не всегда могли пробить ее. На своихъ воздѣланныхъ поляхъ они разводили маисъ и какао, бобы котораго служатъ имъ до сихъ поръ мѣновой монетой.

Культурные индѣйцы большею частью селятся отдѣльными хижинами, хотя прежде у нихъ было въ обычаѣ жить селеніями, располагавшимися большею частью около залежей соли и въ мѣстахъ промыванія золота. Для своихъ религіозныхъ обрядовъ индѣйцы строили небольшія башни, въ которыхъ часто находился алтарь для приношенія жертвъ, которыми являлись военноплѣнныя, дѣти и чужеземцы. Такихъ башень и жертвенниковъ было очень много, такъ что, несмотря на разрушенія, которымъ они подверглись со стороны испанцевъ, до сихъ поръ въ глубинѣ лѣсовъ встрѣчаются заросшіе кустарникомъ и травою жертвенники и статуи боговъ.

Всѣ эти племена по сравненію съ европейцами можно охарактеризовать какъ полуцивилизованныя. Они носятъ рубашки, поверхъ нихъ блузы или куртки, затѣмъ штаны, и большіе платки, перекинутые обыкновенно черезъ плечо, на головѣ носятъ плетеныя соломенныя шляпы. По характеру они замкнуты и угрюмо-молчаливы, причемъ до сихъ поръ питаютъ глухую, но упорную ненависть къ бѣлымъ, отъ которыхъ всячески стараются оградить себя; тѣмъ не менѣе вліяніе бѣлыхъ понемногу сказывается на образѣ ихъ жизни.

Особенности характера индѣйцевъ Центральной Америки свойственны и другимъ

культурнымъ и полукультурнымъ племенамъ Новаго Свѣта и заслуживаютъ того, чтобы ознакомиться съ ними нѣсколько ближе.

Европеецъ, который впервые попадаетъ въ область съ преобладающимъ индѣйскимъ населеніемъ, бываетъ сначала очень пораженъ необыкновеннымъ сходствомъ, существующимъ между отдѣльными членами даннаго племени, и лишь послѣ продолжительнаго пребыванія среди индѣйцевъ онъ мало-по-малу пріучается различать фамильныя и индивидуальныя черты. И тогда онъ замѣчаетъ, что индѣйцы любого племени почти также раз-

Индѣйцы племени гватузо изъ Коста Рики.

личаются между собою тѣлосложеніемъ и чертами лица, какъ и европейское населеніе какой либо мѣстности, но именно только почти, такъ какъ у европейцевъ различію содѣйствуетъ растительность на лицѣ, прическа, костюмъ; у индѣйцевъ же, какъ извѣстно, растительность лица очень ничтожна, прическа же и мода на костюмы, благодаря ихъ консервативности, мѣняется лишь крайне медленно и постепенно.

Столь же похожими и однообразными, какъ внѣшность, новичекъ находитъ и рѣчь, жесты и вообще манеры членовъ одного племени, весь его характеръ, который какъ бы соотвѣтствуетъ однообразію внѣшнему, и, лишь ознакомившись ближе, онъ начинаетъ

различать подъ маской однообразія индивидуальныя черты характера. Но даже и для хорошаго знатока племени не можетъ подлежать сомнѣнію, что индивидуальныя черты характера у индѣйцевъ далеко не такъ сильно развиты, какъ у европейцевъ. Происходитъ это потому, что воспитаніе у нихъ чрезвычайно строгое; всѣ старинные обычаи соблюдаются съ величайшей настойчивостью, и личность поэтому не можетъ развиваться такъ свободно, какъ у насъ.

Европеецъ вначалѣ бываетъ обыкновенно изумленъ тѣмъ, что въ хижинахъ индѣйцевъ такъ спокойно, и особенно тѣмъ, что дѣти рѣдко кричатъ. Происходитъ это во первыхъ потому, что дѣти, въ большинствѣ случаевъ, очень здоровы, такъ какъ слабыя умираютъ обыкновенно въ самомъ раннемъ возрастѣ, во вторыхъ это результатъ воспитанія, которое, отличаясь величайшей послѣдовательностью, щадитъ въ то же время нѣжныя чувства ребенка. Многочисленные примѣры строжайшей послѣдовательности въ воспитаніи показываютъ, что индѣйцы не отказываются отъ своей строгости даже и при болѣзни ребенка, тогда какъ въ европейскихъ семьяхъ въ этихъ случаяхъ дѣтей страшно балуютъ, все имъ позволяютъ и благодаря этому нерѣдко уничтожаютъ плоды предшествовавшаго воспитанія.

Помимо строгаго воспитанія, на дѣтей также сильно дѣйствуетъ примѣръ старшихъ, которые, выросши среди суровыхъ обычаевъ племени, сами потомъ проводятъ эти обычаи въ жизнь съ удивительной настойчивостью. Дѣти, видя изо дня въ день, на примѣрѣ старшихъ, какъ эти послѣдніе умѣютъ повиноваться вождю, хранить молчаніе въ присутствіи старшихъ по возрасту и положенію и проявлять по отношенію къ нимъ покорность и почтеніе, сами научаются сдержанности въ словахъ и повиновенію старшимъ. Не слѣдуетъ однако думать, что молодымъ вообще воспрещено говорить; наоборотъ: послѣ перваго церемоннаго привѣтствія, обыкновенно начинается оживленный разговоръ, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ безъ различія. Не зная обычаевъ и правилъ приличія индѣйцевъ, пріѣзжій ежечасно нарушаетъ ихъ и поэтому кажется индѣйцамъ грубымъ, невоспитаннымъ человѣкомъ. Разговаривая съ индѣйцемъ, вмѣсто отвѣта на вопросъ, встрѣчаешь только безсмысленное молчаніе, потому что не умѣешь соблюдать правилъ вѣжливости. Пріобрѣтенныя благодаря воспитанію и родовой дисциплинѣ воззрѣнія являются нравственными устоями индѣйца, но въ то же время и предѣлами, ограничивающими проявленіе его индивидуальной воли.

Индѣйцы очень медленно привыкаютъ къ правиламъ европейскихъ нравовъ и порядковъ; они пріучаются повиноваться назначенному хозяиномъ приказчику—пришельцу, но считаютъ несправедливостью, если старшимъ назначаютъ кого либо изъ ихъ племени, кто, по ихъ взглядамъ, не можетъ требовать отъ нихъ повиновенія. Гораздо болѣе сильное вліяніе оказываютъ на индѣйца военная служба и школа. Здѣсь индѣецъ попадаетъ въ совершенно чуждую атмосферу, знакомится съ европейскими учрежденіями, съ европейскими языками, науками и возрѣніями, видитъ презрительное отношеніе къ священнымъ для него обычаямъ и самъ учится презирать ихъ. Онъ утрачиваетъ положительныя черты своего племени, сохраняя дурныя. Поэтому въ Америкѣ часто приходится слышать сужденіе: „индѣецъ, умѣющій читать и писать—негодяй“.

Главною цѣлью, къ которой стремятся семейное воспитаніе и родовые обычаи иднѣйцевъ Центральной Америки, это самообладаніе и подчиненіе старшимъ. Правда, это самообладаніе чисто внѣшнее, и нерѣдко приходится наблюдать проявленія чрезвычайной чувствительности индѣйцевъ, которая только маскируется внѣшнимъ спокойствіемъ. Человѣкъ, знающій индѣйцевъ, по выраженію глазъ, по намѣренно медленнымъ движеніямъ и словамъ, всегда сумѣетъ уловить признаки волненія. Нѣтъ однако сомнѣнія, что искусственное спокойствіе, самообладаніе и въ самомъ дѣлѣ умѣряютъ чувства; поэтому рѣзкіе взрывы гнѣва, свойственные европейцамъ, индѣйцамъ совершенно чужды. Человѣкъ раз-

дражительный, несдержанный, отличающійся громкимъ голосомъ и быстрыми движеніями, кажется индѣйцу грубымъ и невоспитаннымъ, а такъ какъ эти качества свойственны многимъ европейцамъ, то индѣйцы считаютъ европейскую культуру крайне низкой, и воспитаніе европейцевъ очень дурнымъ.

По мнѣнію индѣйцевъ, сдержаннымъ, однако, надо быть не только въ чувствахъ, но также въ движеніяхъ и рѣчи. Поэтому индѣйцы ходятъ размѣреннымъ шагомъ и говорятъ тихо и, обыкновенно, очень медленно. Между отдѣльными племенами въ этомъ отношеніи замѣчается, разумѣется, большое различіе: юкатанскіе майя болѣе подвижны, чѣмъ кекчи или покончи; племя бри-бри экспансивнѣе майя, но рѣзкія движенія и быструю бѣготню всѣ индѣйцы Центральной Америки допускаютъ только на охотѣ и при другихъ тому подобныхъ занятіяхъ. Вообще южныя племена говорятъ громче сѣверныхъ; на сѣверѣ говорятъ чрезвычайно тихо и монотонно, пѣніе у кекчи, напр. совершенно запрещено; кто поетъ, того считаютъ пьянымъ [1]).

Индѣйцы Гватемалы.

Поразительная сдержанность въ рѣчи, а также въ движеніяхъ и жестахъ характерна для всѣхъ племенъ Центральной Америки. Разумѣется, индѣецъ не всегда спокоенъ и воздержанъ; во время празднествъ по цѣлымъ днямъ происходятъ танцы, пѣсни, выпивка, болтовня, споры и драки, въ которыхъ женщины также принимаютъ посильное участіе. Во время празднествъ человѣкъ, по возрѣніямъ индѣйцевъ, имѣетъ право перебѣситься. До появленія испанцевъ, вождямъ, совершенно опредѣленно разрѣшалось напиваться и во время празднествъ, для занятій дѣлами на это время назначались особыя лица. И теперь не считается позорнымъ напиться во время празднества. Но кромѣ празднествъ, пьянство, по крайней мѣрѣ вдали отъ городовъ, запрещено, да нѣтъ къ тому же ни повода, ни случая.

Медленность движеній, неподвижность лица, тихая, степенная рѣчь, церемонная сдержанность индѣйцевъ по отношенію къ европейцамъ часто заставляютъ послѣднихъ думать, что способности къ умственному развитію мало свойственны индѣйцамъ, но это совершенно несправедливо. Уже при первомъ взглядѣ на лицо здѣшняго индѣйца видно, что онъ несравненно интеллигентнѣе своего сѣвернаго собрата, а если прожить нѣсколько

[1]) Globus, 1905, № 7, стр. 128.

мѣсяцевъ вмѣстѣ съ ними, то убѣждаешься, что все ихъ спокойствіе и сдержанность—одна маска, и что они нерѣдко проявляютъ много веселья, мѣтко передразниваютъ чужія движенія, голосъ, остроумно высмѣиваютъ другихъ и съ большимъ драматизмомъ передаютъ разсказы о преступленіяхъ и опасностяхъ.

Индѣйцы Центральной Америки удѣляютъ очень много вниманія женщинамъ; не трудно убѣдиться, что въ семейной жизни женщины играютъ важную роль, а въ вопросахъ экономическихъ имъ часто принадлежитъ рѣшающее слово.

Обыкновенно индѣйцамъ приписываютъ мстительность и ненависть, и нельзя сказать, чтобы эти страсти были имъ чужды. Мелкія обиды индѣйцы забываютъ легко, если, конечно, не напоминать имъ о нихъ, но болѣе тяжкія оскорбленія своего достоинства индѣецъ, даже если самъ онъ былъ кругомъ неправъ, никогда не забываетъ и не прощаетъ. Къ насилію, впрочемъ, они прибѣгаютъ рѣдко; иногда, однако, въ исключительныхъ случаяхъ, накоплявшаяся столѣтіями ненависть къ бѣлымъ пришельцамъ прорывается въ кровавыхъ возстаніяхъ, и тогда мягкій индѣецъ часто становится жестокимъ и дикимъ. Надо сказать, что индѣйцы Центральной Америки вообще жестоки, какъ по отношенію къ животнымъ, такъ и по отношенію къ людямъ, даже къ собственнымъ соотечественникамъ.

Медленность и размѣренность движеній, не исчезающія даже при понуканіи надсмотрщиковъ, легко вызываютъ представленіе, будто индѣйцы лѣнивы и апатичны, но мнѣніе это, котораго придерживаются многіе европейцы, совершеноо несправедливо. Стоитъ только прожить нѣкоторое время въ хижинѣ индѣйцевъ, чтобы убѣдиться, что не только женщины, но и мужчины работаютъ чрезвычайно много. Индѣйцы выполняютъ даже тяжелую и опасную работу почти всегда очень добросовѣстно, и хотя движенія ихъ медлительны, но за то они отличаются выносливостью. Выносливость—наиболѣе доступная индѣйцу форма проявленія энергіи, и онъ цѣнитъ ее выше всего. Благодаря своей выносливости, индѣйцы способны проходить большія разстоянія съ тяжелой кладью и являются надежными рабочими въ европейскихъ предпріятіяхъ. Весьма важна также ихъ честность. Конечно, она также имѣетъ предѣлы, и особенно въ послѣднее время, подъ давленіемъ нужды, индѣйцы довольно часто воруютъ урожай съ полей въ округахъ, гдѣ разводится кофе. Тотъ фактъ, что дома у нихъ не запираются, что нерѣдко вещи оставляютъ лежать возлѣ дороги, свидѣтельствуетъ объ уваженіи, съ которымъ индѣецъ относится къ чужой собственности.

Нерѣдко говорятъ, что индѣйцы большіе лгуны. Дѣйствительно, нельзя отрицать, что они въ этомъ отношеніи такъ же мало стѣсняются, какъ и наши соотечественники. Вообще индѣйскія племена южной части Центральной Америки, культура которыхъ ниже культуры сѣверныхъ племенъ, и въ смыслѣ личныхъ свойствъ также отстаютъ отъ послѣднихъ.

Тѣ стороны характера индѣйцевъ, которыя развиваются благодаря воспитанію внутри семьи и внутри племени, опредѣляются до сихъ поръ вліяніемъ древней оригинальной культуры индѣйцевъ, а европейское вліяніе дѣйствуетъ на нихъ пока только разрушительно.

Численность пришлыхъ обитателей очень незначительна. На Атлантическомъ побережьи (особенно въ Панамѣ) живетъ довольно много негровъ. Бѣлыхъ тоже мало, къ тому же переселившіеся сюда испанцы сильно смѣшались съ туземцами. Наиболѣе многочисленны англичане и сѣверо-американцы, составляющіе значительную часть населенія Британскаго Хондураса и Москито въ Никарагвѣ. Всего бѣлыхъ въ Центральной Америкѣ не больше 25.000, но это не мѣшаетъ имъ держать въ своихъ рукахъ всю крупную торговлю, желѣзныя дороги и значительную часть земель.

Промышленная жизнь развита въ Центральной Америкѣ весьма мало. Этимъ объ-

ясняется сравнительно слабое развитіе торговли и тѣсно связанныхъ съ нею путей сообщеній. Торговля съ другими государствами заключается въ покупкѣ продуктовъ обрабатывающей промышленности и продажѣ сырыхъ и полуобработанныхъ продуктовъ, производимыхъ на плантаціяхъ и въ мелкихъ хозяйствахъ. Среди этихъ продуктовъ главное значеніе принадлежитъ какао, каучуку, сахару, табаку. Прежде эти страны были главными поставщиками кошенили и индиго, но съ тѣхъ поръ какъ краски стали получать химическимъ способомъ на фабрикахъ, это производство упало. Въ горахъ добывается много благородныхъ металловъ. Большое значеніе получаютъ также лѣсныя богатства.

Торговля ведется главнымъ образомъ съ Соединенными Штатами, съ Великобританіей, но теперь Германія оспариваетъ у нея первенствующее положеніе на цетрально-американскомъ рынкѣ и во многихъ мѣстахъ одерживаетъ своими болѣе дешевыми продуктами побѣду. Много товаровъ привозится сюда только для того, чтобы переправить ихъ на тихоокеанское побережье. Первое мѣсто принадлежитъ въ этомъ случаѣ Панамѣ, такъ какъ панамскій перешеекъ имѣетъ въ ширину всего 42 к. Но посредническая торговля, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, развита во всѣхъ республикахъ Центральной Америки.

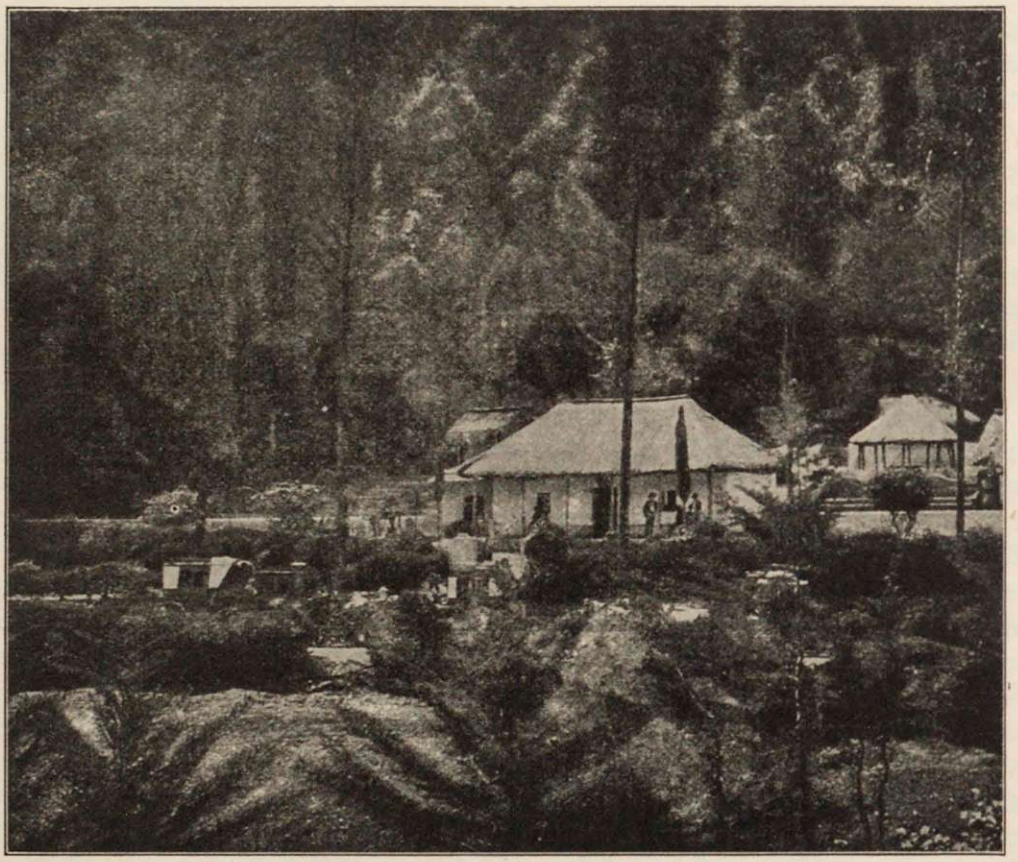
Подобная торговля приноситъ большіе барыши. Поэтому всѣ государства Центральной Америки стараются облегчить перевозку товаровъ съ одного берега на другой и принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы соединить оба побережья желѣзными дорогами. По разнымъ причинамъ это удалось сдѣлать только Панамѣ, имѣющей желѣзную дорогу отъ Колона до г. Панамы. Въ общемъ же желѣзныхъ дорогъ здѣсь очень мало (около 1500 к. во всѣхъ государствахъ вмѣстѣ). Соединительная желѣзная дорога облегчаетъ перегрузку товаровъ, но вліяетъ настолько на ихъ цѣну, что судамъ часто бываетъ выгоднѣе обогнуть Ю. Америку. Это затрудненіе въ международной торговлѣ, по мѣрѣ развитія ея, сказывалось все сильнѣе, и уже съ половины прошлаго столѣтія зародилась мысль прорыть каналъ въ одномъ изъ узкихъ мѣстъ Центральной Америки. Послѣ успѣшнаго прорытія Суэцкаго канала, оконченнаго въ 1869 г., образовалось акціонерное общество для сооруженія канала. Для изслѣдованій въ Центральную Америку была отправлена экспедиція, выработавшая два проэта: по одному каналъ долженъ былъ воспользоваться озеромъ Никарагва, по другому — пересѣчь Панамскій перешеекъ. Наиболѣе удобнымъ былъ признанъ послѣдній проектъ, и въ 1881 году приступили къ его выполненію. Но собраннаго для этой цѣли капитала оказалось недостаточно, такъ какъ при прорытіи канала встрѣтилось много неожиданныхъ препятствій; порода, въ которой приходилось вести работу, оказалась слишкомъ мягкой, частые обвалы и осыпи уничтожали въ одну ночь работу многихъ дней, причемъ портились и гибли дорогія машины. Къ тому же рабочіе массами погибали отъ жары, нездоровыхъ условій и свирѣпствующихъ здѣсь лихорадокъ. Въ 1888 г. оказалось, что денегъ истрачено почти вдвое больше противъ ассигнованной суммы, между тѣмъ работы подвинулись едва на треть. Къ этому присоединились также разныя злоупотребленія. Несмотря на всѣ усилія, поддержать предпріятія не удалось, и оно рухнуло. Но планъ прорытія канала не исчезъ, и въ началѣ нашего столѣтія за это дѣло взялись Соединенные Штаты. Ихъ настойчивое желаніе прорыть каналъ повлекло за собою политическія перемѣны на перешейкѣ. Панама отдѣлилась отъ Колумбіи и провозгласила себя независимой республикой.

Соединенные Штаты предлагали Колумбіи за право прорытія канала 10 мил. долларовъ, въ то время какъ послѣдняя желала получить 20 мил. Всѣ переговоры не приводили къ положительнымъ результатамъ. Населенію провинціи Панама прорытіе канала должно было принести большія выгоды. И вотъ въ цѣляхъ освобожденія отъ Колумбіи жители Панамы разыграли у себя революцію. Сейчасъ же послѣ того начались переговоры

*

съ Соединенными Штатами, съ которыми были быстро заключены всѣ договоры, касавшіеся прорытія канала. Революція совершилась конечно не безъ содѣйствія Соединенныхъ Штатовъ, которые предпочитали сношенія съ маленькой республикой переговорамъ съ Колумбіей. Послѣдняя не осталась безучастной къ отдѣленію богатой провинціи и двинула къ перешейку войска, но столкновенія не прошло, такъ какъ за Панамою стояли могущественные Соединенные Штаты. Выгоды отъ прорытія Панамскаго канала далеко не такъ велики для Европы, какѣ то желаютъ доказать Соединенные Штаты, но все таки каналъ сильно облегчитъ международныя сношенія.

Послѣ открытія и завоеванія Центральной Америки она стала колоніей Испаніи и но-



Поселеніе въ Tierra templada въ Гватемалѣ.

сила общее названіе Гватемалы. Къ концу XVIII ст. въ Центральной Америкѣ насчитывалось до 500 — 600.000 жителей. Въ 1821 г. Ц. Америка отпала отъ Испаніи и лишилась внутренняго спокойствія, не возстановленнаго до сихъ поръ. Колонія раздѣлилась на нѣсколько республикъ, постоянно враждовавшихъ между собою. Всѣ попытки объединить эти государства въ союзъ оканчивались неудачей. Союзы были недолговѣчны и распадались снова отъ малѣйшаго толчка.

Теперь Центральная Америка распадается на 6 республикъ (Панама, Коста Рика, Никарагва, Хондурасъ, Санъ-Сальвадоръ и Гватемала), къ которымъ нужно присоединить британскую колонію „Британскій Хондурасъ“. Въ настоящее время всего въ Центральной Америкѣ жителей 4.134.000 (на площади въ 551.485 кв. к.), что составляетъ 7,5 жителей на 1 кв. километръ.

Внутреннее состояніе этихъ государствъ далеко не одинаковое, что особенно бросается въ глаза при сравненіи численности и плотности населенія. Въ болѣе выгодномъ положеніи оказываются тѣ, у которыхъ большія пространства лежатъ съ Тихоокеанской стороны, что объясняется большимъ плодородіемъ этого склона Америки и тѣмъ, что до самаго послѣдняго времени сношенія съ другими странами велись черезъ Великій океанъ. Общее для всѣхъ республикъ явленіе, это крайняя запутанность финансовыхъ дѣлъ. Доходы ихъ составляются почти исключительно изъ ввозныхъ и вывозныхъ пошлинъ, и обыкновенно этихъ доходовъ оказывается слишкомъ недостаточно, такъ что ежегодный дефицитъ приходится покрывать внѣшними и внутренними займами, по которымъ въ особенно трудные года республики не въ состояніи платить процентовъ. Несмотря на это всѣ эти государства держатъ большія арміи, содержаніе которыхъ является главною статьею расхода. Хотя расходы на народное образованіе тоже значительны, но оно стоитъ на очень низкой ступени развитія. Республики съ болѣе рѣдкимъ населеніемъ являются въ то же время наиболѣе отсталыми въ отношеніи государственнаго устройства и народнаго образованія. Въ то время какъ въ С. Сальвадорѣ низшее образованіе обязательно, въ Костарикѣ очень большой процентъ жителей не умѣетъ читать.

Наиболѣе демократической конституціей обладаетъ С. Сальвадоръ. Исполнительная власть принадлежитъ президенту, выбираемому на 4 года. Законодательная — народному собранію, выбираемому всеобщимъ голосованіемъ на 1 годъ. Приблизительно такой же государственный строй установился и въ другихъ республикахъ, разница выражается только въ продолжительности дѣйствій полномочій выборныхъ представителей (1, 4 и 6 лѣтъ). Только въ Гватемалѣ однопалатная система замѣнена двухпалатной, и, помимо народнаго собранія, существуетъ Государственный совѣтъ, наполовину выбираемый народомъ. Остальная половина членовъ назначается президентомъ. Несмотря на всеобщее избирательное право въ народныхъ собраніяхъ большинство до сихъ поръ имѣютъ помѣщики, управляющіе всѣми дѣлами. Такое преобладаніе господствующаго класса объясняется малою культурностью, рѣдкостью населенія и его разрозненностью.

Си—ни.

Вестъ-Индія

Природа вестъ-индскаго архипелага.—Туземные обитатели и ихъ быстрое исчезновеніе. — Колонизація бѣлыми и цвѣтными. — Развитіе колоніальнаго хозяйства. — Современное положеніе его.

Вестъ-Индскіе острова являются наиболѣе возвышенными мѣстами постепенно опустившагося и залитаго въ большей своей части моремъ участка суши Центральной Америки. Острова эти тянутся длинной полосою отъ устья Ориноко до полуострововъ Флорида и Юкатанъ, отдѣляя отъ Атлантическаго океана Караибское или Карибское море. Весь архипелагъ обыкновенно дѣлятъ на три группы: Багамскіе, Большіе и Малые Антильскіе острова. Площадь, занимаемая этими островами, равняется приблизительно 240.180 кв. к., причемъ на долю Б. Антильскихъ острововъ приходится нѣсколько меньше 0,9 части. По всѣмъ островамъ тянутся цѣпи горъ, которыя по геологическому происхожденію можно раздѣлить на три пояса. Внутренній, самый древній поясъ является полуразмытымъ и разрушеннымъ остаткомъ Антильскихъ Кордильеръ. Поясъ этотъ тянется по Пуэрто-Рико, затѣмъ переходитъ на Гаити и отдѣляетъ отрогъ, который продолжается на Ямайкѣ; другая же вѣтвь переходитъ на Кубу, простираясь вдоль юго-восточнаго берега. Этотъ поясъ несетъ

на себѣ самыя высокія вершины (высшая точка на Гаити 3140 м.). Внѣшній, самый молодой поясъ, захватывая часть Малыхъ Антильскихъ острововъ, проходитъ черезъ Багамскіе и продолжается въ видѣ невысокихъ холмовъ на Флоридѣ. Третій поясъ, захватывающій остальную часть М. Антильскихъ острововъ, вулканическаго происхожденія и, хотя не достигаетъ большой высоты, несетъ на себѣ много потухшихъ и дѣйствующихъ вулкановъ, между ними прославившійся своимъ страшнымъ изверженіемъ въ 1902 г. вулканъ Монъ-Пеле на островѣ Мартиникѣ, который въ нѣсколько минутъ превратилъ въ груду обломковъ большой цвѣтущій городъ.

Многіе острова Вестъ-Индіи окружены коралловыми рифами, иногда выступающими на поверхность въ видѣ небольшихъ островковъ, украшенныхъ одинокими пальмами. Пейзажъ Вестъ-Индскихъ острововъ замѣчательно красивъ, и эта красота особенно рѣзко бросается въ глаза путешественнику со стороны моря. По единогласному отзыву очевидцевъ, проѣзжая мимо этихъ острововъ, нельзя оторваться отъ открывающихся всюду чудныхъ панорамъ. Особенно красивы М. Антильскіе острова. Въ ясный, солнечный день они имѣютъ сказочный видъ. Голубое небо, которое глубже и ярче нашего сѣвернаго неба, охватываетъ своимъ куполомъ спокойное синее море, отливающее въ тѣни бирюзою и ярко сверкающее подъ лучами солнца. На голубомъ фонѣ воды и неба выдѣляются зеленые цвѣтущіе острова съ возвышающимися надъ ними острыми пиками вулкановъ, которые громоздятся другъ на друга крутыми уступами. Вслѣдствіе необычайной прозрачности воздуха всѣ предметы кажутся ближе и меньше. Стволы деревьевъ, покрывающихъ горы, и маленькіе, словно игрушечные домики городовъ, легко различить на большомъ разстояніи.

Климатъ Вестъ-Индіи тропическій и мало отличается отъ климата соотвѣтствующихъ частей Америки. Средняя температура года колеблется между 24,5°—26,8° Лѣто начинается въ маѣ и длится до ноября. Въ маѣ начинаются дожди, которые съ перерывами льютъ до ноября, затѣмъ устанавливается хорошая, ясная погода. Самыми сухими мѣсяцами являются январь и февраль. Въ августѣ стоитъ наиболѣе жаркая погода, нѣсколько умѣряемая пассатными вѣтрами. Сѣверъ-восточный пассатъ дуетъ почти весь годъ (за исключеніемъ времени отъ августа до октября, когда дуютъ вѣтры перемѣннаго направленія). Одно изъ замѣчательныхъ явленій Вестъ-Индіи это ураганы, достигающіе здѣсь невѣроятной силы. Начало урагана отмѣчается быстрымъ паденіемъ барометра. Затѣмъ подымается сѣверный вѣтеръ, сопровождаемый электрическими явленіями и сильнымъ ливнемъ. Мало-по-малу вѣтеръ крѣпчаетъ, молніи сверкаютъ почти безъ перерыва. Вихрь проносится со страшнымъ шумомъ, пригибая къ землѣ громадныя деревья. Жители въ паникѣ прячутся въ подвалы, а корабли спѣшатъ укрыться въ надежныя гавани или уйти въ открытое море, такъ какъ запоздавшимъ грозитъ гибель. Когда вѣтеръ достигаетъ наибольшей силы, прекращается выдѣленіе электричества, и наступаетъ почти полная темнота. Это затишье самый опасный моментъ, такъ какъ вскорѣ подымается со страшной силой встрѣчный вѣтеръ. Подъ ударами урагана дрожитъ земля, и трясутся крѣпко построенные дома. О маленькихъ хижинахъ нечего и говорить, часто ихъ цѣликомъ срываетъ съ земли и превращаетъ въ щепы. Ураганы зарождаются обыкновенно у Багамскихъ острововъ, но иногда они приходятъ отъ береговъ Африки. Такъ, напримѣръ, циклонъ 1853 года начался у побережья Африки и въ четыре дня перешелъ весь Атлантическій океанъ. Разрушенія, производимыя этими ураганами, оставляютъ слѣды на плантаціяхъ надолго, и въ мѣстахъ, особенно подверженныхъ имъ, почти невозможно разведеніе многолѣтнихъ плодовыхъ растеній.

По количеству имѣющихся на островахъ растительныхъ и животныхъ видовъ Вестъ-Индія много бѣднѣе прилегающихъ частей материка, причемъ по составу своему флора и фауна ихъ ближе къ южноамериканской, чѣмъ къ сѣверной. Самостоятельныхъ, не имѣю-

щихся на материкѣ видовъ очень немного (исключая птицъ), что является доказательствомъ того, что когда-то Вестъ-Индія была частью материка, причемъ сѣверная часть отдѣлилась раньше. Отдѣленіе отъ Южной Америки произошло гораздо позже, такъ что много южно-американскихъ растеній и животныхъ успѣло распространиться по всѣмъ островамъ.

Во влажныхъ низинахъ растительность, если и не очень богата и разнообразна по своему составу, зато замѣчательно сильна и жизненна. Первое, что поражаетъ европейца въ этихъ лѣсахъ, это пышность, съ которою разрастаются здѣсь растенія. Нѣтъ ни одного клочка земли, съ котораго не тянулись бы сочные, полные силы побѣги. Трудно понять, откуда берется столько жизненной силы, какъ земля можетъ прокормить такую массу растеній! Поверхность ея покрыта сплошнымъ ковромъ травъ, изъ которыхъ нѣкоторыя похожи скорѣе на низкіе кустарники. Между стволами громадныхъ кедровъ, копьевиковъ и пальмъ, переплетаясь въ непроходимую стѣну, раскинулся тропическій подлѣсокъ, вѣтви

Рынокъ въ фортѣ Либерте на Гаити.

и стволы деревьевъ обвиты тонкими, стройными ліанами и эпомеями, перекидывающимися съ одного дерева на другое и покрывающими весь лѣсъ своими зелеными, ярко сверкающими на солнцѣ кружевами. Часто лѣсъ смѣняется густыми зарослями бамбуковъ, черезъ которые можно пробраться только съ помощью топора или ножа. На гористыхъ склонахъ характеръ лѣса мѣняется, появляются громадныя папортниковыя деревья, достигающія 18 метровъ высоты, орхидеи и фуксіи; на песчаныхъ склонахъ до 1300 метровъ высоты растетъ прекрасный сосновый лѣсъ. Стволы его достигаютъ 60 метровъ высоты и 3—4 хъ толщины. Этотъ горный лѣсъ въ чистомъ видѣ встрѣчается только на Кубѣ, Гаити и Ямайкѣ, гдѣ горы достигаютъ достаточной высоты.

Самыя вершины горъ выше 2300 м. обыкновенно лишены лѣса и густо заростаютъ сочною травою. Среди травяныхъ пространствъ только изрѣдка подымаютъ свои стволы громадныя сосны. Изъ полезныхъ растеній наиболѣе распространены сахарный тростникъ

и табакъ. Въ концѣ XVIII вѣка европейцы перевезли сюда кофе, получившій въ XIX вѣкѣ большое распространеніе. Кромѣ этого растутъ дынное дерево, хлѣбное, ваниль, какао, на многихъ островахъ индиго, агавы, кокосовая пальма. Кромѣ того европейцы перевезли въ Вестъ-Индію почти всѣ европейскія фруктовыя деревья, которыя очень хорошо принимаются въ гористыхъ мѣстностяхъ, гдѣ климатъ не такъ рѣзко отличается отъ климата южной Европы.

Населеніе Вестъ-Индіи по своему составу чрезвычайно пестро, что объясняется историческими судьбами, бросавшими острова поочередно во власть различныхъ народовъ.

Всего жителей на Вестъ-Индскихъ островахъ 6 милліоновъ, причемъ на Б. Антильскихъ островахъ живетъ 5 м., а на всѣхъ остальныхъ только 1 м. Но если вспомнить, что по площади Б. Антильскіе острова занимаютъ 0,9 всей Вестъ-Индіи, въ то время какъ число жителей на нихъ равняется всего $^5/_6$ общаго количества, то ясно, что плотность населенія на М. Антильскихъ островахъ значительно выше.

Въ Вестъ-Индіи преобладающимъ занятіемъ населенія является земледѣліе, такимъ образомъ плотность населенія становится въ прямую зависимость отъ плодородія почвы. Въ этомъ отношеніи М Антильскіе острова находятся въ болѣе выгодномъ положеніи. Эти острова по большей части вулканическаго происхожденія, почва ихъ, образовавшаяся изъ лавы, чрезвычайно плодородна. Не то мы видимъ на Б. Антильскихъ островахъ, здѣсь обширныя пространства заняты непроходимыми лѣсами, въ гористыхъ мѣстностяхъ преобладаетъ каменистая неплодородная почва, а внутренность острововъ занята саваннами, большею частью не изслѣдованными и не населенными. Въ среднемъ на Б. Антильскихъ островахъ на 1 кв. к. приходится 23 ч. Всего рѣже населена Куба (13 ч.) и Гаити (22 ч.), На Пуэрторико на 1 кв. к. приходится 102 ч., а на Ямайкѣ 72.

На неплодородныхъ Багамскихъ островахъ (долго оотававшихся совершенно незаселенными) плотность населенія колеблется отъ 4 до 8 человѣкъ на 1 кв. к. На М. Антильскихъ островахъ плотность часто превышаетъ 100 ч. на 1 кв. к.. Такъ на Барбадосѣ она равна 454, на Мартиникѣ 160, до изверженія вулкана Монъ-Пеле, стоившаго жизни 30.000 ч., она равнялась 210 ч. на 1 кв. к.

До появленія европейцевъ Вестъ-Индія была населена племенами, принадлежавшими къ Американской расѣ, а именно: ейбунейцами, ароваками и караибами. Ейбунейцы населяли Кубу, западную часть Гаити, они были чрезвычайно миролюбивы, жили осѣдло деревнями въ нѣсколько сотъ домовъ, построенныхъ изъ пальмовыхъ стволовъ и вѣтвей. По внѣшнему виду это были коренастые и широкоплечіе краснокожіе. Умственно они были развиты очень мало. Ароваки, населявшіе восточную часть Гаити, были сходны съ ними какъ по внѣшнему виду, такъ и по образу жизни. Первоначально они населяли также и малые Антильскіе острова, но еще до открытія Америки были вытѣснены оттуда караибами. Завоеванія караибовъ начались съ южныхъ острововъ, лежащихъ недалеко отъ материка, и постепенно распространились на всѣ Малые Антильскіе острова и даже на нѣкоторые изъ Большихъ Антильскихъ. Миролюбивые ароваки не могли оказать серьезнаго сопротивленія воинственнымъ и сравнительно болѣе культурнымъ караибамъ. Прочность завоеваній караибовъ объясняется ихъ своеобразной военной тактикой: при завоеваніи какого либо острова они первымъ дѣломъ истребляли все мужское населеніе, а женщинъ забирали себѣ въ жены. Этимъ между прочимъ объясняется существованіе у нихъ особаго „женскаго“ и „мужского“ языка.

Съ появленіемъ европейцевъ начинается быстрое вымираніе индѣйцевъ. Жаждавшіе наживы испанцы легко порабощали и заставляли день и ночь работать въ шахтахъ и на золотыхъ пріискахъ; не привыкшихъ къ систематическому труду индѣйцевъ, которые стали быстро вымирать, пока на большинствѣ острововъ не исчезли совершенно. Только на Малыхъ Антильскихъ островавъ они сохранились, смѣшавшись съ неграми, а на островѣ Св. Вин-

цента осталось ихъ нѣсколько сотъ въ чистомъ видѣ. Но растущее производство требовало замѣны индѣйской рабочей силы другою, и вотъ послѣ безуспѣшныхъ попытокъ замѣнить исчезающія племена какими либо другими, сосѣдними, начинается торговля африканскими неграми, возростающая по мѣрѣ роста производства. Уже въ 1505 году испанцы привозятъ значительное количество негровъ и разселяютъ ихъ на Гаити, затѣмъ на Ямайкѣ и другихъ островахъ. Съ этихъ поръ число негровъ-рабовъ растетъ съ изумительной быстротой, превысивъ на нѣкоторыхъ островахъ во много разъ бѣлое населеніе.

Рабы негры работали обыкновенно на большихъ плантаціяхъ, въ условіяхъ очень похожихъ на условія работы въ остальной Америкѣ. Всюду царило жестокое, безчеловѣчное отношеніе къ рабамъ. При разсмотрѣніи хозяйственнаго строя Вестъ-Индіи мы остановимся подробнѣе на послѣдствіяхъ такихъ отношеній, теперь же прослѣдимъ ростъ чернаго населенія.

Особенно быстро увеличивалось черное населеніе на Ямайкѣ. Во время перехода ея во власть англичанъ (въ 1655 г.) жителей числилось всего 3000, черезъ двадцать лѣтъ число ихъ увеличилось 17-ю тысячами негровъ. Между 1680—1786 годами было привезено еще 610.000 рабовъ. Такимъ образомъ по переписи 1891 года на островѣ значилось 15.000 бѣлыхъ и 620.000 негровъ и мулатовъ. Положеніе рабовъ было чрезвычайно тяжелое и вслѣдствіе этого, когда они наконецъ были освобождены (въ 1838 году), большая часть ихъ покинула плантаціи и удалилась въ глубь острова. На этой почвѣ разыгралось много кровавыхъ столкновеній между бѣлымъ и чернымъ населеніемъ. Такъ напр. въ 1865 году на негровъ было поднято настоящее гоненіе, сотни ихъ были убиты безъ всякаго суда, до 1000 домовъ было сожжено, и 300 человѣкъ были разстрѣлены по приговорамъ судовъ. Конечно расправа эта не примирила враждующія расы. Теперь на островѣ числится 780.000 жителей, изъ которыхъ только около 20.000 бѣлыхъ,

На Кубѣ число негровъ между 1524—1821 годами увеличилось на 400.000 и теперь доходитъ до 600.000, въ то время какъ бѣлыхъ насчитывается до милліона.

Здѣсь негры имѣли право выкупать себя работою, такъ что ко времени ихъ освобожденія (1886 г.) половина была свободныхъ.

На Малыхъ Антильскихъ островахъ также въ большинствѣ случаевъ черное населеніе составляетъ подавляющее большинство, напримѣръ на Барбадосѣ бѣлыхъ всего 10%, а на Мартиникѣ 6%.

Что касается бѣлаго населенія, то мы уже видѣли, что численно оно незначительно, но, несмотря на это, на островахъ можно встрѣтить представителей всѣхъ европейскихъ и азіатскихъ національностей.

Со времени французской революціи въ Вестъ-Индіи почти безпрерывно происходили возстанія рабовъ, поэтому плантаторы по возможности старались замѣнять ихъ болѣе сговорчивыми китайскими кули, которыхъ теперь насчитывается 180.000.

Изъ этого очерка видно, насколько разнообразно населеніе Вестъ-Индіи. Это разнообразіе не ограничивается раздѣленіемъ его на бѣлое и черное, въ самомъ составѣ чернаго населенія существуютъ различія, которыя можно не замѣтить развѣ только съ перваго взгляда. Дѣло въ томъ, что перевезенные изъ Африки негры попадали въ совершенно новыя условія, которыя наложили на нихъ со временемъ неизгладимый отпечатокъ. Негры, живущіе на испанскихъ островахъ, сильно отличаются отъ негровъ, живущихъ на англійскихъ, и т. д. Эти различія наиболѣе замѣтны въ языкѣ. Негры нигдѣ не говорятъ на своихъ туземныхъ нарѣчіяхъ и всюду воспринимаютъ, правда часто сильно коверкая, языкъ своихъ бывшихъ господъ; смѣшеніе бѣлыхъ съ черными еще ускоряетъ этотъ процессъ. Подражаніе европейцамъ не останавливается на языкѣ. Европейцы, даже на тѣхъ островахъ, гдѣ они составляютъ ничтожное меньшинство, подчиняютъ своей болѣе высокой культурѣ и религіи мало культурную массу чернаго и цвѣтного населенія, заставляя

ихъ воспринимать свои нравы и обычаи. Такимъ образомъ англійскій негръ смотритъ на испанскаго не какъ на соотечественника, а какъ на иностранца.

Несмотря на большія перемѣны, которыя претерпѣвало вестъ-индское хозяйство, несмотря на то, что со времени своего открытія и до сихъ поръ, Вестъ-Индія пережила почти всѣ формы хозяйственной жизни, отношенія ея къ Европѣ остались почти безъ перемѣнъ. Какъ четыреста лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь, Вестъ-Индія для Европы поставщикъ колоніальныхъ товаровъ и покупатель произведеній европейской промышленности. Съ самаго открытія Америки всѣ силы европейскихъ переселенцевъ были направлены къ тому, чтобы выжать возможно больше выгодъ изъ этой богатой страны; для этой цѣли не пренебрегали никакими средствами.

Во время открытія Америки Европа переживала серьезный переворотъ въ своей хозяйственной жизни. Натуральное-крѣпостническое хозяйство стало вытѣснятся денежнымъ. Деньги стали пріобрѣтать все большую цѣнность, деньги стали олицетвореніемъ силы, могущества и богатства. Неудивительно, что стремленіе нажиться становилось цѣлью жизни. Съ открытіемъ богатой золотомъ Америки забилъ новый источникъ легкаго обогащенія. И вотъ въ Америку направляются десятки тысячъ любителей приключеній и легкой наживы. Конечно авантюристы не отличались ни большой культурностью, ни высокимъ нравственнымъ уровнемъ. Ихъ цѣлью являлась нажива, и для нихъ всѣ средства были хороши.

Вестъ-Индія не была богата золотомъ. Только на Гаити добывалось значительное количество его. До середины XVI вѣка воздѣлываніе плантацій ограничивалось удовлетвореніемъ самыхъ насущныхъ нуждъ населенія. Послѣ открытія богатыхъ золотыхъ россыпей въ Перу, произошелъ отливъ бѣлаго населенія туда. Съ этого времени въ Вестъ-Индіи начинается медленное развитіе культурной обработки земли. Для этой цѣли стали привозить африканскихъ негровъ. Такимъ образомъ работа на розсыпяхъ, замѣнилась разведеніемъ плантацій индиго, сахара и хлопка на Ямайкѣ и Гаити, табака на Кубѣ и Пуэрто-рико, кофе на М. Антильскихъ островахъ. Въ началѣ привезенные изъ Африки негры работали на небольшихъ участкахъ земли. Крупныхъ имѣній почти не было. Но къ серединѣ XVIII в. картина сильно мѣняется. Мало-по-малу мелкія имѣнія перестаютъ играть крупную роль въ производствѣ, и на мѣсто нихъ появляются громадныя плантаціи, обрабатываемыя дешевымъ рабскимъ трудомъ.

Первое время послѣ открытія Америки почти единственными господами Вестъ-Индіи были испанцы. Ихъ неограниченному господству нѣсколько мѣшали разбойничьи шайки, въ громадномъ количествѣ наводнявшіе, какъ море, такъ и сушу. Изъ этихъ шаекъ наиболѣе значительной были Флибустьеры. Они имѣли стройную организацію и состояли большею частью изъ французовъ и англичанъ. Флибустьеры захватили часть Гаити и дѣлали оттуда набѣги, занимаясь въ то же время земледѣліемъ. Англія и Франція поддерживали ихъ въ цѣляхъ борьбы съ Испаніей. И дѣйствительно, мало-по-малу испанцы потеряли часть острововъ, прежде всего М. Антильскіе острова, на которые они обращали очень мало вниманія и изъ-за которыхъ съ перемѣннымъ счастьемъ боролись между собою Англія и Франція. Къ серединѣ XVIII в. острова Вестъ Индіи очутились во владѣніи главнымъ образомъ Испаніи, Англіи и Франціи. Крупныя плантаціи процвѣтали на Гаити, особенно когда французы овладѣли западной частью острова. Въ первой половинѣ XVIII в. эта страна считалась самой богатой благодаря тому, что ввезенное въ 1748 г. кофейное дерево прекрасно привилось на почвѣ Гаити. На первый взглядъ можно было бы предположить, что страна находится въ цвѣтущемъ состояніи, но на дѣлѣ она болѣе, чѣмъ всякая другая страна, была далека отъ этого идеала. Большинство населенія состояло изъ безправныхъ рабовъ, обязанныхъ трудится на господъ. Труженикъ производитель получалъ лишь ничтожную долю произведеннаго имъ продукта, достаточную для того, чтобы не умереть съ голода. Понятно, что положеніе населенія, несмотря на массу производимыхъ продуктовъ,

было самое печальное: рабы умирали отъ истощенія, жили въ жилищахъ, похожихъ скорѣе на хлѣвы для животныхъ. По мѣрѣ роста плантацій росло богатство плантаторовъ, но не улучшалось, а еще ухудшалось положеніе рабовъ. Господство бѣлыхъ поддерживалось страхомъ и угнетеніемъ. Лишь обаяніе силы удерживало рабовъ на ихъ мѣстахъ, достаточно было перваго толчка, чтобы вся система хозяйства разсыпалась въ прахъ.

Паденіе рабства происходило всюду различно и въ различное время. Тамъ, гдѣ гнетъ былъ наиболѣе силенъ, гдѣ плантаціи достигали наибольшей величины, перемѣны произошли болѣе стремительно, часто путемъ кровавыхъ возстаній; въ другихъ мѣстахъ раскрѣпощеніе шло медленными шагами, безъ взрывовъ.

На Гаити, гдѣ крупныя плантаціи появились раньше, рабство исчезло раньше всего. Толчекъ былъ данъ французской революціей. Въ 1791 г. разразилось возстаніе негровъ, къ неграмъ вскорѣ присоединилось цвѣтное населеніе. Такимъ образомъ противъ небольшой кучки бѣлыхъ поднялся весь возмущенный долгими страданіями народъ. О защитѣ нечего было и думать. Кто успѣлъ, тотъ скрылся во время, запоздавшіе были безжалостно избиты. Въ восточной части острова, перешедшей въ 1795 г. къ Франціи, тоже вспыхнуло возстаніе негровъ и мулатовъ. Правительство деректоріи объявило полную свободу и равенство чернаго населенія съ бѣлымъ. Но это не остановило революціи, и въ 1801 г. предводителъ мятежниковъ Гуссенъ объявилъ островъ независимымъ и издалъ конституцію, устанавливавшую республиканскій образъ управленія. Возстаніе это было подавлено, но мятежи продолжались, и къ 1804 г. почти всѣ французы были вытѣснены съ острова. Послѣ побѣды чернаго населенія спокойствіе установилось на островѣ не сразу. Даже когда были признаны независимыми обѣ республики (Западная Гаити и восточная С. Доминго), ни одна смѣна президента не происходила безъ яростной борьбы партій.

Западная часть острова, съ болѣе однороднымъ, почти исключительно чернымъ населеніемъ, оказалась болѣе счастливой; она пользуется до сихъ поръ большимъ спокойствіемъ и богатствомъ. Возстаніе негровъ не ограничилось отдѣльными островами, и во все продолженіе XIX в. возмущенія вспыхивали то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, не всегда оканчиваясь успѣшно для возставшихъ. Такъ на Ямайкѣ мятежи повторялись очень часто и длились до тѣхъ поръ, пока негры не были наконецъ освобождены (1858 г.) Наибольшія бѣдствія вынесла Куба. Возстанія негровъ начинаются здѣсь съ 1812 г. и въ 1848 г. достигаютъ наибольшей силы. Толчкомъ къ послѣднему возстанію послужило освобожденіе негровъ во французскихъ колоніяхъ. Движеніе и на этотъ разъ было подавлено жестокими средствами. Но это не успокоило населенія, среди котораго дѣйствовало нѣсколько политическихъ партій, изъ которыхъ одни стремились къ независимости Кубы, другіе къ присоединенію къ Соединеннымъ Штатамъ. Въ 1886 г. негры были наконецъ объявлены свободными. Но это не улучшило положенія острова, и волненія продолжались, вызвавъ наконецъ вмѣшательство Соединенныхъ Штатовъ, заинтересованныхъ въ хозяйственномъ состояніи острова. Наконецъ 20 мая 1902 г. Куба была объявлена независимой республикой.

Подобныя же столкновенія происходили почти на всѣхъ островахъ. Свобода была куплена неграми дорогою цѣной. Если отъ постоянныхъ столкновеній пострадало населеніе, то еще больше пострадали культура и хозяйство. Правда, эта культура расцвѣла на почвѣ рабства и насилія, но замѣнить ее какою нибудь своею освобожденнымъ неграмъ до сихъ поръ еще не удалось. Старое хозяйство было совершенно разрушено, отъ громадныхъ плантацій не осталось почти ничего. Множество цѣнныхъ многолѣтнихъ растеній погибло, и это сдѣлало невозможнымъ быстрое возрожденіе производства. Къ тому же ожесточенные негры не хотѣли больше работать на другихъ. У каждаго родилось желаніе жить только для себя, обрабатывая свою землю, и не продавая никому своего труда.

При малой плотности населенія, при обширности незанятыхъ пространствъ земли,

осуществленіе этихъ желаній не встрѣчало затрудненій. Слѣдствіемъ этого явилось распаденіе крупныхъ плантацій и образованіе на ихъ мѣстѣ мелкихъ хуторовъ.

Вестъ-Индія оправлялась отъ упадка чрезвычайно медленно. Правда благосостояніе жителей увеличилось, но производство не могло уже достигнуть такого расцвѣта, какъ при господствѣ рабства.

Освободившіеся негры стали разводить на своихъ участкахъ главнымъ образомъ сахарный тростникъ. Только на болѣе крупныхъ плантаціяхъ продолжалось разведеніе кофе и другихъ полезныхъ растеній. Но сахаръ являлся всетаки главнымъ продуктомъ вывоза. Положеніе страны, производящей только одинъ какой нибудь продуктъ, чрезвычайно непрочно, такъ какъ благосостояніе жителей зависитъ всецѣло отъ этого продукта. Малѣйшее колебаніе въ цѣнѣ очень сильно отражается на производителѣ, не имѣющемъ возможности вознаградить свои убытки на другомъ продуктѣ. Такъ было и въ Вестъ-Индіи. Пока спросъ на сахаръ увеличивался, все шло хорошо. Можетъ быть, такое положеніе длилось бы очень долго, если бы сахарный тростникъ, изъ котораго добывается сахаръ въ Вестъ-Индіи, былъ единственнымъ растеніемъ, годнымъ для этого производства. До XVIII в. дѣло обстояло именно такъ. Попытки добывать сахаръ изъ клена и другихъ древесныхъ растеній оказались безуспѣшными. Но въ 1847 г. нѣмецкій ученый получилъ сахаръ изъ свекловицы. Первое время попытки свекловично-сахарнаго производства кончались разореніемъ предпринимателей, но къ концу XIX в. количество свекловичнаго сахара уже сильно превысило количество сахара тростниковаго и сильно понизило его цѣну. Вотъ въ краткихъ чертахъ причины такъ называемаго сахарняго кризиса, такъ пагубно отозвавшагося на Вестъ-Индской промышленности. Не успѣвъ еще оправиться отъ потрясеній, испытанныхъ вслѣдствіе возстаній негровъ и измѣненія хозяйственной жизни, Вестъ-Индія испытала новыя бѣдствія.

Естественно, что на многихъ островахъ производство сахара почти совершенно прекратилось. Такъ, напримѣръ, на Доминикѣ въ 1892 г. производилось 110.000 кгр. сахара, а въ 1901 году всего 7,500 кгр. Паденіе сахарнаго производства ввергло острова въ полный упадокъ. Теперь взамѣнъ сахара разводится кофе все въ большемъ и большемъ количествѣ, также какао и лимонное дерево. Въ 1901 г. на Мартиникѣ производилось лимоннаго сока уже на 646.000 марокъ и на 480.000 марокъ какао. На островахъ, гдѣ много лѣсовъ, начинаетъ развиваться добыча и отчасти обработка дорогихъ цвѣтныхъ деревьевъ.

Мало-по-малу населеніе Вестъ-Индіи начинаетъ оправляться. Что касается до обрабатывающей промышленности, то развитіе ея идетъ очень медленно. Сейчасъ есть нѣсколько табачныхъ фабрикъ для обработки табака и свертыванія сигаръ. Въ послѣднее время начинаютъ расти большіе заводы для выварки сахара, прежде это дѣлалось мелкими производителями у себя на дому.

Вся крупная торговля находится въ рукахъ американскихъ и европейскихъ скупщиковъ, которые имѣютъ на всѣхъ островахъ своихъ представителей, закупающихъ продукты часто впередъ, до сбора урожая. Это отнимаетъ у негра его доходы.

Наибольшее значеніе въ торговлѣ Вестъ-Индіи имѣютъ С. А. Соединенные Штаты и Англія, въ концѣ прошлаго вѣка солиднымъ конкуррентомъ для нихъ явилась Германія, завоевавшая къ настоящему времени прочное положеніе въ Вестъ-Индской торговлѣ.

Что касается политическаго состоянія Вестъ-Индіи, то здѣсь существуютъ три независимыхъ республики (Куба, Гаити и С. Доминго), а остальные острова находятся во владѣніи Европейскихъ государствъ (Англіи, Франціи, Испаніи, Даніи) и управляются назначенными губернаторами, причемъ на многихъ островахъ для рѣшенія внутреннихъ распорядковъ существуютъ выборныя народныя представительства.

Си—ни.

Сѣверная Америка.

Мексика.

Природа страны.—Происхожденіе и культурное состояніе государства ацтековъ.—Завоеваніе его испанцами.—Современная Мексика.

Южная часть Сѣверо-Американскаго материка представляетъ собой довольно правильный треугольникъ, замкнутый съ юга Тегуантепекскимъ перешейкомъ. Это Мексика, которая представляется нашему воображенію какой то загадочной страной, населенной невѣдомыми ацтеками, обладавшими таинственной, поддернутой кровавымъ флеромъ культурой. Фантазія невольно рисуетъ намъ безумные, почти фантастическіе приключенія испанцевъ завоевателей. Съ годами туманъ, окутывавшій Мексику, разсѣялся, многія загадки потеряли свою таинственность, то, что прежде вызывало восхищеніе, возбуждаетъ теперь совсѣмъ иныя чувства.

Съ востока, со стороны Мексиканскаго залива, откуда прибыли въ страну „блѣднолицые", берега пустынны и однообразны. Бѣдная растительность, огромныя пространства, покрытыя желтымъ пескомъ, часто встрѣчающіяся прибрежныя болота, вѣтры, вздымающіе тучи пыли—вотъ безотрадная картина мексиканскаго побережья. Тропическое солнце съ ранняго утра раскаляетъ пропитанный мельчайшими частицами песка воздухъ, вызываетъ ядовитыя испаренія болотъ, дѣлая иногда существованіе человѣка въ этой мѣстности невыносимымъ.

Уже съ берега видны далеко на горизонтѣ покрытые вѣчнымъ снѣгомъ пики Попокатепетля и Оризабы. Какъ нѣкогда во времена завоеванія Мексики, они приковывали къ себѣ взгляды испанцевъ, указывая путь въ загадочное царство Монтецумы, такъ и теперь они останавливаютъ взоръ путешественника своей чистой бѣлизной, рѣзко выступающей на фонѣ ярко-синяго южнаго неба. Кажется близко сверкаютъ вершины горныхъ великановъ, но очень обманулся бы путешественникъ, повѣрившій въ этомъ случаѣ своимъ глазамъ. Покинувъ прибрежную полосу, онъ совсѣмъ затерялся бы подъ сводами вѣковыхъ деревьевъ, переплетенныхъ ліанами, почти непропускающими солнечныхъ лучей. Земля покрыта густымъ кустарникомъ, не дающимъ человѣку возможности свободно передвигаться, часто встрѣчаются заросли папоротника, на склонахъ глубокихъ овраговъ, въ низинахъ, на топкихъ берегахъ лѣсныхъ ручьевъ раскидываетъ онъ свои зеленые ажурные вѣера, указывая на сырость почвы. Всевозможныя животныя: пресмыкающіяся, пантеры, медвѣди, обезьяны населяютъ дѣвственные лѣса. Въ вѣтвяхъ гнѣздятся цѣлые

хоры птицъ съ яркимъ опереньемъ, съ восхода и до заката солнца наполняющихъ лѣсъ своими криками и чириканьемъ. Прибрежная полоса, дѣвственные лѣса, которые безжалостно палитъ тропическое солнце, составляютъ область, называемую испанскимъ именемъ tierra caliente, что значитъ „жаркая страна".

Выше tierra caliente на склонахъ горъ, окружающихъ плоскогорье Анагуакъ, лежатъ пространства, являющіяся украшеніемъ Мексики. Это — tierra templada — теплая страна. Поразительно мягкій климатъ, баснословное плодородіе почвы, прозрачный воздухъ, могущій соперничать по чистотѣ съ дѣвственнымъ воздухомъ недосягаемыхъ горныхъ вершинъ—вотъ что характеризуетъ tierra templada. При приближеніи къ горнымъ цѣпямъ, на высотѣ, превышающей $2^1/_2$ километра, богатая растительность исчезаетъ, рѣже и рѣже слышится говоръ людей; исчезаютъ, наконецъ, зеленыя пятна мховъ, могущихъ выносить температуру болѣе низкую, чѣмъ какія бы то ни было другія растенія. Все чаще и чаще встрѣчается снѣгъ, лежащій на голыхъ пустынныхъ скалахъ; снѣгъ постепенно завоевываетъ все большія пространства, пока не остается ничего, кромѣ толстаго снѣжнаго покрова, ослѣпительно сверкающаго подъ яркими, холодными лучами солнца и опрокинувшагося надъ нимъ синяго купола неба. Глубокій, ничѣмъ не нарушаемый покой царствуетъ здѣсь, въ этой „холодной землѣ", tierra fria.

Переваливъ черезъ горы, мы вступаемъ въ святое святыхъ мексиканской культуры, на богатую почву плоскорья Анагуакъ, со всѣхъ сторонъ окруженнаго громадными хребтами. Въ серединѣ его лежатъ три-четыре озера, наполненныя соленой водой, издавно привлекавшія къ себѣ населеніе. Часто встрѣчаются на Анагуакѣ застывшіе потоки лавы, что въ связи съ обиліемъ вулкановъ, дѣйствовавшихъ еще во времена завоеванія Мексики, и которыхъ еще и теперь нельзя считать совершенно потухшими, указываетъ на усиленную вулканическую дѣятельность. Нѣкогда вся центральная часть Анагуака, тамъ, гдѣ теперь лежатъ озера, представляла одну грандіозную впадину въ 60-ть километровъ въ поперечникѣ, наполненную клокочущей лавой. Зарево, висящее надъ этимъ громаднымъ очагомъ, охватываетъ все небо. Глухой шумъ, исходящій изъ глубинъ горъ, дрожаніе почвы, столбы пламени, вырывающіеся кое гдѣ изъ огненнаго озера—все свидѣтельствуетъ о напряженной, интенсивнѣйшей работѣ подземныхъ силъ. Но проносятся вѣка, тысячелѣтія, тухнетъ могучій очагъ; воды океана свободно плещутся тамъ, гдѣ нѣкогда тяжело переливались огненныя волны лавы. Проходятъ новыя тысячелѣтія, океанъ покидаетъ завоеванныя имъ пространства, и только нѣсколько озеръ, наполненныхъ соленой водой, указываютъ на одержанную имъ когда-то побѣду. Теперь поверхность Анагуака покрыта толстымъ слоемъ плодородной почвы, часто встрѣчаются лѣса, въ глубинѣ которыхъ нерѣдко попадаются вѣковые великаны. Давно уже появились здѣсь и люди, оживившіе своимъ существованіемъ дикую, прекрасную природу.

Сколько нибудь достовѣрная историческая жизнь начинается на Мексиканскомъ плоскогорьѣ съ IV—VI в. послѣ Р. Х. Съ этого момента начали переселяться сюда племена, извѣстные подъ общимъ именемъ нагуа; самымъ послѣднимъ нагуасскимъ племенемъ, переселившимся на Анагуакъ, были ацтеки. Кого нашли они на мѣстѣ—неизвѣстно. Сохранилась только смутная легенда объ упорномъ сопротивленіи, оказанномъ первоначальными обитателями, обладавшими, по словамъ легенды, громадной физической силой. Откуда направлялся потокъ переселенія, также трудно сказать. Легенда указываетъ на какую-то, лежащую на сѣверѣ, въ странѣ великихъ озеръ, область — Ацтланъ-Чикомостокъ, что значитъ „городъ на водѣ" и „семь пещеръ". Несмотря на самыя тщательныя изслѣдованія, загадочнаго Ацтлана не удалось отыскать, и вопросъ о мѣстѣ первоначальнаго поселенія народа нагуа остается, такимъ образомъ, невыясненнымъ.

Близкое знакомство съ культурой ацтековъ ясно указываетъ на ея двойственный характеръ. Наряду съ высоко развитыми представленіями, съ крупными научными за-

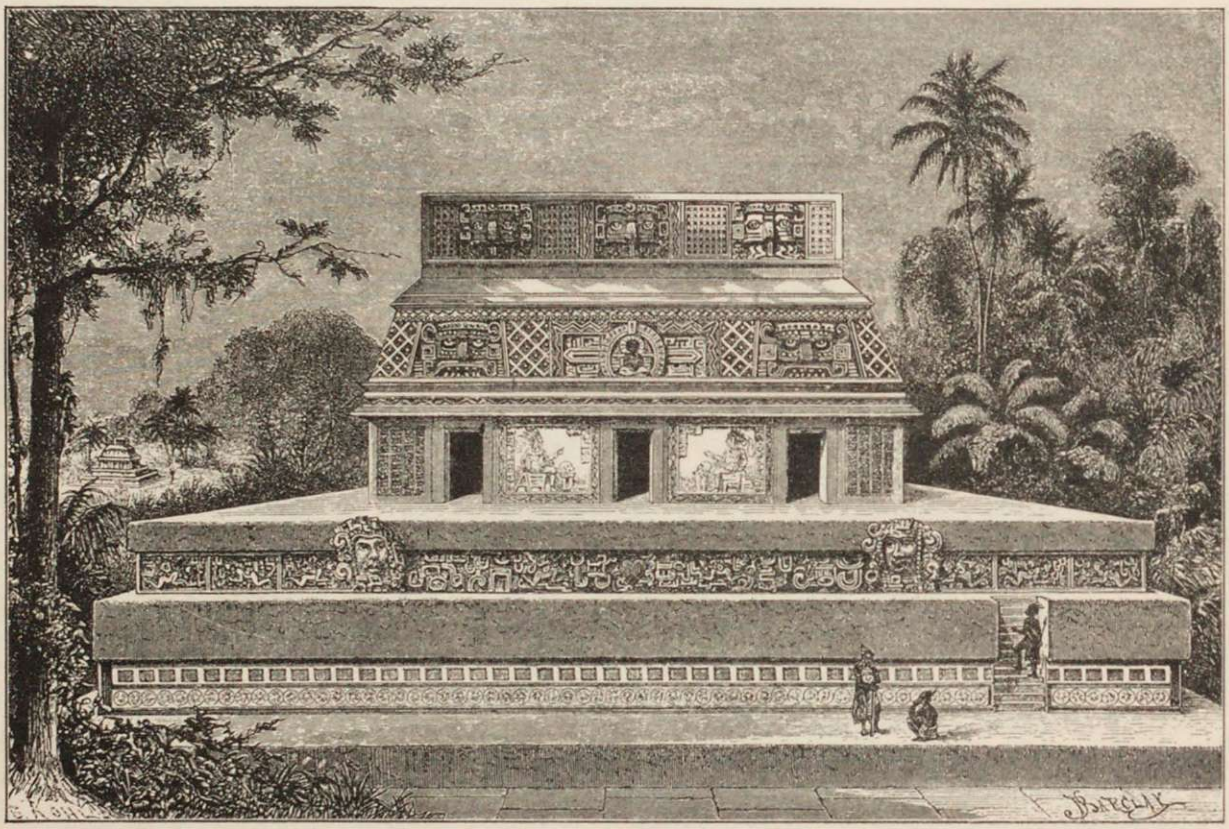
воеваніями, встрѣчаются факты, указывающіе на поразительную грубость и неотесанность нагуасовъ. Эта двойственность могла явиться слѣдствіемъ только одного: нагуасы, сами по себѣ народъ довольно дикій, заимствовали культуру у гораздо болѣе тонко организованнаго народа. Этотъ народъ, мая, еще и теперь населяющій полуостровъ Юкатанъ, занималъ прежде также и часть центральной Америки, между перешейкомъ Тегуантепекъ и озеромъ Никарагва. Ацтеки держались нѣсколько другого взгляда на происхожденіе своей культуры. Въ древнія времена, такъ повѣствуетъ легенда, на мексиканскомъ плоскогорьѣ существовало единое мощное государство, основанное нагуасскимъ племенемъ толтеками. Это государство, достигшее поразительнаго расцвѣта, создало національную мексиканскую культуру; вновь переселявшіяся на Анагуакъ племена, заимствуя ее, усваивали изъ нея только то, что выработали ихъ предки по духу и по крови. Американскіе и европейскіе ученые, стремясь ознакомиться съ особенностями толтекскаго государства, выяснили основныя направленія развитія нагуасскихъ народовъ, тотъ историческій фундаментъ, на которомъ построилось ацтекское государство.

За тысячелѣтній періодъ времени пребыванія на мексиканскомъ плоскогорьи нѣсколько разъ возникали эфемерныя государства, охватывавшія все населеніе плоскогорья. Выдвигалось какое нибудь племя, глава его становился верховнымъ повелителемъ страны, вожди другихъ племенъ становились къ нему въ вассальныя отношенія; но онъ владѣлъ верховной властью только до тѣхъ поръ, пока въ его распоряженіи находилась достаточная военная сила, чтобы сдерживать постоянно стремившихся свергнуть его и занять его мѣсто вассаловъ. Одними изъ первыхъ завоевавшихъ верховенство были толтеки, затѣмъ слѣдовали чичимеки и, наконецъ, ацтеки, но ни одно изъ этихъ племенъ не сумѣло создать единой національной мексиканской культуры. Каково было политическое положеніе мексиканскаго населенія при господствѣ ацтековъ, какъ была организована власть въ ацтекскомъ государствѣ, каково было экономическое положеніе страны, бытъ жителей насколько были развиты въ немъ науки и искусства—вотъ чѣмъ намъ предстоитъ сейчасъ заняться.

Во времена расцвѣта могущества ацтековъ на территоріи Мексики насчитывалось пять государственныхъ организацій, изъ нихъ три крупнѣйшихъ: Тенохтитланъ (такъ называлась столица, а также и все государство ацтековъ), Тецкуко и Тлакопанъ составляли единый союзъ, въ которомъ безусловная гегемонія принадлежала Тенохтитлану. Два другихъ государства: республика Тласкала и монархія Уэшоцинго были независимы, но всѣ ихъ живыя силы поглощались борьбой съ ацтеками.

Во главѣ ацтековъ стоялъ царь, но онъ, фактически, не былъ единственнымъ источникомъ власти въ странѣ: его соперникомъ являлось духовенство. Первоначально ацтеки организовались, подобно прочимъ нагуасскимъ племенамъ, теократически. Жрецы, служители бога Унтцлипохтли, неограниченно властвовали надъ темнымъ народомъ, трепетавшимъ передъ страшнымъ божествомъ и его свирѣпыми служителями, проливавшими на жертвенныхъ алтаряхъ потоки человѣческой крови. Съ ростомъ культуры появляется и завоевываетъ все большую и большую популярность въ народныхъ массахъ движеніе въ пользу свѣтской власти; наконецъ, это направленіе накладываетъ свой отпечатокъ на всю ацтекскую жизнь: появляется выборный кацикъ — свѣтскій король, опирающійся на войско; но жрецы сохраняли еще прежнее значеніе въ жизни страны. Тогда кацикъ, стремясь завоевать господство, создаетъ строй, обезпечивающій ему постоянную военную силу: онъ раздаетъ наиболѣе преданнымъ своимъ сторонникамъ лены, съ обязательствомъ по первому требованію являться на службу съ опредѣленнымъ количествомъ солдатъ. Такимъ образомъ въ Мексикѣ возникаетъ строй, подобный феодальному, естественное развитіе котораго было прервано вторженіемъ испанцевъ. Ацтекскіе цари считали недостаточной основой своей власти одну грубую вооруженную силу.

Вліяніе религіи было въ народѣ еще такъ сильно, что кацикамъ пришлось маскировать чисто свѣтскій характеръ происхожденія своей власти. Они окружали себя жрецами, учавствовали въ религіозныхъ обрядахъ, ссылались на божественное происхожденіе своей династіи. Кромѣ того и санъ свой они окружали соотвѣтственнымъ блескомъ, дѣйствуя на сознаніе подданныхъ, ослѣпляя ихъ безумнымъ богатствомъ, требованіемъ такого же поклоненія себѣ, какъ и богамъ. Въ огромной залѣ, со стѣнами, украшенными золотыми и серебряными пластинками, тонкой живописью, обставленной роскошной рѣзной мебелью изъ кедроваго и кипарисоваго дерева, собирается рано утромъ вся ацтекская знать. Босикомъ, съ преклоненными головами, въ скромныхъ одеждахъ ждутъ они восхода своего солнца, появленія великаго божественнаго царя. Но вотъ открываются



Древне-мексиканскій храмъ.

громадныя двери, и царь показывается передъ падающей ницъ толпой царедворцевъ; одежда его поразительно богата,—расшита золотомъ, украшена драгоцѣнными камнями; на головѣ красуется великолѣпнѣйшій султанъ изъ перьевъ самой разнообразной и яркой окраски. И гдѣ бы не появлялся царь—во дворцѣ, въ храмѣ, на улицѣ, его вездѣ ждетъ тотъ же пріемъ: никто не смѣетъ взглянуть ему прямо въ лицо; подданные должны падать на землю, должны уничижаться передъ его могуществомъ.

Основу хозяйства ацтековъ составляло земледѣліе. По всей странѣ были разбросаны небольшія деревни, состоявшія изъ маленькихъ, построенныхъ изъ высушенной глины домиковъ, населенныхъ земледѣльцами. Много силъ поглощалъ ихъ трудъ, но зато и природа не скупилась здѣсь на свои дары.

Самыя разнообразныя растенія, начиная съ маиса, пшеницы, бобовъ, перца, и кончая ананасами и агавами, изъ которыхъ приготовляется опьяняющій напитокъ пулькве, про-

изростали и произростаютъ на плодородной почвѣ Мексики. Между многочисленными мексиканскими городами—Тенохтитланомъ, Чалько, Тескуко и другими съ давнихъ поръ установились опредѣленныя и прочныя отношенія: деревня отдавала городу сельскохозяйственные продукты въ обмѣнъ на ремесленныя издѣлія. На городскихъ базарахъ, на которыхъ производился этотъ обмѣнъ при посредствѣ денегъ или путемъ непосредственныхъ мѣновыхъ сдѣлокъ, также собирались въ большомъ количествѣ продукты горной промышленности, охотничьяго, рыболовнаго и лѣсного промысловъ. Каждое утро широко раскрывались ворота города, поглощая длинные ряды носильщиковъ, перегруженныхъ хлѣбами, овощами, фруктами, съѣдобными травами. Они направляются по еще пустыннымъ улицамъ къ базару; туда же направляются охотники, промышляющіе въ густыхъ мексиканскихъ лѣсахъ. Они тяжело нагружены шкурами и тушами животныхъ. За ними тянутся дровосѣки, рыболовы, деревенскіе кустари. На базарѣ,—центръ, къ которому все стремится,—цѣлые кварталы заняты рядами лавокъ, торгующихъ предметами, произведенными городскими ремесленниками: въ нихъ можно было встрѣтить самую разнообразную мебель, домашнюю утварь, всевозможное оружіе, начиная съ простого обсидіановаго ножа и кончая роскошнымъ вооруженіемъ воина; бросается въ глаза многочисленность гончарныхъ издѣлій и особенно тканей. Насколько была развита торговля въ древней Мексикѣ, можно заключить хотя бы изъ того, что на базарахъ главныхъ городовъ, напримѣръ Тенохтитлана, собиралось иногда до 3.000 торговцевъ. Торговля велась почти исключительно сухопутная; море не привлекало ацтековъ, но этого отнюдь нельзя сказать вообще про воды; напротивъ, ацтеки любили селиться по берегамъ озеръ, и даже столица ихъ Тенохтитланъ была расположена на островахъ, раздѣленныхъ каналами, соединявшихся съ материкомъ искусственными дамбами. Тысячи разнообразныхъ лодокъ поддерживали сообщеніе съ городомъ, служа для перевозки селькохозяйственныхъ припасовъ, металловъ, дерева.

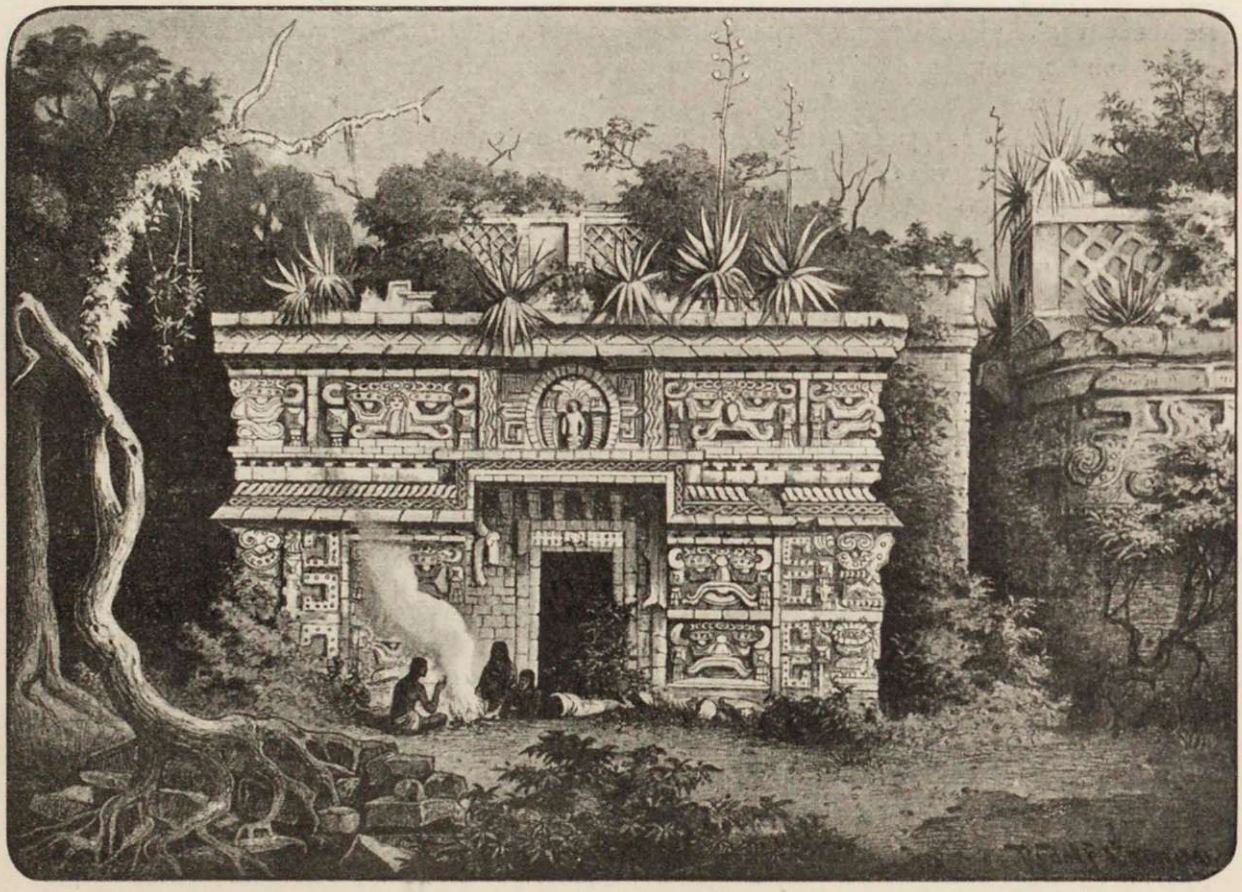
За земледѣліемъ слѣдуетъ по своей важности, какъ, впрочемъ, и теперь, горное дѣло. Давно уже человѣкъ проникъ въ нѣдра мексиканскихъ горъ, сотни тысячъ пудовъ золота и серебра извлечены уже на поверхность земли. Рубины, изумруды и другіе драгоцѣнные камни добывались ацтеками на ряду съ благородными металлами, также въ большомъ количествѣ. Изъ неблагородныхъ металловъ особенное значеніе для ацтековъ имѣли мѣдь и олово, которыя они переплавляли большей частью въ бронзу. Желѣзо ацтекамъ не было извѣстно.

Ни одна отрасль промышленности не достигла въ древней Мексикѣ такого развитія, какъ ткачество. Удивительная тонкость и изящество работы характеризуютъ ацтекскія платья, плащи, покрывала, занавѣсы. Они съ замѣчательнымъ совершенствомъ подражали въ своихъ тканяхъ оперенью птицъ. Рядомъ съ ткачествомъ по искусству выработки можно поставить выдѣлку ацтекскими ремесленниками перьевъ, особенно султановъ для головныхъ уборовъ. Другія отрасли промышленности,—гончарное дѣло, плотничье и столярное ремесла, оружейное дѣло, хотя и достигли высокаго развитія, но никогда не могли соперничать съ ткацкой.

Ознакомившись, въ краткихъ чертахъ, съ экономическимъ положеніемъ страны, заглянемъ въ хижину земледѣльца, въ мастерскую ремесленника, въ домъ богача. Небольшой домикъ, выстроенный изъ глины, привлекаетъ наше вниманіе. Мы входимъ въ дверь, оглядываемся по сторонамъ; на полу лежатъ грубыя цыновки, составляющія вмѣстѣ со столомъ и парой стульевъ все убранство комнаты; въ углу, на особой подставкѣ, стоятъ божки, покровители семьи. Неизбѣжный Уитцлипохтли, съ отвратительной физіономіей, огромными глазами на выкатѣ, съ лукомъ и стрѣлами въ рукахъ составляетъ своеобразное украшеніе этого уголка. Бѣдность обстановки рѣзко бросается въ глаза, сквозитъ изъ каждой щели комнаты. Если бы мы пожелали присутствовать при обѣдѣ земледѣльца въ семейномъ кругу, мы бы окончательно убѣдились, что они паріи государства, что на ихъ

долю падаетъ одинъ тяжелый трудъ, а не плоды его. Жалкая бобовая похлебка, заправленная перцемъ, зачастую составляетъ все дневное пропитаніе семьи. Немногимъ лучше положеніе ремесленниковъ. Они селятся преимущественно въ подвалахъ, поближе къ городскому базару. Если городъ расположенъ на озерѣ, какъ напримѣръ Тенохтитланъ, ремесленнику постоянно грозитъ опасность наводненія. Мутныя, грязныя волны каналовъ, содержащія всякія нечистоты, отбросы большого города, врываются, послѣ сильныхъ ливней, когда каналы выходятъ изъ береговъ, въ подвалы, распространяя страшнѣйшее зловоніе, выгоняя обезумѣвшихъ обитателей на улицу. Гибнетъ вся домашняя утварь, инструменты, уже готовые товары, приготовленное сырье.

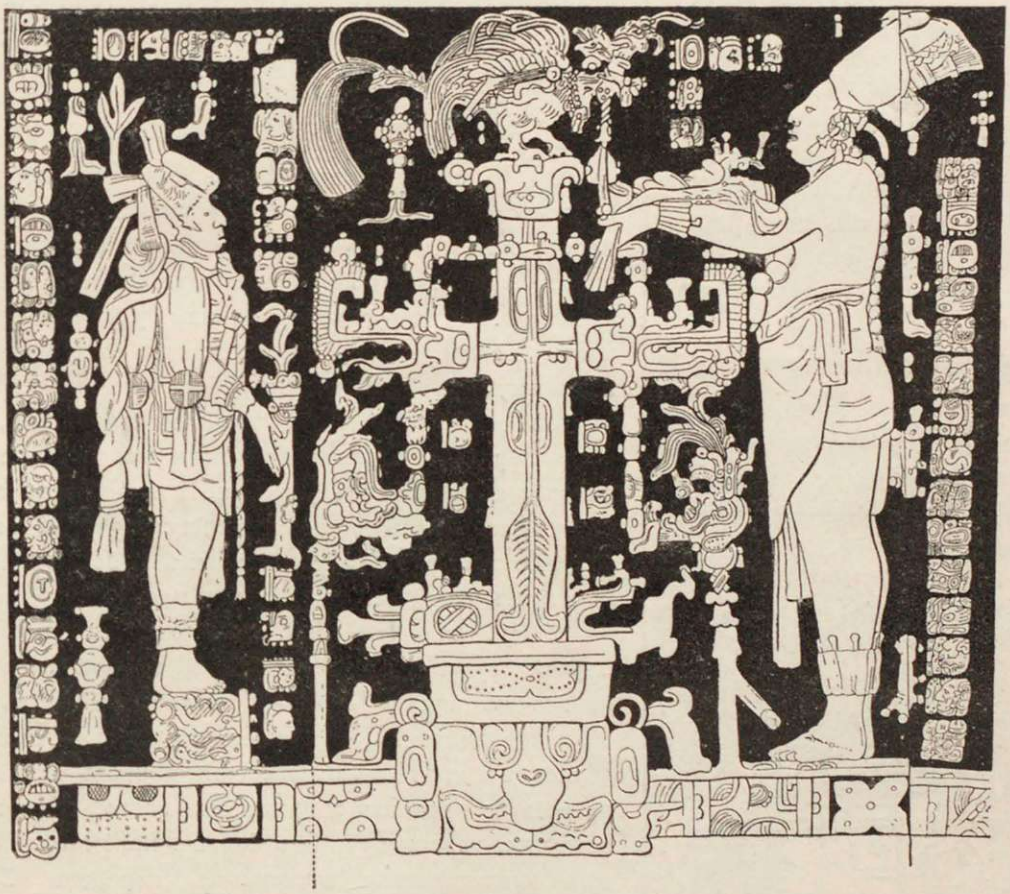
Полный контрастъ образу жизни представителей низшихъ слоевъ населенія состав-



Фасадъ храма въ Чиченъ Ица въ Мексикѣ.

ляетъ образъ жизни и времяпрепровожденіе богачей. Это по большей части, царедворцы и феодалы, владѣльцы земли и крѣпостныхъ. Ихъ дома, одноэтажные изъ опасенія землетрясеній, занимаютъ огромныя пространства, насчитывая десятки комнатъ. Здѣсь, въ роскоши и нѣгѣ, окруженные многочисленной прислугой, проводятъ они свою жизнь, насыщая желудки и предаваясь чувственнымъ наслажденіямъ. Только войны и религіозныя празднества нарушаютъ иногда ихъ покой. Получивъ приказаніе выступить въ походъ, кацикъ (такъ называютъ феодаловъ, маленькихъ военныхъ королей) надѣваетъ свое великолѣпное вооруженіе, плащъ, похожій на опереніе птицы, круглый щитъ съ изображеніемъ солнца; беретъ лукъ и копье изъ красиваго полированнаго дерева. Окруженный свитой выходитъ онъ къ своему отряду; стройными рядами стоятъ солдаты, въ легкихъ одеждахъ, съ лу-

ками и метательными копьями въ рукахъ; за поясомъ заткнутъ обсидіановый ножъ; еще одно страшное оружіе дополняетъ ихъ боевое снаряженіе: длинная палка, усаженная съ двухъ сторонъ острыми обсидіановыми пластинками. Раны, наносимыя этимъ оружіемъ, очень болѣзненны и трудно заживаютъ. Многіе воины имѣютъ, въ довершеніе, пращи; для осады городовъ имѣются, также, и метательныя машины, напоминающія европейское средневѣковье. Между рядами солдатъ шныряютъ жрецы, въ черныхъ одеждахъ, съ кровавыми пятнами, оставшимися послѣ недавняго жертвоприношенія. Они фанатизируютъ солдатъ, обѣщая храбрымъ вѣчное блаженство въ загробной жизни и грозя малодушнымъ вѣчными муками. Раздается команда кацика — вся масса воиновъ трогается съ мѣста и направляется въ невѣдомую даль, слѣпая темная сила, толкаемая впередъ словомъ божественнаго царя

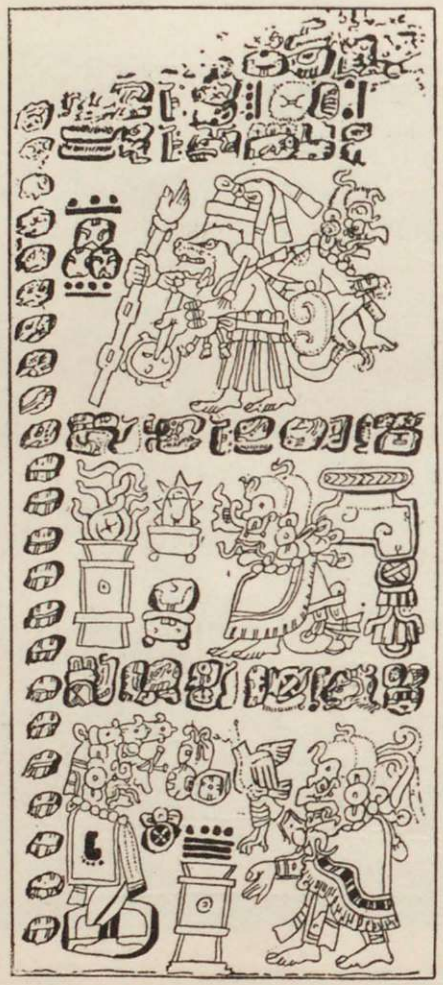


Группа „Креста“ въ храмѣ Паленке.

Вся страна пересѣчена хорошими дорогами, и царскому войску легко передвигаться въ какую угодно сторону; кромѣ того дороги служатъ и для оживленнаго торговаго оборота и для административныхъ цѣлей. На каждой большой дорогѣ, на ровныхъ растояніяхъ другъ отъ друга построены станціи, гдѣ всегда находятся на готовѣ скороходы. Благодаря этому, приказанія царя, посланныя изъ столицы куда нибудь на окраину государства, достигаютъ ея въ четыре раза скорѣе, чѣмъ если бы ихъ несъ, не смѣняясь, одинъ человѣкъ. Населенныя мѣстности, не имѣвшія хорошей прѣсной воды, какъ напримѣръ Тенохтитланъ, получали ее изъ великолѣпныхъ водопроводовъ; громадныя поля были перерѣзаны цѣлой сѣтью оросительныхъ каналовъ; при обработкѣ почвы въ широкихъ размѣрахъ практиковалось искусственное удобреніе. Черезъ бушующія рѣки и глубокія

ущелья были перекинуты мосты; опасныя въ стратегическомъ отношеніи мѣста защищались искусно выстроенными крѣпостями, также, какъ и всѣ города.

Завоеванія ацтековъ въ области техники гораздо значительнѣе ихъ успѣховъ въ области духовной культуры. Одинъ изъ важнѣйшихъ признаковъ культурнаго народа—умѣніе запечатлѣвать свои мысли въ видѣ письма. Въ этомъ отношеніи ацтеки ушли недалеко. Ихъ письмо еще настолько несовершенно, что его даже нельзя назвать іероглифическимъ; это просто попытка передать мысль посредствомъ довольно грубыхъ рисунковъ. Въ этомъ отношеніи ацтекская и вообще письменность народовъ нагуа составляетъ большой контрастъ съ письменностью мая. Мая умѣли выражать знаками не только простыя понятія, но и очень отвлеченныя идеи. Повидимому, у нихъ имѣлись также особые значки для изображенія отдѣльныхъ слоговъ. Ацтекская система счисленія очень стройна, но носитъ на себѣ ясные слѣды вліянія мая. Тоже надо сказать объ астрономическихъ познаніяхъ ацтековъ; вполнѣ ясное представленіе о суточномъ вращеніи небеснаго свода, о годовомъ движеніи солнца, умѣніе составить очень точный календарь—всѣмъ этимъ ацтеки въ значительной степени обязаны народу мая. Ацтекское строительное искусство развивалось также подъ непрерывнымъ вліяніемъ сосѣдней культуры. Пятиярусныя пирамиды, увѣнчанныя храмами, дворцы, украшенные богато и съ художественнымъ вкусомъ золотыми и серебрянными пластинками, тонкой живописью, скульптурными издѣліями, главнымъ образомъ барельефами были разбросаны по территоріи всей древней Мексики. И всетаки, не смотря на все свое великолѣпіе, ацтекскія сооруженія многимъ уступаютъ болѣе художественнымъ и болѣе многочисленнымъ сооруженіямъ народа мая.



Мексиканскіе героглифы.

Мексиканская религія находилась уже не на первой ступени развитія; поэзіи въ ней было мало, но все же жрецы сумѣли придать ей очень своеобразное значеніе. Они ввели множество сложныхъ обрядовъ и кромѣ того набросили покровъ символизма на древнія преданья и приписали своимъ божествамъ свойства, которыя гораздо больше напоминали странныя представленія восточныхъ народовъ Стараго Свѣта, чѣмъ болѣе изящныя преданья греческой миѳологіи, гдѣ никогда не исчезали человѣческія, хотя и сильно искаженныя черты.

Религія ацтековъ поражаетъ прежде всего своей двойственностью: кажется, будто одна часть ея была создана болѣе утонченнымъ, болѣе доступнымъ благороднымъ вліяніямъ народомъ, между тѣмъ какъ другая дышетъ необузданной грубостью. Это приводитъ къ мысли о двухъ источникахъ происхожденія ихъ религіи и заставляетъ думать, что ацтеки получили свои вѣрованія отъ какихъ-то болѣе культурныхъ предшественниковъ и затѣмъ присоединили къ нимъ свои собственныя вѣрованія. Послѣднія вскорѣ сдѣлались господствующими и придали религіямъ завоеванныхъ народовъ, изъ которыхъ мексиканцы, подобно древнимъ римлянамъ, охотно дѣлали заимствованія, мрачную окраску.

Ацтеки вѣровали въ существованіе высшаго творца и властелина вселенной. Они его въ молитвахъ своихъ называли „богомъ, которымъ мы живемъ“, „вездѣсущимъ, знающимъ всѣ помыслы, отъ кого исходятъ всѣ блага“, безъ котораго человѣкъ ничто“, „невидимымъ, безплотнымъ, единымъ богомъ, совершеннѣйшимъ совершенствомъ и чистотой“, „подъ крылами котораго мы находимъ покой и вѣрную защиту“. Всѣ эти эпитеты указываютъ на довольно возвышенное понятіе о богѣ, но понятіе единства, существа, для котораго воля есть дѣло, которое, для выполненія своего намѣренія, не нуждается ни въ какихъ подчиненныхъ ему слугахъ, было слишкомъ просто или слишкомъ возвышенно для умственныхъ способностей ацтековъ, и они, какъ это всегда бываетъ, искали выхода, придумавъ цѣлый рядъ всевозможныхъ божествъ, повелѣвавшихъ стихіями, смѣною временъ года и различными занятіями людей.

У ацтековъ было тринадцать главныхъ божествъ и свыше двухсотъ второстепенныхъ; каждому изъ нихъ былъ посвященъ отдѣльный день въ году или отдѣльное празднество.

Во главѣ боговъ стоялъ ужасный Уицлипохтли, мексиканскій Марсъ, хотя въ сущности несправедливо сравнивать это чудовище съ благороднымъ богомъ войны. Онъ считался патрономъ народа. Его причудливое изображеніе было покрыто драгоцѣнными украшеніями, храмы въ честь его были прекраснѣйшими и величественнѣйшими общественными зданіями, а алтари его постоянно дымились человѣческими жертвами. Вліяніе вѣры въ такое божество, конечно, должно было пагубно отражаться на характерѣ народа.

Гораздо болѣе замѣчательна личность Кветцалкоатля, бога воздуха, который во время своего пребыванія на землѣ научилъ туземцевъ употребленію металловъ, земледѣлію и искусству управленія государствомъ. Это былъ несомнѣнно одинъ изъ благодѣтелей народа, которыхъ потомство изъ благодарности обожествило впослѣдствіи. При немъ земля безъ всякой обработки производила цвѣты и плоды, одинъ колосъ давалъ столько зерна, что человѣкъ едва былъ въ состояніи поднять его, хлопокъ, произрастая, самъ принималъ всевозможныя окраски, воздухъ былъ наполненъ сладкими ароматами и пѣніемъ птицъ. Словомъ, это былъ „золотой вѣкъ“, существующій въ религіозныхъ миѳахъ почти всѣхъ народовъ Стараго Свѣта.

По какой-то неизвѣстной причинѣ Кветцалкоатль навлекъ на себя гнѣвъ одного изъ главныхъ боговъ и былъ вынужденъ покинуть страну. На пути онъ остановился въ городѣ Чолула, гдѣ былъ посвященный ему храмъ. Гигантскія развалины этого храма являются однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ остатковъ мексиканской страны. Достигнувъ Мексиканскаго залива, богъ распрощался со своими спутниками, обѣщалъ въ будущемъ вернуться къ нимъ вмѣстѣ со своимъ потомствомъ, вступилъ на свой чудесный корабль, сдѣланный изъ змѣиной кожи, и отплылъ по Великому морю въ миѳическую страну Тлапаланъ. Онъ былъ высокаго роста, имѣлъ бѣлую кожу, длинные темные волосы и длинную бороду. Мексиканцы съ надеждой ждали обѣщаннаго возвращенія благодѣтельнаго божества, и это ихъ вѣрованіе объясняетъ успѣхи испанцевъ.

Здѣсь неумѣстно вдаваться въ дальнѣйшія подробности, касающіяся мексиканскихъ божествъ. Отличительные признаки каждаго божества были точно опредѣлены, такъ какъ они воплощались въ образѣ пенатовъ или домашнихъ боговъ, небольшія изображенія которыхъ встрѣчались даже въ самыхъ бѣдныхъ хижинахъ.

Ацтеки испытывали свойственное человѣку на всѣхъ ступеняхъ развитія стремленіе приподнять завѣсу, скрывающую таинственное прошедшее и еще болѣе таинственное будущее. Подобно народамъ Стараго Свѣта они старались сдѣлать болѣе доступнымъ для себя понятіе вѣчности тѣмъ, что дѣлили ее на опредѣленные промежутки времени, продолжительностью въ нѣсколько тысячъ лѣтъ. По ихъ мнѣнію существовало четыре такихъ промежутка или періода и въ концѣ каждаго изъ нихъ, подъ вліяніемъ какой

либо изъ стихій человѣческій родъ уничтожался, и солнце на небѣ угасало, чтобы смѣниться новымъ солнцемъ.

Они представляли себѣ въ загробной жизни три различныхъ рода существованія: безбожники, которые составляли большую часть человѣческаго рода, казнились за свои грѣхи въ мѣстѣ, гдѣ царилъ вѣчный мракъ; другая категорія, вся заслуга которой заключалась въ томъ, что представители ея умерли отъ извѣстныхъ болѣзней, пребывала въ состояніи безсмысленнаго довольства. Высшее мѣсто, какъ у большинства воинственныхъ народовъ, занимали герои, погибшіе на войнѣ или принесенные въ жертву богамъ. Они тотчасъ же послѣ смерти представали предъ лицомъ солнца, съ пѣніемъ и плясками сопровождали его въ его пути, а спустя нѣсколько лѣтъ вселялись въ облака и въ пѣвчихъ птицъ съ красивымъ опереньемъ и въ такомъ видѣ населяли наполненные ароматами цвѣтовъ райскіе сады. Такъ представляли себѣ ацтеки загробную жизнь. Надо признать, что представленіе это болѣе утонченное, чѣмъ у европейскихъ язычниковъ, Элизіумъ которыхъ былъ только повтореніемъ военныхъ упражненій или чувственныхъ наслажденій земной жизни. Интересно, что по вѣрованію ацтековъ, въ противоположность представленіямъ всѣхъ другихъ народовъ, безбожники не терпѣли никакихъ физическихъ мученій.

Въ этихъ воззрѣніяхъ слѣдуетъ видѣть проявленіе болѣе высокой культуры, которую ацтеки заимствовали или унаслѣдовали отъ своихъ предшественниковъ въ странѣ.

Вотъ, для примѣра, описаніе нѣкоторыхъ ихъ религіозныхъ обрядовъ. Послѣ смерти человѣка, трупъ одѣвали въ одежду, свойственную его богу-покровителю; затѣмъ трупъ обсыпали бумажными обрѣзками, служившими чудодѣйственнымъ средствомъ противъ опасностей предстоящаго покойнику мрачнаго пути. Если покойникъ былъ богатъ, то при его похоронахъ приносилось въ жертву множество рабовъ. Трупъ сжигали, пепелъ собирали въ сосудъ и ставили въ одной изъ комнатъ его дома.

Любопытны также обряды, сопровождавшіе нареченіе имени новорожденнымъ. Губы и грудь ребенка окропляли водой, и къ „божеству обращались съ мольбой, чтобы оно разрѣшило священной влагѣ омыть грѣхъ, тяготѣвшій надъ ребенкомъ еще до сотворенія міра, такъ, чтобы ребенокъ родился вновь“. Многія изъ ихъ молитвъ напоминали христіанское ученіе о нравственности: „желаешь ли ты, Господи, уничтожить насъ на вѣки? Неужели эта кара постигла насъ не для нашего исправленія, но для нашей гибели?“ „Дай намъ, по великой милости твоей, блага, заслужить которыя мы не удостоились“. „Живи въ мирѣ со всѣми,—говорится въ другой молитвѣ,—и смиренно переноси брань; богъ видящій все, отмститъ за тебя“. Правда эти понятія смѣшаны съ другими чрезвычайно наивными и даже грубыми, изобличающими то смѣшеніе нравственныхъ понятій, какое, вполнѣ естественно, царитъ при самомъ возникновеніи понятія нравственности.

Хотя миѳологія ацтековъ не заключала въ себѣ ни прекрасныхъ плодовъ художественной фантазіи, ни завоеваній человѣческаго ума, все же и въ ней жрецы стремились поразить воображеніе народа чисто внѣшними, но чрезвычайно торжественными, пышными религіозными обрядами. Вліяніе духовенства сильнѣе всего въ тѣхъ случаяхъ, когда оно является носителемъ всѣхъ знаній, особенно же тогда, когда эти знанія заключаются не столько въ знакомствѣ съ явленіями природы, сколько съ причудливыми созданіями народнаго суевѣрія. Къ такимъ знаніямъ или наукамъ относится астрологія или предугадываніе будущаго. Ими жрецы ацтековъ обладали въ совершенствѣ и благодаря этому внушали народу такое чувство суевѣрнаго ужаса, какого народъ не испытывалъ ни въ какой другой странѣ, даже въ Египтѣ.

Духовенство было очень многочисленно. При одномъ только главномъ храмѣ столицы состояло не менѣе 5000 жрецовъ. Чины и обязанности были опредѣлены съ большою точностью. Хорошо знающіе музыку руководили хорами, другіе распредѣляли по ка-

лендарю праздничные дни, иные занимались воспитаніемъ юношества, иные—образнымъ письмомъ, иные, наконецъ, являлись хранителями преданій. Человѣческія жертвоприношенія лежали на обязанности главныхъ жрецовъ. Во главѣ всего духовенства стояли два первосвященника, избиравшіеся царемъ и знатью. При выборѣ ихъ знатность рода не играла, повидимому, никакой роли; главное вниманіе обращалось на способности. Оба первосвященника были равны и подчинялись только царю, который съ своей стороны, безъ ихъ совѣта не затѣвалъ никакихъ важныхъ предпріятій.

Каждый жрецъ служилъ опредѣленному божеству. Жили они въ особо предназначенныхъ для нихъ квартирахъ; имъ было разрѣшено вступать въ бракъ и имѣть семью. Они придерживались строгаго монашескаго режима, три раза днемъ и разъ ночью собирались для богослуженія, совершали частыя омовенія, умерщвляли плоть постомъ и самоистязаніями.

Большіе города были раздѣлены на участки, порученные надзору своего рода приходскаго духовенства, совершавшаго всѣ требы въ предѣлахъ своего участка. Замѣчательно, что они практиковали исповѣдь и отпущеніе грѣховъ. Тайна исповѣди строго соблюдалась, эпитеміи налагались почти такія же, какъ въ католической церкви. Они считали, что повтореніе проступка, за который человѣкъ разъ уже понесъ наказанье, не можетъ быть ничѣмъ заглажено; поэтому исповѣдь откладывалась, пока человѣкъ не достигалъ преклоннаго возраста, и тогда ужъ онъ сразу облегчалъ свою совѣсть. Исповѣдь и отпущеніе грѣховъ освобождало отъ наказанья за проступокъ и потому давало право на освобожденіе отъ тюремнаго заключенія. Еще долго послѣ завоеванія наивные туземцы пытались отдѣлаться отъ законной кары предъявленіемъ свидѣтельства объ исповѣди.

Одну изъ главнѣйшихъ задачъ духовенства составляло воспитаніе. Воспитательныя учрежденія группировались въ извѣстныхъ зданіяхъ, внутри ограды главнаго храма. Мальчики и дѣвочки средняго и высшаго сословій поступали туда въ очень раннемъ возрастѣ. Дѣвочекъ поручали попеченію женщинъ-священнослужительницъ (женщины имѣли право совершать всѣ священные обряды, за исключеніемъ жертвоприношенія). Мальчиковъ воспитывали въ строгомъ монашескомъ режимѣ. Они украшали храмы цвѣтами, поддерживали священный огонь; принимали участіе въ религіозныхъ пѣснопѣніяхъ и празднествахъ. Обучавшіеся въ высшей школѣ знакомились съ миѳологіей, съ образнымъ письмомъ, съ началами политики, съ тѣми отраслями астрономіи и естествознанія, которыя могли понадобиться имъ, какъ жрецамъ. Дѣвочки обучались различнымъ женскимъ занятіямъ, особенно тканью и вышиванію роскошныхъ покрововъ на алтари боговъ.

Когда воспитанники достигали зрѣлаго возраста, ихъ, съ соблюденіемъ разныхъ обрядовъ отпускали изъ монастыря, причемъ настоятель нерѣдко особенно рекомендовалъ того или иного изъ своихъ питомцевъ, какъ пригоднаго для общественной должности. Это было хитростью со стороны духовенства: воспитывая юношество, оно всегда имѣло возможность вліять на мягкіе дѣтскіе характеры, пріучать ихъ къ благоговѣнію передъ религіей и ея служителями, благоговѣнію, которое долго еще сохранялось у суроваго воина, когда всѣ другіе слѣды воспитанія давно уже исчезали подъ вліяніемъ грубаго ремесла.

Всякій изъ главныхъ храмовъ владѣлъ землей для содержанія жрецовъ. Земли эти, благодаря благочестію царей, все увеличивались и при Монтецумѣ достигли огромныхъ размѣровъ. Духовенство само занималось управленіемъ своей собственностью. Со своими служащими оно, подобно всѣмъ монашескимъ общинамъ, обращалось, повидимому, хорошо. Кромѣ того духовенство получало доходы отъ пожертвованія въ его пользу перваго приплода и другихъ вещей. То, что оставалось отъ расхода на содержаніе жрецовъ и храмовъ, распредѣлялось, какъ милостыня, между бѣдными, что предписывалось закономъ.

Храмовъ, такъ называемыхъ теокали или божьихъ домовъ, какъ ихъ называли въ

Мексикѣ, было очень много. Въ каждомъ, болѣе значительномъ городѣ ихъ были сотни, при чемъ, конечно, большинство ихъ представляло собой очень простыя зданія. Строились они изъ земли, облицевывались кирпичемъ или камнями и напоминали остроконечныя постройки древнихъ египтянъ. Основаніе многихъ изъ нихъ превышало 100 футовъ въ сторонѣ, высота же бывала гораздо значительнѣе. Они имѣли четыре или лять этажей, при чемъ каждый слѣдующій былъ меньше предыдущаго. Входъ устраивался обыкновенно на одномъ изъ угловъ и велъ на лѣстницу, съ трехъ сторонъ огибавшую каждый этажъ, съ четвертой же стороны была галлерея, съ которой на томъ же углу, что и внизу, начиналась слѣдующая лѣстница. Такимъ образомъ, для того, чтобы достигнуть вершины, приходилось нѣсколько разъ обходить зданіе кругомъ. На вершинѣ находилась открытая площадка, а на ней двѣ башни въ 40—60 футовъ высотою, святилища, въ которыхъ находились священныя изображенія главнѣйшихъ боговъ. Передъ этими башнями возвышались ужасный жертвенный камень и два алтаря съ неугасимымъ, какъ въ храмѣ Весты, огнемъ. Внутри ограды главнаго храма было, будто бы, около шестисотъ такихъ алтарей, и огонь, горѣвшій на нихъ, всю ночь освѣщалъ городъ.

Благодаря архитектурѣ храмовъ, всѣ религіозныя празднества были публичными. Все населеніе города могло видѣть длинныя торжественныя процессіи жрецовъ, поднимающихся на верхнюю площадку и совершавшихъ тамъ свои печальные обряды. Видъ этотъ наполнялъ сердца зрителей ужасомъ и суевѣрнымъ благоговѣніемъ передъ тайнами ихъ религіи и ея жрецами. Впечатлѣніе это поддерживалось частыми празднествами. Каждый мѣсяцъ былъ посвященъ какому нибудь богу, каждая недѣля, почти каждый день ознаменовывался какимъ нибудь празднествомъ, поэтому трудно даже понять, какъ они совмѣщаля исполненіе религіозныхъ обрядовъ съ обыденнымъ трудомъ. Многіе ихъ обряды были пріятны и красивы и заключались въ пляскахъ и пѣніи. Иногда устраивались торжественныя процессіи женщинъ и дѣтей, украшенныхъ вѣнками изъ цвѣтовъ и приносившихъ жертвы плодами, маисомъ и благовоніями. Тогда на жертвенныхъ камняхъ лилась кровь однихъ только животныхъ. Таковы были мирные обряды, перешедшіе къ ацтекамъ отъ ихъ болѣе мягкихъ предшественниковъ и сосѣдей и къ которымъ они сами присоединили обряды, настолько жестокіе и отвратительные, что о нихъ можно говорить лишь для того, чтобы выяснить мрачное вліяніе, какое они имѣли на характеръ народа.

Человѣческія жертвоприношенія были введены у ацтековъ уже въ 14 вѣкѣ, за 200 л. до завоеванія Мексики испанцами. Сначала они совершались рѣдко, потомъ, по мѣрѣ роста государства, все чаще и чаще, а впослѣдствіи почти каждое празднество заканчивалось этимъ отвратительнымъ и жестокимъ актомъ. Обряды, сопровождавшіе человѣческое жертвоприношеніе обыкновенно отражали собой главныя свойства характера или исторіи божества, которому они предназначались. Для иллюстраціи достаточно привести слѣдующій примѣръ:

Однимъ изъ величайшихъ торжествъ было празднество въ честь бога Тецкатлепока, который былъ подчиненъ только Верховному Существу. Его называли душой міра, считали творцомъ его и изображали въ видѣ прекраснаго, вѣчно молодого мужчины. За годъ до предполагаемаго жертвоприношенія выбирался молодой красивый, физически совершенно здоровый плѣнникъ, долженствовавшій изображать этого бога. Ему давали наставниковъ, учившихъ его съ достоинствомъ играть новую роль: на него надѣвали роскошную одежду и приносили благовоніе и массу прекрасныхъ душистыхъ цвѣтовъ, которые древніе мексиканцы любили не меньше, чѣмъ ихъ современные потомки. Когда плѣнникъ выходилъ, его сопровождалъ цѣлый рядъ царскихъ пажей, а когда останавливался на улицѣ, чтобы пропѣть ту или иную свою любимую пѣсенку, толпа бросалась къ его ногамъ и оказывала ему божескія почести. Четыре красивыя дѣвушки, носившіе имена четырехъ главныхъ богинь, предназначались ему въ жены. Такимъ образомъ онъ весело проводилъ

время и пировалъ вмѣстѣ съ знатнѣйшими вельможами, также оказывавшими ему божескія почести.

Наконецъ наступалъ день жертвоприношенія. Роскошная, пріятная жизнь кончалась. Обреченный прощался со своими прекрасными подругами и снималъ съ себя пышныя одежды. Затѣмъ въ царской лодкѣ его перевозили черезъ озеро въ храмъ. Туда стекалось все населеніе столицы, чтобы присутствовать при обрядѣ. Когда печальное шествіе поднималось по лѣстницѣ храма, обреченный сбрасывалъ съ себя вѣнки изъ цвѣтовъ и разбивалъ глиняныя вещицы, которыми забавлялся во время своего плѣна. На верхней площадкѣ его встрѣчали шесть жрецовъ, длинные волосы которыхъ, заплетенные въ косы, безпорядочно ниспадали на черныя одежды, испещренныя таинственными письменами. Они подводили обреченнаго къ жертвенному камню изъ яшмы, верхняя поверхность котораго была нѣсколько вогнута. Плѣнника клали на этотъ камень; пять жрецовъ держали его руки, ноги и голову, между тѣмъ какъ шестой, одѣтый въ красную одежду, указывавшую на его должность, быстро и ловко разрѣзалъ ему грудь острымъ ножемъ изъ обсидіана и вынималъ оттуда бьющееся еще сердце. Вырвавъ сердце, слуга смерти прежде всего поднималъ его къ солнцу, божеству всего Анагуака, а затѣмъ бросалъ его къ ногамъ божества, которому посвященъ былъ храмъ. Въ это время стоявшая внизу толпа благоговѣйно опускалась на колѣни. Печальную исторію этого плѣнника жрецы истолковывали, какъ прообразъ человѣческой судьбы, которая часто начинается счастливо, а кончается бѣдствіями и огорченіями.

Такъ совершались обыкновенно человѣческія жертвоприношенія у ацтековъ. Въ испанцахъ они возбуждали ужасъ и отвращеніе, тѣмъ болѣе, что плѣнные испанцы нерѣдко являлись жертвами этихъ обрядовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ примѣнялись также очень утонченныя истязанія. Но кончались они всегда описаннымъ выше кровавымъ обрядомъ.

Иногда приносили въ жертву и женщинъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно во время засухъ, богу дождя, ненасытному Тлалоку, приносили въ жертву малолѣтнихъ дѣтей. Даже самыя суровыя сердца разрывались отъ жалости, когда проносили по улицамъ этихъ дѣтей, одѣтыхъ въ роскошныя одежды, осыпанныхъ свѣжими цвѣтами, несмотря на то, что плачъ ихъ заглушался дикимъ пѣніемъ жрецовъ, считавшихъ слезы благопріятнымъ предзнаменованіемъ. Дѣти эти обыкновенно покупались жрецами у бѣдныхъ родителей, хотя, вѣроятно, главную роль играла здѣсь не бѣдность, а суевѣріе.

Остается разсказать еще самое ужасное. Трупъ жертвы отдавался тому воину, который взялъ его въ плѣнъ, и этотъ воинъ устраивалъ для своихъ друзей пиръ, во время котораго угощалъ ихъ мясомъ жертвы. И это было не пиршество голодныхъ людоѣдовъ, но празднество культурныхъ людей, при которомъ подавались прекрасныя вина и искусно приготовленныя мясныя блюда. Врядъ ли когда либо еще величайшая утонченность и ужасная грубость шли такъ близко рука объ руку.

Человѣческія жертвоприношенія были въ ходу у многихъ народовъ, даже у самыхъ цивилизованныхъ народовъ древности, но никогда и нигдѣ не достигали онѣ такихъ размѣровъ, какъ въ Анагуакѣ. Иные авторы полагаютъ, что ежегодно приносилось въ жертву не менѣе 50.000 человѣкъ, и даже самые осторожные насчитываютъ не меньше 10.000.

При особыхъ торжествахъ, при вѣнчаніи царя или при освященіи новаго храма, число жертвъ еще увеличивалось. При освященіи большого храма Уитцлипохтли въ 1486 году плѣнные, которыхъ собирали въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, отовсюду были приведены въ столицу, ихъ ставили рядами, и получилось шествіе почти въ двѣ мили длиною. Празднество продолжалось нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ было принесено въ жертву свыше 70.000 плѣнныхъ. Но возникаетъ вопросъ, какъ могла дать убить себя такая масса народа безъ противодѣйствія, и что можно было сдѣлать съ такимъ множествомъ труповъ?

Однако событіе это относится къ новѣйшему времени и подтверждается наиболѣе авторитетными историками.

Одно можно считать достовѣрнымъ: черепа жертвъ сохранялись въ особыхъ зданіяхъ. Товарищи Кортеса въ одномъ изъ такихъ зданій нашли сто тридцать шесть тысячъ такихъ череповъ. Уже изъ одного этого факта можно сдѣлать заключеніе, что въ Анагуакѣ ежегодно приносились въ жертву тысячи людей.

Въ самомъ дѣлѣ, при своихъ войнахъ ацтеки руководились столько же стремленіемъ набрать возможно больше плѣнныхъ для жертвоприношеній, сколько и стремленіемъ расширить границы своего государства; поэтому враговъ въ сраженіи, если только это бывало возможно, никогда не убивали, а старались брать живьемъ. Благодаря этому испанцы не разъ спасали свою жизнь. Когда Монтецуму спросили, почему онъ согласился оставить независимость сосѣднему государству Тласкала, онъ отвѣтилъ: для того, чтобы получать оттуда жертвы богамъ. Когда плѣнныхъ бывало мало, жрецы громко требовали новыхъ и пугали своихъ властителей угрозой небеснаго гнѣва. Во время сраженія они, подобно воинственнымъ христіанскимъ священникамъ средневѣковья, вмѣшивались въ ряды сражающихся и поражали всѣхъ своей отвратительной внѣшностью и дикой жестокостью.

Разумѣется, вліяніе этихъ обрядовъ на характеръ ацтековъ было пагубнымъ. Привычка къ кровавымъ жертвоприношеніямъ уничтожала чувство человѣчности и пріучала къ такой жестокости, къ какой пріучилъ римлянъ циркъ. Благодаря постояннымъ публичнымъ религіознымъ празднествамъ и богослуженіямъ, религія тѣснѣйшимъ образомъ сплелась со всею жизнью народа, внесла въ нее мрачныя суевѣрія и дала ей суровый, даже мрачный оттѣнокъ, сохранившійся и донынѣ. Понятно, что съ теченіемъ времени духовенство сдѣлалось всемогущимъ. Царь почиталъ за честь для себя участіе въ богослуженіи; онъ не только не вмѣшивался въ религіозныя дѣла, но часто подчинялся совѣтамъ жрецовъ даже въ такихъ дѣлахъ, въ которыхъ они совсѣмъ не были компетентны. Весь народъ отъ царя до послѣдняго нищаго покорно склонялся передъ религіознымъ фанатизмомъ.

Трудно какъ то совмѣстить описанный выше жестокій отвратительный обычай съ культурностью. Да и въ самомъ дѣлѣ, вся культура ацтековъ была создана не ими, а заимствована у толтековъ и у мая [1]).

Въ 1519 году случилось событіе, прервавшее естественное развитіе Мексики и направившее его по совершенно новому пути. Въ этомъ году на пустынномъ побережьи Мексиканскаго залива высадился Фернандо Кортесъ съ 500 испанцевъ, которому суждено было положить навѣки конецъ независимости ацтековъ. Мы не будемъ подробно останавливаться на исторіи завоеванія—она слишкомъ общеизвѣстна. Мы постараемся только выяснить причины, сдѣлавшія 100-тысячную армію ацтековъ безсильной въ борьбѣ съ врагомъ, численно во много разъ слабѣйшимъ. Прежде всего, Кортесъ съ большимъ искусствомъ использовалъ политическое положеніе страны: многія народности, подчинявшіяся ацтекамъ только изъ страха передъ ихъ военнымъ могуществомъ, не особенно были расположены ихъ защищать, а небольшой народецъ ткаскаланцы вступилъ даже въ союзъ съ испанцами и не нарушилъ его вплоть до паденія Тенохтитлана. Такимъ образомъ, не было единой мексиканской національной идеи, которая могла бы сплотить отдѣльныя народности, населявшія Мексику и обезпечить совмѣстную защиту отъ общаго врага. Вторая причина — огнестрѣльное оружіе, имѣвшееся въ распоряженіи испанцевъ, мушкеты, пищали и, главное, пушки. И третья, наконецъ, причина чисто религіознаго характера— Кортесъ былъ принятъ частью мексиканцевъ и даже, одно время, самимъ царемъ ацтековъ Монтецумой за бѣлолицаго, долгобородаго бога Коатцекотля, возвращеніе котораго,

[1]) Прескотъ. Завоеваніе Мексики и Перу.

согласно пророчеству, принесетъ съ собой паденіе царства ацтековъ. Ясно само собой, что при сомнѣніи, имѣютъ ли они дѣло съ богомъ или съ простымъ смертнымъ, религіозные мексиканцы должны были чувствовать нѣкоторую неловкость и не особенно энергично вели борьбу съ завоевателями.

Исторія Мексики послѣ завоеванія сводится къ слѣдующему. Послѣ завоеванія началась необузданная эксплоатація новой колоніи Испаніей; все сильнѣе и сильнѣе растущее недовольство въ массахъ населенія вызвало наконецъ въ 1810 году первое возстаніе подъ предводительствомъ Кастильо, окончившееся неудачей. Затѣмъ произошла попытка Итурбиде, довѣреннаго испанскаго вице-короля, совмѣстно съ вождями революціи захватить высшую власть въ странѣ и объявить себя независимымъ императоромъ Мексики. Послѣ бѣгства Итурбиде произошелъ созывъ національнаго мексиканскаго конгресса, провозгласившаго республику, продолжительныя войны съ метрополіей и, наконецъ, провозглашеніе независимости Мексики и дѣйствительное ея отпаденіе отъ Испаніи. Къ этому моменту территорія Мексики была очень значительна: въ ея составъ входили, между прочимъ, Техасъ и Калифорнія на сѣверѣ, Юкатанъ на югѣ. Дальнѣйшая исторія Мексики перестаетъ быть связанной съ испанской, но зато она тѣснымъ образомъ сплетается съ исторіей Соединенныхъ Штатовъ. Въ 1845 году, въ результатѣ непрерывныхъ гражданскихъ войнъ Мексика теряетъ Техасъ, присоединившійся къ могучему сѣверному сосѣду. Вызванная этимъ война съ Соединенными Штатами привела къ окончательной потерѣ Техаса и всѣхъ сѣверныхъ тихоокеанскихъ провинцій за ничтожное вознагражденіе въ 15 мил. долларовъ, слѣдствіемъ чего явилось совершенное ослабленіе Мексики.

Въ 1863 году въ Мексикѣ палъ пронизанный мексиканскими пулями плѣненный повстанцами императоръ Максимиліанъ, котораго поддерживали французы—кровью его скрѣпили мексиканцы свое національное возрожденіе. Ни войны за независимость отъ метрополіи, ни столкновенія съ Соединенными Штатами не могли сдѣлать столько для мексиканской національной идеи, сколько сдѣлала для ея пробужденія борьба съ французами.

Прошло слишкомъ триста пятьдесятъ лѣтъ со времени вторженія испанцевъ, и Мексика совершенно измѣнила свою физіономію: 12-милліонное ея населеніе представляетъ смѣсь мексиканскихъ индѣйцевъ, испанцевъ и негровъ, населеніе сильно смѣшалось посредствомъ браковъ, и теперь встрѣтить чистаго испанца или индѣйца почти также легко какъ и метиса. Около половины всего населенія, слѣдовательно около 6 милліоновъ, составляютъ индѣйцы, 4 милліона метисовъ и около полутора милліоновъ креоловъ, потомковъ испанцевъ-колонистовъ, съ незначительной примѣсью индѣйской крови; очень небольшой процентъ населенія составляютъ негры. Самой культурной частью мексиканской націи, составляющей духовное ядро, являются креолы. Огромное большинство землевладѣльцевъ и чиновниковъ — креолы; ими заняты всѣ высшія должности въ государствѣ, вплоть до поста президента.

Креолы имѣютъ свѣтлую кожу, указывающую на ихъ европейское происхожденіе, темные глаза и волосы; они энергичны и рѣшительны, умѣренны въ образѣ жизни и не такъ сильно преданы пьянству, какъ туземцы. Главный ихъ недостатокъ это лѣнь и необузданность характера. Креолы легкомысленны, любятъ всевозможныя удовольствія, азартныя игры; каждый креолъ имѣетъ обыкновенно при себѣ или карты или кости и при всякомъ удобномъ случаѣ — въ трактирѣ, гостиницѣ, на базарѣ или просто на улицѣ,— завязывается игра, часто кончающаяся очень печально; иногда дѣло доходитъ и до кровавыхъ столкновеній. Наряду съ креолами метисы и индѣйцы также не прочь поиграть въ карты или въ кости, такъ что склонность къ азартнымъ играмъ можно признать національной чертой мексиканцевъ. Каждый мексиканецъ носитъ за поясомъ ножъ, а иногда и револьверъ—всѣмъ это представляется необходимымъ ввиду страстности характера и по привычкѣ, оставшейся отъ эпохи постоянныхъ революцій и гражданскихъ войнъ.

*

Метисы — помѣсь индѣйцевъ и бѣлыхъ — совмѣщаютъ въ себѣ многія особенности характера и тѣхъ и другихъ. Внѣшній видъ ихъ ясно указываетъ на ихъ происхожденіе отъ смѣшанныхъ браковъ: цвѣтъ кожи красновато-желтый, коренастая фигура съ сильно развитой, чисто индѣйской мускулатурой. Способность къ упорному физическому труду, унаслѣдованная метисами отъ индѣйскихъ предковъ, выгодно отличаетъ ихъ отъ физически слабыхъ креоловъ, которымъ сколько нибудь серьезное и, главное, длительное усиліе причиняетъ тяжелое страданіе. Въ отношеніи интеллигентности и вообще способности къ умственному развитію метисы уступаютъ креоламъ, но превосходятъ индѣйцевъ. Метисъ по натурѣ очень горячъ, часто хватается за кинжалъ по самому пустому поводу.

Индѣйцы потеряли уже свою самостоятельную духовную физіономію и въ культурномъ отношеніи вполнѣ подчинились бѣлымъ. Въ жизни страны они, наряду съ метисами, играютъ роль рабочей силы, являясь предметомъ эксплоатаціи для креоловъ, владѣльцевъ помѣстій, рудниковъ и заводовъ, большая часть которыхъ находится впрочемъ въ рукахъ иностранныхъ компаній и капиталистовъ. Индѣйцы и метисы очень склонны къ употребленію спиртныхъ напитковъ, что, конечно, понижаетъ способность низшихъ классовъ мексиканскаго народа въ борьбѣ за существованіе.

На побережьи Мексиканскаго залива встрѣчаются также негры, которыхъ когда то ввозили въ страну крупные землевладѣльцы для обработки плантацій, но ввозъ негровъ уже давнымъ давно запрещенъ, и негры стали свободными людьми въ Мексикѣ раньше, чѣмъ въ какой бы то ни было другой странѣ Америки.

Экономическое положеніе Мексики было до самаго послѣдняго времени очень незавиднымъ. Если бы путешественникъ, сходящій на берегъ въ Вера-Круцѣ, поинтересовался узнать, кому принадлежитъ пароходъ, на которомъ онъ пріѣхалъ, то навѣрно услыхалъ бы, что всѣ пароходныя линіи, за исключеніемъ самыхъ незначительныхъ, принадлежатъ или англійской акціонерной компаніи или какому нибудь американскому милліонеру. Тотъ же отвѣтъ почти навѣрное повторится и въ вагонѣ желѣзно-дорожнаго поѣзда и въ вагонѣ городского трамвая, въ конторѣ завода или рудника. Словомъ Мексика наводнена иностранными капиталами и является страной, въ промышленномъ отношеніи, завоеванной. Только послѣднія десятилѣтія характеризуются развитіемъ мексиканской національной промышленности, болѣе или менѣе широкимъ проявленіемъ промышленной и коммерческой иниціативы среди самихъ мексиканцевъ.

Основу хозяйства современной Мексики составляетъ, какъ и во времена владычества ацтековъ, земледѣліе. Вся удобная для обработки земля раздѣлена на сравнительно небольшое число крупныхъ помѣстій; особенно это замѣтно въ житницѣ Мексики, tierra templada.

Пройдемся раннимъ утромъ, когда солнце палитъ еще не особенно сильно, по гаціендѣ (такъ называютъ въ Мексикѣ помѣщичьи усадьбы). Прогулку придется впрочемъ сдѣлать не пѣшимъ, а верхомъ, такъ какъ любимѣйшее удовольствіе мексиканцевъ верховая ѣзда — каждый состоятельный мексиканецъ обыкновенно имѣетъ верховую лошадь. При выѣздѣ изъ города, придется потерять порядочно времени, пробираясь черезъ предмѣстья съ ихъ немощенными, изрытыми ямами улицами, тогда какъ самъ городъ почти ничѣмъ не отличается отъ западно-европейскаго. Одно обстоятельство однако рѣзко бросается въ глаза: это рѣшительное преобладаніе одноэтажныхъ зданій, что объясняется конечно, боязнью землетрясеній. За городомъ простираются поля, засаженныя маисомъ, пшеницей, чередующіяся съ плантаціями шоколаднаго дерева и огромными бобовыми огородами. Шоколадъ наряду съ опьяняющей пульке составляетъ любимый напитокъ мексиканцевъ. Часто попадаются на встрѣчу вакеро-пастухи, находящіеся на службѣ у владѣльцевъ. Они, какъ и батраки, обрабатывающіе хозяйскія поля, находятся почти въ положеніи крѣпостныхъ. Несмотря на то, что всѣ мексиканцы считаются по буквѣ закона совер-

шенно свободными, экономическое рабство продолжаетъ еще давить всей своей тяжестью низшіе слои населенія Мексики. Вакеро и батраки, въ случаѣ опасности, обязаны защищать своихъ хозяевъ, и эта повинность оказывается отнюдь не легкой, если вспомнить въ какой атмосферѣ непрерывныхъ гражданскихъ войнъ протекала жизнь мексиканцевъ до самыхъ послѣднихъ лѣтъ. Продолжая свою прогулку, мы скоро увидимъ сверкающія своей бѣлизной стѣны гаціенды, выглядывающія изъ зелени развѣсистыхъ деревьевъ на фонѣ синяго неба. Мы разсчитываемъ, и совершенно основательно, воспользоваться гостепріимствомъ помѣщика стараго закала, и соотвѣтственно съ этимъ рисуемъ себѣ ихъ жилище ввидѣ мирной усадьбы, въ которой жизнь течетъ невозмутимо изо дня въ день. Но подъѣхавъ ближе, мы испытаемъ полное разочарованіе. Внѣшній видъ гаціенды напоминаетъ скорѣе крѣпость, чѣмъ жилой домъ. Окна задѣланы желѣзными рѣшетками и закрываются стальными ставнями. На двойныхъ дверяхъ висятъ тяжелые замки; террасы, окружающія домъ—настоящіе бастіоны; обширныя кладовыя даютъ возможность обезпечить съѣстными и боевыми припасами порядочный гарнизонъ на довольно долгій срокъ. И, дѣйствительно, бывали случаи мѣсячныхъ безуспѣшныхъ осадъ такихъ гаціендъ, защищаемыхъ вакеро и батраками владѣльца. Взглянувъ на гаціенду, мы воочію убѣждаемся, какой сильный отпечатокъ кладетъ тревожная, неустроенная политическая жизнь на все существованіе мексиканцевъ. Къ счастью теперь политическое состояніе страны нѣсколько улучшилось, и жители не чувствуютъ себя вѣчно на военномъ положеніи. Если мы рѣшимся воспользоваться гостепріимствомъ гаціендеро, то встрѣтимъ со стороны хозяевъ самый радушный пріемъ и угощеніе на славу.

Любимѣйшимъ мексиканскимъ зрѣлищемъ и развлеченіемъ является бой пѣтуховъ. Эти бои замѣнили собой національную испанскую потѣху—бои быковъ, которые были запрещены во всей Мексикѣ за исключеніемъ всего только одного города. Два пѣтуха, снабженные стальными шпорами, напускаются другъ на друга; поднимается ужаснѣйшая возня, пѣтушиныя перья летятъ во всѣ стороны, земля окрашивается кровью. Зрители веселятся при этомъ, какъ дѣти, бьются объ закладъ и входятъ при этомъ въ большій азартъ, чѣмъ сами бойцы-пѣтухи. Этимъ увеселеніямъ неизмѣнно сопутствуютъ возліянія изъ спиртныхъ напитковъ, дешевой и скверной водки и пульке. Пульке напоминаетъ широко распространенную въ Ю. Америкѣ кашасу. Приготовленіе его не менѣе отвратительно. Съ бурдюкомъ за спиной добытчикъ пульке отправляется на собираніе сока. Онъ вонзаетъ въ мясистыя листья агавъ трубочку, посредствомъ которой высасываетъ растительный сокъ и выпускаетъ его въ свой бурдюкъ. Благодаря примѣси слюны сокъ бродитъ и превращается въ опьяняющій напитокъ, охотно распиваемый всѣми въ многочисленныхъ пулькеріяхъ, разсѣянныхъ по дорогамъ и улицамъ на подобіе кабаковъ или заведеній съ минеральными водами.

И теперь, какъ триста пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, горное дѣло имѣетъ большое значеніе въ жизни Мексики. Больше всего добывается серебра—въ отношеніи этой отрасли горной промышленности Мексика, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ мірѣ. Добыча серебра все увеличивается и это, какъ ни странно, тяжело отражается на экономическомъ положеніи страны. Дѣло въ томъ, что въ Мексикѣ господствуетъ серебряная монета, и при возрастаніи добычи серебра въ чудовищномъ размѣрѣ, цѣнность серебра сравнительно съ золотомъ сильно падаетъ. Уплата процентовъ по мексиканскимъ государственнымъ займамъ, общая сумма которыхъ, кстати сказать, достигаетъ относительно громадной величины, при паденіи курса мексиканскаго серебрянаго доллара, поглощаетъ, при переводѣ на золото, все большую и большую сумму денегъ. Серебряная монета выгодна только владѣльцамъ серебряныхъ рудниковъ, преимущественно иностранцамъ, и для ихъ выгоды вся страна должна терпѣть огромные убытки и неудобства.

Мексика—федеративная республика. Политическое устройство ея вполнѣ демократическое. Конституція, какъ и слѣдовало ожидать, списана съ конституціи Соединенныхъ Штатовъ и, отчасти, съ испанской конституціи 1812-го года. Несмотря на то что на бумагѣ государственное устройство Мексики представляется хорошимъ, политическая жизнь въ странѣ до самаго послѣдняго времени очень и очень хромала. Это объясняется національной разрозненностью жителей, тяжелыми экономическими условіями существованія и малокультурностью широкихъ народныхъ массъ, дающей возможность авантюристамъ добиваться верховной власти и изъ личныхъ цѣлей, честолюбія или корыстолюбія распоряжаться по своему усмотрѣнію 12-ти милліоннымъ населеніемъ. Хотя во второй половинѣ XIX-го вѣка Мексика сдѣлала большіе успѣхи на пути культуры, но все же она еще не вполнѣ гарантирована отъ возможности наступленія вновь длительаго періода революцій и гражданскихъ войнъ.

Сл—кій.

Индѣйцы Сѣверной Америки.

Разселеніе племенъ.—Физическія особенности.—Война и военные обычаи.—Воспитаніе воина.—Религіозные обряды мандановъ.—Земледѣльцы—обитатели пуеблосъ.—Калифорнійскія племена.—Туземцы сѣверо-западной Америки.

Европейцы-колонисты, начавшіе заселять С. Америку вскорѣ послѣ открытія ея, всюду встрѣчались съ населявшими ее туземцами, которые получили отъ нихъ свое прозвище „краснокожіе“. Краснокожіе или индѣйцы встрѣчались всюду, кромѣ сѣверной каймы материка, гдѣ теперь, какъ и тогда, обитали эскимосы. Но не вездѣ они были разсѣяны одинаково густо. Не разъ уже приходилось указывать на то, что природныя условія Новаго Свѣта способствовали разсѣянію, а не скопленію племенъ въ отдѣльныхъ областяхъ, гдѣ бы они могли достигнуть болѣе высокаго культурнаго состоянія. Громадная равнина между Скалистыми горами и берегомъ Атлантическаго океана не перегорожена никакими естественными преградами, кромѣ невысокой системы Аппалачскихъ горъ, которыя, подобно нашимъ Уральскимъ горамъ, также ничего не раздѣляютъ. Поэтому потомки первобытнаго населенія, откуда бы оно не явилось, свободно могли распространяться во всѣ стороны; изъ тундры переходить въ широкій поясъ лѣсовъ, изъ лѣсовъ переселяться въ безпредѣльную прерію, направляясь все далѣе на югъ, гдѣ преградой для дальнѣйшихъ переселеній являлись воды Мексиканскаго залива и высокія нагорья Центральной Америки. Сама природа приглашала не оставаться долго на мѣстѣ, и туземныя племена вѣчно бродили, перемѣщаясь по обширному пространству С. Америки на подобіе того, какъ движется жидкость въ спокойно стоящемъ сосудѣ, гдѣ никакая внѣшняя сила не взбалтываетъ, не возмущаетъ ея, а частицы двигаются сами подъ вліяніемъ скрытно дѣйствующихъ на нихъ внутреннихъ силъ.

Въ этомъ заключается главная причина, почему туземное населеніе долго задержалось на стадіи бродячихъ охотниковъ и только въ южной половинѣ отчасти переходило къ первобытному земледѣлію, когда вторженіе европейцевъ положило предѣлъ самобытному развитію туземной культуры, такъ же какъ оно предопредѣлило моментъ полнаго исчезновенія краснокожихъ съ лица земли, моментъ, который, становится все ближе и ближе. Время, когда бѣлые поселенцы впервые столкнулись съ краснокожими, относится къ той эпохѣ, когда сами бѣлые далеко не представляли того утонченно-культурнаго состоянія, въ свѣтѣ котораго намъ рисуются теперь обитатели Европы. При всемъ пре-

восходствѣ надъ краснокожими въ области практической жизни бѣлые колонисты духовно отличались отъ нихъ меньше, чѣмъ теперь. Пропасть казалась гораздо менѣе глубокой, такъ какъ по незнанію первобытной культуры дикарей и варваровъ бѣлые объясняли себѣ черты характера и душевныя свойства индѣйцевъ иначе, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. Многое въ этомъ случаѣ идеализировалось, пока не сложился типъ краснокожаго воина, невозмутимаго, гордаго, благороднаго, какимъ рисуетъ его цѣлый рядъ литературныхъ произведеній. О какомъ бы племени ни шла рѣчь, вездѣ характеръ краснокожаго, также какъ его внѣшній видъ, изображался почти однѣми и тѣми же чертами. Если при этомъ наблюдались преувеличенія, ложное пониманіе или идеализація, то во всякомъ случаѣ несомнѣннымъ являлось то, что краснокожіе С. Америки почти вездѣ производили на бѣлыхъ болѣе и менѣе одинаковое впечатлѣніе. Это происходило конечно отъ того, что какъ въ физическомъ строеніи, такъ въ характерѣ и поведеніи туземцевъ наблюдалось очень много общаго. Отъ того и возникло мнѣніе, согласно которому, „кто видѣлъ одного индѣйца, видѣлъ ихъ всѣхъ“.

Воины возлѣ вигвамовъ.

Дѣйствительно, на всей краснокожей расѣ лежитъ печать извѣстнаго единства, и это особенно бросается въ глаза въ С. Америкѣ. Здѣсь условія жизни, т. е. легкость передвиженія съ мѣста на мѣсто приводила физическій и духовный типъ краснокожаго къ единству, въ то время какъ раздробленность на племена и безпрерывныя враждебныя отношенія между ними создавали великое разнообразіе бытовыхъ особенностей. Каждое племя, чтобы сохраниться какъ цѣлое, вырабатывало свои племенныя особенности, напр. въ раскраскѣ и украшеніяхъ тѣла, въ обычаяхъ и нравахъ мира и войны, въ религіозныхъ церемоніяхъ. Но въ то же время, теряя въ столкновеніяхъ съ сосѣдями своихъ членовъ въ видѣ плѣнныхъ, захватывая въ свой чередъ плѣнныхъ и усыновляя ихъ, растворяясь иногда среди племени побѣдителей, туземцы неизбѣжно сильно смѣшивались, физическія и духовныя различія между ними стирались, такъ что принадлежность къ той или иной группѣ, къ тому или иному племени надо было угадывать не по чертамъ лица или строенію тѣла, а по языку, по костюму и раскраскѣ, по „тотему“ и другимъ второстепеннымъ признакамъ. Въ настоящее время, когда многія племена уже вымерли или истреблены, а другія сократились въ своей численности до нѣсколькихъ сотъ и даже десятковъ лицъ, когда старые обычаи и преданія исчезли, единственнымъ руководящимъ признакомъ для

различенія и группировки племенъ является языкъ, на основаніи котораго американскіе изслѣдователи установили группы родственныхъ племенъ, указанныхъ нами въ общемъ очеркѣ туземнаго населенія Новаго Свѣта. Тамъ были перечислены главныя группы по ихъ взаимному родству, причемъ на примѣрѣ апачей было указано, какъ сильно повліяли на раздробленность и раскиданность отдѣльныхъ племенъ общія географическія условія мѣста обитанія.

Но помимо распредѣленія по родству, туземное населеніе С. Америки можно группировать по роду жизни, по способамъ хозяйства, которое также зависѣло отъ характера занимаемой ими территоріи. Въ этомъ случаѣ, направляясь съ юга на сѣверъ, мы наблюдаемъ слѣдующее раздѣленіе: 1. Индѣйцы земледѣльцы, поселенія которыхъ довольно густо покрывали плоскогорья Мексики, берега Ріо-Гранде дель-Норте и протягивались на весь

Вождь, окруженный своими женами.

бассейнъ нижняго и средняго теченія Миссисипи съ Огайо, захватывая также Флориду. 2. Къ сѣверу отъ нихъ область прерій и сухія плоскогорія за грядой Скалистыхъ горъ занимали племена, ставшія при появленіи европейцевъ конными номадами наподобіе племенъ Гранъ-Чако въ Ю. Америкѣ. Охота совмѣщалась у нихъ съ зачаточнымъ земледѣліемъ, развитію котораго мѣшала легкость передвиженія. Эти воинственныя племена играли по отношенію къ жившимъ на югъ отъ нихъ земледѣльцамъ такую же роль, какую у насъ въ древности играли печенѣги, половцы и другіе степные кочевники. Главной опорой ихъ охотничьяго быта являлся бизонъ, истребленіе котораго было равносильно гибели и исчезновенію ихъ самихъ. 3. Широкую область лѣсовъ на сѣверѣ занимали и занимаютъ еще теперь лѣсные индѣйцы, которые по мѣрѣ колонизаціи Канады отодвигаются вглубь лѣсовъ или вымираютъ. Они существуютъ охотой и рыбной ловлей, занятіями, которыми добываютъ себѣ средства къ жизни обитающіе по сосѣдству, но совершенно несходные съ ними эскимосы. 4. Узкую полосу Тихоокеанскаго побережья отъ полуострова Аляски и до

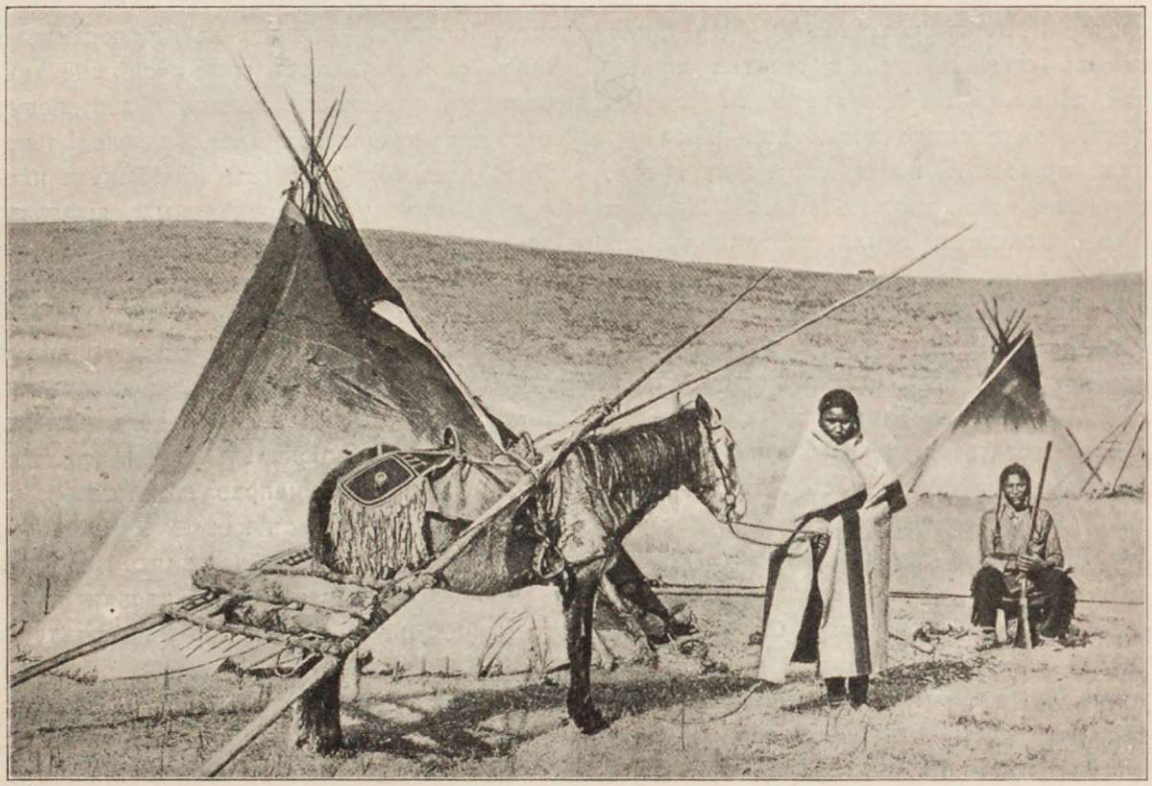
Калифорніи занимаютъ племена, хотя индѣйскія, но въ типѣ, а еще болѣе въ бытѣ которыхъ замѣчается очень много сходнаго съ прежними обитателями Алеутскихъ острововъ и противоположнаго азіатскаго берега, а также немало такого, что напоминаетъ бытъ полинезійцевъ, именно туземцевъ Сандвичевыхъ острововъ. Море и устья рѣкъ, а не лѣса и степи даютъ имъ главную пищу. 5 Наконецъ въ С. Америкѣ, какъ въ Южной и какъ въ Африкѣ, есть сухія безплодныя области, куда были оттѣснены пасынки туземнаго населенія, племена принужденныя вести образъ жизни, почти подобный образу жизни животныхъ. Къ этимъ „бушменамъ“ С. Америки принадлежатъ нѣкоторыя калифорнійскія племена. 6. Послѣднюю группу составляютъ эскимосы Арктической Америки, Лабрадора и Гренландіи.

Нѣкогда индѣйцы занимали почти все пространство С. Америки. Теперь въ такой густо населенной странѣ, какою являются Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, ихъ уже нѣтъ за исключеніемъ нѣсколькихъ клочковъ земли, такъ называемыхъ „индѣйскихъ территорій“ или „резерваціи“, куда правительство штатовъ согнало послѣ долгихъ и упорныхъ стычекъ жалкія остатки племенъ. Здѣсь они доживаютъ свои послѣдніе дни, теряя образъ и подобіе прежнихъ воиновъ, предаваясь праздности, пьянству, постепенно вымирая, за исключеніемъ тѣхъ народностей, которыя издавна занимались земледѣльческимъ трудомъ и жили осѣдло въ пуеблосъ. Такъ какъ большая часть индѣйскихъ племенъ могла существовать лишь охотой, то, по мѣрѣ колонизаціи отдѣльныхъ штатовъ, бѣлые, захватывая земли, лишали туземцевъ охотничьихъ угодій. Набѣги, убійства и экспедиціи, сопровождавшіяся невѣроятными жестокостями съ обѣихъ сторонъ, разрѣшились, наконецъ, тѣмъ, что правительство отвело индѣйцамъ особыя территоріи, насильно переселило ихъ туда и стало выдавать имъ пособіе. Время отъ времени „вожди“ племенъ посѣщаютъ столицу штатовъ Вашингтонъ, отправляясь туда съ цѣлью подачи какихъ нибудь петицій президенту, „великому отцу“, и тогда обитатели города получаютъ возможность наблюдать живописныя фигуры этихъ дикарей въ ихъ національныхъ уборахъ. Для того, чтобы ознакомиться съ остатками быта индѣйцевъ, туристы направляются теперь на дальній юго-западъ, въ резерваціи, которыя сокращаются чуть не съ каждымъ годомъ по мѣрѣ колонизаціи страны бѣлыми и связаннаго съ этимъ роста цѣнъ на землю. Несмотря на защиту законовъ и покровительство центральнаго правительства жалкіе клочки предоставленной дикарямъ почвы быстро уменьшаются, и недалекъ день, когда на территоріи Штатовъ исчезнетъ послѣдній индѣецъ-дикарь.

Въ Канадѣ и дальше на сѣверѣ холодныя и непріютныя страны не привлекаютъ бѣлыхъ, и потому обитающія тамъ племена индѣйцевъ продолжаютъ прозябать почти въ томъ же положеніи, въ какомъ они жили до открытія ихъ страны. Цивилизація наградила ихъ кое-чѣмъ — новыми орудіями и новыми болѣзнями — и они живутъ теперь въ своихъ лѣсахъ, подвергаясь эксплоатаціи торговцевъ мѣхами, наподобіе того, какъ живутъ наши лѣсные инородцы-охотники восточной Сибири—тунгусы, орочоны и другіе.

Обращаясь къ знакомству съ физическимъ типомъ краснокожихъ С. Америки, нельзя не замѣтить, что при первой встрѣчѣ съ ними наблюдателя прежде всего поражаетъ необыкновенное сходство въ лицахъ между обоими полами. Иногда на взглядъ совершенно невозможно различить, кто передъ вами — мужчина или женщина. Это происходитъ отъ того, что какъ мужчины, такъ и женщины носятъ свои длинные волосы распущенными, а мужчины кромѣ того удаляютъ со своихъ лицъ малѣйшіе признаки растительности,— ни бородъ, ни усовъ никто не носитъ. Волосы на головѣ очень характерны: они чернаго цвѣта, очень длинны, прямы и грубы; ни малѣйшаго слѣда волнистости и кудреватости не замѣтно въ нихъ. Что касается цвѣта кожи, то въ этомъ наблюдается больше различія, такъ какъ цвѣтъ ея колеблется между цвѣтомъ бронзы и коричневато-желтыми тонами. Черты лица часто мало отклоняются отъ европейскаго типа, особенно ротъ и носъ,

въ формѣ котораго замѣчаются двѣ преобладающія формы: у однихъ племенъ носъ широкій и съ низкимъ, вдавленнымъ переносьемъ; чаще однако наблюдаются прямые и даже римскіе или орлинные носы, которыя придаютъ физіономіямъ индѣйцевъ своеобразный отпечатокъ. Глаза у нихъ небольшіе, неизмѣнно черные, расположены не косо, какъ у монголъ, и лежатъ въ довольно глубокихъ впадинахъ. Монголовиднымъ является часто общій характеръ физіономіи благодаря тому, что лицо широко, скулы выдаются и сдвинуты вверхъ. Низкій лобъ нерѣдко срѣзанъ съ боковъ и назадъ и отличается довольно сильно развитыми надбровными дугами. Господствующее выраженіе физіономіи краснокожаго—каменная неподвижность, безразличіе, разлитое во всѣхъ чертахъ, и холодный, пристальный, но рѣшительный блескъ въ очахъ. Такое точно впечатлѣніе производитъ пернатый хищникъ, орелъ или ястребъ, когда, насытившись, неподвижно усаживается на вы-



Кочевье въ преріи.

ступъ скалы и кидаетъ отсюда вокругъ прямые, ничего не выражающіе взоры. Носы, изогнутые по орлиному, и пучки торчащихъ изъ прически вверхъ перьевъ или короны ихъ еще усугубляютъ впечатлѣніе, которое производилъ на европейца при первой встрѣчѣ индѣйскій воинъ. Въ характерѣ индѣйцевъ С. Америки всѣ особенности этой расы, съ которыми мы познакомились при описаніи индѣйцевъ Южной и Центральной Америки, развиты долговременнымъ воспитаніемъ до самой высокой степени. Рѣдки бываютъ моменты, когда индѣецъ разнуздываетъ свои страсти, но тогда проявленія ихъ, особенно гнѣва, ненависти и мести, ужасны. Обычно всѣ чувства до того искусно скрыты и подавлены, что на физіономіи индѣйца нельзя ничего прочесть, ничего невозможно угадать изъ его спокойныхъ, размѣренныхъ движеній.

Особенностью лѣсныхъ и луговыхъ индѣйцевъ С. Америки является ихъ походка. Они ставятъ при ходьбѣ и бѣгѣ ступни ногъ носками внутрь, а не наружу, какъ мы, и

стараются распредѣлить тяжесть тѣла на всю площадь стопы, а не на пятку. Этотъ способъ ходьбы чрезвычайно удобенъ въ лѣсахъ и въ степи, гдѣ ноги не задѣваютъ валежника, не путаются въ травѣ и позволяетъ лучше пользоваться своими силами при длинныхъ переходахъ, въ которыхъ индѣйцы необыкновенные мастера.

Кетлинъ разсказываетъ, что испыталъ преимущества этого способа на собственномъ опытѣ. Странствуя однажды вдоль Миссури съ индѣйцами, онъ черезъ нѣсколько дней впалъ въ полное изнеможеніе и буквально падалъ отъ усталости. Когда же одинъ изъ индѣйцевъ во время получасоваго роздыха обучилъ его „индѣйскому шагу“, то уже спустя

Могила вождя.

нѣсколько дней путешественникъ позналъ всѣ преимущества его и пересталъ отставать даже отъ лучшихъ туземныхъ ходоковъ [1]). По слѣду индѣецъ легко отличаетъ бѣлаго отъ туземца, мужчину отъ женщины. Косое положеніе слѣда и нажимъ на пятку означаетъ бѣлаго, носки очень сильно внутрь — женщину, такъ какъ индѣйскія женщины, „скваy“, исполняя роль вьючныхъ животныхъ, усваиваютъ такую походку въ высшей степени оттого, что ходятъ обыкновенно, сильно обремененныя ношей.

Заботясь о сокрытіи слѣдовъ, индѣйцы выработали свой „индѣйскій“, „гусиный“ строй, представляющій вереницу, при которой всякій идущій позади осторожно ступаетъ

1) Friederic, Der Gang des Indianers, цитировано изъ Catlin: Smiths. Edit, p. 421.

въ слѣды впереди идущаго, при чемъ всю колонну замыкаетъ воинъ съ самыми большими ногами. При такомъ способѣ передвиженія однажды отрядъ изъ 1.000 ирокезовъ и оджибеевъ оставилъ одинъ единственный слѣдъ. Въ ходьбѣ и бѣгѣ индѣйцы необыкновенно выносливы, превосходя въ этомъ положительно всѣхъ. Привычка гонять крупную дичь и добывать ее послѣ того, какъ животное совершенно измучено продолжительной погоней, выработала среди индѣйцевъ прямо сказочныхъ бѣгуновъ и ходоковъ. Отъ нихъ не ускачетъ и конный. Однажды чоктавы пустились преслѣдовать одного французскаго торговца. Онъ скакалъ на сильной, свѣжей лошади испанской крови, съ длиннымъ дыханіемъ, скакалъ по удобной мѣстности и понималъ, что въ бѣгствѣ его единственное спасеніе. И тѣмъ не менѣе на 24-омъ километрѣ передовой чоктавъ догналъ его, убилъ и скальпировалъ. Одинъ индѣецъ изъ племени Мохавъ въ Аризонѣ пробѣжалъ съ депешей отъ восхода до захода солнца 145 к. по бездорожной мѣстности! [1])

Когда въ руки степныхъ индѣйцевъ попали лошади, краснокожіе въ самое короткое время сдѣлались превосходными наѣздниками. Всѣ физическія качества, необходимыя для охоты и войны, являлись предметомъ особеннаго вниманія индѣйскаго „воспитанія“; еще большее значеніе имѣла выработка духовныхъ свойствъ, закаливаніе характера, безъ которыхъ тѣлесная сила, ловкость и выносливость теряютъ половину своего значенія. Идеалъ воина совмѣщалъ въ себѣ черты хищника, фанатика и героя въ самомъ пестромъ смѣшеніи: напасть врасплохъ, безпощадно избить беззащитныхъ женщинъ и дѣтей, снять съ нихъ скальпъ не представляло ничего позорнаго, такъ же, какъ самое жестокое и варварское удовлетвореніе долго затаеннаго чувства мести. Наряду съ этимъ полное презрѣніе къ опасности и смерти, всегдашняя готовность кончить жизнь въ обстановкѣ жесточайшихъ мученій, способность хладнокровно, почти весело испустить духъ въ рукахъ враговъ и оставить по себѣ память воина съ незапятнанной „честью“—вотъ къ чему стремился каждый индѣецъ той эпохи, когда война на всѣ стороны и необходимость добывать средства къ существованію племени среди дикой природной обстановки составляли удѣлъ лѣсныхъ и степныхъ туземцевъ С. Америки.

Весь строй жизни индѣйцевъ лѣсовъ и прерій былъ приноровленъ къ тому, чтобы выработать изъ каждаго члена племени воина и охотника. Неудивительно, если религіозныя вѣрованія и связанные съ ними обряды и празднества носятъ на себѣ подобный отпечатокъ.

Война представляла у всѣхъ индѣйскихъ племенъ самое важное дѣло. Объявить войну былъ вправѣ каждый членъ племени. Это называлось „поднять топоръ“. Если дѣло доходило до формальной войны между двумя или болѣе племенами, то употреблялось выраженіе „повѣсить котелъ“. Когда желаютъ объяснить, что война будетъ кровопролитна и безпощадна, то говорятъ: „мы хотимъ пожрать цѣлое племя“. Чтобы пригласить союзниковъ принять участіе въ войнѣ, имъ посылали большую чашку изъ раковины. Это должно было означать, что ихъ зовутъ пить кровь, т. е. „сокъ изъ мяса врага“. Иногда также употребляли для этой цѣли калюметъ (трубка для куренья), и въ такомъ случаѣ ее украшали красными перьями.

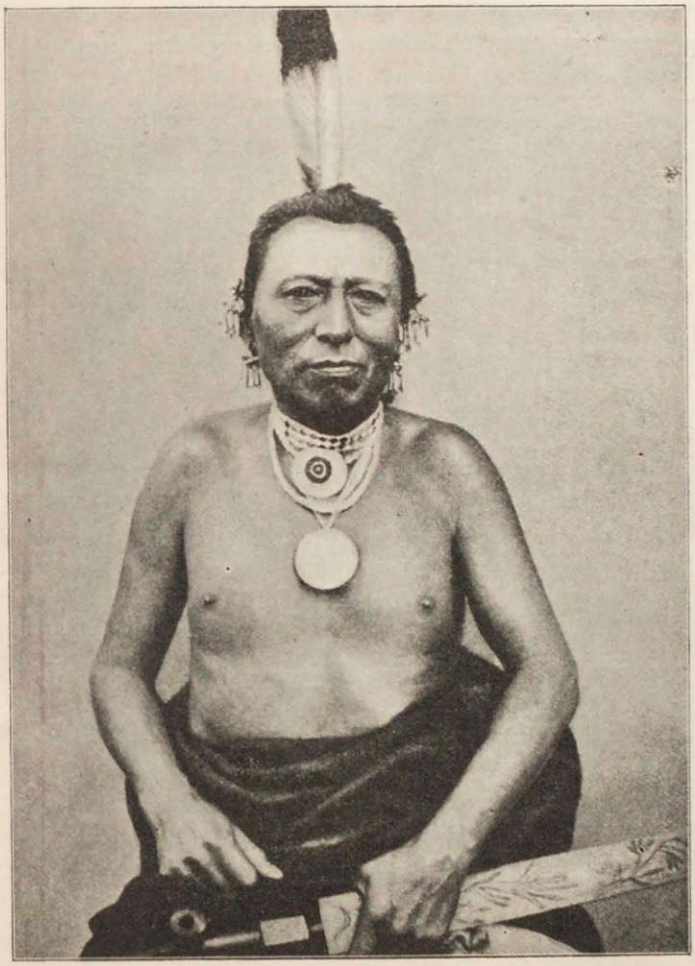
Союзники рѣдко отказывались принять участіе въ войнѣ. Наоборотъ, они искали малѣйшаго повода, чтобы впутаться въ войну безъ всякаго приглашенія. Самой обычной причиной для войны являлась месть; при этомъ, конечно, припоминали самыя давнія обиды отдѣльныхъ членовъ племени. Поэтому миръ между племенами, враждовавшими хотя бы и въ самые отдаленныя времена, никогда не бывалъ проченъ. Желаніе пограбить, почтить тѣни умершихъ или какая нибудь еще менѣе важная причина заставляла цѣлыя племена начинать войну, о которой они наканунѣ еще и не думали. Небольшіе походы нерѣдко

---

[1]) Hoffman, The Menomini Indians, I, 246.

предпринимались вовсе безъ одобренія совѣта, и племя безъ важныхъ поводовъ никогда не препятствовало молодежи предпринимать набѣги. Вообще въ этомъ случаѣ насиліе надъ чьей либо волей совершенно не имѣетъ мѣста, и каждый является господиномъ своихъ поступковъ.

Война, предпринимаемая цѣлымъ племенемъ, начинается не такъ легко, потому что предварительно всегда самымъ тщательнымъ образомъ обсуждались всѣ благопріятныя и неблагопріятныя условія, возможный исходъ, и т. д. При этомъ тщательно старались



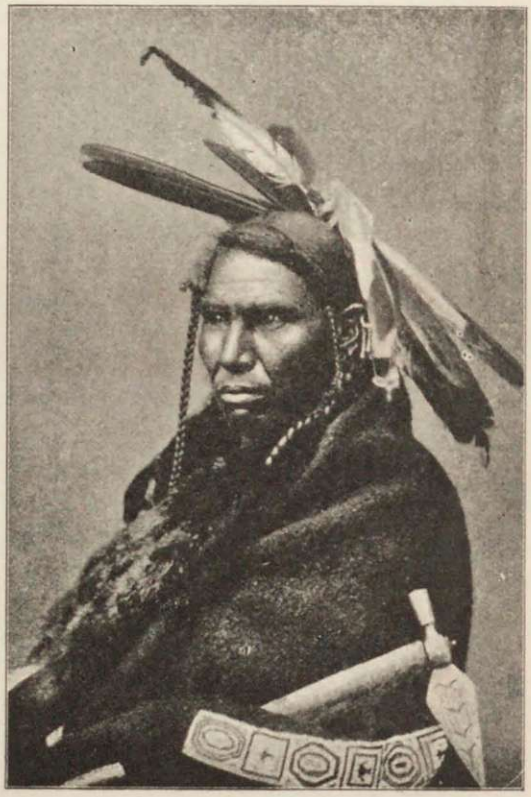
Одинъ изъ вождей.

Головной уборъ изъ перьевъ.

усыпить бдительность врага. Какъ только война рѣшена, тотчасъ же начинается дѣятельное заготовленіе оружія и провіанта. Это, впрочемъ, занимаетъ немного времени, гораздо больше времени отнимаютъ всевозможные религіозные обряды. Избранный вождь, прежде чѣмъ устроить свое войско, подвергаетъ себя продолжительному посту. Въ это время онъ красится въ черную краску и ни съ кѣмъ не имѣетъ сношеній. Все его занятіе заключается въ это время въ постоянномъ призываніи духа-покровителя, въ старательномъ истолковываніи сновъ и въ наблюденіи за ними, ибо среди дикарей твердо коренится мнѣніе, что побѣда обезпечена въ томъ случаѣ, когда видятъ во снѣ то, что сами пожелаютъ.

Окончивъ постъ, вождь наконецъ собираетъ воиновъ и, держа въ рукахъ ожерелье обращается къ нимъ съ рѣчью приблизительно такого содержанія: „Братья мои, великій духъ украсилъ и воодушевилъ меня; не застыла еще кровь, и не погребены еще останки убитаго воина, и я хочу исполнить свой долгъ". Затѣмъ онъ излагаетъ имъ подробно причины, заставляющія взяться за оружіе, а также свои планы и заканчиваетъ рѣчь заявленіемъ, что если придется ему или кому либо изъ воиновъ погибнуть, то ожерелье, которое онъ держитъ, не дастъ ихъ трупамъ валяться въ грязи и пыли. По окончаніи рѣчи онъ кладетъ ожерелье на землю, и поднявшій его становится благодаря этому самому обстоятельству его главнымъ помощникомъ. Онъ благодаритъ вождя за быстроту, съ какой онъ спѣшитъ отомстить за обиды и оскорбленную честь племени. Послѣ этого съ вождя смываютъ его черную окраску, затѣмъ одни принимаются расчесывать и уби-

Вождь племени чипева.



Вождь Ма-чи-га-боу.

рать его волосы, другіе раскрашивать его лицо въ боевыя краски, третьи, наконецъ, одѣваютъ его въ лучшее платье. Въ это время онъ поетъ заунывнымъ голосомъ свою пѣснь смерти. Поютъ также свои военныя пѣсни и воины, которые хотятъ слѣдовать за нимъ.

По выполненіи этихъ обрядовъ вождь сообщаетъ о своемъ намѣреніи совѣту, и если получитъ одобреніе послѣдняго, то устраиваетъ пиршество, на которомъ самымъ любимымъ и едва ли не единственнымъ кушаньемъ является собачье мясо. Всѣ, изъявившіе согласіе участвовать въ походѣ, вручаютъ вождю кусочки дерева со своимъ знакомъ. Отказаться послѣ этого считается несмываемымъ позоромъ.

Когда войско соберется, вождь опять произноситъ рѣчь о томъ, что павшіе братья взываютъ о мести, и потому молодежь племени должна воодушевиться и огласить окрестные лѣса боевою пѣснью. Рѣчь обыкновенно вызываетъ шумное одобреніе, и затѣмъ вождь,

потрясая томагаукомъ, съ пѣньемъ выходитъ на середину, всѣ воины отвѣчаютъ ему пѣньемъ и клянутся побѣдить или умереть, сопровождая крики выразительными жестами. За пѣніемъ слѣдуютъ пляски, представляющія иногда лишь медленный, внушительный маршъ. Чаще пляски изображаютъ различныя событія изъ прежнихъ набѣговъ и заканчиваются пиршествомъ. Вождь присутствуетъ лишь въ качествѣ зрителя съ трубкой въ зубахъ. Вообще у индѣйцевъ устроители пира никогда не принимаютъ участія въ немъ сами. Остальное время посвящалось обрядамъ, различнымъ у каждаго племени. Такъ, напр., у ирокезовъ старые воины подвергали молодежь, не встрѣчавшуюся еще съ врагомъ, самымъ тяжелымъ испытаніямъ. Имъ сыплютъ на голову горячую золу, бьютъ, осыпаютъ бранью и упреками. Воинъ сноситъ все безропотно, ибо малѣйшій знакъ нетерпѣнія можетъ привести къ тому, что виновнаго объявятъ недостойнымъ носить оружіе. Такъ какъ надежда избѣжать смерти и вылѣчиться отъ ранъ обыкновенно сильно поднимаетъ духъ воиновъ, то колдуны племени изобрѣтаютъ для этой цѣли различныя средства и снадобья.

Типъ индѣйца съ монголовидными чертами физіономіи.

Съ момента объявленія войны и до дня выступленія воины проводятъ ночи въ пѣньи, а днемъ занимаются приготовленіями. Если набѣгъ предстоитъ совершить по водѣ, то строятъ новыя лодки и исправляютъ старыя; для зимняго похода запасаютъ сани и лыжи. Когда, наконецъ, наступаетъ день выступленья, то происходитъ самое нѣжное прощанье. Каждый остающійся старается получить отъ воина хоть что нибудь на память. Если воинъ заходитъ въ вигвамъ, то отъ него берутъ его одежду, въ обмѣнъ на такую же или еще лучшую. Затѣмъ всѣ воины собираются къ вождю, который уже ждетъ ихъ въ полномъ вооруженіи и тотчасъ же покидаетъ свою хижину съ пѣніемъ военной пѣсни. Воины слѣдуютъ за нимъ гуськомъ въ глубочайшемъ молчаньи. Оставшіяся дома женщины снабжаютъ воиновъ всевозможными припасами на все время похода.

Чтобы не растериваться и опознавать другъ друга, индѣйцы имѣютъ особые значки, обыкновенно, куски коры круглой формы съ изображеніемъ герба или тотема племени, носимые на древкѣ. Если отрядъ многочисленъ, то каждый родъ имѣетъ свой знакъ. Оружіе также украшается разнообразнѣйшими фигурами, а иногда снабжается особымъ знакомъ вождя; кромѣ того каждый разрисовываетъ себѣ лицо различными красками. Съ еще большимъ вниманіемъ, чѣмъ къ оружію, они относятся къ символическимъ знакамъ, изображающимъ духа-хранителя каждаго. Знаки эти хранятся всѣ вмѣстѣ въ плетеномъ

мѣшечкѣ, раскрашенномъ разноцвѣтными красками. Отвѣтственный хранитель этого мѣшка пользуется всеобщимъ почетомъ.

Если набѣгъ совершается на лодкахъ, то отъѣхавъ немного отъ берега, лодки выстраиваются въ рядъ, и вождь затягиваетъ пѣсню, на которую воины отвѣчаютъ троекратнымъ возгласомъ „хе". Собравшіеся на берегу старики племени и члены совѣта даютъ послѣдніе указанія и совѣты, воины же заклинаютъ остающихся не забывать ихъ. Наконецъ они поднимаютъ невѣроятный вой и быстро трогаются въ путь.

Дневные переходы, обыкновенно, очень коротки, такъ какъ они тащатъ съ собой много разныхъ вещей, кромѣ того занимаются постоянно различными гаданьями. Занятіе это возложено на колдуновъ племени, отъ которыхъ зависитъ ускорить или замедлить движеніе. Всякія предосторожности начинаютъ соблюдаться, лишь когда очутятся на вражеской территоріи. У всѣхъ племенъ было въ обычаѣ огораживать при устройствѣ стоянки особое мѣсто частоколомъ и помѣщать тамъ значки. Имъ молятся вечеромъ и утромъ передъ выступленіемъ въ походъ.

Приблизившись къ вражескимъ границамъ, отрядъ дѣлаетъ остановку и устраиваетъ пиршество, послѣ котораго ложатся спать. Утромъ всякій, кто помнитъ, что ему приснилось, разсказываетъ свой сонъ въ загадочныхъ выраженіяхъ, переходя отъ костра къ костру. Каждый старается отгадать его, и если это никому не удается, то сновидцу разрѣшаютъ вернуться домой. Послѣ этого снова взываютъ къ духамъ и затѣмъ трогаются, наконецъ, въ путь. Съ этого момента запрещалось разводить костры, кричать, охотиться. Даже объясняться другъ съ другомъ можно было лишь знаками. Впрочемъ, всѣ эти правила соблюдались не особенно тщательно.

Когда выяснится, что врагъ близко, устраивается военный совѣтъ. Нападеніе индѣйцы производили обыкновенно на разсвѣтѣ, когда всѣ покоятся крѣпкимъ сномъ. Всю ночь передъ нападеніемъ воины лежатъ, притаившись въ засадѣ, не мѣняя позы. Къ моменту нападенія всѣ подползаютъ къ вражеской стоянкѣ возможно ближе и поднимаются на ноги. Вождь даетъ сигналъ, на который воины отвѣчаютъ ужаснымъ воемъ и, чтобы не дать врагу опомниться, тотчасъ кидаются на него съ томагауками въ рукахъ.

Послѣ боя воины приступаютъ къ сдиранію съ убитыхъ и раненыхъ скальповъ. Плѣнныхъ берутъ лишь въ томъ случаѣ, если врагъ обращенъ въ бѣгство. Если же онъ отступаетъ, чтобы собраться съ силами или занять удобную позицію, то на него кидаются съ новымъ ожесточеніемъ, и этотъ вторичный бой бываетъ обыкновенно еще кровопролитнѣе перваго, потому что побѣжденные не ожидаютъ пощады и защищаются до послѣдней крайности. Величайшая гордость и слава вождя заключалась въ томъ, чтобы привести назадъ своихъ воиновъ безъ урона и серьезныхъ увѣчій.

Насколько индѣйцы беззаботны по отношенію къ себѣ самимъ, настолько же они внимательны и осмотрительны при выслѣживаніи врага. Они легко могутъ опредѣлить, прошелъ ли кто либо въ данномъ мѣстѣ по ускользающимъ отъ неопытнаго глаза слѣдамъ, оставленнымъ на травѣ, на твердой землѣ и даже на камнѣ; по чуть замѣтнымъ отпечаткамъ они различаютъ слѣдъ мужчины и женщины и опредѣляютъ, какого племени индѣецъ прошелъ здѣсь.

Если въ числѣ плѣнныхъ окажутся раненые, неспособные перенести трудности обратнаго пути, ихъ немедленно сжигаютъ, но дѣлаютъ это неохотно, такъ какъ плѣнные обречены на продолжительныя и утонченныя пытки. Пока существуетъ опасность преслѣдованія, обратный походъ совершается съ возможной быстротой; чтобы раненые не задерживали, ихъ лѣтомъ несутъ на носилкахъ, а зимой везутъ въ саняхъ. Если возвращаются въ лодкахъ, то побѣдители заставляютъ плѣнныхъ пѣть каждый разъ при встрѣчѣ съ союзниками или единоплеменниками. Днемъ плѣнныхъ привязываютъ къ сидѣньямъ лодокъ за шею и руки, а если возвращаются пѣшкомъ, то связываютъ ихъ

гуськомъ и ведутъ подъ строгимъ присмотромъ. На ночь ихъ привязываютъ какъ можно крѣпче за руки и ноги къ колу, шею также крѣпко затягиваютъ веревкой, чтобъ они не могли ни кричать, ни шевелиться. Другая веревка, также привязанная къ ихъ рукамъ и ногамъ, протягивается къ сторожамъ, которые такимъ образомъ замѣчаютъ каждое движеніе плѣнниковъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ своей деревни отрядъ останавливается, и вождь посылаетъ кого либо оповѣстить о своемъ возвращеніи. Приблизившись на разстояніе человѣческаго голоса, посланный поднимаетъ отчаянный крикъ долженствующій, извѣстить всѣхъ объ удачномъ исходѣ предпріятія. Чтобы показатъ число павшихъ, онъ издаетъ соотвѣтствующее число „криковъ смерти“.

Все населеніе деревни выступаетъ навстрѣчу возвращающимся, и съ этого момента обыкновенно начинаются мученія плѣнныхъ. Нѣкоторыхъ плѣнныхъ принимаютъ въ семьи, и тогда будущіе родственники освобождаютъ ихъ отъ мученій, всѣ же обреченные на смерть предоставляются въ распоряженіе женщинъ. Каждая женщина, въ семьѣ которой, хотя бы и въ незапамятныя времена, былъ кто нибудь убитъ на войнѣ, превращается въ настоящую фурію и, какъ дикое животное, набрасывается на перваго подвернувшагося несчастнаго. При этомъ, однако, онѣ стараются не наносить смертельныхъ ударовъ, чтобы не прекратить страданій плѣнниковъ слишкомъ скоро. Истязанія продолжается обыкновенно въ теченіе всей ночи.

Индѣйскій „профиль“.

Слѣдующій день посвящается чествованію побѣдителей. У нѣкоторыхъ племенъ, напр., у ирокезовъ, побѣдители вели себя очень скромно, вождь обыкновенно сидитъ въ своей хижинѣ и не принимаетъ никакого участія въ раздѣлѣ плѣнныхъ. У другихъ же племенъ побѣдители, наоборотъ, устраивали торжественное шествіе съ вождемъ во главѣ. Воины слѣдуютъ за нимъ, построившись въ два ряда. Между этими рядами шествуютъ плѣнные, съ вѣнками на головахъ, съ раскрашенными лицами и волосами. Они не обнаруживаютъ ни страха, ни горя и непрерывно поютъ свою „пѣснь смерти“, которая звучитъ гордо и величественно, прославляя обреченныхъ на муки и смерть и поддерживая ихъ мужество.

Шествіе время отъ времени останавливается, и начинаются пляски, въ которыхъ принимаютъ участіе не только побѣдители, но и плѣнные, которые соглашаются на это съ видимой охотой. При этомъ они запѣваютъ пѣсню, въ которой повѣствуютъ о своихъ важнѣйшихъ подвигахъ, о числѣ убитыхъ враговъ, изо всѣхъ силъ стараясь при этомъ задѣть самолюбіе присутствующихъ. Видимо они ведутъ себя довольно непринужденно, но это не болѣе, какъ мужество отчаянія, которое дорого стоитъ имъ, такъ какъ въ концѣ концовъ побѣдители приходятъ отъ этого въ совершенное бѣшенство. Иногда построившіеся въ два ряда побѣдители вооружаются палками и камнями и заставляютъ плѣнниковъ проходить сквозь строй, нанося имъ удары по чемъ попало, стараясь однако не забить ихъ до смерти. Плѣнники принимаютъ при этомъ такое выраженіе лица, будто всѣ эти мученія доставляютъ имъ величайшее наслажденье. Тѣхъ, кто наноситъ удары черезчуръ звѣрски, удерживаютъ. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что сами воины, участники побѣдоноснаго похода, ни во время шествія, ни придя домой, не принимаютъ участія въ истязаніяхъ, и вообще плѣнника, принадлежащаго какому либо воину, можно мучить и калѣчить только съ разрѣшенія этого послѣдняго. Плѣннымъ, кромѣ того, предоставлено право защищаться, но воспользоваться этимъ правомъ они обыкновенно бываютъ не въ силахъ.

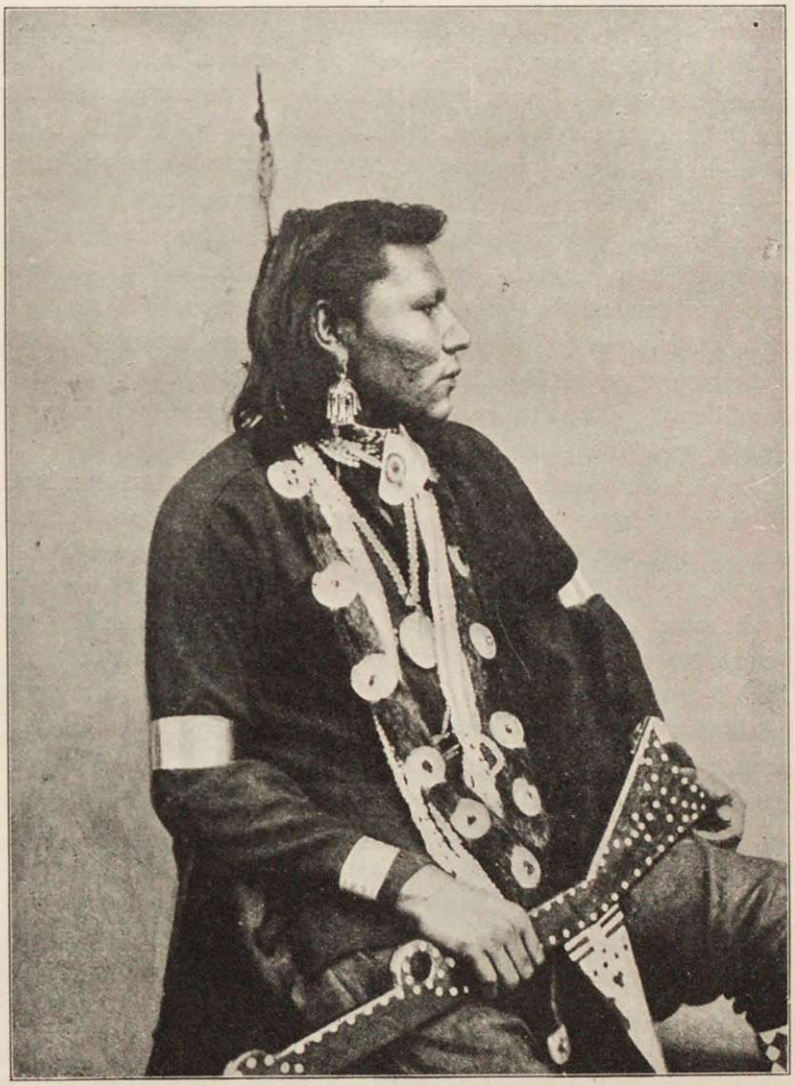
По прибытіи на мѣсто начинаются болѣе утонченныя мученія. Плѣнниковъ водятъ отъ хижины къ хижинѣ, при чемъ пріемъ вездѣ бываетъ одинаково скверный: въ одномъ мѣстѣ имъ вырываютъ ноготь, въ другомъ отрѣзаютъ палецъ тупымъ ножемъ, дѣйствуя имъ какъ пилою. Старики срѣзаютъ у нихъ мясо до самыхъ костей, дѣти накалываютъ шиломъ кожу въ сотнѣ мѣстъ, женщины наносятъ удары, пока не устанетъ рука. Потомъ устраивается засѣданіе совѣта, послѣ котораго происходитъ раздѣлъ плѣнныхъ. Происходитъ онъ обыкновенно на площади селенія, мирно и спокойно, безъ всякихъ споровъ. Сначала получаютъ свою долю женщины, потерявшіе на войнѣ мужей и сыновей, а потомъ уже удовлетворяются остальные. Кому не хватаетъ живыхъ плѣнниковъ, тому даютъ извѣстное число скальповъ, которыми онъ и щеголяетъ во время празднествъ, нося ихъ на себѣ, въ остальное же время скальпы висятъ у входа хижины.

Большинство плѣнныхъ либо осуждали на смерть, либо отдавали въ самое жестокое рабство, гдѣ жизни ихъ грозила ежеминутная опасность. Нѣкоторыхъ счастливцевъ усыновляли отдѣльныя семьи, и въ этомъ случаѣ они немедленно же получали всѣ права гражданъ. Обыкновенно они скоро свыкались съ усыновившимъ ихъ племенемъ настолько, что, не задумываясь, принимали участіе въ войнахъ съ своими соплеменниками. Усыновленіе происходило особенно часто у ирокезовъ, которые воевали такъ часто и теряли при этомъ такъ много людей, что давно бы вымерли до прибытія бѣлыхъ, если бы не усыновляли послѣ каждой войны часть плѣнныхъ.

Бывало, однако, что и съ обреченными на смерть плѣнными обращались до самаго момента казни такъ хорошо, какъ будто ихъ собираются принять въ семью. Особенно ухаживали за тѣми, которые предназначаются въ жертву богу войны. Ихъ хорошо откармливали, обращались ласково, называли самыми нѣжными именами, братомъ, сыномъ, отцомъ, въ зависимости отъ того, въ честь кого приносился онъ въ жертву. Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что окружающіе изо всѣхъ силъ старались, чтобы обреченный ничего не подозрѣвалъ о готовящейся ему участи. Единственнымъ отличительнымъ признакомъ такихъ плѣнныхъ являлось то, что имъ обыкновенно красили лицо въ черный цвѣтъ. Жена или мать павшаго воина, въ честь котораго готовилась жертва, обращались съ обреченнымъ съ величайшей нѣжностью, но когда наступалъ день жертвоприношенія, они превращались въ настоящихъ furій и продѣлывали надъ нимъ всевозможныя жестокости. При этомъ женщины все время взывали къ тѣни того, кому посвящается жертва, звали его явиться и потѣшиться видомъ жертвы, которую сожгутъ на кострѣ, скальпировавъ предварительно, и изъ черепа сдѣлаютъ пиршественную чашу.

При казни жертву обыкновенно привязывали за руки и за ноги къ столбу, настолько однако свободно, чтобы можно было двигаться вокругъ него. Если же казнь должна была совершиться въ хижинѣ, не имѣющей выхода, то обреченному давали возможность свободно передвигаться изъ одного конца въ другой. Передъ началомъ казни онъ въ послѣдній разъ пѣлъ свою смертную пѣснь, въ которой повѣствовалъ о своихъ подвигахъ, обыкновенно въ выраженіяхъ достаточно оскорбительныхъ для слушателей. Въ заключеніе онъ напоминалъ имъ, что онъ мужчина и славный воинъ и совѣтовалъ поэтому не щадить его.

Въ большинствѣ случаевъ всѣ присутствующіе, мужчины, женщины и дѣти, являлись палачами; исключеніе составляли лишь хозяева дома, въ которомъ жилъ обреченный. Если послѣдній бывалъ связанъ, то ему сначала жгли ноги, постепенно передвигая пламя вверхъ, къ другимъ частямъ тѣла, до самой головы. Иногда плѣнника оставляли несвязаннымъ и предоставляли ему возможность защищаться. Но это лишь удваивало его мученія. Онъ пользовался этой возможностью не для того, чтобы спасти жизнь, но лишь для того, чтобы отомстить своимъ мучителямъ и умереть, какъ подобаетъ воину. Вотъ что разсказываетъ объ одной изъ такихъ казней старинный очевидецъ:



Индѣецъ съ томагаукомъ.

Одинъ ирокезскій вождь, сражаясь съ гуронами, предпочелъ лучше пасть въ бою, чѣмъ опозорить себя бѣгствомъ. Поэтому онъ долго и упорно сражался, но все же въ концѣ-концовъ былъ захваченъ живымъ, потому что гуроны употребили къ тому всѣ усилія. У племени, которое захватило его въ плѣнъ, проживало нѣсколько миссіонеровъ, которымъ разрѣшено было войти съ плѣнникомъ въ сношенія. Они нашли его понятливымъ и сообразительнымъ, вскорѣ обратили въ христіанство и крестили.

Спустя нѣсколько дней его вмѣстѣ со многими товарищами подвергли мучительной казни, при чемъ онъ выказалъ столько твердости и терпѣнья, что повергъ въ изумленіе даже дикарей. Такъ какъ онъ не былъ связанъ, то постарался причинить своимъ мучителямъ всяческій вредъ, какой только могъ. Его поставили на возвышеніе и стали со

всѣхъ сторонъ прижигать огнемъ. Но онъ былъ къ этому совершенно равнодушенъ и какъ бы нечувствителенъ. Когда одинъ изъ его товарищей, котораго мучили неподалеку отъ него, сталъ проявлять признаки слабости, онъ постарался поддержать его мужество, и тотъ умеръ, какъ герой. Послѣ этого мучители накинулись на него съ такой яростью, словно хотѣли разорвать его на куски. Но онъ оставался невозмутимъ, и палачи не знали уже, съ какого конца къ нему приступиться, гдѣ найти на тѣлѣ наиболѣе чувствительное мѣсто. Наконецъ у одного изъ нихъ явилась мысль надрѣзать ему на головѣ кожу кругомъ и сорвать ее. Послѣ этого онъ безъ стона повалился на землю, и палачи, думая, что онъ умеръ, удалились.

Спустя нѣкоторое время онъ пришелъ въ себя и, увидѣвъ, что кругомъ никого нѣтъ, схватилъ обѣими руками большую пылающую головню и сталъ звать своихъ мучителей, предлагая имъ подойти поближе. Такая дерзость повергла ихъ въ изумленіе. Вооружившись, одни головнями, другіе раскаленнымъ желѣзомъ, они кинулись на него съ ужаснымъ воинственнымъ кличемъ. Однако, съ одной стороны защитой ему служилъ костеръ, съ другой онъ защищалъ себя лѣстницей, съ помощью которой всходилъ на возвышеніе и держалъ враговъ въ почтительномъ отдаленіи до тѣхъ поръ, пока самъ могъ держаться на ногахъ. Однако неудачный шагъ, который онъ сдѣлалъ, стараясь уклониться отъ брошенной кѣмъ то горящей головни, отдалъ его въ руки враговъ, и свирѣпые дикари сторицей отмстили ему за тотъ страхъ, который онъ нагналъ на нихъ. Утомившись наконецъ терзать его, они бросили его въ кучу раскаленныхъ углей, въ надеждѣ, что теперь ему скоро наступитъ конецъ. Но не тутъ то было. Не успѣли они прійти въ себя, какъ увидали, что плѣнникъ вскочилъ съ кучи углей и, вооружившись пылающей головней, устремился къ деревнѣ, очевидно съ намѣреніемъ зажечь ее. Всѣ похолодѣли отъ ужаса, и ни у кого не хватило храбрости пересѣчь ему дорогу и удержать его. Когда до ближайшей хижины оставалось всего нѣсколько шаговъ, онъ нечаянно споткнулся на палку, брошенную ему подъ ноги издали, и упалъ. Прежде чѣмъ ему удалось подняться, преслѣдователи навалились на него со всѣхъ сторонъ и вновь овладѣли имъ. Послѣ этого ему тотчасъ же отрѣзали руки и ноги и снова бросили на раскаленные угли.

Наконецъ подъ него положили пылающій древесный обрубокъ, и все племя образовало большой кругъ, чтобъ посмотрѣть, какъ онъ будетъ умирать. Но кровь, сочившаяся изъ всего его тѣла, почти совсѣмъ загасила огонь. Умирающій не казался болѣе страшнымъ, но силы, все же, еще разъ вернулись къ нему. Онъ вдругъ съ такой быстротой и такимъ грознымъ видомъ поползъ впередъ на колѣняхъ и обрубкахъ рукъ, что всѣ бросились въ разсыпную, скорѣе впрочемъ отъ неожиданности и изумленія, чѣмъ отъ страха, такъ какъ несчастный едвали могъ уже причинить кому либо какой вредъ. Въ это время къ нему приблизились миссіонеры и стали говорить о религіи. Онъ слушалъ ихъ внимательно, не обнаруживая болѣе намѣренія предпринимать что либо. Въ этотъ моментъ къ нему сзади подкрался одинъ гуронскій воинъ и отрубилъ ему голову.

Воспитаніе воина и испытательные обряды, связанные съ посвященіемъ въ этотъ санъ, тѣсно связаны у индѣйскихъ племенъ съ ихъ религіозными представленіями. Такъ какъ туземные обитатели лѣсной и степной области С. Америки являлись первобытными охотниками, то въ отношеніи религіозныхъ представленій они являются такими же „анималидами“, какъ лѣсные туземцы Ю. Америки. Въ южной части, гдѣ оказывалось возможнымъ первобытное земледѣліе, которое, чѣмъ далѣе на югъ, къ берегамъ Мексиканскаго залива, становилось сложнѣе, религіозныя воззрѣнія охотниковъ постепенно перерождаются въ религіозныя представленія земледѣльцевъ. Солнце, податель тепла, и другія силы природы, способствующія произрастанію хлѣбовъ и другихъ растеній, получаютъ все большее значеніе, пока въ Мексикѣ не создается сложный культъ съ цѣлымъ пантеономъ боговъ. Но всюду основу вѣрованій продолжаютъ сохранять древнѣйшія „охотничьи“ представленія.

Вождь изъ племени сіуксъ.

Вѣроятно, всего постепеннѣе развитіе религіознаго культа изъ первыхъ зачатковъ до сложной системы удалось бы наблюдать здѣсь, на пространствѣ между Ледовитымъ океаномъ и Панамскимъ перешейкомъ. Къ сожалѣнію, туземцы быстро вымираютъ, и вмѣстѣ съ этимъ исчезаютъ для науки ихъ вѣрованія и обряды. Наивныя вѣрованія и обряды сохранились лучше у мандановъ, племена которыхъ обитаютъ еще въ центральной части С. Америки. Вотъ какъ описываетъ ихъ одинъ старинный бытописатель.

Манданы вѣрятъ въ добраго и злого духа, при чемъ послѣдняго считаютъ болѣе могущественнымъ и болѣе древнимъ. Вѣрятъ они также въ загробную жизнь и въ то, что въ этой будущей жизни порокъ будетъ наказанъ, а добродѣтель вознаграждена. Живя въ климатѣ очень суровомъ, манданы имѣютъ своеобразное представленіе о раѣ и объ адѣ. Послѣдній они описываютъ какъ страну, лежащую на крайнемъ сѣверѣ, пустынную, покрытую вѣчнымъ снѣгомъ и льдомъ. Пребываніе тамъ очень мучительно. Рай, наоборотъ, находится въ прекрасномъ тепломъ климатѣ, изобилуетъ бизонами и всевозможными пріятностями жизни.

Манданы вѣрятъ, что великій или добрый духъ живетъ въ аду для того, чтобы увеличивать своимъ присутствіемъ страданія тѣхъ, кто его оскорбилъ, и чтобы слѣдить за выполненіемъ наложенныхъ на нихъ каръ. Злой духъ за то пребываетъ въ раю и продолжаетъ искушать праведниковъ. Грѣшники остаются въ аду лишь временно, пока не отбудутъ, такъ сказать, наказанія, а потомъ переводятся въ селенія праведныхъ и за новые грѣхи отвѣчаютъ снова.

Такова сущность религіозныхъ вѣрованій мандановъ. Для того, чтобы умилостивить добраго и злого духа и для того чтобы открыть себѣ доступъ въ рай и его прекрасныя охотничьи угодья молодые люди подвергаютъ себя ужаснѣйшимъ истязаніямъ, которыя именно и представляютъ собою одинъ изъ обрядовъ священнаго празднества. Оно совершается, впрочемъ, еще и съ другими цѣлями. Во-первыхъ, въ воспоминаніе о великомъ потопѣ, или какъ они его называютъ „Ми-ни-ро-ка-ха ша“ „паденіе водъ“. Во вторыхъ, для того, чтобы исполнить пляску быковъ „Бел-лок на-пикъ“, отъ строгаго выполненія которой зависитъ, по ихъ убѣжденію, количество бизоновъ, составлявшихъ важнѣйшее средство пропитанія мандановъ. Въ-третьихъ, для того, чтобы подвергнуть юношей, достигшихъ зрѣлости, суровому испытанію путемъ поста и истязаній, посредствомъ которыхъ они подготовляются къ тяжкимъ лишеніямъ, нерѣдко выпадающимъ въ удѣлъ индѣйскому воину. При испытаніяхъ присутствуютъ вожди племени. Они рѣшаютъ, кто изъ юношей выказалъ наибольшую силу, кто изъ нихъ наиболѣе выносливъ, наиболѣе способенъ переносить лишенія и страданія, кто, слѣдовательно, наиболѣе достоинъ стать вождемъ.

Эта часть празднества поражаетъ своею жестокостью. За то пляска быковъ и нѣкоторые другіе эпизоды торжества очень своеобразны и забавны, а обрядъ воспоминанія великаго потопа простодушенъ и чрезвычайно интересенъ.

Посреди деревни мандановъ находится круглая, незастроенная площадка около 150 футовъ въ діаметрѣ. На ней происходятъ всѣ публичныя торжества, поэтому ее всегда содержатъ въ чистотѣ. Она окружена вигвамами, которые устраиваются по возможности ближе одинъ къ другому, и двери которыхъ выходятъ на площадь. Посреди стоитъ деревянный столбъ 8—9 футовъ вышиною; его тщательно сберегаютъ и называютъ „великимъ кану“. Онъ несомнѣнно является символическимъ изображеніемъ одного изъ эпизодовъ великаго потопа. Вокругъ него въ торжественныхъ и важныхъ случаяхъ собирается все племя. Во время празднествъ и обрядовъ ему оказываютъ всевозможныя почести. При описанномъ ниже торжествѣ „великое кану“ играетъ довольно значительную роль, ввиду чего и нужно было выяснить его значеніе.

Мандамъ дѣленіе времени на дни и недѣли незнакомо, поэтому ихъ празднество не пріурочено къ какому-либо опредѣленному дню и совершается въ то время, когда

листва на прибрежныхъ ивахъ вполнѣ уже распустится. Въ одинъ прекрасный день вдали показывается идущій по направленію къ деревнѣ человѣкъ. Тотчасъ же все населеніе выбѣгаетъ изъ вигвамовъ, женщины и дѣти лѣзутъ на крыши и съ крикомъ слѣдятъ за приближающимся незнакомцемъ. Мужчины пригоняютъ изъ преріи лошадей, натягиваютъ тетиву луковъ, пробуютъ ея эластичность, чернятъ себѣ лица, вообще дѣлаютъ всѣ обычныя приготовленія къ бою. Во время всей этой суматохи вызвавшій ее человѣкъ медленно и по совершенно прямой линіи подходитъ къ деревнѣ. Войдя въ нее, онъ направляется къ площади, гдѣ его встрѣчаютъ старшины и храбрѣйшіе воины племени. Они привѣтливо, словно старому знакомому, пожимаютъ ему руку и называютъ его Нуманкъ-Махана (первый или единственный человѣкъ). Тѣло его вымазано бѣлой глиной, такъ что издали онъ походитъ на бѣлаго, и покрыто плащемъ изъ четырехъ бѣлыхъ волчьихъ шкуръ, голова украшена двумя вороньими шкурками. Въ лѣвой рукѣ онъ бережно несетъ громадныхъ размѣровъ трубку. Обмѣнявшись привѣтствіями со старшинами и воинами, Нуманкъ-Махана идетъ къ хижинѣ, которая предназначена для этого торжества и весь годъ остается запертой. Открывъ хижину и войдя въ нее, Нуманкъ-Махана призываетъ четырехъ мужчинъ, велитъ имъ очистить ее и приготовить къ обряду. Стѣны и полъ покрываютъ зелеными вѣтвями ивы, пучками дикаго шалфея и другихъ ароматическихъ травъ. Въ разныхъ мѣстахъ группами размѣщаются черепа людей и бизоновъ.

Индіанка въ національномъ нарядѣ.

Во время этихъ приготовленій Нуманкъ-Махана ходитъ по селенію; возлѣ каждой хижины онъ останавливается и кричитъ до тѣхъ поръ, пока хозяинъ ея не выйдетъ и не спроситъ, въ чемъ дѣло. Тогда Нуманкъ-Махана разсказываетъ о постигшемъ землю бѣдствіи — потопѣ. Онъ одинъ только спасся отъ всеобщей гибели и въ большомъ кану причалилъ къ высокой горѣ на западѣ, гдѣ живетъ и теперь. Онъ пришелъ открыть хи-

жину, предназначенную для торжества, а для этого ему нужно получить отъ хозяина каждой хижины какое-нибудь рѣжущее орудіе, которое онъ принесетъ въ жертву водѣ. Если онъ этого не сдѣлаетъ, то снова наступитъ потопъ, и тогда уже никто не спасется, ибо лишь при помощи рѣжущихъ орудій можетъ быть построено великое кану.

Посѣтивъ всѣ хижины селенія и получивъ въ каждой ножъ, топоръ и т. п., Нуманкъ-Махана возвращается въ хижину, предназначенную для празднества, и въ ней складываетъ пожертвованія, которыя остаются тамъ до четвертаго дня. Въ этотъ день послѣ обѣда, въ присутствіи всего населенія, ножи, топоры и прочія орудія бросаютъ съ высоты тридцатифутовой скалы въ самое глубокое мѣсто рѣки. Брать ихъ оттуда нельзя—они являются жертвой, приносимой духу воды.

Никто не долженъ знать, гдѣ „первый человѣкъ“ спитъ въ эту ночь. Всѣ отъ мала до велика, а также собаки и другія животныя не выходятъ изъ хижинъ, и въ селеніи царитъ мертвая тишина. На другое утро Нуманкъ-Махана появляется снова и входитъ въ хижину, гдѣ долженъ совершиться обрядъ,—назовемъ ее для краткости хоть „хижиной обрядовъ“. Вслѣдъ за нимъ туда входятъ человѣкъ пять, десять юношей, желающихъ подвергнуть себя испытаніямъ. Они почти совершенно голы, и тѣло ихъ вымазано красной, желтой или бѣлой глиной. У каждаго изъ нихъ въ правой рукѣ волшебная сумка, въ лѣвой щитъ изъ бизоньей кожи, лукъ и стрѣлы, за спиной—колчанъ.

Войдя въ хижину, юноши вѣшаютъ на стѣнѣ свое оружіе и волшебную сумку и тутъ же подъ ними садятся на землю.

Нуманкъ-Махана, сидя посреди нихъ, выкуриваетъ свою трубку за счастливый исходъ испытанія и въ краткой рѣчи увѣщеваетъ юношей довѣриться великому духу, который будетъ поддерживать ихъ въ предстоящихъ имъ тяжелыхъ мученіяхъ. Затѣмъ Нуманкъ-Махана приглашаетъ въ хижину стараго колдуна, вымазаннаго желтой глиной, и назначаетъ его руководителемъ обряда—Каун Сэхка, въ знакъ чего и передаетъ ему большую волшебную трубку, которая даетъ власть исполнять всѣ обряды.

Передавъ колдуну трубку, Нуманкъ-Махана подаетъ ему руку, прощается съ нимъ и говоритъ, что вернется теперь въ горы запада, откуда черезъ годъ снова придетъ, чтобы открыть хижину обрядовъ. Затѣмъ онъ выходитъ изъ послѣдней, прощается со старѣйшинами и уходитъ тою же дорогою, какою онъ пришелъ.

Назначенный Нуманкъ-Маханой руководитель обряда долженъ оставаться возлѣ костра, держа въ рукахъ волшебную трубку и призывая по временамъ великаго духа. При этомъ онъ слѣдитъ за тѣмъ, чтобы молодые люди не выходили изъ хижины, чтобы они не сносились съ окружающимъ ее народомъ, и чтобы втеченіе четырехъ дней они не ѣли, не пили и не спали. Такъ они готовятся къ предстоящимъ имъ испытаніямъ.

Посреди хижины обрядовъ лежатъ расположенные въ двухъ группахъ черепа людей и бизоновъ, а между ними стоитъ невысокое, около пяти футовъ высотою сооруженіе изъ четырехъ ивовыхъ вѣтвей съ развилинами, воткнутыхъ на разстояніи 4—5 футовъ другъ отъ друга. Въ развилины вложевы четыре такихъ же, толщиною въ палецъ прута, а на нихъ лежатъ еще нѣсколько другихъ болѣе тонкихъ прутиковъ. Посреди этого сооруженія и на самомъ верху его лежитъ какой-то маленькій предметъ, настолько святой, важный и таинственный, что никто, кромѣ колдуна, не смѣетъ приближаться къ нему. Издали этотъ таинственный предметъ имѣетъ видъ черепахи или лягушки, лежащей на спинѣ съ вытянутыми ногами и головой. Весь онъ обмотанъ очень тонкими красными, голубыми и желтыми лентами. Судя по оказываемому ему благоговѣнію, предметъ этотъ своего рода святая святыхъ, сообщающій празднеству его святость. Подъ сооруженіемъ изъ ивовыхъ прутьевъ, на полу, лежитъ ножъ и нѣсколько деревянныхъ палочекъ, которыя употребляются при истязаніяхъ. Съ потолка спускаются нѣсколько сыромятныхъ ремней, на нихъ поднимаютъ вверхъ юношей, подвергающихся испытаніямъ. Затѣмъ на полу лежатъ

еще четыре мѣшка, наполненныхъ водою. Они сдѣланы изъ кожи и по формѣ похожи на большую черепаху. Нѣсколько орлиныхъ перьевъ замѣняютъ имъ хвостъ. Мѣшки эти также служатъ предметомъ поклоненія. На каждомъ изъ нихъ лежитъ палочка, которою колдуны во время другого обряда бьютъ по мѣшкамъ, какъ по барабанамъ. Рядомъ съ мѣшками кожаныя трещотки, играющія тоже большую роль при совершеніи обрядовъ и служащія для аккомпанимента пляскѣ. Мѣшки имѣютъ очень потертый видъ, и колдуны утверждаютъ, что вода въ нихъ со всѣхъ четырехъ концовъ свѣта и хранится со времени великаго потопа.

Втеченіе первыхъ трехъ дней празднества на площадкѣ посреди селенія совершаются еще и другіе обряды. Самый замѣчательный изъ нихъ пляска быковъ. Въ первый день празднества пляска эта совершается четыре раза, во второй восемь разъ, въ третій день—двѣнадцать, а на четвертый — шестнадцать разъ.

Индѣецъ племени чипева.

Главными дѣйствующими лицами при этомъ обрядѣ являются восемь совершенно голыхъ мужчинъ. На нихъ надѣта цѣлая бизонья шкура съ рогами, копытами и хвостомъ. Нагнувшись впередъ, пляшущіе стараются подражать всѣмъ движеніямъ бизона. Тѣло ихъ выкрашено самымъ причудливымъ и у всѣхъ одинаковымъ образомъ. Ноги, тѣло и лицо покрыты красной, черной или бѣлой краской, ноги у щиколотокъ обвязаны полосами бизоньяго мѣха. Въ правой рукѣ каждый изъ пляшущихъ держитъ трещотку, въ лѣвой тонкую бѣлую палку около шести футовъ длины, а на спинѣ большую вязанку зеленыхъ ивовыхъ прутьевъ. Восемь плясуновъ по-двое становятся вокругъ великаго кану, изображая четыре страны свѣта. Между каждыми двумя парами, спиною къ кану, становится еще по одному человѣку, участвующему также въ пляскѣ. Эти четыре плясуна также держатъ въ правой рукѣ трещотку, а въ лѣвой бѣлую палку, но всѣ они одѣты только въ красивый поясъ и шапку изъ горностая, украшенную орлиными перьями. Кромѣ того двое изъ нихъ вымазаны разведеннымъ въ жиру древеснымъ углемъ и носятъ названіе „неба“ или „ночи“, причемъ бѣлыя крапинки на ихъ тѣлѣ изображаютъ звѣзды. Двое остальныхъ, вымазанныхъ красной глиной, представляютъ собою „день“, а красныя полосы покрывающія ихъ съ ногъ до головы—духовъ, „прогоняющихъ утренніе лучи“.

Пляска происходитъ въ присутствіи всего населенія деревни, которое располагается либо на землѣ, либо на крышахъ хижинъ. На первый день пляшутъ по одному разу для каждой страны свѣта, и колдунъ при этомъ куритъ каждый разъ въ соотвѣтствующую сторону. На второй день процедура эта повторяется дважды, на третій трижды и т. д. Пляшущіе и остальные участники обряда собираются, какъ только колдунъ съ волшебной трубкой появляется посреди площади, танцуя и жалобно напѣвая. Протанцовавъ до великаго кану, колдунъ прислоняется къ нему и продолжаетъ свою унылую пѣснь. Въ этотъ моментъ четыре почтенныхъ старика, охранявшихъ хижину обрядовъ, входятъ въ послѣднюю,

выносятъ изъ нее четыре мѣшка съ водою, кладутъ ихъ на землю возлѣ великаго кану, садятся и начинаютъ бить по нимъ палочками. Другіе встряхиваютъ и постукиваютъ трещотками, и всѣ вмѣстѣ стараются кричать, какъ можно громче. Это и есть музыка, сопровождающая пляску бизоновъ. Самая пляска продолжается безъ перерывовъ минутъ пятнадцать. Затѣмъ музыка и пляска одновременно прекращаются, а зрители разражаются оглушительными криками восторга. Колдунъ возвращается въ хижину обрядовъ, туда же вносятъ мѣшки съ водой, старики снова принимаются за охрану хижины, пока снова не будетъ поданъ сигналъ къ пляскѣ.

Въ этомъ обрядѣ принимаютъ участіе множество второстепенныхъ лицъ, которые заслуживаютъ однако полнаго вниманія. Вотъ возлѣ большого кану двое мужчинъ. Они накинули себѣ на головы шкуру сѣраго медвѣдя, ворчатъ и дѣлаютъ видъ, будто собираются напасть на всѣхъ. Для того, чтобы умилостивить ихъ, женщины ставятъ передъ ними миски съ мясомъ, но эти миски тотчасъ же уносятъ двое другихъ, у которыхъ тѣло вымазано черной, а голова бѣлой краской, и которые изображаютъ собою бѣлоголовыхъ орловъ. Орлы уносятъ миски съ мясомъ въ прерію, но тамъ на нихъ нападаетъ сотня мальчиковъ, выкрашенныхъ въ желтый цвѣтъ; мальчики, изображающіе антилопъ, отнимаютъ у орловъ мясо и поѣдаютъ его.

Во время перерывовъ между этими представленіями всѣ участники, за исключеніемъ тѣхъ, которые подвергаются испытаніямъ въ хижинѣ обрядовъ, уходятъ въ вигвамъ, назначенный для отдыха пляшущихъ.

Старики, охраняющіе хижину обрядовъ въ промежутки между пляскою, продолжаютъ призывать великаго духа и просятъ его послать имъ побольше бизоновъ для ихъ пропитанія. Отъ времени до времени они ободряютъ юношей разсказами о томъ, что великій духъ услышалъ ихъ, что жены и дѣти ихъ непрестанно призываютъ злого духа, но онъ до сихъ поръ не рѣшается явиться.

Но вотъ на четвертый день во время послѣдней пляски съ крыши хижины раздается крикъ. Мужчины и женщины кажутся охваченными страхомъ и устремляютъ свои взоры на западъ. Тамъ съ холма опять спускается человѣкъ, но онъ идетъ уже не медленно, и не по прямой линіи, а бѣжитъ зигзагами, подобно мальчику, который ловитъ бабочекъ. Онъ совершенно голый, тѣло вымазано углемъ и мѣстами испещрено бѣлымм колечками. У него громадные зубы, похсжіе на собачьи. Въ селеніи человѣкъ этотъ громко кричитъ.

Приблизившись къ толпѣ, этотъ „чортъ“ набрасывается на женщинъ, онѣ съ крикомъ разбѣгаются, толкаютъ другъ друга, падаютъ, начинается невѣроятная суматоха, но вдругъ она прерывается мертвой тишиной. Старый колдунъ покидаетъ свое мѣсто возлѣ великаго кану, онъ протягиваетъ волшебную трубку, и „чортъ“ останавливается. Воспользовавшись этимъ моментомъ, женщины успокаиваются, и вся толпа громко хохочетъ, радуясь посрамленію злого духа. А тотъ стоитъ словно обезсиленный, потому что колдунъ при помощи волшебной трубки уничтожилъ власть его.

Теперь на побѣжденнаго чорта набрасывается толпа. Особенно досаждаютъ ему женщины. Одна изъ нихъ ловко обсыпаетъ его желтой глиной, такъ что тѣло его, вымазанное жиромъ съ углемъ, сразу мѣняется. Другія отнимаютъ у него жезлъ, ломаютъ его на мелкіе куски и бросаютъ ими въ чорта. Онъ жалобно кричитъ и мечется. Наконецъ ему удается вырваться изъ толпы и ускользнуть изъ селенія. Но тамъ его ожидаетъ толпа женщинъ и дѣтей. Онѣ накидываются на него и провожаютъ его ударами и пинками, пока онъ не исчезнетъ за холмомъ.

Въ этотъ моментъ все населеніе разражается криками радости, пляска быковъ прекращается, и начинаются приготовленія къ испытанію юношей. Смыслъ всей предыдущей сцены очевидно тотъ, что злой духъ является, чтобы помѣшать выполненію религіозныхъ обрядовъ, но побѣжденный силою волшебной трубки съ позоромъ вынужденъ бѣжать.

Затѣмъ руководитель обряда и четыре старика музыканта вмѣстѣ со старшинами племени и колдунами входятъ въ хижину обрядовъ. Колдуны помогаютъ при исполненіи обрядовъ, старшины же являются судьями надъ мужествомъ и выносливостью испытуемыхъ. Они садятся вдоль стѣны, музыканты помѣщаются противъ нихъ, а руководитель посрединѣ возлѣ огня. При этомъ онъ изо всѣхъ силъ дымитъ трубкой, чтобы умилостивить злого духа. Описанное выше сооруженіе изъ ивовыхъ прутьевъ убираютъ, черепа бизоновъ и людей развѣшиваютъ на косяки двери. Посрединѣ хижины становятся двое мужчинъ. Одинъ изъ нихъ держитъ въ рукахъ ножъ для сниманія скальповъ, другой небольшія деревянныя палочки.

Теперь начинаются испытанія юношей, которые, благодаря четырехдневному посту и безсонницѣ, уже сильно истощены.

Вотъ одинъ изъ нихъ подходитъ къ человѣку, вооруженному ножомъ для скальпированія. Человѣкъ этотъ захватываетъ мясо на груди юноши пониже каждаго плеча и протыкаетъ ножомъ, который предварительно зазубрили для того, чтобы нанесенные имъ раны болѣли сильнѣе. Человѣкъ, который держитъ наготовѣ палочки, втыкаетъ въ каждую рану по одной. Съ потолка хижины уже спущены ремни, ихъ привязываютъ къ палочкамъ, воткнутымъ въ раны, и затѣмъ юношу подвѣшиваютъ на этихъ веревкахъ такъ, чтобы ноги его не касались земли. Послѣ этого дѣлаютъ новые прорѣзы на предплечьи, у локтя, на бедрѣ и подъ колѣномъ, въ которые также вонзаютъ палочки, а къ нимъ привѣшиваютъ щитъ, лукъ, колчанъ, а иногда даже черепа бизоновъ.

Индѣецъ изъ племени сіукъ.

Когда подвѣшиваніе всѣхъ предметовъ вооруженія окончено, юношей поднимаютъ на веревкахъ настолько высоко, чтобы ни одинъ изъ этихъ предметовъ не касался земли. Видъ этихъ окровавленныхъ подвѣшенныхъ тѣлъ ужасенъ. Голова отвисаетъ либо впередъ, либо назадъ, смотря по тому, какъ подвѣшено тѣло. Поразительно спокойствіе и невозмутимость, съ которой испытуемые выносятъ всѣ мученія. Ни одинъ изъ нихъ даже и глазомъ не моргнетъ, когда ему дѣлаютъ надрѣзы.

Однако испытаніе еще не кончается однимъ подвѣшиваніемъ. Когда всѣ предметы вооруженія прикрѣплены на надлежащемъ мѣстѣ, юношу начинаютъ закручивать, отъ чего боль усиливается настолько, что онъ уже не въ состояніи далѣе сдерживать себя и начинаетъ молить великаго духа о помощи. Крутятъ до тѣхъ поръ, пока тѣло не повиснетъ безжизненно. Старшины и колдуны тщательно наблюдаютъ, какъ постепенно стихаетъ мольба испытуемаго, какъ онъ роняетъ волшебную сумку, и только тогда даютъ знакъ спустить тѣло на землю. Это дѣлается очень медленно и бережно. Затѣмъ изъ ранъ вынимаютъ палочки, къ которымъ были привязаны ремни, но всѣ остальныя палочки и привѣшенные къ нимъ предметы остаются на мѣстѣ. Въ безчувственномъ состояніи испытуемый лежитъ минутъ 6 или 8, пока къ нему не вернутся сознаніе и силы для

*

того, чтобы встать и уйти. Всякая помощь считается оскорбленіемъ великаго духа и поэтому строго запрещена.

Собравшись съ силами, испытуемый поднимается и тащится въ уголъ, гдѣ сидитъ человѣкъ вооруженный топоромъ и черепомъ бизона. Ему испытуемый заявляетъ о своемъ желаніи пожертвовать мизинцемъ лѣвой руки великому духу, затѣмъ кладетъ мизинецъ на черепъ бизона и спокойно смотритъ, какъ падаетъ отрубленвый топоромъ палецъ на землю. Этой операціи подвергаютъ себя почти всѣ. Многіе, кромѣ мизинца, жертвуютъ еще указательный палецъ лѣвой руки. У этихъ остается на лѣвой рукѣ всего три пальца, но ихъ вполнѣ достаточно для того, чтобы держать лукъ—единственное оружіе лѣвой руки. Раны не перевязываютъ—залечивать ихъ предоставляютъ великому духу, который, конечно позаботится объ этомъ.

Пока продолжается испытаніе, старшины зорко слѣдятъ за испытуемыми, чтобы оцѣнить ихъ силы, замѣтить, кто дольше всѣхъ можетъ провисѣть, не теряя сознанія, кто скорѣе всего оправляется, кто по этому наиболѣе достоинъ занять отвѣтственный постъ или предводительствовать отрядомъ. Во все время пытки четыре старика продолжаютъ барабанить по кожанымъ мѣшкамъ съ водою и громко прославляютъ могущество волшебной трубки, которая изгнала изъ деревни злого духа и, конечно, возьметъ подъ свою защиту испытуемыхъ.

По окончаніи описанныхъ выше мученій юношей выводятъ на площадь и подвергаютъ тамъ слѣдующей пыткѣ. Старый колдунъ-руководитель выходитъ съ трубкою въ рукахъ изъ хижины, прислоняется къ великому кану и начинаетъ призывать добраго духа. Кану окружено толпою молодыхъ людей, лѣтъ около двадцати, одинаковаго почти роста и возраста. Они почти совершенно голы, головы ихъ украшены орлиными перьями, а въ рукахъ у нихъ вѣнки изъ ивовыхъ вѣтвей, которые они держатъ, образуя вокругъ великаго кану кружокъ. Они кричатъ изо всѣхъ силъ и быстро пляшутъ. Каждаго изъ испытуемыхъ при выходѣ изъ хижины обрядовъ встрѣчаютъ два здоровыхъ молодца. Они становятся по обѣ стороны его, обматываютъ ему обѣ руки ремнемъ и готовы приступить къ „послѣднему бою“, который настолько мучителенъ, что поистинѣ можетъ оказаться послѣднимъ въ этой жизни.

По данному знаку двое молодыхъ людей пускаются бѣжать со всѣхъ ногъ и увлекаютъ за собою испытуемаго, который слѣдуетъ за ними со всѣми привѣшенными къ нему вещами, пока отъ слабости не свалится. Тогда его волокутъ по пыли и грязи за привязанные къ рукамъ ремни. Это продолжается до тѣхъ поръ, пока предметы, привязанные къ испытуемому, не оторвутся или отъ собственной тяжести, или отъ того, что кто нибудь на нихъ наступитъ. Отвязывать эти предметы или вынимать палочки, къ которымъ они прикрѣплены, нельзя, ибо это оскорбило бы великаго духа. Только палочки продѣтые подъ мускулами на груди или плечахъ и несущія тяжесть всего тѣла могутъ быть вынуты, остальныя всѣ должны вывалиться сами, хотя нерѣдко это возможно лишь путемъ разрыва тканей, въ которыя онѣ продѣты.

Когда всѣ палочки вырваны, люди волочившіе испытуемаго, оставляютъ его и убѣгаютъ въ прерію, какъ будто они совершили преступленіе. А испытуемый лежитъ, какъ мертвый, и никто не осмѣливается помочь ему, ибо онъ находится теперь снова подъ защитой великаго духа, который сумѣетъ оказать ему покровительство. Помощь со стороны людей считается не только оскорбленіемъ великаго духа, но также и оскорбленіемъ достоинства испытуемаго, онъ ее не принялъ бы даже подъ угрозою смерти. Не малую роль здѣсь играетъ и суевѣріе: ни одинъ индѣецъ не рѣшится оказать помощь тому, кого великій духъ взялъ подъ свою особую защиту.

Когда испытуемый немного оправится, а это обыкновенно происходитъ очень скоро, онъ встаетъ и черезъ разступающуюся передъ нимъ толпу идетъ къ своему вигваму. Тамъ его встрѣчаютъ родные и друзья, которые усердно ухаживаютъ за нимъ.

Воинъ въ полномъ уборѣ.

У одного изъ испытуемыхъ юношей къ бедру привѣшенъ черепъ оленя. Несмотря на то, что многіе уже не разъ наступали на черепъ, онъ не отрывается, потому что палочка, къ которой онъ привязанъ, продѣта подъ сухожиліемъ. Бѣгъ становится все быстрѣе, опасность все увеличивается, окружающіе уже воютъ отъ состраданія, но тогда колдунъ съ волшебной трубкой подскакиваетъ къ людямъ, волокущимъ испытуемаго, и заставляетъ ихъ остановиться. Испытуемый лежитъ какъ мертвый, понемногу онъ оправляется, приподнимается, съ улыбкой разглядываетъ свои израненныя и окровавленныя бедра и уползаетъ въ прерію, въ уединенное мѣсто. Уползаетъ онъ по тому, что испытуемые не смѣютъ ходить, пока всѣ привязанные къ нимъ предметы не отвалятся. Здѣсь онъ проводитъ нѣсколько дней безъ всякой пищи, пока рана не начнетъ гноиться, благодаря чему палочка выпадаетъ. Тогда онъ, уже отъ слабости, опять ползкомъ возвращается въ деревню.

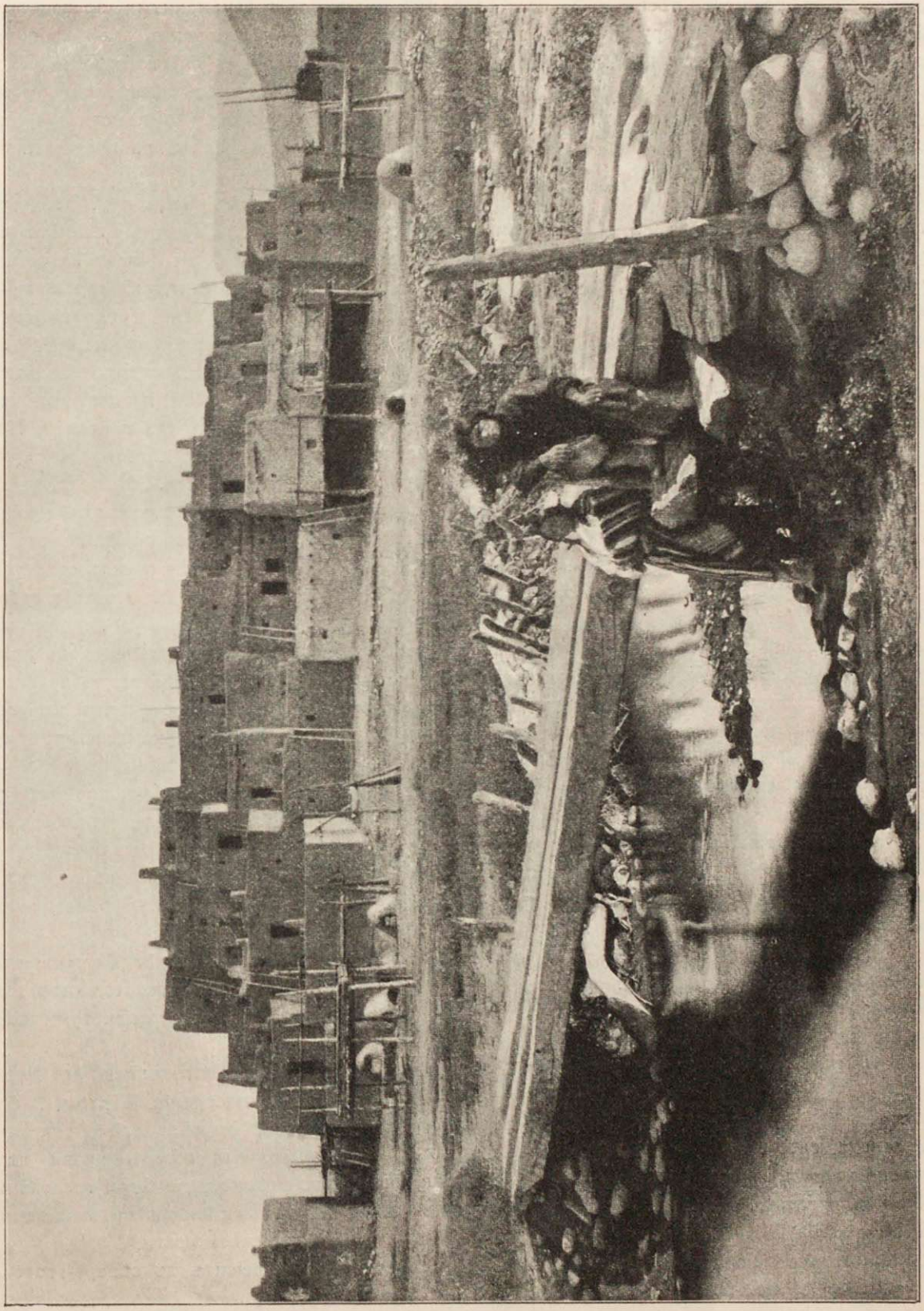
Такіе случаи бываютъ довольно часто, и тогда испытуемый самъ избираетъ какой либо способъ избавиться отъ привѣшеннаго предмета. Торговцы мѣхами, часто присутствовавшіе на празднествахъ мандановъ, разсказывали, что однажды одинъ изъ юношей, чтобы избавиться отъ привѣшеннаго къ нему предмета, уползъ къ берегу рѣки, вбилъ тамъ колъ, привязалъ къ этому колу веревку, другой ея конецъ прикрѣпилъ къ палочкѣ, продѣтой черезъ мускулы его плеча, и затѣмъ, вися всею тяжестью своего тѣла на этой палочкѣ, спустился съ крутого берега почти до самой воды. Здѣсь онъ провисѣлъ нѣсколько дней, пока мышцы не порвались.

Когда всѣ испытанія окончены, старый колдунъ входитъ въ хижину обрядовъ и выноситъ изъ нея собранныя въ деревнѣ „первымъ человѣкомъ“ рѣжущія орудія. Затѣмъ онъ запираетъ хижину и въ сопровожденіи колдуновъ и всего населенія идетъ къ рѣкѣ и бросаетъ ножи въ воду. Этимъ и заканчивается религіозное празднество мандановъ.

Большинство описанныхъ выше странныхъ и загадочныхъ обрядовъ встрѣчаются лишь у однихъ мандановъ. Другія сосѣднія племена, правда, тоже въ извѣстное время подвергаютъ себя истязаніямъ, но послѣднія представляютъ собою лишь слабое подражаніе религіознымъ обрядамъ мандановъ. Манданы считаютъ себя народомъ, созданнымъ раньше всѣхъ другихъ. По ихъ вѣрованіямъ земля большая черепаха, и на ея спинѣ покоится почва, на которой мы живемъ. Однажды человѣкъ изъ бѣлаго, вымершаго уже племени прокололъ ножомъ спину черепахи, она утонула, вода затопила всю поверхность земли, и люди всѣ до одного погибли.

Хотя эти миѳы, быть можетъ, кажутся грубыми и смѣшными, все же они заслуживаютъ вниманія уже по одному тому, что несомнѣнно находятся въ связи съ вышеописанными религіозными обрядами.

При всѣхъ празднествахъ, во время которыхъ курятъ трубку, старшины племени и колдуны стараются умилостивить великаго духа тѣмъ, что, прежде чѣмъ начать курить, протягиваютъ трубку поочередно ко всѣмъ четыремъ странамъ свѣта. Ежегодное религіозное празднество длится всегда четыре дня. Различные обряды, сопровождающіе это празднество, тоже, повидимому, находятся въ связи съ четырьмя странами свѣта и четырьмя черепахами. Для приготовленія хижины обрядовъ къ празднеству Нуманкъ-Махана всегда призываютъ четырехъ мужчинъ, изъ которыхъ каждый представляетъ собою страну свѣта. Четыре, напоминающіе черепахъ мѣшка съ водою, и расположенные по четыре на полу хижины черепа, а также четыре пары юношей, исполняющихъ пляску быковъ, несомнѣнно тоже имѣютъ отношеніе къ миѳамъ. Пляску быковъ исполняютъ въ первый день празднества четыре раза, во второй восемь, въ третій двѣнадцать и въ четвертый шестнадцать, т. е. всего сорокъ разъ. Передъ входомъ въ хижину обрядовъ кладутъ четыре приношенія изъ чернаго и синяго сукна. Злой духъ посѣщаетъ во время пляски быковъ четырехъ изъ пляшущихъ, и у молодыхъ людей, подвергающихся испытаніямъ, въ тѣло, въ руки и въ ноги втыкаютъ по четыре палочки.



Внѣшній видъ пуебло.

Подобно тому, какъ описанные обряды и обычаи мандановъ характеризуютъ степень культурнаго развитія лѣсныхъ и степныхъ индѣйцевъ, такъ знаменитыя празднества „змѣй", „антилопъ" и другія, какія празднуютъ въ теченіе нѣсколькихъ дней въ опредѣленныя времена года индѣйцы, населяющіе пуеблосъ на сухихъ плоскогорьяхъ Колорадо, характерны для культурнаго развитія племенъ, въ бытѣ которыхъ земледѣліе играло уже видную роль. Въ срединѣ XVI-го вѣка пуеблосъ, этихъ укрѣпленныхъ селеній, насчитывалось до 65. Теперь большая часть ихъ лежитъ въ развалинахъ, и населены лишь 26 изъ нихъ [1]).

Въ пуеблосъ живутъ представители лишь четырехъ племенъ (Таньоанъ, Керуенъ, Цуньи и Шошоны или Хопи). Это все смирные и тихіе люди. Мужчины занимаются усердно обработкой земли, женщины заняты домашними работами, къ числу которыхъ надо отнести тканье одѣялъ, плетенье корзинъ и приготовленіе росписныхъ горшковъ—издѣлія, которыя они сбываютъ на ближнихъ рынкахъ. Земледѣльческій трудъ сдѣлалъ этихъ индѣйцевъ миролюбивыми. Зависимость отъ силъ природы усилила ихъ религіозное настроеніе и вызвала къ жизни многочисленные священные обряды. Нѣкоторые изъ нихъ до того странны и любопытны, что напр. на священный праздникъ змѣй, продолжающійся въ селеніяхъ хопи девять дней и болѣе, съѣзжается немало любопытныхъ зрителей. Почитаніе змѣй, почему шошоновъ нерѣдко называютъ „Змѣями", тѣсно связано съ одной стороны съ древнимъ культомъ животныхъ, съ другой—съ земледѣліемъ. Обитая въ сухой странѣ, эти индѣйцы-земледѣльцы въ отношеніи жатвы болѣе всего зависятъ отъ влаги. Почему то змѣи являются въ ихъ представленіи повелителями почвенной влаги. Въ этомъ впрочемъ нѣтъ ничего страннаго—вѣдь и въ Старомъ Свѣтѣ обитатели сухихъ областей сѣверной Африки и передней Азіи также имѣли „змѣиный культъ". Въ теченіе этого празднества происходятъ многочисленные, въ высшей степени странные и непонятные обряды, пляски, шествія и моленія предъ особыми алтарями, причемъ главная роль принадлежитъ размалеваннымъ и выряженнымъ жрецамъ. Къ празднику змѣй этихъ пресмыкающихся ловятъ сотнями и держатъ въ мѣшкахъ, откуда жрецы вытаскиваютъ ихъ голыми руками, носятъ при помощи рта въ особомъ шествіи, причемъ за каждымъ такимъ „змѣеносцемъ" слѣдуетъ другой жрецъ съ палочкой, заботящійся о томъ, чтобы змѣя не укусила того, кто ее держитъ во рту за середину туловища. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ мѣста описать подробно разнообразные обряды этихъ индѣйцевъ, занимающихъ переходное положеніе между охотничьими племенами лѣсовъ и прерій и культурными обитателями древняго Мексико. Несомнѣнно однако, что многочисленные религіозные обряды ихъ имѣютъ цѣлью принудить божества споспѣшествовать ихъ главному занятію,—земледѣлію, ниспосланіемъ дождя и ведра.

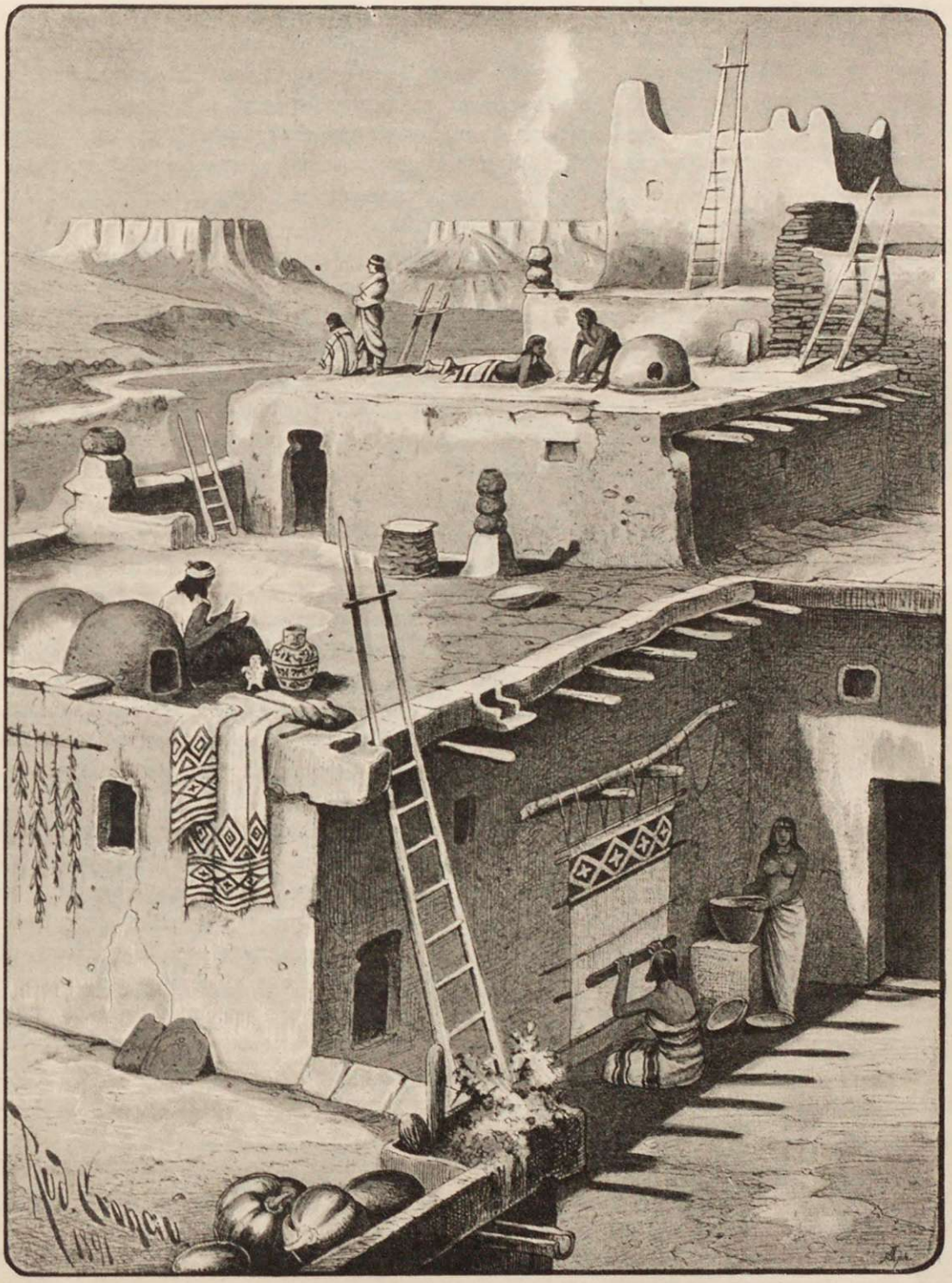
Въ остальномъ бытъ этихъ туземцевъ подвергся сильному вліянію бѣлыхъ, что особенно замѣтно въ одеждѣ: даже женщины, которыя всегда крѣпче держатся старины, начинаютъ носить одежду бѣлыхъ сосѣдей, смѣшивая части ея съ остатками туземнаго костюма.

Какъ здѣсь, такъ и восточнѣе, въ Оклахомѣ, на небольшомъ пространствѣ индѣйской территоріи скопилось теперь почти все уцѣлѣвшее туземное населеніе Штатовъ. Въ пестрой смѣси обитаютъ здѣсь кучки племенъ, согнанныхъ сюда съ сѣвера, востока, юга и запада, словомъ, со всѣхъ концовъ Штатовъ. Естественно, что образъ жизни ихъ далеко уклонился отъ того, какимъ онъ былъ, когда гордые краснокожіе были господами земли и договаривались объ условіяхъ пользованія ею съ первыми бѣлыми пришельцами. Примѣромъ нынѣшняго состоянія такихъ индѣйцевъ могутъ служить озаги.

Отведенная озагамъ Соединенными Штатами территорія лежитъ въ сѣверо-восточ-

[1]) George A. Dorsey, Indians of the southwest, стр. 23.

номъ углу Оклахомы. Въ большинствѣ случаевъ они сдаютъ свои земли въ аренду бѣлымъ, но нѣкоторые начинаютъ и сами заниматься скотоводствомъ и земледѣліемъ. Вы-



Сцена изъ жизни обитателей пуебло.

борная администрація ихъ состоитъ изъ верховнаго вождя, его помощника, пятнадцати членовъ совѣта и пяти судей. Срокъ дѣйствія ихъ полномочій — двухлѣтній. Въ 1896 г.

въ четырехъ школахъ ихъ числилось 307 учениковъ. Въ 1892 году озаги продали свои обширныя и цѣнныя земли въ южномъ Канзасѣ и Миссури Соединеннымъ Штатамъ, и уплата за нихъ была капитализирована финансовымъ вѣдомствомъ въ Вашингтонѣ. Сначала ежегодная рента составляла на душу лишь $2^1/_2$ доллара, однако съ 1877 года плата эта возросла до 220 долларовъ, выплачиваемыхъ наличными деньгами. Однако большая часть принадлежащихъ озагамъ денегъ не даетъ вовсе процентовъ и сохраняется для нихъ казначействомъ, такъ какъ выплата имъ сразу крупныхъ суммъ повела бы лишь къ чрезмѣрной расточительности. Общая сумма этого платежа превышаетъ 8 милліоновъ долларовъ, и поэтому озаги вправѣ считать себя богатѣйшимъ племенемъ Америки. Часть этого фонда идетъ на содержаніе ихъ школъ и больницъ.

Однако уже и упомянутыя выше крупныя суммы, выданныя этимъ дѣтямъ природы, побудили ихъ оставить прежній простой образъ жизни и предаться расточительности. Такая перемѣна отразилась на нихъ крайне гибельно, такъ какъ число ихъ, въ 1872 году равное 4000, къ 1890 г. сократилось до 1500 и продолжаетъ сокращаться и дальше.

Во время уплаты ежегодной доли возлѣ зданій агентуры собирается обыкновенно пестрая толпа мелкихъ торговцевъ, воровъ и авантюристовъ, большею частью принадлежащихъ къ бѣлой расѣ. Всѣ они стремятся урвать что нибудь изъ получки краснокожихъ, и агенту стоитъ большого труда сдерживать ихъ. То же самое происходитъ въ большей части индѣйскихъ агентуръ.

Индѣйцы эти довольно интеллигентны, но все же ихъ нельзя считать прогрессивнымъ элементомъ; они сильно привержены къ старинѣ, хотя всѣ почти уже перестали носить свою старинную одежду. Большинство изъ нихъ крѣпкаго тѣлосложенія, и нужды они не терпятъ ни въ чемъ. Въ настоящее время избытокъ рожденій надъ смертями среди нихъ нѣсколько уменьшился. Вообще озаги считаются самыми рослыми изъ индѣйцевъ. Старики этого племени и до сихъ поръ еще носятъ старинную прическу, состоящую въ томъ, что посрединѣ головы оставляютъ гребень волосъ, а бока гладко выбриваютъ; оставшіеся волосы они украшаютъ перьями. 100—200 лѣтъ назадъ эту прическу носили всѣ воины на западъ и востокъ отъ Миссисиппи; особенно распространена она была у индѣйцевъ, населявшихъ штаты вокругъ Мексиканскаго залива.

У племенъ, живущихъ на резервныхъ территоріяхъ, часто возникаютъ такія дѣла съ правительствомъ С. Штатовъ, которыя путемъ переписки уладить трудно, тогда они, на счетъ правительства, посылаютъ въ Вашингтонъ делегацію своихъ довѣренныхъ, обыкновенно въ сопровожденіи переводчика, для переговоровъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Делегація эта, безъ всякой впрочемъ надобности, представляется президенту республики, осматриваетъ всѣ достопримѣчательности Вашингтона и, если у нея имѣются свои собственныя деньги, проводитъ время такъ весело, что по возвращеніи на родину долго еще вспоминаетъ о своемъ путешествіи. Иногда делегаты берутъ съ собою своихъ женъ и дѣтей, иногда появляются въ столицѣ въ національныхъ костюмахъ, съ парадными трубками, ожерельями, томагауками и шитыми поясами. Въ такомъ видѣ являются, напр., индѣйцы изъ Канзаса и Айовы.

Въ С. Америкѣ, также какъ въ Южной, какъ въ Африкѣ, есть области, въ которыхъ попавшія туда туземныя племена или оставались на нисшей ступени культуры или даже теряли то, чѣмъ обладали раньше. Таковы пустыни, прилегающія къ Калифорніи, населенныя мелкими и малочисленными племенами. Обитающія здѣсь племена во многомъ напоминаютъ бушменовъ-австралійцевъ.

Калифорнійцы ѣдятъ, спятъ и вообще проводятъ всю свою жизнь подъ открытымъ небомъ, въ чистомъ полѣ, на голой землѣ. Лишь зимой, въ холода, они устраиваютъ съ той стороны, откуда дуетъ вѣтеръ, низенькую загородку изъ хвороста, полукруглой формы. Всю жизнь свою они безпрерывно передвигаются съ мѣста на мѣсто, къ чему ихъ при-

нуждаетъ необходимость отыскивать себѣ пропитаніе. Поселиться осѣдло и, отправляясь за добычей утромъ, возвращаться на то же мѣсто вечеромъ, они не могутъ, такъ какъ небольшая площадь земли не въ состояніи снабдить ихъ всѣмъ необходимымъ, и каждое племя, живущее совершенно самостоятельно отъ другихъ, принуждено добывать воду въ одномъ мѣстѣ, а тѣ или иные плоды въ другихъ.

Большинство ихъ мѣняетъ свое мѣстожительство по сто разъ въ годъ и остается на одномъ мѣстѣ не болѣе трехъ ночей подрядъ. На ночлегъ они останавливаются большею частью тамъ, гдѣ ихъ застанетъ ночь, не заботясь ни о ядовитыхъ насѣкомыхъ, ни о качествѣ почвы, нерѣдко грязной въ низменныхъ мѣстахъ. Въ тѣни деревьевъ они не скрываются по той простой причинѣ, что въ Калифорніи въ обитаемыхъ ими мѣстахъ деревьевъ нѣтъ, норъ въ землѣ для себя они не роютъ, въ естественныхъ же пещерахъ укрываются лишь во время сильныхъ дождей, если такія пещеры случайно имѣются по близости.

Калифорнійцы не знаютъ общественной жизни и никогда, при встрѣчахъ, не занимаются болтовней. Домашній скарбъ ихъ занимаетъ очень немного мѣста. Незанятые какимъ либо дѣломъ калифорнійцы проводятъ время лежа или сидя. Посѣщая миссіонеровъ, они также усаживаются прямо на землѣ, женщины сидятъ вытянувъ ноги, мужчины же скрестивъ ихъ по обычаю азіатскихъ народовъ.

Подобно тому, какъ открытый воздухъ служитъ калифорнійцамъ жилищемъ, ихъ черно-коричневая кожа замѣняетъ имъ одежду и плащъ, штаны и рубашку, одѣяло, лѣтнее, зимнее и праздничное платье, а также и украшенія. Калифорнійскія женщины только однѣ стараются хоть немного прикрыться. Для этого онѣ изъ листьевъ алоэ извлекаютъ бѣлыя нитевидныя жилки, скручиваютъ ихъ въ шнурки и изъ этихъ шнурковъ устраиваютъ нѣчто вродѣ передника, который отъ живота спускается на бедра, иногда же достигаетъ колѣнъ или даже ступней. Но съ боковъ и сзади тѣло остается покрыто только собственной кожей. Иныя, вмѣсто этихъ шнурковъ, употребляютъ кусокъ невыдѣланной оленьей кожи или лоскутъ шерстяной или бумажной матеріи, который могутъ получить, напр., отъ рудокоповъ. Изъ двухъ кусковъ такой же кожи они дѣлаютъ себѣ башмаки или сандаліи, вѣрнѣе, однѣ подошвы, которыя прикрѣпляются къ ступнѣ грубыми, сдѣланными изъ волоконъ алоэ тесемками. Голова у мужчинъ, женщинъ и дѣтей во всякую погоду остается обнаженной. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр. во время празднествъ, они размалевываютъ свое тѣло красной и желтой краской, которую приготовляютъ сами.

Все оружіе и утварь калифорнійцевъ составляютъ лукъ, стрѣлы, каменный ножъ, заостренная кость или палка для выкапыванія корней, черепашій черепокъ въ роли корзины и колыбели для дѣтей, бычачья толстая кишка или пузырь для воды во время переходовъ съ мѣста на мѣсто и, наконецъ, въ рѣдкихъ случаяхъ, сѣть для рыбы изъ описанныхъ выше волоконъ алоэ, а также мѣшокъ изъ кожи дикой кошки, въ которомъ хранится разная рухлядь. Всѣ ремесла и искусства, достигавшія при ихъ предкахъ значительнаго развитія, постепенно совершенно забыты калифорнійцами. Лукъ и стрѣлы единственное сколько нибудь сложное оружіе, которое они еще употребляютъ.

Луки калифорнійцевъ, длинною болѣе сажени, приготовляются изъ корня дикой ивы; они мало изогнуты, по срединѣ имѣютъ около пяти пальцевъ толщины и къ обоимъ концамъ постепенно утончаются и заостряются. Тетива дѣлается изъ бычачьихъ кишекъ. Стрѣлы они приготовляютъ изъ обыкновеннаго тростника, который выпрямляется съ помощью огня. Длиной онѣ около пяти четвертей, на нижнемъ концѣ имѣютъ впадину для накладыванія на тетиву и нѣсколько лежащихъ одна возлѣ другой дырочекъ, въ которыя втыкаются перья, длиною въ палецъ. Съ другого конца стрѣла снабжается наконечникомъ изъ тяжелаго дерева, на верху котораго укрѣпляется треугольный кремень, на подобіе змѣинаго жала, острые края котораго зазубрены. Они хорошіе стрѣлки изъ лука, такъ

какъ съ дѣтства упражняются въ этомъ занятіи. Лукъ они имѣютъ всегда при себѣ. Всѣ знанія, весь трудъ калифорнійцевъ мужчинъ ограничивается умѣніемъ дѣлать лукъ и стрѣлы.

Женщины ничего не умѣютъ дѣлать, кромѣ своихъ передниковъ; что касается приготовленія пищи, то этимъ каждый занимается для себя, мужчины и женщины, взрослые и дѣти. Цѣлый день въ теченіе круглаго года всѣ занятія ихъ ограничиваются добываніемъ пищи, пожираніемъ ея и затѣмъ сномъ или безцѣльнымъ шатаніемъ съ мѣста на мѣсто.

Хотя Калифорнія не очень плодородна, все же отъ голода калифорнійцы не умираютъ; развѣ только какой нибудь больной, потому что о больныхъ, даже ближайшихъ родственникахъ въ Калифорніи не заботятся. Даже маленькія дѣти, потерявшія мать или обоихъ родителей, рискуютъ умереть отъ отсутствія ухода.

Пищу калифорнійцевъ, а также всѣ сорта лакомствъ, которые произростаютъ въ дикомъ видѣ, безъ приложенія рукъ человѣческихъ, можно раздѣлить на четыре категоріи. Къ первой относятся нѣкоторые корни, напр. юка. Многія племена приготовляютъ изъ нея нѣчто вродѣ хлѣба, но калифорнійцамъ это кажется слишкомъ сложнымъ дѣломъ, и они довольствуются тѣмъ, что пекутъ ее въ золѣ, какъ картофель. Ѣдятъ они также, прямо сырыми, корни тростника, вытащенные изъ воды. Но главное мѣсто слѣдуетъ отвести верхушкамъ алоэ, котораго въ Калифорніи произрастаетъ нѣсколько видовъ. Такъ какъ алоэ ростетъ въ сухихъ безводныхъ мѣстностяхъ, то за нимъ калифорнійцамъ приходится совершать довольно отдаленныя прогулки. Ко второй категоріи можно отнести мелкія сѣмена разныхъ травъ и растеній, вылущиваемые дикарями. Хотя ихъ имѣется до 16 сортовъ, но сборъ бываетъ обыкновенно такъ ничтоженъ, что составляетъ лишь незначительное подспорье въ пищѣ калифорнійцевъ. Къ третьей категоріи относится все мясное или имѣющее отношеніе къ мясу или къ живымъ существамъ: кромѣ убиваемыхъ на охотѣ звѣрей и птицъ они ѣдятъ собакъ, кошекъ, лошадей,ословъ, муловъ, мышей, крысъ, ящерицъ, змѣй, летучихъ мышей, кузнечиковъ, сверчковъ, зеленыхъ, длиной въ палецъ, безволосыхъ гусеницъ, а также живущаго въ старомъ деревѣ очень жирнаго бѣлаго червя. Къ четвертой категоріи относятся всевозможныя нечистоты, а также все то, что только могутъ разгрызть зубы, а желудокъ переварить. Таковы листья индѣйской смоковницы, разнаго рода мягкое дерево, молодые побѣги, выдѣланная и невыдѣланная кожа, старые ремни, то, что кто нибудь другой уже жевалъ и выплюнулъ, кости мелкихъ птицъ, овецъ, козъ и телятъ, гнилое, покрытое червями, вонючее мясо и рыба, гнилая пшеница, и вообще все, повидимому, никуда негодное. Едва успѣютъ зарѣзать корову или быка и разостлать шкуру ихъ для сушки, какъ на ней уже появляется полъ-десятка ребятишекъ, которые при помощи ножей, камешковъ или просто пальцевъ сдираютъ съ нея и запихиваютъ въ ротъ все, что только можно. Продолжается это обыкновенно до тѣхъ поръ, пока шкура не окажется продырявленной. Однако человѣческаго мяса калифорнійцы никогда не ѣли, хотя добываніе пищи имъ, въ противоположность американцамъ-людоѣдамъ, давалось очень трудно.

О варкѣ, печеніи и жареніи калифорнійцы не имѣютъ никакого представленія; во-первыхъ у нихъ совершенно нѣтъ подходящей для этого посуды, во-вторыхъ имъ наскучило бы ждать три-четыре часа, пока мясо будетъ готово. Все, что они не поѣдаютъ сырымъ, они просто жгутъ на огнѣ; мясо, рыбу, птицу, змѣю или летучую мышь они, какъ дрова, бросаютъ въ огонь или на горячіе уголья и оставляютъ тамъ въ теченіе четверти часа, а затѣмъ вытаскиваютъ свое черное, обуглившееся снаружи и совершенно сырое внутри жаркое, бросаютъ его на землю, чтобы дать остыть, а затѣмъ поѣдаютъ. Всѣ мясныя блюда они приготовляютъ исключительно такимъ образомъ. Снять съ крысы шкуру или выпотрошить ее и обмыть мясо—имъ и въ голову не приходитъ. Хотя они и могли бы солить свои кушанья, но никогда этого не дѣлаютъ.

Индіанка съ грудным ребенкомъ въ колыбели, носимой за спиной.

Приготовленіе алоэ или мескале, какъ называютъ его мексиканцы и испанцы, требуетъ больше времени и труда: сначала обрѣзаютъ всѣ вѣтви, затѣмъ верхушки въ теченіе нѣсколькихъ часовъ жарятъ на сильномъ огнѣ, потомъ пучками по 15—20 штукъ зарываютъ въ землю, прикрываютъ горячими камнями, золой или землей и вынимаютъ оттуда черезъ 12 — 14 часовъ. Тогда онѣ дѣлаются золотисто-желтыми и довольно нѣжными, вкусъ ихъ довольно пріятный, но у людей непривычныхъ вызываетъ болѣзни.

Все, что не жарится этимъ способомъ, дикари сушатъ на горячихъ угляхъ, причемъ угли эти постоянно встряхиваютъ въ плетенкѣ или въ щитѣ черепахи. Высушенный продуктъ они размалываютъ между двумя камнями. Такимъ способомъ эти дикари приготовляютъ всевозможныя зерна, бобовыя растенія и всякія мясныя мелочи, которыя затерялись бы въ кострѣ, напр. гусеницы, саранча, личинки и т. под. Кости они также обжигаютъ и размалываютъ въ муку.

Калифорнійцы не знаютъ никакого раздѣленія времени. Они ѣдятъ, когда имѣется пища и желаніе съѣсть ее. Почти весь день они проводятъ въ ходьбѣ и поискахъ пищи, такъ какъ никогда ничего не прячутъ на слѣдующій день. Если что либо остается съ вечера, они съѣдаютъ это ночью или рано утромъ. Голодъ они переносятъ гораздо лучше другихъ людей, но за то лучше другихъ умѣютъ и ѣсть. Одинъ человѣкъ безъ особеннаго труда съѣдаетъ въ теченіе сутокъ 24 фунта мяса. Какъ-то одинъ калифорніецъ попросилъ у миссіонера нѣсколько козъ, для того, чтобы „жить по человѣчески“, какъ онъ выразился, т. е. для того, чтобы пасти ихъ, имѣть возможность питаться молокомъ, а также мясомъ приплода. Но уже черезъ нѣсколько дней изъ 12 подаренныхъ козъ не осталось ни одной. Одинъ калифорніецъ умудрился какъ то съѣсть за одинъ присѣстъ 17 арбузовъ! Другой въ уплату за какую то услугу получилъ 6 фунтовъ неочищеннаго сахару, усѣлся передъ дверью дома, гдѣ ему этотъ сахаръ дали, и тутъ же съѣлъ всѣ шесть фунтовъ, за что и поплатился жизнью.

Чѣмъ далѣе къ сѣверу, особенно къ сѣверо-западу, по направленію къ Азіи, тѣмъ больше въ бытѣ индѣйцевъ С. Америки наблюдается сходныхъ чертъ съ обитателями сосѣднихъ азіатскихъ береговъ, въ то время какъ обитатели сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ областей приближаются къ эксимосамъ. На побережьи Тихаго океана, гдѣ горы близко подходятъ къ берегу, а самый берегъ становится изрѣзаннымъ и образуетъ множество острововъ, обитаютъ племена, которыя питаются главнымъ образомъ добычей, доставляемой моремъ. Многіе такіе же „рыбоѣды“, какъ туземцы противоположнаго берега Азіи.

Индѣйцы Селишъ, населяющіе британскую Колумбію, представляютъ еще много сходнаго съ калифорнійцами, но уже туземцы острова Ванкуверъ, племена Нутка и Квакіутль, значительно отличаются отъ индѣйцевъ, обитающихъ по ту сторону пояса горъ. Еще болѣе различій наблюдается у племенъ Хайда и Тлинкитъ, населяющихъ острова и сѣверное побережье Тихаго океана. Отдѣленные горами отъ атабасскихъ племенъ сѣверной части Америки, прижатые къ морю, дающему имъ пищу, эти туземцы во многомъ отличаются отъ общаго индѣйскаго типа. Религіозныя вѣрованія и обряды ихъ во многомъ напоминаютъ азіатовъ. Такъ религія тлинкитовъ чистѣйшій шаманизмъ, т. е. это вѣра въ духовъ, которые вмѣшиваются въ жизнь людей, и могущество которыхъ можетъ быть сломлено мудрецами-шаманами. Шаманъ, „ихта“, всегда отличается неряшливой, грязной внѣшностью и длинными волосами. Послѣдніе либо собраны въ узелъ на затылкѣ, либо свободно развѣваются вокругъ головы. Ни ножницы, ни гребенка не должны касаться головы шамана. Даже въ знакъ самой глубокой печали шаманъ лишь слегка подстригаетъ волосы на лбу. Званіе шамана связано съ обладаніемъ разными украшеніями, рѣзными палочками изъ кости, масками, трещотками, бубнами и т. п. Для каждаго духа шаманъ имѣетъ особенную маску, которую надѣваетъ, когда желаетъ вызвать этого духа. Заклинаніе духовъ состоитъ въ дикой, порывистой пляскѣ вокругъ огня. Шаманъ лечитъ больныхъ, изгоняя изъ нихъ

злыхъ духовъ, вызываетъ хорошую погоду, заботится объ изобиліи рыбы, и т. д. Однако за все это онъ беретъ плату и немалую, притомъ всегда впередъ. Если заклинанія шамана не приводятъ къ желанной цѣли, ему не трудно найти отговорку: другіе злые духи вмѣшались въ дѣло, и для ихъ изгнанія нужно новое заклинаніе и новая плата.

Обыкновенно званіе шамана вмѣстѣ со всѣми его аттрибутами—масками, барабанами и прочими предметами, переходитъ по наслѣдству къ сыновьямъ и внукамъ. Однако не каждый желающій можетъ сдѣлаться шаманомъ, для этого нужно завести себѣ духовъ и войти съ ними въ сношенія. Русскій изслѣдователь Веніаминовъ разсказываетъ о двухъ сыновьяхъ одного шамана слѣдующее: одинъ изъ нихъ хотѣлъ сдѣлаться шаманомъ, но не добился этого потому, что ему не удавалось видѣть духовъ. Другой, напротивъ, не хотѣлъ быть шаманомъ и все-таки сдѣлался имъ, такъ какъ духи преслѣдовали его всюду. Впослѣдствіи этотъ человѣкъ сдѣлался очень извѣстнымъ шаманомъ.

Человѣкъ, желающій достигнуть званія шамана, уходитъ въ пустынные лѣса и горы. Тамъ, вдали отъ людей, онъ проводитъ одну, двѣ недѣли, иногда даже цѣлые мѣсяцы, питаясь исключительно корнями одного растенія, которое часто встрѣчается въ этой мѣстности. Продолжительность отшельничества зависитъ отъ времени появленія духовъ. Если духи долго не являются, то будущій шаманъ идетъ къ могилѣ какого-нибудь своего предшественника, ночуетъ возлѣ нея, беретъ отъ трупа нѣсколько зубовъ или отрѣзаетъ у него кончикъ мизинца. Эти предметы онъ затѣмъ держитъ во рту, чтобы ускорить появленіе духовъ. Когда наконецъ шаману удается увидѣть духовъ, онъ, отощавшій отъ долгаго поста, возвращается къ своимъ соплеменникамъ и начинаетъ „практиковать“ свое искусство.

Слава шамана зависитъ отъ числа подчиненныхъ ему духовъ; если ихъ много, и если онъ хорошій шаманъ, то они даютъ ему изрядные доходы. Но онъ долженъ соблюдать воздержность, въ противномъ случаѣ его же духи убиваютъ его. У каждаго шамана есть свои собственные духи, всѣ они носятъ различныя названія, и для всякаго поются особыя пѣсни. Духи предковъ лишь очень рѣдко становятся подъ начало своихъ потомковъ.

Вѣра въ чудесную власть и могущество шамановъ теперь нѣсколько пошатнулась, но прежде она была очень сильна среди тинклитовъ.

Торжественные обряды шамановъ совершаются только зимой во время полнолунія или новолунія. Шаманы торжественно призываютъ духовъ, чтобы они принесли счастіе селенію, родственникамъ шамана и ему самому и спасли ихъ отъ болѣзней.

Съ утра дня, назначеннаго для торжества, и до слѣдующаго утра никто изъ родственниковъ шамана, помогающихъ ему, не долженъ ни ѣсть, ни пить. Наканунѣ этого дня они даже очищаютъ себѣ желудокъ рвотой. Когда солнце склоняется къ закату, всѣ входятъ въ предназначенную для обряда хижину, которую предварительно тщательно очищаютъ и выстилаютъ новыми досками. Тотчасъ же начинается пѣніе. Въ немъ принимаютъ участіе, какъ мужчины, такъ и женщины. Тактъ отбиваютъ на барабанѣ, который помѣщаютъ всегда направо отъ входа. Шаманъ надѣваетъ праздничную одежду и начинаетъ бѣгать вокругъ огня посолонь. При этомъ онъ усиленно изгибается въ тактъ барабану и пѣнію. Пляска продолжается до тѣхъ поръ, пока глаза его, направленные все время къ дымовому отверстію, не остановятся совершенно. Тогда онъ внезапно прекращаетъ пляску, переводитъ взглядъ на барабанъ и вскрикиваетъ. Музыка и пѣніе тотчасъ же прекращаются, и взоры всѣхъ устремлены на шамана, ибо его устами говоритъ посѣтившій его духъ. Затѣмъ начинается угощеніе гостей табакомъ и всевозможными кушаньями.

Духи, съ которыми шаманы сносятся, распадаются на три разряда. Есть кіеки, т. е. высшіе духи или верхніе, отъ слова кина—вверху, затѣмъ такіеки, духи земли, и наконецъ текіеки — духи воды. Кіеки являются шаманамъ всегда въ видѣ воиновъ, это души убитыхъ въ бою. Жилище ихъ на сѣверномъ небосклонѣ, который раскрывается, когда

принимаетъ новыя души. Люди, обреченные близкой смерти, могутъ видѣть отверстое небо. Такіеки или духи земли являются шаманамъ всегда въ видѣ земныхъ животныхъ. Это души тлинкитовъ, умершихъ своею смертью. Жилище ихъ находится на крайнемъ сѣверѣ и носитъ названіе Таканку. Текіеки или духи воды показываются въ образѣ морскихъ животныхъ, они не болѣе, какъ души послѣднихъ. У каждаго тлинкита есть духъ покровитель тукіянекъ.

Кромѣ шамановъ тлинкиты вѣрятъ въ существованіе колдуновъ, которыхъ ожесточенно преслѣдуютъ, несмотря на то, что американское правительство и миссіонеры всячески противодѣйствуютъ этому. Насколько извѣстно, въ колдовствѣ обвиняютъ вообще только женщинъ. Всякое отступленіе отъ обычаевъ, всякое новшество считается причиной вызывающей непогоду, болѣзни, неудачу на войнѣ и на охотѣ и вообще различныя несчастія.

Б.

Территорія Штатовъ.

Область сухихъ плоскогорій и горъ.—Страна Великихъ озеръ.—Аппалачскія горы.—Низменность рѣки Миссиссиппи.

Всюду въ странахъ, гдѣ населеніе сидѣло на землѣ съ древнихъ временъ, его развитіе и дальнѣйшая судьба были тѣсно связаны съ почвой, на которой люди жили, изъ которой они извлекали свою пищу, съ особенностями страны, которыя опредѣляли послѣдующее развитіе промышленной дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ соціальный строй и политическое будущее націи. Повторить подобное нельзя безусловно по отношенію къ Соединеннымъ Штатамъ. Сюда люди явились вооруженные большимъ запасомъ культурныхъ пріобрѣтеній, и не природа распорядилась ими, а они распорядились ею. То же самое мы видимъ во всѣхъ вновь заселяемыхъ странахъ, и соотвѣтственно этому здѣсь сложился новый типъ государства — федерація небольшихъ самоуправляющихся областей съ почти неограниченной свободой личности, съ полнымъ просторомъ для разгула всѣхъ присущихъ современному строю силъ. Въ Австраліи, въ Ю. Африкѣ, въ Канадѣ много общаго, но всего грандіознѣе и раньше всего новое развитіе проявилось на территоріи Штатовъ.

Территорія эта охватываетъ громадное пространство весьма неравноцѣнныхъ областей. Въ общемъ ее можно раздѣлить на четыре области: 1. Дальній Западъ“ или страна сухихъ плоскогорій между двумя грядами Кордильеръ, причемъ предверіемъ къ ней служатъ сухія, высокія преріи; 2. „Страна великихъ озеръ“, занимающая сѣверо-восточный уголъ и сливающаяся съ сосѣдними владѣніями Канады; 3. Аппалачскія горы съ обоими склонами ихъ на западъ и востокъ, и 4. громадная низменность Миссиссиппи, открывающаяся къ Мексиканскому заливу.

Вся западная часть Сѣверной Америки, отъ Берингова моря до перешейка Тегуантепекъ, представляетъ собой горную страну, простирающуюся на 8.000 к. въ длину и отъ 800 до 1.600 к. въ ширину, т. е. по площади почти равную австралійскому континенту. Благодаря тому, что сѣверная, мало изслѣдованная часть между рѣками Юконамъ и Мекензіевой лежитъ за полярнымъ кругомъ, южная же, на границѣ Мексиканскаго плоскогорья, заходитъ въ жаркій поясъ, климатическія условія ея болѣе разнообразны, чѣмъ въ какой-либо другой горной странѣ. Въ предѣлахъ Соединенныхъ Штатовъ берегъ Великаго океана носитъ совершенно иной характеръ, чѣмъ покрытый фіордами берегъ бри-

танскихъ владѣній. Онъ тянется отъ пролива Хуана де Фука почти на 700 километровъ и, за исключеніемъ устья р. Колумбіи и немногихъ маленькихъ бухтъ, почти недоступенъ. Параллельно побережью возвышается горная цѣпь, вначалѣ хорошо орошенная и покрытая лѣсомъ. Къ югу пространство между Каскадными горами и Скалистыми становится шире, и здѣсь простирается плоскогорье, размѣрами своими превышающее размѣры Германіи и почти цѣликомъ лежащее въ бассейнѣ рѣки Колумбіи. Здѣсь мѣстами залегаютъ мощные слои лавы, потоки которой какъ бы изрыли все плоскогорье. Такъ территорія Національнаго парка къ западу отъ рѣки Іеллоустонъ покрыта корою породъ, застывшихъ нѣкогда изъ расплавленной массы. На широкомъ хребтѣ Скалистыхъ горъ возвышаются покрытыя снѣгомъ вершины вулкановъ, отчасти еще не угасшихъ. Крупнѣйшіе изъ нихъ Маунтъ-Рейнеръ, Худъ, Шаста. Они представляютъ собой какъ бы пограничные столбы съ Невадой.

Климатическія условія, не менѣе, чѣмъ геологическія, отличаютъ эту область отъ области Британскихъ владѣній. Въ горахъ граница лѣса достигаетъ 2.000—2.700 метровъ надъ уровнемъ моря, въ Іеллоустонскомъ же паркѣ 3000—3100. Плоскогоріе бѣдно осадками и въ значительной своей части пустынно. По склонамъ Каскадныхъ горъ растутъ густые лѣса, а вершины ихъ покрыты ледниками; на вершинахъ же Скалистыхъ горъ снѣга и льда очень немного. Всюду встрѣчаются слѣды прежнихъ обширныхъ ледниковъ, а слишкомъ широкія для современныхъ рѣкъ ложа свидѣтельствуютъ о томъ, что страна эта, въ прежнія времена, была болѣе богата водой. Озера тамъ и теперь встрѣчаются во множествѣ.

Колумбія, берущая начало въ Британской Колумбіи, и протекающая у подножья горъ Селькирка, а также самый крупный изъ ея притоковъ—Снейкъ-риверъ (Змѣиная), богата порогами, тѣснинами и водопадами, изъ которыхъ въ Шошонскомъ паденіе воды равно 46 метрамъ.

Южнѣе береговая линія Тихаго океана принимаетъ юго-восточное направленіе. Берега здѣсь большею частью круты, недоступны и образованы склономъ горной цѣпи, имѣющей въ общемъ небольшую высоту. Но вершины юго-западной Калифорніи, Санъ-Антоніо, Санъ-Бернардино и Санъ-Яцинто достигаютъ высоты 3000 метровъ. На полуостровѣ Калифорніи тоже встрѣчаются вершины, достигающія такой же высоты. Долина, отдѣляющая прибрежную горную цѣпь отъ Западной, наиболѣе углублена въ западной своей части, въ Сіерра Невадѣ, гдѣ текутъ навстрѣчу другъ другу рѣки Сакраменто и Санъ-Джоакинъ, которыя затѣмъ соединяются въ заливѣ Санъ-Франциско, большой гавани, возникшей на берегу Великаго Океана благодаря перерыву въ горной цѣпи.

Западную границу обширнаго плоскогорья образуетъ Сіерра-Невада, восточную—обрывистыя въ сторону степи Скалистыя горы. На пространствѣ между ними залегаетъ не имѣющая стока котловина, такъ называемый „Большой бассейнъ“, и течетъ Колорадо съ ея притоками. Сіерра Неваду нельзя назвать складчатой горной цѣпью; крутой обрывъ на востокѣ слѣдуетъ, пожалуй, разсматривать, какъ рядъ сбросовъ. Еще и въ настоящее время вся эта область испытываетъ сильныя землетрясенія, какъ напр. то, которое разрушило С. Франциско. Скалистыя горы, состоящія изъ очень древнихъ породъ, достигаютъ наибольшей своей высоты между 105—106° з. д. отъ Гринича и 35—43° с. ш. Впечатлѣніе отъ вершинъ, возвышающихся на 4000 метровъ, значительно ослабляется благодаря тому, что прилегающая къ нимъ равнина достигаетъ высоты 1500 метровъ надъ уровнемъ моря. Вообще же наиболѣе высокія вершины достигаютъ 4200 — 4400 метровъ. Склоны, до высоты 3400 метровъ, покрыты хвойными лѣсами. Вершины горъ, благодаря малому количеству осадковъ, не изобилуютъ снѣгами, и на нихъ встрѣчаются только небольшіе остатки прежнихъ глетчеровъ.

Мощный горный хребетъ Васачъ образуетъ водораздѣлъ между „Большимъ бас-

сейномъ“ и Колорадо. Въ геологическомъ отношеніи характеръ горъ очень разнообразенъ. Пласты и глыбы древнихъ породъ перемежаются здѣсь съ продуктами вулканическихъ изверженій, въ углубленіяхъ почвы встрѣчаются застывшіе потоки лавъ и отложенія горныхъ потоковъ. Ни одинъ ручей изъ этой области не достигаетъ моря, всѣ они кончаются либо въ пустынѣ, либо въ солончаковыхъ озерахъ и болотахъ. Благодаря такой сухости лѣсъ и кустарникъ могли разрости только въ долинахъ и оврагахъ болѣе значительныхъ горныхъ потоковъ. По этой же причинѣ земледѣліе здѣсь почти невозможно. Только тамъ, гдѣ удалось создать искусственное орошеніе, при помощи артезіанскихъ колодцевъ или горныхъ потоковъ, встрѣчаются небольшіе участки обработанной земли. Благодаря такимъ потокамъ, мормоны только и могли обработать узкую полосу земли у западнаго подножья горъ Васачъ. Существуютъ довольно ясныя указанія на то, что въ области „Большого бассейна“ не всегда было такъ мало воды. Достаточно указать на то, что мелководное большое Соленое озеро, величина котораго въ настоящее время, смотря по высотѣ уровня воды, колеблется около 5000 кв. к., когда то составляло, вмѣстѣ съ озерами Юта и Севиръ, внутреннее море, площадью въ 48.000 кв. к.

Теченіе Колорадо, несмотря на громадные размѣры этой рѣки, совершенно не пригодно для судоходства. Истоки Колорадо находятся на склонахъ Фремонтъ-пика, и вначалѣ рѣка протекаетъ по пустынной, скалистой равнинѣ. Отсюда, съ высоты 200 метровъ, рѣка ниже города Гринъ-риверъ, расположеннаго на Тихоокеанской желѣзной дорогѣ, спускается по узкимъ тѣснинамъ къ равнинѣ.

По безводной равнинѣ, получившей отъ рѣки свое названіе, Колорадо протекаетъ въ глубокомъ ущельи; таково же ложе и всѣхъ его притоковъ, изъ которыхъ мы упомянемъ здѣсь только Гринъ-риверъ, Хуанъ и Малый Колорадо. Передъ впаденіемъ этого послѣдняго Колорадо протекаетъ чрезъ знаменитый „мраморный“ каньонъ, а ниже устья этого притока рѣка протекаетъ чрезъ Большой каньонъ. Здѣсь Колорадо, прежде чѣмъ повернуть на югъ, прорѣзаетъ древнѣйшіе пласты, которые тянутся отъ южнаго конца Васачскаго горнаго хребта до громадныхъ отложеній вулканическаго происхожденія, возвышающихся между истоками малаго Колорадо и Ріо-Джила. Здѣсь предъ нами развертывается грандіознѣйшая на землѣ картина—разрѣзъ въ 1800 метровъ черезъ цѣлую свиту различныхъ слоевъ. Рѣка въ своей грандіозной работѣ проникла до древнѣйшихъ слоевъ. Всю эту область, по справедливости, можно назвать пустыней. На высотахъ встрѣчаются, правда, жалкіе деревья и кустарники, но въ общемъ всюду царитъ голый камень. Ландшафтъ необычайно грандіозенъ и пустыненъ. Со своеобразностью очертаній горъ и скалъ гармонируетъ и оригинальность растительныхъ формъ, особенно громадныхъ кактусовъ.

Вся сѣверо-западная часть Соединенныхъ Штатовъ и прилегающія на большомъ пространствѣ части Канады представляютъ область очень древняго происхожденія. Здѣсь нѣкогда колыхалось мелкое море, которое затѣмъ смѣнилъ мощный слой льда. Область эта охвачена на югѣ и западѣ, какъ широкимъ валомъ, волнистой мѣстностью, покрытой валунами и множествомъ мелкихъ и крупныхъ озеръ. „Канадскій щитъ“, какъ назвалъ эту область геологъ Зюсъ, постепенно возвышается отъ береговъ мелководнаго Хедзонова залива и, подобно громадной подковѣ, обрамляетъ его, захватывая пространство въ 80.000 кв. к. Страна получила свой характерный видъ въ ледниковый періодъ, но до и послѣ него она пріобрѣла еще и другія черты. При наибольшемъ своемъ распространеніи ледяной покровъ заходилъ довольно далеко за предѣлы теперешней области озеръ. Страну эту, нынѣшній рельефъ которой такъ измѣнился благодаря наваленнымъ ледникомъ моренамъ, окружаетъ широкій поясъ озеръ.

Здѣсь на югѣ лежатъ пять „великихъ озеръ“, среди которыхъ Верхнее является величайшимъ въ свѣтѣ. Всѣ пять озеръ соединены протоками и рѣками. Уровень озера

Онтаріо прежде лежалъ, вѣроятно, на 30 метровъ ниже, чѣмъ теперь. Только благодаря тектоническимъ измѣненіямъ, онъ поднялся на 50 метровъ выше, а затѣмъ, благодаря рѣкѣ Св. Лаврентія, достигъ своего теперешняго уровня. Уже въ теченіе ледниковаго періода надвиганіе и отступаніе ледяного покрова, само по себѣ, помимо вмѣшательства тектоническихъ силъ, должно было создать большое разнообразіе въ озерномъ ландшафтѣ. Посреди громадной группы озеръ, часть которыхъ принадлежитъ къ бассейну рѣки Мекензи, а другая къ бассейну рѣки Св. Лаврентія, на высотѣ 220 метровъ надъ уровнемъ моря, лежитъ озеро Виннипегъ, въ которое впадаютъ рѣки Асинибоя и Саскачеванъ и которое соединено съ Хедзоновымъ заливомъ рѣкою Нельсона.

Страна озеръ пріобрѣтаетъ все большее и большее экономическое значеніе, къ которому несомнѣнно, къ великому огорченію Великобританіи, присоединится и значеніе политическое. Въ прилагаемой краткой таблицѣ мы даемъ обзоръ размѣровъ поверхности и наибольшей высоты канадскихъ озеръ.

Верхнее оз.	81.000	кв.	килом.	183	метра	надъ	уровн.	моря	307	метр.	наибольш.	глуб.
Мичигенъ	58.000	„	„	178	„	„	„	„	264	„	„	„
Хуронъ	59.500	„	„	177	„	„	„	„	222	„	„	„
Заливъ-Георга	13.000	„	„	177	„	„	„	„	128	„	„	„
Ири	26.000	„	„	175	„	„	„	„	99	„	„	„
Онтаріо	17.000	„	„	75	„	„	„	„	225	„	„	„

Между уровнями озеръ Ири и Онтаріо существуетъ разница въ 100 метровъ. Почти половина этой высоты (49 м.) приходится на долю Ніагарскаго водопада, образуемаго рѣкою, соединяющею оба эти озера. Рѣка, шириною въ 2 километра, течетъ съ умѣренной быстротой, затѣмъ, около Козьяго острова, начинаются пороги, и далѣе рѣка раздѣляется на два водопада, американскій и канадскій. Ширина ихъ не превышаетъ 300 метровъ, а берега достигаютъ 60 метровъ высоты. Надъ самыми водопадами перекинуты мосты, соединяющіе селенія Ніагара-Фолсъ и Ніагара Сити съ лѣвымъ берегомъ. У самаго водопада рѣка поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ, и здѣсь вода вырыла глубокую котловину. Понадобилось не менѣе 20 — 30 тысячъ лѣтъ для того, чтобы рѣка могла прорыть свое русло въ слоистой почвѣ. Съ 1842 по 1883 годъ канадскій водопадъ отступилъ на 77 метровъ.

Сначала американцы, а затѣмъ и канадцы, провели сбоку водопада обводный каналъ. Надъ водопадомъ перекинуты мосты, а громадная сила его утилизирована для техническихъ цѣлей и даетъ до 60.000 лошадиныхъ силъ. Омывъ „тысячи острововъ“, рѣка Св. Лаврентія покидаетъ озеро Онтаріо и направляется къ сѣверо-востоку. Долина, по которой она протекаетъ, достигаетъ 15 километровъ ширины. Между озеромъ Онтаріо и Монтрилемъ тоже есть пороги, и для обхода ихъ понадобилось прорытіе шести обводныхъ каналовъ. Расположенное между Монтрилемъ и Квебекомъ озеро св. Петра также было несудоходно, и потому въ немъ прорыли искуственный фарватеръ.

Къ канадской области примыкаетъ съ востока древняя по своему происхожденію возвышенная область Аппалачская. Только къ югу отъ 32^0 30^0 сѣверной широты возвышенность эта переходитъ мало по малу въ обширную равнину юго-восточныхъ штатовъ. Считая отъ восточной оконечности Ньюфаундленда, Аппалачская область простирается въ длину на 2.500 к. и въ ширину на 200 к. Горныя цѣпи выражены здѣсь не ярко. Гористая поверхность штата Мэна сильно напоминаетъ лѣсистые и озерные ландшафты южной Норвегіи или Финляндіи. Гора Вашингтона возвышается болѣе чѣмъ на 600 метровъ надъ окружающей мѣстностью. На ней устроена метеорологическая станція.

Всю Аппалачскую систему прорѣзаетъ наискось долина, направленіе которой приблизительно можно опредѣлить, соединивъ прямой линіей города Монтриль и Нью-Іоркъ.

*

Въ этой долинѣ расположено озеро Чамплэнъ и нижнее теченіе Хедзона. Здѣсь Аппалачи принимаютъ видъ системы почти параллельныхъ горныхъ цѣпей. Обособленное положеніе занимаетъ здѣсь только возвышенность Адирондакъ, откуда беретъ свое начало Хедзонъ. Она поднимается сплошной гранитной массой, возвышаясь на 150 метровъ надъ границей лѣсовъ, посреди треугольника, образуемаго рѣкой Св. Лаврентія, озеромъ Чамплэнъ и долиной Мохаука. Пользующіяся большой извѣстностью и часто посѣщаемыя туристами изъ Нью-Іорка горы Кетскиль представляютъ собой часть Аппалачской системы. Если сдѣлать поперечный разрѣзъ черезъ систему Аппалачей отъ Атлантическаго океана къ озеру Ири или бассейну Охайо, то получится волнистая линія, благодаря шести-восьмикратному чередованію горъ и долинъ. Здѣсь было бы умѣстно сравненіе, которымъ слишкомъ часто злоупотребляютъ, а именно сравненіе съ застывшими гигантскими волнами. Какъ у волнъ, катящихся изъ глубины континента къ побережью, у этихъ горъ болѣе крутой склонъ обращенъ къ послѣднему.

Отдѣльные хребты достигаютъ 900—1300 метровъ высоты. Кое-гдѣ встрѣчаются массивы болѣе твердой породы; скалы въ долинахъ встрѣчаются не часто. Поперечныя долины, чрезъ которыя рѣки прорываются изъ одной продольной долины въ другую, большею частью широки. Вообще горы, даже тамъ, гдѣ онѣ достигаютъ 2000 метровъ высоты, имѣютъ, всетаки, мягкія очертанія. Аппалачи или Эллегени очень древняго происхожденія; они непрерывно понижались со временъ палеозойскаго періода благодаря разрушенію отъ вывѣтриванія. Интересные слѣды подземной работы воды представляютъ галлереи и пещеры въ мѣловыхъ горахъ Кентукки и Тенесси. Самая знаменитая это „Мамонтова пещера“. По размѣрамъ она является первой въ мірѣ, но сѣверо-американцы, конечно, убѣждены, что она и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ также замѣчательна.

Когда то долины и хребты Эллегенъ были покрыты почти сплошнымъ лѣсомъ. У подножья горъ лѣсъ преимущественно сосновый, выше онъ смѣняется смѣшаннымъ лиственнымъ, который славился пестротой своей осенней окраски. У верхней границы къ лиственнымъ породамъ опять примѣшиваются ель и низкорослый дубъ. Теперь лѣса, конечно, въ значительной степени опустошены. Въ продольныхъ и поперечныхъ долинахъ проведена цѣлая сѣть желѣзныхъ дорогъ.

Обращенная широкимъ своимъ концомъ къ югу, обширная равнина между Скалистыми горами, границей древнихъ ледниковъ и Эллегенами образуетъ бассейнъ рѣки Миссиссиппи. Источники рѣки лежатъ на высотѣ 500 метровъ надъ уровнемъ моря въ окрестностяхъ озера Итаска. Благодаря скаламъ, въ верхнемъ Миссиссиппи встрѣчаются пороги. Приблизительно на 45°. Миссиссиппи, между городами Миннеаполисъ и Сентъ-Антоніо, образуетъ водопадъ, крайне разрушительно дѣйствующій на берега, такъ что пришлось прибѣгнуть къ искусственному укрѣпленію ихъ. У Миссиссиппи много притоковъ. Такъ Миссури, большая рѣка, вытекающая изъ Скалистыхъ горъ, пересѣкаетъ преріи и впадаетъ въ Миссиссиппи справа. Всѣ правые притоки вначалѣ текутъ по дну глубокихъ горныхъ ущелій, въ преріи же ложе ихъ расширяется и иногда достигаетъ 10 километровъ ширины. Вода въ Миссури обыкновенно стоитъ очень низко и течетъ, извиваясь между безчисленными песчаными отмелями и островками. Почти половина всего бассейна Миссиссиппи принадлежитъ Миссури, однако, въ смыслѣ судоходности, онъ имѣетъ едва третьестепенное значеніе.

Лѣвые притоки Миссури всѣ направляются съ сѣвера къ югу, правые же текутъ съ запада на востокъ. Самъ Миссури, покинувъ горныя ущелья, сначала направляется къ востоку, а затѣмъ, по діагонали, на юго-востокъ. Послѣ сліянія Миссури съ Миссиссиппи, рѣка течетъ нѣкоторое время по мѣстности, покрытой низкими известковыми скалами, затѣмъ уже начинается покрытая лѣсомъ низменность. У Сентъ-Луиса, предъ самымъ сліяніемъ, черезъ обѣ рѣки перекинуты гигантскіе мосты. При сліяніи Миссиссиппи и

Огайо, имѣющихъ въ этомъ мѣстѣ 1400 и 800 метровъ ширины, лежитъ Каиръ, защищенный отъ разливовъ и наводненій громадными плотинами. Правый притокъ, Охайо, очень безпокойная рѣка. Уровень воды въ немъ колеблется въ предѣлахъ 15 и даже 20 метровъ, и это причиняетъ массу непріятностей и безпокойствъ какъ судовладѣльцамъ, такъ и инженерамъ, строющимъ мосты. Зато притоки его, изъ которыхъ многіе, правда, судоходны только въ половодье, образуютъ густую водяную сѣть на всемъ западномъ склонѣ Эллегенъ. Случается, что рѣка, размывая берега, обнажаетъ залежи каменнаго угля, который тутъ же, на поверхности, добывается и грузится на суда. Охайо судоходенъ до Питсберга, Кемберлендъ до Нешвилл, а Тенесси до Чатануга.

Ниже Каира Миссиссиппи течетъ по наносной долинѣ, достигающей мѣстами свыше 100 километровъ ширины. Начало этой долины возвышается надъ уровнемъ моря на 85 метровъ, но мало-по-малу понижается. Теченіе рѣки сопровождаютъ низкіе холмы третичнаго періода; по лѣвому берегу они тянутся до Батонъ-Ружъ, по правому встрѣчаются лишь мѣстами, возлѣ Элена и Арканзасъ-Сити. Лѣвый берегъ болѣе населенный; здѣсь расположены города Мемфисъ, Виксбергъ, Натчесъ и Батонъ Ружъ.

Въ своемъ теченіи рѣка дѣлаетъ массу изгибовъ; весенніе разливы неустанно работаютъ надъ видоизмѣненіемъ береговъ. Извилистая линія главнаго русла на всемъ своемъ протяженіи сопровождается полулунными озерами, остатками прежнихъ изгибовъ рѣки, и всевозможныхъ размѣровъ и формы рукавами. Страннымъ образомъ ширина рѣки постепенно уменьшается. Въ болотистой мѣстности къ югу отъ Каира ширина рѣки достигаетъ 1100—1300 метровъ, у Виксберга едва 800. Сліяніе съ крупными притоками совершенно не отражается на ширинѣ рѣки, хотя въ ихъ числѣ и встрѣчаются такія широкія рѣки, какъ Арканзасъ и Редъ-риверъ, которыя судоходны для мелко сидящихъ пароходовъ даже еще за предѣлами индѣйской территоріи. Понятно, такое неправильное и измѣнчивое русло, къ тому же постоянно засоренное вырванными съ корнемъ древесными стволами, очень затрудняетъ судоходство. Тѣмъ не менѣе послѣднее достигло довольно значительнаго развитія. Цѣлый рядъ громадныхъ мостовъ перекинутъ черезъ рѣку. Иногда рѣка силой своего теченія сама выпрямляетъ свои извилины, достигающія длины 30—40 километровъ; мѣстами ей помогаютъ въ этомъ инженеры, которые для сокращенія пути проводятъ каналы. Такимъ образомъ общая длина теченія сокращена на 300 километровъ. Миссиссиппи очень богатъ наносами; въ этомъ отношеніи онъ соперничаетъ съ самыми неутомимыми потоками Стараго Свѣта, Иравадди и Гангомъ. Въ Мексиканскомъ заливѣ онъ успѣлъ создать громадную площадь наносной земли. Дельта Миссиссиппи всегда будетъ причинять много хлопотъ американцамъ не только благодаря новымъ наносамъ, но и благодаря тому, что наносная почва очень непостоянна; она то опускается, то поднимается благодаря скопленію подъ нею газовъ, и кромѣ того принимаетъ участіе въ пониженіи глубины всего залива.

Примыкающіе къ дельтѣ берега залива окаймлены длинными отмелями и дюнами. Между дюнами расположены лагуны, соединенныя съ океаномъ проливами. Лагуны эти появляются и исчезаютъ подъ вліяніемъ прибоя, бурь и т. д. Въ такія лагуны впадаетъ цѣлый рядъ довольно значительныхъ рѣкъ.

Населеніе Соединенныхъ Штатовъ.

Заселеніе страны въ прежнія и новыя времена. — Золотая горячка въ Калифорніи и Клондайкѣ. — Національный составъ населенія. — Классы бѣлаго населенія и ихъ бытъ. — Промышленность и города. — Земледѣліе. — Цвѣтные. — Политическій строй.

Первыми, проникшими на территорію нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатовъ, бѣлыми, послѣ открытія Америки, были, само собою разумѣется испанцы, но утвердиться тамъ имъ не удалось, и они либо покинули страну, либо вымерли отъ болѣзней и лишеній. На смѣну имъ, въ 1562 г., явились гугеноты-французы, основавшіе первую прочную колонію на юго-восточныхъ берегахъ территоріи. Часть ихъ тоже не вынесла трудностей жизни и покинула колонію, другую же часть вырѣзали испанцы „не за то, впрочемъ, что они были французы, но потому что они были еретики". Вновь прибывшіе французы въ свою очередь перевѣшали испанцевъ „не за то, что они испанцы, а за то, что они предатели, воры и убійцы". Англичане появились здѣсь только въ концѣ 16-го столѣтія и утвердились въ нынѣшней Виргиніи, основавъ на морскомъ берегу поселокъ, превратившійся впослѣдствіи въ городъ Джемстаунъ. Сначала и у нихъ дѣло колонизаціи пошло плохо, но развитіе табаководства вызвало притокъ новыхъ переселенцевъ изъ Англіи, а также изъ Шотландіи и Ирландіи, а во время англійской революціи туда же направились многіе представители высшаго и средняго сословій, изъ которыхъ большинство сдѣлалось крупными землевладѣльцами. Такъ обстояло дѣло въ южной части территоріи. На сѣверѣ первая колонія была основана въ 1620 году, когда къ скалистымъ берегамъ Новой Англіи пристало судно „Мейфлауеръ" со ста двумя бѣжавшими отъ преслѣдованій англійскими пуританами. Спустя нѣсколько лѣтъ еще триста пуританъ высадились у Бостонской бухты, укрѣпились здѣсь, и мало по малу вся власть сосредоточилась въ ихъ рукахъ. Въ современномъ американскомъ обществѣ, между прочимъ, придаютъ большое значеніе происхожденію, и ничего нѣтъ заманчивѣе, какъ считать себя потомкомъ эмигрантовъ, прибывшихъ на "Мейфлаурѣ". Остряки при этомъ спрашиваютъ, „которымъ рейсомъ", потому что если посчитать всѣхъ потомковъ первыхъ пассажировъ этого судна, то для перевозки ихъ предковъ понадобилась бы цѣлая флотилія.

Таковы были первые шаги колонизаціи на территоріи Соединенныхъ Штатовъ. Послѣ этого дѣло пошло легче; вновь прибывающіе попадали уже въ готовую колонію, получали, такъ сказать, операціонную базу, и имъ оставалось только выбирать мѣсто для поселенія. Правда, коренное краснокожее населеніе не всегда добровольно уступало свои земли, но оно никогда не было особенно многочисленно, отдѣльныя племена постоянно враждовали между собою, и преимущество всегда было на сторонѣ колонистовъ, какъ благодаря ихъ солидарности, такъ и благодаря болѣе совершенному оружію; колонисты непрерывно подвигались отъ восточнаго побережья С. Америки вглубь страны, на западъ.

Какъ явствуетъ изъ сказаннаго выше, первыхъ эмигрантовъ заставили искать себѣ новой родины преслѣдованія на религіозной почвѣ, а отчасти и политической. Сюда ѣхали гугеноты изъ Франціи, квакеры и пуритане изъ Англіи, сюда же устремилась масса политическихъ эмигрантовъ изъ Франціи, позднѣе, во время великой революціи. Но чѣмъ болѣе облегчались и удешевлялись средства передвиженія, тѣмъ больше являлось сюда искателей хорошихъ заработковъ, отправлявшихся въ Америку съ надеждой разбогатѣть и при случаѣ даже вернуться на родину. И эмигрантамъ подобнаго рода Сѣверная Аме-

рика въ значительной степени обязана своимъ экономическимъ, а также и политическимъ благосостояніемъ.

До 1819 года въ дѣлѣ перевозки эмигрантовъ никакой регламентаціи не существовало, и владѣльцы судовъ нерѣдко безсовѣстно эксплоатировали ихъ, особенно эмигрантовъ побѣднѣе; но съ этого года правительство Соединенныхъ Штатовъ принимаетъ постепенно рядъ мѣръ, имѣющихъ цѣлью охранить переселенцевъ отъ неумѣренныхъ аппетитовъ транспортныхъ обществъ. Мѣры эти не замедлили отразиться на размѣрахъ эмиграціи, которая съ 1820 г. растетъ непрерывно. Какъ примѣръ, можно привести слѣдующія цифры: за время съ 1790 по 1820 годъ въ Америку переселилось всего 250.000 иностранцевъ, съ 1820 же

Видъ на одно изъ плоскогорій Колорадо.

по 1900 г. число европейскихъ переселенцевъ составило около 30.000.000 человѣкъ. По годамъ распредѣленіе переселенцевъ довольно неравномѣрно, такъ напр. въ 1858 году число ихъ составляло 245.000 ч., а въ 1861 г. всего только 80.000 ч. Наивысшей мѣры эмиграція достигла въ 80-хъ годахъ; такъ въ 1882 году она выразилась числомъ 800.000, а въ 1888 году превысила даже милліонъ. Затѣмъ, нѣсколько ослабѣвъ въ 90-хъ годахъ, эмиграція въ настоящее время снова растетъ и въ 1905 году, напр., достигала милліона. За послѣднее время произошли также большія измѣненія и въ составѣ ея: такъ, прежде преобладалъ германско-скандинавскій элементъ, въ настоящее же время славяно-итальянскій, съ сильной примѣсью евреевъ и финновъ.

Въ настоящее время населеніе Соединенныхъ Штатовъ достигаетъ приблизительно 92 милліона (считая въ колоніяхъ $8^1/_2$ мил.) въ числѣ которыхъ около 10 мил. цвѣтныхъ, о которыхъ подробно будетъ сказано ниже. Насколько великъ притокъ эмигрантовъ показываетъ лучше всего то обстоятельство, что бѣлыхъ, рожденныхъ отъ американскихъ родителей, не болѣе 60%, остальные же 40% представляютъ пришлый элементъ. Изъ первоначальныхъ колонистовъ англичане обыкновенно направлялись въ штаты сѣверо-восточные, французы въ южные, а испанцы въ южные и въ Калифорнію, гдѣ они и до настоящаго времени сохранили извѣстную самобытность.

Куда дѣваются эмигранты теперь, — прослѣдить довольно трудно, такъ какъ регистраціи этого не ведется, а вновь прибывшіе сплошь и рядомъ попадаютъ не туда, куда предполагали, а куда толкнетъ ихъ судьба. Все же, въ общихъ чертахъ можно указать, что нѣмцы предпочитаютъ штаты Большихъ Озеръ, а также расположенные по Миссисипи и Миссури, гдѣ число ихъ нерѣдко превышаетъ 50% всего населенія. Скандинавы и ирландцы селятся въ сѣверныхъ и сѣверно-атлантическихъ штатахъ, гдѣ ихъ до 60%; французы переселяются изъ Канады преимущественно въ Мэнъ и Нью-Хемширъ. Итальянцы предпочитаютъ селиться въ большихъ городахъ, главнымъ образомъ въ Нью-Іоркѣ, славяне же и финляндцы, наоборотъ, пристраиваются либо при сельско-хозяйственной промышленности, либо нанимаются въ рудники.

Вообще все заселеніе территоріи Штатовъ представляетъ непрерывное наступательное движеніе отъ восточнаго побережья къ западу, но когда случалось, что далеко впереди аванпостовъ колонизаціи появлялась какая-нибудь приманка, туда устремлялись всѣ предпріимчивые искатели легкой добычи, и почти со сказочной быстротой возникалъ новый значительный центръ.

Характернѣйшимъ примѣромъ этого можетъ служить Калифорнія въ срединѣ 19-го столѣтія. Крайне малочисленное населеніе ея занималось различными видами сельскаго хозяйства, преимущественно заготовкой лѣсныхъ матеріаловъ, нисколько не подозрѣвая, что подъ ногами, прямо на поверхности земли, разсыпаны неисчислимыя богатства. Первый наткнулся на золото, въ іюнѣ 1848 года, нѣкто Зуттеръ, бывшій офицеръ французской гвардіи, эмигрировавшій въ Калфиорнію послѣ іюльской революціи. Онъ совершенно случайно наткнулся при постройкѣ лѣсопильни въ долинѣ р. Сакраменто на цѣлое скопленіе мелкихъ самородковъ и, продолживъ поиски, нашелъ, что вся почва кругомъ усыпана ими. Хотя онъ и присутствовавшіе при находкѣ рабочіе дали другъ другу клятву не болтать о случившемся, тѣмъ не менѣе черезъ три, четыре недѣли въ этомъ мѣстѣ собралось уже свыше 4000 золотоискателей. Съ этого момента здѣсь начинается кипучая дѣятельность, носящая мѣткое названіе золотой лихорадки.

На территоріи Калифорніи до этого времени было лишь нѣсколько ничтожныхъ поселковъ, ютившихся большею частью возлѣ старыхъ миссій. На берегу нынѣшней превосходной гавани С.-Франциско, могущей вмѣстить флоты цѣлаго міра, возвышалось съ полдюжины жалкихъ хижинъ, обитатели которыхъ были отрѣзаны отъ всего міра, потому что на востокъ, за горами простиралась безконечная ненаселенная страна, на западѣ же было совершенно пустынное море.

Неуспѣла, однако, распространиться вѣсть о счастливой находкѣ, какъ жизнь забила здѣсь ключомъ. Въ теченіе первой половины 1849 года въ гавань С. Франциско прибыло свыше 600 судовъ, высадившихъ около 40.000 золотоискателей, при чемъ золотая лихорадка была такъ сильна, что за пассажирами послѣдовалъ и экипажъ судовъ, покинувшій послѣднія на произволъ судьбы. Генералъ, военный представитель Соединенныхъ Штатовъ, по телеграфу умолялъ правительство не присылать ему больше солдатъ, такъ какъ они все равно всѣ дезертируютъ на пріиски. Прибывали новые поселенцы также и сухимъ путемъ. Разумѣется, громадное большинство ихъ не остановилось въ С.-Франциско и

Видъ на южный водопадъ Ніагары.

двинулось дальше въ долину Сакраменто, но все же въ срединѣ 49 года населеніе С.-Франциско равнялось уже 6000 душъ, а къ концу его возросло до 20.000, такъ какъ многіе золотоискатели вернулись на зиму въ городъ. При такомъ быстромъ и обильномъ наплывѣ населенія, городъ, конечно, лишь съ трудомъ могъ удовлетворять потребность въ жилищахъ и продовольствіи. Онъ состоялъ изъ кой какъ сколоченныхъ бараковъ, носившихъ гордое названіе „отелей“, гдѣ за помѣщеніе въ конурахъ взималось по 50—100 долларовъ въ мѣсяцъ. Квартиры въ сколько нибудь сносно-построенныхъ домахъ оплачивались тысячами долларовъ въ мѣсяцъ.

Золотоискатели въ Калифорніи за промывкой песка.

Жизненные продукты стоили не дешевле: самый простой обѣдъ обходился въ 3—5 дол., одно яйцо стоило долларъ. Такимъ образомъ надо было выдающуюся удачу, чтобы за всѣми расходами накопить состояніе, и наибольшую выгоду изъ золотыхъ розсыпей извлекали главнымъ образомъ не сами золотоискатели, а всевозможные торговцы, трактирщики и профессіональные шулера. Особенно много бывало работы послѣднимъ.

Измученный непосильнымъ трудомъ и лишеніями золотоискатель старался при первой же удачѣ вознаградить себя всѣми имѣвшимися въ его распоряженіи средствами. А средства эти заключались въ безчисленномъ количествѣ питейныхъ и игорныхъ домовъ, какъ на пріискахъ, такъ и въ городахъ, и въ этихъ притонахъ оставлялась большая часть добычи золотоискателя.

Трудно установить въ точности какова была эта добыча, но все же есть данныя, что за все время послѣ открытія золота его добыто болѣе чѣмъ на 2 милліарда рублей. За послѣдніе годы добыча сильно упала, но за то были открыты другія цѣнныя ископаемыя: уголь, киноварь, изъ которой добывается ртуть, и пр. Кромѣ того большіе успѣхи сдѣлало также земледѣліе и садоводство, продукты котораго распространяются по всей Америкѣ. Благодаря всему этому, а также тому, что С. Франциско почти единственная хорошая гавань на западномъ побережьи С. Америки, городъ этотъ по окончаніи золотой лихорадки не только не пришелъ въ упадокъ, но продолжалъ и продолжаетъ развиваться. Въ настоящее время въ немъ свыше трехсотъ пятидесяти тысячъ жителей, и хотя главнымъ городомъ штата считается Сакраменто, вся жизнь сосредоточивается въ С. Франциско.

При возникновеніи города мало, разумѣется, думали о красотѣ и комфортѣ, старались только строить какъ можно скорѣе, поэтому городъ представлялъ массу хаотически-разбросанныхъ построекъ, но на помощь явился огонь и преподалъ нѣсколько такихъ наглядныхъ уроковъ архитектуры, что жители взялись за умъ, прекрасно распланировали улицы и площади, развели парки и понастроили домовъ изъ мрамора, стекла и желѣза, которые сдѣлали бы честь любой изъ европейскихъ столицъ. Правда, дома эти не поражаютъ грандіозностью размѣровъ, какъ въ другихъ городахъ С. Штатовъ, въ виду возможности землетрясеній, изъ которыхъ послѣднее, напр въ 1906 г. разрушило городъ почти до основанія.

Разъ заговоривъ о добычѣ золота въ Штатахъ, скажемъ нѣсколько словъ о Клондайкѣ, который по богатству своихъ розсыпей напоминаетъ Калифорнію, но самая добыча золота, благодаря суровости его климата и отдаленности отъ населенныхъ мѣстъ, представляетъ несравненно большія трудности, чѣмъ въ Калифорніи.

Клондайкъ—собственно названіе притока рѣки Юкона, крупнѣйшей рѣки Аляски, и такъ какъ первыя богатыя мѣсторожденія золота открыты были по теченію Клондайка, то и вся золотоносная область приняла его имя. О существованіи золота въ Аляскѣ извѣстно было давно, но незначительность добычи съ одной стороны, а съ другой трудность работы, отдаленность и суровость климата—отпугивали золотоискателей, и главнымъ занятіемъ какъ туземнаго такъ и незначительнаго бѣлаго населенія была охота и въ особенности рыбная ловля.

Работа золотоискателя, при которой нужна постоянно вода, производится исключительно лѣтомъ, здѣсь же лѣто продолжается всего 3—3½ мѣсяца, остальное время рѣки скованы льдомъ. Земля промерзла на большую глубину, и лѣтомъ оттаиваетъ лишь небольшой верхній слой. Какъ Юконъ, такъ и его притоки текутъ въ глубокихъ долинахъ, похожихъ на ущелья, куда тепло почти не проникаетъ даже въ жаркіе лѣтніе дни, и заниматься промывкой приходится въ ледяной водѣ.

Но все это было забыто, какъ только пронеслась въ 1896 г. вѣсть объ открытыхъ тамъ несмѣтныхъ сокровищахъ. Изъ Соединенныхъ Штатовъ, изъ Европы, Азіи и даже изъ Африки и Австраліи потянулись искатели счастья всѣхъ племенъ и цвѣтовъ. Поѣзда и пароходы не успѣвали перевозить желающихъ. Обычный путь золотоискателей былъ по желѣзной дорогѣ до Ванкувера или С.-Франциско, оттуда на пароходѣ къ различнымъ пунктамъ побережья Аляски, а далѣе по большей части пѣшкомъ, такъ какъ Юконъ, несмотря на значительные размѣры, почти несудоходенъ на всемъ своемъ протяженіи. Насколько легка и относительно дешева была первая часть пути, благодаря конкурренціи желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ компаній, понизившихъ стоимость билета II кл. отъ Парижа до Ванкувера до 500 фр., настолько же затруднительно и дорого было передвиженіе первыхъ піонеровъ по территоріи Аляски. Впослѣдствіи, когда наплывъ золотоискателей выражался сотнями тысячъ людей, образовались общества, проложившія удобныя

*

для передвиженія дороги по сушѣ и преодолѣвшія трудности плаванія по Юкону, и теперь золотоносная область несравненно доступнѣе, чѣмъ была въ началѣ.

Такъ какъ страна эта несравненно бѣднѣе Калифорніи естественными продуктами, то все необходимое для жизни приходится привозить издалека, поэтому цѣны на все тамъ безумныя, а часто нѣкоторыхъ вещей нельзя получить ни за какія деньги, и богатый золотоискатель рискуетъ умереть съ голоду. Въ виду этого каждый отправляющійся туда, старается захватить съ собой запасовъ на цѣлый годъ. Кромѣ того

Бывшее русское поселеніе Ситка въ Аляскѣ.

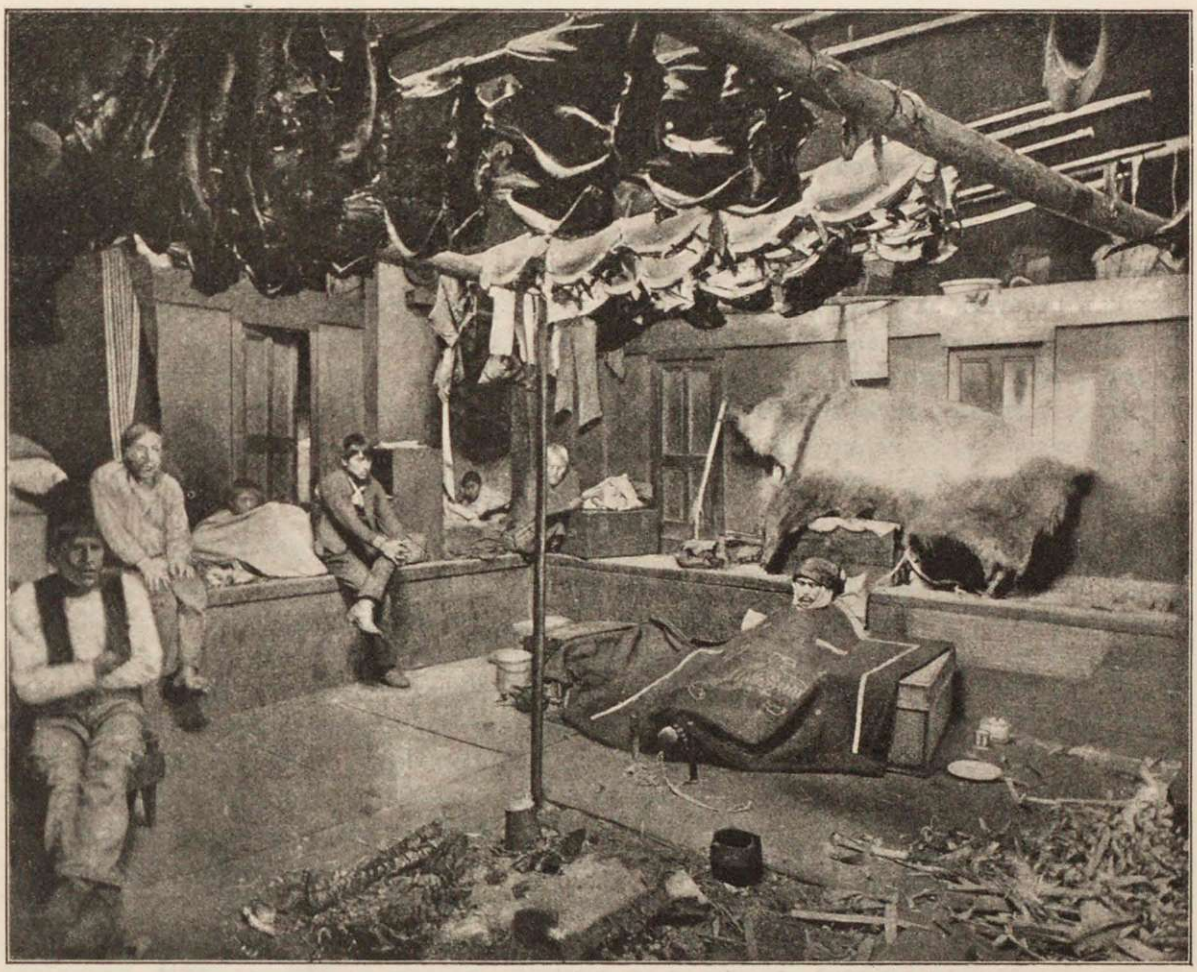
суровый климатъ и лишенія предрасполагаютъ къ заболѣваніямъ; особенно свирѣпствуетъ тамъ скорбутъ. Хотя лѣса тамъ, особенно въ обильно орошаемыхъ долинахъ рѣкъ, и хороши, все же ихъ оказалось недостаточно, и въ настоящее время доски, безъ которыхъ нельзя обойтись при работѣ, цѣнятся чуть не на вѣсъ золота.

Общіе размѣры золотоносной площади опредѣляются приблизительно въ 500 кил. въ длину и 300 въ ширину, собственно же Клондайкъ, т. е. область особенно обильнаго мѣстонахожденія золота, простирается въ длину приблизительно на 80 кил. и въ ширину на 40. Въ ближайшіе за открытіемъ золота годы было добыто: въ 1897 г. на 7 милліоновъ долл., а въ 1898 на 8—10 милл. Въ настоящее время добыча значительно ниже.

Главнымъ городомъ Клондайка, въ которомъ помѣщаются всѣ административные органы, считается Даусонъ съ приблизительно 20.000 жителей.

Но возвратимся къ жителямъ Соединенныхъ Штатовъ и посмотримъ, на какія слои распадается населеніе ихъ; прежде всего, конечно, его бѣлая часть, самая важная какъ въ численномъ, такъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ.

На первый взглядъ казалось бы, что въ наиболѣе демократическомъ государствѣ культурнаго міра различія между людьми не должны быть такъ ярки и такъ бросаться въ глаза, какъ во всѣхъ другихъ странахъ. Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ не такъ. Всѣмъ извѣстная американская свобода, свобода трудиться и развивать производительныя



Внутренность „охотничьей" хижины въ Аляскѣ.

силы, при существующемъ строѣ, является въ то же время свободой всякаго рода хищничества и эксплуатаціи одного человѣка другимъ.

Поэтому главныя различія, какія рѣзче всего бросаются въ глаза въ великой американской республикѣ, это не различія въ цвѣтѣ кожи, въ происхожденіи, въ образованности, а различія въ богатствѣ. Здѣсь почти всѣ поклоняются „золотому тельцу".

Правда, почти про каждаго американскаго милліонера разсказываютъ, что онъ началъ свою дѣятельность безъ всякихъ средствъ и лишь съ помощью упорнаго труда и несокрушимой энергіи достигъ своего настоящаго положенія. Въ иныхъ случаяхъ это, пожалуй, такъ и было, но не надо забывать, что обладателей состоянія, превышающаго милліонъ долларовъ, насчитывается въ Соединенныхъ Штатахъ 3.828 человѣкъ, обладателей же упорнаго труда и несокрушимой энергіи тамъ десятки милліоновъ. Очевидно,

что кромѣ двухъ послѣднихъ свойствъ нужны еще либо выдающаяся удача, либо не совсѣмъ чистоплотная изворотливость и ловкость. Однако, нельзя не отмѣтить несомнѣнное преимущество американскихъ милліонеровъ передъ ихъ европейскими собратьями. Въ Европѣ всѣ стремленія любого буржуа, будетъ ли это французъ или нѣмецъ, сводятся къ тому, чтобы создать себѣ состояніе и потомъ вести праздное существованіе на ренту, думая лишь о всевозможныхъ развлеченіяхъ. Дѣятельные же американцы совершенно неспособны на это, имъ, какъ воздухъ, необходимы треволненія биржевыхъ спекуляцій, безпрерывныя побѣды и пораженія на промышленномъ рынкѣ, они должны хоть время отъ времени забираться въ свои святая святыхъ—конторы и давать дѣлу хотя бы самое общее руководство. Работая сами, они стараются и дѣтей своихъ пріучить къ дѣятельному образу жизни. Такъ сыновья Моргана и Рокфеллера начали съ самыхъ низшихъ должностей въ предпріятіяхъ отцовъ, а теперь стоятъ сами во главѣ предпріятій. Иному изъ этихъ юношей скоро надоѣдаетъ смотрѣть изъ отцовскихъ рукъ, и онъ на свой рискъ и страхъ, съ грошами въ карманѣ начинаетъ собственное предпріятіе и, разумѣется, все честолюбіе его направлено на то, чтобъ выбиться въ люди безъ поддержки родителей. Такъ поступилъ напр. сынъ г-жи Гринъ, самой богатой женщины Союза. Наскучивъ работать за 8 долларовъ въ недѣлю, онъ уѣхалъ въ Техасъ и вернулся... милліонеромъ.

Чтобы понять, какою безумною роскошью окружаютъ себя эти богачи, достаточно сказать, что годъ жизни имъ обходится отъ 500.000 до 700.000 долларовъ, и это не удивительно, такъ какъ одна прислуга въ такомъ домѣ, обыкновенно вышколенная на европейскій манеръ и большею частью европейскаго происхожденія, получаетъ около 25.000 дол. Штатъ ея, разумѣется, бываетъ очень многочисленный, не менѣе 25 человѣкъ. Вотъ какъ описываетъ жизнь типичной ньюіоркской богатой семьи одинъ бытописатель американскихъ нравовъ [1]).

Семья милліонера обычно „обладаетъ дворцомъ по 5 Авеню, дачей въ Нью-Портѣ, дачей на Лонгъ Айлендѣ, гдѣ они проводятъ время раннею и позднею осенью. Другія семьи имѣютъ домъ въ Нью-Іоркѣ, дачу въ Адирондакахъ для охоты, еще другую дачу въ горахъ, постоянную квартиру въ Парижѣ, затѣмъ каждый третій годъ семейство отправляется на сезонъ въ Лондонъ или въ Шотландію на время охоты. Семья имѣетъ свою океанскую яхту, содержаніе которой обходится въ 60.000 дол., скаковую конюшню. Американскіе богачи своею роскошью даютъ тонъ даже лондонцамъ, которые жалуются, что за американцами не угнаться... Американская роскошь страдаетъ чрезмѣрностью и преувеличенностью. На балахъ, вмѣсто котильонныхъ бездѣлушекъ, нѣкорые богачи стали раздавать сотнями золотые портсигары съ драгоцѣнными камнями. Одинъ изъ подобныхъ баловъ, устроенный Хайдомъ, обошелся въ милліонъ рублей. Нѣкоторыя затѣи прямо поражаютъ чудачествомъ, а порой и безсмысленностью. Такъ милліонеръ Гарри Леръ устроилъ банкетъ для собакъ, которымъ кушанья подавали на серебрянныхъ блюдахъ, и столъ убранъ былъ цвѣтами. Нѣкоторые богачи, не довольствуясь тѣмъ, что можетъ дать имъ Америка, переселяются въ Европу, напр. Астеръ, купившій въ Англіи историческій замокъ; другіе на родинѣ увлекаются вдругъ какой-либо отраслью науки и искусства, напр. астрономіей, и тогда ничего не жалѣютъ, чтобы занять въ этой области выдающееся мѣсто. Рокфеллеръ и Станфордъ основываютъ на свои средства цѣлые университеты, Роджерсъ пожертвовалъ на музей искусства 7 милліоновъ. Пожертвованія Карнеги на библіотеки и другія образовательныя цѣли извѣстны всему міру. Съ сожалѣніемъ лишь приходится констатировать, что щедрые жертвователи умудряются порой примѣ-

[1]) Г. де-Волланъ.

шать ложку дегтя къ бочкѣ меда, считая себя вправѣ вмѣшиваться въ дѣла созданныхъ ими просвѣтительныхъ учрежденій.

Все что мы здѣсь написали, относится, разумѣется, лишь къ исключительнымъ богачамъ, не знающимъ счета деньгамъ и не стѣсняющимся въ средствахъ. Но кромѣ нихъ, какъ въ торговомъ, такъ и промышленномъ мірѣ существуетъ масса людей только зажиточныхъ, но не могущихъ швырять деньгами направо и налѣво, учитывающихъ каждый потраченный долларъ. Это мелкіе купцы и фабриканты, всевозможные коммисіонеры, агенты, посредники и проч. Вся жизнь ихъ заключается въ безпрерывной погонѣ за деньгами, во всевозможныхъ ухищреніяхъ, стараніяхъ какою нибудь ловкой штукой совершенно уничтожить конкуррентовъ и привлечь покупателей. Слѣдуетъ замѣтить здѣсь, кстати, что нигдѣ реклама не практикуется въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ въ Америкѣ, и нигдѣ она не бываетъ такъ эффектна и подчасъ остроумна. Мы не говоримъ ужъ о такихъ пріемахъ, какъ разноска и развозка объявленій по улицамъ,—это считается устарѣлымъ и вмѣсто этого здѣсь принято съ помощью волшебнаго фонаря проектировать цѣлыя объявленія на облакахъ, или вдругъ появляются огромные цвѣтные плакаты, возвѣщающіе, что въ такомъ-то магазинѣ, положимъ, готоваго платья, въ извѣстный день въ какой либо изъ выставленныхъ вещей зашитъ бидетъ въ 1000 долл. И вотъ съ утра стекаются толпы любопытныхъ, которымъ подчасъ и купить то не на что, говорятъ, передаютъ другъ другу, заинтересовываютъ прохожихъ, и въ результатѣ спущенъ весь залежавшійся товаръ, что и требовалось доказать. Но это хорошо одинъ разъ, вторично та же приманка не подѣйствуетъ,—надо изобрѣтать что либо новое.

Дѣловой американецъ на ногахъ съ ранняго утра, обѣдать дома ему почти не приходится. На ходу у ресторанной стойки съѣдаетъ онъ завтракъ, на ходу же проглатываетъ обѣдъ и несется впередъ и впередъ, какъ вѣчно вертящееся мало замѣтное колесико гигантской сложной машины. Все окружающее приспособлено къ этой вѣчной погонѣ за долларомъ. Взять напр. улицы Нью-Іорка, типичнѣйшею изъ которыхъ является Бродвей. По всѣмъ направленіямъ съ оглушительнымъ звономъ несутся вагоны трамвая и канатной желѣзной дороги, мчатся экипажи и автомобили, съ лихорадочной поспѣшностью снуютъ такія толпы народа, что въ сравненіи съ этой улицей нашъ Невскій проспектъ покажется пустыней. Но полоса самой улицы оказывается тѣсной, и потому на высотѣ 2-го или 3-го этажа надъ головами прохожихъ носятся цѣлые поѣзда воздушной желѣзной дороги, устроенной на столбахъ. Поѣзда эти несутся съ головокружительной быстротой, ныряютъ въ туннели, продѣланныя въ домахъ, стоящихъ на пути, выбѣгаютъ изъ нихъ, на секунду, на двѣ останавливаются на станціи, расположенной также на высотѣ, и снова неудержимо несутся впередъ, биткомъ набитые дѣловымъ людомъ.

Такая жизнь едва ли можетъ показаться кому либо привлекательною, и если бы не способность американцевъ увлекаться своимъ дѣломъ, вкладывать въ него свою душу, то едва ли онъ могъ бы проявлять такую дѣятельность.

Слѣдующей за богачами группой, и при томъ довольно многочисленной, являются всевозможные мелкіе служащіе въ общественныхъ и частныхъ учрежденіяхъ, зарабатывающіе въ среднемъ около 1200 долларовъ въ годъ. Въ Америкѣ это ничтожная сумма, и единственной выгодой является регулярность ея полученія, такъ что, установивъ разъ на всегда свой образъ жизни, они могутъ не нарушать равновѣсія въ бюджетѣ. Любопытно отношеніе людей этой категоріи къ рабочимъ: не смотря на то, что и характеръ занятія, и размѣры заработка, и образъ жизни ихъ очень близки между собою, эта чиновная и конторская мелкая сошка относится къ рабочимъ крайне высокомѣрно.

Наконецъ, мы подходимъ къ самому многочисленному классу американскаго общества, классу рабочему. Въ Европѣ существуетъ мнѣніе, что положеніе американскихъ рабочихъ несравненно лучше, чѣмъ какихъ бы то ни было другихъ, и этимъ-то и объясняется,

почему массы эмигрантовъ устремляются въ Америку, въ надеждѣ выбиться изъ когтей хронической нужды. Но такой взглядъ на положеніе рабочихъ въ Соединенныхъ Штатахъ не совсѣмъ справедливъ. Дѣйствительно, обученные рабочіе, въ особенности коренные американцы, всегда имѣютъ достаточный заработокъ, который во время кризисовъ лишь уменьшается, совсѣмъ же прекращается рѣдко. Но что касается чернорабочихъ, то, при первомъ же признакѣ кризиса, тысячи ихъ выбрасываются на улицу, и въ первую голову конечно, эмигранты, часто совершенно безпомощные, благодаря незнанію языка и обычаевъ. Эти безработные образуютъ цѣлую армію нищихъ и бродягъ, нерѣдко угрожающихъ обезпеченному населенію, и американцы даже издали безчеловѣчный законъ, по которому всякій фермеръ вправѣ застрѣлить безнаказанно приблизившагося къ фермѣ подозрительнаго человѣка.

Обученные рабочіе, получающіе въ день 3—4 доллара, устраиваютъ жизнь болѣе или менѣе комфортабельно, нанимаютъ отдѣльный домикъ въ нѣсколько комнатъ, одѣваются какъ джентльмены не только въ праздникъ, но и по буднямъ, въ нерабочіе часы. Пьянство среди нихъ развито гораздо менѣе, чѣмъ среди рабочихъ другихъ странъ; они очень охотно посѣщаютъ театръ, библіотеку, лекціи. Дѣло въ томъ, что американскій рабочій очень честолюбивъ и всегда мечтаетъ подняться на высшую ступень общественной лѣстницы, чему примѣры у него постоянно передъ глазами. Сдѣлаетъ онъ какое нибудь усовершенствованіе въ машинѣ, продастъ его фабриканту, и онъ обезпеченный человѣкъ, начинающій какое нибудь свое собственное предпріятіе.

Всякому посѣщавшему американскіе заводы, сразу же становится ясно, откуда американскіе предприниматели получаютъ возможность оплачивать рабочихъ сравнительно высоко. Ни въ одной странѣ интенсивность работы не доведена до такого совершенства, какъ въ Америкѣ. Благодаря широко развитой машинной техникѣ рабочій здѣсь является лишь ничтожнымъ колесомъ или винтикомъ громаднаго механизма, который долженъ поспѣвать за ходомъ машины, иначе будетъ выброшенъ, какъ стершійся, негодный больше обломокъ. Фабриканты знаютъ это и нерѣдко, желая извлечь изъ рабочихъ какъ можно больше пользы за свою плату, незамѣтнымъ для глаза образомъ ускоряютъ темпъ машинъ, и въ результатѣ производительность возрастаетъ на 5—10%, но цѣною нечеловѣческихъ усилій.

Среди рабочихъ стариковъ почти не встрѣчается, и когда одного фабриканта спросили, куда же дѣваются старики, онъ, вмѣсто отвѣта, предложилъ проѣхаться на трамваѣ вдоль кладбища. Это и понятно: усовершенствованная машина такъ изнуряетъ человѣка въ молодости, что въ старости онъ уже никуда негоденъ.

На любви американскаго рабочаго къ комфорту и домовитости играютъ многіе недобросовѣстные спекуляторы. Они устраиваютъ, на участкахъ земли вблизи рабочихъ центровъ, заманчивыя на видъ домики, которые и распродаютъ рабочимъ съ разсрочкою платежа. На удочку сплошь и рядомъ ловятся эмигранты, которые бываютъ совершенно ослѣплены мыслью о собственномъ домѣ, и несовершенства этого дома, часто очень существенныя, они замѣчаютъ лишь послѣ того, какъ опутаютъ себя цѣлою сѣтью обязательствъ. Рабочій платитъ аккуратно годъ, два, три, но вотъ наступаетъ безработица, болѣзнь, увѣчье,—платить нечѣмъ, и его выбрасываютъ съ семьею на улицу, а черезъ недѣлю-другую подкрашенный и подновленный домъ соблазняетъ новую жертву.

Женскій трудъ развитъ въ Америкѣ не меньше, если не больше, чѣмъ въ Европѣ, но оплачивается онъ сравнительно лучше,чѣмъ гдѣ бы то ни было: женщины получаютъ около 80% мужской заработной платы.

Большимъ зломъ тамъ является работа дѣтей, практикуемая почти повсемѣстно. Въ нѣкоторыхъ штатахъ работа дѣтей до 14 лѣтняго возраста запрещена, но благодаря отсутствію всякаго надзора, даже и тамъ можно встрѣтить работающихъ десятилѣтнихъ

дѣтей. Дѣло въ томъ, что Америка почти не знаетъ фабричной инспекціи, и въ каждомъ шатѣ существуютъ свои особыя правила, исполненіе которыхъ всецѣло предоставлено добросовѣстности предпринимателей.

Рабочій день въ Америкѣ продолжается, въ среднемъ, около 10 часовъ, но если предпринимателю вздумается протянуть его сверхурочными работами до 14 и 15 часовъ, то рабочимъ остается только подчиниться, такъ какъ недовольный сейчасъ же будетъ замѣненъ однимъ изъ безчисленныхъ кандидатовъ, съ нетерпѣніемъ ждущихъ освобожденія мѣста. Благодаря всему этому пресловутая высота заработной платы сводится совершенно на нѣтъ, и въ отношеніи къ единицѣ производительности она даже ниже англійской.

За послѣднее время американскіе рабочіе особенно энергично добивались установленія 9-часоваго рабочаго дня и повышенія заработной платы на 10—15 процентовъ. Успѣху ихъ въ этомъ стремленіи много помѣшалъ промышленный кризисъ 1907—8 гг. Они давно ужъ поняли, что сила въ единеніи и образовали нѣсколько союзовъ, важнѣйшими изъ которыхъ были „Рыцари Труда“ и „Національный Союзъ Труда“, на смѣну которымъ явилась „Федерація Труда“, насчитывающая свыше 1.700.000 членовъ и объединившая свыше десяти тысячъ рабочихъ союзовъ, разбросанныхъ по всей странѣ. Особенно рельефно дѣятельность союза проявляется при стачкахъ, когда сплошь и рядомъ все зависитъ отъ хладнокровія и умѣнья вожаковъ. Прежде нерѣдко стачки приводили къ насиліямъ и погромамъ, въ особенности если являлись желающіе заступить мѣсто стачечниковъ; такъ напр. въ Питсбергѣ при стачкѣ въ 1877 г. были сожжены 1000 вагоновъ и 120 паровозовъ, и не мало людей погибло или серьезно пострадало при столкновеніяхъ. Теперь же это случается крайне рѣдко и во всякомъ случаѣ не принимаетъ такихъ грандіозныхъ размѣровъ. Особенно дружно и стройно протекла стачка, объявленная нѣсколько лѣтъ назадъ соединенными союзами сталелитейщиковъ, въ которой приняли участіе свыше 200.000 рабочихъ. Потери съ обѣихъ сторонъ были огромныя: рабочіе потеряли на заработной платѣ около 8 милліоновъ долларовъ, трестъ же въ короткое время потерялъ на акціяхъ свыше 130 милліоновъ. Это заставило обѣ стороны пойти на уступки, и въ результатѣ соглашеніе было достигнуто.

Въ нѣкоторыхъ штатахъ стачки запрещены закономъ и караются какъ уголовное преступленіе.

Любопытно складывается жизнь американской рабочей семьи, благодаря тому, что нерѣдко всѣ члены ея работаютъ въ различныхъ предпріятіяхъ. Дочери и сыновья платятъ родителямъ за квартиру и содержанье извѣстную сумму, удерживая остатокъ платы на развлеченія и иныя собственныя потребности. Если имъ покажется, что у чужихъ людей они могутъ прожить дешевле или лучше, то безъ всякихъ разговоровъ и препятствій они покидаютъ родительскій кровъ.

Намъ остается еще упомянуть о домашней прислугѣ, положеніе которой въ Соединенныхъ Штатахъ очень отличается, и при томъ въ выгодную сторону, отъ положенія европейской прислуги. Здѣсь даже названіе „слуга“, указывающее на извѣстную личную зависимость одного человѣка отъ другого, совершенно не употребляется и замѣнено словомъ „помощница“ (мужская бѣлая прислуга въ частныхъ домахъ средняго достатка большая рѣдкость); кухарка или горничная, поступая въ услуженіе, выговариваетъ себѣ чистую, приличную комнату, столъ, какимъ пользуются сами хозяева, одинъ свободный день и вечеръ въ недѣлю, чтобъ можно было сходить въ театръ, и затѣмъ полную свободу на воскресный день. Гостей своихъ прислуга принимаетъ въ господскихъ комнатахъ. Нечего и говорить, что ни брани, ни грубыхъ окриковъ прислуга по отношенію къ себѣ не допускаетъ, и при первой же попыткѣ оставляетъ такихъ хозяевъ. Но и такая требовательная прислуга имѣется только въ городахъ покрупнѣе, въ деревнѣ же и въ мелкихъ провинціальныхъ городкахъ хозяйки сами должны исполнять всѣ домашнія работы. Несмотря

однако на сравнительно выгодное положеніе, среди настоящихъ американцевъ мало находится охотниковъ поступать въ услуженіе, и этимъ занимаются преимущественно эмигранты. Богатыя семьи, какъ мы уже видѣли выше, предпочитаютъ иностранную прислугу, вышколенную на европейскій образецъ.

Даже въ годы высшаго расцвѣта промышленности въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ постоянная резервная армія труда, армія безработныхъ, превышающая своими размѣрами армію любого изъ государствъ, такъ какъ она никогда не бываетъ менѣе 4-хъ милліоновъ, въ годы же кризисовъ удваивается и утраивается. Многіе изъ такихъ безработныхъ совершенно опустились, превратились въ профессіональныхъ бродягъ, живущихъ благотворительностью. На лѣто они обыкновенно отправляются странствовать по всей странѣ, забравшись въ пустой товарный вагонъ или примостившись на крышѣ или на осяхъ вагона, осенью же снова собираются въ большіе города, гдѣ и проживаютъ кой-какъ холодное время. Частныя лица и различныя организаціи устраиваютъ разныя благотворительныя учрежденія для такихъ безработныхъ, въ которыхъ они получаютъ приличное помѣщеніе и содержаніе, платя за это своей работой, но это разумѣется капля въ морѣ, и безработные большей частью принуждены прозябать въ самыхъ невозможныхъ условіяхъ.

Не смотря на свою, такъ сказать, молодость, американская промышленность успѣла настолько окрѣпнуть и развиться, что внушаетъ не мало опасеній своимъ заокеанскимъ, болѣе старымъ конкуррентамъ. Давно ли приходилось всѣ продукты возить въ Америку для надобностей колонистовъ, занимавшихся лишь земледѣліемъ, а теперь нѣтъ такой отрасли американской промышленности, продукты которой не конкуррировали бы на рынкахъ Европы съ мѣстными продуктами. Въ классической странѣ металлической промышленности—въ Англіи, почти на всѣхъ желѣзнодорожныхъ линіяхъ имѣются американскіе паровозы, принадлежности для электрическаго освѣщенія привозятся оттуда же, для уборки урожая въ Россіи сплошь и рядомъ употребляются американскія жнеи, въ Англію же вывозится американскій уголь и даже мануфактурные товары. Причиной подобныхъ успѣховъ американской промышленности, помимо энергіи американцевъ, является обширнѣйшее въ мірѣ примѣненіе машинъ и достигаемая, благодаря этому, интенсивность труда, дешевизна транспорта, благодаря конкурренціи частныхъ желѣзнодорожныхъ линій между собою (тарифъ тамъ втрое дешевле русскаго), болѣе быстрое и совершенное денежное обращеніе, и, наконецъ, стремленіе предпріятій отдѣльныхъ отраслей объединяться въ союзы, называемые трестами.

Благодаря широкому пользованію машинами достигается громадная спеціализація, а вслѣдствіе этого и интенсивность труда, рабочій является какимъ-то незамѣтнымъ придаткомъ машины, которому приходится лишь поспѣвать за нею. Съ свойственной ему предпріимчивостью американецъ старается пользоваться всегда машинами лишь новѣшаго типа и готовъ мѣнять ихъ безпрерывно, разъ убѣдится въ ихъ практичности.

Своей смѣлостью и практичностью американскій предприниматель извѣстенъ всему міру. Онъ не думаетъ долго: не успѣетъ выслушать предложеніе, какъ даетъ на него либо положительный, либо отрицательный отвѣтъ. Самые несбыточные проекты онъ осуществляетъ просто шутя, какъ самую обыкновенную вещь. И въ то же время это неисправимый фантазеръ, способный увлечься какой угодно чепухой. Такъ однажды въ Санъ Франциско образовалась цѣлая компанія для отысканія на какомъ-то пустынномъ островѣ клада, зарытаго пиратами. Были выпущены акціи, котировавшіяся на биржѣ, отправлялись одна за другой экспедиціи, за которыми слѣдили съ замираніемъ сердца, и лишь послѣ того, какъ дѣло прогорѣло окончательно, выяснилось, что все предпріятіе было основано просто на пустыхъ розсказняхъ.

Желѣзныя дороги въ Америкѣ строятся исключительно частными компаніями и ли-

цами и ведутъ между собою борьбу на жизнь и на смерть, стараясь каждая привлечь потребителя на свою сторону. Общее протяженіе ихъ превышаетъ 300.000 верстъ, черезъ весь материкъ проходятъ цѣлыхъ четыре пути. Громаднымъ подспорьемъ въ дѣлѣ транспорта являются также рѣки, изъ которыхъ Миссиссиппи съ Миссури являются какъ бы артеріей, прорѣзающей всю территорію Соединенныхъ Штатовъ и стягивающей къ морю всѣ продукты промышленности. Какъ по бойкой торговой дорогѣ, снуютъ здѣсь сотни и тысячи гигантскихъ пароходовъ, практичность устройства которыхъ заставила и русскихъ пароходчиковъ примѣнять ихъ напр. на Волгѣ. Такъ какъ въ транспортѣ, кромѣ дешевизны, не менѣе важна быстрота, то янки, по своему обыкновенію, и здѣсь впадаютъ въ крайность. Извѣстны случаи безумныхъ гонокъ пароходовъ, кончавшихся взрывомъ котла, при которомъ гибли сотни людей и тысячи тоннъ груза. Теперь, впрочемъ, эти и многіе другіе случаи американской жизни, поражавшіе европейца своей оригинальностью и широтой, все болѣе отходятъ въ область преданій. Во многихъ отрасляхъ промышленности громадную роль играетъ также даровая движущая сила водопадовъ. Одна Ніагара, при раціональномъ пользованіи, можетъ дать свыше 7 милліоновъ лошадиныхъ силъ.

Свою кипучую энергію янки усиливаютъ во много разъ не однѣми совершенными машинами: они создаютъ колоссальные, обладающіе неисчерпаемыми средствами промышленные союзы, которые являются чистѣйшимъ продуктомъ конкурренціи. Болѣе слабые предпріятія погибаютъ, а тѣ, которыя выживаютъ, приходятъ къ сознанію, что единственное спасеніе для нихъ въ согласномъ дѣйствіи и сначала, продолжая работать самостоятельно, входятъ между собою въ частныя соглашенія, а потомъ превращаются въ концѣ концовъ въ одно объединенное предпріятіе, въ которое прежніе владѣльцы входятъ пайщиками, а во главѣ стоятъ выборные директоръ и правленіе. Типичнѣйшими трестами являются Стальной, во главѣ котораго стоитъ Морганъ, и Нефтяной, съ Джономъ Рокфеллеромъ во главѣ. Этотъ послѣдній трестъ впадѣетъ $^{9}/_{10}$ всей нефтяной торговли Соединенныхъ Штатовъ.

Такъ какъ промышленность сосредоточивается, главнымъ образомъ, въ городахъ, то съ ея ростомъ начался и необычайный ростъ этихъ послѣднихъ. Въ настоящее время крупнѣйшими являются Нью-Іоркъ, населеніе котораго съ предмѣстьями равнялось 4 милліонамъ, затѣмъ Чикаго—2 милл. и Филадельфія—1.4 милл. Быстрый ростъ населенія вызвалъ въ городахъ строительную горячку, цѣны на землю въ городахъ возросли неимовѣрно, и практичные американцы рѣшили, чѣмъ бросать деньги на покупку земли, использовать лучше воздухъ, который ничего не стоитъ, и понастроили на удивленіе міру „царапающихъ небо“ гигантскихъ домовъ, вышиною въ 10, 15, 20 и даже болѣе этажей. Такъ какъ подобныя громады изъ кирпича стоили бы дорого и обладали бы громадной тяжестью, то американскіе инженеры изобрѣли новые способы постройки: сначала составляютъ изъ стальныхъ полосъ остовъ дома, а затѣмъ, съ помощью стекла и особой цементной массы, его облицовываютъ, и домъ готовъ. Благодаря сравнительной легкости матеріала явилась возможность отдѣлывать каждый этажъ въ отдѣльности, и нерѣдко въ пятомъ и шестомъ этажѣ уже живутъ люди, въ то время какъ нижніе представляютъ собой лишь ажурный остовъ. Постройки эти крайне опасны въ пожарномъ отношеніи, такъ какъ беззаботные американцы нерѣдко устраиваютъ въ нихъ деревянныя лѣстницы. Въ одной изъ такихъ громадъ, занимающей цѣлый кварталъ и заключающей въ своихъ 17 этажахъ 1500 комнатъ, помѣщается величайшая изъ нью-іоркскихъ гостинницъ—Уольдорфъ-Асторія. Обставлена она необычайно комфортабельно; здѣсь можно удовлетворить всѣ свои потребности, не переступая порога, такъ какъ въ этомъ зданіи имѣются почта, телеграфъ, телефонъ, банкирская контора, магазины, ресторанъ, докторскій кабинетъ, фотографія и проч. Нѣкоторые номера отдѣланы со сказочной роскошью

*

и отдаются по 500 долларовъ въ сутки. Всѣхъ служащихъ свыше полуторы тысячи. Стоимость этой громады—около 40 милліоновъ долларовъ.

Домъ „массоновъ“ въ Чикаго.

Второй по количеству населенія городъ Соединенныхъ Штатовъ—Чикаго, въ общихъ чертахъ очень похожъ на Нью-Іоркъ и обладаетъ такими же „царапающими небо“ двадцатью-этажными домами, хотя въ нихъ особенной надобности не чувствуется, такъ какъ городъ раскинулся широко и привольно, и въ немъ достаточно еще незастроенныхъ участковъ земли. Достопримѣчательностью Чикаго являются его бойни, на которыхъ работали сначала отдѣльные предприниматели, а теперь онѣ принадлежатъ исполинскому мясному тресту. Такъ какъ онѣ являются типичнымъ образцомъ крупнаго капиталистическаго предпріятія, то мы приведемъ здѣсь хоть краткое описаніе ихъ:

„Это самъ по себѣ цѣлый городъ, занимающій пространство въ 100 десятинъ, съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ въ 150 миль, 20 миль водопоевъ, 75 миль дренажныхъ и водопроводныхъ трубъ. Каждый день черезъ эти бойни проходитъ 125 тысячъ свиней, 20 тысячъ рогатаго скота и 15 тысячъ овецъ. Всѣ детали тамъ такъ хорошо прилажены, что все производство отъ начала, какъ выгружаютъ скотъ, до того времени, какъ мясные консервы сдаются на желѣзную дорогу для отправленія во всѣ концы свѣта, идетъ съ точностью часового механизма... Поѣзда со скотомъ приходятъ обыкновенно ночью или раннимъ утромъ, выходящіе изъ боенъ поѣзда съ продуктами отправляются вечеромъ. Выгруженный скотъ помѣщается въ особое помѣщеніе, гдѣ его кормятъ и поятъ, и тутъ же начинается купля и продажа. Вмѣстѣ съ продажею берется вѣсъ, и когда операція кончена, то скотъ загоняется въ частный дворъ. Приэтомъ введены разныя усовершенствованія: прежде, напр., нужно было дать свиньямъ 24 часа для того, чтобы онѣ остыли, теперь свиней гонятъ (по 55 штукъ заразъ) черезъ крытыя галлереи и даютъ имъ легкій душъ, который даетъ имъ нормальную температуру. Послѣ этой ванны онѣ попадаютъ въ пространство, въ которомъ вертится громадное колесо съ прилаженными къ нему цѣпями. Два человѣка съ необыкновенной быстротой хватаютъ свинью за заднія ноги и прицѣпляютъ къ нимъ цѣпь. Колесо поднимаетъ свинью на воздухъ. Автоматически эта цѣпь отстегивается, и свинья скользитъ по рельсамъ и, такъ сказать, подносится механическимъ путемъ подъ ножъ мясника, который вонзаетъ ножъ въ горло и нажимаетъ электрическую кнопку, отмѣчающую это дѣйствіе, такъ что главноуправляющій можетъ знать въ каждую минуту, сколько убито головъ скота. Весь обрызганный кровью рабочіи толкаетъ тушу дальше. Туша скользитъ на протяженіи около 10 аршинъ, и стекающая съ нея кровь собирается для удобренія. Въ концѣ туша погружается въ громадный резервуаръ горячей воды. Послѣ этого особый механизмъ очищаетъ тушу отъ щетины, и она опять вымывается начисто, затѣмъ совершаются всѣ остальныя операціи: отрубаютъ голову, отдѣляютъ окорока, внутренности, ноги, раздѣляютъ полосы и вѣшаютъ въ холодильникѣ. Затѣмъ эти продукты, также механическимъ путемъ, распредѣляютя въ разныя отдѣленія“. Все здѣсь настолько цѣлесообразно, что, по словамъ остряковъ, не теряется ничего, кромѣ свиного визга... „Рогатый скотъ проходитъ черезъ ту же операцію, съ тою только разницею, что ему даютъ время остынуть (24 часа). Скотъ гонятъ парами по деревянной галлереѣ съ легкимъ наклономъ. Только одна пара допускается въ закрытое пространство,—надъ ними на платформѣ стоитъ работникъ, который однимъ ударомъ по головѣ ошеломляетъ быка. Какъ только быкъ падаетъ, дверь на лазахъ открывается, и туша падаетъ въ комнату этажомъ ниже. Тамъ тушу прикрѣпляютъ къ цѣпи, вѣшаютъ головою книзу и затѣмъ приступаютъ къ остальнымъ операціямъ... Громадныя залы въ 30—40 аршинъ длины отведены для приготовленія солонины, консервовъ, колбасъ и проч. Все это производится машинами“. Контроль хотя и существуетъ, но крайне поверхностный и не достигаетъ цѣли, такъ что нерѣдко мясо больныхъ, а то и павшихъ животныхъ употребляется въ дѣло.

Какъ ни развита однако американская обрабатывающая промышленность, все же она далеко уступаетъ земледѣлію и относящимся къ послѣднему производствамъ. По переписи 1900 года сумма постояннаго капитала, вложеннаго въ сельское хозяйство, достигала

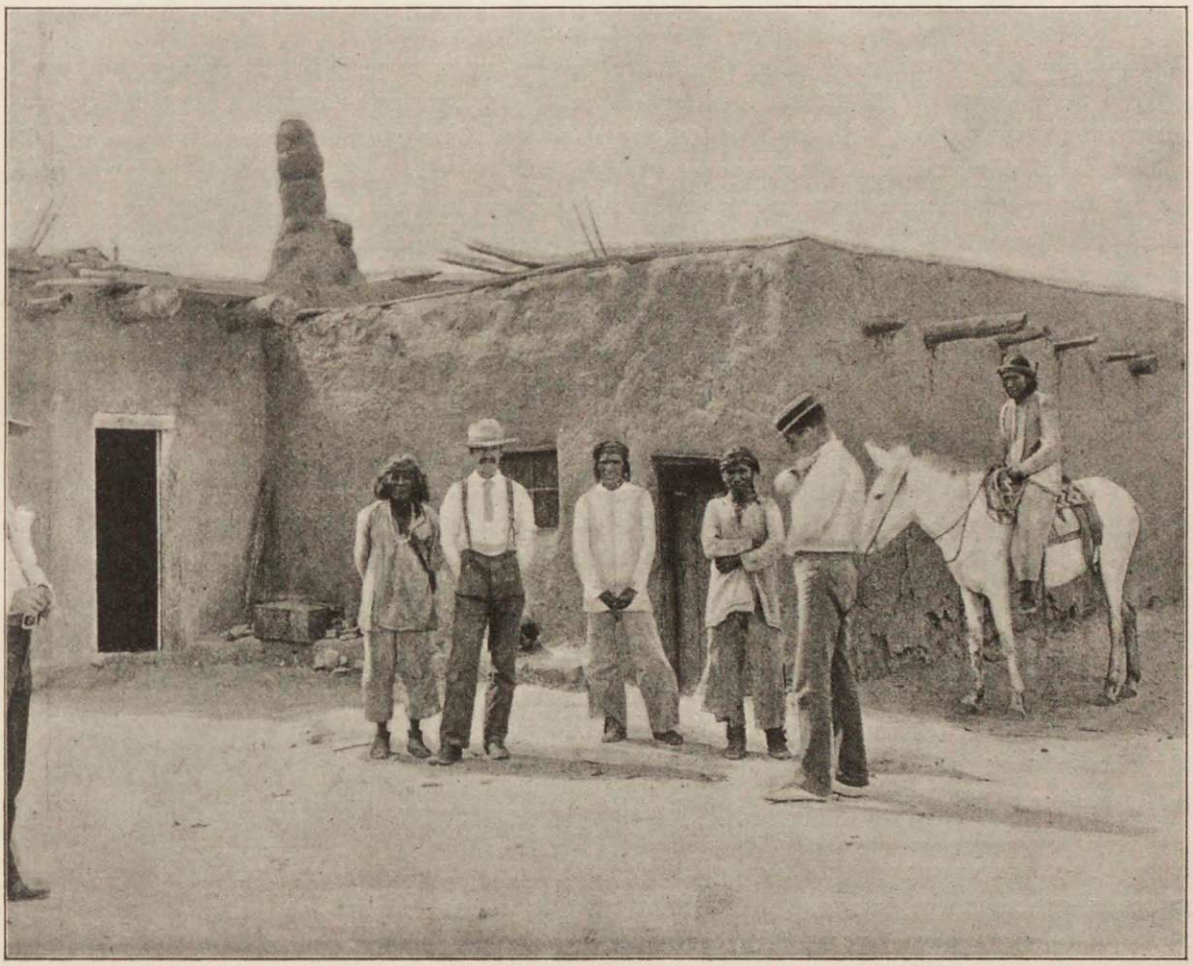
20.439.901.164 долларовъ, между тѣмъ какъ въ заводской и мануфактурной промышленности она равнялась всего 9.831.486.500 долл.

Такому развитію земледѣлія, имѣвшему мѣсто, главнымъ образомъ, въ послѣднія 50 лѣтъ, Соединенные Штаты обязаны, кромѣ плодородія почвы, еще и разумно организованной раздачѣ государственныхъ земель, имѣющихся почти въ каждомъ штатѣ. На основаніи закона о хомстедахъ, изданнаго въ 1862 году, каждый американецъ, а также и эмигрантъ можетъ пріобрѣсти отъ правительства участокъ въ 160 акровъ, а въ мѣстахъ пустынныхъ и болѣе. Если онъ уплачиваетъ за него по $1^1/_4$ доллару за десятину, то получаетъ его въ собственность немедленно, если же денегъ нѣтъ, то онъ уплачиваетъ лишь стоимость отвода земли (15—20 дол.), и тогда въ собственность ему земля переходитъ черезъ пять лѣтъ, когда онъ на дѣлѣ покажетъ свои способности къ хозяйству. Точно также земля раздается въ видѣ поощренія за разведеніе строевыхъ лѣсовъ. Благодаря тому, что правительство Соединенныхъ Штатовъ пошло въ этомъ отношеніи навстрѣчу завѣтнѣйшимъ желаніямъ всѣхъ стремящихся имѣть свой клочокъ земли, дѣло заселенія пошло крайне успѣшно, и въ настоящее время число фермъ превышаетъ 4—5 милліона. Успѣху этого дѣла не мало также содѣйствовали и желѣзныя дороги. Дѣло въ томъ, что онѣ въ Соединенныхъ Штатахъ всѣ построены на частныя средства, а для поощренія строительства правительство даромъ отводило компаніямъ вдоль полотна дороги широкія полосы земли, которыя дороги тотчасъ же съ выгодою распродавали болѣе зажиточнымъ фермерамъ, стремящимся, ради удобствъ сбыта своихъ продуктовъ, поселиться поближе къ желѣзной дорогѣ. На участкахъ, наиболѣе удобныхъ, со сказочной быстротой возникали цѣлые города. Въ прежнія времена заселеніе сколько-нибудь удаленныхъ отъ Атлантическаго побережья дѣвственныхъ земель происходило крайне трудно. Съ топоромъ въ одной рукѣ, съ ружьемъ въ другой піонеры должны были прокладывать путь черезъ непроходимые лѣса, вырубать и выжигать эти лѣса, бороться съ голодомъ, болѣзнями, дикими звѣрями, не говоря уже объ индѣйцахъ, благодаря жестокостямъ различныхъ авантюристовъ и завоевателей, крайне недружелюбно встрѣчавшихъ первыхъ поселенцевъ.

Теперь дѣло обстоитъ совершенно иначе, и нерѣдко предпріимчивый американецъ, стремясь заработать побольше, продаетъ свою ферму какому-нибудь эмигранту, а самъ, въ вагонѣ одной изъ четырехъ пересѣкающихъ континентъ желѣзнодорожныхъ линій отправляется на новыя мѣста, вглубь страны.

Кромѣ собственныхъ фермъ, составляющихъ 63% всего числа ихъ, есть и арендованныя главнымъ образомъ въ южныхъ штатахъ, гдѣ освобожденные негры арендуютъ участки владѣній своихъ прежнихъ господъ. Средній размѣръ американской фермы 100—150 десятинъ, но въ ту и въ другую сторону существуютъ значительныя колебанія; однако очень крупныя имѣнія существуютъ лишь въ Калифорніи. Фермы большею частью расположены изолированно, лишь иногда нѣмцы и эмигранты изъ славянскихъ земель устраиваются цѣлыми поселками. Большею частью фермы спеціализируются на производствѣ какого-нибудь одного-двухъ продуктовъ, что очень удобно въ торговомъ отношеніи. Вообще же отдѣльныя отрасли сельскаго хозяйства распредѣляются такъ: Сѣверо-Центральные Штаты, въ которыхъ сосредоточивается почти половина всего производства, производятъ преимущественно зерно и кормовыя растенія, а также выкармливаютъ скотъ; Сѣверо-Атлантическіе, благодаря обилію въ нихъ крупныхъ городовъ, занимаются молочнымъ хозяйствомъ со всѣми его отраслями, выкормкой птицы, продажей яицъ и проч.; Южно-Центральные и Южно-Атлантическіе Штаты, пользующіеся обильнымъ орошеніемъ, производятъ хлопокъ, табакъ, а въ южномъ раіонѣ рисъ и сахарный тростникъ. Въ Техасѣ, кромѣ того, процвѣтаетъ скотоводство, благодаря тому, что круглый годъ имѣется подножный кормъ. Слѣдуетъ замѣтить приэтомъ, что американцы обращаютъ большое вниманіе на улучшеніе породы, и напр. въ настоящее время даже въ Россію привозятся иногда производители изъ

Америки. Нужды скотоводства выработали тамъ даже особое сословіе людей, конныхъ пастуховъ, вродѣ гаучо, носящихъ названіе „коубой“, соотвѣтствующее въ значительной степени нашимъ южно-русскимъ чабанамъ. Постоянная жизнь среди природы, сопряженная съ лишеніями, а нерѣдко и опасностями, выработала изъ нихъ ловкихъ, неустрашимыхъ и находчивыхъ наѣздниковъ, умѣющихъ прекрасно управляться съ громадными стадами. Живя по цѣлымъ годамъ въ степи, они представляютъ себѣ города чѣмъ-то крайне заманчивымъ и привлекательнымъ, и потому устремляются туда при первой же возможности, поражая при этомъ даже американцевъ своей отчаянностью. Имъ ничего не стоитъ, напримѣръ, послѣ хорошей попойки затѣять стрѣльбу на улицѣ или заѣхать въ домъ верхомъ на



Обитатели штата Новой Мексики возлѣ своихъ глинобитныхъ хижинъ.

лошади. Прокутивъ деньги, коубой снова возвращается въ свои степи, на жизнь, полную труда и лишеній.

Важнѣйшими продуктами земледѣлія являются пшеница, кукуруза, а на югѣ хлопокъ. По производству пшеницы Соединенные Штаты занимаютъ первое мѣсто и производятъ ея почти столько, какъ вся остальная часть земного шара, при чемъ ежегодные урожаи возрастаютъ почти непрерывно съ каждымъ годомъ. Ростъ этотъ зависитъ не столько отъ увеличенія числа фермъ и расширенія площади посѣва, сколько отъ улучшенія самаго хозяйства. Дѣйствительно, обиліе земли и ея плодородіе избаловали земледѣльцевъ, и они вели сначала почти хищническое хозяйство, очень истощавшее почву, такъ какъ отъ нея брали много, почти ничего не возвращая въ видѣ удобренія. Благодаря этому

въ концѣ концовъ наступило истощеніе почвы, и потребовалось обильное удобреніе ея. Въ настоящее время удобреній не употребляютъ лишь на дальнемъ Западѣ, гдѣ дѣвственная почва продолжаетъ еще давать обильные урожаи. Кромѣ того все чаще начинаетъ примѣняться искусственное орошеніе, польза котораго настолько очевидна, что оно сразу же стало на прочную почву, и въ настоящее время напр. есть штаты, какъ Уайомингъ или Невада, въ которыхъ орошаются 80—88% всѣхъ обработанныхъ земель.

Сельско-хозяйственное производство лишь въ опредѣленные сравнительно короткіе періоды требуетъ многихъ рабочихъ рукъ, и такъ какъ эта потребность является обыкновенно для всѣхъ фермъ одновременно, то сразу же возникаетъ дороговизна рабочихъ рукъ, а нерѣдко и полная невозможность получить ихъ какою бы то ни было цѣною.

Часто фермеры чуть не съ оружіемъ въ рукахъ отбиваютъ другъ у друга партіи пріѣзжающихъ по желѣзной дорогѣ рабочихъ, такъ какъ иногда одинъ день промедленія губитъ весь урожай. Это именно обстоятельство послужило толчкомъ къ усиленному примѣненію въ земледѣліи машинъ. Благодаря машинамъ владѣлецъ фермы среднихъ размѣровъ въ состояніи вести хозяйство съ помощью членовъ своей семьи. Нигдѣ такъ усиленно не примѣняются паровые плуги, усовершенствованныя сѣялки, жнеи, молотилки, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Любовь ко всему грандіозному привела американцевъ къ изобрѣтенію машины, которая жнетъ, молотитъ, очищаетъ и даетъ готовые мѣшки одного вѣса. Насколько это изобрѣтеніе получило примѣненіе,—свѣдѣній не имѣется. Для удобства производителей хлѣба вся страна покрыта сѣтью элеваторовъ, перевозка, благодаря конкурренціи желѣзныхъ дорогъ, стоитъ очень дешево, раза въ три дешевле, чѣмъ въ Россіи, и благодаря всему этому американскій хлѣбъ можно теперь встрѣтить чуть не во всѣхъ уголкахъ Стараго Свѣта.

Кромѣ естественныхъ условій, развитію сельскаго хозяйства способствуютъ также энергія, стремленіе къ совершенствованію и, въ общемъ, сравнительно высокій уровень развитія фермеровъ. Почти на каждой фермѣ выписываютъ газету, имѣется хоть небольшая библіотека, фермеры слѣдятъ за сельскохозяйственной наукой, дѣти ихъ проходятъ курсъ въ сельскохозяйственныхъ школахъ, гдѣ преподаваніе поставлено на должную высоту, потомъ для общаго образованія посѣщаютъ курсы вольныхъ университетовъ. Много помогаютъ также развитію земледѣлія опытныя станціи, въ изобиліи организованныя министерствомъ земледѣлія.

Хотя первые колонисты, явившіеся въ Америку, и обладали недюжинной энергіей, но физическій трудъ въ непривычныхъ условіяхъ, въ изнуряющемъ знойномъ климатѣ нынѣшнихъ южныхъ штатовъ, часто оказывался для нихъ непосильнымъ и во всякомъ случаѣ мало пріятнымъ, поэтому колонисты дѣлали попытки приспособить къ работѣ мѣстное краснокожее населеніе. Попытки эти впрочемъ успѣха не имѣли и заставили предпріимчивыхъ людей устремить свои усилія по иному направленію.

31 августа 1619 года въ гавань Джемстоуна прибылъ голландскій военный корабль, на которомъ оказалось 30 негровъ-рабовъ. Жители Джемстоуна тотчасъ же раскупили ихъ, и такимъ образомъ 1619 годъ слѣдуетъ считать началомъ рабства въ Сѣверной Америкѣ. Увидавъ, что торговля рабами дѣло выгодное, предпріимчивые люди стали ввозить въ Америку ежегодно цѣлыя массы черныхъ невольниковъ. Быстро развивающаяся табачная, а потомъ и хлопчато-бумажная промышленность постоянно поддерживали спросъ на этотъ товаръ, и число рабовъ ко времени войны за ихъ освобожденіе достигло солидной цыфры въ четыре милліона слишкомъ.

Стремленіе извлечь какъ можно больше выгоды изъ черной собственности заставляло плантаторовъ не особенно церемониться съ нею, и не было такихъ жестокостей, которымъ не подвергались бы несчастные. Даже лучшіе изъ рабовладѣльцевъ, благодаря легкомыслію, а также взгляду на негровъ, какъ на рабочую скотину, причиняли имъ не

мало страданій. Все это не могло не вызвать въ концѣ канцовъ со стороны болѣе благородныхъ, не ослѣпленныхъ жаждой наживы людей самаго энергичнаго протеста противъ рабства. Однимъ изъ лучшихъ образцовъ такого протеста является популярная и у насъ книга Бичеръ Стоу „Хижина дяди Тома“.

Въ промышленномъ развитіи Штатовъ наступилъ моментъ, когда „свободный трудъ“ въ Сѣверныхъ Штатахъ и рабскій въ Южныхъ стали несовмѣстимы, но столкновеніе между интересами тѣхъ и другихъ, можетъ быть, не довело бы до гражданской войны, если бы сѣверяне рѣшительно не признали право упразднить рабство принадлежащимъ

На сахарной плантаціи.

федеральному правительству, что не менѣе рѣшительно отрицали южане. Противоположность интересовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ связанное съ этимъ различіе въ толкованіи конституціи раздѣлили все населеніе Штатовъ на два враждебныхъ лагеря и въ концѣ концовъ привели къ четырехлѣтней гражданской войнѣ, которая закончилась въ 1865 году полной побѣдой сѣверянъ. Отмѣна же рабства была провозглашена президентомъ Линкольномъ еще ранѣе: 1 января 1863 г.

Нѣкоторые изъ освобожденныхъ негровъ остались на службѣ у прежнихъ хозяевъ, работали на ихъ плантаціяхъ за плату или за часть продукта, нѣкоторые арендовали себѣ участки земли и стали вести самостоятельное хозяйство, причемъ постепенно выплачивали стоимость своего участка и такимъ образомъ со временемъ превратились въ

собственниковъ. Но большинство ихъ покинуло своихъ прежнихъ хозяевъ и послѣдовало за арміей освободителей. По окончаніи войны войскамъ по пути домой, на сѣверъ, пришлось проходить черезъ Вашингтонъ, и такъ какъ у сопровождавшихъ ихъ негровъ родины не было, то они охотно оставались въ городѣ, служившемъ резиденціей ихъ героя и мученика Линкольна.

Имя негръ вовсе не единственное и даже не главное, подъ которымъ извѣстна эта раса въ Штатахъ, наоборотъ, какъ въ литературѣ, такъ и въ разговорномъ языкѣ оно употребляется рѣже всего. Обычными названіями въ Америкѣ являются „цвѣтной человѣкъ“ (colored man), цвѣтная женщина (colored woman) и „темные“ (darkies). Затѣмъ употребляется еще „ниггеръ“ (nigger) въ презрительномъ смыслѣ и кличка „пиканинни“ (piccaninni) для маленькикъ дѣтей.

Само собою разумѣется, существуетъ много разновидностей негровъ, отъ свѣтлокожихъ, средняго роста, домашнихъ рабовъ Виргиніи (вывезенныхъ изъ береговыхъ областей Африки) до черныхъ, громаднаго роста земледѣльческихъ рабочихъ Миссиссиппи и Луизіаны, родина которыхъ страны по Конго. Мужчины обыкновенно высоки ростомъ, крѣпкаго сложенія, широкоплечи, съ прекрасно развитой мускулатурой. Они обладаютъ необычайной силой, но почему то нѣсколько горбятся на ходу. Голова у нихъ круглая, шарообразная, носъ приплюснутый, толстыя губы, большой ротъ и прекрасныя зубы. Короткіе волосы курчавы. Среди мужчинъ попадаются довольно красивые по внѣшности, чего нельзя сказать о женщинахъ; благодаря непосильному труду онѣ не отличаются ни привлекательностью, ни красотою формъ. Вопреки общепринятому мнѣнію негръ отличается отъ бѣлаго не только цвѣтомъ кожи и низшею ступенью развитія; ихъ образъ жизни, одежда, до извѣстной степени, манера выражаться и языкъ иные, чѣмъ у бѣлыхъ. Состояніе, въ какомъ находились негры въ періодъ рабства, извѣстно. Нынѣшнее состояніе свободныхъ негровъ совсѣмъ иное и, вообще говоря, оно не только не лучше, но даже хуже прежняго. Связь негровъ съ бѣлой расой ограничивается лишь отношеніями между господами и слугами, и только низшіе слои бѣлаго населенія, и то въ крайне рѣдкихъ случаяхъ, вступаютъ съ неграми въ браки. Такимъ образомъ послѣдніе лишены облагораживающаго и воспитательнаго вліянія. Даже образованіе получаютъ они не вмѣстѣ съ бѣлыми, такъ такъ дѣти каждой расы посѣщаютъ особыя школы.

Негритянское населеніе раздѣляется на слѣдующія три категоріи: къ первой относятся негры, обладающіе извѣстнымъ образованіемъ, именно тѣ, которые до войны находились въ личномъ услуженіи; ко второй—бывшая дворовая прислуга, и къ третьей—бывшіе сельско-хозяйственные рабочіе.

Представители первой категоріи имѣютъ собственность и занимаются разными ремеслами; мужчины, нерѣдко, получаютъ образованіе въ университетѣ или колледжѣ. Среди бѣлыхъ они пользуются уваженіемъ, многія должности въ Вашингтонѣ замѣщены такими неграми, а было время, когда въ конгрессѣ Соединенныхъ Штатовъ засѣдало нѣсколько членовъ и одинъ сенаторъ—все негры.

Что касается второй категоріи, то это, въ большинствѣ случаевъ, уже старые мужчины и женщины. Обыкновенно они держатся въ сторонѣ отъ прочихъ негровъ и либо живутъ въ маленькихъ фермахъ, расположенныхъ вокругъ города, и достаточныхъ для ихъ пропитанія, либо продолжаютъ служить, несмотря на свою старость. У нихъ при этомъ развивается особаго рода фамильная гордость, они начинаютъ считать себя членами семьи, которой служатъ, и чѣмъ эта семья стариннѣе и богаче, тѣмъ больше они ею гордятся. Это единственные негры, которые заявляютъ, что во времена рабства жилось лучше. Видѣть ихъ можно на рынкѣ въ торговые дни; тамъ попадаются дядюшки и тетушки — старики и старухи, приносящіе въ городъ для продажи продукты своихъ маленькихъ фермъ, преимущественно свѣжую зелень. Зимой они разводятъ огонь на землѣ

и грѣются вокругъ него, въ ожиданіи покупателей. Товаръ на рынокъ они привозятъ въ телѣжкѣ, запряженной одной лошадью, обыкновенно такою же старой и безпомощной, но и въ такой же мѣрѣ исполненной спокойствія и достоинства, какъ и ея хозяева.

Многія семьи продолжаютъ держать этихъ заслуженныхъ слугъ или нянь, и въ такихъ случаяхъ они распоряжаются такъ деспотически, какъ это умѣютъ дѣлать только старые слуги. Воспитывающіяся подъ ихъ присмотромъ дѣти называютъ ихъ „мамми“. Къ той же второй категоріи принадлежатъ также дѣти и внуки этихъ старыхъ слугъ.

Говоря о неграхъ третьей категоріи, трудно сказать что либо опредѣленное, потому что характеръ ихъ такъ измѣнчивъ, что всякое, высказанное относительно ихъ утвержденіе, непремѣнно вызоветъ возраженія. Можно лишь утверждать безусловно, что каждый негръ, подчиняясь вліянію минуты, ведетъ себя такъ, какъ другіе ведутъ себя по отношенію къ нему. Обращаются съ нимъ ласково,—и онъ вѣжливъ; при грубомъ же и суро-

Негритянскій кварталъ въ Томасвилѣ (Штатъ Георгія).

вомъ обращеніи — легко лѣзетъ въ драку. Въ общемъ, негритянская толпа ведетъ себя лучше, чѣмъ толпа бѣлыхъ, стоящихъ на томъ же соціальномъ уровнѣ. Большинство изъ этой третьей категоріи не получили никакого образованія и не умѣютъ ни читать, ни писать, но даже посѣщавшіе школу обучились лишь настолько, чтобы не удовлетворяться своимъ положеніемъ. Они зарабатываютъ не больше, чѣмъ нужно для существованія изо дня въ день, поэтому они крайне беззаботны, и не имѣютъ ни желанія, ни энергіи улучшить свою участь. Зимой сплошь и рядомъ можно наблюдать, какъ черные ребятишки роются въ кучахъ золы и отбросовъ, выбирая оттуда кусочки угля и дерева и складывая ихъ заботливо въ жестяныя коробки и корзинки. Живутъ они страшно грязно и тѣсно, скопляясь по нѣсколько семей въ помѣщеніи, гдѣ и для одной то семьи едва хватаетъ мѣста, и вслѣдствіе этого въ ихъ средѣ царитъ страшная распущенность нравовъ. Рождаемость среди нихъ больше, чѣмъ у бѣлыхъ, но благодаря дурному питанію и вообще

*

нищетѣ, смертность также больше. Для поддержанія существованія негры занимаются различными ремеслами; изъ ихъ среды выходятъ поденщики, носильщики, каменщики, столяры, кучера и проч.; большая же часть добываетъ пропитаніе одними имъ извѣстными способами.

Всѣ негры вообще любятъ яркія краски въ одеждѣ, блестящіе предметы, разныя побрякушки; съ особенной силой любовь эта проявляется у представителей послѣдней категоріи, которые нерѣдко тратятъ весь свой скромный заработокъ на какой нибудь эффектный костюмъ, часы и т. д. А между тѣмъ сплошь и рядомъ бываетъ, что такой счастливый обладатель часовъ и обращаться то съ ними не умѣетъ.

Со старой африканской родины негры привезли на плантаціи Юга свою музыку и свои меланхолическіе печальные напѣвы. Они вообще постоянно поютъ, и дома, и за работой. Извѣстнѣйшія пѣсни негровъ, это: „The old folks at home“ и „The old kentucky home“. Обѣ пѣсни являются жалобой на то, что прежнія хорошія времена миновали. Другія пѣсни гораздо менѣе интересны. Нельзя сказать, чтобъ пѣсни эти были величественны или особенно эффектны: главное ихъ достоинство—простота. Въ нихъ есть что-то такое нѣжное и страстное, печальное и въ то же время благозвучное, что слушатель какъ бы во снѣ переносится въ прошлое. Для того, чтобы понять всю прелесть этихъ пѣсенъ, нужно услышать ихъ изъ устъ самихъ негровъ. Негры вообще очень музыкальны и безъ всякой посторонней помощи легко выучиваются играть на какомъ нибудь инструментѣ, преимущественно струнномъ. Надо впрочемъ сказать, что игра ихъ и пѣнье хороши только тогда, когда они воспроизводятъ свои родные напѣвы; музыка бѣлыхъ имъ совершенно не дается.

Негры отличаются характернымъ запахомъ, который, благодаря нечистоплотности, значительно усиливается. Толпа негровъ, слѣдующая, напр., за военными музыкантами по улицѣ, распространяетъ этотъ запахъ далеко кругомъ. Обыкновенно сбѣжавшіеся отовсюду при этой оказіи негры заполняютъ всю улицу вмѣстѣ съ тротуарами; нѣсколько мальчишекъ бѣгутъ впереди, размахивая палками и подражая тамбуръ-мажору. Вся толпа идетъ въ тактъ музыки въ ногу, за исключеніемъ нѣсколькихъ женщинъ, прыгающихъ и танцующихъ впереди, а также небольшой группы мужчинъ и мальчиковъ, которые берутъ другъ друга подъ руки и подвигаются впередъ сомкнутыми рядами, оттѣсняя всѣхъ, кто окажется впереди ихъ. Шумъ, который они поднимаютъ, пѣніе, крики и перебранка такъ громки, что музыку за ними слышно, какъ за шумомъ моря.

Губная гармоника, бауе, гитара и „кости“ (bones) самые употребительные у негровъ инструменты. Юноши и мальчики предпочитаютъ губную гармонію и выучиваются играть на ней съ большимъ искусствомъ. Бауе—родъ шестиструнной гитары съ длиннымъ грифомъ. Вмѣсто деревянной деки она бываетъ снабжена обтянутымъ пергаментомъ обручемъ. Играютъ на бауе преимущественно для аккомпанимента. Гитара служитъ для той же цѣли. „Кости“—родъ трещетокъ, которыми пользуются такъ же, какъ и испанскими кастаньетами, для того, чтобы давать тактъ при пѣніи и игрѣ на бауе. Они изготовляются изъ двухъ кусочковъ дерева или какого-нибудь другого твердаго вещества, напр. кости.

Негры чрезвычайно суевѣрны, даже извѣстная степень образованія не можетъ вполнѣ уничтожить этого суевѣрія. Замѣчательно, что многія свои повѣрья они сумѣли передать также и бѣлымъ. Какъ всѣ впечатлительныя, живущія чувствомъ расы, негры очень набожны и при богослуженіи легко впадаютъ въ экстазъ. Особенно замѣчательна вѣра негровъ въ магическую силу кроличьей лапки. Кроликъ долженъ быть убитъ въ лунную ночь, на кладбищѣ, и чудодѣйственной силой обладаетъ только его лѣвая задняя лапа. Многіе негры носятъ такую лапу, какъ талисманъ, приносящій счастье и предохраняющій отъ бѣдствій. Если на слѣду врага сдѣлать знакъ кроличьей лапой, то это принесетъ ему несчастье.

Однимъ изъ любимѣйшихъ развлеченій негровъ является такъ называемый кэкъ-уокъ. Уже самое названіе показываетъ, что это есть прогулка. Кэкъ-уоки устраиваются не столько частными лицами, сколько организованными спеціально для этой цѣли обществами. Участники празднества прогуливаются попарно, мужчины съ женщинами. Иногда требуется выказать особенную грацію, иногда твердость походки. При этомъ мужчина несетъ флагъ, который долженъ раскачиваться какъ можно меньше. Иногда на полу мѣломъ проводится линія, и мужчина долженъ пройти по ней, не уклоняясь ни вправо, ни влѣво. Женщина идетъ рядомъ, держа его подъ руку. Побѣдители получаютъ „пирогъ“, и остатокъ вечера проводится въ различныхъ развлеченіяхъ. Нерѣдко происходятъ драки, къ которымъ негры очень склонны, при чемъ они пускаютъ въ ходъ свое особое оружіе. Такъ напр. очень распространенъ у нихъ „black-jack“—мѣшокъ изъ кожи или толстой матеріи, наполненной дробью или кусками свинца. Имъ бьютъ по затылку, когда желаютъ кого либо оглушить. „Sandbag“—нѣсколько большій мѣшокъ, наполненный пескомъ. Онъ употребляется съ такою же цѣлью, какъ и первый, и однимъ ударомъ его можно не только оглушить, но и убить человѣка.

Вопросъ о будущемъ негровъ настолько же важенъ, насколько и трудно разрѣшимъ. Послѣ тридцати лѣтъ свободы между бѣлой и черной расой такъ же мало близости, какъ и до свободы. Смѣшанные браки всегда почти ведутъ къ физическому и нравственному вырожденію и увеличенію смертности, что вызывается, главнымъ образомъ, туберкулезомъ. Негры, получившіе какое-нибудь воспитаніе, стремятся, конечно, стать выше своей расы, но доступъ въ общество бѣлыхъ остается закрытымъ для нихъ, благодаря цвѣту ихъ кожи.

На почвѣ расовой вражды или, вѣрнѣе, вражды и презрѣнія бѣлыхъ къ чернымъ, разыгрывается не мало трагедій. Стоитъ совершить негру какое нибудь преступленіе, какъ окружающее бѣлое населеніе начинаетъ мстить не только преступнику, но и попадающимся подъ руку его соплеменникамъ. Но не только въ такихъ случаяхъ, а даже и въ повседневной жизни бѣлые ревностно отграничиваютъ себя отъ черныхъ китайской стѣной всевозможныхъ ограниченій и запрещеній. Такъ въ гостинницу, въ которой останавливаются бѣлые, негры совершенно не допускаются; если бы хозяинъ ея осмѣлился впустить хоть одного негра, его покинули бы всѣ бѣлые жильцы. Многіе рестораны не выпроваживаютъ прямо негровъ, но берутъ съ нихъ плату во много разъ большую, чѣмъ съ бѣлыхъ, и по уходѣ ихъ разбиваютъ посуду, которой тѣ пользовались. Въ поѣздахъ они ѣдутъ въ отдѣльныхъ вагонахъ, на параходѣ пассажиры нерѣдко удаляютъ ихъ изъ общихъ помѣщеній, хотя это совершенно незаконно, и въ случаѣ обращенія къ суду, негръ обыкновенно получаетъ въ свою пользу довольно значительный штрафъ. Всѣ эти несправедливости практикуются нетолько по отношенію къ чистокровнымъ неграмъ, но и ко всѣмъ, въ комъ есть хоть небольшая примѣсь негритянской крови. Такъ въ одномъ пансіонѣ училась уроженка южныхъ штатовъ, прошла тамъ полный курсъ, какъ вдругъ передъ самымъ выходомъ стало извѣстно, что въ числѣ ея предковъ былъ негръ. Тотчасъ же администрація пансіона рѣшила ее удалить, и только послѣ многихъ хлопотъ ей дали возможность пробыть до конца. А между тѣмъ цвѣтъ кожи ея былъ настолько бѣлъ, что сначала, очевидно, не внушалъ никакихъ подозрѣній.

Нѣсколько лѣтъ назадъ американская печать подняла страшный шумъ по поводу того, что президентъ Рузвельтъ принялъ у себя и даже пригласилъ къ столу негра, извѣстнаго Букера Вашингтона. Нѣкоторыя газеты, какъ бы оправдывая президента, заявляли, что это была ошибка, недоразумѣніе и проч. А между тѣмъ и среди бѣлаго населенія Соединенныхъ Штатовъ мало найдется людей, которые съ такимъ же правомъ, какъ Б. Вашингтонъ могли бы занять какое угодно почетное мѣсто. Личность эта настолько замѣчательная, и вліяніе ея на почти десятимилліонное черное населеніе Шта-

товъ такъ значительно, что здѣсь необходимо сказать о немъ и объ организованной имъ школьной колоніи нѣсколько словъ.

Родился Букеръ Вашингтонъ отъ матери-невольницы за нѣсколько лѣтъ до освободительной войны. Мальчикомъ лѣтъ 13—14 онъ задался цѣлью попасть въ школу для черныхъ дѣтей въ Гемптонѣ (въ Виргиніи). Для этого ему пришлось совершить цѣлое путешествіе, около 800 километровъ. Такъ какъ денегъ у него было мало, то онъ нѣсколько разъ прерывалъ путешествіе, чтобы заработать денегъ на дальнѣйшую дорогу. Терпя лишенія, ночуя подъ открытымъ небомъ, онъ достигъ наконецъ цѣли своего путешествія. Но здѣсь къ своему огорченію узналъ, что школа эта платная, платить же ему было совершенно нечѣмъ. Энергичный мальчикъ рѣшилъ однако достигнуть своего во что бы то ни стало, и потому сталъ заслуживать себѣ право на ученье физическимъ трудомъ, исполняя обязанности привратника, слуги и проч., а въ каникулярное время поступая кельнеромъ въ ресторанъ. Блестяще кончивъ школу, онъ вернулся на родину, въ Мальдею и занялъ тамъ мѣсто учителя. Потомъ учительствовалъ въ Гемптонѣ и наконецъ, въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія приглашенъ былъ въ городъ Тускепи въ штатѣ Алабама для организаціи школы на подобіе гемптонской.

Школа помѣщалась сначала въ полу-разрушенной хижинѣ; учениковъ было всего человѣкъ 30, такихъ же бѣдняковъ, какъ и ихъ учитель. Теперь же она имѣетъ около 1150 гектаровъ собственной земли, на которой имѣется около 40 большихъ и малыхъ зданій, построенныхъ въ большинствѣ случаевъ самими учениками изъ кирпича тоже собственнаго изготовленія. Стоимость земли и зданій опредѣляется въ полмилліона долларовъ. Ежегодные расходы составляютъ 80.000 дол. Число учащихся, нерѣдко пріѣзжающихъ изъ очень отдаленныхъ мѣстъ, съ Кубы и даже изъ Африки, достигаетъ въ настоящее время до полуторы тысячи.

Всю жизнь свою Б. Вашингтонъ посвятилъ нравственному подъему своей расы, и лучшимъ средствомъ для этого онъ считаетъ, на ряду съ умственнымъ развитіемъ, также и ремесленныя знанія. Ремесломъ, которому онъ началъ обучать своихъ первыхъ учениковъ, было изготовленіе кирпича. На немъ онъ остановился потому, что хотѣлъ показать окрестнымъ жителямъ примѣръ каменныхъ построекъ, такъ какъ на югѣ и до сихъ поръ главнымъ строительнымъ, матеріаломъ является дерево. Начинать приходилось безъ средствъ, первыя попытки потерпѣли неудачу, и чтобы добиться успѣха учителю пришлось даже заложить свою единственную сколько нибудь цѣнную вещь – часы. Въ настоящее время всѣ студенты, наряду съ умственнымъ развитіемъ, обучаются какому нибудь ремеслу: кузнечному, плотничному, сапожному, портняжному и проч. Кромѣ того они всѣ вмѣстѣ ведутъ образцовое хозяйство на большей части принадлежащей школѣ земли.

Эта благородная дѣятельность создала Букеру Вашингтону громадную популярность среди не только его соплеменниковъ, но и бѣлыхъ, и онъ нерѣдко является предметомъ самыхъ бурныхъ и восторженныхъ овацій.

Точно такъ же недоброжелательно, какъ къ неграмъ, относятся бѣлые американцы и къ представителямъ другой цвѣтной расы—желтой. Правда, сейчасъ китайцевъ и японцевъ въ Америкѣ немного, не болѣе 90.000 каждой національности, но все же, благодаря скопленію ихъ преимущественно на западномъ побережьи, въ Калифорніи, они играютъ тамъ замѣтную роль. Иммиграція китайцевъ въ Америку въ значительныхъ размѣрахъ началась послѣ открытія богатыхъ калифорнійскихъ золотыхъ розсыпей, одновременно съ быстрымъ ростомъ возникшихъ тамъ новыхъ городовъ и поселковъ, первое мѣсто среди которыхъ занимаетъ С.-Франциско. Несмотря на огромный притокъ рабочихъ рукъ, въ нихъ постоянно чувствовался недостатокъ, такъ какъ всѣ бѣлые, охваченные золотой лихорадкой, устремились на пріиски, и рабочихъ для построекъ и другихъ работъ нельзя было достать ни за какія деньги. Дѣло доходило до того, что суда, привозившія въ портъ

С.-Франциско различные продукты, не могли тронуться въ обратный путь, потому, что экипажъ ихъ тоже устремлялся въ погоню за золотомъ.

Вотъ въ это то время грубая рабочая сила, какую представляли изъ себя неприхотливые китайскіе кули, оказалась очень кстати, и на нее явился большой спросъ. Спросъ вызвалъ предложеніе, и въ концѣ концовъ на западномъ побережьи Соединенныхъ Штатовъ высадилось болѣе 300.000 китайцевъ, изъ которыхъ тысячъ десять осѣли въ С.-Франциско, остальные же разбрелись по всей территоріи Штатовъ, вездѣ понижая заработную плату, что вполнѣ дозволялъ крайне низкій уровень ихъ потребностей. Они облюбовали себѣ прачешное ремесло, нанимались домашней прислугой, поварами въ рестораны и проч., занимались мелочной торговлей.

Курильщики опіума въ китайскомъ кварталѣ Санъ-Франциско.

Все это вызвало крайне враждебное отношеніе къ китайцамъ со стороны бѣлаго населенія, отъ нихъ всячески отмежевывались, въ С.-Франциско они могутъ селиться только въ опредѣленномъ китайскомъ кварталѣ—нѣчто вродѣ гетто для евреевъ въ старинныхъ городахъ,—дѣти ихъ не допускаются къ посѣщенію школы совмѣстно съ бѣлыми, и т. д. Въ 1877 году въ С.-Франциско произошелъ настоящій китайскій погромъ, такъ что китайцы должны были забаррикадироваться въ своемъ кварталѣ. Толпа чуть было не сожгла пароходъ съ кули, прибывшій въ это время въ гавань. Другое избіеніе китайцевъ произошло въ 1885 году въ угольныхъ копяхъ Рокъ Спрингса, гдѣ было убито 28 человѣкъ, ранено же гораздо больше. Въ концѣ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія былъ поднятъ во-

просъ о законодательномъ запрещеніи иммиграціи китайцевъ, и въ 1882 году онъ разрѣшился утвердительно, въ формѣ билля, запрещающаго въѣздъ въ Соединенные Штаты китайскимъ кули, причемъ ограниченіе это не распространялось на купцовъ, студентовъ, желающихъ усовершенствоваться въ наукахъ въ американскихъ университетахъ, и вообще на представителей состоятельныхъ классовъ. Чтобы не вызвать черезчуръ энергичнаго протеста со стороны сыновъ Срединнаго Царства, билль былъ изданъ только на десять лѣтъ, но въ 1992 г., а потомъ и въ 1902 годахъ онъ былъ вновь подтвержденъ, при чемъ китайцы лишь слабо протестовали противъ него попытками бойкотировать американскіе товары. Но теперь развитіе Китая идетъ быстрыми шагами, и трудно допустить, чтобы и въ 1912 году подтвержденіе билля было встрѣчено безъ энергичнаго протеста.

Такъ какъ въ Америку, въ поискахъ работы, ѣхали почти исключительно только мужчины, то съ запрещеніемъ иммиграціи число китайцевъ стало быстро уменьшаться, и въ настоящее время едва ли достигаетъ даже 90.000. Въ большинствѣ это люди уже пожилые, дѣти китайчата на улицахъ С.-Франциско явленіе крайне рѣдкое. Ускоренный темпъ американской жизни, такъ быстро подчиняющій себѣ европейскихъ эмигрантовъ, не остался безъ вліянія и на китайцевъ, несмотря на ихъ косность. Многіе изъ нихъ начали одѣваться въ европейское платье, передѣлывать имена на американскій ладъ, и проч.

Какъ мы говорили уже выше, китайскія дѣти не допускаются въ общія школы и обучаются въ особыхъ, учительскій персоналъ которыхъ почти исключительно женщины, разумѣется, бѣлыя. Недавно посѣтившій Америку д-ръ Эрнестъ Шульце отмѣчаетъ любопытный фактъ, что всѣ безъ исключенія учительницы, близко познакомившись съ китайскими ребятишками, стоятъ за нихъ горой и считаютъ, что ихъ обучать несравненно пріятнѣе и легче, чѣмъ бѣлыхъ дѣтей. И дѣйствительно, уже въ этомъ раннемъ возрастѣ они обнаруживаютъ прилежаніе и выносливость, присущія ихъ расѣ. Проведя въ городской школѣ около пяти часовъ, они, послѣ короткаго перерыва, посвящаютъ почти столько же времени своей національной школѣ, которая даетъ имъ возможность и на чужбинѣ знакомиться съ наукой и религіей своей родины. Такая школа, разумѣется, содержится уже не городомъ, а особой организаціей „шести обществъ“, на которой необходимо остановиться здѣсь подробнѣе, такъ какъ она захватываетъ всѣ стороны жизни китайца на чужбинѣ. Благодаря обособленности китайцевъ и вытекающей отсюда извѣстной конспиративности, американцы думаютъ, что эта организація „шести обществъ“ преслѣдуетъ какія-то тайныя предосудительныя цѣли, и было даже возбуждено по этому поводу цѣлое разслѣдованіе. На самомъ же дѣлѣ это вполнѣ мирная организація, нѣчто среднее между старинными колонизаціонными обществами и нынѣшними обществами взаимопомощи. „Шестью обществами“ организація названа по числу округовъ Кантонской провинціи въ Китаѣ, откуда происходятъ почти исключительно всѣ кули, эмигрировавшіе въ Америку.

Собравшійся эмигрировать китаецъ еще на родинѣ вступаетъ въ эту организацію, и такъ какъ по большей части онъ неимущій голышъ, то общество перевозитъ его на свой счетъ въ Америку, подыскиваетъ ему работу, помогаетъ совѣтомъ, всѣ же расходы получаетъ потомъ постепенно. Почти не бываетъ случая, чтобъ эмигрантъ уклонился отъ уплаты, прежде всего потому, что для него это было бы вовсе невыгодно, потому что, если общество даже и эксплоатируетъ его, оно въ то же время представляетъ нѣкоторую опору на чужбинѣ, среди враждебно настроеннаго населенія. Въ прежнія времена „шесть обществъ“ пользовались такой властью, что обрекали ослушниковъ даже на смерть, при чемъ приговоръ опубликовывали посредствомъ расклейки на стѣнахъ китайскаго квартала плакатовъ, въ которыхъ предлагали за убійство даннаго лица извѣстную, довольно крупную сумму. Теперь такіе факты отошли въ область преданій, но все же авторитетъ организаціи настолько великъ, что крупная пароходная компанія, поддерживающая сообщеніе

между Хонгъ-Конгомъ и С.-Франциско не приметъ на бортъ ни одного желающаго вернуться на родину китайца, пока онъ не доставитъ особаго разрѣшенія съ печатью соотвѣтствующаго общества.

Заботы „шести обществъ“ о своихъ членахъ не прекращаются даже и послѣ смерти послѣднихъ. Китаецъ больше всего боится умереть на чужбинѣ и быть схороненнымъ въ чужой землѣ. И вотъ организація послѣ смерти своего члена либо отсылаетъ гробъ съ его тѣломъ на родину, если онъ достаточно богатъ, либо хоронитъ въ Америкѣ, но посыпаетъ тѣло землей, спеціально привезенной съ родины. Часто бываетъ, что могилу раскапываютъ черезъ нѣсколько лѣтъ, кости тщательно обмываютъ и, герметически запаковавъ, отправляютъ на родину. Изъ С.-Франциско ежегодно отправляется нѣсколько судовъ, грузъ которыхъ состоитъ исключительно изъ китайскихъ гробовъ.

Издавая свой ограничительный законъ противъ иммиграціи китайцевъ, американцы совсѣмъ упустили изъ виду, что есть еще и другіе представители желтой расы, гораздо болѣе опасные, чѣмъ инертные китайцы. Мы подразумѣваемъ здѣсь японцевъ, которые послѣ перваго столкновенія съ европейской культурой стали развиваться съ неимовѣрной быстротой и скоро вынуждены были искать примѣненія своимъ силамъ за предѣлами своей родины. До 1900 года число ихъ въ Соединенныхъ Штатахъ не превышало 25.000, но съ тѣхъ поръ стало быстро расти и въ настоящее время превышаетъ 90.000. Въ 1906 году возникло довольно серьезное столкновеніе между японцами и американцами изъ за того, что американцы убили нѣсколькихъ японскихъ промышленниковъ у береговъ Аляски. На протесты Японіи американцы отвѣтили разными стѣсненіями, напр. недопущеніемъ японскихъ дѣтей въ общія школы. Покладистые китайцы сочли для себя благодѣяніемъ устройство отдѣльныхъ школъ, японцы же, самолюбіе и національная гордость которыхъ особенно развились послѣ удачной войны съ Россіей, приняли это за оскорбленіе. Имѣло здѣсь значеніе и то обстоятельство, что эмигрирующіе японцы по соціальному составу значительно отличаются отъ китайцевъ; въ то время какъ послѣдніе почти исключительно чернорабочіе, японцы по профессіи главнымъ образомъ купцы, въ крайнемъ случаѣ искусные ремесленники, поэтому и предъявляемыя ими претензіи больше.

Любопытное совпаденіе: противъ свободнаго доступа къ себѣ японцевъ теперь ратуютъ тѣ самые американцы, которые въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія заставили Японію открыть для своей торговли ея важнѣйшія гавани, недоступныя дли бѣлыхъ въ теченіе трехъ столѣтій. Разумѣется въ то время они не могли допустить и мысли, что конкурренція японцевъ такъ скоро дастъ имъ себя почувствовать.

Какъ бы то ни было, передъ американцами, какъ и передъ другими націями, вступающими въ соприкосновеніе съ желтою расой, въ настоящее время стоитъ проблема, рѣшеніе которой, если судить по такимъ признакамъ, какъ отправка Соединенными Штатами огромнаго флота въ Тихій Океанъ, уже не за горами.

Все, что мы до сихъ поръ писали о Соединенныхъ Штатахъ и ихъ обитателяхъ, касалось преимущественно матеріальныхъ условій жизни, теперь же, чтобы дополнить картину, скажемъ, хоть кратко, о томъ политическомъ и общественномъ строѣ, который далъ американцамъ возможность и средства въ короткое время настолько успѣшно развить свои производительныя силы, что странамъ Стараго Свѣта невольно остается завидовать имъ. Соединенные Штаты, первоначально рядъ самостоятельныхъ и изолированныхъ колоній на территоріи С. Америки, въ 1789 году успѣшно свергли англійское иго и объединились въ союзную республику, въ составъ которой первоначально входило лишь 13 штатовъ. Тогда же была выработана конституція, настолько полная и совершенная, что за все время ея существованія въ нее понадобилось внести всего 15-ть поправокъ и дополненій. Въ настоящее время конституціей этой руководствуются 47 штатовъ и 3 территоріи. Конституція эта представляетъ каждому штату въ его внутреннихъ дѣлахъ пол-

ную самостоятельность, и общими для всей федераціи дѣлами признаетъ только войну и миръ, международныя сношенія, армію, флотъ, федеральный судъ, финансы, почтовыя и телеграфныя сообщенія, и наконецъ защиту гражданъ противъ несправедливыхъ законовъ какого либо отдѣльнаго штата. Всѣ остальныя области права вѣдаютъ конституціи каждаго штата въ отдѣльности. Исполнительная и законодательная власти строго разграничены. Первая принадлежитъ президенту, избираемому на четыре года и облеченному очень обширной властью; вторая—конгрессу, состоящему изъ палаты представителей и сената. Въ первую депутаты отъ штатовъ выбираются пропорціонально численности населенія штата, во второй же — по два сенатора отъ штата. Въ настоящее время число членовъ палаты достигаетъ 360 человѣкъ. Система выборовъ вполнѣ предоставлена каждому штату и потому первоначально отличалась крайнимъ разнообразіемъ, но затѣмъ постепенно различія сгладились, и теперь почти повсемѣстно практикуется всеобщее, прямое и тайное голосованье мужчинъ, а въ нѣкоторыхъ штатахъ, Невадѣ, Колорадо, Юта и Уайомингѣ, также и женщинъ. Выборы производятся каждые два года, и избраннымъ можетъ быть всякій гражданинъ Соединенныхъ Штатовъ, достигшій 25 лѣтъ.

Для сенаторовъ требуется 30-лѣтній возрастъ, причемъ ихъ избираютъ на 6 лѣтъ и при томъ такимъ образомъ, чтобы треть состава сената обновлялась каждые два года. Предсѣдателемъ его считается вице-президентъ республики. Членомъ конгресса не можетъ быть лицо, участвовавшее прямо или косвенно въ возстаніи противъ Соединенныхъ Штатовъ.

Всякій законопроектъ, прошедшій черезъ палату и сенатъ, поступаетъ на утвержденіе президента, который пользуется правомъ veto. Но если проектъ будетъ вторично принятъ обѣими палатами $^2/_3$ голосовъ, то онъ получаетъ силу закона.

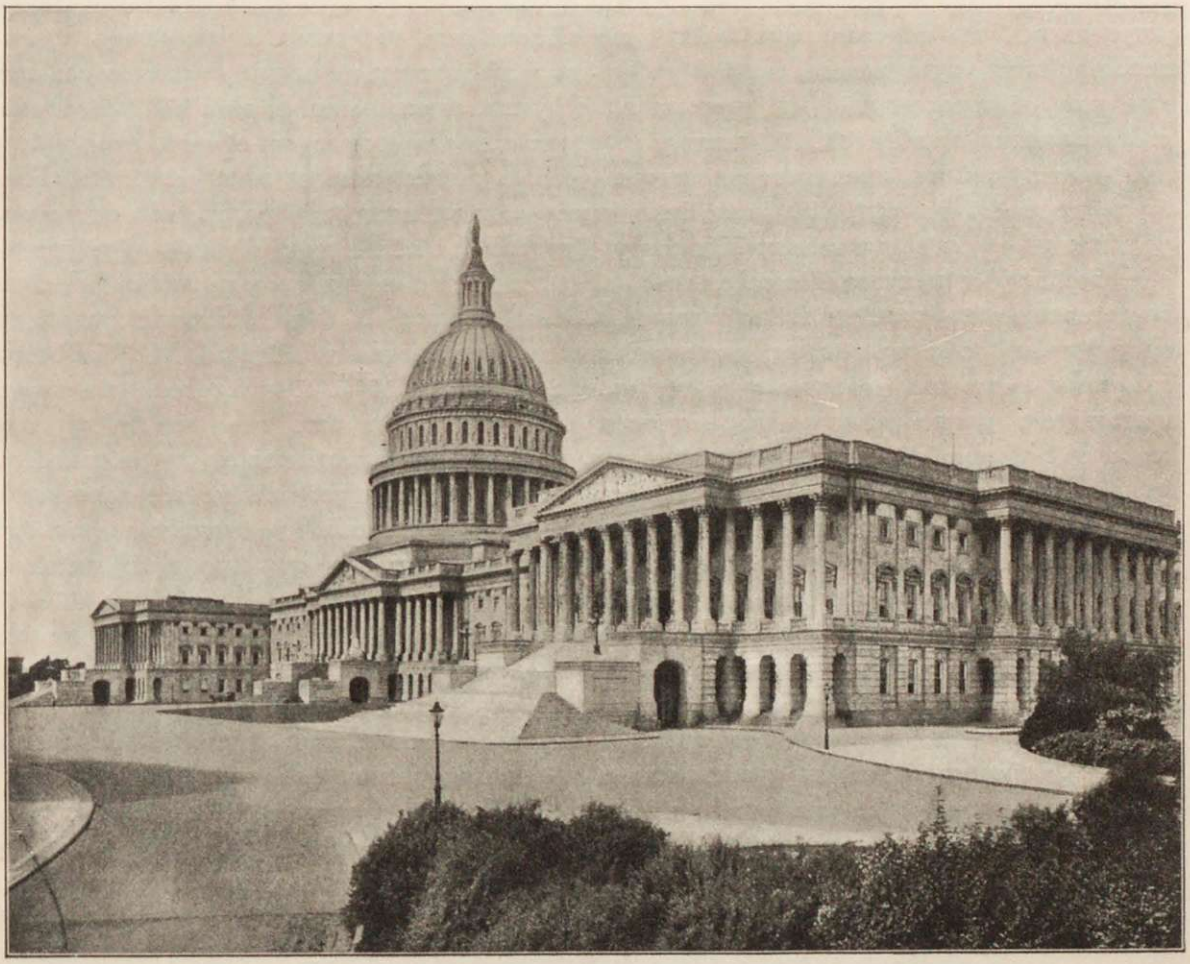
Президентъ избирается на 4 года, причемъ имъ можетъ быть только лицо, родившееся въ Соединенныхъ Штатахъ и въ возрастѣ не моложе 35 лѣтъ. Система выборовъ двухстепенная. Въ случаѣ смерти президента, его мѣсто заступаетъ вице-президентъ. Управляетъ президентъ съ помощью восьми назначаемыхъ имъ самимъ министровъ. Отъ президента зависятъ всѣ назначенія, и потому вслѣдъ за водвореніемъ новаго президента въ Бѣломъ домѣ происходитъ обыкновенно усиленная чистка во всѣхъ вѣдомствахъ, начиная отъ высшихъ ступеней и до самыхъ низшихъ должностей почтмейстеровъ, мелкихъ чиновниковъ и проч., причемъ увольненія часто отличаются крайней несправедливостью, удаляется хорошій работникъ, а его мѣсто занимаетъ завѣдомый взяточникъ. То же происходитъ и въ управленіи каждымъ отдѣльнымъ штатомъ, во главѣ котораго стоитъ губернаторъ.

Широко проведенная выборная система и постоянныя выборныя компаніи, то президентская, то въ обѣ палаты конгресса, создали въ Соединенныхъ Штатахъ цѣлый классъ профессіональныхъ политикановъ, которые за извѣстное, очень часто крупное вознагражденіе выполняютъ всевозможныя порученія: вербуютъ голоса, организуютъ уличныя процессіи и митинги, выставляютъ ораторовъ и проч. Начавъ карьеру скромнымъ трактирщикомъ, они нерѣдко съ помощью различныхъ темныхъ продѣлокъ наживаютъ крупныя состоянія.

Важнѣйшими, борющимися между собою партіями въ Соединенныхъ Штатахъ являются партіи демократическая и республиканская, и вотъ въ каждую избирательную кампанію выставляется каждой партіей свой кандидатъ, за котораго и идетъ борьба. Ведется она съ величайшей горячностью, такъ какъ побѣда данной партіи, напр. при выборахъ президента, сопровождается для нея достаточно осязательнымъ результатомъ; масса чиновниковъ подвергаются увольненію, и мѣста ихъ занимаютъ побѣдители. Нечего и говорить, что при этомъ возможны и дѣйствительно случаются многочисленныя злоупотребленія, практикуется подкупъ, спаиванье и проч., но размѣры ихъ обыкновенно преувеличиваются

европейской печатью, и широкая гласность, въ связи съ могущественнымъ въ Соединенныхъ Штатахъ общественнымъ мнѣніемъ, въ значительной степени парализуютъ это явленіе.

Судебная власть въ Соединенныхъ Штатахъ вручена верховному суду, а также различнымъ низшимъ инстанціямъ, причемъ высшіе чины судебнаго вѣдомства несмѣняемы, низшіе же назначаются или избираются на опредѣленное число лѣтъ. Уголовныя дѣла разбираются судомъ присяжныхъ, но на дальнемъ Западѣ и на Югѣ нерѣдки еще и теперь случаи суда Линча, т. е. суда толпы, которая тутъ же, на мѣстѣ, выполняетъ и приговоръ. Въ прежнія времена среди колонистовъ и золотоискателей Калифорніи это была



Зданіе Капитолія въ Вашингтонѣ.

единственная форма суда. Смертная казнь вообще фигурируетъ въ законодательствѣ Соединенныхъ Штатовъ, но нѣкоторые изъ нихъ, какъ Мэнъ, Мичигенъ, Уисконсинъ, Родъ-Айлендъ, отмѣнили ее по собственной иниціативѣ.

Военныя силы Соединенныхъ Штатовъ состоятъ изъ регулярной арміи, волонтеровъ и милиціи. Первыя двѣ категоріи пополняются путемъ вербовки, и въ 1905 году состояли изъ 111.313 человѣкъ, милиціонерами же считаются всѣ граждане въ возрастѣ 18—45 л. Ихъ въ 1902 году было 10.845.268 ч. Въ мирное время милиція каждаго штата подчиняется своему губернатору, въ военное же—президенту, который является въ то же время главнокомандующимъ регулярной арміей и волонтерами. Флотъ также довольно значителенъ и усиленно пополняется американцами, увидѣвшими всю важность его во время

войны съ Испаніей. Въ настоящее время всѣ лучшія морскія силы Соединенныхъ Штатовъ двинуты имъ изъ Атлантическаго океана въ Тихій, чтобы тамъ угрожать японцамъ, съ которыми у американцевъ за послѣднее время возникаютъ довольно частыя и серьезныя столкновенія.

Страна, сдѣлавшая такіе быстрые успѣхи во всѣхъ областяхъ, должна обладать широко поставленной и раціональной системой образованія, такъ какъ знаніе является главнѣйшимъ двигателемъ прогресса. И дѣйствительно, если мы обратимся даже къ далекому прошлому Соединенныхъ Штатовъ, когда переселенцамъ приходилось съ оружіемъ въ рукахъ отвоевывать себѣ землю у туземцевъ, то и тамъ увидимъ, что первой заботой колонистовъ было устройство школъ. Часто случалось, что поселки были маленькія, школа устраивалась въ центральномъ пунктѣ для нѣсколькихъ поселковъ, и малышамъ приходилось бѣгать туда черезъ дикій лѣсъ, съ рискомъ попасть въ лапы кого либо изъ его хищныхъ обитателей или, что нисколько не лучше, ожесточенныхъ вѣчными кровавыми столкновеніями индѣйцевъ. Въ настоящее время все это отошло въ область преданій, и нынѣшнимъ юнымъ американцамъ плоды ученья даются несравненно легче. Во главѣ этого дѣла стоитъ оффиціальное „Бюро просвѣщенія“, которое вѣдаетъ всѣ просвѣтительныя учрежденія, принадлежащіи союзу. Даровое и обязательное обученіе дѣтей впервые ввелъ у себя штатъ Массачузетсъ, въ настоящее же время система эта принята въ законодательномъ порядкѣ всѣми штатами Союза. Казалось бы, что при такихъ условіяхъ неграмотныхъ совсѣмъ бы не должно быть въ Соединенныхъ Штатахъ, но благодаря эмиграціи число ихъ довольно значительно и превышаетъ 10%. Кромѣ общинныхъ школъ существуетъ также очень много частныхъ, такъ какъ открывать ихъ можетъ каждый желающій безпрепятственно. Каждый штатъ совершенно самостоятельно вырабатываетъ свои школьныя программы, примѣняетъ ихъ на практикѣ, и тотчасъ же все полезное и раціональное перенимается сосѣдями, такимъ образомъ школа не отгораживается отъ жизни китайской стѣной выработанныхъ въ пыли канцелярій мертвыхъ программъ, но все время идетъ рука объ руку съ жизнью и послѣдними данными науки.

Несмотря на столь большее разнообразіе, всѣ школы, болѣе или менѣе, можно свести къ слѣдующимъ типамъ: элементарныя и съ расширенной программой, среднія, вродѣ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, и университеты съ колледжами. Во всѣхъ трехъ первыхъ типахъ учащіе стараются всѣми способами оживить преподаваніе, свести его къ разнообразнѣйшимъ практическимъ занятіямъ, устраиваютъ экскурсіи, гимнастическія упражненія, пожарныя тревоги и проч. Послѣднее заслуживаетъ особеннаго вниманія. Дѣтей учатъ по сигналу, безъ толкотни и давки покидать школьное помѣщеніе, и если бы упражненія эти получили всеобщее распространеніе, то стали бы невозможны ужасныя происшествія, вродѣ разыгравшейся въ Кливлендѣ, гдѣ жертвой пожара сдѣлались 180 дѣтей и двѣ учительницы, въ паникѣ сбившіяся у выхода и загородившія его. Такія происшествія, къ сожалѣнію, далеко нерѣдки въ городахъ Соединенныхъ Штатовъ, съ ихъ головокружительно высокими домами и узкими, большею частью деревянными лѣстницами.

Не стѣсняемая въ своемъ развитіи и предоставленная собственной иниціативѣ школа принимаетъ подчасъ очень оригинальную форму. Такова напр. „дѣтская республика“ въ Аннаполисѣ, гдѣ дѣти обоего пола проходятъ курсъ школы, занимаются сельскимъ хозяйствомъ, ремеслами и содержатъ все учрежденіе трудами рукъ своихъ. Здѣсь есть свой „Бѣлый домъ“, президентъ, конгрессъ—совсѣмъ какъ у „большихъ“. Размѣры этой микроскопической республики — 72 десятины. Примѣру ея начинаютъ подражать и въ другихъ мѣстахъ.

Какъ ни хороша однако организація низшаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ, все же тамъ имѣется около 30% дѣтей, не попадающихъ въ школу и, напр., на

одинъ только Нью-Іоркъ ихъ приходится до 50.000. На помощь имъ приходитъ благотворительность, организовавшая въ послѣднее время такъ называемыя вакаціонныя школы, въ которыхъ обучаютъ большею частью желающіе изъ освобождающихся лѣтомъ учителей. Въ Нью-Іоркѣ, напр., лѣтомъ 1903 года было 58 такихъ школъ съ 1400 учителями. Учатъ тамъ самымъ разнообразнымъ вещамъ: чтенію, письму, счету, ремесламъ, садоводству и пр. Дѣвочекъ учатъ шить, вязать, готовить кушанье, ходить за больными, вообще всему, что можетъ пригодиться въ жизни. Иногда при этомъ дѣти получаютъ за свою работу даже плату, что очень важно для тѣхъ дѣтей, которые не посѣщаютъ школу изъ за необходимости работать. Дѣтская же работа, несмотря на запрещенія, практикуется очень часто. Родители приводятъ на фабрику 12-лѣтнихъ дѣтей, заявляютъ, что имъ уже 15 лѣтъ,

Статуя „Свободы, озаряющей свѣтъ“ при входѣ въ гавань Нью-Іорка.

и это обыкновенно бываетъ достаточно для принятія такого ребенка на работу, безъ всякихъ справокъ.

Высшее образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ отличается такимъ же разнообразіемъ и разносторонностью, какъ низшее и среднее. Кромѣ 41 государственнаго университета, содержимаго на средства отдѣльныхъ штатовъ, существуетъ въ десятеро больше частныхъ университетовъ, обставленныхъ въ большинствѣ случаевъ съ необычайной роскошью, такъ какъ устраивающіе ихъ цари промышленности ставятъ для себя вопросомъ чести организовать дѣло на удивленіе всѣмъ. Худо только, что, считая университеты какъ бы своей собственностью, они также считаютъ себя вправѣ вмѣшиваться иногда въ ихъ внутреннюю жизнь и направленіе преподаванія.

Многіе изъ частныхъ университетовъ, устраиваемые разными спекулянтами, не заслуживаютъ этого названія и скорѣе приближаются къ типу колледжей для дѣтей состоятельныхъ родителей.

Въ большинствѣ университетовъ, какъ и въ низшей и средней школѣ, происходитъ совмѣстное обученіе мужчинъ и женщинъ, въ другихъ одни и тѣ же профессора читаютъ лекціи для мужчинъ и женщинъ въ разное время и въ разныхъ помѣщеніяхъ, наконецъ есть университеты для котораго нибудь одного пола. Съ свойственною имъ практичностью, американцы стараются дать въ своей высшей школѣ правильное пониманіе каждой науки, ея основные принципы, а затѣмъ предоставляютъ студентамъ избирать себѣ спеціальность и работать надъ нею самостоятельно. Учащіеся въ большинствѣ относятся къ дѣлу крайне добросовѣстно, такъ какъ избираютъ предметъ по своему желанію и притомъ учатся не ради диплома, который никакихъ правъ не даетъ въ Америкѣ, а ради самаго знанія, ради возможнооти использовать его потомъ въ практической жизни.

Но есть университеты, въ которыхъ преобдадаютъ классическія и богословскія науки, а также университеты, находящіеся подъ вліяніемъ одной изъ многочисленныхъ сектъ.

Самыя заведенія большею частью расположены внѣ городовъ, окружены обширными парками и въ изобиліи снабжены всевозможными приспособленіями для спорта и гимнастики. Въ этомъ отношеніи они идутъ по стопамъ англійскихъ, задающихся цѣлью развивать не только умъ, но и тѣло. Чтобы придать этимъ упражненіямъ больше интереса, отдѣльные университеты устраиваютъ время отъ времени публичныя состязанія другъ съ другомъ. При большинствѣ университетовъ существуютъ общежитія, въ которыхъ все приспособлено такимъ образомъ, чтобы студентъ имѣлъ все необходимое для своихъ занятій. Жизнь въ американскихъ университетахъ обходится студентамъ, въ общемъ, дороже, чѣмъ напр, въ русскихъ. Такъ, при самыхъ скромныхъ потребностяхъ тамъ приходится тратить около 500 руб. въ годъ, а въ лучшемъ американскомъ университетѣ, Гарвардскомъ, даже 800 руб. Не имѣя часто возможности получать такую сумму отъ родителей, бѣднѣйшіе студенты на вакаціонное время поступаютъ на мѣста швейцаровъ, номерныхъ въ гостинницахъ, кельнеровъ въ ресторанахъ и проч., и такъ какъ въ Америкѣ всякій трудъ уважается одинаково и отношеніе къ прислугѣ совсѣмъ иное, чѣмъ напр. у насъ, то такого рода служба нисколько не роняетъ энергичныхъ студентовъ въ глазахъ ихъ товарищей.

Какъ однако ни много университетовъ въ Соединенныхъ Штатахъ, все же далеко не всѣ могутъ попадать въ нихъ или получать достаточную подготовку для слушанія обычнаго курса, и вотъ нѣкоторые университеты, напр. чикагскій разбиваютъ годъ на три части—триместры, при чемъ въ лѣтній триместръ читается курсъ болѣе элементарный для вольнослушателей. Кромѣ того въ Соединенныхъ Штатахъ въ настоящее время все больше распространяются такъ называемые вольные, народные университеты (University Extension), доступные для тѣхъ, кто по какимъ либо причинамъ не можетъ прослушать курсъ обычнымъ порядкомъ. Насколько успѣшно развивается это дѣло, показываютъ слѣдующія цифры: въ первомъ (1889) году было прочитано 186 лекцій, собравшихъ 22.149 слушателей, въ 1898 году лекцій было уже 1.866 при 698.200 слушателяхъ, и это въ одномъ только Нью-Іоркѣ! На этихъ лекціяхъ въ популярной, но вполнѣ научной формѣ трактуются всѣ отрасли науки.

Большимъ подспорьемъ для желающихъ учиться являются также многочисленныя, роскошныя публичныя библіотеки, устроенныя по большей части на щедрыя пожертвованія крупныхъ капиталистовъ. Такъ Карнеги, пожертвовавшій на образовательныя цѣли 100 милліоновъ долларовъ, удѣлилъ изъ нихъ на библіотеки 27½ милліоновъ.

Въ странѣ, гдѣ существуетъ такая постановка народнаго образованія, естественно было бы предположить широко развитую литературу и искусство, но на самомъ дѣлѣ

этого не наблюдается; виной ли здѣсь черезчуръ большая практичность и дѣловитость американцевъ или другое что, но только таланты какъ въ той, такъ и въ другой области можно перечесть по пальцамъ. За то періодическая печать развита какъ нигдѣ въ мірѣ. Кромѣ 15.000 ежедневныхъ газетъ имѣется масса изданій еженедѣльныхъ и ежемѣсячныхъ, обслуживающихъ преимущественно разныя захолустья. Газеты расходятся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, и благодаря этому, а также массѣ объявленій, могутъ за сравнительно невысокую цѣну давать много интереснаго матеріала, рисунковъ въ краскахъ и проч. Особенно пространны воскресные номера, дающія безъ повышенія цѣны до 100 стр. убористой печати. Разумѣется, это возможно только при массѣ объявленій, въ которыхъ при склонности американцевъ въ рекламѣ недостатка не бываетъ. Многія фирмы на рекламу затрачиваютъ 100—500 тысячъ долларовъ. Сами газеты не скупятся на рекламированіе себя и готовы ради этого на все. Нѣтъ мѣста, куда не проникъ бы прославленный американскій репортеръ, нерѣдко рискующій при этомъ не только боками, но и жизнью. Такъ напр. во время возстанія на Кубѣ одинъ корреспондентъ „New-York Herald" умудрился выкрасть изъ испанской тюрьмы одну изъ дѣятельницъ возстанія, приговоренную къ смертной казни, и благополучно провезти ее черезъ страну, наполненную испанскими войсками. Потратившая на это крупную сумму газета вернула ее себѣ, разумѣется, съ лихвою на розничной продажѣ. Слѣдуетъ еще сказать, что почти ни одна газета не открываетъ подписки и расходится въ розничной продажѣ, поэтому чѣмъ больше сенсаціонныхъ извѣстій она можетъ предложить покупателямъ, тѣмъ болѣе обезпеченъ ея успѣхъ. Продажей газетъ въ каждомъ большомъ городѣ заняты десятки тысячъ уличныхъ мальчишекъ, нерѣдко зарабатывающихъ на этомъ хорошія деньги.

Пользуясь столь большимъ вліяніемъ, американская пресса нерѣдко заслуживаетъ обвиненіе въ продажности, особенно во время выборныхъ компаній, когда ловкій и свободный отъ предразсудковъ предприниматель часто въ нѣсколько дней зарабатываетъ больше, чѣмъ въ обычный годъ издательства. Иногда также пронырливые корреспонденты раскопаютъ чью-нибудь непріятную тайну и потомъ за дорогую цѣну продаютъ свое молчаніе.

Американцы страстные любители всякихъ зрѣлищъ и готовы пожертвовать многимъ, лишь бы увидѣть что нибудь волнующее, захватывающее. Въ погонѣ за эфектами они не останавливаются даже напр. передъ устройствомъ примѣрныхъ крушеній поѣздовъ и т. п.

Но въ области театра у нихъ дѣло обстоитъ не лучше, чѣмъ въ области литературы, и здѣсь они не только не прогрессируютъ, а скорѣе идутъ назадъ. Прежде у нихъ произведенія Шекспира и другихъ міровыхъ знаменитостей ставились гораздо чаще, и такіе театры посѣщались несравненно охотнѣе, чѣмъ теперь. Есть конечно и теперь серьезный театръ, но изъ болѣе чѣмъ сотни нью-іоркскихъ театровъ подавляющее большинство посвящено пустѣйшей мелодрамѣ, съ обиліемъ всевозможныхъ сценическихъ эффектовъ, съ чисто цирковыми отступленіями, головоломными прыжками и проч., но съ крайне убогимъ содержаніемъ. Многіе же театры довольствуются тѣмъ, что ставятъ разнообразнѣйшій дивертиссементъ, отдѣльныя части котораго ничѣмъ между собою не связаны. Нечего и говорить, что циркъ пользуется здѣсь огромнымъ успѣхомъ.

На большихъ рѣкахъ нерѣдко плаваютъ отъ городка къ городку подвижные театры-пароходы. Репертуаръ ихъ, въ большинствѣ, еще легковѣснѣе.

И такое состояніе театра нельзя даже объяснять кратковременностью его существованія, такъ какъ, если въ пуританскихъ городахъ онъ преслѣдовался почти до средины прошлаго столѣтія, то въ Нью-Іоркѣ напр. онъ насчитываетъ почти полтора вѣка существованія. Причина здѣсь лежитъ, очевидно, въ духовномъ складѣ американцевъ.

Остается сказать нѣсколько словъ еще объ одной области духовной жизни американцевъ—о религіи. Въ Соединенныхъ Штатахъ церковь совершенно отдѣлена отъ госу-

дарства, и ни одно изъ вѣроученій не считается господствующимъ. Ни одна изъ церквей не получаетъ содержанія отъ государства и поддерживается добровольными приношеніями своихъ послѣдователей, но церковныя имущества, нерѣдко очень значительныя и цѣнныя, свободны въ большинствѣ штатовъ отъ налога. Нынѣшняя свобода совѣсти выработалась не сразу, и вначалѣ, во времена господства пуританъ, невѣріе или еретичество преслѣдовалось и нерѣдко каралось даже смертью.

Матеріальная обезпеченность духовенства здѣсь, въ общемъ, гораздо лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, а сумѣвшіе войти въ моду проповѣдники устраиваются совсѣмъ не дурно, такъ какъ кромѣ содержанія отъ своихъ наслѣдователей они устанавливаютъ плату за входъ на свои проповѣди, что здѣсь никого не удивляетъ и не шокируетъ, такъ какъ практичные американцы отлично знаютъ, что проповѣдники въ свою очередь платятъ высокую арендную плату за помѣщеніе. Зданіе церкви большею частью строится какимъ нибудь предпринимателемъ и затѣмъ сдается желающимъ, какъ театральный или концертный залъ. Особенно грандіозны бываютъ собранія методистовъ, по 10—15 тысячъ человѣкъ, гдѣ пришедшіе въ экстазъ проповѣдники доводятъ въ свою очередь до экстаза слушателей, и въ концѣ концовъ поднимается общій плачъ и невообразимый шумъ.

Америка, по преимуществу, можетъ быть названа страною сектъ, такъ какъ нигдѣ ихъ не возникало и не возникаетъ столько, какъ здѣсь. Онѣ возникаютъ вдругъ, словно грибы-дождевики, и такъ же вдругъ исчезаютъ, замѣняясь новыми. Иныя изъ нихъ перекочевали изъ Европы, въ поискахъ свободы отъ преслѣдованій, другія возникли въ Америкѣ же. Изъ послѣднихъ интереснѣе другихъ полуязыческая секта мормоновъ, возникшая въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ штатѣ Миссури, съ пророкомъ Смитомъ во главѣ. Выселенные отсюда за нетерпимое и высокомѣрное отношеніе къ другимъ сектамъ, а также за различныя преступленія чисто уголовнаго характера, они перекочевали въ Иллинойсъ, но за проповѣдуемое ими многоженство были вскорѣ изгнаны и отсюда и, направившись на западъ, поселились въ концѣ концовъ на индѣйской территоріи Юта въ долинѣ Соленаго озера, гдѣ обитаютъ и теперь, причемъ подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія многоженство постепенно упраздняется. Видѣвшіе мормоновъ, характеризируютъ ихъ, какъ малокультурныхъ, отупѣвшихъ подъ деспотической властью своихъ пророковъ людей, крайне фанатичныхъ и трудолюбивыхъ. Въ настоящее время они сохраняютъ съ центральнымъ правительствомъ мирныя отношенія, а пророкъ ихъ является въ то же время губернаторомъ территоріи Юта. Въ главномъ городѣ ихъ, новомъ Іерусалимѣ или Дезеретѣ, число жителей превышаетъ въ настоящее время 100.000, всѣхъ же мормоновъ около 500.000 человѣкъ.

И. Леонтьевъ.

Канада.

Бѣлое населеніе.—Экономическое состояніе страны.—Государственное устройство.

Обширныя земли, лежащія къ сѣверу отъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, имѣющія громадную площадь почти въ 10 милліоновъ кв. к., не такъ давно объединились въ одну конфедерацію подъ общимъ именемъ „Государство Канада“ (Dominion of Canada). Трудно представить себѣ другую страну міра, которая бы объединяла такое разнообразіе мѣстныхъ особенностей и представляла бы столь же широкую картину борьбы противорѣчивыхъ элементовъ, какая наблюдается въ современной Канадѣ. Двѣ силы, которыя накладываютъ съ каждымъ днемъ все болѣе глубокій отпечатокъ на физіономію страны, спаивая въ жизни то, что было сначала соединено только на бумагѣ, дѣйствуютъ съ такой же быстротой въ Канадѣ, какъ и въ Штатахъ. Это быстро подвигающаяся впередъ духовная культура населенія и не менѣе быстро растущее экономическое благосостояніе жителей. Эти силы связываютъ отдѣльные районы Канадской державы безчисленными нитями хозяйственнаго обмѣна и даютъ возможность Канадѣ, какъ цѣлому, играть видную роль въ хозяйствѣ всего міра.

Въ отношеніи плотности населенія и его сравнительной культурности, территорія Канады естественно распадается на три области. Наибольшей плотностью населенія обладаетъ наиболѣе культурная область юго-восточныхъ провинцій, въ которую входятъ Онтаріо, Квебекъ, Новый Брауншвейгъ, Новая Шотландія и островъ Принца Эдварда. Изъ $5^1/_2$ милліоновъ обитателей Канады на эти пять провинцій приходится свыше $4^1/_2$. Плотность населенія юго-востока — 3 на кв. к., тогда какъ плотность населенія для всей Канады всего 0,6 на кв. к. Слѣдующей по относительной населенности группой являются провинціи и территоріи запада: Манитоба, Британская Колумбія, Ассинибоя, Саскачеванъ и Альберта. Цифра плотности для этихъ провинцій 0,3. Наконецъ, наименѣе населенною оказывается территорія, омываемая водами Ледовитаго океана, покрытая большую часть года снѣгами и льдами, едва насчитывающая одного жителя на сотню квадратныхъ километровъ, называемая страной Великаго Сѣвера.

Главную массу населенія Канады составляютъ англичане и французы, но большинство жителей представители англо-саксонской расы, пополняющіе свои ряды переселенцами изъ метрополіи и сосѣдней республики. Французская иммиграція послѣ завоеванія Канады англичанами во второй половинѣ XVIII-го вѣка прекратилась почти на цѣлое столѣтіе, и естественная убыль населенія пополнялась естественнымъ же и приростомъ.

Первые колонисты края, французы, начали переселяться въ Новый Свѣтъ еще въ XVI-мъ вѣкѣ. Впервые прибывшіе поселенцы терпѣли вначалѣ ужасныя лишенія, прежде чѣмъ освоились съ климатомъ и новыми условіями существованія и обзавелись хозяйствомъ. На берегахъ могучихъ канадскихъ рѣкъ возникли рѣдкія поселенія, обитатели

ихъ вырубали лѣса, и впервые плугъ европейца бороздилъ толстый слой богатой перегноемъ почвы. Много жизней и трудовъ стоили французамъ первыя попытки колонизаціи, и достигнутые сначала успѣхи далеко не окупали всѣхъ принесенныхъ ими жертвъ. Много лѣтъ метрополія должна была заботиться о пропитаніи піонеровъ, посылая корабли, наполненные съѣстными припасами въ будущую житницу міра. Французы осѣдали главнымъ образомъ въ бассейнѣ рѣки Св. Лаврентія и въ Новой Шотландіи, называвшейся ими Акадіей. Колонія росла, завоевывая, постепенно, земли, лежащія къ западу, вытѣсняя первоначальное населеніе или мирно уживаясь съ аборигенами страны—индѣйцами. Пока поселенцамъ приходилось имѣть дѣло съ индѣйскими племенами, дѣло шло хорошо, и никто съ внѣшней стороны, не грозилъ процвѣтанію колоніи. Но уже въ первомъ періодѣ заселенія французами новыхъ земель, на югъ отъ ихъ области колонизаціи появился болѣе серьезный претендентъ на обширные бассейны рѣки Св. Лаврентія и Верхняго озера. И этотъ новый претендентъ—англійскій колонистъ—оказался лучше вооруженнымъ для предстоящей многолѣтней борьбы. Рядъ войнъ, завершившійся Парижскимъ договоромъ 1763 г., уничтожилъ въ концѣ концовъ власть французовъ въ Новомъ Свѣтѣ. Послѣдній актъ борьбы—взятіе англичанами въ 1759 году Квебека главнаго оплота французовъ, рѣшилъ вѣковой споръ.

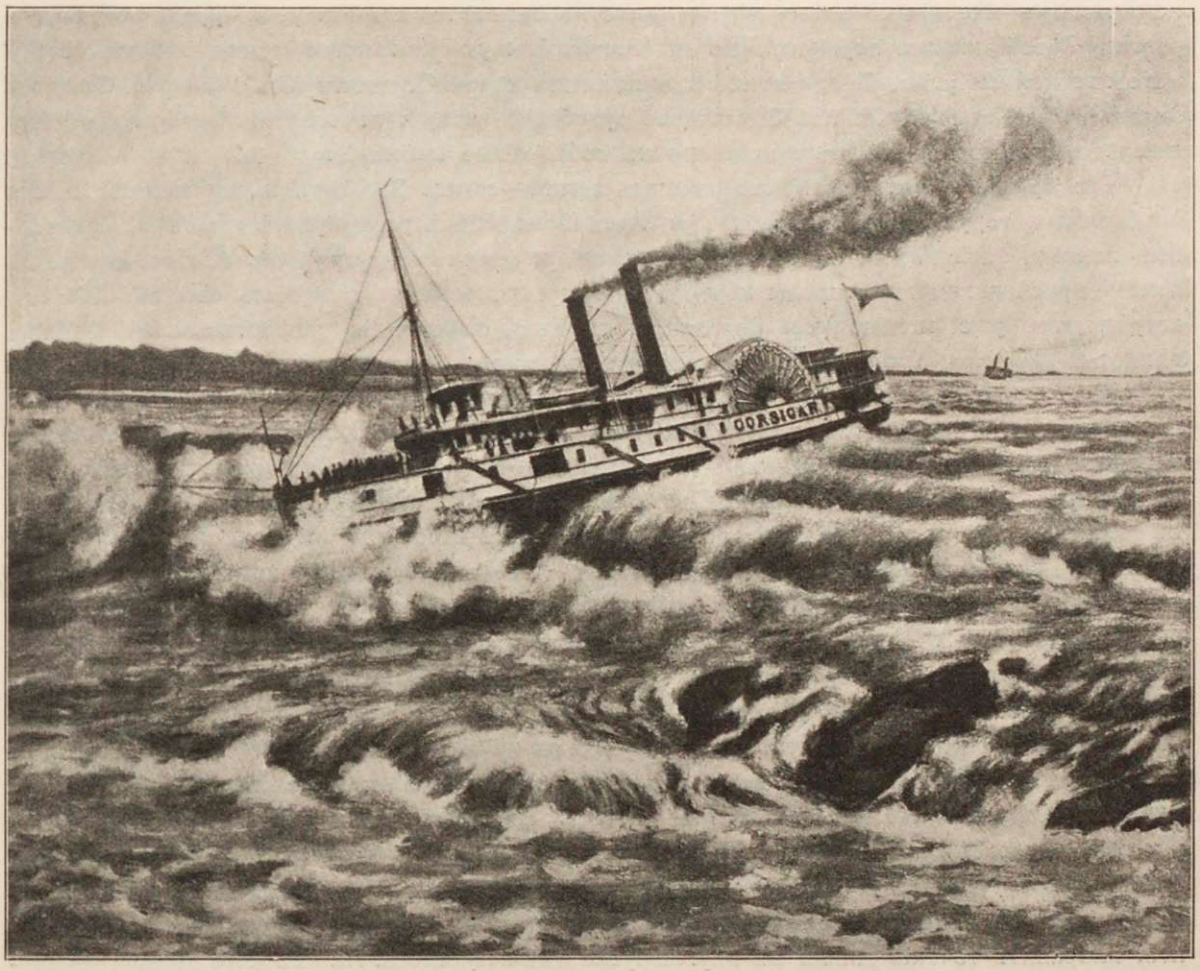
Какими же преимуществами обладали въ борьбѣ англичане, и что ослабляло сопротивленіе французовъ? Прежде всего составъ колонистовъ той и другой національности рѣзко отличался между собой по тѣмъ цѣлямъ, которыя привели ихъ въ Новый Свѣтъ. Англичане, пуритане и другіе сектанты, энергичные люди, стремились устроить свою жизнь на новыхъ началахъ свободы и равенства; французы — правовѣрные католики (въѣздъ въ колоніи французскимъ протестантамъ былъ воспрещенъ со временъ кардинала Ришелье) перенесли въ Новый Свѣтъ всѣ отрицательныя стороны стараго феодальнаго строя Франціи и ставили себѣ главною цѣлью обогащеніе путемъ торговли и эксплоатаціи своихъ же собственныхъ согражданъ. Успѣхамъ французскаго населенія вредила также неудачная индѣйская политика, толкнувшая французовъ на союзъ съ гуронами и этимъ возстановившая противъ нихъ союзъ могущественныхъ ирокезовъ, оказавшихъ большую поддержку англичанамъ въ борьбѣ ихъ съ французами, тогда какъ слабые гуроны были еще раньше почти цѣликомъ истреблены и изгнаны съ мѣстъ своего первоначальнаго обитанія болѣе сильными ирокезами.

Завоеванная англичанами страна долгое время представляла группу британскихъ колоній, не имѣвшихъ характера государства. Только во-второй половинѣ XIX вѣка отдѣльныя провинціи, за исключеніемъ Нью-Фаундленда, вошли одна за другой въ конфедерацію, образовавъ почти независимую отъ Англіи Канадскую державу.

Французы, потерявъ принадлежавшую имъ раньше власть въ странѣ и терпя различныя притѣсненія отъ своихъ завоевателей, не пришли въ уныніе, скорѣе совсѣмъ обратное: подъ вліяніемъ стѣснительныхъ условій, грозившихъ совершенно уничтожить французскую національность, франко-канадцы сплотились и смѣло вступили въ борьбу. На этотъ разъ ихъ оружіемъ были не пушки и солдаты, а одно только могучее, отчасти безсознательное стремленіе, сохранить свою національность. Другое оружіе французовъ—ихъ экономическая сила, также постепенно увеличивалось и серьезно даетъ себя чувствовать англичанамъ-земледѣльцамъ въ восточныхъ графствахъ Онтаріо, такъ какъ земли тамъ постепенно переходятъ въ руки французскихъ земледѣльцевъ Квебека.

Въ этой мирной борьбѣ французы оказались гораздо счастливѣе; имъ не только удалось всецѣло сохранить національныя черты характера, но они еще присоединили къ нимъ особенности, выработанныя въ новомъ отечествѣ путемъ долгой борьбы съ природой и людьми, подъ вліяніемъ своеобразныхъ условій существованія. Къ такимъ особенностямъ относятся смѣлость и находчивость, выработанныя войнами, блужданіями

охотниковъ въ лѣсахъ Великаго Сѣвера или тяжелымъ трудомъ сплавщиковъ лѣса. Здѣшніе французы отличаются еще болѣе ярко выраженнымъ, чѣмъ во Франціи, національнализмомъ, постоянно подогрѣваемымъ соперничествомъ съ англичанами при выборахъ въ самыя разнообразныя учрежденія, при борьбѣ въ сферѣ экономической и по другимъ иногда самымъ ничтожнымъ поводамъ. Еше болѣе существенная особенность, именно чрезвычайно высокая рождаемость, отличаетъ франко-канадцевъ отъ французовъ Стараго Свѣта. Центромъ поселеній франко-канадцевъ является провинція Квебекъ, населенная болѣе чѣмъ 1.400.000 обитателями французскаго происхожденія. Если присоединить сюда около 150.000 французовъ, живущихъ на крайнемъ востокѣ, и нѣсколько десятковъ ты-



Пороги на рѣкѣ Св. Лаврентія.

сячъ, разсѣянныхъ по остальной территоріи, преимущественно въ провинціяхъ Онтаріо и Манитобѣ, то этимъ исчерпывается все французское населеніе Канады.

Англичане также испытали на себѣ вліяніе новыхъ условій существованія. Испытанное ими въ Новомъ Свѣтѣ перерожденіе почти ничѣмъ не отличается отъ того, какое испытали ихъ южные сосѣди, сѣверо-американскіе янки. Центромъ распространенія англійской народности является провинція Онтаріо. Остальныя національности—ирландцы, шотландцы, скандинавы, нѣмцы—почти всецѣло англизированы. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій въ Канаду переселилось много славянъ, также легко воспринимающихъ нравы

господствующей группы населенія. Тоже самое можно сказать о разныхъ довольно многочисленныхъ метисахъ индѣйско-французской или индѣйско-шотландской крови, ставшихъ современемъ или вполнѣ французами или вполнѣ англичанами.

Наконецъ, на канадской территоріи нашли себѣ пріютъ цѣлый рядъ религіозныхъ общинъ, состоящихъ изъ людей, которые покинули родину, гдѣ имъ не было возможности свободно исповѣдывать свои религіозныя вѣрованія и осуществлять вытекавшій изъ нихъ новый семейный и общественный строй. Въ Канадѣ эти сектанты пользуются полной вѣротерпимостью, но здѣсь непрочную идиллію ихъ существованія разрушаетъ нѣчто болѣе могущественное, чѣмъ карательные законы и мѣропріятія правительствъ родныхъ странъ. Сама жизнь, бьющая сильнымъ ключемъ въ Канадѣ, находящейся въ духовномъ и экономическомъ общеніи со всѣмъ міромъ, властно врывается въ эти уединенныя общины, и ростки новой жизни, перенесенные на гостепріимную Канадскую почву, гибнутъ своей естественной смертью. Среди этихъ религіозныхъ колоній существуютъ и русскія. Совсѣмъ недавно сюда выселились изъ Закавказья духоборы, исторія переселенія которыхъ и первые шаги въ Новомъ Свѣтѣ привлекли къ себѣ общее вниманіе.

Духоборами занята обширная площадь земли—свыше 2.400 кв. к., на границѣ штата Манитобы и территорій Соскачевана и Ассинибоя. Здѣсь раскинулись ихъ села, окруженныя полями, засѣянными колосистой пшеницей и высокимъ, кудрявымъ овсомъ. Ближе къ домамъ расположились огороды картофеля, капусты, моркови и другихъ овощей. Кое гдѣ встрѣчаются уже молоденькія фруктовыя деревья, обѣщающія разрости въ обширные тѣнистые фруктовые сады. Дома построены на манеръ русскихъ богатыхъ избъ и также имѣютъ сзади плетень, а спереди крыльцо и завалинку. Если бы не довольство, разлитое всюду, если бы не звучащая иногда англійская рѣчь, легко было бы, находясь въ духоборскомъ селеніи, представить себѣ, что находишься гдѣ нибудь въ центрѣ Россіи, а не въ странѣ, удаленной отъ Стараго Свѣта на тысячи верстъ. Недолгая исторія духоборовъ въ Канадѣ есть исторія быстраго усвоенія духоборческой массой (за исключеніемъ нѣсколькихъ наиболѣе фанатичныхъ сектантовъ) обычаевъ господствующихъ здѣсь культурныхъ группъ канадскихъ обитателей. Способы обработки земли, именно примѣненіе машинъ, покрой одежды, до нѣкоторой степени языкъ быстро воспринимаются духоборами у англичанъ; въ центрѣ духоборскихъ поселеній уже находится англійская школа. Духоборы уже не пренебрегаютъ своими гражданскими правами, какъ вначалѣ. Духоборская молодежь почти въ полномъ своемъ составѣ уходитъ на всю весну и лѣто на заработки для пополненія общей кассы; эти уходы молодежи, конечно, какъ нельзя болѣе способствуютъ превращенію русскихъ крестьянъ въ канадскихъ гражданъ. Вначалѣ проникнутые своимъ ученіемъ духоборы были охвачены стремленіемъ осуществить на землѣ человѣческое братство; отбросивъ всѣ соблазны культуры, они оказывали посильное сопротивленіе поглощенію духоборіи культурно болѣе могущественнымъ народомъ. Но преодолѣть неизбѣжное, направить теченіе жизни въ другое русло имъ не удалось. На ихъ долю выпала печальная участь быть безсильными свидѣтелями того, какъ постепенно исчезаетъ тотъ духъ, который перебросилъ ихъ общину черезъ океанъ. Общины ихъ быстро превращаются въ чисто хозяйственныя учрежденія, въ обширную, стройно организованную артель.

Въ экономическомъ отношеніи Канада представляетъ страну, находящуюся въ процессѣ нарожденія капитализма. Нѣкоторыя ея области, какъ напримѣръ югъ провинцій Онтаріо и, отчасти, Квебека, ничѣмъ не отличаются отъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, представляя картину такого же дикаго развитія крупной промышленности и всѣхъ связанныхъ съ этимъ послѣдствій. По берегамъ большихъ рѣкъ и озеръ южной Канады, рѣки Св. Лаврентія, Оттавы, Верхняго озера выросли цѣлые города, лѣса фабричныхъ трубъ съ висящими надъ ними облаками чернаго дыма. Воды рѣкъ, еще недавно дѣвственно чистыя, загрязняются всевозможными фабричными отбросами. Вдоль водопа-

довъ, нѣкогда свободно пѣнившихъ свои волны подъ легкимъ туманомъ брызгъ, выстроились неуклюжія фабричныя зданія съ тяжелыми двигателями, эксплоатирующими громадную механическую силу паденія воды. Картину капиталистическаго развитія страны довершаетъ густая сѣть желѣзныхъ дорогъ, пересѣкающихъ юго-востокъ Канады во всѣхъ направленіяхъ; здѣсь же раскинулась столь же густая сѣть прекрасно оборудованныхъ каналовъ, общая длина которыхъ въ районѣ Верхняго озера, Оттавы и верховьевъ рѣки Св. Лаврентія достигаетъ 5.000 километровъ. Въ водахъ рѣкъ и каналовъ отражаются громадные мосты—стальные гиганты, съ проносящимися по нимъ съ грохотомъ поѣздами. Десятки тысячъ судовъ бороздятъ внутреннія воды Канады, являясь однимъ изъ самыхъ могучихъ средствъ транспорта. Громадные океаническіе пароходы проникаютъ въ самое сердце страны, разгружаясь на пристаняхъ Монтриля. Цѣлый рядъ превосходныхъ портовъ расположенъ на берегахъ Атлантическаго и Тихаго океановъ, причемъ атлантическіе порты Канады имѣютъ преимущество передъ портами Соединенныхъ Штатовъ, расположенныхъ на томъ же океанѣ, вслѣдствіе своей относительной близости къ Старому Свѣту. Наконецъ, Тихоокеанская трансконтинентальная желѣзная дорога связываетъ промышленный Юго-Востокъ съ многочисленными рынками добывающей промышленности и и даетъ выходъ продуктамъ его промышленности на безграничный просторъ Тихаго океана. Акціонерное общество Тихоокеанской желѣзной дороги является наиболѣе крупнымъ капиталистическимъ предпріятіемъ страны, которое вслѣдствіе этого распространило свое вліяніе почти на всю территорію. Роль этой компаніи далеко не исчерпывается эксплоатаціей желѣзнодорожныхъ линій, — въ ея рукахъ находятся милліоны десятинъ земли, продаваемой переселенцамъ. Цѣлые города выстроились ни принадлежащихъ компаніи участкахъ, не говоря о тысячахъ селъ и деревень.

Быстрое развитіе капиталистическаго хозяйства естественно влечетъ за собой всѣ его отрицательныя послѣдствія, которыя такъ характерны для Юго-Востока Канады, въ смыслѣ угнетенія рабочихъ и ихъ эксплоатаціи. Въ растущихъ городахъ, въ мрачныхъ рабочихъ кварталахъ мало остается мѣста красотѣ жизни—существованіе большей части рабочихъ темно и безысходно, какъ темно въ ихъ жилищахъ, въ которыхъ они возстановляютъ свои силы для механической однообразной работы, дѣлающей дни ихъ жизни похожими другъ на друга, какъ двѣ капли воды. Разнообразнѣе существованіе рабочихъ, занятыхъ весной и лѣтомъ въ крупныхъ имѣніяхъ въ качествѣ батраковъ или на постройкахъ желѣзныхъ дорогъ, каждый годъ требующихъ десятки тысячъ рабочихъ рукъ.

Итакъ капиталистическое производство характерно для Юго-Востока Канады, составляющаго сравнительно небольшую часть этой громадной державы. Вся остальная Канада—страна добывающей промышленности, и такъ велика эта остальная Канада, что несмотря на колоссальное развитіе обрабатывающей промышленности на Юго-Востокѣ, пограничномъ съ Сѣверо-Американской республикой, количество фабрично-заводскихъ продуктовъ буквально тонетъ въ массѣ производимыхъ въ ея предѣлахъ хлѣбовъ, срубаемыхъ лѣсовъ, добываемыхъ горныхъ богатствъ, всевозможныхъ продуктовъ скотоводства, рыболовства и охоты. Да и обрабатывающая промышленность Канады почти цѣликомъ питается добываемыми въ Канадѣ же сырыми продуктами: такъ, наибольшее количество заводскихъ предпріятій относится къ разряду самыхъ разнообразныхъ мукомольныхъ мельницъ; слѣдующее мѣсто занимаютъ лѣсопильни и кожевенные заводы. Исключеніе составляетъ довольно сильно развившаяся текстильная промышленность, получающая сырье преимущественно изъ-за границы.

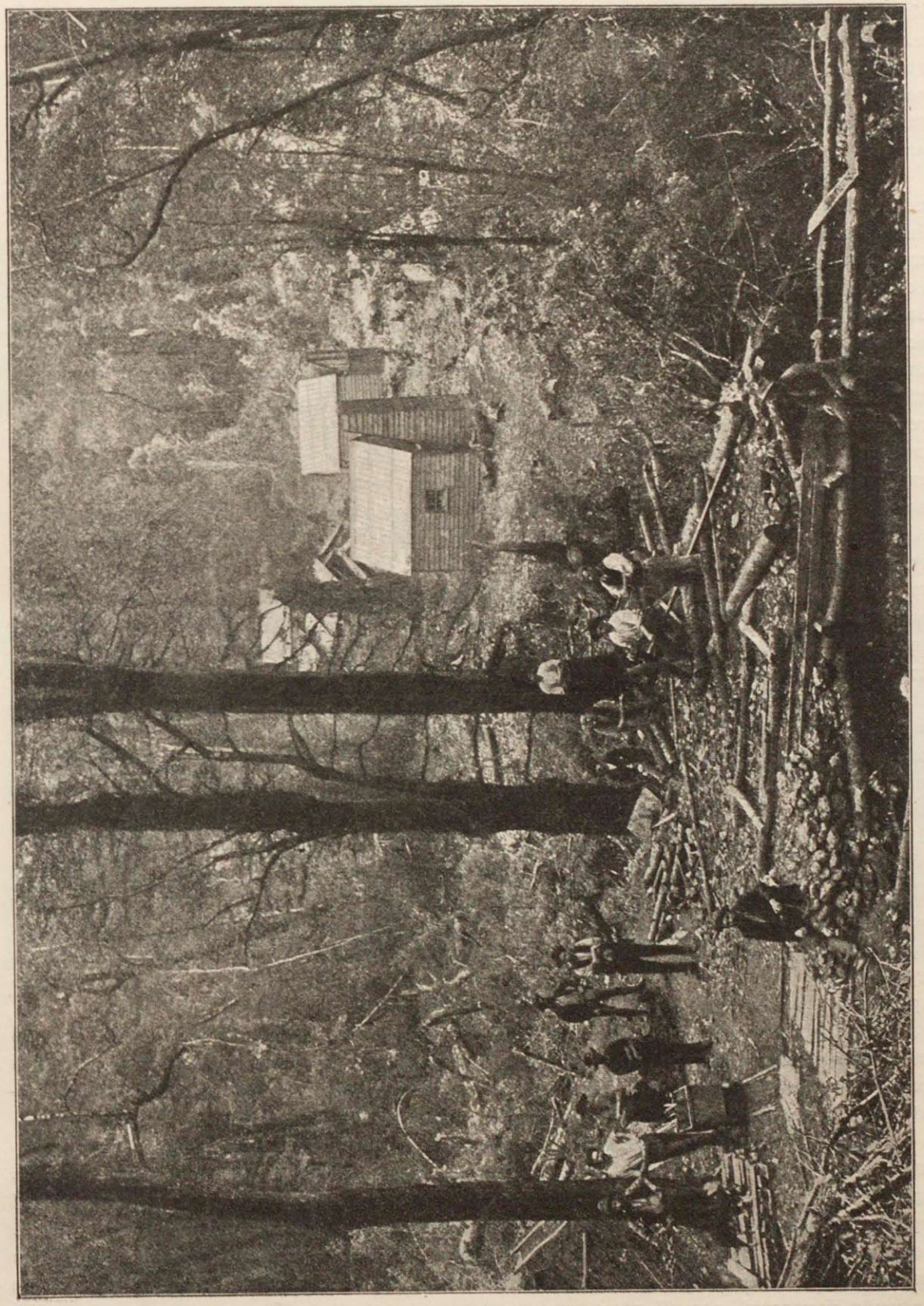
Основу общественнаго хозяйства Канадской державы составляетъ земледѣліе. Главная масса удобныхъ земель расположена въ провинціяхъ Онтаріо и Квебекъ, Манитобѣ и на территоріяхъ Саскачеванъ и Ассинибоя. Вольшая часть земли находится въ рукахъ собственниковъ, получившихъ первоначально участки въ среднемъ отъ 40 до 64 гектаровъ

(отъ 37 до 58½ десятинъ). Въ распоряженіи правительства и теперь еще находятся милліоны гектаровъ, почти даромъ раздаваемыхъ переселенцамъ съ обязательствомъ обрабатывать полученную землю. Также отдаются колонистамъ земли, но уже за болѣе высокую плату обществомъ Тихоокеанской желѣзной дороги, которое взимаетъ деньги не только для покрытія расходовъ по межеванію и, отчасти, по проведенію дорогъ, какъ это дѣлаетъ правительство, но и въ цѣляхъ полученія непосредственной прибыли.

Колонистъ, надѣленный участкомъ въ преріяхъ, можетъ приступить къ посѣву почти сразу же, слегка только расчистивъ степь подъ пашню. Не таково положеніе колониста, получившаго лѣсной участокъ; онъ долженъ затратить сравнительно много труда, прежде чѣмъ получить возможность начать обработку почвы. Первый шагъ колониста, варварскій, но неизбѣжный, это лѣсной пожаръ, устраиваемый имъ на своемъ участкѣ, что грозитъ немалой опасностью для окружающихъ лѣсныхъ пространствъ, выгорающихъ иногда на громадномъ протяженіи. Піонеръ оставляетъ себѣ только нѣкоторое количество бревенъ, необходимыхъ ему для постройки, и обезпечиваетъ себя топливомъ. Пожаромъ будущій земледѣлецъ достигаетъ сразу двухъ цѣлей—онъ избавляется отъ ненужнаго ему лѣса и удобриваетъ золой почву, хотя обыкновенно и безъ того сулящую богатый урожай. Въ мѣстностяхъ, пересѣченныхъ удобными путями сообщеній, преимущественно сплавными рѣками, лѣсъ не выжигаютъ цѣликомъ—сначала вырубаютъ лучшія деревья, которыя и сплавляютъ на юго-востокъ, въ провинціи Квебекъ и Онтаріо, въ тамошнія лѣсопильни или заграницу, въ Соединенные Штаты, въ Европу. Когда лѣсъ сведенъ, земледѣлецъ расчищаетъ пашню, готовую впервые принять, согрѣть и взростить золотистыя хлѣбныя зерна. Пройдетъ нѣсколько мѣсяцевъ, и вѣтеръ, недавно шумѣвшій въ густыхъ кронахъ деревьевъ и заставлявшій скрипя раскачиваться могучіе стволы сосенъ, будетъ разводить легкую рябь, проносясь надъ далеко раскинувшимся моремъ пшеницы. Пшеница — главный хлѣбъ Канады, такъ что національнымъ канадскимъ цвѣтомъ жителя могли бы избрать цвѣтъ пшеницы. Но не одна только пшеница воздѣлывается въ Канадѣ; обширныя пространства заняты также овсомъ и ячменемъ, за которыми слѣдуютъ картофель, кукуруза, бобы, горохъ и другія полезныя растенія. Въ болѣе культурныхъ областяхъ, гдѣ уже давно закончился процессъ первоначальной хищнической обработки почвы, и гдѣ примѣняется уже искусственное удобреніе, разводятся фруктовые сады, даже виноградники.

Деревень вдали отъ рѣкъ и поселеній, дома которыхъ были бы расположены скученно, очень мало. Обыкновенно жилища разбросаны на огромныя разстоянія одно отъ другого, что объясняется своеобразнымъ заселеніемъ страны: колонистъ обыкновенно селился въ срединѣ своего участка, имѣющаго вдали отъ рѣкъ форму квадрата, отдѣляясь такимъ образомъ, отъ своего сосѣда, какъ сосѣдскими, такъ и своими собственными полями. На рѣкахъ типъ поселеній совершенно другой—дома располагаются вблизи одинъ отъ другого, вытянувшись въ струнку вдоль берега иногда на протяженіи нѣсколькихъ километровъ. Причина этого лежитъ въ томъ, что земельные участки на рѣкахъ представляли не квадраты, а прямоугольники съ очень узкимъ, обращеннымъ къ рѣкѣ фасадомъ и чрезвычайно вытянутыми боковыми сторонами.

Канадскіе крестьяне люди очень обезпеченные, о чемъ свидѣтельствуютъ ихъ дома, пища, образъ жизни. Домъ канадскаго крестьянина—одноэтажный или, даже, двухэтажный — заключаетъ въ себѣ нѣсколько очень чистыхъ, сравнительно большихъ, комнатъ, на окнахъ висятъ занавѣси, стѣны украшены фотографіями; лучшая комната, особенно хорошо обставленная, предназначается для гостей. Кухня помѣщается въ особой надворной постройкѣ. Питаются канадцы-земледѣльцы такъ, какъ питаются въ Россіи люди средняго слоя общества; также и по одеждѣ трудно ихъ отличить отъ горожанъ средней руки, но уже не русскихъ, а канадскихъ, болѣе зажиточныхъ, чѣмъ обитатели русскихъ городовъ.



Дровосѣки въ Канадскихъ лѣсахъ.

Мелкая собственность не единственная форма землевладѣнія и землепользованія въ Канадѣ. Если исключить нѣкоторыя весьма немногочисленныя религіозныя общины, члены которыхъ сообща обрабатываютъ землю, то тамъ можно встрѣтить другую, быстро прививающуюся форму землевладѣнія—крупное капиталистическое хозяйство, обрабатываемое наемными рабочими, часто съ помощью машинъ. Впрочемъ машины очень распространены также и въ хозяйствахъ мелкихъ собственниковъ, такъ же какъ и обычай нанимать одного или двухъ батраковъ.

Лѣсной промыселъ и охота—наиболѣе почтенные по своей давности занятія канадцевъ. Еще и теперь громадныя пространства страны покрыты лѣсами, раньше же лѣса были еще болѣе обширны. Сначала охотники-преслѣдователи пушныхъ звѣрей, бывшіе на службѣ различныхъ торговыхъ компаній, проникали въ глубину невѣдомой страны, съ исключительной находчивостью оріентируясь въ сумракѣ, царившемъ въ тѣни деревьевъ. За охотниками потянулись лѣсопромышленники и земледѣльцы—и тѣ и другіе жестокіе истребители лѣса. Первоначально эксплоатація лѣсныхъ богатствъ представляла одно сплошное дикое расхищеніе безъ всякой заботы о будущемъ; а о будущемъ заботиться въ лѣсахъ Канады было особенно важно, такъ какъ лѣса сѣверной зоны американскаго материка, разъ вырубленные, трудно возобновляются. Необходимо очень осторожно обращаться съ лѣсными участками, вырубая въ каждомъ только часть деревьевъ и затѣмъ ожидая полнаго возобновленія на немъ растительности. Канадское правительство пыталось и пытается внести нѣкоторую систему въ лѣсное хозяйство, но пока его мѣропріятія мало достигаютъ цѣли: распоряженія его не исполняются ввиду недостаточности контроля на удаленныхъ лѣсныхъ дачахъ, сдаваемыхъ правительствомъ въ аренду на срубъ частнымъ предпринимателямъ съ условіемъ бережнаго обхожденія съ полученнымъ участкомъ. Конечно, обхожданіе частныхъ предпринимателей далеко не бережное, и Канада усиленнымъ темпомъ освобождается отъ своего зеленаго покрова, который, при разумномъ отношеніи, могъ бы еще долго служить ей, являясь однимъ изъ самыхъ крупныхъ національныхъ богатствъ. Охотничій промыселъ ведется въ Канадѣ также неразсчетливо, какъ и лѣсной—животныхъ, особенно пушныхъ звѣрей, истребляютъ, считаясь только со спросомъ на нихъ и нисколько не считаясь съ очень возможнымъ при такомъ къ нимъ отношеніи близкимъ ихъ исчезновеніемъ. А признаки исчезновенія на лицо—животныя уже отступили на крайній сѣверъ, наиболѣе цѣнныя породы страшно уменьшились въ числѣ, нѣкоторыя породы почти вымерли.

За послѣднее время очень выросло въ странѣ скотоводство, особенно въ провинціи Манитоба и въ штатѣ Саскачеванъ, въ предгорьяхъ Скалистыхъ горъ. Теперь уже количество головъ скота, крупнаго и мелкаго, превышаетъ 12 милліоновъ головъ, причемъ большая часть стадъ является предметомъ спеціально скотоводческаго хозяйства. Молока, масла, сыра, шкуръ вполнѣ хватаетъ на всю Канаду, которая даже вывозитъ излишекъ этихъ продуктовъ, также какъ и нѣкоторое количество живого скота.

Въ заливахъ и на меляхъ Атлантическаго океана и въ фьордахъ Тихаго океана десятки тысячъ рыбаковъ заняты рыбной ловлей. Вылавливается чрезвычайно много трески и сельдей; другого рода рыбы гораздо менѣе. Отбросы рыбнаго промысла идутъ на удобреніе полей частью въ самой Канадѣ, частью ихъ вывозятъ заграницу.

Три района Канады обладаютъ огромными горными богатствами — Британская Колумбія, окрестности Верхняго озера и Новая Шотландія. Въ 90-хъ годахъ были открыты, кромѣ того, золотыя розсыпи въ странѣ Великаго Сѣвера. Самыя старыя отрасли горной промышленности Канады — добываніе мѣди и золота. Добываніе мѣди никогда не было велико, добываніе же золота въ нѣкоторые годы достигало весьма внушительной цифры въ нѣсколько милліоновъ долларовъ; находятъ въ странѣ также и серебро, но главное значеніе Канадской горной промышленности не въ добываніи благородныхъ металловъ—

Канада является складочнымъ мѣстомъ всевозможныхъ горючихъ матеріаловъ, что обѣщаетъ ей блестящую будущность въ качествѣ поставщика топлива для всего Новаго и отчасти даже Стараго Свѣта. Громадные пласты каменнаго угля, обширные подземные резервуары нефти составляютъ почти нетронутый запасный канадскій, вѣрнѣе, міровой фондъ топлива, которому суждено несомнѣнно заступить мѣсто уже истощенныхъ европейскихъ и частью сѣверо-американскихъ каменноугольныхъ копей и мѣсторожденій нефти. Остальныя отрасли горной промышленности не имѣютъ большого значенія.

Монтриль, столица Канады.

Канада—страна высоко образованная, пятая часть общаго числа населенія обучается въ учебныхъ заведеніяхъ, т. е. всѣ дѣти школьнаго возраста посѣщаютъ школу. Крупный недостатокъ образованіи тотъ, что почти всѣ низшія, среднія и даже высшія школы конфессіональны; плохо и то, что въ программу преподаванія, особенно въ низшихъ школахъ часто вносится и возбужденіе квасного патріотизма. Другія просвѣтительныя учрежденія страны—библіотеки, періодическія изданія, публичныя лекціи и теперь уже очень развиты и продолжаютъ очень интенсивно расти. Довольно серьезнымъ препятствіемъ для свободнаго прогресса общества является, главнымъ образомъ во французской Канадѣ, вліяніе духовенства, монополизировавшаго въ своихъ рукахъ народное образованіе и удерживающаго съ помощью его свое значеніе въ странѣ.

Въ политическомъ отношеніи Канада свободное федеративное государство, мало зависящее отъ Англіи. Во главѣ федераціи стоитъ законодательное учрежденіе—двухпалатный парламентъ, состоящій изъ сената, назначаемаго генералъ губернаторомъ изъ числа очень обезпеченныхъ канадскихъ гражданъ, и палаты общинъ, избираемой всѣми гражданами, имѣющими сравнительно очень небольшой имущественный цензъ. Во главѣ исполнительной власти стоитъ Кабинетъ Министровъ и генералъ губернаторъ, назначаемый англійскимъ королемъ. Министры отвѣтственны передъ палатами и избираются изъ числа членовъ партіи, имѣющей большинство въ палатѣ общинъ. Судьи отчасти выборные, отчасти назначаются губернаторами, которые являются представителями исполнительной власти въ отдѣльныхъ провинціяхъ, законодательную власть въ которыхъ осуществляютъ мѣстные парламенты, имѣющіе въ различныхъ провинціяхъ различное устройство. Мѣстопребываніемъ федеральныхъ властей является столица Канадской державы—Оттава, городъ въ провинціи Онтаріо. Въ Канадѣ осуществлены всѣ гражданскія и политическія свободы, облегчены насколько возможно условія натурализаціи, что, конечно, очень важно для многочисленныхъ переселенцевъ. Канада почти не знаетъ бремени воинской повинности—ея небольшая милиція почти никогда не бываетъ подъ ружьемъ и не отвлекаетъ молодыхъ рабочихъ рукъ отъ привычной и нужной работы. Политическая борьба въ Канадѣ довольно интенсивна; борются главнымъ образомъ двѣ партіи — либералы и консерваторы. Самые боевые вопросы — вопросы національнаго характера, усложняющіе борьбу и обостряющіе ее иногда до крайности.

С-кій.

Гренландія.

Природа полярныхъ странъ.—Внутренность Гренландіи.—Эскимосы.—Ихъ прошлое, образъ жизни, нравы и современное состояніе.

Холодъ и мракъ — два врага, отъ которыхъ бѣжитъ все живое. Для человѣка они символы зла, смерти и небытія, всего, что пугаетъ его и гонитъ прочь, уже однимъ отдаленнымъ призракомъ своимъ населяя воображеніе его чудовищами безъ формы и цвѣта. Мутной, мрачной и непритягательно таинственной кажется ему сторона, откуда вѣтеръ несетъ туманъ и холодъ, гдѣ никогда не бываетъ солнца, и куда никто не мчится, окрыленный радужными надеждами. Таковы околополярныя страны, которыя долгое время отдѣляла отъ жителей Европы широкая полоса негостепріимно волнующагося моря. Ихъ открыли однако уже довольно давно, по крайней мѣрѣ обращенное къ Европѣ побережье Гренландіи. Норвежскіе выходцы сперва достигли въ своихъ морскихъ скитаніяхъ Исландіи, „Ледяной земли“, (въ концѣ IX ст.), за которой лежала возбудившая больше надеждъ „Зеленая земля“. Къ своему изумленію они, эти спутники Эрика Рыжаго, высадившагося въ Гренландіи около 983 г., открыли на берегахъ ея заброшенныя землянки, гніющіе остовы лодокъ и разныя каменныя орудія, слѣды того, что не они были первыми людьми въ этой странѣ. Съ таинственными обитателями „Зеленой земли“ норвежскіе колонисты столкнулись нѣсколько позже, когда стали совершать поѣздки далѣе къ сѣверу вдоль побережья. Тутъ имъ попались „чудовища“ (scraellingern), несомнѣнно эскимосы, которые вскорѣ уже стали ихъ тѣснить, такъ что въ концѣ XIV ст., вслѣдствіе слабой поддержки изъ родной страны, норвежцы должны были совершенно очистить Гренландію. Новые колонисты изъ Европы появились въ ней много времени спустя.

Гренландія представляетъ однако лишь часть всей сѣверной околополярной суши. Къ западу отъ нея лежитъ, точно раздробленное на большіе и малые участки ледяное поле, множество крупныхъ и мелкихъ острововъ, размѣры и очертанія которыхъ далеко еще не выяснены. Среди нихъ Гренландія—гигантскій островъ, небольшой материкъ. Сѣверная оконечность ея лежитъ, вѣроятно, подъ 85° с. ш., и отсюда до южнаго мыса Фарвель не менѣе 1.700 миль, причемъ наибольшая ширина достигаетъ почти половины этого разстоянія. Площадь Гренландіи опредѣлена нѣсколько преждевременно очень точной цыфрой въ 2.169.750 кв. к., т. е. страна эта равняется одной десятой нашего отечества. Но изъ этого пространства лишь 88.100 кв. к. свободны отъ ледяного покрова. Вся остальная земля съ незапамятныхъ временъ залита льдомъ и заметена снѣгомъ. Берега отвѣсны и гористы, изрѣзаны многочисленными, глубокими фьордами и защищены рядами береговыхъ, скалистыхъ острововъ. Иные фьорды тянутся внутрь земли на 60 и даже 80 миль, и многіе изъ нихъ служатъ мѣстомъ впаденія большихъ ледниковыхъ потоковъ внутренняго льда. Это побережье, земля,

представляющая горы, долины и фьорды, окружена полярнымъ моремъ, ареной дѣятельности ледяныхъ горъ и полей и, въ свою очередь, она окружаетъ и поддерживаетъ, подобно гигантской стѣнѣ, большой, бѣлый ледяной покровъ, подъ которымъ погребена внутренность страны. Тамъ накоплявшіеся въ теченіе тысячелѣтій снѣжные осадки постепенно заполняли всѣ долины, сравняли ихъ съ горными вершинами и, накопляясь дальше, засыпали наконецъ высочайшія изъ этихъ горъ слоемъ льда и снѣга въ сотни и даже тысячи футовъ толщиною. Эта внутренность представляетъ возвышенное снѣжное плато, поднимающееся надъ уровнемъ моря отъ двухъ до трехъ тысячъ метровъ. Это настоящая снѣжная Сахара, гдѣ не встрѣчается ни растительности, ни животныхъ. Изслѣдователь, пересѣкающій эти замерзшія пустыни лѣтомъ, недѣлями видитъ, кромѣ себя и своихъ спутниковъ только три вещи—безконечный просторъ замерзшей пустыни, безко-

Типъ эскимоса.

Дѣвушка съ западнаго берега Гренландіи.

нечный куполъ холоднаго, голубого неба и холодное бѣлое солнце. Двигаясь по поверхности этого снѣга, изслѣдователь плыветъ какъ бы по морю снѣга, и это сравненіе тѣмъ справедливѣе, что высочайшія скалы горныхъ вершинъ, накрытыя мощнымъ снѣжнымъ одѣяломъ, находятся подъ его ногами не ближе 1.000—5.000 футовъ.

И тѣмъ не менѣе ужасающее однообразіе это въ сочетаніи съ атмосферными и свѣтовыми явленіями способно произвести на человѣка неизгладимое впечатлѣніе. „Можетъ показаться, пишетъ Пири [1]), что большой ледъ долженъ постоянно увеличиваться въ глубину, однако, есть причины, противодѣйствующія такому увеличенію, и только изслѣдованія въ теченіе извѣстнаго періода лѣтъ могутъ рѣшить, уравновѣшиваетъ ли годовое количество снѣга эти причины, больше ихъ или меньше. Главныя изъ этихъ причинъ—

[1]) Р. Пири. По большому льду къ сѣверу.

ледники, вѣтеръ, таяніе и испареніе. Ледники выдаются изъ каждой глубокой долины береговыхъ горъ и выносятъ въ море въ теченіе года громадное количество льда изъ нижнихъ слоевъ внутренняго ледника, въ видѣ многочисленныхъ флотилій ледяныхъ горъ.

Интенсивность свѣта составляетъ очень важную особенность ледяного покрова. Мои путешествія по большому льду были сдѣланы въ теченіе полярнаго лѣта, т. е. когда солнце постоянно остается надъ горизонтомъ въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Полярное солнце въ ясную погоду такъ же блестяще, какъ солнце какой-нибудь южной широты, и когда этотъ блескъ, увеличенный отраженіемъ отъ безконечной и абсолютно гладкой, сверкающей бѣлой поверхности льда, изливается въ очень разрѣженные и чистые верхніе слои полярной атмосферы, интенсивность свѣта становится такой, что ее можетъ понять только тотъ, кто испыталъ ее въ дѣйствительности. Жгучія качества этого ослѣпляющаго свѣта таковы, что самые сильные незащищенные глаза могутъ переносить его только нѣсколько часовъ. Человѣкъ, поставленный среди лѣта въ центрѣ большого льда, безъ средствъ для защиты глазъ, въ концѣ дня будетъ такимъ же безпомощнымъ, какъ и слѣпой котенокъ. Путешественникъ по большому льду долженъ постоянно защищать свои гляза очками изъ темныхъ дымчатыхъ стеколъ, и даже съ ними мы часто были принуждены въ полѣ и при засыпаніи защищать еще больше наши глаза повязкою изъ куска мѣха, чтобы предохранить ихъ отъ свѣта, который могъ бы проникнуть черезъ закрытыя вѣки.

Эскимосъ юноша.

По временамъ, хотя рѣдко, по бѣлой равнинѣ проходятъ облачныя тѣни, но обыкновенно или облака являются предвѣстниками бѣшеныхъ штормовъ, заволакивающихъ все небо, или несутся въ видѣ нѣжныхъ, прозрачныхъ перистыхъ облаковъ. Въ ясную погоду путешественникъ видитъ въ этой бѣлой пустынѣ только снѣгъ, небо, солнце. Въ облачную погоду даже и они исчезаютъ. Много разъ я самъ путешествовалъ въ такую погоду, двигаясь въ сѣромъ пространствѣ, чувствуя снѣгъ подъ своими лыжами, но не видя его. Ни солнца, ни неба, ни снѣгу, ни горизонта—абсолютно ничего, на чемъ глазъ могъ бы успокоиться. Зенитъ и надиръ неразличимы, вокругъ неуловимая сѣрая пустота. Мои ноги и лыжи выдѣлялись рѣзко и ясно въ видѣ силуэтовъ, съ каждымъ шагомъ я чувствовалъ прикосновеніе снѣга, однако, мнѣ казалось, что я иду въ пустотѣ, такъ какъ глаза мои ни на чемъ не могли остановиться. Пространство между моими лыжами было такъ же свѣтло, какъ и небо. Мутный свѣтъ, наполнявшій все вокругъ, казалось, шелъ какъ снизу, такъ и сверху. Никогда я не забуду, хотя и не могу описать впечатлѣній, производимыхъ на меня этимъ. Напряженіе какъ физическое, такъ и нравственное, отъ этой слѣпоты съ широко открытыми глазами, было таково, что спустя нѣкоторое время я былъ принужденъ остановиться, пока не пройдетъ туманъ или образовавшіяся сверху облака не дадутъ мнѣ возможности направлять свой ходъ.

Вѣтеръ никогда не прекращается на большомъ льду. День и ночь, лѣтомъ и зимой, изъ года въ годъ дуетъ онъ, то съ большей, то съ меньшей силой отъ замерзшаго сердца большого льда, неся съ собой снѣжный грузъ и спускаясь по прямому направленію къ землѣ. Достигши ея, онъ проноситъ снѣгъ черезъ горныя вершины и засыпаетъ вьюгами и вихрями долины. Много снѣга доносится также до береговыхъ утесовъ, надъ которыми онъ проносится вихремъ въ море или на морской ледъ. Во время небольшихъ бризовъ эта мятель почти неосязаема по тонкости и поднимается только на одинъ футъ или на два надъ поверхностью. Когда же сила вѣтра увеличивается, частички снѣга дѣлаются больше, глубина потока летящаго снѣга увеличивается, пока въ дикихъ порывахъ замерзшей Сахары эта вьюга не дѣлается ревущей, ноющей, ослѣпляющей, задушающей Ніагарой снѣга, поднимающагося на сотни футовъ въ воздухъ. Эта вьюга почти мгновенно за-

Дѣти эскимосы.

рываетъ всякій покоящійся предметъ, и путешественнику почти невозможно въ ней дышать. Этотъ летящій снѣгъ проникаетъ повсюду, подобно водѣ. Когда глубина мятели не выше колѣна, поверхность ея такъ же осязаема, почти такъ же ясно опредѣлена, какъ поверхность воды, и это постоянное головокружительное движеніе и пронзительное шипѣніе можетъ свести съума, если оно продолжается долго, какъ капаніе воды на голову жертвъ во время прежнихъ пытокъ. Въ моемъ умѣ нѣтъ сомнѣнія, что только среди полярной ночи, въ центрѣ этого большого льда, поднявшись на полторы или двѣ мили въ замерзшій воздухъ, идущій отъ полюса и отдѣленный отъ возможнаго дѣйствія лучистой теплоты земли снѣжнымъ и ледянымъ одѣяломъ въ милю или болѣе толщиною, и на разстояніи 250 миль отъ возможнаго вліянія полярнаго океана, будетъ найденъ самый большой холодъ, а не на какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ поверхности земного шара".

Вотъ впечатлѣніе, которое производитъ внутренняя Гренландія, хотя надо оговориться, что проникнуть въ нее сколько-нибудь далеко отъ берега не удалось самымъ смѣлымъ и опытнымъ изслѣдователямъ. Нансенъ съ величайшими усиліями пересѣкъ южную, узкую часть Гренландіи вдоль 64° с. ш., Пири нѣсколько разъ пытался углубиться въ сердце полярной Сахары, но далеко отъ края не могъ проникнуть и онъ. Громадная толща снѣга отъ собственной тяжести спрессовывается въ нижнихъ горизонтахъ въ льдистую массу, которая, слѣдуя уклонамъ рельефа, медленно стекаетъ или выдавливается къ краямъ. Тамъ въ долинахъ, составляющихъ продолженіе фьордовъ, между черныхъ, бозжизненныхъ, обточенныхъ долгой работой ледника скалъ ужасающія массы льда вдвигаются въ море, погружая въ его холодную воду свои вѣчно ростущіе языки. Въ то время какъ въ наиболѣе подвижныхъ альпійскихъ ледникахъ ледъ движется со скоростью не болѣе, какъ $^1/_3$ метра въ сутки, скорость теченія ледяныхъ потоковъ Гренландіи достигаетъ 30 м. въ сутки [1]). Точно громадныя ледяныя брусья концы ледниковъ упираются въ воду, пока напоръ воды не заставляетъ отламываться насильственно погружаемые въ море ихъ концы. Такъ по всей окраинѣ Гренландіи въ теченіе цѣлаго года и во всѣ часы сутокъ съ грохотомъ и трескомъ отъ основной ледяной массы отламываются ледяные гиганты айсберги, которые лѣтомъ, когда море разломало свою льдистую пелену, медленно уплываютъ прочь, уносимыя къ югу теченіемъ вмѣстѣ со свитой болѣе мелкихъ осколковъ и обломковъ ледяныхъ полей. Такимъ образомъ Гренландія и нѣкоторые другія болѣе возвышенныя части околополярныхъ архипелаговъ являются какой то колоссальной лабораторіей, необъятно обширной фабрикой ледяныхъ горъ. Страна какъ бы высасываетъ влагу изъ воздуха, заставляетъ ее падать въ видѣ снѣга на свою замороженную поверхность, прессуетъ

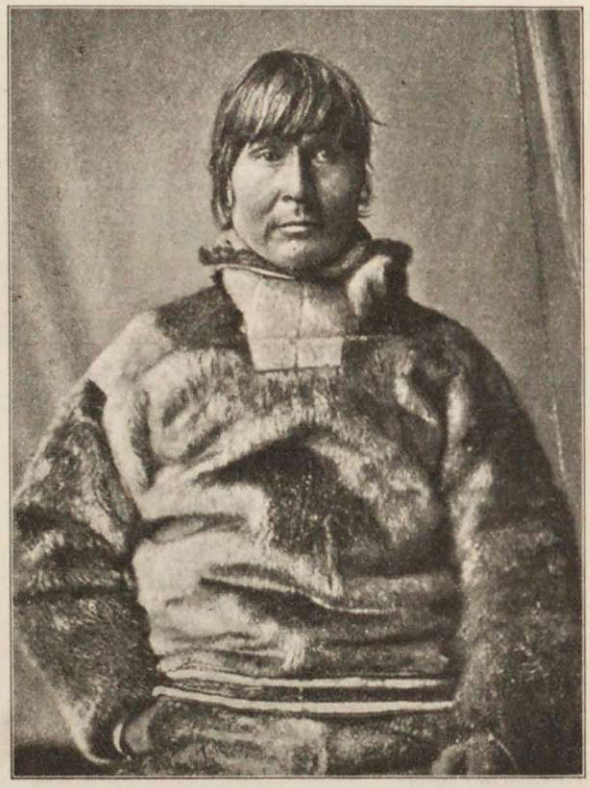
Молодая мать.

Мальчики эскимосы.

[1]) Ледникъ Умивикъ.

невѣроятныя массы этого сыпучаго матеріала въ твердую породу, долго хранитъ его на своей холодной груди и, спустя сотни лѣтъ, выбрасываетъ въ море, въ жизнь котораго эти флотиліи ледяныхъ дворцовъ вносятъ новыя своеобразныя черты. Отъ снѣга и льда остается свободной лишь узкая и короткая полоса юго-западнаго побережья, зеленыя склоны котораго, съ пеленами мховъ, съ луговинами, купами низкаго кустарника вызвали къ жизни названіе Гренландія — Зеленая страна. Здѣсь въ южной части острова внутренній ледяной покровъ тоньше, и потому безжизненный бѣлоснѣжный пейзажъ нѣсколько разнообразится торчащими изъ него гладкообточенными льдомъ черными высями горъ, такъ называемыми „нунатакъ". Здѣсь на побережьи глазамъ изслѣдователя представляются во всемъ своемъ разнообразіи невообразимо громадная работа внутренняго льда въ видѣ колоссальныхъ грудъ вынесеннаго имъ извнутри страны и всячески переработаннаго ма-

Молодая эскимосска съ дѣтьми.



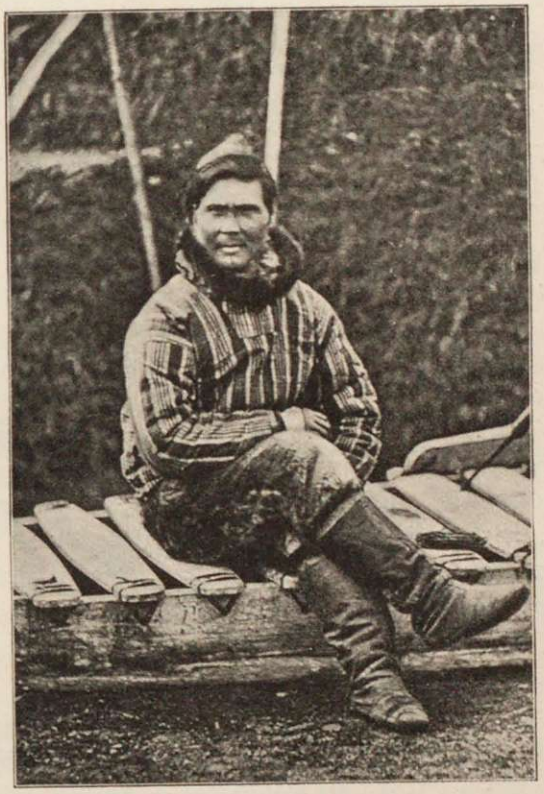
Эскимосъ въ зимней одеждѣ.

теріала. Громадныя морены, валуны и наносы вымытаго талыми водами мелкаго вещества даютъ геологу возможность возстановить картины природы, которыя господствовали нѣкогда на всемъ сѣверѣ Европы и въ сѣверо-восточной области С. Америки. По всей вѣроятности нынѣшняя оледенѣлая Гренландія не болѣе, какъ жалкій остатокъ, сжавшійся, обтаявшій кругомъ кусокъ ледника, который покрывалъ нѣкогда все пространство сѣвернаго полушарія до гораздо болѣе южныхъ широтъ. Измѣнился ли постепенно климатъ, ставъ теплѣе, или наступили перемѣны во влажности его вслѣдствіе того, что теплыя теченія перемѣнили направленіе своего движенія—еще нельзя сказать. Несомнѣнно только что въ еще болѣе отдаленныя времена, когда въ воздухѣ еще не ощущалось холоднаго дыханія надвигавшагося ледниковаго періода, природа Гренландіи была иною. Въ обитаемыхъ мѣстахъ южной Гренландіи, гдѣ пріютились немногія европейскія поселенія, средняя годовая температура колеблется около—9°. Между тѣмъ здѣсь же, въ породахъ до-

ледниковаго происхожденія, ученые открыли остатки растительныхъ формъ, присутствіе которыхъ намекаетъ на гораздо болѣе теплый климатъ. Для того, чтобы подобные формы нынѣ могли произрастать тамъ, требовался бы климатъ Неаполя съ его 12° средней годовой температуры. Дѣйствительно ли Гренландія знала чудное время, когда въ зеркальныхъ водахъ ея спокойныхъ фьордовъ отражались стройныя пальмы, или въ то время мѣстные растительные виды довольствовались меньшимъ тепломъ—остается еще тайной. Пока же страна со всѣми сосѣдними архипелагами и смежными частями С. Америки—громадный погребъ, холодильникъ для воздуха и водъ сѣвернаго полушарія, рѣдко посѣщаемый и скудно освѣщаемый косыми лучами лѣтняго незаходящаго солнца.

Полярное лѣто, короткое и холодное, вообще очень неблагопріятно для развитія растительности, но главнымъ врагомъ сколько нибудь болѣе прихотливыхъ растеній, чѣмъ мхи, лишайники, ягодники и мелкій, тощій кустарникъ, является не оно, а стужа, упорная и

Маленькій эскимосъ на промысловыхъ саняхъ.



Эскимосъ промышленникъ.

долгая, простирающая свое холодное дыханіе глубоко въ почвенные слои. Растенія, которыя оказались въ состояніи переносить долгое зимнее оцепенѣніе, когда нѣжныя части ихъ превращаются отъ лютаго мороза въ хрупкое стекло, съумѣли воспользоваться короткимъ лѣтомъ. Необыкновенной особенностью послѣдняго является немеркнущій круглыя сутки свѣтъ, благодаря чему растенія питаются и ростутъ непрерывно, не засыпая на ночь, какъ у насъ, гдѣ сгустившійся въ сумеркахъ мракъ останавливаетъ на время эти процессы. Въ этомъ отношеніи срокъ, въ теченіе котораго развивается полярная флора, является какъ бы удвоеннымъ, и для болѣе роскошнаго процвѣтанія ея не хватаетъ лѣтомъ только тепла. Растительные процессы протекаютъ здѣсь среди снѣговъ такъ усиленно, что выдѣляемая растеніями теплота существенно повышаетъ температуру нижняго слоя воздуха. Термометръ, если его сунуть въ густую чащу моха, изъ котораго тамъ и

сямъ подымаютъ свои стебельки скромные цвѣты, показываетъ часто температуру, на много градусовъ превышающую температуру воздуха.

Растительность пытается укрѣпиться здѣсь всюду въ сколько нибудь благопріятной мѣстности и тѣмъ облегчаетъ существованіе наземныхъ животныхъ, виды которыхъ здѣсь такъ же малочисленны, какъ растительные, хотя представители ихъ водятся нерѣдко въ большомъ количествѣ экземпляровъ, тамъ, конечно, гдѣ ихъ не преслѣдуетъ человѣкъ. На нѣкоторыхъ островахъ громадный овцебыкъ пасется цѣлыми стадами, полярные зайцы, словно ручные, не боятся приближающагося человѣка, также какъ куропатки, зарывающіяся на ночь въ снѣгъ цѣлыми косяками. Обычный житель тундры, сѣверный олень, водится и здѣсь, добираясь до восточныхъ береговъ Гренландіи, но онъ живетъ здѣсь дико, служа потребностямъ человѣка лишь какъ предметъ охоты. Поверхность суши, обнажающаяся лѣтомъ отъ снѣга, даетъ въ общемъ въ полярныхъ странахъ такъ мало мѣста растительности, что суша не въ состояніи поддерживать существованіе многочисленнаго животнаго населенія, и истиннымъ подателемъ пищи, кормильцемъ множества крупныхъ животныхъ и безчисленнаго количества птицъ является здѣсь море, особенно въ мѣстахъ, гдѣ теплыя, приносимыя съ юга струи теченія встрѣчаются съ холодными. Какія то невыясненныя еще условія благопріятствуютъ существованію въ морѣ довольно обильнаго планктона, т. е. миріадовъ мельчайшихъ организмовъ, пассивно висящихъ въ водѣ и служащихъ пищей цѣлымъ фалангамъ все болѣе и болѣе крупныхъ существъ вродѣ рачковъ, моллюсковъ и другихъ безпозвоночныхъ. Рядомъ съ этимъ обиліе рыбы облегчаетъ существованіе многочисленныхъ видовъ полярныхъ птицъ, усѣивающихъ скалы своими гнѣздами такъ густо, что утесъ съ неумолчно кричащими на немъ пернатыми дѣйствительно напоминаетъ базаръ, какъ удачно окрестили излюбленныя мѣста отдыха и гнѣздованія птицъ. Разные виды тюленей и громадные моржи, пестрящіе своими неподвижными тушами бѣлыя скатерти плавающихъ въ морѣ обломковъ ледяныхъ полей, еще болѣе оживляютъ въ лѣтнее время полярный пейзажъ вмѣстѣ съ крупными и мелкими китообразными, среди которыхъ колоссальный гренландскій китъ еще до сихъ поръ пускаетъ тамъ и сямъ свои фонтаны бѣловатаго пара, заставляя тѣмъ биться трепетною радостью сердца китобоевъ, казалось приложившихъ всѣ усилія къ тому, чтобы окончательно истребить это чудовище. Громадный бѣлый медвѣдь, дерзкій и одновременно пугливый, воровски шатается по льдинамъ или бродитъ возлѣ прибрежныхъ утесовъ, подсматривая слишкомъ замечтавшагося на холодномъ припекѣ молодого, неопытнаго тюленя, и слѣдомъ за нимъ, нюхая воздухъ тонкими мордочками, пробираются песцы или полярныя лисицы, которыхъ зимою, когда птицы скрываются на югъ, мучительные припадки голода заставляютъ глотать прямо несъѣдобныя вещи.

Вѣроятно, какъ о томъ свидѣтельствуетъ лишенная человѣческаго обитанія южная околополярная суша, Гренландія и сосѣдніе ей архипелаги также не привлекли бы къ себѣ человѣка, еслибы эти участки непріютной полярной суши не находились въ такой близости къ большому американскому материку въ той части, гдѣ онъ почти связанъ съ Азіей. Проливы, раздѣляющіе острова такъ узки, что даже лѣтомъ ни таяніе, ни волненіе моря, ни вызываемыя приливной волной теченія не въ состояніи бываютъ прочистить ихъ отъ грудъ скопившагося зимою льда. Зимой же все пространство вокругъ полюса далеко вокругъ превращается въ сплошную сушу, о непрочномъ и эфемерномъ существованіи которой напоминаютъ по временамъ гулъ и трескъ ломающагося безпредѣльнаго ледяного поля, когда подъ толщею его прокатываются не знающія препятствія волнообразныя вздутія поднимаемой проливомъ морской воды. Тогда въ ледяномъ полѣ открываются трещины въ разныхъ направленіяхъ, громадныя участки покороблennаго льда громоздятъ вдоль краевъ ихъ изъ своихъ обломковъ широкія, уходящія вдаль полосы торосовъ, и этимъ судорожнымъ движеніямъ скованной морозомъ поверхности моря отвѣчаютъ столь

же судорожныя, трепетно играющія въ небѣ сполохи, разноцвѣтные переливы которыхъ, подобно безмолвной музыкѣ, сопровождаетъ гулкую драму жизни льдистой пелены моря.

Замерзаніе моря устанавливаетъ зимой сообщеніе Азіи съ Америкой и съ Гренландіей. Но въ широкомъ пространствѣ между Гренландіей и Европой полоса теплаго гольфштрома мѣшаетъ образованію ледяного поля, и здѣсь не бываетъ поэтому такого же временнаго сообщенія, какъ между Азіей и арктической Америкой. Естественно поэтому, что первые обитатели появились въ полярномъ архипелагѣ и въ Гренландіи, придя съ запада. Это были предки нынѣшнихъ эскимосовъ, съ которыми скандинавскіе колонисты столкнулись еще въ XI ст. Въ настоящее время эскимосы встрѣчаются вдоль всего сѣвернаго берега С. Америки (за исключеніемъ побережья южной половины Хедзонова залива), на арктическихъ островахъ и по берегамъ Гренландіи. Здѣсь европейскіе изслѣдователи встрѣчали ихъ всюду, какъ далеко не проникали, натыкаясь нерѣдко на такихъ представителей этого племени, которые никогда никого не видали, кромѣ своихъ же соплеменниковъ.

Старуха эскимосска съ кольцомъ въ видѣ украшенія въ носу.

Всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что эскимосы распространились по арктической области, явившись съ запада, т. е. изъ С. Америки, но не всѣ согласны въ томъ, какимъ путемъ произошло ихъ разселеніе. Перешли ли они Смитовъ проливъ и затѣмъ спустились постепенно на югъ вдоль западнаго берега Гренландіи, гдѣ и встрѣтились съ первыми норвежскиии колонистами, а затѣмъ стали распространяться вдоль восточнаго берега острова, направляясь на сѣверъ; или же, наоборотъ, предки ихъ въ поискахъ за новыми охотничьими угодьями обогнули Гренландію съ сѣвера и появились на восточномъ берегу раньше, чѣмъ на западномъ? Этотъ вопросъ остается еще нерѣшеннымъ. Основываясь на языкѣ и на утвари эскимосовъ, ученые устанавливаютъ родство между ними и сѣвероамериканскими индѣйцами, бокъ о бокъ съ которыми эскимосы долго жили, да и теперь еще продолжаютъ жить. Условія полярной жизни, т. е. постоянная жизнь на морѣ, на льду или на берегу, въ холодѣ и во мракѣ, въ очень ограниченномъ кругѣ естественныхъ предметовъ и явленій, создали среди нихъ бытъ въ высокой степени приспособленный къ обстановкѣ жизни, который, разъ сложившись до почти идеальнаго совершенства, оставался неизмѣннымъ, пока европейцы не внесли въ него новыя черты—огнестрѣльное оружіе, кофе, бумажныя матеріи, протестантизмъ, налоги, и т. п. Этотъ

*

стройный по своей приспособленности къ природѣ мѣста бытъ чрезвычайно сближаетъ эскимосовъ съ другими полярными народцами, вродѣ алеутовъ, чукчей, и чрезвычайно затрудняетъ задачу опредѣленія родства и происхожденія племенъ. Сходство въ предметахъ вооруженія, въ одеждѣ, въ обычаяхъ и т. п, можетъ происходить благодаря тому что два малородственныхъ между собой племени попадаютъ въ мѣста со сходной природой, гдѣ они принуждены долгое время вести сходный образъ жизни, производя свои приспособленія къ обстановкѣ въ одинаковомъ направленіи. Они строятъ одинаковыя лодки дѣлаютъ изъ дерева и кости сходнаго типа гарпуны, носятъ сходнаго покроя мѣховыя одежды, и приходятъ къ этому самостоятельно путемъ медленныхъ, подсказываемыхъ долгимъ опытомъ указаній. Но для того, чтобы допустить подобныя совпаденія у многихъ живущихъ смежно племенъ, пришлось бы признать за человѣкомъ такую степень интеллигентности, которою онъ въ громадной своей массѣ не обладаетъ даже въ высоко культурномъ состояніи. Опытъ чаще показываетъ, что уравниваютъ людей не сходства въ мѣстахъ ихъ обитанія, не сходства ихъ собственной природы и образа жизни, а развивающаяся высшая культура, постепенно или быстро навязывающая всѣмъ однѣ и тѣ же формы. Если поэтому среди арктическихъ племенъ, какъ въ типѣ ихъ представителей, такъ и въ формахъ ихъ быта наблюдается очень много сходныхъ, почти тождественныхъ чертъ, то причину тому правильнѣе искать въ общемъ происхожденіи, въ близости и сосѣдствѣ разселенія и въ сходныхъ природныхъ условіяхъ житейской обстановки, благодаря чему племена, даже удалившись отъ мѣста своего происхожденія, продолжаютъ сохранять неизмѣннымъ весь свой бытъ. По отношенію къ эскимосамъ можно думать, что, разселяясь постепенно по арктическимъ островамъ и Гренландіи, они прибавили немного изобрѣтеній и усовершенствованій въ орудіяхъ и пріемахъ борьбы съ природой за право жалкаго существованія въ своей холодной родинѣ по сравненію съ тѣмъ запасомъ житейской техники, съ какимъ они явились на мѣсто. Наблюдатели, имѣвшіе случай изучать это племя продолжительное время, приходятъ къ заключенію, что весь строй жизни эскимосовъ настолько идеально приспособленъ къ ихъ природной обстановкѣ, что врядъ ли возможно внести въ него что либо существенно лучшее. Съ тѣми матеріалами и средствами, какіе эскимосъ имѣетъ подъ рукой, устроиться лучше въ полярной странѣ немыслимо. Блестяще задуманныя и богато организованныя полярныя экспедиціи сплошь и рядомъ погибали тамъ, гдѣ эскимосы перебиваются съ грѣхомъ пополамъ всю свою жизнь. Ниже мы увидимъ, что всѣ культурныя пріобрѣтенія, которыми бѣлые поспѣшили снабдить эскимосовъ, повели не къ улучшенію ихъ состоянія, а къ ухудшенію и повидимому способствуютъ лишь вымиранію этого полярнаго народца.

Чистокровный эскимосъ очень далекъ отъ идеала европейской красоты. Его круглое, широкое лицо снабжено грубыми чертами. Маленькіе глаза сидятъ въ узкихъ, часто косо прорѣзанныхъ щелкахъ надъ одутловатыми благодаря выступающимъ скуламъ и и красными, какъ кирпичъ, щеками; широкія челюсти и большой ротъ привлекаютъ вниманіе къ нижней половинѣ лица: они придаютъ физіономіи эскимоса животный отпечатокъ, усугубляемый блескомъ двухъ рядовъ крѣпкихъ, большихъ зубовъ. Только мягкость общаго выраженія физіономіи, особенно у эскимосокъ, притупляетъ это первое впечатлѣніе. Тѣло ихъ при среднемъ иногда даже при высокомъ ростѣ (всѣ разсказы о малорослости этого племени не отвѣчаютъ дѣйствитедьности), подобно физіономіи, производитъ впечатлѣніе хотя не очень складнаго, но плотнаго, крѣпко сколоченнаго тѣлосложенія. Особенностью его является у мужчинъ перевѣсъ физическаго сложенія верхней половины туловища надъ нижней; при широкихъ плечахъ, хорошо развитой груди и мускулистыхъ рукахъ многіе отличаются слабымъ развитіемъ нижнихъ конечностей—обстоятельство, объясняемое тѣмъ, что эскимосы мужчины добрую половину своей жизни проводятъ въ сидячемъ положеніи въ каякѣ. Впрочемъ бедра и у женщинъ эскимосокъ развиты зна-

чительно меньше, чѣмъ у бѣлыхъ. Руки и ноги малы и прекрасной формы—черта, общая эскимосамъ съ другими монгольскими народами. Цвѣтъ кожи у нихъ коричневатый или сѣро-желтый. Впрочемъ опредѣлить его нелегко, такъ какъ истинная окраска скрывается подъ добрымъ слоемъ грязи, про которую одинъ старый изслѣдователь говоритъ; „они соскребаютъ себѣ съ лица потъ ножами и затѣмъ облизываютъ послѣдніе“. Говорятъ, что у эскимосовъ, какъ у японцевъ, какъ у многихъ азіатскихъ и американскихъ племенъ, наблюдается на тѣлѣ новорожденныхъ въ области крестца небольшое синевато-черноватое пятно, отъ котораго темный оттѣнокъ постепенно распространяется на все тѣло. Темная окраска кожи свойственна всѣмъ арктическимъ народамъ и, вѣроятно, вынесена ихъ предками откуда нибудь съ юга.

Старая эскимосска въ одеждѣ, имѣющей покрой фрака.

Одежду мужчинъ составляетъ прежде всего „тиміакъ“, фуфайка изъ птичьихъ шкурокъ пухомъ внутрь, которая оторочена кругомъ шеи и рукъ собачьимъ мѣхомъ, часто снабжена воротникомъ и капюшономъ. Сверху надѣваютъ „аноракъ“, рубаху изъ тюленьяго мѣха, а теперь часто матерчатую. На ногахъ тюленьяго мѣха штаны и высокіе изъ того же матеріала сапоги, „камикеръ“. Одежда женщинъ отличается отъ мужской преимущественно лишь большимъ обиліемъ украшеній въ видѣ оторочекъ и вставокъ мѣха разнаго, красиво подобраннаго цвѣта или, въ сосѣдствѣ европейскихъ колоній, изъ матерій. Штаны у женщинъ уже и короче, не достигая колѣнъ, за то сапоги, дѣлаемые часто изъ цвѣтной кожи,—красные, голубые, бѣлые—имѣютъ болѣе длинныя голенища. Женщины, имѣющія грудныхъ дѣтей, носятъ „амаутъ“, т. е. аноракъ съ большимъ карманомъ на спинѣ изъ тюленьяго или оленьяго мѣха шерстью внутрь и наружу, гдѣ ребенку лежать уютно и тепло. Дома, какъ зимой, внутри своихъ землянокъ и снѣговыхъ хижинъ, такъ и лѣтомъ въ мѣховыхъ шатрахъ своихъ эскимосы ходятъ безъ всего, совершенно почти нагіе, такъ какъ единственной одеждой является тогда узкій поясокъ вокругъ чреселъ (натитъ).

Волосы у эскимосовъ черные, прямые и грубые. Мужчины за рѣдкими исключеніями не обрѣзаютъ ихъ, считая это почему то опаснымъ. Вѣроятно, этотъ предразсудокъ произошелъ отъ того, что опущенные на лицо волосы играютъ роль сѣтки, защищающей глаза отъ слишкомъ яркаго, отраженнаго снѣговой поверхностью свѣта. Шапокъ они не носятъ и ходятъ обыкновенно съ обнаженной головой, несмотря на морозъ, и только подвязываютъ ихъ кругомъ головы ремешкомъ. Женщины стягиваютъ волосы кверху и закручиваютъ ихъ на темени высокимъ тугимъ узломъ, повязаннымъ лентой, цвѣтъ которой указываетъ на семейное положеніе женщины. Такъ у дѣвушекъ эта лента краснаго цвѣта, а если у дѣвушки есть ребенокъ, то красный цвѣтъ смѣняется зеленымъ. Замужнія носятъ голубыя ленты, вдовы черныя, если же вдова не прочь вновь вступить въ

бракъ, то она присоединяетъ къ черной лентѣ красную, тѣ же, которыя по преклонности лѣтъ не надѣются на заключеніе новаго брачнаго союза, носятъ черную ленту съ бѣлой. Уходъ за волосами у эскимосокъ тщательный, для смягченія и приданія имъ блеска онѣ пользуются веществомъ, отбросомъ домашняго обихода, которое употребляется у полярныхъ народовъ во многихъ случаяхъ, напр. для дубленія кожъ. Обстоятельство это, дѣлающее присутствіе эскимоски весьма непріятнымъ для европейскаго обонянія, вполнѣ гармонируетъ съ общей нечистоплотностью этого народца, находящее себѣ нѣкоторое оправданіе въ томъ, что обхожденіе съ водой и мыломъ въ полярномъ холодѣ болѣе чѣмъ опасно для кожи. По этой причинѣ эскимосы не могутъ мыться. Впрочемъ малыхъ дѣтей матери обыкновенно „вылизываютъ“, какъ это дѣлаютъ съ щенятами собаки.

Одежда, приготовленіе которой составляетъ главную работу женщинъ, прекрасно приноровлена къ климату, отличается легкостью, теплотой и удобствомъ. Но гораздо больше вниманія удѣляютъ эскимосы и несравненно больше остроумія проявляютъ они въ изготовленіи и употребленіи необходимаго оружія и орудій промысла. Главной ареной промысловой дѣятельности эскимоса является море, по которому онъ скользитъ въ своемъ легкомъ каякѣ, стараясь набить столько тюленей, чтобы мяса, жира, шкуръ и всего другого хватило въ видѣ запаса на возможно болѣе долгій срокъ зимой, когда падетъ мракъ, море замерзнетъ, и тюлени станутъ очень рѣдкой добычей. Каякъ является поэтому необходимой принадлежностью каждаго самостоятельнаго мужчины. Онъ имѣетъ въ длину до 3-хъ саженъ (обыкновенно $5^1/_2$ метровъ), между тѣмъ какъ при столь значительной длинѣ ширина не превосходитъ $^3/_4$ аршина (45) с.), глубина же едва достаточна, чтобы между крышкой и дномъ могли помѣститься ноги (12—15—20 сант.). Остовъ этого судна эскимосы дѣлаютъ изъ тонкихъ досокъ, изготовляемыхъ изъ лучшаго сорта „плавника“, т. е. выброшеннаго моремъ на берегъ лѣса, который выносятъ въ океанъ сибирскія и американскія рѣки. Легкій, ребристый остовъ обтягивается затѣмъ плотно сшитыми кожами гренландскаго тюленя или тюленя другихъ водящихся тамъ видовъ, хотя въ виду прочности предпочитается первый.

Для пловца приблизительно посрединѣ каяка оставляется круглое отверстіе, снабженное обручемъ съ приспособленіемъ, съ помощью котораго усѣвшійся въ каякъ эскимосъ опоясываетъ себя и такимъ образомъ привязываетъ себя къ каяку, дѣлая невозможнымъ проникновеніе въ него воды. Если волненіе значительно, онъ подвязываетъ себя до мышекъ, а въ еще болѣе неблагопріятную погоду натягиваетъ на себя полную каячную одежду съ рукавами и капюшономъ; нижній край этой рубахи плотно охватываетъ обручъ, капюшонъ стянутъ кругомъ лица, рукава съ перчатками или безъ нихъ плотно охватываютъ кисти рукъ, и пловецъ составляетъ тогда одно цѣлое съ каякомъ, превращаясь изъ человѣка въ своеобразнаго морского кентавра. Каякъ приводится въ движеніе крѣпкимъ двулопастнымъ весломъ, придающимъ ему большую скорость движенія, такъ какъ все судно, несмотря на длину, настолько легко, что промышленникъ легко переноситъ его съ мѣста на мѣсто на головѣ. Необходимыми принадлежностями эскимосскаго каяка является рядъ орудій и оружій, задуманныхъ крайне остроумно и выполненныхъ необыкновенно практично и крѣпко. Первымъ и главнымъ оружіемъ является гарпунъ, называемый „унакъ“ и „эрмангнакъ“, если задній конецъ его расщепленъ. Гарпунъ этотъ разъемный и состоитъ изъ трехъ частей: ствола, наконечника и острія. Стволъ деревянный, а наконечникъ и остріе костяные. Остріе или лезвіе насаживается плотно на наконечникъ, съ котораго оно болѣе или менѣе легко соскакиваетъ, между тѣмъ, какъ со стволомъ наконечникъ соединенъ такъ, что хотя тоже можетъ отваливаться отъ него, но остается съ нимъ въ соединеніи при помощи ремней. Къ лезвію или острію прикрѣпленъ длинный тонкій ремень, соединенный на другомъ концѣ съ надутымъ пузыремъ, сшитымъ изъ кожи молодого тюленя (Phoca foetida). Гарпунъ со свернутымъ кольцами ремнемъ лежитъ на декѣ каяка. Когда

онъ пущенъ сильной рукой и вонзается въ тюленя, лезвее и наконечникъ уходятъ въ животное, которое дѣлаетъ судорожный скачокъ, отъ силы котораго конецъ гарпуна могъ бы обломиться. Вмѣсто того лезвіе соскакиваетъ съ наконечника и становится въ ранѣ бокомъ, наконечникъ свертывается на сторону около своего „шарнира", и гарпунъ всплываетъ на поверхность, въ то время какъ нырнувшее животное съ остріемъ въ тѣлѣ увлекаетъ за собой пузырь, который не даетъ ему плыть и нырять слишкомъ быстро. Тогда охотникъ ловитъ ремень, подтягивается съ каякомъ къ раненому звѣрю, которому не даютъ освободиться отъ острія загнутые назадъ концы его, и поражаетъ его на смерть копьемъ, а затѣмъ онъ вылавливаетъ плавающій на водѣ гарпунъ.

Кромѣ гарпуна на палубѣ каяка пристегнуто все другое оружіе эскимоса, именно копье, другое легкое копье или стрѣла съ пузыремъ, подобнымъ тому, какимъ снабженъ гарпунъ, но меньшихъ размѣровъ, стрѣла для птицъ очень оригинальнаго устройства, ножъ на очень длинной рукояткѣ и, наконецъ, метательная доска, при помощи которой эскимосъ увеличиваетъ дальность полета и силу дѣйствія своихъ метательныхъ орудій. Стрѣла для птицъ мечется именно съ помощью этой дощечки.

Легко понять, что каякъ обладаетъ крайней неустойчивостью, цѣной чего пріобрѣтаются всѣ другія замѣчательныя свойства этого судна, какъ легкость и ходкость. Искусству сидѣть въ каякѣ и умѣнью держаться въ немъ на водѣ при всякой погодѣ эскимосъ учится съ ранняго дѣтства. Главная опасность, которая угрожаетъ ему на промыслѣ и въ бурю это перевертываніе, при которомъ сидящій въ каякѣ съ вытянутыми впередъ ногами и привязанный къ нему пловецъ, казалось бы, долженъ очутиться въ безпомощномъ состояніи, такъ какъ виситъ въ водѣ головой внизъ. Однако всякій эскимосъ-промышленникъ безъ труда выпрямляется снова однимъ сильнымъ ударомъ весла. Искусный пловецъ умѣетъ дѣлать это даже съ помощью одной руки. Сколько при этомъ нужно присутствія духа, такъ какъ если движеніе это не удается сдѣлать въ самое короткое время послѣ того, какъ каякъ перевернулся,—пловецъ погибъ! Въ Гренландіи ежегодно погибаетъ именно отъ этихъ случаевъ немало промышленниковъ (около 9—10% всѣхъ смертей среди мужчинъ). Эскимосъ, овладѣвшій вполнѣ искусствомъ плаванія въ каякѣ, не боится никакой бури. Въ своей „водяной одеждѣ", которая не пропускаетъ ни капли воды ни къ тѣлу пловца, ни въ каякъ, онъ скользитъ навстрѣчу волнамъ. Пригнувшись впередъ, съ весломъ, положеннымъ вдоль каяка, онъ ждетъ, пока журчащій, пѣнящійся гребень волны не опрокинется на него и пронизываетъ волну [illegible] волной. При яростной непогодѣ иные смѣльчаки добровольно предоставляютъ самымъ большимъ волнамъ опрокидывать себя, съ тѣмъ чтобы немедленно подняться, едва гребень ея прокатился надъ днемъ каяка. Пловецъ играетъ съ моремъ, каякъ его пляшетъ на волнахъ, повинуясь малѣйшему желанію хозяина: онъ то летитъ впередъ, какъ стрѣла, то почти внезапно останавливается, дѣлаетъ быстрые повороты въ стороны, качается, наконецъ опрокидывается, снова встаетъ, и зрителю кажется, что передъ нимъ не судно съ сидящимъ въ немъ человѣкомъ, а какое то большое, необыкновенное юркое водяное насѣкомое, способное поспорить въ легкости, подвижности и поворотливости съ любымъ быстроплавающимъ морскимъ звѣремъ. И это понятно. Что стало бы съ эскимосомъ, если бы онъ не обладалъ для своего промысла подобнымъ судномъ?

Промышленникъ садится въ каякъ рано утромъ и быстро гребетъ къ мѣсту, гдѣ онъ знаетъ любятъ держаться тюлени. Обыкновенно на промыселъ выѣзжаютъ одновременно всѣ эскимосы мужчины. Запримѣтивъ играющаго въ водѣ тюленя, эскимосъ плавно приближается къ нему. Всякій разъ, какъ звѣрь обнаруживаетъ безпокойство, пловецъ замираетъ и продолжаетъ тихо подкрадываться къ добычѣ, едва вниманіе звѣря отвлечется отъ него. Но вотъ тюлень нырнулъ. Нѣсколькими ударами весла эскимосъ уже на мѣстѣ и терпѣливо ждетъ, повертывая во

всѣ стороны голову, когда звѣрь вынырнетъ снова. Тюлень можетъ оставатьсл подъ водой очень долго, но появляется онъ недалеко отъ того мѣста, гдѣ нырнулъ. Вотъ надъ волнующейся поверхностью воды въ разстояніи полета гарпуна появилась черная лоснящаяся голова, и въ этотъ моментъ приготовленный къ дѣйствію гарпунъ уже летитъ, увлекая за собой сматывающійся съ своего мѣста ремень. Тюлень, выгнувшись горбомъ, ныряетъ, но въ это мгновеніе гарпунъ впивается ему въ бокъ по самый стволъ. Звѣрь дѣлаетъ судорожное движеніе, чтобъ освободиться отъ этой попавшей ему въ тѣло палки, стволъ гарпуна съ наконечникомъ отваливается, повертывая этимъ лезвіе въ ранѣ такъ, что оно уже не можетъ вывалиться. Звѣрь исчезаетъ въ водѣ, а эскимосъ, сунувъ въ зубы метательную доску, помогаетъ разматываться быстро скользящему въ воду ремню и выбрасываетъ въ море пузырь. Пузырь пляшетъ по водѣ, погружается въ нее, исчезаетъ въ глубинѣ, но вскорѣ всплываетъ вновь. За это время эскимосъ уже успѣлъ выловить гарпунъ и приготовилъ для удара копье. Вотъ тюлень, оказавшійся принадлежащимъ къ громадной и злой породѣ, вынырнулъ снова. Въ злобѣ на пузырь, мѣшающій ему двигаться, онъ кидается на него, рветъ его зубами на куски и обращается затѣмъ на каякъ; но здѣсь его ждетъ вѣрный ударъ копьемъ въ грудь, между плавниковъ, и бой оконченъ. Эскимосъ собираетъ оружіе, оплескиваетъ его отъ крови, притягиваетъ громадную тушу къ каяку, къ которому прикрѣпляетъ ее буксирнымъ ремнемъ, а чтобы добыча не затонула, онъ подвязываетъ къ ней большой пузырь, который надуваетъ тутъ же. Затѣмъ онъ вырѣзываетъ изъ тѣла лезвіе гарпуна, наставляетъ его на стволъ и укладываетъ все въ порядкѣ на декѣ каяка. Такимъ же порядкомъ охота продолжается дальше, пока промышленникъ не удовлетворится результатами ея. Обыкновенно больше четырехъ тюленей ему уже трудно волочить за собой.

Случайности подобнаго промысла неисчислимы. Часто какая-нибудь мелочь—ремень, зацѣпившійся за что нибудь не во время, слишкомъ крупная или особенно бойкая, слабо раненая добыча опрокидываютъ каякъ или увлекаетъ его черезчуръ глубоко въ воду; пловецъ ли оплошаетъ или окажется не въ состояніи быстро избавиться отъ опаснаго момента вслѣдствіе собственной неловкости, совершенной невозможности или чего другого; наконецъ крутая перемѣна погоды, застающая тяжело нагруженнаго добычей промышленника далеко въ морѣ — все это представляетъ нѣчто такое, съ чѣмъ всякій выѣзжающій на промыселъ эскимосъ долженъ считаться, что онъ всегда долженъ имѣть въ виду. Поэтому они обыкновенно выѣзжаютъ на промыселъ сообща, чтобы оказать помощь погибающему товарищу.

Самый радостный моментъ въ жизни промышленника эскимоса, это когда онъ возвращается домой съ богатой добычей и видитъ столпившихся на берегу женщинъ, дѣтей и стариковъ, которые, при разыгравшейся погодѣ, подобно женамъ рыбаковъ, толпятся на какомъ нибудь возвышенномъ пунктѣ, высматривая возвращающихся. Съ момента, какъ каякъ ткнулся въ прибрежный песокъ, эскимосъ считаетъ свою роль оконченной. Онъ идетъ къ себѣ въ землянку или въ хижину переодѣться и отдохнуть, предоставивъ женщинамъ убрать все за собой, т. е. вытащить каякъ подальше отъ прибоя, выволочь добычу, ободрать его, разнять на части, притащить домой, вообще исполнить всѣ необходимыя работы. Эти, на первый взглядъ немногосложныя занятія выпадаютъ на долю женщинъ, роль которыхъ въ семейной жизни столь же существенна и важна, какъ напр. въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Дѣло хозяина—промыселъ и затѣмъ все, что до него относится, т. е. сооруженіе и починка каяка, изготовленіе и исправленіе промысловыхъ орудій и снастей. Все остальное—дѣло женщинъ. Въ первую очередь на нихъ лежитъ очень сложная и трудная выдѣлка разныхъ шкуръ. Достаточно сказать, что многія шкуры, прежде чѣмъ они пойдутъ въ дѣло, должны быть тщательно обмяты, и эту обминку эскимосскія женщины дѣлаютъ зубами! Заготовленіе и предварительная обработка матеріала для всѣхъ

предметовъ эскимосскаго обихода, кройка и шитье одежды, постройка жилищъ, стряпня, уходъ за дѣтьми, передвиженіе на другое кочевье—все дѣлается женщинами, которыхъ хозяинъ избавляетъ отъ самаго опаснаго и тяжелаго занятія. Тамъ, гдѣ эскимосы живутъ еще самобытно, раздѣленіе семейнаго труда проводится настолько строго, что у женщинъ имѣются свои большія лодки, въ которыхъ въ тихую погоду цѣлыя семьи странствуютъ вдоль береговъ. Гребутъ женщины и ребята, а единственный мужчина, который рѣшится войти въ лодку, обыкновенно старый инвалидъ, сохранившій лишь столько силъ, чтобы править кормовымъ весломъ. Рѣдкій случай, когда мужчины покидаютъ свои каяки и пользуются женскими лодками, это, когда затѣвается общественная охота на кита. Съ мелкими породами этого вида, такъ же, какъ съ моржами, страшилищами въ 2—$2^1/_2$ саж. длины и вдобавокъ вооруженными ужасными клыками, эскимосъ вступаетъ въ бой изъ каяка.

Лѣто сравнительно очень хорошее время для эскимосской семьи, такъ какъ открытое, хотя и усѣянное льдинами море открываетъ промышленнику дорогу во всѣ стороны. Да и звѣрь, рыба и птица въ это время обильнѣе кругомъ. Ужасное время, приступы отчаяннаго голода эскимосы переживаютъ нерѣдко зимой. Часто добыча, какой нибудь тюлень, представляетъ счастливую случайность. Въ лютый холодъ все бѣжитъ изъ полярныхъ странъ или прячется—моржи, тюлени встрѣчаются рѣже. Тюлени, которые являются животными млекопитающими, дышащими легкими, испытываютъ большое затрудненіе, когда ледъ отдѣляетъ воду, стихію, въ которой они питаются, отъ воздуха, необходимаго имъ для дыханія. Звѣрь, не успѣвшій во время убраться къ югу, обыкновенне пользуется какимъ нибудь отверстіемъ во льду, чтобы, высунувъ носъ, дышать. Около такихъ дырокъ его только и можно промыслить, но чуткій звѣрь издали слышитъ всякій шорохъ и спѣшитъ во время нырнуть, такъ какъ хорошо знаетъ, что возлѣ этихъ мѣстъ онъ легче всего рискуетъ попасть въ лапы медвѣдя, который сторожитъ въ такихъ случаяхъ свою добычу съ неменьшимъ терпѣніемъ, чѣмъ его конкуррентъ по промыслу — эскимосъ. Нерѣдко эскимосъ-охотникъ проводитъ у тюленьей дыры въ терпѣливомъ ожиданіи, пока какой нибудь менѣе осторожный тюлень высунеться въ нее, сутки, двое и трое, на холоду и вѣтру, обыкновенно истощенный предшествовавшей голодовкой. И всетаки часто онъ возвращается домой съ пустыми руками. Въ темной и вонючей землянкѣ, во мракѣ и холодѣ его ждутъ домашніе, надежды которыхъ вращаются около единственнаго упованія на удачу или искусство хозяина. Побуждаемые тяжкимъ голодомъ, эскимосы варятъ и грызутъ въ такое время все, что могутъ прожевать челюсти, все, изъ чего языкъ и губы въ состояніи высосать хоть что либо, напоминающее о пищѣ. Они перерываютъ лѣтніе отбросы, собираютъ въ тундрѣ, или на берегу старыя, уже вывѣтрившіяся и побывавшія въ зубахъ у собакъ кости, которыя толкутъ въ порошокъ для приготовленія похлебки. Нерѣдко подобное ужасное существованіе длится мѣсяцами, прерываемое изрѣдка моментами, когда желудокъ можно набить вволю жиромъ, мясомъ и кишками. Запасовъ въ это время не оставляютъ, ѣдятъ, вѣрнѣе, обжираются, пока есть пища, чтобы потомъ снова голодать. Часто голодъ у лабрадорскихъ эскимосовъ доходитъ до того, что члены семьи разбредаются, скорѣе разбѣгаются, чтобы не встрѣтиться болѣе никогда у очага, возлѣ котораго они испытывали всѣ ужасы голода [1]). Понятно, какой выдающейся фигурой является при такихъ условіяхъ искусный и удачливый промышленникъ, и какъ стремится сдѣлаться таковымъ каждый молодой эскимосъ. Часто на одномъ человѣкѣ виситъ въ такихъ случаяхъ существованіе многихъ семей, такъ какъ въ полярной Сахарѣ нѣтъ того своекорыстія и хищнической жадности, какой отличаются дѣти песчаныхъ и знойныхъ пустынь. У нихъ, какъ у многихъ первобытныхъ народовъ, живущихъ въ усло-

[1]) C. F. Hall, Life with the esquimaux.

віяхъ простого общественнаго строя, наблюдается еще общность на многіе предметы, правильнѣе сказать, очень немногіе предметы представляютъ у нихъ личную собственность. Такъ и добыча, относительно которой существуетъ рядъ правилъ, опредѣляющихъ раздѣлъ ея, служитъ въ большинствѣ случаевъ для питанія всѣхъ живущихъ въ данное время вмѣстѣ и вмѣстѣ промышляющихъ семей. Ѣдятъ эскимосы почти все съѣдобное, встрѣчающееся въ ихъ странѣ—морскихъ животныхъ, рыбу, птицъ, за исключеніемъ развѣ вороны, и разныя растенія. Мясо передъ употребленіемъ они нерѣдко подвергаютъ особому гнилостному броженію (именно головы тюленей), вообще не брезгаютъ испорченнымъ продуктомъ, но предпочитаютъ всему подкожный жиръ тюленей и китообразныхъ, который ѣдятъ сырымъ и нерѣдко съ кожей, какъ малороссы свое излюбленное сало. Содержимое желудка сѣвернаго оленя, кишки птицъ, именно куропатокъ, представляютъ деликатесы, на которые эскимосъ набрасывается съ жадностью. Кромѣ мяса и жира въ пищу идутъ растительные продукты: корни, листья и стебли, ягоды, которыя эскимосскія женщины заготовляютъ на зиму, какъ приправу къ остальной пищѣ, нерѣдко такимъ же способомъ, какимъ пользуются многія дикія и полудикія племена, т. е. пережевываютъ ихъ и оставляютъ стоять, пока благодаря присутствію слюны въ массѣ не произойдетъ броженіе. Для жаренія и варенія служитъ не очагъ съ какимъ нибудь сосудомъ—очага въ эскимосскомъ жильѣ нѣтъ, его замѣняетъ общераспространенная плошка, представляющая плоскій, выдолбленный камень мягкой породы, въ которомъ помѣщаютъ куски жира и скрученную изъ моха свѣтильню. Отъ теплоты огня жиръ или сало плавится. Эта чадящая лампа служитъ не только кухней, но согрѣвающей печью и освѣщеніемъ, она горитъ въ землянкѣ непрерывно, такъ какъ эскимосы испытываютъ страхъ передъ темнотой. Мракъ въ жильѣ первый признакъ того, что обитатели его терпятъ нужду,—„нѣтъ даже жира для лампы“,—говорятъ эскимосы, когда хотятъ подчеркнуть крайнюю степень испытываемой нужды.

Какъ уже сказано было выше, зимнія жилища эскимосовъ это—четырехугольныя землянки, длиной въ три, шириной въ двѣ сажени, заложенныя въ землѣ и прикрытыя сверху дерномъ. Одно, два, много три окошка, затянутыя пузыремъ, а у вкусившихъ европейской цивилизаціи со стеклами, почти не впускаютъ свѣта въ эту нору, входомъ куда служитъ длинная узкая лазейка, подобно траншеѣ, вырытая въ землѣ. Обыкновенно въ землянкѣ помѣщается нѣсколько семей, и въ такомъ случаѣ длинная сторона ея съ широкими нарами раздѣлена перегородками на отдѣленія, какъ бы стойла, по числу семей. Капитанъ Холмъ насчиталъ разъ въ такой землянкѣ 38 обитателей всѣхъ возрастовъ и половъ. Постели состоятъ изъ шкуръ, а остальное убранство заключается въ самой необходимой для стряпни утвари. Зимой огонь лампы и собственная теплота многочисленныхъ обитателей настолько нагрѣваютъ жилье, что эскимосы остаются въ немъ безъ всякой одежды. Трудно представить себѣ густую, пропитанную чадомъ и разными запахами атмосферу, которой дышутъ обитатели землянки, куда скудно проникаетъ черезъ длинный, тѣсный входъ нѣкоторое количество наружнаго воздуха. Уже въ апрѣлѣ, съ первыми проблесками солнца, съ первыми намеками тепла эскимосы спѣшатъ покинуть землянки, стѣны которыхъ начинаютъ потѣть. Они перебираются теперь въ лѣтнее жилье, состоящее изъ шатра, полукруглаго, составленнаго изъ жердей, на которыя натянуты въ два слоя шкуры: сверху старыя, отслужившія кожи съ каяковъ, внутри—тюленьи шкуры съ мѣхомъ. Обыкновенно скученныя зимой въ землянкахъ семьи раздѣляются, и каждая живетъ въ своемъ жильѣ. Это подвижное, легкое жилище и большія „женскія“ лодки позволяютъ эскимосамъ жить все теплое время года бродячей жизнью. Время отъ времени они перебираются на новыя мѣста, снимаются съ нихъ, странствуютъ дальше, сталкиваясь на пути съ другими группами и семьями. Въ это болѣе оживленное время, когда давніе знакомые и родственники встрѣчаются часто послѣ долгаго

отсутствія, происходитъ нерѣдко торговля, заключаются или расторгаются браки, чтобы смѣниться новыми связями, всего удобнѣе наблюдать характеръ этого полярнаго племени. Почти всѣ изслѣдователи согласны въ томъ, что изъ всѣхъ дикихъ и полудикихъ народовъ эскимосы самые мирные и нравственные. Добродушіе, миролюбіе и отвращеніе къ ссорамъ основныя черты ихъ характера. Эскимосъ прежде всего желаетъ жить съ своими сосѣдями въ мирѣ и потому менѣе всего склоненъ причинять имъ вредъ дѣломъ или грубыми, бранными словами, какихъ, такъ же какъ обозначеній для обыкновенныхъ правонарушеній, обидъ и преступленій въ ихъ языкѣ очень мало. Такъ какъ право собственности ограничено у нихъ очень немногими предметами, и на все остальное господствуютъ первобытныя воззрѣнія, какъ на нѣчто такое, чѣмъ можетъ воспользоваться всякій нуждающійся, то множество дѣйствій, которыя у другихъ племенъ и у цивилизованныхъ народовъ являются поводомъ для взаимныхъ неудовольствій, у эскимосовъ отсутствуютъ. Такъ приплывшій откуда нибудь чужой свободно входитъ въ первое жилье, живетъ въ немъ на равныхъ правахъ съ хозяевами сколько хочетъ или сколько времени ему надо и, удаляясь, получаетъ еще въ дорогу съѣстные припасы. Всякій беретъ, что ему нужно, и только въ томъ случаѣ, если онъ воспользовался предметомъ, считающимся личной собственностью, какъ напр. каякомъ, гарпуномъ, или присвоилъ себѣ бревно, которое первый нашедшій вытащилъ на берегъ, дѣйствіе его считается чѣмъ-то подобнымъ воровству, хотя рѣдко случается, чтобы хозяинъ требовалъ присвоенное обратно, даже когда онъ отлично знаетъ вора. Насильники и сварливые встрѣчаются и среди нихъ, но принадлежатъ къ исключеніямъ, такъ какъ само собой случается, что ихъ всѣ избѣгаютъ, стараясь не имѣть съ ними никакого дѣла. Семейная жизнь ихъ проникнута тою же мягкостью и добродушіемъ, вѣроятно, потому отчасти, что отношенія внутри семьи построены на очень свободныхъ первобытныхъ взглядахъ. Бракъ заключается, по наблюденіямъ изслѣдователей, болѣе чѣмъ просто. Эскимосъ, намѣревающійся обзавестись семьей, просто на просто идетъ въ хижину, гдѣ живетъ понравившаяся ему дѣвица, не говоря ни слова хватаетъ ее за что придется и тащитъ къ себѣ въ домъ. Родные хладнокровно наблюдаютъ эту сцену, не двигаясь съ мѣста, хотя бы невѣста съ криками и воплями вырывалась изъ рукъ своего „жениха“. Водворивъ „невѣсту“ въ своемъ жильѣ, „женихъ“ даритъ ей какую нибудь домашнюю утварь, и бракъ считается заключеннымъ безъ всякихъ дальнѣйшихъ церемоній. Случается, конечно, что дѣвушка не питаетъ никакой склонности къ своему нареченному и при первой возможности убѣгаетъ отъ него. Но подобные случаи рѣдки, такъ какъ у эскимосовъ женщины находятся въ сильно подчиненномъ положеніи, какъ у другихъ охотничьихъ первобытныхъ племенъ. Несмотря на то, что въ семейномъ хозяйствѣ на женщинахъ лежитъ очень много работы, безъ исполненія которой трудно обойтись, женщинъ цѣнятъ очень низко; это видно, напр. изъ того, что при рожденіи мальчика вся семья изъявляетъ знаки живѣйшей радости, тогда какъ появленіе на свѣтъ дѣвочки сопровождается прямо противоположными чувствами: вѣдь она лишній ротъ, ее надо кормить, а когда она достигнетъ рабочаго возраста, она покинетъ вскормившую ее семью и будетъ работать на другихъ, между тѣмъ какъ мальчикъ, будущій промышленникъ и добытчикъ, обезпечиваетъ своихъ родителей въ старости отъ голода и нужды. Если въ семьяхъ эскимосовъ мало шуму и раздоровъ, то это объясняется вообще миролюбивымъ характеромъ ихъ, а также тѣмъ, что обязанности и права каждаго члена семьи опредѣлены обычаями, ставшими привычкой, какъ бы второй натурой, вслѣдствіе чего каждый исполняетъ свое дѣло въ положенное время. Большею частью у эскимосовъ бываетъ одна жена, но хорошіе промышленники, которые въ состояніи добыть столько, что пищи и матеріала для обработки хватитъ на двухъ, на трехъ и даже болѣе женъ, обзаводятся нѣсколькими. Семья у эскимосовъ не отличается большою прочностью. Если случается, что жены убѣ-

*

гаютъ отъ мужей, то гораздо чаще случаи, когда мужъ отказывается отъ жены. Для этого ему достаточно выразить свое намѣреніе самымъ простымъ способомъ: вернувшись въ жилье, онъ перестаетъ разговаривать съ нею, жена тотчасъ же соображаетъ въ чемъ дѣло, и, не говоря ни слова, собираетъ лично ей принадлежащія пожитки и возвращается въ семью родителей, гдѣ ее встрѣчаютъ безмолвно и хладнокровно, такъ какъ всякій понимаетъ, что произошло. Такимъ образомъ, какъ бракъ, такъ и разводъ совершаются крайне просто, не такъ, какъ у племенъ съ болѣе развитымъ бытомъ. Семья и родъ жены не вмѣшиваются въ дѣло, когда „женихъ“ похищаетъ „невѣсту“; женщина цѣнится настолько низко какъ рабочая сила, что древнія представленія еще не превратились въ обычай требовать за нее выкупъ. Когда она, отринутая мужемъ, возвращается обратно, опять-таки не возникаетъ вопроса со стороны ея родителей или родственниковъ о необходимости вмѣшаться въ дѣло. Ссоры со всѣми ихъ послѣдствіями не возникаютъ даже тогда, когда одинъ эскимосъ уводитъ у другого жену, что совершается такъ же просто, какъ и при заключеніи брака. Обыкновенно на это рѣшается лишь болѣе сильный и искусный промышленникъ, зная, что не встрѣтитъ со стороны мужа никакого отпора. Хотя и рѣдко, но случается, что какое нибудь столкновеніе или обиды вызываютъ месть, проявляющуюся въ видѣ убійства. Но и подобное преступленіе обыкновенно не сопровождается дальнѣйшими послѣдствіями, т. е. не вызываетъ вмѣшательства другихъ, которые разсматриваютъ это, какъ личное дѣло; хотя на подобное дѣяніе смотрятъ крайне неодобрительно, но единственнымъ наказаніемъ для убійцы является то, что память о его преступленіи сохраняется, и сосѣди начинаютъ избѣгать преступника. Наряду съ рѣдкими случаями убійствъ влѣдствіе личныхъ столкновеній, встрѣчаются часто убійства такъ сказать законныя, такъ у эскимосовъ не считается преступленіемъ сократить дни тяжело больного или дряхлаго, близкаго къ смерти или человѣка, котораго считаютъ опаснымъ колдуномъ, какимъ нерѣдко являются помѣшанные. Подобно австралійцамъ съ ихъ „борбоби“ эскимосы также прибѣгаютъ для сведенія личныхъ счетовъ къ своего рода дуэли, но только въ противоположность жестокимъ австралійцамъ ихъ дуэли носятъ совершенно мирный характеръ. Въ извѣстное время года, когда въ опредѣленныхъ мѣстахъ собирается много народа, у нихъ происходитъ „барабанная пляска“. Люди, у которыхъ есть съ кѣмъ нибудь счеты, вызываютъ въ это время обидчиковъ на въ высшей степени оригинальную дуэль: оба противника становятся посреди толпы зрителей другъ противъ друга и подъ звуки самаго примитивнаго барабана поочередно поютъ сочиненныя заранѣе или импровизируемые тутъ же стихи или пѣсни, въ которыхъ злоба и негодованіе изливаются въ сатирической формѣ соразмѣрно таланту пѣвца. Кому изъ соперниковъ удается вызвать больше смѣха по адресу врага, тотъ считается побѣдителемъ и уходитъ съ арены мирнаго поединка вполнѣ удовлетвореннымъ. Чего либо подобнаго судебной власти у эскимосовъ нѣтъ—ни старшинъ, ни князей; даже ихъ „ангегокъ“, шаманы или знахари, пользуются лишь моральнымъ, а не юридическимъ авторитетомъ.

Религіозныя воззрѣнія эскимосовъ смутны и неопредѣленны, такъ какъ застыли на низкой ступени развитія. Жизненныя условія этихъ дѣтей полярной природы не вызывали среди нихъ настоятельной потребности въ религіи, какъ въ такой силѣ, которая объединяетъ племя и облегчаетъ ему борьбу за свое существованіе. Такъ какъ нѣтъ общества, то религія ихъ носитъ характеръ не общественнаго, а семейнаго культа. Изъ нѣдръ темнаго и спутаннаго сознанія полярнаго дикаря, какъ вездѣ, родилось только смутное представленіе о „второмъ человѣкѣ“, о его тѣни или дыханіи, которое смотритъ на него, отраженное гладкой поверхностью воды и покидаетъ его тѣло временно во время сна, навсегда—при смерти. Не только человѣкъ, но и отдѣльныя части его тѣла, всѣ предметы природы, все кругомъ двойственно, и рядомъ съ жизнью осязаемыхъ тѣлъ существуетъ жизнь другая, соприкосновенію съ которой доступно лишь немногимъ. Толпы разнаго рода

духовъ обитаютъ бокъ о бокъ съ эскимосомъ, они живутъ своею жизнью, не трогая его, а если обращаютъ на него вниманіе, то изрѣдка и преимущественно съ цѣлью злобной мести, если онъ чѣмъ нибудь оскорбитъ и обидитъ ихъ. Большею частью это духи недавно умершихъ, оттого эскимосы сторонятся и боятся покойниковъ, и чтобы не имѣть съ ними соприкосновенія нерѣдко, какъ указано выше, погребаютъ умирающихъ еще живыми. Злыми могутъ оказаться и другіе духи—духъ ледника, духъ воды, воздуха, и потому эскимосъ молча торопится обогнуть въ своемъ каякѣ упирающійся въ море ледникъ или даже кидаетъ ему въ умилостивленіе какую нибудь вещь и ни въ какомъ случаѣ не назоветъ любопытному путешественнику его имя, пока не удалится на изрядное разстояніе. Монголы въ глубинѣ Гоби совершенно также отвѣчаютъ на вопросъ путешественника объ имени горы однимъ пугливымъ молчаніемъ.

Но среди людей есть избранные, которые путемъ особаго служенія, подвиговъ, постовъ получаютъ власть надъ духами,—шаманы, „ангегокъ“. Эти посредники появляются на сценѣ въ случаѣ несчастья, болѣзни, увѣчья и т. п., Ихъ положеніе совершенно такое же, какъ у другихъ племенъ, сходныхъ съ эскимосами по своей низкой культурѣ. Ангегокъ пользуется извѣстнымъ почтеніемъ, вѣрнѣе, внушаетъ темный страхъ, чѣмъ большинство ихъ пользуется для довольно безпечальной съ точки зрѣнія эскимоса жизни насчетъ другихъ. Знахарско-врачебная практика и изготовленіе разнаго рода амулетовъ избавляютъ ангегока отъ тягостей промысловой жизни и обезпечиваютъ его всѣмъ необходимымъ. Но этого привилегированнаго положенія ангегокъ достигаетъ не легко. Нерѣдко протекаетъ не менѣе десяти лѣтъ, прежде чѣмъ онъ овладѣетъ господствомъ надъ духами въ качествѣ ученика болѣе опытнаго ангегока или самостоятельно путемъ тяжелыхъ испытаній. Рядомъ съ этими повелителями темныхъ силъ существуютъ еще колдуны и вѣдьмы, люди съ злобной душой, которые причиняютъ только зло. И такіе, подобно средневѣковымъ вѣдьмамъ, нерѣдко расплачиваются за мнимыя злодѣянія смертью отъ рукъ своихъ ближнихъ.

Религіозныя воззрѣнія эскимосовъ не успѣли сложиться въ форму культа. Какъ сказано выше, за отсутствіемъ сплоченнаго общества со сколько-нибудь сложными формами общежитія, эскимосы не испытываютъ особенной потребности въ религіи, и это, разумѣется, замѣтно обнаружилось, когда ревностные миссіонеры принялись насаждать среди нихъ христіанство. Не мало крови испортили эскимосы Гансу Эгеде и другимъ проповѣдникамъ новой вѣры. Нельзя сказать, чтобы миссіонерская дѣятельность принесла въ Гренландіи ожидаемые плоды. Изъ описанія быта эскимоса ясно, что нравственныя начала христіанскаго вѣроученія имъ не нужны, такъ какъ и безъ того эти начала существуютъ въ ихъ средѣ даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ среди живущихъ въ Гренландіи европейцевъ-христіанъ, примѣръ которыхъ поэтому не имѣлъ въ этомъ случаѣ никакого убѣдительнаго значенія въ глазахъ эскимосовъ. Все же остальное вѣроученіе, предлагавшееся имъ проповѣдниками, представлялось ихъ не совсѣмъ наивному уму по меньшей мѣрѣ страннымъ и часто непонятнымъ. Когда одинъ миссіонеръ разсказалъ имъ о подвигахъ, страданіяхъ и смерти Христа, какой-то эскимосъ, подумавъ, замѣтилъ: «удивительно глупые люди эти кавдлунакеръ (европейцы), среди нихъ явился ангегокъ, который творилъ чудеса — воскрешалъ мертвыхъ, кормилъ голодныхъ, лѣчилъ больныхъ, а они взяли, да и убили его!» Подобныя сужденія возникали у обращаемыхъ эскимосовъ постоянно по разнымъ поводамъ. Но камень точитъ воду, и въ концѣ концовъ христіанство распространилось у гренландцевъ юго-западнаго побережья, но какова цѣнность подобнаго обращенія, это ясно изъ немногихъ примѣровъ. Пасторы въ глазахъ эскимосовъ не болѣе, какъ ангекоки, а дѣйствія, которыя они производятъ въ церкви, отличаются отъ сеансовъ туземныхъ ангегоковъ только тѣмъ, что они очень продолжительны, скучны и непонятны. Случалось, что нетерпѣливые слушатели останавливали пастора среди служенія

вопросомъ, скоро ли онъ кончитъ, и бывало, что они подбѣгали къ нему и зажимали ему ротъ мокрой кожей, если терпѣніе ихъ приходило къ концу. Насколько неглубоко и наивно воспринимаютъ они христіанскую обрядность, видно напримѣръ изъ любопытнаго случая, когда одинъ туземецъ, обученный и возведенный въ санъ младшаго пастора, объѣзжая разсѣянную на большомъ пространствѣ паству для совершенія таинствъ, крестилъ не только новорожденныхъ дѣтей, но и всѣхъ появившихся на свѣтъ щенятъ. Такимъ образомъ христіанство не доставило эскимосамъ ничего положительнаго, ничего цивилизующаго, какъ это было среди варваровъ, которымъ оно приносило болѣе высокую мораль. А такъ какъ оно несомнѣнно втягивало туземцевъ въ обиходъ европейской культуры, которая, какъ извѣстно, оборачивается къ дѣтямъ природы прежде всего своею отрицательною стороной, то въ общемъ вліяніе европейцевъ отразилось на эскимосахъ по сужденію всѣхъ безпристрастныхъ наблюдателей неблагопріятно, несмотря на то, что устройство и нравы датской колоніи далеко превосходятъ все, что мы наблюдаемъ обыкновенно въ колоніяхъ. Европейцы навязали эскимосамъ новыя потребности, напр. кофе, табакъ, мануфактуру, но при этомъ совершилась такая частичная смѣна стройнаго, налаженнаго быта, которая отразилась на цѣломъ въ общемъ неблагопріятно. Такъ напр. казалось бы несомнѣннымъ, что эскимосу-промышленнику огнестрѣльное оружіе выгоднѣе его гарпуна и костяныхъ наконечниковъ. Однако на дѣлѣ это не совсѣмъ такъ. Охота съ гарпуномъ сложнѣе—надо прекрасно владѣть каякомъ, чтобы не подвергаться опасности, но зато практика каячной охоты обезпечивала опытнаго пловца отъ множества случайностей. Теперь промышленникъ выѣзжаетъ на промыселъ съ винтовкой, но это уже далеко не прежній искусный пловецъ, для котораго всѣ опасности моря были нипочемъ. И число гибелей на промыслѣ увеличилось. Уже мало теперь на юго-западномъ берегу такихъ эскимосовъ, которые умѣютъ поднять опрокинутый каякъ! Привычка получать необходимое въ складѣ купца внесла брешь въ жизненный строй, вырабатывавшійся въ теченіе многихъ вѣковъ въ условіяхъ тяжелой борьбы съ природой. И вотъ современный эскимосъ, обитающій подъ сѣнью попечительнаго свѣтскаго и духовнаго начальства, ослабѣлъ. Прибавьте къ этому спиртные напитки и эксплоатацію, предметомъ которой туземцы сдѣлались со стороны датскихъ купцовъ, затѣмъ заразныя болѣзни, общую порчу нравовъ, и тогда не станетъ удивительнымъ, если на вопросъ—кому живется лучше: эскимосу обитателю гренландской колоніи или же его собрату, затерянному въ льдахъ арктической Америки, безпристрастный наблюдатель долженъ будетъ отвѣтить утвердительно въ пользу второго. Но неизбѣжный ходъ событій нельзя остановить даже въ царствѣ вѣчнаго холода и тишины, и туземные обитатели арктическаго пояса сѣвернаго полушарія идутъ навстрѣчу своей судьбѣ.

Н. Березинъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ТОМА.

ТОВАРИЩЕСТВО

„ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“.

С-Петербургъ. Больш. Подъяч. 39 соб. д.

10 К
Б. Р.

ИЗДАНІЯ ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“.
С.-Петербургъ, Большая Подъяческая, 39, с. д.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА БОЛЬШОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНІЕ

„НАРОДЫ ЗЕМЛИ“

Въ 3 томахъ (отъ 45—50 выпусковъ).

Подъ редакціей **А. Острогорскаго,**
ДИРЕКТОРА ТЕНИШЕВСКАГО УЧИЛИЩА.

Въ изданіи будетъ помѣщено до 1000 рисунковъ.

Цѣна 22 р., въ перепл. 25 р.—Цѣна отдѣльнаго выпуска 50 к.

Условія подписки въ разсрочку: 2 руб. при подписаніи заказа и при полученіи налож. платежомъ каждыхъ 2-хъ выпусковъ (ежемѣсячно) по 87 коп. Пересылка по дѣйствительной стоимости.

15 АПР 1944

2011147046